

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

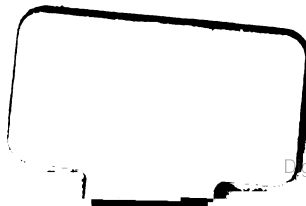

Mir Bozhii

PSlav 460.5 ($\frac{1901}{7-8}$)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Инвентарь № 2561

Шкафы 6

Полки 1

Место книги на полку 12

1871

Годъ X-й.

Июль 1901 г.
№ 7-й.

2261

МІРЪ ВОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

1787
2349

І Ю Л Ь
1901 г.

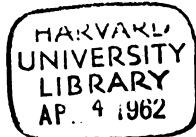
Сысортенко
ИНВ. 1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Свороходова (Надеждинская, 43).

1901.

0
P Slav 460.5 (1901)
✓ (7-8)

62 x 2

Дозволено цензурою 28-го іюня 1901 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
1. ЗАПИСКИ СТУДЕНТА ПАВЛОВА. Семена Юшкевича.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ ЛѢСУ. М. Конопницкой. (Переводъ съ польскаго). А. Калин—скаго.	32
3. НА ЖЕНЕВСКОМЪ ОЗЕРѢ. Ив. Бунина	34
4. БРОДЯГИ РАЗНЫХЪ СТРАНЪ. Э. Пименовой.	39
5. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. У. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго.	62
6. ВО ИМЯ ДОЛГА. Романъ Гарлянда. Переводъ съ англійскаго (Продолженіе)	83
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. * * А. Лукьянова.	121
8. ДАРВИНИЗМЪ И ГЕККЕЛИЗМЪ. (По поводу одной новой книги). С. Чулона.	122
9. СТИХОТВОРЕНІЯ. 1) На закатѣ. 2) Въ старомъ городѣ. Ив. Бунина.	143
10. ИЗЪ ГИМНАЗИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. Очерки недавняго прошлаго. А. Яблоновскаго. (Продолженіе)	145
11. ЛЮБОПЫТНЫЙ ОБЫВАТЕЛЬСКІЙ ПРОТЕСТЪ ПРОТИВЪ ШКОЛЬНАГО КЛАССИЦИЗМА XVIII ВѢКА. Петра Струве.	186
12. ФРАУ БЕРТА ГАРЛАНЪ. Романъ Артура Шницлера. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Гуревичъ. (Окончаніе).	203
13. СПИНОЗА. (Рѣчь, произнесенная въ Цюрихскомъ университетѣ проф. Виндельбандомъ по поводу 200-лѣтней годовщины смерти Спинозы). Пер. съ нѣмецкаго	246
14. СТИХОТВОРЕНІЕ ИЗЪ К. ТЕТМАЙЕРА. (Съ польскаго). А. Калин—скаго.	262

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Изъ текущей беллетристики—«Семья Варавиныхъ», ром. В. Свѣтлова.—Удачно задуманные типы и ихъ крайне неудачное выполненіе.—Характерныя черты нашего времени въ этомъ романѣ.—Поэтъ-лауреатъ и поэтъ просто.—По поводу полныхъ собраній сочи-

неній Майкова и Фета.—Реторика Майкова и искренность Фета.—Странное мнѣніе о «философскомъ» значеніи Фета.—Фетъ меньше всего философъ.—Ограниченность поэзіи Майкова.—Поэты изъ «Міра Искусства». А. Б.	1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ.—Общество взаимопомощи рабочихъ въ Москвѣ.—Перерожденіе артели.—Къ характеристикѣ «Губернскихъ Вѣдомостей».—Среди голодающихъ.—Адскія машины.—За мѣсяцъ.	14
17. МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМОПОМОЩИ ЛИЦЪ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ ПРОФЕССІЙ. Я.	29
18. Изъ русскихъ журналовъ. Избирательная борьба въ Америкѣ.—Къ реформѣ учебнаго дѣла.—О патриотизмѣ и націонализмѣ.—За Пиринеями.—Къ характеристикѣ Клейнмихеля.—Борьба имп. Николая I съ канцелярскою рутиною.	35
19. За границей. Французскіе конгрессы.—Двѣ смерти.—Итальянскіе крестьянскіе союзы.—Народныя собранія въ Швейцаріи.—Монастырскій вопросъ въ Испаніи.—Артуръ Шницлеръ передъ судомъ чести и др. дѣла въ Австріи.	43
20. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Enquête» относительно образа мыслей французской молодежи.—Первые шаги Эмиля Золя на литературномъ поприщѣ.—Умственное переутомленіе школьниковъ.—Защита врачей.—Лиссабонскія колдуньи.	54
21. ВОЗРОЖДЕНІЕ КАТОЛИЦИЗМА ВО ФРАНЦИИ. (Письмо изъ Парижа). Хр. Г. Инс.	57
22. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Вулканическія явленія при свѣтѣ теоріи Штюбеля. Проф. д-ра А. Данненберга. (Ахенъ). (Переводъ съ нѣмецкаго). А. К.	74
23. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Физическая географія.—Метеорологія.—Физика.	84
24. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Сборники.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Медицина и гигиена.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.	91
25. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	125

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

26. ВЪ СТРАНУ ЛАМЪ. Путешествіе по Китаю и Тибету. В. В. Рокхия. Перев. съ англійскаго подъ редакціей В. К. Агафонова, съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Съ рисунками и картой.	147
27. ПОБѢЖДЕННЫЕ. Романъ Грушецкаго (автора ром. «Углекопы», «Гутникъ» и др.). Переводъ съ польскаго.	69

ЗАПИСКИ СТУДЕНТА ПАВЛОВА.

Записки мои начинаются съ той минуты, когда я, студентъ, естественникъ, женился на Варѣ Саниной.

Женившись я достигъ всего, чего жаждетъ душа влюбленнаго, и немного отрезвился. Праздникъ сердца превратился въ будни, въ тѣ суровые будни, о которыхъ мы столько переговарили съ Варей,—суровые не своей пошлостью, а необходимостью ринуться въ бой, пойти туда, куда я звалъ ее, и начать дѣло возстановленія поправныхъ правъ человѣчества. Тутъ уже шло не о фантази, не о говореніи о народномъ благѣ, ибо это хорошо было нѣкогда—надобно было, какъ я обѣщаль, серьезно подать ей руку и пойти туда, гдѣ ждали нашей помощи, нашей жертвы... Но могъ ли я это сдѣлать, способенъ ли былъ?

Представьте себѣ человѣка съ сквернымъ, испорченнымъ сердцемъ, фантазера, не умѣющаго двухъ минутъ подрядъ думать связно и логично, ноющаго о недостижимости общественныхъ идеаловъ и, главное, насквозь пропитаннаго лѣнью; теперь вообразите себѣ нѣчто совершенно противоположное: человѣка мужественнаго, страстнаго народолюбца, желающаго работать, искренняго и увлекательнаго, когда онъ говорилъ о нашемъ „святомъ народѣ“, отважнаго и энергичнаго. Переплетите наугадъ эти двѣ стороны человѣческаго существа, заставьте это существо не дѣйствовать, а мечтать, говорить о дѣйстви, и вы получите мое совершеннѣйшее подобіе.

До знакомства съ Варей я уже былъ этимъ сформированнымъ Янусомъ, но умѣлъ отлично прятать концы въ воду.

Теперь, когда я вспоминаю прошлое, мнѣ кажется удивительно страннымъ, даже необъяснимымъ, какъ товарищи не разгадали меня и какъ мало тогда нужно было, чтобы прослыть идеальной натурой. Я былъ истерикомъ и безтолковымъ, но имѣлъ въ запасѣ огонекъ возмущенія, и благодаря этому, благодаря эффектной, напыщенной фразѣ, правда, часто, очень часто искренней, и знакомству только съ верхами того, что интересовало товарищескій кружокъ, я прослылъ за натуру, хотя и нервную, но сим-

патичную и подающую надежды. Но когда я влюбился въ Варю, все во мнѣ словно съ цѣпей сорвалось. Никогда и нигдѣ ложь и правда такъ не переплетались между собой, какъ въ моей головѣ и въ моемъ сердцѣ. Любовь держала меня въ вѣчномъ изступленіи и, отдаваясь его безумію, мнѣ казалось, что я побѣдилъ міръ зла, міръ мерзости, міръ несправедливости.

— Только захочу,—говорилъ я себѣ,—и всю эту мерзость (какую мерзость, я и самъ не зналъ) разнесу, какъ пыль, какъ прахъ. Все вычищу, насажу и міръ обновлю.

И до сихъ поръ не понимаю и не помню, жилъ ли я тогда, или бредилъ. Такая волна подхватила меня, что я потерялся. Благодаря Варѣ, воля и энергія, кипучая, пока на словахъ, дѣятельность, общее благо и всѣ остальные высокія слова, все это, словно бабочки весной, вмѣстѣ съ ея приходомъ, роємъ выпорхнуло бодро и радостно на міръ Божій. Съ ней, именно съ ней, я на почвѣ становился, съ ней объ руку, шагъ въ шагъ, я могъ начать новую жизнь, и какую? Жизнь общаго труда, взаимнаго пониманія; въ ней я могъ имѣть опору въ трудныя минуты. Вѣдь словами не расскажешь, что я переживалъ тогда, и до чего дошелъ.

„Вотъ,—думалъ я про себя,—жило же подлѣ меня это существо, а я ничего не зналъ о немъ. Развѣ не могло случиться, что намъ никогда не пришлось бы встрѣтиться? Что вышло бы тогда изъ меня? Ахъ Варя, Варя, съ тобой,—у меня закипали слезы на глазахъ,—титанъ, сила,—бормоталъ я,—поволѣнія съ благодарностью вспоминать будутъ“...

Позорно вспомнить все это. Но тогда не было позорно. И слезы, и титанъ, и вѣра все было искренно и шло изъ самыхъ далекихъ глубинъ сердца. Въ ушахъ всегда раздавалась мощная пѣснь о трудѣ, о справедливости, о полномъ всеобщемъ счастьи, а передъ глазами фалангами проходило человѣчество, которое въ поясъ кланялось Павлову. И вѣдь опять, хотя и совѣстно, но вѣдь взаправду, взаправду я ощущалъ эту мощь въ себѣ, и какъ все это понять?

Если бы Варя знала меня въ моей интимной жизни, то о ея любви ко мнѣ было бы просто бессмыслицей подумать. Но Варя ничего не подозрѣвала, и не я, конечно, взялся бы открыть ей глаза. Совсѣмъ, совсѣмъ наоборотъ. Увлеченный, гордый своей побѣдой надъ ней, опьяненный картиной будущаго, которую мнѣ рисовала моя фантазія, я какъ сумасшедшій, бредилъ о дѣятельности, объ идеалахъ, о народѣ. Правда, дѣятельность и народъ всегда были моимъ конькомъ, но даже и въ эти дни, какъ и всегда, все сводилось къ красивымъ словамъ, фразамъ, образамъ.

Никакое возбужденіе не могло преодолѣть моего отвращенія къ труду. И откуда брались рѣчи? Я потратилъ много краснорѣчія, чтобы обрисовать свой образъ, знаете, тотъ обольстительный образъ человѣка сильнаго, съ задачами широкими и гуманными, прекраснаго своими порывами, кипучаго, но и—вы догадываетесь—одинокатаго, непонятаго, всю жизнь мечтавшаго о другѣ, съ которымъ можно было бы начать эту таинственную, увлекательную общую работу... И вотъ, наконецъ, этотъ могучій человѣкъ, послѣ долгихъ бесплодныхъ поисковъ и тщетныхъ мечтаній въ какой-нибудь своей канурѣ—непремѣнно канурѣ—встрѣчаетъ ее,—и ее вы уже навѣрно знаете—чистую, благородную, возвышенную, которая съ перваго слова выказала всю свою неизмѣримо высокую душу и жажду къ тому же самому труду, о которомъ онъ столько мечталъ, сидя, какъ волкъ, въ своей норѣ... Онъ уходитъ отъ нея просвѣтленный, растроганный, очарованный, и въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ одиночества чистый лучезарный образъ входитъ съ нимъ вмѣстѣ въ его тюрьму, гдѣ вдругъ становится такъ привольно, такъ хорошо, потому что съ нимъ его мечта, его милый, долго жданный другъ. Въ другія минуты я заводилъ рѣчь неясную, но детальную о помощи святому народу, о его необезпеченности, о голодѣ и болѣзняхъ и рисовалъ рядъ картинъ изъ жизни обезпеченнаго класса, этой стоглавой гидры, присосавшейся къ народному сердцу. Потомъ шли конкретныя рельефныя сцены на ту же тему контраста между сытымъ брюхомъ довольнаго эгоиста—богача и протанутыми вверхъ мозолистыми руками обездоленнаго, проклинающаго небо, и тутъ же залпъ горячаго протеста, призывъ къ дѣятельности и пылкія фразы о ненависти. А послѣ всего и—больше всего—любовь, любовь, первая любовь. Варя горѣла, волновалась или, окаменѣвъ отъ счастья, не сводила съ меня глазъ. Въ инныя минуты она то бросалась молиться, чтобы сонъ ея длился вѣчно, то судорожно обнимала меня, говоря, что не достойна своего счастья. Но на уничтоженіи меня трудно было обогнать, и тогда начиналась новая пѣсня, по своему обольстительная, пѣсня о моей ничтожности передъ нею, идеаломъ, лучезарнымъ свѣтомъ. Бѣдная Варя! Какъ о преступленіи, я вспоминаю ея лицо въ такія минуты.

До женитьбы, когда я размышлялъ о семейной жизни, я никогда не представлялъ ее чѣмъ то тяжелымъ, труднымъ; я не представлялъ себѣ будней оставшейся съ глазу на глазъ пары, обязанной, во чтобы то ни стало, быть всегда вмѣстѣ, думать вмѣстѣ, имѣть общія печали и заботы. Наоборотъ „моя“ семейная жизнь рисовалась мнѣ иначе, чѣмъ у другихъ людей, какимъ-то безконечнымъ восторгомъ, несмолваемымъ споромъ о добрѣ, о

*

дѣятельности, сплошнымъ праздникомъ. И вотъ въ какомъ видѣ я представлялъ себѣ свою жизнь съ Варей. Утромъ я встаю, конечно поздно, потому что люблю поспать въволю. Варя раньше встала, чтобы хлопотать по хозяйству и успѣть къ моему пробужденію приготовить чай. Газеты ждутъ меня на столѣ. Въ комнатѣ убрано и уютно. Все на своемъ мѣстѣ; безпорядокъ только въ моей кровати, но онъ не раздражаетъ меня. Я начинаю умываться, но моюсь наскоро, потому что терпѣть не могу этого. Потомъ сажусь за столъ и принимаюсь просматривать газеты. Варя, чистенькая и сіяющая, также читаетъ, полубождая меня. Мнѣ хорошо и пріятно.

Изрѣдка я перебрасываюсь съ нею замѣчаніемъ о чемъ-нибудь легкомъ, несложномъ, чтобы не утомить себя долгимъ разговоромъ. Наконецъ чай со всѣми пріятностями выпить и наступаетъ время разойтись: ей по хозяйству или почитать, а мнѣ работать. Надъ чѣмъ работать, я не спрашивалъ себя, да и не нужно было спрашивать. Для полнѣйшей гармоніи моей фантазіи требовалось работать надъ чѣмъ-нибудь, и я ревниво не упускалъ этого изъ виду. Послѣ работы наступало время завтракать. При моемъ входѣ въ комнату, столъ уже накрытъ неутомимой Варей. Скатерть блеститъ снѣжной бѣлизной; аккуратно поставлено рядомъ два прибора. „Мое“ молоко на обычномъ мѣстѣ. Варя, граціозная, легкая, суетится подлѣ меня, нянчится, какъ съ ребенкомъ, и положительно дѣлаетъ излишнимъ всякое усиліе съ моей стороны. Въ промежуткахъ она весело спрашиваетъ меня, что я дѣлалъ, какъ работалъ. Я рѣшительно счастливъ. Предо мною прекрасныя кушанья, возлѣ меня Варя, перемѣнившая утреннее платье на другое, соответствующее полудню. На ея устахъ любовь, забота, ласка... Послѣ завтрака прогулка. Это дань гигиенѣ. На прогулкѣ мы встрѣчаемъ нищихъ, и я великодушно предоставляю Варѣ заниматься милосердіемъ, которое, какъ теоретикъ, презираю. Довольные и укрѣпленные, мы возвращаемся домой, гдѣ Варю ожидаютъ ея обязанности хозяйки, а меня—моя работа. Время незамѣтно влонится къ обѣду, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончается серьезная часть дня. За обѣдомъ все должно быть игривымъ, должно искриться свободой и наслажденіемъ. Я уже въ халатѣ, въ туфляхъ—усталъ, такъ страшно усталъ, Варенька! Сидя въ какомъ-нибудь мягкомъ, турецкаго вкуса, креслѣ, у меня въ ожиданіи перваго блюда рождаются мысли о дѣтворахъ, которая тутъ бы подлѣ весело рѣзвилась. Но я долго не останавливаюсь на этой картинѣ, потому что не терплю дѣтей. За обѣдомъ обычное спрашиваніе Вари о ходѣ моихъ работъ, обычная ея заботливость, обычная „моя“ удовлетворенность. Послѣ обѣда сидѣніе вдвоемъ, сигара и кофе, вечеромъ чай и

ничего новаго. Потомъ мысли мои начинаютъ путаться. Въ головѣ плетется что то о пользѣ людямъ, о помощи всякой толпѣ, о бравѣ на новыхъ началахъ, но эти мысли рѣшительно дѣлаютъ меня свинцовымъ. Я еле добираюсь до спальни, и затѣмъ глубокой, глубокой сонъ.

Мнѣ ничего не стоило убѣдить Варю въ томъ, что намъ нужно пожениться. Она тоже, какъ и я, находила, что настоящая жизнь, настоящая работа, должна начаться тогда, когда всѣ личныя дѣла будутъ закончены, когда мы перегоримъ, попривыкнемъ къ своему счастью.

— Можно ли, — восклицалъ я въ первое время на ея вопросы „когда же“, — можно ли, Варенька, начать какое нибудь дѣло, раньше будучи увѣреннымъ, что мы не доведемъ его до конца, что мы сами способны во всякую минуту прервать его ради какой-нибудь неотложнѣйшей, хотя и ординарнѣйшей потребности? Можно ли профанировать то, о чемъ мы передумали вдвоемъ и въ одиночку столько мучительныхъ лѣтъ? И наконецъ, можешь ли ты съ увѣренностью сказать, что ты уже совершенно готова, досконально все поняла и ясно предвидишь, что не уклонишься въ сторону, что не устыдишься позже своего перваго шага? О, Варенька, побольше осторожности, побольше уваженія къ нашимъ идеаламъ, побольше серьезности къ нашимъ святымъ обязанностямъ!

Такимъ образомъ намъ только и оставалось ожидать той минуты, когда мы сможемъ, наконецъ, взяться за осуществленіе нашихъ проектовъ, задачъ, о которыхъ я столько натолковалъ Варѣ. Но за нѣсколько дней до вѣнца я опять сорвался и впалъ въ изступленіе. Нетерпѣніе взяться скорѣе за дѣло, неутолимая жажда подвига, высокаго, недсягаемаго, вызвали во мнѣ такіа болѣзненные явленія, что потребовалась серьезная помощь. Я бредилъ съ пѣною у рта, почти безсвязно, отдавался теченію звонкихъ, утѳлявшихъ мое сердце словъ, о гидрахъ и драконахъ, лѣтавшихъ со свистомъ и шипѣніемъ среди колѣнопреклоненнаго святаго народа. Я бредилъ о мужахъ сильныхъ и могущественныхъ, о бойцахъ смѣлыхъ и неутомимыхъ, о женщинахъ святыхъ и великодушныхъ, и эта лихорадка желаній побѣждала во мнѣ всякую усталость. Но когда, наконецъ, свершилось, — когда медовый мѣсяць прошелъ, и мы попривыкли къ своему счастью, — и наступилъ моментъ взяться за подвигъ высокій, недсягаемый — все мое безсиліе выступило наружу. Это уже не былъ тотъ доблестный, сильный волею и инициативою человекъ, это не былъ тотъ великій мужъ, который кричалъ, что человѣчество фалангами будетъ проходить мимо него и кланяться въ поясъ отъ благодар-

ности; нѣтъ, это былъ несчастный больной, котораго прозячное внутреннее требованіе „ну начни“ сводило съ ума своею язвительностью. Но еще ужаснѣе дѣйствовала на меня обыденность и утомительная тоска жизни съ глазу на глазъ.

„Но это не то,—лихорадочно метался я и словно возражая кому-то,—совсѣмъ, совсѣмъ нето, что я представлялъ себѣ. Вы меня въ гробъ помѣстили, въ гробъ“.

Гдѣ ореоль, который окружалъ нѣкогда Варю? Со мною всегда, непрерывно всегда, была тихая, очень обыкновенная и выносливая женщина, которая ничѣмъ ровно не отличалась отъ другихъ женщинъ. Она также ѣла, спала, думала, говорила, какъ всѣ, и въ особенности ужасно много работала. Господи, работала! Работала „моя“ идеальная женщина, ключъ отъ моихъ душевныхъ силъ! Правда, при нашихъ болѣе, чѣмъ ограниченныхъ, средствахъ Варя не могла не работать, и оно даже прекрасно было, что она соглашалась работать; но все-таки мнѣ хотѣлось, чтобы она это дѣлала хоть капельку поэтичнѣе, чтобы мнѣ не видно было, какъ ей тяжело трудиться, чтобы, полюбивъ меня, она распрашивала, счастливъ ли я. А она работала просто, грубо просто, какъ работаютъ мужички. Тяжело и вспоминать свою подлость.

Отъ Вари я еще пока не скрывалъ свои настроенія, свои чувства, чтобы не потерять надъ нею власти и не лишиться ея любви и уваженія. Вѣдь я все-таки любилъ мечту о народѣ и о своей будущей роли, о томъ, что когда-нибудь я воспряну и сотворю нѣчто хорошее. Все-таки были минуты, часы, когда я искренно вѣрилъ, что если бы окружавшія меня условія хоть немного удачнѣе сложились, то я бы не погибалъ здѣсь въ этомъ гробу, а тамъ, гдѣ идетъ великая борьба за людское счастье...

Скверное началось съ Боброва. Замѣчу раньше, что я самъ безвольный и безпринципный—уважалъ до колѣнопреклоненія людей принципа. По своей натурѣ, я былъ обреченъ, любя народъ, говорить о немъ всѣ существовавшія высокія и хорошія слова и не быть въ состояніи помочь ему. Оттого тотъ, чья душа, мысли и стремленія были дѣйствительно сильны, кто въ своей прекрасной цѣли, умѣлъ идти неуклонно и просто, тотъ фатально становился моимъ кумиромъ.

Бобровъ, также какъ и я, былъ естественникомъ, и еще до его вступленія о немъ уже знали, что онъ „человѣкъ съ идеей“. Я долженъ признаться, что въ тонкости я его никогда не могъ узнать. Я съ перваго момента началъ его бояться—я всегда, всегда боялся людей душевно-сильныхъ—и такъ какъ онъ близко къ себѣ не допускалъ, то это разъ навсегда отняло у меня возможность сойтись съ нимъ тѣсно. По вступленіи своемъ въ уни-

верситетъ, онъ какъ-то особенно быстро образовалъ вокругъ себя интимный кружокъ, о которомъ среди товарищей пошли всякаго рода легенды. Мнѣ вѣжется, что въ то время я бы отдалъ полгода жизни за возможность вступить въ него. Но тогда это оказалось, по многимъ причинамъ, неудобнымъ, а когда я познакомился съ нимъ, было уже поздно: кружокъ почему-то не существовалъ больше, и отъ него уцѣлѣли только Бобровъ и еще двое. Знакомство наше произошло у общаго товарища, къ которому я случайно забрелъ въ одинъ несчастный вечеръ. Это была моя первая встрѣча съ нимъ и потому я волновался безгранично. Меня подмывало выкинуть самую экстравагантную штуку, чтобы обратить его особенное вниманіе, чтобы поразить его. Я сидѣлъ противъ него и смутно прислушивался къ тому, что онъ говорилъ, весь замирая отъ разрастающагося во мнѣ ужаса. И когда онъ случайно бросилъ взглядъ въ мою сторону, меня морозъ поддралъ по жожѣ.

„Разсматриваешь,—закипѣло во мнѣ,—ужасъ моментально покинулъ меня,—не понравился,—или танецъ какой-нибудь индѣйскій нужно проплясать передъ тобою, чтобы похвалилъ?“

— На деревню надежда плоха,—донеслось до меня.

Я вскочилъ, чуть не задохнувшись отъ радости.

— Позвольте,—завричалъ я,—позвольте, это еще вопросъ крупный и очень спорный; такихъ вопросовъ въ два мига не рѣшаютъ!

Все это я выпалилъ торопливо и съ злымъ лицомъ. Но вдругъ, неизвѣстно почему и даже не дожидая отвѣта, я перешелъ къ дѣятельности русской женщины въ деревнѣ, „этой неслышной, великой мученицы, которая идетъ въ народъ на такое тяжелое, невидное дѣло, какъ просвѣщеніе русскаго мужика“, и тутъ я покатился. И покатился я просто потому, что вдругъ сталъ его уважать, а за то что сталъ уважать, тутъ же возненавидѣлъ и его, и себя, а возненавидѣвъ, рѣшилъ немедленно доказать ему, что я не мальчишка, не вертопрахъ какой-нибудь и тоже имѣю идею, которую надо раньше выслушать, а не вертѣть „вообще“ хвостомъ. Такъ все разгорячался и проклиная себя, и зная, что лечу и никакъ не удержусь, я заговорилъ о другихъ разводимыхъ для государственной безопасности мученицахъ, служащихъ чѣмъ-то вродѣ водосточныхъ трубъ, по которымъ въ необъятную канаву вытекаетъ общественная нечисть.

— А чѣмъ, чѣмъ эти мученицы не заслуживаютъ вашего участія, уголка какаго-нибудь въ вашемъ превосходнѣйшемъ—а у васъ превосходнѣйшее—сердцѣ,—воскликнулъ я дрожа отъ стыда,—вѣдь, по вашему, это плоды всеобщаго, такъ сказать, нелѣпнѣйшаго режима, а по моему, великодушнѣйшій изъ людей, по моему,—

ступнулъ я ногой о полъ,—это дерево могучее, грязное, баобабъ необъятный, неописуемый, который вамъ такіе плоды преподноситъ, что для него и въ старомъ и въ новомъ мірѣ больницъ не хватаетъ. Войско вы осмотрите, но не черезъ мундиръ, а оголите, оголите этого миллионнѣйшаго удава, мужика всеобщаго, всесвѣтнаго провѣрьте, позвольте, позвольте,—ловилъ я его рукой,—себя, меня провѣрьте. Вотъ гдѣ стволъ, вотъ куда цѣльте, самый лучший въ мірѣ человѣкъ...

Мысли у меня рождались, чередовались, набѣгали, и я, спѣша вылить все сразу, чувствуя уже звонъ въ ушахъ, слюня и брызгая вокругъ себя, отчего онъ раза два отодвинулся—о, какъ это ущемило мое сердце—я, наконецъ, закончилъ тѣмъ, что предложилъ уже нарочно въ юмористическомъ тонѣ, въ видѣ милой шутки, „завоевать какой-нибудь островъ и перенести туда всѣ эти водосточныя трубы, вотъ нарочно перенести, и тогда, Бобровъ, мы услышимъ, какъ эти господчики, еще вчера такіе мирные и добродушные, заорутъ изъ нутра надрывающимся голосомъ о тѣхъ же высокихъ матеріяхъ, которыя монополизированы нами“. Это былъ скандалъ, глупѣйшій, невозможнѣйшій фарсъ, который могъ взбрести въ голову только такому раздраженному и укушенному въ мозгъ человѣку, какъ я. Я юлилъ, фордыбачилъ и чѣмъ яснѣе сознавалъ, что позорю себя и, быть можетъ, навѣки, тѣмъ все пуще лѣзъ на стѣны, желая нарочно уже втоптать себя въ грязь и показать ему, что мнѣ на все наплевать и нипочемъ, но тутъ же надѣясь, что авось какъ-нибудь остановится во мнѣ выпѣніе мыслей и я вдругъ заговорю, къ его удивленію самымъ умнымъ образомъ, о самыхъ дорогихъ насущнѣйшихъ вещахъ и, тогда, можетъ быть, я, въ самомъ дѣлѣ, докажу Боброву что-нибудь новое, оригинальное, за что онъ возьметъ да проститъ меня и, пожалуй, скажетъ, что все это онъ ранѣе замѣчалъ, что я только нарочно хотѣлъ показаться вздорнымъ человѣкомъ, но въ сущности я настоящій, настоящій демократъ, которому онъ съ уваженіемъ готовъ позать руку.

Кончилось, конечно, тѣмъ, что я убѣждалъ, стораю со стыда, но уходя не могъ не выкинуть шутики и бросилъ ему, что онъ скверный, не жившій съ людьми человѣкъ, акула-человѣкъ, и при этомъ я нарочно говорилъ со слезами въ голосъ, а можетъ быть я и въ самомъ дѣлѣ прослезился.

Домой я пришелъ весь въ огнѣ и избилъ себя кулаками голову отъ ужаса. Каждый разъ вспоминая какую-нибудь свою фразу, я вскакивалъ, какъ если бы меня коснулись раскаленные углемъ, бѣгалъ по комнатамъ и для собственнаго ободренія вскрикивалъ:

— Да чорта ли мнѣ въ этомъ щенѣ!

Наконецъ, я не выдержалъ и рѣшилъ объяснитьсь съ нимъ. Я написалъ ему письмо благородное, въ которомъ говорилъ о характерѣ раздражительномъ, болѣзненнымъ и выражалъ надежду, что онъ, вѣроятно, такъ и понялъ меня. Стилъ мой былъ возвышенный, и потому я строго держался общественныхъ интересовъ. Въ скромно приподнятомъ тонѣ я намекалъ, что крестьянинъ, какъ теорія, можетъ быть и побѣдимъ, но что никакія европейскія теоріи не могутъ затереть нашего святого мужика, изъ котораго созданъ русскій народъ. Я заванчивалъ увѣреніемъ, что мы сойдемся и что былъ молодцу не укоръ.

Мнѣ хотя и показалось, что я сподличалъ въ письмѣ, но махнулъ рукой, чтобы не мучиться дальше и послалъ. Результаты получились хорошіе: онъ извинялъ меня. Это случилось незадолго до моей женитьбы на Варѣ. Отъ благодарныхъ и благоговѣйныхъ чувствъ я побѣждалъ къ нему и въ этомъ же первомъ свиданіи я не замедилъ раскрыть все до послѣдней ниточки о себѣ и о моей идеальной дѣвушкѣ. Позже я познакомилъ ихъ и такимъ образомъ приготовилась почва для роли, которую Бобровъ сыгралъ въ моей жизни.

Совершенно естественно, что я началъ ревновать его къ Варѣ. Впрочемъ, я и хотѣлъ ревновать; теоретически какъ-то выходило, по моему, что тутъ все въ наличности для романа. Я не скажу, что на меня не находили минуты отчаянія, стыда, боли, но какія это были вначалѣ сладкія боли. А главное, главное, вѣдь я самъ обожалъ его и, кажется, въ ту пору пошелъ бы на казнь за одно только его слово одобренія, ласки. Бобровъ не зналъ о моей влюбленности и въ этомъ его незнаніи была для меня особая прелесть. Какія непередаваемые минуты я переживалъ тогда, лежа на кровати и упиваясь его бесѣдами съ Варей. Да, и я говорилъ о народѣ, какъ общественный радѣтель, и многіе изъ насъ говорили о томъ же и всѣ мы рвались и мчались въ свѣтлыя минуты на открыленной душѣ къ этому возвышенному, прекрасному идеалу, ради котораго на словахъ готовы были всю кровь свою отдать. Но жизнь, жизнь имѣла свою ужасную власть надъ нами и своимъ ужаснымъ мечомъ пошлости убивала драгоценныя наивныя цвѣты нашихъ прекраснодушнѣйшихъ сердець. Бобровъ же принесъ нѣчто другое. Онъ явился увѣреннымъ, торжествующимъ, словно выкованный въ самомъ горнилѣ жизни, но воспарившій надъ нею. О, это былъ не говорунъ, не Рудинъ какой-нибудь, игравшій на женскихъ и прочихъ молодыхъ сердцахъ, Рудинъ, точно сказочный богатырь, широкимъ размахомъ охватившій всѣ концы міра и водворившій на землѣ поднебесную мораль. Рудинъ былъ виртуозъ, гениальный психологъ и мальчишка, безтолковое и праздношатающееся существо и безумный

герой. Бобровъ же сидѣлъ на землѣ. Мнѣ тогда казалось, что онъ былъ тѣмъ умственнымъ русскимъ бродягой, который, наконецъ, рѣшилъ бросить якорь, установиться, а затѣмъ съ Божьей помощью пуститься въ путь. Помню, въ какое смятеніе меня привели его первыя бесѣды съ Варей.

— Какъ, — восклицалъ я, когда мы оставались съ ней наединѣ, — рабочій, не существующій почти рабочій носитель вѣчныхъ идеаловъ! Рабочій въ земледѣльческой Россіи, въ которой миллионы мужиковъ?!

Я дѣлалъ все, чтобы быть возможно болѣе недовольнымъ Бобровымъ, но, признаюсь, я никогда не слыхалъ болѣе изумительной торжествующей пѣсни, какъ та, въ которой онъ говоритъ о неизбѣжности побѣды рабочаго.

О, если бы возможно было въ ту пору выкинуть свою натуру, свою мелкую, ревнивую натуру и броситься съ нимъ въ этотъ водоворотъ дѣйствительныхъ заботъ, если бы возможно было забыть себя навсегда и также, какъ онъ, не говорить, а пѣть, всѣми жилами пѣть дивную пѣснь освобожденнаго изъ оковъ человѣка, пѣть и работать бокъ-о-бокъ съ друзьями, и всѣми мозгами понимать, что совершаешь не слова, дрянныя, лживыя слова, а настоящее дѣло, столь близкое человѣчеству.

Но нѣтъ, не суждено мнѣ было это счастье: я только былъ грязной тивой, всплывшей на поверхности вѣчно бурлящаго человѣческаго моря...

Быстро развившаяся близость между Варей и Бобровымъ, ихъ вѣчныя бесѣды, ея странная задумчивость каждый разъ вызывали во мнѣ мысль о грозящей бѣдѣ. Незамѣтно я сталъ внутренне метаться и все какъ-то безтолково и неясно для меня самого сталъ задумываться о совершеніи чего-нибудь грандіознаго и важнаго, чтобы отвлечь этимъ устанавливающуюся сосредоточенность Вари.

„Эхъ, храмъ бы какой-нибудь Эфесскій найти, — мучился я, — имъ вѣдь все эти храмы нужны. Возьми и подожди, и они за тобой на край свѣта пойдутъ“.

...Но куда, куда идешь ты русская женщина? Куда стремишься ты, загадочное, сильное и ничтожное существо? Что за дивныя чары владѣютъ тобой, когда ты, словно полоумная, въ сладкомъ экстазѣ, бросаешься въ объятія неизвѣстнаго по одному мановенію, ради одного только свѣтлаго слова, озарившаго передъ тобою на мигъ невидимыя дотолѣ перспективы? Куда, куда идешь ты?

И жизнь все еще не выучила тебя, что тамъ, гдѣ видѣется свѣтлый идеалъ, также пусто, также бездушно, какъ и въ низкой жизни, отъ которой бѣжишь ты, что тамъ вдали миражъ рисуется въ избыткѣ тѣ картины, которыя ты несешь съ собой

въ своемъ вдохновенномъ сердцѣ. Куда, куда же идешь ты, русская женщина?

Не тамъ вдали, гдѣ указываетъ перстомъ „онъ“, горитъ идеаль, а въ тебѣ самой, и никогда, никогда не давай увлечь себя какой бы то ни было честной рухѣ. Ибо испоганить эта рука всякое свѣтлое, къ которому прикоснется, и тогда конецъ тебѣ: и идеаламъ, и стремленіямъ, и свѣту, и чистотѣ.

Между тѣмъ, несмотря на всю бережливость Вари, средствъ нашихъ перестало хватать на жизнь, и мы буквально начали голодать. Наступилъ моментъ, когда я, волей-неволей принужденъ былъ взяться за какой-нибудь трудъ. Но за дѣло я никогда просто не брался. Сначала я долженъ былъ поджечь себя, вдохновить, окропить мыслями о „святомъ народѣ“ и высосать изъ своихъ мечтаній все счастье, которое общалось мнѣ въ будущемъ. Думая о своихъ трудахъ, я уже видѣлъ себя обладателемъ богатствъ несмѣтныхъ, колоссальныхъ, я видѣлъ себя въ образѣ знатнаго иностранца, нарочно пріѣхавшаго въ Россію благодѣтельствовать. Я читалъ прекрасныя статьи о моихъ знаменитыхъ раутахъ, гдѣ собиралось самое избранное и изысканное общество; я читалъ удивительныя описанія какихъ-то экзотическихъ растений, украшавшихъ монументальныя мраморныя лѣстницы моего дворца, читалъ похвалы миллионеру-иностранцу, которымъ былъ я, этому странному человѣку, бросавшему въ народъ золото, брилліанты и кредитки и залеталъ въ такую чертовщину, отъ которой потомъ со стыдомъ отрещивался и отпирался. Наконецъ, я остановился на книжномъ издательствѣ. Первоначальный планъ мой былъ таковъ:

— „Найду, думалъ я, какихъ-нибудь молодыхъ непонятыхъ авторовъ и такихъ, что въ наукѣ потерпѣли, и такихъ, что въ литературѣ обошли, найду этихъ бѣдныхъ, измученныхъ подъ какой-нибудь крышей, людей, пущу ихъ въ ходъ, открою Россіи богатства въ самыхъ ея нѣдрахъ и тогда,—здравствуй честная, здоровая дѣятельность и обезпеченность“!

Однако, какъ-то незамѣтно планъ расширился и отрываніе неоцѣненныхъ талантовъ переименовалось въ насажденіе культуры среди темнаго невѣжественнаго люда, И, конечно, когда я набрелъ на эту мысль, то нечего говорить, съ какой гордостью я сталъ посматривать на Боброва.

— Вотъ, вотъ гдѣ мое настоящее мѣсто,—заговаривалъ я съ Варей,—шагая по комнатѣ, вотъ гдѣ настоящая реальная дѣятельность; это не слова, не дрянныя, лживыя слова о комъ бы то ни было. Я не буду искать большого барыша, или нѣтъ, я ничего для себя не возьму, но пусть народъ учится, совершенствуется. Я заведу отдѣленія во всѣхъ труппныхъ городишкахъ и наводню

всю Россію лучшимъ книжнымъ матеріаломъ, который буду отдавать по самой ничтожной цѣнѣ, а тогда, — тогда посмотримъ! кто и что эти Бобровы? Самозванцы! отъ чьего имени они говорятъ? Э, Варя, Варинька, ничего, ничего ты еще не понимаешь, дитя ты, ребенокъ ты! Рабочій еще когда объявится, а тутъ на рукахъ живое народное дѣло. Пойди, просвѣти его темнаго, дай понять ему идеальнымъ классическимъ языкомъ современныхъ мудрецовъ, въ чемъ его горе, гдѣ его горе, увидишь, увидишь Варя...

Я одурѣлъ отъ мечты. И о деньгахъ не спрашивалъ себя и что голодали не чувствовалъ и все смаковалъ, смаковалъ.

— Ну что Варенька, — отрывался я отъ себя, — счастлива ты, удовлетворена? Довольно, довольно бездѣлія. Что мужикъ о которомъ мы бредили нѣбогда, не знаешь ты мужика, Варенька, совсѣмъ не знаешь. Онъ косный, онъ тяжелый, его одуряетъ запахъ земли, на которой онъ пашетъ, его одуряетъ запахъ сѣна, хлѣба, ясель, гдѣ ѣсть его худая лошадевка. Онъ не можетъ подняться, и грѣшно, грѣшно, Варенька, раскрыть ему всю современную язву. Пусть онъ остается невиннымъ младенцемъ у своихъ ясель, у сосцовъ коровенки, которая кормитъ его ребятишекъ, пусть онъ пашетъ и поетъ: „Ну тащися, сивка, пашней десятиной...“ и сохранимъ его такимъ, какъ онъ есть, со всѣмъ поэтическимъ, что его тамъ окружаетъ. Тамъ въ новой жизни, онъ своею непосредственностью, своею дѣвственностью освѣжить, оживить насъ, оживить утомительно сѣрое и быть можетъ, регламентированное счастье. Но что и рабочій, Бобровскій рабочій, что онъ и кто онъ? Ничего, онъ Варя, ровнехонько ничего. Только новая язвочка, которая даже струпомъ не покрылась, а Бобровъ уже о его классовомъ сознаниіи говорить. Не вѣрь, Варенька, не вѣрь, все это мечтанія и несправедливость безумная. Почему, если работать, то только въ пользу одного рабочего? Гордыни тутъ много, Варенька, жестокости чрезмѣрной, дьявольской. А по моему не такъ. Всѣхъ нужно любить, Варенька, всѣхъ униженныхъ, всѣхъ замученныхъ. Всякую толпу жалѣть нужно, ибо всякая страдаетъ, всякая безъ хлѣба сидитъ, а не только Бобровская. Я не противъ Боброва, но глупо, Варенька, говорить, что нужно только къ той толпѣ пойти, которая носитъ въ зародышѣ сознание своихъ классовыхъ интересовъ. Много тутъ выдуманнаго, подъ теорію подогнаннаго и въ жизни оно совсѣмъ не такъ. Что до меня, то я страданіямъ не класса, а людей поклоняюсь и вездѣ, гдѣ есть страданія, я готовъ пойти помочь. Я за толпу, за всякую толпу.

Послѣднюю фразу я произнесъ съ громкимъ крикомъ. Потомъ я продолжалъ уже въ экстазѣ:

— Но мы не можемъ разомъ бросаться повсюду, очертя голову. Мы, Варенька, потихоньку, ты камешекъ, я камешекъ, потихоньку, Варенька, потихоньку и подъѣдемъ къ берегамъ. Видѣли мы это швыряніе и безтолковое бросаніе во всѣ стороны, видѣли мы... А мы поразумнѣе, поосторожнѣе, да повѣрнѣе. Наиздамъ я дарового классическаго матеріала и всѣ эти страдающіе поймутъ, поучатся и поймутъ, и тогда мы потихоньку, потихоньку схватимъ счастье и благоденствіе за рога, приведемъ на землю и на десять цѣпей закуемъ.

Не оторвался бы я тогда—такъ говорить хотѣлось. А она строго смотрѣла на меня своими загадочными глазами, и въ нихъ я читалъ себѣ претговоръ.

— Не спорь, не спорь,—вопилъ я, чувствуя, какъ кровь начинаетъ заливать мой мозгъ,—не спорь, не возражай; знаю, все знаю, что хочешь сказать. Но не перебивай, не перебивай святой мечты моей. Все, все отдамъ за нее. И когда она осуществится—даю обѣтъ—я пойду голыми ногами по разсыпанному стеклу, острія его пятой потирать буду и изодранный въ кровь, изрубленный я приду на широкую площадь и возоплю всѣми легкими моими къ народу: „Приходите, учитесь, познавайте“. А самъ я только постою подлѣ нихъ, поглажу и, быть можетъ, непонятый ими уйду, въ какую-нибудь глупь уйду, въ лѣсъ какой-нибудь, пустыннымъ стану, церковку сооружу и все молиться буду о святомъ народѣ.

Замучилъ я себя этими разговорами—вѣроятно, и ее также, но клянусь, зная, что все это чушь, чесотка по хорошему, я буйствовалъ, хотѣлъ, изступленно жаждалъ, чтобы оно какъ-нибудь и взаправду случилось.

Но ничего не случилось. Все сдѣлалъ, чтобы получше униться говореніемъ и мечтой, даже написалъ одно ужаснѣйшее письмо издателю, даже университетъ бросилъ, но такъ-таки на полъ-дорогѣ остановился, утомленный, уничтоженный въ самомъ себѣ. Съ самаго начала вѣруя, что ничего не выйдетъ, я только съ мученіемъ ожидалъ той минуты, когда бѣсъ, наконецъ, отойдетъ отъ меня, и я посмѣю, убитый своимъ позоромъ, сказать себѣ: „Довольно, ступай, бездѣльникъ, на свое мѣсто до слѣдующаго кризиса, до слѣдующаго увлеченія.“

И помню, въ то время все пропало. Я захандрилъ, проклиная весь міръ и зная, что всему конецъ. Конецъ подъему, конецъ какому-нибудь движенію, порыву, конецъ жалости къ выживавшейся изъ силъ Варѣ, конецъ даже раскаянію. Наступила снова жизнь слизняка, улитки, запершейся въ своемъ дворцѣ, жизнь паразита—мучителя, обвинявшаго и проклинавшаго.

Въ это северное, морально-мертвое время я узналъ, что Варя

беременна. Ничего ужаснѣе этого извѣстія я себѣ не могъ представить. Ея горячій порывъ я встрѣтилъ враждебно, холодно и весь день умышленно не говорилъ съ ней. Меня все злило и возмущало въ ней; меня злили звуки ея взволнованнаго голоса, меня злило это мельканіе святого чувства въ глазахъ, ея шатающаяся изъ угла въ уголъ задумчивая фигура, со сложенными назадъ руками.

„Какъ, какъ,—злился я,—первый порывъ незнакомаго чувства?.. И это нищее подчердачное существо смѣетъ радоваться возобновленію своего рода! Но не убѣждалъ ли я ее, не кричалъ ли всѣми голосами своими, что не въ правѣ мы, пролетаріи, плодить дѣтей, что тамъ гдѣ-нибудь, въ самомъ глухомъ уголкѣ Европы не найдется уже такого ископаемаго, который не понималъ бы этой необходимости.

— Если ты находишь—,возражала—она, что мнѣ не слѣдуетъ имѣть дѣтей, то я и не буду, но честно, нравственно: разойдемся. Пойдешь ли ты украсть въ нуждѣ, убить изъ-за нужды? Вѣдь не пойдешь, Николай, руки на себя наложишь, а не пойдешь?

— Нѣтъ, украду,—вопилъ я,—сто разъ убью. Если жизнь представляетъ такіа диллемы, то глупъ тотъ, кто ради отвлеченной нравственности уступить. Довольно идолопоклонничать передъ этими старыми богами, которые всегда шли въ разрѣзъ съ дѣйствительными императивами жизни. Диеаръ и тотъ научился колотить и сжигать идола, который не давалъ ему власти надъ императивомъ, а ты ползаешь и пресмыкаешься предъ этой старческой, выжившей изъ ума моралью, которая тысячи лѣтъ стоитъ пугаломъ надъ человѣчествомъ. На жизнь посмотри, въ дѣйствительность загляни и ты увидишь, какъ далеко люди шагнули впередъ. Въ обществѣ, гдѣ борьба за существованіе такъ ужасна, такъ всевластна, гдѣ обезпеченность личности становится все невозможнѣе, уже давно перестали заглядывать въ катехизисъ этой варварской, жестокой морали для того или иного рѣшенія, ибо каждый моментъ, переживаемый человѣчествомъ, можетъ имѣть только свое рѣшеніе. Рожать ли дѣтей, спрашиваетъ себя пролетарій? Нѣтъ не рожать, ибо жизнь сурова и не прощаетъ такой роскоши. Значитъ упразднить семью, опять спрашиваетъ пролетарій? Нѣтъ, ибо это невозможно. И отвѣтъ готовъ, что дѣлать.

Но разсужденія, споры, брань (бранился только я) ничто не помогло. Она заперлась въ своей высочайшей, свѣтлѣйшей кельѣ и съ глазами, возведенными горѣ, шла къ прекрасному счастью. Увлеченіе издательствомъ отчасти примирило меня съ ненавистной необходимостью сдѣлаться отцомъ, съ перспективой возиться съ маленькимъ, плаксивымъ, нечистымъ животнымъ, которое по-

требуетъ денегъ и денегъ. Но когда мое предпріятіе рушилось и впереди уже не видѣлось ничего отраднаго, мысль о темно-красномъ, скользкомъ кускѣ мяса, которое скоро появится на свѣтъ и по законному праву выгнать меня на заработки, совсѣмъ извела меня.

По цѣлымъ днямъ я валялся на кровати и ненавидѣлъ Варю изо всѣхъ силъ. Ежеминутно я старался отравить ее мечту, высмѣять ее самоотверженіе. Я начиналъ издали и вдругъ пересказывалъ къ ненавистному ребенку, котораго я называлъ ее сообщникомъ. Прежде всего я принимался зудить тихимъ и фальшивымъ голосомъ, набрасывая на себя нелѣпую, юродивую приниженность, которая могла бы камень извести. Лежа на кровати и кутаясь нарочно во всевозможное тряпье, я начиналъ со стонъ и оханій, чтобы привлечь ее вниманіе. И когда она подходила ко мнѣ и заговаривала, я закрывалъ глаза и нарочно держалъ ее нѣсколько минутъ безъ отвѣта. Затѣмъ я начиналъ слабымъ и свернымъ голосомъ говорить о несчастномъ человѣкѣ, который попросилъ бы, но не смѣетъ, чего-нибудь жидкаго, теплаго и маленькую, маленькую ворочку хлѣба.

— Не въ правѣ я, Варенька, больше требовать, — тихо и медленно начиналъ я. — Я кто? Я бездѣльникъ, Варя, мыслящій бездѣльникъ. Но и знаю, что въ домѣ нѣтъ ничего другого. А если и есть, то кусочекъ мяса, что остался, надо для твоихъ и „сообщника“ силъ сохранить.

— Да нѣтъ же, Николай, никакого мяса, самъ знаешь, что нѣтъ. И зачѣмъ только ты, — съ порывомъ продолжала она...

— Ну можетъ быть и нѣтъ, — покорно перебивалъ я, — гдѣ же мнѣ все въ хозяйствѣ услѣдить. Впрочемъ, какой я, Варенька, хозяинъ, мнѣ вѣдь только кодай да поднеси, да подложи. И не только подай, а и хорошаго подай. Теперь я, Варенька, больной, надорванный человѣкъ; теперь твои силы нужно подкрѣпить, чтобы ребеночка, тобою желаннаго...

— Оставь, Николай, оставь ради Бога, — вскрикивала она, вѣдь извѣстно уже чѣмъ кончится.

— Ну не оставь, — возражалъ я тѣмъ же свернымъ голосомъ, — ребенка ты захотѣла, а кому и на что онъ нуженъ? Чѣмъ ты кормить его будешь, подумала? Вѣдь ты все о святыхъ чувствахъ мнѣ говорила, помнишь? Нѣтъ, Варенька, глупыя это были чувства, одинъ истиннѣе животный и ничего другого. Видишь, какъ оно свято все обернулось: я больной, надорванный, а ты... — я махнулъ рукой. — И подумать, какъ легко было избавиться отъ этого ребенка!

— Стыдно тебѣ это говорить, — горячо перебила она меня, стыдно, стыдно, вотъ все твердить буду, пока не устыдишься.

— Стыдно, — вскочилъ я, заоравъ и вдругъ сбрасывая маску, — кому, миѣ-то? А жрать ты хочешь, юбочку тамъ какую-нибудь, хоть грошовую, хочешь. шляпчонку, ботиночки не надобно тебѣ? А миѣ что же ничего не нужно? Думаешь ли ты, что миѣ сладко сгивать здѣсь? О глупое, незамѣтное, оторопѣлое существо! Понимаешь ли ты хоть что-нибудь въ этомъ варварствѣ, которое учинила, забеременѣвъ? Нравственно, безнравственно — спорила ты. Да что ты въ этой нравственности понимаешь? Невѣжественна, какъ деревенская баба, какъ подпасокъ какой-нибудь и тоже о нравственности толковала. Нельзя убить чувство матери! Кого убить, что убить, невинность овечья!

Она начинала рыдать, а я, забывъ, что творится со мною, что говорю, уже теряя дыханіе и заикаясь, кричалъ.

— Да, да почувствуешь, когда на твоихъ глазахъ, на твоихъ же рукахъ онъ станетъ переселяться въ лучшей міръ. Сначала онъ отъ голода выть начнетъ и долго и протяжно будетъ выть, какъ воетъ слѣпой котенокъ, котораго въ воду бросили; потомъ онъ хрипѣть начнетъ и все на тебя будетъ глядѣть: сначала сердито, дальше жалобно и еще дальше только знаками своими невинными или пантомимой одной умолять будетъ. Затѣмъ и хрипѣніе пройдетъ и наступитъ послѣдній актъ... А ты, вокругъ бѣгая и руки ломая, будешь причитывать, пока не осѣнитъ тебя безуміе. И мертвенькаго, холоднаго посинѣлаго, безумная прижмешь къ груди, чтобы согрѣть и укачать... А я, я, о Варя, отчего ты не послушала меня?! Я уйду куданибудь да уйду отъ проклятаго мѣста, запыю, опущусь на самое дно душевной грязи и до тѣхъ поръ буду пить, пока въ какой-нибудь бѣлой горячкѣ не свезутъ и меня въ сумасшедшимъ, тамъ послѣ многихъ лѣтъ скитанія и низкой жизни мы встрѣтимся съ тобой безумные и, можетъ быть, въ ту минуту просвѣтлѣніе снизойдетъ на насъ...

Гдѣ-то въ углу рыдала Варя и билась въ судорогахъ.

Но несомнѣнно, несомнѣнно во многомъ тутъ было вины и Боброва. Правда, было и переутомленіе, смерть въ душѣ отъ бездѣлія, отъ безсилія взяться за какое-нибудь дѣло, былъ страхъ передъ завтрашнимъ днемъ, который я долженъ былъ встрѣчать безъ всякаго оружія въ рукахъ, было озлобленіе и грязная накипь въ душѣ за разбитые идеалы, была тина, опутавшая мое существованіе стальными кандалами, — но былъ и Бобровъ. Онъ приходилъ всегда свѣжій, бодрый, разговорчивый и все, что приносилъ и вносилъ съ собой, явно предназначалось для Вари.

О, какая мука лежать въ своей кровати и, задыхавшись отъ зависти и ревности, прислушиваться къ свѣтлomu, звонкому голосу, который плавно, ясно и увѣренно говоритъ о своемъ дѣлѣ, которому посвятилъ жизнь. И хочется въ такую минуту сорваться съ

своихъ цѣпей, подбѣжать къ этой здоровой груди и точно у высшего существа попросить опоры, мужества, другого сердца.

Но тогда, когда я про себя горѣлъ и мечталъ, какъ я сорвусь, побѣгу и стану передъ нимъ, бѣсъ ревности начиналъ нашептывать мнѣ, что я глухъ и ослѣпленъ, что я самъ своими руками растлѣваю Варю, что я позволяю искусителю отрывать отъ меня дорогое существо, что, быть можетъ, въ эту минуту, когда я раскисаю и сентиментальничаю, совершается паденіе Вари и что вотъ да, да, вотъ она горитъ и задыхается какъ нѣкогда, когда я ее обольщала, и почти готова бросить меня.

А торжествующій голосъ все пѣлъ о работникѣ, который теперь превратился уже въ грозную, неистребимую стихію, сметавшую старый несправедливый міръ.

— „О, заговори о пустягѣ,—метался я, извиваясь отъ ревности и замышляя ужаснѣйшія казни для мщенія,—истреби иллюзію, заговори просто, какъ говорятъ обыкновенные люди. Не держись, не пари всегда въ высотѣ этихъ святыхъ вопросовъ. Дай передохнуть смущенной душѣ, дай остынуть запаленному сердцу. Развѣ не видишь ты, что она трепещетъ и готова броситься въ твои объятія“...

Но моя мольба оставалась невысказанной, и злой, потрясенный, не зная, люблю ли я ее, или ненавижу, я убѣгалъ изъ дому, нарочно оставляя ихъ съ глазу на глазъ. Я ходилъ по цѣлымъ часамъ не разбирая и не спрашивая себя, застану ли я еще ее у себя. И тогда великодушныя мысли овладѣвали мною.

— „Нѣтъ, Варя,—мечталъ я въ огнѣ,—такъ не уходи! Не хорошо это выйдетъ, Варя, а сдѣлаемъ это лучше по иному, по настоящему. Вотъ погоди, погоди, Варя, и я самъ пойду къ нашему хорошему и великодушному другу и увидишь, Варя, какъ мы поймемъ другъ друга. Онъ оцѣнитъ меня, Варя, и ты, ты, моя милая подруга, и ты оцѣнишь. Я пойду къ нему и скажу: возьми ее, Бобровъ, я уступаю свое мѣсто. Ты выше, лучше цѣнишь меня, ты долженъ быть подлѣ нея. Я же низокъ, ничтоженъ и благоговѣнно цѣлюю твою руку. Я люблю тебя, твою здоровую грудь, твоего работника и прости ты меня, Христа ради. Будьте оба счастливы и помните измученнаго, неудачнаго человека, помните его вѣчно-стремившагося ко всему хорошему, но безсильнаго, безвольнаго, перваго готоваго презирать себя“.

Наэлектризованный этими возвышенными мыслями, я мчался какъ вѣтеръ впередъ и впередъ.

— „Потомъ,—мечталъ я,—уйду куда-нибудь, даже уйду, быть можетъ, или просто пропаду безъ вѣсти и черезъ нѣсколько лѣтъ, когда послѣ серьезнаго изученія и славной дѣятельности, мое имя прогремитъ среди общественныхъ борцовъ и пронесется ве-

ликимъ, торжественнымъ звономъ, когда вокругъ него начнетъ слагаться какая-нибудь дивная поэтическая легенда, я въ одинъ прекрасный день скромно постучусь у нѣкоего крыльца и милая знакомая, съ блѣдноватымъ и все дорогимъ мнѣ лицомъ, женщина откроетъ дверь и, не узнавая таинственного гостя, спросить: „кого вамъ?“ Я буду красивъ, съ загорѣлымъ, непременно загорѣлымъ лицомъ, и глаза мои будутъ радостно и ласково сверкать.

— „Я—Павловъ, просто скажу я“.

И я войду, и когда увижу того, кто нѣкогда разбилъ мою жизнь, я положу на его плечи свои загорѣлыя руки и долго, и нѣжно, и грустно буду смотрѣть ему въ глаза“.

Но на обратномъ пути, когда я возвращался домой, вся черная, мрачная дѣйствительность вставала предо мною во весь свой ростъ, во всей своей угрожающей наготѣ и великодушіе мое смѣнялось жалобой, слезами и разрѣшалось, наконецъ, грознымъ гнѣвомъ противъ обольстителя.

— „Убить тебя, гадина, нужно, чтобы не таскался по чужимъ женамъ, горло твое поганое надо вырвать, чтобы не пѣлъ такъ звонко, словно обольстительная сирена, старыя заѣзженныя пѣсни. Мало тебѣ того, что ты нагулялся по разнымъ смраднымъ мѣстамъ, такъ теперь тебѣ чистенькаго, невиненькаго подай, каналья передовая! Знаемъ, знаемъ, какъ это легко общественнымъ соловьемъ разливаться, когда самъ первый бы радъ всѣхъ въ рабовъ своихъ обратить. Трудиться развѣ воистину хочешь? Врешь, передовой! Вотъ погоди, куроцапъ, доберусь я до тебя!“

Но, по мѣрѣ приближенія къ дому, воинственный пылъ мой ослабѣвалъ и, робко пробирался по узкой лѣстницѣ, я съ ненавистью уже чувствовалъ, какъ на самой послѣдней ступенькѣ, почти у дверей, я струшу и постараюсь какъ-нибудь незамѣтно войти, юркну въ кровать и сдѣлаю видъ, что я даже не выходилъ, а все время тихо лежалъ на своемъ мѣстѣ. И досаднѣе всего было то, что продумавъ это, я, какъ заколдованный, не могъ уже иначе поступить. Я прокрадывался, забирался въ кровать и замиралъ. И хоть бы кто-нибудь изъ нихъ спросилъ, гдѣ былъ, куда ходилъ, хоть бы изъ презрѣнія спросилъ! Иногда отъ досады я даже самъ вызывался на разговоры. Начиналъ я о томъ, что вотъ молъ, теперь на улицѣ очень холодно и дождь льетъ въ три ручья, что человѣку, вышедшему изъ дому, легко теперь простудиться можно, если никто изъ близкихъ о немъ не позаботился, въ особенности такому, знаете Бобровъ, несчастному, оскорбленному человѣку, у котораго всѣ башмаки продырявлены, у котораго во многихъ мѣстахъ продырявлено сердце. И вотъ, знаете ли, идетъ таковой осиротѣлый, домашнимъ неинтересный, одинокій человѣкъ по улицѣ,

и о чемъ, если бы вы знали, думаетъ такое существо Божіе? А на улицѣ никому до него дѣла нѣтъ. А дождь льетъ въ три ручья. И когда наконецъ такой человѣкъ возвращается къ себѣ домой въ какую нибудь мансарду, — незамѣтно, видите ли, приходитъ онъ, ибо такой уже отъ природы онъ незамѣтный человѣкъ — то ему никто согрѣться чаемъ не подастъ, хотя бы чаю тамъ для полка солдатъ хватило.

Я говорю Боброву, но смотрю куда нибудь въ сторону и порю эту дичь, нарочно дичь, какимъ-нибудь странническимъ голосомъ, а про себя думаю:

„Проберетъ тебя, куроцапъ, непременно проберетъ, не это слово, такъ другое, а когда ты пикнешь, то тутъ тебѣ и жонецъ“.

Но я напрасно ждалъ, ни онъ, ни она не желали съ мной связываться. Десятки разъ и все посмѣлѣе, я начиналъ о тѣхъ же незамѣтныхъ да оскорбленныхъ во всемъ святомъ своемъ людяхъ, выгнанныхъ какимъ-нибудь превосходнѣйшимъ другомъ на улицу — ничто не помогало. Однако, я не уставалъ и на завтра рассказывалъ новую дрянненькую исторію, но еще болѣе глупую и паскудную. Со сладостью я погрузился въ эту ядовитую забаву. Кажется, что въ эту пору я съ ужасомъ узналъ бы, что они не влюблены другъ въ друга.

„Нѣтъ, пусть любятъ, обожаютъ другъ друга. Пой, пой, драгоценный соловей, пой, милый другъ Бобровъ, пой, развратитель. Кричи громче о народномъ благѣ, объ идеалахъ, о будущемъ, но только дай насладиться твоимъ поражениемъ, дай возможность упиться сматеніемъ и смертнымъ страхомъ дорогой тебѣ Вари“.

Но время шло, и понемногу стрѣлы мои стали истощаться и ядъ ихъ разжижался въ моемъ настроеніи.

„Но чего, чего хочетъ этотъ мучитель отъ меня, — кричалъ я, хватая себя за волосы и бѣгая по улицамъ? — Почему они молчать, почему онъ ее не уводитъ? Что у нихъ такое происходитъ? Нѣтъ, заговорю, заговорю прямо. Силъ ужъ нѣтъ томиться“.

И вотъ я заговорилъ.

Началъ я тотъ памятный вечеръ по старому. Унылымъ, невыразительнымъ голосомъ я повелъ рѣчь о какихъ-то шустрыхъ пострѣлахъ, да о французскихъ водевиляхъ, въ которыхъ застигнутые любовники обыкновенно прячутся въ шкафъ, — шкафъ ужъ такой непременно имѣется и сквозной, сквозной, — о сиротливомъ человѣкѣ, у котораго, знаете, Бобровъ, одна какая-нибудь драгоценность имѣется, единственная, но прекрасная дочь, тихое, вроткое существо, живущее, чтобы радовать сиротливаго человѣка. И вотъ гдѣ-то за спиной этого обиженного страдальца,

*

какая-то злодѣйская рука начинаетъ замышлять возни противъ него, потому что не можетъ злодѣйское сердце видѣть чье-нибудь счастье. Ловкимъ ходомъ какимъ-нибудь,—ихъ, знаете, множество въ расположеніи злодѣя,—завистливый человѣкъ втирается въ довѣріе угнетенной души, входитъ въ его домъ и тамъ подъ личиной вѣрности, смиренія, преданности, согрѣтая у груди змѣя потихоньку высовываетъ свое вредоносное жало и разбиваетъ жизнь бѣднаго страдальца. Несчастный, вы, конечно, догадываетесь, Бобровъ, высунувъ оболъстителю языкъ, улетаетъ куда-нибудь на воздушномъ шарѣ, а вроткая, опозоренная дочь при видѣ такого ужаснаго зрѣлища выхватываетъ изъ-за пояса давно заготовленный кинжалъ и пронзаетъ имъ свою изстрадавшуюся грудь. И вотъ, Бобровъ, мораль для оболъстителя: вверху воздушный шаръ, а внизу торчащій въ груди каталанскій ножъ,—закончилъ я прерываясь и теряя ежеминутно дыханіе отъ волненія.

„Промолчить, опять промолчить“, подумалъ я закрывъ глаза.

— Не знаю, для чего вы эту чепуху несли?—вдругъ обернулся ко мнѣ Бобровъ.—Что за страсть у васъ юродивымъ приглядываться?

„Заговорилъ-таки, пробрало“, пронеслось у меня и вдругъ я почувствовалъ въ себѣ такую рѣшимость, что, кажется, съ любовью колокольни прыгнулъ бы внизъ головой.

— У Самсона волосы отрѣзали,—нарочно пробормоталъ, а не сказалъ я, но сейчасъ же потерялъ контроль надъ собой.

Не знаю и не помню, какъ я очутился подлѣ него; помню только два холодныхъ стальныхъ глаза, которые точно уперлись въ мое лицо; кажется, пронесся крикъ Вари.

— Юродивый? — завопилъ я.—Нѣтъ, вы вотъ скажите мнѣ, почему именно рабочій, почему, докажите. Но ясно, ясно и скорѣе къ дѣлу, да не закатывайте глазъ и не пойте. Почему рабочій? Я не дѣвица, не дѣвочка какая-нибудь и знайте разъ навсегда, что я въ рай обѣтованный благодаря честной мужской рукѣ не желаю пройти, не желаю, такъ и знайте, не желаю и не желаю. Мнѣ чтобы все было ясно, дисциплинировано и маршировало бы стройно и безъ хитростей, словно войско передъ генераломъ. Почему рабочій?

Я началъ, заикаясь и захлебываясь, но съ каждымъ словомъ становился смѣлѣе и задорнѣе, пока, наконецъ, не озлился и не остервенѣлъ.

— А мужика, мужика-то вы куда дѣнете? А культуру всю вы за что въ уголь ставите? Не морочьте и не виляйте, говорю вамъ. Провинилась ли она уже такъ передъ вами, что вы ее въ два кнута сѣчете? Да знаете ли вы, что если бы не культура, то мы бы съ вами теперь не такъ бесѣдовали, а, вѣроятно, на чет-

веренькахъ драку завели. Ну да что говорить, все это не то. Вопросъ ясно стоитъ: гдѣ рабочій, гдѣ вы его видите? У насъ полтора ста милліоновъ населенія, а вы десятку рабочими весь міръ перевернуть хотите. А китайцевъ въ количествѣ трехсотъ милліоновъ съ грядущимъ великимъ переселеніемъ забыли вы что ли? Что у васъ тогда ото всего останется? Шишъ, одинъ шишъ, говорю вамъ. А восточные вопросы вамъ извѣстны, скажите, извѣстны? Такъ куда же вы суетесь съ своимъ рабочимъ, чего же вы женскій полъ морочите, драконъ вы этакій. Или совершеннѣйшими орудіями, электрическими пулями и порохомъ всеобщее счастье водворять станете, теоретикъ вы безумный, гордыня безчеловѣчная...

— Вы съ ума сошли,—донесся до меня, какъ во снѣ, голосъ врага моего,—опомнитесь, придите въ себя.

— Врешь, врешь, врешь, герой всѣхъ русскихъ женщинъ,—забылся я,—не увернешься. Говори прямо, почему рабочій? Нутро твое распорю, горло проклятое вырву, если не отвѣтишь сейчасъ же, ибо я, можетъ быть, съ муками и слезами землю готовъ грызть, чтобы какую нибудь правду найти. Весело тебѣ съ твоими теоріями нестись, да тросточкой помахивать, а тутъ люди ночей не досыпаютъ, чтобы до толка дойти, чтобы что-нибудь понять въ этомъ хаосѣ общественныхъ фактовъ. А ты съ семью рабочими всю болѣзнь человѣчью вылѣчить берешься. Мужика куда ты дѣнешь, отвѣчай? Зачѣмъ ты къ его міру присосался? Думаешь ли ты, что ему легче умирать будетъ на фабрикѣ, чѣмъ подъ властью земли? Вѣдь онъ все равно твоего счастья не увидитъ, какъ ни ты, ни внуки твои... Думалъ ли ты о немъ, теперешнемъ? Тебя его будущее какое-нибудь десятое поколѣніе интересуешь, а ты на него посмотри. Ты что для него теперешняго сдѣлалъ? На фабрику сманить хочешь. Я юродивый! Нѣтъ, ты юродивый, ты, ты помѣшанный. Я уже давно, лежа на кровати, рѣшилъ это. А пришелъ бы ты лучше ко мнѣ, да спросилъ совѣта и я бы все рѣшилъ, рѣшительно все...

Я уже задыхался и въ головѣ у меня вертѣлось, какъ въ мельницѣ.

„Эхъ, оставить бы“, неслось у меня, и вдругъ, помимо своей воли, я заговорилъ какимъ-то чужимъ, тоненькимъ голосомъ.

— Знаете, Бобровъ, хорошо и полезно на кровати лежать. Вотъ попробуйте, но поковырите сердцемъ, какъ я кипѣлъ, и тогда васъ словно молніей озаритъ. Право, лягте, вотъ и кровать, попробуйте, ну что вамъ стоитъ. А я за послушаніе вамъ воздушный поцѣлуй пошлю, не хотите, ну языкъ высуну, вотъ сейчасъ высуну,—ну убью! Думаете трудно убить? Нисколько. Притворитесь только, что потеряли связь въ мысляхъ, и убьете, кля-

нусь, убьете... Ну, пусть рабочий,—еще разъ завопилъ я, теряясь совсѣмъ и чувствуя, что вотъ-вотъ я упаду отъ усталости,—пусть, а зачѣмъ Варю нужно было обольщать? Думаешь ли ты, что если ты правъ, то Варя непременно должна быть обольщена. Глупъ, глупъ ты, Голяфъ! И вотъ почему рабочий ни къ чорту не годится. Не надобно было обольщать, и я повѣрилъ... И зачѣмъ, зачѣмъ вы ее отнять у меня хотите, зачѣмъ вамъ мое единственное и послѣднее сокровище нужно? Думаете ли вы, что я потомъ на воздушномъ шарѣ укачу? Да и шаръ этотъ вздоръ, ну пусть и шаръ, но зачѣмъ вы такого, какъ я, обидѣть хотите? Подумали ли вы, что со мной станется, если она меня покинетъ? Сладко ли оно уже такъ у бѣднаго Урія послѣднее забрать...

У меня стали дрожать губы и крѣпясь, царапая свою кожу до крови со стыда и боясь, что вотъ-вотъ я расплачусь, я вдругъ не выдержалъ и разрыдался самымъ ужаснѣйшимъ образомъ. Варя подбѣжала ко мнѣ и, схвативъ въ объятія, усадила на кровать, а я, припавъ къ ея плечу, зная, что дорѣзываю, себя до конца, продолжалъ рыдать.

— Я къ мужику хочу, Варя,—прерывалъ я себя,—къ мужику. Ты увидишь, Варя, какъ я начну работать. Я хорошій, я тоже хорошій, я буду работать, вотъ увидишь, только бы въ деревню уѣхать. Ахъ, перваго бы мужика мнѣ увидѣть, и ты узнаешь, какой я хорошій человѣкъ!

Долго они сидѣли подлѣ меня тихо, не разговаривая и безшумно ухаживая. А я отъ времени до времени шепталъ:

— Къ мужику, завтра же къ мужику и ты увидишь, увидишь, Варя...

Подъ утро я кое-какъ забылся, но духъ Боброва виталъ надо мною и держалъ меня въ тревогѣ. Мнѣ снилось, что я спускаюсь съ горы въ деревню къ мужикамъ. Былъ праздничный день и отовсюду неслись пѣсни пьяныхъ голосовъ.

„Пьютъ и безобразничаютъ, съ горечью подумалъ я, поможешь тутъ много“. И продолжалъ все спускаться. Вдругъ передо мною открылась большущая куча мужиковъ, которыхъ я раньше не замѣчалъ. Они спорили, ругались вокругъ чего-то и каждый разъ молодые голоса свирѣпо вскрикивали: „На сукъ, на сукъ провлятаго кровопійцу“. Почему-то мнѣ ужасно подумалось, что толпа расправлялась съ Бобровымъ. Я на мигъ остановился, похолодѣвъ отъ радости. Потомъ побѣжалъ внизъ, растолкалъ толпу и поднялъ разбитую голову человѣка, котораго истязали. У меня внезапно отлегло отъ сердца: это былъ не Бобровъ, а деревенскій кулакъ. Лицо у него было маленькое, сѣроватое, носикъ безъ переносицы и наклоненный въ сторону, губки блѣдныя, будто тоненькія сцѣпившіяся змѣйки. Брезгливо и съ отвраще-

ніемъ я бросилъ эту изуродованную голову и, выдвинувшись изъ толпы, вдохновенно закричалъ: „Братья, братья, наступилъ злу конецъ. Отнынѣ вы экономически свободны, ибо пришла правда на землю, пришла она святая“. И обращаясь къ солнцу и необъятному горизонту, я умиленно закончилъ: „Свѣти же ярче, великое солнце, въ этотъ первый день новой исторіи. Прощай невѣжество и вѣковая несправедливость; на смѣну идетъ освобожденный и просвѣщенный мужикъ, который плечами завоевалъ свой золотой вѣкъ“. Я прибавилъ „аминь“ и вслѣдъ затѣмъ раздались торжественные и мощные звуки народнаго гимна, который стройно запѣлъ мужицкій хоръ. Съ благоговѣніемъ прослушавъ, я не выдержалъ и заплакалъ. Заплакали и мужики и бросились обнимать меня. Потомъ выкатили бочку водки и стали готовиться къ попойкѣ. Но вдругъ у бочки появился убитый деревенскій кулакъ, обвелъ всѣхъ своимъ гаденькимъ взглядомъ и, остановившись на мнѣ, ядовито выплюнулъ: „Рабочій идетъ“. И такъ онъ въ эту минуту сдѣлался похожимъ на Боброва, что я уже не сомнѣвался, что все время это и былъ Бобровъ. Съ пѣной у рта, я бросился на него, чтобы раздавить самаго мерзвѣйшаго и подлѣйшаго гада, и нечаянно проснулся. Свѣтъ въ комнатѣ на мигъ ослѣпилъ меня и я моментально забылъ (только позже вспомнилъ) свой сонъ, а вчерашнее настроеніе, ревность, хотѣніе къ мужику словно не прекращалось во всю ночь. Варя все сидѣла возлѣ меня, а Боброва уже не было. На мгновеніе мнѣ страшно захотѣлось выкинуть какую-нибудь сильную штуку: сдѣлать видъ, что хочу броситься изъ окна на улицу или начать хладнокровно вбивать толстый гвоздь въ стѣнку, чтобы повѣситься. Однако, я ограничился тѣмъ, что, шопотомъ и боязливо озираясь, спросилъ у нея, гдѣ онъ?

— Еще ночью ушелъ,—отвѣтила она и посмотрѣла на меня своимъ яснымъ и чистымъ взглядомъ.

„Врешь, врешь, всполохнулось во мнѣ, грязная чистота, грязная, не надуешь“, и весь уже вскипѣлъ.

— Совсѣмъ ушелъ? допытывался я все шопотомъ и сверно поглядывая на нее.— Увѣрена ли ты въ томъ, что онъ сейчасъ и совсѣмъ ушелъ? Вѣдь они любятъ этакія ширмочки водевильныя, шкафчики севозные и кто знаетъ еще что? Вѣдь эти Голиафы любятъ все вольное, запретное, чего ни по какому закону нельзя получить. Ибо, будучи всегда защитниками свободы, они общенія половъ и имуществъ никогда не отрицали. Такъ какъ же Варенька? На счетъ имуществъ не то что Голиафъ какой-нибудь, а самый наилютвѣйшій разбойникъ ничего съ нами не подѣлаеть, а вотъ, что касается половъ... Варенька, да не вопи ты, ради Бога, такъ пронзительно...

Я вскочилъ съ кровати, намѣреваясь помочь ей, но видъ этихъ неистовыхъ движеній вызвалъ во мнѣ такое непреодолимое желаніе подражать имъ, что я принужденъ былъ раньше позаботиться о себѣ.

— Издыхай тутъ съ своимъ любовникомъ,—злорадно вырвалось у меня, когда я нѣсколько овладѣлъ собой,—а теперь, теперь въ деревню, голубушка. Тамъ ужъ мы полѣчимся. Собирай сундуки, а я побѣгу за каретой.

Я наскоро сталъ одѣваться, лихорадочно подбѣгая каждый разъ въ Варѣ посмотрѣть, приходитъ ли она въ себя. Потомъ я нарочно хрипло кричалъ:

— Собирай сундуки; можешь даже любовника спрятать туда, только скорѣе, ради всѣхъ святыхъ, скорѣе.

Наконецъ, я выбѣжалъ на улицу и, какъ угорѣлый, бросился на поиски. „Этакій, какой-нибудь чичиковскій тарантасикъ бы найти,—мечталъ я ужасно оживленно,—эхъ, Боже мой, если бы найти!“

Не знаю, былъ ли я сумасшедшимъ тогда, но считалъ себя здоровымъ и только думалъ, что притворяюсь сумасшедшимъ, былъ ли я здоровъ, но желалъ сойти съ ума. Во мнѣ все смѣшалось и я жаждалъ только одного—работы, хотя бы каторжной, лишь бы утомиться отъ невыносимаго прилива переполнившихъ меня силъ.

Долго я скакалъ этакимъ образомъ, иногда забывая, зачѣмъ я бѣгу—я думалъ совсѣмъ о другомъ и безъ толку часто перебѣгалъ черезъ улицы, чуть ли не нарочно бросаясь подъ ноги лошадямъ.

„Все—таки пожалѣютъ, если лошади разобьютъ, неистово мечталъ я,—кто-нибудь, кто-нибудь пожалѣетъ. Ну, не всякій, такъ старушка какая-нибудь сердобольная, въ черномъ одѣтая, милая такая старушка, у которой навѣрно несчастная или чахоточная внучка имѣется. Вотъ и дѣти жалѣютъ. Пузанчикъ такой жизнерадостный, краснощекій мимо пройдетъ и искренно, всѣмъ дѣтскимъ сердцемъ своимъ заплачетъ. Чѣмъ не памятникъ эти слезы, чѣмъ не памятникъ, спрашиваю я тебя, о природа, о тусклое, холодное небо?“

Я остановился у фонаря и задумался. Улица невыносимо визжала, скрипѣла и грохотала.

„Ко всеобщему счастью стремятся“, усмѣхнулся я.

И вдругъ заметался:

— Господи, Господи,—вскричалъ я,—да чего же я стою тутъ? Ну и чего, чего ради у этого холоднаго, глупаго фонаря остановился? Ахъ, ахъ...

Отчаяніе и презрѣніе къ себѣ на минуту такъ прищипорило

меня, что я, схвативъ себя за голову, бросился бѣжать посреди улицы.

— Берегись, да берегись, чортъ...—рѣзко ругнулъ меня кто то и вслѣдъ затѣмъ послышался женскій крикъ. Я едва посторонился, улыбаясь одними губами. Раздался оглушительный стукъ копытъ по мостовой, дребезжащій и точно кричащій звукъ колесъ, и что-то, словно вихрь, промчалось мимо меня.

„Кажется, знакомые проѣхали,—озабоченно подумалъ я,—пожалуй, обидятся, что не поклонился“.

Я отвелъ руки отъ головы, такъ какъ кто-то легонько подталкивалъ меня сзади къ тротуару. Уныніе овладѣло мною, когда достигши со мной тротуара, неизвѣстный поправилъ на моей головѣ шляпу и вымолвилъ:

— По улицѣ большое движеніе, молодой человѣкъ, будьте осторожны. Грандіозное движеніе, молодой человѣкъ! Мы растемъ, растемъ и, помните мое слово, вырастемъ.

„Кажется, знакомый человѣкъ, опять подумалъ я, пока онъ уходилъ. Гдѣ это я его видѣлъ?“

Я постоялъ, подумалъ, подумалъ и рѣшилъ, что это не можетъ быть Бобровъ.

„Ну такъ впередъ,—радостно встрепенулся я и опять побѣжалъ. Эхъ, теперь только бы тарантасикъ, дивный, чичиковскій тарантасикъ найти!“

Такъ безтолково бѣгая и мечтая—„да холмикъ пролеталъ бы мимо съ какимъ-нибудь забытымъ деревенскимъ владбищемъ“, съ отвращеніемъ твердилъ я уже нѣсколько минутъ,—я очутился на извозничьей биржѣ. Вдоль улицы тянулся цѣлый рядъ экипажей. Кучера расположились разномъ. Кто на козлахъ дремалъ, кто лошадамъ мѣшочекъ съ овсомъ подвязывалъ, кто курилъ; другіе сбились въ кучу и валякали между собой. Я остановился весь въ поту, задыхаясь и струсилъ.

„Подойти спросить,—съ трепетомъ спросилъ я себя? А почему не спросить, сейчасъ же отвѣтилъ я? Да поѣдешь ли ты, еще разъ спросилъ я? Господи, вырвалось у меня, когда же это мукъ конецъ?“

Я стыдливо потоптался на мѣстѣ и, вѣроятно, долго бы простоялъ такъ, если бы одинъ изъ кучеровъ не подошелъ ко мнѣ и не спросилъ:

— Куда приважете?

„Смѣется“, изумился я и сталъ пристально вглядываться въ него

„Кажется, знакомое лицо“, рѣшилъ я, наконецъ, и задумался.

Я стоялъ, играя пальцами, и все присгально глядѣлъ на него; потомъ я обвелъ взглядомъ и другихъ кучеровъ и на этотъ разъ испуганно удивился.

— Кажется, все знакомыя лица,—прошепталъ я съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ безпокойствомъ.—Гдѣ это я видѣлъ ихъ?

— Куда прикажете,—раздался опять голосъ кучера, и какъ мнѣ показалось, уже настойчивѣе и повелительнѣе.

— Сейчасъ, сейчасъ,—поворотно заторопился я и сталъ застегивать пальто на всѣ пуговицы.

„Вздоръ это не „онъ“, не можетъ быть“ и выпалилъ:

— Въ деревню!

Мы усталились другъ на друга и я, не выдержавъ, наконецъ, его вопросительнаго взгляда, ребячески засмѣялся.

— Въ деревню, дружокъ мой,—повеселѣлъ я,—въ деревню. Тамъ братецъ, видишь ли,—началъ я конфиденціально, схвативъ его за пуговицу кафтана,—мужики, то-есть мои знакомые мужики; бѣда тамъ у нихъ,—скороговоркой и хмурясь уже продолжалъ я, такъ имъ, милый мой, помощь нужна.

— Чай голодаютъ?—перебилъ онъ меня совсѣмъ другимъ голосомъ.

— А тебѣ на что,—брезгливо отодвинулся я отъ него и подозрительно оглянулся, не подслушивалъ ли кто-нибудь.—Это, милый ты мой, не хорошо допытываться. Не позволено,—строго выпрямился я,—по закону этого нельзя, не позволено, не позволено.

„Возьметъ шельма, да въ полицію свезетъ, съ тоской замѣтался я. И зачѣмъ, зачѣмъ только я съ нимъ связался?“

— Въ какую деревню?—спросилъ кучеръ почтительнымъ голосомъ, который показался мнѣ еще подозрительнѣе.

— Нѣтъ, братецъ мой,—заегазилъ я и опять хватая его за пуговицу,—я, милый мой, въ слову только деревню назвалъ. Я это въ примѣру. Кому нужна деревня, пусть тотъ и ѣдетъ, а мнѣ, милый мой, городъ нуженъ, уединенная квартира, чтобы отъ людей уйти, ибо я знакомствъ не люблю. Знакомства въ худому ведутъ. Такъ-то, милый мой! Да и кому нужна деревня и что она такое? Ничего. Деревни нѣтъ, а есть мужикъ. А мужикъ самъ знаешь что. Глупый, безчувственный, непросвѣщенный и воръ. Его сѣчь нужно, чтобы онъ не баловалъ да подати исправно платилъ. Такъ-то, дружокъ мой, сѣчь нужно его, окаяннаго.. А гдѣ бы тутъ, братецъ, мнѣ телѣжку этакую найти, тарантасикъ знаешь этакій?

Кучеръ поглядѣлъ, поглядѣлъ на меня, плюнулъ и отошелъ. Я осторожно сталъ пятиться назадъ и вдругъ поскакалъ, нарочно жестикулируя руками и ногами, чтобы тотъ принялъ меня за совершеннаго сумашедшаго.

„Ну и задамъ же тебѣ,—кипѣлъ я въ страшномъ негодованіи противъ Вари.—Любовниковъ захотѣла, а я за то на каторгу

пойди. Дряни какой-нибудь заалкала, а я за то платись. Нѣтъ, сударыня, нѣтъ не согласенъ.“

И долго я еще такъ бѣгалъ, жестикулируя, ругаясь и разговаривая вслухъ. Одинъ разъ я, вѣжеся, зашелъ въ какой то грязный дворъ попросить напиться, въ другомъ мѣстѣ я у кого то спрашивалъ о тарантасахъ и не знаю ужъ какимъ образомъ очутился на базарѣ, гдѣ нашелъ въ изобилии деревенскія телѣги. Прицѣпившись къ одной, которая, какъ мнѣ казалось, ближе всего напоминала что то чичиковское, я сторговался съ мужикомъ, который опять оказался мнѣ знакомымъ человѣкомъ, на что я ужъ не обратилъ второпяхъ вниманія и, потирая весело руки, велѣлъ везти себя домой.

„Навѣрное, сундуковъ не приготовила“, подумалъ я, когда телѣга заниряла по скверной мостовой и сейчасъ же задремалъ отъ усталости.

Внезапный толчокъ вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія и я съ недоумѣнїемъ сталъ осматривать запыленный. весь въ складкахъ мужицкїй затылокъ, который въ это время повернулся, чтобы показать мнѣ толстое, бритое лицо съ короткими, желтоватыми зубами.

— Куда прикажешь, — сказалъ онъ губами, — направо что ли?

Мы стояли на перекресткѣ длинной улицы. Я подумалъ, подумалъ и сообразилъ, что направо.

— Валяй, валяй, — съ грустью вымолвилъ я, — отъ судьбы не убѣжишь.

Я привсталъ на своемъ мѣстѣ и балансируя, чтобы не выпасть изъ телѣги, продолжалъ говорить, обращаясь къ здоровому запыленному затылку, который страшно привлекалъ меня.

— Жену имѣлъ ты, сударь, жену, которую любилъ, обожалъ и лелѣялъ?

И когда онъ мотнулъ отрицательно затылкомъ и поднялъ кнутъ, я почувствовалъ себя совершенно въ его власти.

— А я, милый ты мой, имѣлъ. Но не умѣла быть женой, не надо было замужъ выходить, правда, братецъ, не надо было. Хотя бы предъ тобой тутъ зарѣзался человѣкъ, не надо было выходить, такъ что ли, — съ мольбой допытывался я у запыленнаго затылка. — А вышла, такъ потому я за это отвѣчай, духа не поняли моего, такъ я на ваторгу за васъ пойдю, безъ денегъ остались, такъ любовника вамъ подай. — Такъ что ли, все жалобнѣ умолялъ я затылокъ, точно въ немъ мое спокойствїе лежало. — Посердились такъ вонъ его изъ дому голоднаго, безильнаго, вонъ изъ дому, возвышалъ я голосъ. — Такъ что ли, сударыня, тому вы выучились у меня, тому ли, спрашиваю я васъ? А мужъ, сиди на колесѣхъ и ватись!

Я, наконецъ, рѣшился сѣсть и больше не заговорилъ, предаваясь самымъ грустнымъ мыслямъ. И когда мы подъѣхали къ дому, я сошелъ насторожившись...

Взобравшись въ одинъ мигъ наверхъ, я нарочно вихремъ вбѣжалъ въ комнату и развязно крикнулъ: „Эй, хозяйка, готовы сундуки? Мужикъ помощи сносить.“

Варя попыталась было заговорить, спросить, но я живо оборвалъ ее.

— Впередъ, впередъ, въ деревню,—закричалъ я оживленно.— Тамъ, тамъ начнется наша новая жизнь. Увидишь Варя, только поторопись и не спрашивай.

Такъ какъ ничего не оказалось приготовленнымъ, то я сталъ живо складывать все, что попадалось подъ руки въ сундуки, сопровождая свою работу патетическими возгласами и поминутно требуя помощи. Руки у меня дрожали, голова кружилась и нѣсколько разъ я чуть было не поддался искушенію бросить всю эту глупую работу, лечь въ кровать и хотъ одну минуту передохнуть. Между тѣмъ дѣло шло своимъ порядкомъ и въ скорости все было упаковано, завязано, вынесено съ помощью мужика на улицу и возложено на телѣгу. Отступить было уже поздно и стыдно, и такъ измученный я усѣлся на свое сидѣнье, Варя рядомъ со мной и послѣ многочисленныхъ окриковъ мужика, „все ли готово“, „не забыли ли чего“, мы тронулись въ путь. Провѣзжая по городу, я держалъ себя спокойно, точно видѣ этихъ сѣрыхъ улицъ, сѣрыхъ домовъ, сѣрыхъ людей замыкалъ мое волненіе. Но какъ только мы выѣхали въ поле и я услышалъ мягкій стукъ копытъ по ровной землѣ, я весь закипѣлъ и все дальнейшее совершилось уже безъ моей воли. Бѣшеный экстазъ овладѣлъ мной при видѣ безпредѣльности, которую вездѣ встрѣчали мои глаза. Вся природа съ блестящимъ солнцемъ и обширнымъ полемъ, съ разноцвѣтными дорогами, съ горизонтомъ, казавшимся тихимъ, вѣчнымъ моремъ, съ синимъ воздухомъ и моимъ сердцемъ, со всѣмъ могуществомъ, безконечнымъ міромъ, нигдѣ не скованнымъ какой либо преградой, все слилось для меня въ одно обожаніе и преклоненіе предъ вѣмъ-то.

— „Зачѣмъ онъ погоняетъ? съ недоумѣніемъ спрашивалъ я себя, глядя на мужика. Зачѣмъ несетесь и вы, поборныя лошади, зачѣмъ катитесь и вы, колеса? О, остановитесь, умилитесь и вы передъ вѣчной гармоніей, умилитесь и забудьте о своемъ жалкомъ жребіи... Но ты, солнце, ты свѣти и никогда не уставай посылать свои благодѣтельные лучи на прекрасную землю, гдѣ каждая былинка, гдѣ ничтожное колесо и геній, гдѣ козявка, лошадь и орелъ, каждое по своему поддерживаетъ радостное настроеніе вселенной. И благословляю изъ жаркаго сердца, изъ

переполненного, освѣженного сердца эту минуту и тебя, вселенная. Благодарю, о благодарю!”

У меня перевернулось сердце отъ блаженства. Съ радостнымъ уничиженіемъ я обвелъ взглядомъ золотистыя, бросающія на насъ тѣнь облака, далекій горизонтъ, землю, великую, безпечную землю, которая, сверкая всѣми цвѣтами радуги, обѣжала вокругъ насъ, увлекая за собою зеленѣющія нивы, деревья, холмы, и тихо заплакалъ.

— Стой, стой—закричалъ я, обращаясь къ мужику, довольно нестись. Здѣсь мы сойдемъ.

Мужикъ повернулъ ко мнѣ голову, точно желая еще разъ услышать приказаніе, но не дождавшись, махнулъ рукой и удержалъ лошадей. Я быстро спрыгнулъ внизъ и не обращая вниманія на Варю, которая послѣдовала мной, подбѣжалъ къ манившей меня лужайкѣ, гдѣ остановился переполненный невѣдомыхъ сладкихъ чувствъ. Помню, когда я слышалъ топотъ шаговъ мужика и запыхавшееся дыханіе Вари, въ головѣ моей моментально все перевернулось. Какъ сновидѣніе промелькнула у меня мысль, что трое были при созданіи міра и трое вѣроятно будутъ, когда міръ черезъ милліоны лѣтъ окоченѣетъ отъ холода. Тутъ же я рѣшилъ, что „ихъ“ нужно наказать и что для этого мужикъ и интеллигентъ братски подадутъ другъ другу руку, ибо въ нихъ, крайнихъ точкахъ, соединенныхъ ревностью и ненавистью къ смутителю, весь смыслъ грядущей исторіи, что исторія не факты войнъ и хронологія, а всеобщее притворство и потому, именно потому нужно теперь совершенно и въ конецъ притвориться, чтобы совсѣмъ ужъ втоптать ее въ грязь.

Вся эта дребедень пронеслась въ моей головѣ, меньше чѣмъ въ мгновенье, и я почувствовалъ себя готовымъ.

— Вотъ тутъ мы имъ покажемъ,—пробормоталъ я, въ негодованіи.— Не будешь лазить по чужимъ женамъ, куроцапъ проклятый! Стоялъ бы я развѣ здѣсь, если бы не ты,—здѣсь среди этого проклятаго грязнаго поля, когда дома за квартиру не заплачено и хозяйство разорено.. Изъ дому выгналъ,—возвысилъ я голосъ.— Жалко тебѣ стало, что мы гнѣздо насидѣли, такъ ты рабочаго принесъ. А яда, другого яда не нашлось для насъ въ мірѣ. А ста ядовъ не нашлось бы у какого-нибудь дрогиста даже для самаго обширнѣйшаго сердца. Весь міръ захотѣлъ спасти, такъ я за то жены лишился. Но..

— Оставь,—дажно умоляла меня Варя, отъ которой я отбивался, какъ отъ назойливой мухи,—ради Бога, опомнись! И зачѣмъ здѣсь? Господи, что ты это выдумалъ! Поѣдемъ домой, ради Бога поѣдемъ.

— Но наступила минута возмездія,—продолжалъ я, не слу-

шая ее.—О мужикъ, святое всеисцѣляющее существо. Тебѣ я иду помочь всѣми силами и способностями. Не горюй, не томись, мой возлюбленный народъ. Тотъ—кто денно и ночью думалъ о тебѣ, кто дышалъ одной мыслью помочь тебѣ, готовъ, онъ уже въ пути, онъ идетъ къ тебѣ.

Я вырвался отъ нея, чувствуя крылья за спиной, и отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, остановился, посмотрѣлъ кругомъ себя и заговорилъ:

— Здѣсь мы построимъ великую хижину. Здѣсь. Дивная земля, мать міра, тебѣ я посвящаю тайну, давно взлелѣянную въ сердцѣ моемъ. Съ четырехъ концовъ вселенной будутъ стекаться къ великой хижинѣ и всѣ мірскіе вопросы будутъ разрѣшаться въ ней душевно, радостно, въ мудрыхъ бесѣдахъ. Не въ деревню мы пойдемъ, ибо деревня соблазнъ, а деревня придетъ къ намъ. И тогда мы научимъ, наставимъ и отпустимъ съ миромъ. Свѣтъ нашего ученія изъ устъ въ уста, какъ волна къ волнѣ, разнесется во всѣ стороны, ибо слово идетъ дальше свѣта, ярче свѣта. Мудрыя бесѣды возвысятъ мысль, выведутъ ее изъ ничтожности, очистятъ духъ отъ суеты и это передастся всѣмъ скорбящимъ. Ибо душу, во-первыхъ и во-первыхъ, нужно очистить отъ зла, соскоблить съ нея вѣховую скверну и сдѣлать ее зеркаломъ, чтобы дурное и злое могло только отражаться въ ней, но не повелѣвать... Все счастье души въ покоѣ и созерцаніи. Смотри, но не соблазняйся, не соблазняйся и не будешь злиться. Главное, не злись, не зарься на чужое добро, счастье, жену. И тогда ты, мужикъ, принесешь миръ, ибо ты есть миръ. Но не рабочій, не рабочій, ибо онъ золь, озлобленъ, какъ его учитель. Ибо онъ хочетъ пожрать міръ, царить. А мужикъ добръ, кротокъ и незлобивъ. Числомъ онъ великъ и его не сочтешь. Сидитъ онъ у земли, у самой матери подлѣ сосцовъ и кормитъ насъ, сытыхъ и злыхъ. Всѣмъ онъ братъ и всѣмъ братьямъ старшимъ отдаетъ любовно все, что имѣеть, и добро свое, и спину свою. Отъ того онъ голоденъ, холоденъ, скорбитъ и въ цѣпяхъ. Рабочій же золь, смутитель, женоискатель и развратникъ. Алчный, хищный, съ понуренной головой и злыми глазами. Онъ требуетъ жертвъ и мужикъ бросаетъ деревню и идетъ за нимъ и развращается. И этому нужно положить конецъ. Здѣсь, здѣсь, въ великой хижинѣ съ четырьмя дверями во всѣ стороны, не двигаясь, начнемъ мы борьбу со зломъ. И сдѣлано это будетъ безъ злобы душевной и радостно. Истинно, истинно говорю вамъ, не пройдетъ много времени и всѣ злые, черные гады уйдутъ въ свои норы. Привѣтъ же тебѣ, мать земля, привѣтъ тебѣ—дивный пріютъ, гдѣ зародится звѣзда будущаго, привѣтъ, мѣсто, гдѣ вырастетъ великая хижина съ четырьмя дверями во всѣ стороны, въ которой будутъ

сходиться и мудрые, и глупые, и сытые, и голодные, и больные, и здоровые, и скорбящие, и радостные. Привѣтъ и тебѣ, мужикъ—освободитель, и тебѣ, женщина, долженствующая принести тихое веселіе и блаженство.

Я хотѣлъ стать на колѣни, чтобы поклониться землѣ, мужику и Варѣ, но это оказалось невозможнымъ: кто-то давно, неумолимо тянулъ меня куда-то.

„Пусть тащить,—блаженно думалъ я, не сопротивляясь,— пусть тащить!“

Мнѣ показалось, что я хочу улетѣть туда, въ это беспредѣльное, дорогое небо, и въ это самое мгновеніе я почувствовалъ, что поднимаюсь вверхъ. Я взмахнулъ руками и увѣренно, какъ птица, сталъ въ воздухъ и поплылъ. Отъ волненія у меня закружилась голова и я положилъ ее на что-то мягкое и теплое. Противъ моихъ глазъ поднималась, какъ столбъ, темно-красная, морщинистая шея и терялась въ грудѣ пыльныхъ и желтоватыхъ волосъ. Чѣмъ-то страннымъ пахло отъ этого столба, и я отвернулъ голову.

„Пусть несетъ,—думалъ я,— пусть несетъ, ибо въ жизни каждаго кто-нибудь носить.“

Потомъ я очутился рядомъ съ Варей, и телѣга тронулась. Спокойное и прекрасное небо медленно стало уходить отъ меня назадъ вмѣстѣ съ солнцемъ и облаками, а далеко, далеко впереди небесный сводъ завертѣлся, какъ самый маленькій волчокъ.

Слышалъ я, какъ Варя тихо плакала, и изрѣдка теплыя слезы ея падали мнѣ на лицо и текли по моимъ щекамъ, точно родня. Но я не жалѣлъ ее. Я жалѣлъ о вѣчно холодномъ беспредѣльномъ небѣ, прекрасномъ и суровомъ, къ которому я не могъ улетѣть, чтобы раствориться въ его величавомъ равнодушіи ко всему, всему...

Но еще, еще болѣе жалко было лошади, которая мелкой рысцей плелась куда-то, позвякивая своимъ колокольчикомъ, разсказывавшимъ мнѣ странныя и печальныя исторіи,—плелась впередъ, все впередъ куда-то, Богъ знаетъ зачѣмъ...

Семень Юшневичъ.

ВЪ ЛѢСУ.

М. Конопницкой (переводъ съ польскаго).

I.

Вечеръ блѣдный, вечеръ мгlistый;
Грустно гаснетъ хмурый день.
Вслѣдъ за мной лѣсной тропинкой
Неотступно бродить тѣнь.
Не зоветъ къ себѣ, не манить,
Только вширь и вглубь за ней
Даль минувшаго сверкаетъ
Въ зоряхъ первыхъ ясныхъ дней.
Не зоветъ меня, не манить,
Бездыханна, неясна...
Только лѣсъ шумитъ и будитъ
Пѣсни старья отъ сна.
Пѣснь съ зарей слилась, и душу
Озаряетъ кроткій свѣтъ.
Тихо я иду въ раздумьи,
Тѣнь за мной идетъ во слѣдъ,
По вустамъ прозрачной, зыбкой
Протанулась полосой:
Шепчетъ листь, вверху засохшій,
Все внизу блеститъ росой.
Внизъ гляжу ли, вверхъ ли гляну,
На глаза роса падеть...
А въ просвѣтахъ чащи блѣдныхъ
Слышенъ сонный, легкій ходъ...
.

II.

По тропѣ иду, затерявъ
Въ тишинѣ глуши лѣсной,
Слышу вздохи блѣдной тѣни,
Что колеблется за мной.
Не ищу ее, не брошу,
Но стѣснило что-то грудь,
И не смѣю обернуться,
Чтобъ въ лицо ея взглянуть.
Не гонюсь, не убѣгаю
И не плачу, не дрожу,
Но въ тоскѣ ломаю руки
Всякій разъ какъ съ ней хожу.

Но волнуешь что-то тайно
 Въ часъ вечерній сердце мнѣ:
 То душа моя за мною
 Ходить, знаю, въ тишинѣ.

III.

На краю поляны этой,
 Что уходитъ въ темный боръ,
 Я стою въ тоскѣ глубокой,
 Обративъ назадъ свой взоръ.
 Ничего вокругъ не видно:
 Все сѣдая скрыла мгла,
 Мохъ обрызгала росюю,
 По дорогѣ залегла.
 Только тихій вздохъ несется
 По вѣтвямъ въ лѣсной глуши,
 Да незримыхъ трепетанье
 Крыльевъ слышится въ тиши.
 Да далеко, черезъ поле,
 Гдѣ костеръ давно погасъ,
 Искру кто-то раздуваетъ
 Въ немъ, невидимый для глазъ.
 Только видно, какъ выходитъ
 Черный дымъ изъ вурныхъ хатъ,
 Только сосны стонуть глухо,
 Да цвѣты льютъ ароматъ.

IV.

И стою задумчивъ, блѣдень,
 Въ мракъ и тѣнь вперивъ свой взглядъ,
 И внимаю, какъ вздыхаетъ
 Лѣсъ, весь трепетомъ объять.
 Сѣлъ на камнѣ я холодномъ,
 Но напалъ внезапный страхъ,
 Какъ свою искать я душу
 Сталь въ померьнувшихъ лучахъ,—
 Въ этомъ дымѣ, что несется
 Надъ поляною лѣсной,
 Въ блѣдномъ мхѣ, росой покрытомъ,
 Въ легкой, влажной мглѣ ночной.
 Слезъ горячихъ капли тихо
 На бездушный пали мохъ,
 И въ отвѣтъ имъ въ полумракѣ
 Лѣсъ мнѣ плетъ свой тихій вздохъ.

А. Нагин—скій.

НА ЖЕНЕВСКОМЪ ОЗЕРѢ.

Мы приѣхали изъ Парижа въ Женеву подъ дождемъ, ночью, но въ разсвѣту отъ дождя осталась только свѣжесть въ воздухѣ. Отворивъ дверь на балконъ мы почувствовали упоительную прохладу ранняго осенняго утра. Въ улицахъ таялъ молочный туманъ съ озера, солнце тускло, но уже бодро блистало въ туманѣ, а влажный вѣтеръ тихо покачивалъ кроваво-красные листья дикаго винограда. По обыкновенію, мы умылись и одѣлись быстро и вышли изъ отеля точно послѣ морской ванны: освѣженные крѣпкимъ сномъ, готовые на какія угодно скитанія и съ молодымъ предчувствіемъ чего-то хорошаго, что сулитъ намъ день.

— Славное утро опять послалъ намъ Богъ! — сказала мнѣ товарищъ.— Ты замѣтилъ, что первый день послѣ нашего приѣзда куда-нибудь — непременно погожий? А главное — какъ весело! Право, это совсѣмъ не такой пустырь, какъ думаютъ, — не курить, ѣсть только молоко, зелень, жить на воздухѣ и просыпаться вмѣстѣ съ солнцемъ! Я говорю о томъ, какъ это утончаетъ и облагораживаетъ духъ! Посмотри, что скоро объ этомъ будутъ говорить не доктора, а поэты...

Я молча, улыбкой, согласился съ нимъ. Дѣйствительно, мы все время нашего путешествія жили очень воздержанно и почти не курили, что давало ощущение, давнее неиспытанное, — ощущение чистоты и лѣтней свѣжести. На скорую руку мы выпили въ ресторанѣ кофе, посмотрѣли утреннюю торговлю на рынкахъ, зашли въ отель за путеводителемъ и уже на цѣлый день пустились куда глаза глядятъ.

Въ городѣ было тихо и безлюдно въ это утро. Было воскресенье, магазиновъ еще не открывали, а блестящіе вагончики электрическаго трамвая проносились по чистымъ и прохладнымъ улицамъ совсѣмъ почти пустыне.

— Къ озеру! — въ одинъ голосъ сказали мы, выходя изъ отеля.

Но гдѣ оно, въ какой сторонѣ? И на минуту мы остановились въ недоумѣніи. Вдалекѣ направо все было въ легкомъ свѣтломъ туманѣ, а мостовая въ концѣ улицы блестяла подъ солнцемъ, какъ золотая.

— Да ужъ не озеро ли это? — пришло мнѣ въ голову.

— Озеро, — не колеблясь, сказалъ мнѣ товарищъ, и мы быстро пошли къ тому, что казалось мокрой и блестящей мостовой.

Солнце на пустой набережной уже сильно пригрѣвало сквозь туманъ и все сіяло передъ глазами. Но долины, озеро и дальнія Савойскія горы еще дышали туманной свѣжестью. Выйдя на набережную, мы невольно остановились въ томъ радостномъ изумленіи, которое испытываешь всегда, внезапно увидавъ красоту и просторъ моря, озера или долинъ съ высоты. Савойскія горы таяли въ свѣтломъ утреннемъ парѣ, такъ что подъ солнцемъ едва можно было различить ихъ: приглядишься — и уже только тогда увидишь тонкую золотистую линію хребта, вырѣзывающуюся въ небѣ, а потомъ почувствуешь и самую массивность горныхъ громадъ. Вблизи же, въ огромномъ пространствѣ долины, въ прохладной и влажной свѣжести тумана, лежало голубое, прозрачное и глубокое озеро. Оно еще дремало, какъ дремали и косые паруса лодокъ, столпившихся у города. Точно сѣрыя поднятыя крылья возвышались они въ воздухѣ, но были еще беспомощны въ тишинѣ утра. Двѣ-три чайки низко и плавно скользнули надъ водою, и одна изъ нихъ вдругъ блеснула мимо насъ крыльями и метнулась въ улицу. Мы разомъ обернулись за ней и видѣли, какъ она, испуганная непривычнымъ зрѣлищемъ, сдѣлала рѣзкій и быстрый поворотъ назадъ.

— Вотъ славно! — воскликнулъ мой спутникъ. — Подумай, — какъ счастливы люди, въ города которыхъ залетаютъ чайки въ солнечное утро и вдругъ напоминаютъ о чемъ-то радостномъ и вольномъ, что есть на свѣтѣ!

И насъ потянуло въ горы, на озеро, куда-то въ даль... Пока испарялся туманъ, мы сходили въ городъ, купили въ кабачкѣ вина и сыру, полюбовались чистотой и привѣтливостью улицъ. живописными тополями и платанами въ тихихъ и золотыхъ садахъ... Бирюзовое небо стало уже ярко и чисто надъ ними.

— Знаешь, — сказалъ я, — мнѣ часто не вѣрится, что я дѣйствительно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ, бывало, только мечталъ, гляди на карту, и часто хочется напомнить себѣ объ этомъ какъ-нибудь посылнѣе. Чувствуешь ты, на примѣръ, что вотъ за этими горами, такъ близко отъ насъ — Италія? Чувствуешь ты югъ въ этой удивительной осени? А вотъ Савойя — родина тѣхъ самыхъ мальчиковъ-савояровъ съ обезьянками, о которыхъ читалъ въ дѣтствѣ такіа трогательныя исторіи!

И мечтая о томъ, какъ много еще у насъ впередъ новаго, неизвѣданнаго и прекраснаго, мы почти до конца прошли набережную по направленію къ Лозаннѣ и наняли у пристани лодку. Ни о чемъ будничномъ не хотѣлось думать въ это праздничное утро и оно приняло насъ такъ привѣтливо и радостно.

*

У мостовъ пристани мирно дремали на солнцѣ и лодки, и лодочники. Въ голубой, прозрачной водѣ глубоко видны были песчаное дно, сваи и кили лодокъ. Было совсѣмъ лѣтнее утро, и только по тому спокойствію, которое царило въ прозрачномъ воздухѣ, чувствовалось, что это спокойствіе послѣднихъ дней осени. Отъ тумана не осталось и слѣда, голубое озеро было необыкновенно далеко видно по долинѣ. И снявъ пиджаки, мы весело засучили рукава и взялись за весла. Пристань отошла и стала быстро удаляться. Уходилъ и сіявшій подъ солнцемъ городъ, набережная, парки... Впереди вода блестѣла ослѣпительно, и около лодки становилась все глубже, тяжелѣй и прозрачнѣй. Весело было погружать въ нее весла, чувствовать ея упругость и смотрѣть, какъ взлетаютъ изъ-подъ веселъ свѣтлыя и прохладныя брызги. А когда я оглядывался, я видѣлъ раскраснѣвшееся лицо моего товарища и голубую ширь озера, вольно и сповойно лежавшаго среди покатыхъ горъ, покрытыхъ желтѣющими лѣсами, виноградниками и виллами въ паркахъ.

— Не сѣши!—сказалъ мнѣ, наконецъ, товарищъ и опустил весла.

Опустилъ и я, и тотчасъ же наступила глубокая и давно уже не испытанная нами тишина. Прикрывъ глаза, мы долго слышали только однообразное журчаніе воды, бѣгущей вдоль бортовъ лодки. И даже по звуку можно было угадать, какъ чиста и прозрачна она.

— Ъдемъ?—спросилъ я тихо.

— Погоди,—слушай!—перебилъ меня товарищъ.

Я совсѣмъ поднялъ весла и журчаніе стало медленно замедлять. Съ веселъ упала капля, другая... Солнце все жарче пригрѣвало намъ лица... И вотъ издалека-издалека долетѣлъ до насъ мѣрный и звонкій голосъ колокола, одиноко звонившаго гдѣ-то въ горахъ. Такъ далеко былъ онъ, что пороку мы едва улавливали его.

— Помнишь колоколь Кельнскаго собора?—виолголоса спросилъ меня товарищъ.—Я проснулся раньше тебя,—еще утренняя заря чуть брезжила,—сталъ у раскрытаго окна и долго слушалъ, какъ онъ одиноко и звонко кричалъ надъ своимъ старымъ городомъ... Помнишь органъ въ соборѣ и всю средневѣковую красоту древнихъ костеловъ, которую пережили мы? А потомъ Рейнъ, старые города, старыя картины въ галереяхъ, Парижъ... Но это не то, это лучше... Ты слушаешь?

Звонъ колокола, чистый и нѣжный, доносился до насъ теперь явственнѣй, и необыкновенно приятно было слушать его, сидѣть съ закрытыми глазами и чувствовать ласку солнца на лицѣ и мягкую прохладу отъ воды. Съ отдаленнымъ, глухимъ и сердитымъ ропотомъ колесъ прошелъ верстахъ двухъ отъ насъ весь бѣлый и свергающій пароходъ изъ Лозанны. Плавные и стекло-

видные перекаты воды долго и широко бѣжали къ намъ и, наконецъ, ласково заколыхали лодку.

— Вотъ мы и у предверія въ Альпы!—сказалъ мнѣ товарищъ, когда пароходъ сталъ, сокращаясь, удаляться.—Все теперь такъ далеко отъ насъ, жизнь всей Европы осталась гдѣ-то тамъ, за этими горами, а мы какъ будто вступаемъ въ благословенную страну вѣчной горной тишины, которой нѣтъ имени на нашемъ языкѣ.

Медленно работая веслами, онъ говорилъ и слушалъ, а озеро все шире обнимало насъ. Звонъ колокола временами казался то ближе, то дальше.

„Гдѣ-то въ горахъ, думалъ я, пріютилась маленькая кирка и одна славить своимъ звонкимъ голосомъ миръ и тишину воскреснаго утра, призывая идти къ ней по горнымъ тропинкамъ, надъ голубымъ озеромъ...“

И ничто не омрачало свѣтлой красоты праздничнаго дня южной осени. Далеко по горамъ пестрѣли нѣжными осенними красками лѣса и рощи, по обѣимъ сторонамъ озера одиноко проводили ясный осенній день тихія и живописныя виллы въ садахъ...

— Видна отсюда Лозанна?—спросилъ меня товарищъ.

— Что ты!—сказалъ я, и все-таки долго глядѣлъ въ даль озера. Потомъ, чтобы вымыть стаканъ, зачерпнулъ въ него воды и бросилъ ее въ воздухъ. Она взвилась и блеснула въ воздухъ серебристыми рыбками. А товарищъ откупорилъ бутылку съ виномъ, поставилъ ее на скамейкѣ въ лодкѣ и опять улыбнулся, прикрывая глаза.

— Ну,—сказалъ онъ,—выпьемъ за горы — за неизсякаемый и чистый источникъ красоты! Помнишь ты „Манфреда?“ Манфредъ одинъ въ Бернскихъ Альпахъ, у водопада. Полдень. Онъ произноситъ заклинанія, беретъ въ пригоршни воды и бросаетъ ее въ воздухъ. Въ радугѣ водопада появляется дѣва горъ. Какъ это прекрасно! Вотъ ты плеснулъ сейчасъ водой и я подумалъ, что влагѣ можно поклоняться, какъ поклонялись огню... Но я началъ говорить не къ тому. Я хотѣлъ сказать, что вотъ на этомъ озерѣ были когда-то великія и чистыя души... Шелли, Байронъ... потомъ Мопассанъ, одинокій и носившій въ своемъ сердцѣ жажду счастья цѣлаго міра. И всѣ мечтатели, всѣ любившіе и молодые когда-то женщины и мужчины временъ Данте и Мюссе, Вертера и Жанъ-Жака Руссо, всѣ, которые приходили сюда за счастьемъ, всѣ уже прошли и скрылись куда-то навсегда. Такъ пройдемъ и мы съ тобой... Хочешь вина?

Я подставилъ стаканъ, онъ налилъ и прибавилъ съ грустной улыбкой:

— Да, скоро пройдемъ и также не скажемъ ни себѣ, ни людямъ, гдѣ счастье? Неужели не скажемъ?—спросилъ онъ, подымая на меня глаза.—Знаешь, такъ хорошо, что приходится въ голову—не здѣсь ли оно? Можетъ быть, оно только въ успо-

коени? Сейчасъ, напримѣръ, мнѣ кажется, что когда-нибудь я солюсь съ этой предвѣчной тишиной, у предверія которой мы стоимъ, и что счастье въ ней. Пока мы еще среди людей. Но тамъ, вотъ за этими горами, заповѣдное царство иной жизни. Тамъ стоятъ Альпы увѣчаные льдами, и отъ вѣка слушаютъ глубокую и неизрѣченную тишину своихъ долинъ. Помнишь, у Ибсена Рубекъ говоритъ: „Ты слышишь, Майя, тишину?“ Это хорошо сказано! Слышишь *тишину горъ*, особенную, заповѣдную тишину? Только почему даже и объ ней хочется рассказать женщинѣ?

Мы долго глядѣли на горы и на чистое нѣжное, нѣжное небо надъ ними, въ которомъ уже была безнадежная грусть осени. Какъ посторонніе, мы представили самихъ себя далеко въ сердцевинѣ горъ, гдѣ не бывала еще нога человѣка... Солнце стоитъ надъ глубокими и со всѣхъ сторонъ заменутыми долинами, орелъ паритъ въ огромномъ пространствѣ между ними и небомъ.. И вѣчная тишина надо всѣмъ! Только насъ двое и мы идемъ все дальше въ глубину горъ, какъ тѣ, которые гибнутъ въ поискахъ за Эдельвейсомъ.

„Скитанія! думалъ я. Вѣчная печаль и радость тѣхъ, которые ищутъ въ жизни счастья“!

И мы опять заговорили о томъ, что такъ неустанно преслѣдовало насъ. Мы опять вспомнили старые города Германіи, Парижъ, его парки, Сену, бульвары и тысячи женщинъ, за которыми мы слѣдили, какъ за химерой, вѣчно дразнившей насъ и принимавшей все новые и новые образы. Теперь все это было далеко. Но и здѣсь, въ горныхъ скитаніяхъ, которыхъ мы ждали, и даже въ вѣчной тишинѣ горъ, которую мы предчувствовали, носился передъ нами все тотъ же уходящій и измѣнчивый образъ.

— Все-таки хорошо!—задумчиво сказалъ мой спутникъ, прислушиваясь къ далекому, замирающему звону.

— Хорошо!—сказалъ и я.

Потомъ медленно повернулъ лодку и взялся за весла. Товарищъ поднялъ свои и всю дорогу до Женевы сидѣлъ молча и глядѣлъ только въ воду.

Ему, съ которымъ я пережилъ такъ много хорошихъ минутъ, я посвящаю эти немногія строки. Онъ знаетъ, что я посвятилъ бы ихъ не дружбѣ, но тому, въ чемъ есть все—и дружба, и страсть, и нѣжность. Но не сказочное ли это счастье, которое уходитъ за темные лѣса и горы все дальше по мѣрѣ того, какъ идешь за нимъ?..

Посылаю мой привѣтъ всѣмъ друзьямъ нашимъ по скитаніямъ!

Ив. Бунинъ

БРОДЯГИ РАЗНЫХЪ СТРАНЪ.

Около десяти лѣтъ тому назадъ въ журналѣ «Contemporary Review» появились статьи Жозіа Флайнта объ американскихъ бродягахъ. Статьи эти возбудили вниманіе и даже вызвали полемику въ американской печати и критическія замѣчанія, что авторъ, какъ англичанинъ, невѣрно понялъ характеръ американскаго бродяги. Это побудило Флайнта еще разъ вернуться въ міръ бродягъ, чтобы провѣрить свои первоначальныя впечатлѣнія.

Заинтересованный бродяжничествомъ, какъ социальнымъ явленіемъ, Флайнтъ рѣшилъ по возможности ближе изучить міръ этихъ «рыцарей большихъ дорогъ», этихъ паріевъ общества, образующихъ главный контингентъ населенія тюремъ. Бродяга и преступникъ почти синонимы, и міръ бродягъ, дѣйствительно, составляетъ наибольшее число преступниковъ, поэтому для криминалиста онъ долженъ былъ бы представлять исключительный интересъ. Но криминалисты изучаютъ преступниковъ только тогда, когда они попадаютъ въ тюрьму, въ заключеніе, въ совершенно несвойственную имъ обстановку, вслѣдствіе чего выводы ихъ непремѣнно должны страдать нѣкоторою односторонностью. Они не видятъ преступника въ его нормальной обстановкѣ, совершенно не знаютъ его жизни, такъ что ихъ классификація преступниковъ далеко не соответствуетъ дѣйствительности.

Исходя изъ этого убѣжденія, Флайнтъ рѣшилъ самъ превратиться въ бродягу и странствовать по большимъ дорогамъ, раздѣляя съ бродягами всѣ превратности ихъ богатой приключеніями и злоключеніями жизни. «Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ,—говоритъ Флайнтъ въ своей книгѣ «Tramping with Tramps»,—иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ я жилъ въ тѣсной дружбѣ съ различными бродягами Европы и Америки. Я близко познакомился съ ними, съ ихъ жизнью, характеромъ, наклонностями». «Жизнь бродяги,—говоритъ онъ,—несмотря на всѣ сопряженныя съ нею лишенія и превратности, все-таки имѣетъ свои привлекательныя стороны, которыхъ совершенно лишена жизнь въ городскихъ трущобахъ, составляющая удѣлъ огромнаго числа бѣдняковъ. Жизнь на просторѣ полей, въ всякихъ условностяхъ и стѣсненіи цивилизованной жизни городовъ, безъ сомнѣнія, не лишена нѣкоторой поэ-

зи. Попробовавшіе бродяжнической жизни лишь въ рѣдкихъ случаяхъ не бываютъ подвержены той странной болѣзни, которую нѣмцы называютъ «Wanderlust». Черезъ болѣе или менѣе короткій промежутокъ времени, тотъ, кто ранѣе испыталъ эту болѣзнь, непременно возвращается къ прежней жизни и начинаетъ бродить по большимъ дорогамъ. Его такъ неудержимо тянетъ на просторъ, что лишь въ исключительныхъ случаяхъ онъ въ состояніи бываетъ преодолѣть это желаніе».

Въ Сѣверной Америкѣ существуетъ совершенно особый классъ бродягъ, которыхъ отъ времени до времени охватываетъ, по словамъ Флайнта «желѣзнодорожная лихорадка». Они бросаютъ свое жилище и работы, если таковыя у нихъ есть, и отправляются путешествовать по ближайшей желѣзной дорогѣ. Конечно, они не покупаютъ билетовъ и изобрѣтаютъ самые невѣроятные способы, чтобы удовлетворить свою страсть къ путешествіямъ, взбираются на крыши вагоновъ, устраиваются на буферахъ товарныхъ вагоновъ или на скрѣпленіяхъ подъ вагонами, рискуя каждую минуту быть раздавленными, но всѣ эти опасности и сильныя ощущенія не останавливаютъ ихъ и пока страсть къ путешествію не охладѣетъ, до тѣхъ поръ они продолжаютъ вести свою полную опасностей и приключеній жизнь желѣзнодорожнаго бродяги. Быть можетъ, еслибъ у такого бродяги были деньги, то для удовлетворенія своей страсти онъ сталъ бы путешествовать въ роскошномъ пудмановскомъ вагонѣ со всѣми удобствами, но денегъ у него нѣтъ и онъ взбирается на крышу этого вагона или на буферъ товарнаго и часто кончаетъ жизнь подъ колесами этого послѣдняго.

Флайнтъ, на собственномъ опытѣ испытавшій всѣ удобства такого путешествія во время своей бродяжнической жизни, говоритъ, что оно очень утомительно и затруднительно. Приходилось взбираться на верхушки вагоновъ, на буфера или же устраиваться на тележкахъ вагоновъ, т.-е. подъ вагонами. «Это было ужасное путешествіе,—разсказываетъ Флайнтъ.—По ошибкѣ мы взобрались подъ обыкновенный пудмановскій спальный вагонъ, вмѣсто багажнаго вагона. Пыль и мелкій песокъ (гравій) обсыпали намъ лицо, что заставляло насъ испытывать немалыя страданія. Когда мы доѣхали такимъ образомъ до Бингамтона, то у меня глаза были полны песка и спустя много дней послѣ моего возвращенія въ Нью-Йоркъ, глаза у меня все-таки продолжали болѣть. Но я знаю очень искусныхъ бродягъ, въ особенности на западѣ, которые всегда такъ путешествуютъ и ухитряются устраиваться подъ вагонами особенно ловко. Вообще, они должны были усовершенствовать этотъ способъ путешествія или же отказаться совсѣмъ отъ ѣзды по западнымъ линіямъ, такъ какъ на дальнемъ западѣ кондукторъ, не стѣсняясь, прямо сбрасываетъ на дорогу такихъ безбилетныхъ пассажировъ, на востокѣ же преобладаютъ болѣе цивилизованные обычаи и бродягъ предлагаютъ: «Соскочить, когда поѣздъ остановится». Вслѣдствіе

того, что желѣзнодорожная цивилизація такъ отстала на дальнемъ западѣ, бродяги и изобрѣли особенный способъ путешествія подъ вагонами, гдѣ они устраиваютъ для себя даже нѣчто вроде сидѣнія.

Желѣзнодорожные служащіе далеко не вездѣ относятся враждебно къ этимъ странствующимъ бродягамъ. Флайнтъ рассказываетъ, что однажды онъ со своимъ пріятелемъ взобрался на открытую платформу и хотя ихъ видѣлъ кондукторъ, но оставлялъ ихъ въ покоѣ. Дорогою Флайнту попалъ уголекъ въ глазъ. Боль была очень сильная. На одной маленькой станціи Флайнтъ соскочилъ съ платформы, пока стоялъ поѣздъ, и товарищъ его попробовалъ вытащить ему изъ глаза попавшій туда кусочекъ угля, но никакъ не могъ. Начальникъ станціи, замѣтившій ихъ, подошелъ къ нимъ и предложилъ Флайнту осмотрѣть глазъ. Онъ очень ловко вытащилъ уголекъ и когда кончилъ операцію, то сказалъ, обращаясь къ нимъ: «Ну, парни, бѣгите скорѣе, а то поѣздъ сейчасъ тронется». Конечно, они не замедлили воспользоваться его совѣтомъ.

Въ другомъ мѣстѣ кондукторъ, убѣдившись, что у нихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ денегъ, чтобы купить ему фляжку вина, взялъ ихъ подъ свое покровительство. Онъ предупреждалъ ихъ всякій разъ, когда поѣздъ долженъ былъ подходить къ такой станціи, гдѣ желѣзнодорожное начальство относилось враждебно къ бродягамъ. Флайнтъ и его товарищъ соскакивали съ поѣзда и бѣжали впередъ, чтобы обойти поѣздъ и взобраться на него уже съ другого конца. Случалось, что въ то время, когда они сидѣли на буферѣ, вдругъ раздавался голосъ, который кричалъ имъ съ вагонной вышки: «Эй, вы, тамъ, парни, на буферѣ, берегитесь! Сейчасъ будетъ станція Гаверстроу; тамъ васъ не любятъ!»

И Флайнтъ съ товарищемъ снова должны были бѣжать. Флайнтъ, конечно, очень утомился, но его товарищъ, привычный желѣзнодорожный бродяга, относился философски къ такому положенію вещей и ободрялъ его. Такимъ образомъ они добрались до Нью-Йорка, однако въ городъ нужно было переѣхать на паромѣ, а денегъ у нихъ не было. «Какъ же мы попадемъ туда,—спросилъ Флайнтъ своего товарища,—когда у насъ нѣтъ ни одного цента, чтобы заплатить за перевозъ?» Но бродяга успокоилъ его. Они пробрались къ парому черезъ желѣзнодорожный дворъ; сонный сторожъ не замѣтилъ ихъ, а на паромѣ Флайнтъ нашелъ еще четырехъ бродягъ, съ которыми онъ раньше встрѣчался на большой дорогѣ. Эта встрѣча вызвала общій смѣхъ и веселье.

Выйдя на берегъ, Флайнтъ распрошался со своимъ товарищемъ, котораго онъ больше не видалъ никогда и судьба котораго такъ и осталась ему неизвѣстна. Но Флайнтъ сохранилъ о немъ самыя теплыя воспоминанія, такъ какъ убѣдился, что добрыя чувства въ душѣ рыцарей большихъ дорогъ далеко не составляютъ исключенія.

Флайнтъ прожилъ среди желѣзнодорожныхъ бродягъ около восьми мѣсяцевъ и за это время проѣхалъ болѣе 20.000 миль. «Я выучился ѣздить въ товарныхъ поѣздахъ съ такимъ же спокойствіемъ и, пожалуй, даже съ еще большимъ комфортомъ, нежели въ пассажирскихъ поѣздахъ,—говоритъ онъ,—но все-таки мнѣ казалось страннымъ, что я никогда не покупаю для себя билета. За все это время не болѣе десяти разъ съ меня спросили плату и въ такихъ случаяхъ предметами «мѣновой торговли» служили ножи, табакъ, трубки, теплые платки. Однажды мнѣ пришлось отдать свои сапоги за переѣздъ черезъ Миссури. Это путешествіе стоило бы мнѣ не болѣе десяти центовъ, но такъ какъ у меня не было такой суммы, а тормазный кондукторъ желалъ получить мои сапоги, то мнѣ болѣе ничего не оставалось, какъ отдать ихъ ему».

Проведя съ этими бродягами столько времени, Флайнтъ убѣдился, что они дѣйствительно одержимы страстью къ путешествію—«Wanderlust». Большинство изъ нихъ начали свою карьеру еще ребенкомъ. Обыкновенно мальчикъ, обладающій живымъ воображеніемъ, страстью къ приключеніямъ и склонностью къ романтизму, подвергается сильному искушенію вскочить на товарный поѣздъ и отправиться путешествовать по свѣту. Поддавшійся хоть разъ такому искушенію, мальчикъ уже рѣдко возвращается назадъ къ своимъ родителямъ, онъ уже становится членомъ великой семьи бродягъ, гражданиномъ ихъ государства, которое въ Америкѣ на жаргонѣ бродягъ называется «Новоландъ». Съ годами такое полное приключеній странствованіе по желѣзнымъ дорогамъ не только не теряетъ для него своей привлекательности, но какъ будто даже привлекательность такой жизни усиливается и онъ уже совершенно не можетъ усидѣть на мѣстѣ, отвыкаетъ работать и становится неспособенъ къ другой жизни.

Однажды Флайнтъ, странствуя по восточной Пруссіи, разговорился со старымъ бродягой, который съ израненными ногами плелся по дорогѣ. Флайнтъ рассказалъ ему о томъ, какъ путешествуютъ по желѣзнымъ дорогамъ американскіе бродяги.

— О, какъ это должно быть хорошо!—воскликнулъ старый бродяга и со вздохомъ прибавилъ:—И подумаешь только, что насъ бы тутъ навѣрное повѣсили, въ нашемъ отечествѣ, еслибъ мы вздумали путешествовать такимъ образомъ! Неправда-ли, сынокъ, бѣднякамъ, да отверженнымъ только и мѣста, что въ республикѣ!

Однако, желѣзнодорожныя компаніи въ великой сѣверо-американской республикѣ иначе смотрятъ на это дѣло и считаютъ желѣзнодорожное бродяжничество большимъ зломъ, съ которымъ надо бороться, такъ какъ эти тысячи бесплатныхъ пассажировъ, которыхъ американскія желѣзныя дороги развозятъ, помимо своего желанія, по всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, наносятъ прямой ущербъ компаніямъ. Флайнтъ, хорошо изучившій жизнь и организацію желѣзнодорожныхъ

бродягъ, говоритъ, что развитію этого своеобразнаго бродяжничества въ странѣ, дѣйствительно, способствовала сравнительная легкость, съ которою бродяги могутъ бесплатно переѣзжать съ мѣста на мѣсто по американскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Ни въ какой другой странѣ это немыслимо, такъ какъ повсюду строго воспрещается странствовать по полотну желѣзныхъ дорогъ. Желѣзнодорожное бродяжничество развилось въ Америкѣ вскорѣ послѣ гражданской войны. До этого времени въ Америкѣ было очень мало бродягъ, а желѣзнодорожныхъ даже совсѣмъ не было. Послѣ войны они сразу появились, и притомъ въ большомъ количествѣ. Главнымъ образомъ это были люди, такъ полюбившіе лагерную, кочевую жизнь, что спокойная, осѣдлая жизнь въ большихъ городахъ сдѣлалась для нихъ совершенно невозможной. Вначалѣ большинство выбитыхъ такимъ образомъ изъ колеи людей еще пробовали пристроиться къ какому-нибудь дѣлу, но вскорѣ ими овладѣла неудержимая страсть къ странствованію, ихъ манило приволье большихъ дорогъ и сотни такихъ людей, одержимыхъ Wanderlust'омъ, отложили всякое намѣреніе работать болѣе или менѣе правильно и отправились бродить. Сначала они странствовали по окольнымъ или проселочнымъ дорогамъ, но затѣмъ нашли, что желѣзнодорожное полотно составляетъ для нихъ болѣе удобный путь. Разумѣется, какъ только они приблизились къ желѣзной дорогѣ, то у нихъ явилось желаніе проѣхать по ней,—сидѣть на буферѣ, на верхушкѣ вагона или даже на вагонной рамѣ показалось имъ куда удобнѣе, нежели перепрыгивать со шпалы на шпалу. Тогда-то профессиональные бродяги начали серьезно упражняться въ искусствѣ вскакивать и соскакивать съ движущихся товарныхъ поѣздовъ. Кондуктора болѣею частью снисходительно смотрѣли на этихъ случайныхъ пассажировъ, отчасти потому, что считали ихъ людьми, оставшимися безъ работы и лишенными всякихъ средствъ существованія, отчасти же вслѣдствіе врожденной у каждаго американца готовности помогать человѣку, попавшему въ затруднительныя обстоятельства. Такимъ образомъ, благодаря снисходительности желѣзнодорожныхъ служащихъ, этотъ родъ бродяжничества сильно развился, и теперь многія желѣзнодорожныя компаніи смотрятъ на него, почти какъ на неизбѣжное зло. Флайнтъ полагаетъ, что не менѣе десяти тысячъ такихъ бесплатныхъ пассажировъ каждую ночь переправляются по различнымъ желѣзнодорожнымъ линіямъ Соединенныхъ штатовъ, а другія десять тысячъ поджидаютъ въ разныхъ мѣстахъ удобнаго случая, чтобы вскочить на проходящій поѣздъ. Вообще Флайнтъ опредѣляетъ въ 60.000 число профессиональныхъ бродягъ въ Соединенныхъ Штатахъ и треть этого населенія находится въ постоянномъ движеніи. Благодаря легкости передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ, бродяжничество распространилось по всей обширной территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Не будь этого, многія мѣста этой территоріи остались бы недоступными для бродяги, такъ какъ конечно ни одинъ

изъ нихъ не рѣшился бы отправиться черезъ великую американскую пустыню, чтобы попасть въ Санъ-Франциско — «Frisco», какъ они называютъ этотъ городъ на своемъ жаргонѣ. Теперь же онъ можетъ легко переправиться туда по желѣзной дорогѣ и вы легко можете встрѣтить того же самого нищаго бродягу на рыночной площади въ Санъ-Франциско, черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ вы съ нимъ разговаривали на какой-нибудь улицѣ въ Нью-Йоркѣ.

Люди, вынужденные странствовать съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за работой, также легко превращаются въ профессиональных бродягъ. Флайнтъ знавалъ много такихъ людей, которые странствовали изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, отыскивая работу и пользуясь известными способами бесплатнаго передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль подобнаго странствованія очень многіе уже привыкають къ нему и даже начинаютъ находить особую привлекательность въ такой подвижной жизни. Проработавъ немного, они опять отправляются странствовать и уже путешествуютъ теперь только ради путешествія.

Классъ бродягъ близко соприкасается съ преступниками всякаго рода, но, по мнѣнію Флайнта, преступники составляютъ то, что называется «аристократіей» этого класса, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Очень часто преступники, не имѣвшіе удачи или разочаровавшіеся въ своемъ ремеслѣ и потерявшіе бодрость духа, превращаются въ профессиональных бродягъ, такъ какъ другіе пути для нихъ закрыты. Существованіе бродяги, во всякомъ случаѣ, кажется такому человѣку болѣе привлекательнымъ, нежели прозябаніе въ трущобахъ, отъ котораго именно онъ и мечталъ избавиться, когда прибѣгнулъ къ преступленію, чтобы добыть средства къ хорошей жизни.

Сталкиваясь постоянно съ преступниками во время своего общенія съ бродягами, Флайнтъ пришелъ къ заключенію, что дегенераты встрѣчаются между ними вовсе не часто. «Конечно,—говоритъ онъ,—я не могъ провѣрить ихъ черепоу, взвѣсить ихъ, осмотрѣть ихъ зубы, небо и сосчитать ихъ пульсъ въ возбужденномъ состояніи, но я долженъ сказать, что тотъ типъ преступника, который изображаютъ криминалоги въ своихъ ученыхъ трудахъ совсѣмъ не похожъ на преступниковъ, разгуливающихъ на свободѣ, съ которыми мнѣ приходилось близко сталкиваться во время своей бродяжнической жизни. Я бы сказалъ даже, что эти изображенія скорѣе напоминають карриатуру преступника. Однажды я показалъ одному изъ моихъ знакомыхъ преступниковъ такую карриатуру и спросилъ его, что онъ объ этомъ думаетъ. —«Ну, я бы не хотѣлъ имѣть такую ужасную наружность», сказалъ онъ. Дѣйствительно, всѣ авторы, писавшіе о преступникахъ, впадаютъ въ ту ошибку, что выбираютъ для иллюстраціи своихъ теорій самые худшіе экземпляры, какіе только имъ попадаются и выдаютъ ихъ за представителей преступнаго типа. Между тѣмъ, большинство тѣхъ, ко-

торыхъ я зналъ, въ особенности если имъ не было еще тридцати лѣтъ, могли бы фигурировать съ честью въ любомъ классѣ общества, если бы только ихъ приодѣть хорошенько. Послѣ тридцати лѣтъ, а иногда и раньше, они приобретаютъ дѣйствительно какой-то особый отпечатокъ и этотъ отпечатокъ кладетъ на нихъ не ихъ преступность, а болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ тюрьмѣ. Тюремная жизнь, особенно если она повторяется часто, и притомъ въ большихъ дозахъ, всегда оставляетъ слѣды и даже самый нравственный человѣкъ приобретаетъ послѣ этого всѣ характерныя черты обитателя тюремъ. Даже тѣ люди, профессію которыхъ составляетъ разыскиваніе преступниковъ, вслѣдствіе частаго соприкосновенія съ ними приобретаютъ свойственныя имъ черты, и привычки и я зналъ многихъ сыщиковъ, которыхъ сами преступники принимали за преступниковъ, вслѣдствіе этихъ характерныхъ чертъ, которыя они замѣчали у нихъ».

Въ физическомъ отношеніи преступники, живущіе на свободѣ, вмѣстѣ съ бродягами, сильны и здоровы; однако, приближаясь къ тридцатилѣтнему возрасту, они обыкновенно слабѣютъ, но только потому, что къ этому времени они уже успѣваютъ много разъ побывать въ тюрьмѣ. «Попробуйте-ка постоять возлѣ дверей тюрьмы, когда оттуда выпускаютъ арестанта, отбывшаго десять лѣтъ тюремнаго заключенія, и посмотрите на него,—говоритъ Флайнтъ.—Я однажды сдѣлалъ это и долженъ сказать, что болѣе разбитаго существа я не видалъ никогда. А это былъ нѣкогда сильный и крѣпкій человѣкъ».

Тюрьма бываетъ причиною того, что среди преступниковъ встрѣчаются гораздо чаще больные люди, нежели среди бродягъ. Эти послѣдніе живутъ постоянно на открытомъ воздухѣ и жизнь ихъ въ обществѣ гораздо тяжелѣе, нежели жизнь преступника, но они—самый здоровый и крѣпкій народъ въ мірѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ даже повѣрье, что бродяга никогда не умираетъ «своею» смертию. Это такъ и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, много изъ нихъ погибаетъ подъ колесами товарныхъ вагоновъ или же умираютъ отъ голода, запертые въ пустомъ вагонѣ на какомъ-нибудь запасномъ пути!

Трудно представить себѣ болѣе выносливыхъ и терпѣливыхъ людей, нежели американскіе «ново» (бродяги), готовые по цѣлымъ днямъ, подъ дождемъ или палящими лучами солнца, дожидаться товарнаго поѣзда, на которомъ они хотятъ продолжать свое путешествіе. Такіе бродяги обыкновенно бываютъ очень возмущены, если кто-нибудь изъ ихъ товарищей, которому надоѣло ждать, рѣшается купить для себя проѣздной билетъ. Преступникъ, достигшій извѣстнаго возраста, уже не можетъ сравниться съ бродягой въ этомъ отношеніи и уступаетъ ему въ твердости воли и выдержкѣ, но это только потому, что онъ уже сживалъ въ тюрьмѣ и заключеніе успѣло подѣйствовать на его волю ослабляющимъ образомъ и разстроить ему нервы. Бродяга обыкновенно если и

попадаетъ въ тюрьму, то лишь на короткое время, такъ что очутившись на свободѣ, онъ скоро оправляется. Флайнтъ испыталъ это на опытѣ, такъ какъ и ему пришлось посидѣть въ заключеніи во время его бродяжнической жизни. Онъ говоритъ, что никогда такъ не владелъ собой и не чувствовалъ себя такимъ здоровымъ, какъ тогда, когда прогуливался на волѣ, вмѣстѣ съ другими бродягами, но достаточно было нѣсколькихъ дней заключенія, чтобы онъ сталъ нервнымъ и беспокойнымъ. «Если такое кратковременное заключеніе могло такъ дурно повліять на мою нервную систему, хотя я былъ добровольнымъ узникомъ,—воскликаетъ Флайнтъ,—то какъ же должны отразиться годы такой жизни, особенно на такомъ человѣкѣ, который ненавидитъ тюрьму и боится ея такъ же, какъ боится яда!» Флайнтъ совѣтуетъ криминологамъ испытать самимъ, въ какой мѣрѣ тюремное заключеніе вліяетъ на душевное равновѣсіе даже вполне добровольныхъ узниковъ.

Среди бродягъ, на волѣ, встрѣчаются преимущественно «коммерческіе преступники» (*commercial criminal*), которые совершаютъ преступленіе, ради извлеченія выгоды. Они могутъ вполне отвѣчать за свои поступки. Часто говорятъ, что преступникъ не можетъ считаться вполне нормальнымъ въ нравственномъ отношеніи субъектомъ, потому что ему недоступно чувство раскаянія. Это мнѣніе также основывается на недостаточномъ знакомствѣ съ жизнью преступника. Въ отношеніи общества преступникъ, дѣйствительно, не способенъ испытывать раскаяніе. Общество караетъ его за преступленіе и такимъ образомъ заставляетъ его уплатить свой нравственный долгъ. Преступникъ считаетъ это вполне естественнымъ и смотритъ на наказаніе, какъ на платежъ своего долга. Конечно, онъ всегда старается избѣжать платежа, но уплативъ его, считаетъ, что расквитался съ обществомъ и поэтому никакія угрызенія совѣсти и раскаяніе ему неизвѣстны.

Однако, изъ этого еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что преступникъ вообще не способенъ раскаиваться. Напротивъ; но этика преступника нѣсколько иная. Онъ будетъ горюю стоять за своего товарища и глубоко презираетъ измѣнниковъ. Вообще большинство преступниковъ всегда стоятъ другъ за друга и тотъ, кто выдаетъ, навлекаетъ на себя всеобщее презрѣніе товарищей, жизнь его становится невыносимой, такъ что зачастую такіе субъекты кончаютъ самоубійствомъ. Товарищество обыкновенно сильно развито среди преступниковъ. Этому отчасти способствуетъ общая опасность, которая грозитъ имъ и поэтому заставляетъ ихъ примыкать другъ къ другу. Но даже помимо этого, бродяга и преступникъ всегда готовы помогать другъ другу совершенно безкорыстно. «Я ни разу не встрѣчалъ ни одного преступника,—говоритъ Флайнтъ,—который бы не былъ готовъ подѣлиться со мною своими послѣдними деньгами или вступить за меня въ дракѣ, если онъ видѣлъ, что я нуждаюсь въ его помощи; такія же товарищескія чувства онъ выказываетъ всѣмъ людямъ, которые, такъ

или иначе, соприкасаются съ его жизнью. Онъ всегда подѣлится послѣднимъ кускомъ хлѣба съ товарищемъ и также способенъ испытывать угрызениі совѣсти, если не исполнить его просьбы, или не поможетъ ему въ нуждѣ, какъ и всякій другой человѣкъ въ нормальныхъ условіяхъ жизни».

По словамъ Флайнта, нѣкоторые поступки всегда вызываютъ раскаяніе у преступника. Напримѣръ: взять деньги у бѣдняка онъ считаетъ дурнымъ поступкомъ. Если онъ по ошибкѣ ограбитъ небогатыхъ людей, то его долго мучить совѣсть. Онъ слишкомъ близко соприкасается съ бѣдностью, чтобы не испытывать раскаянія, если ему случится обидѣть бѣдняка. Флайнтъ знавалъ случаи, когда преступники отсылали назадъ похищенные деньги, узнавъ, что лицо, у котораго они похитили эти деньги, сильно въ нихъ нуждается. Филантропы могли бы поучиться милосердію у многихъ преступниковъ, относящихся, напримѣръ, съ состраданіемъ къ человѣку, попавшему, вслѣдствіе роковой случайности, въ среду бродягъ и преступниковъ изъ лучшихъ классовъ общества. Такихъ павшихъ людей преступники и бродяги всегда жалѣютъ и даже готовы помочь имъ выбраться изъ той ямы, въ которую они попали, и вернуться къ прежней жизни.

Флайнтъ увѣряетъ, что каждый преступникъ непременно, хоть разъ въ жизни испыталъ раскаяніе и сожалѣніе о томъ, что роковое стеченіе обстоятельствъ толкнуло его на путь преступленія. Это сожалѣніе и раскаяніе всегда бываютъ вполне искренни и быть можетъ, еслибъ преступникъ считалъ возвратъ возможнымъ, то онъ попробовалъ бы вновь вернуться въ общество, откуда его изгнали разныя роковыя случайности и страстное желаніе лучшей жизни.

Среди бродягъ Флайнтъ встрѣтилъ людей всѣхъ возрастовъ; старыхъ и дряхлыхъ калѣкъ, съ трудомъ ковыляющихъ, опираясь на палку, цвѣтущихъ юношей и дѣтей. Это была какая-то длинная, безконечная процессія, въ которой, словно въ движущейся панорамѣ, передъ глазами зрителя проходили картины всевозможныхъ пороковъ, людского горя и бѣдъ, какія только выпадаютъ на долю несчастнаго человѣчества. Самую мрачную сторону этой картины представляютъ, конечно, дѣти бродягъ, родившіяся и выросшія на большой дорогѣ. Среди этихъ маленькихъ бродягъ попадаются и такіе, которыхъ несчастная случайность или же просто роковое стеченіе обстоятельствъ толкнули на этотъ путь. Бываютъ, впрочемъ, и добровольныя бродяги.

Сколько дѣтей рождались на дорогахъ—врядъ ли можетъ опредѣлить какая-нибудь статистика. Большинство умираетъ, едва увидѣвъ свѣтъ, а тѣ, которыя остаются живы, вырастаютъ обыкновенно въ атмосферѣ грѣха и преступленія и приучаются къ праздности, бездѣлю, прошенію милостыни и воровству. Лишь очень немногія изъ нихъ, вслѣдствіе какой-нибудь счастливой случайности, бываютъ

спасены отъ этой участи, которая угрожаетъ имъ. Огромное большинство такихъ дѣтей не имѣютъ отцовъ, другія же вырастаютъ въ семьѣ и странствуютъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, но воспитаніе получаемое ими и въ томъ и другомъ случаѣ большею частью бываетъ одинаковое. Сироту обыкновенно беретъ на свое попеченіе какая-нибудь семья, такъ какъ состраданіе составляетъ характерную черту всѣхъ отверженныхъ, но лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ ребенокъ, выросшій въ такой обстановкѣ, не превращается со временемъ въ преступника, такъ какъ большинство изъ нихъ вырастаетъ, не имѣя никакого понятія о добрѣ и злѣ.

Флайнтъ рассказываетъ исторію одного маленькаго бродяги, извѣстнаго подъ именемъ Чіенскаго ребенка (Cheyenne Baby). Онъ слышалъ ее въ Колорадо. Этотъ ребенокъ также родился на большой дорогѣ, но его мать принадлежала нѣкогда къ уважаемому и образованному обществу на индійской территоріи. Къ своему несчастью, она безъ ума полюбила одного индійскаго вождя и къ ужасу своихъ друзей, убѣжала къ нему въ лагерь. Тамъ она вела полную превратностей жизнь, переходя изъ палатки въ палатку, изъ лагеря въ лагерь. Ея враги увѣрили, что ей нравится такая жизнь, но друзья, хорошо знавшіе ее, говорили, что ей было стыдно вернуться домой и поэтому она оставалась въ этомъ аду. Наконецъ, когда у нея родился ребенокъ и она въ отчаяніи не знала, куда ей дѣваться, ее пріютилъ одинъ бродяга. Съ той поры она примкнула къ партіи бродягъ и вмѣстѣ съ ними странствовала между Чіенной и Сантафе. Мальчикъ росъ среди бродягъ и сдѣлался общимъ любимцемъ. Мать его взяла слово со своихъ товарищей, что они никогда не научатъ его ничему дурному и они свято исполнили свое обѣщаніе. Несмотря на то, что его окружали пороки и преступленія, мальчикъ этотъ умеръ такимъ же невиннымъ, какъ и жилъ. Онъ погибъ вмѣстѣ со своею матерью и другими бродягами во время желѣзнодорожной катастрофы. Тѣ, кто спасся, нашли только его правую ручку—это было все, что отъ него осталось. Эту ручку похоронили съ подобающею торжественностью и на могилѣ положили деревянную плиту. Если плита уплѣгла, то эту могилу можно и теперь разыскать въ преріи.

Кромѣ тѣхъ, которыя рождаются на большой дорогѣ, не мало есть такихъ дѣтей, которыя становятся бродягами вслѣдствіе условій своей жизни. Обыкновенно у такихъ дѣтей отцы пьяницы и дѣти вѣчно голодаютъ. Иногда родители сами выгоняютъ дѣтей на улицу, чтобы они просили милостыню, но бываетъ, что и дѣти сами прибѣгаютъ къ этому способу, чтобы утолить свой голодъ. Такимъ образомъ голодъ и пьянство родителей бываютъ часто побудительною причиною продлжничества дѣтей. Но самый интересный классъ безъ сомнѣнія представляютъ добровольныя дѣти-бродяги. Флайнтъ, увѣряетъ, что число имъ—легіонъ. Каждый старый бродяга непременно встрѣчаетъ въ

своей жизни не мало такихъ дѣтей, которыя останавливали его на перекресткѣ и спрашивали у него дорогу.

Этихъ дѣтей привлекаетъ раздолье и просторъ и жизнь бродяги, полная всевозможныхъ приключеній. Они читались или наслушались какихъ нибудь рассказовъ о необыкновенныхъ приключеніяхъ, подвигахъ и преступленіяхъ и сами захотѣли сдѣлаться героями или великими преступниками. Большею частью такія дѣти отличаются особенною впечатлительностью и легко поддаются самовнушенію. Обыкновенно они выбираютъ себѣ какого-нибудь героя или преступника, которому желаютъ подражать и ихъ примѣръ лучше всего указываетъ какой вредъ можетъ принести чтеніе полицейской газеты, наполненной рассказами о преступленіяхъ, и такихъ книгъ, которыя дѣйствуютъ на воображеніе ребенка и распалютъ его. Къ числу этихъ же добровольныхъ бродягъ принадлежатъ дѣти, одержимыя «Wanderlust'омъ». Флайнтъ рассказываетъ, что онъ знавалъ одного мальчишка въ Нью-Йоркѣ, жившаго въ прекрасной обстановкѣ, которой могли бы позавидовать многіе изъ его товарищей. Но этотъ бѣдный мальчикъ былъ одержимъ маніей странствованія и рѣдкій мѣсяць проходилъ безъ того, чтобы онъ не убѣгалъ изъ дома. Иногда самый пустяшный случай возбуждалъ въ немъ неудержимое желаніе странствовать. Фантазія у него разыгрывалась; онъ то воображалъ себя трапперомъ, то мечталъ о полной опасностей жизни на дальнемъ западѣ Америки, то ему грезились необыкновенные подвиги, жизнь, полная борьбы, и въ концѣ концовъ избраніе на постъ президента республики. Конечно, такая мечта очень характерна для американскаго мальчишка. Каждый американскій мальчикъ, ужьющій читать, непременно читалъ біографію Гарфильда и каждый непременно мечтаетъ о томъ, чтобы со временемъ сдѣлаться президентомъ, хотя и не отдаетъ себя отчета, какъ этого можно достигнуть. По словамъ Флайнта, «Wanderlust» составляетъ весьма частое явленіе въ Америкѣ и онъ справедливо рассматриваетъ его какъ патологическую форму, которая требуетъ виѣшательства знающаго и опытнаго психіатра.

Замѣчательно также, что ни въ одной другой странѣ, кромѣ Америки, бродяги не имѣютъ такого сильнаго вліянія на подростающее поколѣніе сель и городовъ. Они пользуются этимъ вліяніемъ часто для своихъ преступныхъ цѣлей, сманиваютъ мальчиковъ и своими рассказами увлекаютъ ихъ и заставляютъ слѣдовать за собой. Несчастные мальчики, вступившіе на эту дорогу, рѣдко возвращаются назадъ. Бродяжническая жизнь затягиваетъ ихъ все больше, хотя они превращаются въ маленькихъ рабовъ и за малѣйшее ослушаніе подвергаются часто жестокимъ побоямъ отъ старшихъ. Вообще мальчикъ, котораго увелъ съ собой бродяга, становится какъ бы его собственностью и надо удивляться терпѣнію, съ которымъ такой мальчуганъ выносить дурное обращеніе. Бываютъ, впрочемъ, исключенія и иногда бро-

дядя привязывается къ мальчику, какъ къ родному сыну, и хорошо обращается съ нимъ. Но такія исключенія рѣдки.

Судьба всѣхъ этихъ дѣтей, родившихся и выросшихъ на большой дорогѣ или попавшихъ на нее случайно, всегда бываетъ очень печальна. Изъ нихъ-то и выходятъ закоренѣлые преступники и имъ съ ранняго дѣтства прививаются всѣ пороки. Среди этихъ юныхъ бродягъ попадаются дѣйствительно патологическіе субъекты и такіе, которые подходятъ подъ типъ прирожденнаго преступника Ломброзо; въ особенности этотъ типъ распространенъ среди добровольныхъ маленькихъ бродягъ. Обыкновенно у этихъ дѣтей существуетъ какая-то инстинктивная склонность къ бродяжничеству и преступленію. Они разговариваютъ между собою не какъ дѣти, а какъ взрослые и опытные преступники. «Я часто готовъ былъ думать, — говоритъ Флайнтъ, — слушая ихъ рѣчи, что это не дѣти, а взрослые карлики. Они зачастую совершаютъ необыкновенно смѣлые и опасныя грабежи и выполняютъ ихъ съ такою ловкостью и искусствомъ, что приводятъ въ восторгъ старыхъ преступниковъ. Появленіе такихъ скоростѣлыхъ преступниковъ можно было бы считать случайностью, если бы они не встрѣчались такъ часто. Интересно наблюдать такого маленькаго преступника среди взрослыхъ, послѣ того, какъ онъ совершитъ какой-нибудь подвигъ. Его окружаютъ, имъ восхищаются, но самъ мальчуганъ рѣдко сознаетъ свое значеніе и въ обыкновенное время ведетъ себя, какъ всѣ дѣти, забавляясь игрой. Но стоитъ ему внушить какое-нибудь дѣло, какъ онъ сразу мѣняется, прекращаетъ игру и съ серьезнымъ видомъ обдумываетъ новое предпріятіе, которое и исполняетъ необыкновенно искусно. Глядя на такого мальчика, я готовъ былъ думать, что душа какого-нибудь стараго преступника вселилась въ него...»

Флайнтъ считаетъ характерною чертой бродягъ ихъ стремленіе къ общественной жизни. Одиночество является для нихъ худшимъ наказаніемъ, если только у нихъ нѣтъ особенной болѣзненной склонности къ уединенію. Всѣ эти отверженные чувствуютъ непреодолимую потребность въ солидарности, въ общеніи другъ съ другомъ. Среди бродягъ всегда замѣчается стремленіе къ группировкѣ и такія группировки представляютъ настоящій «клубъ отверженныхъ». Въ Америкѣ такихъ клубовъ чрезвычайно много. Флайнтъ, имѣвшій случай, въ качествѣ бродяги, близко познакомиться съ нѣкоторыми изъ этихъ учреждений, описываетъ тѣ изъ нихъ, которыя онъ считаетъ наиболѣе представительными.

Клубы эти бываютъ трехъ родовъ, соотвѣтственно возрасту своихъ членовъ: дѣти, взрослые и старики одинаково группируются вмѣстѣ и образуютъ общества или клубы. Дѣтскіе клубы болѣею частью состоятъ только изъ мальчиковъ, но иногда въ нихъ участвуютъ и дѣвочки. Возрастъ юныхъ членовъ колеблется между десятью и

пятнадцатью годами. Не всѣ члены этихъ дѣтскихъ ассоціацій принадлежатъ къ бродягамъ; нѣкоторые живутъ дома, съ родителями, другіе же ютятся въ ночлежныхъ пріютахъ. Они зарабатываютъ себѣ пропитаніе разными способами, собираютъ тряпки, продаютъ газеты, чистятъ сапоги и исполняютъ разные мелкія порученія, соответствующія ихъ возрасту и силамъ. Ни одинъ изъ этихъ мальчиковъ, даже обладающихъ преступными склонностями, не содержитъ себя воровствомъ, а всегда имѣетъ какое-нибудь дѣло, которымъ онъ занимается. Флайнтъ приводитъ для примѣра два такихъ клуба, одинъ, въ Чикаго, другой въ Цинцинатти, съ которыми ему удалось близко познакомиться. Члены чикагскаго клуба называли себя «дикиими котами»; это были преимущественно бездомные бродяжки, занимающіеся чисткою сапогъ и продажою газетъ. Всѣхъ членовъ клуба — двадцать и хотя у нихъ нѣтъ оффиціального предсѣдателя, тѣмъ не менѣе они какъ бы признаютъ своимъ президентомъ мальчугана по имени Фрикса, который, по всей вѣроятности, и былъ организаторомъ клуба. По словамъ Флайнта, это былъ умный и способный мальчуганъ, обладавшій особенно развитою индивидуальностью и невольно подчинявшій своему вліянію своихъ товарищей. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ вездѣ увлекалъ за собою другихъ. Прежде чѣмъ отправиться въ Чикаго, онъ устроилъ такой же точно клубъ въ Толедо.

Клубъ «дикихъ котовъ» помѣщался въ маленькомъ погребѣ, который мальчуганы выкопали въ капустномъ полѣ за городомъ. Тамъ они собирались по вечерамъ разъ въ недѣлю, курили папиросы и читали вслухъ дешевыя повѣсти или слушали рассказы. Иногда они откалывали разныя шутки другъ съ другомъ или обдумывали свои похождения. Въ погребѣ находилась печка, сложенная изъ кирпичей, нѣсколько скамеекъ, нѣсколько старыхъ горшковъ и кружекъ и старый ящикъ, куда отъ времени до времени складывались кой-какіе съѣстные припасы. На стѣнѣ красовалась картинка неприличнаго содержанія.

Самому младшему члену этого клуба было десять лѣтъ, а самому старшему—четырнадцать. «Они вовсе не были особенно дурными мальчишками,—говоритъ Флайнтъ.—Я часто сиживалъ съ ними и слушалъ ихъ разговоры и шутки. Правда, они умѣли ругаться и нѣкоторые изъ нихъ могли напиваться, какъ взрослые пьяницы, но все-таки они не были совсѣмъ испорчены, хотя всѣ ихъ шалости и выходки носили всегда весьма зловредный характеръ. Но они никогда не просили милостыни и не воровали и ни у одного изъ нихъ я не замѣтилъ преступныхъ склонностей. Это были просто шалуны, бездомные и брошенные на произволъ судьбы, не имѣющіе никого, кто бы заботился о нихъ и удерживалъ ихъ отъ дурныхъ шалостей, такъ что они естественнымъ образомъ давали полную волю своимъ инстинктамъ. Въ свой клубъ они допускали и дѣвочекъ и обращались съ ними всегда хоро-

шо и ласково. Дѣвочки принимали участіе въ ихъ шалостяхъ и старались придать большую домовитость и уютность помѣщенію клуба, всячески украшали его, что мальчики очень цѣнили».

Въ каждомъ большомъ городѣ въ Соединенныхъ Штатахъ есть такіе клубы. Они могли бы, конечно, приносить большую пользу въ социальномъ отношеніи, такъ какъ именно при посредствѣ этихъ клубовъ легче всего дѣйствовать на умственный и нравственный складъ юныхъ бродягъ. Но тотъ, кто желалъ бы оказывать на нихъ такое вліяніе, долженъ былъ бы жить среди нихъ и, изучивъ хорошенько всѣ ихъ привычки и наклонности, постараться приобрести ихъ дружбу и довѣріе. Тогда только, сдѣлавшись членомъ ихъ клуба, онъ могъ бы подчинить ихъ своему вліянію.

Клубъ въ Цинцинатти имѣлъ совершенно иной характеръ. Члены его, также по преимуществу бездомные бродяжки, избрали своею профессіею воровство. Они устроили свои собранія въ старой, брошенной на берегу рѣки лодкѣ, далеко за городомъ. Флайнтъ познакомился съ ними черезъ одного стараго бродягу, который привелъ его съ собою въ собраніе. Большинство мальчиковъ было моложе четырнадцати лѣтъ, но всѣ они уже были настоящими преступниками и разговоръ ихъ носилъ такой характеръ. Они употребляли жаргонъ преступниковъ и держали себя, какъ взрослые преступники.

Эти два типа клубовъ повторяются и у взрослыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ также ассоціаціи преступниковъ другіе же устроены специально для кулачныхъ боевъ. Но есть также клубы, устроенные исключительно съ общественною цѣлью, и составляютъ центръ, гдѣ собираются бродяги для обмѣна новостей и встрѣчи другъ съ другомъ. Въ этомъ-то и заключается разница такихъ клубовъ съ тѣми, которые устраиваются преступниками, такъ какъ послѣднихъ заставляеть сходитьса вмѣстѣ и организовать сообщество не одно только стремленіе къ общенію, а также и дѣловыя соображенія, такъ какъ дѣйствовать сообща часто бываетъ выгодноѣ и удобнѣе. Изъ всѣхъ клубовъ взрослыхъ самымъ интереснымъ Флайнтъ находитъ клубъ «Кенгуру», составляющій исключительную принадлежность тюремной жизни. Въ американскихъ провинціальныхъ тюрьмахъ заключеннымъ разрѣшается проводить время днемъ, въ большой залѣ, въ которой находятся: столъ, скамья и газеты, а въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ въ этихъ залахъ устроены даже очаги и есть вся кухонная утварь. Въ этой залѣ заключенные могутъ прогуливаться, устраивать разныя игры, читать и заниматься и въ ней происходятъ засѣданія клуба «кенгуру». Флайнтъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свое первое знакомство съ такимъ клубомъ:

«Я былъ арестованъ, за то, что меня нашли спящимъ въ пустомъ вагонѣ. Сторожъ, нашедшій меня, отвелъ меня въ станціонную залу, гдѣ я провелъ довольно печальную ночь, раздумывая о томъ, какое

нѣ будетъ наказаніе? Рано утромъ меня привели къ мѣстному эсквайру, который спросилъ, какъ меня зовутъ?

— Билли Райсъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, а что же вы тутъ дѣлали, Билли?

— Искалъ работы, ваша честь.

— Тридцать дней!—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ, и меня отвели въ тюрьму.

У меня было въ то время три товарища. Послѣ того, какъ мы побывали у шерифа и онъ, и его клеркъ записали нашъ большею частью вымышленный разсказъ, насъ отвели въ большую комнату, гдѣ уже находилось много арестантовъ. Насъ окружили во мгновеніе ока и стали разспрашивать за что и какъ мы тутъ очутились, затѣмъ какой-то высокій, тощій бродяга крикнулъ громкимъ голосомъ: «Теперь дайте мѣсто «Кенгуру».

Всѣ сейчасъ же притихли и заняли свои мѣста. Тогда тощій парень, который, вѣроятно, исполнялъ роль судьи, призвалъ какого-то подростка и объявилъ ему, что онъ долженъ изложить обвиненія противъ новыхъ пришельцевъ. Молодой арестантъ торжественно подошелъ къ намъ и сказалъ: «Плѣнники, васъ обвиняютъ въ томъ, что у васъ есть денежки въ карманѣ. Виновны вы или нѣтъ?»

Я былъ первый на очереди и объявилъ, что невиновенъ. Парень спросилъ меня, согласенъ ли я дать себя обыскать? Я отвѣтилъ утвердительно и онъ тщательно обыскалъ меня, даже всю подкладку моей одежды. Не найдя ничего даже похожаго на монету, онъ объявилъ, что я невиновенъ.

— Вы свободны,—сказалъ онъ мнѣ. Присяжные, засѣдающіе вдоль стѣны, подтвердили какимъ-то мычаніемъ это рѣшеніе судьи.

Послѣ меня судили юношу, профессиональнаго бродягу. Онъ объявилъ себя невиннымъ и позволилъ себя обыскать. Но у него нашли въ карманѣ завалявшуюся монетку въ десять центовъ, которая и была тотчасъ же конфискована, а ему было объявлено неудовольствіе «Кенгуру».

Третья жертва «Кенгуру» уже самъ объявилъ себя виновнымъ въ томъ, что у него есть тридцать шесть центовъ. Отъ него взяли половину и отпустили съ миромъ. Послѣдній изъ судившихся оказался самымъ виновнымъ, такъ какъ у него нашли три припрятанныхъ доллара и ему также было объявлено неудовольствіе суда. Кромѣ того, онъ былъ приговоренъ ежедневно прогуливаться вдоль корридора 103 раза и мыть въ теченіе недѣли всю посуду, употребляемую для обѣда. Когда все судебное разбирательство было закончено, то конфискованныя деньги были сосчитаны и вручены тюремщику съ порученіемъ купить табакъ. Спустя нѣсколько часовъ табакъ былъ доставленъ и поровну раздѣленъ между всѣми арестантами.

На слѣдующій день я, вмѣстѣ со своими товарищами былъ уже

принять въ число членовъ «Кевгуру», но мы должны были предварительно дать обѣщаніе добросовѣстно выполнять свою долю обязанности по уборкѣ и чисткѣ посуды и честно и безпристрастно судить въ тѣхъ случаяхъ, которые вызовутъ судебныя разбирательства.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось познакомиться въ другихъ тюрьмахъ съ клубами подобнаго же рода. Всѣ эти клубы имѣли социалистическій и въ то же время автократическій характеръ; заключенные всюду относились къ нимъ съ большимъ почтеніемъ. Замѣчательно также, что и на свободѣ всѣ эти отверженные всегда стремились образовать подобную же ассоціацію и съ особеннымъ чувствомъ всегда говорили о своемъ клубѣ, расхваливая его новичку, еще не поступившему въ число его членовъ.

Клубы старыхъ бродягъ далеко не такъ интересны. Они есть, конечно, во всякомъ городѣ. Старики собираются гдѣ-нибудь въ кабачкѣ и, опершись подбородкомъ на свои сучковатыя палки, вспоминаютъ, въ промежуткахъ между кружками пива или вина, своихъ старыхъ товарищей, старыя времена. Иногда они даже высказываютъ политическія сужденія. Я слышалъ, какъ они разсуждали о Гомругѣ, восточномъ вопросѣ, фритредерствѣ и т. д. Поздно вечеромъ, когда содержатель кабачка предлагаетъ имъ убираться, они уходятъ въ свои грязные углы и ложатся спать на голыхъ скамьяхъ. На другое утро они снова являются въ тотъ же самый кабачокъ и начинаются тѣ же самые разговоры. Единственное приличное мѣсто, которое они посѣщаютъ иногда, это читальня, но и тамъ они больше проводятъ время въ болтовнѣ, нежели въ чтеніи. Во всякомъ случаѣ, стремленіе къ общественности выражается у бродягъ на всѣхъ ступеняхъ и какъ ни пагъ низко человѣкъ, онъ всегда подыскиваетъ другихъ такихъ же отверженныхъ, какъ онъ самъ, и образуетъ съ нимъ ассоціаціи. Сознаніе, что онъ членъ какой-нибудь ассоціаціи, возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ.

Борьба за существованіе заставляетъ и бродягъ специализироваться. Въ Америкѣ они даже выбираютъ отдѣльныя округа для своихъ операцій. Тѣ, которые живутъ милостыней, избираютъ особый способъ испрашиванія подаваній и специализируются въ этомъ направленіи. Но и среди бродягъ существуютъ извѣстныя социальныя градаціи и на самой низкой ступени стоятъ тѣ, которые не имѣютъ нигдѣ пристанища и хотя живутъ постоянно въ городѣ, но проводятъ ночи гдѣ попало и питаются тѣмъ, что найдутъ въ мусорныхъ ямахъ. Это большею частью старики, доведенные пьянствомъ до крайней степени нищеты и совершенно неспособные ни на что. Другіе бродяги относятся къ нимъ съ презрѣніемъ, такъ что въ этомъ мірѣ отверженныхъ есть также свои пары.

Огромное большинство бродягъ вполне создаетъ свое положеніе. Тѣ изъ нихъ, которые избрали эту профессію только потому, что она

имъ нравится больше всякой другой и жизнь бродяги имѣетъ для нихъ свои привлекательныя стороны, даже съ нѣкоторою гордостью говорятъ объ этомъ. «Я знаю, что я нищій,—сказалъ одинъ изъ такихъ бродягъ Флайнту.—Я знаю, что меня считаютъ негодяемъ. Пусть такъ! Меня хотятъ поймать и запереть, а я не хочу. Люди меня остерегаются, а я ихъ остерегаюсь. Они думаютъ, что я не знаю на что употребить свою жизнь, а я думаю, что они ошибаются. Если я ихъ побью, то тѣмъ хуже для нихъ, если же они побѣдятъ меня—тѣмъ хуже для меня!»

Такъ разсуждаетъ только истинный артистъ своего дѣла, но бродяги—пропойцы часто высказываютъ совсѣмъ иные взгляды. Они рады бы жить иначе, да не могутъ! Они сознаютъ свое паденіе, но подняться у нихъ нѣтъ силъ. Для такихъ людей бродяжничество не составляетъ удовольствія, а представляется печальною необходимостью и они образуютъ самый несчастный классъ отверженныхъ. Настоящій профессиональный бродяга всегда обладаетъ нѣкоторыми специальными чертами характера и твердою волей; онъ терпѣливъ и выносливъ, находчивъ и обходителенъ въ обращеніи съ другими. Если у него нѣтъ этихъ качествъ, то онъ не будетъ имѣть успѣха въ своей профессіи и будетъ слишкомъ часто сидѣть въ тюрьмѣ. Во всякомъ случаѣ это относится къ американскимъ бродягамъ, которые составляютъ цѣлый отдѣльный классъ въ Соединенныхъ Штатахъ, обладающій собственною іерархіей и управляемый собственными законами.

Бродяги другихъ странъ представляютъ нѣсколько иной характеръ, обусловливаемый, конечно, національностью и обстановкою страны. Флайнтъ, пространствовавшій нѣсколько лѣтъ съ американскими бродягами и изучившій ихъ бытъ, заинтересовался вопросомъ, какъ отражаются національныя условія жизни на ихъ характеръ и бытъ. Съ этою цѣлью онъ и въ другихъ странахъ, въ Германіи, въ Англии и даже въ Россіи, предпринялъ такія же изслѣдованія, т.-е. отправился странствовать вмѣстѣ съ бродягами и жилъ такою жизнью, какою жили они.

Въ Германіи онъ скоро свелъ знакомство съ бродягами это оказалось не такъ трудно, когда онъ нарядился въ соответствующій костюмъ и отправился въ вагонъ четвертаго класса въ Магдебургъ. Онъ скоро подружился съ однимъ изъ своихъ товарищей по путешествію и тотъ его ввелъ въ міръ бродягъ. Германскіе бродяги также, какъ и американскіе, употребляютъ свой собственный діалектъ, но германскій діалектъ гораздо болѣе отличается отъ общеупотребительнаго нѣмецкаго языка, нежели языкъ американскихъ бродягъ отъ общеупотребительнаго англійскаго языка, при томъ же германскій діалектъ полагѣе и даетъ возможность бродягамъ разговаривать между собою въ публичныхъ мѣстахъ такъ, что ихъ никто другой не понимаетъ. Флайнтъ нашелъ также и во многихъ другихъ отношеніяхъ большую

разницу между американскими и германскими бродягами: германскій бродяга всегда лучше одѣтъ и больше заботится о томъ, чтобы имѣть приличную наружность, чѣмъ его американскій собратъ. Кромѣ того, онъ, въ общемъ, интеллигентнѣе американца и каждый германскій бродяга непремѣнно умѣетъ читать и писать. Дѣтей бродягъ въ Германіи сравнительно мало и старшіе обращаются съ ними гуманнѣе, нежели въ Америкѣ. Притомъ же, въ германскомъ бродягѣ не замѣчается той испорченности, которая повидимому составляетъ неотъемлемую черту характера американскаго бродяги, но за то американецъ гораздо гуманнѣе и великодушнѣе нѣмца; Флайнтъ нѣсколько разъ испыталъ это на собственномъ опытѣ. Однажды онъ попробовалъ было попросить у своихъ товарищей нѣсколько грошей, чтобы заплатить за чашку кофе, объяснивъ имъ, что у него ничего нѣтъ и онъ не могъ идти искать подаванія, потому-что у него болятъ ноги. Но ни одинъ не былъ тронутъ его рассказомъ. «Мало-ли что!—сказалъ ему одинъ парень.—Если вы не умѣете просить милостыни, то вамъ лучше убираться прочь съ дороги и отказаться отъ ремесла, такъ какъ ни одинъ бродяга не станетъ трудиться для васъ».

«Американскій бродяга непремѣнно подѣлился бы со мною въ подобномъ случаѣ—говоритъ Флайнтъ.—А тутъ я видѣлъ, что кругомъ меня сидятъ люди, пьютъ кофе, пиво и водку и ни у одного изъ нихъ не оказалось въ душѣ и капли состраданія къ голодному товарищу! Между тѣмъ, у нихъ у всѣхъ были деньги, такъ какъ собраніе милостыни оказывается довольно выгоднымъ занятіемъ въ Германіи».

Любопытны также разсужденія германскаго бродяги о самомъ себѣ. Большинство изъ нихъ вполне довольны своимъ положеніемъ. Ночуя, какъ то на гумнѣ, вмѣстѣ съ другими бродягами, Флайнтъ завелъ съ ними разговоръ объ ихъ судьбѣ. Одинъ жаловался, что онъ неспособенъ къ работѣ, что родился лѣнтяемъ и въ этомъ значить виноваты его родители. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, онъ сознался все-таки, что «водочка» тутъ сыграла свою роль. Но товарищъ его возразилъ ему: «Съ какой стати работать, когда можно больше получить, собирая милостыню. Пустяки, братецъ мой, не отъ этого мы ходимъ по дорогамъ, что любили выпить. Я, напримѣръ, нахожусь здѣсь, потому что мнѣ тутъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Развѣ не такъ?»

— Положимъ,—замѣтилъ Флайнтъ,—мы собираемъ больше денегъ, странствуя по дорогамъ, нежели рабочіе, но зато вѣдь намъ негдѣ преклонить голову. Вотъ и теперь, гдѣ мы находимся?

— Это правда,—отвѣтилъ бродяга,—но зато мы никогда не бываемъ больны и всегда счастливы и, быть можетъ, мы преуспѣваемъ не меньше другихъ. Вы забываете, что мы вѣдь никогда не работаемъ! Тѣ, у кого есть свой уголъ, должны постоянно работать, чтобы сохранить его, не забудьте это! Мое мнѣніе, что изъ-за этого не стоитъ работать!

Таковы взгляды большинства германскихъ бродягъ. Флайнтъ въ особенности былъ пораженъ ихъ эгоизмомъ и полнымъ отсутствіемъ у нихъ дружескаго участія къ другимъ. Никогда американскій бродяга не взялъ бы денегъ отъ такого человѣка, который, по его мнѣнію, самъ нуждается въ нихъ. Но подобныя великодушныя соображенія совершенно недоступны нѣмецкому бродягѣ. Даже какъ веселый товарищъ, онъ стоитъ гораздо ниже американскаго бродяги и эти послѣдніе не потерпѣли бы его въ своемъ обществѣ; поэтому-то въ Америкѣ бродяги германскаго происхожденія всегда держатся вмѣстѣ и не смѣшиваются съ американцами.

Флайнтъ пространствовалъ двѣ недѣли въ обществѣ германскихъ бродягъ и за это время прошелъ больше тысячи километровъ пѣшкомъ, побывалъ въ семидесяти городахъ и деревняхъ и познакомился съ 341 добровольнымъ бродягой. «Впрочемъ,—замѣчаетъ онъ,—я былъ все-таки болѣе добровольный бродяга, нежели они». На основаніи этого знакомства, Флайнтъ приходитъ къ слѣдующему выводу: черты національности очень рѣзко выражены у германскаго бродяги. Онъ болѣе образованъ, нежели его американскій собратъ, но за то болѣе тупъ и менѣе пороченъ. Онъ недовѣрчивъ и подозрителенъ, не отличается великодушіемъ, но справедливъ и при дѣлѣхъ никогда не обманетъ товарища. Что касается его политическихъ убѣжденій, то его нельзя назвать социаль-демократомъ, но въ то же время онъ не испытываетъ никакого патриотическаго энтузіазма при имени императора. Въ февральскихъ безпорядкахъ въ Берлинѣ (1891 г.) бродяги принимали дѣятельное участіе, но они не столько имѣли въ виду поддерживать права труда противъ капитала, сколько имъ хотѣлось помочь ниспроверженію существующаго порядка вещей.

Въ Англию Флайнтъ отправился не одинъ, а вмѣстѣ съ однимъ своимъ пріятелемъ студентомъ, который также интересовался бродягами и рѣшилъ поближе познакомиться съ ихъ жизнью. Они оба взяли мѣста на пароходѣ, который везъ по преимуществу палубныхъ пассажировъ. Флайнтъ и его товарищъ были въ числѣ этихъ пассажировъ, одѣтые соответствующимъ образомъ, чтобы не отличаться отъ остальной публики. Передъ самымъ отходомъ парохода явились двое полицейскихъ агентовъ и начали осматривать паспорта отъѣзжающихъ. Императоръ Вильгельмъ очень заботится о томъ, чтобы ни одинъ изъ его «вѣрныхъ слугъ» не ускользнулъ отъ воинской повинности и потому въ портовыхъ городахъ учрежденъ бдительный надзоръ надъ отъѣзжающими на океанскихъ пароходахъ. Флайнту и его товарищу Райборгу появленіе полицейскихъ было неприятно и они сначала попробовали прикинуться спящими. Но это не помогло, Флайнту пришлось вытащить свой американскій паспортъ, а Райборгу свой студенческій билетъ. Естественно, что полицейскій агентъ никакъ не могъ

сообразить въ чемъ дѣло. «Да кто же вы такой?—спросилъ онъ Райборга.—Матросъ, рабочій, американецъ?»

— Я просто ученый,—отвѣчалъ Райборгъ и отвѣтъ этотъ, повидимому, удовлетворилъ полицейскаго агента, потому что онъ обоихъ оставилъ въ покоѣ.

Въ Англіи обоимъ пріятелямъ пришлось испытать всѣ удовольствія, сопряженныя съ жизнью бродягъ, и просидѣть подъ арестомъ недѣлю за бродяжничество и прошеніе милостыни, причемъ они должны были исполнять разныя работы. Флайнтъ отнесся философски къ этому факту, такъ какъ находилъ его неизбѣжною принадлежностью своего опыта, но Райборгъ, новичокъ въ этомъ дѣлѣ, чувствовалъ себя очень скверно. Однако, они странствовали вмѣстѣ не все время. Пробродивъ съ недѣлю, они разошлись въ разныя стороны, условившись сойтись въ извѣстномъ мѣстѣ въ назначенный срокъ, чтобы провѣрить свои впечатлѣнія. Оказалось, что эти впечатлѣнія были болѣе или менѣе одинаковы. Флайнтъ нашелъ значительную разницу между американскими и англійскими бродягами. Число бродягъ въ Англіи несравненно меньше, нежели въ Америкѣ, при этомъ въ большинствѣ случаевъ у англійскихъ бродягъ умственные способности бываютъ не въ порядкѣ. Это большею частью вялые, апатичные люди, страдающіе полнымъ отсутствіемъ энергіи, чѣмъ они рѣзко отличаются отъ англійскихъ рабочихъ. Они любятъ пофилософствовать на счетъ своей судьбы и одни приписываютъ ее унаслѣдованнымъ недостаткамъ или особеннымъ предрасположеніямъ къ бродяжничеству, другіе же—печально сложившимся обстоятельствамъ. Но въ большинствѣ случаевъ причину ихъ бѣдственнаго положенія надо искать въ пьянствѣ; 90 проц. англійскихъ бродягъ—неисправимые пьяницы. Однако, и эти отверженные и низко павшіе люди не лишены нѣкоторыхъ очень симпатичныхъ чертъ. Они всегда радушно встрѣчаютъ и выказываютъ участіе къ такому же несчастному, какъ они сами; бродяга смѣло можетъ рассчитывать на то, что они окажутъ ему гостепріимство, подѣлятся съ нимъ послѣднимъ кускомъ и примутъ его въ свою среду. Кромѣ того, Флайнтъ нашелъ, что англійскіе бродяги очень учтивы, гораздо учтивѣе тѣхъ служащихъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло на пароходѣ или желѣзной дорогѣ, когда онъ совершалъ переѣздъ въ качествѣ бродяги. Такому грубому обращенію онъ никогда не подвергался въ средѣ бродягъ. Притомъ же ни одинъ изъ нихъ, уважающій себя, не позволитъ себѣ обидѣть или побить болѣе слабого товарища. Эту черту Флайнтъ подмѣтилъ у бродягъ всѣхъ національностей. Онъ приписываетъ именно этой чертѣ то, что во время своего странствованія съ ними, онъ ни разу не подвергался дурному обращенію; его малый ростъ и слабосиліе служили ему лучшей защитой. Однажды, напримѣръ, онъ поссорился съ однимъ изъ своихъ товарищей и при этомъ такъ разгорячился, что готовъ былъ погнѣвъ въ драку. Но товарищъ его, сильный, здоровенный парень, сказалъ

ему: «Ну, ну, Сигаретка (это было прозвище Флайнта среди бродягъ), если ты вздумаешь драться, я убью!»

Флайнтъ находить въ характерѣ англійскихъ и американскихъ бродягъ гораздо больше симпатичныхъ чертъ, нежели въ характерѣ германскихъ. Среди англійскихъ бродягъ встрѣчаются, напримѣръ, очень нѣжные отцы, которые даже сами укачиваютъ своихъ дѣтей, лаково обращаются съ ними, когда бываютъ трезвы, но, къ сожалѣнію, пьянство часто притупляетъ у нихъ всѣ добрыя чувства. Американскіе же бродяги самые энергичные изъ всѣхъ, обладаютъ часто рѣзко выраженной индивидуальностью, чего совершенно лишены англійскіе бродяги, отличающіеся, за весьма рѣдкими исключеніями, пассивностью и полнымъ отсутствіемъ энергіи. Среди американскихъ бродягъ встрѣчаются дѣйствительно интересные типы, и притомъ поражающіе своими высоко человѣчными чертами, несмотря на крайнюю спутанность понятій о добрѣ и злѣ, о собственности и т. п. Такова была, напр, женщина, извѣстная въ мірѣ бродягъ подъ именемъ «старой бостонской Мери», устроившая на одной изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ Бостона пріютъ для бродягъ въ полуразвалившейся старой хижинѣ. Эта хижина стояла уединенно вдали отъ другихъ строеній; она была необитаема и, по увѣренію ея сосѣдей, въ ней появлялись привидѣнія. Никто не отваживался поселиться въ ней, но, вѣроятно, эта уединенность и привлекла Мери, которая не испугалась привидѣній и устроила въ этой полуразвалившейся лачугѣ свою резиденцію. Съ той поры каждый бродяга могъ рассчитывать на пріютъ въ этой хижинѣ, стоило ему только съ наступленіемъ темноты подойти къ дверямъ и постучать особеннымъ образомъ, сказавъ при этомъ: «Ново» (прозвище бродягъ въ Америкѣ). Дверь пріотворялась ровно настолько, чтобы пропустить вновь пришедшаго, и снова захлопывалась за нимъ.

Флайнтъ, проведеншій ночь въ этомъ пріютѣ, говоритъ, что хозяйка его, старая Мери, произвела на него неизгладимое впечатлѣніе. Несмотря на ея удивительный костюмъ, состоявшій, между прочимъ, изъ старой куртки и жилетки, подаренныхъ ей какимъ-то клерджименомъ, въ ней было что-то такое, внушавшее уваженіе, какое-то врожденное благородство осанки, которое напоминало о павшемъ величіи. Кто была Мери и откуда—никто не зналъ, но замѣчательно, что въ ея присутствіи даже самые закоснѣлые бродяги старались вести себя прилично и въ полуразвалившейся хижинѣ, гдѣ обыкновенно собирались бродяги разнаго сорта и всевозможныхъ профессій, очень рѣдко раздавалось какое-нибудь грубое ругательное слово. Такое сдерживающее вліяніе на своихъ гостей оказывала Мери своею добротой и ласковымъ обращеніемъ. Она, повидимому, старалась, насколько это было въ ея силахъ, сдѣлать счастливыми тѣхъ несчастныхъ отверженныхъ, которые собирались подъ ея гостепрійнымъ кровомъ. Она помогала каждому, перевязывала раны на ногахъ, стряпала ужинъ и т. д. Каждому изъ своихъ

гостей она указывала его мѣсто и къ полночи въ хижинѣ водворялась тишина; бездомные бродяги сладко засыпали, забывая во снѣ всѣ трудности и лишения своего тяжелаго существованія.

Бѣдная Мэри кончила жизнь подъ колесами вагона. Въ молодости она была единственною женщиною, пользовавшеюся репутаціей необыкновенно смѣлаго желѣзнодорожнаго бродяги. Ни одна женщина изъ среды бродягъ не рѣшалась прибѣгать къ такому способу передвиженія, но Мэри не отставала отъ своихъ товарищей. Состарившись и поселившись въ хижинѣ возлѣ Бостона, она прекратила свои путешествія, но затѣмъ обстоятельства вынудили ее покинуть свое убѣжище и, повстрѣчавшись съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ бродягъ, она вмѣстѣ съ нимъ ночью взобралась на вагонную раму и усѣлась между колесъ. Прежде она много разъ такъ путешествовала и даже славилась своею ловкостью среди своихъ товарищей. И теперь она понадѣялась на свои силы, но онѣ измѣнили ей.

Также трагически погибъ за нѣсколько времени передъ этимъ одинъ изъ ея любимыхъ товарищей, который былъ случайно запертъ въ товарномъ вагонѣ и, не имѣя никакой возможности выбраться оттуда, такъ какъ вагонъ былъ поставленъ на запасный путь, погибъ тамъ голодною смертью. Онъ былъ уже мертвъ, когда открыли вагонъ и нашли его. Такіе случаи въ Америкѣ не составляютъ рѣдкости.

Совсѣмъ иной характеръ имѣютъ, по словамъ Флайнта, русскіе бродяги, съ которыми онъ свелъ знакомство во время своего кратковременнаго пребыванія въ Россіи. Онъ направился къ Россію только для того, чтобы посмотреть Петербургъ и Москву и побывать въ Ясной Полянѣ у графа Толстого. О бродягахъ онъ тогда и не думалъ, но случайно наткнулся на нихъ, когда ѣхалъ съ вокзала въ экипажѣ, вмѣстѣ съ однимъ пріятелемъ. Навстрѣчу имъ попалась партія жалкихъ оборванныхъ крестьянъ, которые уныло брели по улицѣ въ сопровожденіи полицейскихъ. Опытный взглядъ Флайнта тотчасъ же призналъ въ нихъ бродягъ.

— Много ли бродягъ въ Россіи?—спросилъ онъ своего пріятеля.

— Тысячи,—отвѣчалъ тотъ.—Это одна изъ величайшихъ проблемъ, съ которою приходится имѣть дѣло Россіи.

Флайнтъ скоро и самъ убѣдился въ этомъ и у него явилось желаніе познакомиться ближе съ русскими бродягами. Онъ заговорилъ объ этомъ съ графомъ Толстымъ и спросилъ у него совѣта, можетъ ли онъ, иностранецъ, пуститься странствовать съ бродягами?

— Отчего же нѣтъ?—сказалъ графъ Толстой.— Конечно, вамъ трудно будетъ понимать ихъ діалектъ и врядъ ли вы можете разсчитывать сойти за бродягу, но въ другихъ отношеніяхъ, вы, вѣроятно, не встрѣтите особенныхъ затрудненій. Изъ вашихъ документовъ полиція можетъ убѣдиться, что вы нисколько не опасны, и единственное, что можетъ съ вами приключиться, это — что васъ отошлютъ обратно въ

Петербургъ. Я бы самъ съ удовольствіемъ совершилъ такое путешествіе, если бы не былъ слишкомъ старъ. Однажды, впрочемъ, я совершилъ большое паломничество и многое увидѣлъ тогда, но вы увидите еще больше, если прямо пойдете къ бродягамъ. Если вы рѣшитесь на это, то я бы желалъ, чтобы вы разузнали, какъ они смотрятъ на власть и вѣрятъ ли въ то, что они называютъ своею религіей. Должно быть, очень интересно поговорить съ ними объ этихъ предметахъ, и, можетъ быть, вы соберете интересный матеріалъ.

Флайнтъ послѣ этого разговора съ Толстымъ рѣшился попробовать свести знакомство съ русскими бродягами; къ нему присоединился одинъ его знакомый—московский студентъ и они отправились вмѣстѣ путешествовать, снарядившись соответствующимъ образомъ. Несмотря на совершенно чуждыя ему условія русской жизни и плохое знаніе русскаго языка, предприимчивый американецъ все-таки скоро ориентировался въ новой обстановкѣ и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ въ своей книгѣ о русскихъ бродягахъ,—которыхъ онъ дѣлитъ на пользующихся покровительствомъ властей (церковныхъ нищихъ) и обыкновенныхъ бродягъ, часто подвергающихся преслѣдованію со стороны властей,—указываютъ, что онъ довольно хорошо изучилъ бытъ и характеръ русскаго народа. О причинахъ, способствующихъ развитію бродяжничества въ Россіи, Флайнтъ упоминаетъ лишь вкратцѣ. На первый планъ онъ выдвигаетъ пьянство и затѣмъ экономическія условія, вызвавшія движеніе сельскаго населенія въ города. При этомъ онъ дѣлаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: «Мы въ Америкѣ думаемъ, что можно было бы произвести громадныя и благодѣтельныя перемѣны въ судьбѣ этого класса отверженныхъ, которыхъ мы именуемъ бродягами, если бы ихъ можно было вернуть къ сельской жизни и водворить на фермахъ, но примѣръ Россіи доказываетъ какъ разъ обратное. Очевидно, кромѣ воздуха полей, сельская жизнь должна обладать еще и другими привлекательными сторонами, которыя могли бы бороться съ соблазнами городской жизни. Въ Россіи мы видимъ, что крестьянинъ, однажды испытавшій городскую жизнь, уже никогда больше не чувствуетъ себя счастливымъ въ деревнѣ!»

Э. Пименова.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(Продолженіе) *).

V.

Сень-Симонъ и сень-симонисты.

Политическая экономія долгое время была по преимуществу англійской наукой—не вслѣдствіе какой-либо прирожденной склонности британцевъ къ изученію хозяйственныхъ явленій, а благодаря особенностямъ соціальнаго строя Англии. Англія была и остается авангардомъ человѣчества въ области соціальнаго прогресса. Какъ мы уже говорили, политическая экономія специфическій продуктъ капиталистическаго строя. Въ Англии раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, этотъ строй достигъ преобладанія—неудивительно, что и политическая экономія нашла себѣ самую благодарную почву въ Англии. Но по мѣрѣ того, какъ капитализмъ охватывалъ все новыя и новыя территоріи Стараго и Новаго свѣта, стало распространяться и изученіе политической экономіи. Въ XVIII вѣкѣ и первой половинѣ XIX вѣка капиталистическое хозяйство было наиболѣе развито, среди странъ европейскаго континента, во Франціи. Франція шла въ этомъ отношеніи непосредственно вслѣдъ за Англійей. Для Франціи политическая экономія не была чуждой наукой, привознымъ товаромъ англійскаго происхожденія. Въ лицѣ физиократовъ, особенно Кэнэ и Тюрго, Франція имѣла въ XVIII вѣкѣ экономистовъ, превосходившихъ Ад. Смита силою теоретической мысли, хотя и далеко уступавшихъ этому послѣднему по пониманію практическихъ задачъ своего времени и отзывчивости къ преобладающимъ соціальнымъ теченіямъ эпохи. Физиократы были слишкомъ теоретичны—они были не только теоретиками, но и доктринерами, говорившими языкомъ, непонятнымъ для толпы, и создававшими теоріи, непригодныя для примѣненія въ практической жизни. Система Смита, отчасти опиравшаяся на теоріи физиократовъ была несравненно выше физиократическихъ ученій какъ система практической политики и потому Смитъ быстро затмилъ не только у себя на родинѣ, но и во

*) См. «Міръ Божій», № 6, июнь 1901 г.

Франціи своего геніальнаго предшественника—Кэнэ. Въ лицѣ Жана Батиста Сэ Смитъ нашелъ во Франціи популяризатора, или, скорѣе, вульгаризатора, обладавшаго даромъ яснаго изложенія при значительной неясности мысли, неспособной къ абстракціи и теоретическому углубленію. Эта слабость Сэ, еще больше, чѣмъ его сила, какъ выдающагося стилиста и талантливаго излагателя чужихъ мыслей, содѣйствовала успѣху ученій Смита на континентѣ. Расплывчатое, многословное, несистематичное, мѣстами глубокое и почти геніальное, а въ общемъ цѣльное, могучее и объединенное господствующей мыслью великое твореніе Смита было превращено Сэ въ распланированный съ обычнымъ французскимъ мастерствомъ, упрощенный и обезцвѣченный «курсъ» политической экономіи, доступный всякому, даже самому ограниченному пониманію. Однимъ изъ секретовъ успѣха Сэ было также и то, что въ его обработкѣ ученіе Смита утратило столь характерную для великаго шотландца струю горячей симпатіи рабочимъ классамъ. Смитъ былъ переработанъ въ интересахъ буржуазіи—и буржуазія европейскаго континента, принявшая этого обезвреженнаго Смита изъ рукъ Сэ, провозгласила автора «Богатства народовъ» своимъ умственнымъ Аллахомъ, а его вульгаризатора Сэ—пророкомъ новой религіи свободной конкуренціи и наибольшаго барыша.

Но та же Франція выдвинула людей иного духа. Если классическая политическая экономія была преимущественно твореніемъ англичанъ, въ которомъ на долю французовъ выпала второстепенная роль, то утопическій социализмъ можетъ считаться духовнымъ чадомъ Франціи. Правда, англичане имѣли своего великаго утописта Оуэна; но сила и значеніе Оуэна были не въ теоріи, а въ практикѣ. Его прочнымъ памятникомъ остается развернувшееся нынѣ во весь свой могучій ростъ кооперативное движеніе; какъ теоретикъ Оуэнъ стоитъ гораздо ниже представителей французскихъ утопистовъ—Фурье и особенно Сень-Симона.

Мы не знаемъ въ исторіи человѣческой мысли болѣе ослѣпительной и блещущей всѣми красками фигуры, чѣмъ графъ Генрихъ де-Рувруа Сень-Симонъ (1760—1825), потомокъ Карла Великаго и внучатный племянникъ герцога Сень-Симона, автора знаменитыхъ мемуаровъ о французскомъ дворѣ.

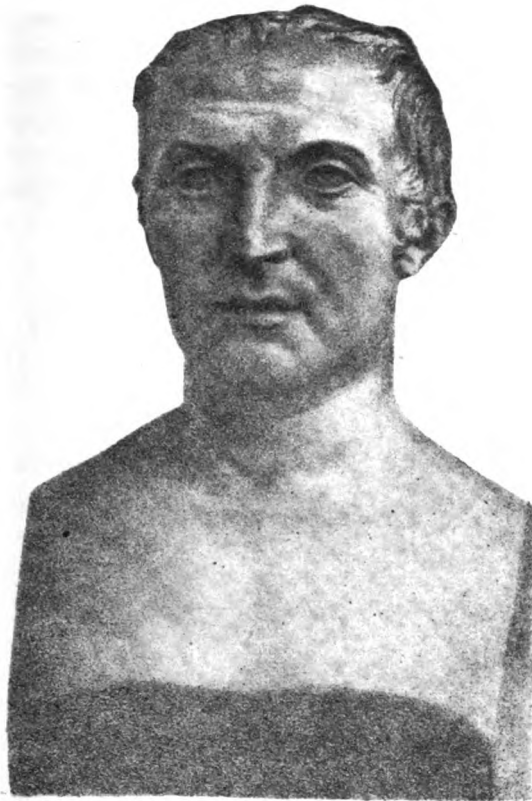
Онъ родился въ знатной семьѣ и получилъ блестящее воспитаніе. Въ числѣ учителей, приходившихъ давать ему уроки, были такіе знаменитости, какъ Даламберъ. Когда Сень-Симону не было и 13 лѣтъ, онъ внезапно объявилъ отцу, что измѣнилъ свои религіозныя убѣжденія и не желаетъ причащаться. Суровый отецъ заключилъ его въ тюрьму. Сень-Симонъ бѣжалъ оттуда послѣ удара ножомъ тюремщика.

Любовь къ славѣ и сознаніе своего высокаго призванія очень рано пробудились въ Сень-Симонѣ. Говорятъ, лакей обязанъ былъ будить молодого графа слѣдующими словами: «Вставайте, графъ, васъ ждутъ

великія дѣла». Дѣйствительно, великія дѣла предстояли Сень-Симону; но время для нихъ наступило не скоро. Судьба готовила гордому графу трудную жизнь, исполненную всевозможныхъ лишеній; и только на закатѣ, когда косые лучи вечерняго солнца едва пробивались сквозь тучи, закрывшія небосклонъ, и весь долгій жизненный путь сталъ представляться длинной цѣпью неудачъ, униженій и разочарованій, онъ вышелъ на дорогу, приведшую его въ храмъ славы.

Едва юношей, Сень-Симонъ отплылъ въ Америку офицеромъ французскаго корпуса, отправленнаго для помощи возставшимъ англійскимъ колоніямъ. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ храбро дрался съ англичанами и, наконецъ, попалъ въ плѣнъ. По заключеніи мира, двадцатитрехлѣтній Сень-Симонъ вернулся на родину съ чиномъ полковника королевскихъ войскъ, французскимъ орденомъ св. Людовика и американскимъ орденомъ Цинцината. Передъ нимъ открывалась блестящая военная карьера. Его назначаютъ комендантомъ такой важной крѣпости, какъ Мецъ. Но Сень-Симонъ быстро пресыщается служебными успѣхами. Его честолюбіе больше — онъ не ищетъ славы на военномъ полѣ. Онъ еще самъ не знаетъ, гдѣ его истинный путь, но чувствуетъ постоянную неудовлетворенность, ломаетъ свою жизнь, теряетъ колею и начинаетъ лихорадочно переходить отъ одного дѣла къ другому. Онъ бросаетъ Францію, путешествуетъ по Европѣ и, наконецъ, попадаетъ въ Испанію, гдѣ обращается къ королю съ фантастическимъ предложеніемъ: взять на себя прорытіе канала, долженствующаго соединить Мадридъ съ моремъ, причемъ работы должны исполняться иностранцами, которыхъ Сень-Симонъ обязуется завербовать на военную службу короля.

Между тѣмъ, во Франціи разражается революція. Нашъ искатель приключеній возвращается въ свое родовое имѣніе, отклоняетъ свой выборъ въ общинныя меры, на томъ основаніи, что для народа опасно вручать власть прежнему дворянству и отказывается отъ графскаго титула. Революція лишила Сень-Симона его родового состоянія, но дала ему возможность заняться, нѣкоторыми спекуляціями, которые должны были бы доставить разорившемуся потомку Карла Великаго огромное богатство, если бы не чрезмѣрное довѣріе Сень-Симона своему компаньону Редерну. Дѣло кончилось тѣмъ, что Редернъ получилъ нѣсколько милліоновъ, а Сень-Симонъ долженъ былъ удовольствоваться сравнительно скромной суммой въ 150.000 франковъ, что для такого важнаго барина, привыкшаго къ роскошной жизни и не считавшаго денегъ, было сущимъ пустякомъ. Но Сень-Симона нисколько не смутила потеря состоянія; онъ увидѣлъ въ этомъ доказательство различія между такими людьми, какъ онъ, и такими, какъ Редернъ. «Дороги, которыми мы слѣдовали, — писалъ Сень-Симонъ по этому поводу позднѣе, — были совершенно различны: онъ (Редернъ) направился въ грязныя трясины, гдѣ богатство построило свой храмъ, въ то время какъ я поднимался на сухую и скалистую гору, на вершинѣ которой находится алтарь славы».

СЕНЪ-СИМОНЪ.

Около этого времени Сень-Симонъ приходитъ къ убѣжденію, что у него есть высшее призваніе—преобразовать науку, объединить въ одно гармоническое цѣлое разрозненные знанія человѣчества и принимается за изученіе точныхъ наукъ довольно необыкновеннымъ способомъ: приглашаетъ къ себѣ профессоровъ политехнической и медицинской школы, даетъ имъ роскошные обѣды, угощаетъ тонкими винами и въ промежуткѣ между двумя блюдами разговариваетъ съ учеными о всемірномъ тяготѣніи, законахъ неорганическихъ и органическихъ тѣлъ и пр. Конечно, изученіе такого рода не могло сообщить Сень-Симону никакихъ серьезныхъ знаній; но ни къ какому ученичеству нашъ своеобразный философъ и не былъ способенъ по самой своей натурѣ. Онъ могъ жить только въ своемъ особомъ мірѣ, созданномъ его фантазіей, и его единственнымъ учителемъ былъ его собственный геній.

Послѣ такого своеобразнаго курса точныхъ наукъ, Сень-Симонъ приходитъ къ убѣжденію, что ему нужно расширить свой жизненный опытъ, познать всѣ страсти, людей, изучить ихъ слабости. Ему нужно широко открыть двери своего салона для самаго разнообразнаго общества—свѣтскихъ людей, художниковъ, артистовъ, игроковъ, красивыхъ женщинъ и пр., и пр. Но онъ не женатъ—его салонъ лишень хозяйки. И вотъ Сень-Симонъ, ради успѣха своихъ наблюденій надъ ярмаркой человѣческаго тщеславія, женится на красивой и привлекательной дамѣ. Намѣченная программа выполняется блестящимъ образомъ: достаточно было одного года, чтобы остатки состоянія Сень-Симона были поглощены роскошной жизнью и дорогими пріемами. Сень-Симонъ остается нищимъ и расходится со своей женой.

Съ этого времени, когда Сень-Симону было уже болѣе 40 лѣтъ, для него начинается трудный и тернистый путь лишеній и нужды. Судьба позаботилась о томъ, чтобы доставить этому оригинальному экспериментатору искомыя имъ познанія выбраннымъ имъ самимъ методомъ: заставивъ его испытать въ своей личной жизни всѣ разнообразныя положенія, въ которыя только можетъ попасть человѣкъ. Вторая половина жизни Сень-Симона представляетъ собой такой глубокой контрастъ съ первой, какой только можно себѣ представить.

Сень-Симонъ уже не богатый знатный баринъ, покровительственно принимавшій ученыхъ, не занимавшійся никакимъ опредѣленнымъ дѣломъ и слегка интересовавшійся всѣмъ. Онъ даже больше не графъ, такъ какъ официально отказался отъ этого титула, онъ не имѣетъ никакого состоянія и въ то же время совершенно лишень способности зарабатывать деньги скромнымъ трудомъ. Въ его головѣ постоянно возникаютъ планы научныхъ работъ, одинъ другого грандіознѣй, и онъ съ неутомимымъ жаромъ работаетъ надъ развитіемъ своихъ идей. Но, увы! Счастье отъ него отвернулось. Одна неудача слѣдуетъ за другой. Его попытки обратить на себя вниманіе ученаго міра кончаются унижительными фіаско. Его восторженность вызываетъ веселый смѣхъ, а

научные доводы — улыбку сожалѣнія. Жизнь начинаетъ производить надъ нашимъ философомъ свои жестокіе опыты, какъ бы въ отместку за его опыты надъ своей собственной жизнью.

Послѣдняя попытка Сень-Симона къ самостоятельному экспериментированію надъ жизнью стоитъ того, чтобы о ней рассказать. Въ это время во всемъ мірѣ гремѣла слава г-жи Сталь, какъ умнѣйшей и образованнѣйшей женщины Европы. И вотъ Сень-Симонъ, разставшись со своей женой, ѣдетъ въ Женеву къ г-жѣ Сталь, которая врядъ ли когда-либо слышала его имя, и обращается къ ней съ рѣчью приблизительно въ такомъ родѣ: «Вы — замѣчательнѣйшая женщина своего времени, я — замѣчательнѣйшій мужчина. Почему бы намъ не стать мужемъ и женой?» Сталь имѣла настолько ума, чтобы только разсмѣяться надъ этимъ удивительнымъ предложеніемъ, которое можно было принять за поступокъ маниака.

Въ Женевѣ Сень-Симонъ издаетъ свой первый литературный трудъ — «Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains» — маленькую брошюру изъ трехъ писемъ, неясную, вдохновенную и почти безумную, въ которой мысль Сень-Симона еще только расправляетъ свои крылья для могучаго полета впоследствии. Первое письмо такъ коротко, что мы приведемъ его почти цѣликомъ.

«Я не молодъ, — начинаетъ Сень-Симонъ свое обращеніе къ современникамъ, — я много наблюдалъ и думалъ въ теченіе всей своей жизни и цѣлью моихъ работъ было ваше благо: я придумалъ планъ, который мнѣ кажется полезнымъ для васъ и я изложу вамъ его.

«Откройте подписку надъ могилой Ньютона; подписывайте всѣ, сколько хотите!

«Пусть каждый назоветъ трехъ математиковъ, трехъ физиковъ, трехъ химиковъ, трехъ физиологовъ, трехъ писателей, трехъ живописцевъ, трехъ музыкантовъ.

«Каждый годъ возобновляйте подписку и указывайте имена, но пусть каждый будетъ свободенъ называть хотя бы тѣхъ же самыхъ лицъ.

«Раздѣлите сумму, собранную по подпискѣ между тремя математиками, тремя физиками и т. д., получившими наибольшее число голосовъ.

«Попросите президента Лондонскаго Королевскаго Общества, принять вносимыя деньги.

«Въ слѣдующіе годы возложите эту почетную обязанность на лицо, внесшее наибольшую сумму по подпискѣ.

«Потребуйте отъ тѣхъ, кого вы выберете, чтобы они не получали ни должностей, ни почестей, ни денегъ отъ кого бы то ни было и оставьте ихъ безграничными господами своихъ силъ.

.....

«Этой мѣрой вы создадите вождей для тѣхъ, кто работаетъ надъ прогрессомъ человѣческаго знанія, вы облечете этихъ вождей величайшимъ авторитетомъ и передадите въ ихъ распоряженіе огромную денежную силу».

Во второмъ письмѣ Сень-Симонъ говоритъ, что онъ имѣлъ видѣніе. Ночью онъ услышалъ голосъ, который ему возвѣстилъ:

«Римъ перестанетъ быть главою моею церкви. Папа, кардиналы, епископы и священники перестанутъ говорить отъ моего имени... Я запретилъ Адаму различать добро отъ зла—онъ не послушался меня. Я его изгналъ изъ рая, но я оставилъ потомству Адама средство утѣлить мой гнѣвъ; пусть люди работаютъ надъ усовершенствованіемъ познанія добра и зла—и я улучшу ихъ участь. Наступитъ день, когда земля будетъ раемъ...

«Узнай, что я помѣстилъ Ньютона рядомъ съ собой, довѣрилъ ему управленіе свѣтомъ и поручилъ ему владычество надъ людьми всѣхъ планетъ.

«Собраніе 21 избранниковъ человѣчества получить названіе совѣта Ньютона. Совѣтъ Ньютона будетъ представлять меня на землѣ; онъ раздѣлитъ человѣчество на 4 части, которыя будутъ называться англійской, французской, германской и итальянской. Каждая изъ этихъ частей будетъ имѣть совѣтъ, образованный также, какъ и верховный совѣтъ. Всякій, гдѣ бы онъ ни жилъ, выберетъ себѣ одну изъ этихъ частей и будетъ избирать верховный совѣтъ, а также совѣтъ своей части.

«Женщины также будутъ избирать и будутъ избираемы».

Эти выдержки даютъ представленіе объ общемъ тонѣ этого страннаго литературнаго произведенія. Можно думать, что Сень-Симонъ не его написалъ въ состояніи крайняго, почти болѣзненнаго экстаза. Но, какъ увидимъ ниже, несмотря на свою экзальтированную и безсвязную форму, первая работа Сень-Симона уже содержитъ въ зародышѣ нѣкоторыя глубокія, даже прямо гениальныя идеи, болѣе полно развитыя имъ впослѣствіи.

Нечего и говорить, что эта брошюра не дала Сень-Симону ни славы, ни денегъ... А деньги ему были нужны для жизни. Съ большимъ трудомъ ему удалось пріискать себѣ мѣсто переписчика въ ломбардѣ, съ жалованьемъ въ 1.000 франковъ въ годъ за 9-ти-часовую ежедневную работу. Для научной работы нашему философу оставались только ночи. Къ счастью, судьба вскорѣ свела его съ его бывшимъ слугою Діаромъ, который сжался надъ бѣдственнымъ положеніемъ своего прежняго господина и предложилъ ему даровую квартиру и содержаніе. И вотъ Сень-Симонъ поселяется у Діара.

Ему нисколько не кажется унижительнымъ жить милостыней своего прежняго слуги. Онъ весь поглощенъ задуманными имъ великими трудами; на средства Діара онъ печатаетъ нѣсколько научно-философскихъ работъ, не обратившихъ ничего вниманія. Вскорѣ судьба наноситъ бѣдному искателю истины новый ударъ: Діаръ умираетъ. Обнищавшему философу не на что печатать свои произведенія и онъ возвращается къ первобытному способу распространенія человѣческаго слова: собственноручно переписываетъ свои сочиненія въ нѣсколькихъ десят-

*

кахъ экземпляровъ и разсылаеть ихъ выдающимся ученымъ, сопровождаая посылку письмами такого содержанія:

«Милостивый Государь! Будьте моимъ спасителемъ. Я умираю съ голоду. Мое положеніе отнимаетъ у меня возможность изложить мои идеи достойнымъ образомъ; но значеніе моего открытія не зависить отъ способа изложенія. Достигъ ли я того, чтобы проложить новую философскую дорогу? Вотъ вопросъ. Если вы возьмете на себя трудъ прочитать мое сочиненіе, я спасенъ. Преданный впродолженіи многихъ лѣтъ отысканію новаго пути въ области мысли, я по необходимости долженъ былъ удалиться отъ школы и отъ общества... Я сдѣлалъ открытіе чрезвычайной важности... Занятый единственно общимъ интересомъ, я пренебрегалъ своими собственными дѣлами и черезъ это дошелъ до слѣдующаго положенія: мнѣ нечего ѣсть, я работаю безъ огня. Я продалъ даже свою одежду для того, чтобы имѣть возможность переписать мое сочиненіе. Стремленіе къ наукѣ и общественному благу желаніе найти средства, чтобы мирнымъ образомъ окончить страшный кризисъ, въ которомъ находится европейское общество, привели меня въ столь несчастное положеніе, и потому я не красѣя признаю свою бѣдность и прошу помощи для того, чтобы продолжать свою работу».

Итакъ, гордый потомокъ Карла Великаго открыто просилъ милостыню у незнакомыхъ людей. Но этого мало: онъ просилъ милостыню и не получалъ ея. И еще болѣе: онъ не только не получалъ милостыни, но и его научные труды, сопровождаемые такими унижительными посланіями, оставались непрочитанными. Казалось, все соединилось для того, чтобы сокрушить самоувѣренность Сень-Симона. Но тутъ и проявилось во всей мощи величіе его духа; ничто на свѣтѣ, ни крайняя нищета, ни общее равнодушіе и невниманіе къ его работамъ, ни полное одиночество, ни надвигавшаяся старость, при неувѣренности будущаго, не могли въ этотъ самый тяжелый періодъ жизни Сень-Симона заставить его склонить свою гордую голову. Обращаясь съ просьбою о помощи и рассказывая о своихъ бѣдствіяхъ, онъ держитъ себя съ спокойнымъ достоинствомъ избранника неба и прирожденнаго повелителя людей.

Въ посвященіи своему племяннику Виктору, приложенномъ къ одному сочиненію, изданному въ это время, Сень-Симонъ говоритъ въ вдохновенномъ тонѣ о «великихъ обязательствахъ», возлагаемыхъ на ихъ семью ихъ высокимъ происхожденіемъ. «Я бросилъ мечъ, чтобы взяться за перо,—говоритъ онъ,—такъ какъ чувствовалъ, что природа влекла меня къ великимъ дѣламъ на научномъ поприщѣ». Исторія показываетъ, что всѣ великія дѣла были исполнены людьми знатной породы. Сень-Симоны должны быть гордыми «до надменности», ибо судьба низвела ихъ съ высоты престола до самыхъ низшихъ рядовъ подданныхъ. Однажды, въ эпоху террора, когда Сень-Симонъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, ему явился ночью Карлъ Великій и сказалъ: «Съ тѣхъ поръ,

какъ существуетъ міръ, ни одной семьѣ не выпало чести создать и героя, и философа перваго разряда; моему дому досталась эта честь. Сынъ мой, твои успѣхи, какъ философа, сравнятся съ тѣми, какихъ я достигъ, какъ воинъ и политикъ».

Въ письмѣ къ тому же Виктору Сень-Симонъ высказываетъ слѣдующее: «Безуміе, мой дорогой Викторъ, не что иное, какъ высшая экзальтація, и эта высшая экзальтація необходима для совершенія великихъ дѣлъ... Въ храмъ славы входятъ только кліенты домовъ сумасшедшихъ, но не всѣ кліенты сумасшедшаго дома попадаютъ въ храмъ славы. На миллионъ одному удастся войти—остальные свертываютъ себѣ шею».

Одной изъ самыхъ поражающихъ чертъ характера этого удивительнаго челоуѣко была прямо безпредѣльная наивность, съ которой онъ относился къ людямъ. Редернъ обобразъ его и лишилъ состоянія. Сень-Симонъ поссорился съ Редерномъ, отзываясь о немъ крайне рѣзко, какъ о челоуѣкѣ, самомъ ничтожномъ и заслуживающемъ полного презрѣнія. И вотъ, очутившись въ крайности, бѣдный наивный философъ составляетъ проектъ привлечь для осуществленія своихъ научныхъ работъ не кого иного, какъ этого самаго Редерна. Сень-Симонъ пишетъ своему врагу длинное посланіе, въ которомъ излагаетъ сущность своихъ философскихъ возрѣній и проситъ обезпечить ему жизнь и научную дѣятельность. Какое было дѣло Редерну до теорій обобраннаго имъ неудачнаго спекулянта? Но нашъ философъ дѣтски-простодушенъ въ вопросахъ практической жизни; съ подобными же просьбами онъ обращается рѣшительно ко всѣмъ, даже къ Наполеону. И характеръ всѣхъ этихъ просьбъ не измѣнно одинъ и тотъ же: вдохновенныя, запутанныя и неясныя разсужденія объ общихъ вопросахъ, и въ заключеніе трогательное по своей наивности предложеніе (именно скорѣе предложеніе, чѣмъ просьба) помочь умирающему отъ голода философу. Со всѣми Сень-Симонъ говоритъ совершенно одинаково—со своимъ бывшимъ слугою Дيارомъ такъ же, какъ и съ Наполеономъ. Со всѣми онъ говоритъ, какъ высшій избранникъ, какъ потомокъ и наследникъ Карла Великаго, ничего не боящійся и сознающій, что ничто на свѣтѣ не можетъ его унизить.

Въ обращеніи къ Наполеону Сень-Симонъ обѣщаетъ указать средство сокрушить морское могущество Англіи; этимъ средствомъ оказывается отказъ Наполеона отъ завоевательныхъ плановъ. Если же Наполеонъ не послушаетъ совѣтовъ дружески расположеннаго къ нему философа, то погубитъ себя и Францію. Неудивительно, что въ отвѣтъ на это Наполеонъ приказалъ полиціи слѣдить за Сень-Симономъ.

Крайняя наивность и вѣра въ людей, непониманіе ихъ психологій и навязываніе имъ своихъ собственныхъ настроеній и чувствъ, вытекали у нашего утописта изъ чрезвычайнаго богатства его внутренняго міра. Грандіозныя планы непрерывно возникали въ его мозгу и поглощали все его вниманіе. Онъ былъ въ состояніи постоянного экстаза, его умственный взоръ былъ обращенъ такъ далеко, что почти не раз-

лячалъ близкихъ предметовъ. И потому, каждый разъ, какъ геніальному мыслителю приходилось вступать въ соприкосновеніе съ практической жизнью, онъ оказывался дѣтски безпомощнымъ и смѣшнымъ.

Всгдъ затѣмъ положеніе Сень-Симона нѣсколько улучшается, благодаря тому, что его восторженная проповѣдь находитъ себѣ, наконецъ, нѣкоторый откликъ: у него появляются ученики. Правда, ихъ немного, но за то среди нихъ есть люди такой огромной умственной силы, какъ философъ Огюсть Контъ и историкъ Огюстенъ Тьерри. Послѣдній даже присвоилъ себѣ въ печати названіе «пріемнаго сына Сень-Симона». Такіе ученики могли замѣнить недостатокъ вниманія къ идеямъ Сень-Симона среди міра официальной науки.

Годы шли, нищета продолжалась, наступила дряхлая старость. Уколы булавкой часто бывають больнѣе глубокихъ ранъ—жизнь подачками богатыхъ покровителей стала невыносимой для бѣднаго чудака философа, уже одряхлѣвшаго и лишившагося своей прежней гордой силы: въ маѣ 1823 г. онъ продѣлалъ свой послѣдній и самый печальный жизненный опытъ — выстрѣлилъ въ себя изъ пистолета въ високъ. Но онъ не умеръ, а только лишился глаза. Послѣ этого онъ прожилъ еще около двухъ лѣтъ, и вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ своего послѣдняго сочиненія «Le nouveau christianisme» скончался, какъ истый мудрецъ, на рукахъ своихъ учениковъ.

Послѣднія слова Сень-Симона были обращены къ его любимому ученику Родригу: «Яблоко зрѣло,—сказалъ онъ,—вы его сорвете. Мой послѣдній трудъ «Новое христіанство» не будетъ повянуть немедленно. Думали, что религія должна исчезнуть, потому что католицизмъ одряхлѣлъ. Это ошибка: религія не можетъ исчезнуть изъ міра; она только преобразуется... Родригъ, не забывайте этого! И помните, чтобы совершать великія дѣла, нужно быть вдохновеннымъ... Вся моя жизнь резюмируется одной мыслью: обезпечить всѣмъ людямъ наиболѣе свободное развитіе ихъ способностей». Затѣмъ наступило короткое молчаніе и умирающій прибавилъ: «Черезъ двое сутокъ послѣ нашей второй публикаціи партія рабочихъ образуется. Будущее принадлежитъ намъ». Съ этими словами онъ положилъ руку на голову и умеръ.

Въ чемъ же заключалось духовное наслѣдство, которое завѣщалъ своимъ ученикамъ этотъ необыкновенный человѣкъ? Что давало Сень-Симону эту несокрушимую увѣренность въ себѣ, эту силу переносить самыя унизительныя положенія съ гордостью короля? Какова была философія этого новаго Сократа, отвергнутаго современниками, но съ такой бодрой вѣрой смотрѣвшаго въ будущее?

Уже въ первой своей странной и загадочной работѣ «Lettres d'un habitant de Genève» Сень-Симонъ высказываетъ глубокія мысли, значеніе которыхъ для насъ ясно только теперь, послѣ Маркса. Въ своемъ фантастическомъ воззваніи къ человѣчеству Сень-Симонъ обращается къ тремъ общественнымъ классамъ, на которые распадается современное человѣчество. Первый классъ «идетъ подѣ флагомъ прогресса

человѣческаго разума; онъ слагается изъ ученыхъ, художниковъ и всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ за либеральныя идеи. На знамени второго класса начертано: «Никакихъ нововведеній!» Въ составъ этого класса входятъ всѣ собственники, не принадлежащіе къ первому классу. Третій классъ, лозунгомъ котораго является *равенство*, охватываетъ собой остальную часть человѣчества».

Итакъ, Сень-Симонъ указываетъ 3 класса, изъ которыхъ состоитъ общество нашего времени. Первый классъ движетъ впередъ человѣческую мысль; второй по своему существу консервативенъ и является опорой порядка; третій—враждебенъ господствующему историческому строю, основанному на неравенствѣ и подчиненіи, и требуетъ новаго общественнаго устройства, въ основаніе котораго должна быть положена идея равенства.

Какъ мало словъ въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ Сень-Симона и какъ поразительно много въ нихъ содержанія! Чтобы оцѣнить ихъ значеніе, нужно знать, какъ рѣдки оригинальныя идеи въ сокровищницѣ человѣческаго знанія. Новыя идеи походятъ на крупинки блестящаго золота среди сѣрыхъ грудъ грубаго песку, котораго нужно промыть сотни пудовъ, чтобы отыскать нѣсколько золотишковъ благороднаго металла. Въ немногихъ строкахъ Сень-Симона содержится въ зародышѣ одно изъ важнѣйшихъ социологическихъ обобщеній новаго времени—ученіе объ *общественномъ классѣ*, какъ составномъ элементѣ современнаго общества, и о *классовой борьбѣ*, какъ естественномъ результатѣ классового сложения общества. Для взглядовъ Сень-Симона крайне характерно, что въ основу своего дѣленія общества на классы онъ кладетъ не одинъ, а два различныхъ признака: съ одной стороны, экономическій признакъ (владѣніе имуществомъ—классъ собственниковъ и не собственниковъ), съ другой—интеллектуальный признакъ (характеръ занятій и взглядовъ—классъ ученыхъ, и вообще сторонниковъ либеральныхъ идей—то, что у насъ называютъ интеллигенціей). Эта двойственность отнюдь не случайна у Сень-Симона; она вытекала изъ всего его пониманія процесса общественнаго развитія. Какъ мы увидимъ ниже, Сень-Симонъ признавалъ двѣ основныхъ силы, движущія впередъ человѣчество; прогрессъ человѣческаго знанія и развитіе хозяйства. Сень-Симонъ, какъ социологъ, былъ не монистомъ, а дуалистомъ: подиѣчая съ чрезвычайнымъ остроуміемъ экономическія причины социальныхъ переворотовъ, онъ въ то же время считалъ успѣхи знанія особой и самостоятельной причиной общественнаго прогресса.

Въ своей первой брошюрѣ Сень-Симонъ высказываетъ и свою другую любимую мысль: требованіе раздѣленія общественной власти на духовную и свѣтскую, причемъ духовная должна принадлежать людямъ знанія и мысли, а свѣтская—тѣмъ, кто является руководителемъ хозяйственнаго процесса производства. Наиболѣе странное мѣсто брошюры—обоготвореніе Ньютона—тоже не лишено глубокаго смысла. Здѣсь находитъ себѣ выраженіе завѣтная мечта Сень-Симона—уничтожить

антагонизмъ религіи и науки, засыпать пропасть между ними, привести ихъ къ гармоническому единству, создать позитивную религію, основывающуюся на наукѣ, но не лишающую человѣчество высшаго духовнаго дара—энтузіазма къ добру.

Всѣ эти мысли едва намѣченныя въ первой работѣ Сень-Симона, получили блестящее развитіе въ его послѣдующихъ трудахъ, изъ которыхъ наиболѣе важны три—«Système industriel», «Catechisme des Industriels» и «Nouveau Christianisme».

Въ «Промышленной системѣ» Сень-Симонъ даетъ поистинѣ гениальный очеркъ философіи европейской исторіи. «Человѣчество,—говоритъ нашъ мыслитель,—неизмѣнно проходитъ въ своемъ развитіи 3 стадіи. Первая стадія характеризуется господствомъ духовенства и теологіи въ области духа и военного класса въ свѣтской области. Для послѣдней стадіи характерно господство ученыхъ и точныхъ наукъ въ области духовныхъ интересовъ и промышленныхъ классовъ—въ сферѣ интересовъ матеріальныхъ». Промежуточная стадія характеризуется преобладаніемъ въ сферѣ духовной—метафизиковъ, въ сферѣ матеріальной—юристовъ и законовѣдцовъ.

Въ средніе вѣка господствующими классами въ Европѣ были феодальная военная аристократія и духовенство. На чемъ же основывалось преобладаніе этихъ классовъ?

На томъ, что именно въ этихъ классахъ сосредоточивались источники національной силы.

Аристократія была самымъ необходимымъ классомъ общества, ибо на ней лежала важнѣйшая обязанность того времени—военная оборона страны. Рыцари были не праздными людьми, а самыми важными и цѣнными работниками, въ которыхъ всего болѣе нуждалось общество. Они защищали трудящіеся классы, которые безъ помощи рыцарскаго меча и копья погибли бы отъ вражескихъ нападений. Баярдъ былъ полезнѣйшій человѣкъ своего времени. Что касается до духовенства, то въ его рукахъ былъ другой источникъ силы—знаніе. Оно сосредоточивало въ себѣ все просвѣщеніе, всѣ знанія среднихъ вѣковъ. Этотъ социальный строй держался въ теченіе многихъ вѣковъ потому, что онъ былъ въ полной гармоніи съ состояніемъ общественныхъ силъ.

Промышленность была во младенчествѣ, и война была важнѣйшимъ занятіемъ народа, то какъ средство обогащенія, то какъ средство отраженія нападений враговъ.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ военные преобладали въ обществѣ, что въ ихъ рукахъ сосредоточивалась земельная собственность, а промышленные классы играли подчиненную роль. Точно такъ же понятно, при низкомъ уровнѣ умственной развитія и при дѣтскомъ состояніи точныхъ наукъ, преобладаніе духовенства въ сферѣ высшихъ духовныхъ интересовъ.

Но мало-по-малу промышленные классы, бывшіе долгое время рабами феодаловъ, достигли сначала личной свободы, а затѣмъ и эко-

номическаго благосостоянія. Около этого времени рыцарству, какъ военному классу, былъ нанесенъ смертельный ударъ не на полѣ брани, а въ лабораторіи скромнаго монаха. Изобрѣтеніе пороха покончило съ рыцарствомъ и подчинило военную силу промышленности. Деньги и во- обще экономическая мощь становятся рѣшающимъ моментомъ военнаго могущества. Соотвѣтственно этому значеніе промышленныхъ классовъ растетъ, а феодальной аристократіи падаетъ; выраженіемъ этого процесса явилось постепенное перемѣщеніе земельной собственности изъ рукъ аристократіи въ руки промышленниковъ. Мало-по-малу большая часть движимой и недвижимой собственности сосредоточилась у промышленныхъ классовъ. Виѣсть съ тѣмъ и политическое вліяніе должно было перейти къ классу экономически преобладавшему, т.-е. къ тѣмъ же промышленникамъ.

Въ то же время развитіе точныхъ наукъ привело, въ интеллектуальной области, къ уtratѣ преобладающаго положенія духовенства. Ученые стали умственными вождями общества. Такимъ образомъ и свѣтская, и духовная власть перемѣстилась въ обществѣ изъ рукъ однихъ классовъ въ другія. Эта-то скрытая, но глубочайшая общественная перемѣна, а не дѣйствія тѣхъ или иныхъ министровъ или народныхъ вождей, и была основной причиной великой французской революціи. Грандіозный политическій переворотъ конца XVIII вѣка былъ вызванъ не отдѣльными случайными политическими событіями, а тѣмъ, что политическій строй, раньше соотвѣтствовавшій внутреннему соотношенію общественныхъ силъ, пересталъ соотвѣтствовать этому послѣднему. Политическая революція была естественнымъ слѣдствіемъ общественныхъ перемѣнъ, медленно совершавшихся на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Но такъ какъ феодальная система, основанная на преобладаніи военной силы и духовенства, совершенно противоположна промышленной системѣ, то феодализмъ не можетъ перейти въ высшую общественную фазу безъ промежуточной системы. Между низшей и высшей системой должна быть нѣкоторая переходная система — метафизическая. Политическій и общественный строй, вышедшій изъ революціи — парламентаризмъ, — и является такой переходной системой. Парламентаризмъ есть метафизическое созданіе юристовъ и философовъ, чуждыхъ положительной наукѣ. Эготъ образъ правленія не открытъ изъ изученія общественнаго развитія, а придуманъ метафизиками, поставившими себѣ совершенно ненаучную задачу — изобрѣсти идеальное политическое устройство. Дѣйствительно, что такое знаменитая декларация правъ человѣка, какъ не примѣненіе высшей метафизики къ высшей юриспруденціи?

Но европейское общество не достигнетъ внутренняго мира, пока революція не будетъ завершена. До сихъ поръ революція только разрушала — теперь она должна созидать. Метафизическій переходный періодъ долженъ закончиться возникновеніемъ новаго политическаго и

общественнаго порядка, гармонирующаго съ новымъ состояніемъ общества. Этимъ строемъ будущаго должна стать промышленная система.

Духовная власть должна сосредоточиться въ рукахъ ученыхъ, а свѣтская перейти въ руки фактическихъ руководителей производства — предпринимателей-промышленниковъ. «Истинная конституція, — говорятъ Сень-Симонъ, — не можетъ быть изобрѣтена — она должна быть открыта. Истиннымъ законодателемъ является не король и не законодательныя собранія. Такимъ законодателемъ слѣдуетъ считать философа, изучающаго движеніе цивилизаціи и резюмирующаго свои наблюденія въ общественномъ законѣ, который и становится руководящимъ принципомъ законодательства». Конституція прочна только тогда, когда она выражаетъ собой внутреннее состояніе общества. Нельзя создать новой политической силы; ее можно только признать таковой, когда она достаточно обнаружилась. Это признаніе, или, говоря иначе, законодательная санкція господствующихъ въ обществѣ силъ, и есть то, что называютъ конституціей, которая, въ противномъ случаѣ, является только метафизической мечтой. Такъ, напр., палата лордовъ въ Англіи есть дѣйствительная политическая сила, такъ какъ лорды выражаютъ собой характерную черту англійскаго соціального строя — именно концентрацію земельной собственности въ рукахъ немногихъ лицъ. Значеніе палаты лордовъ въ Англіи основывается не на теоріяхъ политическаго равновѣсія и тому подобныхъ метафизическихъ измышленіяхъ, а на реальномъ фактѣ, на фактѣ существованія общественной силы, которая находитъ себѣ выраженіе въ этомъ учрежденіи. Напротивъ, во Франціи, гдѣ палата пэровъ была придумана по политическимъ соображеніямъ, это учрежденіе не имѣетъ никакого значенія, потому что за нимъ не скрывается никакой общественной силы. Поэтому и конституція Франціи должна быть иная, чѣмъ конституція Англіи. Королевская власть должна опираться во Франціи на тѣ общественные классы, которые во Франціи дѣйствительно преобладаютъ, т. е. на промышленниковъ и ученыхъ.

Читателю, не знакомому съ состояніемъ исторической науки въ началѣ XIX вѣка, трудно достойнымъ образомъ оцѣнить значеніе новаго освѣщенія, въ которомъ выступаетъ у Сень-Симона исторія Европы. Какъ гениально указаніе Сень-Симона на связь политическаго устройства съ состояніемъ внутреннихъ силъ даннаго общественнаго организма! И какъ остроумно глубока и блестяща его критика французской конституціи! И если вспомнить, что этотъ поразительный очеркъ философіи европейской исторіи исходилъ не отъ спеціалиста-историка, а отъ человѣка, получившаго самое поверхностное научное образованіе и только самымъ общимъ образомъ знакомаго съ историческими фактами, то нельзя не изумляться могуществу мысли Сень-Симона. Знаменитый соціологическій «законъ» развитіе человѣческаго ума — прохожденіе всякимъ человѣческимъ знаніемъ трехъ стадій: теологической, метафизической и позитивной — этотъ «законъ», от-

крытіемъ котораго такъ гордился Огюстъ Контъ и который былъ положенъ имъ въ основу «курса позитивной философіи»—былъ формулированъ гораздо раньше вполнѣ отчетливо никѣмъ инымъ, какъ Сень-Симономъ. Вообще, всѣ самыя основныя идеи «позитивной философіи» были заимствованы Кантомъ, у Сень-Симона къ которому Контъ обнаружилъ вполнѣ такую низкую неблагодарность.

Такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи, связываемое обыкновенно съ именемъ Маркса, также нашло себѣ задолго до Маркса гениальнаго выразителя въ Сень-Симонѣ. Правда, Сень-Симонъ, въ противность Марксу, былъ не монистомъ, а дуалистомъ: онъ не считалъ эволюцію хозяйства единственнымъ рѣшающимъ моментомъ общественной эволюціи и рядомъ съ развитіемъ хозяйства ставилъ въ качествѣ самостоятельной движущей силы прогресса развитіе человѣческаго знанія. Но это не мѣшало Сень-Симону ничуть не хуже Маркса подмѣчать экономическія причины историческихъ событій. Таково, напримѣръ, матеріалистическое объясненіе Сень-Симона причинъ великой революціи; всѣмъ послѣдующимъ историкамъ оставалось въ этой области только дополнять и развивать идеи нашего мыслителя.

Значеніе классовою борьбы въ исторіи также было понято Сень-Симономъ. Въ «Catéchisme des Industriels» нашъ философъ изображаетъ французскую исторію, какъ борьбу землевладѣльческой аристократіи съ промышленнымъ классомъ. Королевская власть со времени Людовика XI прижкнула къ промышленникамъ (городскимъ общинамъ); это и дало ей успѣхъ въ борьбѣ съ феодалами. Но Людовикъ XIV и его преемники измѣнили старинной политикѣ французскихъ королей и заключили союзъ съ феодалами противъ промышленниковъ, что и повело къ революціи. Въ новѣйшее время промышленники распались, въ свою очередь, на два класса. Изъ ихъ среды выдѣлились денежные капиталисты, банкиры, составившіе новую денежную аристократію, столь же враждебную остальной трудящейся массѣ промышленныхъ классовъ, какъ и старая земельная аристократія. Такимъ образомъ созданъ антагонизмъ владѣнія и труда. Денежная аристократія вмѣстѣ съ юристами образуетъ въ настоящее время средній классъ общества, составляющій опору либеральной партіи. Революція пошла на пользу именно этому среднему классу. Лозунгомъ либераловъ по отношенію къ правительству является «*cote-toi de là, que je m'y mette*» (освободи мнѣ мѣсто, чтобы я его занялъ). Партія промышленниковъ не имѣетъ ничего общаго съ либералами. Ея задачи заключаются въ созданіи новаго хозяйственнаго и общественнаго строя, въ которомъ работающіе классы займутъ господствующее мѣсто, соотвѣтствующее ихъ преобладающей роли въ созданіи богатства и знанія. Всѣ существовавшія до сихъ поръ общественныя системы основывались на господствѣ челоуѣка надъ челоуѣкомъ, монополіяхъ, привилегіяхъ, вообще неравенствѣ. Напротивъ, промышленная система должна уничтожить всякія

общественныя привилегіи и доставить возможность совершенно свободнаго развитія человѣческихъ способностей, труда и таланта.

Но кого же понимаетъ Сень-Симонъ подъ названіемъ «промышленниковъ», въ защиту которыхъ онъ возвышаетъ свой голосъ. Здѣсь господствуетъ въ воззрѣніяхъ нашего философа значительная неясность, зависѣвшая отъ того, что, выступивши съ совершенно новыми воззрѣніями на природу общественныхъ отношеній, онъ не довелъ своей мысли до конца и остановился на полдорогѣ. Сень-Симонъ понималъ социальные антагонизмы, но какъ ни глубоко проникала его мысль, онъ ихъ не усматривалъ съ полной ясностью. Въ корнѣ всѣхъ [разсужденій Сень-Симона объ отношеніяхъ общественныхъ классовъ лежала нѣкоторая недоговоренность и спутанность, дававшая возможность дѣлать изъ этихъ разсужденій диаметрально противоположные выводы. Смотря по тому, кого считать промышленниками—капиталистовъ или рабочихъ—можно было истолковывать идеи Сень-Симона въ смыслѣ благопріятномъ представителямъ труда или капитала. Но не подлежитъ сомнѣнію, что самъ Сень-Симонъ, по мѣрѣ большаго и большаго углубленія въ природу современнаго общества, все болѣе и болѣе суживалъ понятіе «промышленниковъ» именно представителями умственнаго и физическаго труда.

Такъ, въ своемъ послѣднемъ предсмертномъ сочиненіи «Nouveau Christianisme» Сень-Симонъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ основную заповѣдь своей религіи—преобразованнаго христіанства: «Религія должна направлять общество къ высокой цѣли возможно скорого улучшенія участи самаго бѣднаго и самаго многочисленнаго общественнаго класса». Эта заповѣдь должна быть положена въ основу всѣхъ общественныхъ учреждений. Недостаткомъ является то, что не преслѣдуются цѣли улучшенія участи бѣдняковъ.

Но не только въ «Nouveau Christianisme» Сень-Симонъ признавалъ важнѣйшей задачей общества помощь бѣднѣйшему классу. Въ томъ же смыслѣ онъ высказывался и раньше. Такъ, въ «Промышленной системѣ» Сень-Симонъ говоритъ, что государство должно, прежде всего, позаботиться объ «обезпеченіи участи пролетаріевъ, причемъ работоспособнымъ должна быть гарантирована работа, а неспособнымъ къ работѣ—содержаніе». Правда, средства достиженія этой цѣли не выяснены у Сень-Симона. Можетъ показаться страннымъ, что, становясь на сторону пролетаріевъ, Сень-Симонъ приглашаетъ передать управленіе страной предпринимателямъ. Но эта странность вполнѣ объясняется невыясненностью классового антагонизма предпринимателей и рабочихъ во Франціи эпохи реставраціи. Въ это время мелкое производство еще рѣшительно преобладало въ странѣ и экономическій антагонизмъ труда и капитала маскировался политическимъ антагонизмомъ старинной феодальной аристократіи съ одной стороны и непривильгированныхъ классовъ — включая сюда какъ буржуазію, такъ и рабочихъ—съ другой.

Мы изложили, въ общихъ чертахъ, ученіе Сень-Симона. Весьма возможно, что читатель спроситъ: почему же мы называемъ этого гениальнаго мыслителя утопистомъ и въ чемъ заключалась его утопія? На это можно отвѣтить, что воззрѣнія Сень-Симона представляютъ собой изумительнѣйшую смѣсь самыхъ трезвыхъ, реалистическихъ построений съ по рывами самой необузданной фантазіи. Что можетъ быть утопичнѣе приглашенія Сень-Симона открыть подписку надъ могилой Ньютона и такимъ путемъ преобразовать міръ? Или его позднѣйшія мечты о передачѣ духовной власти ученымъ, а свѣтской промышленникамъ? Правда, Сень-Симонъ не создавалъ такихъ детальныхъ плановъ будущаго общественнаго устройства, какіе мы находимъ у другихъ утопистовъ, напр., Оуэна или Фурье. Никто иной, какъ Сень-Симонъ высказалъ гениальную мысль, что истинная конституція общества должна быть не изобрѣтена, а открыта. Но всякій, знакомый съ сочиненіями великаго мыслителя, согласится, что самъ авторъ не былъ вѣренъ своему тезису. Фантазія постоянно влекла его къ мечтѣ и утопіи. Экстазъ былъ привычнымъ состояніемъ души Сень-Симона—а въ состояніи экстаза легче создавать воздушные замки, чѣмъ готовить кирпичи для жилыхъ построекъ.

Отвращеніе Сень-Симона къ организованной политической борьбѣ и вообще къ политикѣ также сближаетъ его съ другими утопистами. Какъ Оуэнъ обращался съ своими проектами къ государямъ Европы, такъ Сень-Симонъ упорно пытался убѣдить Людовика XVIII, что собственный интересъ французской монархіи требуетъ отождествить ея дѣло съ дѣломъ всего народа. Сень Симонъ не понималъ, что политика королевской власти диктуется только реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ, тѣсно связавшимъ во Франціи дѣло Бурбоновъ съ феодальной аристократіей. Подобно Оуэну, Сень-Симонъ признавалъ только одинъ путь соціального преобразованія—путь мирной пропаганды новыхъ идей. «Новое христіанство» достигнетъ господства, также какъ и старое—силой внутренней правды и высшей красоты своего ученія. «Новыя христіане могутъ быть мучениками, но они никогда не будутъ палачами». Богатые классы сами придутъ къ убѣжденію, что ихъ интересы не пострадаютъ отъ преобразованія общества на началахъ новой заповѣди — «улучшенія участи бѣднѣйшаго класса», такъ какъ при новомъ общественномъ устройствѣ, благодаря общему росту богатства и нравственному улучшенію человѣчества, выиграютъ всѣ классы населенія.

Но, однако, въ чемъ же заключается этотъ новый общественный строй, эта промышленная система, апостоломъ которой выступилъ Сень-Симонъ? Самъ онъ не далъ на это яснаго отвѣта.

И если бы Сень-Симонъ не оставилъ послѣ себя школы, продолжившей дѣло учителя, то сень-симонизмъ слѣдовало бы считать скорѣе замѣчательной историко-философской теоріей, чѣмъ опредѣленной соціалистической доктриной.

Умирая, Сенъ-Симонъ сказалъ ученикамъ, что вся его жизнь рекумируется одной мыслью: обезпечить всѣмъ людямъ возможно большее развитіе ихъ способностей, и указалъ способъ, которымъ можно достигнуть этого. Это завѣщаніе было принято небольшою кучкою учениковъ, обладавшихъ тѣмъ даромъ, который Сенъ-Симонъ цѣнилъ выше всего — даромъ энтузіазма. Во главѣ сенъ-симонистовъ стояло двое людей—Базаръ и Анфантенъ.

Первый былъ долгое время политическимъ заговорщикомъ и однимъ изъ вождей такъ называемыхъ карбонаріевъ. Сдѣлавшись сенъ-симонистомъ, онъ не утратилъ политическихъ интересовъ. Это была чрезвычайно замѣчательная личность и по уму, и по характеру. Второй былъ чуждъ политической жизни и видѣлъ въ сенъ-симонизмѣ преимущественно новое нравственное ученіе и новую религію. Анфантенъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже Базара.

До революціи 1830 г. сенъ-симонисты почти не обращали на себя общественнаго вниманія. Но вотъ тронъ Бурбоновъ опрокинутъ, и Франція должна выбрать себѣ новый государственный строй. Черезъ нѣсколько дней послѣ революціи парижане увидѣли на стѣнахъ домовъ манифестъ никому неизвѣстной школы или секты, подписанный именами «Базаръ—Анфантенъ, начальники ученія Сенъ-Симона». Манифестъ вызвалъ удивленіе и смѣхъ, но о сенъ-симонистахъ заговорили даже въ палатѣ депутатовъ, гдѣ нѣкоторые представители народа сочли весь этотъ эпизодъ достаточно серьезнымъ, чтобы обратить вниманіе правительства на опасность для общественнаго порядка отъ пропаганды новой секты.

Первые годы іюльской монархіи были короткимъ періодомъ быстраго расцвѣта и послѣдующаго паденія сенъ-симонистской школы. Восторженная рѣчь, смѣлыя и новыя мысли, высказываемыя въ блестящей и образной формѣ, указывавшей на душевный подъемъ и глубокую вѣру—все это не могло не заинтересовать публику. Нѣкоторая театральность и искусственность сенъ-симонистскаго культа привлекала праздныхъ любопытныхъ. Не только въ Парижѣ, но и въ провинціальныя города возникло нѣсколько центровъ сенъ-симонистской пропаганды. Въ Тулузѣ, Монпелье, Дижонѣ, Лионѣ, Мецѣ образовались церкви сенъ-симонистовъ, тѣсно связанныя съ главною церковью въ Парижѣ. Проповѣди Базара и Анфантена собирали тысячи народа. Много талантливыхъ и достаточныхъ людей вошли въ общину Сенъ-Симона. «Оставляя свои занятія, свои стремленія къ богатству, свои привязанности дѣтства,—говоритъ Луи-Бланъ въ своей извѣстной «L'histoire de dix ans»—инженеры, артисты, медики, адвокаты, поэты приходили сюда, чтобы соединить свои благороднѣйшія надежды... Это былъ опытъ религіи братства!.. Отсюда отправлялись миссіонеры, чтобы снѣять слово Сенъ-Симона по всей Франціи и эти миссіонеры вездѣ оставляли свои слѣды: въ гостиницахъ, замкахъ, отеляхъ, хижинахъ. Одними они были встрѣчаемы

съ энтузіазмомъ, другими съ насмѣшкой или враждой. Но миссіонеры были неутомимы въ своей дѣятельности».

Инженеры, медики, адвокаты, поэты... а рабочіе? Отчего о нихъ не упоминаетъ Луи-Бланъ? Исполнилось ли предсказаніе великаго учителя?

Нѣтъ. Въ противоположность овенизму, сенъ-симонизмъ остался до конца чуждымъ рабочему классу. Это было чисто интеллигентное движеніе, объединившее въ себѣ на нѣкоторое время многихъ талантливыхъ людей изъ достаточныхъ классовъ. Изъ среды сенъ-симонистовъ вышли блестящіе ученые, философы, публицисты—но никакого прямого вліянія на рабочее движеніе сенъ-симонизмъ не оказалъ. Сенъ-симонизмъ былъ слишкомъ аристократиченъ—отрицая родовую аристократію, Сенъ-Симонъ провозгласилъ аристократію духа—ума и таланта.

Геніальный авторъ «Новаго христіанства» былъ чуждъ практической жизни, и изъ его дѣла не могли получиться практическіе результаты.

Сенъ-Симонъ оставилъ послѣ себя невзглядимый слѣдъ, но не въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ, а въ далекой и высокой, но именно вслѣдствіе своей высоты недоступной взорамъ толпы, таинственной и прекрасной области человѣческаго духа.

«Семейство» Сенъ-Симона получило характеръ правильно организованной религіозной общины. Анфантенъ и Базаръ получили титулы «верховныхъ отцовъ». Анфантенъ вѣнчалъ сенъ-симонистовъ, совершалъ религіозные обряды при погребеніи. Въ мастерскихъ общины работало временами до 4.000 человѣкъ, а ежегодный бюджетъ ея превышалъ 200.000 франковъ. Но всѣ эти успѣхи были крайне эфемерны. Уже въ концѣ 1831 г. въ «семействѣ» произошелъ расколъ: верховные отцы—Базаръ и Анфантенъ—рѣшительно разошлись по вопросу о положеніи женщины въ новой церкви. Анфантенъ утверждалъ, что мужчина и женщина составляютъ одинъ нераздѣльный социальный индивидъ, почему во главѣ церкви должна стоять пара изъ мужчины и женщины. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ провозгласилъ новое нравственное ученіе—*réhabilitation de la chair* (возстановленіе правъ плоти). И тѣло и духъ равно прекрасны—чувственность также законна и нравственна, какъ и стремленія нашего духа. Базаръ, отказавшійся принять это ученіе, долженъ былъ выдти изъ «семейства» и скоро умеръ.

Анфантенъ остался главой церкви. Пустое кресло, стоявшее рядомъ съ нимъ въ собраніяхъ общины, краснорѣчиво говорило, что церкви не хватаетъ подруги верховнаго главы—женщины-первосвященника. Наступаетъ послѣдній и самый грустный періодъ исторіи сенъ-симонизма. Возвышенное ученіе вырождается въ смѣшной фарсъ. Община повсюду ищетъ женщины, согласной и достойной занять высокое мѣсто матери сенъ-симонистовъ. Дѣлается все возможное, чтобы привлечь эту недосыгаемую, невидимую и недоступную женщину. Къ ней обра-

щаются съ горячими мольбами, въ религіозныхъ собраніяхъ, ее ищутъ на балахъ, устраиваемыхъ «семействомъ» специально съ этой цѣлью, для ея отысканія устраиваются поѣздки въ разные города Франціи. Не мѣшаетъ замѣтить, что тотъ, подругу котораго такъ пламенно искали, — Анфантенъ — былъ молодымъ и очень красивымъ мужчиной, съ черными глазами и выразительными чертами лица. Въ этихъ поискахъ расходуются значительныя суммы, достигавшія почти милліона франковъ, собранныя путемъ пожертвованій разныхъ богатыхъ людей, сочувствовавшихъ сенъ-симонизму.

Затѣмъ слѣдуетъ финансовый крахъ и «семейство» оказывается несостоятельнымъ. Но исторія послѣднихъ жалкихъ дней сенъ-симонизма еще не кончена. Нѣсколько десятковъ оставшихся до конца вѣрными adeptовъ Анфантена удаляются со своимъ учителемъ во главѣ въ его наслѣдственное имѣніе Менильмонтанъ вблизи Парижа и устраиваютъ послѣднюю сенъ-симонистскую общину. Не видно, чѣмъ занимались члены этой общины; какъ кажется, главное вниманіе было обращено на внѣшность, которой Анфантенъ стремился поразить воображеніе сосѣдей и этимъ привлечь къ себѣ снова охладѣвшій общественный интересъ. Былъ выдуманъ для членовъ «семейства» особый живописный костюмъ въ восточномъ вкусѣ, было обращено особое вниманіе на куафюру: мужчины носили бороды, что было въ то время большой рѣдкостью, и волосы до плечъ. Работали мало, но за то тщательно позаботились о томъ, чтобы обставить работу возможно красивѣе, привлекательнѣе и эксцентричнѣе, во время работы пѣлись особыя пѣсни, совершались особые обряды. Живой духъ совершенно отлетѣлъ отъ сенъ-симонизма и идейное движеніе угасло среди пошлости и актерства.

Окончаніе пьесы вышло эффектнымъ: въ дѣло вмѣшался судъ и доставилъ Анфантену возможность еще разъ покрасоваться въ интересной роли передъ публикой. Менильмонтанское «семейство» подверглось обвиненію въ безнравственности и пропагандированіи вредныхъ ученій. Члены «семейства» отправились на судъ, пришедшійся имъ какъ нельзя болѣе кстати, живописной процессіей со своимъ «отцомъ» Анфантенемъ во главѣ. Судебный діалогъ былъ въ такомъ вкусѣ:

Предсѣдатель (обращаясь къ Анфантену) «Не называете ли вы себя отцомъ человѣчества?»

Анфантенъ. «Да, я называю себя отцомъ человѣчества».

Предсѣдатель. «Не увѣряете ли вы, что вы живой законъ?»

Анфантенъ. «Да, я увѣряю, что я живой законъ» и т. д. и т. д.

Анфантенъ пробовалъ силу своего взгляда, который онъ имѣлъ претензію считать неотразимымъ, на судьяхъ и присяжныхъ. Судьи сердились — Анфантенъ видѣлъ въ этомъ доказательство дѣйствительности своихъ пріемовъ. «Я васъ покори!» обратился онъ къ присяжнымъ. Послѣдніе отвѣтили ему присужденіемъ главы и adeptовъ менильмонтанскаго «семейства» къ тюремному заключенію.

Этимъ и закончилась исторія сенъ-симонистскаго «сѣмейства». Но исторія сенъ-симонизма, какъ опредѣленнаго круга идей, не завершилась и понынѣ. Мы уже говорили, что такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе нѣкоторыхъ мыслей Сенъ-Симона.

Во главѣ учениковъ Сенъ-Симона стоялъ, какъ мыслитель и теоретикъ, Базаръ. Онъ былъ главнымъ авторомъ коллективнаго труда школы «Exposition de la doctrine de Saint - Simon». Это въ полномъ смыслѣ слова замѣчательное произведеніе, стоящее на уровнѣ лучшихъ работъ учителя.

Въ исторіи человѣчества,—говоритъ Базаръ, можно подмѣтить смѣну двухъ различныхъ состояній общества, двухъ различныхъ періодовъ, органическаго и критическаго. Въ періодъ органической человѣческое общество въ своей массѣ религіозно и управляется единой верховной доктриной, господствующей въ умахъ и руководящей дѣятельностью каждаго отдѣльнаго человѣка. Общество образуетъ собой связуемое общей вѣрой цѣлое. Въ критическій періодъ общество превращается въ собраніе отдѣльныхъ личностей, преслѣдующихъ каждый свою особую цѣль и потому неминуемо приходящихъ къ столкновенію между собой. Исторія намъ показываетъ, что и органической, и критическій періоды уже дважды смѣнялись другъ друга. Первый органической періодъ продолжался въ древней Греціи до возникновенія первыхъ философскихъ системъ. Политиизмъ былъ господствующей религіей, признаваемой какъ высшими, такъ и низшими классами населенія. Политическій и социальный строй былъ также проченъ и устойчивъ, какъ и религіозныя вѣрованія. Но новыя философскія ученія поколебали наивную вѣру въ олимпійцевъ. Наступилъ критическій періодъ, выразившійся въ упадкѣ древней религіи и распаденіи прежняго общественнаго строя. Христіанство снова вернуло человѣчество въ органической періодъ. Опять единая верховная религія подчинила себѣ умы и душу человѣка, и люди объединились въ одномъ общемъ чувствѣ, въ одной общей вѣрѣ. Средневѣковый строй былъ высшимъ выраженіемъ органическаго періода христіанства. Но вотъ уже нѣсколько вѣковъ, какъ христіанство вступило въ критическій періодъ, начавшійся съ Лютера и реформаціи. Французская революція была кульминаціоннымъ пунктомъ этого критическаго періода. Пренный социальный строй, основывавшійся на преобладаніи церкви и феодальной аристократіи, окончательно рухнулъ. Революція нанесла смертельный ударъ старому режиму. Но совершила ли она что-либо положительное?

Нѣтъ и нѣтъ. Наше время характеризуется общественнымъ разложеніемъ, разстройствомъ и анархіей во всѣхъ областяхъ жизни. Лозунгомъ нашего времени является знаменитое изреченіе—*laissez faire laissez passer*. Экономисты вообразили, что личный интересъ всегда совпадаетъ съ общимъ интересомъ. Но съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Развѣ, напримѣръ, введеніе машинъ не противорѣчитъ инте-

ресамъ тѣхъ рабочихъ, которые вытѣсняются машиной? На это экономисты возражаютъ, что машины приводятъ къ развитію промышленности и въ будущемъ дадутъ новые источники заработка для населенія. Но если бы даже это было вѣрно—чѣмъ будутъ существовать рабочіе въ переходное время? Не дождавшись лучшаго времени, они умрутъ отъ голода. Руководители современнаго общества провозгласили «sauve qui peut» (спасайся кто можетъ) и великая человѣческая семья распалась на отдѣльныхъ лицъ, взявшихъ себѣ девизомъ «каждый—за себя...

Любовь отлетѣла отъ людей, и грубый эгоизмъ воздвигнулъ свой храмъ въ современномъ обществѣ. Религіозное чувство угасло и съ нимъ вмѣстѣ исчезла преданность общимъ интересамъ. Средніе вѣка, несмотря на невѣжество народа, несмотря на свирѣпствовавшую на цѣлонародную вражду, могли подвинуть народы Европы къ одной общей великой цѣли—напр., къ освобожденію гроба Господня. Теперь такой общей цѣли нѣтъ и быть не можетъ, ибо нѣтъ общей вѣры. Французская революція поставила знакъ минуса передъ всѣми членами символа вѣры среднихъ вѣковъ, но новаго символа вѣры не дала.

«Историки, — продолжаетъ Базаръ, — любятъ объяснять великія событія случайными причинами. Они любятъ ссылаться на появленіе гениальнаго человѣка, случайное научное открытіе. Историки не видятъ въ этихъ фактахъ слѣдствія общественнаго состоянія, сдѣлавшаго данные факты необходимыми, не видятъ, что каждая эволюція есть необходимый результатъ предшествовавшихъ эволюцій, каждый новый шагъ обусловленъ предшествовавшими шагами. Французская революція съ точки зрѣнія такихъ историковъ, была вызвана расточительностью двора, легкомысліемъ Каллонна, разстройствомъ финансовъ, причемъ только самые глубокіе изъ такихъ историковъ доводятъ свои изслѣдованія до эпохи раздѣленія Польши. Это-то пониманіе исторіи привело къ извѣстной пословицѣ «Aux grands effets—petites causes» (у великихъ событій—малыя причины). Но исторія, изучаемая по нашему методу, есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ волнующій воображеніе рассказъ о драматическихъ фактахъ прошлаго. Для насъ исторія—таблица послѣдовательной смѣны фізіологическихъ состояній человѣческаго рода, разсматриваемаго въ своемъ коллективномъ существованіи. Такая исторія—точная наука».

М. Туганъ-Барановскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВО ИМЯ ДОЛГА.

Романъ Гарлянда.

Переводъ съ англійскаго.

(Продолженіе) *).

XVIII.

Не тушите газъ.

Демуанъ показался Брэдлею очень большимъ и шумнымъ; онъ еще никогда не видалъ такого большого города. Онъ родился въ восточномъ Висконсинѣ и всю свою юность провелъ вдали отъ большихъ центровъ въ лѣсной мѣстности. Онъ былъ только проѣздомъ въ Лакроссѣ, Рокъ-Риверѣ и Айова, это были единственные города, которые онъ до сихъ поръ видѣлъ. Онъ зналъ заранѣе, что Демуанъ долженъ быть красивымъ городомъ, но когда онъ пріѣхалъ туда ночью, сошелъ съ поѣзда и отправился пѣшкомъ, улицы показались ему нескончаемыми. Ему совѣтовали поселиться въ Виндомъ Гаузѣ, вблизи всѣхъ законодательныхъ учрежденій. Онъ тихо шелъ, неся свой чемоданъ въ рукахъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ. Онъ самъ зналъ, что такъ не слѣдовало поступать, но безконечные ряды построекъ приводили его въ смущеніе.

Входная дверь отеля, поразила его своимъ великолѣпіемъ и онъ нерѣшительно направился къ серединѣ ротонды. Такимъ рисовался въ его воображеніи Чикаго. Онъ ясно почувствовалъ свою неотесанность и бросившійся ему на встрѣчу швейцаръ, взявъ у него изъ рукъ чемоданъ, привычнымъ взглядомъ опредѣлилъ новаго посѣтителя, какъ деревенщину, за которымъ надо слѣдить и научить обращаться съ газомъ.

Брэдлей скромно написалъ свою фамилію, не прибавляя слово: «до-стопочтенный», какъ это дѣлали другіе члены конгресса. «Впередъ, наверхъ!» крикнулъ повелительно клеркъ. Брэдлей вздрогнулъ, понимая, что онъ поступилъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

*) См. «Міръ Вожія», № 6, іюнь 1901 г.

— Покажите господину № 30! Желаете ли вы обѣдать? Брайден кивнулъ головой, вспомнивъ, что въ высшемъ обществѣ обѣдаютъ въ 6 часовъ.

— Черезъ десять минутъ все будетъ готово,—продолжалъ клеркъ, смотря на часы. Брайден послѣдовалъ за мальчикомъ на элеваторъ. Онъ замѣтилъ, что негритенокъ оставилъ его одного, а самъ побѣжалъ по лѣстницѣ. Все время онъ мелькалъ на поворотахъ, придерживаясь перилъ и оставившись у дверей элеватора со словами:

— Сюда пожалуйста, сударь.

Что то такое въ его тонѣ поразило Брайдена и, идя по комнатѣ, онъ думалъ о пушистомъ коврѣ, лежащемъ подъ ногами,—пальца въ два толщины по крайней мѣрѣ,—и о тонѣ голоса мальчика. Въ каминѣ горѣлъ каменный уголь, мальчикъ размѣшалъ его и сказалъ:

— Ничего болѣе не нужно?—Я сейчасъ принесу уголь.

Комната его носила характеръ всѣхъ номеровъ въ гостинницахъ. Она имѣла очень неуютный видъ, несмотря на то, что въ ней стояла мебель съ претензіями на роскошь, коверъ и кресла. Брайден сѣлъ передъ каминомъ и началъ обдумывать свое положеніе. Несомнѣнно онъ сюда прѣхалъ, какъ членъ законодательнаго собранія. Теперь ему понятна почетная отвѣтственность его положенія. Сидя передъ огнемъ въ незнакомомъ ему домѣ, онъ начиналъ все болѣе и болѣе сознавать, насколько удивительно, что изъ всѣхъ его согражданъ, его одного избрали на этотъ высокій постъ. Онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Я постараюсь оправдать оказанное мнѣ довѣріе.

Онъ рѣшилъ держать себя степенно и съ большимъ достоинствомъ, чтобы не отличаться отъ другихъ членовъ конгресса. На стѣнѣ въ рамкѣ, висѣли правила гостиницы. Онъ началъ ихъ читать. Мальчикъ постучалъ въ дверь и Брайден быстро повернулся къ огню, чтобы скрыть что онъ дѣлаетъ. Когда негритенокъ ушелъ, онъ снова принялся за чтеніе. Онъ прочелъ:—«Не тушите газъ», и не нашелъ въ этомъ предостереженіи ничего оскорбительнаго. Дальше слѣдовало: «звоните одинъ разъ, чтобы позвать мальчика, звоните дважды, чтобы спросить ледяной воды, звоните три раза, если начнется пожаръ, звоните четыре раза, если нужно позвать горничную». Онъ началъ думать о томъ, сколько могло выйдти смѣшныхъ совпаденій, если не исполнить этихъ правилъ. Что случится, если онъ позвонитъ три раза. Его воображеніе рисовало ему крики и суету во всѣхъ этажахъ дома. Потомъ онъ вспомнилъ, что мальчикъ не смѣлъ подниматься на элеваторъ и въ первый разъ въ жизни, ему пришла въ голову мысль о различіи кастъ.

Положительно никогда сѣверяне не будутъ раздѣлять взглядъ жителей юга.

Онъ отправился обѣдать, (въ душѣ онъ называлъ это ужиномъ).

Столовая оказалась очень большой роскошной комнатой. Лакей въ ливреѣ (до сихъ поръ онъ еще никогда не видалъ живого человѣка въ ливреѣ) встрѣтилъ его въ дверяхъ и подзываетъ повелительнымъ тономъ другого лакея, негра, одѣтаго также въ ливрею, приказалъ ему показать мѣсто вошедшему. Второй негръ повелъ его дальше по натертому полу, (Брадлей было очень трудно и скользко идти). Отодвинувъ ему стулъ, негръ былъ принужденъ подхватить его подъ локоть и посадить на стулъ, такъ какъ Брадлей не сразу сообразилъ въ чемъ дѣло, но онъ сдѣлалъ это такъ вѣжливо и незамѣтно, что никто не обратилъ на это вниманія. Вѣроятно ему не разъ приходилось имѣть дѣло съ неопытными посѣтителями. Брадлей замѣтилъ, что несмотря на великолѣпно накрахмаленную рубашку, воротникъ, и фракъ, башмаки его были разорваны, хотя и сильно натерты ваксой. На противоположной сторонѣ стола сидѣлъ господинъ съ газетой въ рукахъ, попивая кофе; онъ привлекъ на себя вниманіе Брадлея своимъ нахмуреннымъ лицомъ и массою растрепанныхъ волосъ, падающихъ живописно на лобъ. Даже его усы имѣли какой-то растрепанный видъ. Брадлей съ удовольствіемъ уничтожалъ свой обѣдъ, а сосѣдъ читалъ газету и, попивая глотками кофе, не переставалъ хмуриться и произносить себѣ подъ носъ ругательства.

Наконецъ, онъ воскликнулъ громко:

— Чортъ поберея,—и посмотрѣлъ на Брадлея, повидимому, ища случая заговорить съ нимъ.

— Эти дьявольскія желѣзныя дороги скоро закабалятъ всю страну.

— Что они сдѣлали?—сказалъ Брадлей.

— Они взяли себѣ лучшаго адвоката въ Соединенныхъ Штатахъ Джо Манлея. Не понимаю, какъ это могло случиться, вѣроятно на него было произведено такое давленіе, что онъ не могъ сопротивляться. Знаете ли вы, какимъ образомъ, эти адскіе синдикаты опутали всѣ штаты.

— Не знаю, но очень хотѣлъ бы знать, я и пріѣхалъ сюда, чтобы вести войну съ ними.

— Изъ какой мѣстности вы пріѣхали?—спросилъ незнакомецъ.

— Я представитель округа Рокъ-Риверъ, мое имя Талькотъ,—сказалъ Брадлей, воспользовавшись случаемъ себя назвать.

— Такъ, я старый воинъ на этомъ поприщѣ и хочу васъ предостеречь, такъ какъ знавалъ много честныхъ юношей, которые попадали въ сѣти иятригановъ. Не пройдетъ недѣли послѣ вашего пріѣзда сюда, какъ желѣзнодорожный синдикатъ пришлетъ за вами. Вамъ объявятъ, что до нихъ дошли слухи, что вы одно изъ будущихъ свѣтилъ адвокатуры, наговариваютъ вамъ много лестнаго для вашего самолюбія, начнутъ восхвалять вашу программу и, въ концѣ концовъ, скажутъ, что имъ нуженъ повѣренный по дѣламъ, которыя могутъ возникнуть въ вашемъ округѣ и что они будутъ безконечно польщены, если вы не откажетесь при-

нять на себя эту должность. Можетъ случиться, что работы будетъ не болѣе, какъ на одну недѣлю въ году, а можетъ быть и много и т. д., и т. д., и въ результатѣ предложить вамъ отъ 600—800 долларовъ. Положимъ, вы согласитесь, ѣдете назадъ въ Рокъ-Риверъ и хотя желѣзнодорожнаго дѣла мало, но вы все-таки получаете жалованье. Вначалѣ вы будете себѣ говорить, что если синдикатъ потребуетъ отъ васъ что-либо безчестное, вы всегда можете отказаться. Но увы, деньги получаются аккуратно. Разсчитывая на постоянные доходы, вы женитесь и тогда уже попадаете въ когти синдиката. Средства для жизни вамъ необходимы и вы начинаете находить, что въ сущности нѣтъ ничего особенно предосудительнаго въ томъ, что отъ васъ требуетъ желѣзнодорожный синдикатъ. Ваше чувство справедливости уже начинаетъ притупляться, притомъ вы себѣ говорите, что если вы не возьметесь за это дѣло, то всегда найдутся желающіе поступить на вашу должность, и потому вы ее сохраняете.

Послѣ выразительнаго молчанія, во время котораго онъ пристально смотрѣлъ въ лицо Брэдлея, онъ продолжалъ:

— Между тѣмъ, возникаетъ яростная борьба синдиката съ народомъ: но, во-первыхъ, вы получаете отъ него плату, притомъ вы находите, что населеніе почему-то относится къ вамъ недовѣрчиво и что въ практическомъ отношеніи вы все равно безпомощны.

Старикъ говорилъ тихо, но было что-то въ его словахъ, производившее сильное впечатлѣніе. Брэдлей пришелъ въ негодованіе отъ картины своего будущаго паденія. Воображаемая трагедія глубоко потрясла его.

— Неужели они такъ поступаютъ?—спросилъ онъ.

— Это ихъ всегдашнее правило. Черезъ недѣлю вы навѣрное получите подобное предложеніе и тогда убѣдитесь въ правотѣ моихъ словъ.

Они всегда подыскиваютъ подобныхъ вамъ людей, въ особенности тѣхъ, которые пользуются довѣріемъ фермеровъ. И нашему штату, и всей странѣ предстоитъ война съ желѣзными дорогами.

— Вы такъ думаете? Я думалъ, что тарифы...

— Что такое тарифы въ сравненіи съ грабежомъ Гульда, Седжа и Вандербильта. Поистинѣ, молодой человекъ, синдикаты выпьютъ всѣ соки изъ нашей страны. Право этихъ трехъ соединиться, завладѣть народными привилегіями и своими соединенными усиліями создать четвертаго, за котораго они прячутъ свои планы—четвертаго, неосяземаго, но самаго опаснаго и долговѣчнаго изъ нихъ всѣхъ; т.-е. синдикатъ,—это право погубить наше государство. Это противно конституціи. Не даромъ старый судья совершенно ясно сказалъ въ своемъ приговорѣ (произнесенномъ здѣсь, во время царства синдикатовъ), что они основаны на узурпаціи, ведущей свое начало еще со Стюартовъ или Георговъ, а мысль у него была та, что они совершенно противны духу американцевъ и духу конституціи.

Брадлей убѣждался, что предъ нимъ такой же реформаторъ, какъ и онъ самъ, и онъ себя спрашивалъ, неужели и онъ производить впечатлѣнiе такого же чудака на другихъ людей. Лично его привлекали несомнѣнная честность и практичность этого человѣка и его искреннее сочувствiе интересамъ фермеровъ, несмотря на то, что онъ самъ былъ очевидно, городской житель.

— Слѣдовательно, вы присоединитесь къ намъ въ борьбѣ съ желѣзными дорогами,—сказалъ онъ.

Старикъ положилъ руку на спинку стула и смотря на Брадлея своими полузакрытыми глазами, сказалъ.

— Ну, разумѣется. Только извините меня, у васъ необыкновенно узкiй кругозоръ. Вы не видите, что слѣдуетъ вести войну противъ всѣхъ синдикатовъ вообще, а не только противъ желѣзнодорожнаго. Всякiй синдикатъ нарушаетъ права личности. Если трое людей создаютъ товарищество, то каждый изъ нихъ долженъ быть отвѣтственъ за всякiй заключенный ими договоръ. Созданiе неуловимой собирательной личности—это просто уловка, чтобъ избѣжать законной отвѣтственности. Ведите войну противъ всей этой системы. Не занимайтесь пустяками вродѣ упорядоченiя тарифовъ, а главное не создавайте никакихъ комиссiй. Объявите синдикаты незаконными учрежденiями и ознакомьте общество съ ихъ продѣлками.

Брадлей и его собесѣдникъ отправились вмѣстѣ въ ротонду. Электрическое освѣщенiе заливало яркимъ свѣтомъ богатая мраморная украшенiя. Группы людей съ увлеченiемъ бесѣдовали, жестикулируя кулаками и локтями. Брадлей отвѣтилъ, что подобная жестикуляцiя свойственна политическимъ дѣателямъ.

— Вотъ ваши коллеги со своими паразитами,—сказалъ старикъ, имя котораго оказалось Кергиль.—Знакомы ли вы съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ?

— Нѣтъ, я никого не знаю.

Кергиль подвелъ Брадлея къ группѣ людей, окружающихъ высокаго старика, который опирался на трость и жестикулировалъ лѣвою рукою.

— Сенаторъ Вудъ, позвольте вамъ представить достопочтеннаго Брадлея Талькота, представителя округа Рокъ-Риверъ, сказалъ Кергиль.

— А! Очень радъ съ вами познакомиться,—отвѣтилъ сенаторъ.— Господа,—сказалъ онъ обращаясь къ другимъ,—рекомендую вамъ молодого человѣка, который одержалъ блестящую побѣду въ Рокъ-Риверѣ. Достопочтенный Джонсъ изъ Буна, Самъ Уэльсъ изъ Черро-Горда, одинъ изъ самыхъ безопасныхъ насмѣшниковъ въ конгрессѣ.

Пожавъ всѣмъ руки, Брадлей сказалъ.

— Я не желаю прерывать вашего разговора. Пожалуйста, сенаторъ, продолжайте, я буду очень счастливъ васъ послушать.

Эти слова произвели очень благоприятное впечатлѣнiе на Вуда, ко-

торый богѣ всего любилъ слышать звукъ своего собственнаго голоса. Онъ продолжалъ развѣивать свои планы государственной реформы штатовъ, конечно по понятіямъ демократической партіи. Изъ послѣдующаго разговора Брайлей убѣдился, что всѣ эти люди несравненно болѣе заботятся о сохраненіи вліянія своей партіи на правительство, нежели о принципахъ законодательства. Въ сущности всѣ они были не члены конгресса, а просто игроки, озабоченные выигрышемъ партіи.

— Теперь вотъ что я вамъ скажу,—продолжалъ Кергиль,—уводя Брайлея въ уголь. Онъ поставилъ себѣ стулъ между ногъ, закурилъ сигару, сдвинулъ свою маленькую палочку почти на носъ, засунулъ одинъ палецъ за жилетъ и продолжалъ сосредоточеннымъ голосомъ.

— Здѣсь въ дѣйствительности создаются законы, здѣсь и въ сенатѣ Айовы. Посмотрите на этихъ людей.

Онъ показалъ рукою на цѣлую группу бесѣдующихъ въ ротондѣ, которые громко смѣялись и разговаривали, собираясь въ кучку и по временамъ близко наклоняясь другъ къ другу.

— Вотъ люди, которые воображаютъ, что пишутъ законы въ штатахъ,—продолжалъ Кергиль.—Каково ваше мнѣніе о нихъ? Брайлей молчалъ. Новыя чувства и мысли такъ ошеломили его, что онъ не могъ говорить.

Кергиль задумался, потомъ сказалъ:

— Вѣроятно, все это вамъ кажется очень важнымъ и хорошимъ, а знаете ли вы, что большинство этихъ людей можно назвать, по ихъ умственному уровню, болѣе чѣмъ посредственными. По моей теоріи, законодательство нашей страны въ любое десятилѣтіе должно оставаться на уровнѣ посредственности, потому что мыслители и моралисты всегда служатъ представителями меньшинства, а законодателями являются представители большинства. Не находите-ли вы, что присутствующіе подтверждаютъ мою теорію.

Въ тонѣ его было много горечи и отъ этого слова его производили еще болѣе тяжелое впечатлѣніе. Въ его фразахъ слышались литературные обороты, свидѣтельствующіе объ его образованіи, очевидно болѣе серьезномъ, нежели у тѣхъ, съ кѣмъ Брайлей до сихъ поръ встрѣчался.

— Вы воображаете, что эти люди честные, но я увѣренъ, что во всѣхъ ихъ поступкахъ даже нѣтъ и мысли—о благѣ народа. У нихъ на первомъ планѣ собственное я, потомъ интересы партіи, а уже послѣ интересы справедливости. Я хорошо помню тяжелое впечатлѣніе, которое они на меня произвели, когда я въ первый разъ съ ними столкнулся. Совѣтую вамъ не растрчивать свои силы, восхищаясь ими и ставя на пьедесталъ тѣхъ, кто это не заслуживаетъ. Занимайте ваше мѣсто въ рядахъ и тщательно оберегайте себя. Вотируйте за вашу партію, но прежде устройте хорошенько ваши дѣла. Ахъ, да, я забылъ, вы дѣйствуете исключительно ради истинныхъ принциповъ, и вашъ

успѣхъ долженъ заключаться въ торжествѣ этихъ принциповъ. Пожалуй, вы и выиграете, дѣйствуя такимъ образомъ, вы выдвинетесь впередъ по сравненію съ другими и заставите обратить на себя вниманіе, хотя я сомнѣваюсь въ этомъ.

— Вы пессимистъ,—сказалъ Брайлей,—чувствуя въ тонѣ Кергиля что-то напоминающее эту мрачную философію.

— Несомнѣнно, я смотрю на всю эту дьявольщину, какъ на общественную болячку,—продолжалъ Кергиль.—Вы, вѣроятно, думаете иначе. Брайлей думалъ, что старикъ отчасти преувеличивалъ все зло, но все-таки эти горькія истины производили на него тяжелое впечатлѣніе. Миръ уже болѣе не казался ему такимъ прекраснымъ, за исключеніемъ только тропы, по которой шла миссъ Уильберъ.

Ему страстно хотѣлось ее повидать, но куда онъ довольствовался только тѣмъ, что прогуливался взадъ и впередъ по улицамъ, которыя казались ему необыкновенно блестящими при яркомъ освѣщеніи въ окнахъ магазиновъ и множества публики, шумно двигающейся взадъ и впередъ. Наконецъ, онъ дошелъ до угла, гдѣ увидѣлъ названіе той улицы, гдѣ жила Ида, и имъ овладѣло непреодолимое желаніе ее видѣть. Онъ быстро пошелъ впередъ, сожалея, что не отправился раньше. Теперь уже 8 часовъ и онъ боялся, что не застанетъ ее дома. Онъ даже не остановился полюбоваться электрическими каретками, которыя быстро неслись мимо него съ невидимымъ двигателемъ, оставляя большія полосы свѣта. Улица становилась все тише по мѣрѣ того, какъ онъ поднимался на пригорокъ и, наконецъ, она стала совершенно напоминать Рокъ-Риверъ съ рядами маленькихъ деревянныхъ домиковъ, обсаженныхъ кленовыми деревьями.

Звѣзды блистали въ воздухѣ на подобіе яркихъ лампъ. Подвигаясь впередъ, онъ совершенно забылъ о вновь пріобрѣтенномъ почетѣ, о предполагаемой борьбѣ за гренджъ и блестящихъ надеждахъ на успѣхъ. Онъ началъ сознавать, что все, что онъ сдѣлалъ и впредь сдѣлаетъ, должно быть раздѣлено и прочувствовано вмѣстѣ съ женщиной и что для него единственная женщина во всемъ свѣтѣ — это Ида Уильберъ. Онъ поднялъ глаза къ небу и какъ бы умолялъ звѣзды помочь ему въ его обширномъ и опасномъ предпріятіи. Вся жизнь его поставлена была на карту, въ эту ночь онъ находился въ такомъ настроеніи, что готовъ былъ всѣмъ рисковать, ради успѣха, если бы только она была съ нимъ вмѣстѣ.

Странный городъ производилъ на него возбуждающее дѣйствіе.

Дойдя до дома, онъ увидѣлъ темноту во всѣхъ окнахъ, кромѣ подъезда и сердце его забилось, предчувствуя неудачу. Горничная вышла на его звонокъ. Все еще надѣясь, что онъ ошибся домошъ, онъ спросилъ:

— Можете ли вы мнѣ сказать, здѣсь ли живетъ миссъ Уильберъ.

— Здѣсь, но ея дома нѣтъ,—отвѣтила горничная съ норвежскимъ акцентомъ.

— Гдѣ же она,—спросилъ Брэдлей.

— А право не знаю. Куда-то далеко уѣхала, а мать ея ушла въ церковь,—отвѣтила горничная.

Брэдлей болѣе не смотрѣлъ на звѣзды. Всѣ его сомнѣнія, страхи и робость снова вернулись къ нему и ему казалось, что чувство радости покинуло его навсегда. Онъ боялся, что навсегда потерялъ Иду.

XIX.

Кергиль беретъ въ опеку Брэдлея.

На другой день, когда Брэдлей сошелъ внизъ, Кергиля еще не было въ столовой, онъ появился позднѣе и, поздоровавшись съ Брэдлеемъ, бросилъ свою оборванную шапку на полъ.

— Ну, законодатель, что вы дѣлаете сегодня утромъ, могу ли я вамъ быть полезнымъ,—сказалъ онъ.

— Не знаю, едва ли, — отвѣчалъ Брэдлей, — я собираюсь искать другую гостиницу.

— Почему, что случилось?—спросилъ Кергиль.

— Здѣсь слишкомъ дорого для моей незначительной особы.

— Повторите ваши слова.

— Не могу такъ дорого платить.

Кергиль налилъ сливокъ въ свою овсянку и отвѣтилъ:

— Вы ошибаетесь, ничто не можетъ быть слишкомъ дорого для представителя округа. Молодой человекъ, вы сами себя не умѣете пѣнить.

Всю субботу ротонда была переполнена народомъ. Ораторскія рѣчи, раздача мѣстъ, все здѣсь обсуждалось. Настоящая борьба происходила здѣсь и циническіе комментаріи Кергиля придавали совершенно особый характеръ всему происходящему вокругъ. Всѣ сидѣли на балконахъ, пили пиво и между ними порхали съ дюжину веселыхъ, самоувѣренныхъ женщинъ.

— Вы видите предъ собою самую опасную и безнравственную вещь,—сказалъ Кергиль.—Эти дѣвушки собрались со всѣхъ концовъ штата для того, чтобы выманить себѣ мѣстечко въ одномъ изъ различныхъ общественныхъ учреждений. Вы видите всѣ ихъ продѣлки. Смотрите, вотъ эта молодая дѣвушка продѣваетъ цвѣтокъ въ бутоньерку каждаго изъ своихъ знакомыхъ или даже незнакомыхъ. Если бы вы принадлежали къ партіи республиканцевъ, то и вы бы испытали на себѣ натискъ той же погони за мѣстами.

Брэдлею было очень грустно все это видѣть.

Его поражало то, что безъ подобныхъ происковъ не было возможности получить какое бы то ни было занятіе. Слѣдовательно, насколько велика нужда этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, если онѣ должны прибѣгать къ подобнымъ средствамъ

— Скоро онѣ узнаютъ, въ чемъ заключается ихъ сила,— сказалъ Кергиль.— Хорошенькія и разбитныя дѣвушки одерживаютъ успѣхъ тамъ, гдѣ скромныя и некрасивыя ничего не могутъ сдѣлать. Всюду злоупотребленія, да и какъ же можетъ быть иначе при испорченныхъ нравахъ законодателей. Честный трудъ даетъ мало, а пороки и развратъ, наоборотъ, очень много. Посмотрите на этихъ двухъ дѣвушекъ, которые вертятся около отвратительнаго паразитика Берхгейма. Если всѣ эти ломанія не приведутъ ихъ къ дурному концу, то только потому, что эти дѣвицы развращены еще болѣе, нежели самъ старикашка. Изъ года въ годъ дѣлается тоже самое и о чемъ думаютъ родители этихъ несчастныхъ, трудно себѣ представить.

Брадлей чувствовалъ отвращеніе ко всему окружающему. До сихъ поръ онъ смотрѣлъ съ полнымъ уваженіемъ на женщинъ и всѣ эти сцены разстроили и огорчили его.

Послѣ ухода Кергиля, онъ продолжалъ сидѣть на томъ же мѣстѣ, смотря на все угрюмыми глазами. Въ этомъ заманиваніи мужчинъ ради денегъ ему чудилась самая страшная трагедія. Онъ видѣлъ съ содроганіемъ, какъ эти веселыя хорошенькія дѣвушки льнули къ мужчинамъ, которые смотрѣли на нихъ особеннымъ отвратительнымъ взглядомъ.

Къ счастью, онѣ не знали, что Брадлей также членъ конгресса и потому оставляли его въ покоѣ, но вблизи его на балконѣ часто садились пары и онъ невольно слышалъ ихъ разговоры.

— Зачѣмъ вы заранѣе обѣщали мѣсто миссъ Джонсъ, почему вы не подумали обо мнѣ,—говорила барышня.

— Я не былъ съ вами знакомъ до сихъ поръ.

— А теперь, когда вы узнали меня, я надѣюсь, что вы откажете миссъ Джонсъ,—сказала она улыбаясь.

— Это невозможно. Она меня приберетъ,—отвѣтилъ онъ.

— Пускай бьетъ, за то у нея нѣтъ родственниковъ-избирателей. А мои родственники ваши избиратели.

Брадлей удалился съ сердечною болью. Проходя мимо скамейки возлѣ лѣстницы, онъ увидѣлъ молодую дѣвушку съ совершенно дѣтскимъ лицомъ. Она смотрѣла умоляющими глазами на суроваго молодого человѣка и сложивъ руки, какъ для молитвы, съ грустью говорила:

— Я такъ надѣюсь, что вы исполните мою просьбу; если бы вы знали, до какой степени я нуждаюсь.

Воспоминаніе о ея нѣжномъ лицѣ долго преслѣдовала его, столько въ немъ было мольбы и беззащитности. Онъ возмущался до глубины души. Всюду погоня за мѣстами. Почему этотъ наплывъ людей изъ деревни въ городъ. А развѣ онъ самъ не играетъ той же роли. Не доказываетъ ли это, что деревня не удовлетворяетъ требованіямъ жизни.

Брадлей пошелъ въ церковь, потому что рѣшительно ему некуда было дѣваться, и чтобы ознакомиться съ мѣстными храмами, онъ отправился въ соборъ.

Гостиницы были переполнены людьми, мало заботящимися о святости дня.

Ротонда оглашалась нескончаемымъ смѣхомъ и топотомъ ногъ. Каждого новаго члена конгресса всѣмъ представляли, но Брайден охотно себя называлъ. Его имя Б. Талькотъ, написанное на доскѣ у швейцара, было для всѣхъ совершенно неизвѣстно и онъ просидѣлъ цѣлый день вдали отъ толпы, отъ мужской и женской погони за мѣстами.

Согласно своему обѣщанію, онъ отправился на слѣдующій день въ контору Кергилья. Она находилась въ пятомъ этажѣ громаднаго шестиэтажнаго дома, построеннаго на одной изъ главныхъ улицъ города. Узкая длинная зала украшалась громадными зеркальными дверями, на которыхъ было написано: «Бергенъ и Кергиль. Частная коммерческая контора». Брайден взомелъ въ дверь и увидалъ человѣка, работающаго у телеграфнаго аппарата. Онъ сидѣлъ безъ сюртука, въ клеенчатыхъ синихъ нарукавникахъ, шея была повязана платкомъ для того, чтобы не смять воротника. Онъ сидѣлъ возлѣ двухъ бюро, раздѣляющихъ комнату, въ концѣ которой находились еще нѣсколько человѣкъ, безпрерывно смотрящихъ на черную доску, разлинованную красными клѣтками, въ которыхъ были вписаны мѣломъ цѣлые ряды цифръ.

Кергиль, видимо, еще не приходилъ, а работавшій телеграфистъ не замѣтилъ посѣтителя. Бойкій молодой человѣкъ скандинавскаго типа прогуливался въ конторѣ съ кускомъ мѣла въ рукахъ. Онъ подошелъ къ бюро и вопросительно посмотрѣлъ на Брайдена, который собирался заговорить, когда звонкій голосъ телеграфиста прервалъ его.

— Предлагаютъ три восьмыхъ за пшеницу, — сказалъ онъ, передавая написанный клочокъ бумаги бойкому молодому человѣку съ бѣлобрысыми усами.

— Пшеница три восьмыхъ, — повторилъ тотъ увѣреннымъ тономъ и сдѣлалъ надлежащую надпись въ клѣточкѣ; обозначенной: «пшеница».

Когда онъ вернулся, Брайден спросилъ о Кергильѣ.

— Онъ скоро придетъ, садитесь.

— Еще разъ три восьмыхъ за пшеницу. Снова усиленный спросъ, — повторялъ телеграфистъ.

Бергенъ снова прочитываетъ полученный бюллетень.

— Конечно, еще повысится цѣна, — сказалъ авторитетнымъ тономъ одинъ изъ клерковъ, такъ самоувѣренно, какъ будто бы никто лучше его не зналъ всего, что касается до пшеницы. Когда Брайден сѣлъ у стола, Бергенъ снова пошелъ къ телефону и началъ говорить отчетливымъ монотоннымъ голосомъ:

— Вначалѣ спросъ на пшеницу по девяносто три и три четверти, продаю по девяносто четыре, теперь девяносто три и три восьмыхъ. Спросъ на рожь 42, теперь сорокъ одинъ и семь восьмыхъ. Впродолженіи прошлой недѣли Брайденъ потерпѣлъ два съ четвертью милліона убытка. Большой спросъ на канатъ.

Кергиль пришелъ немного поздне и, кивнувъ головою Брэдлею, прошелъ черезъ всю комнату къ доскѣ съ цѣнами.

— Вѣроятно, вамъ будетъ интересно познакомиться съ этимъ дѣломъ,—сказалъ онъ Брэдлею.—Коммиссіонная контора также законно дѣйствуетъ, какъ если-бы она сама продавала и покупала, но на первый взглядъ нѣтъ никакой разницы между коммиссіонной конторой и торговымъ домомъ.

— Все это совершенно ново для меня,—сказалъ Брэдлей,—я не повижаю разницы между торговымъ домомъ и конторой.

— Девяносто три и семь восьмыхъ, спросъ на пшеницу,—снова сказалъ Бергенъ, направляясь къ доскѣ и записывая вновь полученное извѣстіе.

— Разница есть, продолжалъ Кергиль. Мы просто покупаемъ и продаемъ въ качествѣ коммиссіонеровъ. Заказъ пшеницы передается въ Чикаго, заносится въ списки и производитъ колебаніе въ цѣнахъ, тогда какъ торговый домъ дѣйствуетъ на свой страхъ и если покупатель несетъ убытки, то продавецъ выигрываетъ. Иначе сказать, мы покупаемъ и продаемъ безъ всякаго риска, а торговый домъ есть ничто иное, какъ игорный домъ, гдѣ люди держатъ пари на то, что будетъ сдѣлано тѣмъ или другимъ покупателемъ. Но я совсѣмъ не для того пригласилъ васъ сюда, чтобы угощать подобными разговорами, лучше познакомьтесь съ Бергеномъ. Хрисъ, подите сюда, я хочу васъ представить достопочтенному Брэдлею Талькотъ изъ Рокъ-Ривера. Подобно вамъ, онъ мечтаетъ о политическихъ переворотахъ. Я желалъ познакомить васъ съ Бергеномъ,—обратился онъ къ Брэдлею,—потому что онъ большой любитель и знатокъ литературы и, вѣроятно, подобно вамъ, поклоняется классикамъ. Теперь онъ переводитъ Ибсена. Мы съ нимъ расходимся во взглядахъ на удовольствія.

— Нью-Йоркъ снова предъявляетъ требованія, извините меня,—сказалъ Бергенъ, удаляясь къ доскѣ.

— Не знаю, почему я васъ принялъ за поклонника литературы. Такъ рѣдко можно встрѣтить избирателя, у котораго въ головѣ найдутся какія-нибудь мысли, кромѣ голосованія. Считаю васъ непохожимъ на другихъ, я почувствовалъ къ вамъ особое расположеніе. Я самъ литераторъ,—сказалъ онъ серьезно.—Я написалъ статью объ овцеводствѣ для земледѣльческой энциклопедіи въ Айова, такимъ образомъ я сталъ въ ряды литераторовъ Демуана. Въ нашемъ городѣ, два чело-вѣка изъ ста занимаются литературой и потому меня считаютъ гениемъ. Остальные 98 чело-вѣкъ совершенно равнодушны ко всему и даже Шекспира ни въ грошъ не ставятъ. Они только и признаютъ романы Мери Джонъ-Гольмсъ съ ея нескончаемыми приключеніями. Но литературная партія Демуана дѣйствительно заслуживаетъ этого названія. Они поклоняются Гомеру и Шекспиру и вообще отдають

данъ таланту. Кстати, Бергенъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ своему другу,—надо непременно познакомить м-ра Брайда съ нашей молодой писательницей.

— Спросъ на пшеницу, по девяносто четыре, Нью-Йоркъ, крѣпко,—раздалось снова. Невозможно было отвлечь Бергена отъ телеграфныхъ извѣстій и потому Кергиль снова обратился къ Брайду.

— Въ нашемъ городѣ, есть молодая дѣвушка, обладающая большимъ литературнымъ талантомъ. Она расположила меня къ себѣ, признавъ мой талантъ, за что я ей приподнесъ мое сочиненіе объ овцеводствѣ.

Брайдъ усмѣхнулся, а Кергиль продолжалъ, какъ будто не видя въ этомъ ничего смѣшного.

— Она прочла мою книгу и приводила изъ нея выдержки въ одной изъ своихъ рѣчей. Газетный репортеръ прямо глаза вытаращилъ и заявилъ, что только теперь замѣтилъ источникъ поэзіи въ рѣчахъ миссъ Уильберъ, что и вывело ее на необычную дорогу.

Услышавъ имя миссъ Уильберъ, Брайдъ смутился, покраснѣлъ и болѣе не обращалъ вниманія на смѣшную сторону разсказовъ Кергиля. Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ ни отъ кого не слышалъ имени миссъ Уильберъ и самъ не рѣшался его громко произнести. Кергиль продолжалъ:

— Она чертовски еретична и безчестна, но все-таки она сила. Имя ея Ида Уильберъ. Прежде она произносила много рѣчей по поводу гренджа, а теперь уже кажется занимается другими вопросами, а гренджъ по боку.

Нѣсколько человѣкъ взошли въ большую залу и начали громко и съ большимъ воодушевленіемъ говорить о рыночныхъ цѣнахъ и вниманіе Кергиля было отвлечено торговыми отчетами изъ Чикаго.

— Цѣны не устанавливаются. Извѣстія съ запада снова играютъ въ руку Джона Буля.

— Вы знакомы съ миссъ Уильберъ?—спросилъ Брайдъ, возвращаясь къ прежнему разговору и боясь, что Кергиль забудетъ о немъ.

— Да, я иногда встрѣчаюсь съ нею въ клубѣ, гдѣ у насъ происходятъ горячіе диспуты по литературнымъ вопросамъ.

Брайдъ постарался сказать какъ можно болѣе твердымъ голосомъ, что онъ слышалъ о миссъ Уильберъ, какъ хорошей ораторшѣ по вопросамъ гренджа, и что онъ былъ бы очень радъ поболѣе узнать о ней.

— Хорошо, я васъ представлю ей. Ее не легко понять. Она одна изъ этихъ передовыхъ женщинъ. Я люблю мыслителей, но совѣмъ не дѣло женщинъ—думать. Это наша мужская прерогатива. Я согласенъ, что подчасъ мы пользуемся ею не лучше, чѣмъ нашимъ избирательнымъ правомъ, но чортъ съ ними, съ женщинами которыя умѣютъ размышлять.

Брайдъ никакъ не могъ себѣ уяснить, когда Кергиль говорить

серьезно и когда шутить. Только что сказанныя имъ слова были безжалостнымъ сарказмомъ или безстыднымъ ханжествомъ.

Однако, Брайлей ничего не хотѣлъ ему отвѣчать, чтобы не завлечь его въ разсужденія, которыя могли далеко отвлечь разговоръ, именно въ ту минуту, когда ему такъ страстно хотѣлось что-нибудь узнать объ интимной жизни Иды Уильберъ.

Странное это было мѣсто для подобнаго разговора. Онъ сидѣлъ у стола, положивъ локти на столъ и со вниманіемъ слѣдилъ за выраженіемъ глазъ Кергиля. На другомъ концѣ комнаты, телеграфистъ лѣвой рукой пихалъ себѣ въ ротъ овощи, а правой принималъ телеграммы изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Онъ громко ихъ выкрикивалъ и сообщалъ всевозможныя подробности о торговлѣ пшеницей, служа какъ бы эхомъ цѣлаго океана звуковъ и движенія въ большихъ городахъ. Всѣ были до того поглощены получаемыми извѣстіями, что Брайлей сидѣлъ съ Кергилемъ также одиноко какъ у себя въ гостиницѣ. Ни телефонъ, ни телеграфъ, ни суетливая озабоченность клерковъ, ничто не мѣшало Кергилю продолжать начатой разговоръ съ Брайлеемъ.

— Да, я зналъ ее еще совершенно дѣвочкой. Ея отецъ былъ старосвѣтскій фермеръ, помѣшанный на религіозныхъ вопросахъ, вѣроятно принадлежавшій къ сектѣ универсалистовъ. У него была самая большая бібліотека въ городѣ, даже можно сказать во всемъ штатѣ. Весь домъ былъ буквально заваленъ книгами. Откуда онъ ихъ доставалъ, никто не зналъ. Всѣ считали его очень образованнымъ человѣкомъ, но въ сущности никому онъ не приносилъ пользы своею ученостью. Жена его была красавица, она передала это единственное наслѣдство своей дочери. Дѣвочка ходила въ школу до 16 лѣтъ, тогда я былъ студентомъ, лѣтъ на шесть, семь старше ея. Я помню, какъ сейчасъ, какъ шестеро изъ насъ всегда стояли на ея дорогѣ изъ школы, мы предлагали ей нести книги, но она гордо проходила мимо насъ, даже головы не повертывала и, повидимому, не подозрѣвала нашего обожанія. Она всегда была одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыми руководить разумъ, а не сердце. Я никогда не видѣлъ, чтобы она покраснѣла и, ея большіе черные глаза всегда леденили меня.

— Пшеница упала до девяности трехъ съ четвертью. На биржѣ затишье. Опять заказъ изъ Нью-Йорка,—кричалъ телеграфистъ, захватывая себѣ въ ротъ кусокъ пирога.

Кергиль говорилъ столько же для себя, сколько и для Брайлея. Его глаза утратили свою суровость и въ голосѣ слышалась какая-то грустная нота.

— Миссъ Уильберъ здѣсь живетъ?— снова началъ Брайлей, чтобы опять возобновить разговоръ.

— Да, по окончаніи университета съ наградой, она примкнула къ гренджу, когда ей минуло всего восемнадцать лѣтъ. Полагаю, что

она имѣла у васъ громадный успѣхъ, она мечтала произвести цѣлый революціонный переворотъ. По правдѣ сказать, я мало интересуюсь ея общественною дѣятельностью, но очень цѣню ея литературный вкусъ. Кергиль снова перешелъ въ свой шуточный тонъ.

— Христь, когда будетъ слѣдующее собраніе въ Клубѣ?

— Кажется, въ пятницу.

— Хорошо, пойдемъ вмѣстѣ съ Брэдлеемъ, мы представимъ его всему литературному кружку, который очень увлеченъ мыслью, что примыкаетъ къ самому современному движенію, хотя я лично ничего хорошаго не вижу въ этой современности.

Брэдлей минуту постоялъ, смотря на странную сцену предъ своими глазами.

Она служила образцомъ той непрерывной борьбы, которая происходила въ торговомъ мірѣ.

Телеграфъ принесъ важныя извѣстія изъ Чикаго и Нью-Йорка. Телеграфистъ ихъ передавалъ подписчикамъ въ телефонъ, также какъ всѣ прочія условія торговли. Теперь онъ началъ немного вникать въ суть дѣла и, уходя, повторялъ кабалистическія изреченія:

— Въ Нью-Йоркѣ спросъ не прекращается, Пертриджъ упорно покупаетъ, чтобы покрыть убытки.

XX.

Зданіе сената.

Приглашеніе поступить въ члены Клуба четырехугольнаго стола сразу отгѣнило для Брэдлея все значеніе и важность его вступленія въ общественную жизнь. Зданіе сената произвело на него сильное впечатлѣніе. Онъ прошелъ по заросшей луговинѣ, заваленной грудями известняка, и тутъ предсталъ предъ его глазами необыкновенно изящный фасадъ зданія.

Робкими шагами онъ взошелъ въ величественную ротонду, съ чуднымъ резонансомъ, и подумалъ, что наврядъ ли даже въ Вашингтонѣ могло быть болѣе прекрасное зданіе.

Кромѣ него, тамъ было еще нѣсколько юнцовъ, которые, попавъ сюда въ первый разъ, внимательно оглядывали все кругомъ. Онъ обошелъ всѣ комнаты и, наконецъ, попалъ въ бібліотеку, очень обширную, залитую яркими солнечными лучами.

Въ залѣ сената и законодательнаго корпуса почти никого не было, кромѣ публики деревенскаго вида, осматривавшей зданіе, попадались иногда цѣлыя семьи съ бабушками и дѣдушками во главѣ. Онъ одѣлся въ свои лучшія домотканныя сѣрыя платья или клѣтчатыя кашемиры, а молодые люди нарядились въ широкія шляпы, сдвинутыя на затылокъ, и тщательно расчесали на лбу свои густые курчавые волосы. Брэдлей зналъ, что всѣ эти люди родственники его товарищей Ед. Блекера, Шена Уатсона, Севера Андерсона и другихъ.

Скоро толпа увеличилась, нѣсколько группъ людей вошли, шумно разговаривая и смѣясь. Они чувствовали себя какъ дома, такъ какъ были старые опытные члены собранія. Они шумно здоровались съ знакомыми и крѣпко пожимали руки направо и налѣво.

— Здорово, Штильбергъ! Я думалъ, что вы замерзли въ своихъ свѣгахъ, а вы опять сюда пожаловали.

— Чортъ побери, вы тоже здѣсь? Неужели въ вашемъ округѣ, никого не нашлось, кромѣ такого экземпляра, какъ вы.

Такого рода возгласы раздавались со всѣхъ сторонъ. Не зная никого, Брайлей чувствовалъ себя въ самомъ неловкомъ положеніи. Можетъ быть, нѣкоторые изъ присутствующихъ отнеслись бы къ нему привѣтливо, но все-таки онъ не рѣшался самъ подойти рекомендоваться.

Будучи новичкомъ въ политикѣ, онъ не зналъ ни одного человѣка своей партіи, а всѣ тѣ, съ которыми онъ познакомился въ отелѣ, куда-то скрылись. Онъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ и ненужнымъ въ этой веселой компаніи. Собраніе было объявлено открытымъ, однимъ изъ старѣйшихъ членовъ конгресса, и тогда приступили къ чтенію молитвъ.

Брайлей сидѣлъ неподвижно, слѣдя за ходомъ дѣла. Сначала избрали очередного спикера, секретаря и т. д. Брайлей былъ до того смущенъ новизною своего положенія, что совершенно машинально вотировалъ. Ему вспомнилось, какъ въ дѣтствѣ онъ испытывалъ такое же непріятное ощущеніе, когда его приводили къ парикмахеру и онъ ожидалъ, что ему будутъ стричь волосы, и боялся, что потерялъ деньги, данныя ему для уплаты за стрижку.

Вечеромъ онъ переѣхалъ въ меблированныя комнаты. Онъ поселился вблизи отъ Капитолія и отправился ужинать въ частный домъ, гдѣ столовая носила совершенно семейный характеръ. Кушанья по старинному ставили на столъ и другъ другу передавали.

Тертый картофель, чрезвычайно вкусный, былъ сложенъ горкой съ кусочками масла наверху, тоненькіе ломтики ростбифа аппетитно лежали на тарелкахъ. Кругомъ него за столомъ сидѣли судьи, генералы, сенаторы и законодатели, подобно ему.

Большинство изъ нихъ были люди грубаго, неотесаннаго вида, сильные и здоровые съ толстыми косматыми руками и громкими добродушными голосами. Невозможно было не подивиться на этихъ людей, которые гораздо лучше управлялись съ ножомъ, нежели съ вилокъ, и выбирали изъ всего блюда куски картофеля съ особеннымъ причмокиваніемъ.

Брайлей убѣдился, что всѣ его сосѣди за столомъ принадлежали къ тому же слою общества, въ которомъ онъ провелъ всю свою жизнь, и онъ успокаивалъ себя мыслью, что если онъ и бѣднѣе ихъ и менѣе ихъ воспитанъ, зато онъ честнѣе.

Онъ писалъ судѣ Брауну, что совершенно устроился, но мало при-

нималъ участія въ законодательныхъ работахъ. Онъ не хотѣлъ съзнаться, что былъ уязвленъ сдѣланнымъ ему пріемомъ и что его самолюбіе сильно пострадало. Его программа привлекла ему много сторонниковъ въ демократической прессѣ и онъ ожидалъ, что его примутъ очень радушно. Ради демократовъ онъ покинулъ республиканскій лагерь и они должны были, по крайней мѣрѣ, интересоваться имъ. Ему не пришло въ голову, что такъ какъ его никто не знаетъ въ лицо, то никто не знаетъ кто онъ. На другой день рано утромъ, онъ отправился въ Капитолій, гдѣ увидѣлъ то же, что и наканунѣ. Группы скромно одѣтыхъ фермеровъ сновали по корридорамъ, расторопные клерки бѣгали взадъ и впередъ и толпы людей шли въ залы законодательнаго корпуса. Брайлей вошелъ незамѣченнымъ и скромно сѣлъ въ заднихъ рядахъ на скамейкахъ, не рѣшаясь занять стулъ въ переднихъ рядахъ. Настала торжественная минута для Брайлея, когда его вызвали на эстраду, заставили поднять руку и произнести присягу, которую клеркъ читалъ громкимъ отчетливымъ голосомъ. Онъ торжественно клялся, что съ помощью Божьею будетъ поддерживать конституцію и служить на пользу народа, насколько у него хватитъ силы и умѣнья. Онъ произносилъ эти слова съ твердымъ намѣреніемъ сдерживать свое обѣщаніе. Ему не пришло въ голову, что въ сущности это клятва довольно неопредѣленная и уклончивая. Зала какъ будто потемнѣла, своды потолка чудной работы стали еще величественнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ его роль законодателя стала еще болѣе значительной и священной. Но когда Брайлей возвращался на свое мѣсто, онъ слышалъ насмѣшливыя слова старыхъ членовъ.

— Вотъ еще новячекъ, мечтающій спасти отечество, а въ концѣ концовъ, также какъ и всѣ, прежде всего набьетъ себѣ карманы. Этотъ юнецъ похожъ на тѣхъ, которые мечтаютъ безотлагательно осчастливить весь міръ и кончаютъ ничѣмъ. Ихъ смѣхъ заставилъ Брайлея покраснѣть отъ негодованія.

Назначеніе мѣста для каждаго члена составило длинную процедуру. Всѣ имена были написаны на бумажкахъ, смѣшаны въ кучу и положены въ ящикъ, а тѣмъ временемъ присутствующіе со смѣхомъ и болтовнею удалились въ другую залу.

Мальчикъ вынималъ билеты, клеркъ громко читалъ ихъ имена и тогда каждый шелъ и садился на свое мѣсто. Брайлей былъ вызванъ десятымъ, онъ робко прошелъ впередъ и получилъ мѣсто въ самомъ центрѣ залы; онъ нисколько не желалъ пробраться впередъ и былъ нѣсколько смущенъ. Демократы пристально разсматривали его, когда онъ выдвинулся изъ темноты и прошелъ впередъ.

Молодой человѣкъ его возраста пошелъ ему на встрѣчу и протянулъ руку

— Я давно желалъ съ вами познакомиться; мое имя Нильсонъ Флойдъ.

Новый знакомый представилъ его нѣсколькимъ демократическимъ членамъ, но вообще Брайлей скромно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и мало интересовался рѣчами спикера. Онъ на-слово ему повѣрилъ, что въ комиссiи не было никакихъ злоупотребленiй и что онъ будетъ избирать членовъ, только руководствуясь ихъ личными качествами и т. д., потому былъ пораженъ словами Флойда, который увѣрялъ, что знаетъ навѣрное, что еще до открытiя собранiя, былъ сдѣланъ и подписанъ договоръ, по которому всѣ мѣста были розданы крайне лицепрятно.

Такимъ образомъ, Брайлей во второй разъ столкнулся съ официальной ложью и притворствомъ. Насколько прежде никто не обращалъ на него вниманiя, настолько теперь всѣ подходили къ нему.

— Вы м-ръ Талькотъ? Очень прiятно въ вами познакомиться, я слышалъ о вашей замѣчательной программѣ. Замѣчательная программа! Да, да, я восхищенъ вашими идеями. Кстати, мнѣ очень хотѣлось бы попросить васъ устроить мою дѣвочку помощницей Клерка въ Уэсъ и Минсъ.

А другой тоже просилъ мѣста для своего сына.

Брайлей отвѣчалъ, что ничего не можетъ обѣщать, такъ какъ числится въ партiи демократовъ но не имѣетъ никакого влiянiя. Они его трепали по плечу, подмигивали и говорили: все это мы хорошо знаемъ, но все-таки ваши слова много значать.

Къ концу засѣданiя, онъ встрѣтилъ Кергиля.

— Ну, законодатель, какъ дѣла?

— Право, не знаю. Я держусь боже въ сторонѣ и молчу.

— Это хорошо. Республиканцы совсѣмъ овладѣли всей этой сессией.

— Здорово, Кергиль,—закричалъ молодой, веселый голосъ.

— А, Барней! Талькотъ, вотъ для васъ прекрасный случай. Рекомендую вамъ Барнея, великаго желѣзнодорожнаго туза. Барней, вотъ вамъ новая жертва. Талькотъ изъ Рокъ-Ривера.

— Очень радъ съ вами познакомиться, м-ръ Талькотъ.

Брайлей очень холодно пожалъ ему руку, внимательно рассматривая лицо своего собесѣдника.

Барней былъ полный представительный мужчина съ веселою улыбкою на губахъ.

Его усы висѣли книзу, а на подбородкѣ красовалась ямочка, его глаза, когда-то сѣрые, открытые и честные, теперь затуманились виномъ.

— Кергиль невозможный старый циникъ,—сказалъ Барней.—Онъ пожѣшанъ на вредѣ, приносимомъ синдикатами, не вѣрте ему.

Казалось невѣроятнымъ, что этотъ человекъ игралъ такую большую роль въ желѣзнодорожномъ мiрѣ, а между тѣмъ, это было такъ, Кергиль злословилъ по поводу вновь появляющихся членовъ.

— Барней охотится за новыми членами. Въ каждую сессию разные новички, вродѣ васъ, являются сюда съ возвышенными идеями о

*

своемъ служеніи, мечтають реформировать весь строй и кончаютъ тѣмъ что попадаютъ въ лапы Барнея и ему подобныхъ. Въ политической атмосферѣ есть что-то развращающее.

Брадлей слушалъ недовѣрчиво, ему казалось невѣроятнымъ, что бы это была правда. Неужели всѣ эти веселые, добродушные люди могутъ быть такими нравственными уродами, какъ ихъ описываетъ Кергиль. Ему казалось, что испорченные люди должны носить печать порока на лицѣ. Онъ еще не дошелъ до убѣжденія, что преуспѣвающій негодяй всегда имѣетъ благодушный видъ. Уходя изъ Капитолія вмѣстѣ съ Кергилемъ, онъ почувствовалъ, что начинаетъ, наконецъ, понимать значеніе его словъ.

— Теперь, молодой человѣкъ, послушайте меня. Главная борьба нынѣшней сессіи будетъ между народомъ и синдикатами. На двухъ стульяхъ сидѣть нельзя, а надо открыто стать на ту или другую сторону. Если вы будете за синдикаты, тогда вашъ успѣхъ обезпеченъ. Вы будете на чужой счетъ кататься, пировать, присутствовать на большихъ обѣдахъ, участвовать въ субботнихъ поѣздкахъ для осмотра города и вернетесь въ Рокъ-Риверъ съ небольшимъ доходомъ и съ обѣщаніемъ превозносить синдикаты. На все это вы можете смѣло разсчитывать. Или же вы свяжете свой успѣхъ съ дѣломъ народа.

— Я буду стоять за дѣло народа!

— Прекрасно. Но только не обманывайтесь. Народъ—вѣдь это теперь бессмысленная толпа. Онъ непостояненъ, какъ пламя, и часто самъ не знаетъ, чего хочетъ, но въ концѣ концовъ тотъ, кто стоитъ за народъ и руководить имъ, можетъ быть, увѣренъ въ успѣхѣ.

Возвращеніе домой изъ Капитолія было чрезвычайно пріятно. Солнце медленно садилось и лучи его освѣщали яркими тонами ротонду и придавали необыкновенно величественный видъ всей постройкѣ. Окружающія грязныя улицы, бѣдныя хижины, некрасивые кирпичи,—все измѣнилось при вечернемъ освѣщеніи и постепенномъ переходѣ къ сумеркамъ.

Брадлей залюбовался чуднымъ пейзажемъ и обратилъ на него вниманіе Кергиля.

— Ого!—воскликнулъ тотъ.—Можно пить и ругаться и быть политическимъ дѣятелемъ; но кто любитъ цвѣты и говорить о закатѣ солнца, тотъ конченный человѣкъ. Это политическая смерть!

XXI.

Брадлей и Кергиль отправляются къ миссъ Уильберъ.

Брадлей очень полюбилъ Кергиля; онъ не обращалъ вниманія на его рѣзкія манеры. Всѣхъ новыхъ знакомыхъ мужчинъ онъ сравнивалъ съ Редборномъ и судьей Брауномъ, а женщинъ съ Идой Уильберъ. Въ день, назначенный для визита, онъ отправился вечеромъ къ Кергилю

и нашелъ его сидящимъ на корточкахъ, засунувъ руки въ карманы. Его желтая шапочка, съ которой онъ, кажется, никогда не расставался, была надвинута совсѣмъ на глаза и онъ казался еще болѣе раздражительнымъ и желчнымъ, чѣмъ всегда... На Брэдлея онъ не обратилъ никакого вниманія.

— Нѣтъ, я не могу сочувствовать запретительнымъ законамъ. Если я буду за нихъ вотировать въ Айовѣ, правительство не должно поощрять людей, ведущихъ торговлю вопреки нашимъ правиламъ.

— Это право правительства,—кричалъ его собесѣдникъ, дрожа отъ ярости и возбужденія.

Кергиль всталъ и гнѣвно закричалъ:

— Оставьте меня, мнѣ некогда терять время на болтовню въ вами,—и, обращаясь къ Брэдлею, сказалъ:

— Кажется, мы съ вами сегодня собираемся въ клубъ.—Онъ посмотрѣлъ на свои сапоги,—они вычищены, значить я во всемъ парадѣ,—сказалъ онъ.

Выйдя на улицу, онъ заговорилъ о миссъ Уильберъ.

— Хотя она и замѣчательная женщина, но все-таки я нахожу ее не вполне нормальной,—сказалъ Кергиль.

— Почему?—сказалъ Брэдлей.

— Посмотрите, какую жизнь она ведетъ: вѣчно въ вагонѣ и гостиницахъ. Подобный образъ жизни не по силамъ женщинѣ.

— Это зависитъ отъ женщины,—протестовалъ Брэдлей, не желая ставить Иду на одинъ уровень съ другими.

Погода была морозная и ясная и звуки ихъ шаговъ раздавались въ ночной тишинѣ, точно они шли по льду. Они двигались впередъ молча. Брэдлею очень хотѣлось сказать Кергилью, что онъ уже встрѣчался съ Идой, но онъ никакъ не могъ рѣшиться на это, а Кергиль былъ молчаливъ. Горничная-норвежка ввела ихъ въ хорошенъкую гостиную, гдѣ въ каминѣ пылалъ каменный уголь. Они грѣли у огня свои озябшія руки, когда вошла Ида.

— Мистеръ Кергиль,—сказала она, — вотъ неожиданное удовольствіе.

— Не знаю, насколько оно искренне,—сказалъ Кернель.—Рекомендую моего пріятеля, м-ра Талькота.

Ида радушно протянула ему руку со словами:

— Кажется, мы съ вами встрѣчались.

— Я называю его пріятеlemъ, потому что мы такъ недавно познакомились, что не успѣли еще стать врагами.

— Это очень хорошо, м-ръ Кергиль. Пожалуйста, садитесь, положите сюда ваши пальто.

Она двигалась съ тѣмъ изящнымъ гостепрїимствомъ, которое такъ присуще женщинамъ. Кергиль сѣлъ въ кресло съ своимъ обычнымъ развинченнымъ видомъ

— Мы пришли, чтобы присутствовать на собраніи.

— Сегодня его не будетъ. Вы забыли, что мы собираемся черезъ недѣлю, по пятницамъ,—сказала Ида.

— Неужели? а я и забылъ, но все къ лучшему, слѣдовательно, мы одни воспользуемся вашимъ обществомъ.

Ида обратилась къ Брэдлею:

— М-ръ Кергиль не часто бываетъ въ такомъ любезномъ расположеніи духа. Обыкновенно мы съ нимъ воюемъ насчетъ Теккерера, Скота и Хоуелля;

— Она предпочитаетъ меня во всеоружіи и на конѣ. — Ида засмѣялась.

— Ваши необыкновенно живописныя сравненія могли бы вамъ дать пальму первенства между символистами въ Парижѣ,—отвѣтила она.

Все происходившее казалось очень смѣшнымъ Брэдлею и онъ не сводилъ глазъ съ Иды, которая въ качествѣ хозяйки дома показала ему въ новомъ свѣтѣ еще болѣе привлекательной. Она была одѣта въ какое-то широкое, красивое платье, которое чрезвычайно къ ней шло.

— Когда вы вернулись домой?—спросилъ Кергиль немного любезнѣе.

— Вчера, и я теперь радуюсь, что сижу дома и не должна куда ѣхать завтра! Ко мнѣ пришла пріятельница, и я хочу васъ съ ней познакомиться,—сказала она вставая и выходя въ другую комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ высокой дамой въ нарядномъ туалетѣ. Фамилія ея была миссъ Касидей.

Миссъ Касидей разговорилась съ Кергилемъ объ упадкѣ современной литературы, а Брэдлей могъ поговорить съ Идой. Это былъ лучший день въ его жизни. Онъ говорилъ, какъ никогда. Рассказывалъ о своихъ занятіяхъ, чтеніяхъ и планахъ на будущее. Онъ сказалъ ей, что выбранъ представителемъ округа Рока-Ривера.

— Какъ это хорошо,—сказала она,—слѣдовательно у насъ есть еще союзникъ въ дѣлѣ женскаго вопроса въ Соединенныхъ Штатахъ.

— Да, я сдѣлаю все, что могу,—отвѣчалъ Брэдлей.

— Я васъ услышу, потому что состою членомъ женскаго комитета.

Свѣтъ камина падалъ на нее и придавалъ такую красоту ея блѣдному лицу, что молодой фермеръ пришелъ въ полный восторгъ и забылъ весь свой страхъ и нерѣшительность. Они говорили о возвышенныхъ предметахъ; онъ сообщилъ ей, какъ изучалъ социальныя вопросы съ тѣхъ поръ, какъ слышалъ ея рѣчи въ Айовѣ. Онъ приводилъ цѣлыя отрывки изъ тѣхъ книгъ, которыя она ему присылала, всегда вѣрно схватывая суть вопроса. Онъ говорилъ о своихъ надеждахъ на успѣхъ.

— Я желаю достигнуть своихъ цѣлей, для того, чтобы распространять новыя понятія о правахъ людей. Я хочу внести въ среду своей

партіи истинные принципы демократіи. Я надѣюсь, что въ нашей партіи наступитъ новая эра.

— Боюсь, что нѣтъ,—сказала она, задумчиво смотря на огонь. Мнѣ кажется, придется ждать до тѣхъ поръ, пока сила вещей не выдвинетъ новыхъ людей на подобіе того, какъ возникла партія для освобожденія рабовъ. Не увлекайтесь, не смотрите съ иллюзіями на положеніе вашей партіи въ нашемъ штатѣ; за исключеніемъ вопроса о раздачѣ должностей, она такова же, какъ и всюду. Ваши члены забавляются вопросами о налогахъ и запретительныхъ законахъ, потому что это имъ выгодно, но знайте, что отвернутся отъ всякаго человѣка поддерживающаго принципъ, который для нихъ не будетъ выгоденъ и отъ васъ отвернутся тоже, если найдутъ васъ слишкомъ радикальнымъ. Предупреждаю васъ,—сказала она съ улыбкой,—что я очень опасна, я всегда принадлежу къ меньшинству.

— Я не боюсь васъ,—сказалъ онъ, сознавая, съ какимъ глубокимъ чувствомъ говорить,—я не боюсь васъ, зная, что вы не можете принести мнѣ вреда, а, напротивъ, навели меня на новый путь, на новый рядъ мыслей, также какъ вы это сдѣлали на пикникѣ—благодаря вамъ я сдѣлался тѣмъ, чѣмъ я въ настоящую минуту.

— Неужели?—сказала она съ удивленіемъ. Онъ опустилъ глаза.—Какъ это странно, если я васъ подвинула на политическую дѣятельность.

Брадей замолчалъ. Какъ могъ бы онъ высказать ей, чѣмъ она стала для него! Какъ могъ онъ выразить ей, что она составляетъ главный импульсъ во всемъ его существованіи.

— Вы научили меня мыслить,—сказалъ онъ, наконецъ.—Вы мнѣ дали первый толчокъ для развитія моего самолюбія.

— Очень рада,—сказала она искренне. Я часто произношу рѣчи, мнѣ аплодируютъ, но когда я ухожу, мнѣ кажется, что я ничего не сдѣлала и когда кто-нибудь ко мнѣ приходитъ или пишетъ мнѣ, какъ это вы сдѣлали, я безконечно счастлива. Это придаетъ мнѣ храбрости, а то иначе мнѣ думается, что меня слушаютъ просто ради забавы. Она пристально смотрѣла на огонь, который такъ красиво ее освѣщалъ, что она казалась чѣмъ то сверхъестественнымъ, недоступнымъ. Изящныя линіи ея фигуры были необыкновенно красивы, она казалась статуей, артистически задрапированной.

Рѣзкій голосъ Кергиля разрушилъ очарованіе, онъ слушалъ свою собесѣдницу и выходилъ изъ себя; онъ возмущался.

Вообще онъ плохо умѣлъ слушать, а предпочиталъ самъ говорить.

— Что такое успѣхъ,—кричалъ онъ, скажите-ка мнѣ, милая моя дѣвица.

— Пожалуйста не принимайте ироническаго тона. Я заступаю за миссъ Касидей, потому что она слишкомъ робка, чтобы самой защищаться. Ничто меня такъ не сердитъ, какъ подобный тонъ. Назы-

вайте насъ товарищами, друзьями, но не говорите «милая моя дѣвица», — сказала она съ улыбкой, но въ ея словахъ послышалась горечь.

Кергиль низко поклонился и продолжалъ, нахмуривъ брови и полу-закрывъ глаза:

— Дорогіе мои товарищи на жизненномъ пути, помните ли вы двухъ лордовъ въ странѣ Лиллипутовъ, которые думали, что совершаютъ великое дѣло, поднимаясь на вышину веревки?

— Оставьте въ покоѣ Свифта, — сказала Ида и прибавила, обращаясь къ Брэдлею: — м-ръ Кергиль своего рода американскій Свифтъ. Не позволяйте ему дурно вліять на вашъ оптимизмъ. Есть два сорта пессимизма, первый изъ нихъ въ сущности тотъ же оптимизмъ. Это тогда, когда человѣкъ считаетъ возможнымъ исправить все дурное и несправедливое. Такихъ людей называютъ пессимистами, потому что они рѣшаются говорить правду присутствующимъ, но м-ръ Кергиль боюсь, принадлежитъ ко второму разряду, который относится недовѣрчиво ко всему роду человѣческому.

Въ этихъ словахъ звучала горькая истина, поразившая прямо въ сердце Кергиля. Брэдлею было пріятно видѣть, что Ида первенствуетъ надъ человѣкомъ, привыкшимъ, чтобы всѣ преклонялись предъ нимъ. Въ ея взглядѣ было что-то возвышенное, но она не измѣнила своей граціозной позы, только лицо ея сдѣлалось серьезно и строго.

Кергиль смотрѣлъ на нее съ большимъ вниманіемъ и небольшой румянецъ, покрывшій его лицо, доказывалъ, что Ида попала мѣтко.

Настала минута, имѣвшая громадный интересъ для Брэдлея. Спорящіе такъ увлеклись, что даже не замѣчали присутствующихъ.

— Я очень уважаю вашего друга Кергиля, — продолжала Ида, обращаясь къ Брэдлею, но должна сказать, что онъ производитъ дурное вліяніе на молодежь. Онъ всегда кричитъ, что на свѣтѣ все дурно, но нисколько не старается исправить зла. Что дѣлаете вы для исправленія зла? — обратилась она къ Кергилю.

— Я воюю съ нимъ, — отвѣчалъ онъ рѣзко.

— Это имѣетъ несомнѣнно хорошую сторону, но только зачѣмъ говорите вы, что бесполезно стараться улучшить положеніе вещей. Не бойтесь, мы не разсоримся, — сказала она, обращаясь къ другимъ. — М-ра Кергиль я хорошо знаю и мы понимаемъ другъ друга. Мы такъ давно знакомы, что можемъ обо всемъ спорить безконечно.

— Въ первый разъ миссъ Ида такъ задѣла меня лично, — сказалъ Кергиль. — Обыкновенно мы воюемъ на почвѣ литературы, музыки или женскаго вопроса, но сегодня рѣчь зашла о моемъ личномъ вліяніи и я ухожу домой лѣчить свои раны.

Онъ всталъ со своими обычными манерами.

Ида не старалась его удерживать.

— Приходите меня навѣстить, м-ръ Талькотъ, и не поддавайтесь м-ру Кергилю, онъ васъ испортитъ.

Выйдя изъ дома, спутники шли молча; защищаясь отъ вѣтра, они подвѣляли воротники своихъ пальто.

— Я люблю подобныхъ женщинъ,—сказалъ Кергиль, когда они завернули за уголъ и отчасти были защищены отъ вѣтра домами.—Бываютъ минуты, когда она забываетъ свой полъ и становится исключительно интеллектуальнымъ существомъ. Большинство женщинъ никакъ не могутъ отрѣшиться отъ правъ своего пола и не въ состояннн возвыситься до пониманія общечеловѣческихъ мыслей и вопросовъ.

Брадлей не рѣшался распространяться объ Идѣ, но Кергиль самъ продолжалъ:

— У нея было столько ухаживателей и столько лестнн и комплиментовъ она наслушалась, что легко могла бы обратиться въ свѣтскаго мотылька, но она слишкомъ умна для этого. По моему мнѣнню, женщинѣ нужно вовсе не право вотировать, а побольше мозговъ и поменьше чувственности.

— Она свободномыслящая женщина,—сказалъ Брадлей.

— Свободномыслящая, да онѣ всѣ были бы таковы, если бы у нихъ было побольше мозговъ.

— Не всегда, есть столько условій...

— Онѣ сами могли бы создавать условія жизни.

— Это правда. Все дѣло въ томъ, чтобы правильно смотрѣть на вещи.

Такое благоприятное разрѣшеніе вопроса положило предѣлъ ихъ разговору и они молча шли впередъ, хотя нѣсколько разъ Кергиль пыривался высказать свое восхищеніе Идой.

— Никогда я не встрѣчалъ женщины такой возвышенной, какъ она. Вотъ съ такой особой нельзя соскучиться. Я не женился,—продолжалъ онъ откровенничать, потому что всякая жена мнѣ скоро надоѣстъ, но...

Онъ не кончилъ своей фразы, да и не могъ окончить, чувствуя, что зашелъ слишкомъ далеко. Они распростились и Брадлей возвращался домой, преисполненный новыми чувствами и мыслями.

Опять Ида удалилась отъ него. Какое безуміе съ его стороны мечтать, что она захочетъ на него посмотрѣть. Ее окружали блестящіе богатые люди, тогда какъ онъ былъ не богѣе, какъ скромный сельскій адвокатъ. Онъ вспоминалъ, какъ сидѣлъ у камина и разговаривалъ съ нею и теперь удивлялся своему дерзновенію. Онъ вспоминалъ ея страстный взглядъ, когда она спорила съ Кергилемъ. Неужели онъ ей нравился?

XXII.

Судья предпринимаетъ новый планъ кампанн.

Первыя три, четыре недѣли законодательной жизни опротивѣли и привели въ отчаяніе Брадлея. Онъ научился не только презирать, но

прямо ненавидѣть многихъ. Воздухъ, которымъ онъ дышалъ, былъ пропитанъ испорченностью и развратомъ. Фальшь и притворство большинства членовъ привели его въ отчаяніе. Онъ не вѣрилъ въ человечество и прочность республики.

Брадлей былъ человѣкъ простой, чистосердечный, и когда одинъ изъ вожаконъ общества умѣренности вмѣстѣ съ однимъ изъ сенаторовъ былъ найденъ пьянымъ и растерзаннымъ въ одномъ изъ самыхъ грязныхъ притоновъ города, сердце въ немъ упало и онъ готовъ былъ отказаться отъ своей должности и возвратиться домой. Недобросовѣстные сдѣлки между различными комитетами постоянно доходили до его ушей, намеки на взятки слышались повсюду. Желѣзнодорожныя компаніи все болѣе и болѣе накладывали лапу на членовъ, употребляя для того всякаго рода лесть и угощеніе. И ему было не до смѣху, когда въ одной газетѣ въ видѣ шутки рассказывалось, какъ разсѣянный спикеръ, призывая собраніе къ порядку, сказалъ: «Агенты желѣзнодорожной компаніи, не угодно ли вамъ вотировать». Это было слишкомъ близко къ истинѣ, чтобы смѣяться надъ этимъ. Общество распространенія книгъ, университетъ, арсеналъ, всѣ поддѣльвались къ членамъ чрезъ посредство ловкихъ агентовъ. Онъ дошелъ до высшаго предѣла отвращенія, однажды ночью, послѣ разговора съ Лойди Смитомъ, бывшимъ клеркомъ, и нѣсколькими молодыми людьми, пришедшими его навѣстить. Лойдъ замѣтилъ, что онъ имѣетъ сумрачный видъ, и спросилъ, какая тому причина.

Брадлей откровенно отвѣтилъ, что чувствуетъ полное отвращеніе ко всему окружающему.

— О, это только сначала, а потомъ привыкнете. Когда я поступилъ въ сенатъ, подобно вамъ, я вѣрилъ въ искренность и честность, но когда окончился срокъ моей службы, я ушелъ съ увѣренностью, что вся шайка состоитъ изъ воровъ. Я пришелъ къ твердому убѣжденію, что американскіе законодатели считаютъ евангельской истиной право залѣзать въ правительственный сундукъ.

Всѣ начали смѣяться, принимая его слова за шутку, но Брадлей видѣлъ по выраженію его лица, что хотя, можетъ быть, онъ и преувеличиваетъ, но что онъ самъ съ грустью убѣдился въ правотѣ своихъ словъ.

— Члены готовы украсть всякаго рода вещи: плевальницы, пустыя корзины и т. д. и т. д. Они въ состояніи украсть все, что попадетъ подъ руку, и по окончаніи срока своего избранія они мучаются мыслью, нельзя ли еще что-нибудь стянуть. Въ утѣшеніе имъ я сказалъ, что еще можно украсть крестъ на соборномъ куполѣ.

Всѣ присутствующіе разразились хохотомъ. Брадлей также къ нимъ присоединился, хотя и видѣлъ, какое тяжелое чувство овладѣло Лойдомъ.

— Обратите вниманіе, какое воровство при раздачѣ жалованья. Они хотѣли получать и за воскресные дни. Когда я отказался, они

трашно разозлились. Я самъ далеко не ангель, но я не хотѣлъ приложить свою подпись къ ложному документу и не согласился, чтобы бумага прошла безъ моего имени. Да, сударь, все это записано въ протоколѣ. Возьмите кумовство. Члены помѣщаютъ на всевозможныя должности своихъ женъ и дочерей, а если ихъ нѣтъ, то находятся подставныя лица. Нѣтъ хитрости, нѣтъ ухищренія, которыя бы не употреблялись для того, чтобы залѣзть въ общественный сундукъ; для этой цѣли въ ихъ глазахъ все законно и заслуживаетъ всеобщаго одобренія. И при томъ замѣтите, что наши законодатели самые честные во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, потому что нашъ штатъ земледѣльческій и пьянство у насъ мало развито. Нашъ законодательный корпусъ не болѣе, какъ воскресная школа по сравненію съ негодыями, завладѣвшими Капитоліемъ въ Альбани или Спрингфилдѣ.

— Какъ вы думаете, какимъ образомъ можно исправить это положеніе? — спросилъ Брайлей, голова котораго постоянно была занята этими вопросами.

— Милосердный Боже! Такого средства нѣтъ, если не считать уничтоженіе формы правленія, съ которой связанъ подобный порядокъ вещей. И что же удивительнаго? Мы избираемъ голодныхъ, порочныхъ, необразованныхъ людей и потомъ удивляемся, что они воруютъ, пьянствуютъ и развратничаютъ, какъ сатиры. Надо удивляться, что они еще не соскоблили штукатурку со стѣнъ Капитолія.

— Вы преувеличиваете, законодатели не должны воровать плевалнищъ.

— Они сами нѣтъ, но рекомендуемый ими клеркъ навѣрное украдетъ, — сказалъ Смитъ.

— Мнѣ думается, что немного найдется людей, которые согласятся брать взятки, — замѣтилъ Брайлей.

— Деньгами нѣтъ, но всѣ члены пользуются выгодами своего положенія. При существующихъ обстоятельствахъ, честность невозможна, самъ архангелъ Гавріилъ навѣрное сдѣлался бы прощальгой при настоящемъ положеніи вещей. Единственное спасеніе, еще разъ повторяю, это уничтожить нашу форму правленія.

Это разрѣшеніе вопроса казалось Брайлею неудовлетворительнымъ, но, очевидно, ничего другого не могъ придумать его свирѣпый собесѣдникъ. Онъ находилъ, что надо или возвратиться обратно къ деспотизму, или остаться безъ всякой формы правленія.

Послѣ ухода гостей, Брайлей написалъ судѣ Брауну письмо, въ которомъ передалъ весь свой разговоръ съ Лойдомъ. Онъ закончилъ письмо слѣдующими словами: «Все, что я вижу кругомъ себя, можетъ довести человѣка до полнаго отчаянія и заставить проклинать родину и Бога, который допускаетъ подобныя беззаконія. Я вполне сознаю, что Лойдъ правъ, и я готовъ отказаться отъ всего, вернуться домой и никогда болѣе не заниматься политикой, которая сгнила до основанія».

Однако, чрезъ нѣсколько времени, Брайлей имѣлъ случай убѣдиться, что всѣ эти обвиненія справедливы только по отношенію къ меньшинству и что если есть съ полдюжины испорченныхъ взяточниковъ, то все-таки есть и члены, ратующіе за правду и справедливость. Общая масса стремилась быть честной и справедливой. Всѣ они были хорошими мужьями и отцами, но и на нихъ падала отвѣтственность за безчестныхъ законодателей, какъ бы выставляющихъ на показъ свою безнравственность и на глазахъ у всѣхъ валяющихся въ грязи и развратѣ.

Быль, впрочемъ, одинъ пунктъ, въ которомъ согласны были почти всѣ законодатели: они не стѣснялись съ казеннымъ добромъ. Брайлей вспоминалъ, что такое же отношеніе онъ наблюдалъ на дорожныхъ работахъ въ своей мѣстности. Всякій считалъ чуть не добродѣтелью ничего не дѣлать, ибо плата шла изъ «города». Онъ вынужденъ былъ признать, что это была характерная американская черта: воровать общественныя деньги считалось пустякомъ.

Въ февралѣ пріѣхалъ судья Браунъ, чтобы присутствовать на засѣданіяхъ, гдѣ разсматривались желѣзнодорожные вопросы, и часто философствовалъ съ Брайлеемъ на эту тему. Судья удобно усаживался, клалъ ноги на подоконникъ и, сложивъ руки на груди, начиналъ свои безконечныя разсужденія.

— Надо смотрѣть на вещи съ другой точки зрѣнія,—говорилъ онъ.—Возможность преобразовать вещи находится въ рукахъ членовъ законодательнаго собранія, но понятно, что если они сами мошенники, то, конечно, они и будутъ покровительствовать мошенникамъ. Назначеніе нашей партіи вліять, преобразовывать и научить ихъ сдѣлаться честными людьми. На насъ лежитъ этотъ долгъ,—сказалъ Браунъ съ страстнымъ увлеченіемъ стараго демократа,—и мы не имѣемъ права толковать о томъ, чтобы оставить свой постъ и бросить политику. Мы должны стоять въ грязи и помогать ее выбрасывать, а если уходить съ поля брани, то положеніе еще болѣе ухудшится.—Судья привыкъ смотрѣть на Брайлея, какъ на своего союзника.

Когда они отправились вмѣстѣ на прогулку, Брайлей замѣтилъ, что судья носить шляпу съ чрезмѣрно большими полями и что его платье потерто на петлицахъ; до сихъ поръ ему не бросался въ глаза его старомодный видъ, ему и въ голову не приходило его стыдиться, но когда они вышли вмѣстѣ, у него явилось чувство нѣкоторой неовности; онъ понялъ, что судья обращаетъ на себя вниманіе.

Когда Брайлей произнесилъ свою большую рѣчь о желѣзнодорожныхъ вопросахъ, судья принялъ мѣры, чтобы ее стенографировали, такъ какъ онъ рассчитывалъ ее напечатать въ видѣ памфлета и всюду распространять при новыхъ конгрессіональныхъ выборахъ.

Ида сидѣла на балконѣ, въ то время когда Брайлей говорилъ о правѣ женщинъ вотировать и онъ не могъ лишиться себя удовольствія

нѣсколько разъ посмотрѣть на нее во время своей рѣчи. Все способствовало эффекту его ораторскаго искусства. Наступалъ вечеръ и заходящее солнце лило потоки яркихъ лучей на большую комнату, погруженную въ молчаніе, посреди котораго раздавался мощный и свѣжій голосъ молодого оратора. Ида послала Брэдлею букетъ цвѣтовъ, которые онъ положилъ на свой пюпитръ, на него палъ солнечный лучъ, а потомъ перешелъ на лицо оратора, окружая его какъ бы вѣнкомъ славы.

Но, какъ и всегда, вслѣдъ затѣмъ пришла неудача. Законодатели не видѣли въ солнечномъ лучѣ ничего, кромѣ небрежности слуги. Всѣ одобряли рѣчь Брэдлея, но большинство, какъ и всегда, осталось равнодушно. Галереи аплодировали, а женщины направились къ защитнику своихъ правъ и горячо благодарили его. Ида была между ними. Ея улыбка и пожатіе руки были для него самой большой наградой.

— Приходите ко мнѣ, я хочу васъ еще разъ поблагодарить,— сказала она.

Судья безконечно гордился Брэдлеемъ.— Это великая рѣчь, Брэдъ,— твердилъ онъ,— и не будь я такимъ старовѣромъ, непременно обратился бы на путь истины. Съ глазу на глазъ, я признаю все, что ты говоришь, но не политично мнѣ выступать за это.

— Не политично!— воскликнулъ Брэдлей, мнѣ опротивѣла политика. Пусть только это будетъ истина.

Судья переимѣнилъ разговоръ. Онъ всѣмъ сообщилъ въ гостинницѣ, что эта рѣчь не можетъ повредить Брэдлею, никто не вправѣ нападать на него за свободно высказанныя убѣжденія.

— Можетъ быть, въ вашемъ округѣ таковы обычаи, но здѣсь я не желаю дѣлать опыты по женскому вопросу,— сказалъ маіоръ Рутъ изъ Мекинтоша.

— Не думаю, чтобы избиратели Айовы могли претендовать за то, что ихъ представитель говорить то, что думаетъ,— отвѣтилъ судья Браунъ.

— Совѣтую вамъ не слишкомъ увлекаться подобными надеждами— отвѣтилъ маіоръ.

Судья обѣдалъ за общимъ столомъ и Брэдлей съ удовольствіемъ замѣтилъ, что онъ гораздо лучше справляется съ ножомъ и вилкой, нежели верховной судья и сенаторъ сидящіе, рядомъ съ нимъ.

Съ наслажденіемъ побесѣдовали они о старыхъ товарищахъ и, когда дошли до пуддинга, то судья положительно сіялъ.

Онъ увѣрялъ всѣхъ, что достопочтенный Талькотъ скоро будетъ ораторствовать въ союзномъ конгрессѣ. «Въ настоящее время мы торжествуемъ побѣду и будущее принадлежитъ намъ», закончилъ онъ свою рѣчь.

Всѣ весело разсмѣялись, но все-таки прибавили, что будущее неизвѣстно.

— Вы захватили насъ спящими, но мы проснулись и теперь мы во всеоружіи.

Судья очень наслаждался своимъ посѣщеніемъ Демуана, и только однажды Брайлей видѣлъ его немного на веселѣ, причеиъ онъ всѣмъ объявлялъ, что совершенно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ имѣеть пріемнаго сына.

Въ день отъѣзда, когда Брайлей отправился на желѣзную дорогу провожать судью, послѣдній ему сказалъ, что теперь надо предпринять битву для выборовъ въ союзный конгрессъ.

— Я думаю, лучше даже и не предпринимать этого дѣла,—сказалъ Брайлей.

— Почему?—спросилъ судья.

— По той простой причинѣ, что меня не выберутъ.

Брайлей задумчиво помолчалъ.

— Отчего не попробовать? Мнѣ кажется, ты произвелъ здѣсь большое впечатлѣніе,—наконецъ сказалъ онъ.

— Мнѣ не хочется рисковать. Я совсѣмъ не политиканъ, мнѣ опротивѣло это подлое дѣло. Я не хочу вести никакихъ интригъ.—возразилъ Брайлей.

— И не надо, я займусь этимъ. Твое дѣло ораторствовать, затѣмъ ты и попалъ въ члены конгресса штата.

Брайлей былъ въ дурномъ настроеніи.

— Зачѣмъ мнѣ стремиться въ союзный конгрессъ? Что тамъ дѣлать? Я и теперь не принесъ никакой пользы,—твердилъ онъ.

— Нѣтъ, ты многое сдѣлалъ. Ты произнесъ нѣсколько прекрасныхъ рѣчей по поводу желѣзнодорожнаго, экономическаго и банковскихъ вопросовъ. Это тебѣ зачтется. Твою вчерашнюю рѣчь я напечаталъ и цѣликомъ отправилъ въ Рокъ-Риверъ. Фостеръ будетъ настаивать на необходимости имѣть своего представителя въ конгрессѣ и согласится на твой выборъ. Мы взойдемъ въ конвентъ съ двумя третями большинства и тогда твое избраніе будетъ обезпечено. Твоя молодость говорить за тебя, навѣрное тебя выберутъ и борьба будетъ только въ конвентѣ,—сказалъ судья.

— Сегодня совершенно весенній день,—возразилъ Брайлей, желая прекратить этотъ разговоръ.

— Прощай. Когда вернешься домой, Брайлей, все дѣло будетъ на мази. Поѣздъ тронулся.

Когда насталъ февраль и снѣгъ началъ таять, Брайлей нестерпимо потянуло домой. Настало почти время снѣга, почва была уже совершенно готова, луга покрылись весело порхающими голубями, чирикающими воробьями, свистящими ржанками и вообще перелетными птицами. Ему пришла въ голову мысль о томъ, что природа несравненно выше и благороднѣе людей, нѣтъ въ ней хитрости, жестокости, и жизнь въ деревнѣ лучшая жизнь въ мірѣ.

Теперь онъ понялъ вполне значеніе словъ Иды о жизни фермеровъ.

Брадлей согласился исполнить желаніе судьи Брауна. Онъ отпра-
вился домой въ апрѣлѣ съ радостью и вмѣстѣ съ тѣмъ и неохотно.
Ему пріятно было покинуть пыльный, душный городъ и жалъ поте-
рять возможность встрѣтить Иду. Чувство разочарованія не покидало
его. Во время своего пребыванія въ Демуанѣ, онъ видѣлъ ее всего
два, три раза, а кто знаетъ когда, онъ увидитъ ее теперь.

Подъѣзжая къ дому, онъ овладѣлъ собою и жгучая боль по случаю
разлуки съ Идою понемногу притуплялась, а хлопоты о предстоящихъ
выборахъ совершенно изгладили изъ памяти его воспоминаніе о ней.
Изрѣдка онъ писалъ Идѣ, хотя она ему отвѣчала безъ особаго поощре-
нія, но и безъ неудовольствія.

Выборы были дѣломъ рукъ судьи, а Брадлей былъ только его по-
мощникомъ.

Побѣда въ конвентѣ только предрѣшала предстоящую побѣду въ
октябрѣ. Брадлей отказался отъ званія члена законодательнаго кор-
пуса, чтобы сдѣлаться членомъ конгресса въ Вашингтонѣ.

XXIII.

Въ Вашингтонѣ.

На Западѣ въ глазахъ народа есть три типа великихъ людей: сол-
даты, политики и пасторы. Всѣ поклоняются храбрости солдата, муж-
чины отдають дань справедливости успѣвающему въ козняхъ политики,
а женщины восхищаются краснорѣчіемъ пасторовъ.

Эти три класса, конечно, смѣшиваются между собою, но въ сущ-
ности составляютъ отдѣльныя касты. Въ прежнія времена первое мѣ-
сто занималъ пасторъ, второе—солдатъ, а политикъ—третье. Со времени
революціи солдатъ занялъ первое мѣсто въ триумvirатѣ, а теперь
политикъ и его органъ—газета отодвинули пастора на послѣднее мѣсто.

Подобное настроеніе умовъ на Западѣ производитъ отрадное впе-
чатлѣніе, по крайней мѣрѣ поклоняются политическимъ успѣхамъ, а
никакъ не исключительно деньгамъ, какъ на Востокѣ, гдѣ средній
классъ общества благоговѣетъ только предъ богачами, тогда какъ на
Западѣ не одно только богатство служитъ гарантіей уваженія и все-
общей поддержки.

Брадлей никогда не мечталъ о томъ, чтобы разбогатѣть, но подѣ-
віяніемъ Редборна и судьи, онъ жаждалъ ораторскихъ успѣховъ. Не-
смотря на свое отвращеніе къ безнравственнымъ поступкамъ нѣкото-
рыхъ членовъ, ему было пріятно сознаніе, что и онъ служитъ звеномъ
политической жизни. Ему нравилось то уваженіе, которымъ окружали
его товарищи и друзья.

Теперь онъ только и думалъ о Вашингтонѣ, и его сердце радостно
билось при мысли, что онъ будетъ засѣдать въ тѣхъ же залахъ, гдѣ

когда-то раздавались могучіе голоса нынѣ умершихъ великихъ мыслителей и дѣятелей республики.

Судья восторгался, видя, какъ его любимецъ расправлялъ свои орлиныя крылья. Переходъ отъ наемнаго батрака на фермѣ до національнаго представителя придавалъ Брэдлею чисто американскій типъ и ему оставалось только пользоваться всѣми выгодами своего положенія.

Юный ораторъ ожидалъ, что его избраніе въ конгрессъ будетъ сопряжено съ большими затрудненіями, но оно окончилось блестящей побѣдой. Онъ былъ избранъ, и въ то время, какъ демократы бѣсновались отъ восторга, Брэдлей мирно спалъ въ своей комнатѣ подъ звуки музыки, которую устроили подъ его окнами.

Теперь всѣ мысли его были направлены къ Вашингтону. До открытія сессіи оставалось еще много времени, но, по совѣту судьи Брауна, онъ началъ укладывать свои вещи и въ январѣ рѣшилъ съѣздить въ Вашингтонъ, чтобы осмотрѣться по примѣру другихъ членовъ.

Путешествіе отъ Чикаго до Вашингтона составило эпоху въ его жизни. Во второй разъ онъ предпринялъ длинное странствованіе и такимъ образомъ еще болѣе расширилъ свой умственный кругозоръ. До сихъ поръ онъ не видѣлъ горъ, и чудные, дикіе Аллеганскіе хребты поразили его своимъ великолѣпіемъ и дикою красотой. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ у окна вагона, который тащили на самую вершину два локомотива. Онъ любовался паденіемъ горныхъ ручьевъ, стремительно несущихся внизъ, и вершинами горъ, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ. По мѣрѣ того, какъ несся поѣздъ, онъ восторгался громадными утесами, соснами, покрытыми снѣгомъ и рѣками, въ которыхъ струилась ледяная вода.

По обѣимъ сторонамъ вагона дикіе лѣса перемежались съ вырубленными полянами и громадныя вершины какъ бы упирались въ небо. Аллеганскія горы вполнѣ удовлетворили его ожиданія. По мѣрѣ того, какъ поѣздъ шелъ по изгибамъ спускался внизъ, долина все расширялась, а горы отодвигались на задній планъ. Рѣка протекала широкой лентой съ востока на югъ, она называлась Потомакомъ, ея имя напоминало историческія событія. Недалеко находился Вашингтонъ.

Подобно всѣмъ жителямъ запада, Брэдлей поклонялся Вашингтону. Онъ считалъ его центромъ американской жизни, такъ какъ въ немъ создавались законы. Западники считаютъ Бостонъ центромъ искусства, которое они презираютъ, Нью-Йоркъ представляется имъ исключительнымъ жилищемъ миллионеровъ и ростовщиковъ, а Вашингтонъ считается центромъ національной жизни. Это нервный узелъ политическаго организма. Онъ дѣйствовалъ на романтическія чувства Брэдлея. Это былъ историческій городъ; онъ дѣлалъ исторію.

Наступилъ вечеръ, стало смеркаться, и когда кондукторъ прокричалъ Вашингтонъ, было восемь часовъ. Погода была сырая, мрачная, ночь совершенно темная.

Брадлею очень хотѣлось поскорѣе увидеть Капитолій и такъ какъ сидящій около него добродушный толстякъ увѣрялъ его, что онъ находится недалеко отъ желѣзнодорожной станціи, то онъ взялъ въ руки свой чемоданъ и отправился по указанію негра носильщика.

Въ воздухѣ стояла густая непроницаемая мгла, но когда онъ пошелъ къ Капитолію, сердце его радостно забилось. Предъ его глазами находилась самая большая постройка въ Америкѣ, массивная, какъ гора, но вмѣстѣ съ тѣмъ воздушная по изяществу своихъ формъ. Холодный бѣлый мраморъ, окруженный туманомъ, освѣщался лампами въ окнахъ, на подобіе лилій съ огненными сердцами и бѣгающими огоньками.

Долго онъ стоялъ предъ дивной постройкой, перебирая въ своей памяти всѣ совершившіяся въ ней историческія событія. Кругомъ раздавался шумъ колесъ, стукъ подковъ объ асфальтовую мостовую и крики кучеровъ. Недалеко отъ него слышалось журчаніе воды въ подземныхъ каналахъ. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя, вслѣдствіе боли въ рукѣ отъ тяжести чемодана. Онъ пошелъ по улицамъ, наполненнымъ неграми, продающими газеты и выкрикивающими музыкальнымъ голосомъ: «Вечерняя газета», «Вечерняя газета!»

Экипажи сновали, особаго рода омнибусы съ надписью «Cigarette» тихо двигались по асфальтовой мостовой. Старикъ въ рабочемъ костюмѣ, но съ аристократическимъ видомъ, съ короткими бакенбардами, пробрался къ нему неся ручную сумку и особеннымъ образомъ выкрикивая: «Изобрѣтенія доктора Фергюсона концентрированное мясо. Филадельфійскія капли отъ кашля и простуды, большого горла, хрипоты и т. д. Пять центовъ коробка.

Безконечныя объявленія извѣщали о существованіи обѣдовъ по 15 и 25 центовъ, кофе по 10 цент. и т. д. Всевозможныя устрицы и т. д.

Рестораны, гдѣ продавались устрицы, привлекали его, но ему не нравился ихъ варужный видъ. Наконецъ, онъ отыскалъ чистенькій скромный ресторанчикъ, гдѣ и рѣшился спросить себѣ обѣдъ за 25 цент.

Пообѣдавъ, онъ снова вышелъ на улицу и началъ разыскивать скромную гостиницу, гдѣ можно достать комнату за 75 центовъ. Наконецъ, онъ разыскалъ объявленіе о комнатахъ отъ 50 цент. и выше. Онъ записался у швейцара, и негритенокъ, необыкновенно шустрый повелъ его во взятую имъ комнату.

Ему хорошо знакомъ былъ типъ дешевыхъ гостиницъ, гдѣ ютились люди съ небольшими средствами. Грязноватые стѣны и потертые ковры становились все болѣе и болѣе мизерными, по мѣрѣ того, какъ они поднимались все выше и, наконецъ, достигли до комнаты, находящейся надъ самой крышей. Комната была нетопленная и безъ замка, но постель была чиста и удобна.

XXIV.

Редборнъ показывается Брэдлею столицу.

На слѣдующее утро Брэдлей проснулся послѣ ночи какъ бы въ туманѣ, не сознавая, гдѣ онъ находился. Было что-то дѣтское въ его крѣпкомъ снѣ. Онъ слышалъ крики разнощиковъ газетъ. Ихъ возгласы напомнили ему Демуанъ, по той причинѣ, что только тамъ онъ впервые разъ услышалъ подобные крики. Онъ вскочилъ съ постели и вспомнилъ о Редборнѣ. Онъ увидѣлъ съ удовольствіемъ, что ночью шелъ снѣгъ и всюду негры чистили тротуары. Прогуливаясь по городу, въ качествѣ никому неизвѣстнаго человѣка, онъ нисколько не чувствовалъ себя будущимъ свѣтиломъ и чѣмъ болѣе онъ удалялся отъ Рокъ Ривера, тѣмъ ниже ставилъ онъ себя, сознавая что величіе есть вещь относительная. На улицѣ онъ проходилъ мимо окна, за которымъ громадный негръ одѣтый въ бѣлоснѣжный фартукъ и бумажный колпакъ, пекъ пирошки.

Ресторанъ имѣлъ такой чистый и привлекательный видъ, что Брэдлей рѣшился здѣсь позавтракать и, войдя въ комнату, усѣлся у одного изъ маленькихъ столикковъ. Негритенокъ подбѣжалъ къ входящему.

— Я хотѣлъ бы съѣсть пирошковъ,—сказалъ Брэдлей.

— Поджарьте пшеничники! — закричалъ мальчикъ. — Сдобные? — спросилъ онъ обращаясь къ Брэдлею.

Постепенно появилась ветчина, яйца, кофе, бифштексы и яичница.

Большинство окружающихъ людей были съ запада и южнаго типа. Многие изъ нихъ носили бородки и мягкія шляпы.

Негры чрезвычайно интересовали Брэдлея. Они были такъ необыкновенно безобразны, но полны веселости и добродушія.

На улицѣ онъ снова встрѣтилъ людей того же типа, онъ подумалъ, что можетъ быть это его сотоварищи, а они вѣроятно принимали его за жителя Бостона или Нью-Йорка, судя по его бѣлокурой большой бородѣ и свѣжему цвѣту лица. Негры постоянно привлекали его вниманіе, они страшно суетились и повидимому безцѣльно бродили по улицамъ. Ихъ лица по привычкѣ улыбались. Казалось, что они съ большимъ трудомъ зарабатывали себѣ кусокъ хлѣба. Они предлагали прохожамъ нести чемоданъ, чистить сапоги, газетчики договяли гуляющихъ, шли рядомъ съ ними, въ надеждѣ, продать газету и такимъ образомъ сколько-нибудь получить денегъ. Далѣе Брэдлею попадались на глаза множество объявленій о сдачѣ комнатъ, обѣдовъ по двадцати и двадцати пяти центовъ, изъ чего онъ заключилъ, что ему нетрудно будетъ устроиться.

Войдя въ контору Редборна, онъ нашелъ молодую даму работающую на пишущей машинѣ. Она вставила себѣ въ ухо гутаперчивую трубку и не замѣтила, какъ вошелъ Брэдлей, который увидѣлъ, что трубка

соединяется со столикомъ на подобіе швейной машины, въ которой помѣщался цилиндръ, очевидно фонографъ. У окна сидѣлъ Редборнъ, говоря размѣреннымъ монотоннымъ голосомъ въ трубу другого фонографа. Онъ сидѣлъ спиной къ Брайдену, который такимъ образомъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ его разговора. «Конгрессъ приноситъ Вашингтону такую полноту жизни, о которой можно судить только проведя здѣсь гѣто», говорилъ Редборнъ тихимъ мѣрнымъ голосомъ.

Эта манера разговора производила на Брайдена странное впечатлѣніе, какъ будто бы Редборнъ говорилъ самъ съ собою.

— Городъ какъ бы вымираетъ,—продолжалъ Редборнъ,—когда конгрессъ разъѣзжается. Политика есть главная цѣль жизни города и когда она ступенывается, то съ нею пропадаетъ главный импульсъ жизни. Улицы становятся мертвенно-тихи, извозчики медленно двигаются подъ палящими лучами солнца, а посыльные безцѣльно слоняются изъ угла въ уголъ. Лавочники продолжаютъ свою торговлю, но они поздно открываютъ магазины по утрамъ и рано ихъ закрываютъ. Весь городъ зѣваетъ, съ нетерпѣніемъ ожидая приближенія осени и конгресса. Какъ забавно и удивительно ознаменовывается приближеніе засѣданій. Начинается суета въ гостинницахъ и меблированныхъ комнатахъ, чтобы привлечь себѣ жильцовъ изъ числа членовъ конгресса. Тогда начинается... Вошедшая горничная увидѣла стоящаго Брайдена и воскликнула:

— М-ръ Редборнъ, къ вамъ пришелъ гость.

Редборнъ отвернулся отъ цилиндра и поздоровался съ гостемъ, какъ съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ.

Брайденъ видѣлъ, что Редборнъ его не узнаетъ и сказалъ:

— Вѣроятно, вы меня не признали, я Брайденъ Талькотъ.

Редборнъ вскочилъ съ радостью и пожалъ ему руку со словами:

— Ахъ, какъ я радъ васъ видѣть! Садитесь, мнѣ очень пріятно видѣть стараго товарища.

— Пожалуйста, не прерывайте для меня вашихъ занятій. Меня очень интересуетъ, какъ вы говорите въ эту машину—сказалъ Брайденъ.

— О да, это очень любопытно я только что окончилъ свой недѣльный отчетъ въ газетѣ. Садитесь, расскажите мнѣ про себя. Я слышалъ, что васъ избрали сначала въ законодательный корпусъ, а потомъ въ союзный конгрессъ, но мнѣ пріятнѣе услышать отъ васъ лично всѣ подробности.

— Мнѣ нечего рассказывать, лично я не принималъ участія въ этомъ избраніи,—отвѣтилъ Брайденъ.

Они сѣли у окна выходящаго на скверъ и на широкую пирамидальную египетскую постройку, которая возвышалась въ центрѣ площади, покрытой снѣгомъ, блескъ котораго увеличивался отъ лучей яркаго солнца.

Усѣвшись, они немного помолчали, Редборнъ положилъ голову на

*

руку и внимательно взглядывался въ лицо Брайда. Онъ казался старше и печальнѣе, чѣмъ предполагалъ Брайдъ. Онъ началъ спрашивать о старыхъ знакомыхъ, медленно припоминая одно имя за другимъ. Такимъ образомъ они пробесѣдовали цѣлый часъ и наконецъ Редборнъ сказалъ:

— Какъ далеко я ушелъ отъ всѣхъ этихъ сценъ и людей, а между тѣмъ этотъ маленькій городокъ съ его обитателями имѣетъ для меня громадную притягательную силу. Конечно я туда никогда не вернусь. По правдѣ сказать, я даже боялся бы туда вернуться, навѣрное, я сошелъ бы съ ума отъ этой монотонной жизни, такъ какъ любовь къ городу у меня врожденная, и я люблю быть въ центрѣ движенія. Навѣрное, съ вами будетъ то же, когда здѣсь подольше поживете. Городъ полонъ людьми, которые пришли изъ деревни, чтобы зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и, привыкнувъ къ виду роскоши, хотя бы издали, они уже не хотятъ возвращаться домой; живутъ они, перебиваясь изъ-за куска хлѣба на 45 центовъ въ день, тѣснятся въ углахъ, перебиваясь со дня на день и все-таки предпочитаютъ подобную жизнь возвращенію домой. Впрочемъ, я и самъ сдѣлалъ бы то же самое.

Тутъ онъ круто переимѣнилъ разговоръ и, обратясь къ Талькоту, сказалъ:

— Итакъ, вы сдѣлались членомъ конгресса, Брайдъ. Я душевно радуюсь вашему успѣху, который служитъ доказательствомъ, что и правыми путями можно достигнуть высокаго положенія, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени.

— Я старался руководствоваться вашими принципами, — отвѣтилъ съ улыбкой Брайдъ. — Я прочелъ всѣ книги, которыя вы мнѣ прислали.

— Въ такомъ случаѣ, вы одинъ изъ самыхъ опасныхъ лунатиковъ конгресса, — сказалъ Редборнъ. — Неужели вы будете что-нибудь говорить по этому поводу?

— Да, я... надѣюсь имѣть возможность что-нибудь высказать до закрытія сессіи.

— Будетъ чудо, если это вамъ удастся. Конгрессъ управляется республиканскимъ царемъ и люди съ вашими идеями или вообще съ идеями немилосердно изгоняются. Хотите, я вамъ откровенно выскажу всю суть вещей. Если вы хотите успѣха, то хорошенько познакомьтесь и поухаживайте за спикеромъ. Въ его рукахъ истинное могущество. Вотъ причина, по которой положеніе спикера такъ важно, онъ рѣшаетъ самые животрепещущіе вопросы; въ рукахъ его назначеніе комитетовъ, которые въ сущности должны были бы избираться самими законодателями. Скоро вы убѣдитесь, что власть комитетовъ безгранична. Они могутъ заглушить всякій самый важный билль. Теоретически всѣ они слуги конгресса, а въ дѣйствительности они его повелители.

— Я не вполне понимаю это, — сказалъ Брайдъ.

— Едва ли большинство это понимаетъ. Предполагается, что это назначеніе комитетовъ спикеромъ производится для сокращенія времени, а въ сущности его вмѣшательство затягиваетъ дѣло на недѣли, иногда на мѣсяцы.

— Чѣмъ же помочь бѣдѣ!—спросилъ Брайлей.

— Попробуйте и увидите. Лучше пойдите немного прогуляться по городу. Я вамъ покажу всѣ его достопримѣчательности. Гдѣ вы остановились?

Брайлей назвалъ свою гостиницу довольно неохотно, такъ какъ зналъ, что она одна изъ самыхъ дешевыхъ, а между тѣмъ онъ хорошо понималъ, что члены конгресса должны всюду занимать первенствующее положеніе, и потому ему необходимо было перейти въ болѣе роскошную гостиницу, нежели та, въ которой онъ до сихъ поръ помѣщался.

Они отправились вмѣстѣ, солнце ярко блестѣло, небо было ясно и чувствовалось приближеніе весны. Брайлей снова воодушевился мыслью, что онъ находится въ Вашингтонѣ и опять восхищался куполомъ Капитоля.

— Теперь для васъ самое важное быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ такъ называемыми лидерами партій, легче всего познакомиться въ самомъ зданіи конгресса. Пойдите туда.—Они взошли по ступенькамъ въ западный входъ зданія.

— Это лучшая часть постройки,—сказалъ Редборнъ, когда они достигли до площадки.—Здѣсь больше красоты и величія, нежели во всѣхъ зданіяхъ города.

Дѣйствительно оно было великолѣпно. Брайлей смотрѣлъ направо и налѣво восхищенными глазами. Близна снѣга еще болѣе возвышала красоту дома. Эспланада была громаднаго размѣра, вслѣдствіе чего какъ бы увеличивался наружный фасадъ.

Мраморные столбы поддерживали красиво изукрашенную стѣну, которая заканчивалась террасой, идущей къ капитальнымъ постройкамъ, вдоль которыхъ были разставлены громадныя вазы съ многолѣтними растеніями, уже поблекшими и уныло висящими вдоль мрамора. Бронзовый пьедесталъ вазъ изящной работы красиво выдѣлялся на блестящемъ фонѣ.

Подъ ногами гуляющихъ разстилался городъ. Редборнъ указывалъ на «Бѣлый домъ», казначейство на различныя казенныя учрежденія и другія постройки, имѣющія значеніе въ архитектурномъ отношеніи. Войдя въ домъ, они прошли мимо группы мужчинъ съ рѣзкими манерами и страннымъ выговоромъ, очевидно, законодателями маленькихъ городовъ.

— Вотъ нѣсколько вашихъ сотоварищей,—сказалъ Редборнъ, указывая на нихъ рукой.

Когда они проходили черезъ залу, одинъ изъ бесѣдующихъ, краси-

вый молодой человекъ съ нафабранными усами и живыми черными глазами, говорилъ своимъ собесѣдникамъ:

— Наконецъ и я попалъ въ центръ міра.

Эти слова проникли въ сердце Брэдлея, онъ тоже чувствовалъ, что былъ въ центрѣ міра.

Демуанъ съ своимъ Капитоліемъ совершенно отошелъ на задній планъ, по сравненію съ громадной столицей, которая всѣхъ привлекала къ себѣ, подобно тому, какъ къ сердцу человека стремится кровь чрезъ всѣ артеріи. Хорошо было сознавать себя членомъ конгресса, но еще лучше быть гражданиномъ міра. Они прошли чрезъ корридоръ въ нижній этажъ, гдѣ толпилось множество законодателей, клерковъ, представителей прессы и обыкновенные посѣтители. Редборнъ прошелъ къ мѣсту спикера и оттуда они обошли всѣ мѣста, предназначенныя для членовъ конгресса.

— Всюду масса посѣтителей. Югъ и западъ преобладаютъ. Замѣчательно, съ какимъ интересомъ негры слѣдятъ за ходомъ засѣданія.

Редборнъ указалъ Брэдлею на галерею, наполненную черными, серьезными, сосредоточенными лицами.

— Посмотрите на этого стараго негра, — сказалъ онъ, — бѣдный старикъ даже снялъ шляпу, какъ будто бы онъ въ церкви.

Брэдлей посмотрѣлъ на добродушнаго согбеннаго негра и ему стало сердечно жаль его. Члены начали усаживаться на мѣсто и звать прислугу, хлопая руками.

Уборная и парикмахерскія наполнились веселымъ смѣхомъ. Редакторы газетъ осаждали Редборна съ вопросами о новостяхъ дня. При шумѣ толпы, какой-то безрукій человекъ подошелъ къ спикеру и сказалъ гнусавымъ голосомъ:

— Господа, по порученію пристава, прошу удалиться всѣхъ, не имѣющихъ права присутствовать здѣсь.

Брэдлей вскочилъ, но Редборнъ ему сказалъ:

— Не торопитесь, можно остаться еще съ четверть часа. Въ качествѣ члена конгресса, вы имѣете право быть здѣсь, несмотря на то, что вы еще не внесены въ списки. Можетъ быть, вы желаете съ кѣмъ-нибудь повидаться.

— Нѣтъ, я хотѣлъ только посмотрѣть, что здѣсь дѣлается.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте на галерею.

Они отправились и, смотря сверху внизъ на громадное количество публики, Брэдлей могъ себѣ составить ясное понятіе о величинѣ залы и о ея резонансѣ.

— Теперъ мнѣ кажется, что зданіе Капитолія въ Демуанѣ не болѣе какой-нибудь воскресной школы, — сказалъ Брэдлей.

— Ровно въ девять раздался звонокъ и спикеръ заговорилъ яснымъ, отчетливымъ голосомъ:

— Покорнѣйше прошу восстановить порядокъ.

Члены начали неохотно вставать, нѣкоторые чинили карандаши, другіе читали газеты, въ то время, какъ пасторъ началъ читать молитву подробно и медленно перечисляя всѣ правительственныя учрежденія, на которыя распространялись его молитвы и благословія.

Какъ только онъ произнесъ слово аминь, снова начался шумъ. Понесся смѣхъ, аплодисменты. Начали передвигать кюпитры, шелестить бумагою, топтать ногами. Наконецъ, зазвучалъ однообразный голосъ клерка, совершенно какъ ручей, изъ котораго струится вода.

— Вы видите, какъ мало здѣсь обращаютъ вниманія на молитву,— сказалъ Редборнъ.

Далѣе дѣло пошло такъ же, какъ въ Демуанѣ.

Рѣшенія принимались двумя-тремя голосами безпрепятственно, тогда какъ другіе члены занимались чтеніемъ отчетовъ, газетъ или писемъ.

Наконецъ, одинъ вопросъ возбудилъ продолжительныя дебаты и пришлось приступить къ общему голосованію.

— Однако, вы попали очень удачно,— сказалъ Редборнъ,— вся законодательная процедура пройдетъ предъ вашими глазами.

По мѣрѣ продолженія засѣданія, выяснилось присутствіе членовъ уже успѣвшихъ приобрести громадную извѣстность. Тутъ былъ Амось Б. Триппъ, котораго Редборнъ называлъ «китайскимъ божкомъ», громаднаго роста, расплывшійся, плѣшивый, съ дѣтскимъ лицомъ. Маіоръ Хейндриксъ, такъ называемая «сторожевая собака конгресса», у него были крошечныя глаза и бородка, которая болталась во всѣ стороны, когда онъ выкрикивалъ своимъ, рѣзкимъ теноромъ свои неизмѣнныя возраженія.

Старикъ, съ множествомъ бѣлыхъ волосъ на головѣ, всталъ и, облокотившись на темно-красную ширму, представлялъ необыкновенно красивое зрѣлище. Его манеры были изящны, мужественное лицо прекрасно, голосъ музыкальный, а слова глубоко прочувствованные.

— Вотъ нашъ самый блестящій ораторъ,— сказалъ Редборнъ.

— Его наружность мнѣ очень нравится,— возразилъ Брайлей, вслушиваясь въ краснорѣчивый потокъ его рѣчи, по окончаніи которой раздались громкія рукоплесканія.

Большинство членовъ подходило къ типу, давно знакомому Брайлею. Нѣкоторые говорили монотонно, оставаясь на законной почвѣ или съ удареніями, указывая пальцами, то угрожающимъ тономъ, то въ описательной формѣ. Другіе говорили однообразно, какъ прядильная машина, нѣкоторые не могли равнодушно даже перечислять цѣны шерсти или количества тюковъ бумаги, не впадая въ яростный горловой хрипъ, на подобіе дикаго звѣря.

Потомъ появился депутатъ клерикальнаго типа, который заунывнымъ голосомъ началъ оспаривать количество вывозимыхъ бумажныхъ тюковъ. Его голосъ и манера напоминали по своей торжественности типъ католическихъ монаховъ, которые, встрѣчаясь другъ съ другомъ,

всегда говорятъ: «Помни часть смертный, братъ мой», и такимъ-то тономъ онъ перечислялъ число тюковъ бумаги, неправильно вычисленные членомъ изъ Алабама.

Сходя внизъ по лѣстницѣ, Редборнъ обратилъ вниманіе Брэдлея на развѣшанныя по стѣнамъ картины, называя ихъ отвратительною маанею, самоувѣренно считая себя дѣйствительнымъ знатокомъ живописи и притомъ реалистомъ въ искусствѣ, реалистомъ, не признающимъ аллегорическихъ сюжетовъ.

Каждую свободную минуту Редборнъ посвящалъ Брэдлею, показывая ему городъ. Однако, Капитолій неотразимо привлекалъ Брэдлея и, оставаясь одинъ, онъ пробирался въ галерею для публики и со вниманіемъ слѣдилъ за неграми, которые напряженно слушали скучные и непонятные для нихъ рѣчи.

Онъ просидѣлъ тутъ нѣсколько часовъ и возвратился домой измученный и усталый. На слѣдующій день, Редборнъ познакомилъ его со многими членами, но они, повидимому, очень мало интересовались вновь избраннымъ членомъ и встрѣчали его равнодушнымъ пожатіемъ и съ холоднымъ выраженіемъ глазъ. Все это дѣйствовало на Брэдлея удручающимъ образомъ. Его волновала мысль о томъ, что онъ проживаетъ много денегъ, хотя онъ самъ себя утѣшалъ, что въ качествѣ члена конгресса, онъ получаетъ 6.000 долларовъ жалованья. Онъ такъ привыкъ расчитывать, что каждый излишній расходъ ему казался громаднымъ, и даже садясь въ наемный экипажъ, онъ думалъ, что неблагоприятно тратить деньги.

Онъ продолжалъ жить въ дешевомъ отелѣ, два раза былъ въ театрѣ, въ первый разъ онъ взялъ себѣ билетъ за одинъ долларъ и цѣлый вечеръ промучился находя, что зря израсходовалъ деньги и потому во второй разъ онъ поднялся наверхъ, заплативъ за билетъ пятьдесятъ центовъ, радуясь, что сэкономилъ сорокъ центовъ. Въ этотъ вечеръ, онъ много болѣе наслаждался представленіемъ нежели въ первый разъ и утѣшалъ себя мыслью, что никто не знаетъ, что онъ членъ конгресса.

Когда онъ уѣзжалъ, Редборнъ пришелъ провожать его на станцію, и Брэдлей сказалъ ему, что остался чрезвычайно доволенъ своимъ пребываніемъ въ Вашингтонѣ.

Сѣвъ въ поѣздъ, онъ не переставалъ смотрѣть на куполь Капитолія, не переставая восторгаться этимъ чуднымъ зданіемъ. Ему достаточно было закрыть глаза для того, чтобы ему ясно представилась эта величественная масса, съ громадной ротондой, безконечными корридорами и шумной залю засѣданія. Вотъ здѣсь стоитъ пожить. Брэдлей началъ высчитывать, скоро ли ему придется сюда пріѣхать. Казалось, что ждать еще долго.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

И ты, дорогая, севозь грустных слезы
Съ испугомъ на мрачныя тучи глядишь...
О, пусть надвигаются бурныя грозы, —
Такъ долго давила насъ мертвая тишь!

Мы жизни не знали, отдавшись думамъ —
Печальнымъ, какъ сумракъ осенняго дня...
И не было проблеска въ небѣ угрюмомъ,
И не было въ сердцѣ усталомъ огня.

Смотри — какъ вздымается пыль по дорогѣ,
Какъ листья кружатся, сорвавшись съ вѣтвей,
И лѣсъ неподвижный трепещетъ въ тревогѣ...
О, дождь благодатный, — о, буря, скорѣй!

Еще не заглохли въ насъ силы живыя,
Предъ грозною бурей онѣ устоять,
А послѣ заблещутъ лучи золотые —
И все на землѣ озарять!

А. Лукьяновъ.

ДАРВИНИЗМЪ И ГЕРВЕЛИЗМЪ.

(ПО ПОВОДУ ОДНОЙ НОВОЙ КНИГИ).

(«Die Descendenztheorie. Gemeinverständliche Vorlesungen über den Auf- und Niedergang einer naturwissenschaftlichen Hypothese, gehalten vor Studierenden aller Fakultäten von D-r Albert Fleischmann, Professor der Zoologie und vergleichenden Anatomie in Erlangen». Leipzig. Arthur Georgi. 1901).

Всякому сбрзованному челоѣку извѣстно, хотя бы въ общихъ чертахъ, содержаніе того ученія, которое справедливо приурочивается къ имени Дарвина, одного изъ величайшихъ естествоиспытателей XIX-го столѣтія. Извѣстно также, что ни одна естественно-научная теорія не возбудила такого всеобщаго интереса, не всколыхнула такъ глубоко духовнаго міра цѣлаго ряда поколѣній, не встрѣтила столь энергичнаго отпора въ однихъ элементахъ общества и столь горячихъ, самоотверженныхъ защитниковъ въ другихъ, какъ именно теорія Дарвина. Это настолько общепризнанный фактъ, что нѣкоторые обозрѣватели только-что отошедшаго вѣка не находятъ для него болѣе характернаго названія, какъ «Вѣкъ Дарвина».

Основная сущность ученія Дарвина распадается на двѣ части. Одна, болѣе общая часть — это теорія измѣняемости органическихъ формъ, теорія трансформизма, или дарвинизмъ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова; другая, логически подчиненная первой, — ученіе о естественномъ отборѣ, селекціонизмъ или дарвинизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, пытающійся дать освѣщеніе и объясненіе процесса возникновенія новыхъ органическихъ видовъ. Эта послѣдняя часть теоріи уже съ самаго начала пользовалась далеко не такимъ всеобщимъ признаніемъ, какъ трансформизмъ вообще, а за послѣдніе годы въ научной литературѣ Западной Европы и Америки раздаются все чаще и чаще голоса, утверждающіе, что исходныя точки теоріи отбора нуждаются въ провѣркѣ, а область приложенія этого принципа должна быть значительно сужена. Это антиселекціонистское теченіе является очень характерной чертой въ развитіи біологическихъ наукъ мѣнца вѣка и въ немъ намѣтилось уже нѣсколько различныхъ направленій. Однако, всѣ антиселекціонисты согласны между собой въ одномъ:

въ признаніи эволюціи органическихъ формъ, въ признаніи трансформизма. Они оспариваютъ лишь утвержденіе, что измѣненіе видовъ произошло путемъ естественнаго отбора, но что оно вообще имѣло мѣсто—этого они не подвергаютъ никакому сомнѣнію.

Тѣмъ болѣе неожиданной и заслуживающей нашего вниманія является названная книга профессора Флейшманна, утверждающаго, что и самый-то трансформизмъ отжилъ и долженъ быть оставленъ, какъ печальный предрассудокъ, не выдерживающій даже самой снисходительной научной критики.

Постараемся взглянуть безпристрастно на доводы автора и выяснитъ себѣ, точно ли его положенія достаточно обоснованы. Но для этого намъ нужно познакомиться прежде всего съ содержаніемъ самой книги, являющейся воспроизведеніемъ ряда лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ зимній семестръ 1899—1900 года передъ студентами всѣхъ факультетовъ эрлангенскаго университета.

Прежде всего авторъ даетъ обзоръ главныхъ типовъ животнаго царства. Что не всѣ животныя формы построены по одному плану—это извѣстно всякому читателю популярныхъ книгъ; но популяризаторы недостаточно подчеркиваютъ эти различія въ строеніи большихъ группъ, недостаточно останавливаются на томъ фактѣ, что намъ совершенно неизвѣстны переходы между различными группами, на примѣръ, между типами иглокожихъ, членистоногихъ, позвоночныхъ и т. д. Смотря по тому, сколько такихъ основныхъ типовъ признаетъ тотъ или иной ученый, филогенетическая *) проблема распадается для него на большее или меньшее число такихъ проблемъ. Такъ, Гертвигъ признаетъ семь такихъ основныхъ типовъ, Боасъ — 9, Кеннель — 17 и Флейшманнъ — 16. Говоря о единой «филогенетической проблемѣ», популяризаторъ уже вводитъ читателя въ заблужденіе относительно дѣйствительныхъ затрудненій, съ которыми приходится бороться филогенетической наукѣ.

Но и въ предѣлахъ одного и того-же типа, даже такого цѣльнаго, какъ типъ позвоночныхъ, встрѣчаются коренныя различія въ планѣ строенія какой-нибудь системы органовъ, не связанные переходами и не поддающіяся сведенію въ одну общую схему. Въ четвертой главѣ авторъ показываетъ, какая пропасть раздѣляетъ плавники рыбъ отъ пятипалыхъ конечностей всѣхъ остальныхъ позвоночныхъ. Большая часть компетентныхъ изслѣдователей, цитируемыхъ Флейшманномъ, приходятъ къ выводу, что вопросъ о переходѣ отъ рыбъ къ земноводнымъ долженъ считаться еще совершенно нерѣшеннымъ.

Такъ же мало положительныхъ данныхъ и для иллюстраціи перехода отъ двоякодышащихъ рыбъ къ земноводнымъ. Новѣйшіе авторы далеко не раздѣляютъ мнѣнія Геккеля, по которому двоякодышащія рыбы

*) *Филогенезисъ*—собственно исторія развитія племени: въ данномъ случаѣ исторія развитія того или иного типа животнаго царства. *Примѣч. ред.*

представляютъ искомую промежуточную стадію между рыбами и земноводными. Здѣсь еще меньше, чѣмъ въ вопросѣ о конечностяхъ, можно ожидать рѣшенія отъ ископаемыхъ остатковъ, такъ какъ рѣчь идетъ о внутреннемъ органѣ.

Если сознание невозможности найти переходъ отъ рыбъ къ земноводнымъ, есть результатъ болѣе детальнаго изслѣдованія живыхъ организмовъ, то, съ другой стороны, изученіе нѣкоторыхъ ископаемыхъ остатковъ послужило причиной разочарованія въ другой области филогенезиса позвоночныхъ: знаменитый *Archaeopteryx* или первичный грифъ, найденный въ юрскихъ известнякахъ и такъ долго провозглашавшійся связующимъ звеномъ между пресмыкающимися и птицами, оказался по тщательномъ изученіи несомнѣнной птицей, боковой вѣтвью родословнаго дерева, которая никоимъ образомъ не могла служить исходнымъ пунктомъ для развитія нынѣшнихъ птицъ. Въ то же время вопросъ о томъ, отъ какого именно отряда пресмыкающихся могли произойти птицы, до того осложняется при болѣе всестороннемъ изученіи ископаемыхъ динозавровъ и птерозавровъ, что многіе компетентные изслѣдователи не видятъ возможности произвеста птицъ отъ какого-нибудь опредѣленнаго отряда пресмыкающихся. Такимъ образомъ и вопросъ о происхожденіи птицъ долженъ быть отнесенъ къ области проблемъ пока еще недоступныхъ.

Не меньшее разочарованіе пришлось испытать тѣмъ увлекающимся послѣдователямъ филогенетической школы, которые послѣдно провозгласили однопородныхъ за промежуточные формы, якобы связывающія пресмыкающихся съ высшими млекопитающими. Чѣмъ больше выясняется организація однопородныхъ, тѣмъ больше спеціалисты склонны видѣть въ нихъ очень односторонне развитую, изолированную боковую вѣтвь того родословнаго дерева, одной изъ верхушечныхъ вѣтвей котораго явились высшія млекопитающія. Даже болѣе: за послѣднее время все чаще и чаще высказывается мнѣніе о полифилетическомъ, смѣшанномъ происхожденіи млекопитающихъ. Такимъ же побочнымъ родичемъ оказался многообѣщавшій *Reptatus* по отношенію къ членистоногимъ. Въ качествѣ вѣроятныхъ прямыхъ предковъ насѣкомыхъ и ракообразныхъ у Геккеля фигурируютъ снабженные длинными латинскими именами гипотетическіе отряды «первичныхъ раковъ» и «первичныхъ трахеодышащихъ»—все безъ исключенія безплотныя созданія творческой фантазіи Геккеля, зачатые и рожденные въ кабинетѣ знаменитаго ученаго.

Въ предѣлахъ типа мягкотѣлыхъ наблюдается то же полное отсутствіе переходныхъ формъ между отдѣльными классами: головоногими, брюхоногими, пластинчатожаберными. Филогенезисъ мягкотѣлыхъ даже по признанію самого Геккеля еще полнѣйшая *terra incognita*.

Но зачѣмъ намъ всѣ эти связующія формы? спроситъ читатель, знакомый съ вопросами филогенезиса по популярнымъ сочиненіямъ.

Развѣ эмбриологія не даетъ намъ точныхъ указаній на всѣ этапы филогенетическаго развитія, развѣ послѣдовательныя стадіи индивидуальнаго развитія не являются какъ бы портретной галлереей, открывающей нашему взору всѣхъ предковъ наблюдаемой нами формы? Цѣлыхъ три лекціи посвящаютъ Флейшманнъ этому «основному биогенетическому закону» Геккеля, пытаясь доказать, отчасти даже цитатами изъ такихъ глубоко убѣжденныхъ эволюціонистовъ, какъ Гертвигъ и Регенбауръ, что биогенетическій законъ никоимъ образомъ не можетъ имѣть такого всеобъемлющаго значенія, какое приписываетъ ему Геккель, и что паралелизмъ между индивидуальнымъ и родовымъ развитіемъ не можетъ быть использованъ для дедуктивнаго опредѣленія филогенезиса.

Но пусть онтогенезисъ *) не даетъ достаточно твердой почвы для выводовъ, развѣ нѣтъ уже въ настоящее время такихъ родовыхъ группъ, генеалогія которыхъ вплоть до раннихъ третичныхъ предковъ установлена почти безъ пробѣловъ—спросить читатель, вспомнивъ радословное дерево лошади. Нашъ авторъ посвящаетъ цѣлую длинную главу этому роковому «почти». По его мнѣнію здѣсь еще столько нерѣшенныхъ вопросовъ, самыя рѣшающія «связующія формы», отъ которыхъ найдены только зубы (какъ напр. *Megachirpus*), даютъ такъ мало права считать пробѣлы заполненными, что нужно только удивляться популярнымъ писателямъ съ Геккелемъ во главѣ, вызывающимъ на этомъ «парадномъ конѣ теоріи происхожденія» (выраженіе Геккеля «*Das Paradeferd der Descendenztheorie*»).

Мы закончили бѣглый обзоръ содержанія этой въ высшей степени интересной книги, кромѣ послѣдней главы, которую приходится разсматривать отдѣльно. Отъ внимательнаго читателя не ускользнуло, что приводимые Флейшманномъ доводы противъ господствующихъ трансформистскихъ представленій далеко не одинакового калибра, что отрицательное рѣшеніе имъ того или иного изъ затронутыхъ вопросовъ далеко не въ одинаковой мѣрѣ губельны для теоріи трансформизма. Судите сами: тамъ, гдѣ авторъ критикуетъ генеалогію лошади или генеалогію нѣкоторыхъ рѣсноводныхъ улитокъ, онъ разсматриваетъ частные вопросы филогенетической зоологіи и, во имя болѣе критическаго отношенія къ данному матеріалу, выступаетъ противъ общераспространеннаго, можетъ быть и нѣсколько поверхностнаго, взгляда. Но вѣдь это очень обыкновенная исторія: всякій разъ, когда какая-нибудь общая идея должна быть приложена къ частному ряду фактовъ, одни изслѣдователи болѣе склонны къ схематизаціи, другіе же больше помнятъ требованія строгой научной критики. Такіе вопросы рѣшаются не «студентами всѣхъ факультетовъ», къ которымъ обращается авторъ въ своихъ лекціяхъ, а специалистами, имѣющими возможность непосредственно ознакомиться съ

*) *Онтогенезисомъ* или *онтогенетическимъ развитіемъ* называется исторія развитія животнаго изъ яйца до вврослага состоянія. *Примѣч. ред.*

матеріаломъ и взвѣсить всѣ про и contra. Уже теперь однимъ изъ результатовъ болѣе основательнаго изученія ископаемыхъ предковъ лошади явилось раздѣленіе ихъ на три семейства: *Huacotheriinae*, *Palaeotheriinae* и собственно лошадей—*Equinae*. Пробѣлъ между послѣдними двумя группами по мнѣнію однихъ заполняется *Meruchippus*'омъ, что, судя по строенію его зубовъ, довольно вѣроятно. Но если бы даже оказалось, что это заключеніе было слишкомъ послѣдно, значить ли это что трансформизмъ потеряетъ право на существованіе? Будетъ ли этимъ доказано, что органическіе виды неизмѣнны, что они не способны реагировать на воздѣйствія виѣшняго міра и приспособляться въ своемъ строеніи и отправленіяхъ, давая этимъ самымъ начало новымъ формамъ? Авторъ нашъ самъ прекрасно понимаетъ, что однихъ только этихъ доводовъ мало, чтобы поколебать наши трансформистскія представленія.

Но не болѣе сокрушительными являются и тѣ доводы, которые основываются на отсутствіи связующихъ звеньевъ между классами, и между типами животнаго царства. Большинство изслѣдователей согласятся съ Флейшманомъ въ томъ, что эти вопросы о генетической связи между классами, а еще болѣе между типами, лежатъ за предѣлами точнаго изслѣдованія уже по той простой причинѣ, что въ отложеніяхъ древнѣйшихъ геологическихъ эпохъ мы находимъ всѣ нынѣ существующіе типы и даже почти всѣ классы уже раздѣльными. Если когда либо и существовали переходныя формы, и если ихъ брѣвныя останки вообще даже были способны къ окамененію, то и тогда эти остатки никогда не сдѣлаются намъ извѣстными, такъ какъ отложенія тѣхъ отдаленныхъ докембрійскихъ временъ подверглись кореннымъ измѣненіямъ подѣ влияніемъ горообразующихъ процессовъ и превратились въ кристаллическіе сланцы, не содержащіе и слѣда организмовъ. А между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что чѣмъ основательнѣе изучаются отдѣльныя группы, тѣмъ все дальше и дальше въ глубь временъ отодвигаются гипотетическія исходныя и переходныя формы; тѣмъ слабѣе и слабѣе становится возможность вывести одинъ классъ изъ другихъ извѣстныхъ намъ классовъ живыхъ или вымершихъ существъ; тѣмъ больше интереса возбуждаетъ явленіе «схожденія» признаковъ, которое на ряду съ «расхожденіемъ признаковъ» имѣло мѣсто въ исторіи органическаго развитія и которое заставляетъ насъ быть очень осторожными при утвержденіи общности происхожденія большихъ группъ. Но значить ли это, что трансформизмъ въ основѣ своей не вѣренъ? Утверждать это — все равно, что сказать: мы не въ состояніи вывести законмѣрности распредѣленія безчисленныхъ небесныхъ тѣлъ, образующихъ млечный путь, изъ закона тяготѣнія,—ergo: законъ тяготѣнія не вѣренъ. Флейшманъ, имѣющій претензіи на философскій образъ мыслей, понимаетъ нелогичность такого вывода и выработалъ себѣ поэтому болѣе общій доводъ,

закрывающійся въ томъ, что размышленія о родствѣ органическихъ формъ вообще, выходятъ изъ предѣловъ эмпирическаго изслѣдованія и должны быть оставлены, какъ ненаучный приемъ. Эта мысль обосновывается авторомъ въ послѣдней главѣ, называющейся «идея развитія и логическіе законы». Здѣсь оказывается, что авторъ «только изъ вѣжливости» занимался въ своей книгѣ разсмотрѣніемъ столькихъ частныхъ вопросовъ филогенезиса, дѣлая видъ, что объ этихъ вещахъ вообще можно серьезно говорить. Но въ заключительной 16-й главѣ авторъ не хочетъ больше считаться съ этимъ требованіемъ вѣжливости. Эта глава является сплошнымъ обвинительнымъ актомъ противъ всѣхъ приверженцевъ трансформистскихъ идей, будто бы попирающихъ ногами не только правила точнаго наблюденія природы, но и основные логическіе законы мышленія.

Познакомимся же вкратцѣ съ аргументаціей автора.

Прежде всего коренная ошибка заключается уже въ самомъ фактѣ перенесенія понятія о развитіи изъ области формально-логическихъ построеній идеалистическо-философской школы въ область реальныхъ явленій природы. Путемъ сопоставленія ряда цитатъ изъ Шеллинга и Гегеля авторъ выясняетъ, что и понятіе о развитіи носило въ системахъ этихъ мыслителей чисто идеалистическій характеръ. По Гегелю «Метаморфоза свойственна только понятіямъ, какъ таковымъ и лишь измѣненіе ихъ есть развитіе». Но естествоиспытатели, рѣдко обладающіе достаточнымъ философскимъ образованіемъ, придали этому понятію чисто реальное значеніе. Объясняется эта ошибка еще и тѣмъ, что естествоиспытатели имѣли предъ собой реальный процессъ послѣдовательныхъ измѣненій въ индивидуальной жизни, — процессъ, который они, за неимѣніемъ другого слова, также окрестили «развитіемъ». Тутъ то они и попались, какъ воробы на мякинь! Вѣдь, что общаго было между гегелевской метаморфозой понятій и «развитіемъ» цыпленка. Но разъ сдѣлавъ ошибку, естествоиспытатели очутились какъ бы на наклонной плоскости: дальнѣйшимъ «логическимъ» шагомъ на этой наклонной плоскости было перенесеніе понятія о развитіи изъ области явленій органическаго микрокосмоса на органической мірокосмосъ. Но были ли и здѣсь на лицо какія-нибудь реальныя данныя, которыя въ первомъ случаѣ могутъ служить хотя бы нѣкоторымъ оправданіемъ? Разумѣется нѣтъ! Вѣдь никто не былъ свидѣтелемъ филетическаго развитія. И вотъ, чтобы оправдать этотъ ложный шагъ, естествоиспытатели впали въ раціонализмъ: развитіе органическаго міра *мыслимо*, говорятъ они, слѣдовательно оно въ дѣйствительности имѣло мѣсто. Стать на такую точку зрѣнія значитъ измѣнить самымъ основнымъ требованіямъ эмпирическаго изслѣдованія природы, продать свою душу дьяволу раціонализма, безраздѣльно владѣвшему умами ученыхъ въ XVIII столѣтіи. Раціонализмъ—это антиподъ эмпиризма, это способъ мышленія, опирающійся на вѣру въ предустановленную гармонию между

человѣческимъ разумомъ и виѣшнимъ міромъ явленій; для него возможнымъ является не то, что въ дѣйствительности наблюдается, а то, что мыслимо для нашего ума. «Но какъ же я могу мыслить превращеніе плавника въ пятипалую конечность?» спрашиваетъ Флейшманнъ. Все, что мы можемъ «мыслить», это переходъ родового понятія «рыба» въ родовое понятіе «земноводное», родового понятія «обезьяна» въ родовое понятіе, «человѣкъ». Эта мыслимость перехода относится только къ родовымъ понятіямъ, а не къ самимъ предметамъ, изъ которыхъ эти понятія выведены. Родовыя понятія, получающіяся всегда путемъ болѣе или менѣе односторонняго подчеркиванія однихъ признаковъ и пренебреженія другими, всегда абстрактны и тѣмъ бѣднѣе содержаніемъ, чѣмъ обширнѣе ихъ объемъ. При условности и шаткости родовыхъ понятій нѣтъ ничего удивительнаго, что путемъ нѣкоторыхъ логическихъ операций, измѣняющихъ ихъ содержаніе, можно превращать одно родовое понятіе въ другое. Вотъ примѣръ такой логической операціи. Представьте себѣ обезьяну, у которой хвостъ сократился до невидимыхъ размѣровъ, которая не сгибаетъ своего тѣла, а держится прямо, гортань которой способна производить членораздѣльные звуки и мозгъ которой одаренъ высшими умственными способностями — и родовое понятіе «обезьяна» превратилось въ понятіе «человѣкъ». Какъ далеко однако отъ такой логической операціи до реального филогенетическаго процесса!

Но развѣ намъ неизвѣстны цѣлые ряды формъ, связанные столь постепенными переходами, что въ ихъ кровномъ родствѣ невозможно сомнѣваться? Но что такое кровное родство? спрашиваетъ Флейшманнъ. Не есть ли и это фантомъ, плодъ недоразумѣнія? Понятіе о систематическомъ родствѣ органическихъ формъ имѣло первоначально чисто формально-логическое значеніе. О систематическомъ родствѣ извѣстныхъ животныхъ формъ, относящихся къ одной группѣ, можно говорить въ такомъ же смыслѣ, какъ о родствѣ формъ одной и той же системы кристалловъ. Бѣдность и недостаточная гибкость языка заставила систематиковъ употребить слово «родство» тамъ, гдѣ имѣлось въ виду сходство; этимъ словомъ обозначался лишь тотъ фактъ, что въ содержаніе понятій двухъ формъ входятъ нѣкоторые общіе элементы. Но Ламаркъ и Дарвинъ и тутъ попались въ просакъ: придавъ понятію родства слишкомъ реальный смыслъ, они стали говорить о «кровномъ родствѣ» организмовъ. Какъ въ первомъ случаѣ эмбриологія, такъ на этотъ разъ анатомія оказала большое содѣйствіе этой логической ошибкѣ. Исслѣдуя котятъ шести послѣдовательныхъ пометовъ одной матери и констатируя сходство въ ихъ анатомическомъ строеніи, мы говоримъ: всѣ кошки, состоящія въ кровномъ родствѣ, имѣютъ сходное анатомическое строеніе; онѣ обладаютъ такими-то и такими-то общими признаками. Дѣлая то же наблюденіе у множества другихъ формъ мы обобщаемъ его, говоря: всѣ животныя, состоящія въ кровномъ родствѣ,

обладаютъ общими анатомическими признаками. Путемъ небольшихъ стилистическихъ измѣненій мы незамѣтно приходимъ къ утверженію: въ кровномъ родствѣ состоятъ такія животныя, которыя обладаютъ общими анатомическими признаками, или, наоборотъ, когда нѣсколько животныхъ формъ обладаютъ общими анатомическими признаками, то онѣ состоятъ въ кровномъ родствѣ между собой. Но при такой постановкѣ мы дѣлаемъ утверженіе, котораго не можемъ доказать: вѣдь должны же мы сознаться, что мы никогда не будемъ въ состояніи рѣшить даже такую задачу, какъ, на примѣръ, [констатированіе факта кровнаго родства между двадцатью тиграми, пойманными на волѣ! Если даже такая проблема лежитъ за предѣлами эмпирическаго изслѣдованія, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ признать по отношенію къ кровному родству между органическими видами.

Дальше мы не послѣдуемъ за нашимъ авторомъ, читателю выяснилась его точка зрѣнія: полное отрицаніе приложимости дедуктивнаго метода къ естествознанію. Даже такого обобщенія, которое, какъ на примѣръ, идея параллелизма между анатомическимъ сходствомъ съ одной стороны и кровнымъ родствомъ съ другой, основывается на такихъ многочисленныхъ наблюденіяхъ, мы не можемъ примѣнять къ новому случаю безъ предварительнаго наблюденія. Ближайшимъ логическимъ выводомъ было бы разумѣется отрицаніе кровнаго родства особой одного и того же вида, но тутъ нашъ авторъ измѣняетъ своей ультра-эмпирической точкѣ зрѣнія и на стр. 269 рѣшительно заявляетъ, что такъ далеко онъ и самъ не идетъ. Примѣръ съ тиграми былъ цитированъ только для назидательности. Итакъ «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья» перевалилъ за кульминаціонный пунктъ; дальше уже идетъ область оговорокъ, ограниченій, уступокъ, признаній. Авторъ признается, что онъ не противникъ гипотезъ вообще, но что онъ считаетъ ихъ большимъ, хотя и неизбѣжнымъ зломъ, которое приходится терпѣть, чтобы запастись новыми идеями, но что значеніе ихъ для науки совершенно ничтожно и т. д. Мы не станемъ здѣсь подробно разсматривать этого стараго спора о фактахъ и теоріяхъ, о томъ, что изъ двухъ важнѣе. Все, что можно сказать объ этомъ уже сказано и пересказано. Гораздо интереснѣе для насъ отмѣтить вообще самый фактъ появленія такого теченія, такой ультра-эмпирической реакціи, и попытаться отвѣтить на невольныя поднимающіеся вопросы: чѣмъ объясняется такой фактъ и не представляетъ ли онъ хотя и слишкомъ односторонней, но въ основѣ своей правильной попытки дать отпоръ слишкомъ ужъ шаблонному примѣненію трансформистскихъ идей, подчасъ покупающему широту научно-философской конструкціи цѣною пренебреженія требованіями научной критики. Это тѣмъ болѣе необходимо въ виду того, что на этотъ разъ попытка исходить не изъ лагеря закоренѣлыхъ противниковъ дарвинизма, а отъ человѣка, который самъ принадлежалъ нѣкогда къ «восторженнымъ послѣдователямъ» эволюціоннаго ученія и опубликовалъ рядъ работъ

по исторіи развитія, стоящихъ вопліѣ на почвѣ трансформизма. Лишь зимой 1891 — 1892 года Флейшманъ впервые заявилъ въ публичной лекціи о своемъ «отпаденіи». Къ сожалѣнію мы не можемъ удовлетвориться тѣмъ простымъ объясненіемъ, которое даетъ этому факту Геккель, находящій причинную связь между этимъ «обращеніемъ» Флейшмана и приглашеніемъ его на кафедру зоологіи въ «благочестивый» Эрлангенскій университетъ. Мы можемъ только сожалѣть о проявленіи такихъ пріемовъ критики въ научной сферѣ. Удовлетвориться такимъ «объясненіемъ», значитъ—отказаться отъ анализа фактическихъ доводовъ pro и contra, отъ критическаго сопоставленія двухъ столь диаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія; а между тѣмъ такое сопоставленіе бросаетъ свѣтъ на цѣлую эпоху въ исторіи нашей біологической науки, какъ я и попытаюсь показать въ послѣдующемъ.

Гдѣ же въ данномъ случаѣ та altera pars, на фонѣ которой только и становятся понятными разсужденія отщепенца Флейшманна? Читатель, нѣсколько знакомый съ біологической литературой уже догадался, кто такой эта altera pars; это—*Эрнстъ Геккель и его школа*.

Разиѣры настоящей статьи не допускаютъ подробнаго разсмотрѣнія ученія Геккеля во всемъ его объемѣ. Да и къ тому же сочиненія Геккеля, особенно популярныя, пользуются такимъ широкимъ распространеніемъ, что излагать общія основы его ученія едва ли нужно *). Для рѣшенія поставленнаго здѣсь вопроса намъ необходимо уяснить себѣ лишь одну сторону ученія Геккеля, а именно: каково въ немъ количественное отношеніе между эмпирической и спекулятивной стороной, въ какой мѣрѣ основываются многочисленныя теории Геккеля на данныхъ непосредственнаго наблюденія. Это тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать, что въ нѣмецкомъ ученіи мѣрѣ установилось довольно странное отношеніе къ теоретическимъ частямъ Геккелевскаго ученія: въ то время, какъ одни совершенно игнорируютъ ихъ, другіе безраздѣльно и безъ критики принимаютъ ихъ за основу своего научнаго міросозерцанія. Чтобы понять эти крайности и оцѣнить ихъ происхожденіе, необходимо разсмотрѣть личность и научно-литературную дѣятельность Геккеля въ историческомъ освѣщеніи, т. е. въ связи съ тѣми научными теченіями, которыя имѣли мѣсто до него и съ тѣмъ историческимъ моментомъ, когда онъ выступилъ на свое литературное поприще.

Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей возникновенія и развитія трансформистскихъ ученій, знаетъ, что идеи о развитіи органическихъ видовъ проникли въ біологію съ двухъ совершенно различныхъ сторонъ. Въ обзорахъ до-дарвинскаго періода обыкновенно при-

*) На русскомъ языкѣ въ самое послѣднее время изданы: «Современное состояніе нашихъ знаній о филогенетическомъ развитіи человѣка». Переводъ В. Вихерскаго. Спб. 1899. «Трансформизмъ и дарвинизмъ». Популярное изложеніе общаго ученія о развитіи. «Міръ Божій» за 1900 г.

водятся Гёте, Тревиранусъ, Окенъ и Ламаркъ, какъ предшественники Дарвина. Но если вникнуть внимательнѣе въ сущность учений этихъ предшественниковъ Дарвина, то намъ выясняется, что у всѣхъ у нихъ ни исходныя точки, ни методы изслѣдованія ничего общаго не имѣютъ съ дарвиновскими. Исходной точкой ихъ трансформистскихъ представлений было исканіе цѣльной и стройной картины міра, исканіе единой неизмѣнной сущности въ калейдоскопѣ смѣняющихся формъ видимаго и мыслимаго міра. Они исходили изъ общей идеи и, въ зависимости отъ большаго или меньшаго знакомства съ частными данными различныхъ дисциплинъ, старались приложить эту общую идею къ тому или иному частному ряду фактовъ. Многіе біологи, искавшіе у Гёте корней нашихъ эволюціонистскихъ идей, единогласно приходятъ къ тому заключенію, что у Гёте идея эволюціи была не результатомъ эмпирическаго изслѣдованія, а формально-логической дедукціей, вращавшейся въ области отвѣченныхъ понятій. Правда, его «Метаморфозъ растеній» былъ попыткой перенести эту общую идею на область реальныхъ явленій; но перенесеніе это имѣло лишь то значеніе, что нѣкоторыя реальныя образования соответствовали отдѣльнымъ стадіямъ логическаго процесса развитія, которому подвергалось понятіе «листь». Какова связь между этими реальными представителями отдѣльныхъ этаповъ въ развитіи отвѣченнаго понятія,—это не подвергалось изслѣдованію *). Для Гёте было достаточно найти въ мірѣ реальныхъ явленій нѣкоторое подтвержденіе той общей идеи, которою онъ пытался охватить весь мыслимый міръ и которая была для него скорѣе удовлетвореніемъ религіозно-эстетической, чѣмъ познавательной потребности. Тотъ же характеръ носили и его занятія остеологіей, результатами которыхъ явились: открытіе промежуточной челюсти у человѣка и позвоночная теорія черепа. И здѣсь Гёте искалъ только подтвержденія своего а priori выработаннаго представленія — чисто абстрактнаго «первичнаго типа» животнаго.

Не болѣе реальный характеръ носятъ эволюціонистскія представленія Окена. Чтобы избѣгнуть неправильнаго взгляда на характеръ оkenовскаго эволюціонизма, стоитъ только вспомнить одинъ фактъ, подчеркнутый Арнольдомъ Лангомъ **) въ его статьѣ объ Окенѣ. Окенъ признавалъ безусловное постоянство, неизмѣняемость органическихъ видовъ. Но, скажутъ, вѣдь, Окенъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на біогенетическій законъ, на параллелизмъ между онтогенезисомъ и филогенезисомъ. Совершенно вѣрно. Но посмотримъ, какъ истолковалъ онъ этотъ параллелизмъ и какимъ образомъ воспользовался имъ для построенія своей «генетической» системы животнаго царства. Изъ того факта, что въ послѣдовательныхъ стадіяхъ эмбрио-

*) Ср. Haberlandt. «Über Erklärung in der Biologie». Graz. 1900.

**) Arnold Lang. «Lorenz Oken». «In der allg. deutschen Biographie».

нальнаго развитія высшихъ животныхъ повторяются состоянія организаціи, соотвѣтствующія ниже стоящимъ классамъ, онъ сдѣлалъ довольно неожиданный выводъ, что весь животный міръ представляетъ собою не что иное, какъ разобранное на части животное тѣло, органы котораго въ болѣе или менѣе совершенной комбинаціи ведутъ самостоятельную жизнь. Соотвѣтственно этому, одинъ типъ животной организаціи состоитъ изъ животныхъ, обладающихъ только желудкомъ — это полипы, у другихъ, какъ, напр., у раковинъ, къ желудку прибавляется еще печень, у улитокъ еще и слюнные железы, дагѣ членистыя ноги—у раковъ, кости—у рыбъ и т. д. На высшей ступени совершенства и сложности стоитъ человѣкъ и весь животный міръ по Окену лишь расчлененный по частямъ человѣкъ. Весь органическій міръ представляетъ собою одну лѣстницу изъ послѣдовательныхъ ступеней. Для того, чтобы образовался человѣкъ, необходимо, чтобы всѣ условія, при которыхъ вообще возникаютъ организмы, были на липо въ самомъ совершеннѣйшемъ видѣ; при отсутствіи тѣхъ или иныхъ важныхъ элементовъ, возникаетъ лишь ниже стоящее животное, или даже только растеніе. Какъ и всѣ другіе органы, такъ и органы чувствъ возникаютъ поодиночкѣ, въ все большемъ и большемъ числѣ, чѣмъ выше классъ. Вотъ почему Окенъ классифицируетъ животное царство по органамъ чувствъ на 1. Осязающихъ (простѣйшія, полипы, улитки и насѣкомыя). 2. Язычныхъ (рыбы). 3. Носовыхъ (земноводныя). 4. Ушныхъ (птицы) и 5. Глазныхъ (млекопитающія). Нѣтъ возможности останавливаться здѣсь на образцахъ океновской натурфилософіи. Для насъ важно лишь вынести убѣжденіе въ томъ, что система Окена ничего общаго не имѣетъ съ результатами эмпирическаго изслѣдованія, что характеръ мышленія и изложенія у Окена чисто догматическій, доходившій до полнаго отрицанія фактическихъ наблюденій, если только они шли въ разрѣзъ съ его философскою конструкціей *).

Кто знакомъ съ книгой Дарвина «О происхожденіи видовъ» и съ характеромъ всей научной работы его, знаетъ какая пропасть отдѣляетъ его отъ этихъ нѣмецкихъ предшественниковъ. Строго эмпирическій характеръ его изслѣдованія, осторожность въ выводахъ, доходящее почти до мелочности стремленіе доказать каждую посылку—все это такія общезвѣстныя черты, характеризующія научную работу Дарвина, что распространяться здѣсь о нихъ нѣтъ надобности. Какъ мало воспользовался Дарвинъ духовнымъ наслѣдіемъ главы французскихъ трансформистовъ, доказываетъ отзывъ Дарвина о «Зоологиче-

*) Общая оцѣнка дѣятельности Окена не входитъ въ задачу настоящей статьи, но во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что Окенъ оказалъ огромную услугу дѣлу популяризаціи естествознанія—и какъ талантливый лекторъ, къ которому въ Лейпъ и въ Дюринхъ стекалась масса слушателей, и какъ плодовитый писатель популяризаторъ, и какъ редакторъ журнала «Isis», и какъ инициаторъ съѣздовъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей.

ской философіи» Ламарка, какъ о «жалкой» книгѣ! «Жалкій»—это самое сильное слово въ лексиконѣ добряка-Дарвина.

Дарвинъ, которому были чужды споры о приоритетѣ, къ сожалѣнію, такъ часто позорившіе науку, который всѣми силами старался выдвинуть заслуги своихъ предшественниковъ и сотрудниковъ, Дарвинъ не могъ бы дать такого отзыва о книгѣ, автору которой онъ былъ бы обязанъ хотя бы одною мыслью.

Всякій кто читалъ «Зоологическую Философію» пойметъ почему эмпирикъ-Дарвинъ не могъ ничего найти въ ней. Самъ Martin, биографъ Ламарка, много содѣйствовавшій его реабилитаціи, говоритъ, что, «стараясь убѣдить не столько положительными фактами, сколько умозаключеніями, Ламаркъ шелъ по ложному пути нѣмецкихъ натур-философовъ Гете, Окена, Каруса, Стеффена».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что трансформизмъ Дарвина возникъ на совершенно иной, эмпирической почвѣ и ставилъ совсѣмъ иначе вопросъ. Въ то время, какъ у всѣхъ предшественниковъ Дарвина генетическая система животнаго міра строилась сверху внизъ, Дарвинъ приступилъ къ дѣлу съ противоположнаго конца: онъ началъ съ послѣднихъ таксономическихъ единицъ, съ органическихъ видовъ. Всѣ его предшественники исходили изъ того, что:

Alle Gestalten sind ähnlich, und keine gleicht der Andern;
Und so deutet das Chor auf ein geheimes Gesetz,
Auf ein heiliges Rätsel. O, könnt ich dir, Heblige Freundin,
Ueberliefen sogleich glücklich das lösende Wort!

И всякій по своему пытался отыскать этотъ «тайный законъ», отгадать «священную загадку», найти это волшебное слово, которое бы сразу дало отвѣтъ, приложимый *ко всему цѣлому*. Широкая постановка вопроса была обратно пропорціональна наличному запасу эмпирическихъ наблюдений. Поэтому же съ самаго начала вопросъ переносился въ область чистой спекуляціи.

Дарвинъ, непричастный къ какой бы то ни было натурфилософской школѣ, свободный отъ предвзятыхъ идей общаго характера, вѣрилъ въ независимое сотвореніе и неизмѣняемость видовъ, пока прямое наблюдене не познакомило его съ рядомъ частныхъ фактовъ, трудно согласимыхъ съ этимъ воззрѣніемъ. Онъ подвергнулъ это старое воззрѣніе основательной критикѣ, опять таки не выходящей изъ предѣловъ міра реальныхъ явленій (измѣняемость домашнихъ животныхъ), и нашелъ, что старый взглядъ недостаточно обоснованъ, чтобъ поколебать множество доводовъ, приведенныхъ въ пользу новаго. Но если съ одной стороны эмпирической методъ у Дарвина одержалъ полную побѣду надъ спекулятивнымъ, то съ другой стороны и область приложенія всей идеи была значительно сужена: пока что рѣчь шла только о низшихъ таксонологическихъ группахъ, о *происхожденіи видовъ*. Фундаментъ былъ заложенъ прочно: по хватить ли материала, чтобъ

довести знаніе до конца? Неполнота геологической лѣтописи—это такой очевидный и такой фатальный фактъ, что стоитъ только постоянно помнить о немъ, чтобы проникнуться убѣжденіемъ, что богѣ или менѣе наглядно иллюстрировать возможность переходовъ удастся только въ предѣлахъ меньшихъ группъ: видовъ, родовъ. Уже между отрядами часто трудно найти переходы, а задача сведенія всѣхъ отрядовъ класса и всѣхъ классовъ типа къ одной общей формѣ должна считаться неразрѣшимой. Но теряетъ ли отъ этого трансформистская идея свою убѣдительность? По нашему мнѣнію, нисколько. Вѣдь основная сущность идеи трансформизма, эмпирически обоснованной Дарвиномъ, заключается въ томъ, что сложная цѣпь взаимодѣйствій между организмами и жизненными условіями, суммируясь въ теченіе достаточно долгаго времени, способна произвести столь крупныя перемѣны въ строеніи и отправленіяхъ данныхъ организмовъ, что отдаленные потомки первичныхъ особей должны быть отнесены, согласно нашей классификаціи, уже къ новому виду. Новый видъ не создается внезапно, а возникаетъ постепенно изъ раньше существовавшего.

Это есть собственно актуализмъ, перенесенный въ область органическихъ формъ. Въ геологіи эта идея актуализма, положившая конецъ теоріи катастрофъ Кювье, была обоснована еще за 30 лѣтъ до появленія книги Дарвина Ляйеллемъ и Гоффомъ.

Воспитательное вліяніе актуализма лежитъ въ томъ, что цѣлая область явленій подводится подъ общій законъ причинности, освобождается отъ признанія безконтрольнаго вмѣшательства сверхъестественныхъ творческихъ силъ. Только въ этомъ смыслѣ нужно понимать Геккеля, если онъ говоритъ: «Благодаря Дарвину, мы пришли къ убѣжденію о единствѣ органической и неорганической природы». Но это воспитательное вліяніе актуализма гораздо больше зависитъ отъ очевидности его индуктивнаго обоснованія, чѣмъ отъ размѣровъ области его дедуктивной приложимости. Не имѣя логически предѣловъ приложимости, онъ практически наталкивается на таковыя въ каждой отдѣльной области явленій.

Въ послѣдней лекціи своей «Естественной исторіи творенія» (Natürliche Schöpfungsgeschichte) Геккель, говоря о генеалогіи человѣческаго рода указываетъ на методологически очень важную сторону всякихъ вопросовъ филогенезиса. Онъ говоритъ: «Здѣсь, какъ при всѣхъ изслѣдованіяхъ объ генеалогическихъ отношеніяхъ организмовъ, вы должны отличать общую теорію происхожденія (Descendenz-Theorie) отъ частной гипотезы происхожденія (Descendenz-Hypothese). Общая теорія происхожденія останется въ силѣ навсегда и во всемъ объемѣ, такъ какъ она обосновывается индуктивно всѣми выше поименованными группами біологическихъ явленій и ихъ внутренней причинной связью. Напротивъ вѣрность всякой частной гипотезы происхожденія (десценденцъ-гипотезы) зависитъ отъ состоянія біологическихъ знаній

даннаго времени и отъ объема того объективнаго эмпирическаго основанія, на которомъ мы дедуктивно строимъ эту гипотезу путемъ субъективныхъ заключеній.

Можно было бы вполне согласиться съ этимъ, если бы не нѣкоторая неясность въ опредѣленіи того, что такое Descendenz-Theorie, ученіе о происхожденіи. Такъ на стр. 7-й «Трансформизма и дарвинизма» Геккель называетъ теорію Дарвина ученіемъ объ измѣняемости видовъ, но тутъ же прибавляетъ: «Это ученіе утверждаетъ, что всѣ различные организмы происходятъ отъ одной или, по крайней мѣрѣ, отъ очень немногихъ чрезвычайно простыхъ формъ». Это не совсѣмъ вѣрно. Оставаясь на почвѣ логики, мы можемъ считать индуктивно обоснованнымъ только трансформизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. измѣняемость органическихъ формъ. Приложение же этого общаго принципа трансформизма «къ выработкѣ того, что Геккель называетъ филогеніей т. е. родословныхъ линій всѣхъ органическихъ существъ». *) мы должны разсматривать какъ дедуктивную «гипотезу происхожденія», которая въ зависимости отъ будущихъ палеонтологическихъ открытій можетъ получить то или иное толкованіе и которая *въ полномъ объемѣ* никогда не можетъ быть доказана. Въ самомъ дѣлѣ: происхожденіе человѣка отъ обезьянъ есть дедуктивное положеніе, вытекающее изъ индуктивно обоснованнаго положенія о трансформизмѣ. Вотъ почему и по мнѣнію самого Геккеля его «питекоидная теорія» пытающаяся ближе опредѣлить родословное дерево рода «Номо», есть только гипотеза, долженствующая точнѣе разъяснить это вполне допустимое дедуктивное положеніе. Въ зависимости отъ обилія палеонтологическаго матеріала эта гипотеза будетъ измѣняться въ своемъ содержаніи и приближаться къ дѣйствительности. То же самое слѣдуетъ сказать и о родословномъ деревѣ всего органическаго міра. На основаніи индуктивнаго положенія объ измѣняемости органическихъ формъ можно высказать дедуктивное предположеніе, что всѣ формы нынѣ, населяющія землю и нѣкогда населявшія ее, произошли путемъ постепенныхъ измѣненій отъ одной или нѣсколькихъ прародительскихъ формъ. Это дедуктивное положеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ данныхъ палеонтологіи, сравнительной анатоміи, эмбриологіи и въ географіи растений и животныхъ. Но всякая попытка развить дальше это дедуктивное положеніе и выяснить дѣйствительный путь, по которому шла эволюція органическаго міра, т. е. построить родословное древо его, должна считаться такою же частной десценденцъ—гипотезой, какою считаетъ Геккель филогенію человѣческаго рода. То обстоятельство, что эта гипотеза, охватываетъ цѣлый органическій міръ, не должно вводить насъ въ заблужденіе относительно того факта, что по своей логической цѣнности она все-

*) Въ кавычкахъ слова Дарвина. Ср. «Происхожденіе видовъ». Русск. изд. М. Филиппова. Стр. 481.

таки представляет только частное примѣненіе общаго принципа трансформизма.

На какомъ же пути долженъ былъ новый трансформизмъ искать себѣ подтвержденія: на пути дальнѣйшаго изслѣдованія тѣхъ эмпирическихъ данныхъ, которыя послужили для его индуктивнаго обоснованія, или на пути построенія все большаго числа дедуктивныхъ частныхъ десцендентъ-гипотезъ?

Современная общая біологія пошла по первому пути, Геккель со своей филогенетической школой—по второму. Что Геккель долженъ былъ избрать именно этотъ путь, это становится яснымъ для насъ, если мы присмотримся къ его личности, къ тому Геккелю, котораго намъ рисуетъ его талантливый біографъ Бельше. Молодой двадцатипятилѣтній Геккель, художникъ по натурѣ, воспитанный на Гете, стремившійся объять весь міръ однимъ цѣльнымъ міросозерпаніемъ, не могъ найти удовлетворенія въ «трезвомъ эмпиризмѣ», столь характерномъ для естествознанія первой половины XIX столѣтія. Но натурфилософія въ духѣ Окена и Шеллинга потерпѣла слишкомъ позорное фіаско, чтобы Геккель, выросшій въ школѣ Іоганнеса Мюллера, могъ искать удовлетворенія и въ чистой натурфилософіи. Онъ находится въ поискахъ за научнымъ идеаломъ, въ борьбѣ за научное міросозерпаніе. Нѣкоторое удовлетвореніе даетъ ему тотъ міръ волшебной красоты, изученію которой онъ посвятилъ себя съ самаго начала—пелагическая фауна моря—радіолярии, медузы, сифонофоры. Но, удовлетворяя эстетическую потребность, этотъ міръ волшебныхъ формъ съ другой стороны является источникомъ безчисленныхъ вопросовъ: почему? какъ? зачѣмъ? И вдругъ, подобно грому, раздается вѣсть о появленіи книги Дарвина «О происхожденіи видовъ».

Съ чисто пророческимъ жаромъ и самоотверженіемъ Геккель выступилъ на защиту этого новаго ученія, въ которомъ онъ нашелъ удовлетвореніе и отвѣтъ на терзавшіе его вопросы, которое открыло ему глаза на истинный смыслъ его науки. При первомъ же своемъ выступленіи на сѣздѣ естествоиспытателей Геккель рѣшительно заявляетъ: Дарвинъ—это міросозерпаніе!

Но не слишкомъ ли узки тѣ рамки, въ которыя Дарвинъ вдвинулъ свое ученіе? Не необходимо ли раздвинуть ихъ и набросать стройную картину развитія всего органическаго міра, отъ первичныхъ безъядерныхъ моверъ до вѣнца творенія—человѣка включительно? Этой задачѣ Геккель посвятилъ большую часть своихъ силъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ его спеціальныя изслѣдованія, являющіяся огромнымъ вкладомъ въ зоологическую науку, и обратимся къ тѣмъ его сочиненіямъ, которыя, расходясь въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ по всему цивилизованному міру, собственно и сдѣлали его имя такимъ популярнымъ, мы увидимъ, что они почти цѣликомъ посвящены разработкѣ формально генеалогическихъ вопросовъ, филогенетическихъ проблемъ,

обнимающихъ большіе или меньшіе группы органическаго міра. Введенный имъ въ зоологію приемъ построенія родословныхъ деревьевъ былъ очень нагляденъ, но не мало содѣйствовалъ распространенію очень поверхностнаго взгляда на столь трудныя научныя проблемы, какими являются проблемы филогенезиса. Въ самомъ дѣлѣ, всякое родословное дерево имѣло смыслъ лишь при нѣкоторой законченности. Но многія промежуточныя формы, необходимыя для заполнения пробѣловъ, были еще не найдены и вотъ творческая фантазія являлась на помощь: гипотетическія промежуточныя формы цѣлыми десятками вносились въ генеалогическія схемы и счастливо заполняли самыя роковыя пробѣлы.

Не трудно убѣдиться въ томъ, что широкое примѣненіе этого способа являлось въ сущности въ значительной степени возвратомъ къ старому спекулятивному трансформизму. Правда, Геккель исходилъ изъ данныхъ новаго, эмпирическаго трансформизма. Но поставленная цѣль была несоизмѣрима не только съ наличнымъ запасомъ знанія того времени, но и съ размѣрами достижимаго вообще, какъ мы уже видѣли выше; а это роковымъ образомъ вело къ спекулятивнымъ приемамъ. И вотъ въ результатъ получилось вполне охарактеризованное ученіе— «геккелизмъ», составляющій синтезъ стараго спекулятивнаго трансформизма съ новымъ, эмпирическимъ. Намѣтимъ кратко тѣ черты, въ которыхъ геккелизмъ сходится съ старымъ спекулятивнымъ трансформизмомъ.

Прежде всего заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что Геккель самъ призналъ свое духовное родство съ эволюционистами старой школы: онъ первый выдвинулъ Гете и Окена, какъ предшественниковъ Дарвина, придавъ ихъ натурфилософскимъ конструкціямъ слишкомъ реальное значеніе.

Вторымъ признакомъ геккелизма, приближающимъ его къ старой школѣ, является то обстоятельство, что у Геккеля трансформизмъ не есть законченное въ себѣ ученіе, касающееся нѣкоторой части природы, какъ, напримѣръ, у Дарвина, а только часть цѣлой картины міра, часть его системы монистической философіи. Уже съ самаго перваго шага ему пришлось поэтому заняться детальной разработкой такихъ вопросовъ, какихъ самъ Дарвинъ даже не коснулся и которые ничего общаго не имѣютъ съ эмпирическимъ трансформизмомъ послѣдняго: вопроса о началѣ органической жизни на землѣ, о происхожденіи психическихъ явленій и др. Являясь частью цѣлой философской системы, трансформизмъ Геккеля долженъ былъ вылиться въ форму немногихъ, точно сформулированныхъ общихъ положеній. Но по нашему мнѣнію, позволительно еще поставить предварительный вопросъ: возможно ли при настоящемъ состояніи нашихъ знаній формулировать представленія объ эволюціи органическаго міра въ немногихъ общихъ положеніяхъ, которыми бы исчерпывался вопросъ. Мы сомнѣваемся въ этомъ и думаемъ, что еще много общихъ законовъ развитія можетъ быть установлено чисто индуктивнымъ путемъ.

Но въ чрезмѣрномъ примѣненіи дедуктивнаго метода и лежитъ дальнѣйшій недостатокъ ученія Геккеля, также приближающій его къ натурфилософамъ. Вчитываясь въ теоретическія сочиненія Геккеля мы съ изумленіемъ видимъ, что все зданіе его ученія, за исключеніемъ двухъ-трехъ индуктивныхъ положеній, построено на дедукціи. Но бѣда никогда не приходитъ одна и у Геккеля дедукція имѣетъ двухъ спутниковъ—раціонализмъ и догматизмъ. Рѣзко выступая во имя знанія противъ всякой вѣры, онъ въ сущности самъ глубоко вѣрующая натура—и какъ это часто бываетъ—крайне нетерпимая въ своей вѣрѣ.

Какъ ни странно это звучитъ, но именно эти недостатки помогли Геккелю сыграть огромную и важную роль въ дѣлѣ популяризаціи идей трансформизма. Чтобы провести въ массу образованной публики, изъ которой, вѣдь, въ концѣ концовъ, рекрутируются и контингентъ научныхъ работниковъ, основныя идеи трансформизма, нужно было наряду со множествомъ выдающихся качествъ Геккеля обладать и всѣми его недостатками. Безъ этого нѣсколько вольнаго обращенія съ фактами Геккель не могъ бы развернуть передъ образованнымъ міромъ той увлекательной картины органическаго міра, которая привлекла столько умовъ къ вопросамъ эволюціи. Кто изъ начинающихъ естествоиспытателей всѣхъ странъ не испыталъ на себѣ чарующаго вліянія его «естественной исторіи творенія». Безъ этой глубокой вѣры онъ не могъ бы съ такимъ самоотверженіемъ защищать новую идею противъ старыхъ «хозяевъ исторической сцены», не охотно уступавшихъ позицію. А самоотверженіе—самый лучший проводникъ гонимыхъ идей.

Но Геккель впалъ въ поразительную односторонность. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Паульсенъ, Геккелю выпало на долю рѣдкое счастье: онъ нашелъ въ одной идеѣ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, избавленіе отъ всего «милліона терзаній». Ослѣпленный своей глубокой вѣрой, онъ не можетъ понять, какъ могутъ другіе искать еще другихъ объясненій кромѣ того, которое вполне удовлетворило его. И непоколебимый никакими доводами, онъ продолжалъ развивать свой догматическій монизмъ и свой шаблонно-филогенетическій методъ. Вся несостоятельность его философіи особенно ярко выразилась въ его послѣднемъ сочиненіи «Міровыя загадки», шаблонность же его филогенетическаго метода достигла своего максимума въ его новой трехтомной «Систематической филогеніи»—сочиненіи рассчитанномъ уже не на большую публику, а на специалистовъ-естествоиспытателей, и содержащемъ несомнѣнно множество хорошихъ мыслей. Чтобы не быть голословными мы приведемъ лишь одно мѣсто изъ третьяго тома «Систематической филогеніи» стр. 619. Здѣсь слѣдующимъ образомъ формулируются основныя положенія исторіи развитія человѣка, истинность которыхъ, по мнѣнію автора, не нуждается въ дальнѣйшемъ доказательствѣ для всякаго приверженца основнаго біогенетическаго закона.

1. «Простыя свойства яйцевой кѣтки человѣка доказываютъ протистовую природу древнѣйшихъ предковъ человѣка.

2. «Образованіе обонхъ первичныхъ зародошевыхъ листовъ доказываетъ наше происхожденіе отъ Гастроды.

3. «Стадія кружкообразнаго зачатка съ спинномозговой трубкой, желудочнымъ желобомъ, спинной струной и мезодермальными пластинками (такъ называемая стадія Хордула) доказываетъ, что предками человѣка были безпозвоночныя протисты т.-е. черви.

4. «Слѣдующая стадія, такъ называемая спондула или вертебрелла, во время которой совершается раздѣленіе мезодермы на первичныя позвонки и боковыя пластинки, доказываетъ, что человѣкъ первоначально происходитъ отъ безчерепныхъ (Ascapia).

5. «Форма зародыша человѣка послѣ 21-дневнаго развитія, имѣющая въ длину около 5 мм., особенно важна: зародышъ уже обладаетъ зачатками трехъ первичныхъ мозговыхъ пузырьковъ, трехъ высшихъ органовъ чувствъ, жаберныхъ щелей и сердца, однако нѣтъ еще и слѣда конечностей.

«Мы можемъ изъ этого заключить о соответственной формѣ предковъ изъ класса циклостомъ.

6. «На слѣдующей стадіи показываются уже пять вторичныхъ мозговыхъ пузырьковъ, а также двѣ пары плавникообразныхъ конечностей: этимъ доказывается существованіе ряда (силурійскихъ) прародительскихъ формъ изъ класса рыбъ (салахій).

7. «Такъ какъ на слѣдующей стадіи развиваются легкія, между тѣмъ какъ жабры еще продолжаютъ существовать, то мы заключаемъ о соответственной (девонской) ступени предковъ изъ класса двоякодышащихъ (т.-е. легочныхъ рыбъ).

8. «По прошествіи перваго мѣсяца у человѣческаго зародыша начинаютъ закрываться жаберныя щели и показываются зачатки пяти пальцевъ руки и ноги; зародышъ соответствуетъ на этой стадіи ряду предковъ изъ класса земноводныхъ (стегоцефала каменноугольнаго періода).

9. «Образованіе зародышевыхъ оболочекъ (амнионъ и хоріонъ), а также выростаніе аллантоиса и его дыхательныхъ кровяныхъ сосудовъ происходитъ у человѣка точно такимъ же образомъ, какъ у всѣхъ остальныхъ амниотъ; а такъ какъ мы для всей этой группы должны предположить монофилетическое происхожденіе, то изъ этого вытекаетъ существованіе (пермской) прародительской формы изъ группы Прорептилій.

10. «На слѣдующей стадіи человѣческой зародышъ приобретаетъ уже отличительныя черты класса млекопитающихъ; эта стадія повторяетъ ступень триасовыхъ однопроходныхъ предковъ.

«На слѣдующихъ стадіяхъ человѣческой зародышъ проходитъ ступени сумчатыхъ, первичныхъ плацентовыхъ полуобезьянъ, настоящихъ обезьянъ и наконецъ человѣкоподобныхъ обезьянъ!»

Мы можемъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ комментаріевъ, предоставляя читателю самому судить о смѣлости и бездоказательности утвержденій, заключающихся въ этихъ десяти догматахъ филогенетической вѣры. Что поразительнѣе всего—это тонъ, по которому непосвященный могъ бы заключить, что здѣсь сообщаются голые факты. А книга-то написана для «посвященныхъ»!

Впрочемъ, какъ мало Геккель вообще уясняетъ себѣ разницу между фактомъ, теоріей, гипотезой и т. д., доказываетъ слѣдующее мѣсто изъ одного его доклада, прочитаннаго опять-таки не передъ «образованными учеными» а передъ международнымъ конгрессомъ зоологовъ

въ Кембриджѣ: *) «Мы можемъ теперь сказать съ полнымъ правомъ: происхожденіе человѣка отъ вымершей третичной цѣпи приматовъ (цѣпи обезьянъ) уже не шаткая гипотеза, а историческій фактъ. Конечно, этого факта нельзя точно доказать» и т. д.

Нужно ли удивляться тому, что эти послѣднія его сочиненія вызвали энергическій протестъ прежде всего со стороны философовъ, какъ Паульсенъ, Ремке, Адикесъ, Генигсвальдъ **) и др., доказавшихъ въ цѣломъ рядѣ полемиическихъ статей, что «собственная» «монистическая» философія Геккеля, которую онъ навязываетъ публикѣ, какъ послѣднее слово «истинной» философіи, опирающейся на «точные данныя» науки, представляетъ собою довольно жалкую смѣсь замаскированного материализма съ ложно-понятымъ спинозизмомъ и совершенно непонятымъ кантіанствомъ.

И разсмотрѣнная нами книга проф. Флейшмана представляетъ собой также протестъ противъ шаблонно-филогенетическаго метода геккелизма. Ближайшій выводъ, вытекающій изъ приводимыхъ Флейшманомъ фактовъ—отсутствіе связующихъ звеньевъ между классами и типами животныхъ; подъ этимъ выводомъ подпишется большинство зоологовъ, стоящихъ на почвѣ эволюціонизма съ Гегенбауромъ, Гертвигомъ, Видерсгеймомъ, Лангомъ и др. во главѣ. Въ этихъ предѣлахъ протестъ направленъ, слѣдовательно, исключительно противъ ортодоксальнаго и догматическаго геккелизма. Изъ Геккеля почерпнуты длинныя цитаты, занимающія въ общей сложности около 17 страницъ; къ Геккелю относятся всѣ тѣ образцы научной полемики, которые Флейшманъ сгруппировалъ въ вступительной главѣ, чтобъ показать, что не онъ одинъ придерживается такихъ еретическихъ взглядовъ и что «мы стоимъ у поворотнаго пункта въ исторіи ученія о происхожденіи». И если бы авторъ остался въ предѣлахъ критики односторонностей геккелизма, то его разсужденія имѣли бы несомнѣнный *raison d'être*, хотя онъ и тутъ подчасъ черезъ мѣру «критикуетъ».

Но, къ сожалѣнію, Флейшманъ впалъ въ другую крайность и въ своемъ увлеченіи дошелъ до односторонности, непростительной для мыслящаго представителя точной науки. На томъ основаніи, что наглядное доказательство дедуктивнаго положенія о родословномъ единствѣ всего органическаго міра невозможно, онъ беретъ смѣлость выступать противъ индуктивно доказаннаго положенія объ измѣняемости органическихъ формъ. Но такъ какъ онъ не приводитъ ни одного факта, который доказывалъ бы неизмѣняемость видовъ, то вся его критика трансформизма сводится на почву «общихъ» соображеній.

Не трудно доказать, что и «общія» или «философскія» соображе-

*) Современное состояніе нашихъ знаній о филогенетическомъ развитіи человѣка.

**) Paulsen. «Ernst Haeckel als Philosoph». Въ сборникѣ «Philosophia militans». Adickes. «Kant contra Haeckel»

Hönigswald. «Ernst Haeckel der monistische Philosoph».

нія Флейшмана не такъ сокрушительны, какими онѣ могли бы показаться на первый взглядъ. Что понятіе развитія было перенесено въ биологию изъ философіи—это еще небольшая бѣда. Флейшману должно быть извѣстно, что многія общія понятія, выведенныя той или иной изъ частныхъ дисциплинъ на основаніи болѣе или менѣе прочныхъ эмпирическихъ данныхъ, еще гораздо раньше обсуждались, опредѣлялись и обосновывались метафизиками, исходившими изъ общихъ соображеній.

И если признавать за метафизикой право существованія, какъ самостоятельной философской дисциплины, то такое предугадываніе общихъ понятій, является даже одной изъ важныхъ задачъ ея *). И если какое-нибудь обобщеніе, возникшее въ той или иной частной наукѣ достаточно обосновано, то оно нисколько не теряетъ отъ того, что оно уже равьше было предусмотрено философами.

Упрекъ въ неправильномъ примѣненіи понятія родства падаетъ самъ собой, такъ какъ нашъ авторъ отказывается примѣнить свою точку зрѣнія при первомъ же представившемся ему случаѣ. Если онъ не отрицаетъ родства особей въ предѣлахъ вида, то онъ признаетъ его и признаетъ его только на основаніи анатомическаго сходства. Если же такое сходство служитъ достаточной гарантіей за вѣрность нашего дедуктивнаго положенія о родствѣ въ предѣлахъ вида, то нѣтъ причинъ не признавать его таковымъ за предѣлами вида, разъ только изслѣдованіе произведено достаточно всесторонне.

Что же касается обвиненія въ рационализмѣ, то оно тоже не болѣе, какъ плодъ недоразумѣнія. «Объективные факты плохо поддаются логической регистраціи,—говоритъ Флейшманъ. Наши понятія слишкомъ узки, а способы выраженія ограничены; вотъ гдѣ причины того, что понятіе вида, также какъ и другія высшія групповыя понятія зоологической системы такъ шатки. Дарвинъ же проглядѣлъ эти причины и изъ шаткости понятій «видъ» «родъ» и т. д. вывелъ заключеніе, что и сами-то виды находятся въ постоянномъ измѣненіи и что низшіе отряды животнаго царства переходили въ высшіе». Но вѣдь на самомъ дѣлѣ Дарвинъ исходилъ не изъ такого абстрактнаго разсужденія, а изъ фактовъ. О шаткости же понятія «видъ» ему пришлось столько распространяться лишь потому, что многіе придавали этому понятію слишкомъ рѣзко опредѣленное значеніе. Большинство естествоиспытателей того времени признавало возможность возникновенія разновидностей въ предѣлахъ одного вида, но не допускало мысли объ измѣненіи видовъ въ предѣлахъ рода. И вотъ Дарвину пришлось доказывать, что между логическими категоріями «видъ» и «разновидность» нѣтъ такого реальнаго различія, которое давало бы право считать неприложимымъ къ виду то, что допускалось для разновидности.

*) Ср. по этому пункту Кюльпе. «Введеніе въ философію» § 4 (7/8) и § 8 (9).

На этомъ мы можемъ закончить нашу статью, такъ какъ надѣемся, что читатель имѣетъ передъ собой достаточно данныхъ для сужденія объ этой новой—и будемъ надѣяться—не очень гибельной вылазке противъ трансформизма. Ученіе, охватывающее столь обширную область явленій и имѣющее столько послѣдователей, всегда рискуетъ уклониться въ томъ или иномъ пунктѣ отъ первоначальнаго строго-индуктивнаго пути. Нужно критическое чутье, чтобъ различать въ позднѣйшихъ наслоеніяхъ пшеницу отъ плевелъ. Но основной фундаментъ ученія Дарвина такъ прочно обоснованъ, что оно не можетъ быть подорвано нѣсколькими сомнительными философскими соображеніями зоолога, впавшаго въ ультра-эмпиризмъ и признающагося намъ въ томъ, что онъ «не только носится по океану неразрѣшенныхъ вопросовъ, но и потерялъ свѣтъ изъ глазъ». Мы можемъ только пожалѣть объ авторѣ, съ которымъ приключилось такое горе, но послѣдовать за нимъ въ этотъ хаосъ описанія «особей нынѣ живущихъ и остатковъ вымершихъ видовъ, составляющихъ единственный источникъ и объектъ научной работы» мы рѣшительно отказываемся.

С. Чулонъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

На закатѣ.

За все тебя, Господь, благодарю!
Ты, послѣ дня тревоги и печали,
Даруешь мнѣ вечернюю зарю,
Просторъ полей и кротость синей дали.

Я одинокъ и нынче, какъ всегда...
Но вотъ закатъ разлилъ свой пышный пламень
И таетъ въ немъ: вечерняя звѣзда,
Дрожа насквозь, какъ самоцвѣтный камень.

И счастливъ я печальною судьбой,
И есть отрада сладкая въ сознаньи,
Что я одинъ въ безмолвномъ созерцаньи,
Что всѣмъ я чуждъ и говорю—съ Тобой!

Въ старомъ городѣ.

Съ темной башни колоколь уныло
Возвѣщаетъ, что закатъ угасъ...
Вотъ и снова городъ ночь сокрыла
Въ мягкій сумракъ отъ усталыхъ глазъ.

И нисходитъ кроткій часъ покоя
На дѣла людскія. Въ вышинѣ
Грустно свѣтять звѣзды. Все земное
Смерть, какъ стражъ, обходитъ въ тишинѣ.

Улицей бредеть она пустынной,
Смотрить въ окна, гдѣ чернѣетъ тьма...
Всюду глухо... Съ важностью старинной
Въ переулкахъ высятся дома.

А въ садахъ платаны зацвѣтають,
Нѣжно пахнетъ раннею весной
И на окнахъ дѣвушки мечтають,
Упиваясь свѣжестью ночной.

И въ молчаньи только имъ не страшень
Близкой смерти медленный дозоръ, —
Темный городъ, думы черныхъ башенъ
И часовъ задумчивый укоръ...

Ив. Бунинъ.

ИЗЪ ГИМНАЗИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

(ОЧЕРКИ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

(Продолженіе *).

VII.

Гимназическій карцеръ совсѣмъ не походилъ на школьное училище добраго стараго времени, — нетопленное, полутемное, съ маленькимъ окошечкомъ вверху. Это была свѣтлая, въ два окна, достаточной величины, комната съ обыкновенными партами и даже со старой, расколовшейся каедрой, которая, Богъ вѣсть зачѣмъ, попала сюда и теперь сиротливо и одиноко торчала въ углу, словно недоумѣвая, для чего она здѣсь, въ этомъ училищѣ, гдѣ на нее садятся верхомъ распалившіеся узники, испещряютъ ея бока безчисленными вензелями и надписями и даже употребляютъ ее въ качествѣ эшафота, загибая на ней салазки всѣмъ, преступившимъ правила товарищества. Впрочемъ, эшафотомъ кафедръ служила только до тѣхъ поръ, пока не раскололась ея верхняя доска и не распатался до послѣдней степени ея остовъ. Затѣмъ гимназисты стали пользоваться ею только какъ мѣстомъ, гдѣ невозбранно можно было вырѣзывать ножомъ цѣлыя стихотворенія и дѣлать подчасъ весьма рискованныя надписи. Надписей было такъ много, что въ совокупности онѣ представляли собой цѣлую исторію минувшихъ гимназическихъ поволнѣній. Тутъ были и эпиграммы на учителей, и карикатуры на директора, и просто сентенціи, явившіяся плодомъ карцернаго сидѣнія, и, наконецъ, длинный рядъ эротическихъ восклицаній и замѣчаній. На самомъ видномъ мѣстѣ красовалась длинная надпись, вырѣзанная отчетливыми красивыми буквами:

„Странникъ! Возвѣсти товарищамъ, что мы всѣ сидѣли здѣсь 24 часа за то, что отказались быть предателями».

*) См. «Миръ Божій», № 6, июнь. 1901 г.

«Миръ Божій», № 7. Июль. отд. 1.

Подъ этой надписью въ греческомъ стилѣ виднѣлась другая, начертанная, очевидно, какимъ-то мечтателемъ:

«Если дѣти директора заболѣютъ дифтеритомъ, то всю гимназію распустятъ на двѣ недѣли».

Ниже, славянской вязью, было изображено:

„Кто не читалъ Добролюбова, тотъ не читалъ ничего!“

А сейчасъ же за Добролюбовымъ виднѣлось аляповатое изображение женской фигуры, и рядомъ пояснительная надпись: «Катя Козлова—адская женщина».

Надписи заканчивались довольно длиннымъ и чрезвычайно своеобразнымъ перечнемъ книгъ, недозволенныхъ къ обращенію среди гимназистовъ, съ обозначеніемъ таблицы взысканій, положенныхъ за каждую книгу въ отдѣльности. Перечень носилъ латинское названіе;

„Index librorum prohibitorum:

За Бѣлинскаго—6 часовъ карцера.

За Шелгунова—10 (и болѣе).

За Добролюбова—въ первый разъ 12 ч. и во второй—24 ч.

За Писарева—аминь!

За Чернышевскаго—аминь!

За Герцена—аминь!

За Ревана—аминь!

За Толстого (рукописи)—аминь!

Обилію надписей въ карцерѣ нельзя было удивляться, такъ какъ заточенные сюда, строго говоря, не имѣли физической возможности заняться чѣмъ-нибудь болѣе подходящимъ. По странному промаху гимназическаго начальства, карцерное сидѣніе сопровождалось безусловной праздностью: ни книгъ для чтенія, ни бумаги, а при строгомъ арестѣ даже учебниковъ въ карцеръ не дозволялось вносить, и узники, прежде чѣмъ быть ввергнутыми въ темницу, подвергались тщательному осмотру однимъ изъ надзирателей. Учинивъ осмотръ и заперевъ затѣмъ на ключъ заключенныхъ, надзиратель обыкновенно сдавалъ ключъ швейцару или дежурному сторожу, а самъ уходилъ, и узники предоставлялись самимъ себѣ. Когда ихъ было нѣсколько, а время наказанія не велико, то въ карцерѣ бывало даже весело. Но когда срокъ заключенія доходилъ до 12, до 24 и даже до 36 часовъ, то лишеніе свободы, или какъ официально выражалось гимназическое начальство, «арестъ», становился нестерпимымъ.

При Чеботаевѣ краткосрочные аресты отошли въ область преданій, его любимая цифра была 12 часовъ, причемъ наказанію этому подвергались не только отдѣльныя лица, но весьма часто и цѣлые классы, которые разбивались въ такихъ случаяхъ на группы въ 5—6 человекъ и поочередно отсиживали положенный срокъ.

Директорское возрѣніе на карцеръ, само собою разумѣется, отразилось и на учителяхъ, которые, съ Харченкой во главѣ, немедленно же повысили прежнія нормы наказаній и стали назначать часы заключенія съ такой щедростью, что гимназисты взвыли.

Всѣхъ больше и всѣхъ чаще приходилось сидѣть шестикласснику Трубчевскому, который почти регулярно проводилъ въ карцерѣ не только всѣ праздники, но зачастую и будни. Насмѣшливый, живой, какъ ртуть, невоздержанный на языкѣ, увлекающійся всѣмъ, кромѣ гимназіи, этотъ талантливый юноша до такой степени не подходилъ подъ тотъ типъ гимназиста, который стремилось сдѣлать преобладающимъ гимназическое начальство, что на него, какъ изъ рога изобилія, сыпались всевозможныя кары. Его давнымъ давно исключили бы совсѣмъ, если бы онъ не былъ счастливымъ обладателемъ восхитительнаго голоса, который составлялъ гордость и украшеніе гимназическаго хора и былъ извѣстенъ и губернатору, и архіерею и попечителю учебнаго округа, большому знатову и любителю музыки. За голосъ Трубчевскаго терпѣли, но голосъ не мѣшалъ ему дежурить въ карцерѣ безчисленное количество часовъ. Онъ и сейчасъ сидѣлъ въ этомъ узилщѣ, за то, что прибилъ къ дверямъ карцера, точно къ своей квартирѣ, визитную карточку:

Николай Ильичъ

Трубчевскій.

Видѣть можно ежедневно.

Эта выходка обошлась ему въ 12 часовъ, такъ какъ Харченко, а за нимъ и директоръ усмотрѣли въ ней ту насмѣшливость и тотъ юморъ, который они всѣми силами вытравили и выбивали изъ своихъ учениковъ, какъ деморализующее начало, какъ „сѣмена отрицанія и неуваженія въ власти“.

Но сегодня Трубчевскій, по крайней мѣрѣ, не былъ одинокъ: съ нимъ вмѣстѣ сидѣлъ Дорошенко, уличенный въ прогулкѣ по улицѣ послѣ 7-ми часовъ вечера, Савицкій, пойманный въ театрѣ безъ установленнаго разрѣшенія, которое, по правиламъ выдавалось класснымъ наставникомъ только въ праздники и только „успѣвающимъ и благонаправнымъ“, и Кривцовъ, котораго учитель словесности, случайно увидѣлъ за воротами въ обществѣ цѣлаго сонма кухонныхъ богинь. Богини щелкали подсолнухи и поѣдали мармеладъ, галантно преподнесенный предприимчивымъ „гимназистомъ-ухажеромъ“, а „ухажеръ“, въ это время смѣшил ихъ анекдотами.

Несмотря на то, что гимназисты сидѣли вчетверомъ, имъ все-таки было очень скучно. Они провели въ узилщѣ уже больше восьми часовъ и разговоры, вначалѣ оживленные и веселые,

*

уже давно изсякли сами собой: говорить больше было не о чем да и не хотѣлось—скука парализовала языкъ и сообщала всему тѣлу какую-то тяжелую сонливость. Раскисшіе, въ лѣнливыхъ позахъ, словно варенные, сидѣли гимназисты, блуждая осовѣвшими глазами по пустымъ стѣнамъ карцера и время отъ времени пекидываясь вялыми, односложными фразами, заглушаемыми протяжными сочными зѣвками.

— Н-ну, и скука же!..

— Н-да!.. Зѣвается такъ, что того и гляди ротъ пополамъ разорвешь.

— Чортъ бы побралъ всѣхъ „халдеевъ“, придумавшихъ такое подлѣйшее наказаніе!

Не испытывалъ скуки только Кривцовъ: онъ обладалъ счастливой способностью—спать когда угодно, гдѣ угодно и при какихъ угодно обстоятельствахъ. И теперь, въ то время, когда такъ томилась его товарищи, онъ, положивъ руку подъ голову и растянувшись во весь ростъ на партѣ, сладко похрапывалъ, какъ человѣкъ, не знающій за собой прегрѣшеній.

— Вотъ дрыхнетъ животное!—кивая въ сторону спящаго, позавидовалъ Савицкій.

— Чортъ проклятый!—съ озлобленіемъ процѣдилъ и Трубчевскій и, потянувшись такъ, что захрустѣли даже его пальцы, прибавилъ тономъ капризнаго, избалованнаго ребенка.

— Боже мой, господа, какая скука! Да говорите вы хоть что-нибудь, или я, право, повѣшусь съ тоски!

— Насчетъ послѣдняго могу составить компанію,—неразборчиво отъ зѣвоты протянулъ Савицкій и заразилъ зѣвкомъ Дорошенку, а потомъ и Трубчевскаго—они тоже зѣвнули протяжно, сочно, съ выступившими на глазахъ слезами, а Трубчевскій даже съ тѣмъ особеннымъ визгомъ, какой бываетъ у зѣвающей собаки.

Какъ юноша подвижной, живого, порывистаго темперамента, Трубчевскій больше всѣхъ томился отъ бездѣлья и хотя за всю свою гимназическую жизнь онъ отсидѣлъ въ карцерѣ, по его вычислениямъ, ровно сто два раза, но и за всѣмъ тѣмъ не могъ привыкнуть къ монотонному, безцѣльному убиванію времени въ карцерѣ. Онъ то вставалъ, и быстро легкой походкой мѣрилъ узилище изъ конца въ конецъ, какъ запертый въ клѣтку волченокъ, то весь отдавался набѣгавшей волнѣ апатіи и свѣсивъ голову, въ позѣ огороднаго чучела, сидѣлъ не шевелясь на скамейкѣ, то опять вскакивалъ, подбѣгалъ къ окну и глядѣлъ во дворъ, гдѣ ярко горѣло на снѣгу зимнее солнце, летали стаями голуби и ходилъ по дорожкамъ гимназическаго садика дворникъ въ старыхъ валенкахъ и черномъ тулупѣ.

— Черти! Вы не понимаете, какъ мнѣ тошно! — стоналъ Трубчевскій въ изнеможеніи. — Господи! Какое паршивое настроеніе духа!

— Экое у тебя воображеніе горячее, — съ улыбкой замѣтил Савицкій, — даже „съ шампильонами“! — Во всякомъ случаѣ, смотри, чтобъ „жаркое“ не засадило тебя въ карцеръ и завтра.

— А ничего не можетъ быть проще, — приходя въ себя со слабой улыбкой промолвилъ Трубчевскій и оживившееся было лицо его такъ же быстро потухло, а блуждающіе глаза снова лѣниво забѣгали по двору, слѣдя за бродившимъ дворникомъ.

Черезъ пять минутъ Трубчевскій томился еще больше: уткнувъ голову въ плечи, сгорбившись и засунувъ глубоко въ карманы руки онъ опять бродилъ по карцеру, не зная, куда себя дѣвать.

— А это животное все храпитъ! — раздражительно бросилъ онъ въ сторону Кривцова. — Вотъ завидный характеръ: ручку подъ головку и бай-бай!

И неожиданно подойдя къ Кривцову, Трубчевскій сильно хлопнулъ его по спинѣ.

— Вставай!

Кривцовъ заворочался и замычалъ во снѣ, а Дорошенко и Савицкій запротестовали.

— На кой чортъ ты его будишь? Оставь его въ покоѣ.

— Раздражаетъ меня этотъ храпъ — не могу, слышать!.. Вставай, животное! — снова хлопая спящаго по спинѣ, раздражительно крикнулъ Трубчевскій.

— Да не тронь ты, его, Христа ради, вотъ привязался! — Пробовалъ было удержать Трубчевскаго Дорошенко, но Кривцовъ уже поднялся и, протирая глаза кулаками, взъерошенный, злой хриплымъ голосомъ пробурчалъ:

— Кой подлець разбудилъ? Ей — Богу рыло сворочу!

Заспанное, злое лицо Кривцова было такъ комично, что Трубчевскій расхохотался, какъ ребенокъ, и, быстро подскѣвъ къ Кривцову, обнялъ его за талию.

— Это я тебя разбудилъ, душечка. Развѣй ты нашу тоску, расскажи анекдотъ, что ли, для некурящихъ...

Кривцовъ возмущился.

— Мнѣ нравится такое нахальство! Разбудить — для анекдота! Прими руку, что ты обнимаешься, какъ первый любовникъ въ опереткѣ! Прими, тебѣ говорятъ, лапу! Убирайся отъ меня къ чорту!

Трубчевскій принялъ руку, но лишь для того, чтобы этой же рукой сдѣлать смазь Кривцову. Это уже переполнило чашу и Кривцовъ кинулся въ догонку за Трубчевскимъ, но послѣдній такъ ловко лавировалъ между партами и дѣлалъ такіе высокіе

прыжки, что Кривцовъ, въ концѣ концовъ, плюнулъ и, тяжело сопя, усѣлся въ углу.

Черезъ пять минутъ онъ, впрочемъ, уже смѣнилъ гнѣвъ на милость и самъ напрашивался разсказать анекдотъ объ учителѣ словесности, который будто бы потому только и донесъ на него, что приревновалъ его къ „горняшеѣ“.

— А анекдотъ будетъ для некурящихъ?—полюбопытствовалъ Трубчевскій.

— Даже больше!

— Въ такомъ случаѣ вали! Но помни, что анекдотъ долженъ быть таковой, чтобъ стѣны покраснѣли!

— Что за идея?—вздернувъ плечами, съ презрительнымъ недоумѣніемъ подивился Дорошенко.

— Идея, братъ, самая подходящая! Для карцера—незамѣняемая вещь! Вали, кривая сорока, запузыривай!

— Не понимаю такихъ вкусовъ!

— Тѣмъ хуже для тебя. А я понимаю! Начинай, братъ!—обратился уже къ Кривцову Трубчевскій.—Начинай, не стѣсняйся: Дорошенко можетъ уйти въ дальній уголь, чтобы не запачкать свою скромность, а мы съ Савицкимъ послушаемъ. Начинай же, кривой чортъ!

Кривцовъ попробовалъ было обидѣться на этотъ эпитетъ, но это у него не вышло, такъ какъ съ нимъ обращались пренебрежительно почти всѣ товарищи, Трубчевскій же въ особенности усвоилъ себѣ манеру не стѣсняться съ нимъ, а иногда, въ минуты досады и злости, переходилъ даже всякія границы.

— Начинай же, но помни, что ты долженъ мнѣ подать, анекдотъ подъ адскимъ соусомъ, понимаешь? А если это будетъ безъ перцу и безъ соли, то я за себя не ручаюсь — могу и побить... Я въ такомъ настроеніи...

И оборвавшись на полусловѣ, Трубчевскій вдругъ запѣлъ восхитительнымъ, бархатнымъ баритономъ.

Душа моя мрачна!..
Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй,
Вотъ арфа золота-а-а!..

— Ну, живо, сію минуту иначе я или околѣю, или до полусмерти отколочу, гаденышъ!..

Это уже было слишкомъ даже для самолюбія Кривцова: онъ весь вспыхнулъ и въ глазахъ его загорѣлась такая злость, что надо было ожидать драки. Но Трубчевскій даже не замѣтилъ этой злости и, спрыгнувъ съ парты, быстро нервной походкой прошелся взадъ впередъ по карцеру, потомъ остановился посрединѣ и во всю мочь своего громаднаго, совсѣмъ опернаго голоса

запѣлъ тотъ самый романсъ Рубинштейна, который онъ уже начиналъ.

Душа моя мрачна!..
Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй,
Вотъ арфа золота-а-ая!..

Цѣлая волна тоски такъ и хлынула изъ его души, словно прорвалась какая-то громадная плотина, долго сдерживавшая напоръ наболѣвшаго чувства. Мощный, полный звукъ бархатнымъ серебромъ разлился по карцеру и, казалось, наполнилъ собой всю гимназію.

— Трубчевскій! Ты спятилъ? Директоръ услышитъ!—съ ужасомъ вскочивши съ мѣстъ, кинулись къ нему Дорошенко и Савицкій.—Ты забылъ, что за пѣніе въ карцерѣ полагается минимумъ 6 часовъ!

Но Трубчевскій даже не отвѣтилъ. Широкимъ жестомъ руки онъ отстранилъ отъ себя товарищей и съ загорѣвшимися глазами, съ румянцемъ на щекахъ, весь отдаваясь порыву, продолжалъ въ какомъ-то страстномъ увлеченіи:

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тагостны веселья звуки.
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки!..

Въ послѣднихъ нотахъ было столько силы, столько захватывающаго драматизма, слышался таковой крикъ отчаянія, что ни Дорошенко, ни Савицкій не посмѣли пошевелиться и, забывъ объ опасности, стояли молча, не дыша и чувствуя, какъ по всему тѣлу ихъ побѣжали мурашки, а сердце сдавило сладкой и вмѣстѣ невыносимой тоской.

А Трубчевскій тѣмъ временемъ продолжалъ:

Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ,—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный.

Что-то грозное, властное и могучее почудилось гимназистамъ въ этихъ низкихъ нотахъ, предъ глазами ихъ, какъ живой, вставалъ угрюмый образъ раздавленнаго тоской израильскаго царя и разворачивалась его изстрадавшаяся, больная душа, трепетавшая отъ боли.

Какъ пришитые къ мѣсту, не шевелясь, стояли поблѣднѣвшіе Дорошенко и Савицкій, и не хотѣли вѣрить, что эти звуки, облитые тоской и полные страданья, выходили изъ груди того самаго Трубчевскаго, которому они столько разъ загибали салазки. Они не узнавали его—такимъ онъ показался имъ большимъ, необыкновеннымъ и совсѣмъ незнакомымъ. Даже лицо его, казалось имъ,

было совсѣмъ другое: его точно живой росой вспрыснули, такое оно сдѣлалось свѣжее, одухотворенное, красивое и совсѣмъ, совсѣмъ другое, незнакомое...

Пораженные этой переменной, гимназисты и не замѣтили, какъ по коридору, путаясь въ длинной ливреѣ, бѣжалъ по направленію къ карцеру гимназическій швейцаръ Трифонъ. Они увидѣли его только тогда, когда щелкнулъ замокъ узилища и запыхавшійся Трифонъ вошелъ въ карцеръ.

— Ихъ превосходительство г. директоръ приказали сію минуту прекратить пѣніе...

Гимназисты встрепенулись, а Трубчевскій громко и весело расхохотался.

— И еще ихъ превосходительство изволили приказать... хи-хи... — (швейцаръ замаялся, застѣнчиво потупился и, прикрывая ладонью ротъ, прыснулъ). — Изволили приказать, чтобы „соловья“ лишніхъ шесть часовъ продержать въ клѣткѣ, хи-хи-хи...

Трубчевскій, глядя на смѣющуюся, добродушную фізіономію швейцара, тоже готовъ былъ прыснуть, но сдержался и словно подталкиваемый какимъ-то веселымъ бѣсомъ, вдругъ принялъ тонъ великосвѣтскаго фата и съ неподражаемымъ актерскимъ мастерствомъ процѣдилъ сквозъ зубы:

— Хаааа, любезный. Ступай. Кланяйся его превосходительству и скажи, что приказали благодарить...

Швейцаръ прыснулъ, схватившись за ротъ обѣими руками, но, стараясь попасть въ тонъ, низко поклонился и, еле сдерживая смѣхъ, почтительно проговорилъ:

— Честь имѣю проздравить.

— Спасибо, братецъ, — небрежно бросилъ Трубчевскій, полѣзъ въ карманъ, и вынувъ двугривенный, подаль его швейцару.

— По... покорнѣйше благодаримъ, — уже не выдерживая тона кажимъ-то нелѣпнымъ басомъ захохоталъ швейцаръ и рысью, попрежнему путаясь въ длинной ливреѣ и придерживая ее рукой, словно юбку, побѣжалъ къ своему мѣсту.

Глядя ему вслѣдъ, долго хохотали и гимназисты, и только когда швейцаръ беззвучно юркнулъ въ дверь прихожей, Кривцовъ замѣтилъ Трубчевскому:

— Что, допѣлся?

— Дуракъ! — бросилъ ему Трубчевскій. — Ты не понимаешь, что я сто шесть часовъ согласился бы просидѣть, только бы выплеснуть изъ души ту мутную, поганую гущу, которая тамъ гниетъ... Вѣдь я до того дошелъ, что готовъ былъ слушать твой анекдотъ, пойми ты это, голова съ ушами!.. А теперь я освѣжился, готовъ пѣть и плясать...

И Трубчевскій, словно подталкиваемый какой-то невидимой

рукой, вдругъ пустился вплясъ, подпѣвая самъ себѣ забористый малороссійскій куплетъ.

Ой, три діды сывесеньки
Побюбылы бабу,
А въ четвертый малесенькій
Причепывся сзадѣ!

— Трубчевскій! да уймись ты — еще шесть часовъ заработаешь! — кричали ему Дорошенко и Савицкій.

— Плевать! Въ высокой степени начихать!.. — съ какимъ-то ухарскимъ весельемъ крикнулъ Трубчевскій, не переставая носиться по карцеру и ловко выдѣлывая ногами самые замысловатые па.

Ой, три діды сывесеньки
Полюбылы бабу...

Его, наконецъ, усадили силой.

VIII.

Особенностью Трубчевскаго было то, что онъ всегда заражалъ своимъ настроеніемъ окружающихъ: если онъ былъ скучень, то скучны были и товарищи, но за то, если онъ былъ весель, то всѣ смѣялись часто до упаду, до колѣнъ въ животѣ.

Теперь послѣ пѣнія и директорскаго „подарва“, въ карцерѣ не осталось и тѣни той скуки, которая до верху наполняла его пять минутъ назадъ. Смѣхъ, дурачества, шутки не смолкали ни на минуту и прекратились только тогда, когда все тотъ же Трифонъ принесъ заключеннымъ ѣду съ директорскаго стола.

Обыкновенно карцерныхъ сидѣльцевъ не кормили вовсе и начальство даже не задавалось вопросомъ, какимъ образомъ молодые желудки могутъ оставаться безъ пищи на протяженіи 12 и болѣе часовъ. А ргіогі предполагалось, что узники или сами о себѣ позаботятся, или же понесутъ наказаніе въ полной мѣрѣ и будутъ не ѣвши вплоть до часа освобожденія. При Чеботаевѣ отъ этого правила иногда допускались отступленія и, по личному распоряженію директора, заключеннымъ приносилась иногда ѣда съ его стола. Однако, это новшество встрѣчено было гимназистами чрезвычайно враждебно. И теперь, какъ только изъ стеклянныхъ дверей карцера узники замѣтили приближающагося съ блюдомъ Трифона, среди нихъ поднялся бурный протестъ.

— Что же, господа, неужели мы будемъ ѣсть „халдейскіе объѣдки“? — закричалъ Дорошенко.

— Ни за что!..

— Къ чорту дары данайцевъ!

— Отклонить и выразить презрѣніе!—заревѣлъ своимъ богатырскимъ голосомъ Трубчевскій, схватившись за ручку двери и не впуская швейцара въ карцеръ.

— Къ чорту, борода, проваливай!

— Поворачивай оглобли, не надо!

— Уноси эти объѣдки, пока цѣль!..

— Помилуйте, господа,— смѣясь, изъ-за двери убѣждалъ швейцаръ.— Какіе же объѣдки—котлеты марешаль.

— Къ чорту марешаль!

— Неси назадъ!

— Подавись марешалемъ!

Швейцаръ пожалъ плечами.

— Такъ не прикажете?

— Не прикажемъ! Не прикажемъ!..

— Ты лучше купи намъ чего-нибудь.

— Какой-нибудь колбасы.

— И булочки!..

Швейцаръ оглядѣлся кругомъ и таинственно шепнулъ сквозь дверь.

— Не для чего-съ. Покупать безъ надобности: харчей вамъ множество прислано, только сейчасъ передать, извините, не имѣю способа, такъ какъ ихъ превосходительство еще не ушодши на прогулку—сейчасъ отъ стола изволили встать... Но черезъ 10 минутъ уйдутъ-съ и тогда все исполнимъ въ аккуратѣ-съ.

— Такъ принесешь?

— Будьте благонадежны!..

У гимназистовъ было обыкновеніе, въ силу котораго всѣ узники, ввергаемые въ карцеръ больше чѣмъ на шесть часовъ, пытались, такъ сказать, на общественный счетъ: всѣ товарищи по классу считали своимъ нравственнымъ долгомъ прислать кто что можетъ изъ съѣдобнаго и подкупить швейцара или сторожей, чтобы тѣ, подъ строжайшимъ секретомъ отъ начальства, передали все по назначенію. Этотъ обычай гимназисты поддерживали свято—считалось непростительной подлостью, почти предательствомъ оставить не ѣвши товарищей, и грѣха этого ничѣмъ нельзя было ни замолить, ни загладить. Сегодня, какъ и всегда, товарищи не забыли узниковъ, и такъ какъ въ карцерѣ сидѣли общіе любимцы, то приношеніе на этотъ разъ отличалось особенной роскошью и изобиліемъ. Когда по уходѣ директора швейцаръ внесъ въ карцеръ объемистую корзину, то въ ней оказалась цѣлая тьма всякой снѣди, которой, по замѣчанію Трубчевскаго, можно было накормить пять тысячъ человѣкъ и еще собрать двѣнадцать коробовъ остатковъ. Гимназисты, точно наперерывъ, постарались на-

полнить корзину до верху: Снигиревъ прислалъ громадный, прекрасно выпеченный пирогъ съ цыплятами и рисомъ, миллионеръ Хіонаки „препроводилъ“ жареную индѣйку, винограду, дорогихъ грушъ, коробку гаванскихъ сигаръ. Прочіе вложи въ корзину что могли: сардинокъ, шоколаду, апельсинамъ, папиромъ и пр. и пр. Забыли только положить хлѣба. Когда Дорошенко извлекъ всѣ эти деликатесы на свѣтъ Божій и разложилъ ихъ на партахъ и на подоконникѣ, то Трубчевскій пришелъ въ такой восторгъ, что обхватилъ смущеннаго швейцара за талію, и при общемъ хохотѣ, насильно протанцовалъ съ нимъ три тура вальса.

— Что, Трифонъ, какіе у насъ товарищи-то, а? — съ гордостью спрашивалъ Дорошенко.

— Живете дружно, грѣхъ связать, — перевода духъ послѣ вальса, улыбнулся швейцаръ.

— Еще бы не дружно! Мы, братъ, только тѣмъ и держимся: у насъ, какъ въ острогѣ, — артель!

— Помилуйте, — разсмѣялся швейцаръ, — зачѣмъ же острогъ-съ, чай вы благородныхъ родителей дѣти и, можно такъ выразиться, учащаяся молодежь...

— Ну, большой разницы, братъ, нѣту! — расхохотался Савицкій, ловко разрѣзывая своимъ перочиннымъ ножомъ пирогъ и неожиданно для себя и для прочихъ натываясь на конвертъ съ письмомъ, лежавшій подъ пирогомъ и весь пропитавшійся масломъ.

— Ну, какъ же не похоже на острогъ, когда вотъ и тайная записочка! — весело закричалъ онъ, показывая письмо.

— Снигиревъ не можетъ безъ таинственности!

— Хорошо еще, что не запекъ письма въ пирогѣ!

— Этакой шутъ гороховый!..

— Но сначала, господа, ѣсть! Будемъ ѣсть! Письмо потомъ!

Съ жадностью набросилась наголодавшаяся молодежь на ѣду, а швейцаръ, стоя у двери, ласково посматривалъ на ея волчій аппетитъ, и въ особенности на своего любимца Трубчевскаго. Онъ каждый праздникъ слушалъ его въ церкви и восхищался его богатымъ, блестящимъ голосомъ. Трифонъ вообще былъ большой пріятель гимназистовъ; гдѣ могъ выручалъ ихъ изъ бѣды, предупреждалъ объ опасности, и если находилъ нужнымъ и полезнымъ, то передавалъ содержаніе разговоровъ, подслушанныхъ въ кабинетѣ директора или въ учительской.

— Нонче, господа, насчетъ портсигаровъ опасайтесь — смотрѣть будетъ, — говаривалъ онъ курильщикамъ.

— Имѣйте въ виду, господа, насчетъ подстрочниковъ: строгій былъ разговоръ въ учительской.

Трубчевскому же Трифонъ дѣлалъ даже любящія, отеческія наставленія.

— Вы бы, господинъ Трубчевскій, хоть бы мало-мало поаккуратнѣй себя соблюдали насчетъ вашего поведенія. Ей-Богу-съ хорошо бы было.

— А что такое?

— Да опять нонче нехорошій разговоръ былъ — господинъ Харченко опять объ васъ его превосходительству докладывали. Право, вамъ бы теперь въ самый разъ хоть мало-мало попридержать свой характеръ. Чего хорошаго въ самомъ дѣлѣ—дня того нѣтъ, чтобъ вы не нарвались: то замѣчаніе вамъ, то въ журналъ васъ, то въ карцеръ. Сами извольте разсудить, хорошо ли? Ужъ потерпѣли бы до конца, а тамъ студенческой мундирчикъ надѣли — и никакихъ! Не будетъ надъ вами господъ больше!

— Да вѣдь ты же видишь, Трифонъ, что я ничего нехорошаго не дѣлаю: чортъ ихъ знаетъ, чего они отъ меня хотятъ.

— А хотятъ, чтобы вы изъ оглобелъ не выпрыгивали, а чтобы какъ и прочіе, бѣжали бы на возжахъ.

— Ну, осѣдлатъ себя я тоже не дамъ! Это, братъ, дудки!.. Не таковскій!

— Ахъ, господинъ Трубчевскій, господинъ Трубчевскій, такой вы молодой человекъ и такой отчаянной жизни: всегда у васъ щетина торчкомъ, а, между прочимъ, кто это любитъ?

За доброжелательность и ласку гимназисты очень любили своего швейцара, и можно смѣло сказать, что ни одинъ изъ педагоговъ не пользовался въ ихъ средѣ такимъ довѣріемъ и не заслужилъ такой искренней, теплой и нѣжной привязанности.

Когда узники насытились, а Трифонъ убралъ недоѣденное въ корзину, Савицкій, держа въ одной рукѣ бананъ, а въ другой насквозь просалившееся письмо Снигирева, сталъ читать это таинственное посланіе вслухъ товарищамъ. Вотъ содержаніе письма:

„Черти!

„Спѣшу передать Вамъ крупную новость. Сегодня, когда всѣ вы сидѣли въ карцерѣ, „баки“, говорили новую рѣчь, которая, какъ и всегда, начиналась очень либерально, а кончалась въ высшей степени консервативно: „Господа! Даже самымъ младшимъ изъ васъ нѣтъ надобности объяснять, какую громадную пользу приносить чтеніе книгъ“... Но (громадное „но“) чтеніе полезно только при строгой системѣ и тщательномъ выборѣ, а поелику гимназисты читаютъ по образцу гоголевскаго Петрушки, то отнынѣ они будутъ читать лишь изъ гимназической бібліотеки и лишь подъ руководствомъ своихъ классныхъ наставниковъ. Чтеніе же въ публичной бібліотекѣ и пользованіе книгами во всѣхъ частныхъ бібліотекахъ строжайше и безусловно воспрещается. Журналы и газеты—тоже!

„Баки“, закончили рѣчь такъ: „Господа! Я считаю излиш-

нимъ прибавлять, что нарушители изложенныхъ правилъ будутъ подвергнуты строгому дисциплинарному взысканію!“

„Какъ вамъ нравится эта эфіопская логика?“

„P. S. Сегодня Харченко опять водилъ къ директору Ильина насчетъ неостриженныхъ волосъ...“

Содержаніе снигиревского посланія точно шиломъ укололо гимназистовъ.

— Вотъ это такъ фунтъ: чтеніе полезно, но книги изъ библиотекъ вредны—какой, съ Божьей помощью, оборотъ!..

— Не угодно ли читать изъ гимназической библиотекы, гдѣ ничего, кромѣ Смайлса да греческихъ словарей, нѣтъ и въ поминѣ!..

— И подь руководствомъ!..

— Мнѣ нравится это руководство, чортъ возьми!

— И потомъ, почему непременно подь руководствомъ класныхъ наставниковъ? Почему родители заранѣе считаются непригодными?

— Предположимъ, что отецъ у меня Гумбольдтъ, а въ класныхъ наставникахъ сивый меринъ,—язвительно прокричалъ Трубчевскій,—спрашивается, въ какомъ смыслѣ сивому мерину надо отдавать предпочтеніе?

Не волновался одинъ только Савицкій. Онъ спокойно сосалъ свой бананъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ былъ третьимъ лицомъ въ чужомъ для него дѣлѣ. Временами онъ даже пожималъ плечами и ухмылялся, при видѣ, какъ Дорошенко „лѣзъ на стѣну“ и какъ Кривцовъ, пользуясь случаемъ, не переставая, источалъ изъ себя самую грубую брань.

— Я не понимаю, господа,—обратился Савицкій къ товарищамъ, принимаясь за новый бананъ,—какого чорта вы такъ взъерепенились? Вѣдь это все совершенные пустяки!..

— Что-о? Пустяки? По твоему это пустяки?—горячо насочилъ на Савицкаго Кривцовъ.—Это пустяки?

— Абсолютные пустяки.

Кривцовъ раскрылъ ротъ. Удивились и Дорошенко съ Трубчевскимъ.

— Да ты шутишь?

— Нисколько. Но я думаю, что запрещеніе, которое виситъ въ воздухѣ и не можетъ проникнуть въ жизнь, есть пустяки.

— Почему не можетъ проникнуть? А если начнутъ выгонять за чтеніе?

— Черти вы! Да вѣдь прежде чѣмъ выгонять, надо доказать виновность, а чтобы доказать, нужно поймать! А ну-те-ка поймите меня, докажите что я пользуюсь библиотекой!..

— Да ничего не можетъ быть проще,—тоненькой фистулой запищалъ Кривцовъ.—Ты идешь по улицѣ, подь мышкой у тебя

книга изъ бібліотеки.—Откуда у васъ эта книга?—тономъ начальника спросилъ Кривцовъ и даже руки взялъ въ бока.

— Изъ бібліотеки,—тономъ почтительнаго подчиненнаго отвѣчалъ Савицкій.

— А развѣ вы не знаете?..

— Знаю-сь, но это для мамыши: моя мамыша послала меня въ бібліотеку обмѣнить ей книгу.—Кривцовъ нѣсколько осѣбся.

— Но вѣдь онъ по абониментному билету можетъ догадаться...

— Дура ты полосатая! Да вѣдь на абониментномъ листѣ то же значится—для мамыши.

— Наконецъ, по содержанию книги можетъ сообразить...

— Кривцовъ! ты глупъ, какъ сорокъ тысячъ тетеревовъ!—раздражительно вскричалъ на этотъ разъ уже Трубчевскій, который сразу схватилъ мысль Савицкаго и сразу же съ нимъ согласился.—Пойми, что мамыши бываютъ самыя разнообразныя—вѣдь и ты родился отъ женщины,—и не можетъ же директоръ запретить мамышѣ читать что угодно, даже литературу для небурающихъ.

— Идіотъ! ты не ругайся, а пойми, — огрызнулся Кривцовъ, большой любитель поспорить.—Пошевели мозгами и вообрази себѣ такой случай: директоръ или Харченко пожелалъ съ тобой „сближаться“ — пришелъ на домъ и въ твоей комнатѣ, на твоёмъ письменномъ столѣ видитъ книгу изъ бібліотеки. Тутъ ты что запоешь?

— Слушай, Кривцовъ! Есть дураки веселые и есть дураки изнурительные. Къ моему прискорбію, ты принадлежишь ко второй категоріи. Пойми ты, что мамыша вольна входить въ комнату своего сына, и никакой чортъ не запретитъ ей читать за его столомъ, что ей заблагоразсудится.

Кривцовъ хотѣлъ было еще что то возразить, но не успѣлъ и рта раскрыть, такъ какъ Трубчевскій съ быстротой молніи ухватилъ его пальцами за лицо и съ неподражаемымъ мастерствомъ сдѣлалъ вселенскую смазь.

Кривцовъ, при всей его нравственной нечистоплотности, былъ юноша чрезвычайно брезгливый и терпѣть не могъ, если къ его лицу прикасались чужіе пальцы.

— Идіотъ! бурсакъ! скотина!—набросился онъ на Трубчевскаго и въ свою очередь, улучивъ моментъ, сдѣлалъ и ему грандіознѣйшую смазь. Завязалась свалка, которая, можетъ быть кончилась бы дракой, если бы не вступился Савицкій.

— Да будетъ вамъ въ самомъ дѣлѣ!—разнимая ихъ, крикнулъ онъ, но и самъ едва удержался отъ искушенія сдѣлать Кривцову смазь, да и то лишь потому, что Дорошенко оттащилъ его въ уголъ и началъ таинственный разговоръ.

— Послушай, Савицкій, — шопотомъ началъ Дорошенко, и его каріе глаза съ длиннѣйшими рѣсницами, за которыя товарищи прозвали его „Віемъ“, загорѣлись какимъ-то вдохновеніемъ. По-видимому, ему сію минуту пришла въ голову какая-то особенно удачная мысль. — Хотя я и согласенъ съ тобой, что практическихъ результатовъ нынѣшнее распоряженіе имѣть не будетъ, но тѣмъ не менѣе безъ протеста оставлять этого факта нельзя.

— То-есть?

— Его надо огласить, и сдѣлать это долженъ ты.

— То-есть?

— Сегодня же прямо изъ карцера ты иди къ своему Бернштейну и напиши статейку.

Савицкій покрутилъ головой.

— Цензура...

— Вздоръ!

— Статья не пройдетъ! — редакторскимъ тономъ, категорически отрѣзалъ Савицкій.

— Не пройдетъ, если будетъ по дурацки написана, а если написать съ умомъ, остороженько, вѣжливенько, такъ пройдетъ! Все можно, но только осторожно — ты самъ это говорилъ.

— Но въ томъ-то и горе мое, что я еще не насобачился: не могу писать съ подходомъ да съ оглядочкой. Я вообще, чуть заговорю о чемъ-нибудь погорячѣй — сейчасъ въ цензурщину, какъ въ лужу сяду. Такой характеръ, — съ печальной улыбкой, разводя руками, прибавилъ Савицкій.

— Ну, если ты не можешь, такъ пусть Бернштейнъ, Эпштейнъ, чортъ, дьяволъ, но непременно писать, обязательно, во что бы то ни стало писать!..

— Бернштейнъ, на мой взглядъ, можетъ! Онъ, братецъ, въ этомъ отношеніи девяносто девять собакъ съѣлъ! У него даже для такихъ случаевъ выраженіе фигуральное есть: „пройтись по канату надъ Ніагарой“.

— Ну, такъ и пусть пройдетъ!

Савицкій нѣсколько замаялся и, кусая ногти, нерѣшительно проговорилъ:

— Пройтись-то онъ можетъ, но тутъ опять заковычка есть.

— Какая же еще?

— Когда Бернштейнъ ходитъ по канату надъ „Ніагарой“, никакъ не разберешь, что онъ кричитъ: ура, или караулъ! Слышно только, что человекъ кричитъ, а въ какомъ смыслѣ — самъ чортъ не разберетъ!

— Ну, такого добра намъ не нужно, — разочарованно протянулъ Дорошенко. — Но неужели же твой Бернштейнъ такое животное, что можетъ ура закричать?

— Онъ не животное, а прекрасный человѣкъ, — серьезно, даже строго поправилъ товарища Савицкій. — Но неразборчивость у него происходитъ не отъ подлости, а отъ страха. Согласись, что выкупаться въ Ніагарѣ не такъ-то пріятно. Во всякомъ случаѣ, я у него буду и, можетъ быть, мы вмѣстѣ что-нибудь сострояемъ.

Изъ карцера узниковъ освободили въ восемь часовъ вечера, при чемъ Трубчевскому разрѣшено было его добавочные шесть часовъ отсидѣть на другой день, такъ какъ иначе его пришлось бы выпускать ночью.

Очутившись послѣ душнаго карцера (гдѣ было накурено такъ, что казалось, стоялъ туманъ) на улицѣ, вся компанія полной грудью стала глотать свѣжій морозный воздухъ и притомъ съ такою жадностью, точно это было самое рѣдкое, самое дорогое лакомство.

— Экая лунища, господа! — восторженно крикнулъ Савицкій, какъ бы приглашая товарищей полюбоваться тихой зимней ночью.

А ночь и на самомъ дѣлѣ была на удивленіе хорошая: совсѣмъ свѣтлая, тихая, съ вѣрнымъ, покалывающимъ морозцемъ, который точно вливалъ во все тѣло какую-то бодрящую свѣжесть, какую-то упругость и ловкость. Въ чуткомъ рѣдкомъ воздухѣ словно расширялись и выросли всѣ звуки городской ночи. Откуда-то издалека и какъ будто сверху неся мелодичный перезвонъ извозчичьихъ бубенцовъ, рѣзалъ воздухъ пронзительный скрипъ полозьевъ и слышался веселый, радостный, захлебывающійся лай выпущенной погулять комнатной собаки, которая словно съ ума сошла и съ восторженнымъ визгомъ носилась по снѣгу, ныряя въ сугробахъ. Гимназисты испытывали приблизительно такое же настроеніе, какъ и эта почувшавшая свободу собаченка. Имъ точно также хотѣлось и кувиркаться, и бѣгать, и прыгать въ самую середину высокихъ сугробовъ. Но близость гимназій и возможность „нарваться“ на начальство, заставляла ихъ сдерживать себя и идти чинно, какъ полагалось хорошо выдрессированнымъ воспитанникамъ гимназій.

На ближайшемъ углу компанія распрощалась: Кривцовъ свернулъ въ другую улицу, а Трубчевскій, неожиданно для всѣхъ и для себя самого, скоропостижно рѣшилъ ѣхать въ театр.

— Да ты съ ума сошелъ — прямо изъ карцера, безъ разрѣшенія и въ курткѣ, вмѣсто мундира? — пробовали удержать его товарищи.

— Плевать! Извозчикъ, подавай!

— Трубчевскій, вѣдь ты идешь навѣрняка на рогатину, тебя поймаютъ, какъ пить дадутъ.

— Чихать! Извозчикъ!

— Да перестань же ты, наконецъ, самъ себѣ капканы разставлять!.. Вспомни, на какомъ ты счету—вѣдь тебя прямо „выкинуть“ могутъ.

— Я не могу не ѣхать! Я 12 часовъ высидѣлъ въ карцерѣ и, кажется—чортъ возьми!—заслужилъ право послушать оперу!

Дорошенко и Савицкій только плечами вздернули.

— Совсѣмъ невмѣняемый!

А Грубчевскій уже сидѣлъ на извозчикѣ и, подымая воротникъ, съ веселымъ возбужденіемъ говорилъ:

— Нынче „Русланъ и Людмила“ и я, можетъ быть, попаду еще на увертюру. Охъ, и люблю же я эту увертюру! Извозчикъ! рубль на чай, если не опоздаешь!..

IX.

Леонтіи Борисовичъ Бернштейнъ представлялъ собой типъ замученнаго провинціального писателя, который вѣчно проклиналъ свое газетное ремесло и который въ то же время, какъ курильщикъ безъ табаку, дня не могъ прожить безъ этого ремесла.

Не получивъ никакого образованія, если не считать убогаго еврейскаго хедера, въ который онъ ходилъ шестилѣтнимъ ребенкомъ, Бернштейнъ только благодаря капризу судьбы, попалъ въ писатели. Пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ слонялся по одному изъ мерзвѣйшихъ южныхъ городковъ, въ качествѣ „еврейчика“, ходившаго по домамъ набивать папиросы, и случайно столкнулся съ проживавшими въ томъ городѣ административно-ссылными. Ихъ было нѣсколько человекъ и всѣхъ ихъ Бернштейнъ величалъ своими „кlientами“, такъ какъ они заказывали ему папиросы. Вначалѣ знакомство папиросами и ограничивалось, и хотя Бернштейнъ на всѣхъ перекресткахъ расточалъ комплименты и панегирики по адресу своихъ „политическихъ клиентовъ“, но происходило это только потому, что изъ всѣхъ заказчиковъ одни политическіе говорили ему „вы“, аккуратно платили деньги и не выражали никакихъ претензій по поводу его еврейскаго происхожденія.

Сравнительная короткость въ отношеніяхъ наступила совершенно случайно, съ того дня, когда Бернштейнъ пришелъ однажды въ политическимъ съ подбитымъ глазомъ и окровавленнымъ носомъ. Извинившись „за свою наружность“, еврейчикъ молча сѣлъ за столъ и, застѣнчиво отворачивая лицо въ сторону, тихонько сталъ набивать папиросы. Его жалкій видъ, смущеніе и робкій взглядъ подбитыхъ глазъ очень тронулъ политическихъ: въ немъ приняли участіе, разговорились, стали разспра-

шивать и Бернштейнъ, до слезъ тронутый лаской, передалъ имъ несложную исторію своего столкновенія съ однимъ изъ заказчиковъ.

— Изъ всѣхъ моихъ кліентовъ нѣтъ хуже полковника Гвоздева. Это прямо ужасный кліентъ! Во-первыхъ, онъ каждый разъ сомнѣвается и обыскиваетъ меня, чтобы я не укралъ табуку. И сегодня тоже: какъ только я управился, такъ онъ сейчасъ говоритъ:

— А ну-ка, шельмецъ (онъ меня постоянно называетъ „шельмецъ“) вывори карманы.

Я, понятно, выворотил и опосля сказалъ насчетъ денегъ. А онъ мнѣ:

— Приди послѣ, шельмецъ.

— Когда же?

— Черезъ недѣльку.

— Можетъ быть, будетъ ваша милость хоть что-нибудь сегодня, хоть на хлѣбъ?

— Не могу, шельмецъ.

— Ну, я вижу, что онъ мнѣ уже два мѣсяца говоритъ „не могу, шельмецъ“ и наконецъ спрашиваю: Могу ли я, по крайней мѣрѣ имѣть такую надежду, что вы мнѣ честно отдадите?— А онъ меня, замѣсто того, по мордѣ ляпнулъ и велѣлъ деньщику, чтобы меня выкинули съ лѣстницы.

— А въ то же время,—всклипывая, заключилъ Бернштейнъ,— онъ того не думаетъ, что „шельмецъ“, можетъ быть, тоже кушать хочетъ, что „шельмецъ“ не получаетъ товаръ безъ денегъ, что и „шельмецъ“ имѣетъ на своей шеѣ домовладѣльца.

Этотъ эпизодъ изъ профессиональной дѣятельности Бернштейна послужилъ ближайшимъ поводомъ для его сближенія съ политическими. Мальчишка обласкали, пригрѣли, стали зазывать въ гости, стали учить, давать для чтенія книги. Черезъ какихъ-нибудь три года Бернштейнъ такъ измѣнился, что не узнавалъ самъ себя, а еще черезъ три онъ уже помѣстилъ первый свой рассказъ въ захудалой мѣстной газетѣ, и это рѣшило его дальнѣйшую судьбу. Семь рублей, полученныхъ за рассказъ, подсказали Бернштейну, мысль навсегда оставить кліентовъ и папиросы и заняться литературой.

Съ тѣхъ поръ прошло 15 лѣтъ. Бернштейнъ изъ юноши превратился въ мужчину, женился и съ плодовитостью, свойственной однимъ только евреямъ да развѣ еще нашему духовенству, успѣлъ нарожать цѣлую стаю ребятишекъ.

Савицкій засталъ своего покровителя и крестнаго отца въ литературѣ за работой. Примостившись къ узенькому подоконнику и согнувъ на бокъ свою огромную лысую голову, Берн-

штейнъ сосредоточенно, весь углубившись въ дѣло, строчилъ что-то на длинныхъ узенькихъ листочкахъ, на которыхъ обыкновенно строчить вся газетная Русь. Онъ такъ ушелъ въ работу, что казалось, совсѣмъ не замѣчалъ того адскаго шума, визга, крика и плача, который несся изъ сосѣдней комнаты, гдѣ севозъ полуоткрытую дверь видѣлась жена Бернштейна, полуодѣтая, съ засученными выше локтя рукавами и полдюжины рыжихъ и черномазыхъ ребятшекъ, которые принимали ванну и купались. Одни уже отбыли свой чередъ и съ мокрыми головами сидѣли, завернутые въ простыни, на кровати, другіе совсѣмъ голые съ раздутыми животами бѣгали по полу и шлепали босыми ногами по пролитой лужѣ воды, оглашая при этомъ комнату то радостнымъ хохотомъ, то громкимъ плачемъ, когда по голымъ тѣламъ ихъ отчетливо шлепала рука матери.

— Добрый вечеръ, Леонтій Борисовичъ!—поздоровался Савицкій, переступая высокой порогъ комнаты своего пріятеля.

— А-а! „Старый Литераторъ“, мое почтеніе!

(Изъ всей редакціонной семьи Савицкій былъ самый младшій, и потому кто-то изъ членовъ редакціи придумалъ ему, шутки ради, этотъ псевдонимъ, которымъ Савицкій и подписывалъ свои статейки).

— Откуда Господь принесъ?

— Изъ карцера.

— Ха-ха!.. Тружениковъ печати и въ гимназіи, значитъ, гонять?.. Садитесь, коллега,—указалъ на кресло Бернштейнъ, притворяя въ то же время дверь въ сосѣднюю комнату. — Купаются сегодня мои жиденята.

Савицкій усѣлся, досталъ портсигаръ, поподчивалъ хозяина, закурилъ самъ и началъ съ мѣста въ карьеръ.

— Я къ вамъ, Леонтій Борисовичъ, собственно по дѣлу...

Бернштейнъ сощурилъ свои близорукие сѣрые глаза и улыбнулся.

— Я вижу и даже догадываюсь, по какому дѣлу. На счетъ рѣчи вашего директора?

— А вы развѣ уже знаете? — изумился гимназистъ.

— Какой же я былъ бы газетчикъ, если бы не зналъ. Истинный газетчикъ, по настоящему, долженъ всегда идти на полшага впереди событій, онъ обязанъ знать даже то, что еще не случилось, но должно случиться... Но что же вы хотите сдѣлать изъ директорской рѣчи?

— Лично я ничего не хотѣлъ, я думаю, что мнѣ не справиться, но можетъ быть, вы... Для передовой статьи это такой богатый матеріалъ...

Бернштейнъ опять улыбнулся.

*

— Матеріаль вѣснѣй и можно бы приготовить его, какъ говоритъ нашъ редакторъ, „съ перчикомъ, съ гарнирчикомъ и съ провансальчикомъ...“ Знаете, есть такой пикантный соусъ... Но... Тутъ Бернштейнъ широко развелъ руками съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ сказать: вы сами хорошо понимаете *).

Савицкій безъ труда постигъ смыслъ этого жеста и печально поникъ головой.

— А если попробовать „пройтись надъ Ніагарой“?

— Это другое дѣло — „Ніагара“ всегда въ нашей власти и къ нашимъ услугамъ.

— Такъ вы, Леонтій Борисовичъ, прошлись бы... Право, вѣдь въ сущности если разобрать, такъ это такое вопіющее дѣло... Въ нашихъ гимназіяхъ умственный уровень и такъ хромаетъ, а тутъ еще... Прежде мы знакомились съ русской литературой хоть самоучкой, намъ хоть не мѣшали изучать ее дома, а теперь все подъ замокъ... Право, Леонтій Борисовичъ, напишите объ этомъ... Это прямо вашъ публицистическій долгъ...

Проговоривъ послѣднюю фразу, Савицкій нѣсколько смутился и покраснѣлъ. А Бернштейнъ едва замѣтно улыбнулся въ бороду и, сильно затанувшись папироской, промолвилъ:

— Сейчасъ я, ей-Богу, не могу—долженъ сегодня же сдать въ наборъ окончаніе романа. А мы сдѣлаемъ вотъ какъ. Пишите вы.

— Да ей-Богу, Леонтій Борисовичъ, мнѣ не справиться: я съ перваго же шага полечу внизъ головой въ „Ніагару“.

— Я васъ поддерживу, не бойтесь. Я вамъ дамъ самую подробную инструкцію. Берите бумагу, садитесь къ столу.

— Честное слово, Леонтій Борисовичъ...

— Я вамъ говорю, садитесь. Справитесь. Надо же въ концѣ концовъ и вамъ привыкать къ „Ніагарѣ“.

Савицкій нерѣшительно подвинулъ къ столу свое кресло и нехотя, заранѣе неувѣренный въ успѣхъ, взялъ бумагу.

— Чтобы прогнать головокруженіе и спокойно смотрѣть внизъ,—началъ свою инструкцію Бернштейнъ, рассказывая по комнатѣ,—требуется, чтобы идущій по канату, прежде чѣмъ сдѣлать первый шагъ, раскланялся, т.-е. произнесъ похвалу.

— Помилуйте, Леонтій Борисовичъ, какая же тутъ можетъ быть похвала? Чортъ съ ней и съ „Ніагарой“ въ такомъ случаѣ!—возмутился Савицкій.

— Вы не горячитесь, а слушайте дальше.

— Да, право, Леонтій Борисовичъ, я этого не могу. По мнѣ

*) Въ описываемое время участіе общей прессы въ обсужденіе педагогическихъ вопросовъ считалось преждевременнымъ.

лучше бутылкнуться на самое дно „Ниагары“, чѣмъ кричать ура, вмѣсто карауль.

Бернштейнъ нетерпѣливо поморщился и прицѣлкнулъ языкомъ.

— Экой упрямый. Поймите, что это только вначалѣ вы скажете ура, а въ концѣ можете и карауль сказать...

— Но что-же это будетъ за статья, Леонтій Борисовичъ? Шагъ впередъ, шагъ назадъ—это совсѣмъ какъ солдатамъ командуютъ: бѣгъ на мѣстѣ!

— Ну-да, или какъ говорятъ поляки: „падамъ до нугъ, ривно стоя, цаламъ ренчки, али своя“.

Савицкій внимательно поглядѣлъ на наставника своими умными синими глазами, задумчиво погрызъ кончикъ ручки и потомъ, положивъ ее на столъ, съ рѣшительнымъ видомъ всталъ съ кресла.

— Нѣтъ, Леонтій Борисовичъ, воля ваша, а я такъ не могу, да и не понимаю я вашей теоріи. Что-то уже больно тонко.

Тутъ ужъ разгорячился въ свой чередъ и Бернштейнъ.

— Да какой же вы журналистъ послѣ этого, если пишете только то, о чемъ можно писать! А еще „Старый Литераторъ“, чортъ возьми. Ну что тутъ неяснаго, что васъ затрудняетъ? Ну, будемъ разбирать по пунктамъ: систематическое чтеніе полезнѣе безтолковаго?

— Полезнѣе.

— Ну и отмѣйте это и порадайтесь, что это вошло въ педагогическое сознаніе и похвалите. Потомъ дальше. Добрыя отношенія педагоговъ и гимназистовъ лучше, чѣмъ враждебныя?

— Лучше.

— Опять отмѣйте и похвалите за идею, что педагоги хотятъ быть руководителями чтенія своихъ питомцевъ.

— Но, позвольте, позвольте, Леонтій Борисовичъ...

— Ничего не позволю. „Но“ слѣдуетъ дальше. Библіотеки гимназическія годятся куда-нибудь?

— Ни къ чорту!

— Отмѣчайте и ругайте. Ругайте во всю, вдребезги! Высмѣивайте, оплевывайте, издѣвайтесь, но только не отходя ни на шагъ отъ бібліотеки, понимаете? Потомъ дальше. Родителей хорошо устранять отъ воспитанія своихъ дѣтей? Нѣтъ? Отмѣчайте въ формѣ элегіи, тихонечко, вѣжливо и выразите пожеланіе, чтобы школа и семья слились воедино и чтобы развитіе дѣтей не составляло монополіи школы.

— А насчетъ запрещенія журналовъ и газетъ тоже элегію развести?

— Обязательно. Легкая арія на элегическій мотивъ, въ своемъ родѣ вальсъ „Невозвратное время“... Вотъ вамъ и вся статья. А въ заключеніе можете выразить какое-нибудь тепленькое пожеланіе, что-нибудь этакое воздушное, легковѣсное.

— Ну, Леонтій Борисовичъ, зачѣмъ же еще и легковѣсное?

— Бываетъ полезно,—улыбнулся Бернштейнъ.—А впрочемъ, можно и безъ легковѣснаго. Но только садитесь и работайте.

Савицкому очень не хотѣлось писать на такихъ условіяхъ, и онъ взялся за перо съ самой постной, скучающей фізіономіей да и то лишь для того, чтобы не огорчать своего ментора и не мѣшать ему дописывать романъ.

— Дорошенко меня завтра съѣстъ, просто голову отгрызетъ, если я хоть одинъ комплиментъ отпущу,—думалъ онъ, сидя за столомъ и подбирая первую фразу будущей статьи.—Да и что тутъ скажешь,—кромѣ брани ничто и въ голову не лѣзетъ!

Минутъ десять выдавливалъ изъ себя первую фразу Савицкій: писалъ, зачеркивалъ, снова писалъ и опять зачеркивалъ.

— Начну-ка я лучше съ середины, рѣшилъ онъ,—отдѣлаю наши бібліотеки на всѣ корки, а начало можно будетъ и потомъ придѣлать.

Середина далась несравненно легче. Первая фраза выпрыгнула сама собой, и мысль заработала ходко, отчетливо, гибко и ясно. Вскорѣ она стала даже обгонять руку, которая, какъ крестьянская телѣга, тряслась во слѣдъ промелькнувшему паровозу.

Савицкій не жалѣлъ красокъ, „раздѣливая“ бібліотеки. Матеріалъ это былъ очень благодарный, такъ какъ гимназическія бібліотеки въ тѣ времена (да, вѣжета, и нынче) дѣйствительно, никуда не годились. На пополненіе ихъ отпускались гроши и, сверхъ того, выборъ книгъ былъ поставленъ въ такія узенькія рамки, былъ такъ немилосердно ограниченъ, что въ школьныхъ бібліотекахъ почти единовластно царилъ мистеръ Смайльсъ, произведенія котораго всегда усердно рекомендовались подростающему юношеству.

Этотъ величайшій филистеръ земли англійской былъ, можно сказать, властителемъ гимназическихъ думъ. Правда, его читали мало, но за то когда нужно было написать классное сочиненіе—мистеръ Смайльсъ былъ незамѣнимъ: какъ бы ни было глупо заданное сочиненіе, но у мистера Смайльса всегда можно было найти руку помощи и надергать изъ него доказательствъ, фактовъ, примѣровъ и всего, чего душа пожелаетъ. Даже круглый дуракъ, при помощи Смайльса, могъ насочинять на три съ плюсомъ.

Это универсальное свойство англійскаго писателя гимназисты очень цѣнили и только немногіе изъ нихъ относились брезгливо къ его утиной філософіи и узенькому буржуазному міросозерцанію.

Савицкій причислялъ себя къ „принципальнымъ“ врагамъ Смайльса, и потому легко себѣ представить, какъ пострадалъ бѣдный англичанинъ отъ „принципальной“ атаки *Старога Литератора*. Съ возбужденнымъ лицомъ, съ насмѣшливымъ

огонькомъ въ глазахъ, Савицкй раздѣлывалъ Смэйлса изъ всей мочи, что называется, подъ орѣхъ и только время отъ времени бросалъ Бернштейну тревожные вопросы.

— Леонтій Борисовичъ, вѣдь Смэйлса можно смѣло ругать, не правда ли?

— Даже бить можно,—не отрываясь отъ рукописи и не поворачивая головы, наскоро бурчалъ Бернштейнъ.

Когда черезъ полчаса Бернштейнъ покончилъ со своимъ романомъ и сталъ просматривать писанія Савицкаго, то убѣдился, что отъ Смэйлса остались только рожки да ножки, но зато ничего другого *Старый Литераторъ* не касался въ своей статьѣ.

— А гдѣ же директорская рѣчь, а гдѣ же все остальное?

— Этого я, право, не могъ, Леонтій Борисовичъ: вѣдь тутъ сплошная „Ниагара“... Это, можетъ быть, вы прибавите...

Бернштейнъ повернулъ своей лысой головой, однако согласился.

— И если можно,—обрадовавшись живо подхватилъ Савицкй, такъ вы и „съ перчикомъ, и съ провансальчикомъ“!..

— Ну, при „Ниагарѣ“ не очень-то разлетитесь съ „провансальчикомъ“...

Х.

Въ семьѣ своего отца Дорошенко росъ, какъ растеть огромное большинство нашей молодежи средняго круга—онъ всецѣло былъ предоставленъ самому себѣ. Семья давала ему все необходимое въ смыслѣ матеріальномъ: квартиру, одежду, учителей, карманныя деньги и пр., совершенно не входя въ то же время въ его духовную жизнь и даже не обнаруживая къ этой жизни ни малѣйшаго интереса.

Очень рано потерявъ мать, трехлѣтнй Дорошенко былъ данъ, вмѣстѣ съ грудной сестренкой, на руки нянекъ и мамокъ и проводилъ жизнь въ дѣтской, куда отецъ заглядывалъ урывками, на минутку, чтобы спросить, все ли благополучно и здоровы ли дѣти. Ни привыкнуть, ни полюбить отца мальчикъ не имѣлъ времени, и отецъ только задѣвалъ его дѣтское пытлиное любопытство. Не разъ, прижавшись къ тяжелой портьерѣ, висѣвшей на двери отцовскаго кабинета, мальчикъ съ удивленіемъ и вмѣстѣ со страхомъ разсматривалъ этого огромнаго, грузнаго человѣка, сидѣвшаго за тѣмъ самымъ письменнымъ столомъ, къ которому и няня, и бонна ни за что и никогда не подпускали дѣтей. Этотъ столъ принадлежитъ этому большому мужнинѣ, думалъ мальчикъ, и только ему позволяютъ трогать эти хорошенькіе карандаши, эти блестящіе ножички, этотъ золотой колокольчикъ. Но мужнинѣ они

уже давно надоѣли, онъ на нихъ и не смотритъ, а только сидитъ и все что-то пишетъ, а самъ такой сердитый-сердитый.

— Няня, отчего нашъ баринъ всегда такой сердитый?—прижимаясь къ нянькѣ, робко спрашивалъ мальчижъ.

— Это, дѣточка, твой папа, онъ намъ баринъ, а тебѣ не баринъ, и совсѣмъ онъ не сердитый.

— А отчего его всѣ боятся: ты боишься, кухарка боится, дворникъ Николай боится?

Также мало вниманія удѣлялъ отецъ своимъ дѣтямъ и тогда, когда они выросли и стали учиться. Занятый своей инженерской службой (онъ былъ начальникомъ тяги и мастерскихъ мѣстной дороги), отецъ приходилъ домой только обѣдать да и то далеко не каждый день и, встрѣчаясь съ сыномъ, либо на ходу только перекидывался съ нимъ нѣсколькими фразами, либо искоренялъ тотъ „либерализмъ“, которымъ, по его мнѣнію, былъ сильно зараженъ сынъ.

— Ну, что у васъ въ гимназiи—все реформы?

— Реформы, папа.

— И дѣло. Давно васъ, крамольниковъ, надо подтянуть. А тебя не собираются еще выгнать за либерализмъ?

— Нѣтъ, папа.

— Странно. На мѣстѣ твоего директора, я тебя перваго выгналъ бы... А Лассалья своего все читаешь, а?

— Читаю, папа.

— И увлекаешься, конечно?

— Да, онъ мнѣ очень нравится.

— Все еще, значить, не поумнѣлъ! Не понимаю, какъ это можно увлекаться такимъ жидкомъ—фанфаронншею,—вскидывая плечами недоумѣвалъ отецъ.—Ну, какъ бы это я увлекался книгой, *зарантѣ* зная, что ее писалъ жидишка, да еще надменный жидишка? Счастье его, что онъ родомъ изъ нѣмецкихъ жидковъ, а родись-ка онъ у насъ, гдѣ-нибудь въ западномъ краѣ—быть бы ему подрядчикомъ и ничего больше! Продавалъ бы жидокъ гнилыя шпалы, мошенничалъ бы, лгалъ, принималъ ложныя присяги, давалъ взятки и умеръ бы не на дуэли, а на Сахалинѣ... А въ Германiи, поди-жь ты, какой-то рабочій вопросъ изобрѣлъ, и произведенъ жидами чуть не въ генiи. Жиды всегда другъ за дружку держатся и тянутъ своихъ...

Эти тирады сынъ обыкновенно оставлялъ безъ всякихъ возраженій, а отецъ, точно подталкиваемый какимъ-то бѣсомъ, не переставалъ дразнить его и до самаго конца обѣда не прекращалъ своего сквернословія, вымучивая и осмѣивая все то, чѣмъ увлекался сынъ и чѣмъ болѣла его юная душа. Чаще всего на сцену выдвигался рабочій вопросъ. Въ качествѣ начальника ма-

стерскихъ, отецъ считалъ себя знатомомъ рабочаго люда и отъ души хотѣлъ, когда сынъ назвалъ однажды рабочій классъ — надеждой Россіи.

— А у насъ нынче на службѣ получка была и „надежда Россіи“ такъ переписалась и такой дебошъ учинила, что едва-едва конные полицейскіе плетьюми разогнали.

Сынъ при этихъ словахъ блѣднѣлъ и низко-низко склонялся надъ своей тарелкой.

— Что, не нравится тебѣ, не либерально? — съ насмѣшливымъ огонькомъ въ глазахъ спрашивалъ отецъ. — Оно, конечно, не гуманно, да что прикажешь дѣлать, если „надежда Россіи“ не желаетъ понимать другого разговора. Вѣдь она обыкновенной рѣчи не разумѣетъ, а словъ не слушаетъ. Поневоля нужно пускаться въ ходъ казацкій „волапюкъ“.

Сынъ еще ниже опускалъ голову, а отецъ еще насмѣшливѣе продолжалъ гвоздить его по больному мѣсту.

— Отчего ты никогда не зайдешь къ намъ въ мастерскія, чтобы посмотреть „надежду Россіи“ au naturel? Много поучительнаго бы вынесъ, право. Я вотъ нынче только прошелся по задворкамъ мастерскихъ и такихъ пейзажей насмотрѣлся, что куда твоему жидку—Лассалю! Что ни шагъ, то пейзажъ! Пойдешь направо—лужа крови, пойдешь налѣво—лужа рвоты, и въ эту лужу утонула съ носомъ „надежда Россіи“, раскинула врозь руки и храпитъ. А дальше смотришь — двѣ надежды ратоборствуютъ: другъ дружку по зубамъ дуютъ. А еще дальше два городовыхъ ведутъ пьяную „надежду“ за рѣшотку... Посмотришь на эту „надежду“ и диву даешься: морда отчасти въ крови, отчасти въ грязи, отчасти въ нечистотахъ, рубаха растерзана, каргузь и сапоги пропиты, но въ рукахъ „гармонь...“ Въ такомъ видѣ эту розовую „надежду Россіи“ владутъ попереки извозчика. какъ бревно, утаптываютъ ее колѣнами и препровождаютъ въ участокъ, гдѣ „надежда“ и встрѣтитъ розоперстую Аврору, какъ говаривалъ Щедринъ... Вотъ, братецъ, какихъ пейзажей я насмотрѣлся нынче! Твой жидишка—Лассаль, поди, все это разрисовалъ бы такими узорами, что ты только ротъ раскрылъ бы отъ восхищенія, а?..

Къ счастью Дорошенки, отецъ его имѣлъ слишкомъ мало времени, чтобы влоачивать въ голову сына правильныя понятія. А такъ какъ, сверхъ того, сынъ всегда превосходно учился—съ перваго и до шестого класса фамилія его неизмѣнно красовалась на такъ называемой золотой доскѣ, то это давало отцу поводъ сложить съ себя всякія заботы объ успѣхахъ сына и предоставить юношѣ полнѣйшую свободу въ распоряженіи своимъ временемъ и самимъ собой.

Не видя ласки въ семьѣ, Дорошенко всѣмъ своимъ любящимъ, горячимъ сердцемъ прильпился къ товарищамъ. Товарищество было для него культомъ, онъ влюблялся въ своихъ товарищей, какъ дѣвушка, и кажется во всемъ свѣтѣ не было ничего такого, что Дорошенко затруднился бы пожертвовать „для артели“, какъ онъ любилъ говорить. Этимъ основнымъ свойствомъ объяснялась и другая черта въ характерѣ Дорошенки. Онъ всякій день видѣлъ, что товарищи его ведутъ вѣчную партизанскую войну съ учителями, а такъ какъ въ этой войнѣ гимназисты подчасъ терпѣли жесточайшія пораженія, то и Дорошенко ринулся въ сраженія, очертя голову, и, незамѣтно для самого себя, прорвался въ первые ряды самыхъ отчаянныхъ и непримиримыхъ враговъ гимназическихъ порядковъ, или, какъ называлъ этихъ враговъ Харченко, — „ушкунниковъ“.

Всякое распоряженіе начальства, полезное, безразличное, или неудачное, онъ встрѣчалъ съ неизмѣнной злобной усмѣшкой и слѣдилъ раскритиковать его, вышутить, осмѣять. Въ концѣ концовъ неуваженіе и недоувѣріе къ учителямъ вошло у Дорошенки въ плоть и кровь и слово „халдеи“ онъ произносилъ съ гримасой безпредѣльнаго презрѣнія и съ убѣжденной, глубокой и навсегда непримиримой ненавистью. Дорошенко считалъ тотъ день потеряннымъ, въ который онъ не могъ сдѣлать учителямъ никакой пакости. Онъ даже свою круглую пятерку объяснял ничѣмъ другимъ, какъ все тѣмъ же нерасположеніемъ къ учителямъ.

— Я на зло хорошо учусь: я вижу, что это огорчаетъ „халдеевъ“. Въ душѣ они меня такъ ненавидятъ, что всякій бы изъ нихъ съ наслажденіемъ—о, съ упоеніемъ! залѣпилъ бы мнѣ колъ, а между тѣмъ руки коротки: меньше пятерки не смѣетъ поставить. Злитса, бѣситса, а не смѣетъ!

Однажды задавшись мыслью все дѣлать на зло, Дорошенко видѣлъ въ этомъ свой гимназическій символъ вѣры: его всегда можно было видѣть въ рядахъ протестующихъ, въ рядахъ недобольныхъ, причемъ для протеста не требовалось достаточнаго основанія. Онъ вообще протестовалъ. Но если Дорошенкѣ представлялся основательный мотивъ для протеста, то тутъ ужъ ему просто удержу не было, онъ готовъ былъ на стѣну лѣзть. Разъ случилось, что учитель греческаго языка, чехъ Бѣлоглавецъ, носившій среди гимназистовъ кличку „утопленника“, разсердившись за что-то на пятиклассниковъ, назвалъ ихъ всѣхъ „ослами“. На слѣдующей же перемѣнѣ Дорошенко уже влетѣлъ въ пятый классъ и горячо, „бѣшено“ убѣждалъ пятиклассниковъ жаловаться директору.

— Если только вы посмѣете оставить это такъ, если вы смолчите, такъ я всѣхъ васъ назову трусами и подлецами! Ни

одинъ шестиклассникъ вамъ руки не подастъ—даю вамъ слово! Вы должны, вы не смѣете молчать, иначе вы будете не товарищи, а сволочь, о которую надо ноги вытирать! Слышите! Сію минуту маршъ къ директору!

Пятиклассники, и сами считавшіе себя глубоко обиженными, дѣйствительно пожаловались и „утопленникъ“ получилъ головной болѣи. Послѣ этой удачи Дорошенко цѣлую недѣлю бредилъ пятиклассниками и превозносилъ ихъ до небесъ.

— Вотъ голубчики, вотъ миленькіе, вотъ родненькіе! Ужъ и молодцы же черти: всѣ какъ одинъ. Такъ и надо ребятушки, не давайте себѣ на голову плевать. А „душка-утопленникъ“ впередъ будетъ осторожнѣе. Легче на поворотахъ, г. Бѣлоглазекъ: гимназисты вамъ не лакеи!

Въ средѣ учителей вѣчная оппозиція перваго ученика и „пятиклассника“ вызвала и досаду, и недоумѣніе. Они не могли взять въ толкъ, откуда шель этотъ духъ противленія, эти тяжелые взгляды изподлобья, этотъ „дерзкій вызывающій видъ“. По ихъ мнѣнію, Дорошенко не имѣлъ никакихъ данныхъ для того, чтобы добровольно стать въ ряды „ушкунниковъ“: круглая пятерка, золотая доска, ежегодныя награды при переходѣ изъ класса въ классъ и въ перспективѣ золотая медаль — все это могло внушить только расположеніе и признательность. А между тѣмъ рѣдкій день проходитъ безъ „павости“, рѣдкое столкновеніе съ учителемъ не заканчивалось карцеромъ. Въ концѣ концовъ, учителя объясняли дурное поведение Дорошенко деморализующимъ вліяніемъ товарищей, и Харченко всячески старался его предостеречь.

Въ тѣсномъ коридорчикѣ, раздѣлявшемъ классы отъ учительской, классный наставникъ не разъ вступалъ съ Дорошенко въ конфиденціальныя бесѣды на этотъ счетъ.

— Я вамъ удивляюсь, Дорошенко, искренно удивляюсь. Вы считаетесь однимъ изъ способнѣйшихъ учениковъ въ гимназіи, въ моемъ классѣ вы первый кандидатъ на золотую медаль и въ то же время лишаете меня возможности выставить вамъ полный балъ за поведеніе.

— Да что же я дѣлаю, Петръ Ивановичъ?—пожимая плечами, задавалъ Дорошенко стереотипный гимназическій вопросъ. — Я веду себя, какъ и всѣ.

— Вотъ въ этомъ-то и горе ваше. Разъ вы головой выше всѣхъ по успѣхамъ, вы не можете вести себя *какъ всѣ*. Вы должны стоять выше всѣхъ! А, между тѣмъ, вы ничѣмъ не лучше какого-нибудь Трубчевскаго! Вы, Трубчевскій и Савицкій—это неразлучная тройка, это коноводы и зачинщики! Сознайтесь вы дружны съ Трубчевскимъ?

— Да мнѣ, Петръ Иванычъ, и сознаваться нѣтъ надобности — я никогда и не скрывалъ, что изъ всѣхъ товарищей Трубчевскій и Савицкій мнѣ ближе всѣхъ.

— Вотъ то-то и есть. Пеняйте же на себя, если ваши друзья вырвутъ у васъ изъ рукъ золотую медаль.

Само собой разумѣется, что всѣ такіе разговоры немедленно же дѣлались общимъ достояніемъ власса, и отношенія въ учителямъ, и безъ того въ конецъ испорченныя, пріобрѣтали окраску какого-то злобнаго презрѣнія.

— Харченко-то, Харченко-то нашъ каковъ, господа? И сегодня предлагалъ Дорошенкѣ тридцать серебрянниковъ за Трубчевскаго и Савицкаго?

— Ну, Дорошенко, конечно, не такая скотина, чтобы прыгать за медалью черезъ такія лужи!

Нѣтъ надобности прибавлять, что послѣ наставленій въ коридорчикѣ дружба гимназистовъ только росла, а оппозиція „ушкунниковъ“, какъ цементомъ, скрѣплялась гоненіемъ.

Вначалѣ эта оппозиція имѣла характеръ полуреволюціоннаго. Однако, по мѣрѣ проведенія чеботаевскихъ реформъ и по мѣрѣ усиленія строгостей, переходившихъ зачастую въ жестокость, никому не нужную, вредную и деморализующую, оппозиція шестиклассниковъ незамѣтно пріобрѣла окраску принципиальную, вырождаясь въ убѣжденную, обоснованную вражду, въ желаніе бороться и защищать не только себя, но и всякаго, кто носилъ гимназическій мундиръ и кого этотъ мундиръ давилъ, мѣшалъ дышать.

На путь принципиальной вражды противъ чеботаевскихъ нововведеній первымъ выступилъ Дорошенко. Дня три спустя послѣ посѣщенія Савицкимъ Бернштейна, Дорошенко уже поджидалъ къ себѣ гостей — гимназистовъ, чтобы начать переговоры „объ организаціи кружка для самообразования“, или, говоря точнѣе, просто для переговоровъ о совмѣстномъ чтеніи Писарева. Эти переговоры были обставлены такой таинственностью, такой серьезностью, что можно было подумать, будто гимназисты имѣютъ въ виду, по крайней мѣрѣ, испровергнуть всѣ европейскія и азіатскія государства.

Первымъ пришелъ къ своему другу Савицкій, совмѣстно съ которымъ Дорошенко и задумалъ впервые свой проектъ.

Запершись въ просторной свѣтлой комнатѣ Дорошенки, гдѣ на стѣнахъ и на столѣ висѣли и стояли въ рамкахъ варточки нашихъ наиболѣе извѣстныхъ писателей, пріятели долго и съ увлеченіемъ говорили. Вначалѣ разговоръ имѣлъ полемическій характеръ: Дорошенко съ ожесточеніемъ набросился на статью Савицкаго и не находилъ словъ, чтобы достаточно сильно подчеркнуть ея полную несостоятельность.

— Чортъ васъ знаетъ, что вы тамъ такое насочиняли! Тш

называешь это „Ниагарой“, а по моему это просто лужа, въ которую ты со своимъ Бернштейномъ съ размаху шлепнулся, такъ что только брызги сверкнули.

Савицкій, сканфуженный, обезкураженный, робко оправдывался.—Ты совсѣмъ не считаешься съ обстоятельствами...

— Оставь обстоятельства въ покоѣ: нельзя писать, такъ молчи, а людей смѣшить не зачѣмъ! Ты только вчитайся, всмотрись въ свою „передовицу“, чортъ бы ее побралъ!—тыкая въ злополучную газету пальцемъ, кипятился Дорошенко.—Вѣдь это вышелъ какой-то памфлетъ противъ Смайльса: изволите-ли видѣть, все обстоитъ благополучно, да только, вотъ Смайльсъ, подлецъ, подгадилъ!

— Но Смайльсъ, дѣйствительно, скотина,—не глядя на товарища, попробовалъ было замѣтить Савицкій.—Ты почитай, что онъ о рабочихъ писалъ.

— Да чортъ съ нимъ, какое намъ дѣло до Смайльса, вѣдь ты не о Смайльсѣ хотѣлъ говорить! На кой же дьяволъ ты его осѣдлалъ и на протяженіи всей статьи ѣздишь на немъ?..

Долго, съ полчаса, кипятился Дорошенко, „раздѣлывая“ статью товарища, и только когда Савицкій самъ призналъ, что статья вышла „паршивая“, и что лучшее мѣсто для нея было бы въ корзинѣ редактора, Дорошенко постепенно сталъ охлаждаться, успокаиваться и нечувствительно переводить разговоръ на „настоящій протестъ“, т. е. на задуманныя имъ совмѣстныя чтенія. Этими чтеніями Дорошенко просто бредилъ, онъ видѣлъ въ нихъ несокрушимую силу, надежный оплотъ противъ запрета на книги и потому одинъ разговоръ на эту тему взвинчивалъ его и возбуждалъ до послѣдней степени. Высокій, стройный, но худой, съ мечтательными карими глазами и съ нервнымъ блѣднымъ лицомъ, онъ быстро бѣгалъ по комнатамъ, жестикулировалъ и развивалъ во всѣхъ подробностяхъ свой грандіозный планъ. Онъ мечталъ, что ихъ кружокъ будетъ только „первой ласточкой протеста“, и что черезъ какой-нибудь годъ всѣ гимназисты рассыпятся на кружки. Онъ надѣялся, что „слово протеста“ будетъ доступно каждому и придумалъ даже лозунгъ для всѣхъ имѣющихъ родиться кружковъ: „Чтеніе—наше спасеніе“.

Сначала они съ Савицкимъ—грезилъ онъ—организуютъ первый кружокъ, а когда онъ окрѣпнетъ и станетъ на ноги, оба они выйдутъ изъ него и примутся за организацію второго, потомъ третьяго и т. д. до безконечности. Они съ Савицкимъ не будутъ останавливаться ни предъ чѣмъ, будутъ организовывать кружки даже изъ завѣдомыхъ дураковъ, потому что „протестующій дуракъ, во всякомъ случаѣ, лучше поворнаго генія“.

На зло „халдеямъ“, въ какихъ-нибудь десять минутъ, Доро-

шенко успѣлъ покрыть сѣтью кружковъ всѣ существовавшія въ городѣ гимназіи, какъ мужскія, такъ и женскія и только вознамѣрился было—Господи благослови—перешагнуть и въ другіе города, какъ въ это время въ запертую дверь комнаты послышался легкій стукъ и раздался мягкій, дѣвичій контральто.

— Можно?

Оборвавшись съ облаковъ, Дорошенко разсердился.

— Что тебѣ нужно?—нетерпѣливо съ отгнѣнкомъ раздраженія спросилъ онъ, узнавъ голосъ своей 15-ти лѣтней сестры—гимназистки.

— Тебя папа зоветъ!

Съ гримасой человѣка, которому помѣшали на самомъ интересномъ мѣстѣ, Дорошенко пошелъ къ отцу, а въ комнату къ Савицкому вошла чрезвычайно хорошенькая гимназистка еще въ коротенькомъ платьѣ, съ черной толстой косой, въ которую была вплетена алая ленточка.

— Здравствуйте, monsieur Савицкій,—дѣланнымъ-церемоннымъ тономъ прошебетала она, но каріе большіе, какъ у брата, глаза ея съ такими же длинными загнутыми рѣсницами, обдали Савицкаго ласковымъ, влюбленнымъ взглядомъ.

Савицкій молча поклонился и, не сводя глазъ съ двери, за которой скрылся товарищъ, поднесъ къ губамъ руку гимназистки и беззвучно поцѣловалъ.

Хорошенькое лицо дѣвушки зардѣлось и даже маленькія уши ея порозовѣли. Не подымая глазъ на гимназиста, она робко покосилась на дверь и, покраснѣвъ еще больше, протянула Савицкому и другую руку. Онъ также быстро и беззвучно поцѣловалъ и эту.

— Что это у васъ за конспираціи съ братомъ? О чемъ это вы?

Этотъ вопросъ засталъ Савицкаго въ распλοхъ. Хотя онъ давно былъ влюбленъ въ сестру своего товарища и пользовался ея полной благосклонностью, но посвящать ее, „почти“ дѣвочку въ такіе серьезныя дѣла считалъ прямо невозможнымъ. Поэтому онъ отвѣчалъ очень уклончиво:

— Да такъ, знаешь, о разныхъ гимназическихъ дѣлахъ...

Гимназистка обидѣлась.

— Вы тоже не желаете мнѣ сообщить? Вы тоже?

— Да, право, Катя,—понизивъ голосъ до шопота, смущенно пролепеталъ Савицкій и виноватыми глазами посмотрѣлъ на свою повелительницу.—Согласись, что есть вещи, о которыхъ до времени...

— Это говоришь ты? Мнѣ?

Глаза Кати расширились и загорѣлись удивленіемъ и вмѣстѣ гнѣвомъ человѣка, котораго оскорбили.

— Ты, значить, не желаешь сказать пустого секрета любимой женщинѣ?

И быстро повернувшись на каблукахъ, дѣвочка стремительно юркнула въ дверь, что должно было обозначать верхъ обиды. Савицкий сдѣлалъ было шагъ, чтобы догнать ее, но передъ самымъ его носомъ хлопнула дверь, и онъ невольно остановился, разстроенный и смущенный этой неожиданной ссорой.

XI.

Однако, предаваться унынію было некогда и объясненіе волей-неволей пришлось отложить до другого раза, такъ какъ въ комнату возвратился Дорошенко, а вслѣдъ за нимъ одинъ за другимъ стали сходиться и приглашенные на совѣщаніе гимназисты. Собралось человѣкъ шесть. Пришелъ уже извѣстный читателю Мельниковъ, пришелъ Варшавчикъ, сынъ еврейки-акушерки застѣнчивый, болѣзненно-скромный юноша съ чрезмѣрно большими, вѣчно моргавшими, глазами, и его закадычный другъ Ливановъ, сынъ мѣстнаго протоіерея, извѣстнаго во всей гимназiи за чудака, который одинъ изъ всѣхъ родителей, съ уваженіемъ относился къ гимназическимъ правиламъ и требовалъ, чтобы сынъ исполнялъ ихъ въ полной мѣрѣ. Пришли и два гимназиста другихъ классовъ: пятиклассникъ Калининъ, смуглый, какъ цыганъ, брюнетъ, горячая голова и отчаянный спорщикъ, котораго именно ради пристрастія къ спорамъ и для оживленія будущихъ чтеній пригласилъ Дорошенко, и восьмиклассникъ Орловъ, высокій, прямой, какъ вѣха, блондинъ съ стальными сѣрыми глазами, которые у него какъ-то презрительно щурились всякій разъ, когда онъ начиналъ говорить.

Не явился только Трубчевскій, но онъ, по разъ навсегда усвоенной привычкѣ, вездѣ и всюду опаздывалъ, не исключая даже и тѣхъ случаевъ, когда являлся на свиданія съ барышнями, за которыми ухаживалъ, по его выраженію, какъ сорокъ тысячъ Донъ-Жуановъ.

Хотя всѣ собравшіеся были почти однокашники и знали другъ друга, какъ свои пять пальцевъ, если не считать Орлова, котораго знали меньше, но почти всѣ испытывали чувство нѣкоторой неловкости и тщательно спрятанной робости отъ сознанія, что вотъ-де они собрались какъ бы на конспирацію въ своемъ родѣ, будутъ читать не романчики, а критику, да еще какую и что если бы въ гимназiи обо всемъ этомъ узнали, то ой-ой-ой что бы изъ этого могло выйти!

Эта подавленная робость наружно выражалась только въ томъ,

что гимназисты приняли преувеличенно непринужденныя позы и небрежно развалились, кто гдѣ могъ.

Не испытывали робости развѣ Орловъ, Савицкій да Дорошенко. Послѣдній, въ качествѣ инициатора чтеній, чувствовалъ себя обязаннымъ что-нибудь сказать, сдѣлать какое-нибудь введеніе, но все поджидалъ Трубчевскаго, и только когда прошло съ четверть часа сверхъ условленнаго срока, присѣлъ бокомъ на свой письменный столъ и, постукивая карандашомъ по колѣнѣмъ, началъ:

— Господа! По правиламъ мнѣ нужно бы сказать вамъ хоть паршивенькую рѣчь, такъ сказать, предпослать нѣсколько теплыхъ и, по возможности, глубокомысленныхъ фразъ. Но я буду кратокъ и скажу просто: Черти! хотите ли оставаться идиотами, или желаете читать и работать башкой? Если первобытное состояніе вамъ не улыбается, и если идея Чеботаева вызываетъ васъ на протестъ, такъ давайте читать вмѣстѣ, если, конечно, вы ничего не имѣете противъ совмѣстнаго чтенія. Вотъ, въ сущности, и все, что я хотѣлъ представить вашему просвѣщенному вниманію!..

Столъ упрощенная рѣчь вызвала невольную улыбку у слушателей, а пятиклассникъ Калининъ даже прыснулъ и дѣланнымъ басомъ закричалъ:

— Здрово, панъ гетманъ!

Не улыбнулся только восьмилассникъ Орловъ, который, по видимому, хотѣлъ что-то сказать, такъ какъ его стальные глаза вдругъ сощурились.

— Я думаю, что это еще не совсѣмъ все,— спокойно, съ чуть замѣтной ироніей процѣдилъ онъ, не мѣняя своей непринужденной, полулежащей позы.— При чтеніи, на примѣръ, нѣкоторую роль играетъ выборъ книгъ.

Очень чуткій на насмѣшку, Дорошенко насторожился, но отвѣтилъ, по видимому, очень спокойно, даже весело.

— А читать мы будемъ по обычной системѣ: начнемъ съ Писарева, какъ съ водки передъ обѣдомъ, потомъ перейдемъ къ Бѣлинскому, а тамъ переберемъ всѣ выдающіяся произведенія русской литературы по десятилѣтіямъ. Вмѣстѣ читать будемъ, конечно, только критическій анализъ этихъ произведеній, а произведенія, кто не читалъ, прочтеть самъ на дому. Такая постановка вопроса тебя удовлетворяетъ? — непосредственно уже къ Орлову обратился Дорошенко:

— О, нѣтъ, меня она нисколько не удовлетворяетъ, — спокойно и попрежнему не мѣняя своей полулежащей позы, небрежно бросилъ Орловъ.

Дорошенко оскѣся, точно наткнулся на гвоздь, присутствія котораго не подозрѣвалъ.

— Да? Это интересно! Ты, значитъ, имѣешь въ виду другую программу? Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, говори.

— Да, я имѣю въ виду другую программу,—все также спокойно и словно нехотя промолвилъ Орловъ.

Гимназисты насторожились и съ нескрываемымъ любопытствомъ уставились на старшаго товарища. А онъ, все также полулежа на широчайшей оттоманкѣ, небрежно и не торопясь началъ:

— Я, господа, признаюсь, не понимаю кружковщины въ томъ видѣ, въ какомъ она у насъ привилась. Гимназисты ею всегда увлекались, но изъ этого никогда не выходило толку. Ну, соберемся мы, ну, начнемъ читать, ну, начнемъ спорить. Ну, а потомъ что?

— А ты чего же хотѣлъ бы „потомъ“?—не утерпѣлъ Савицкій.—Корабля съ мачтой, что ли, какъ говорятъ матросы?

Но Орловъ не удостоилъ его даже взглядомъ и, все также полулежа, спокойно продолжалъ:

— Я по опыту знаю, что будутъ безконечныя словопренія, безконечныя диспуты и трехчасовыя споры о выѣденномъ яйцѣ... И притомъ, что же мы будемъ читать? Жевать Писарева? пережевывать такъ называемыхъ классиковъ? Но, господа, это скучно,—право, по мнѣ, лучше чулки вязать...

Гимназисты совсѣмъ притихли и, переглядываясь между собой, какъ бы недоумѣвали, очень ли умны слова Орлова, или очень глупы и какъ къ этимъ словамъ надо относиться — со смѣхомъ, или съ почтеніемъ.

А Орловъ вдругъ всталъ и, выпрямившись во весь свой длинный ростъ, заговорилъ уже не прежнимъ лѣнивымъ, а энергичнымъ и убѣжденнымъ тономъ.

— Я понимаю только свободную литературу, я понимаю только литературу, которая говоритъ полнымъ голосомъ о томъ, что меня интересуетъ, что для меня дорого,—а копать въ розовой душѣ тургеневскихъ либеральныхъ барышень, слѣдить, кого онѣ полюбили своимъ голубинымъ сердечкомъ и кто ихъ любилъ, или зарываться въ дебри толстовскихъ романовъ — это я предоставляю любителямъ, которымъ дѣлать нечего.

Орловъ былъ въ той порѣ своего умственного развитія, которую переживаютъ очень многіе изъ неоперившихся молодыхъ людей при первомъ знакомствѣ съ такъ называемой нелегальной литературой: прочтеть юноша полторы нелегальныхъ брошюры, часто бездарныя, даже неумныя, и сразу же, что называется, въ одинъ прекрасный день, возьметъ да и похеритъ на смарку всю отечественную литературу. Еще вчера онъ вѣрилъ въ нее, еще вчера считалъ святыней, а сегодня взялъ да и плюнулъ на всѣхъ вообще и на каждаго въ частности.—Знать, молъ, васъ не желаю, постылые! Не хочу ни вашего рабьяго языка, ни вашей извилистой, разорванной въ клочки мысли, ни вашего заячьяго протек-

ста! Хороните вы своих мертвых, мертвые писатели мертвой литературы, а я вашей гнилой водицы больше пить не стану!

На гимназистовъ слова Орлова произвели все тоже двойственное впечатлѣніе: съ одной стороны, мысль восьмиклассника показалась очень смѣлой, оригинальной, неслыханной, но съ другой— было какъ-то страшно и жутко повѣрить ей и сразу разбить всѣ прежніе кумиры.

Только Дорошенко, Савицкій да Мельниковъ отнеслись къ словамъ Орлова иначе и почувствовали ихъ грубую фальшь. Они всѣ трое быстро переглянулись между собой и словно выпрямились, подтянулись какъ-то, точно готовые броситься въ словесный бой. Первымъ нарушилъ молчаніе Савицкій. Собравъ все свое хладнокровіе, онъ съ кривой усмѣшкой спросилъ Орлова:

— Короче говоря, ты, значить, отрицаешь не болѣе, не менѣе, какъ всю русскую литературу оптомъ?

Орловъ вздернулъ плечами.

— Я ее не отрицаю. Она существуетъ, значить она—фактъ. А фактовъ я не отрицаю. Но я только не придаю ей того значенія, какое придаешь ты. Отъ скуки, отъ нечего дѣлать—почему и не заняться ею? Но придавать ей „великое“ общественное значеніе, а тѣмъ паче учиться по ней—слуга покорный! Я считаю, что насъ довольно морочили! Довольно мы съ священнымъ трепетомъ прислушивались къ гнусавому бормотанью и къ жалкому писку всѣхъ этихъ „маститыхъ“ пигмейчиковъ!..

Это показалось уже слишкомъ, слова Орлова возмутили всѣхъ, и Мельниковъ съ потемнѣвшими отъ гнѣва глазами быстро подскочилъ къ Орлову.

— По твоему, значить, и Гоголь пицалъ, и Бѣлинскій, и Успенскій, и Салтыковъ—всѣ пицали и ничего больше?

Орловъ насмѣшливо вздернулъ плечами, сощурился и спокойно, безъ тѣни волненія, процѣдилъ.

— Да, я именно это и хотѣлъ сказать: и Гоголь пицалъ, и Успенскій пицалъ, и Салтыковъ пицалъ...

— А скажи,—подходя къ Орлову вплотную, съ раздувающимися отъ гнѣва ноздрями почти крикнулъ Мельниковъ,—это изъ твоихъ, изъ „свободныхъ“ такъ „пицалъ“, какъ Салтыковъ? Чей еще „пискъ“ такъ гремѣлъ по всей Россіи, что даже глухіе слышали? Назови, чей? А чей смѣхъ разворачивалъ цѣлыя горы пошлости, топталъ цѣлыя кучи всевозможныхъ гадовъ? И ты... теперь ты называешь этого человѣка пигмеемъ? Ты, пигмей, плюешь на солнце нашей земли?

Сильный кашель помѣшалъ Мельникову продолжать. Весь красный отъ охватившаго его гнѣва, съ злыми глазами онъ махнулъ рукой и отошелъ къ сторонкѣ, все еще не будучи въ со-

стояніи подавить приступъ кашля. Орловъ, однако, хотя и видѣлъ, что возбужденіе противъ него возросло до послѣдней степени, тѣмъ не менѣе ни на секунду не терялъ своего презрительнаго спокойствія. Въ отвѣтъ Мельникову онъ только вскинулъ плечами и процѣдилъ сквозъ зубы:

— Въ состояніи аффекта не слѣдуетъ спорить.

Это замѣчаніе, а главное олимпийское спокойствіе Орлова только подлило масла въ огонь, и схватка возгорѣлась снова.

— Господа!—выступая на середину комнаты, взволнованно воскликнулъ Дорошенко.—Я считалъ бы взглядъ Орлова только мальчишескимъ, если бы въ то же время онъ не былъ нехорошимъ, гадкимъ. Онъ гадокъ потому, что мы, русская молодежь, всѣмъ обязаны литературѣ, и тотъ же Орловъ обязанъ ей. Мы всѣ только литературой и дышимъ, только ею и живемъ. Она для насъ замѣняетъ и семью, и школу. Почему не вышелъ тотъ или другой человѣкъ мерзавцемъ, когда имѣлъ на то всѣ данныя? Литература удержала. Почему не захлебнулся въ грязи, когда въ грязи родился, въ грязи росъ, въ грязи учился? Литература вытщила! Она на сухое мѣсто поставила! Она не дала захлебнуться! Почему наконецъ человѣкъ не превратился въ идіота, когда и семья, и школа, и жизнь, не переставая, дули его по темени? Литература вывезла.

— А ты,—обращаясь уже непосредственно къ Орлову,—съ гнѣвомъ бросилъ Дорошенко, — ты смѣешь говорить, что литература „пищитъ“, что она что-то такое „бормочетъ подь сурдинку“? Да ты самъ-то что за орелъ, самъ-то ты съ какихъ поръ такъ высоко взлетѣлъ, что даже великіе люди важутся тебѣ пигмеями, даже „пигмейчиками?“

Орловъ и на этотъ разъ не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ волненія или нетерпѣнія. Чуть-чуть приподнявъ свою сухую, красивую голову и сощуривъ свои стальные глаза онъ, невозмутимо выслушалъ Дорошенку до конца и нисколько не оскорбляясь на вызывающій тонъ, съ которымъ возбужденный товарищъ бросилъ ему послѣднюю фразу, спокойно проговорилъ, округляя каждую фразу:

— Къ сожалѣнію, нашъ споръ, сталъ переходить на личную почву. Но все-таки я совершенно отчетливо уяснилъ себѣ, что мы стоимъ на разныхъ полюсахъ и говоримъ на разныхъ языкахъ. Вы все еще не вышли и, какъ я вижу, не желаете выходить изъ той кумирни, гдѣ стоятъ ваши старые, добрые, литературные боги. Что же, у всякаго свои вкусы! Но что касается меня. то я, грѣшный человѣкъ, пересталъ имъ молиться съ тѣхъ самыхъ поръ, когда увидѣлъ, что эти старички совсѣмъ не боги и что въ распоряженіи ихъ не перуны небесные, а простая влюка,

*

съ которой они гуськомъ бредутъ на богомолье... Впрочемъ, я кажется опять нажалъ чувствительную струну и потому умоляю: До свиданія, господа! Я очень сожалью, что помѣшалъ вамъ заниматься вашимъ дѣломъ. Прошу меня извинить, что я не буду принимать участія въ вашихъ чтеніяхъ...

Проговоривъ свою длинную тираду такъ легко и свободно, точно молодой адвокатъ, щеголяющій округлостью и плавностью рѣчи, Орловъ сталъ прощаться. Товарищи молча, съ угрюмымъ видомъ, какъ медвѣжата, совали ему руки, а онъ безукоризненно вѣжливо, точно подчеркивая свою учтивость, раскланивался передъ каждымъ изъ нихъ. Одинъ только Дорошенко не далъ побѣдить себя на этомъ пунктѣ и простился съ восьмиклассникомъ съ любезностью совсѣмъ свѣтскаго человѣка. Онъ даже проводилъ его въ переднюю и сдѣлалъ попытку помочь ему надѣть пальто, чего любезно не допустилъ Орловъ.

— Я буду очень радъ, если ты какъ-нибудь заглянешь ко мнѣ вечеркомъ скоротать, — пожимая руку Орлову, промолвилъ Дорошенко.

— Мерсі, милости просимъ и ко мнѣ.

Когда вслѣдъ за тѣмъ Дорошенко возвратился въ свою накуренную комнату, тамъ стоялъ шумъ и гвалтъ. Возбужденные, все еще не переваривъ своего негодованія, гимназисты перемывали восточки ушедшаго.

— Ну и фрррують!..

— А величія сколько! Сколько пыли въ глаза напустилъ! Но Дорошенко его здорово отчиталъ!..

— И чего приходилъ, спрашивается, этотъ олимпіецъ?

— Коего чорта прилѣзъ, въ самомъ дѣлѣ, когда еще въ гимназіи ему русскимъ языкомъ сказали, что мы будемъ читать Писарева, а не что другое?

— Да плюньте на него господа: вѣдь извѣстно, что когда гимназистъ переходитъ въ восьмой классъ, онъ дѣлается геніальнымъ! Это ужъ фактъ!

— Какъ нехорошо, господа, — входя въ комнату промолвилъ Дорошенко, — что вы съ нимъ такъ сухо простились, вѣдь онъ намѣренно...

— А что же ему реверансъ дѣлать, этому попугаю?

— Въ ноги ему, что ли, кланяться?

— Нахватался верхушекъ, животное, и фордыбачить! Фу ты, ну ты, ножки гнуты!.. А здорово его Мельниковъ отбрилъ!

Дорошенко хотѣлъ было договорить свою мысль, но только махнулъ рукой — его явно не хотѣли слушать.

Прошло добрыхъ полчаса, прежде чѣмъ гимназисты успокоились и перешли, какъ выразился Варшавчикъ, къ очереднымъ

дѣламъ, т.-е. къ устройству чтеній. Тутъ на первый планъ выступилъ вопросъ о мѣрахъ, съ помощью которыхъ возможно было бы обезопасить чтенія отъ гимназическаго начальства. Всѣ знали, что въ случаѣ открытія тайны, дѣло можетъ принять самый нежелательный и чрезвычайно серьезный оборотъ; гимназисты даже думали, что всякій „пойманный“ будетъ въ тотъ же день исключенъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ составъ преступленія слагался изъ двухъ, равно тяжкихъ дѣяній: организація кружка и чтеніе Писарева, попавшаго въ „Index librorum prohibitorum“. Къ тому же сочиненія Писарева считались въ тѣ времена запретнымъ плодомъ, не существовавшимъ даже въ продажѣ. „Влопаться“ въ чтеніи Писарева было такимъ криминаломъ, предъ которымъ блѣднѣли самыя крупныя гимназическія шалости. Немудрено поэтому, что хотя гимназисты и храбрились, скрывая даже отъ самихъ себя чувство робости, но червякъ страха копошился въ душѣ у всякаго.

— Господа! — говорилъ Ливановъ, — мы всѣ, конечно, осуществимъ нашу идею и приступимъ къ чтеніямъ—это вопросъ рѣшенный, но не будемъ въ то же время скрывать отъ себя опасности. Къ чему храбриться, вмѣсто того, чтобы общими силами выработать цѣлую систему мѣръ безопасности?..

— Ну, ужъ и цѣлую систему! — скептически протянулъ пятиклассникъ Калининъ.

— А что-жь? Къ чему намъ лѣзть на рогатину, когда мы можемъ пройти стороной?

— Но какая же можетъ быть система?

Ливановъ задумался и принялся грызть ногти, очевидно и ему система не вырисовывалась во всей полнотѣ.

— Прежде всего никогда не собираться два раза въ одномъ и томъ же домѣ!—предложилъ Мелѣниковъ.

— Это идея!—поддержалъ Савицкій.—И никогда не носить съ собой книгъ въ гимназію!

— И дома держать въ надежномъ мѣстѣ!

— И не расходиться послѣ чтенія разомъ, а по одиночкѣ!

— И собираться надо бы, — оживленно подхватилъ Ливановъ,—только въ такихъ квартирахъ, гдѣ есть два хода, чтобы въ каждый данный моментъ—фю-ить!..

Гимназисты прыснули: имъ показалось это уже черезчуръ осторожнымъ. А Ливановъ обидѣлся.

— Я не понимаю, чего вы ржете? Вѣдь при одномъ ходѣ, въ случаѣ неожиданнаго появленія Харченки, мы всѣ попадемся, какъ телята!

— Никогда! Книжку подъ тюфякъ, а сами заняты пріятнымъ разговоромъ!—весело проговорилъ Дорошенко.

Но Ливановъ скептически улыбнулся.

— А по какому случаю сборище?

— По случаю именинъ двоюродной тетки Савицкаго!..

— Ха-ха-ха!—хоромъ разсмѣялись гимназисты и вдругъ сразу обернулись къ входнымъ дверямъ, которыя широко съ шумомъ распахнули опоздавшій Трубчевскій.

— Здорово, крамольники! — весело крикнулъ онъ и возбужденный, раскраснѣвшійся на морозѣ быстро сталъ пожимать товарищамъ руки и хлопать ихъ то по спинѣ, то по плечу. — Не сердитесь, братцы, что опоздалъ, ей-ей не могъ во время... Но за то какой со мной случай! Околѣете со смѣху!.. Сейчас Харченку встрѣтилъ!..

Товарищи расцвѣли улыбкой отъ одного появленія своего любимца. Его и не подумалъ никто упрекать за большое опозданіе, и всѣ смотрѣли на него тѣми довольными, любящими и смѣющимися глазами, какими глядитъ театральная публика на любимаго актера, который и слова еще не успѣлъ сказать, но уже всѣхъ захватилъ и точно связалъ съ собой какими-то невидимыми нитями.

— Какой же еще случай?

— Опять накуралесилъ?

— Опять въ карцеръ на сутки? — посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Вы только послушайте! — еле удерживаясь отъ смѣху, промолвилъ Трубчевскій. Онъ вышелъ на средину комнаты и его умное, совсѣмъ мефистофельское лицо, съ продолговатыми карими глазами сразу освѣтилось выраженіемъ хитрости и насмѣшки. — Иду я, братцы вы мои по улицѣ, лечу, конечно, на всѣхъ парусахъ! Глядь — „уважаемый“ (такъ гимназисты называли иногда Харченку). Чинно, не торопясь, „уважаемой“ походочкой идутъ и на личіе улыбочка. Какъ увидѣлъ я эту улыбочку — словно меня чортъ толкнулъ: въ головѣ, какъ молнія, мысль — подойти, поклониться и тутъ же на улицѣ „разыграть“. Какъ „разыграть“ и самъ еще не знаю, но надѣюсь на экспромптъ, была не была!

— Имѣю честь кланяться, Петръ Ивановичъ“

Посмотрѣли удивленно и говорятъ: „Здравствуйте! Что это вы въ разстегнутомъ пальто? Не можете не нарушать правилъ?“ — „Я прошу извиненія, Петръ Ивановичъ, но я въ данный моментъ такъ растроены, такъ „афрапированы“... Со мной такой неожиданный случай“. Кривая улыбочка и вопросъ: „Какой же это случай?“ — „Я, Петръ Ивановичъ, генерала встрѣтилъ“. Новая улыбочка. — „Это со всякимъ можетъ случиться“... Но тутъ я сразу дѣлаю идиотское лицо. Вотъ такое (Трубчевскій выпучилъ глаза,

оттопырилъ губы и въ самомъ дѣлѣ придавъ своему лицу выраженіе самое дурацкое). И говорю уже тѣмъ идиотскимъ, тягучимъ тономъ, которымъ всё мы говоримъ съ „уважаемымъ“ въ классѣ. „Я, конечно, генералу поклонился, какъ указано правилами“. — „Ну и что же?“ — „И онъ меня остановилъ“. — „Ну и что же, ну и что же?“ — „И спросилъ, какъ моя фамилія“. — „Да не мотайте душу, Христа ради: говорить, точно возъ везетъ. Почему васъ спросили фамилію?“ — „Потому что я поклонился“. — „Это вздоръ!“ — „Нѣтъ, не вздоръ. Я ему кланяюсь, а онъ глаза расгарячилъ...“ — „Послушайте, что у васъ за выраженія дикія!“ — Извините, Петръ Ивановичъ, я хотѣлъ сказать, что онъ глаза растопырилъ и спрашиваетъ: „Почему вы мнѣ кланяетесь, не будучи со мной знакомы?“ — „Потому что, отвѣчаю, этого требуютъ законы общественнаго приличія...“ А онъ мнѣ: „Вы, говорить, глупый мальчишка, вы меня приличіямъ не учите. Какъ ваша фамилія?“ Я фамилію-то назвалъ да и говорю: „Есть, молъ, такія правила, чтобы гимназисты генераламъ кланялись“. А онъ мнѣ: „Вы, говорить, по своей глупости, вѣроятно, не поняли своихъ правилъ. Такихъ правилъ отъ сотворенія міра не было...“

Смѣхъ гимназистовъ, то и дѣло сверкавшій, какъ далекая зарница, въ этомъ мѣстѣ разсказа перешелъ въ бурный взрывъ хохота и Трубчевскій долженъ былъ сдѣлать значительную паузу, пока гимназисты не успокоились настолько, что могли продолжать слушать.

— Лепечу я, братцы вы мои, эти турусы на волесахъ, — мѣняя глупый тонъ на обыкновенный, повѣствовалъ далѣе Трубчевскій, — и вижу, что „уважаемый“ смутился: личико у нихъ сконфуженное, а щечки какъ будто даже покраснѣли. „Вѣроятно, говорятъ, этихъ правилъ еще не успѣли сообщить въ войска“.

— Должно быть, говорю. Но не разрѣшите ли мнѣ впредь до сообщенія не снимать мой головной уборъ при встрѣчахъ съ генералами? Согласитесь, что это крайне неловкое положеніе: воспитанника средняго учебнаго заведенія останавливаютъ на улицѣ и называютъ дуракомъ. Даже въ смыслѣ самолюбія нѣсколько щекотливо...

Новый взрывъ хохота не далъ Трубчевскому договорить послѣдней фразы своего повѣствованія о мнимой встрѣчѣ съ генераломъ. Гимназисты смѣялись, какъ одурѣлые: дерзкая смѣлость товарища плѣняла ихъ даже больше, чѣмъ зрѣлище одураченнаго педагога, который, при всей привычкѣ къ гимназической лжи, не могъ допустить мысли, чтобы эта ложь облекалась въ такія подкупающія простотой и естественностью формы. Эта простота, очевидно, заставила педагога даже забыть, что предъ нимъ стоялъ

„профессоръ лжи“ и „маэстро мошенничества“ Трубчевскій, котораго, по его собственнымъ словамъ, въ разговорахъ съ начальствомъ осѣняла своимъ крыломъ „муза брехни“.

Когда смѣхъ нѣсколько поутихъ, а авторъ разсказа получилъ по спинѣ, по крайней мѣрѣ, десятокъ поощрительныхъ товарищескихъ тумаковъ, разговоръ самъ собой перепрыгнулъ на проектируемыя чтенія.

— А что же, господа, наша „крамола“, чортъ возьми? — спохватился Трубчевскій. — Черти! Вы мнѣ ни полслова не сказали еще о дѣлѣ!

— Да вотъ маленькая остановка за нѣкоторыми „крамольниками“, — разводя руками съ виноватой улыбкой промолвилъ Дорошенко. — Въ виду новыхъ правилъ, возникло сомнѣніе насчетъ безопасности.

Трубчевскій даже со стула привскочилъ.

— Безопасности? Ну это, господа, такое мѣщанство, такая подлость, такая... Чертъ васъ побери со всѣми потрохами послѣ этого!..

Казалось, Трубчевскій былъ искренно и до глубины души обиженъ и возмущенъ. Онъ нѣсколько разъ, ни на секунду не переставая ругаться, пробѣжался взадъ-впередъ по комнатѣ и вдругъ, остановившись крикнулъ всѣмъ:

— Идіоты! Вы забыли, что намъ, подневольнымъ людямъ, надо рѣшаться на что-нибудь одно изъ двухъ; надо или жить по правиламъ, или жить по-человѣчески!.. Выбирайте, что вамъ больше по душѣ!

Эта фраза такъ понравилась всѣмъ, что гимназисты бурно зааплодировали.

— Bravo, bravo, Трубчевскій!

— Именно, одно изъ двухъ, чортъ возьми!

— Другого выбора нѣтъ!

— Въ чорту сомнѣнья и да погибнуть „халдеи“ и все ихъ нечестивое воинство!

Налетѣвшее оживленіе было такъ стремительно, что отъ души аплодировалъ даже Ливановъ, который, въ силу своего семейнаго положенія, имѣлъ основанія опасаться больше другихъ.

— Такъ твое мнѣніе, — весело тряхнувъ головой, спросилъ онъ Трубчевскаго, — разъ навсегда, категорически абсолютно и безповоротно наплевать на всѣ подводные камни?

— Ты хочешь знать мое мнѣніе? — вдругъ выпрямившись во весь ростъ съ загорѣвшимися глазами крикнулъ Трубчевскій. — Слушай!

И неожиданно для всѣхъ, онъ вдругъ, во всю силу своего

дивнаго мощнаго голоса, съ какимъ-то опьяняющимъ энтузіазмомъ запѣлъ:

То-ре-одоръ! Смѣ-лѣ-е въ бой
То-ре-о-доръ!..

Точно какимъ-то вихремъ, стремительнымъ и неудержимымъ, подхватило всѣхъ гимназистовъ. Какъ шальные ухватили они подъ руки пѣвца и въ тактъ размахивая руками, пьяные отъ молодого задора, всей гурьбой промаршировали въ гостиную, прямо къ роялю.

— Ливановъ! Аккомпанируй!

Но Ливанова не нужно было и просить: онъ, какъ помѣшанный, прыгнулъ въ клавишамъ и, весь блѣдный, охваченный волной общаго энтузіазма, аккомпанировалъ въ какомъ-то пароксизмѣ увлеченія:

То-ре-о-доръ, смѣ-лѣ-е въ бой!..

А. Яблоновскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Любопытный обывательскій протестъ противъ школьнаго классицизма XVIII вѣка.

I. Школьный классицизмъ XVIII вѣка.

Въ настоящее время только обскуранты изъ безславной стаи маленькихъ Катковыхъ всей грудью хотять отстоять поколебавшуюся твердыню школьнаго классицизма. Врядъ ли имъ это удастся: въ области свѣтскаго образованія крайній классицизмъ второй половины XIX вѣка былъ въ Россіи не необходимымъ звеномъ органически выроставшаго учебнаго строя, а весьма искусственной казенной выдумкой съ плохо скрытою заднею мыслію политическаго свойства. Эта выдумка стала явнo ненужностью теперь и, лишившись всякаго *raison d'être*, должна пойти на сломъ *). Но есть область русской учебной культуры, въ которой школьный классицизмъ имѣетъ болѣе длинную исторію и болѣе глубокія традиціи. Мы говоримъ о духовномъ образованіи, тѣсно связанномъ со всею умственною жизнью нашего духовенства и наложившемъ на нее своеобразныя черты. Это образованіе сыграло въ русской жизни довольно крупную обще-культурную роль, такъ какъ наши духовныя школы никогда не имѣли, да и до сихъ поръ не имѣютъ узкаго про-

*) Въ сущности несостоятельность толстовской учебной системы съ точки-что уважанной точки зрѣнія стала ясна и самому правительству еще въ началѣ 80-хъ гг. На это указалъ очень рѣзко графъ Лорисъ Меликовъ въ одномъ изъ своихъ «историческихъ» докладовъ Александру II; въ этомъ докладѣ, между прочимъ, подчеркивалось полное отсутствіе «сердечности» (подлинное выраженіе!) въ учебно-воспитательной практикѣ министерства Толстого и прямо говорилось, что учебное вѣдомство «возбудило противъ себя и государственныхъ сановниковъ, и духовенство, и дворянство, и ученое сословіе, и земство, и города, однимъ словомъ,—всѣхъ, кромѣ лично заинтересованныхъ въ продолженіи существующаго направленія». Биографія имп. Александра II (Татищева) въ «Русскомъ Биографическомъ Словарѣ», изданномъ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова, т. I стр. 882. Участъ толстовской системы была бы рѣшена въ 80-хъ годахъ (тѣмъ болѣе, что Александръ III лично былъ несомнѣннымъ противникомъ этой системы), если бы по странному, хотя и вовсе не случайному, совпаденію гр. Д. А. Толстой черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего ухода изъ министровъ народнаго просвѣщенія не былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и не сталъ руководящимъ государственнымъ дѣятелемъ всего царствованія.

фессіональнаго значенія. Въ XVIII же вѣкѣ онѣ безспорно являлись важнѣйшими рассадниками общаго образованія, главнѣйшими средними общеобразовательными школами въ нашей странѣ. Въ то же время въ средней школѣ духовнаго вѣдомства съ тѣхъ поръ, что она стала прочнымъ учрежденіемъ, привившимся къ жизни церкви и общества, царилъ классицизмъ, въ которомъ руководящую роль получила латынь. Кстати, когда въ настоящее время, время несомнѣнной и повсемѣстной ликвидаціи школьнаго классицизма, какъ монопольной системы средняго образованія, заводится длинный споръ о томъ, какому древнему языку въ русской средней школѣ отдать предпочтеніе при облегченіи учащагося юношества отъ пригнетающаго его классическаго груза, что выбросить за бортъ: греческій языкъ или латынь, то препирающіеся болѣею частью забываютъ, что ихъ споръ нѣкогда уже стоялъ на очереди и давно уже вырѣшенъ въ исторіи русской образованности. Въ сущности онъ рѣшался даже дважды: сперва на юго-западномъ форпостѣ русской культуры и затѣмъ въ самомъ Московскомъ государствѣ, разросшемся въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка въ Россійскую имперію. На юго-западѣ православныя братства и ихъ школы организовавшись на борьбу за православіе противъ латынства, заимствовали свою школьную культуру изъ Греціи, создавъ при помощи такого заимствованія «еллино-славянское» образованіе съ безусловнымъ преобладаніемъ греческаго элемента. Но напелся духовный сановникъ, который не поцеремонился замѣнить еллино-славянскую школьную культуру болѣе высокой, заимствованной не съ востока, а съ запада—польско-латинской. «Окруживъ себя дружиною молодыхъ ученыхъ, такихъ же воспитанниковъ латинскихъ западныхъ школъ, митрополитъ Петръ Могіла преобразовалъ Кіевскую братскую школу по образцу іезуитскихъ коллегій и ввелъ въ нее преобладаніе латинскаго схоластическаго элемента. Всѣ представители юго-западнаго образованія и даже казаки и кіевское посольство возстали противъ него за это антинаціональное дѣло, произвели шумное и грозное волненіе, поставившее въ опасность самое существованіе коллегіи и жизнь ея реформаторовъ, но Могіла твердо отстоялъ свою реформу и мало-по-малу латинское образованіе сдѣлалось господствующимъ на всемъ западѣ» *).

Та же самая борьба повторилась на московской почвѣ, когда Москва вынуждена была пойти на выучку къ представителямъ юго-западной образованности. Сперва въ роли учителей явились питомцы прежнихъ до моголинскихъ школъ, принявшіеся за насажденіе «еллино-славянскаго» образованія. Но потомъ вслѣдъ за ними стали попадать въ Москву другіе кіевскіе учителя, несшіе съ собой латинскую богословскую и школьную культуру. Заподозрѣнные въ латынствѣ, они должны были уда-

*) Знаменскій «Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года» (стр. 3—4).

лится и на ихъ мѣсто были призваны греки. Еллино-славянское образование торжествовало побѣду надъ латинскимъ, но не надолго. Сперва и оно само было взято подъ подозрѣніе, а потомъ петровская реформа, одно изъ самыхъ крупныхъ національныхъ и въ то же время западныхъ дѣлъ въ русской исторіи, поставила на очередь вопросъ о реформѣ духовнаго образованія. Со смертью послѣдняго патріарха западное вліяніе снова стало захватывать въ свою сферу русскую церковь и ея школу. Мѣстоблюстителю патріаршаго престола Стефанъ Яворскій на основаніи особаго дозволительнаго указа царя сталъ вводить въ Московской академіи кіевскіе порядки и «латинскія ученія». Изъ Кіевской академіи стали призываться въ Москву преподаватели, а москвичи начали ѣздить для ученія въ Кіевъ. «Напрасно разные ревнители православія и эллино-славянскаго ученія роптали на эти новые порядки и на разливъ латинскихъ ученій» *). Напрасно одинъ изъ восточныхъ патріарховъ Досіеей Іерусалимскій съ горечью укорялъ Яворскаго за то, что онъ «еллинское училище въ конецъ стерлъ и токмо о латинскихъ старается, поставивъ учителей въ догматѣхъ строптивыхъ». Напрасно онъ доказывалъ самому царю, что еллинское ученіе несравненно превосходитъ латинскаго и что «кто предпочтетъ латинскій языкъ есть еретикъ и отступникъ и еще яко на латинскомъ языкѣ написана суть толика ереси, толика шпынства, паче же безбожества». Но—какъ справедливо замѣчаетъ ученый историкъ духовнаго образованія въ Россіи—«мысли такого рода уже не принимались во вниманіе. Сама реформа всѣми силами своими поворачивала Россію отъ востока къ западу, отъ прежнихъ византійскихъ вліяній къ западной цивилизаціи, взросшей на латино-римской почвѣ. Борьба прежняго еллино-славянскаго направленія тянулась, впрочемъ еще, долгое время и при Петрѣ, и даже послѣ него, и составляетъ одинъ изъ важныхъ основныхъ мотивовъ въ исторіи духовнаго образованія въ первой половинѣ XVIII вѣка».

Насажденіе классицизма въ русской духовной школѣ этого времени въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ страдную эпопею покоренія русскаго юношества подъ иго той классической системы, духовными виновниками которой были московскіе редактора, властнымъ насадителемъ—петербургскій бюрократъ, а чиновниками по педагогической части—привозные чехи и нѣмцы. Разница, и очень существенная, въ томъ, что латинское наводненіе XVIII вѣка было до извѣстной степени своевременнымъ культурнымъ потокомъ, и среда, которую онъ залилъ, не могла противопоставить ему ничего лучшаго или даже сколько-нибудь равносильнаго, между тѣмъ какъ толстовско-чешскій классицизмъ былъ ненужнымъ и запоздалымъ насиліемъ надъ обществомъ, которое, будь у него развязаны руки для свободнаго творчества школьной культуры, создало бы школу и болѣе рациональную, и

*) Знаменскій, стр. 9.

болѣе самобытную, чѣмъ отживающая восьмиклассная гимназія съ двумя древними языками. Если бы во вторую половину 60-хъ годовъ, во главѣ нашего вѣдомства народнаго просвѣщенія сталъ не графъ Дмитрій Толстой, съ такими помощниками, какъ Георгіевскій и прочіе, а Пироговъ, окруженный такими педагогами, какъ выдвинувшіеся въ 60-е годы, но оттертые на задній планъ въ 70-е гг. Ушинскій, Резнеръ, Стоюнинъ и другіе, то мы бы, навѣрное, имѣли въ настоящее время достойную великаго культурнаго народа національную среднюю школу, вполне отвѣчающую потребностямъ времени. Но судьба рѣшила иначе: русская школа и русское юношество стали жертвою политическаго эксперимента властнаго министра, и теперь, черезъ 30 лѣтъ послѣ его школьной революціи сверху, страна стоитъ въ сущности безъ всякихъ руководящихъ педагогическихъ идей и безъ крупныхъ педагогическихъ дѣятелей передъ новой реформой. Общественное сознание смутно чувствуетъ, что для плодотворнаго преобразованія школы нужны новыя условія общественной жизни, въ которыхъ могъ бы вновь зажечься педагогическій и общегражданскій энтузіазмъ, подобный одушевленію 60-хъ гг., такъ сильно пошедшему на пользу, напримѣръ, Мялутинскимъ военнымъ гимназіямъ. Безъ такого энтузіазма не поднять на плечи и не провести крупной школьной реформы, которая только возможна въ связи съ общимъ подъемомъ общественнаго творчества, какъ часть цѣлой программы дѣйствительнаго національнаго возрожденія...

Мы сказали, что завоеваніе нашей духовной школы XVIII вѣка классицизмомъ нѣкоторыми своими чертами напоминаетъ вторженіе толстовскаго классицизма въ свѣтскую школу послѣдней трети XIX вѣка. Роль чеховъ въ великорусской духовной школѣ XVIII вѣка сыграли до извѣстной степени малоруссы, явившіеся носителями новой латинской богословско-школьной культуры. Эти «черкасы», сосредоточившіе на себѣ столько ненависти со стороны своихъ великорусскихъ учениковъ и выучениковъ, ставшихъ ихъ соперниками, были для великорусской школы, «люди въ собственномъ смыслѣ, чужіе, наѣзжіе изъ какой-то чужой страны, какой тогда представлялась Малороссія, съ своеобразными привычками, понятіями и самой наукой, съ своей малопонятною, странною для великаго русскаго ума рѣчью». Они «не только не хотѣли привороваться къ просвѣщаемому ими юношеству и къ призвавшей ихъ странѣ, но даже явно презирали великоруссовъ, какъ дикарей, надъ всѣмъ смѣялись и все порицали, что было не похоже на ихъ малороссійское, а все свое выставляли и навязывали какъ единственно хорошее. Сдѣлавшись преподавателями въ великорусскихъ школахъ они не оставили даже своего провинціального нарѣчія, вслѣдствіе чего по замѣчанію одного изъ изслѣдователей по исторіи нашихъ семинарій ни учителя учениковъ, ни ученики учителей не понимали. Преданность ихъ своему нарѣчію доходила до такой степени, что они даже въ классѣ осмѣи-

вали формы великорусскаго нарѣчія и принуждали учениковъ объясняться такъ, какъ они сами говорили, напр. запрещали говорить: «въ Кіевѣ» и требовали, чтобъ говорили: «у Кіевѣ»... «Самая наука, которую принесли съ собой учителя-малороссы, стоила многихъ мученій великорусскому юношеству и долго возбуждала въ немъ непреодолимое отвращеніе, пока кое-какъ не привилась на новой непривычной къ ней почвѣ».

Противодѣйствіе этой наукѣ, очень медленно ослабѣвая, наблюдается во всѣ первыя 6 десятилѣтій XVIII вѣка. За исключеніемъ одного Θεодосія Яновскаго, сдѣлавшаго въ свое время попытку приспособить новое латинское образованіе къ мѣстнымъ великорусскимъ преданіямъ, другіе архіереи-черкасы дѣйствовали прямо въ подрывъ этимъ преданіямъ. Семинарскіе курсы повсюду являлись точною копіей курса Кіевской академіи, сложившагося подъ западнымъ вліяніемъ по латинско-католическимъ образцамъ *).

Единственное, напоминавшее въ семинарскомъ курсѣ старое еллино-славянское образованіе, было преподаваніе въ низшемъ классѣ «словено-россійскаго ученія» и церковнаго пѣнія, но это преподаваніе со-временемъ выдѣлилось изъ общаго семинарскаго курса, образовавъ особый, приготовительный къ семинаріи классъ, а въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ и вовсе упразднилось съ отнесеніемъ его предметовъ не къ школьному, а къ частному и домашнему обученію.

Послѣ славяно-россійскаго класса ученики семинаріи непосредственно переходили къ изученію латинскаго языка, считавшагося основою всѣхъ знаній и главнымъ орудіемъ ихъ пріобрѣтеній. Въ первомъ классѣ, носившемъ названіе «фары» или «аналогіи», семинаристы учились читать и писать по «элементарю». Часто это трудно дававшееся ученіе продолжалось нѣсколько лѣтъ. Осилить «элементаръ», ученики переходили въ дальнѣйшіе классы, именовавшіеся «инфимой», «грамматикой» и «синтаксимой» и посвященные спеціальной грамматической выучкѣ. Въ «инфимѣ» преподавались первоначальныя этимологическія правила, ученики пріучались къ грамматическому разбору и начинали писать небольшія переводныя упражненія (экзерциціи). Здѣсь ученики сталкивались впервые съ мудростью великаго Альвара, т.-е. съ толстой латинской грамматикой Альвара, перешедшей изъ Польши въ Малороссію. Альваръ давался съ большимъ трудомъ семинаристамъ того времени, и не мудрено: Кюнеры и Ходобаи—сущая бездѣлица по сравненію съ этимъ толстымъ учебникомъ. Онъ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ въ семинаріи. На первомъ листкѣ книги грамматика эта изображалась въ видѣ плодovitаго дерева съ тремя отдѣлами сучьевъ, соотвѣтствовавшими тремъ грамматическимъ классамъ. Въ предисловіяхъ, сочинявшихся преподавателями, это древо Альварово сравнивалось съ древомъ въ видѣніи пророка Дачила, достигающимъ до

*) Знаменскій, стр. 435—436.

неба и укрывающимъ своими вѣтвями и звѣрей земныхъ, и птицъ небесныхъ. «Высоко это древо,—говорилось тамъ,—и достигаетъ до неба, ибо Творецъ Неба, самъ сый Премудрость, любитъ ищущихъ полезной мудрости. Весь миръ освѣщаетъ это древо, ибо всюду имѣетъ мѣсто мудрость. Чудесенъ плодъ его, ибо питаетъ души смертныхъ въ учителяхъ и проповѣдникахъ церкви. Витаютъ звѣри подъ этимъ древомъ, ибо мудрость заграждаетъ уста невѣрныхъ и еретиковъ. На вѣтвяхъ этого древа укываются птицы небесныя, т.-е. ангелы — любители мудрости. Приди и виждь это древо, восходи по нему умомъ и духомъ и вкушай плоды его, пребуди подъ его тѣнью и, усладившись, воскликнешь съ поэтомъ: *exigit ad coelum radiis felicibus arbor...* Высоко это древо, но вотъ три класса, какъ бы лѣстница о трехъ ступеняхъ: низшій, средній и высшій: восходи по нимъ и рви плоды грамматики». Однако семинаристы не очень восхищались этимъ древомъ мудрости и своихъ учителей малороссовъ ругательно прозвали «альварями».

Въ слѣдующемъ классѣ, называвшемся «грамматикой», проходились главнѣйшія синтаксическія правила. Ученики вооружались знаменитымъ «Кнаціушемъ» — такъ называли латинскій лексиконъ, первоначально изданный тоже для польскихъ школъ и на польскомъ языкѣ. Тутъ же начинались упражненія въ разговорѣ на латинскомъ языкѣ и выступалъ на сцену т. н. *Calculus*. Это былъ длинный, помѣщавшійся въ футлярѣ листъ, на которомъ записывались имена учениковъ, проговорившихся во время латинскихъ разговоровъ по-русски и вообще провранныхъ въ латыни. «*Calculus* этотъ сопровождалъ учениковъ изъ класса и въ ихъ бурсацкія комнаты; провинившійся противъ латыни таскалъ его съ собою до тѣхъ поръ, пока не успѣвалъ самъ подловить въ латинской ошибкѣ или въ русскомъ словѣ другого, которому и спѣшилъ передать опасный футляръ; у кого *Calculus* переночевывалъ, тотъ подвергался на другой день ударамъ пали или ферулы». При подачѣ письменныхъ работъ учителю учениками послѣдніе заявляли *certamina* или споры на сидящихъ въ классѣ выше ихъ, надписывая на тетради: *Certo de loco, de erratis, de diligentia cum domino NN*. Иногда призомъ спора являлись матеріальные предметы, и тогда писалось: *Certo de pane, de candella* и т. д. Наказанія за неисправности были столь суровыя, что, по словамъ одной оккупации (ученической письменной работы), «должно заболѣти на сердцу и сотрепетати по рукамъ и ногамъ, кто хоцетъ въ нятихъ Афинахъ радоватися душою съ честнаго ученія, ибо Екклезіастій глаголи: «Всякаго ученія корень горекъ». Упраженія въ латинскомъ разговорѣ считались обязательными и въ классѣ, и дома. Число учебныхъ часовъ латинскаго языка въ «грамматикѣ» и въ послѣднемъ грамматическомъ классѣ «синтаксимѣ» доходило до 5 въ день. Такого завиднаго раздолья или такой «концентраціи» нашему новѣйшему классицизму, конечно, не удалось достигнуть. И не смотря на это, многіе ученики бились годы и годы въ одномъ классѣ, лѣтъ по

6—8, хотя курсъ каждого класса былъ разсчитанъ на одинъ годъ. Въ 1760 году синодъ сдѣлалъ выговоръ ректору Московской академіи за то, что тамъ оказался юноша, просидѣвшій въ «синтаксимѣ» цѣлыхъ десять лѣтъ.

Высшими классами семинаріи являлись: піитика, реторика, философія и богословіе («богословія»). Здѣсь немногими счастливыми, забравшимися на эти ступени семинарской мудрости, пожинались плоды долговременной и мучительной латинской выучки: всѣ предметы старшихъ классовъ преподавались на латинскомъ языкѣ. Въ піитикѣ и реторикѣ изучали разнообразнѣйшія и мельчайшія формы рѣчи стихотворной и прозаической, изоощрялись въ разнаго рода красивыхъ и звонкихъ оборотахъ, придумывали амплификаціи и «полныя симметрическіе, плавные періоды». Философія и «богословія», преподаваніе которыхъ въ первой половинѣ XVIII вѣка было организовано далеко еще не во всѣхъ семинаріяхъ, читались тоже на латинскомъ языкѣ и въ томъ же стилѣ.

Результаты школьнаго классицизма XVIII вѣка, гораздо болѣе своевременнаго и здороваго, чѣмъ отмирающій теперь (хотя первый представляется намъ еще болѣе дикимъ, чѣмъ второй), нельзя охарактеризовать одной формулой. Несомнѣнно, что семинарская латынь была въ свое время важнымъ орудіемъ общаго образованія, а высшіе семинарскіе курсы піитики, реторики, философіи и богословія сообщали слушателямъ значительный для того времени общеобразовательный матеріалъ. «Какова бы ни была семинарская реторика и философія, — справедливо говоритъ г. Знаменскій, — онѣ сообщали ученику не одну ремесленную выучку, а въ собственномъ словѣ образованіе, развитіе. Ихъ изучалъ одинъ семинаристъ. Оттого онъ и имѣлъ огромное преимущество передъ воспитанниками всѣхъ другихъ заведеній, гдѣ этихъ наукъ не было; оттого такъ и дорожили имъ въ университетахъ Петербургскомъ академическомъ и Московскомъ; оттого такъ много замѣчательныхъ людей изъ духовныхъ воспитанниковъ встрѣчаемъ въ XVIII вѣкѣ и на всѣхъ родахъ государственной и ученой службы». Но, съ другой стороны, семинарская наука была насквозь проникнута формализмомъ. «Ученикъ въ теченіе своего многолѣтняго курса вращался въ однѣхъ формахъ, — говоритъ тотъ же г. Знаменскій, — отъ формъ языка переходилъ къ формамъ піитической и ораторской рѣчи, отъ формъ рѣчи къ разнымъ формамъ мысли. Наконецъ, всѣ эти формы стремился прилагать къ богословскимъ положеніямъ, которыя затѣмъ и оставались почти единственнымъ ихъ содержаніемъ. Кое-какія положительныя знанія только и попадались ему, что въ разныхъ *subsidia* *poeseos* или въ источникахъ изобрѣтенія мыслей, въ разныхъ реторическихъ супелексахъ *eruditionum*, *sententiarum* и проч., или, наконецъ, въ философской физикѣ; но само собой понятно, что всѣ подобныя обрывки разнообразныхъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ безъ правильнаго изученія этихъ наукъ, только могли служить развѣ въ качествѣ пособій

для украшенія ораторскихъ рѣчей, для придаванія имъ извѣстнаго рода занимательности къ увеселенію слушателей, или въ качествѣ примѣровъ и свидѣтельствъ для усиленія діалектической аргументаціи. Недостатокъ положительныхъ знаній вредно отзывался на самомъ богословіи. Формальная, исключительно діалектическая ученость, при всемъ своемъ самоувѣннѣи, была слишкомъ довѣрчива и наивна. Обращая все свое вниманіе только на формальную правильность своихъ силлогизмовъ, она вовсе не отличалась критикой и простодушно набивала свои богословскіе трактаты всякими средневѣковыми бреднями, апокрифами, легендами объ ангелахъ и дѣмонахъ, росказнями о ложныхъ чудесахъ, важными рѣшеніями пустыхъ и мелочныхъ вопросовъ, которые чловѣку вѣрующему и не тронутому схоластикой не могутъ придти и въ голову и т. п.» *).

Латинская дрессировка давала поразительные результаты, которые и не снились новѣйшимъ насадителямъ классицизма. Лучшіе семинаристы начинали чуть что не мыслить по-латыни. «Когда имъ случилось что-нибудь записывать по-русски, или, напримѣръ, послѣ въ высшихъ классахъ составлять про себя на бумагѣ планъ какого-нибудь русскаго сочиненія, они невольно пересыпали свою рѣчь латинскими фразами, а нѣкоторые знатоки такъ и все сочиненіе писали первоначально на языкѣ латинскомъ, а потомъ уже переводили съ него на русскій» **).

Но зато такая превосходная латинская дрессировка давала у не малаго числа учениковъ и весьма плачевные плоды. Имѣя это въ виду, одна семинарская инструкція такъ прямо и рекомендовала соблюдать нѣкоторую мѣру въ начиненіи головъ семинарскихъ учениковъ латынью, дабы не причинить «какого поврежденія ихъ мозгамъ».

Любопытно также, что крайнее увлеченіе латынью приводило къ забвенію родного языка. Нѣкоторые ученики, дойдя до высшихъ классовъ, разучивались даже... читать по-русски. Въ 1768 году смоленскій епископъ писалъ въ одномъ указѣ: «Разсуждали мы, что многіе изъ учениковъ семинаріи, будучи уже отпущены съ аттестатами... для производства въ причтъ церковный, въ чтеніи книгъ церковныхъ и гражданскихъ, а также и въ церковномъ пѣннѣи являются весьма неисправны, а нѣкоторые крайне невѣжи и во всемъ, и притомъ не только ученики низшихъ школъ (т.-е. классовъ), но тѣмъ же недостаткамъ подвержены и ученики высшихъ реторики, философіи и богословіи». Причину этого невѣжества епископъ видѣлъ въ томъ, что «они долгое время проводили во ученіи латинскихъ школъ» ***).

Слѣдуетъ указать и особливо подчеркнуть, что семинарскій клас-

*) Тамъ же, стр. 463—464.

**) Тамъ же, стр. 740.

***) Тамъ же, стр. 736.

сицизмъ XVIII вѣка былъ латинскимъ по преимуществу. Греческій языкъ былъ оттѣсненъ на задній планъ вмѣстѣ съ паденіемъ «ллино-славянскаго» образованія: до 1780 года, когда правительство, увлекшееся «греческимъ проектомъ» (изгнаніе турокъ изъ Европы, завоеваніе Константинополя и возстановленіе Византійскаго царства) обратило на греческій языкъ свое вниманіе, преподаваніе его оставалось даже необязательнымъ для семинарій. Ставъ въ этомъ году обязательнымъ для школы, греческій языкъ остался номинально до 1798 года, а фактически и до болѣе поздняго времени необязательнымъ для учащихся. Охотниковъ учиться ему было немного, хотя въ 1784 году именнымъ указомъ было предписано: «предпочтительнѣе другихъ языковъ преподавать въ семинаріи греческій языкъ, какъ въ разсужденіи, что книги священныя и учителей нашей греко-россійской церкви на немъ написаны, такъ и потому, что знаніе сего языка многимъ другимъ наукамъ пособствуетъ», и впредь при замѣщеніи церковныхъ должностей отдавать преимущество лицамъ, знающимъ этотъ языкъ. На основаніи этого указа, синодъ приказалъ ввести изученіе греческаго языка во всѣхъ семинаріяхъ въ самомъ скоромъ времени съ тѣмъ, чтобы учились на немъ «не только читать, но писать, говорить и переводить совершенно, для чего и учителей опредѣлять достойныхъ и знающихъ» *). Но, конечно, никакія мѣры не могли вернуть греческому языку утраченнаго вмѣстѣ съ Петровскою реформой былого первенствующаго значенія въ русской духовной и, въ частности, школьной культурѣ.

Вопросъ о преподаваніи высшихъ семинарскихъ наукъ на русскомъ языкѣ былъ поставленъ еще въ 1731 году въ грамотѣ Харьковскому коллегіуму, въ которой было выражено пожеланіе, чтобы «высшія науки старались вводить на собственномъ россійскомъ языкѣ». Но эта мысль не привилась: ея осуществленіе разбивалось о школьную традицію, по которой употребленіе латинскаго языка въ преподаваніи было дѣломъ педагогическаго приличія. Въ 1759 году въ Кіевской академіи митрополитъ Арсеній распорядился читать богословамъ по-русски православное исповѣданіе Петра Могилы. Но «эта уступка требованіямъ жизни допущена была академіей, такъ сказать ради чело-вѣческой слабости»: русскія чтенія являлись въ видѣ прибавленія къ настоящему богословскому курсу, который все-таки предписывалось читать, «сохраняя чистый латинскій штиль и оберегаясь грубаго, простого нарѣчія». Первый, болѣе рѣшительный опытъ разрыва съ традиціоннымъ преподаваніемъ на латинскомъ языкѣ былъ произведенъ, повидимому, въ Твери. Починъ этому дѣлу положилъ ректоръ Тверской

*) Тамъ же, стр. 768.

духовной семинаріи, извѣстный въ свое время богословъ, сербъ Макарій Петровичъ, который ввелъ въ семинарское преподаваніе въ половинѣ 60-хъ годовъ XVIII вѣка «въ высшей степени важное и полезное новшество»: сталъ преподавать «богословію» на російскомъ языкѣ *)). Примѣръ ректора, перешедшаго въ дѣлѣ преподаванія отъ чуждаго языка къ родной для учениковъ рѣчи,—говоритъ историкъ Тверской духовной семинаріи,—имѣлъ заразительное вліяніе и на другихъ учителей семинаріи. Новшество Макарія Петровича было воспринято и укрѣплено однимъ изъ его ближайшихъ преемниковъ — ректоромъ Арсеніемъ Верещагинымъ. Но съ 1770 года, когда тверскимъ архіепископомъ былъ назначенъ Платонъ Левшинъ, позже знаменитый митрополитъ московскій, произошла обратная переимѣна. Архіепископъ разошелся въ педагогическихъ воззрѣніяхъ съ ректоромъ семинаріи и возстановилъ прежнее значеніе латинскаго языка въ семинарскомъ преподаваніи. Когда же въ 1775 году послѣ Платона на епископскую кафедру въ Тверь былъ назначенъ Арсеній Верещагинъ, онъ ввелъ во всѣхъ классахъ семинаріи преподаваніе на русскомъ языкѣ и, такимъ образомъ, еще полнѣе осуществилъ новшество Макарія Петровича.

Однако, видно, такова ужъ судьба всѣхъ благихъ русскихъ реформъ. Къ реформированной Тверской семинаріи подкрадывалась снова контрреформа. Арсеній былъ въ 1783 году перепеденъ въ Ростовъ, а въ Тверь былъ назначенъ епископомъ Іоасафъ Заболотскій. Этотъ іерархъ, не отличавшійся, по словамъ историка Тверской семинаріи, самостоятельнымъ умомъ и оставившій по себѣ, между прочимъ, письменный памятникъ въ видѣ свирѣпой надписи на одной книгѣ семинарской библіотекѣ: «сія книга достойна огня геенскаго», безцеремонно посягнулъ на дѣло своего предшественника. Въ 1784 году онъ отмѣнилъ преподаваніе на русскомъ языкѣ. Любопытно, что этотъ возстановитель крайняго классицизма держался принципа—выбрасывать изъ воспитанниковъ семинаріи бѣдняковъ, присуждая ихъ къ отправкѣ въ «свѣтскую команду», т.-е. приравнивая бѣдность къ неспособности къ ученію. Экономически-педагогическая доктрина пресловутаго дяляновскаго циркуляра была, такимъ образомъ, за 100 лѣтъ предвосхищена въ практикѣ нашей духовной школы. Эта практика вносила много ненужнаго горя въ и безъ того невеселую жизнь немущихъ семинаристовъ. Въ дѣлахъ тверской консисторіи «находится много пропѣній бѣдныхъ учениковъ семинарій, присужденныхъ суровымъ владыкою къ отправкѣ въ свѣтскую команду и просившихъ оставить ихъ въ семинаріи или опредѣлить на какое-либо церковно-служительское мѣсто» **).

*) В. И. Колосовъ. Исторія тверской духовной семинаріи, Тверь, 1889 г. стр. 132—133.

**) «Исторія тверской семинаріи», стр. 220.

Возстановленное въ 1784 году въ Тверской семинаріи преподаваніе высшихъ наукъ на латинскомъ языкѣ оказалось очевь живучимъ и перешло, какъ и въ Твери, такъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, изъ XVIII-го въ XIX столѣтіе.

Тѣмъ не менѣе, въ екатерининское царствованіе крайній семинарскій классицизмъ, прочно утвердившійся въ русской духовной школѣ и пережившій господство черкасъ, сталъ постепенно изнутри шататься и ослабѣвать. Мы знаемъ уже, что радикальная реформа Макарія Петровича не была одобрена Платономъ Левшинымъ. Этотъ авторъ первой написанный на русскомъ языкѣ системы богословія считалъ все-таки нужнымъ преподавать богословіе въ прежнихъ школьныхъ формахъ и непремѣнно на латинскомъ языкѣ, и обращалъ большое вниманіе на діалектическое развитіе учениковъ богословскаго класса въ духѣ прежней схоластики, требуя «чтобы диспуты бывали чаще и чтобы они способствовали къ большому поощренію ума учениковъ». Онъ вѣрно стоялъ за латынь и въ 1802 году писалъ своему петербургскому коллегѣ митрополиту Амвросію, отличавшемуся въ этомъ вопросѣ большимъ свободомысліемъ: «чтобы на русскомъ языкѣ у насъ въ училищѣ предметы преподавать я не совѣтую. Наши духовные и такъ отъ иностранцевъ почитаются почти неучеными, что ни по-французски, ни по-нѣмецки говорить не умѣютъ. Но еще нашу поддерживаетъ честь, что мы говоримъ по-латыни и переписываемся. Если же латинскому учиться такъ, какъ греческому, то и послѣднюю честь потеряемъ, поелику ни говорить, ни переписываться не будемъ ни на какомъ языкѣ; прошу сіе оставить. На нашемъ языкѣ и книгъ классическихъ мало. Знаніе Латинскаго языка совершенно много содѣйствуютъ краснорѣчію россійскому. Сіе пишу съ общаго совѣта ректоровъ академическаго и троицкаго, и префекторовъ и пресвященнаго Серафима» *). «Учителю,—внушалось въ одной инструкціи Платона,—и при началѣ, и часто внушать ученикамъ, какая польза отъ ученія грамматики и сколько и чѣмъ различествуетъ знающій сію науку отъ незнающаго. И что безъ нея ни ораторомъ, ни стихотворцемъ, ни философомъ, ни богословомъ быть нельзя. Даже не можно ничего ни писать, ни прочесть порядочно, ни выразумѣть основательно». Тѣмъ не менѣе и этотъ стражъ латыни еще въ 1766 году въ одномъ распоряженіи, относившемся къ преподаванію наукъ въ Троицкой семинаріи указывалъ: «Упражненія должно задавать (ученикамъ реторики) дѣлать на томъ, и на другомъ языкѣ, латинскомъ и русскомъ попеременно, ибо нехорошо приучать къ языку латинскому, а родную рѣчь бросать» **).

*) Знаменскій, стр. 746.

**) Тамъ же, стр. 744.

Въ царствованіе Екатерины рядомъ съ латинской цѣиткой и реторикой во всѣхъ семинаріяхъ введено было изученіе и русской. Философскіе и богословскіе урски стали также переводиться на русскій языкъ. Ученическія упражненія писались тоже уже отчасти на русскомъ языкѣ. На немъ же преподавались экстраординарныя свѣтскія науки (новые языки, ариѳметика, географія съ исторіей, позднѣе медицина). И все-таки, какъ мы знаемъ, послѣ отмѣненной тверской попытки ни одинъ изъ главныхъ руководителей семинаріи, епархіальныхъ архіереевъ, не рѣшился ввести преподаваніе высшихъ наукъ на русскомъ языкѣ и по русскимъ учебникамъ. Любопытно, что даже тамъ, гдѣ русское руководство Платона (богословіе) было главнымъ учебникомъ, ученики изучали его все-таки не въ русскомъ подлинникѣ, а въ латинскомъ переводѣ.

Въ екатерининское время началось движеніе воды въ области свѣтской школы. Въ 80-хъ годахъ Екатерина, отказавшись отъ воспитательныхъ цѣлей и задачъ, въ осуществленіи которыхъ ея помощникомъ являлся Бецкой, увлеклась постановкой обученія, и трудами серба Янковича де-Миріево стала насаждать общеобразовательную «австрійскую» систему, или, вѣрнѣе, австрійскій сколокъ съ прускаго образца *). Къ этой учебной реформѣ Екатерина привлекла и духовныя школы. Съ одной стороны, изъ духовныхъ семинарій вербовался человѣческій матеріалъ для подготовки въ учителя новыхъ школъ съ другой стороны новые методы проникли въ духовную школу: въ 1785 г., исполняя желаніе императрицы, синодъ издалъ указъ о введеніи въ духовныя школы «австрійскаго» метода. Хотя методъ этотъ, расчитанный преимущественно на низшія школы, былъ мало пригоденъ для преподаванія семинарскихъ «наукъ», хотя онъ и усваивался, главнымъ образомъ, изъ угожденія императрицѣ **), тѣмъ не менѣе, онъ несомнѣнно оказалъ извѣстное благотворное вліяніе на семинарское преподаваніе. Благодаря этому методу, въ духовныхъ школахъ стало развиваться обученіе на русскомъ языкѣ и преподаваніе русскаго языка и упрочилось преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ (физики, географіи, исторіи ***), ариѳметики), до тѣхъ поръ не

*) См. М и л ъ к о в ъ «Очерки по исторіи русской культуры», ч. II, стр. 299—302.

***) Такъ, митрополитъ Платонъ, который вовсе не сочувствовалъ новому методу, въ 1787 г., когда пришли извѣстія изъ Смоленска, что императрица сама узнавала, введенъ-ли новый методъ въ тамошней семинаріи, счелъ нужнымъ на всякій случай справиться въ своей семинаріи, какъ обстоятъ въ ней дѣла излюбленнаго императрицей метода и что слѣдуетъ подготовить «для могущаго случиться высочайшаго прибытія». Любопытно, что новый методъ по тому значенію, какое онъ придавалъ въ школахъ русскому языку, казался семинарскимъ латынникамъ чрезвычайно опаснымъ для успѣховъ въ латинскомъ языкѣ.

****) Какой первобытный взглядъ господствовалъ въ тѣ времена на преподаваніе исторіи явствуетъ изъ одной инструкціи даже такого просвѣщеннаго іерарха, какъ

прививавшіеся къ чуждой ему традиціонной и спеціальной школьной культурѣ семинарій.

Наконецъ, въ 1803 г. по почину петербургскаго митрополита Амвросія была сдѣлана попытка учредить нѣчто въ родѣ особыхъ и законченыхъ «русскихъ» семинарій для подготовленія сельскихъ священниковъ изъ лицъ, оказавшихся неспособными къ усвоенію латинской премудрости. Но эти довольно широко задуманныя «русскія» школы въ дѣйствительности частью слились съ пригготовительнымъ классомъ семинарій (аналогіей, или по болѣе позднему названію—инфарматоріей), частью же опустились до уровня школъ причетническихъ.

Мы сказали въ самомъ началѣ, что духовная семинарія въ XVIII вѣкѣ была главной средней школой въ Россіи. Несмотря на тенденцію духовнаго начальства—придать семинаріи характеръ сословно-профессиональнаго учебнаго заведенія, заградивъ ея воспитанникамъ выходъ въ другія профессіи и сословія, это никогда ему не удавалось. Государство и общество уже настолько нуждались въ людяхъ со среднимъ образованіемъ, что, за неимѣніемъ другихъ источниковъ, удовлетворяли своей потребности въ такихъ людяхъ, отвѣкая семинаристовъ отъ ихъ традиціонной профессіи. О томъ же, чтобы въ семинаріи не попадали дѣти иныхъ сословій, кромѣ духовнаго, гораздо больше церковнаго начальства заботилось свѣтское, требовавшее дворянъ къ своевременному отбыванію обязательной службы, а лицъ тяглыхъ не выпускавшее изъ «оклада». Съ другой стороны и сама духовная школа, какъ сословно-профессиональное учрежденіе, не была заинтересована въ томъ, чтобы тратить свои силы и средства на такихъ учениковъ, которые, въ силу сословнаго уклада государственно-общественной жизни, имѣли мало шансовъ сдѣлаться служителями церкви. Впрочемъ, достаточно извѣстно, что русское общество того времени въ значительной мѣрѣ относилось къ ученію, какъ къ государственной повинности, отъ которой оно всячески уклонялось. Чрезвычайно яркій призмѣръ этого отношенія представляетъ одинъ любопытный эпизодъ изъ исторіи духовной школы. Когда вятскій епископъ Лаврентій Горка вздумалъ въ 1733 году набирать въ архіерейскую школу дѣтей лицъ гражданскаго вѣдомства, то канцелярскіе подъячіе и посадскіе устроили противъ него форменный бунтъ, взяли въ плѣнъ архіерейскихъ служителей, а его самого держали въ архіерейскомъ домѣ въ регулярной осадѣ, о которой онъ писалъ въ доношеніи на высочайшее имя: «...мое смиреніе въ домѣ архіерейскомъ, яко въ осадѣ доселѣ содержусь, и нельзя изъ дому архіерейскаго никому вонъ вытѣть. Понеже изъ оной канцеляріи дому нашего

митрополитъ Платонъ: «ученикамъ (реторики) изучать краткую исторію всесвѣтную и російскую, а учителя долгъ есть только наблюдать, чтобы они сіе твердо знали, ибо знаніе исторіи состоитъ наипаче въ чтеніи и памятованіи ея, а толкованія много не требуетъ» (Знаменскій, стр. 793—794).

учителей и служителей хватать различно похваляются, а нѣкоторыхъ служителей содержать въ той канцеляріи другую недѣлю» *).

II. Тверской «воплъ».

Во второй половинѣ XVIII вѣка отношеніе русскихъ обывателей къ школѣ начало, повидимому, мѣняться. Они стали живѣе интересоваться школой и образованіемъ, и любопытнымъ памятникомъ этого интереса служить анонимный «воплъ купецкихъ и разночинческихъ малолѣтнихъ дѣтей», поданный въ 70-хъ гг. XVIII вѣка тверскому архіепископу Платону Левшину, отгнѣвившему, какъ мы знаемъ, преподаваніе высшихъ семинарскихъ наукъ на русскомъ языкѣ. Тверской вопль интересенъ и знаменателенъ еще потому, что это, если не ошибаемся,—первый въ Россіи сознательный и, я бы сказалъ, проникнутый духомъ новой европейской культуры, не нуждающейся въ помочахъ классической системы, протестъ противъ принудительнаго классицизма и его крайностей въ средней школѣ. Авторомъ «вопля», представляющаго нѣчто среднее между частнымъ мнѣніемъ и коллективной петиціей, является, кажется, Діомидъ Ивановичъ Кармановъ, сынъ тверского посадскаго и вполнѣ дѣтви первый публичный нотаріусъ города Твери **). Если этотъ самоучка-археологъ, бывшій вольнослушатель Тверской семинаріи и ученикъ въ богословіи Макарія Петровича, дѣйствительно—авторъ тверского вопля, то онъ положительно обладалъ недюжиннымъ публицистическимъ талантомъ и выразительнымъ стилемъ. Приведемъ наиболѣе существенныя и характерныя мѣста изъ этого своеобразнаго произведенія.

«Хотя ваше преосвященство отеческою къ намъ будучи тронуту пользою,—говорится въ «воплѣ»,—и повелѣли насъ въ вашихъ училищахъ обучать, за что мы и приносимъ всенижайшее наше благодареніе, но, къ великому сожалѣнію, родители наши для обученія наукамъ насъ въ школы не посылають, разсуждая, что науки преподаются обыкновенно на латинскомъ языкѣ, черезъ что мы понесемъ двойной трудъ и должны будемъ обучаться долгое время, оставляя между тѣмъ обученіе того, что къ знанію нашему особенно нужно. Къ тому-жъ, говорятъ они, что латинскій языкъ можетъ въ нѣкоторыхъ изъ насъ умы утрудить, и чрезъ то охоту къ дальнѣйшему въ наукахъ упражненію попортить, и

*) Знаменскій, стр. 294.

**) Таково предположеніе почтеннаго историка Тверской семинаріи г. Колосова (см. его «Исторію», стр. 150). «Вопль» напечатанъ въ изданномъ подъ редакціей г. Колосова «Собраніи сочиненій Д. И. Карманова, относящихся къ исторіи тверского края» (Тверь, 1893 г., изданіе Тверской ученой архивной комиссіи). О Кармановѣ см. во вступительной статьѣ къ этому собранію и въ «Исторіи тверской семинаріи», стр. 447—448. Любопытно, что, по предположенію г. Колосова, въ составленіи вопля соучаствовалъ ректоръ тверской семинаріи Арсеній Верещагинъ, который, какъ мы уже знаемъ, въ значительной мѣрѣ осуществилъ пожеланія, высказанныя въ воплѣ.

сдѣлать насъ къ тому неспособными, что де примѣчено и во многихъ семинаристахъ, которые, обучаясь латинскому языку и наукамъ, вдругъ почувствовали въ себѣ скуку, и оттоль липась къ наукамъ охоты, по довольномъ упражненіи выходятъ не столь знающими, какъ бы желать должно. Справедливо ли родители наши разсуждаютъ, мы разобратъ не можемъ, только сожалѣнія достойными себя признаемъ, что лишаемся драгоценныхъ наукъ бисеровъ, и сію потерю на всю нашу жизнь чувствовать принуждены будемъ».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что архіепископъ Платонъ открылъ въ духовныя школы своей епархіи доступъ дѣтямъ купцовъ и разночинцевъ,—знакъ, что въ этихъ слояхъ уже проявилась потребность въ образованіи. Конечно, Кармановъ преувеличивалъ, когда отъ имени купецкихъ и разночинческихъ малолѣтнихъ дѣтей заявлялъ: «Мы ясно понимаемъ, что науки просвѣщаютъ разумъ, руководствуютъ къ добродѣтели и къ небесамъ, приносятъ почтеніе и пользу и дѣлаютъ насъ истинно счастливыми». Это ясно понимала лишь небольшая кучка, но она уже научилась говорить и выражать свои желанія. Содержание этихъ желаній въ данномъ случаѣ весьма характерно и интересно. Давъ только что приведенную, проникнутую вольнымъ и невольнымъ юморомъ и иѣткую характеристику латинской учебы, «воплъ» просить не болѣе, не менѣе, какъ объ ея отиѣнѣ:

«...Осмѣливаемся припасть вашей святительской особѣ, зная особенное ваше о просвѣщеніи нашемъ стараніе, со всенижайшею нашею просьбою. Отверзите намъ врата наукъ; изведите насъ изъ нашего несчастія, повелите въ учрежденныхъ въ епархіи вашей училищахъ науки преподавать на нашемъ природномъ російскомъ языкѣ, дабы чрезъ то родители наши были побуждены отдавать насъ въ училище, не видя уже никакого препятствія, и къ тому ихъ вашимъ архипастырскимъ увѣщаніемъ склонять не оставьте. Латинскій же языкъ повелите преподавать особю, какъ нынѣ греческой и прочіе преподаются, и къ тому употребить прикажите острѣйшихъ изъ семинаристовъ, ибо и для нихъ не для всѣхъ латинской языкъ необходимо нуженъ. А и мы, увидя самую вещь пріятность и пользу наукъ, и большое получа къ нимъ расположеніе, будемъ всемѣрно старатца, чтобъ и въ знаніи языковъ отъ семинаристовъ не отстать, къ чему одно желаніе читать латинскія книги побудить насъ довольно».

Но этимъ радикальнымъ требованіемъ не ограничиваются реформаторскія пожеланія «вопля». Онъ хочетъ, чтобы и самая программа преподаванія была расширена, «чтобъ къ нынѣшнимъ частямъ философіи, которыя здѣсь преподаются, прибавить физику, а если можно будетъ, то и натуральную исторію, въ чемъ мы особую пріятность и пользу признаемъ, и кажется, что мы, получа обстоятельное познаніе въ свѣтъ находящихся существъ и ихъ причинъ, силъ и дѣйствій, гораздо живую любовь воспламенятца будемъ къ премудрому Создателю

міра. Такое учрежденіе, какъ намъ кажется, многія принесетъ пользы, какъ намъ и всему обществу, такъ изъ семинаристовъ многимъ, которые, получа облегченіе, тѣмъ большее вниманіе и прілежность къ своимъ наукамъ имѣть будутъ.

«Сего давно желаетъ россійское общество. Сіе произведетъ истинныхъ христіанъ и добрыхъ гражданъ. Сіе вертоградъ Россійскій больше украситъ».

Любопытны и мотивы, которые «воплъ» приводитъ въ подкрѣпленіе своихъ пожеланій. «Къ сему (т.-е. къ предлагаемымъ реформамъ),—говорится въ «воплѣ»,—видится намъ, подаетъ способъ и руководство Премудрая и Великая наша Самодержица, истинная отечества Матерь, повелѣніемъ переводитъ многія съ иностранныхъ языковъ на нашъ природной книги, коихъ мы имѣемъ уже нѣсколько и впредь больше имѣть будемъ. Ибо для чего бы столько о переводѣ книгъ Ея Величество старанія прилагала, если бы не имѣла предметъ, чтобы Ея вѣрноподданные могли почерпнуть изъ собственныхъ своихъ кладезей науки и просвѣщенія, не утруждая себя, кому нѣтъ нужды и способа, ученіемъ другихъ языковъ? Не симъ ли путемъ науки перешли отъ Грековъ къ Римлянамъ, а потомъ и по всей Европѣ распространились въ которой просвѣщеніе сдѣлалось почти всеобщимъ? Не сомнѣваемся мы, чтобы и ваше преосвященство сего же не желали, ибо и Вы можете удобнѣе руководить къ небесамъ паству вашу просвѣщенную, Вы всю Вашу жизнь посвятили просвѣщенію нашему и пользѣ общества. И когда такая удобность въ пріобрѣтеніи просвѣщенія сдѣлается, то и возрастныя и должностями занятыя мужи, не оставляютъ свободное отъ должности своей время въ слушаніи наукъ упражняться, каковыхъ мы и новѣ видимъ, которые, увидѣвши нѣкоторыя ученія, изданныя на россійскомъ языкѣ, съ великою охотою въ нихъ устремились и нѣкоторое пріобрѣли просвѣщеніе».

На «воплѣ купецкихъ и разночинческихъ малолѣтнихъ дѣтей» Платонъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Мнѣ кажется, давно бы могло, если бы только хотѣло, гражданство завести на собственномъ своемъ содержаніи порядочное преподаваніе наукъ природнымъ языкомъ; а для сего потребными учителями семинарія, конечно бы, не отреклась снабдить». Эта резолюція не заключала въ себѣ вовсе отвѣта по существу на заявленіе просителей. Обыватели въ лицѣ автора «вопля» хотѣли поддержанія и продолженія реформы существующей средней школы, въ которую они искали и нашли себѣ доступъ, и указаніе на возможность открытія особыхъ школъ по почину самого «гражданства» не могло ихъ удовлетворить. Такая возможность въ самомъ дѣлѣ была чисто теоретической: основаніе школъ, а тѣмъ болѣе среднихъ было для нашего полумужицкаго «гражданства» XVIII вѣка во всѣхъ отношеніяхъ непосильно.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тверской «воплъ» не

имѣлъ прочнаго успѣха. Онъ былъ для своего времени слишкомъ радикаленъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь этотъ вопль въ той части его, которая относилась къ «натуральной исторіи» или къ «обстоятельному познанію въ свѣтѣ находящихся существъ и ихъ причинъ, силъ и дѣйствій», перешелъ по наслѣдству даже къ намъ, въ XX вѣкъ.

Только въ началѣ XX вѣка, съ осуществленіемъ готовящейся реформы средней школы, преподаваніе естественныхъ наукъ, быть можетъ, окажется поставленнымъ окончательно на прочную почву въ нашемъ среднемъ образованіи.

Одного этого—думалось автору настоящей замѣтки,—достаточно для того, чтобы и широкая публика нашего времени съ интересомъ и, пожалуй, признательностью, узнало о выразительномъ протестѣ тверскихъ обывателей послѣдней трети XVIII вѣка противъ школьнаго классицизма ихъ времени.

Петръ Струве.

ФРАУ БЕРТА ГАРЛАНЪ.

Романъ Артура Шницлера.

Переводъ съ нѣмецкаго Л. Гуревичъ.

(Окончаніе *).

Она стоитъ на перекресткѣ нѣсколькихъ улицъ. Здѣсь вѣтеръ дуетъ съ невыносимою силою. Пора уже подумать объ обѣдѣ. Но сегодня ей не хочется возвращаться въ свою маленькую гостиницу. Она направляется къ центру города. Ей приходитъ въ голову, что она можетъ встрѣтить кузину, но теперь это ей совершенно безразлично. Или вдругъ ея деверь пріѣхалъ въ Вѣну вслѣдъ за нею? Но и эта мысль ни мало не смущаетъ ее. Она чувствуетъ себя въ правѣ располагать собою и своимъ временемъ; никогда еще она не испытывала въ такой степени этого чувства независимости. Она тихо бродитъ по улицамъ, и ей пріятно разсматривать выставки товаровъ въ окнахъ магазиновъ. На площади св. Стефана ей приходитъ мысль зайти на минутку въ церковь. Въ полумракѣ и прохладѣ огромнаго зданія ее охватываетъ ощущеніе покоя и отрады. Она никогда не была особенно набожной, но входя въ домъ Божій она всегда невольно проникалась чувствомъ благоговѣнія и, не облекая своихъ молитвъ въ какую либо опредѣленную форму, такъ или иначе возсылала къ небу свои завѣтныя желанія. Теперь она обходитъ церковь, какъ чужестранка, осматривающая прекрасное сооруженіе. Потомъ садится на скамью передъ маленькимъ алтаремъ одного изъ предѣловъ.

День ея свадьбы вспомнился ей, и она представила себя, со своимъ покойнымъ мужемъ, стоящей передъ пасторомъ,—но все это было такъ далеко и такъ слабо задѣвало ея душу, какъ если бы она думала о какихъ-то совершенно постороннихъ ей людяхъ. Но вдругъ — словно картина переѣхалась въ волшебномъ фонарѣ—она увидѣла на мѣстѣ своего покойнаго мужа, рядомъ съ собою, Эмиля, и совершенно помимо ея воли картина эта продолжала стоять въ ея воображеніи, какъ

*) См. «Миръ Божій», № 6, июнь 1901 г.

если бы это было какое-то предчувствіе, ниспосланное ей небомъ предвѣщаніе. Она невольно сложила руки и тихо проговорила: «Сдѣлай такъ, чтобы это исполнилось!» И желаніе ея какъ будто еще возросло отъ этого; нѣсколько минутъ она неподвижно сидѣла на скамьѣ, стараясь удержатъ видѣніе. Потомъ она вышла на улицу, и яркій свѣтъ и шумъ показались ей чѣмъ-то такимъ новымъ, давно неиспытаннымъ, какъ если бы она провела въ церкви нѣсколько часовъ. Она чувствовала себя спокойной, и въ душѣ ея витали свѣтлыя надежды.

Она пообѣдала въ роскошномъ ресторани на Кернтнерштрассе. Она не ощущала ни малѣйшаго стѣсненія и подумала, что это было настоящимъ ребячествомъ съ ея стороны—не остановиться въ первоклассномъ отелѣ.

Вернувшись, наконецъ, къ себѣ въ комнату, она раздѣлась; отъ непривычно обильнаго обѣда съ виномъ она почувствовала вдругъ такое утомленіе, что растянулась на диванѣ и заснула. Когда она проснулась было уже пять часовъ. Но подниматься ей не хотѣлось. При другихъ условіяхъ... что стала бы она дѣлать въ эти часы, если бы не поѣхала въ Вѣну? Если бы онъ не отвѣтилъ ей—если бы она ему не написала? Если бы онъ не получилъ этого ордена? Если бы она не увидѣла въ иллюстрированной газетѣ его портрета? Если бы мысль о немъ вовсе не возникла въ ея памяти? Если бы онъ былъ маленькимъ, никому неизвѣстнымъ скрипачомъ въ какомъ-нибудь пригородномъ оркестрѣ? Что за дикія мысли! Развѣ она любитъ его за то, что онъ знаменитъ? Какое значеніе имѣетъ для нея все это?.. Не было ли бы лучше для нея, если бы онъ вовсе не былъ знаменитъ, не вызывалъ всеобщихъ восторговъ? Конечно, она чувствовала бы себя тогда гораздо ближе, гораздо роднѣе ему, не было бы у нея этой неувѣренности по отношенію къ нему, и онъ относился бы къ ней иначе. — Правда, онъ и такъ очень милъ, однако... теперь она ясно сознаетъ это... что-то все-таки стояло между ними сегодня, какъ настоящая преграда. Да. И это есть не что другое, какъ то, что онъ человекъ, извѣстный всему свѣту, а она просто маленькая глупенькая провинціалька. И она вдругъ ясно представляетъ себѣ, какъ онъ стоялъ тамъ, въ залѣ Рембрандта, глядя въ окно, въ то время, когда она рассказывала ему о себѣ, какъ онъ простился съ нею, какъ онъ ушелъ, чуть ни убѣжалъ отъ нея. Но чувствовала ли она сама по отношенію къ нему то, что чувствуютъ, когда дѣйствительно любятъ? Ощущала ли она себя счастливой, когда онъ говорилъ съ нею? Хотѣлось ли ей поцѣловать его, когда онъ стоялъ подлѣ нея?.. Ничего подобнаго. И теперь—радуется ли ее мысль о предстоящемъ вечерѣ? Рада ли она, что черезъ какіе-нибудь два часа вновь увидитъ его? И если бы она могла теперь перенестись, куда ей вздумается, не предпочла ли бы она быть теперь дома, со своимъ мальчикомъ, гулять съ нимъ среди виноградниковъ, безъ страха, безъ волненія, съ спокойною совѣстью, какъ

подобаетъ хорошей матери и порядочной женщины, вмѣсто того, чтобы лежать здѣсь на скверномъ диванѣ, въ неуютномъ номерѣ гостиницы, въ безпокойномъ, но безрадостномъ ожиданіи назначеннаго часа? Она думаетъ о томъ времени, которое было еще такъ недалеко, когда ничто не занимало ея, кромѣ ея мальчика, хозяйства и уроковъ. Не была ли она тогда довольна, почти счастлива?.. Она смотритъ вокругъ. Этотъ убогій номеръ гостиницы, со стѣнами, безобразно размазанными голубой и бѣлой краской, съ пятнами пыли и грязи на потолкѣ, съ полу-открытымъ шкафомъ, страшно противенъ ей. Нѣтъ, это все не для нея. Мысль объ обѣдѣ въ роскошномъ отелѣ, объ этой бѣготѣ по городу, объ охватившемъ ее утомленіи, о вѣтрѣ и пыли—также непріятна ей; теперь все это представляется ей какимъ-то безцѣльнымъ бродяжничествомъ. И къ тому же ей приходитъ мысль: а вдругъ дома случилось что-нибудь! Ея мальчикъ могъ заболѣть, ей телеграфируютъ въ Вѣну по адресу ея кухни или даже пріѣдутъ за нею, и не найдутъ ее; и тогда обнаружится, что она солгала, какъ послѣдняя женщина, имѣющая къ тому особенныя основанія... Ужасно! Какъ покажется она имъ на глаза—невѣсткѣ, деверю, Элли, взрослому племяннику... всему городу, который скоро узнаетъ объ этомъ... господину Рупіусу! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, она не создана для такихъ вещей! До чего по ребячески, до чего неловко взялась она за это, малѣйшая случайность можетъ выдать ее. Какъ могла она не обдумать всего этого? Или мысль о свиданіи съ Эмилемъ настолько завладѣла ею, что она рѣшилась все поставить на карту—свое доброе имя, можно сказать все свое будущее?! Ибо кто знаетъ, не отвернется ли отъ нея семья, не потеряетъ ли она своихъ уроковъ, если все обнаружится?.. Все?.. Но что же именно обнаружится?.. Что собственно случилось? Въ чемъ она можетъ упрекнуть себя?—И съ радостнымъ ощущеніемъ чистой совѣсти должна она отвѣтить себѣ: ни въ чемъ. И она можетъ сегодня же... теперь же, съ семичасовымъ поѣздомъ, оставить Вѣну, чтобы къ десяти часамъ быть уже дома, въ своей квартирѣ, въ своей уютной комнатѣ, со своимъ дорогимъ мальчикомъ... Конечно, можетъ; правда, онъ теперь не дома... но можно было бы послать за нимъ... Нѣтъ, она не сдѣлаетъ этого, не уѣдетъ... нѣтъ, вѣдь, ничто не даетъ ей ни малѣйшаго повода къ этому, можно уѣхать и завтра утромъ. А сегодня вечеромъ она простится съ Эмилемъ... да, она сейчасъ же сообщитъ ему, что утромъ уѣзжаетъ домой, что вообще она пріѣхала только для того, чтобы позать ему руку... Да, такъ будетъ всего лучше. О, разумѣется, онъ можетъ проводить ее сюда до гостиницы,—ахъ, Господи!—ничто не мѣшаетъ ему и поужинать съ ней гдѣ-нибудь въ саду, въ ресторанѣ... но она уѣдетъ отъ него, какъ пріѣхала. Къ тому же изъ самаго обращенія его можно будетъ видѣть, какъ собственно онъ къ ней относится; она будетъ очень сдержанна, даже холодна, и это удастся ей тѣмъ легче, что она чувствуетъ себя вполне

спокойной. Какъ будто всё ея желанія снова уснули, и она сознаетъ, что истинное назначеніе ея состоитъ въ томъ, чтобы остаться вполнѣ порядочной женщиной. Она сумѣла устоять противъ искушенія, будучи молоденькой дѣвушкой, она была вѣрна своему мужу, все время ея вдовства протекало до сихъ поръ безъ единого пятнышка... Ну, словомъ сказать, если онъ хочетъ жениться на ней, она будетъ очень рада, но всякую болѣе смѣлую попытку съ его стороны она отвергнетъ съ такою же суровостью, какъ... какъ... двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ, остановившись съ нею подлѣ церкви св. Павла, показалъ ей свое окно.

Она встаетъ, потягивается, подходитъ къ окну. Небо совсѣмъ заволокло, со стороны горъ несутся тучи, но буря стихла. Она начинаетъ собираться.

Едва Берга отошла отъ гостиницы на нѣсколько шаговъ, какъ пошелъ дождь. Раскрытый зонтикъ защищалъ ее отъ нежелательныхъ встрѣчъ. Въ воздухѣ распространилось теперь какое-то благоуханіе, словно, вмѣстѣ съ дождемъ, запахъ окрестныхъ лѣсовъ пронесся и пролился надъ городомъ. Берга была вся поглощена удовольствіемъ этой прогулки; самая дѣль, къ которой она шла, стояла передъ ней какъ бы въ туманѣ. Полнота и быстрая смѣна испытанныхъ ею ощущеній, въ концѣ концовъ, до того утомили ее, что она уже ничего большаго не ощущала. У нея не было ни страха, ни надежды, ни какихъ-либо опредѣленныхъ намѣреній. Она шла опять по Рингштрассе, мимо садовъ, наслаждаясь влажнымъ ароматомъ сиреней. Утромъ она и не замѣтила, что все было разубрано кистями блѣдно-лиловыхъ цвѣтовъ. Одна мелькнувшая у нея мысль вызвала на ея уста улыбку: она зашла въ цвѣточную торговлю и купила букетикъ фіалокъ. Она поднесла фіалки къ губамъ, и вдругъ ее охватила глубокая нѣжность; она думала: теперь въ семь часовъ отходить этотъ поѣздъ,—и вдругъ ей стало весело, словно ей удалось перехитрить кого-то. Она стала медленно переходить черезъ мостъ, и вдругъ вспомнила, какъ она шла здѣсь же нѣсколько дней тому назадъ, направляясь къ сторону его бывшаго жилья, чтобы взглянуть на то окно. На мосту была страшная давка: два человѣческихъ потока—одинъ изъ предмѣстья къ центру, другой изъ центра къ предмѣстью—стремились навстрѣчу другъ другу, экипажи всѣхъ родовъ катились одинъ за другимъ, раздавались звонки, свистки, окрики кучеровъ. Берга пробуетъ остановиться, но приходится податься впередъ. Вдругъ она слышитъ, совсѣмъ по близости, легкой свистъ. Передъ ней останавливается карета, изъ окна выглядываетъ голова... это онъ. Онъ дѣлаетъ ей знаки глазами; нѣсколько человѣкъ сейчасъ же обратили вниманіе на это и, очевидно, хотѣли бы слышать, что скажетъ этотъ молодой человѣкъ подходящей къ его экипажу дамѣ. Онъ говорилъ тихонько:

- Хочешь войти?
- Войти?..
- Ну да, вѣдь дождь идетъ.
- Я предпочла бы пѣшкомъ.
- Какъ хочешь!

Эмиль быстро выѣзжаетъ, расплачивается съ извозчикомъ и Берта почти съ ужасомъ замѣчаетъ, что около полудюжины людей уже собрались вокругъ, напряженно ожидая дальнѣйшаго развитія столь достопримѣчательныхъ происшествій. Эмиль говоритъ Бертѣ: Пойдемъ. Оба быстро переходятъ черезъ улицу и такимъ образомъ скоро спасаются отъ зѣвакъ. Теперь они неторопливо идутъ вдоль русла Вѣны, по мѣстѣ оживленной улицѣ.

— У тебя вѣдь нѣтъ зонтика, Эмиль!

— Можетъ быть, ты прикроешь меня своимъ? Подожди, такъ неудобно.

Онъ беретъ зонтикъ, поднимаетъ его надъ обоими и предлагаетъ ей руку. Теперь она чувствуетъ, что это его рука, и это наполняетъ ее радостью.

— За городъ, къ сожалѣнiю, не придется поѣхать,—говоритъ онъ.

— Жаль.

— Ну, а какъ же ты провела день?

Она рассказываетъ ему объ обѣдѣ въ роскошномъ ресторани.

— Вотъ какъ! А я и не знала! Я думала, что ты обѣдаешь у своей кухни; мы могли бы отлично позавтракать вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ.

— Да вѣдь у тебя было столько дѣлъ!—говоритъ она, и не безъ гордости думаетъ о томъ, что ей удалось найти этотъ легкiй шутильвый тонъ.

— Да, послѣ обѣда главнымъ образомъ; пришлось прослушать половину оперы.

— Какъ это?

— У меня былъ одинъ молодой композиторъ—очень талантливый человекъ.

Она довольна; такъ вотъ какъ онъ проводитъ послѣ обѣденные часы!

Онъ остановился и, не выпуская ея руки, заглянулъ ей въ лицо:

— Знаешь, вѣдь ты стала еще красивѣе! Право, совсѣмъ изъ серьезъ. Однако, расскажи же мнѣ совсѣмъ откровенно, какимъ образомъ ты набрела на мысль написать мнѣ?

— Я же сказала тебѣ.

— Развѣ ты все это время думала обо мнѣ?

— Очень много.

— Даже тогда, когда была замужемъ?

— Конечно, я постоянно думала о тебѣ. А ты?

— Часто, очень часто.

— Но...

— Что же?

— Вѣдь ты мужчина!

— Да, но что ты хочешь сказать этимъ?

— Ты, конечно, многихъ любилъ...

— Любилъ... любилъ... о, да, и это было.

— Но я,—проговорила она съ живостью, какъ будто правда могутъ существенно прорвалась наружу,—я никого, кромѣ тебя, не любила.

Онъ взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ. Потомъ онъ сказалъ:

— Ну, не будемъ углубляться въ этотъ вопросъ!

— Я вѣдь принесла тебѣ фіалки.

Онъ улыбнулся.

— И онѣ должны быть доказательствомъ? Ты такъ сказала это, какъ будто за все время, пока мы не видѣлись, ты только и дѣлала, что собирала или, по крайней мѣрѣ, покупала для меня фіалки. Во всякомъ случаѣ, благодарю тебя. Почему ты не хотѣла войти въ карету?

— Да вѣдь это такъ пріятно идти пѣшкомъ.

— Но въ концѣ концовъ... мы вѣдь поужинаемъ вмѣстѣ?

— Да, съ большимъ удовольствіемъ. Вонъ тамъ, кажется, есть гостиница,—прибавила она поспѣшно.

Они шли теперь по тихому переулку. Начинаяло смеркаться.

Онъ засмѣялся.

— Ну нѣтъ, мы устроимся немножко покомфортабельнѣе.

Она опустила глаза, потомъ сказала:

— Но вѣдь мы не сядемъ за общій столъ—съ чужими!

— Разумѣется, нѣтъ. Мы пойдемъ куда-нибудь, гдѣ вовсе не будетъ постороннихъ.

— Вотъ выдумалъ!—сказала она.—Этого я не сдѣлаю.

Онъ пожалъ плечами:

— Какъ тебѣ угодно! Ты уже проголодалась?

— Нѣтъ, нисколько.

Оба помолчали. Потомъ онъ сказалъ:

— А не покажешь ли ты мнѣ какъ-нибудь своего мальчугана?

— Конечно!—отвѣтила она обрадовавшись.—Какъ только ты пожелаешь.

Она начала рассказывать о немъ, потомъ заговорила опять о своихъ родственникахъ. Время отъ времени, Эмиль задавалъ ей тотъ или другой вопросъ и скоро онъ былъ уже освѣдомленъ относительно всего, что творилось въ городкѣ, не исключая извѣстней Клингеманна, о которыхъ Берта сообщила со смѣхомъ, но не безъ чувства нѣкотораго удовлетворенія.

На улицѣ уже горѣли фонари и свѣтъ ихъ отражался на влажныхъ камняхъ мостовой.

— Послушай, милое дитя мое, не можемъ же мы, однако, бродить по улицамъ цѣлую ночь!—сказалъ вдругъ Эмиль.

— Да... но вѣдь я же не могу пойти съ тобою... въ ресторанъ... Подумай только: вдругъ я встрѣчусь тамъ съ кузиной или еще съ кѣмъ-нибудь.

— Не безпокойся, никто насъ не увидить.

Онъ быстро вошелъ въ ворота и спустилъ зонтикъ.

— Что это?

— Они были въ большомъ саду. За накрытымъ столомъ, подгѣ стѣвъ, отъ которыхъ шли парусиновые навѣсы, сидѣли люди.

— Ты хочешь здѣсь?

— Нѣтъ пойддемъ. Неподалеку отъ воротъ видѣлась небольшая притворенная дверь.— Сюда.

Они очутились въ узкомъ, освѣщенномъ проходѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго былъ рядъ дверей. Подошедшій кельнеръ поклонился и повелъ ихъ мимо всѣхъ этихъ дверей; дойдя до послѣдней двери, онъ открылъ ее, впустилъ ихъ и снова закрылъ ее за ними. Посреди небольшой комнаты стоялъ столикъ, накрытый на три прибора, у стѣны голубой бархатный диванъ, напротивъ висѣло зеркало въ золоченой овальной рамѣ, на которомъ Берта, снимая шляпу, прочла нацарапанныя на стеклѣ имена «Ирма» и «Руди». Въ то же самое время она увидѣла въ зеркалѣ, что Эмиль подошелъ къ ней. Онъ положилъ руки ей на щеки, отклонилъ ее голову назадъ и поцѣловалъ ее въ губы. Потомъ онъ молча отошелъ и позвонилъ въ колокольчикъ. Молоденькій кельнеръ сейчасъ же появился въ комнатѣ, какъ будто онъ ждалъ у самой двери. Выслушавъ заказъ, онъ удалился, а Эмиль сѣлъ.

— Ну что же, Берта?

Она подошла къ нему, онъ тихонько взялъ ее руку и не выпустилъ ее даже тогда, когда Берта сѣла подгѣ него въ уголъ дивана. Другою рукой она неволью коснулась его волосъ.

Вошелъ старшій кельнеръ, и Эмиль составилъ меню. Берта только соглашалась со всѣмъ, что онъ предлагалъ. Когда кельнеръ скрылся, Эмиль сказалъ:

— Развѣ не приходится спросить себя: почему только теперь?

— Что именно?

— Почему ты не написала мнѣ раньше?

— Да... если бы ты раньше получилъ этотъ орденъ!

Онъ держалъ ее руку въ своей и поцѣловалъ ее.

— Вѣдь ты такъ часто бываешь въ Вѣнѣ.

— О, нѣтъ!

Онъ взглянулъ на нее:

— Ты же сама написала мнѣ что-то въ этомъ родѣ.

Она вспомнила теперь и покраснѣла.

— Конечно... то-есть иногда... не далѣе, какъ въ этотъ понедѣльникъ я была здѣсь.

Кельнеръ принесъ сардинки и икру и ушелъ.

— Впрочемъ, можетъ быть, это и къ лучшему, что какъ разъ теперь,—сказалъ онъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Что мы встрѣтились именно теперь.

— О, я такъ часто стремилась къ тебѣ!

Онъ какъ будто задумался. Потомъ сказалъ:

— И то, что тогда все это сложилось именно такъ, а не иначе, тоже къ лучшему, быть можетъ. Потому-то и воспоминаніе обо всемъ этомъ такъ прекрасно!

— Да, дивно-прекрасно!

Оба замолчали. Потомъ она сказала: «А помнишь»... и начала говорить объ этомъ уже далекомъ времени, о прогулкахъ по городскому парку и о его первомъ публичномъ дебютѣ въ консерваторіи. Онъ только кивалъ головою въ отвѣтъ на все это, положивъ руку вдоль спинки дивана и тихонько касаясь ея вьющихся на затылкѣ волосъ. Время отъ времени онъ вставлялъ отъ себя какое-нибудь слово. Онъ также все помнилъ; онъ напомнилъ ей даже объ одной поѣздкѣ въ Пратеръ, въ воскресное утро, о которой она сама забыла.

— А помнишь еще...—сказала Берта,—какъ мы...—она запнулась,—...чуть не рѣшили жениться...

— Да! — сказалъ онъ. — И кто знаетъ... — вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать: это было бы самое лучшее для меня, если бы я женился на тебѣ,—однако, онъ такъ и не сказалъ этого.

Эмиль велѣлъ принести шампанскаго.

— Я еще совсѣмъ недавно пила шампанское въ послѣдній разъ,—сказала Берта.—Всего полгода тому назадъ, когда праздновался день пятидесятилѣтія моего девера.

Она вспомнила общество, собиравшееся у ея девера, и ей самой показалось страннымъ, какъ далеко все это теперь было: весь маленький городокъ и всѣ, жившіе въ немъ. Молодой кельнеръ принесъ въ сосудѣ со льдомъ бутылку шампанскаго. Въ эту минуту Бертѣ почему-то подумалось, что навѣрное, Эмиль, бывалъ здѣсь и съ другими женщинами. Но ей было это почти безразлично.

Они чокнулись и выпили. Эмиль обнялъ Берту и поцѣловалъ ее. Этотъ поцѣлуй напомнилъ ей что-то... но что именно?.. Его прежніе поцѣлуи, когда она была молодой дѣвушкой?.. Поцѣлуй ея мужа?.. Нѣтъ... И вдругъ она догадалась: точно такъ поцѣловалъ ее, еще на этихъ дняхъ, ея племянникъ.

Кельнеръ принесъ фрукты и печенье. Эмиль положилъ Бертѣ на тарелку нѣсколько финиковъ и винограду.

— Почему ты ничего не говоришь?—спросила Берта.—Почему ты заставляешь говорить меня одну? Вѣдь ты могъ бы такъ много разсказать мнѣ!

— Я?..

Онъ медленными глотками пилъ вино.

— Ну да, о своихъ путешествіяхъ.

— Ахъ, Господи! Одинъ городъ такъ похожъ на другой. Ты не должна забывать, что я очень рѣдко путешествую для собственнаго удовольствія.

Да, конечно.—Она совсѣмъ не думала это время о томъ, что она сидитъ здѣсь съ знаменитымъ скрипачомъ Эмилемъ Линдбахомъ, и почувствовала себя обязанной сказать:—На дняхъ, вѣдь, ты выступишь здѣсь. Я такъ хотѣла бы послушать тебя.

— Никто въ мірѣ не помѣшаетъ тебѣ въ этомъ! — возразилъ онъ сухо.

Она подумала, что собственно ей было бы гораздо пріятнѣе слышать его не въ концертѣ, а гдѣ-нибудь, гдѣ онъ игралъ бы для нея одной. Она уже готова была сказать это, но вдругъ сообразила, что это было бы то же, что сказать: я хочу къ тебѣ. Однако, кто знаетъ быть можетъ, она очень скоро будетъ у него.

Ей какъ-то особенно легко, какъ всегда, когда она выпила немножко вина... Но нѣтъ, это что-то другое: не обычное легкое опьяненіе, отъ котораго она становится только немножко веселѣе, а что-то лучшее болѣе прекрасное. И не отъ нѣсколькихъ капель вина творится съ ней это, а отъ прикосновенія этой милой руки, ласкающей ея лобъ и ея волосы. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею и склонилъ ея голову на свое плечо. Хорошо было бы такъ заснуть... да, въ самомъ дѣлѣ, ничего другого ей и не хочется... Но вотъ она слышитъ, какъ онъ прошепталъ: «Милая»... Она чуть-чуть вздрагиваетъ. Почему только теперь? Вѣдь все это могло бы быть и раньше. И какой смыслъ былъ во всей той жизни, какую она вела? Развѣ въ томъ, что она дѣлаетъ теперь, есть что-нибудь худое?.. И какъ это сладко—чувствовать дыханіе молодого человѣка на своихъ вѣкахъ... Нѣтъ, нѣтъ... не молодого человѣка... любимаго человѣка... Она закрыла глаза. Она даже не пробовала снова открыть ихъ, не хотѣла знать, гдѣ и съ кѣмъ она... Кто же это, однако?.. Рихардъ?.. Нѣтъ... дремлетъ она, что ли?.. Вѣдь она здѣсь съ Эмилемъ!.. Съ кѣмъ?.. Кто такое этотъ Эмилъ?.. Какъ трудно сообразить!.. Это дыханье, которое она чувствуетъ на своихъ вѣкахъ,—дыханье возлюбленнаго ея молодости и въ то же время знаменитаго артиста, который на этихъ дняхъ даетъ концертъ... и въ то же время человѣка, котораго она не видѣла много тысячъ дней... и въ то же время господина, съ которымъ она сидитъ, наединѣ, въ ресторанѣ и который можетъ сдѣлать съ ней все, что захочетъ... Она чувствуетъ его поцѣлуй на своихъ глазахъ... Какъ онъ нѣженъ и какъ прекрасенъ... Какое же у него, однако, лицо?.. Если бы только можно было открыть глаза... А!.. Она пошевелилась такъ рѣзко, что чуть не оттолкнула Эмиля, и широко открыла глаза.

Эмилъ, улыбаясь, смотритъ на нее и спрашиваетъ:

*

— Любишь меня?

Она привлекаетъ его къ себѣ и сама, въ первый разъ сегодня, цѣлуетъ его, и въ то же время чувствуетъ, что дѣлаетъ нѣчто, противорѣчащее ея сегодняшнимъ намѣреніямъ... Но въ чемъ состояли эти намѣренія?.. Не поддаваться, не сдаваться... Да, конечно, былъ моментъ, тогда она имѣла такіа намѣренія, но почему же? Вѣдь она любить его, и вотъ наступила минута, которую она такъ ждала цѣлыми днями,—нѣтъ, не днями, а цѣлыми годами!.. Губы ея все еще покоятся на его губахъ... Ахъ! ей хотѣлось бы, чтобы онъ взялъ ее въ свои объятія, чтобы вся она была его! Онъ не долженъ больше ни о чемъ говорить... онъ долженъ увести ее съ собою... онъ почувствуетъ, что никто не можетъ такъ любить его, какъ она...

Эмиль встаетъ, прохаживается по комнатѣ. Она снова подноситъ стаканъ ко рту. Эмиль говоритъ тихонько: «Довольно Берта». Да, онъ правъ! Что она дѣлаетъ? Развѣ она ищетъ опьяненія? Развѣ она нуждается въ этомъ? Вѣдь она никому не должна отдавать отчета,—она свободна, молода, и хочетъ быть, наконецъ, счастливой!

— Не пойдѣмъ ли мы?—говоритъ Эмиль.

Берта утвердительно киваетъ головою. Онъ помогаетъ ей надѣть жакетку, она стоитъ передъ зеркаломъ и прикалываетъ иглою ши япу. Они идутъ. У дверей стоитъ, раскланиваясь, молодой кельнеръ. У воротъ ожидаетъ карета; Берта входитъ въ нее, она не слышитъ того, что Эмиль говоритъ извозчику. Эмиль садится подлѣ нея. Оба молчатъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Карета катится—долго, долго. Гдѣ бы это онъ могъ жить? Можетъ быть, впрочемъ, онъ нарочно приказалъ извозчику ѣхать дальнимъ путемъ: вѣдь онъ знаетъ, какъ это пріятно—ѣхать такъ, виѣстѣ, темною ночью.

Карета останавливается. Эмиль выходитъ. «Дай мнѣ твой зонтикъ», говоритъ онъ. Она подаетъ ему его изъ кареты, онъ раскрываетъ его. Она сходитъ. Оба стоятъ подъ зонтомъ, по которому барабанитъ дождь. Это и есть тотъ переулокъ, гдѣ онъ живетъ? Дверь подъѣзда открывается; они входятъ; Эмиль беретъ у швейцара свѣчу. Прекрасная, широкая лѣстница. Въ первомъ этажѣ Эмиль останавливается и отпираетъ дверь. Они входятъ, черезъ переднюю, въ гостиную. Эмиль зажигаетъ свѣчу, которую держитъ въ рукѣ, двѣ другія свѣчи на столѣ. Потомъ онъ подходитъ къ Бертѣ, которая все еще, словно ожидая, стоитъ въ дверяхъ, вводитъ ее въ комнату, вынимаетъ булавку у нея изъ шляпы, и кладетъ шляпу на столъ. При колеблющемся свѣтѣ двухъ слабо горящихъ свѣчей Берта видитъ только, что на стѣнѣ развѣшено нѣсколько картинъ—портретовъ императорской фамиліи, насколько можно разобрать,—что у другой стѣны стоитъ широкій диванъ съ персидскимъ ковромъ, а по близости отъ окна маленькое панино съ множествомъ фотографій въ рамкахъ на крышкѣ. Надъ всѣмъ этимъ виситъ картина, содержанія которой она, однако,

не можетъ разсмотрѣть. Тамъ, напротивъ красныя портьеры испускаютъ по сторонамъ полуоткрытой двери, за которою свѣтитса что-то бѣлое. Она не можетъ болѣе удержаться отъ вопроса:

— Здѣсь ты и живешь?

— Какъ видишь.

Она опять смотритъ кругомъ. На столѣ стоитъ графинчикъ съ ликеромъ и двѣ рюмочки, небольшая ваза съ фруктами и печенъемъ.

— Здѣсь ты и занимаешься?

Глаза ея невольно ищутъ пульта, какъ это естественно въ комнатѣ скрипача. Онъ подводитъ ее, обнявъ рукой за талию, къ піанино; тамъ онъ садится, привлекая ее къ себѣ на колѣни.

— Лучше я ужъ признаюсь тебѣ,—говоритъ онъ просто и почти сухо.—Собственно я живу не здѣсь. Только на этотъ случай... я на-ялъ... на время... я подумалъ, что это будетъ благоразумнѣе... Вѣна настоящая провинція, и я не хотѣлъ привести тебя ночью въ свою квартиру.

Она понимаетъ его и, однако, что-то не нравится ей во всемъ этомъ. Она поднимаетъ глаза. Теперь она можетъ различить очертанія картины, висящей надъ піанино: это какая-то нагая женщина. Берта испытываетъ непреодолимое желаніе разглядѣть картину поближе.

— Что это?—спрашиваетъ она.

— Въ художественномъ отношеніи—ничего интереснаго,—отвѣчаетъ Эмиль. Онъ зажигаетъ спичку и приподнимаетъ ее, освѣщая картину. Она замѣчаетъ, что картина совсѣмъ дрянная, но въ то же время ей кажется, будто изображенная на ней женщина съ наглыми, смѣющимися глазами, смотритъ прямо на нее, и она рада, что спичка, наконецъ, потухла.

— Не сыграешь ли ты мнѣ что-нибудь?—говоритъ Эмиль.

Она удивляется, что онъ такъ холоденъ. Слово онъ и не помнитъ, что она у него... Но развѣ сама она ощущаетъ что-нибудь особенное?.. Нѣтъ... что-то до странности грустное разливается здѣсь изъ всѣхъ угловъ... Зачѣмъ не привелъ онъ ее лучше въ свою квартиру?.. Что бы это могъ быть за домъ?.. Она сожалеетъ теперь, что не выпила побольше вина... Ей хотѣлось бы не чувствовать себя въ такой степени трезвою...

— Ну что-жь? Развѣ ты не хочешь сыграть мнѣ что-нибудь?—говоритъ Эмиль.—Подумай, сколько времени я не слышалъ тебя.

Она придвигается и беретъ аккордъ.

— Я все забыла...

— Ну, попробуй...

Она играетъ тихонько вещицу Шумана, и ей вспоминается, какъ нѣсколько дней тому назадъ она фантазировала у себя на роялѣ, позднимъ вечеромъ, а Клингеманъ ходилъ взадъ и впередъ подъ ея окномъ; слухи о непристойной картинѣ въ его комнатѣ тоже приходятъ ей

на память. Она опять невольно поднимаетъ глаза на обнаженную женщину надъ піанино, которая смотритъ теперь куда-то въ пустоту.

Эмиль придвинулъ свой стулъ совсѣмъ близко къ ней. Онъ привлекаетъ къ себѣ и цѣлуетъ ее, въ то время, какъ пальцы ея все еще продолжаютъ играть—и вдругъ замираютъ на клавишахъ. Берта слышитъ, какъ дождь ударяетъ по стекламъ окна,—словно она дома. Но вотъ ей кажется будто Эмиль несетъ ее куда-то въ высоту; не выпуская ее изъ своихъ объятій, онъ всталъ и медленно повелъ ее... Глаза ея закрыты. На своихъ волосахъ она чувствуетъ дыханіе Эмиля...

Когда они вышли на улицу, дождь прекратился, но въ воздухѣ была разлита необычайная мягкость и влажность. Большая часть фонарей была уже потушена,—только тамъ на углу свѣтится еще одинъ фонарь. Небо было все еще покрыто тучами, и на улицѣ парила глухая темнота. Эмиль подаль Бертѣ руку, они шли молча. Часы на колокольнѣ пробили часъ. Берта удивилась. Она думала, что было уже близко къ утру; но ей было такъ пріятно безмолвно идти съ нимъ ночью, опираясь на его руку, въ этомъ тихомъ, мягкомъ воздухѣ, потому что она вся была проникнута любовью къ нему.

Они вышли на площадь; передъ ними была церковь св. Карла.

Эмиль кликнулъ извозчика, который совсѣмъ заснулъ было, сидя на подножкѣ своей коляски.

— Такъ хорошо теперь!—сказалъ Эмиль.—Мы можемъ еще прокатиться немножко, прежде чѣмъ я отвезу тебя въ твой отель. Хочешь?

Коляска тронулась. Эмиль снялъ шляпу, Берта положила ее себѣ на колѣни. И это было ей пріятно. Время отъ времени она поглядывала на Эмиля; глаза его, казалось, были устремлены куда-то вдаль.

— О чемъ ты думаешь?

— Я?.. По правдѣ сказать, я думаю объ одной мелодіи изъ оперы, которую игралъ мнѣ сегодня послѣ обѣда этотъ господинъ. Но она превращается уже въ какую-то другую.

— Неужели ты думаешь теперь о мелодіяхъ?—сказала Берта улыбаясь, но съ легкимъ упрекомъ въ голосѣ.

Опять наступило молчаніе. Коляска катилась по совершенно пустынной теперь Ривгштрассе, мимо Оперы, Музея, Публичнаго сада,

— Эмиль!

— Что, голубка?

— Когда же я услышу твою игру?

— Я же играю въ концертъ на этихъ дняхъ!

Онъ сказалъ это какъ бы шутя.

— Нѣтъ, Эмиль. Когда ты сыграешь что-нибудь для меня лично? Вѣдь, ты же сдѣлаешь это когда-нибудь? Да? Я прошу тебя.

— Да, да.

— Это такъ серьезно для меня. Мнѣ хочется, чтобы ты зналъ, что одна я слушаю тебя.

— Ну, да. Однако, оставимъ это пока.

Онъ сказалъ это такъ твердо, словно ему приходилось защищать отъ нея что-то. Она не понимала, почему ея просьба могла быть неприятна ему, и продолжала:

— Итакъ, мы, значитъ, условились: завтра въ пять—у тебя?

— Да. Хотѣлось бы мнѣ знать, понравится ли тебѣ у меня?

— О, конечно! У тебя, вѣдь, навѣрное, лучше, чѣмъ тамъ, гдѣ мы были. А вечеръ мы тоже проведемъ вмѣстѣ? Знаешь, я думаю только, что относительно моей кузины...

— Послушай, милая, не будетъ лучше составлять никакихъ опредѣленныхъ программъ!..—съ этими словами онъ положилъ ей руку на затылокъ, словно желая выразить ей этимъ нѣжность, которой не хватало въ его голосѣ.

— Эмиль!

— Ну?

— Сыграемъ завтра Крейцерову сонату, по крайней мѣрѣ *Andante*.

— Но, милое дитя мое, перестанемъ, наконецъ, говорить о музыкѣ. Ты, кажется, невѣроятно, интересуешься ею.

Онъ сказалъ это опять какимъ-то неопредѣленнымъ тономъ, изъ котораго она не могла понять, шутить ли онъ (или говорить серьезно) но она не рѣшилась спросить его. Однако въ эту минуту ей до того хотѣлось слышать его игру, что ей стало почти больно.

— Ахъ, да! Вѣдь, мы теперь какъ разъ недалеко отъ твоего отеля!—воскликнулъ Эмиль, и, словно позабывъ, что онъ хотѣлъ прокатиться съ нею, крикнулъ извозчику адресъ отеля.

— Эмиль!

— Что, милая?

— Ты еще любишь меня?

Вмѣсто всякаго отвѣта онъ прижалъ ее къ себѣ и подцѣловалъ въ губы.

— Скажи мнѣ, Эмиль...

— Что именно?

— Но, вѣдь, ты не любишь, когда тебя спрашиваютъ...

— Да спроси же, дитя мое.

— Что ты будешь... что ты обыкновенно дѣлаешь утромъ?

— О, это весьма различно. Завтра, наприимѣръ, я играю въ *Lerchenfelderkirche* скрипичное соло въ мессѣ Гайдна.

— Правда? Значитъ, я могу слышать тебя завтра же утромъ?

— Если ты такъ гонишься за этимъ! Но, собственно говоря — право, не стоитъ... То-есть, самая месса, конечно, превосходна.

— Какъ это случилось, что ты играешь въ *Lerchenfelderkirche*?

— Да это... просто... любезность съ моей стороны.

— Любезность къ кому?

— Ну... къ Гайдну, разумѣется!

У Берты что-то дрогнуло въ душѣ. Въ эту минуту она чувствовала, что участіе его въ мессѣ *Leichenfelderkirche* стоитъ въ связи съ какимъ-то особеннымъ, неизвѣстнымъ ей обстоятельствомъ. Быть можетъ, тамъ пѣла какая-нибудь... Въ сущности, что она знала?.. Но, конечно, она пойдетъ туда. Она не отдастъ его другой! Онъ принадлежитъ ей, ей одной... вѣдь, онъ самъ сказалъ это... И она сумѣетъ удержать его... Вѣдь она полна такой безпредѣльной вѣжности... и она сберегла ее для него одного... и она со всѣхъ сторонъ обовѣетъ, окутаетъ его этою вѣжностью... Его и не потянетъ больше къ другой... Она переселится въ Вѣну, каждый день будетъ приходиться къ нему, постоянно будетъ съ нимъ.

— Эмиль.

— Что же, голубка?

Онъ обернулся и взглянулъ на нее съ выраженіемъ какой-то озабоченности.

— Ты любишь меня?.. Ахъ, Боже мой! Мы ужъ пріѣхали!

— Неужели? — спросилъ Эмиль съ удивленіемъ.

— Да, видишь, вонъ тамъ я живу. Ну, пожалуйста, Эмиль, скажи же мнѣ еще разъ...

— Да, завтра въ пять, голубка. Я буду радъ отъ всего сердца.

— Нѣтъ, не то... Любишь ли...

Коляска остановилась, Эмиль подождать, сидя рядомъ съ нею, пока швейцаръ открылъ дверцу, потомъ поцѣловалъ ей руку самымъ формальнымъ образомъ, сказалъ: «До свиданья, сударыня», и уѣхалъ.

Въ эту ночь она спала крѣпко и глубоко.

Когда она проснулась, было уже совсѣмъ свѣтло. Вчерашній вечеръ вспомнился ей, и она съ радостью почувствовала, что въ душѣ ея вовсе не было тягостно и мрачно, какъ она представляла себѣ раньше, а легко и даже весело. Потомъ она не безъ гордости вспомнила о своихъ поцѣлуяхъ, въ которыхъ не было ни тѣни робости, столь естественной въ первомъ приключеніи. Она не ощущала ни малѣйшаго раскаянія, хотя сознавала, что обыкновенно, послѣ всего того, что она пережила вчера, люди испытываютъ раскаяніе. Слова—грѣхъ, любовная связь промелькнули у нея въ головѣ и сейчасъ же безслѣдно расплылись, потому что, казалось, лишены были всякаго смысла. Она чувствовала и была увѣрена, что отвѣчаетъ на вѣжность Эмиля, какъ опытная въ любви женщина, и была счастлива при мысли, что все, пріобрѣтенное другими женщинами опытомъ угарныхъ ночей, у нея исходило только изъ глубины ея собственныхъ ощущеній. Казалось, будто она открыла въ себѣ вчера какой-то даръ, о существованіи котораго сама ничего не знала до сихъ поръ, и въ ней пробудилось легкое сожалѣніе о томъ, что она не пользовалась имъ раньше. Она

вспомнила вопросъ Эмиля касательно ея прошедшаго, который и тогда не такъ задѣлъ ее, какъ это должно было бы быть, и при воспоминаніи объ этомъ на губахъ ея появилась та же улыбка, съ которой она завѣряла Эмиля въ томъ, что было чистой правдой и чему онъ не хотѣлъ вѣрить. Потомъ она стала думать о предстоящемъ свиданіи съ нимъ и живо представила себѣ, какъ онъ встрѣтитъ и поведетъ ее по комнатѣ. Самое лучшее будетъ, подумалось ей, вести себя такъ, какъ если бы ничего еще не произошло. Онъ не долженъ прочесть въ ея глазахъ ни малѣйшаго напоминанія о вчерашнемъ вечерѣ; чтобы обладать ею въ дальнѣйшемъ, онъ долженъ еще разъ, по новому завоевать ее—не словами только, но и своей музыкой... Да... но, вѣдь, она хотѣла слышать его сегодня же утромъ... Конечно, въ церкви!

Она медленно встаетъ, начинаетъ одѣваться. Мысль о домѣ шевельнулась въ ней, но эта мысль не имѣла въ себѣ никакой силы. Ей положительно трудно думать о своихъ. Но и это не вызываетъ въ ней никакого раскаянія, она скорѣе гордится этимъ. Она чувствуетъ себя какъ бы созданиемъ Эмиля; все, что было до него, словно и не существуетъ. Если бы онъ вздумалъ потребовать отъ нея: проживи со мною этотъ годъ, проживи со мной только это лѣто, а потомъ умри, она сдѣлала бы это.

Распущенные волосы рассыпались по ея плечамъ. Снова охватываютъ ее воспоминанія, отъ которыхъ голова идетъ у нея кругомъ... О, Господи! Почему такъ поздно, такъ поздно? Но, вѣдь, впереди еще много времени—еще лѣтъ пять, лѣтъ десять она можетъ быть красива... о, и даже дольше—для него, если они не разстанутся, потому что, вѣдь, и онъ будетъ постепенно старѣть вмѣстѣ съ нею. И опять проносится у нея въ сознаніи эта надежда: если бы онъ женился на ней, если бы они вмѣстѣ жили, вмѣстѣ путешествовали, вмѣстѣ спали, ночь за ночью? Но вдругъ ей становится немножко стыдно: зачѣмъ все тѣ же и тѣ же мысли? Жить вмѣстѣ, вѣдь, это значитъ также имѣть общія заботы, говорить другъ съ другомъ обо всемъ на свѣтѣ. Да, его другомъ должна она быть прежде всего. И это, это именно скажетъ она ему сегодня.

Она вышла на свѣтлую, залитую солнцемъ улицу. Ей сейчасъ же бросилось въ глаза, что на тротуарахъ попадалось больше народу, чѣмъ обыкновенно, что многіе магазины были закрыты. Да, вѣдь, сегодня воскресенье! Она и забыла! И это тоже было ей пріятно. Скоро встрѣтился ей высокій, стройный господинъ въ незастегнутомъ пальто, рядомъ съ которымъ шла молодая дѣвушка съ темными смѣющимися глазами. Берта невольно подумала: вѣдь и мы составляемъ такую же пару. И ей представилось, какъ это было бы прекрасно—быть съ нимъ вмѣстѣ не только во мракѣ ночи, но и на свѣтлой улицѣ, бродить такъ рука съ рукой, съ смѣющимися, счастливыми глазами. Время отъ времени какой-нибудь проходящій мимо господинъ

заглядывалъ ей въ лицо, и тогда ей казалось, что она по новому понимаетъ теперь языкъ человѣческихъ взглядовъ. Одинъ посмотрѣвшій на нее съ нѣкоторою серьезностью, какъ будто сказалъ: да, вѣдь, и ты—точь въ точь, какъ другія! Потомъ прошли два молодыхъ человѣка, которые, увидавъ ее, вдругъ замолчали. Ей почудилось, что они знаютъ все, что случилось сегодня ночью. И у нея было такое ощущеніе, словно вчера еще въ это самое время она была исключенной изъ человѣческаго общества и всѣ прочіе имѣли тайны отъ нея, тогда какъ теперь она принадлежала къ нимъ и могла говорить съ ними.

Теперь она замѣтила, что шла тою же дорогою, какъ вчера. Взгляды ея остановились на столбѣ съ наклееннымъ на немъ объявленіемъ о концертѣ, въ которомъ принималъ участіе и Эмиль. Полная внутренняго удовольствія, она остановилась. Какой-то господинъ стоялъ рядомъ съ нею. Она улыбалась, думая про себя: если бы онъ звалъ, что глаза мои устремлены теперь на имя того самаго человѣка, который былъ вчера ночью моимъ возлюбленнымъ... Она почувствовала внезапный приливъ гордости. То, что она сдѣлала, казалось ей чѣмъ-то необычайнымъ. Она съ трудомъ могла представить себѣ, чтобы у другихъ женщинъ хватило смѣлости на что-либо подобное. Она снова пошла черезъ публичный садъ, въ которомъ сегодня было еще больше народу, чѣмъ вчера. Опять передъ нею бѣгали, играя дѣти, гувернантки и няньки болтали, читали или сидѣли съ вязаньемъ въ рукахъ. Какой-то совсѣмъ старый господинъ бросился ей въ глаза: онъ сидѣлъ на скамейкѣ, на солнцѣ и, посмотрѣвъ на нее покачалъ головою и продолжалъ смотрѣть жесткимъ, словно неумолимымъ взглядомъ. Это непріятно задѣло ее, вызвало въ ней смутное чувство какой-то виноватости передъ этимъ старикомъ. Но, когда она невольно обернулась, то замѣтила, что онъ смотрѣлъ на освѣщенный солнцемъ песокъ и по-прежнему покачивалъ головою. Она поняла, что все это зависитъ отъ его старости, и спросила себя, неужели и Эмиль будетъ когда-нибудь такимъ дряхлымъ старикомъ, сидящимъ на солнцѣ и покачивающимъ головою. И вдругъ ей представилось, что она идетъ подлѣ него—тамъ, дома, по каштановой аллеѣ, но она еще молода, какъ теперь, а его везутъ въ подвижномъ креслѣ. Она содрогнулась... Если бы Рушюсъ зналъ. Нѣтъ, никогда бы онъ не повѣрилъ... И она съ удивленіемъ подумала о томъ, до чего полна и сложна была ея жизнь. Казалось, ни у какой другой женщины не могло быть такого сложнаго существованія. И это ощущеніе опять вызвало въ ней нѣкоторую гордость. Проходя мимо группы дѣтей, изъ которыхъ четверо были одѣты совершенно одинаково, она вдругъ сказала себѣ: какъ странно, что она ни на минуту не задумалась даже о возможныхъ послѣдствіяхъ вчерашняго приключенія. Но между всѣмъ тѣмъ, что произошло вчера и существомъ, которое когда-нибудь назвало бы ее матерью, казалось, не могло быть рѣшительно никакой связи.

Наконецъ, она подошла къ церкви. Звуки органа доносились на улицу. Передъ входомъ стоялъ экипажъ съ лакеемъ на козлахъ. Кто бы это могъ быть? Бертѣ стало вдругъ ясно, что эта карета имѣла какое-то отношеніе къ Эмилю, и она сейчасъ же рѣшила выйти изъ церкви до окончанія мессы, чтобы посмотрѣть, кто сядетъ туда. Она вошла въ переполненную народомъ церковь и стала подвигаться между рядами скамеекъ впередъ, къ главному алтарю, гдѣ стоялъ священникъ. Звуки органа переливались въ воздухъ, къ нимъ присоединился вдругъ струнный оркестръ. Она подняла голову по направленію къ хорамъ. Какъ странно, что Эмиль играетъ здѣсь, въ Lerchenfelderkirche и, такъ сказать, инкогнито, solo въ гайдновской мессѣ... Она стала всматриваться въ облики женщинъ, сидѣвшихъ на переднихъ скамьяхъ. Она замѣтила двухъ-трехъ-четырехъ молодыхъ женщинъ и много старыхъ дамъ; двѣ изъ нихъ сидѣли въ первомъ ряду; одна была въ великолѣпномъ черномъ шелковомъ платьѣ, другая казалась ея камеристкой. Берта подумала, что экипажъ долженъ былъ принадлежать, во всякомъ случаѣ, этимъ знатымъ старымъ дамамъ, что очень успокоило ее. Она опять отошла назадъ, но продолжала, наполовину безсознательно, искать глазами красивыхъ женщинъ. Нѣкоторыя были, дѣйствительно, недурны собою; всѣ, казалось, были объяты благоговѣніемъ, и ей стало стыдно при мысли, что она одна бродитъ здѣсь, не думая ни о чемъ, подобающемъ этому святому мѣсту. Теперь она замѣтила, что скрипичное solo уже началось. Это онъ игралъ, онъ, онъ!.. Она слышала его теперь впервые по прошествіи болѣе, чѣмъ десяти лѣтъ, но, казалось, это былъ тотъ же сладостный тонъ, какъ и тогда; она узнавала его, какъ узнаютъ по прошествіи многихъ лѣтъ человѣческіе голоса. Къ скрипкѣ присоединилось сопрано. Если бы можно было видѣть пѣвицу! Это былъ ясный, свѣжій, не особенно обработанный голосъ, и Берта почувствовала между игрою скрипки и этимъ пѣніемъ что-то вродѣ личныхъ отношеній. Что Эмиль зналъ эту дѣвушку, которая поетъ тамъ, было весьма естественно... но не таилось ли во всемъ этомъ что-нибудь иное?.. Голосъ смолкъ, но скрипка продолжала пѣть, какъ бы обращаясь теперь только къ ней и желая успокоить ее. Зазвучалъ оркестръ, но скрипичное solo рѣзало надъ всѣми другими инструментами, какъ бы окупленное однимъ только желаніемъ—найти отзвукъ въ ея душѣ. Я знаю, говорило оно, знаю, что ты тамъ и я играю для одной тебя!.. Снова заигралъ органъ, но первенство по прежнему принадлежало скрипкѣ. Берта была до того взволнована, что слезы выступили у нея на глазахъ. Наконецъ, solo замерло, волна другихъ инструментовъ поглотила его, и оно уже болѣе не всплыло надъ ними. Берта почти не слыхала, но музыка наполнила ея душу дивнымъ успокоеніемъ. Мигунами ей казалось, что она различаетъ скрипку Эмиля среди другихъ звуковъ оркестра, и тогда такой странной, почти сказочной представлялась ей мысль, что она стоитъ здѣсь, подлѣ колонны, а онъ си-

дить на хорахъ, передъ своимъ пультомъ и что сегодня ночью они держали другъ друга въ объятіяхъ, и никто изъ всѣхъ этихъ сотенъ людей, наполняющихъ церковь, не знаетъ объ этомъ... Скоро она увидитъ его,—да! Она хотѣла дожидаться его тамъ, у лѣстницы... она не хотѣла говорить съ нимъ, нѣтъ, она хотѣла только видѣть его, а также и другихъ, которые пройдутъ вмѣстѣ съ нимъ, также и эту пѣвицу, къ которой она приревновала его. Но это уже прошло, она знала, что онъ не могъ обманывать ее.

Музыка смолкла. Берта чувствовала, что ее отгѣснятъ впередъ, прямо къ выходу; ей хотѣлось пробраться къ лѣстницѣ, но она была такъ далеко отъ нея. Впрочемъ, это и лучше!.. Нѣтъ, она не должна дѣлать этого—стоять и ждать его: что бы онъ могъ подумать? Безъ сомнѣнія, это не было бы пріятно ему. Нѣтъ, она должна исчезнуть вмѣстѣ съ другими, а вечеромъ сказать ему, что она слышала его. Она даже боялась теперь, чтобы онъ не замѣтилъ ее. Она стояла у самаго выхода и, сойдя по ступенькамъ, прошла мимо экипажа какъ разъ въ то время, когда старая дама со своей камеристкой садилась въ него. Она невольно улыбнулась, вспомнивъ о томъ безпокойствѣ, въ которое она впала при видѣ этой кареты, и ей подумалось, что вмѣстѣ съ этимъ подозрѣніемъ должны разсѣяться и всѣ остальные. Казалось, будто, перейдя черезъ какое-то необычайное приключеніе, она стояла теперь на порогѣ совершенно новаго существованія. Въ первый разъ въ жизни представлялось ей, что все прочее было лишь какимъ-то вымысломъ, ничѣмъ—по сравненію съ тѣмъ счастьемъ, которое билось теперь во всѣхъ ея пульсахъ въ то время, какъ она медленно шла изъ церкви къ себѣ домой. Только придя въ отель, она замѣтила, что всю дорогу она была какъ во снѣ; она едва могла отдать себѣ отчетъ, какимъ путемъ шла и попадались ли ей навстрѣчу какіе-нибудь люди или нѣтъ.

Когда она подошла взять ключъ отъ своей комнаты, швейцаръ передалъ ей записку и букетъ фіалокъ и сиреней... О, зачѣмъ и она не догадалась послать ему цвѣтотъ? Но что онъ могъ писать ей? Она раскрыла письмо съ нѣкоторымъ страхомъ и прочла:

«Милая! Я долженъ еще разъ поблагодарить тебя за чудесный вечеръ. Сегодня намъ, къ сожалѣнію, не удастся видѣться. Не сердись на меня, моя дорогая Берта, и не забудь своевременно увѣдомить меня когда ты въ слѣдующій разъ пріѣдешь въ Вѣну.

Весь твой

Эмиль».

Она пошла, побѣжала вверхъ по лѣстницамъ въ свою комнату... Почему онъ не могъ видѣть ее сегодня? Почему онъ не объяснилъ ей по крайней мѣрѣ причины? Правда, она совсѣмъ не была посвящена въ его разнородныя обязанности—артистическія, общественныя!.. Было бы, конечно, слишкомъ пространно, если бы онъ сталъ подробно объяс-

нять ей, что именно помѣшало ему видѣть ее, и притомъ могло бы показаться пустой отговоркой. Но все-таки... И почему онъ написалъ: «когда ты въ слѣдующій разъ пріѣдешь въ Вѣну»... Развѣ она не сказала ему, что она останется здѣсь еще нѣсколько дней? Онъ позабылъ, очевидно. Она сейчасъ же сѣла и написала ему:

«Мой дорогой Эмиль! Я очень сожалѣю, что сегодня тебѣ пришлось отказать мнѣ въ свиданіи, но, къ счастью, я еще не уѣзжаю. Прошу тебя, милый, напиши мнѣ какъ можно скорѣе, въ какое время ты можешь видѣть меня завтра или послѣзавтра.

«Посылая тебѣ тысячу поцѣлуевъ, остаюсь твоя Берта».

«P. S. Совершенно неизвѣстно еще, когда я опять буду въ Вѣнѣ, и я никоимъ образомъ не могу уѣхать, не повидавъ тебя еще разъ».

Она перечла письмо. Потомъ приписала: «Я непременно должна видѣть тебя еще разъ».

Поспѣшно вышла она на улицу, отдала письмо посыльному и настоятельно повторила ему, чтобы онъ не возвращался безъ отвѣта. Потомъ она вернулась и стала къ окну. Она не хотѣла думать, она хотѣла только смотрѣть на улицу. Она сосредоточила все свое вниманіе на проходящихъ людяхъ, и игра изъ временъ дѣтства вспомнилась ей,—когда она и ея братья, стоя у окна, наблюдали, на кого изъ знакомыхъ похожъ тотъ или другой прохожій. Улавливать такое сходство было теперь затруднительно, потому что комната ея находилась въ третьемъ этажѣ, но за то отдаленіе оставляло большую свободу фантазіи. Сначала прошла женщина, похожая на кухню Агату, потомъ появился господинъ, напоминавшій ея преподавателя музыки въ консерваторіи, подъ руку съ какой-то оссбой, которая была точь-въ-точь, какъ кухарка ея невѣстки. Одинъ молодой человекъ былъ похожъ на ея брата, актера, а вслѣдъ за нимъ, въ формѣ полковника, перешелъ черезъ улицу ея покойный отецъ; онъ остановился на минутку передъ отелемъ, посмотрѣлъ вверхъ, словно искалъ ее, затѣмъ скрылся въ воротахъ. Она испугалась на одно мгновеніе, какъ если бы это былъ дѣйствительно ся отецъ—привидѣніе, выпедшее изъ могилы. Она громко, но нѣсколько искусственно засмѣялась и попробовала продолжать игру, но это ей больше не удавалось. Она искала глазами только посыльнаго. Наконецъ, чтобы скоротать какъ-нибудь время, она рѣшилась спросить обѣдъ. Заказавъ его, она снова подошла къ окну. Но теперь она уже не смотрѣла по тому направленію, откуда должевъ былъ придти посыльный, а стала слѣдить за omnibusами и переполненными народомъ конками, катившимися изъ городскихъ предмѣстій. За спиною ея послышался шумъ: вошелъ кельнеръ. Берта почти не ѣла, но поспѣшно принялась пить вино. Потомъ ей захотѣлось спать, и она сѣла въ уголъ дивана. Мысли ея расплывались, въ ухахъ все еще тихо гудѣли звуки органа, который игралъ въ церкви. Она закрыла глаза, но въ ту же минуту, словно по какому-то

волшебству, увидѣла вчерашнюю комнату. Она садѣла опять у пѣвино, но тотъ, кто обнималъ ее, былъ племянникъ ея Рихардъ. Она быстро открыла глаза, полная безпредѣльнаго отвращенія къ себѣ, и вдругъ на нее напалъ страхъ: ей показалось, что ее ждетъ какое-то возмездіе за эти сонныя видѣнія. Опять подошла она къ окну. Цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ она отправила посыльнаго! Еще разъ перечла она письмо Эмиля. Взглядъ ее устремился на эти послѣднія слова: «весь твой»,—она произнесла ихъ вслухъ, съ выраженіемъ нѣжности и вспомнила подобныя же слова этой ночи. И она представила себѣ письмо, которое она теперь уже скоро получить отъ него и въ которомъ онъ скажетъ: «Дорогая моя Берта, слава Богу, что ты пробудешь здѣсь и завтрашній день. Жду тебя ровно въ три часа, у себя дома», или: «Завтра мы проведемъ вмѣстѣ цѣлый день», или даже: «Я отказался отъ условленнаго дѣла, о которомъ писалъ тебѣ, мы увидимся сегодня же. Приходи скорѣе ко мнѣ, жду тебя съ величайшимъ нетерпѣніемъ».

Почему же онъ такъ медлитъ съ отвѣтомъ?.. Конечно, онъ обѣдаетъ гдѣ-нибудь внѣ дома, вѣдь у него нѣтъ хозяйства! Значитъ, раньше трехъ онъ не можетъ быть дома... А вдругъ онъ не вернется до самаго вечера?.. Часы тянутся такъ безконечно долго!.. Она готова плакать отъ нетерпѣнія, отъ этой мучительной неопредѣленности. Уже четыре часа: почти три часа прошло съ тѣхъ поръ, какъ она ждетъ. Но вотъ стучать въ дверь; посыльный входитъ и вручаетъ ей письмо. Она срываетъ конвертъ и совершенно невольно, чтобы скрыть отъ посторонняго человѣка выраженіе своего лица, отворачивается къ окну.

«Дорогая моя Берта,—читаетъ она.—Чрезвычайно мило съ твоей стороны, что ты предоставляешь мнѣ выборъ между ближайшими днями, но, какъ я уже, впрочемъ, сказалъ тебѣ въ моемъ первомъ письмѣ, я совершенно не могу располагать ближайшими днями. Ты, конечно, повѣришь мнѣ, что я по меньшей мѣрѣ столь же сожалею объ этомъ, какъ и ты. Еще разъ тысячу благодарностей и тысячу привѣтовъ, а затѣмъ до радостнаго свиданія въ слѣдующій разъ. Не забывай меня. Твой Эмиль».

Прочитавъ это письмо, она вдругъ успокоилась, заплатила посыльному, сколько онъ требовалъ, и подумала при этомъ, что по ея обстоятельствамъ—это не мало. Потомъ она сѣла къ столу и попробовала собраться съ мыслями. Она сейчасъ же сказала себѣ, что оставаться въ Вѣнѣ она дольше не можетъ и сожалѣла только о томъ, что не было поѣзда, съ которымъ она могла бы ѣхать сейчасъ же. На столѣ стояла наполовину пустая бутылка вина, подлѣ тарелки валялись хлѣбныя крошки, на постели была брошена ея лѣтняя жакетка и цвѣты, которые онъ прислалъ ей утромъ. Что могло означать все это? Что все между ними было кончено?.. Смутно, но въ какомъ-то соотношеніи съ тѣмъ, что было только что пережито ею, вспомнилась ей вычитанная

гдѣ-то фраза о мужчинахъ, которые не хотятъ ничего другого, какъ только «достигнуть своей цѣли»... Но она всегда считала, что это не богѣе, какъ фраза изъ романа. Конечно, письмо это, которое она держитъ въ рукѣ, совсѣмъ не похоже на прощальное... Однако, на самомъ-то дѣлѣ?.. Развѣ эти сердечныя слова не могутъ быть просто ложью?.. Да, ложь—вотъ что это!.. Впервые произносить она въ мысляхъ это рѣшительное слово: ложь... Ибо не подлежитъ сомнѣнiю, что уже ночью, когда онъ провожалъ ее домой, для него было рѣшено, что онъ не увидится больше съ нею, и всѣ его слова о сегодняшнемъ свиданiи, о его желанiи видѣть ее у себя—были ложью... Она возстановливаетъ въ своей памяти вчерашнiй вечеръ и спрашиваетъ себя, чѣмъ она могла разстроить, расхолодить его?.. Все было такъ прекрасно и, казалось, онъ былъ такъ счастливъ,—столь же счастливъ, какъ она... Неужели и это была ложь?.. Какъ знать!.. Можетъ быть, все-таки она разстроила, неприятно задѣла его чѣмъ-нибудь, сама того не подозревая... Вѣдь всю свою жизнь она была не богѣе, какъ порядочной женщиной... Какъ знать,—можетъ быть, она сдѣлала какую-нибудь неловкость или глупость... Можетъ быть, въ тотъ самый моментъ, когда, отдаваясь ему, она была полна вѣжности, чувствовала себя вдохновенной и способной вдохновить его, она была на самомъ дѣлѣ смѣшна или противна ему?.. Что она знаетъ о всѣхъ этихъ вещахъ?.. И она ощутила вдругъ что-то вродѣ раскаянiя въ томъ, что пошла на это приключенiе, не будучи къ нему подготовленной, въ томъ, что до вчерашняго дня была такъ сдержанна и чиста... Теперь ей вспоминается также, какъ онъ отключалъ всѣ ея робкiе вопросы и просьбы, касающiеся его игры, — какъ будто онъ вовсе не хотѣлъ подпустить ее къ этой области. И такъ онъ остался чуждымъ, предвѣренно чуждымъ ей какъ разъ въ томъ, что составляло глубочайшее содержанiе его жизни... Она вдругъ поняла, что между ними не было ничего общаго, кромѣ удовольствiя одной ночи, и что утромъ сегодняшняго дня они были такъ же далеки другъ отъ друга, какъ во всѣ эти годы, оставшiеся позади... И вновь загорается въ ней ревность... Но теперь ей кажется, что и ревность, и всѣ другiя чувства всегда, постоянно мучили ее... любовь и недоверiе, и надежда, и раскаянiе, и страсть, и ревность; и въ первый разъ въ жизни чувствуетъ она, что все, до самой глубины глубинъ, кипитъ въ ней, такъ что она понимаетъ теперь людей, которые, терзаясь сомнѣнiями, бросаются изъ окна... И она видитъ, что не вынесетъ этого, что только та или другая опредѣленная правда можетъ облегчить ее... Она должна пойти къ нему, спросить его... но такъ спросить, какъ если бы она держала ножъ у самой его груди...

Она спѣшитъ на улицу, которая теперь почти совсѣмъ пуста, словно вся Вѣна выбралась за городъ... Застанетъ ли она его дома?.. Или, можетъ быть, онъ не одинъ,—впустить ли ее въ такомъ случаѣ?.. Или вдругъ она застигнетъ его въ объятiяхъ другой... что она тогда ска-

жетъ ему?.. Но развѣ онъ обѣщаль ей что-нибудь? Развѣ онъ клялся въ вѣрности? И развѣ она, со своей стороны, требовала отъ него этого? Неужели она воображала, что онъ будетъ ждать здѣсь въ Вѣнѣ, пока она поздравитъ его съ этимъ испанскимъ орденомъ?.. Да развѣ не въ правѣ онъ будетъ сказать ей: ты сама бросилась мнѣ на шею, ты сама не желала ничего другого, какъ только, чтобы я взялъ тебя, какова ты есть... И если спросить у самой себя, развѣ онъ не былъ бы правъ? Развѣ не для того пріѣхала она сюда, чтобы сдѣлаться его возлюбленной... развѣ не для того только? Всѣ другія желанія и надежды лишь мимолетно влились подлѣ этого страстнаго ея желанія, и она не была достойна ничего лучшаго, чѣмъ то, что случилось съ нею... И, однако, говоря самой себѣ истинную правду, она все-таки должна сказать: изъ всего, что было когда-либо пережито ею, это было самое лучшее...

На перекресткѣ она остановилась; кругомъ нея тихо; знойный воздухъ душевъ и насыщенъ влагою. Она повернулась и пошла обратно къ отелю. Она очень утомлена и новая мысль шевелится въ ней: не потому ли онъ отказался отъ свиданія съ нею, что и онъ утомленъ?... Эта мысль кажется ей доказательствомъ ея опытности... И еще нѣчто мелькаетъ въ ея сознаниі: вѣдь и другую онъ можетъ любить только такъ, какъ ее—не иначе... И вдругъ она задается вопросомъ: останется ли сегодняшняя ночь единственнымъ, что она могла бы пережить въ этомъ смыслѣ—не будетъ ли она сама принадлежать еще кому-нибудь, кромѣ него? И она радуется собственному сомнѣнію, какъ если бы оно уже заключало въ себѣ какую-то месть его сострадательному взгляду, его насмѣшливымъ губамъ.

Но встѣ она снова въ третьемъ этажѣ гостинницы, въ своей уютной комнатѣ. Остатки обѣда все еще не убраны, и на постели все еще лежатъ жакетка и цвѣты. Она беретъ цвѣты въ руку и подноситъ ихъ къ губамъ—словно желая поцѣловать ихъ. Но вдругъ весь ея гнѣвъ опять прорывается наружу, и она съ неистовствомъ швыряетъ ихъ на полъ. Потомъ закрывъ лицо руками она бросается на постель.

Пролежавъ такъ нѣсколько времени, она успокаивается, чувствуетъ себя все спокойнѣе и спокойнѣе. Въ сущности это хорошо, что она сегодня же будетъ дома. Она представила себѣ своего мальчика лежащимъ въ постелькѣ и смѣющимся во все лицо, какъ это бывало обыкновенно, когда мать склонялась надъ его рѣшеткой. Ее такъ и потянуло къ нему... Поздно уже, пора собираться къ отъѣзду...

Она сидитъ въ купѣ, на колѣняхъ ея лежатъ цвѣты, которые она опять подняла съ полу... Да, вотъ она ѣдетъ домой, оставляетъ городъ, гдѣ она... нѣчто пережила, такъ вѣдь это называется?.. И въ сознаниі ея мелькаютъ слова, которыя она когда-то читала или слышала въ соотношеніи съ подобными обстоятельствами—такія слова,

какъ: наслажденіе... упоеніе любви... оупьяненіе... и легкая гордость повелится въ ней при мысли, что она сама на себѣ испытала, что означаютъ эти слова. И еще одна мысль приходитъ ей, и удивительно успокаиваетъ ее: если, быть можетъ, онъ уже состоитъ въ связи съ другою женщиною... то, вѣдь, она огняла его у этой женщины... не долго, конечно, но за то вполне, настолько, насколько вообще можно отнять мужчину у женщины.

Теперь она была рада, что не послѣдовала своему рѣшенію сейчасъ же бѣжать къ нему. Она намѣревалась даже написать ему холодное письмо, которое вызвало бы въ немъ маленькую досаду, покетничать, полукавитъ съ нимъ... Но, одно было ясно ей: она должна овладѣть имъ... въ самомъ скоромъ времени и, если возможно, навсегда!.. И такъ, по мѣрѣ того, какъ поѣздъ мчалъ ее домой, мечты ея уносились все дальше... становились тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ глубже пѣли для нея, въ полуснѣ, жужжація и гудяція колеса...

Когда она вернулась, маленькій городокъ былъ уже объятъ глубокимъ сномъ. Придя домой, она велѣла служанкѣ какъ можно раньше привести отъ невѣстки мальчика. Потомъ она медленно раздѣлась. Взглядъ ея упалъ на портретъ ея покойнаго мужа, висѣвшій надъ кроватью. Она спросила себя, должна ли она оставить его тутъ и теперь? Когда она подумала затѣмъ, что есть женщины, которыя, возвращаясь отъ любовника, ложатся спать бокъ о бокъ со своимъ мужемъ, она такъ и содрогнулась... Никогда не сдѣлала бы она ничего подобнаго при жизни мужа!.. А ужъ если бы сдѣлала, то никогда не вернулась бы больше домой.

На слѣдующее утро ее разбудилъ ея мальчуганъ. Онъ взобрался къ ней на постель и тихонько дугъ ей на вѣки. Берта съѣла, обняла и расцѣловала его, и онъ сейчасъ же принялся рассказывать, какъ хорошо было ему у дяди и тети, какъ Элли играла съ нимъ, а Рихардъ одинъ разъ подрался съ нимъ и не могъ поборотъ его. А вчера онъ научился играть на фортепiano и скоро будетъ играть такъ же хорошо, какъ мама. Берта молча слушала его. Если бы Эмиль могъ слышать эту милую болтовню, думала она, и соображала, нельзя ли взять его съ собой и въ слѣдующій разъ, когда она поѣдетъ къ Эмилю въ Вѣну; при такихъ условіяхъ она могла бы заѣхать къ нему, не вызывая рѣшительно никакихъ подозрѣній. Она думала теперь только о томъ, что пережила въ Вѣнѣ прекраснаго, а отъ письма съ отказомъ у нея почти ничего не осталось, кромѣ словъ, относящихся къ предстоящему свиданію.

Было еще совсѣмъ раннее утро, когда она отправилась къ роднымъ. Проходя мимо дома Рушуса, она подумала на минуту, не зайти ли къ нимъ. Но какое-то смутное опасеніе опять попасть къ нимъ въ тягостную для нихъ минуту заставило ее отложить это посѣщеніе на послѣ-

обѣда. Въ домѣ деверя ей попалась прежде всего Элли, которая встрѣтила ее такъ бурно, какъ если бы она возвратилась изъ долгаго путешествія. Деверь еще издали шутливо погрозилъ ей пальцемъ и сказалъ:

— Ну что? Какъ провела время?

Берта почувствовала, что по лицу ея разлилась яркая краска.

— Да,—продолжалъ онъ,—славныя исторіи мы про тебя слышали!

Онъ не замѣтилъ однако смущенія Берты и здороваясь съ нею передъ самой дверью, посмотрѣлъ на нее взглядомъ, въ которомъ ясно можно было прочесть: то-то же! отъ меня развѣ что укроется!

— Папа всегда шутитъ такимъ манеромъ,—сказала Элли,—миѣ это совсѣмъ не нравится въ немъ.

Берта знала, что въ сущности деверь болталъ все это такъ, зря, а на самомъ дѣлѣ не повѣрилъ бы даже и въ томъ случаѣ, если бы она сама сказала ему всю правду.

Вошла невѣстка и Бертѣ пришлось рассказывать о томъ, какъ она проводила время. Къ ея собственному удивленію, ей удалось весьма искусно переиѣшивать вымыселъ съ правдой. Она была вмѣстѣ съ кузиною въ публичномъ саду и картинной галлерей, въ воскресенье слушала мессу въ Stephanskirche, на улицѣ встрѣтила одного преподавателя консерваторіи и, наконецъ, она описала комичную чету супруговъ, которыя будто бы ужинали у ея кузины. И чѣмъ больше она углублялась въ это лганье, тѣмъ болѣе охватывало ее желаніе рассказать что-нибудь и про Эмиля, сообщить, что она встрѣтила на улицѣ знаменитаго скрипача Линдбаха, ея бывшаго товарища по консерваторіи, и говорила съ нимъ. Но смутное опасеніе не остановиться во время удержало ее отъ этого. Фрау Альбертина Гарланъ сидѣла съ видомъ тяжкаго утомленія на диванѣ и только кивала головой, а Элли стояла по обыкновенію у рояля, подпирая голову руками, и смотрѣла на тетку во всѣ глаза.

Отъ невѣстки Берта пошла къ Мальманамъ и дала урокъ музыки близнецамъ; упражненія и гаммы, которыя ей приходилось выслушивать, были ей сначала нестерпимы, но потомъ она уже не слушала ихъ, давъ волю своимъ мыслямъ. Пріятное настроеніе этого утра разсѣялось. Вѣна, казалось, была такъ далеко отъ нея, какое-то необъяснимое безпокойство охватило ее, и вдругъ на нее напалъ страхъ, что немедленно послѣ концерта Эмиль уѣдетъ. Это было бы просто ужасно. Нельзя ли, однако, устроить какъ-нибудь такъ, чтобы быть въ Вѣнѣ въ день этого концерта? Она не могла не сознавать правды: слышать его игру ее вовсе не тянуло,—да, она чувствовала теперь, что ей было бы гораздо пріятнѣе, если бы онъ вовсе не былъ скрипачемъ, если бы онъ вообще не былъ артистомъ, если бы онъ былъ самымъ обыкновеннымъ смертнымъ—какимъ-нибудь бухгалтеромъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Если бы она могла сознавать, что онъ весь принадлежитъ ей, ей одной... Между тѣмъ, близнецы продолжали

разыгрывать свои гаммы. Что за несносная участь — торчать при этомъ, давать уроки музыки этимъ безталаннымъ ребятишкамъ! И почему это она была такъ хорошо настроена утромъ?

На улицѣ Берта встрѣтила фрау Мартинъ. Фрау Мартинъ спросила ее, хорошо ли она провела время въ Вѣнѣ, причемъ взглядъ ея совершенно ясно говорилъ: ужь, во всякомъ случаѣ, ты не можешь такъ хорошо проводить время, какъ я съ моимъ мужемъ. Берту охватило невыразимое желаніе крикнуть прямо въ лицо этой особѣ: мнѣ было гораздо лучше, чѣмъ ты можешь вообразить себѣ! И я понимаю все такъ же хорошо, какъ ты! И у тебя вѣдь только мужъ, а у меня есть возлюбленный, возлюбленный, возлюбленный!.. Но, разужьется, она не сказала ничего подобнаго, а, напротивъ того, рассказала, что она гуляла съ кузиною и ея дѣтьми въ публичномъ саду.

Встрѣтились ей и другія женщины, съ которыми она была знакома лишь отдаленно. Она чувствовала себя по отношенію къ нимъ совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде: свободнѣе, значительнѣе; вѣдь, она была единственная женщина во всемъ городѣ, которая испытала что-нибудь, и ей было почти жаль, что никто не зналъ объ этомъ, ибо, вѣдь, онѣ только для виду стали бы выражать свое презрѣніе, а на самомъ дѣлѣ страшно завидовали бы ей. И если бы онѣ еще знали кто... Впрочемъ, въ этой дырѣ мало кому знакомо даже его имя. Если бы былъ хотя одинъ человѣкъ на свѣтѣ, передъ которымъ она могла бы высказаться!.. Фрау Рупіусъ, да, фрау Рупіусъ!.. Но, вѣдь, она уѣзжаетъ, отправляется путешествовать!.. И, собственно говоря, какое ей дѣло до всего этого? Главное, знать, какъ все это будетъ съ Эмилемъ. Необходимо было бы знать, въ чемъ тутъ дѣло... Ужасное безпокойство мучить ее... Можно ли сказать, что она находится «въ связи» съ нимъ?..

Но вотъ она опять у родныхъ. Рихардъ, при встрѣчѣ съ нею, хочеть, какъ всегда, полушутливо обнять ее, она отталкиваетъ его. Дерзкій мальчишка! думаетъ она. Знаю я теперь, къ чему это клонится, хоть и онъ самъ этого не знаетъ; я-то вѣдь понимаю эти вещи, у меня есть возлюбленный въ Вѣнѣ!.. Между тѣмъ, урокъ идетъ своимъ порядкомъ. Въ заключеніе Элли и Рихардъ разыгрываютъ въ четыре руки увертюру Бетховена—это должно быть сюрпризомъ ко дню рожденія отца.

Берта не переставала думать объ Эмилѣ. Она готова была просто съ ума сойти отъ этого несноснаго брячанья... Нѣтъ, невозможно больше тянуть это существованіе, ни въ какомъ смыслѣ... Вѣдь она еще такъ молода... Да, въ этомъ-то и заключается вся суть, въ этомъ... она не можетъ больше жить такъ... а полюбить кого-нибудь другого... Нѣтъ, какъ она могла допустить это хотя бы въ мысляхъ!.. Вѣдь это значитъ, что она просто испорченная женщина? Кто знаетъ, можетъ быть, Эмиль, какъ опытный человѣкъ, сейчасъ же замѣтилъ въ ней

*

это, можетъ быть, оттого-то онъ и не захотѣлъ болѣе видѣть ее... Ахъ, какъ легко, должно быть, живется тѣмъ женщинамъ, которыя ничего не принимаютъ въ серьезъ, которыя готовы, сейчасъ же послѣ того какъ ихъ бросили... Но что это опять за мысли такія? Развѣ онъ «бросилъ» ее?.. Черезъ какихъ-нибудь три, четыре дня она опять будетъ въ Вѣнѣ, у него, въ его объятіяхъ...

Входитъ невѣстка и просить, чтобы она пришла сегодня отужинать съ ними... Что-жъ, вѣдь, это единственное развлеченіе: поужинать не дома, а за какимъ-нибудь другимъ столомъ! Но если бы здѣсь былъ хоть одинъ человѣкъ, съ которымъ она могла бы говорить!.. И фрау Рупіусъ уѣзжаетъ, оставляетъ своего мужа!.. Можетъ быть, и здѣсь замѣшана какая-нибудь любовная исторія?.. Урокъ конченъ, Берта прощается. И по отношенію къ невѣсткѣ она ощущаетъ теперь свое превосходство, чувствуетъ даже нѣчто вродѣ состраданія къ ней. Да, говоритъ она себѣ, на цѣлую жизнь, какую ведетъ эта женщина, не промѣняла бы она одного того часа... А, между тѣмъ, думаетъ она, идя къ себѣ домой, тогда она совсѣмъ не сознавала своего счастья, и все такъ скоро кончилось. И потомъ — эта комната, все это помѣщеніе, эта ужасная картина... Нѣтъ, нѣтъ, все это было просто гадко. Одно только было дѣйствительно прекрасно: когда онъ провожалъ ее въ коляскѣ домой и положилъ ее голову себѣ на грудь... О, да, онъ любилъ ее — не такъ, какъ она его, конечно, но, вѣдь, и это удивительно! Какъ онъ жилъ все это время!.. Она думала теперь объ этомъ уже безъ ревности, а скорѣе съ легкимъ сожалѣніемъ къ нему; о чемъ только не приходится вспоминать ему. А что онъ относился къ жизни не легкомысленно, это сейчасъ же можно было видѣть... Веселымъ человѣкомъ трудно было бы его назвать... Всѣ тѣ часы, которые она провела съ нимъ, были проникнуты въ ее воспоминаніи какой-то неизъяснимой грустью... Если бы только она могла узнать все, что его касается!.. Онъ такъ мало... ничего, ничего не рассказалъ онъ ей о себѣ... Да, впрочемъ, развѣ это было возможно — въ первый же день?.. О, если бы онъ по настоящему узналъ ее! Если бы она не была такъ робка, такъ неспособна проявить себя... Она должна еще разъ написать ему — прежде чѣмъ увидитъ его... Да, она сдѣлаетъ это сегодня же. Письмо, которое она послала ему вчера, — до чего оно было глупо! Онъ просто и не могъ отвѣтить на него иначе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ. Она должна написать ему не вызывающе, конечно, но и безъ лишняго самоуничиженія... нѣтъ, вѣдь, она же его возлюбленная! Она, та самая, которая идетъ по этимъ улицамъ, среди этихъ людей, которые при встрѣчѣ съ нею глядятъ на нее, какъ на равную себѣ, она — возлюбленная этого удивительнаго человѣка, котораго она обожала съ самой ранней юности... И какъ смѣло, безъ всякаго ломанья, она отдалась ему, ни одна изъ всѣхъ извѣстныхъ ей женщинъ не была бы способна на это. Ахъ, она сдѣлала бы больше! О, да! Она пошла бы

на то, чтобы жить вмѣстѣ съ нимъ, не будучи его женой, и ей было бы совершенно безразлично, что стали бы говорить о ней люди... Она даже гордилась бы этимъ. А впоследствии онъ женился бы на ней... навѣрное. Вѣдь, она такая хорошая хозяйка... И какъ отрадно было бы ему, послѣ годовъ беспорядочнаго скитальчества, жить въ благоустроенномъ домѣ, имѣть подлѣ себя хорошую жену, которая никогда никого не любила, кромѣ него.

Она была опять дома и, прежде чѣмъ подали обѣдъ, приготовила все нужное, чтобы сѣсть за письмо. Она ѣла съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, торопливо накладывала и рѣзала кушанье своему мальчику, потомъ приказала дѣвушкѣ раздѣть и положить его въ кроватку, что она обыкновенно дѣлала сама, сѣла къ столу, и слова безостановочно полились у нея изъ-подъ пера, какъ если бы все письмо заранѣе сложилось въ головѣ ея.

«Мой Эмиль, мой возлюбленный, мое сокровище! Съ тѣхъ поръ, какъ я вернулась сюда, я вся полна неодолимаго желанія писать тебѣ, сказать тебѣ еще и еще разъ, до чего я счастлива, до чего я безконечно счастлива благодаря тебѣ. Сначала я была зла на тебя за то, что въ воскресенье ты отказался видѣть меня—я должна признаться тебѣ и въ этомъ, потому что у меня есть потребность высказывать тебѣ все, что происходитъ во мнѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удавалось это, пока я была съ тобою; это вообще не дается мнѣ, но теперь я нахожу всѣ нужныя слова и тебѣ уже придется помириться съ тѣмъ, что я буду докучать тебѣ своимъ писаньемъ. Мой милый, мой единственный—да, вѣдь, ты единственный для меня, хотя ты, повидимому, былъ не настолько убѣжденъ въ этомъ, насколько было бы нужно. Прошу тебя, вѣрь мнѣ въ этомъ. Видишь ли, вѣдь у меня же нѣтъ ничего, кромѣ этихъ словъ, чтобы тебѣ это высказать. Эмиль, я никогда никого не любила кромѣ тебя и никогда не полюблю другого. Дѣлай со мной, что хочешь, ничто не привязываетъ меня къ этому городку, въ которомъ я теперь живу, да, иногда мнѣ становится просто жутко при мысли, что я принуждена жить здѣсь. Я хочу перѣѣхать въ Вѣну, чтобы быть по близости отъ тебя. О, не бойся, я вѣдь не буду тревожить тебя. Вѣдь я не одинока, у меня есть мое дитя, которое я просто боготворю. Мнѣ придется стѣсниться, но, въ концѣ концовъ, развѣ мнѣ не удастся точно такъ же, какъ и здѣсь,—а въ такомъ большомъ городѣ, какъ Вѣна, быть можетъ, еще легче—найти себѣ уроки, которыми я могла бы улучшить свои обстоятельства? Впрочемъ, это не существенно; переселиться въ Вѣну—это было моимъ давнишнимъ намѣреніемъ хотя бы уже ради моего обожаемаго мальчика, когда онъ подростетъ. Ты не можешь представить себѣ, до чего глупы здѣшніе люди! И вообще я просто не могу смотрѣть ни на кого съ тѣхъ поръ, какъ испытала счастье быть съ тобою. Дай мнѣ совѣтъ, дорогой мой! Впрочемъ, ты не долженъ утруждать себя

обстоятельнымъ письмомъ, я, во всякомъ случаѣ, на этой же недѣлѣ буду въ Вѣнѣ, мнѣ, во всякомъ случаѣ, пришлось бы сдѣлать это по нѣкоторымъ неотложнымъ надобностямъ, тогда ты можешь сказать мнѣ все, что ты объ этомъ думаешь и что считаешь за лучшее. Ты долженъ только обѣщать мнѣ, что когда я буду жить въ Вѣнѣ, ты будешь время отъ времени навѣщать меня; если же это будетъ тебѣ неприятно, то никому не должно быть никакого дѣла до этого. Но ты повѣришь мнѣ, что всякій день, въ который я смогу видѣть тебя, будетъ для меня истиннымъ праздникомъ, и что во всемъ мірѣ нѣтъ ни одной живой души, которая была бы болѣе вѣрна тебѣ и любила бы тебя такъ, до гробовой доски, какъ я.

«Будь здоровъ, мой возлюбленный.

«Твоя Берта».

Она не рѣшилась перечитывать письмо и сейчасъ же вышла изъ дому, чтобы отвезти его на вокзалъ. Тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ впереди отъ себя, она увидѣла фрау Рупіусъ, которую провожала служанка съ небольшимъ саквояжемъ въ рукѣ. Что бы это могло значить? Она догнала фрау Рупіусъ какъ разъ въ ту минуту, когда та входила въ станціонный залъ. Дѣвушка положила саквояжъ на большой столъ, посреди комнаты, поцѣловала барынѣ руку и ушла.

— Фрау Рупіусъ!—воскликнула Берта полувопросительно.

Фрау Рупіусъ дружески протянула ей руку:

— Я слышала, что вы уже вернулись! Ну, какъ провели время?

— Прекрасно, о, прекрасно, но...

— Вы смотрите на меня съ такимъ ужасомъ; нѣтъ, фрау Берта, я вернусь — завтра же. Большое путешествіе не состоится; я должна была... рѣшиться на нѣчто другое.

— На что же именно?

— Ну да,—остаться. Завтра я опять буду здѣсь. Ну, какъ же вы провели время?

— Я же сказала вамъ: очень хорошо.

— Да, вѣдь и правда—вы уже сказали. Но вѣдь вы хотите опустить это письмо, не правда ли?

Теперь только Берта спохватилась, что все еще держала письмо къ Эмилю въ рукѣ. Она посмотрѣла на него такимъ восхищеннымъ взглядомъ, что фрау Рупіусъ усмѣхнулась.

— Можеть быть хотите, чтобы я взяла его съ собой? Оно вѣдь должно идти въ Вѣну?

— Да,—сказала Берта и, словно обрадовавшись возможности высказаться, прибавила:—это ему!

Фрау Рупіусъ кивнула головою, какъ бы въ знакъ удовольствія, но даже не взглянула на Берту и ничего не отвѣтила.

— Какъ я рада сказала Берта,—что встрѣтила васъ. Вѣдь вы здѣсь единственный человѣкъ, къ которому я питаю довѣріе, единственный человѣкъ, способный понять что-нибудь.

— О, нѣтъ,—отозвалась фрау Рупіусъ, какъ сквозь сонъ.

— Я такъ завидую вамъ, что вы сегодня же, черезъ какіе-нибудь нѣсколько часовъ, увидите Вѣну. Какъ вы счастливы!

Фрау Рупіусъ сѣла въ одно изъ кожаныхъ креселъ подлѣ стола, подперевъ подбородокъ рукою и взглянувъ на Берту, проговорила:

— А мнѣ бы казалось скорѣе, что вы сами счастливы!

— Нѣтъ, я принуждена остаться здѣсь.

— Почему?—спросила фрау Рупіусъ.—Вѣдь вы свободны. Однако бросьте же ваше письмо въ ящикъ, а то я увижу адресъ и узнаю больше, чѣмъ вы сами хотите сказать мнѣ.

— Не потому, а только... я хотѣла бы, чтобы оно пошло съ этимъ же поѣздомъ...

Она поспѣшила къ выходу, опустила письмо въ ящикъ, потомъ сейчасъ же вернулась къ Аннѣ и продолжала:

— Вамъ-то я все могла бы сказать,—и даже больше,—хотѣла сказать вамъ все еще до того, какъ поѣхала туда... но можете себѣ представить, какъ странно!—почему-то не рѣшилась тогда.

— Тогда, можетъ быть, и рассказывать было нечего,—сказала фрау Рупіусъ, не глядя на Берту.

Берта была поражена. Какъ она умна, эта женщина! Она видитъ людей насквозь!

— Нѣтъ, тогда дѣйствительно нечего было рассказывать!—повторила она, глядя на фрау Рупіусъ съ какимъ-то благоговѣніемъ.—Представьте себѣ, это просто невѣроятно, что я вамъ скажу, но мнѣ кажется, что я была бы какой-то лгуней, если бы умолчала объ этомъ.

— Ну?

Берта сѣла въ кресло подлѣ фрау Рупіусъ и заговорила тихонько, такъ какъ двери были открыты:

— Я хотѣла сказать вамъ, Анна, что я совсѣмъ не чувствую себя такъ, какъ будто сдѣлала что-нибудь дурное, что-нибудь недозволенное.

— Это было бы не особенно умно!

— Ну да, вы совершенно правы... я хотѣла сказать нѣчто большее: я чувствую себя такъ, какъ будто сдѣлала что-нибудь хорошее, что-нибудь совсѣмъ особенное. Да, фрау Рупіусъ, я могла даже сказать, что я просто горжусь этимъ.

— Ну, для этого, положимъ, тоже нѣтъ оснований!—сказала фрау Рупіусъ, причемъ она, задумавшись, тихонько поглаживала руку Берты, лежавшую на столѣ.

— Я и сама знаю, но всетаки я горжусь, и мнѣ кажется, что я совсѣмъ не похожа на другихъ извѣстныхъ мнѣ женщинъ. Видите ли... если бы вы только знали.. если бы вы были знакомы съ нимъ—это такая удивительная исторія! Вы, можетъ быть, думаете, что это какое-нибудь новое знакомство?.. Напротивъ, вы должны знать, я была влюб-

лена въ него еще совсѣмъ молоденькой дѣвочкой, уже двѣнадцать лѣтъ какъ это тянется, но мы долгое время не видѣлись, а теперь—развѣ это не удивительно?—теперь онъ сталъ моимъ... моимъ... моимъ... возлюбленнымъ.

Наконецъ, она высказала это. Все лицо ея сіяло. Фрау Рупіусъ посмотрѣла на нее взглядомъ, въ которомъ можно было прочесть едва уловимую насмѣшку и вмѣстѣ съ тѣмъ большую сердечность.

— Я очень рада, что вы счастливы!—сказала она.

— Вы, право, такъ добры! Но видите ли, съ другой стороны, это просто ужасно: мы живемъ такъ далеко другъ отъ друга; онъ живетъ въ Вѣнѣ, я—здѣсь; я думаю, что не выдержу. И притомъ у меня вовсе нѣтъ сознанія, что я дѣйствительно имѣю что-нибудь общее съ этимъ городомъ и особенно съ моими родными. Если бы они знали... нѣтъ, еслибъ только они знали! Да они бы просто не повѣрили. Такая женщина, какъ моя невѣстка, напримѣръ,—да, я думаю, она не допускаетъ даже и возможности чего-либо подобнаго!

— Однако вы удивительно наивны!—сказала вдругъ фрау Рупіусъ, словно выведенная изъ терпѣнія, и вслѣдъ затѣмъ стала прислушиваться.—Мнѣ показалось, что поѣздъ уже свиститъ...

Она встала и подошла къ большой стеклянной двери, которая вела на платформу. Вошедшій служитель потребовалъ билетъ, который онъ долженъ былъ отнѣсти.

— Поѣздъ въ Вѣну придетъ съ опозданіемъ на двадцать минутъ,—сказалъ онъ.

Берта тоже встала и подошла къ фрау Рупіусъ.

— Почему вы сказали, что я наивна?—спросила она робко.

— Да вы совершенно не знаете людей!—отозвалась фрау Рупіусъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.—Вы не имѣете ни малѣйшаго представленія даже о людяхъ, среди которыхъ живете. Увѣряю васъ, вамъ совершенно не приходится гордиться.

— Да я знаю, что это глупо съ моей стороны.

— Ваша невѣстка—нѣтъ, это великолѣпно!—ваша невѣстка!

— Что вы хотите сказать?

— Да то, что ваша невѣстка тоже имѣла любовника.

— Что за идея!

— Да и не она одна въ этомъ городѣ!

— Ну, конечно, есть женщины, которыя... Но Альбертина!

— И знаете, кто это былъ? Это презабавно! Господинъ Клингеманнъ!

— Нѣтъ, быть не можетъ!

— Правда, это было ужъ давно, лѣтъ десять или одиннадцать тому назадъ.

— Но въ то время вы и сами не жили здѣсь, фрау Рупіусъ!

— О, я знаю это изъ наилучшаго источника! Господинъ Клингеманнъ самъ мнѣ рассказывалъ!

— Самъ Клингеманъ? Да неужто же возможно, чтобы человѣкъ до такой степени...

— Во всякомъ случаѣ, это вполнѣ достовѣрно.

Она сѣла опять на скамью подлѣ двери, Берта стояла около нея, слушая съ глубочайшимъ изумленіемъ.

— Какъ же! господинъ Клингеманъ!.. Вѣдь, когда я сюда пріѣхала, онъ сдѣлалъ мнѣ честь, ухаживалъ за мною самымъ настоящимъ образомъ, что называется не на жизнь, а на смерть. Вы сами знаете, что это за противный субъектъ. Я его высидѣла, это, вѣроятно, разозлило его, и тогда онъ, очевидно, возымѣлъ мысль доканать меня рассказами о своихъ побѣдахъ и о своей неотразимости.

— Но, быть можетъ, онъ рассказывалъ вамъ то, чего на самомъ дѣлѣ не было?

— Относительно многого — можетъ быть, но эта исторія, во всякомъ случаѣ несомнѣнна... Ахъ, да что! Люди—вѣдь, это такая гадость! — она сказала это съ выраженіемъ глубочайшей ненависти.

Берта смутилась. Никогда бы она не допустила, что фрау Рушіусъ способна такъ думать.

— Да, какъ это, право, вы совсѣмъ не знаете между какими людьми вы живете!

— Нѣтъ, этого я бы никогда не могла себѣ представить... Если бы деверь узналъ объ этомъ!..

— Если бы узналъ? Онъ такъ же прекрасно знаетъ это, какъ и вы, какъ я.

— Какъ? Нѣтъ, нѣтъ!

— Да онъ ихъ поймалъ... понимаете?.. Господина Клингемана съ Альбертиной! Такъ, что и при всемъ желаніи, сомнѣваться было невозможно.

— Господи, помилуй! Что же онъ сдѣлалъ?

— Да, вѣдь, вы сами видите, что онъ не прогналъ ее.

— Ну, да, дѣти... конечно!

— Ахъ, какія тамъ дѣти! Простилъ ее ради собственнаго удобства,—главное, потому, что послѣ этого и самъ онъ могъ дѣлать все, что хотѣлъ. Вѣдь, вы сами видите, какъ онъ съ ней обращается. Она для него немногимъ развѣ выше его служанки. Вѣдь, вы видите, какая она вѣчно ходитъ пришибленная и несчастная. Онъ довелъ ее до того, что она разъ навсегда стала чувствовать себя помилованной, и я думаю, ее грызетъ вѣчный страхъ, что въ одно прекрасное мгновеніе онъ еще накажетъ ее. Но только это совсѣмъ глупый страхъ—вѣдь, онъ ни за какую цѣну не найдетъ себѣ другой такой хозяйки... Ахъ, милая моя фрау Берта, и мы, конечно, не ангелы, какъ вы знаете изъ собственнаго опыта, но мужчины просто подлы, поскольку...—она запнулась, какъ бы не рѣшаясь окончить свою фразу,—поскольку они мужчины.

Берта была совершенно подавлена—не столько тѣмъ, что разсказывала ей фрау Рупіусъ, сколько манерокъ ея сообщеній. Казалось, она стала какой-то совершенно другой, и Берта чувствовала щемящую боль въ сердцѣ.

Дверь на платформу была открыта и оттуда слышался тихій, непрерывный звонъ телеграфа. Фрау Рупіусъ медленно поднялась, выраженіе ея лица смягчилось, она протянула Бертѣ руку и сказала:

— Извините меня, я была немножко раздражена. Все это можетъ быть также и прекраснымъ, вѣдь, есть же и порядочные люди... О, конечно, это можетъ быть прекрасно!..

Она устремила взглядъ на рельсы, какъ бы слѣдя за этими убѣгающими вдаль желѣзными линіями. Потомъ она сказала опять своимъ нѣжнымъ благозвучнымъ голосомъ, который Берта такъ любила въ ней:

— Завтра вечеромъ я буду уже дома... Ахъ, да, мой несессеръ!— Она поспѣшно подошла къ столу и взяла свой саквояжъ.— Вотъ было бы ужасно! Вѣдь, безъ моихъ десяти флакончиковъ я просто не могу двинуться съ мѣста. Итакъ, до свиданья! И не забывайте, что все это ужъ десять лѣтъ, какъ прошло.

Побѣздъ подошелъ, она поспѣшила въ купэ, взошла и привѣтливо кивнула Бертѣ изъ окна. Берта попробовала отвѣтить ей такъ же весело, но почувствовала, что движеніе руки, которымъ она хотѣла выразить привѣтъ уѣзжающей, вышло натянутымъ и искусственнымъ.

Медленно побрела она опять домой. Напрасно пыталась она убѣдить себя, что ей не было никакого дѣла до всего этого: ни до прошедшей связи невѣстки, ни до низости деверя, ни до пошлости Клингемана, ни до причудливыхъ настроеній этой загадочной фрау Рупіусъ. Она сама не могла понять, почему это, но ей казалось, что все слышанное ею имѣло какое-то таинственное соотношеніе съ ея приключеніемъ. И вдругъ снова охватили ее грызущія сомнѣнія... Почему онъ не хотѣлъ еще разъ видѣть ее? Ни на слѣдующій день, ни даже черезъ два, черезъ три дня? Почему? Онъ достигъ своей цѣли и ему было довольно... И какъ могла она написать ему это сумасшедшее, безстыдное письмо? На нее нашелъ страхъ... А если онъ вдругъ покажетъ его другой женщинѣ, будетъ вмѣстѣ съ ней потѣшаться надъ этимъ письмомъ... Нѣтъ, что это ей забрело въ голову! Придутъ же, право, такія мысли!.. Возможно, что онъ ничего не отвѣтитъ на это письмо, броситъ его подъ столъ въ корзину, но допустить что-либо такое... нѣтъ... Впрочемъ, вѣдь, нужно только потерпѣть, черезъ два, три дня все выяснится окончательно.

Передъ вечеромъ она созершила со своимъ мальчикомъ обычную прогулку между виноградниками, но не заходила на кладбище. Потомъ она медленно спустилась съ холма и стала прохаживаться подъ каштанами. Она болтала съ Фрицемъ, разспрашивала его о томъ и о другомъ, заставляла его разсказывать себѣ разныя исторіи, потомъ по-

пробовала объяснить ему, какъ далеко отстоитъ отъ земли солнце, какъ облака превращаются въ дождь, какъ вырастаютъ виноградныя лозы и образуется виноградъ, изъ котораго дѣлаютъ вино. Она не раздражалась, какъ бывало прежде, когда мальчикъ былъ невнимателенъ, такъ какъ сама отлично сознавала, что говорить только для того, чтобы отвлечься отъ своихъ мыслей. Скоро увидѣла она Клингеманна, но это не произвело на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія; онъ заговорилъ съ нею въ тонѣ какой-то принужденной вѣжливости, держа въ рукѣ свою соломенную шляпу и стараясь изобразить на лицѣ глубокою, почти мрачную серьезность. Онъ казался сильно постарѣвшимъ, и ей бросилось въ глаза, что платье его было отнюдь не элегантно, а, напротивъ, довольно-таки потрепано. Она вдругъ невольно представила его себѣ въ нѣжныхъ объятіяхъ со ея невѣсткой, и ей стало противно.

Вечеръ проводила она у родныхъ. Теперь ей казалось, что и раньше она угадывала все, что касалось прошлаго этихъ людей, ибо какъ могла бы она не обратить вниманія на характеръ отношеній между деверемъ и невѣсткой! Деверь снова подшучивалъ по поводу ея путешествія въ Вѣну, спрашивая, когда она опять поѣдетъ туда и скоро ли она услышать объ ея помолвкѣ. Берта отшучивалась, рассказывая, что, по меньшей мѣрѣ, дюжина разныхъ господъ просили ея руки, въ томъ числѣ одинъ министръ. Но она чувствовала при этомъ, что только губы ея говорятъ и улыбаются, между тѣмъ какъ душа ея оставалась серьезной и молчаливой.

На слѣдующее утро шелъ тихій, теплый дождь. При этой погодѣ Бергѣ было легче справляться со своимъ мучительнымъ нетерпѣніемъ, чѣмъ когда палило солнце. Казалось, что за время сна что-то смягчилось въ ней. Въ сѣренькой кротости этого утра все представлялось такимъ простымъ и не привлекающимъ никакого особаго вниманія. Завтра придетъ ожидаемое письмо, а сегодня — такой же день, какъ сотни другихъ дней.

Послѣ обѣда ей пришла въ голову одна мысль, показавшаяся ей самой въ высшей степени похвальною. Уже давно собиралась она учить своего мальчика читать. Сегодня должно быть положено начало этому. И она пробилась цѣлый часъ, втолковывая ему особенности нѣкоторыхъ буквъ.

Дождь не прекращался; жаль, что нельзя идти гулять. Послѣобѣденное время будетъ тянуться долго, очень долго. Но нужно же, наконецъ, пойти къ Рупіусу. Какъ это скверно, что она еще не была у него съ самаго возвращенія. Можетъ быть, ему немножко стыдно передъ нею, потому что онъ наговорилъ ей тогда разныхъ страшныхъ словъ, а между тѣмъ Анна остается.

Она вышла изъ дому. Несмотря на дождь, она направилась сначала за городъ. Давно уже она не чувствовала себя такой спокойной, какъ сегодня, и ей былъ пріятенъ этотъ день — безъ волненій, безъ страха, безъ ожиданій. Если бы всегда такъ было! Это просто удивительно, съ какимъ равнодушіемъ думаетъ она объ Эмиль. Кажется, всего лучше было бы никогда о немъ больше не слышать и навсегда сохранить въ душѣ это спокойствіе... Да, вѣдь, такъ хорошо ей теперь!.. Казалось, шумъ большого города, который нисколько не разстраивалъ ее въ послѣдній разъ, теперь только началъ отдаваться у нея въ ухахъ, и она радовалась окружавшей ее прекрасной тишинѣ.

Итакъ, ощущеніе глубокой усталости, въ которое была погружена ее душа, казалось ей какимъ-то окончательнымъ успокоеніемъ... А между тѣмъ, уже черезъ самое короткое время, когда она шла обратно къ городу, это внутреннее спокойствіе снова постепенно исчезало, и опять пробуждались въ ней смутныя предчувствія какихъ-то новыхъ волненій и страданій.

День уже склонялся къ вечеру, когда Берта вошла въ комнату господина Руписа. Онъ сидѣлъ у стола, разложивъ передъ собою папку съ картинами. Надъ столомъ горѣла висячая лампа. Онъ взглянулъ на нее и отвѣтилъ на ея прівітствіе. Потомъ онъ сказалъ:

— Вы, вѣдь, вернулись уже третьяго дня вечеромъ.—Въ словахъ его прозвучалъ упрекъ, и Берта почувствовала себя виноватой.—Ну, садитесь,—продолжалъ онъ,—и расскажите, что вы пережили въ Вѣнѣ?

— Что же я могла пережить! Была въ музеѣ, узнала нѣкоторыя изъ вашихъ картинъ.

Онъ не отвѣтилъ.

— Ваша жена возвращается сегодня же вечеромъ!

— Не думаю.

Онъ помолчалъ, потомъ сказалъ съ какой-то преднамѣренной сухостью:

— Я долженъ извиниться передъ вами за то, что рассказывалъ вамъ надняхъ вещи, которыя никоимъ образомъ не могли быть интересны вамъ... Вообще же говоря, я не думаю, чтобъ моя жена возвратилась сегодня вечеромъ.

— Однако... вѣдь она сама сказала мнѣ.

— И мнѣ также. Она просто хотѣла избавить меня отъ прощанья, вѣрнѣе сказать, отъ комедіи прощанія. Я подразумеваю при этомъ не какое-нибудь комедіанство, а, напротивъ,—то, что сопровождаетъ всякое прощаніе: трогательныя слова, слезы... Ну, довольно объ этомъ. Вы не откажетесь составить мнѣ компанію время отъ времени? Вѣдь я буду довольно-таки одинокъ, когда моей жены не будетъ со мною.

Рѣзкій тонъ, какимъ онъ говорилъ все это, такъ мало соотвѣтствовалъ содержанію его рѣчей, что Берта тщетно искала какихъ-нибудь словъ для отвѣта. Но Руписъ сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ продолжалъ:

— Ну, а кромѣ Музея, что вы видѣли?

Берта начала дѣловитѣйшимъ образомъ рассказывать о своей поѣздкѣ въ Вѣну, между прочимъ сообщила и объ одномъ другѣ своей юности, котораго она встрѣтила послѣ долгой разлуки, и притомъ гдѣ?— вотъ что всего удивительнѣе!—какъ разъ передъ картиною Фалькенберга. И въ то время, какъ она говорила такимъ образомъ объ Эмильѣ, не называя его имени, въ ней выросло безпредѣльное стремленіе къ нему, и она думала о томъ, что сегодня же напишетъ ему еще разъ.

Вдругъ она замѣтила, что глаза Рупіуса остановились, взглядъ его приковался къ двери. Возвратившаяся жена его съ улыбкою подошла къ нему, сказала: «Вотъ я и здѣсь», поцѣловала его въ лобъ и протянула руку Бертѣ.

— Здравствуйте, фрау Рупіусъ,—проговорила Берта, въ высшей степени обрадованная.

Рупіусъ не сказалъ ни слова, но на лицѣ его отразилось глубочайшее волненіе. Фрау Рупіусъ, еще не снявшая шляпы, на минуту отвернулась; тогда Берта увидѣла, что Рупіусъ закрылъ лицо обѣими руками и зарыдалъ.

Берта ушла. Она была рада, что фрау Рупіусъ возвратилась, и это казалось ей хорошимъ предзнаменованіемъ. Завтра утромъ можетъ уже придти письмо, которое рѣшитъ ея участь. Спокойствія ея опять какъ не бывало; но теперь все существо ея было проникнуто другимъ желаніемъ, не похожимъ на прежнее. Ей хотѣлось только имѣть его подлѣ себя, по близости, видѣть его, идти съ нимъ рядомъ. Вечеромъ, уложивъ своего мальчика въ постель, она долго еще оставалась одна въ столовой; она поиграла немножко на роялѣ, потомъ подошла къ окну и стала смотрѣть въ мракъ вечера. Дождь прекратился, земля впитывала въ себя влагу, на небѣ еще висѣли тяжелыя тучи. Все существо Берты было полно однимъ страстнымъ стремленіемъ, все въ ней взывало къ нему, глаза ея какъ бы искали его во тьмѣ, губы ея тянулись къ нему съ поцѣлуемъ, словно могли приникнуть къ его губамъ, и безсознательно, какъ если бы самыя желанія ея неслись въ высоту, прочь отъ всего, что окружало ее, прошептала она, глядя на небо: «Дай мнѣ его!..» Никогда еще она не принадлежала ему въ такой степени, какъ въ эту минуту. Казалось, будто она теперь только впервые полюбила его. Ничто другое не примѣшивалось болѣе къ ея чувству, не затемняло его: ни страхъ, ни заботы, ни сомнѣнія; все было въ ней полно чистѣйшей нѣжности, и когда подулъ легкій вѣтерокъ, шевельнувшій ея волосы на лбу, она словно ощутила въ этомъ дуновеніи его самого.

На слѣдующее утро письма не было. Берта была нѣсколько разочарована, но не встревожилась. Вскорѣ появилась Элли, на которую вдругъ напала охота играть съ Фрицемъ. Служанка принесла съ базара навѣстіе, что отъ Рупіуса очень спѣшно послали за докторомъ, но она не могла сказать, заболѣлъ ли самъ Рупіусъ или его жена. Берта

рѣшила какъ можно скорѣе, еще до обѣда, пойти справиться. Она очень разсѣянна и нервно дала свой урокъ у Мальмановъ, затѣмъ отправилась къ Рупіусамъ. Служанка сказала ей, что заболѣла барыня, которая и лежитъ въ постели, что опасности нѣтъ, но докторъ Фридрихъ строжайше запретилъ всякія посѣщенія. Берта испугалась. Ей хотѣлось поговорить съ самимъ Рупіусомъ, но она побоялась быть навязчивой.

Послѣ обѣда она попробовала продолжать занятія со своимъ мальчикомъ, но это ей не удавалось. Опять ей почудилось, будто болѣзнь Анны могла отразиться на ея собственныхъ надеждахъ; если бы Анна была здорова, то пришло бы и письмо. Она сознавала, что это было нелѣпо, но тѣмъ не менѣе не могла побѣдить въ себѣ этого ощущенія.

Въ пять часовъ она опять пошла къ Рупіусамъ. Дѣвушкапустила ее. Господинъ Рупіусъ самъ хотѣлъ поговорить съ нею. Онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, у стола.

— Ну? — проговорила Берта.

— Какъ разъ теперь у нея докторъ. Можетъ быть, вы подождете нѣсколько минутъ...

Берта не рѣшалась разспрашивать. Оба молчали. Черезъ нѣсколько секундъ вышелъ докторъ Фридрихъ.

— Ничего опредѣленнаго нельзя еще пока сказать,—проговорилъ онъ медленно и, какъ бы съ внезапной рѣшимостью прибавилъ:— извините, сударыня, но мнѣ безусловно необходимо поговорить съ господиномъ Рупіусомъ наединѣ.

Рупіусъ вздрогнулъ.

— Въ такомъ случаѣ я не буду мѣшать,—сказала Берта совершенно безсознательно и сейчасъ же вышла.

Но она была въ такомъ волненіи, что рѣшительно не могла пойти домой и направилась по дорогѣ между виноградниками, которая вела къ кладбищу. Она чувствовала, что въ этомъ домѣ происходитъ что-то таинственное. Ей пришла, было, мысль не было ли это попыткой къ самоубійству со стороны Анны. Только бы она не умерла! думала она. И въ то же самое время въ ней шевелилась другая мысль: только бы пришло хорошее письмо отъ Эмиля! Ей казалось, будто со всѣхъ сторонъ она окружена какими-то опасностями. Она вошла на кладбище. Стоялъ прекрасный, теплый лѣтній день, и цвѣты послѣ вчерашняго дождя благоухали сильнѣе обыкновеннаго. Берта пошла привычною дорогою къ могилѣ своего мужа. Но она чувствовала, что ей было совершенно нечего дѣлать здѣсь. Съ какимъ-то почти тягостнымъ чувствомъ прочла она на памятникѣ эти слова—ничего болѣе не выражающія для нея: «Викторъ Матіасъ Гарлявъ, умеръ 6-го іюня 1895 г.» Теперь любая изъ прогулокъ съ Эмилиемъ десять лѣтъ тому назадъ, казалось, была ближе къ ней, чѣмъ годы проведенные ею съ мужемъ. Этого совсѣмъ не существовало болѣе... Она не вѣрила въ то, что это вообще существовало когда-либо, если бы на свѣтѣ не было

Фрида.... Вдругъ у нея мелькнула мысль: да развѣ Фрицъ его сынъ?. Въ сущности онъ сынъ Эмиля... Развѣ такія вещи, въ концѣ концовъ, невозможны?... Но она сама сейчасъ же испугалась неопредѣленности этой мысли. Она взглянула на широкую прямую дорогу, которая шла отъ кладбищенскихъ воротъ, упираясь въ противоположную стѣну, и вдругъ съ полною отчетливостью сказала себѣ, что черезъ нѣсколько дней по этой дорогѣ повесутъ гробъ съ тѣломъ Фрау Рупіусъ. Она хотѣла прогнать эту мысль, но она стояла передъ нею, какъ совершенно отчетливое видѣніе: у воротъ остановились погребальныя дроги; вотъ та могила, которую только что копали два человѣка, была приготовлена для нея, для Фрау Рупіусъ, и самъ Рупіусъ дожидался у этой открытой могилы. Онъ сидѣлъ въ своемъ подвижномъ креслѣ, съ пледомъ на колѣняхъ и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на гробъ, который несли черные люди... Это было болѣе, чѣмъ предчувствіе, она знала это навѣрное... Но откуда? Вдругъ она услышала позади себя человѣческіе голоса; двѣ женщины прошли мимо; одна изъ нихъ была вдова недавно умершаго оберъ-лейтенанта, другая—дочь его. Обѣ поклонились ей и медленно пошли дальше. Берта подумала, что обѣ эти женщины сочтутъ ее за вѣрную вдову, которая все еще оплакиваетъ своего мужа; она показала себѣ вдругъ какой-то лицемеркой и поспѣшила удалиться. Быть можетъ, тамъ можно уже узнать что-нибудь, или, быть можетъ, пришла телеграмма отъ Эмиля—въ этомъ не было бы ничего неправдоподобнаго. И быстро спустившись съ покрытаго виноградниками холма, она направилась домой... Нѣтъ! Ничего: ни письма, ни телеграммы... Фрицъ съ дѣвушкой ушли. Ахъ, до чего она одинока! Опять она спѣшитъ къ Рупіусамъ. Дѣвушка открываетъ ей дверь. Большой нехорошо. Говорить съ господиномъ Рупіусомъ нельзя...

Вечеромъ она пробуетъ рассказывать разныя исторіи своему мальчику, потомъ читаетъ газету, въ которой, между прочимъ, опять находятъ оповѣщеніе о концертѣ съ участіемъ Эмиля. Ей кажется такъ странно, что концертъ все еще только состоится, а не состоялся уже давнымъ давно.

Она не можетъ лечь, не справившись еще разъ у Рупіуса. Въ передней она встрѣчаетъ сидѣлку. У нея веселое лицо и успокоительный взглядъ.

— Нашъ докторъ ужъ выходитъ Фрау Рупіусъ!—говоритъ она. И хотя Берта знаетъ, что эта сидѣлка всегда дѣлаетъ замѣчанія такого рода, она чувствуетъ себя нѣсколько успокоенной. Она идетъ домой, ложится въ постель и спокойно засыпаетъ.

На слѣдующее утро она пробуждается поздно. Она хорошо выспалась и чувствуетъ себя свѣжей. На ночномъ столикѣ лежитъ письмо. Теперь только она отдаетъ себѣ отчетъ во всемъ: Фрау Рупіусъ тяжело больна, а это письмо отъ Эмиля. Она схватываетъ его такъ поспѣшно, что опрокидываетъ маленькій ночникъ, срываетъ конвертъ и читаетъ:

«Моя милая Берта! Сердечное спасибо за твое прекрасное письмо. Оно очень меня порадовало. Но мысль свою—навсегда переѣхать въ Вѣну—ты должна еще очень и очень обдумать. Положеніе вещей здѣсь совершенно не таково, какимъ ты, повидимому, представляешь его себѣ. Даже для здѣшнихъ, хорошо поставленныхъ музыкантовъ отысканіе сносно оплачиваемыхъ уроковъ связано съ величайшими трудностями, для тебя же—особенно въ началѣ—это было бы совершенно невозможно. Тамъ, дома, ты имѣешь обеспеченное существованіе, свой кругъ родныхъ и друзей, свой уголокъ и, наконецъ, вѣдь тамъ ты жила со своимъ мужемъ, тамъ явилось на свѣтъ твое дитя,—и тамъ твое настоящее мѣсто. Отказаться отъ всего этого, чтобы броситься въ изнурительную борьбу за существованіе въ большомъ городѣ, значило бы совершить истинное безуміе. Я намѣренно умалчиваю о той роли, какую играетъ въ твоихъ соображеніяхъ симпатія ко мнѣ (ты знаешь, что я отвѣчаю на нее всѣмъ сердцемъ), но это значило бы перенести весь вопросъ на другую почву, что отнюдь не желательно. Я не приму отъ тебя никакой жертвы, ни подъ какимъ условіемъ. Что я хотѣлъ бы видѣть тебя, и притомъ по возможности скорѣе, это не требуетъ, кажется, никакихъ завѣреній, ибо ничего я не желалъ бы такъ страстно, какъ вновь пережить съ тобою тѣ часы, какіе ты недавно подарила мнѣ (за что я тебѣ очень и очень благодаренъ). Устройся же какъ-нибудь такъ, дитя мое, чтобъ ты могла пріѣзжать въ Вѣну на одинъ день и одну ночь разъ въ мѣсяцъ или въ шесть недѣль. Я надѣюсь, что намъ еще много разъ предстоитъ наслаждаться счастьемъ. Въ ближайшіе дни я, къ сожалѣнію, лишень возможности тебя видѣть; къ тому же немедленно послѣ моего концерта я уѣзжаю, я долженъ играть въ Лондонѣ (сезонъ), оттуда я проѣду въ Шотландію. Итакъ, до радостнаго свиданья осенью. Шлю тебѣ свои лучшія пожеланія и цѣлую тебя въ сладкое мѣстечко за твоимъ ушкомъ, которое мнѣ особенно мило.

Твой Эмиль».

Дочитавъ это письмо до конца, Берта нѣкоторое время неподвижно сидѣла въ постели. Легкій трепетъ пробѣгалъ по всему ея тѣлу. Она не была поражена, ей казалось, что собственно она и не ждала никакого другого письма. И однако теперь ее била лихорадка... Какъ! Разъ въ мѣсяцъ или въ шесть недѣль... Превосходно! На одинъ день и одну ночь... Пфуй, низость какая!.. И какъ онъ боится, чтобы она не пріѣхала въ Вѣну... И притомъ еще эти слова въ самомъ концѣ, словно онъ хотѣлъ и издали еще разъ затронуть въ ней чувственность,—вѣдь это былъ единственный способъ его общенія съ нею... О, что за роль она сыграла... Ей мерзко, мерзко!.. Она вскакиваетъ съ постели, одѣвается... Что же теперь, однако? Вѣдь все кончено, кончено, кончено!.. У него нѣтъ времени для нея, ни часа времени!.. Начиная съ осени—одну ночь разъ въ шесть недѣль!.. Что жъ, конечно, къ нашимъ услугамъ, господинъ мой, я исполню ваше почтенное приказаніе съ полнымъ удовольствіемъ—я вѣдь и не желаю ничего лучшаго! Я

буду попрежнему прозябать здѣсь, давать уроки, дурѣть въ этомъ безлюдьѣ... Вы же будете играть на скрипкѣ, кружить головы женщинамъ, путешествовать, жить, наслаждаясь богатствомъ, славой и счастьемъ, а разъ въ мѣсяць или въ шесть недѣль я буду являться къ вамъ въ какую-то грязную комнату, куда вы приводите уличныхъ женщинъ... Пфуй, гадко, гадко, гадко... Скорѣе прочь—къ фрау Рупіусъ... Вѣдь она больна, Анна, тяжело больна. Какое мнѣ дѣло можетъ быть до всего остального?

Прежде чѣмъ выйти, она приласкала своего мальчика, и одно мѣсто изъ письма вспомнилось ей: тамъ, гдѣ родилось на свѣтъ твое дитя,—тамъ домъ твой... Да, это правда, но вѣдь онъ сказалъ это не потому что это правда, а потому только, что хотѣлъ отстранить угрожающую ему опасность—видѣться съ нею чаще, чѣмъ разъ въ шесть недѣль.

Скорѣе, скорѣе!.. Почему не трепещетъ она за фрау Рупіусъ?.. Ахъ да, вѣдь вчера вечеромъ ей стало лучше...

Балконная дверь открыта. На перилахъ виситъ красная бархатная покрывка отъ рояля. Значитъ, очевидно, опять все въ порядкѣ, зачѣмъ бы иначе вывѣсили сюда эту покрывку?

Дѣвушка открываетъ дверь. Бертѣ не приходится разспрашивать ее: въ широко открытыхъ глазахъ ея она читаетъ выраженіе изумленнаго ужаса, какой вызываетъ обыкновенно только близость смерти Берта входитъ сначала въ гостиную; дверь въ спальню открыта настежь.

Посреди комнаты стоитъ отодвинутая отъ стѣны кровать. У ногъ больной сидѣлка, совершенно истомленная, съ склонившейся на грудь головой, у изголовья—господинъ Рупіусъ въ своемъ подвижномъ креслѣ. Въ комнатѣ такъ темно, что только подойдя совсѣмъ близко, Берта можетъ разглядѣть лицо Анны. Она, повидимому, спитъ. Берта подходитъ еще ближе. Она слышитъ дыханіе Анны, равномерное, но поразительно частое; никогда не слышала она у людей такого дыханія. Теперь она чувствуетъ, что на нее устремленъ взглядъ обоихъ присутствующихъ. На одно мгновеніе она удивляется тому, что ее впустили безъ всякихъ разговоровъ, потомъ она соображаетъ, что значить всякія мѣры предосторожности стали излишними. Все уже рѣшено.

Еще два глаза устремились вдругъ на нее. Сама фрау Рупіусъ открыла теперь глаза и внимательно смотритъ на свою пріятельницу. Сидѣлка уступила Бертѣ свое мѣсто и вышла въ сосѣдную комнату. Берта сѣла и придвинулась. Она увидѣла, что Анна медленно протягиваетъ ей свою руку, и взяла эту руку.

— Милая фрау Рупіусъ,—сказала она.—Вѣдь вамъ теперь лучше, не правда ли?

Она почувствовала, что опять говорить что-то неловкое, но поправить этого было уже нельзя. Еще разъ, даже и въ этотъ послѣдній часъ, ей было суждено проявить себя по отношенію къ этой женщинѣ такимъ образомъ!

Анна улыбулась; она была блѣдна и выглядѣла теперь совсѣмъ молоденькой дѣвушкой.

— Благодарю васъ, милая Берта,—сказала она.

— Но, милая, милая Анна, что же это?

Она съ величайшимъ трудомъ сдерживала слезы.

Наступило долгое молчаніе. Анна опять закрыла глаза и, казалось, заснула, господинъ Рупіусъ сидѣлъ, не шевелясь; Берта глядѣла то на него, то на больную. Она думала: во всякомъ случаѣ, я должна подождать... А что сказалъ бы Эмиль, если бы она вдругъ умерла? О, это все-таки было бы ему больно, вѣдь, онъ подумалъ бы: та, которую я всего нѣсколько дней тому держалъ въ своихъ объятіяхъ, стала разлагающимся трупомъ... Онъ даже заплакалъ бы. Да, въ этомъ случаѣ заплакалъ бы — онъ, этотъ жалкій эгоистъ... Ахъ, куда же это опять уносятся ея мысли? Вѣдь, она все еще держитъ руку своего умирающаго друга. О, если бы она могла спасти ее!.. Чья участь была тяжелѣе? Той, которая должна умереть, или ея, которую такъ позорно обманули? И неужели это было нужно — ради одной ночи... Нѣтъ, и это слишкомъ много сказать... ради одного часа—такъ унижить, такъ истерзать ее! Развѣ это не безсовѣстность, не наглость?.. Какъ она его ненавидѣла! Какъ она его ненавидѣла!.. Если бы онъ вдругъ сорвался въ слѣдующемъ концертѣ такъ, чтобы всѣ люди смѣялись надъ нимъ, и ему было бы стыдно, и во всѣхъ газетахъ было бы напечатано: господинъ Эмиль Линдбахъ провалился, окончательно провалился. И всѣ его возлюбленные сказали бы тогда: очень онъ мнѣ нуженъ! Скрипачъ, который сорвался!.. Да, тогда онъ вспомнилъ бы о ней, единственной женщинѣ, которая съ самаго дѣтства, которая въ самомъ дѣлѣ любила его... и съ которой онъ теперь такъ подло поступилъ!.. Тогда онъ спохватился бы и пришелъ бы просить прощенія у нея, а она сказала бы ему: вотъ видишь, Эмиль! Вотъ видишь, Эмиль... Ничего болѣе умнаго она теперь не могла придумать... И опять, опять она думаетъ о немъ, все о немъ, а эта женщина умираетъ, и она сидитъ у ея постели, и эта молчаливая фигура—мужъ ея... Та-кая глубокая тишина царитъ въ дождѣ, только съ улицы черезъ балконныя двери доносится смутный гулъ, человѣческіе голоса, грохотъ колесъ, сигнальный звонокъ велосипедиста, звукъ сабли, которая волочится по тротуару, порою щебетанье птицъ, но все это такъ далеко, такъ чуждо тому, что происходитъ здѣсь.

Анна становится безпокойнѣе; она поворачиваетъ голову то туда; то сюда—часто, быстро, все быстрѣе и быстрѣе... Чей-то голосъ за спиной у Берты тихо произноситъ: «теперь начинается». Берта обернулась. Это сидѣлка съ веселымъ лицомъ; но Берта понимаетъ теперь, что это выраженіе ея лица вовсе не означаетъ веселости, а лишь застывшее стараніе не выказать разстройства, и это лицо, кажется ей теперь неизвѣстно страшнымъ... Какъ она сказала?.. Теперь начинается... Словно концертъ или театральное представленіе... И ей вспом-

нялось, что когда-то и у ея постели произнесены были эти слова... тогда, когда начались ея родовыя муки...

Анна вдругъ широко открыла глаза, устремила ихъ на своего мужа и, безсильно стараясь приподняться, совершенно внятно проговорила:

— Одного тебя, одного тебя... повѣрь мнѣ, одного тебя я...

Послѣдняго слова нельзя было разобрать, но Берта угадала его.

— Я знаю,—сказалъ Рупіусъ. Потомъ онъ наклонился и поцѣловалъ умирающую въ лобъ. Она обвила его шею руками, губы ея долго не отрывались отъ его глазъ. Сидѣлка опять вышла. Вдругъ Анна оттолкнула своего мужа,—она не узнавала его болѣе, сознаніе ея померкло. Берта встала, совершенно перепуганная, но не отходила отъ постели. Господинъ Рупіусъ сказалъ ей:

— Теперь идите.

Она запнулась.

— Идите,—сказалъ онъ еще разъ, строго.

Берта поняла, что должна уйти. Она вышла изъ комнаты на ципочкахъ, какъ будто шумъ шаговъ могъ обезпokoить Анну. Выйдя въ переднюю, она увидѣла доктора Фридриха, который, снимая пальто, говорилъ съ другимъ молодымъ докторомъ, младшимъ врачомъ больницы.

Онъ не замѣтилъ Берты, и она слышала, какъ онъ сказалъ:

— Во всякомъ другомъ случаѣ я счелъ бы необходимымъ дать знать, но при данныхъ обстоятельствахъ... Вѣдь это вызвало бы страшнѣйшій скандалъ и несчастный Рупіусъ пострадалъ бы больше всѣхъ... — Въ эту минуту онъ увидѣлъ Берту: — Мое почтеніе, фрау Гарланъ.

— Но что же это такое собственно, господинъ докторъ?

Докторъ Фридрихъ быстро переглянулся съ младшимъ врачомъ, потомъ произнесъ:

— Зараженіе крови. Вы, вѣдь, знаете, сударыня, иногда можно обрѣзать себѣ палецъ и умереть отъ этого. Пораненіе не всегда удается открыть. Да, это ужасное несчастье, да, да.

Онъ пошелъ въ комнаты, ассистентъ послѣдовалъ за нимъ.

Выйдя на улицу, Берта чувствовала себя словно оглушенной. Что могли означать эти слова, которыя она слышала? «Дать знать?» «Скандалъ?..» Что же это, неужели Рупіусъ самъ хотѣлъ убить свою жену?.. Нѣтъ, что за бессмыслица! Но что то надъ ней сдѣлали, во всякомъ случаѣ... И это было въ какой-то связи съ ея поѣздкою въ Вѣну, потому что она заболѣла въ слѣдующую же ночь по возвращеніи.. И вдругъ слова умирающей вспомнились ей: одного тебя, одного тебя я любила!.. И не звучало ли это, какъ просьба о прощеніи?.. Одного тебя любила, но съ другимъ... Очевидно, у нея былъ любовникъ въ Вѣнѣ... Но что же дальше?

Зачѣмъ она ушла оттуда?.. Что ей теперь дѣлать?.. Она вся была полна безпокойства. Она не могла идти ни домой, ни къ роднымъ, — лучше вернуться...

*

Опять поспѣшно взошла она по ступенькамъ лѣстницы. Не прошло еще и четверти часа съ тѣхъ поръ, какъ она вышла отсюда. Наружная дверь была открыта. Въ передней стояла сидѣлка.

— Кончилось,—сказала она.]

Берта пошла дальше. Рупіусъ сидѣлъ у стола совершенно одинъ. Дверь въ комнату покойной была закрыта. Онъ неподвижно смотрѣлъ, какъ Берта подошла къ его креслу, потомъ схватилъ ее руку, и проговорилъ:

— Зачѣмъ она это сдѣлала? Зачѣмъ она это сдѣлала?

Берта молчала.

Рупіусъ продолжалъ:

— И совсѣмъ не нужно этого было... Богъ мой милосердный! совсѣмъ не нужно! Какое маѣ дѣло до другихъ людей, ну, не правда развѣ?

Берта утвердительно качнула головой.

— Вѣдь дѣло шло о жизни—жизнью рисковать для этого! Зачѣмъ она это сдѣлала?

Въ словахъ его прозвучало какое-то сдержанное рыданье, хотя на видъ онъ казался спокойнымъ. Берта плакала.

— Не нужно, совсѣмъ не нужно это было! Вѣдь я воспиталъ бы, воспиталъ бы его, какъ собственное дитя.

Берта быстро взглянула на него. Сразу поняла она теперь все случившееся, и безумный страхъ пронизалъ все существо ея. Она подумала о самой себѣ. Если и она... въ эту единственную ночь, въ этотъ единственный часъ?.. Страхъ ея былъ такъ великъ, что ей показалось, что она мѣшается въ умѣ... Это не могло быть иначе: смерть Анны была предзнаменованіемъ, перстомъ Божиимъ... И въ ту же минуту всплыло у нея воспоминавіе о той прогулкѣ по берегу Вѣны, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда Эмиль поцѣловалъ ее, и она впервые ощутила горячее желаніе имѣть ребенка. Почему не ощущала она ничего подобнаго теперь, когда лежала въ его объятіяхъ? Да, теперь все было ясно: она не искала ничего другого, кромѣ минутнаго наслажденія, она была не лучше любой уличной женщины, и это было бы только справедливымъ возмездіемъ неба, если бы и она погибла, какъ эта несчастная, которая теперь лежитъ тамъ.

— Я хотѣла бы еще разъ взглянуть на нее,—сказала она.

Рупіусъ указалъ на дверь. Берта открыла ее, медленно приблизилась къ постели, на которой лежала покойница, долго глядѣла на нее потомъ поцѣловала ее въ глаза. Тогда душа ея переполнилась неизяснимымъ покоемъ. Цѣлыми часами стояла бы она такъ, у этого тѣла, подлѣ котораго всѣ ея собственные разочарованія и страданія, казалось, утрачивали всякій смыслъ. Она преклонила колѣни и сложила руки, но не молилась.

Вдругъ все завертѣлось у нея передъ глазами, знакомая ей вне-

злая слабость напала на нее, головокруженіе, которое, однако, скоро прошло. Сначала она еще вдрагивала тихонько, потомъ глубоко вздохнула, словно освобожденная, потому что въ эту минуту, при охватившей ее усталости, она почувствовала также, что не только всѣ ея прежнія опасенія стали быстро разсѣиваться, но и все безуміе этихъ горячечныхъ дней, всѣ эти послѣднія содраганія женской страстности,—все, что она принимала за любовь. И стоя на колѣняхъ передъ этимъ смертнымъ ложемъ, она сознавала что не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя умѣютъ легкомысленно и безбоязненно вкушать радости жизни. Съ отвращеніемъ думала она теперь о томъ единственномъ часѣ страстныхъ наслажденій, который выпалъ на ея долю, и какой-то невѣроятной ложью казалось ей это испытанное ею безстыдное упоеніе по сравненію съ тѣмъ невиннымъ и страстнымъ поцѣлуемъ, одно воспоминаніе о которомъ скрасило всю ея жизнь. Въ ясно свѣтѣ чудесной, дивной чистоты предстали передъ нею отношенія между этимъ разбитымъ параличомъ человѣкомъ и этой женщиною, которая умерла изъ-за измѣны ему. И глядя на блѣдное чело покойницы, она невольно думала также о томъ неизвѣстномъ, по вину котораго она умерла и который безнаказанно и, быть можетъ, даже безраскаянно будетъ жить дальше и бродить тамъ, въ этомъ большомъ городѣ, также какъ и тотъ, другой... нѣтъ, какъ тысячи и тысячи другихъ, которые, проходя мимо нея, касались ея платья и съ вождельніемъ смотрѣли на нее. И она постигала [теперь эту великую мировую несправедливость, въ силу которой женщина, также какъ и мужчина, стремится къ наслажденію, хотя для нея, для женщины, оно является грѣхомъ и влечетъ за собою возмездіе, если стремленіе къ нему не связано съ стремленіемъ имѣть ребенка.

Она поднялась, бросила послѣдній [прощальный взглядъ на тѣло этой милой ей женщины и вышла. Господинъ Рупіусъ сидѣлъ въ соседней комнатѣ въ совершенно той же позѣ, какъ она его оставила. Глубокая потребность сказать ему какія-нибудь утѣшительныя слова охватила ее. На минуту ей показалось даже, что вся ея собственная судьба имѣла только одинъ смыслъ: подготовить ее къ пониманію того горя, которое постигло этого человѣка. Ей хотѣлось выразить ему это, но она чувствовала, что онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые должны пережить свои страданія въ одиночествѣ. Она молча сѣла напротивъ него.

К О Н Е Ц Ъ.

СПИНОЗА.

(Рѣчь, произнесенная въ Цюрихскомъ университетѣ проф. Виндельбандомъ, по поводу 200-лѣтней годовщины смерти Спинозы *).

Сегодня во многихъ мѣстахъ соберутся болѣе или менѣе многочисленные кружки лицъ, чтобы съ благоговѣйной серьезностью провести праздникъ науки и почтить память человѣка, который поразительнымъ обаяніемъ своихъ идей покорила столько умовъ и сердецъ. Человѣкъ этотъ—Барухъ Спиноза, одинокій мыслитель, мученикъ науки. Сегодня исполнилось ровно двѣсти лѣтъ съ того дня, когда въ небольшой, тихой комнатѣ одиноко погасъ его духъ—и почти столѣтіе протекло съ того времени, когда міръ его идей возсталъ въ полной славѣ изъ могилы забвенія, возбуждая удивленіе. Сегодня люди всѣхъ націй и самыхъ различныхъ направленій собираются недалеко отъ того мѣста, гдѣ презираемый мыслитель столько выстрадалъ, чтобы присутствовать при закладкѣ памятника, который призванъ напоминать о немъ благодарному потомству. Правда, нѣкоторымъ покажется страннымъ, что именно этотъ человѣкъ, такъ любившій скромность и уединеніе, выставится на показъ посреди шумной площади многолюдной столицы въ центрѣ столкновения повседневныхъ интересовъ, которые онъ такъ глубоко понималъ и презиралъ; но этотъ день для всѣхъ безъ исключенія долженъ служить радостнымъ поводомъ для того, чтобы снова оживить въ памяти величественныя черты образа, возникавшаго передъ взоромъ cadaго, кто созерцалъ борьбу человѣческаго духа за полное и высшее познаніе.

Подобно всѣмъ другимъ великимъ мыслителямъ, Спиноза является яркимъ доказательствомъ того, что истинная гениальность и высшее развитіе духовныхъ силъ невозможны безъ величія характера. Если исторія философіи постоянно останавливается съ извѣстной торжествен-

*) Эта рѣчь взята нами изъ готовящагося къ печати русскаго перевода классическаго сборника рѣчей и статей Виндельбанда «Präudien». Для читателей «Мира Божія», которые хотѣли бы ознакомиться болѣе подробно съ ученіемъ и жизнью Спинозы, мы укажемъ на книгу о немъ *Болана*, переведенную и на русскій языкъ («Образ. Библиотека»). *Прим. ред.*

костью на имени Спинозы, то это происходит прежде всего потому, что въ немъ насъ привлекаетъ въ равной степени какъ человекъ, такъ и философъ—первый покоряетъ наше сердце, второй—нашъ умъ, и этотъ всеобщій интересъ къ его личности объясняется не столько трагичностью его жизни, которая въ этомъ отношеніи не выдѣляется изъ многихъ другихъ жизней, сколько сильнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ его истиннымъ внутреннимъ величіемъ. Прозрачная ясность его мыслей превзойдена развѣ только незапятнанной чистотой его характера въ этомъ характерѣ нѣтъ уголка, въ которомъ скрывалась бы ложь, и вся его жизнь, всѣ его поступки и ученіе проникнуты чистой правдивостью и глубокимъ убѣжденіемъ. Внутренняя увѣренность, выразившаяся въ «математической достовѣрности» его философскихъ убѣжденій, вытекаетъ также изъ его характера, прочно обоснованнаго на внутреннемъ фундаментѣ и сохранившаго въ теченіе всей жизни Спинозы свою прозрачную мягкость. Эта внутренняя прочность опредѣляется тѣмъ, что всѣ силы и весь жизненный трудъ Спинозы были съ полнымъ сознаниемъ направлены къ одной великой цѣли, а указанная выше правдивость, проявлявшаяся во всѣхъ сферахъ его дѣятельности, коренится въ той серьезности, съ которой онъ еще въ молодости относился къ истинѣ. Умственная работа была для него одновременно и долгомъ и, блаженствомъ, наука была для него религіей. Всѣ мотивы его размышленій носили религіозный характеръ въ собственномъ смыслѣ этого слова; глубокая религіозная потребность, не удовлетворенная положительными религіями, служила психологическимъ основаніемъ его научныхъ стремленій. И какъ все его мышленіе представляетъ исканіе Бога, точно такъ же его философія, взятая въ цѣломъ, есть величественное представленіе о Божествѣ; самъ Спиноза—это упоенный Богомъ человекъ.

Здѣсь лежитъ центральный пунктъ существа Спинозы,—тотъ пунктъ, въ которомъ сходятся всѣ нити его развитія и соединяются всѣ элементы его мысли. Здѣсь сказывается также его происхожденіе отъ націи, которая въ теченіе вѣковъ сохранила, какъ драгоценнѣйшее сокровище, страстную напряженность религіознаго сознанія. Однако, теологическая культура еврейскаго народа, воспринятая молодымъ Спинозой въ равинской школѣ, основанной въ Амстердамѣ португальскими евреями, смѣшалась съ рядомъ историческихъ вліяній и съ разнообразными чуждыми элементами. Когда онъ рядомъ съ изученіемъ пятикнижія, пророковъ и талмуда пускался въ запутанные закоулки каббалистической мудрости, то онъ встрѣчался съ тѣмъ мистически-экстатическимъ стремленіемъ къ безконечному Божеству, которое перешло отъ неоплатониковъ въ мистическія ученія трехъ монотеистическихъ религій средневѣковья; когда онъ изучалъ великихъ еврейскихъ схоластиковъ среднихъ вѣковъ—Маймонида, Герзонида, Шасдей Кресса, то онъ встрѣчался отчасти съ тѣми же вліяніями, но еще бо-

лѣе съ ясными мыслями Аристотеля; и какъ ни расходились между собой эти ученія, они были согласны въ одной основной идеѣ,—въ томъ, что единство съ Богомъ, которое есть цѣль любви къ Богу, можетъ быть достигнуто лишь познаніемъ Божества, умственнымъ погруженіемъ въ тайны Его существа. Эта *созерцательная любовь къ Богу* стала основной чертой характера Спинозы; она образуетъ мистическій фонъ его философскаго мышленія. Она съ ея неукротимымъ страстнымъ стремленіемъ удалила его отъ застывшаго въ своихъ формахъ религіознаго культа и заставила его выйти изъ узкаго круга традиціонныхъ представленій. А время, въ которомъ жилъ Спиноза, давало достаточно пищи для ума, разбивавшаго оковы традиціонной мысли и желавшаго выйти въ широкій свѣтъ. Это было для европейскихъ народовъ весеннее время, называемое ренесансомъ,—время, породившее повсюду свѣжіе жизнеспособные ростки; особенно въ Нидерландахъ—родинѣ нашего философа—замѣчалось плодотворное оживленіе; свободное сопрікосновеніе противорѣчивыхъ мыслей дало здѣсь сильный толчокъ скрытымъ до того силамъ, и всѣ движенія той эпохи нашли здѣсь могучій откликъ. Новое естествознаніе, воодушевлявшее всю эпоху, нашло въ Нидерландахъ благодарную почву. Блестящее остроуміе математическихъ изысканій, равно какъ тихая серьезность наблюдательнаго и экспериментирующаго естествознанія нашли себѣ здѣсь живыхъ выразителей и объединяющая и стремящаяся къ высшему фантастическая смѣлость философскаго созерцанія привлекла и покорила себѣ лучшіе умы. Жажда истины стучалась также въ недоступныя дотолѣ двери природы—и навстрѣчу ей со всѣхъ сторонъ открылись свѣжіе ключи знанія; познаніе природы—таковъ былъ общій идеалъ, къ которому стремились, не смотря ни различіе своихъ путей, три великихъ мыслителя, начинающихъ собою новую философію: Бруно, Беконъ и Декартъ. Когда Спиноза, побуждаемый своимъ стремленіемъ къ истинѣ, вошелъ въ этотъ богатый міръ изслѣдованій и уловилъ его внутреннюю сущность, то для него стремленіе къ познанію природы необходимо должно было слиться воедино съ религіозной идеей познанія Бога; и по мѣрѣ того, какъ онъ проникался этими двумя духовными стремленіями, въ немъ все болѣе и болѣе укрѣплялась пантеистическая идея всеединства, стремящаяся объять однимъ полнымъ воодушевленіемъ взоромъ Бога и природу. Пантеизмъ, который онъ уже встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ теологическихъ размышленіяхъ, являлся теперь для него примиреніемъ между его личной потребностью въ Богѣ и царившей въ его время страстью къ познанію природы.

Мы не можемъ указать теперь въ точномъ хронологическомъ порядкѣ тѣ послѣдовательныя вліянія эпохи, которыя опредѣляли собой необыкновенно быстрое развитіе Спинозы; изъ опубликованныхъ лишь въ настоящемъ столѣтіи раннихъ произведеній Спинозы—т. наз. краткаго трактата и особенно изъ заключающихся въ немъ открывковъ

діалоговъ, относящихся къ еще болѣе раннему времени—вполнѣ явствуетъ однако, что въ молодости на нашего философа сильное вліяніе оказалъ Джіордано Бруно, который по своему внутреннему складу долженъ былъ казаться особенно близкимъ Спинозѣ съ его юношескимъ горячимъ стремленіемъ къ истинѣ *). Съ другой стороны, установлено, что свое классическое образованіе Спиноза получилъ уже въ Амстердамѣ въ кружкѣ гуманиста, Франца ванъ-Энде, и слѣдовательно, философскія воззрѣнія этого кружка, свободомысліе котораго пользовалось широкой извѣстностью, не могли не оказать на него вліянія. Здѣсь всѣ находились цѣликомъ подъ вліяніемъ движенія, получившаго толчокъ отъ Декарта и нашедшаго въ Нидерландахъ, какъ извѣстно, наиболѣе горячихъ послѣдователей; врачъ Людвигъ Мейеръ—ярый картезианецъ и, вѣроятно, Ольденбургъ, которые позже находилось въ личномъ общеніи и перепискѣ со Спинозой, стояли близко къ этому кружку; первый ввелъ Спинозу въ изученіе естествознанія и особенно механики, оптики и физиологии, знакомство съ которыми—хотя Спиноза никогда не выставялъ на показъ своихъ знаній—проскальзываетъ во всѣхъ его произведеніяхъ; мы имѣемъ право предположить, что людямъ подобнаго направленія не были чужды ученія Бэкона и—что гораздо важнѣе—появившіяся около 1650 г. произведенія Гоббса подверглись здѣсь живому обсужденію. Каковы бы ни были вліянія и какъ бы они ни воздѣйствовали на развитіе собственныхъ убѣжденій Спинозы—одно несомнѣнно, что Спиноза скоро переросъ узкія рамки національной вѣры и, благодаря этому, обрушилъ на свою голову тѣ столкновенія, которыя повели къ отлученію его отъ синагоги. Первое облако приближавшейся грозы было вызвано завистливымъ недоброжелательствомъ товарищей Спинозы, отъ которыхъ не могло ускользнуть его духовное превосходство, и раздражительной подозрительностью учителей. А послѣ того, какъ онъ отвергъ унижительныя предложенія, разразился громовой ударъ ненависти и фанатизма, выразившійся въ форменномъ отлученіи. Изъ протеста, написаннаго тогда двадцати-четырехъ-лѣтнимъ философомъ, позже, вѣроятно выросъ теолого-политическій трактатъ, въ которомъ Спиноза сводитъ свои счеты съ обѣими основными силами, властвовавшими въ его внутренней жизни—религіей и наукой—и устанавливаетъ ихъ взаимныя границы. Нельзя, конечно, отрицать того, что въ этомъ произведеніи Спиноза воспользовался многими мыслями великихъ еврейскихъ теологовъ, изученіе которыхъ положено въ основаніе трактата; справедливо и то, что въ понятномъ раздраженіи противъ нарушителей своего спокойствія онъ пошелъ дальше, чѣмъ имѣлъ право, въ отрицаніи своей, правда, слабой зависимости отъ еврейской теологіи, подъ вліяніемъ которой онъ все еще находился. Но въ основныхъ идеяхъ

*) О Джіордано Бруно см. лекцію А. Рядя въ декабрьской книжкѣ «Міра Воля» за 1900 г. *Прим. ред.*

этой книги онъ выступаетъ передъ нами какъ независимый мыслитель, во всемъ своемъ оригинальномъ величіи, и глубокая черта, проводимая имъ между религіей и наукой, при чемъ онъ отрицаетъ за религіозной догмой какую бы то ни было познавательную цѣнность, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе открыть для нея область нравственнаго воздѣйствія,— принадлежить всецѣло ему. Для евангелія той религіи, которая не стремится давать познанія, которая можетъ лишь нравственно воспитывать людей, для евангелія моральной религіи, провозглашеннаго Лессингомъ и Кантомъ, Спиноза является Иоанномъ — голосомъ въ пустынѣ.

Однако, указывая истинныя рамки религіи и противопоставляя ее наукѣ, Спиноза имѣлъ въ виду лишь положительную религію съ ея догмой. Истинная и глубоко религіозная потребность въ чистомъ и достовѣрномъ познаніи оставалась всегда побудительнымъ мотивомъ его научной дѣятельности, и человекъ, который отдѣлилъ вѣру отъ знанія съ небывалой до тѣхъ поръ рѣшительностью, являлъ собой живой примѣръ того, какъ эти двѣ стороны духа могутъ имѣть общій корень въ истинной и чистой религіозности. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить оставшееся неоконченнымъ сочиненіе о правильномъ воспитаніи мышленія; сочиненіе это, которое должно было служить введеніемъ въ его философію и по внѣшнему виду напоминаю «Размышленія» Декарта, вскрываетъ въ формѣ исповѣди конечные мотивы мышленія Спинозы. Наше размышленіе, подымаясь отъ отдѣльныхъ благъ жизни, которыя уже своимъ непостоянствомъ указываютъ на свою малую цѣнность, подымается къ высшему и единственно истинному благу—къ вѣчному все-единству Бога. Оно показываетъ, что человекъ можетъ достигнуть этого высшаго блага только посредствомъ правильнаго метода познанія. «Мысли правильно и ты достигнешь блаженства въ познаніи Бога»—такова мудрость Спинозы. Поэтому онъ имѣлъ право назвать законченную систему свою, которая въ рукописи была извѣстна амстердамскому кружку его знакомыхъ на тридцатомъ году его жизни, «Этикой», хотя она не имѣла ничего общаго съ правоучительными размышленіями, которымъ обыкновенно старались придать этимъ названіемъ научную цѣнность. Истинное познаніе Бога, которое Спиноза хотѣлъ дать въ своемъ произведеніи, было для него разрѣшеніемъ высшихъ нравственно-религіозныхъ проблемъ. Его философія была—какъ позже назвалъ свою философію Фихте—наставленіемъ къ блаженной жизни.

Однако, эта потребность, послужившая для Спинозы побудительнымъ мотивомъ къ его философіи, еще нисколько не объясняетъ своеобразной и нѣсколько чуждой для насъ формы, въ которую вылилось его ученіе; объясненіе этой своеобразной формы требуетъ точнаго историческаго изслѣдованія. Ученые и пытались самымъ различнымъ обра-

зомъ отвѣтить на этотъ вопросъ *). Любви къ Божеству, являющейся несомнѣнно основнымъ мотивомъ, на которомъ покоится вся система Спинозы недостаточно для объясненія его «Этики»; поэтому, для насъ не важно, считать ли эту основную мысль заимствованной Спинозой у христіанъ или у евреевъ, или же видѣть въ ней общее достояніе обѣихъ религій — что само по себѣ совершенно вѣрно. Для того направленія историко-философской мысли, которое пытается конструировать или воссоздавать ея развитіе при помощи руководящей идеи, естественнѣе всего казалось выводить философію Спинозы изъ картезианской системы, и ученіе обоихъ философовъ о субстанціи давало для такого толкованія желанную опору. Декартъ признавалъ рядомъ съ абсолютной субстанціей еще отдѣльныя субстанціи—мыслящую и протяженную,—Спиноза превратилъ послѣднія въ модусы всеединой субстанціи, а мышленіе и протяженіе—въ ея атрибуты; промежуточнымъ членомъ, казалось, служило ученіе окказіонализма, которое уже отняло у отдѣльныхъ субстанцій существенныя свойства субстанціальности—именно, причинное воздѣйствіе, перенесенное имъ на Божество. Однако, оказалось, что первый набросокъ «Этики» значительно старше самыхъ раннихъ произведеній окказіоналистовъ, и такимъ образомъ промежуточное звено между теизмомъ Декарта и пантеизмомъ Спинозы выпало. А пантеизмъ казался настолько опредѣляющимъ самое существо ученія Спинозы, что для многихъ и до сихъ поръ спинозизмъ и пантеизмъ являются синонимами. Въ виду этого начали искать источниковъ пантеизма Спинозы, и одни находили его въ Каббалѣ, другіе въ философіи Бруно. Но и этихъ указаній недостаточно: «пантеизмъ» Спинозы является не столько рѣшеніемъ проблемы, сколько новой проблемой. Если для обычнаго сознанія мысль, что міръ и Богъ суть едино, и кажется отвѣтомъ, то для философа она возбуждаетъ вопросъ о томъ, какъ должно быть мыслимо это единство; поэтому пантеизмъ самъ по себѣ вовсе не представляетъ категоріи, удобной для классификаціи метафизическихъ системъ, а становится таковой лишь послѣ того, какъ данъ отвѣтъ на вопросъ, какъ онъ понимаетъ отношеніе мірового единства къ множественности вещей. Но ученіе Спинозы не имѣетъ ничего общаго съ эманационнымъ пантеизмомъ Каббалы, которое оно заимствовало у неоплатониковъ, и то обстоятельство, что оба ученія являются пантеизмомъ, имѣетъ само по себѣ совершенно второстепенное значеніе. И потому мы имѣемъ право признать—заимствования изъ Каббалы по сравненію съ другими составными элементами философіи Спинозы—самыми малоцѣнными для нея. Точно также, соединеніе пантеизма съ натурализмомъ, связь идеи Бога съ мыслью о все-единой дѣйствующей силѣ

*) Здѣсь нужно замѣтить разъ навсегда, что въ виду цѣли, преслѣдуемой этою рѣчью, авторъ не указываетъ той обширной литературы, на которую она опирается, или же знаніе этой литературы уже предполагается.

природы, хотя является значительнымъ факторомъ въ образованіи его системы, но все-таки не исчерпываетъ ея характеристики; та же самая связь существуетъ и у Бруно, откуда она, по всей вѣроятности, главнымъ образомъ, и заимствована Спинозой, и тѣмъ не менѣе между обѣими системами—цѣлая пропасть.

Такимъ образомъ можно доказать или показать вѣроятность связи Спинозы съ разнообразными направленіями мысли того времени; но тѣмъ не менѣе всѣ эти элементы, даже такъ громко и гордо провозглашенный сивтезъ западнаго философскаго духа (окцидентализма) съ восточнымъ (ориентализмомъ), не объясняютъ специфическихъ особенностей его ученія. Созерцательная любовь къ Богу, мистическое ученіе о все-единствѣ, натуралистическій взглядъ Бруно на Бога и ученіе о субстанціяхъ Декарта—все это, конечно, служило матеріаломъ, переработаннымъ въ ищущемъ умѣ Спинозы; но эти элементы слишкомъ рано заняли мѣсто въ его сознаниі, для того, чтобы предположить, что Спиноза былъ когда-либо вѣрнымъ и исключительнымъ послѣдователемъ какого-либо изъ названныхъ направленій, хотя несомнѣнно, что временно тотъ или другой элементъ игралъ преобладающую роль въ его развитіи. Спинозизмъ больше, чѣмъ простая сумма этихъ элементовъ; для своего возникновенія онъ нуждался еще въ новомъ ферментѣ, подъ воздѣйствіемъ котораго всѣ эти матеріалы, перебродивъ въ его сознаниі, могли бы превратиться въ ясное вино его «этики». Этотъ ферментъ становится намъ только тогда понятнымъ, когда мы обратимъ вниманіе на отличный признакъ пантеизма Спинозы. И этотъ тончайшій запахъ спинозизма,—этотъ своеобразный признакъ, дѣлающій его пантеизмъ единственнымъ въ своемъ родѣ, говоря коротко есть его математическій характеръ. Проблема пантеизма объ отношеніи все-единого Божества къ отдѣльнымъ вещамъ разрѣшается Спинозой по аналогіи математическаго отношенія, и отсюда вытекають основныя черты его системы; въ этомъ—характерное отличіе его ученія отъ другихъ формъ пантеизма. *Спинозизмъ—это математическій пантеизмъ.*

Если мы, однако, будемъ искать источникъ этого математическаго характера ученія Спинозы, то намъ придется опять обратиться къ Декарту, потому что не подлежитъ сомнѣнію, что изъ всѣхъ вліяній, которымъ подвергался Спиноза, только вліяніе картезіанства дало его мышленію математическое направленіе. Такъ какъ сущность реформы въ философіи, къ которой стремился Декартъ, заключалась въ томъ, что онъ хотѣлъ превратить философію въ универсальную математику, и такъ какъ, съ другой стороны, отличительнымъ признакомъ пантеизма Спинозы является его математическое направленіе, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Спиноза пришелъ къ убѣжденію въ важности математики для философіи прежде всего подъ вліяніемъ Декарта. Но чѣмъ болѣе мы размышляемъ о глубокихъ различіяхъ въ существенныхъ пунктахъ между мировоззрѣніями этихъ философовъ и о томъ,

что математика играет въ обоихъ системахъ совершенно различную роль, тѣмъ сомнительнѣе становится предположеніе, что вліяніе Декарта на Спинозу пошло далѣе только что указанныхъ нами предѣловъ. Въ самомъ дѣлѣ, математическое мышленіе имѣетъ для спинозизма не только болѣе широкое, но также совершенно иное значеніе, чѣмъ для картезианства; и поэтому, если несомнѣнно, что первый толчокъ математическіе направленіе Спинозы получило отъ картезианства, то творческая оригинальность Спинозы заключается въ томъ, что исходя изъ математическаго принципа, онъ далъ совершенно новое и единственное въ своемъ родѣ разрѣшеніе глубочайшей проблемы, занимавшей его мышленіе при помощи математическаго принципа.

Декартъ мало помышлялъ о непосредственномъ примѣненіи математическаго метода къ философіи; онъ видѣлъ скорѣе въ научномъ характерѣ математики идеалъ, къ которому должны стремиться другія науки, въ томъ числѣ, философія; ясность и точность математическаго познанія, достовѣрность и несомнѣнность его доказательствъ должны были служить образцами для всякаго мышленія вообще. Къ схематическому копированію геометрическаго метода, употребленному позже Спинозой, онъ относился отрицательно, и лишь однажды, случайно и по просьбѣ своихъ друзей, сдѣлалъ опытъ съ его примѣненіемъ; съ одной стороны, Декартъ хорошо сознавалъ различіе между оперированіемъ съ абстрактными понятіями и математической дедукціей и ясно видѣлъ опасность ихъ смѣшенія; съ другой стороны, какъ его мышленіе, такъ и способъ изложенія носили существенно аналитическій характеръ, что и соотвѣтствуетъ его положенію въ развитіи математики и поэтому они могли быть лишь насильственно вылиты въ форму синтетическаго метода доказательства. Какъ отличается отъ этого мышленіе Спинозы, видно уже изъ того, что онъ не только воспользовался синтетическимъ методомъ при изложеніи картезианской философіи, но и свои собственныя мысли втискивалъ въ эту тяжеловѣсную форму. Ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что все тяжелое вооруженіе опредѣленій, аксіомъ, леммъ, предложеній, доказательствъ, колларіевъ и схолій даже у Спинозы не представляетъ первоначальной формы изслѣдованія и нахожденія истины, но является лишь поздней, нарочито придуманной формой изложенія и доказательства, подобно тому, какъ это было правильно подмѣчено у геометровъ уже Декартомъ. Но такое чрезмѣрное значеніе, придаваемое Спинозой внѣшней формѣ геометрическаго метода, имѣло болѣе глубокое основаніе въ томъ тѣсномъ отношеніи, которое существовало для него между математическими представленіями и метафизическимъ мышленіемъ. И въ этомъ заключается истинное ядро его оригинальности, центральный и рѣшающій пунктъ его системы. Въ нижеслѣдующемъ намъ, можетъ быть, удастся въ нѣсколькихъ словахъ дать набросокъ наиболѣе существенныхъ сторонъ этой системы.

Высшее благо, къ которому стремится Спиноза,—это истинное познание Бога; но Богъ есть все-единство, обнимающее всю природу съ отдѣльными вещами. Эту основную пантеистическую идею онъ воспринялъ изъ всѣхъ многочисленныхъ элементовъ его развитія, указанныхъ отчасти выше. Система отдѣльныхъ вещей лежитъ въ Богѣ, согласно извѣстному порядку, т.-е. въ вѣчныхъ условіяхъ природы. Если, слѣдовательно, существуетъ о Богѣ, понимаемомъ въ этомъ пантеистическомъ смыслѣ, истинная точно отражающая его идея, то она должна заключать въ себѣ всѣ идеи, подобно тому, какъ Богъ заключаетъ въ себѣ всѣ вещи, и эти идеи должны происходить изъ идеи Бога въ томъ же порядкѣ, въ которомъ вещи прористекаютъ изъ Божества. Этотъ идеалъ познанія, представляющій наиболѣе рѣзкую формулировку пантеистической проблемы, когда-либо данную, Спиноза развиваетъ въ своемъ трактатѣ о правильномъ развитіи мышленія. Его страстное пантеистическое исканіе познанія Бога требуетъ такой формы мышленія, которая выводитъ всѣ знанія изъ единой идеи Бога, подобно тому какъ въ дѣйствительности всѣ вещи прористекаютъ изъ Божества. Спиноза стремился къ идеалу всей платоновской философіи: къ *системѣ* идей, прористекающихъ изъ одной высшей идеи Божества. Въ то же время проблема, которую пытается разрѣшить Спиноза, представляетъ абсолютное выраженіе дедуктивной философіи, которая полагаетъ, что все знаніе можетъ быть построено при помощи: 1) все содержащей въ себѣ одной основной идеи и 2) формальныхъ приѣмовъ мышленія. Проблема пантеизма поэтому превратилась у Спинозы въ вопросъ, въ чемъ состоитъ такой приѣмъ мышленія, посредствомъ котораго все знаніе можетъ быть выведено изъ идеи Бога. Здѣсь Спиноза воспользовался очень оригинально картезіанской идеей реформирования философіи посредствомъ математики. Интересную аналогію этому процессу мы встрѣчаемъ въ послѣднихъ фазахъ развитія мышленія Платона; какъ ни смутны наши свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ, тѣмъ не менѣе достоверно, что Платонъ въ своемъ стремленіи развить дедуктивно систему идей отказался отъ чисто абстрактныхъ операций съ понятіями и обратился къ схематизму пифагорейской теоріи чиселъ, которую онъ хотѣлъ слить воедино со своей теоріей идей. Спиноза также не могъ надѣяться на разрѣшеніе своей проблемы съ помощью силлогистическаго метода: бесплодность его была очевидна послѣ Бруно, Саихеца, Бэкона, Декарта. Такимъ образомъ, ему оставался лишь синтетическій методъ математики, посредствомъ котораго можно было еще надѣяться разрѣшить проблему пантеизма дедуктивнымъ путемъ. Въ соотвѣтствіе съ различнымъ характеромъ античной и новой математики Спиноза воспользовался для своей цѣли не арифметической схемой пифагорійцевъ, какъ это сдѣлалъ Платонъ, а геометрическимъ методомъ. Въ математикѣ пространства онъ нашелъ аналогію, по которой онъ создалъ свой пантеизмъ. Въ этомъ тайна его философіи; «геометрический методъ»

для него больше, чѣмъ простое названіе, больше также чѣмъ вѣншній механизмъ доказательства; это самое существо характернаго для него — и только для него — пантеизма. Такъ какъ Спиноза — этотъ наиболѣе типичный догматикъ въ Кантовомъ смыслѣ — исходилъ изъ того убѣжденія, что порядокъ и связь идей тождественны съ порядкомъ и связью вещей, то для него, когда онъ посредствомъ математическаго синтеза хотѣлъ вывести изъ идеи Божества идеи всѣхъ вещей, реальная связь все-единого Божества съ отдѣльными вещами превращалась также въ геометрическое отношеніе, и *математическій методъ превращался для него въ метафизическое міропониманіе*. «Математическое слѣдствіе» — вотъ лозунгъ спинозизма и связь математическихъ предложеній ео ipso имѣетъ въ его глазахъ силу и для реальныхъ отношеній между вещами.

Въ этомъ специфическій признакъ философіи Спинозы; въ этомъ своеобразный и чуждый намъ духъ, проникающій его «Этику». Для насъ этотъ геометрическій пантеизмъ Спинозы представляется столь же призрачнымъ, какъ нѣкогда Аристотелю послѣдняя фаза въ развитіи платоновской философіи. И странность его еще увеличивается тѣмъ рѣжущимъ противорѣчіемъ, въ которомъ онъ находится съ мистическими стремленіями, составлявшими побудительный мотивъ мышленія Спинозы. Глубокія движенія духа, полнаго любви къ Богу, выливаются въ наиболѣе сухую форму, вѣжная религіозность является закованною въ стальную броню цѣпи логическихъ умозаключеній и горячая любовь къ Богу связывается съ міровозрѣніемъ, для котораго міръ потерялъ плоть и кровь и существуетъ лишь какъ царство туманныхъ призраковъ. Индивидуальность мышленія Спинозы заключается именно въ томъ, что особенность его міровозрѣнія вытекаетъ изъ его метода. Пантеистическое ученіе о Богѣ — Природѣ, раздѣляемое Спинозой со многими мыслителями вообще и въ особенности со многими современниками, соединяется у него съ геометрическимъ методомъ, который онъ нашелъ у Декарта. Додумывая этотъ методъ съ беспощадной послѣдовательностью до конца, Спиноза создаетъ свою метафизику.

Это своеобразное сліяніе различныхъ идей объединяетъ всѣ черты ученія Спинозы, благодаря которымъ этотъ философъ рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ мыслителей до и послѣ него. Всѣ остальные элементы его ученія можно встрѣтить въ исторіи мысли, но общій геометрическій характеръ міросозерцанія принадлежитъ исключительно ему.

Этотъ методъ опредѣляетъ прежде всего своеобразную форму понятія, служащаго исходнымъ пунктомъ для его мышленія. Богъ Спинозы по отношенію къ міру представляетъ то же, что пространство по отношенію къ геометрическимъ фигурамъ. Поэтому, подобно геометру, исходящему изъ представленія пространства и выводящему изъ послѣдняго всѣ свои познанія, Спиноза начинаетъ съ представленія о Богѣ. Интуиція, непосредственно связывающая свой объектъ, представляетъ, по его мнѣнію, высшій и единственно достойный созерцанія Бога спо-

собъ познанія. Далѣе, подобно тому какъ геометрическія формы обуславливаются единымъ пространствомъ и возможны только въ немъ, точно также отдѣльныя вещи являются для Спинозы формами единой божественной субстанціи. Она есть единственное существо (субстанція) и условіе всѣхъ остальныхъ существованій (экзистенцій), и подобно тому, какъ пространственныя формы и законы—ничто безъ пространства, которое является его носителемъ, точно также вещи—ничто безъ Божества, въ которомъ онѣ существуютъ и посредствомъ котораго онѣ постигаются. И совершенно подобно тому, какъ въ геометрическомъ пространствѣ единство тождественно съ единственностью пространства, точно такъ же у Спинозы субстанціальность Бога исключаетъ субстанціальность всѣхъ остальныхъ вещей. Спинозовская субстанція—это метафизическое пространство для вещей. Но геометрическое пространство, какъ таковое, есть пустота; точно также спинозовская божественная субстанція это—абсолютная пустота, она не имѣетъ ни содержанія, ни качества; это простое гипостазированіе логической категоріи—метафизическое ничто. Вотъ критика спинозизма, которая лежитъ въ основаніи діалектической игры знаменитаго начала гегелевской логики. Прообразомъ для Божества Спинозы служитъ пространство; по вычетѣ чувственныхъ опредѣленій остаются лишь пустыя формы его субстанціи, и спинозовская субстанція представляетъ столь же мало метафизическую дѣйствительность, какъ пространство—материальную дѣйствительность.

Изъ этого лишеннаго содержанія Бога должно протекать «по образу математическаго слѣдствія» все разнообразіе качествъ и вещей; Спиноза является типомъ, а также пробнымъ камнемъ чистой дедукціи, и это направленіе его мысли оправдываетъ сравненіе Спинозы съ паукомъ, ткущимъ изъ себя свою паутину, сравненіе, слѣдланное однажды, съ явнымъ намекомъ на одну подробность его біографіи*).

При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, оказывается, что это «тканье изъ самого себя» и здѣсь лишь кажущееся. Послѣ того, какъ въ ученіи о безковечныхъ атрибутахъ выставлено лишь утвержденіе, что безконечное Божество содержитъ въ себѣ всѣ качества, оба доступные человѣческому познанію атрибута—мышленіе и протяженность—выводятся не изъ природы субстанціи, потому что это совершенно невозможно, но эмпирически и исторически. Презрительно отброшенный опытъ мститъ тутъ представителю чисто дедуктивной философіи тѣмъ, что заставляетъ философа, помимо его собственнаго желанія, ввести эмпирическія данныя въ такъ гордо начатый синтетическій процессъ. Такимъ образомъ, нить дедукціи прервана. Установивъ оба атрибута, Спиноза послѣдовательно выводитъ изъ идеи о вездѣсущей абсолют-

*) Рассказываютъ, что Спиноза любилъ слѣдить за тѣмъ, какъ пауки ловятъ мухъ въ свою паутину.

Прим. ред.

вой субстанціи ученія о параллелизмѣ атрибутовъ, сыгравшее такую большую роль въ исторіи мысли. Та же идея повторяется въ философіи Лейбница, въ которой Богъ Спинозы раздробляется на безконечное множество монадъ; а въ новѣйшее время отношеніе между Спинозой и Лейбницемъ удивительнымъ образомъ повторяется въ отношеніи между основнымъ воззрѣніемъ философіи тождества, которая хотѣла вывести реальное и идеальное, какъ два параллельные ряда, изъ абсолютнаго, и современными натуръ-философскими спекуляціями, которыя находятъ въ каждомъ пунктѣ вселенной параллельные процессы движенія и ощущенія. Впрочемъ, уже Спиноза сознавалъ трудности, связанныя съ теоріей параллелизма, именно въ примѣненіи ея къ психологіи (для объясненія самосознанія) и это повело его, какъ можно догадываться изъ его переписки, въ послѣдніе годы его жизни къ въ высшей степени интересному преобразованію ученія объ атрибутахъ; центральнымъ пунктомъ этого преобразованія, кажется, является то, что онъ хотѣлъ представить протяженность, какъ первоначальный атрибутъ Божества и возвести на немъ безконечный рядъ остальныхъ атрибутовъ такимъ образомъ, что каждый послѣдующій процессъ долженъ былъ лишь иначе, такъ сказать, отражать и содержать въ усиленномъ видѣ предшествующій процессъ; это построение должно было объяснить параллелизмъ всѣхъ атрибутовъ.

Однако, атрибуты служатъ у Спинозы лишь промежуточнымъ звеномъ между субстанціей и ея модусами—отдѣльными вещами, въ отношеніи которыхъ къ Божеству заключается тотъ главный мотивъ, которымъ опредѣляется геометрической характеръ спинозовскаго пантеизма. Если вещи на самомъ дѣлѣ не существуютъ, то онѣ могутъ лишь *становиться* (werden), и поэтому отъ Платона до Гегеля главной проблемой монистической и дедуктивной философіи является объясненіе становленія (Werdens), происхожденія вещей изъ Бога. У Спинозы метафизическое происхожденіе (Geschehen) замѣняется «математическимъ слѣдствіемъ». Какъ изъ существа пространства слѣдуютъ всѣ геометрическія формы и отношенія, точно также изъ существа Бога *«слѣдуетъ»* весь міръ вещей и ихъ законовъ; онъ слѣдуетъ съ абсолютной неизбѣжной произвольной необходимостью и поэтому, свобода, случай, цѣлесообразность отпадаютъ для Спинозы, какъ призраки; то, что міръ *«слѣдуетъ»* изъ Бога, не есть послѣдовательность въ времени, но вѣчная обусловленность, и такимъ образомъ Спиноза требуетъ отъ истиннаго познанія, что-бы оно понимало вещи, какъ вѣчное слѣдствіе существа Бога, что-бы оно было мышленіемъ *sub specie aeternitatis*. Но спинозовская божественная субстанція не представляетъ реальной, дѣйствующей причины вещей, какъ пространство не представляетъ дѣйствующей причины треугольника или равенства его угловъ двумъ прямымъ. И здѣсь, опять у Спинозы исчезаетъ живая сущность причинности и остается лишь ея пустая схема; его

natura naturans не является уже дѣйствующей природной силой Бруно но лишь пустымъ пространствомъ, въ которомъ—неизвѣстно, какииъ образомъ—создаются и стираются линіи, плоскости и тѣла. Въ этомъ пунктѣ Лейбницъ рѣзко возсталъ противъ Спинозы и противопоставилъ его мертвому схематизму свое понятіе субстанціи, какъ дѣйствующей силы. Однако, если мы спросимъ Спинозу, какъ же происходятъ вещи изъ существа Бога, то онъ оставитъ насъ безъ отвѣта; онъ постоянно утверждаетъ въ своей «Этикѣ», что всѣ вещи представляютъ необходимое и вѣчное слѣдствіе изъ существа Божія,—но не показываетъ въ чемъ собственно состоитъ этотъ процессъ «слѣдованія». Аналогія съ геометрией объясняетъ намъ, почему онъ не можетъ этого показать: какъ и невозможно развить геометрію изъ представленія о пустомъ пространствѣ безъ помощи живущаго въ каждомъ человѣкѣ эмпирическаго знанія пространственныхъ формъ, точно также невозможно построить міръ индивидуальныхъ вещей изъ пустого понятія все-единства. Здѣсь лежитъ глубокое основаніе упрека въ «акосмизмѣ», дѣлаемаго Спинозѣ, упрека въ томъ, что онъ своей метафизикой уничтожилъ міръ; въ пустомъ пространствѣ его субстанціи безслѣдно исчезли индивидуальные вещи, изъ которыхъ состоитъ дѣйствительный міръ, или космосъ.

Поэтому, вмѣсто того, чтобы на самомъ дѣлѣ объяснить, какъ дѣйствительныя вещи происходятъ изъ существа Бога, Спиноза ограничивается тѣмъ, что указываетъ строгую необходимость, съ которой въ рамкахъ міровой системы отдѣльныя вещи взаимно другъ друга обуславливаютъ, причемъ онъ исключаетъ всякую телеологию и послѣдовательно проводитъ свой принципъ математическаго слѣдствія. Съ этой точки зрѣнія Спиноза набрасываетъ общія черты своей физики аффектовъ и страстей, а также физики государства,—первую подъ влияніемъ Декарта, вторую подъ еще большимъ влияніемъ Гоббса. Однако, и его представленіе о взаимной обусловленности вещей имѣетъ сильный математическій привкусъ; въ понятіи «детерминація», которое играетъ при этомъ главную роль, представленіе причиннаго опредѣленія и воздѣйствія незамѣтно переходитъ въ представленіе о геометрическомъ ограниченіи, и подобно тому, какъ геометрическая фигура опредѣляется своими границами, отдѣляющими ее отъ другихъ фигуръ, точно такъ же взаимная обусловленность вещей имѣетъ для Спинозы, главнымъ образомъ, тотъ смыслъ, что каждая вещь представляетъ именно то, что она есть, благодаря суммѣ остальныхъ вещей, т.-е. благодаря тому, что она сама не есть. Такимъ образомъ, метафизическій законъ: «Omnis determinatio negatio» *), и вообще вся въ высшей степени своеобразная теорія отрицанія (Negationstheorie); спинозизма, которая встрѣчается, впрочемъ, въ полномъ расцвѣтѣ еще въ «Теодицеѣ» Лейбница и окончательно разрушена лишь Кантомъ въ его про-

*) Всякое опредѣленіе есть отрицаніе.

изведеніи объ отрицательныхъ величинахъ—вся она коренится въ геометрической аналогіи.

Опираясь на это ученіе, спинозизмъ получаетъ этически-религіозное завершеніе, общее всѣмъ мистическимъ системамъ. Все конечное недостаточно и несовершенно, потому что оно есть отрицаніе; каждая конечная вещь положительна, поскольку она носитъ въ себѣ субстанцію; она отрицательна, поскольку она не есть субстанція, но «детерминирована» другими вещами. Эти понятія положительнаго и отрицательнаго (позитивнаго и негативнаго), заимствованныя изъ ученія Аристотеля, Спиноза соединяетъ съ понятіями активности и пассивности и развиваетъ изъ нихъ въ примѣненіи къ этикѣ и психологіи свою изысканную теорію подчиненія страстей посредствомъ мышленія. Но такъ какъ совершенствованіе конечнаго состоитъ въ искорененіи отрицательныхъ элементовъ и развитіи положительныхъ и такъ какъ только Богъ лишень отрицательныхъ элементовъ, то спинозовскій идеалъ совершенствованія есть полное сліяніе (Aufgehen) духа съ Богомъ. Такъ возникло ученіе объ amor intellectualis quo deus se ipsum amat, о томъ сліяніи мыслящаго духа съ Богомъ, въ которомъ духъ обрѣтаетъ свободу и блаженство и которое есть не что иное, какъ дѣйствіе въ немъ Бога. Поразительное и трогательное зрѣлище представляетъ этотъ переходъ Спинозы отъ безцвѣтныхъ и призрачныхъ абстракцій математической системы къ жгучему, его одушевляющему чувству Бога; поразительно, какъ онъ въ послѣднемъ «слѣдствіи» своего геометрическаго метода выдаетъ тайну своего сердца и даетъ систематическое выраженіе самому сильному мотиву своего мышленія. Послѣднимъ «слѣдствіемъ его мудрости» является мысль, что стремленіе созерцать Бога есть не что иное, какъ сила Бога, скрытая въ насъ, и въ этомъ смыслѣ Спиноза, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ чуждый своей эпохѣ, является ея вѣрнымъ дѣлтищемъ, раздѣляя ея философскія и религіозныя стремленія; а если мы прослѣдимъ источники этой мысли, то найдемъ въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ—все тотъ же платоновскій ἔρως. Эта мысль, высказанная Платономъ съ юнопескимъ воодушевленіемъ, превращенная Аристотелемъ въ спокойное созерцаніе τοῦς λογικὸς, —мысль, которой эпоха религіознаго возбужденія и особенно умозрѣнія нео-платониковъ придали характеръ религіознаго экстаза, доходящаго до опьяненія,—въ различныхъ формахъ проходитъ чрезъ всю средневѣковую философію и вновь разгарается съ новымъ воодушевленіемъ во всѣхъ раннихъ мистическихъ проявленіяхъ новой философіи. Ее мы встрѣчаемъ въ «Искрѣ» мастера Экарта въ «Богopodobіи» (Gottebenbildlichkeit) Якова Бэме, въ «Egoico furore» Джіордано Бруно. Наконецъ, у Спинозы въ его «Amor intellectualis» эта самая мысль принимаетъ спокойную форму яснаго созерцанія.

Такимъ образомъ, спинозовская философія заканчивается глубокимъ и благоговѣннымъ постиженіемъ той самой идеи, которая въ формѣ

*

неяснаго стремленія стояла въ началѣ всего его мышленія и готовила его судьбу. Основной тонъ симфоніи его идей—это религиозное чувство; наиболѣе зрѣлымъ продуктомъ его философіи является созерцательная любовь къ Міру-Богу (Weltgott); она же является ея основаніемъ и источникомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы возвращаемся къ исходному пункту нашего изслѣдованія, которое началось съ установленія тождества между духомъ и характеромъ Спинозы и которое приходитъ къ установленію такого же тождества между его жизнью и его философіей. Спиноза жилъ такъ, какъ онъ училъ; глубокая любовь къ Богу, которая лежитъ въ основаніи его мыслей, составляетъ также сущность его жизни. Онъ мыслить Бога—и міръ превращается для него въ несущественную иллюзію; онъ хочетъ Бога—и вещи міра сего перестаютъ его интересовать. Онъ ничего отъ нихъ не требуетъ, кромѣ одного: «Noli turbare circulos meos!» *). Правда, въ этомъ есть эгоизмъ мысли, недостатокъ реальной жизненной силы. Но онъ проистекаетъ у Спинозы изъ глубокаго познанія того, что мірскія желанія и страсти могутъ лишь затемнить взоръ, стремящійся къ созерцанію Божества, и что духъ, ищущій чистой любви къ Богу, долженъ освободиться отъ всѣхъ другихъ желаній. «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они узрятъ Бога»—такова основная тема жизни этого «атеиста»; съ ней гармонируетъ отсутствіе потребностей у Спинозы, его беззаботная независимость, чистое безкорыстіе, поэзія тихой голландской жизни, обывающія его виѣшнее и внутреннее существованіе. Поэтому, его практическая дѣятельность ограничивалась безусловно необходимымъ; онъ пугливо сторонился отъ шумной жизни; онъ отклонялъ предложеніе читать свою философію съ кафедръ, и послѣ перваго печальнаго опыта, по казавшаго ему малодушіе даже тѣхъ, кто называлъ себя его друзьями, онъ отодвигалъ въ будущее даже вліяніе своихъ произведеній, не опубликовавая ихъ. Въ этой чистой самоудовлетворенности нѣтъ ни слѣда страстной торопливости реформатора, потому что онъ нисколько не воображаетъ «проповѣдывать что-либо, могущее исправить и обратить свѣтъ»; въ немъ нѣтъ ни слѣда дешеваго стремленія къ общепользности, которое было бы, можетъ быть, естественно въ условіяхъ времени и страны; этотъ человѣкъ, который, твердо стоя на прочномъ фундаментѣ религіи, такъ свободно относился къ религіямъ, былъ чуждъ тому незрѣлому прозелитизму безвѣрія, съ которымъ познакомились послѣдующія поколѣнія. Онъ былъ свободенъ отъ фарисейскаго безвѣрія, процвѣтающаго въ наше время и произносящаго, бія себя въ грудь съ ребяческимъ самопоуевніемъ: «Благодарю тебя, матеріализмъ, что я не таковъ, какъ тѣ святоши!» Ничего подобнаго нѣтъ у Спинозы, и его настроеніе—не гордость и презрѣніе къ людямъ, но глубокое чувство полнаго одиночества. Оторванный отъ семьи и народа,

*) «Не стирай моихъ круговъ»—слова Архимеда.

безъ друзей, безъ родины и конфессіональной религіи—онъ является истиннымъ образомъ той судьбы, которая ожидаетъ въ этомъ мірѣ генія. Царство его не отъ міра сего—это царство науки; оно его Богъ, его свобода, его искупленіе и такимъ образомъ, ученіе Спинозы есть не что иное, какъ апогеозъ науки и онъ самъ—герой научнаго духа. Отсюда тихая серьезность, которую носятъ черты его лица. Едва ли можно назвать эту серьезность тоской, потому что для него покорность не представляетъ страданія. Это не утомленная отъ наслажденія искаженная черта современнаго пессимизма, но истинное выраженіе античной атраксіи; это также не великій трагизмъ мученичества, потому что никто, за исключеніемъ, пожалуй, Сократа, не переносилъ непризнанія и преслѣдованія съ меньшимъ пагосомъ, чѣмъ Спиноза. До самой смерти онъ былъ полонъ кротости и мягкости, и указанная черта—серьезность—пронстекаетъ лишь изъ глубокой правдивости, передъ которой исчезаетъ игра и суета жизни, ибо истина есть серьезность. Къ этому выраженію спокойствія примѣшивается еще другая черта—любовь къ работѣ, правда, не той работѣ, которая покрываетъ руки мозолями, но къ самой тяжелой всетаки и утомительной—къ работѣ мысли. Жизнь этого мыслителя была вся посвящена истинѣ, и въ этомъ заключается ея возвышенное величіе. Ибо если говорить, что трудно умереть за истину, то еще труднѣе жить ради нея.

ИЗЪ К. ТЕТМАЙЕРА.

(Съ польскаго).

I.

О, море, безбрежное, темное море!
Мнѣ кажется, только глаза я открою,
Увижу бездонную глубь подъ собою,
Пустыню, разлитую въ мертвомъ просторѣ.
Я вижу, какъ край твой зарей золотится...
Вотъ синія волны она зарумянитъ,
Закружится чайка и снова поманитъ
Мысль вдаль за собою и съ нею умчится.
О, море, какъ часто мнѣ слышится нѣжный
Прибой твоихъ волнъ и тяжелые вздохи—
То отзвукъ таинственной дальней эпохи.
О, море, какъ властно владѣешь ты мною!
Я словно скольжу надъ твоей глубиною
Куда-то, все къ вѣчности ближе безбрежной.

II.

Ярко блестящая свѣта волна
Темную зелень деревьевъ покрыла.
Даль голубая надъ нами застыла,
Неудовимыхъ оттѣнковъ полна.
Въ дивномъ ущельи, уступами горъ,
Вспѣнный мчится потокъ горделиво.
Голось раздастся—уже прихотливо
Вторить ему необъятный просторъ.
Тихо. Порою съ таинственнымъ звономъ
Стадо мелькнетъ на откосѣ зеленомъ;
Съ шорохомъ камень сорвется въ оврагъ.
Снова покой, тишина тутъ такая,
Словно далекій свой путь совершая,
Счастье на мигъ здѣсь замедлило шагъ.

А. Калин —скій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Изъ текущей беллетристики—«Семья Варавиныхъ», ром. В. Свѣтлова.—Удачно задуманные типы и ихъ крайне неудачное выполнение.—Характерныя черты нашего времени въ этомъ романѣ.—Поэтъ-лауреатъ и поэтъ просто.—По поводу полныхъ собраній сочиненій Майкова и Фета.—Реторика Майкова и искренность Фета.—Странное мнѣніе о «философскомъ» значеніи Фета.—Фетъ меньше всего философъ.—Ограниченность поэзіи Майкова.—Поэты изъ «Мира Искусства».

Въ трехъ послѣднихъ книгахъ «Вѣстника Европы» появился романъ г. Свѣтлова «Семья Варавиныхъ», представляющій интересъ, какъ еще одна попытка дать картину того разлада, какой давно уже наблюдается между поколѣніемъ шестидесятихъ годовъ, сходящимъ со сцены исторіи, и новымъ, которому суждено его замѣнить. Хотя самый вопросъ о смѣнѣ этихъ поколѣній, понимая подъ этой смѣной измѣненіе идейныхъ настроеній и практическихъ задачъ, рѣшенъ жизнью давно, но освѣщеніе его въ литературѣ только теперь наступаетъ, и потому всякая попытка въ этомъ родѣ несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, независимо отъ художественной цѣнности самого произведенія. Г. Свѣтловъ авторъ далеко не новый, но своей литературной фізіономіи у него нѣтъ. Писалъ онъ много и въ разныхъ мѣстахъ, но врядъ ли многіе изъ его читателей помнятъ, что именно было имъ написано. Въ такомъ положеніи чувствуемъ себя и мы, и настоящее его произведеніе является для насъ полною новинкой. И, признаемся, мало даетъ оно для характеристики автора, какъ художника. Задуманное въ общемъ очень удачно и широко, оно, по мѣрѣ развитія, все блѣднѣетъ и умалется, пока не становится совсѣмъ нехудожественной вещью, обнаруживая въ авторѣ не только отсутствіе хотя бы небольшого художественнаго дарованія, но и полную путаницу идей и представленій о тѣхъ новыхъ людяхъ, которыхъ авторъ выводитъ, какъ представителей вступившаго въ жизнь новаго поколѣнія. Отчего происходитъ у автора такая путаница, увидимъ дальше, такъ какъ этотъ коренной недостатокъ его романа зависитъ отъ многихъ причинъ, и прежде всего отъ того, что авторъ взялся за непосильную задачу—въ одной картинѣ вмѣстить все,—и семейный разладъ между отцами и дѣтьми, и раздоры дѣтей, и провинціальную тину съ ея чиновничествомъ, и новый типъ администратора, и многое другое, чего никакъ не уложить за одну скобку.

Судя по начальнымъ главамъ, вообще гораздо больше отдѣльнымъ и обдуманнымъ, планъ автора былъ очень удаченъ. Предъ нами семья одного изъ дѣятелей эпохи великихъ реформъ, состоящая изъ старика-отца и матери съ одной стороны, съ другой—трехъ дѣтей. Весь интересъ сосредоточивается на старшемъ сынѣ, который, быстро создавъ себѣ въ Петербургѣ репутацію ума и дѣловитости, назначается въ родныя палестины на главный административный постъ. Старикъ Варавинъ играетъ здѣсь тоже очень видную роль, какъ земскій дѣятель и предводитель дворянства, проводящій въ своей дѣятельности тѣ прин-

цыпы, которымъ служилъ и раньше, въ дни своей молодости. Онъ ревностный борецъ за народное просвѣщеніе и рьяный поборникъ земства. На этомъ-то поприщѣ и происходитъ конфликтъ между старикомъ, котораго сынъ презрительно величаетъ «ослабѣвшимъ помѣщикомъ» и «выжишимъ изъ ума идеалистомъ-шестидесятникомъ», — и новымъ администраторомъ. Такая постановка родственныхъ отношеній представляетъ нѣчто новое, а типъ сына-администратора, противопоставляемый отцу-идеалисту и общественному дѣятелю, даетъ очень интересный и благодарный мотивъ для романиста-бытописателя. Главы, посвященные первымъ шагамъ новаго администратора, очень живы и производятъ впечатлѣніе, какъ несомнѣнно выхваченныя изъ жизни. Сергѣй Петровичъ Варавинъ — это администраторъ послѣдней, самоновѣйшей школы. Онъ сухъ, дѣловитъ, весь проникнутъ сознаніемъ «миссіи», которая возложена на него и которую онъ понимаетъ, какъ задачу «подтянуть» вѣренную ему губернію и водворить въ ней «твердую власть». Идея власти въ немъ чрезвычайно сильна, и онъ въ высшей степени чутокъ ко всему, что такъ или иначе сталкивается и не подчиняется этой идѣе, понимаемой имъ весьма своеобразно. Власть въ его глазахъ олицетворяется въ его личности, величія коей должны быть принимаемы, какъ законъ, безпрекословно и съ глубочайшимъ почтеніемъ. Поэтому ничто такъ не выводитъ его изъ себя, какъ ссылка на законъ и хотя бы робкое упоминаніе о законности. Всѣ эти ненужныя и тягостныя формальности, требуемыя закономъ, онъ хотѣлъ бы замѣнить личнымъ усмотрѣніемъ, и потому никому не довѣряетъ, ни съ кѣмъ не желаетъ совѣщаться, всѣ дѣла хотѣлъ бы рѣшать самъ. «Сергѣй Петровичъ входилъ буквально во всѣ мелочи, во всѣ мельчайшія детали, желая все знать, все видѣть, все передѣлать, такъ что чиновники превращались при немъ въ простыхъ и безмолвныхъ исполнителей указаній. Словомъ, онъ жаждалъ «объять необъятное», проникнуть во всѣ сферы, вездѣ проявить свою инициативу и вложить свою личность... Онъ нагналъ такого страха на служащихъ, что они долго не могли опомниться. Нельзя сказать, чтобы это не отражалось на текущихъ дѣлахъ. Всѣ жили точно на вулканѣ и опасались ежеминутнаго взрыва. При прежнихъ начальникахъ чиновники обсиѣлись, служили и дѣлали свое дѣло «медленно спѣша», а темпъ въ дѣлахъ выработался медленный, ровный, спокойный. Теперь все пошло ускороленнымъ темпомъ, во все внесена была какая-то безпокойная нервность, и что всего хуже — неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ». Но и эта суета, яко бы чрезвычайно дѣловитая, не удовлетворяла новаго администратора. «Дѣятельность, къ которой онъ такъ стремился, начинала тяготить его своей узкостью, ограниченностью. Онъ представлялъ ее себѣ шире, могущественнѣе. Въ его порывистой натурѣ было желаніе властвовать, диктаторствовать, повелѣвать, а на дѣлѣ оказывалось, что онъ собственной властью не можетъ даже смѣнить, пожалуй, волостного старшину, не только чиновника. И всѣ толкуютъ о преданіи суду, всѣ даютъ ему понять, что его власть ограничена, и что надъ нимъ есть нѣчто высшее — законъ. Какъ будто онъ не знаетъ этого самъ! Но это ограниченіе стѣсняетъ его, связываетъ его по рукамъ и ногамъ».

Понимая власть, какъ личный произволъ, молодой Варавинъ не можетъ допустить, чтобы рядомъ были люди, даже цѣлыя учрежденія, которыя дѣйствуютъ по своей инициативѣ, а не по его указанію. Онъ не отрицаетъ, напр., просвѣдательной дѣятельности земства, но не терпитъ его самостоятельности. Точно также онъ не противъ идей въ принципѣ, но не допускаетъ другихъ идей, кромѣ имъ одобренныхъ. Отсюда гнѣвъ на земство и столкновение съ отцомъ, шестидесятникомъ, яро отстаивающимъ земскую инициативу.

До сихъ поръ предъ нами живая фигура, списанная съ дѣйствительности. Можно даже подумать, что авторъ просто изобразилъ одного изъ многихъ дѣателей, «оживлявшихъ» провинцію за послѣднія десять лѣтъ. Но далѣе авторъ

пускается сочинительствовать. Казалось бы, жизнь дала ему прекрасный материал. Отец, идеалист и насадитель культуры, постепенно должен сдать все свои позиции реалисту-сыну, который съ жаромъ и трескомъ уничтожаетъ все, что тотъ насадилъ. Автору показалось этого мало и онъ вздумалъ дополнить своего героя такими чертами, которыхъ, конечно, въ жизни онъ самъ не встрѣчалъ. Его администраторъ оказывается въ послѣднемъ итогѣ человѣкомъ съ особой идеей, нѣчто въ родѣ «сверхъ-администратора», который желаетъ расчистить себѣ поле для какой-то невиданной пока новой работы. Свое profession de foi онъ излагаетъ въ разговорѣ съ братомъ. Послѣдній тоже якобы «новый человѣкъ», презирающій практическую дѣятельность, толкующій что-то о новой красотѣ и т. п. Эта грубо-неудачная фигура еще усиливаетъ своей аляповатой глупостью неестественность такихъ рѣчей, которыя авторъ влагаетъ въ уста своего новаго администратора. Надо замѣтить, что братъ его, отчасти писатель, отчасти просто мечтательный россиянинъ, какихъ много бременить землю, влюбленъ и желаетъ жениться на замужней женщинѣ. Разводъ ея уже фактъ совершившійся, но изъ-за какихъ-то проволочекъ бумаги ея еще не пришли. Администраторъ, пользуясь этимъ и неизвѣстно ради какихъ цѣлей, предписываетъ выслать ее изъ города, какъ не имѣющую узаконеннаго вида на жительство, хотя прекрасно сознаетъ всю глупость такого распоряженія. Братъя объясняются, и нашъ мечтательный россиянинъ уходитъ посрамленнымъ, услышавъ слѣдующую исповѣдь «сверхъ-администратора».

— Какіе вы всё «мѣщане», какъ посмотрю я на васъ... Вы связаны по рукамъ и ногамъ, васъ гнететъ все къ землѣ. Вы толкуете о свободѣ, о какой-то свободѣ, которой не понимаете, о свободѣ, ограниченной... съ одной стороны—традиціями прошлаго, съ другой—буржуазностью, а съ третьей—саентиментальностью, вскормленной и вспоенной вѣками... Вы все еще кающіеся дворяне, безплодные мечтатели, саентиментальные буржуа. Въ васъ нѣтъ настоящаго аристократизма духа... Вы противны мнѣ всё. Я ненавижу васъ, вы—путь, изъ которыхъ, клянусь, я найду силы и средства вырваться. Я не хочу этого слезливаго, ноющаго и тоскливаго антуража. Я хочу свободы и одиночества, которое одно даетъ силу. Но моя должность—только ступень. И у насъ въ Россіи можно быть сильными и независимымъ только на службѣ...»

Много еще такихъ же словесъ источаетъ администраторъ г. Свѣтлова, къ великому удивленію и изумленію читателя, который нѣсколькими страницами выше познакомился съ его дѣятельностью по части разрушенія и съ его сотоварищемъ, выписаннымъ имъ изъ Петербурга, нѣкимъ Доринимъ. Послѣдній изображенъ чѣмъ-то въ родѣ шута гороховаго. Онъ и декадентъ, и прихвостень сильныхъ міра сего, и проповѣдникъ новой, красоты. Наединѣ съ такимъ другомъ герой отводитъ свою смятенную душу, для умиротворенія которой его пріятель совѣтуетъ разные пикантные романы французскихъ авторовъ. Фигура Дорина такъ дополняетъ героя, что его рѣчи о свободѣ и аристократизмѣ духа болѣе чѣмъ комичны. Видимо, у автора все перемишалось въ головѣ, когда онъ сталъ дорисовывать своего героя. Изобразивъ типичную фигуру новаго администратора, упраздниваго законность и всякую общественную дѣятельность, авторъ сталъ втупикъ, что же дальше? Долженъ же его герой выставить нѣчто положительное на своемъ знамени, что бы дало смыслъ и опору его упразднительной работѣ. Но такъ какъ въ жизни авторъ не могъ почерпнуть этого положительнаго содержанія, то и сталъ сочинять, и въ этомъ обнаружилъ грубое непониманіе имъ же вырисованнаго типа. Главная отличительная черта послѣдняго въ томъ именно и заключается, что такой типъ не вноситъ въ жизнь ничего *положительнаго*. Его значеніе чисто отрицательное: не нужно общественной инициативы, не нужно законности, не нужно народнаго просвѣщенія, и т. д. Но, все расточивъ, испровергнувъ, разрушивъ, та-

кой типъ и долженъ оставаться въ полномъ недоумѣніи, что же на мѣсто всего этого поставить? Положительной программы у него нѣтъ, потому что она вырабатывается не въ одиночествѣ, а въ совмѣстной работѣ съ тѣми, для кого должна служить, т.-е. именно тѣми путемъ, который такъ ненавистенъ представителю новаго, или вѣрнѣе—старѣйшаго принципа—единоличнаго произвола. Самъ провозвѣстникъ его не знаетъ, во имя чего онъ борется, все сокрушаетъ и всѣхъ расточаетъ. Когда его отецъ, какъ предводитель дворянства и председатель комиссіи по народному просвѣщенію, громко выражаетъ протестъ и заявляетъ, что будетъ лично жаловаться на произволъ въ дѣйствіяхъ сына, послѣдній ничего не можетъ придумать и предлагаетъ отцу сдѣлать кое-какія уступки для соблюденія внѣшнихъ приличій, чтобы не было такъ явно для всѣхъ столкновение двухъ главныхъ принциповъ—престижа власти и дворянства. Новый администраторъ не понимаетъ по существу, ни зачѣмъ ему самый престижъ, ради котораго онъ готовъ утопить въ ложкѣ воды родного отца, ни дворянство и земство, въ которыхъ онъ видитъ непонятное ему упорство. Одинъ только разъ мы замѣчаемъ въ немъ какъ бы нѣкоторую цѣлесообразность дѣйствій, когда онъ сталкивается съ крупнымъ мѣстнымъ капиталистомъ-кулакомъ, ловко обдѣлывающимъ свои дѣлишки на почвѣ общаго оскудѣнія деревни. Онъ требуетъ, чтобы тотъ уничтожилъ очень ужъ невыгодную для крестьянъ сдѣлку, но и тутъ мы не видимъ въ немъ интереса къ обнищавшему крестьянству, а лишь недовольство, что во вѣренной ему губерніи можетъ быть какой-го кулакъ, который ни мало отъ него не зависитъ и дѣйствуетъ самостоятельно.

Не меньшую путаницу понятій обнаруживаетъ авторъ и въ изображеніи другихъ лицъ романа. Его идеалистъ-шестидесятникъ, старикъ Варавинъ, проповѣдующій принципы эпохи великихъ реформъ, защитникъ личной инициативы и общественной дѣятельности, оказывается вдругъ поклонникомъ старины, грозить возбудить дѣло противъ другого сына за то, что тотъ желаетъ жениться безъ его разрѣшенія. Кстати, не всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что у насъ существуетъ архаическій законъ, согласно которому взрослые и вполне самостоятельные люди не могутъ жениться безъ согласія родителей: преступившій его брачующійся карается восьмилѣтнимъ заключеніемъ. Представимъ себѣ человѣка, пропитаннаго насквозь духомъ шестидесятыхъ годовъ, который грозилъ бы сыну примѣненіемъ подобнаго закона,—и мы поймемъ всю нелѣпость идейнаго представленія о шестидесятыхъ годахъ, какое сложилось у г. Свѣтлова. Именно въ тѣ времена съ особой свободой люди относились къ семейнымъ вопросамъ, подчасъ слишкомъ далеко заходя въ требованія свободы чувства. Такой, повидимому, убѣжденный шестидесятникъ, какъ старикъ Варавинъ, органически не можетъ прибѣгать къ помощи закона, да еще такого нелѣпаго по своей устарѣлости, въ борьбѣ съ своимъ сыномъ, который въ массѣ другихъ вопросовъ очень къ нему близокъ. Всю эту несообразность надо цѣликомъ возложить на нехудожественность автора и его идейную путаницу, что еще сильнѣе связывается въ обрисовкѣ другого представителя молодого поколѣнія, именно этого виновнаго сына, Дмитрія, который по замыслу долженъ изображать новомодныя вѣянія, увлеченія нищенствомъ, новой красотой и т. п. Никакихъ ни новыхъ, ни старыхъ идей у этого молодца мы не видимъ на всемъ протяженіи романа, кромѣ послѣдняго его разговора съ своимъ старшимъ братцемъ, когда тотъ увлекаетъ его изложеніемъ своихъ «принциповъ» объ аристократизмѣ духа. Даже для карикатуры не годится этотъ неудачный персонажъ, какъ и всѣ женскіе типы, нарисованные до нельзя аляповато и нежизненно, почему и не будемъ останавливаться на нихъ.

«Какъ мы одиноки! Дѣти наши ничего не чувствуютъ къ намъ!»—такъ съ глубокимъ сокрушеніемъ заявляетъ старуха Варавина, вида острый разладъ

между ея мужемъ и сыномъ—администраторомъ съ одной стороны, и другимъ сыномъ, якобы нищанцемъ и поклонникомъ новой красоты, осмѣивающимъ старыя завѣты отца объ общественной дѣятельности, долгѣ народу, о трудѣ и т. п. Какъ ни плохъ въ художественномъ отношеніи романъ г. Свѣтлова, но въ немъ дѣйствительно намѣченъ и рѣзко подчеркнутъ идейный разладъ во многихъ и многихъ семьяхъ. Сплошь и рядомъ приходится наталкиваться на странное явленіе, что дѣятели новаго поколѣнія съ какимъ-то азартомъ подчеркиваютъ свою крайнюю враждебность къ дѣятельности и всему направленію своихъ отцовъ. Такое столкновеніе, какъ между старикомъ Варавинымъ и его старшимъ сыномъ, одно изъ весьма обычныхъ явленій, въ особенности рѣзко бросавшееся въ глаза лѣтъ десять тому назадъ, когда произошелъ знаменательный переломъ въ жизни нашихъ земствъ. Многимъ старымъ земцамъ приходилось тогда видѣть, какъ ихъ родныя дѣти, въ лицѣ новыхъ администраторовъ, явились уничтожать то, надъ чѣмъ годами трудились они, насаждая безкорыстно сѣмена новой культуры въ дикихъ еще русскихъ палестинахъ. И вотъ эти еще слабыя и не окрѣпшіе всходы стали быстро вянуть, попавъ въ руки тѣхъ, кто, казалось бы, по естественному теченію вещей долженъ былъ бы явиться продолжателемъ дѣла своихъ отцовъ. Это было печальное и сѣверное время, когда натискъ разрушителей стараго земскаго и общественнаго дѣла былъ особо яростенъ и силенъ. Но отцы и тогда уже могли найти утѣшеніе въ сознаніи, что дѣти ничего, кромѣ идеи разрушенія, не принесли съ собой, а такая идея, какъ бы она ни была сильна въ данную минуту, не прочна. Жизнь была за отцовъ, что больше всего и злило реакціонныхъ дѣтей, и дѣйствительность если не во всемъ, то въ очень многомъ подтвердила старую истину, что разъ добытое жизнью, нельзя отнять. Съ любовью посябанныя сѣмена просвѣщенія не поддались искорененію; да и не они одни. Земскій и общественный принципъ, защищаемый въ романѣ старикомъ Варавинымъ, устоялъ, хотя и сильно ограниченный, не смотря на всю силу натиска новыхъ людей въ родѣ Сергѣя Петровича. Эта—неотвлеченная, а жизненная—стойкость завѣтнаго принципа могла до извѣстной степени утѣшить ихъ въ томъ одиночествѣ, которое они должны были испытывать, видя, какъ старикъ Варавинъ, уклоненіе въ сторону однихъ дѣтей и злобное стремленіе другихъ—уничтожить все ради торжества личнаго произвола. Въ романѣ старикъ Варавинъ умираетъ, пораженный ударомъ во время спора съ сыномъ—администраторомъ,—еще одна черта, подчеркивающая нехудожественность автора, который не сумѣлъ выпутать своихъ героевъ изъ созданнаго имъ положенія и прибѣгнуть къ обычному въ такихъ случаяхъ приему—уморить героевъ. Въ жизни, къ счастью, дѣло обстоитъ много лучше, и защитникамъ общественнаго принципа вовсе не приходится сходить со сцены такъ скоропалительно и безславно. Созданное ими дѣло само ихъ поддержало и двигаетъ.—правда, не такъ быстро и планомерно развивается оно, но все же оно «вертится» вопреки всѣмъ усиліямъ остановить и уничтожить его.

Намъ кажется, что г. Свѣтловъ сдѣлалъ ошибку, введя въ свой романъ много разныхъ усложняющихъ элементовъ. Для разносторонней и полной картины современной провинціи нужна сила первокласснаго художника и глубокое пониманіе многообразныхъ современныхъ теченій, идейныхъ, политическихъ и общественныхъ. Ограничивъ свою задачу только столкновеніемъ двухъ представителей—человѣка шестидесятыхъ годовъ и новаго администратора, онъ далъ бы очень живую и яркую картину изъ современной жизни, правда, довольно узкую, но за то дѣльную и очень поучительную. Всѣ элементы для такой картины даны въ его романѣ, къ сожалѣнію, затемненные и перепутанные съ разными приходящими явленіями, которыя не сложились въ одно

цѣлое, отчего получилась непріятная пестрота, мѣстами поражающая своею непродуманностью и рѣзущей неправдой.

Одновременный выходъ полныхъ собраній сочиненій двухъ послѣднихъ большихъ поэтовъ русской литературы, Майкова и Фета, былъ пріятнымъ сюрпризомъ для читателей, для которыхъ здоровая и глубокая поэзія названныхъ поэтовъ можетъ служить прекраснымъ противовѣдомъ противъ большой, вычурной и растлѣвающей музы декадентовъ. Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-либо болѣе противоположное декадентамъ, какъ строгая, пластическая муза Майкова и прелестная легкая и нѣжная—Фета. И тотъ, и другой такъ различны, такъ не похожи другъ на друга, но оба вмѣстѣ они составляютъ одно, необыкновенно гармоничное цѣлое. Мало родственныхъ чертъ въ поэзіи обоихъ, и если что ихъ объединяетъ, то именно вдохновенность ихъ поэтического творчества. Нѣтъ ни вычурности, ни дѣланности настроенія, а свѣжесть и непосредственность, чѣмъ въ особенности отличается Феть, по нашему мнѣнію, какъ поэтъ непосредственнаго чувства, гораздо выше стоящій, чѣмъ Майковъ.

Послѣдній недаромъ является въ русской литературѣ своего рода поэтомъ-лауреатомъ, какъ бы официально удостоеннымъ званія поэта. Тогда какъ Феть—поэтъ и только, поэтъ «милостію божіей» не знающій и органически неспособный признавать какое бы то ни было принужденіе, чью-либо волю надъ собой. Мы говоримъ, конечно, только о тѣхъ его произведеніяхъ, въ которыхъ Феть является самимъ собой и которыя только одни достойны вниманія, какъ великолѣпные образцы русской лирики. Есть и у Фета всякія «Оды» и «Посвященія», и «Поздравленія», и т. п. искажающія его образъ, какъ поэта, и рисующія мало привлекательный образъ его, какъ человѣка. Въ нихъ встаетъ передъ нами льстивый, непріятно угодливый сильный міра сего—не Феть, а Шеншинъ, торгующій великимъ даромъ Фета ради весьма ясныхъ и низменныхъ цѣлей. Редакторъ настоящаго изданія очень хорошо сдѣлалъ, выдѣливъ эту стихотворную макулатуру въ концѣ второго тома въ особый отдѣлъ, который слѣдуетъ оставлять неразрѣваннымъ, чтобы не портить чарующаго впечатлѣнія лирики «вечернихъ огней», «мелодій», «сновидѣній» и пр. Вотъ гдѣ надо искать Фета, пѣвца чудныхъ мгновеній, которымъ онъ отдается съ неудержимымъ порывомъ, властно захватывая васъ съ собой и унося отъ всего житейскаго и прозаическаго. Феть представляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательный примѣръ раздвоенія личности. Какъ Шеншинъ, онъ крайне не интересенъ, неуменъ и глубоко прозаиченъ. Огромное большинство его стиховъ «на случай», продиктованныхъ соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ поэзіей, напоминаетъ одописцевъ «временъ Очакова и покоренія Крыма». Просто нельзя повѣрить, что одинъ и тотъ же человѣкъ—авторъ «одъ» и «мелодій», не только не имѣющихъ ничего общаго по настроенію, но даже формою рѣзко различныхъ и прямо-таки враждебныхъ другъ другу. Не говоря уже о такихъ устарѣлыхъ формахъ, какъ «пою тебѣ», «не воспѣвай, не славословь», «воспой, о муза», и т. п., въ «одахъ» банальность эпитетовъ и образовъ напоминаетъ канцелярскія прошенія съ обязательными титулами и обращеніями. Чтобы не утомлять читателя, приводимъ самую коротенькую «оду», написанную, какъ поздравленіе, королевъ эллиповъ Ольгѣ Константиновнѣ въ день ея именинъ, 11 іюля 1887 г.:

Когда-бъ дѣрвалъ, когда-бъ я славилъ
Сей день подъ звуки райскихъ лиръ,
То-бъ съ кроткимъ ангеломъ поздравилъ
Я не ее, а Божій міръ.

Здѣсь, конечно, нѣтъ и тѣни того Фета, который, какъ лирикъ, поэтъ неуловимыхъ и не выразимыхъ ощущеній въ природѣ и сердцахъ, не знаетъ себѣ

равнаго въ нашей литературѣ. Его именно и нужно брать такимъ, какимъ онъ проявляется въ своихъ, дивныхъ по нѣжности и безконечному разнообразію отгѣнковъ, по богатству внезапныхъ вспыхивающихъ чувствъ и искривляющихся образовъ, стихахъ, выливающихъ у него подъ вліяніемъ охватившаго его мгновенія безсознательно, иногда неровно и всегда чарующе хорошо. Мелькнувшая тучка или звукъ, невѣдомо откуда долетѣвшій, сверкнувшая въ глазахъ слеза или мимолетная улыбка дѣвушки—вдругъ будятъ въ немъ рой образовъ и звуковъ, которые неудержимо льются, увлекая за собой поэта, видимо не отдающего даже отчета, откуда и какъ налетѣлъ на него этотъ порывъ вдохновенія. По непосредственности чувства и впечатлительности, Фетъ—единственный и несравненный лирикъ въ нашей поэзіи, который

Хватаетъ на лету и закрѣпляетъ вдругъ
И темный бредъ души и травъ неясный запахъ,—

который такъ «богатъ въ безумныхъ стихахъ», что, кажется, исчерпалъ до дна всѣ сокровища звуковъ и образовъ, разсыпанныхъ въ природѣ.

Тѣмъ страннѣе и непонятнѣе характеристика Фета, которую далъ редакторъ настоящаго изданія, г. Б. Никольскій, во вступительной статьѣ «Основные элементы лирики Фета». Въ ней онъ силится представить Фета, какъ поэта-философа прежде всего и потомъ уже поэта-лирика, такъ сказать отдающего лишь невольную дань своему поэтическому дарованію. «Этотъ философъ-поэтъ», говоритъ авторъ, до такой степени поэтъ философъ, что его произведенія неизбежно станутъ современемъ настольною книгою каждаго мыслителя, каждаго ученаго, наконецъ, каждаго философски мыслящаго человѣка, если только онъ не безусловно лишентъ чувства изящнаго». Для всѣхъ любителей поэзіи Фета эти слова г. Никольскаго явятся своего рода откровеніемъ. Наслаждаясь чистой, непосредственной поэзіей Фета, мы всѣ, «толпа», какъ насъ величаетъ новоявленный великій критикъ, прозѣвали въ Фетѣ философа, да еще какаго!—который самого Шопенгауэра заткнулъ за поясъ, «многое въ его ученіи упростилъ, а многое за него договорилъ до конца». До г. Никольскаго всѣ цѣнили музыкальность и свѣжесть стиховъ Фета,—оказывается, и въ этомъ «толпа» ошибалась. Все это чистые пустяки, такъ какъ «вопреки площаднымъ сужденіямъ о великихъ, будто-бы, достоинствахъ художественной формы Фета, позволительно утверждать, напротивъ, что превозносить форму Фета въ ущербъ сущности его поэзіи могутъ искренно только тѣ, кому послѣдняя недоступна». Далѣе изъ всего высокопарнаго этюда г. Никольскаго мы узнаемъ, что Фетъ—пантеистъ, въ которомъ гармонично соединялась любовь къ природѣ и красотѣ съ любовью къ Богу и равнодушіемъ къ смерти. Вотъ и вся характеристика. Въ ней г. Никольскій не столько разъяснилъ Фета, сколько превознесъ самого себя, дѣйствуя старымъ, но вѣрнымъ средствомъ, которое еще у Гл. Успенскаго рекомендуетъ волостной писарь всѣмъ ухаживающимъ за барышнями. Средство это просто и очень удобно: надо говорить все «напротивъ». Такъ поступаетъ и г. Никольскій: вы думаете, что поэзія Фета есть чистѣйшая лирика, меньше всего претендующая на размышленіе и логическія умозаключенія, подчасъ совершенно не логическая и даже не поддающаяся никакому анализу,—«а я говорю совсѣмъ напротивъ». Вы убѣждены, что прелесть стихотвореній Фета заключается въ полной гармоніи ихъ формы и содержанія, которыхъ также нельзя раздѣлить, какъ въ пѣснѣ соловья,—«а я говорю совсѣмъ напротивъ». Вы считаете Фета меньше всего философомъ, такъ какъ и въ его стихахъ, и въ его прозаическихъ писаніяхъ меньше всего можно найти глубины мысли, а часто онъ проявлялъ себя чуть что не пошлякомъ,—«а я говорю напротивъ»,—и т. д. И чтобы окончательно вознестись надъ нами, простыми смертными, которые, не мудрствуя лукаво, наслаждаются этой поэзіей *теперь*, г. Никольскій завершаетъ свою характеристику напыщенными словами:

«Фетъ въ этомъ смыслѣ (т.-е. какъ философъ-поэтъ) до такой степени поэтъ будущаго, что съ полнымъ правомъ могъ-бы во главѣ своихъ стихотвореній поставить знаменитыя слова Шопенгауэра: «черезъ головы современниковъ передаю мой трудъ грядущимъ поколѣніямъ!» Будущія поколѣнія только оцѣнятъ Фета, а нынѣ только «я, Б. Никольскій» вознесся на достаточную высоту, чтобы понять Фета, — таковъ смыслъ всей этой вездѣрчивой и мало основательной характеристики.

Положимъ, и послѣ г. Никольскаго поэзія Фета останется тѣмъ, что она есть — поэзіей мгновения, непередаемыхъ ощущеній, нѣжнѣйшихъ отбѣнковъ красоты природы и человѣческихъ чувствъ. Или, какъ прекрасно его опредѣляетъ Н. Страховъ, «онъ пѣвецъ и выразитель отдѣльно взятыхъ настроеній души, или даже минутныхъ, быстро проходящихъ впечатлѣній. Онъ не излагаетъ какого-нибудь чувства въ его различныхъ фазисахъ, не изображаетъ какой-нибудь страсти съ ея опредѣлившимися формами, въ полнотѣ ея развитія; онъ улавливаетъ только одинъ моментъ чувства или страсти, онъ весь въ настоящемъ, въ томъ быстромъ мгновеніи, которое его захватило и заставило изливаться чудными звуками. Каждая пѣсня Фета относится къ одной точкѣ бытія, къ одному біенію сердца и потому неразложима, нераздѣлима; это — аккордъ, въ которомъ на звукъ мгновенно тронутой струны вдругъ гармонически отозвались другія струны... Онъ не выбираетъ предметовъ, а ловитъ каждый, часто самый простой случай жизни; онъ не составляетъ мозаичныхъ картинъ и не развертываетъ цѣлаго ряда мыслей, а останавливается на одномъ поворотѣ чувства». Въ этой характеристикѣ даны главнѣйшія основныя черты поэзія Фета, котораго можно какъ угодно возносить и восхвалять, но меньше всего — какъ философа, на званіе котораго едва-ли претендовалъ и самъ Фетъ. Если г. Никольскому понадобилось приклеить Фету философскій ярлыкъ для защиты поэта отъ «глумленія» и т. п., то именно теперь Фетъ въ этомъ не нуждается. Никто надъ нимъ не глумится, скорѣе напротивъ, — его слишкомъ превозносятъ, благодаря оскуднѣнію русской поэзіи вообще. Къ Фету пора отнестись вполне объективно, оцѣнивая въ немъ то, что дѣйствительно прекрасно и что навсегда останется въ русской поэзіи образцомъ непосредственнаго вдохновенія и рѣдкой чуткости въ красотѣ, въ чемъ-бы она ни проявлялась въ данное мгновение. «Вечерніе огни», которые г. Никольскій ставитъ выше всего въ поэзіи Фета, далеко уступаютъ его «Мелодіямъ» и другимъ произведеніямъ перваго періода его творчества, въ которыхъ несравненно больше непосредственнаго чувства, свободы и искренности, чѣмъ въ «Вечернихъ огняхъ», часто темныхъ, неясныхъ и даже дѣланыхъ по неестественности пафоса. Въ нихъ мѣстами чувствуется старческая усталость, и безсиліе — найти настоящее слово для выраженія того, что волнуетъ поэта. Конечно, это справедливо лишь по сравненію съ «Мелодіями», антологическими стихотвореніями и элегіями, такъ какъ взятые сами по себѣ и «Вечерніе огни» прекрасны и могутъ служить источникомъ глубокаго и возвышеннаго наслажденія. Но все же славу Фета увѣковѣчатъ не они, а тѣ чудныя стихотворенія, въ которыхъ Фетъ, по словамъ того же Страхова, «какъ чародѣй, преобразуетъ въ чистѣйшую поэзію всевозможныя черты нашей жизни. Ночь и день и всѣ часы ночи и дня, ведро и невастье, дождь, снѣгъ, всѣ времена года и всѣ высоты солнца, мѣсяца и звѣзды, сады и степи, море и горы, — все отозвалось въ душѣ поэта; здоровье и болѣзнь, бѣднѣе и сонъ, любовь и музыка, надежды и воспоминавія, бредъ и сновидѣнія во всѣхъ ихъ степеняхъ и формахъ — словомъ, всѣ переливы нашего существованія, отъ самыхъ будничныхъ состояній до самыхъ возвышенныхъ, нашли себѣ поэтическое выраженіе».

Когда отъ Фета переходимъ къ Майкову, испытываешь нѣчто въ родѣ дунуенія холоднаго вѣтра, — такимъ холодкомъ вѣетъ отъ его строгихъ, отдѣ-

ланныхъ до послѣдней степени стиховъ, всегда законченныхъ по мысли и заключающихъ ясный, хотя почти всегда не сложный и не глубокий образъ. У Фета иногда одно небрежно обрѣненное слово раскрываетъ страшныя глубины чувства, даетъ какъ бы разгадку цѣлаго явленія, мимо котораго мы часто проходили, даже не замѣчая его. Ничего подобнаго у Майкова нѣтъ: онъ весь прозраченъ и—не глубокъ. Въ нему не примѣнимъ эпитетъ «задушевности», чего такъ много у Фета, который, между прочимъ, очень остроумно подмѣтилъ этотъ недостатокъ въ поэзіи Майкова, какъ видно изъ любопытнаго письма Фета къ Полонскому, приведеннаго въ очеркѣ г. Бородинна о «поэтическомъ творествѣ Майкова»: «Ты говоришь, что, помня наизусть мои стихи, не помнишь ни одного Майковского; я говорю то же самое по отношенію къ тебѣ. Что же касается до Майкова, то онъ несомнѣнно трудолюбивый, широко образованный и искусный русскій писатель, онъ не то, что иной нашъ братъ-самоучка, въ родѣ Кольцова—раздобылся карандашомъ да клочкомъ бумаги, и ну рисовать. Нѣтъ, студія Майкова снабжена всевозможными матеріалами и приспособленіями. Это скорѣе оптовый магазинъ, чѣмъ переносная лавочка, но въ этомъ магазинѣ не найдешь той бархатной наливки, какою подчасъ угоститъ русская хозяйка не претендующая ни на какія отличія. Если музѣ слѣдуетъ титуловать, такъ нашимъ слѣдуетъ писать: ваше благородіе, а майковскую надо титуловать—ваше высокостепенство». Эта «высокостепенность» Майкова отразилась въ блестящей отдѣлкѣ его стиховъ, не знающей равной себѣ, и въ холодной логичности ихъ содержанія. Въ одномъ стихотвореніи «Двойникъ» онъ рисуетъ своего двойника, и эту характеристику цѣлкомъ можно примѣнить къ его музѣ: «безъ сердца, безъ страсти и съ вѣчно-холодной логической рѣчью». Въ Майковѣ художникъ всецѣло побѣдилъ человѣка, и все, что онъ видитъ или переживаетъ самъ, ему интересно лишь какъ объектъ для искусства. Рисуетъ ли онъ родной пейзажъ, или римскую Кампанію, онъ равно спокоенъ, объективенъ и язащень, а его стихи такъ же блестящъ, выточенъ, «отчеканенъ», по опредѣленію Фета,—и также холоденъ. Въ цѣломъ томѣ его лирическихъ произведеній намъ не запомнилось ни одного страстнаго крика, рѣзкаго, гнѣвнаго движенія души, — все время образъ поэта рисуется холоднымъ, спокойнымъ и уравновѣшеннымъ. Форма слишкомъ тяготеетъ надъ Майковымъ, который и самъ признаетъ свою слабость къ формѣ, и потому «полировалъ и шлифовалъ» свои стихи до того, что отъ непосредственности вдохновенія и слѣда не оставалось.

Холодность поэзіи Майкова зависитъ, конечно, не только отъ пристрастія его къ формѣ, а лежитъ гораздо глубже, въ его натурѣ, лишенной горячаго темперамента, и въ его преобладающей надъ всѣмъ разсудочности. Онъ избралъ себѣ поэтому тотъ отдѣлъ, въ которомъ не имѣетъ себѣ равнаго,—его стихотворенія «въ антологическомъ родѣ» и «подражанія древнимъ» производятъ впечатлѣніе древнихъ мраморныхъ изваяній по недостигаемому совершенству и блеску формы. Какъ время оказалось безсильно предъ вѣчными произведеніями античной скульптуры, такъ безсильно оно и предъ этими, поистинѣ, бессмертными стихотвореніями Майкова. Древній міръ, такой далекій и чуждый намъ, привлекалъ Майкова прежде всего своей законченностью, все въ немъ представлялось ему вылитымъ въ тѣ удивительныя формы, въ какихъ онъ сохранился для грядущихъ поколѣній, которымъ нечего прибавлять къ нимъ, остается только любоваться и подражать имъ. Для двухъ лучшихъ своихъ вещей онъ взялъ сюжетъ изъ древности. Поэма «Три смерти» и трагедія «Два міра», безспорно, лучшее и наиболѣе содержательное наслѣдство, оставленное намъ Майковымъ, и въ обоихъ произведеніяхъ все та же античность, такъ приковавшая къ себѣ Майкова. И въ этихъ произведеніяхъ опять-таки блестяще и сильно изображена античность языческая, такъ какъ христіане въ «Двухъ

мірахъ» гораздо слабѣе въ художественномъ отношеніи чѣмъ Децій или Люцій и Луканъ въ «Трехъ смертяхъ». Чтобы представить древнее христіанство, надо проникнуть сердцемъ въ духъ его, недостаточно понимать его умомъ, а Майковъ былъ «великимъ язычникомъ», которому понятенъ и близокъ духъ

Олимпа грознаго влстителей священныхъ,
Всталокъ дѣвственныхъ, вакханокъ испугленныхъ,
Врадатыхъ риторовъ и консульскихъ мужей,
Толпѣ вѣщающихъ съ простертыми руками.

Впервые онъ почувствовалъ всю обаятельность этихъ образовъ и грезилъ о нихъ еще въ дни юности, о которыхъ говорить въ томъ же стихотвореніи («Послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея»):

Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взглядъ
По пыльнымъ мраморамъ потемкинскихъ палатъ.
Тамъ, въ вальцѣ царственномъ, межъ пышными столбами,
Увитыми кругомъ сребристыми листьями,
Какъ часто я стоялъ и съ думой, и безъ думъ,
И съ строгой красотой дружилъ свой юный умъ.

Съ тѣхъ поръ эта «строгая красота» стала единственнымъ его кумиромъ. И все, что имъ написано въ честь этой богини, дѣйствительно прекрасно. А христіанство, отрицавшее именно эту красоту, не вдохновило его, и насколько блестящи и художественны образы римлянъ, представителей умирающаго Рима, настолько же блѣдны, шаблонны, можно сказать трафаретны его христіане. Его Лида и Марцеллъ, при сравненіи съ тавнимъ законченнымъ и художественнымъ образомъ, какъ Децій,—безплотны и мертвы. Это схемы, а не живые люди, также какъ и остальные христіане, чего нивкакъ нельзя сказать о гетерахъ, сенаторахъ, философахъ, выведенныхъ въ сценѣ пира. Здѣсь каждое лицо живетъ, каждое—индивидуально, тогда какъ въ сценѣ въ Катакомбахъ только по ярлыкамъ отличаешь дѣйствующихъ лицъ. Язычники говорятъ у Майкова языкомъ истинно классическимъ по силѣ выраженія, сжатости, образности и внутренней энергіи, а христіане—чуть ли не прописной моралью отвѣчаютъ на глубокія и чудныя по красотѣ рѣчи Деція. «Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы», замѣчаетъ о нихъ послѣдній,—эти слова можно примѣнить къ самому Майкову, для котораго катакомбы тоже были нѣмы, по крайней мѣрѣ, не вдохновили его такъ, какъ форумъ и Капитолій. Вдохновленный красотой величавыхъ преданій, связанныхъ съ античной культурой, Майковъ оживляетъ представителей этой культуры, облакая ихъ въ такіе чудные образы, что всѣ симпатіи наши на ихъ сторонѣ, когда, напр., Люцій говоритъ въ «Трехъ смертяхъ»:

Бываютъ точно времена
Совѣмъ особеннаго свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но жизнь понявъ, остаться жить—
Клянусь, не малое геройство!

Этотъ героическій духъ вызываетъ невольное волненіе въ читателѣ и восхищеніе поэтомъ, такъ глубоко постигшимъ лучшія стороны античности. А вотъ для сравненія одно изъ особо важныхъ мѣстъ въ рѣчи христіанина Марцелла въ «Двухъ мірахъ», обращенной къ собравшимся въ катакомбахъ христіанамъ, чтобы выслушать эдиктъ Нерона о преслѣдованіи. Кажется, моментъ достаточно сильный и возвышенный, и какъ слабо выраженъ онъ у поэта:

Зоветь
Насъ нынѣ Богъ на преставленье
Его любви, Его щедротъ,
И на свидѣтельство предъ міромъ,
Что онъ есть духъ, и Онъ одинъ
Земли и неба властелинъ,
Что честь ему, а не кумирамъ,
Кумиръ же, чей бы ни былъ онъ,
Рукою смертной сотворенъ.
Идемъ предъ кесаря. Поставленъ
Отъ Бога—онъ царемъ племенъ.

Во всемъ, чѣмъ можетъ быть прославленъ
Онъ на землѣ и вознесенъ—
Побѣдой надъ неправдой, славой
Въ защитѣ сирыхъ, торжествомъ
Хотя-бъ меча и мёды кровавой
Надъ буйной силой, надъ врагомъ
Ему повѣреннаго царства,—
Служить ему намъ Богъ судить
Всѣмъ сердцемъ, до послѣднихъ силъ,
Безъ лжи, безъ всякаго коварства,—и т. д.

Словомъ, настоящая проповѣдь на текстъ «иѣсть власть, аще не отъ Бога». Но гдѣ же здѣсь поэзія, гдѣ вдохновеніе, которымъ долженъ пламенѣть Марцелль, возбуждающій христіанъ на казнь и муки?

И такъ вездѣ, какъ только Майковъ удаляется отъ античности, отъ «строгой красоты» ея, его покидаетъ духъ поэзіи, и онъ впадаетъ въ реторику. Таковы его всѣ патристическія произведенія, историческія и религіозныя. Въ нихъ онъ «искусный русскій писатель», даже слишкомъ искусный, такъ какъ въ гландахъ вылощенныхъ стихахъ пишетъ передовицы на заданную тему. Это особенно замѣтно въ его произведеніяхъ послѣдняго двадцатипятилѣтія, когда онъ выступаетъ какъ почти officialный бардъ, звономъ лиры привѣтствующій разнообразныя торжества. Таковы эти «Отзывы исторіи», «Юбилей», и проч. Даже родина мало занимаетъ его, и если исключить нѣсколько всѣмъ известныхъ по хрестоматіямъ стихотвореній, посвященныхъ роднымъ пейзажамъ, да, пожалуй, «Рыбную ловлю», то въ четырехъ компактныхъ томахъ его стихотвореній не найдется ничего «родного». Въ этомъ отношеніи Майковъ представляетъ любопытный примѣръ поэта, который уединился душой отъ окружающаго міра и ушелъ всецѣло въ міръ отдаленный и чуждый для всѣхъ, кромѣ него. Въ мірѣ античности онъ свой человѣкъ, ему все говоритъ здѣсь на родномъ языкѣ, вызывающемъ откликъ въ сердцѣ. Окружающую живую дѣйствительность онъ понимаетъ только умомъ, но не воспринимаетъ сердцемъ. Онъ сознательно, по здоровомъ размысленіи беретъ изъ нея ту сторону, которая ему представляется болѣе разумной, здѣсь онъ трезвенный, расчетливый человѣкъ, и какъ «искусный русскій писатель», пользуется своимъ даромъ стихотворца, какъ опытный чиновникъ пользуется своимъ умѣньемъ писать хорошо требуемыя въ данную минуту бумаги. Но поэтъ Майковъ стоитъ въ сторонѣ отъ этой работы дня, ревниво оберегая тотъ чудный уголокъ, который населенъ въ его воображеніи не меркнущими образами древней Эллады и Рима.

Вотъ почему Майковъ—поэтъ для немногихъ избранныхъ, раздѣляющихъ съ нимъ его вкусъ и чувствъ къ его господствующему настроенію. Онъ все дальше и дальше уходитъ отъ насъ въ ряды классическихъ авторовъ, весьма чтимыхъ, но мало читаемыхъ. Въ то время какъ Фетъ становится современному читателю все болѣе близкимъ, расширяетъ свое вліяніе и увлекаетъ все больше интимностью, свѣжестью и разнообразіемъ своего настроенія,—Майковъ все больше и больше каменѣетъ, какъ бы превращаясь въ одну изъ тѣхъ великолѣпныхъ статуй, что еще въ дѣтствѣ неотразимо приковывали къ себѣ его вниманіе, когда онъ бродилъ по заламъ потемнѣвшихъ палатъ, гдѣ

Антики пыльные живыми мнѣ казались,
Какъ будто бы и мысль, и чувство въ нихъ скрывались...

А декадентская муза не унываетъ и, несмотря на общее къ ней пренебреженіе, продолжаетъ на страницахъ «Міра Искусства» удивлять міръ новыми и новыми потѣшными образчиками своего творчества. Послѣдній номеръ въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ. Здѣсь собрались вкупѣ всѣ представители «новаго» искусства, всѣ офиціозные жрецы «новой красоты». Во главѣ ихъ идетъ «самъ» г. Мерешковскій, сей неустрашимый архистратигъ декадентскаго воинства, подъявшій свое копіе необорное на антихриста, и поучаетъ вѣрныхъ:

Не плачь о невемной отчизнѣ,
И помни—болѣе того,
Что есть въ твоей мгновенной жизни,
Не будетъ въ смерти ничего...

И далѣе заканчиваетъ:

Ты самъ—свой Богъ, ты самъ—свой ближній.
О, будь же собственнымъ Творцомъ,
Будь бездной верхней, бездной нижней,
Своимъ началомъ и концомъ.

Можетъ быть, кому-нибудь это покажется не совсемъ христіанскимъ, но не слѣдуетъ забывать, что г. Мережковскій—нынѣ архистратигъ, а потому и позволяетъ себѣ нѣкое кокетство съ «бездной верхней, бездной нижней», какъ въ другомъ стихотвореніи, страницей выше, онъ обращается съ Богомъ совсемъ за панибрата:

Душа моя и Ты, съ Тобой одни мы оба,
Всегда лицомъ къ лицу, о мой послѣдній Врагъ.
Къ Тебѣ мой каждый вздохъ, къ Тебѣ мой каждый шагъ.
Въ мгновенномъ блескѣ дня и въ вѣчной тайнѣ гроба,
И въ буйномъ ропотѣ Тебя за жизньъ кляня,
Я все же знаю—Ты и я одно и то же.

Вдохновенный, должно быть, такимъ настроеніемъ г. Мережковского, вошесть за нимъ г. Соллогубъ:

Быть съ людьми—какое бремя!
О, зачѣмъ же надо съ ними жить!
Отчего нельзя все время
ары дѣять, тихо ворожить...

Разстроенный такимъ «бытіемъ» и невозможностью все время «чары дѣять, тихо ворожить», злополучный г. Соллогубъ начинаетъ «тихо бредить»:

Мой ландышъ бѣдный вянетъ,
Но его смерть не больная.
Его ничто не обманетъ,
Потому что онъ хочетъ, не зная,—
И чего хочетъ, то будетъ.
Чего не будетъ, не надо.
Ничто его не принудитъ,
И увяданье ему отрада.
Единая Воля повсюду,
И къ чему мои размышленья!
Надо повѣрять чуду
Единого въ мірѣ хотѣнья.

Отказавшись отъ размышленія, г. Соллогубъ, тѣмъ не менѣе, не безъ претензій, заявляетъ на слѣдующей страницѣ, что «гдѣ сознаныю возникнуть, тамъ—я». Обращаетъ на себя вниманіе въ этихъ произведеніяхъ новой музы отсутствіе размѣра, то, что прежде нѣмцы называли «Knetelverse», или—дубовыми стихами. Такими же стихами пишетъ и г-жа Гипсіусъ, замѣнивъ стихъ тоническій—стихомъ безъ размѣра:

Тебя привѣтствую, мое пораженіе,
Тебя и побѣду я люблю равно;
На днѣ моей гордости—лежить смиреніе,
И радость, и боль—всегда одно.

Эта новая безформенная форма больше всего подходитъ къ принципу декадентства—никакихъ ограниченій для моего «я», которое каждый изъ поэтовъ этого направленія воспѣваетъ на всѣ лады. Вездѣ фигурируетъ это «я» во всѣхъ видахъ и положеніяхъ. Пальму первенства въ этомъ отношеніи отбилъ у г-жи Гипсіусъ и другіяхъ г. Бальмонтъ, который, ни мало не смущаясь, рекомендуетъ себя такъ:

Я—изысканность русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты—предтечи;
Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.

Я—внезапный изломъ,
Я—играющій громъ,
Я—прозрачный ручей,
Я—для всѣхъ и ни чей.

Переписекъ многоцѣнный, разорванно-слитный,
Драгоценные камни земли самобытной,
Переключки лѣсные зеленого мая,
Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.

Вѣчно-юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ
И въ себя, и въ другихъ,
Я—изысканный стезь.

Свойственное г. Бальмонту «щегольство» и «необычайная развязность», по мѣткому опредѣленію г. Андреевскаго, достигли, кажется, предѣла, дальше котораго едва ли смогутъ подняться и самъ г. Бальмонтъ, не смотря на все свое «рѣзвое глубокомысліе» и безграничное шутство.

Вся эта стихотворная чепуха, стихотворческое бѣснованіе и стихоплетная графоманія, дѣйствительно, могли внушить г. Андреевскому отчаянную мысль, что «шалунья» рима выродилась на землѣ и улетѣла навсегда въ заоблачный Парнасъ. На эту тему г. Андреевскій прочелъ лекцію въ пользу литературнаго фонда (давшую, увы!—рубль чистаго убытка) и затѣмъ помѣстилъ какъ статью въ томъ же «Мірѣ Искусства». Въ ней онъ силится доказать, что старая «метрическая лирика» отжила свое время, но «поэзія не омертвѣла». Только «прежняя лирика атрофировалась, обратилась въ рудиментарный отростокъ». Его доказательства сводятся къ двумъ положеніямъ: отсутствію большихъ поэтовъ за послѣднюю четверть вѣка и неудачности новыхъ попытокъ выразить современныя настроенія въ стихотворной формѣ. И то, и другое несомнѣнно справедливо, но отсюда еще далеко до «вырожденія рими» вообще. Разъ поэзія, по его словамъ, «болѣе чѣмъ когда-либо снова вступаетъ въ свои права», то и форму, подходящую для себя, она найдетъ, отнюдь не отказываясь отъ метра и рими, какъ не отреклись отъ нихъ всѣ до сего бывшіе поэты, которые въ своихъ произведеніяхъ отражали измѣненія въ поэтическихъ настроеніяхъ и направленіяхъ. Каждый изъ нихъ совершенствовалъ старыя формы, сохраняя отъ старыхъ то, что въ нихъ было хорошаго и вѣчнаго, и прибавляя нѣчто новое, свое. Конечно, дубовыя вирши, образчики которыхъ приведены выше, не замѣнять пушкинскаго ямба, и не офанціознымъ поэтамъ изъ «Міра Искусства» создать это новое. У нихъ нѣтъ ни таланта, ни содержанія, нѣтъ оригинальности прежде всего, а оригинальничаніе и кривляніе убили и то, что, быть можетъ, было въ каждомъ изъ нихъ въ зародышѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, случилось съ гг. Минскимъ и Мережковскимъ. Но не на нихъ вѣдь кончается свѣтъ. Они—давно уже умершіе; но мы въ правѣ ожидать, что долженъ прийти настоящій поэтъ, великій и новый, который дастъ міру,—не «Міру Искусства», сколько бы его ни субсидировали,—образцы новаго творчества, оригинальнаго по формѣ и содержанію, который выразитъ «тайны» современнаго поколѣнія, пойметъ его «слезы и муки» и выльетъ ихъ, по слову Фета, въ творенія,

Гдѣ слово нѣмѣетъ, гдѣ царствуютъ звуки,
Гдѣ слышишь не пѣсню, а душу пѣвца,
Гдѣ духъ покидаетъ ненужное тѣло,
Гдѣ внемлешь, что радость не знаетъ предѣла,
Гдѣ вѣршишь, что счастьемъ не будетъ конца...

А. Б.

Опечатка. Въ статьѣ на «Разныя темы», іюнь, отд. II, стр. 12, въ первой строкѣ снизу *примѣчанія* напечатано: «англійскаго экономиста»; слѣдуетъ читать: «англійскаго позитивиста».

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ. Интересныя свѣдѣнія о дѣятельности гр. Л. Н. Толстого, занимавшаго въ 1861—1862 гг. должность мирового посредника, сообщаетъ въ «Недѣлѣ» г. Д. У. Л. Н. Толстой горячо отстаивавъ интересы только что освобожденныхъ крестьянъ.

При этомъ Толстой всегда дѣйствовалъ самостоятельно и прямо, не обращая вниманія на то, что онъ своими распоряженіями можетъ возбудить противъ себя недовольство помѣщиковъ.

Постановляя рѣшеніе по какому-либо дѣлу не въ пользу помѣщика или помѣщицы, Толстой не любилъ оправдываться предъ ними или вообще входить съ ними въ какія-либо разсужденія.

— Если вамъ не нравится мое рѣшеніе, — обыкновенно заявлялъ Толстой недовольной сторонѣ, — то вы имѣете право жаловаться въ мировой съѣздъ и въ губернское присутствіе, а же по этому предмету объясняться не буду.

Когда помѣщикъ или помѣщица начинали волноваться и старались сказать съ своей стороны что-нибудь обидное Толстому, послѣдній спокойно отвѣчалъ:

— Всѣ лица, имѣющія дѣло съ мировымъ посредникомъ, обязаны ему уваженіемъ, а потому не должны ни говорить въ его присутствіи неприличныхъ вещей, ни писать ему по дѣламъ неприличныхъ писемъ. Въ противномъ случаѣ виновные подвергаются штрафу.

Какой-то помѣщикъ обратился къ Толстому съ просьбой не утверждать одного крестьянина въ должности волостного старшины. Въ отвѣтъ на эту просьбу Толстой писалъ: «До назначенія и смѣны волостного старшины помѣщикамъ нѣтъ никакого дѣла».

Конечно, симпатіи Толстого къ крестьянамъ были крайне непріятны для помѣщиковъ. Помѣщики заявили, что Толстой бросилъ между крестьянами и помѣщиками «сѣмя раздора» и окончательно разрушилъ «патріархальныя» отношенія между ними; что онъ производитъ волненіе среди крестьянъ, которые допускаютъ массу незаконныхъ дѣйствій по его внушенію и приказанію; будто бы и должностныя лица крестьянскаго управленія, съ цѣлью пріобрѣсти благоволеніе Толстого, не исполняютъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ, и поэтому въ деревнѣ воцаряется совершенное безначаліе и развитіе беспорядковъ въ видѣ воровства, своеволія и т. п.

По какому-то имѣнію въ участіе Толстого возникъ вопросъ о перенесеніи крестьянскихъ усадебъ, Толстой защищалъ интересы крестьянъ, но прочіе члены мирового съѣзда держали сторону помѣщика. Къ определенному соглашенію Толстой и прочіе члены съѣзда не пришли, и потому окончательнаго по дѣлу постановленія, по словамъ самого Толстого, не состоялось. Между тѣмъ, черезъ

въ которое время въ мѣнѣ является становой приставъ для приведенія въ исполненіе рѣшенія, состоявшагося, будто бы, именно въ то засѣданіе. Въ слѣдующее затѣмъ засѣданіе Толстой потребовалъ по этому поводу объясненій отъ съѣзда. Предсѣдатель и другіе мировые посредники стали напоминать о бывшихъ по дѣлу разсужденіяхъ и утверждали, что это рѣшеніе постановлено въ его же присутствіи. Толстой ушелъ изъ засѣданія, не подписавъ постановленій съѣзда; кромѣ того, онъ подалъ подробный докладъ по этому дѣлу губернскому начальству и просилъ, чтобы въ засѣданія крапивненскаго съѣзда назначали особаго чиновника отъ правительства, который слѣдилъ-бы за порядкомъ дѣйствій членовъ съѣзда. Съѣздъ же, въ свою очередь, просилъ, чтобы губернское начальство обязало Толстого не оставлять засѣданій, не подписавъ состоявшихся постановленій.

Гр. Л. Н. Толстой недолго оставался мировымъ посредникомъ. 26-го мая 1862 года указомъ Сената опредѣлено: артиллерию поручика графа Льва Толстого по болѣзни уволить отъ предоставленной ему, по утвержденію Правительствующаго Сената, должности мирового посредника Крапивненскаго уѣзда.

Общество взаимопомощи рабочихъ въ Москвѣ. Въ Москвѣ возникаетъ Общество взаимопомощи лицъ, занимающихся въ механическомъ производствѣ. Проектъ устава этого Общества, выработанный группою рабочихъ-учредителей подъ руководствомъ прив.-доц. И. Х. Озерова и В. В. Дена, представленъ былъ мѣстной власти, со стороны которой встрѣтилъ полное одобреніе, послѣ чего былъ отправленъ на утвержденіе въ С.-Петербургъ. Въ настоящее время учредители Общества получили разрѣшеніе на устройство, въ теченіе нынѣшняго лѣта, совѣщательныхъ собраній для дальнѣйшаго ознакомленія съ разными сторонами предстоящаго имъ дѣла, подъ руководствомъ компетентныхъ лицъ, и вотъ какія свѣдѣнія о двухъ такихъ совѣщаніяхъ сообщаетъ московскій корреспондентъ «Торгово-Промышл. Газеты»: 27-го мая состоялось въ аудиторіи чайной Общества содѣйствія устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій, первое такое собраніе, на которомъ приглашенный рабочими А. Э. Вормсъ бесѣдовалъ съ ними по поводу содержанія посланнаго на утвержденіе устава перваго у насъ Общества взаимопомощи. Выяснивъ главную идею, положенную въ основу Общества и заключающуюся во взаимномъ страхованіи его членовъ путемъ образованія изъ ежемѣсячныхъ взносовъ извѣстной суммы для выдачи изъ нея пособія въ случаѣ болѣзни, смерти или безработицы, г. Вормсъ изложилъ въ краткихъ чертахъ историческое происхожденіе подобной идеи на Западѣ и главнымъ образомъ въ Англій, гдѣ она примѣняется на практикѣ уже двѣсти лѣтъ, соотвѣтственно сравнительно болѣе раннему развитію въ этой странѣ обрабатывающей промышленности, вызывающей образованіе необеспеченнаго землемъ рабочаго класса. Въ Германіи, гдѣ та же идея примѣняется уже въ теченіе 60-ти лѣтъ, она вылилась въ формѣ государственнаго страхованія, которое, собирая съ рабочихъ всякихъ профессій обязательные взносы, выполняетъ тѣ же функціи, кромѣ, впрочемъ, одной—возна格拉женія на случай безработицы. Отсутствіе этой послѣдней функціи объясняется, впрочемъ, невозможностью опредѣлить въ каждомъ частномъ случаѣ причину, по которой человекъ остался безъ работы, а также по отсутствію средствъ. По мнѣнію г. Вормса, Московское Общество взаимопомощи, уставъ котораго предусматриваетъ возможность вознагражденія членовъ, оставшихся также и безъ работы, находится въ особенно благоприятномъ положеніи, такъ какъ оно, объединяя лицъ одной и той же профессіи, даетъ имъ полную возможность выяснить въ каждомъ частномъ случаѣ истинную причину этого несчастія. То же единство профессіи создаетъ, кромѣ того, и другія важныя преимущества для будущей дѣятельности Общества. Такъ, одной изъ чрезвычайно трудныхъ его задачъ явится неизбѣж-

ная необходимость составленія точныхъ статистическихъ таблицъ о количествѣ несчастныхъ случаевъ всякаго рода съ членами Общества, о количествѣ смертей въ ихъ средѣ и т. д. Воснувшись далѣе значенія Обществъ взаимопомощи, г. Вормсъ указалъ, что при полномъ и удачномъ развитіи ихъ дѣль, подобныя организаціи вліяютъ, во-первыхъ, на повышение заработной платы, такъ какъ даютъ возможность рабочему человѣку не спѣшить съ предложеніемъ своихъ рукъ (въ этомъ отношеніи иногда могутъ имѣть большое значеніе даже два—три дня); во-вторыхъ, тѣ же Общества содѣйствуютъ и уменьшенію числа самыхъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими отъ неосторожнаго обращенія съ машинами. Объясняется подобный результатъ тѣмъ, что, замѣчая какую-либо опасную для жизни и здоровья деталь въ устройствѣ машинъ, рабочіе, если они состоятъ членами Общества, настойчиво укажутъ своему хозяину на необходимость огражденія опаснаго мѣста предохранительными приспособленіями, или же внимательно предупредятъ неопытнаго сотоварища объ ожидающей его опасности и научатъ его быть осторожнымъ. Сдѣлаютъ такъ они потому, что въ противномъ случаѣ расплачиваться за послѣдствія несчастія придется кассѣ ихъ же Общества.

Второе совѣщаніе рабочихъ механическаго производства, собравшихся въ воскресенье, 3-го іюня, въ количествѣ болѣе 100 человѣкъ, было посвящено бесѣдѣ о потребительныхъ Обществахъ, которую велъ по приглашенію рабочихъ секретарь бюро московскаго союза потребительныхъ Обществъ, В. И. Анофріевъ. Въ своей бесѣдѣ онъ остановился прежде всего на выясненіи тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ къ жизни подобныя Общества и затѣмъ разсказалъ поучительную исторію инициаторовъ потребительныхъ Обществъ роудельскихъ рабочихъ (въ Англіи) и дальнѣйшаго блестящаго развитія этого дѣла какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ Запада. Переходя къ Россіи, г. Анофріевъ отмѣтилъ значительное развитіе подобныхъ Обществъ со времени утвержденія правительствомъ нормальнаго ихъ устава (13-го мая 1897 г.) и затѣмъ подробнѣе остановился на условіяхъ, способствующихъ успѣху потребительскихъ начинаній. Въ концѣ бесѣды лекторъ познакомилъ слушателей съ главными принципами, положенными въ основу нормальнаго устава и въ заключеніе предложилъ слушателямъ избрать изъ своей среды небольшую комиссію для предварительнаго изученія слѣдующихъ вопросовъ: 1) слѣдуетъ ли рабочимъ открыть одно центральное Общество для всей Москвы, или же удобнѣе открыть цѣлый рядъ подобныхъ Обществъ по разнымъ фабричнымъ районамъ столицы; 2) въ какихъ именно продуктахъ нуждаются болѣе всего рабочіе механическаго производства; 3) съ какимъ капиталомъ возможно было бы приступить къ открытію дѣйствіи Общества; 4) какого размѣра долженъ быть паевой взносъ членовъ, а также и вступная плата. Свои заключенія по всѣмъ этимъ вопросамъ комиссіа должна будетъ затѣмъ представить собранію въ одно изъ воскресеній и тогда уже можетъ послѣдовать обсужденіе самаго вопроса о возможности открытія Общества потребителей.

Вторая половина совѣщанія была посвящена обсужденію двухъ интересныхъ вопросовъ, касающихся явленій внутренней жизни рабочихъ механическаго производства и возбужденныхъ по инициативѣ нѣкоторыхъ изъ рабочихъ. Прежде всего поставленъ былъ вопросъ о такъ называемыхъ «вспрыскахъ» новичковъ. Дѣло въ томъ, что согласно укоренившемуся въ рабочей средѣ обычаю, каждый вновь принятый въ мастерскую новичекъ-рабочій вынуждается товарищами затратить отъ двухъ до трехъ рублей на угошеніе ихъ водкой. Отрицательная сторона этого, по выраженію нѣкоторыхъ ораторовъ, «позорнаго» обычая, заключается, во-1-хъ, въ томъ, что новичекъ чаще всего до полученія мѣста пробылъ безъ мѣста болѣе или менѣе долгое время и потому, не имѣя денегъ, долженъ въ подобныхъ случаяхъ прибѣгать къ невыгодному для себя займу;

во-2-хъ, пробывъ недѣлю или двѣ въ мастерской, онъ можетъ быть хозяиномъ уволенъ, какъ не подходящій работникъ и затѣмъ, поступая на новое мѣсто, долженъ снова тратиться на тѣ же «вспрыски»; въ-3-хъ, къ подобнымъ непроизводительнымъ и тяжелымъ затратамъ привлекаются безъ разбору также и люди, обремененные семьями, что является особенно возмутительнымъ, и наконецъ, въ-4-хъ, выпивая стаканъ вина по случаю «вспрысковъ» новичка, старые рабочіе нерѣдко кстати продолжаютъ выпивать и на свои собственные деньги. Во время преній выяснилось, что обычай этотъ начинается уже исчезать понемногу изъ нѣкоторыхъ мастерскихъ; по выраженію одного изъ говорившихъ, причину его слѣдуетъ искать въ «низкомъ уровнѣ нравственнаго и умственнаго развитія рабочей среды». Предложеніе, сдѣланное однимъ изъ рабочихъ о томъ, чтобы, не пропивая 2—3 рублей, высканнхъ съ новичковъ, класть эти деньги въ особую кружку, ключъ отъ которой поручать выборному старостѣ, и выдавать затѣмъ наиболѣе нуждающимся изъ товарищей (хотя въ видѣ беспроцентной ссуды) и чтобы самое высканіе денегъ происходило лишь послѣ первой получки заработка — собраніемъ было единогласно отвергнуто. Принимая затѣмъ во вниманіе, что никакихъ официальныхъ мѣръ со стороны администраціи мастерскихъ, фабричной инспекціи или полицейской власти противъ этого обычая, какъ такового, не можетъ быть принято, собраніе единогласно постановило: въ настоящемъ своемъ составѣ на будущее время никакого личнаго участія въ несправедливомъ обычаѣ «спрысковъ» не принимать, брать подъ свою защиту новичковъ, не соглашающихся платить вспрыски, и кромѣ того — дѣятельно пропагандировать среди товарищей мысль о вредѣ, несправедливости и позорности названнаго обычая.

Второй вопросъ касался другого обычая, но уже не зависящаго ось воли самихъ рабочихъ, а издавна установившагося на фабрикахъ и заводахъ. Это — обыски рабочихъ при выходѣ ихъ изъ предѣловъ заведенія по окончаніи работы. Судя по высказаннымъ многими изъ участниковъ совѣщанія замѣчаніямъ подобные обыски признаются глубоко унижающими честь и достоинство рабочихъ, которыхъ всѣхъ поголовно какъ бы признають ворами. Во время оживленныхъ преній по настоящему вопросу указывалось, что обыски прежде всего практикуются только надъ рабочими (но имъ не подвергаются служащіе), что на дѣлѣ они обыкновенно ни къ чему не ведутъ, такъ какъ наиболѣе крупныя кражи совершаются на фабрикахъ иными путями (напримѣръ, черезъ заборы и по большей части при помощи тѣхъ сторожей, которые обыски производятъ), что кражи совершаются нерѣдко самими же служащими, причѣмъ подозрѣніе падаетъ всегда на рабочихъ, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ обычай этотъ уже отмѣненъ. Была высказана также и мысль о необходимости собрать статистическія данныя о числѣ кражъ и ихъ характерѣ, а также о матеріальномъ положеніи лицъ, изобличенныхъ уже въ этомъ преступленіи; подобныя данныя могли бы быть съ наибольшимъ удобствомъ собраны, напримѣръ, фабричными инспекторами.

Члены настоящихъ совѣщаній, несмотря на нѣкоторую тѣсноту помѣщенія и происходящую отъ того духоту, сохраняютъ образцовый порядокъ, терпѣливо выслушиваютъ своихъ ораторовъ-сотоварищей, собирающихся сюда изъ разнообразныхъ районовъ Москвы и съ напряженнымъ и серьезнымъ вниманіемъ относятся къ обсуждаемымъ вопросамъ.

Перерожденіе артели. Въ то время, какъ, при энергичномъ содѣйствіи «артельныхъ дѣлъ мастера» Н. В. Левитскаго, нашъ югъ покрывается сѣтью новыхъ артелей, прежнія либо совсѣмъ погибаютъ, либо превращаются въ учрежденія, ничего общаго съ идеальнымъ типомъ артели не имѣющія. Такъ

случилось въ послѣднее время, по словамъ «Южнаго Обзорнія», съ артелями, насаженными въ г. Николаевѣ. Большинство изъ нихъ, около десяти, лишеныя живительной силы общественнаго сочувствія и содѣйствія, совершенно завяли, и прахъ ихъ вѣтеръ развѣялъ, а тѣ, что остались въ живыхъ и прочно принялись, переродились въ синдикаты, задавшіеся цѣлью давить всякаго мастера однороднаго съ ними ремесла; въ особенности же объявили войну другимъ артелямъ той же отрасли производства. Я коснусь на этотъ разъ, писать корреспондентъ названной газеты, одного лишь такого синдиката заготовщиковъ, сплотившихся, подъ видомъ артельщиковъ. Уже одинъ павовой взносъ членовъ этой якобы артели въ 200 руб. даже недальновидному человеку говоритъ ясно, что тутъ не артелью пахнетъ: гдѣ же въ самомъ дѣлѣ видано у насъ, чтобы рабочіе могли вносить по 200 руб., гдѣ у нихъ взялись такія деньги? Соединилось ихъ 8 челов. съ капиталомъ въ 1.600 руб., но они могли бы собрать среди себя же капиталъ вдвое и втрое больше, если бы не боялись, что тогда ихъ и люди довѣрчивые сразу разберутъ. А недовѣрчивые, какъ, напр., гг. Ш. и Р., давшіе первый толчокъ зарожденію у насъ артелей, раскусили ихъ съ первыхъ словъ и въ содѣйствіи своемъ подобной артели отказали, не то что Н. В. Левитскій, пріѣхавшій сюда на моментъ.

Подкуленный полный благополучіемъ этой якобы артели—огромнымъ числомъ машинъ и кипѣвшей тамъ работой, а главное—бѣлыми фартухами на заправилкахъ и названіемъ «артель», Н. В. Левитскій поспѣшилъ санкціонировать эту артель въ николаевскую семью артелей, а попечителя ихъ, котораго тоже подобрали себѣ по масти, ввелъ въ попечительный совѣтъ однимъ изъ членовъ этого совѣта. Не успѣлъ еще Н. В. Левитскій уѣхать, какъ артель синдикатъ проявила свои синдикатскіе когти: мальчики эксплуатировались самымъ безцеремоннымъ образомъ и вдобавокъ получали, какъ выразился сынъ одного изъ сочленовъ синдиката, довольно «мягкія» пощечины, такъ какъ онѣ наносились пухлой рукой одного изъ членовъ синдиката. Съ момента отъѣзда Н. В. Левитскаго началась борьба артели-синдиката съ 2-ой дѣйствительной артелью заготовщиковъ, не имѣвшей, къ несчастью, ни одного дипломированнаго сочлена, хотя въ составъ ея вошли лучшіе знатоки этого мастерства. Чтобы избавиться отъ преслѣдованій ремесленной управы, науськиваемой 1-ой артелью-синдикатомъ, лучшей во 2-ой артели мастеръ, въ то же время лучшей почти знатокъ этого дѣла во всемъ городѣ, рѣшилъ подвергнуться экзамену на званіе мастера, дабы этимъ избавиться 2-ую артель отъ преслѣдованій ремесленной управы. Но не тутъ то было: оказалось, что одного знанія ремесла недостаточно для полученія аттестата, а требуется еще благоволеніе заправилъ ремесленныхъ управъ, которое важнѣе еще всякаго знанія. Несчастнаго подмастерья Н—ва стали жать и всячески прижимать,—заставили его принести въ управу ремесленную, гдѣ производился экзамень, весь необходимый инструментъ, начиная съ машины и кончая мраморнымъ камнемъ, заставили кучить самый дорогой матеріалъ *шахро*, который не всегда и въ магазинахъ у насъ найдешь, а ботинокъ изъ этого матеріала въ Николаевѣ врядъ ли кому и видѣть приводилось, такъ какъ обувь эта обходится крайне дорого и имѣеть сбытъ равнѣ въ богатѣйшихъ центрахъ. Но это дѣлалось лишь съ цѣлью ввести въ большіе расходы и увеличить *шанси порчи*: товаръ этотъ такой нѣжный что малѣйшая случайность, чуть-чуть сильное приколачиваніе, и все дѣло испорчено. Экспертами въ данномъ случаѣ избраны были члены 1-ой артели-синдиката и заклятые враги второй артели, къ которой принадлежалъ экзаменовавшійся Н—овъ. Послѣдній не могъ не предвидѣть пристрастія со стороны первыхъ, а потому просилъ ремесленнаго старшину о назначеніи ему другихъ экспертовъ. Тутъ «ремесленная власть» поспѣялась надъ наивностью Н—ва и совершенно добродушно открыла передъ нимъ свои карты, заявивъ: «да зачѣмъ

вамъ себѣ голову морочить, васъ, все равно, не признаютъ мастерами, пойдите лучше работать въ первую артель заготовщиковъ».

Но Н—овъ все еще полагалъ, что можно отстаивать свое право въ нашихъ сгнившихъ, прокисшихъ ремесленныхъ управахъ. Онъ проситъ о назначеніи другихъ экспертовъ и ему назначаютъ опять таки членовъ синдиката. Долго боролся со всякими невзгодами Н—овъ, отстаивая интересы 2-ой дѣйствительной артели заготовщиковъ, но, не встрѣчая ни откуда поддержки слабыми своимъ силами, палъ подъ тяжестью этихъ нравственныхъ мукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ распалась и артель. Возникаетъ передъ членами 2 ой артели заготовщиковъ вопросъ: куда дѣться? Отвѣтъ одинъ—пойти съ повинной къ синдикату. Последній милостиво беретъ ихъ въ число своихъ членовъ, на правахъ полученовъ съ восьмушкой, безъ права участія въ прибыляхъ и убыткахъ, какъ это занесено въ одинъ изъ синдикатскихъ протоколовъ, за № 10 отъ 12-го мая; этимъ хитросплетеніемъ получена съ восьмушкой безъ участія въ прибыляхъ и убыткахъ синдикатъ добился затаенныхъ своихъ цѣлей: заполучить трудъ работниковъ дешевле, чѣмъ они его имѣли до образованія синдиката. А мальчишья? каково положеніе мальчишковъ въ этомъ синдикатѣ? Достаточно сказать, что тѣ изъ нихъ, которымъ 2-ая артель платила по 3 руб. въ мѣсяцъ, сознавая, что эта оплата все-же ниже ими заслуживаемой, приняты въ синдикатъ якобы на пробу и лишены всякой платы.

Нѣ характеристикѣ «Губернскихъ Вѣдомостей». Въ виду того, что вопросъ о преобразованіи «Губернскихъ Вѣдомостей» поставленъ на ближайшую очередь, интересъ къ органамъ прессы этого типа въ послѣднее время особенно оживился. И вотъ какую любопытную характеристику «Курскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» даютъ С.-Петербургскія Вѣдомости. Послѣ того, какъ прекратилъ свое существованіе «Курскій Листокъ» вслѣдствіе придиорокъ къ издателю, остались «Курскія Губерн. Вѣдом.» — маленькая и ничтожная газетка, имѣющая всего нѣсколько сотенъ подписчиковъ, добытыхъ полицейскими мѣтропріятіями и редактируемая фельдшеромъ-массажистомъ, не написавшимъ за два года редактированія ни одной строчки для печати.

Подписчики на «Вѣдомости» добываются довольно страннымъ путемъ. Исправникамъ посылаются циркулярныя посланія «собрать подписчиковъ» въ уѣздѣ въ возможно большемъ количествѣ. Но такъ какъ обыватель, обыкновенно, очень туго поддается увѣщанію о подпискѣ на «Курскія Губернскія Вѣдомости» и исправникамъ приходится мало «давать подписчиковъ», то затѣмъ препровождаются новыя циркулярныя посланія съ требованіемъ разъяснить обывателю, что «Курскія Губернскія Вѣдомости» теперь издаются хорошо и что газета эта очень интересна, а по сему, въ интересахъ же обывателя, побудить его подписаться на вышеупомянутую газету. Для поощренія въ этомъ отношеніи однихъ исправниковъ и въ назиданіе другимъ ежемѣсячно печатаются и рассылаются вѣдомости о числѣ подписчиковъ въ уѣздѣ, причемъ тѣ уѣзды, которые дали сравнительно достаточное количество подписчиковъ на «Вѣдомости», отмѣчаются въ пику другимъ исправникамъ красивымъ, крупнымъ и краснымъ шрифтомъ, а уѣзды съ малымъ числомъ подписчиковъ обозначаются обыкновеннѣйшимъ мелкимъ и чернымъ шрифтомъ. «Вѣдомости» эти также расклеиваютъ на видныхъ мѣстахъ при полицейскихъ участкахъ среди разныхъ другихъ дѣловыхъ объявленій. Но на этомъ еще не кончается просвѣтительная дѣятельность курскихъ исправниковъ. Имъ еще вмѣняется въ обязанность какъ самолично писать корреспонденціи изъ уѣздовъ, такъ равно и находить «тихихъ и благонаправныхъ» обывателей «на предметъ» писанія корреспонденцій въ «Курскія Губернскія Вѣдомости», — по возможности безплатно или же по условію съ редакціей (условія же очень простыя — по 1 копѣйкѣ за строку

избраннымъ сотрудникамъ). Нѣкоторые исправники доносили своему начальству, что таковыхъ обывателей, т.-е. «тихихъ и благонравныхъ», при самыхъ тщательныхъ розыскахъ, въ уѣздѣ не оказалось!.. Такимъ исправникамъ предписывается самимъ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ присылать корреспонденціи въ «Губернскія Вѣдомости», причѣмъ имъ посылаются конверты съ отпечатанными адресами и подробнѣйшія, на нѣсколькихъ страницахъ, инструкціи, что должно составлять «предметъ» корреспонденцій «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». О добровольномъ отношеніи курантъ къ этой газетѣ можетъ свидѣтельствовать розничная продажа: газета расходуется не болѣе 5—6 экземпляровъ въ день.

Среди голодающихъ. «Южное Обзоріе» сообщаетъ довольно-таки странныя подробности о поѣздкѣ г-жи Успенской въ Елизаветградскій уѣздъ, стжавшій въ вышнемъ году слишкомъ громкую извѣстность.

Получивъ 1.000 р. пожертвованій, г-жа Успенская поспѣшила отправиться въ злосчастную Злынку, о которой такъ много писалось. Въ Злынкѣ г-жа Успенская предприняла обходъ всѣхъ хатъ, для провѣрки нужды. «Я была уже въ нѣкоторой степени подготовлена, — пишетъ г-жа Успенская, — встрѣтить здѣсь нужду, но такого разоренія, какое мнѣ пришлось увидѣть при обходѣ, я не ожидала. Во большинствѣ случаевъ на дворахъ — полная пустота, не видно ни хозяйственного инвентаря, ни малѣйшаго признака какого-либо топлива: кизяка, соломы или курая; у нѣкоторыхъ раскрыты крыши, не видно никакихъ живыхъ существъ этой обычной принадлежности каждаго двора — свиней, куръ, кошекъ, собакъ. Въ хатахъ та же пустота; не покрытые столы, голыя лавки, на кроватяхъ, вмѣсто постелей, набросано кое-какое тряпье. Такое же впечатлѣніе вынесли и другія лица, обходившія остальные три части Злынки. Большихъ помѣщичьихъ имѣній, куда требовались бы кустари, по близости нѣтъ, единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно заработать 20 коп. въ день, являются свекловичныя поля сосѣдняго, въ 5 верстахъ, сахарнаго завода; но туда изъ всѣхъ окрестныхъ деревень сбѣгается такая масса желающихъ получить работу, что большинству приходится возвращаться домой ни съ чѣмъ.

Выбирались для продовольственной помощи, прежде всего, конечно, самые бѣдные, не имѣющіе никакого скота, и такихъ оказалось 772 двора. Затѣмъ безлошадные, имѣющіе одну корову или одну лошадь безъ коровы. Надъ обладателями одной лошади и одной коровы приходилось уже задумываться, но при первой же попыткѣ исключить ихъ изъ списка начинался такой плачъ, что рука не поднималась вычеркнуть записанный дворъ. Еще больше приходилось задумываться надъ двухлошадными и особенно тщательно разсматривать ихъ семейное положеніе. Оставлены только большія семьи съ 5—7 малолѣтними, съ хозяиномъ, не имѣющимъ посторонняго заработка. Нѣкоторые изъ такихъ хозяевъ продали корову, единственную кормилицу дѣтей, и купили вторую лошадь; другіе съ той же цѣлью заложили свои и женины шубы, праздничныя одежды.

Въ средней полосѣ Россіи крестьянину съ одною лошадью еще кое-какъ можно прожить, здѣсь же на югѣ, благодаря болѣе тяжелой почвѣ, требующей для обработки пару лошадей или пару воловъ, по мѣткому замѣчанію одного изъ крестьянъ, остаться съ одною лошадью все равно, что остаться человѣку съ одною ногою. Такимъ образомъ, пришлось записать 38 дв. двухлошадныхъ.

Осмотрѣно и записано 1.265 дворовъ: изъ нихъ 772 оказались безъ всякаго скота; безъ лошади, но съ одною коровою — 144 двора, съ одною лошадью — 206, съ одною лошадью и одною коровою — 105 дворовъ. Пайковъ было роздано на 2.950 человѣкъ. Такъ какъ у большинства не было топлива, то имъ выдавался уже печеный хлѣбъ.

Благодаря этой помощи, пишетъ г-жа Успенская, получившіе пактъ будутъ недобдѣть въ теченіе 12—15 дней, а безъ нея они голодали бы, и я смѣло могу сказать, что большой грѣхъ берутъ себѣ на душу тѣ, кто увѣряетъ, что здѣсь нѣтъ голода. Земскій начальникъ Долинскій, узнавъ о пріѣздѣ г-жи Успенской, допрашивалъ у крестьянина, у котораго г-жа Успенская остановилась, и у поставщика провизіи, зачѣмъ эта дама пріѣхала.

Наконецъ, земскій начальникъ лично свидѣлся съ г-жей Успенской и между ними произошелъ, такой разговоръ:

— Позвольте узнать цѣль вашего пріѣзда сюда?

— Пріѣхала кормить голодныхъ.

— Имѣете на это разрѣшеніе?

— Нѣтъ, не имѣю никакого разрѣшенія, и считаю его лишнимъ въ такомъ дѣлѣ, какъ кормленіе голоднаго; это—право и обязанность каждаго человѣка.

— Но развѣ вамъ не извѣстно, что въ нашей губерніи это запрещено для частныхъ лицъ?

— Мнѣ извѣстно, что нѣтъ закона, запрещающаго кормить голоднаго. Въ Самарской губерніи и въ Бессарабіи я кормила безъ всякаго разрѣшенія; если же въ Херсонской губерніи запрещаютъ это на основаніи какихъ-то временныхъ правилъ, то слѣдовало опубликовать эти правила для всеобщаго свѣдѣнія.

— Были вы у исправника или уполномоченнаго Краснаго Креста Реутскаго? Быть можетъ, они дали бы вамъ словесное разрѣшеніе?

— Нѣтъ, не была.

— Затѣмъ я долженъ еще спросить у васъ: до насъ дошло извѣстіе, что вы—уполномоченная отъ великаго князя. Правда-ли это?

— Нѣтъ неправда: никто изъ великихъ князей никакихъ мнѣ полномочій не давалъ.

— Но, въ такомъ случаѣ, вы подрываете всю правительственную систему?

— Не понимаю, какимъ образомъ такое скромное дѣло, какъ кормленіе голоднаго, можетъ подрывать правительственную систему.

— Скажите совершенно откровенно, не скрывайте того, что вы—уполномоченная великаго князя: въ такомъ случаѣ мы будемъ оказывать вамъ всякое содѣйствіе.

— Говорю совершенно откровенно, что ни отъ кого никакихъ полномочій не получала.

— Такъ я долженъ буду телеграфировать о васъ губернатору.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Отвѣтъ можетъ получиться, самое большее, дня черезъ три. Общайте мнѣ не уѣзжать отсюда въ теченіе трехъ дней для дальнѣйшей помощи голодающимъ.

— Охотно общаю, такъ какъ меньше, чѣмъ въ 3—4 дня, мнѣ едва ли удастся покончить здѣсь съ дѣломъ.

— А затѣмъ?

— Затѣмъ поѣду дальше.

— На какія средства вы кормите?

— На средства добрыхъ людей.

— Кого же именно?

— Это будетъ помѣщено въ моемъ отчетѣ и напечатано въ газетахъ.

— Такъ вы серьезно не отъ великаго князя?

— Совершенно серьезно.

На этомъ мы разстались.

Адскія машины. Въ предстоящую июльскую сессію екатеринбургскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей предстоить, по словамъ

«Урала», разборъ крайне интереснаго для всего края дѣла, по которому обвиняются нѣсколько жителей баранчинскаго завода изъ числа послѣдователей секты «іеговистовъ» за убійство и покушеніе на убійство путемъ подметыванія адскихъ машинъ, начиненныхъ жидкимъ динамитомъ.

Въ прошломъ году уже сообщалось о найденныхъ на улицахъ Бушвинскаго и Нижне-Тагильскаго заводовъ адскихъ машинахъ и о полученіи ихъ разными лицами, въ томъ числѣ и однимъ православнымъ священникомъ. Адскія машины эти представлялись въ видѣ обыкновеннаго ящика-футляра отъ карманныхъ часовъ или въ видѣ деревяннаго портсигара, съ кнопкой для открыванія. Внутри ящичка былъ заключенъ сильнѣйшій зарядъ жидкаго динамита, надъ которымъ былъ помѣщенъ ударникъ, сдерживавшійся сильной пружиной. При желаніи открыть ящикъ необходимо нажать кнопку, которая соединена съ пружиной. Пружина соскакивала и происходилъ страшнѣйшій взрывъ, могшій сразу убить нѣсколько человѣкъ. Всѣхъ патроновъ было найдено 8: изъ нихъ часть въ Нижнемъ-Тагилѣ, часть въ Кушвѣ, причемъ одни были доставлены на квартиры разныхъ лицъ, другіе брошены на людныхъ улицахъ. По счастью, въ виду циркулировавшихъ слуховъ о чемъ то недобромъ, замышляемомъ іеговистами, никто изъ получившихъ или нашедшихъ адскія машины не пробовалъ ихъ открыть и одинъ лишь сельскій сотскій, приведшій въ Тагилъ арестанта и нашедшій патронъ у волостного правленія, сдѣлался жертвой своей неосторожности и любопытства—его убило наповалъ. Послѣ этого убійства всѣ хранившіеся у разныхъ лицъ динамитные патроны были препровождены судебными властями и начались розыски и слѣдствіе, нынѣ уже законченное, коимъ удалось обнаружить всѣхъ виновныхъ въ составленіи адскаго плана, исполненіи машинокъ, подбрасываніи ихъ на улицахъ, а также получить сознание въ совершеніи этихъ дѣяній и мотивировку таковыхъ. Главнѣйшіе виновные содержатся въ екатеринбургской тюрьмѣ въ числѣ четырехъ человѣкъ.

Вскрытіе адскихъ машинокъ было произведено въ Кушвѣ и Екатеринбургѣ и сопровождалось большими предосторожностями. Въ Кушвѣ патроны эти были вскрыты тремя специалистами минныхъ работъ—горными инженерами: кнопка не трогалась и съ помощью особаго инструмента удалось вскрыть верхнюю часть патрона и вынуть динамитъ. Желая удостовѣриться въ силѣ дѣйствія адской машины, одинъ патронъ былъ взорванъ, причемъ взрывъ былъ произведенъ такъ: машинка была помѣщена въ вырѣзъ древеснаго пня и надъ ней помѣстили ударную балду на веревкѣ; совершители взрыва отошли на 60 сажень и пустили веревку. Взрывъ былъ ужасенъ—балда и пень разлетѣлись въ щепки.

За мѣсяць. 5 іюня Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ дочери, нареченной *Анастасіей*.

Этотъ радостный для царской семьи день ознаменованъ былъ слѣдующимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, разрѣшавшимъ *судьбу студентовъ, отданныхъ въ солдаты* на основаніи «временныхъ правилъ»:

«Государь Императоръ въ неизреченной Своей милости и въ любвеобильномъ снисхожденіи къ увлеченіямъ учащейся молодежи, 5 іюня 1901 года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

«1) Студентовъ Императорскихъ университетовъ, уволенныхъ изъ сихъ заведеній за участіе въ беспорядкахъ, и отбывающихъ въ настоящее время воинскую повинность въ видѣ наказанія, которые имѣютъ по семейному положенію льготу 1 разряда или имѣютъ тѣлесные недостатки, дѣлающіе ихъ неспособными къ службѣ въ строю, нынѣ же уволить отъ обязательной службы.

«2) Всѣхъ остальныхъ студентовъ, отбывающихъ нынѣ воинскую повинность

въ видѣ наказанія, возстановить въ правахъ по отбываніи сей повинности, безъ отношенія къ назначенному имъ сроку службы въ войскахъ.

«3) Въ видѣ изыатія изъ закона считать срокъ службы всѣмъ студентамъ, отбывающимъ нынѣ воинскую повинность въ видѣ наказанія, съ перваго числа мѣсяца, слѣдующаго за ихъ поступленіемъ на службу».

— Университетскіе совѣты, которымъ было поручено высказаться о *преобразованіи высшей школы*, успѣли уже обсудить предложенные имъ вопросы и придти по нимъ къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ. Насколько можно судить о результатахъ этихъ совѣщаній по свѣдѣніямъ, проникшимъ въ газетную прессу, планъ реформы, въ основныхъ ея положеніяхъ, можетъ считаться выработаннымъ и предрѣшеннымъ, причемъ въ общемъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, онъ повторяетъ принципы университетскаго устава 1863 г. Вотъ, напримѣръ, главные основанія реформы, намѣченныя совѣтомъ московскаго университета: 1) деканъ, ректоръ, точно также какъ и всѣ профессора занимаютъ свои мѣста по выборамъ, а не по назначенію; 2) отиѣна «гонорарной» системы вознагражденія и введеніе опредѣленнаго жалованія; 3) отиѣна государственныхъ экзаменовъ; 4) введеніе какъ университетскаго суда, такъ и товарищескаго суда чести; 5) широкое развитіе приватъ-доцентуры. Всѣ эти положенія еще точно не формулированы, но въ общемъ къ нимъ сводятся принципиально всѣ мнѣнія, высказанныя въ совѣтъ большинствомъ лицъ.

Понутно совѣтъ университета посвятилъ рядъ особыхъ засѣданій на разсмотрѣніе доклада университетской комиссіи, работавшей надъ выясненіемъ причинъ послѣднихъ частыхъ беспорядковъ въ средѣ студенческой молодежи. Совѣтъ остановился на томъ мнѣніи что, помимо внѣшнихъ причинъ, однимъ изъ существенныхъ поводовъ къ возникновенію разныхъ неурядицъ, осложненій и беспорядковъ надо признать отсутствіе открытыхъ студенческихъ организацій. Поэтому для устраненія зла совѣтъ университета рекомендуетъ какъ можно скорѣе разрѣшить подобныя организаціи, установивъ, конечно, живую, сердечную связь между кафедрой и аудиторіей не только въ стѣнахъ университета, но и внѣ его.

Институтъ *студенческой инспекціи* въ большинствѣ случаевъ встрѣчаетъ безусловное осужденіе. И насколько жалкую и неблагодарную роль приходилось играть представителямъ этого института, объ этомъ съ достаточной убѣдительною говоритъ слѣдующее «разоблаченіе», напечатанное на столбцахъ «Южнаго Края» однимъ изъ инспекторовъ, который прослужилъ въ этой полицейской должности двадцать лѣтъ и пережилъ «девять беспорядковъ».

«Одинъ попечитель,—разсказываетъ этотъ откровенный чиновникъ,—пригласивъ меня къ себѣ, конфиденціально приказалъ, чтобы я отъ себя разрѣшилъ студентамъ въ сборномъ залѣ поставить два, три шкафа съ книгами для чтенія. Я повиновался. Но когда пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія и, обозрѣвая учрежденіе, увидалъ шкафы съ книгами и сдѣлалъ замѣчаніе попечителю, этотъ всю вину ввалилъ на меня и тутъ же сдѣлалъ мнѣ выговоръ. Когда же уѣхалъ министръ, попечитель вновь приказалъ мнѣ дозволить студентамъ имѣть бібліотеку для чтенія въ сборномъ залѣ зданія.

Другой попечитель настоятельно требовалъ, чтобы я взялъ въ педеля одного сыщика, котораго порекомендовали ему. Я повиновался, но скоро узналъ отъ студентовъ, что сыщикъ беретъ взятки отъ студентовъ, и сообразно съ суммою гонорара аттестуетъ ихъ. Три раза я доносилъ объ этомъ попечителю и каждый разъ получалъ отъ него упорный отказъ въ дозволеніи мнѣ уволить педелю отъ должности.

— Какой вы наивный!—говорилъ мнѣ попечитель.—Студенты потому наговариваютъ вамъ на него, что имъ нежелательно, чтобы онъ былъ педелемъ.

Окончилось тѣмъ, что этотъ педель былъ уличенъ самими студентами, и тогда только уволенъ отъ должности.

Третій попечитель во время беспорядковъ пріѣхалъ въ учрежденіе. Студенты черезъ меня просили его, чтобы онъ подарилъ имъ четверть часа времени, такъ какъ они хотятъ на словахъ передать ему свои желанія и выслушать отъ него его мнѣніе. Три раза студенты просили его объ этомъ, и онъ отказывалъ имъ. Наконецъ, онъ приказалъ мнѣ объявить имъ, что онъ пріѣдетъ къ нимъ въ понедѣльникъ и тогда поговорить съ ними.

Студенты немедленно и тихо, безъ всякаго шума разошлись.

Это было въ четвергъ; пятница, суббота и воскресенье прошли тихо. Лекціи были полны студентами, и беспорядковъ какъ бы и не было.

Въ понедѣльникъ до 12 часовъ дня все было тихо. Съ полудня студенты собрались въ сборный залъ и начали ожидать пріѣзда попечителя. Но уже было около двухъ часовъ, а попечитель не пріѣзжалъ. Студенты заподозрили, что инспекторъ имъ солгалъ, почему настойчиво начали требовать, чтобы я съ тремя студентами поѣхалъ къ попечителю и попросилъ бы его исполнить обѣщаніе. Но когда мы пріѣхали къ попечителю, онъ, не стѣсняясь, объявилъ студентамъ въ моемъ присутствіи, что онъ ничего подобнаго не обѣщалъ имъ.

— Вопросы, касающіеся *реформы средняго образованія*, сосредоточены въ особой комиссіи, которая, подъ предѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, П. С. Ванновскаго, открыли свои дѣйствія въ концѣ мая. Вотъ главныя намѣченныя въ комиссіи основанія реформы:

Уже на предстоящій 1901—1902 учебный годъ намѣчено росписание уроковъ какъ для гимназій, такъ и для реальныхъ училищъ, причемъ предполагено въ гимназіяхъ упразднить уроки латинскаго языка въ первомъ и во второмъ классахъ, греческаго—въ третьемъ и четвертомъ классахъ, замѣнивъ ихъ соответствующимъ числомъ уроковъ по одному изъ новыхъ языковъ, а гдѣ окажется возможнымъ, по исторіи, географіи, естествознанію, черченію и рисованію. Въ 1902—1903 учебномъ году предполагается преобразовать первые пять классовъ гимназій, въ 1903—1904 г. ввести преобразованныя программы въ трехъ старшихъ классахъ, причемъ первые пять классовъ будутъ дѣйствовать уже по вполнѣ новому плану, и, наконецъ, въ маѣ 1905 года будутъ сдѣланы одновременно два выпуска седьмого и восьмого классовъ, и преобразование закончится. Программы первыхъ трехъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, а также всякаго рода промышленныхъ и техническихъ школъ предполагено сравнять въ видахъ облегченія перехода изъ одной школы въ другую. Обучаясь въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ въ школѣ одного общаго типа однимъ и тѣмъ же предметамъ, учащіеся переходятъ затѣмъ, въ зависимости отъ обнаруженныхъ ими индивидуальныхъ склонностей, въ классы, болѣе специализированные, причемъ собственно министерская средняя школа будетъ состоять (начиная съ 4-го класса) изъ двухъ отдѣленій. Перешедшіе въ классическое отдѣленіе будутъ изучать древніе языки, а идущіе по реальному отдѣленію будутъ проходить усиленный курсъ естествознанія и обучаются черченію и рисованію. При этомъ изучавшимъ греческій и латинскій языки предполагено предоставить право поступать на всѣ факультеты университетовъ безъ повѣрочныхъ экзаменовъ; изучавшимъ только латинскій языкъ можно будетъ поступать на филологическій факультетъ съ повѣрочнымъ экзаменомъ по греческому языку; не изучавшимъ совсѣмъ древнихъ языковъ и занимавшимся вмѣсто нихъ естественными науками и графическимъ искусствомъ предполагается предоставить право поступать безъ экзаменовъ на физико-математическій факультетъ и съ повѣрочнымъ экзаменомъ по латинскому языку—на юридическій факультетъ.

Для проектируемой средней школы комиссіей выработана уже и таблица

учебныхъ часовъ, по которой предполагается вести преподаваніе. По этой таблицѣ, число всѣхъ учебныхъ часовъ въ новой школѣ въ недѣлю составляетъ 209, которые по предметамъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Законъ Божій будетъ преподаваться во всѣхъ классахъ всего 14 часовъ въ недѣлю. Русскій со словесностью и логикой также во всѣхъ классахъ 30 часовъ. Латинскій языкъ будетъ начинаться съ IV кл. и будетъ продолжаться до конца, занимая въ недѣлю 16 часовъ; первый новый языкъ будетъ находиться во всѣхъ классахъ при 20 часахъ въ недѣлю, второй новый начинается въ III классѣ при 16 часахъ. Географія съ отечествовѣдѣніемъ преподается въ I—IV классахъ при 15 часахъ въ недѣлю. Космографія отведено въ VII кл. 2 часа; законовѣдѣнію въ VI и VII кл. всего 4 часа; математикѣ въ I—VII классахъ 28 часовъ; физикѣ, начиная съ V кл., всего 9 часовъ; естествовѣдѣнію, начиная съ I кл., всего 9 часовъ; черченію и рисованію 17 и чистописанію 3 часа. Изъ 16 часовъ, которые отведены изученію латинскаго въ классическомъ отдѣленіи, въ реальномъ—6 часовъ идутъ на усиленіе преподаванія естествовѣдѣнія и 10 часовъ на усиленіе—черченія и рисованія. По классамъ число учебныхъ часовъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ первомъ, во второмъ и третьемъ классахъ ученики будутъ заняты 26 часовъ въ недѣлю; въ четвертомъ 32 часа, а въ пятомъ 33 часа. Сверхъ этого, 20 часовъ въ недѣлю отводится на занятія ручнымъ трудомъ, военными и физическими упражненіями и гимнастикой.

Работа комиссіи далеко еще не закончена и этимъ, вѣроятно, объясняется неполнота и отрывочность свѣдѣній о ея дѣятельности, проникающихъ въ печать. Во всякомъ случаѣ, можно думать что та крупная задача, которой занятъ сейчасъ министерство народнаго просвѣщенія, не будетъ разрѣшена окончательно, прежде чѣмъ проектъ реформы не подвергнется во всѣхъ ея деталяхъ свободной критикѣ русскаго общества (въ лицѣ печати, общественныхъ и сословныхъ представителей), такъ какъ въ дальнѣйшихъ судьбахъ школы это же общество Высочайшимъ манифестомъ призвано принимать живое и дѣятельное участіе.

Пока въ «единной школѣ» еще проектируется сравнять въ правахъ реалистовъ и классиковъ, военное министерство въ своемъ вѣдомствѣ уже осуществило этотъ проектъ. На дняхъ разрѣшенъ, въ видѣ опыта на пять лѣтъ, *пріемъ въ Императорскую Военно-Медицинскую академію* молодыхъ людей, окончившихъ семилѣтній курсъ въ реальныхъ училищахъ, по выдержаніи ими дополнительнаго испытанія по латинскому языку въ объемѣ курса четырехъ классовъ гимназій, причемъ испытанію этому они должны будутъ подвергаться при вступленіи въ академію. Желающимъ предоставлено право отсрочить экзамены латинскаго языка на одинъ годъ, но съ тѣмъ однако, что не выдержавшіе испытанія въ теченіе перваго года пребыванія въ академіи будутъ уволены. Новая мѣра будетъ введена съ будущаго (1902 г.) года, а въ нынѣшнемъ 1901 году пріемъ будетъ производиться на прежнихъ основаніяхъ.

— Реформаторскія вѣянія коснулись и нашего *коммерческаго образованія*. 9-го іюня, въ присутствіи министра финансовъ, состоялось заключительное собраніе особой, созванной съ этою цѣлью комиссіи, однимъ изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ которой былъ вопросъ о расширеніи общеобразовательнаго курса коммерческихъ училищъ. Особенно горячо настаивалъ на расширеніи общеобразовательной программы училищъ нижегородскій городскій голова г. Меморскій, указывавшій на то, что купеческое сословіе избѣгаетъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и отдастъ своихъ дѣтей преимущественно въ коммерческія училища, почему и самыя эти училища необходимо преобразовать такъ, чтобы они могли готовить не только специалистовъ-счетоводовъ,

во вообще интеллигентныхъ людей, которые должны внести лучъ свѣта въ купеческую среду.

— Широкаго круга *собственно народнаго образованія* пока еще практически не коснулось преобразовательное настроеніе текущаго момента, но есть признаки, что вопросъ о реформѣ народной школы уже выдвинуть и лишь дожидается своей очереди. Къ этому мнѣнію склоняють насъ во первыхъ слова министра народнаго просвѣщенія П. С. Ванновскаго, сказанныя имъ въ Москвѣ по поводу желательнаго объединенія учебнаго и духовнаго вѣдомства въ народной школѣ и во вторыхъ появившаяся въ послѣдней книгѣ «Журнала Министерства Народн. Просвѣщенія» на ту-же тему статья вице-директора департамента того-же министерства Н. Г. Дебольскаго. По мнѣнію г. Дебольскаго, одновременное существованіе церковно-приходскихъ школъ и министерскихъ не содѣйствуетъ интересамъ дѣла. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы все дѣло народнаго образованія перешло въ руки духовенства. «Передача всѣхъ начальныхъ школъ для православнаго населенія во власть духовнаго вѣдомства—говоритъ г. Дебольскій—равносильна запрещенію учить православныхъ дѣтей въ начальной школѣ не иначе, какъ подъ исключительнымъ надзоромъ духовенства. На какомъ основаніи можетъ быть предоставлена духовенству такая исключительная власть? Духовенству присвоено безъ сомнѣнія право учить; но чтобы это право исключало такое же право всякаго, кто не принадлежитъ къ духовенству или не состоитъ у него во внѣшнемъ служебномъ подчиненіи, ни изъ чего не видно. Если принять такое положеніе, то придется все дѣло обученія православнаго юношества и въ высшихъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ подчинить духовному вѣдомству, распространивъ также власть его и на домашнее обученіе не только сельскаго, но и всего православнаго населенія. Очевидно, что такая власть только потрясла бы внутренній авторитетъ церкви, замѣнивъ естественную и законную мѣру свободнаго вліянія ея іерархіи на прихожанъ внѣшнимъ, полицейскимъ надзоромъ».

Въ итогъ этихъ разсужденій г. Дебольскій предлагаетъ сосредоточить всѣ школы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, но отвести въ нихъ духовенству болѣе активную роль. По уставу каждая школа должна имѣть попечителя. Такъ вотъ въ роли этихъ попечителей г. Дебольскій и желалъ-бы видѣть священниковъ, снабженныхъ при этомъ опредѣленнымъ окладомъ жалованія отъ учебнаго вѣдомства и преобразованныхъ такимъ способомъ въ министерскихъ чиновниковъ. По мнѣнію автора, «благодаря этому, лежащая теперь на духовенствѣ обязанность наблюденія за школами, потеряетъ присущій ей внѣшній полицейскій характеръ, а произойдетъ гармоничное сліяніе двухъ враждующихъ теперь типовъ школъ, которыя взаимно дополняютъ другъ друга».

Если принять во вниманіе, что въ настоящее время попечители школъ не только не получаютъ жалованья, но даже, наоборотъ, часто сами являються постоянными и наиболѣе крупными жертвователями на школы, ввѣренныя ихъ заботамъ, то окажется, что проектъ г. Дебольскаго сводится къ тому, чтобы за счетъ народной школы, и безъ того обездоленной и нуждающейся, улучшить матеріальное положеніе духовенства. И за всѣмъ тѣмъ, священникъ, подчиненный суровымъ требованіямъ іерархической дисциплины, которая существуетъ въ духовномъ вѣдомствѣ, все-таки никогда не сдѣлается послушнымъ министерскимъ чиновникомъ, на что разсчитываетъ г. Дебольскій, награждая его жалованьемъ. «Гармоническаго сліянія, такимъ образомъ, несмотря на крупныя денежныя жертвы, проектъ г. Дебольскаго не дастъ, и вопросъ о реформѣ народной школы остается открытымъ».

— Правительствующимъ сенатомъ опредѣлено, что изъ общаго, установленнаго 9 ст. уст. сл. прав. т. III св. зак. изд. 1896 г. *запрещенія принимать въ гражданскую службу евреевъ*, дѣйствующими законоположеніями допуска-

ются изъятія лишь для слѣдующихъ категорій евреевъ: 1) имѣющихъ ученые степени доктора, магистра, кандидата (или окончившихъ курсъ наукъ съ дипломомъ первой степени), а равно ученые степени доктора медицины и хирургіи или доктора медицины; 2) имѣющихъ дипломы на званіе лѣкаря, причѣмъ евреи эти допускаются на службу лишь по медицинской части; 3) имѣющихъ степень инженеръ-технолога, кои имъ предоставлены права на государственную службу только по технической части и 4) окончившихъ курсъ наукъ въ землемѣротаксаторскихъ классахъ только по губернскому межевому вѣдомству.

— Министры внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и обер-прокуроръ Святѣйшаго Синода, на основаніи примѣчанія къ ст. 148 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 8 іюня постановили: совершенно прекратить изданіе журнала «Жизнь», выходящаго въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ.

— Во второй половинѣ мая въ Москвѣ сошли со сцены жизни двѣ крупныя фигуры, существенно различныя по типу, но обѣ принадлежавшія къ одному и тому-же купеческому міру.

— *Г. Г. Солодовниковъ*—обладатель милліоновъ, стяжавшій себѣ въ Москвѣ славу анекдотическаго скряги. Всю свою жизнь онъ посвятилъ одной исключительной цѣли—приобрѣтенія и накопленія, и ради этой цѣли онъ не щадилъ ни другихъ, ни себя. Черствый хищникъ, онъ не упустилъ ни одного случая, который давалъ ему возможность увеличить свою толстую кошну и въ то же время онъ отказывалъ себѣ не только въ комфортѣ, но даже въ необходимомъ,—ютился въ плохо обставленномъ домикѣ и всей своей внѣшностью напоминалъ скорѣе обездоленнаго бѣдняка, чѣмъ милліонера, державшаго въ рукахъ судьбу тысячи людей. Правда, онъ числился въ спискѣ извѣстныхъ московскихъ благотворителей, но всѣ его пожертвованія истекали, повидимому, изъ его огромнаго честолюбія — страсти, которая вмѣстѣ съ алчною скаредностью, цѣликомъ заполняла душу московскаго богача. И вотъ онъ умеръ, и обнаруженный теперь посмертной волей изумилъ всѣхъ знавшихъ его и примирилъ ихъ съ собой. Огромное, по меньшей мѣрѣ въ 30 милліоновъ, состояніе онъ завѣщалъ реализовать въ теченіе 10—15 лѣтъ и полученную такимъ образомъ сумму, раздѣливъ на три равныя части, обратить на благотворительныя цѣли. Одна треть предназначена на устройство женскихъ гимназій по типу демократической женской гимназій въ г. Орловскѣ, Вятской губ.; одна треть—на мужскія и женскія профессиональныя школы, устройство которыхъ будетъ предоставлено земствамъ и, наконецъ, послѣдняя треть завѣщана на устройство дешевыхъ квартиръ для бѣдныхъ.

— *К. Т. Солдатенковъ*, вышедшій изъ суровой старообрядческой семьи, принадлежалъ къ иному типу. По словамъ близкаго знавшаго его г. М. Щепкина, это былъ «человекъ» въ полномъ смыслѣ этого слова—со многими слабостями и крупными недостатками, присущими людской природѣ, но и съ рѣдкими достоинствами, выпадающими на долю немногихъ, отиѣченныхъ перстомъ Божиимъ избранныхъ. Рѣзкая печать этого избранія сказалась прежде всего въ стихійномъ влеченіи его къ высшимъ идеаламъ жизни, котораго не могла подавить въ немъ самая неприглядная обстановка, сплетенная изъ густой сѣти чуждыхъ этимъ идеаламъ денежныхъ расчетовъ. И чѣмъ больше приходилось ему прилагать заботы о приумноженіи своего богатства и предаваться изысканнымъ удовольствіямъ личной жизни, тѣмъ потѣмъ рѣзче выступали высшія потребности разумнаго бытія и тѣмъ настоятельнѣе они требовали отъ него широкаго удовлетворенія. Онъ смѣло шелъ навстрѣчу этому благородному влеченію и беззавѣтно отдавался ему весь, всѣмъ существомъ своимъ: такіе дни исполненія своего человѣческаго долга онъ считалъ особенно счастливыми

въ своей жизни, радуясь, что могъ послужить великому дѣлу народнаго образованія и общественнаго развитія и сотворить добро. Никогда никому не было отъ него отказа въ этомъ служеніи, если только подъ личиною общественности не скрывались недостойныя побужденія личнаго свойства» *).

Самъ учившійся на мѣдные гроши онъ оказалъ дѣлу русскаго просвѣщенія неоцѣнимыя услуги, какъ идейный и безкорыстный издатель множества русскіхъ и иностранныхъ авторовъ, которые, помимо него, едва ли могли бы появиться на нашемъ книжномъ рынкѣ. Имъ изданы сочиненія Бѣлинскаго, Кавелина, «Всеобщая исторія» Вебера (въ переводѣ Чернышевскаго), «Исторія упадка Римской Имперіи» Гиббона, «Исторія англійскаго народа» Грина, «Очерки первобытной экономической культуры» Зибера, «Искусство въ связи съ развитіемъ культуры» Карьера и много другихъ цѣнныхъ сочиненій. Солдатенковъ завѣщаль продолжалъ его издательскую дѣятельность на доходы отъ существующихъ уже его изданій и, кромѣ того, имъ завѣщана городу Москвѣ представляющая цѣнность свыше милліона рублей картинная галерея, въ которой собрано не мало шедевровъ русскаго и иностраннаго искусства; затѣмъ имъ оставлены средства: Императорской академіи наукъ, для изслѣдованія исторіи востока, комитету для пособія нуждающимся студентамъ, богадѣльнямъ и пріютамъ. Московскому купеческому обществу завѣщано 1.300.000 рублей, съ тѣмъ, чтобы на 300.000 было построено, а на милліонѣ рублей содержалось профессиональное училище. Деньги на больницу имени Солдатенкова оставлены съ тѣмъ, чтобы больница была устроена городомъ для всѣхъ жителей безъ различія сословій, живущихъ въ Москвѣ.

— 3-го іюня въ С.-Петербургѣ скончался, на 71-мъ году жизни, извѣстный этнографъ-беллетристъ, академикъ *С. В. Максимовъ*. Обладая большою наблюдательностью, Максимовъ рано сталъ присматриваться къ народной жизни, изучать ее и результаты своихъ наблюденій передавать въ очеркахъ, отчасти научнаго, отчасти беллетристическаго характера. Первыя же его работы обратили на него вниманіе Тургенева, по инициативѣ котораго онъ въ 1855 г. предпринялъ свою первую этнографическую экскурсію—странствованіе пѣшкомъ по Владимірской губерніи. Съ этого времени Максимовъ уже не перестаетъ странствовать по Россіи, которую въ теченіе своей жизни онъ исколесилъ вдоль и поперекъ. Авторъ «Бродячей Руси», онъ самъ принадлежалъ къ ней всѣми своими симпатіями и черпалъ свое знаніе родины изъ непосредственнаго источника наблюдаемой жизни. Уроженецъ Костромской губерніи, онъ посвятилъ ей свои первые очерки, а затѣмъ, неустанно передвигаясь, онъ знакомитъ насъ съ природою и бытомъ губерній Владимірской, Нижегородской и Вятской; дальше онъ переходитъ, по порученію морскаго вѣдомства, на крайній сѣверъ вплоть до Ледовитаго океана; затѣмъ мы видимъ его уже на дальнемъ Востокѣ, въ толькo что прибрѣтеной Россіи Амурской области. Исколесивъ Сибирь, онъ попадаетъ на юго-востокъ, къ побережьямъ Каспійскаго моря, оттуда на Донъ, въ Черноморье, затѣмъ въ Бѣлоруссію и т. д. Перекочевывая съ мѣста на мѣсто, онъ всюду является не случайнымъ только гостемъ, но добросовѣстнымъ наблюдателемъ, который тутъ же заноситъ въ свой путевоы дневникъ интересныя факты, впечатлѣнія и въ живой, увлекательной формѣ передаетъ ихъ читателю. Ни широкихъ обобщеній, ни глубокаго проникновенія въ народную жизнь, подобныхъ тѣмъ, которыми блещутъ произведенія Гл. И. Успенскаго, у Максимова нѣтъ, но, не претендуя на это, онъ даетъ рядъ картинъ, жизненныхъ и правдивыхъ, въ которыхъ чувствуется тонкій наблюдательный умъ и любящее сердце.

Далеко еще не всѣ многочисленныя очерки покойнаго писателя, разбросан-

*) «Русск. Вѣд.» № 138.

ныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, собраны въ отдѣльныя книги, но тѣ, какія имѣются, пользуются или, вѣрнѣе, пользовались въ свое время большимъ и заслуженнымъ успѣхомъ. Назовемъ, напримѣръ: «Годъ на Сѣверѣ», «Лѣсная Глушь», «Сибирь и каторга» и др. Совершенно особо отъ перечисленныхъ произведеній Максимова слѣдуетъ поставить книгу его «Брылатыя слова», изданную въ 1890 г. Здѣсь приведены авторомъ съ любовью въ теченіе многихъ лѣтъ собиравшіяся имъ чисто-народныя обиходныя слова и выраженія, съ объясненіемъ ихъ первоначальнаго значенія, которое для большинства совершенно теперь затеряно.

Московское Общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій.

Въ концѣ 1895 года въ небольшомъ кружкѣ московской интеллигенціи былъ поднятъ вопросъ о необходимости какой-либо организаціи, которая могла бы составить противовѣсъ тѣмъ тяжелымъ условіямъ, въ какихъ обыкновенно находится интеллигентный работникъ. Вслѣдствіе разрозненности представителей интеллигентнаго труда, каждый изъ нихъ предоставленъ собственнымъ силамъ, а принимая во вниманіе ту массу неблагоприятныхъ случайностей, которыя могутъ встрѣтиться въ его жизни, и въ общемъ скудное матеріальное обезпеченіе, эти собственныя силы очень недостаточны для того, чтобы онъ могъ не опасаться быть въ любой моментъ выбитымъ изъ колеи, чтобы онъ могъ быть спокойнымъ за себя и свою семью. Но даже если не брать во вниманіе случайностей, то и обычныя условія, въ какихъ находятся интеллигентные труженники,—постоянно увеличивающаяся тяжесть борьбы за существованіе, бѣдность въ способахъ удовлетворенія духовныхъ потребностей, слабое развитіе самостоятельности, даютъ достаточно стимуловъ, чтобы подумать, какъ парализовать вредныя имъ стороны, объясняющіяся, кромѣ многихъ другихъ причинъ, разрозненностью интеллигенціи и ея обособленностью отъ другихъ слоевъ нашего общества.

Въ первое время этотъ вопросъ обсуждался на частныхъ собраніяхъ, при случайномъ и часто мѣняющемся составѣ лицъ, безъ определенной программы. Чтобы не затягивать начало практическаго примѣненія зародившейся идеи — организаціи общественнаго дѣла во имя интересовъ нуждающихся въ помощи интеллигентныхъ работниковъ — на первый разъ было предположено заняться благотворительною дѣятельностью въ этомъ направленіи, именно собираніемъ денегъ для выдачи стипендій учащимся дѣтямъ бѣдныхъ интеллигентныхъ родителей. Это намѣреніе однако скоро было оставлено и замѣнено другимъ, болѣе широкимъ — устроить дѣло вообще матеріальной помощи интеллигентнымъ работникамъ и для этого создать соответствующее Общество. Не мало времени ушло на выясненіе, въ какомъ видѣ должна существовать предположенная организація: въ видѣ ли частнаго кружка, въ видѣ ли коммисіи при какомъ-либо уже существующемъ официальномъ учрежденіи, напр. попечительствѣ, или, наконецъ, самостоятельнаго Общества. Въ этотъ періодъ подготовительной, такъ сказать, работы, одновременно съ вопросомъ о формѣ организаціи, на собесѣдованіяхъ кружка выработывался въ общихъ чертахъ ея уставъ, тѣ задачи, которыя должно взять на себя предположенное Общество, и выяснялись трудности той или другой формы дѣятельности. Лишь весной 1896 года окончательно было рѣшено создать самостоятельное официальное Общество и притомъ не на благотворительныхъ началахъ, а Общество взаимопомощи среди интеллигентныхъ работниковъ, и для выполненія этой задачи была сформирована орга-

низаціонная комиссія изъ 12 человекъ, которой собраніемъ заинтересованныхъ дѣломъ лицъ были предоставлены слѣдующія полномочія: 1) выработать въ окончательной редакціи проектъ устава Общества; 2) предпринять всѣ необходимыя хлопоты для утвержденія его въ установленномъ порядкѣ и 3) по утвержденіи устава созвать первое официальное общее собраніе. Выработка устава было очень не легкое дѣло, такъ какъ организаціонной комиссіи предстояло сохранить въ немъ то, что составляло существенныя стороны задуманнаго учрежденія и его оригинальность, а затѣмъ облечь его въ такую форму, которая гарантировала бы его утвержденіе и практическую пригодность. Выработанный проектъ устава былъ просмотрѣнъ проф. московскаго университета А. И. Чупровымъ и въ февралѣ 1897 года представленъ, чрезъ мѣстную администрацію, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Въ ноябрѣ 1897 года проектъ устава министерствомъ былъ возвращенъ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Обсудивъ ихъ и найдя, что они не измѣняютъ характеръ предполагаемаго Общества, организаціонная комиссія пересоставила уставъ и препроводила его вторично, въ февралѣ 1898 года, въ министерство.

3-го іюня 1898 года уставъ «Общества взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій» былъ утвержденъ. Цѣль Общества—оказывать помощь нуждающимся членамъ и ихъ семействамъ. Для достиженія этой цѣли Общества: а) выдаетъ своимъ членамъ денежныя безвозвратныя пособія и ссуды; б) прискиваетъ имъ мѣста и занятія; в) оказываетъ безплатную медицинскую помощь и т. п. Съ увеличеніемъ средствъ Обществу предоставлено открывать, съ надлежащаго разрѣшенія, дешевыя квартиры, столовыя и т. п., дѣтскія общежитія, лѣтнія колоніи, выдавать стипендіи учащимся дѣтямъ и приобретать, на общихъ основаніяхъ, необходимыя для его цѣлей недвижимыя имущества.

15-го октября 1898 года Московское Общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій открыло, на основаніи устава, свои дѣйствія первымъ общимъ собраніемъ въ составѣ 47 человекъ, на которомъ былъ избранъ совѣтъ, кандидаты къ членамъ его и члены ревизіонной комиссіи (въ послѣднюю вошли, между прочими лицами, А. И. Чупровъ и В. А. Гольцевъ). Оставалось перейти къ практическимъ начинаніямъ по оказанію помощи нуждающимся членамъ Общества и ихъ семействамъ, но тутъ Общество рѣзко раздѣлилось на двѣ партіи по такому принципиальному вопросу, безъ разрѣшенія котораго нельзя было и думать о какой бы то не было практической дѣятельности, такъ какъ отъ того или иного рѣшенія зависѣли не только направленіе этой дѣятельности, но и самый характеръ Общества.

Расколъ возникъ на почвѣ программы, представленной совѣтомъ второму общему собранію, имѣвшему мѣсто 18-го декабря 1898 года. Въ виду того, что причины, вызвавшія этотъ расколъ, довольно любопытны, какъ являющіяся показателемъ тѣхъ тенденцій, которыя характеризуютъ нашу интеллигенцію, мы познакомимъ вкратцѣ читателя съ ними.

Обществу предстояло высказаться по слѣдующимъ тремъ вопросамъ:

1) Какими основными началами должны руководствоваться въ своей дѣятельности какъ все Общество, взятое въ цѣломъ, такъ и его исполнительный органъ—совѣтъ?

2) Изъ какихъ источниковъ Общество должно черпать свои матеріальныя средства и каковъ долженъ быть размѣръ членскаго взноса*).

3) Каковъ долженъ быть планъ дѣятельности Общества на ближайшее время? Совѣтъ, опираясь на одну часть Общества, предлагалъ программу, которая основывалась на слѣдующемъ рѣшеніи этихъ вопросовъ.

Въ настоящее время интеллигентный труженникъ ведетъ одинокую борьбу

*) По уставу не менѣе трехъ рублей.

за матеріальное существованіе свое и своей семьи и этимъ экономическимъ одиночествомъ объясняются его *хозяйственные* недочеты: при недостаточномъ заработкѣ онъ принужденъ производить такіе расходы, которые не соответствуютъ суммѣ получаемыхъ имъ удобствъ. Кроме того, въ трудныхъ или несчастныхъ случаяхъ онъ оказывается безпомощнымъ, такъ какъ среди лицъ интеллигентныхъ профессій имѣется немного сравнительно такихъ счастливицевъ, *хозяйственное* существованіе которыхъ не будетъ окончательно подорвано какимъ-нибудь труднымъ обстоятельствомъ, напр., болѣзью, безработицей и т. п. Во избѣжаніе этого, интеллигентные труженики должны устранить свое *экономическое* одиночество, т.-е. бороться за *матеріальное* существованіе свое и своей семьи соединенными силами, товарищески поддерживая другъ друга. Последовательнымъ проведеніемъ этого начала и должна опредѣляться стоящая предъ Обществомъ цѣль. Такъ какъ въ основу дѣятельности союза кладется *взаимная* поддержка въ дѣлѣ борьбы за матеріальное положеніе, то онъ можетъ оказывать свою поддержку только такимъ лицамъ, которыя фактически принимаютъ участіе въ дѣлѣ товарищеской взаимопомощи, а наиболѣе правильная постановка дѣла взаимной поддержки выразится не въ оказываніи спорадической помощи наиболѣе нуждающимся членамъ Общества въ наиболѣе острые моменты нужды, а въ прочной организаціи извѣстныхъ постоянныхъ учреждений, задача которыхъ—предохранить отъ возможности впаденія въ состояние острой нужды; забота о процвѣтаніи такихъ предпріятій должна быть поставлена во главѣ дѣятельности Общества и тогда оно приблизится къ своему идеалу — идеалу товарищескаго союза интеллигентныхъ тружениковъ, взаимно помогающихъ другъ другу вести борьбу за матеріальное существованіе. Но нужно имѣть въ виду, что такіа предпріятія могутъ существовать и развиваться лишь при полномъ объединеніи затѣявшихъ дѣло лицъ и умѣни работать для общаго дѣла планомерно и систематически, подчиняясь установленнымъ въ Обществѣ правиламъ и слѣдуя разъ намѣченнымъ путямъ, и такъ какъ составъ Общества имѣетъ первенствующее значеніе, то оно можетъ допускать въ свою среду только такихъ лицъ, «которыя желаютъ и умѣютъ трудиться для другихъ и вмѣстѣ съ другими, поставляя интересы, волю и честь Общества выше своихъ личныхъ тяготѣній и хотѣній». Такимъ образомъ, первый и основной пунктъ программы долженъ быть изложенъ слѣдующимъ образомъ: «Общество и совѣтъ должны руководствоваться принципомъ взаимопомощи, который въ практическомъ осуществленіи требуетъ, чтобы члены Общества образовали изъ себя *товарищество*, борющееся соединенными силами за матеріальное существованіе входящихъ въ ряды его интеллигентныхъ тружениковъ. Распространяя свои заботы только на тѣхъ, кто фактически принадлежитъ къ его составу, это товарищество должно разрѣшать свои задачи исключительно на почвѣ *коллективной самопомощи* и для достиженія своей цѣли устранять постоянныя учрежденія, какъ напр., бюро по присканію мѣстъ и занятій, кассу ссудъ, основанную на страховыхъ началахъ, кассу пособій, дешевыя квартиры и столовыя и т. п.»

Прежде чѣмъ перейти ко второму пункту программы, т.-е. къ вопросу. изъ какихъ источниковъ Общество должно черпать свои матеріальныя средства и каковъ долженъ быть размѣръ членскаго взноса, совѣтъ ставилъ на видъ, что вышеуказанныя постоянныя учрежденія могутъ быть поставлены на прочную почву лишь въ томъ случаѣ, если ко времени ихъ открытія у Общества образуется болѣе или менѣе солидный капиталъ. Такъ какъ привлеченіе какихъ бы то ни было пожертвованій, какъ со стороны членовъ, такъ и стороннихъ лицъ, не можетъ быть допущено, иначе въ Общество вкрался бы благотворительный элементъ, а сборы съ концертовъ, спектаклей и тому подобныхъ предпріятій не могутъ играть видной роли въ дѣлѣ образованія нужнаго капитала, то его

можно составить лишь изъ членскихъ взносовъ и только съ ними связывать возможность тѣхъ или другихъ начинаній. Но образование значительнаго капитала изъ однихъ членскихъ взносовъ возможно лишь тогда, если размѣръ взноса будетъ значителенъ, а поэтому слѣдуетъ установить ежегодный взносъ въ размѣръ 12 руб. при 25 рубляхъ вступнаго взноса. Изъ предыдущаго само собою вытекало рѣшеніе третьяго вопроса программы—о планѣ дѣятельности на ближайшее время. Денегъ нѣтъ, а безъ нихъ никакаго солиднаго предпріятія не создашь, слѣдовательно, о какихъ бы ни было практическихъ начинаніяхъ пока что не думать, а направить свои заботы на количественное увеличеніе Общества, на привлеченіе въ его ряды желательныхъ для него представителей интеллигенціи, и, въ ожиданіи образованія солиднаго капитала, заняться приведеніемъ въ ясность плана организаціи тѣхъ учрежденій, которыя необходимы для Общества, и установленіемъ между его членами полнаго соглашенія по вопросамъ о задачахъ и дѣлахъ, такъ чтобы Общество представляло стройную армию, дѣйствующую какъ одинъ человѣкъ. Когда все это будетъ, т. е. будетъ много членовъ, будутъ деньги, будетъ ясно, чего Общество хочетъ, тогда и можно будетъ начать дѣлать то, чего оно хочетъ.

Другая часть Общества съ этой программой не нашла возможнымъ согласиться. Оппозиція указывала, что предполагаемая программа крайне суживаетъ задачи Общества, не соответствуетъ утвержденному уставу и интересамъ лицъ, для которыхъ оно основано.

Какъ явствуетъ изъ 1-й и 2-й статьи Устава, Общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій учреждено съ цѣлью оказывать нуждающимся членамъ и ихъ семьямъ именно «спорадическую» помощь въ наиболѣе острые моменты нужды—прискивать имъ мѣста, когда они остаются безъ работы, лѣчить ихъ, когда они заболѣютъ, наконецъ выдавать ссуды и пособия въ случаѣ денежнаго кризиса, а никакъ не для устройства разнаго рода кооперативныхъ предпріятій, которыя, какъ бы они ни были желательны сами по себѣ, поставлены уставомъ на второй планъ, какъ допускаемыя лишь съ особаго разрѣшенія. Дѣло, о которомъ думали составители устава и которое Общество должно постараться осуществить немедленно, заключается не въ томъ, чтобы содѣйствовать поднятію хозяйственнаго уровня его членовъ, при этомъ сравнительно обеспеченныхъ, игнорируя массу наиболѣе нуждающагося интеллигентнаго люда, а въ томъ, чтобы, объединивъ интеллигентныхъ людей различныхъ профессій и различныхъ степеней достатка сознаніемъ равенства всѣхъ предъ возможной бѣдой, равенства, вытекающаго изъ свойствъ труда, какъ источника ихъ дохода, примѣнить идею взаимопомощи къ удовлетворенію элементарнѣйшей потребности рабочаго человѣка—его увѣренности, что онъ не погибнетъ, когда очутится въ нуждѣ, а поэтому главной цѣлью Общества должно быть объединеніе интеллигентныхъ работниковъ, располагающихъ энергіей, образованіемъ, умѣнемъ трудиться и культурными привычками для взаимной поддержки въ трудныя минуты жизни. Признавая однако, что кооперативныя предпріятія, конечно, желательны и что въ средѣ обширнаго круга лицъ, связанныхъ общими интересомъ, могутъ оказаться группы, для которыхъ желательны тѣ или нынѣ спеціальныя учрежденія, оппозиція предлагала дать возможность такимъ группамъ составлять, съ одобренія общихъ собраній и подъ флагомъ Общества, товарищескіе союзы на спеціальныхъ взносахъ, допуская даже поддержку Общества, какъ таковаго, если это спеціальное начинаніе будетъ имѣть общекультурную цѣнность.

Если признать, что цѣлью Общества должно быть не накопленіе солиднаго капитала, хотя бы и въ первый періодъ его существованія, организаціонный, и такъ какъ высокій членскій взносъ можетъ закрыть доступъ многочисленному слою малообезпеченной трудящейся интеллигенціи, которая именно нуж-

дается въ организаціи взаимопомощи, то понятно, что членскій взносъ долженъ быть минимальный изъ допускаемыхъ уставомъ, т.-е. 3 р. въ годъ. При значительномъ числѣ энергичныхъ и готовыхъ пожертвовать на дѣло взаимопомощи свой трудъ лицъ и незначительный членскій взносъ дать возможность покрыть расходы, связанные съ такими на первый разъ самыми необходимыми предпріятіями, какъ устройство бюро по присканію мѣстъ и занятій, медицинская помощь, выдача хотя бы небольшихъ ссудъ и пособій и т. п. Что касается другихъ источниковъ дохода, то, кромѣ дохода отъ концертовъ, вечеровъ и спектаклей, оппозиція допускала возможность пожертвованій не только со стороны членовъ Общества на его нужды, но и со стороны постороннихъ лицъ, не усматривая въ такихъ пожертвованіяхъ ничего для Общества унижательнаго. «Что найдутся лица,—читаемъ въ запискѣ пр. Чупрова,—которыя пожелаютъ поддержать Общество своими жертвами, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и ничего несомнѣннаго съ честью его и вспомошествоваемыхъ имъ лицъ. Интеллигентный трудъ есть условіе матеріальнаго и духовнаго благосостоянія современныхъ народовъ. Отъ дѣятельности лицъ, принадлежащихъ къ этому классу, зависитъ обогащеніе, обученіе, лѣченіе и развлеченіе прочихъ классовъ. По особымъ условіямъ нашего историческаго развитія интеллигентныя профессіи пополняются у насъ преимущественно изъ недостаточныхъ слоевъ нашего населенія, вслѣдствіе чего въ ихъ среде чаще, чѣмъ въ другихъ слояхъ, стучится нужда. Что же мудренаго и ненормальнаго въ томъ, что прочіе классы Общества, сознавая великую роль интеллигентнаго труда въ жизни нашей страны, дѣлается съ его нуждающимися представителями своимъ достаткомъ, а часто избыткомъ. Это представляется естественнымъ и вполне симпатичнымъ проявленіемъ общественной солидарности, которое никогда не можетъ быть чуждо всякой здоровой націи. Отчего не принимать подобныхъ жертвъ? Нельзя же считать, что казна или университетъ унижены тѣмъ, что группа богатыхъ москвичей соорудила на свои средства клиническій городокъ? Не могутъ такія жертвы унижать и тѣхъ, кто ими пользуется. Эта унижительность, дѣйствительно, могла бы имѣть мѣсто при обычной личной формѣ благотворенія, когда нуждающійся протягиваетъ руку къ отдѣльному лицу. Но ея нѣтъ, когда помощь оказывается безличнымъ Обществомъ, когда пособіе поступаетъ изъ общей кассы, гдѣ всѣ жертвы, и большія и малыя, сливаются въ одинъ совокупный фондъ». По третьему пункту программы оппозиція высказалась за то, чтобы немедленно приступить къ оказанію помощи тѣмъ изъ своихъ сочленовъ, которые въ данное время въ ней нуждаются.

Такихъ взглядовъ держалось большинство Общества. Но была еще оппозиціонная группа, крайне, правда, малочисленная, которая, не соглашаясь признать программу совѣта, въ то же время не сходилась со взглядомъ большинства на характеръ Общества, видя въ его основѣ не взаимопомощь, а благотворительность, и находя желательнымъ выдвинуть эту послѣднюю на первый планъ. Положенія ея сводились къ слѣдующему: 1) такъ какъ въ число членовъ Общества входятъ и такія лица, которыя, можно думать, никогда не будутъ нуждаться въ его поддержкѣ, то значить есть благотворители и благотворимые; 2) на его благотворительный характеръ указываетъ и допущеніе пожертвованій; 3) придаваніе Обществу этого характера привлекло бы въ его кассу несравненно больше суммъ, чѣмъ теперь, когда въ немъ видятъ Общество взаимопомощи, и больше дѣятельныхъ лицъ въ его ряды для оказанія помощи людямъ нуждающимся; 4) благотворительный характеръ далъ бы возможность Обществу оказывать поддержку нуждающимся интеллигентнымъ работникамъ, кто бы и гдѣ бы они ни были, а не только членамъ Общества. Такъ какъ эта оппозиціонная группа усматривала главную задачу Общества лишь въ матеріальной поддержкѣ входящихъ въ его составъ лицъ, не обративъ достаточ-

наго вниманія на то, что Общество преслѣдуетъ еще улучшеніе культурныхъ условій существованія интеллигентнаго работника вообще, устраненіе чувства моральнаго одиночества, въ чемъ можетъ нуждаться не только человекъ, получающій денежную помощь, но и дающій свои средства на эту помощь, и что вспомоществуемый членъ Общества можетъ оказаться очень полезнымъ для него въ разныхъ начинаніяхъ, гдѣ требуются не средства, а трудъ или способности, то первыя два положенія не давали достаточныхъ основаній для приданія Обществу благотворительнаго характера. Что касается послѣднихъ двухъ, то они не могли быть приняты въ расчетъ вслѣдствіе того, что они были предложены въ крайне неразработанномъ видѣ и, кромѣ того, не обнимались уставомъ. Прослѣдивъ борьбу взглядовъ на задачи Общества, легко замѣтить, что обнаружившіяся въ немъ направленія являются отраженіемъ борьбы классовыхъ интересовъ. Съ одной стороны выступили интересы «хозяйственнаго интеллигента», съ другой—интеллигентнаго пролетарія, чувствующаго свое одиночество въ борьбѣ съ хозяйственными интересами вообще и пожелавшаго сгруппироваться въ дружескій союзъ для взаимной поддержки на случай бѣды, руководствуясь тѣмъ, что бѣда не постигаетъ всѣхъ сразу, и предполагавшаго, что въ Обществѣ себѣ подобныхъ онъ найдетъ не только матеріальную помощь, но и такую обстановку, которая поддержитъ его энергію и его достоинство. Такъ какъ большинство Общества оказалось на сторонѣ оппозиціи, то совѣтъ, видя, что предложенная имъ программа не можетъ создать направленія, сложилъ съ себя полномочія и вслѣдъ затѣмъ 16 членовъ, для которыхъ участіе въ Обществѣ не представлялось полезнымъ, вышли изъ его состава.

16-го марта 1899 года былъ избранъ новый совѣтъ (въ него вошли Н. Я. Гротъ и Н. И. Тимковскій), который выработалъ слѣдующую одобренную общимъ собраніемъ инструкцію совѣту, являющуюся въ то-же время программой дѣятельности Общества:

I. Цѣли Общества. Московское Общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій основано съ слѣдующими цѣлями:

1. Оказывать помощь нуждающимся членамъ Общества и ихъ семействамъ въ наиболѣе острыхъ минуты нужды чрезъ выдачу пособій и ссудъ, чрезъ пріисканіе мѣстъ и занятій, оказаніе медицинской помощи и т. п.
2. Организовать различныя учрежденія, вносящія къ предупрежденію нужды, а именно: дешевыя квартиры, столовыя, дѣтскія общезитія, дѣтнія ученическія колоніи, совмѣстное подготовительное обученіе дѣтей и т. п.
3. Способствовать улучшенію культурныхъ условій существованія интеллигентнаго работника путемъ устройства совмѣстныхъ развлеченій, лекцій, курсовъ, вечеровъ и другими способами.

II. Основной принципъ дѣятельности. Въ основу дѣятельности Общества долженъ лечь принципъ взаимопомощи. Члены Общества, соединяя свои разрозненныя силы, коллективными усиліями поддерживаютъ и облегчаютъ другъ друга въ борьбѣ съ неблагоприятными условіями жизни, рассчитывая прежде всего и больше всего на свою энергію и на свои матеріальныя и нравственныя силы. Взаимная помощь осуществляется лишь въ предѣлахъ Общества, другими словами, право на нее имѣютъ лишь члены Общества и ихъ семейства.

III. Составъ Общества. Членомъ Общества можетъ быть каждый интеллигентный работникъ, сочувствующій идеѣ взаимопомощи и готовый отдать часть своего времени, труда, энергіи и денежныхъ средствъ на общее дѣло.

IV. Членскіе взносы. Членскій взносъ назначается въ 3 р. въ годъ. Все, что поступаетъ отъ члена при уплатѣ взноса сверхъ этой суммы, считается пожертвованіемъ, которое можетъ имѣть и специальное назначеніе. Членскій взносъ можетъ уплачиваться въ разсрочку по соглашенію съ казначаемъ Общества.

V. Пожертвованія. Денежныя и иныя пожертвованія принимаются отъ членовъ Общества или въ полное распоряженіе Общества, или съ специальнымъ назначеніемъ, не противорѣчающимъ цѣлямъ Общества.

VI. Разные доходы. Концерты, лекціи, вечера и т. п. начинанія Общества, служа однимъ изъ средствъ духовнаго объединенія членовъ, устраиваются также и съ цѣлью увеличенія средствъ Общества, при чемъ всѣ подобныя предпріятія должны привлекать средства не благотворительною цѣлью, а своимъ содержаніемъ.

VIII. Специальныя предпріятія. Денежныя средства Общества, составляющіяся изъ членскихъ взносов, пожертвованій и доходовъ съ концертовъ, спектаклей и т. п., назначаются на общія нужды Общества, каковы, напр., бюро труда, касса ссудъ и пособій, медицинская помощь, библиотека и т. п.; что же касается учреждений, отвѣчающихъ потребностямъ не всѣхъ членовъ, а только въ некоторыхъ, какъ. напр., столовыя или дѣтскія общешитія, то организація ихъ является возможной на особыхъ условіяхъ и съ особыми денежными средствами, составляемыми изъ специальныхъ взносовъ членовъ, нуждающихся въ данномъ предпріятіи.—Лишь въ концѣ 1899 года Общество могло считать себя съ организованнымъ и приступитъ къ практической работѣ. Въ виду сложности задачъ, которыя возложены на совѣтъ уставомъ и инструкціей, Общество нашло необходимымъ образовать, въ помощь совѣту, особую исполнительную комиссію, предусмотрѣнную § 24 устава, для выполненія отдѣльныхъ функцій, и общими собраніями были намѣчены слѣдующія комиссіи:

- 1) по выдачѣ ссудъ и пособій;
- 2) по присканію мѣстъ и занятій;
- 3) по оказанію медицинской помощи;
- 4) по оказанію юридической помощи;
- 5) по устройству вечеровъ и лекцій;
- 6) по сношенію съ иногородними членами;
- 7) по организаціи учреждений на специальныхъ взносахъ.

Такъ какъ каждое изъ намѣченныхъ предпріятій представляло значительныя трудности и требовало детальной разработки, то совѣтомъ были образованы предварительно совѣщательныя комиссіи по всѣмъ указаннымъ вопросамъ, которыя взяли на себя разработку организаціи каждой отдѣльной исполнительныя комиссіи, плана ея дѣятельности и, въ зависимости отъ этого, инструкціи для нихъ. Въ декабрѣ 1899 года совѣщательныя комиссіи были организованы и съ этимъ Общество вступило во второй годъ своего существованія при 188 членахъ *) и съ капиталомъ 384 р. 36 коп. Я.

Изъ русскихъ журналовъ.

Избирательная борьба въ Америкѣ. Г. II. Тверской. («Вѣстникъ Европы», июнь) дѣлаетъ характеристику послѣднихъ президентскихъ выборовъ въ Америкѣ (въ ноябрѣ прошлаго года). Какъ извѣстно, кандидаты республиканской партіи—въ президенты Макъ-Бинлей и въ вице-президенты Рузевель одержали небывалую въ политической исторіи Америки побѣду, именно, получили большинство въ 800.000 голосовъ. Между тѣмъ, соперникъ Макъ-Бинлея, кандидатъ демократической партіи, Брайанъ, со времени предыдущихъ выборовъ 1896 года, потерялъ огромное количество избирателей. Торжество республиканцевъ надъ демократами, означаетъ въ сущности торжество оппортунизма. За по-

*) На 4-е февраля 1901 года число членовъ равняется 1.093.

слѣднія двадцать лѣтъ избирательныя кампаніи въ Штатахъ, совершенно перемѣнили характеръ: организаціи партій доведены до изумительнаго совершенства, буквально ни одинъ избиратель не минуетъ ихъ рукъ и подвергается самой настойчивой обработкѣ. Прежде старались дѣйствовать на чувства и воображеніе избирателей, покорить ихъ эффектнымъ ораторскими приемами, ошеломить чудовищной клеветой противниковъ, и столь-же неумѣренными восхваленіями своихъ кандидатовъ. На теперешняго избирателя эти глубочные приемы уже не дѣйствуютъ, его можно захватить только доводами и убѣжденіями, и настоящая избирательная борьба ведется логическими средствами—разсужденіями, доказательствами, публичными спорами. Это съ несомнѣнностью доказываетъ, что политическое развитіе массъ сдѣлало огромные успѣхи, и главнымъ образомъ благодаря избирательнымъ кампаніямъ; дѣйствительно, политическая агитація въ Америкѣ необыкновенно агрессивна, она волей-неволей выводитъ избирателя изъ пассивнаго состоянія, за цѣлые полгода до выборовъ, всячески тормозитъ его, убѣждаетъ, заставляетъ думать и разбираться въ массѣ противорѣчивыхъ доводовъ. Въ результатѣ этой наступательной системы количество подаваемыхъ голосовъ быстро росло, и въ 1896 г. достигло до небывалаго отношенія: число не принимавшихъ участія въ голосованіи составляло менѣе 1% всѣхъ зарегистрированныхъ избирателей. Въ прошломъ году эта пропорція вдругъ сильно мѣняется: около милліона избирателей воздержались отъ подачи голоса. Этотъ фактъ является очень важнымъ для опредѣленія политическаго настроенія массъ и бросаетъ серьезныя сомнѣнія на рѣшительную побѣду республиканской партіи. Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе президентскіе выборы программы обѣихъ враждебныхъ партій были гораздо сложнее, чѣмъ прежде; напр., въ 1896 г. основное различіе между кандидатурами сводилось къ вопросу о валютѣ—золотой или серебряной, и третьяго рѣшенія быть не могло. Въ прошломъ же году, такихъ коренныхъ вопросовъ было до полу-дюжины, и естественно, что въ этомъ случаѣ положеніе избирателя было гораздо болѣе трудное—ему приходилось разбираться между отаѣльными пунктами, взвѣшивать, входить въ компромиссъ, и голосованіе явилось такимъ образомъ не простымъ и яснымъ актомъ, а результатомъ сложнаго разсчета и сдѣлокъ съ совѣстью. Положеніе было затруднено еще и тѣмъ, что въ то время, какъ республиканская партія представила точную и ясную программу, демократическая—многіе вопросы оставляла въ тѣни и туманѣ. Главныя пункты республиканской «платформы» состояли въ проведеніи золотой валюты, въ поддержаніи трѣстовъ, въ защитѣ покровительственныхъ внѣшнихъ тарифовъ, въ одобреніи правительственной политики по отношенію къ Филиппинскимъ островамъ и вообще имперіалистическихъ тенденцій и др. Кандидатъ республиканской партіи Макъ-Кинлей, не смогъ на свою безспорную репутацію государственнаго человѣка, вооружилъ противъ себя наиболѣе интеллигентные круги, своимъ безразборчивымъ оппортунизмомъ; руководящимъ началомъ своей политики онъ ставитъ «злону дня», интересамъ минуты и требованіямъ толпы онъ жертвуетъ основными принципами общественнаго блага. Демократическая партія выставила на своемъ знамени прежде всего борьбу съ имперіализмомъ и вообще осужденіе колониальной политики послѣдняго времени, затѣмъ протестъ противъ милитаризма, противъ трѣстовъ и всякаго рода монополій, свободную чеканку серебра и т. п. Личность кандидата демократической партіи Брайана, не могла объединить вокругъ себя всѣхъ партизановъ; многими промахами онъ успѣлъ обнаружить свою недалковидность, а упрямымъ настаиваніемъ на серебряной валютѣ, когда вопросъ этотъ и теоретически и практически потерпѣлъ полное пораженіе, Брайанъ дискредитировалъ себя какъ государственнаго человѣка. Этимъ отношеніемъ къ Брайану въ значительной степени объясняется то, что около милліона избирателей-демократовъ уклони-

лись отъ голосованія; кромѣ того, серебряная валюта оттолкнула отъ него и большую группу республиканцевъ-анти-империалистовъ, которые готовы были примкнуть къ нему во имя осужденія колониальной политики правительства. Впрочемъ, и въ походѣ противъ империализма, демократы подорвали къ себѣ довѣріе непослѣдовательностью; отстаивая дарованіе независимости филиппинцамъ, они въ тоже самое время лишили права голоса негровъ въ южныхъ штатахъ. Само собою разумѣется, это серьезно ослабило ихъ позицію и содѣйствовало побѣдѣ республиканцевъ. Перевѣсъ республиканской программѣ данъ былъ главнымъ образомъ промышленными классами. За послѣдніе четыре года, въ Штатахъ наблюдается поразительный ростъ промышленнаго и коммерческаго развитія. Американскіе товары дѣлаютъ быстрыя завоеванія на всѣхъ мировыхъ рынкахъ, перебивая и англійскую и германскую конкуренцію. Этотъ широкій универсальный сбытъ, само собою разумѣется, поднялъ въ странѣ лихорадочное промышленное возбужденіе, расшевелилъ грюндерскіе инстинкты,—и покровительственная политика Макъ-Кинлея пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу этому «духу времени»; отвлеченные принципы отступили на задній планъ, интересы кармана сыграли рѣшающую роль въ выборѣ Макъ-Кинлея. Колониальную политику Макъ-Кинлея ошибочно называютъ «империализмомъ», ибо собственно политическихъ тенденцій въ ней нѣтъ и слѣда; она основана исключительно на торговыхъ, чисто купеческихъ интересахъ. Въ связи съ колониальной политикой стоитъ очень важный вопросъ, волнующій въ настоящее время американское общество: по духу американской конституціи во всѣ вновь завоеванныя земли вводится государственный строй Штатовъ, между тѣмъ эксплуататорская колониальная система современнаго правительства отступаетъ отъ этого правила, и вводитъ въ вновь присоединенныя страны особое, «временное» положеніе, предоставляющее метрополи свободу безнаказаннаго хищенія. Такъ, Филиппины и Порто-Рико управляются въ настоящее время военными властями; на Филиппинахъ уже около двухъ лѣтъ усмирять возстаніе семидесятитысячная армія и большая половина всего американскаго флота, усмиреніе ведется энергично, ибо и до сихъ поръ появляются еженедѣльные списки убитыхъ и раненыхъ. Однимъ изъ основныхъ вопросовъ, раздѣляющихъ политическія партіи, является вопросъ о трѣстахъ. Хотя трѣсты уже давно подвергаются упорной атакѣ съ разныхъ сторонъ, хотя вредъ широкихъ монопольныхъ союзовъ безспорно установленъ, однако борьба съ трѣстами и ихъ защитниками не имѣетъ до сихъ поръ никакого успѣха. Съ одной стороны, представители науки оправдываютъ существованіе трѣстовъ, какъ вполне естественной фазы экономической эволюціи, съ другой—они же находятъ и практическія преимущества за такими объединяющими организаціями въ ихъ способности предупреждать промышленныя кризисы и понижать цѣны. Однако, трудящіяся классы, испытывающіе на себѣ всѣ тяготы этихъ привилегированныхъ союзовъ, энергично протестуютъ противъ трѣстовъ. Но не только отдѣльныя усилія—само законодательство Штатовъ не въ силахъ справиться съ этою все растущею властью монополій: ради этого необходимо преобразовать и общее національное законодательство, и мѣстное законодательство отдѣльныхъ штатовъ, такъ какъ теперь нерѣдко промышленныя корпораціи получаютъ хартіи въ какомъ-нибудь маленькомъ штатѣ, а съѣти свои раскидываютъ на широкое пространство—по всему Союзу, въ тѣхъ штатахъ, гдѣ подобныя корпораціи не разрѣшаются. Въ заключеніе авторъ высказываетъ опасеніе, что при продолжающейся быстротѣ промышленнаго развитія Америки въ недалекомъ будущемъ долженъ вспыхнуть острый конфликтъ между Европой и Америкой; американскіе товары побѣдятъ другіе своими качествами и дешевой цѣной, и наводнятъ собою всѣ европейскіе рынки. Ввозные тарифы Франціи, Германіи и Австріи противъ Америки уже и теперь ненормально вы-

соки, такъ что дальнѣйшее повышеніе ихъ едва-ли возможно. Въ Англіи и Австріи многіе провидятъ опасность, и англійская печать полна самыми тревожными предостереженіями на счетъ близкаго промышленнаго завоеванія Европы Америкой.

Къ реформѣ учебнаго дѣла. Вопросъ о реформѣ учебнаго строя послѣдніе мѣсяцы не сходитъ со столбцовъ газетъ и журналовъ. Относительно университетовъ, можно, кажется, считать уже достаточно натверженными основныя принципы ихъ переустройства. Академикъ А. Фаминцынъ въ послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы» касается этого вопроса съ новой стороны. До сихъ поръ обсужденіе вопросовъ образованія грѣшило односторонностью: все, что относилось къ учебному дѣлу, разсматривалось въ тѣсныхъ предѣлахъ учебнаго вѣдомства, за этотъ рѣзко очерченный кругъ вопросы образованія почти не выносились. Само собой разумѣется, жизнь не знаетъ искусственныхъ границъ и, быть можетъ, готовить въ будущемъ серьезныхъ разочарованій сторонникамъ этой узко-профессіональной точки зрѣнія. Г. Фаминцынъ раздвигаетъ эти искусственныя границы и вставляетъ учебный вопросъ въ болѣе широкія рамки общественной жизни. Онъ задается спеціальной темой о причинахъ студенческихъ волненій. «Въ настоящее время, говоритъ онъ, особенно большія надежды возлагаются на реформу университетскаго строя. Никто, конечно, не сомнѣвается, что эта мѣра необходима, но этимъ не устраняется, однако, еще неволью напрашивающійся вопросъ: можетъ ли она одна служить вѣрной гарантіей прекращенія волненій». На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ словами Пирогова: «Не многіе знаютъ, что университетъ выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ болѣе, чѣмъ всѣ другія учрежденія. Взглянувъ на университетъ глубже, можно вѣрно опредѣлить и духъ общества, и всѣ общественныя стремленія, и духъ времени... Университетъ есть лучший барометръ общества... Исходя изъ этихъ положеній, Пироговъ не видитъ возможности одними регламентаціями направить университетъ на желанный путь. По мнѣнію г. Фаминцына, безсиліе министерства народнаго просвѣщенія въ борьбѣ со студенческими беспорядками происходитъ отъ неправильнаго пониманія сути студенческихъ волненій. «Ошибка заключается въ томъ, что не въ университетскихъ волненіяхъ кроется недугъ общества, что онъ коренится гораздо глубже, и что волненія молодежи не что иное, какъ одинъ изъ очень ясныхъ и мучительныхъ симптомовъ недуга, охватившаго все наше общество,—а не самый недугъ». Поэтому министерство, направлявшее всѣ усилія на подавленіе симптома, а не самого общественного недуга, не могло достигнуть успѣшнаго умиротворенія университетскихъ беспорядковъ. Въ чемъ же состоитъ недугъ общества, особенно сильно сказавшійся на строѣ нашего учебно-воспитательнаго дѣла? «Корень всего зла практиковавшейся системы воспитанія есть до крайней степени развѣвшаея въ послѣднее время огульное заподозриваніе и недоувѣріе со стороны министерства, какъ учащихся, такъ и учащаго персонала, со включеніемъ сюда и ученой профессорской коллегіи. Если принять во вниманіе обязательное для наставниковъ выслѣживаніе учениковъ внѣ школы, принудительные обыски на квартирахъ учениковъ, не исключая живущихъ съ родителями, и, въ довершеніе всего, обязательное шаблонное преподаваніе по рекомендованному министерствомъ учебнику, съ угрозой кары за малѣйшее отъ него отступленіе въ сторону, то становится понятнымъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, на какое жестокое положеніе оказывались обреченными какъ учителя, такъ и ученики, при господствовавшемъ въ министерствѣ режимѣ. Руководясь убѣжденіемъ, что только при непосредственномъ контролѣ съ его стороны дѣло просвѣщенія можетъ идти правильно, министерство изобрѣдлось главнымъ образомъ въ изобрѣтеніи средствъ контроля и въ возможно большомъ ограниченіи личной инициативы».

Какъ извѣстно, въ новомъ университетскомъ строѣ предполагается введеніе корпоративныхъ организацій студенчества. По этому вопросу находимъ обстоятельныя разъясненія во внутреннемъ обзорѣи той же книжки «Вѣстникъ Европы». Авторъ перечисляетъ и характеризуетъ всевозможные типы студенческихъ союзовъ—землячества, курсовыя, факультетскія и общеуниверситетскія собранія, научныя и литературныя кружки—и находитъ, что всѣ они должны быть разрѣшены, ибо каждый изъ нихъ удовлетворяетъ какой-нибудь особой, и вполне законной, потребности студенческой жизни. Всѣ эти виды коллективной студенческой жизни могутъ идти рука объ руку, дополняя, а не исключая другъ друга, и выборъ между ними долженъ быть предоставленъ самимъ студентамъ. «Землячества, основанныя на общности гимназическихъ воспоминаній, на давно сложившейся и окрѣпшей товарищеской связи, имѣютъ въ виду преимущественно взаимопомощь, матеріальную и нравственную; они облегчаютъ начинающему студенту первые шаги на новомъ поприщѣ, служатъ для него точкой опоры въ незнакомомъ городѣ, мѣстомъ отдыха отъ занятій». Но землячества, въ которыхъ участвуютъ представители разныхъ учебныхъ заведеній, и мужскихъ и женскихъ, въ которыхъ смѣшиваются всѣ курсы и всѣ факультеты, конечно, не могутъ служить выразителями профессиональныхъ нуждъ и желаній какой-нибудь одной группы—курса или факультета. Поэтому организація курсовыхъ и факультетскихъ собраній является существенно-необходимой: отсутствіе узаконенной формы для выраженія желаній и потребностей студенчества не разъ служило первоисточникомъ волненій. Курсовыя и факультетскія собранія имѣютъ специальную цѣль—они приобщаютъ студента къ университетскимъ интересамъ, дѣлаютъ его активнымъ участникомъ университетской жизни. Завершеніемъ и объединеніемъ этихъ союзовъ могло бы служить собраніе выборныхъ отъ курсовъ или факультетовъ, какъ представительство интересовъ всего студенчества. «Научныя и литературныя кружки удовлетворяютъ совершенно другой потребности, растущей параллельно съ умственной зрѣлостью студентовъ,—потребности въ обмѣнѣ мыслей, въ повѣркѣ слагающихся взглядовъ, въ примѣненіи приобретенныхъ знаній». Само собою разумѣется, что всѣ поименованныя корпоративныя студенческія организаціи должны находиться исключительно въ вѣдѣніи университетскаго совѣта.

О патриотизмѣ и націонализмѣ. Хроникеръ внутренней жизни «Русскаго Богатства» (май) характеризуетъ особый видъ нездороваго патриотизма, громко кричащаго о себѣ въ послѣднее время. Истинный, нормальный патриотизмъ рождается естественно, изъ ненабѣжной связи нашей со всѣмъ роднымъ: «Наши недостатки намъ ближе и больнѣе, а наши достоинства, когда они проявляются въ дѣйствіи,—тоже ближе и пріятнѣе. И все вышѣе—и достоинства и недостатки—чувствуется нами непосредственнѣе и интенсивнѣе, чѣмъ свойства другихъ народовъ... Но это не должно заставлять насъ любить и прославлять недостатки лишь потому, что они наши, и отрицать чужія достоинства, потому что они чужія...» Истинное сознаніе національнаго достоинства незамѣтно проникаетъ собою наши чувства, мысли, поступки и не выставляется на площади съ барабаннымъ боемъ, какъ это дѣлаютъ ультра-русскіе, сугубо-русскіе патриоты. Они демонстративно заявляютъ свои патриотическія пристрастія, вызывающе озираясь на сосѣдей. Этотъ видъ нездороваго, воинствующаго, наступательнаго патриотизма называется въ послѣднее время націонализмомъ. Съ одной стороны національное самовозвеличеніе и самохвальство: «мы ррусскіе люди!» съ другой шовинистическая травля: «долой жиловъ, долой нѣмцевъ, долой поляковъ!...» «А такъ какъ, разумѣется, перваго утвержденія никто не опровергаетъ, то, по самой логикѣ вещей, вся суть явленія, его центръ тяжести переходитъ на вторую половину формулы. Такимъ образомъ, реальное содержаніе націонализма сводится на «отрицаніе» другихъ

національностей». Само собою разумѣется, что націонализмъ не можетъ удовлетвориться той формулой патриотизма, по которой мы особенно сильно чувствуемъ отрицательныя свойства нашей жизни именно потому, что они наши,—что ими болѣе и отъ нихъ страдаютъ именно и прежде всего люди намъ наиболѣе близкіе. «Бреттерствующій патриотизмъ не можетъ признать своихъ недостатковъ, и опять по логикѣ вещей, очень скоро все *особенности* нашей жизни, уже потому, что онѣ наши, признаются добродѣтелями, а чужія отличія—обращаются сплошь въ пороки...» Любопытно, что націонализмъ всегда сопровождается большей или меньшей склонностью къ ретроградству; вездѣ прогрессивныя теченія вступаютъ въ конфликтъ съ воинствующимъ націонализмомъ. Такъ, Катковъ въ началѣ своей публицистической дѣятельности былъ либераломъ и даже конституціонистомъ, но затѣмъ, подъ вліяніемъ болѣзненно задѣтаго націонализма, быстро и рѣшительно поворотилъ въ сторону реакціи. Также и Суворинъ, нѣкогда либеральный публицистъ, какъ только перешелъ къ вульгарному націонализму, немедленно отправился на поклонъ къ Каткову, открытому врагу всякаго прогресса въ русской жизни. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ того же Суворина принимаетъ въ свои объятія уже даже не Катковъ, а князь Мещерскій... Такъ сильно тяготѣніе націонализма къ обскурантизму. Дѣйствительно, переходъ въ реакціонный лагерь представляетъ у насъ соблазнительныя перспективы: вмѣсто того, чтобы упорнымъ трудомъ и часто безплодно бороться съ темнымъ наслѣдіемъ прошлаго, съ закоренѣлыми предрасудками, публицистъ сразу можетъ стать силой, добиться блестящаго успѣха,—ради этого стоитъ только переимѣнить фронтъ и вмѣсто борьбы съ темными инстинктами массы—начать потакать имъ, вмѣсто осужденія предрасудковъ и мертвящихъ остатковъ старины—ихъ поддерживать и поощрять. Нѣтъ болѣе требованія тяжелой работы надъ собой, обузданія слѣпыхъ страстей во имя «братства всехъ людей»,—и толпа довольна, даетъ волю грубымъ инстинктамъ челоуѣконенавистничества противъ евреевъ, поляковъ и др. и рукоплещетъ публицисту.

За Пиринеями. Г. П. Головачевъ описываетъ свои путевыя впечатлѣнія отъ поѣздки въ Испанію и Португалію. Автора поражаетъ необычайная архаичность, бросающаяся въ глаза всюду и во внѣшнемъ видѣ городскихъ улицъ, и при знакомствѣ съ внутреннимъ бытомъ. Португальскіе города, напр. Лиссабонъ, Коимбра, лежатъ на нѣсколькихъ холмахъ, улицы, узкія, извилистыя, то взбираются на крутые подъемы, то прерываются каменными лѣстницами, то внезапно заканчиваются обрывомъ, съ котораго открывается превосходный видъ. Зигзаги улицъ то окружены каменными стѣнами, то украшены пальмами, между ними тамъ и сямъ съ холмовъ пробиваются и журчатъ ручейки. Во многія улицы не могутъ въѣзжать повозки—тамъ могутъ расхаживать только нагруженные ослики. Особенность построекъ, придающая городу средневѣковой характеръ, состоитъ изъ нѣсколькихъ ярусахъ тѣсныхъ, низенькихъ мансардъ, устроенныхъ на крышахъ домовъ, обыкновенно надъ четвертымъ этажомъ. До землетрясенія 1755 года этотъ лабиринтъ мансардъ съ ихъ переходами и лѣсенками былъ еще запутаннѣе, и потому можно себя представить ужасныя опустошенія, которыя должно было произвести здѣсь землетрясеніе. Уличная жизнь въ Лиссабонѣ очень оживленная, толпа шумная и экспансивная; въ португальскомъ національномъ типѣ рѣзко отложились негритянскія, арабскія, еврейскія черты. Мѣстный колоритъ уличной жизни придетъ время отъ времени, то тамъ то здѣсь, скучивающаяся публика: посреди господинъ въ цилиндрѣ усердно рекламируетъ разныя патентованныя средства отъ всехъ болѣзней въ баночкахъ и сляночкахъ. Публика убѣждается больше всего дешевой чудодѣйственныхъ лѣкарствъ и охотно раскупаетъ ихъ. Португальскія церкви не наизысн снаружи и не нарядны внутри: вдоль стѣнъ разставлены грубыя изображенія святыхъ, одѣтыя въ полный костюмъ, въ башмакахъ, съ

кольцами на руках. Единственный португальскій университетъ находится въ Коимбрѣ,—въ Лиссабонѣ и Оporto существуютъ лишь неполныя высшія школы. Коимбра, старинный городъ, всецѣло поглощенъ университетомъ: тамъ все «академическое»,—улица Наукъ, Математики и т. п., есть академическія фотографіи, магазины, есть академическіе портные, саножники, парикмахеры. Университетъ очень древній, основанъ еще въ 1290 году. До сихъ поръ средневѣковыя традиціи еще очень живучи въ университетѣ. Каждый годъ 1-го октября профессора должны являться въ университетскую капеллу, давать тамъ присягу и провозносить исповѣданіе католической вѣры, какъ установлено папой Піемъ IV въ 1564 году, Докторскіе диспуты происходятъ при соблюденіи правилъ и церемоній, установленныхъ еще въ 1451 году. Во время торжественнаго акта профессора являются во всемъ средневѣковомъ парадѣ. Лекціи они читаютъ въ тогахъ, особыхъ пелеринахъ и докторскихъ беретахъ. Студенты обязаны носить черныи костюмъ, похожій на сутану католическихъ священниковъ, только покороче, могутъ выходить на улицу и посѣщать университетъ только въ длинной черной тогѣ и съ непокрытой головой. Въ октябрѣ прошлаго года ректоръ объявилъ войну лакированнымъ ботинкамъ, накрашленнымъ манишкамъ и перчаткамъ, въ которыхъ начали было щеголять богатые студенты, нарушая этии средневѣковыя обычаи. Любопытную особенность мѣстной студенческой жизни представляютъ «республики». Это группы студентовъ человѣкъ отъ 9 до 15, заводящихъ ради экономіи артельное хозяйство. Они нанимаютъ помѣщеніе (квартира въ 10 комнатъ стоитъ въ Коимбрѣ 130 руб. въ годъ), прислугу, заводятъ хозяйственный инвентаръ и ежемѣсячно вносятъ извѣстную очень небольшую сумму (около 9 р.) на содержаніе. Женщинамъ входъ въ «республики» строго запрещенъ обычаемъ. Ежедневно зимой въ 6, а лѣтомъ въ 7 часовъ вечера раздается звонокъ съ университетской башни, означающій, что студенты не имѣютъ права показываться на улицахъ, и за нарушение этого предписанія старшіе студенты обрѣзываютъ у виновнаго усы или волосы. Есть въ Коимбрѣ студенческіе клубы, въ которыхъ проциѣтаютъ карты, есть масонская ложа; масонскихъ ложъ въ Португаліи до 150, онѣ состоятъ въ сношеніяхъ и съ русскими ложами, изъ которыхъ одна или двѣ имѣются въ Москвѣ. Такой же архаическій характеръ носятъ и испанскіе университеты; возьмемъ для примѣра программу историко-филологическаго факультета: латинскій, греческій и еврейскій языки, всеобщая исторія, всеобщая литература, метафизика и «критическая» исторія Испаніи. Библіотеки испанскихъ университетовъ составлены почти исключительно изъ библіотекъ упраздненныхъ монастырей,—это опредѣляетъ, разумеется, составъ книгъ; вотъ почему такія библіотеки почти не посѣщаются даже студентами, которые предпочитаютъ публичныя библіотеки, съ ихъ болѣе свѣжими каталогами.

Къ характеристикѣ Клейнмихеля. Г. В. Панаевъ. («Русская Старина», июнь) передаетъ случай проявленія общественнаго негодованія противъ Клейнмихеля въ 1843—1844 году. Поводомъ послужила жестокая расправа Клейнмихеля съ выпускными воспитанниками института инженеровъ путей сообщенія. Въ послѣднемъ классѣ инженеры подчинялись двойному начальству: военному и учебному. Отъ 2 до 5 часовъ дежурилъ офицеръ по фронтовой части, а съ 5 его сѣнялъ дежурный инженеръ. Однажды инженерный офицеръ опоздалъ на дежурство на четверть часа, офицеръ по фронтовой части вошелъ въ это время въ классъ и сдѣлалъ какое-то грубое замѣчаніе одному воспитаннику. Тотъ отвѣтилъ ему, что онъ не имѣетъ права теперь не только дѣлать какія бы то ни было распоряженія, но даже входить въ классъ. Многіе товарищи поддержали своего и стали кричать, чтобы офицеръ ушелъ изъ класса. Въ результатѣ пять человѣкъ были арестованы, разжалованы въ солдаты и жестоко наказаны розгами. Этотъ фактъ произвелъ подавляющее впе-

члѣніе, какъ оскорбленіе всего корпуса инженеровъ. Слухъ объ этомъ быстро разнесся по всему Петербургу, и когда вскорѣ Клейнмихель появился въ итальянской оперѣ, то немедленно поднялся въ театрѣ крикъ: «Живодеръ, тиранъ! Вонъ отсюда, живодеръ!» и многіе указывали руками на ложу, гдѣ появился Клейнмихель. Конечно, онъ немедленно скрылся. Въ этомъ порывѣ негодованія приняли участіе всѣ и преимущественно дамы, поэтому и не было предпринято разслѣдованія объ инициаторахъ этой демонстраціи.

Борьба имп. Николая I съ канцелярскою рутиною. Въ той же книжкѣ «Русской Старины» г. В. Вешняковъ сообщилъ резолюціи императора Николая I на бумагахъ департамента государственныхъ имуществъ въ 1837 г. Интересуясь задуманнымъ имъ въ это время преобразованіемъ управленія государственныхъ крестьянъ, имп. Николай потребовалъ, чтобы всѣ бумаги этого департамента, прежде чѣмъ поступить на разсмотрѣніе министра, пересылались къ нему, и онъ самъ по нимъ будетъ постановлять рѣшенія. Такихъ бумагъ съ замѣчаніями имп. Николая хранится въ департаментѣ общихъ дѣлъ 31. Большая часть царскихъ пометъ на этихъ документахъ относится къ способу составленія бумагъ и указываетъ на бесполезность слишкомъ длиннаго изложенія, на излишнія повторенія. Такъ, на одномъ предписаніи, подписанномъ уже министромъ гр. Канкриномъ, Николай писалъ: «Я полагаю, что прописка всѣхъ сихъ обстоятельствъ въ отвѣтной бумагѣ совершенно лишнее... можно было сказать ясно и коротко». Иногда онъ отмѣчалъ чертой нѣсколько строкъ и надписывалъ: «лишнее», или: «начать нужно было тутъ». Когда подъ вліаніемъ этихъ замѣчаній, бумаги стали писать короче, императоръ надписывалъ одобрительныя замѣчанія: «правильно, но прибавить должно было №». Помню канцелярской формы, нѣкоторыя бумаги обращали на себя его вниманіе и по существу. Такъ, по поводу одного проекта онъ потребовалъ: «Представить дѣло; а начальника отдѣленія, въ которомъ бумагу писали, за поднесеніе ко мнѣ бумаги со скобленными именованіями, посадить, въ примѣръ другимъ, на 8 дней на Сенатскую гауптвахту». Въ результатѣ этого разсмотрѣнія исходящихъ бумагъ департамента государственныхъ имуществъ, имп. Николай пригласилъ къ себѣ графа П. Д. Киселева и завелъ съ нимъ рѣчь объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ: «Я давно убѣдился,—говорилъ императоръ,—въ необходимости преобразованія ихъ положенія; но министръ финансовъ, отъ упрямства или неумѣнья, находитъ это невозможнымъ. Я его знаю и потому настаивалъ на необходимости заняться пристально и, увидѣвъ, что съ нимъ это дѣло не пойдетъ, рѣшился приступить къ нему самъ и положить основаніе подъ личнымъ своимъ руководствомъ... Мнѣ нуженъ помощникъ, и какъ я твои мысли на этотъ предметъ знаю, то хочу тебя просить принять все это дѣло подъ свое попеченіе и заняться со мною». А гр. Канкрину «я доказалъ, по прочтеніи входящихъ и исходящихъ бумагъ за цѣлую недѣлю, что они пишутъ вздоръ, что онъ бумагъ этихъ не видитъ и что все дѣло идетъ безъ толку». Любопытно, что эта строгая царская критика канцелярскихъ порядковъ разбила о канцелярскую рутину и не привела ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Когда гр. Канкрину представленъ былъ докладъ, въ которомъ объяснялось, что бумаги, вызвавшія замѣчанія императора, составлялись по принятому въ дѣлопроизводствѣ порядку, и виждѣ испрашивалось распоряженіе, какъ поступить съ этими бумагами и какъ дѣйствовать на будущее время,—то была положена слѣдующая резолюція: «Г. министръ финансовъ отозвался, что всѣ оныя бумаги слѣдуютъ, переписавъ въ томъ же видѣ, прислать къ подписанію его сіятельства, а тѣ, на коиѣ высочайшія отмѣтки, хранить въ департаментѣ; что упомянутыя отмѣтки приняты будутъ въ руководство при составленіи новаго образованнаго департамента и что, впредь, надлежитъ съ оными сообразоваться, *поколикъ установленный порядокъ дозволитъ*».

За границей.

Французскіе конгрессы. По инициативѣ двухъ молодыхъ французскихъ поэтовъ, Пуансо и Норманда, еще неуспѣвшихъ, впрочемъ, стяжать себѣ всемірную извѣстность, въ Парижѣ состоялся первый конгрессъ поэтовъ. Программа этого конгресса обѣщала быть интересной; для обсуждения предложены были слѣдующіе три вопроса: 1) литературная децентрализація; 2) социальная роль поэзии и поэта, распространеніе поэзии; 3) поэтика; классическая поэзия и новыя школы, послѣдній вопросъ, касающійся новыхъ формъ поэзии, конечно, долженъ былъ возбудить наиболѣе горячія пренія и всѣ ожидали, что главный интересъ конгресса сосредоточится именно на этомъ пунктѣ. Но пренія съ самаго начала приняли довольно бурный характеръ и съ первыхъ же шаговъ можно было убѣдиться, что сохранить единодушіе среди поэтовъ, пожалуй, еще труднѣе, чѣмъ въ европейскомъ концертѣ въ Пекинѣ.

Конгрессъ открылся въ залѣ «Ecole libre des sciences sociales» въ присутствіи трехсотъ приглашенныхъ, среди которыхъ собственно поэты оставляли меньшинство, притомъ же, къ огорченію организаторовъ конгресса, изъ крупныхъ французскихъ поэтовъ лишь очень немногіе отозвались на приглашеніе. Огромное большинство публики составляли просто любопытные и, главнымъ образомъ, дамы, блиставшія своими туалетами.

Предсѣдателемъ конгресса былъ избранъ хорошо извѣстный французской публикѣ Леонъ Дирксъ, но онъ долго не соглашался занять президентское кресло, ссылаясь на свое слабое здоровье. Наконецъ, его уговорили, и засѣданіе было объявлено открытымъ.

Въ залѣ было нестерпимо жарко и эта удушливая атмосфера, вѣроятно, была причиною крайней раздражительности членовъ конгресса. Съ самаго перваго момента начались ожесточенные споры. Перваго докладчика еще кое какъ слушали, но когда началъ читать свой рефератъ второй докладчикъ Рене Доръ, то въ залѣ послышались протесты. «Мы сюда пришли вовсе не для того, чтобы слушать длинныя разсужденія, а чтобы поговорить о поэзии!»—раздавалось со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, шумъ сдѣлался такъ силенъ, что докладчикъ волею-неволею долженъ былъ прервать на срединѣ свою рѣчь. Третій докладчикъ, смѣнивъ его и наученный его примѣромъ, сократилъ свой докладъ до минимума, торопясь поскорѣе кончить. Тогда приступили къ преніямъ. Одинъ изъ членовъ только что началъ развивать свои взгляды на счетъ новыхъ формъ поэзии и свободного стиха, какъ уже другой, найдя, что онъ говоритъ слишкомъ долго, сдѣлалъ ему по этому поводу довольно рѣзкое замѣчаніе. Поднялся шумъ, и ораторъ, лишенный возможности продолжать свою рѣчь, сошелъ съ трибуны. Послѣ того, какъ предсѣдателю удалось восстановить нѣкоторую тишину въ залѣ, рѣчь слѣдующаго оратора, правда очень короткая и незначительная, была выслушана при относительномъ спокойствіи. Но затѣмъ новую бурю вызвалъ одинъ изъ организаторовъ конгресса, предложившій обратиться въ академію съ просьбою выдавать денежныя преміи только не пишущимъ средствъ къ жизни. Со всѣхъ сторонъ послышались слѣдующія восклицанія: «Это смѣшно! Унизительно! Съ какой стати мы будемъ принимать милостыню отъ академіи! Власть академіи надо подавить!» Этотъ послѣдній возгласъ вызвалъ всеобщій энтузіазмъ. Всѣ стали требовать вотированіе резолюціи въ этомъ духѣ. Голосованіе было произведено посредствомъ поднятія рукъ, и почти единогласно рѣшено «подавить академію».

Новый взрывъ негодованія вызвало Теофиль Ферре своимъ протестомъ противъ свободного стиха. Онъ указалъ на то, что Метерлинкъ и другіе приверженцы такой формы поэзии—все это были не французы. «Пусть ужъ они произведутъ реформу поэзии у себя дома, а не во Франціи!» сказалъ онъ. Конечно,

на него посыпались возраженія и опять понадобились звонки председателя, чтобы возстановить спокойствіе. Но бѣдный председатель, измученный жарой и шумомъ, попросилъ послѣ этого разрѣшеніе передать бразды правленія другому. Катюллъ Мандесъ любезно согласился занять его мѣсто и пренія продолжались столь же шумнымъ образомъ. Наконецъ, и Катюллъ Мандесъ не выдержалъ и потихоньку удалился вмѣстѣ съ большинствомъ болѣе серьезныхъ поэтовъ, оставивъ прочихъ яростно кричать и спорить между собой.

Конгрессъ закрылся поздно вечеромъ, когда зала совсѣмъ уже почти опустѣла и остались только самые неистовые члены конгресса, не перестававшіе о чемъ-то ожесточенно спорить. Продолженіе конгресса происходило уже въ сосѣднихъ съ заломъ конгресса кафе-ресторанахъ, гдѣ собрались ужинать члены конгресса и долго разсуждали о благихъ результатахъ согласія, которое можетъ быть «достигнуто путемъ такихъ ежегодныхъ собраній» и о необходимости возобновленія конгресса на будущій годъ и т. д.). Однако, организаторы конгресса, также какъ и лица, избранныя председателями, не раздѣляли, повидимому, этого мнѣнія насчетъ «согласія и единодушія», которыя могутъ быть достигнуты путемъ обмѣна мнѣній, происходящаго на конгрессѣ, и поэтому на другой же день, послѣ того, какъ поэты еще пошумѣли немного, конгрессъ былъ объявленъ закрытымъ и всѣ мирно разошлись по домамъ.

Вскорѣ послѣ этого юмористическаго конгресса, въ Парижѣ состоялся ежегодный конгрессъ общества соціальной экономіи. Этотъ конгрессъ дѣйствительно можно назвать блестящимъ, какъ по своимъ докладамъ, такъ и по качеству ораторовъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Всѣ вопросы, мотивированные въ резолюціяхъ конгресса, безъ исключенія, касались положенія женщины и почти всѣ наиболѣе извѣстные феминисты парижскаго общества присутствовали на этомъ конгрессѣ. Пренія носили серьезный характеръ, хотя не обошлось все-таки безъ курьезовъ. Одна изъ самыхъ молодыхъ феминистокъ на этомъ конгрессѣ предложила выразить порицаніе молодымъ людямъ, ухаживающимъ за молодыми замужними дамами, а не за дѣвушками. «Въ Парижѣ вообще замужнія женщины пользуются большимъ успѣхомъ», заявила она съ негодованіемъ, но ея крикъ души не нашель, однако, отклика въ членахъ конгресса, и резолюція осталась не вотированной.

Этотъ эпизодъ нѣсколько нарушилъ серьезность засѣданій конгресса, но затѣмъ онъ продолжался въ прежнемъ порядкѣ. Только вопросъ о брачномъ контрактѣ вызвалъ нѣкоторое волненіе въ аудиторіи. Кто-то замѣтилъ, что законы издаются мужчинами и въ интересахъ мужчинъ, на это одинъ изъ членовъ бюро возразилъ, что «мужчины, изобрѣтавшіе брачные законы, въ то же время были и отцами, которые могли желать выдать замужъ своихъ дочерей съ соблюденіемъ ихъ интересовъ». Эти слова нѣсколько успокоили аудиторію.

На конгрессѣ очень много рѣчей было произнесено женщинами. Одна изъ нихъ расхвалила прошлый режимъ. Она изложила исторію генеральныхъ штатовъ и въ особенности остановилась на ихъ подготовленіи, указавъ на ту роль, которую играли въ этомъ дѣлѣ женщины. Она говорила, что женщины всѣхъ классовъ, «*grandes dames* и *bourgeoises*» и даже аббатисы, были приглашены участвовать въ общей работѣ. Ея докладъ возбудила пренія, въ которыхъ принимали участіе нѣкоторые изъ депутатовъ палаты.

Другая ораторша объявила, что женщинамъ нѣтъ никакого смысла добиваться теперь правъ голоса на общахъ выборахъ. «*Suffrage universel*» значенія не имѣетъ при существующихъ законахъ и только когда будутъ произведены реформы въ системѣ выборовъ, женщины могутъ, въ свою очередь, заявить требованія; теперь же это преждевременно.

Французскіе законы, лишающіе замужнюю женщину правъ на заработанныя ею деньги, подверглись, разумеется, серьезной критикѣ со стороны членовъ

конгресса и огромное большинство мужчинъ оказалось въ данномъ случаѣ на сторонѣ женщинъ. Вотированныя резолюціи указываютъ на полное единодушіе конгресса въ главныхъ вопросахъ.

Рѣшено, между прочимъ, что каждый такой конгрессъ ежегодно будетъ посвященъ лишь одному какому-нибудь вопросу, который подвергается самому всестороннему и по возможности безпристрастному разсмотрѣнію на конгрессѣ. Такая система дастъ возможность конгрессу высказаться окончательно по данному вопросу и можно будетъ достигнуть болѣе положительныхъ результатовъ, замѣнивъ подчасъ бесплодную болтовню и упражненія въ ораторскомъ искусствѣ, на которыя уходитъ большая часть времени на конгрессахъ, серьезною работою, которая должна принести плоды. Программа будущаго года еще не установлена окончательно, но полагаютъ, что конгрессъ будетъ, также какъ и теперь, посвященъ какому-либо одному вопросу; вѣроятно, это будетъ вопросъ о налогахъ, либо о земельной собственности.

Двѣ смерти. Англія почти одновременно лишилась двухъ выдающихся писателей: Вальтера Безанта и Роберта Буханана. Вальтеръ Безантъ умеръ въ воскресенье, 9 июня, а Робертъ Бухананъ въ понедѣльникъ, 10 июня. Между обоими писателями ровно ничего не было общаго, кромя того лишь, что они были почти ровесники (Безантъ родился въ 1838 г., а Бухананъ въ 1841 г.) и оба одновременно сошли съ жизненной сцены.

Имя Вальтера Безанта хорошо извѣстно русской публикѣ. Это былъ одинъ изъ любимыхъ англійскихъ писателей, романы котораго всегда можно было встрѣтить на страницахъ нашихъ періодическихъ журналовъ. На своей родинѣ онъ также пользовался большою популярностію. Его произведенія проникнуты теплымъ чувствомъ и глубокимъ состраданіемъ къ «пасынкамъ судьбы», къ бѣднѣйшимъ классамъ лондонскаго населенія, которыхъ онъ описываетъ въ своихъ романахъ и другихъ произведеніяхъ, посвященныхъ Лондону. Его писательская дѣятельность можетъ служить самымъ нагляднымъ доказательствомъ великой соціальной роли и вліянія литературы. Народный дворецъ, возвышающійся въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона Кетъ-Эндъ, всецѣло обязанъ своимъ существованіемъ Вальтеру Безанту. Своимъ соціальнымъ романомъ (переведенъ въ «М. Б.»—подъ заглавіемъ «Тайна богатой наследницы») Вальтеръ Безантъ далъ могучій толчокъ движенію, которое уже назрѣвало и начало которому было положено Арнольдомъ Тойнби и др. Результатомъ этого движенія явилось сооруженіе народнаго дворца и устройство университетскихъ поселеній. Мечта, которая и самому автору казалась необычной—онъ далъ подзаглавіе своему роману: «An impossibili «Story» (невозможная исторія)—осуществилась необыкновенно быстро, и Вальтеръ Безантъ, какъ нравственный инициаторъ великаго дѣла, участвовалъ въ торжествѣ открытія народнаго дворца, созданнаго по идеѣ героя его романа Анджелы. Вальтеръ Безантъ говорилъ потомъ, что это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней его жизни и дѣйствительно онъ былъ баловнемъ судьбы въ данномъ случаѣ, такъ какъ рѣдко кому изъ писателей удается такъ быстро достигнуть подобныхъ яркихъ и плодотворныхъ результатовъ своей литературной дѣятельности.

Вальтеръ Безантъ въ молодости предназначался къ духовной карьерѣ, но онъ не чувствовалъ къ ней ни малѣйшаго влеченія, а потому отказался отъ нея, какъ только получалъ свободу выбора. Онъ часто говаривалъ потомъ, что «церковь избавилась отъ плохого пастыря». Но за то міръ приобрѣлъ въ немъ хорошаго писателя и соціальнаго проповѣдника. Отказавшись отъ духовной карьеры, Вальтеръ Безантъ изобрѣлъ сначала профессорскую дѣятельность и въ теченіе шести лѣтъ занималъ катедру математики въ университетѣ на островѣ Манрикія. Климатъ острова оказался для него нездоровымъ и онъ вы-

шелъ въ отставку. Во время пребыванія на островѣ Маврикія онъ изучилъ французскій языкъ и литературу и вскорѣ по возвращеніи на родину, въ 1868 году, издалъ свою первую книгу по исторіи французской поэзіи «Studies in Early French Poetry». Хотя успѣхъ этой книги былъ невеликъ и Вальтеръ Безантъ едва покрылъ расходы по ея изданію, но тѣмъ не менѣе онъ уже вступилъ на литературное поприще и это рѣшило его судьбу. Онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ газеты «Daily News» и маленькаго литературнаго журнала «Once a Week», издаваемого Джемсомъ Райсомъ, съ которымъ Безантъ очень подружился и написалъ вмѣстѣ нѣсколько романовъ, изъ которыхъ наибольшую извѣстностью пользуется «The Golden Batterfly» (Золотая бабочка). Сотрудничество это продолжалось вплоть до смерти Райса и оно окончательно опредѣлило призваніе Безанта, ставшаго беллетристомъ, хотя онъ и дебютировалъ въ литературѣ нѣсколькими критическими трудами, и даже вначалѣ не чувствовалъ, повидимому, стремленій къ беллетристикѣ.

Послѣ смерти Райса извѣстность и популярность Безанта продолжала расти и дошла до апогея послѣ его социальнаго романа «All sorts and Conditions of men» и открытія народнаго дворца.

Другое хорошее общественное дѣло, съ которымъ связано имя Вальтера Безанта—это учрежденіе «Общества авторовъ». Зная по опыту, какъ часто молодые, неопытные и несвѣдущіе въ дѣлахъ авторы попадаютъ въ руки недобросовѣстныхъ издателей, которые эксплуатируютъ ихъ неопытность, Вальтеръ Безантъ рѣшилъ придти на помощь своимъ братьямъ и сестрамъ по литературѣ и послужить имъ своимъ опытомъ и своею энергіей. Съ этою цѣлью Безантъ и учредилъ свое общество, въ которое онъ втянулъ многихъ изъ современныхъ ему выдающихся писателей; Теннисонъ, Мередита, Гэрда. Общество пользуется вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ и многимъ изъ молодыхъ начинающихъ авторовъ оно помогло выбраться на дорогу.

Вальтеръ Безантъ былъ популяренъ не только какъ писатель, но и какъ человѣкъ. Его любили всѣ, кто только имѣлъ съ нимъ какія-либо сношенія и по общему отзыву это былъ человѣкъ съ необыкновенно добрымъ и благороднымъ сердцемъ. Онъ всегда готовъ былъ придти на помощь и кошелекъ его былъ открытъ для всѣхъ нуждающихся. Семья Безанта состояла изъ жены, двухъ дочерей и двухъ сыновей, которые до сихъ поръ сражаются въ рядахъ южно-африканской арміи.

Совершенно иная судьба была другого писателя, смерть котораго совпала со смертью Вальтера Безанта,—Роберта Буханана. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ ярыхъ полемистовъ современной Англіи. Вся его жизнь представляла не что иное, какъ постоянную борьбу, борьбу за существованіе и борьбу изъ-за славы. Англійскіе безпристрастные литературные критики, впрочемъ, признавали въ немъ выдающійся талантъ, но первые шаги его на литературномъ поприщѣ возбудили противъ него бурю негодованія. Онъ напечаталъ въ 1871 году, въ «Contemporary Review» критическую статью о Россетти, озаглавленную «The Fleshly School of Poetry» (Мясная школа поэзіи) и подписанную псевдонимомъ. Пристрастные и несправедливые нападки на Россетти возбудили противъ Буханана чуть ли не всю литературу и вполсѣдствіи ему очень трудно было поправить эту ошибку. Очевидно, онъ и самъ сознавалъ потомъ несправедливость своихъ нападокъ на Россетти, такъ какъ посвящалъ ему нѣкоторыя изъ своихъ произведеній, какъ «своему старому врагу».

Когда произошелъ этотъ инцидентъ, такъ вредно отразившійся на литературной карьерѣ Буханана, репутація его, какъ поэта, была уже довольно значительна и многие предсказывали ему блестящую будущность. Онъ посвящалъ свою первую книгу стиховъ памяти своего несчастнаго друга Давида Грея. Отецъ Роберта Буханана былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ, мис-

сионерь, социалистъ и журналистъ и отъ него Робертъ Бухананъ наследовалъ многія стороны своего характера. Онъ имѣлъ очень скромныя средства и поэтому молодой Бухананъ довольно-таки нуждался первое время своего пребыванія въ Лондонѣ, куда онъ перѣхалъ по окончаніи Глазговскаго университета, вмѣстѣ со своимъ другомъ Давидомъ Греемъ. Оба юноши мечтали о литературной славѣ, но только Буханану суждено было испытать ее: Грей умеръ въ молодыхъ годахъ, отъ чахотки, развившейся вслѣдствіе лишеній, не успѣвъ создать ничего замѣчательнаго. Его первая поэма, однако, встрѣтила сочувственный отзывъ литературной критики, и еслибъ не преждевременная смерть, то талантъ его, быть можетъ, достигъ бы своего развѣтія.

Выдающемся чертою Буханана было постоянное недовольство міромъ, которое, онъ, быть можетъ, также наследовалъ отъ своего отца. Это недовольство особенно ярко выразилось въ послѣдніе годы его жизни, и, разумѣется, отражалось также и во всѣхъ его произведеніяхъ. Пессимистическая нота особенно сильно звучитъ въ его лондонскихъ поэмахъ, стяжавшихъ ему громкую извѣстность и явившихся прамымъ отраженіемъ одинокаго и печальнаго существованія, которое онъ велъ, проживая въ Лондонѣ, на чердакѣ. Конецъ Бухана былъ также печаленъ. Всѣ его небольшія сбереженія погибли въ одной несчастной спекуляціи, и когда его разбилъ параличъ, и онъ не въ состояніи былъ работать, то ему пришлось бы плохо, еслибъ его прежніе друзья не пришли на помощь. Они поддерживали его до самой смерти.

Робертъ Бухананъ, также какъ и Вальтеръ Безантъ, былъ очень добръ и никогда никому не отказывалъ въ помощи, но Вальтеру Безанту не пришлось самому нуждаться въ чьей-нибудь помощи, судьба же Буханана сложилась со-всѣмъ иначе.

Итальянскіе крестьянскіе союзы. Въ Италіи можно наблюдать теперь любопытное крестьянское движеніе. Еще сравнительно очень недавно о крестьянскихъ союзахъ ничего не было слышно, но теперь эти «Legue» (лиги) становятся самымъ обычнымъ явленіемъ и скоро покроютъ свою сѣтью всю страну. Итальянскіе земледѣльцы начинаютъ сознавать силу коопераціи, и союзы растутъ, какъ грибы. Въ одномъ только округѣ Мантуа насчитывается въ настоящее время до 40.000 членовъ такихъ союзовъ, вносящихъ по пяти сантимовъ ежемѣсячно. Число этихъ союзовъ еще нельзя опредѣлить съ точностью, но судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, оно должно быть очень велико. По словамъ одной изъ итальянскихъ газетъ, только въ одной Павіи существуетъ 44 союза съ 8.000 членовъ. Статуты этихъ союзовъ отличаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ почти идиллическою простотой. Такъ, напримеръ, они вмѣняютъ въ обязанность своимъ членамъ хорошее обращеніе съ животными, вѣжливость по отношенію къ хозяевамъ и проповѣдуютъ братство и солидарность всѣхъ. Но, разумѣется, эти союзы преслѣдуютъ и практическія цѣли, т.-е. повышение заработной платы и добиваются этихъ цѣлей всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Къ сожалѣнію, сельское хозяйство въ Италіи находится въ очень плохомъ состояніи и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, несмотря на всѣ эти союзы, экономическое положеніе крестьянъ очень печальное, да и положеніе самихъ помѣщиковъ подчасъ бываетъ нисколько не лучше.

Народныя собранія въ Швейцаріи. Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая ежегодно въ Швейцаріи происходятъ очень любопытныя собранія. Это такъ называемыя «Landsgemeinde» — собранія всѣхъ гражданъ нѣкоторыхъ кантоновъ, съ цѣлью вотированія законовъ и избранія судей. Какъ извѣстно, подобныя собранія существовали у многихъ первобытныхъ народовъ, напр., у древнихъ германскихъ племенъ и въ исторіи Швейцаріи о нихъ въ первый разъ упо-

минается въ концѣ тридцатаго вѣка, но, повидимому, обычай этотъ установленъ былъ гораздо раньше. Какъ бы тамъ ни было, но до конца XVIII вѣка одиннадцать «Landsgemeinde» собирались регулярно каждый годъ, но съ основаніемъ «единой и нераздѣльной республики Гельвеціи» они всѣ были упразднены. Въ 1815 г., однако, семь изъ нихъ были опять возобновлены, теперь же осталось только шесть, которыя собрались въ этомъ году въ Анткселѣ, Гундвиль, въ Унтервальдѣ въ Гларисѣ и Бецлангенѣ, недалеко отъ Альторфа.

Въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ сохранился этотъ обычай, всѣ граждане собираются вмѣстѣ разъ въ годъ, въ назначенное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, осященномъ традиціей, на какой-нибудь лужайкѣ или площади, и въ нѣсколько часовъ рѣшаютъ всѣ законодательныя дѣла и выбираютъ представителей исполнительной власти. По словамъ корреспондента «Journal des Débats», присутствовавшего на этихъ собраніяхъ въ нынѣшнемъ году, «Landsgemeinde» представляютъ очень любопытное зрѣлище. Собранія отличаются серьезностью, члены его держать себя съ большимъ достоинствомъ и противники соблюдаютъ самую высканную вѣжливость по отношенію другъ къ другу. «Landsgemeinde» кантона Ури предстояло на этотъ разъ обсудить вопросъ объ открытіи коллегіи. Пренія были продолжительныя и очень оживленныя, но изъ 1.800 присутствующихъ на собраніи, ни одинъ не покинулъ своего поста раньше окончанія дебатовъ. Всѣ рѣчи слушались съ большимъ вниманіемъ, ораторовъ никто не прерывалъ; каждая партія аплодировала своему оратору, но никогда не прерывала оратора противной партіи. Собранія эти соблюдаютъ съ величайшею точностью правила и традиціи старины и нѣкоторые изъ этихъ старинныхъ обычаевъ, сохранившіеся въ полной неприкосновенности, носятъ весьма внушительный характеръ. Корреспондентъ французской газеты присутствовалъ, напимѣръ, при очень торжественной церемоніи, двойной присяги: только что избранный «Landsmann» (глава правительства) приносилъ присягу народу, избравшему его, а затѣмъ народъ, въ свою очередь, присягалъ ему хоромъ.

На нѣкоторыхъ собраніяхъ граждане сохранили обычай являться при оружіи. Швейцарскій крестьянинъ приходитъ на собраніе украшенный какою-нибудь саблей, къ которой онъ, нисколько не стѣсняясь, присоединяетъ зонтикъ, если только погода сколько-нибудь сомнительна и можно опасаться дождя, и шествуя съ саблей на боку и подъ зонтикомъ, швейцарскій гражданинъ сохраняетъ свой степенный видъ, преисполненный собственнаго достоинства и сознанія важности той отвѣтственности, которая лежитъ на немъ.

Собраніе «Landsgemeinde» почти вездѣ начинается чтеніемъ общей молитвы и пѣніемъ священныя гимновъ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, кромѣ того, сохранились еще многіе старинные обычай и церемоніи. Въ Альторфѣ, напимѣръ, во главѣ официального кортежа шествуютъ два человека, одѣтые въ костюмъ начала XVII вѣка, наполовину желтый и наполовину черный. Избранный «Landsmann» является народу въ сопровожденіи свиты, также одѣтой въ средневѣковые костюмы, съ сѣкирою и жезломъ, на верхушкѣ котораго находится шаръ, въ рукахъ. Выборные подносятъ «Landsmann'у» государственную печать, которая хранится въ большой сумкѣ. Все это обставляется весьма торжественно, но при этомъ надо прибавить, что, такъ какъ всѣ эти народныя собранія происходятъ на открытомъ воздухѣ, то имъ особенную красоту и торжественность придаетъ окружающая обстановка и въ особенности—величественныя горы, составляющія какъ бы декорацию ко всей этой картинѣ, напоминающей давно исчезнувшія времена.

Въ Швейцаріи, въ 3.047 общинахъ насчитываются ни болѣе, ни менѣе, какъ 5.965 женскихъ союзовъ. Изъ нихъ особеннымъ влияніемъ пользуется «La société des Dames de la Fédération», поставившій своею задачею нравственное развитіе женщины. Этотъ союзъ оказываетъ также и матеріальную помощь и

борется съ организованными пороками. Онъ имѣетъ 95 филиальныхъ отдѣленій въ разныхъ кантонахъ. Другой союзъ, также пользующійся значеніемъ въ Швейцаріи, «L'Union des femmes», посвящаетъ свое вниманіе исключительно только труду женщинъ и ихъ правамъ, стараясь доставлять своимъ членамъ работу, когда они въ ней нуждаются, и дешевыя помѣщенія. Но кромѣ того союзъ этотъ заботится также и объ умственномъ развитіи своихъ членовъ и устраиваетъ курсы, собранія для обсужденія разныхъ вопросовъ и читальни. «L'Union des femmes» имѣетъ также филиальныя отдѣленія, число которыхъ достигаетъ 3.000. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ союзовъ, центръ которыхъ находится въ Бернѣ, еще существуетъ множество второстепенныхъ женскихъ ассоціацій въ Женевѣ, Цюрихѣ и Невшателѣ. Въ Невшательскомъ кантонѣ особенно популярностью пользуется «Union des Amies de la jeune fille», учредившее нѣсколько общежитій для одинокихъ швейцарокъ, прозявающихъ за границей.

Монастырскій вопросъ въ Испаніи. Испанскимъ монастырямъ рѣшительно не везетъ въ послѣднее время. Не успѣлъ затихнуть громкій скандалъ, возбужденный побѣгомъ дѣвочки Убло изъ родительскаго дома въ монастырь, какъ уже возникаетъ новое дѣло такого же рода, но несущее еще болѣе драматическій характеръ. Конечно, мѣстомъ дѣйствія этого новаго скандала служитъ снова Барселона—этотъ центръ антиклерикальнаго и каталанскаго движенія. Въ капеллѣ монастыря св. Иеронима произошелъ слѣдующій случай. Какая-то монахиня, забравшись тайкомъ на хоры въ монастырской капеллѣ, бросилась внизъ. Несмотря на полученные ею ушибы отъ паденія на каменные плиты, она все-таки имѣла настолько силъ, чтобы подняться на ноги и дотащиться до выходной двери. Но тутъ ей преградилъ дорогу капланъ монастыря и, схвативъ ее, хотѣлъ насильно тащить въ монастырь. Однако раненая монахиня защищалась, какъ бѣшеная, и даже укусила его. «Лучше умереть, нежели вернуться въ монастырь!» кричала она и ей удалось все-таки вырваться изъ его рукъ и убѣжать на улицу. Чувствуя, что силы оставляютъ ее, монахиня бросилась за помощью въ ближайшую аптеку. Но, къ ея несчастью, аптекарь оказался отъявленнымъ клерикаломъ и онъ рѣшилъ, вмѣстѣ съ капланомъ, явившимся вслѣдъ за монахиней, отправить бѣдняжку назадъ въ монастырь.

Монахиня, узнавъ объ этомъ, подняла такой неистовый крикъ, что на улицѣ стали останавливаться прохожіе и скоро собралась ирядная толпа, которая, узнавъ въ чемъ дѣло, приняла тотчасъ же сторону монахини. такъ что капланъ, желавшій вернуть заблудшую овцу въ ея стадо, счелъ за лучшее потихоньку улізнуть по добру, по здорову, зная, какъ непопулярна толпа монаховъ. Былъ вызванъ судья, который и распорядился отправить раненую монахиню въ госпиталь.

Разумѣется, этотъ случай подлил только новаго масла въ огонь. Начались снова антиклерикальныя демонстраціи. Монастырь, откуда бѣжала монахиня, подвергся нападенію, такъ что на защиту его были отправлены жандармы. Газеты опять зашумѣли по поводу этого новаго факта монастырскаго самоуправства. Напоминали громкій процессъ 1888 года, когда въ одномъ изъ барселонскихъ монастырей была брошена въ колодець живая монахиня.

Бѣжавшая монахиня называется Нарциза Ляосера; ей 31 годъ и, какъ увѣряютъ испанскія газеты, она замѣчательно хороша собой. Въ монастырѣ она находится уже семь лѣтъ и поступила туда противъ воли своихъ родителей. Въ госпиталѣ, куда ее перевезли изъ аптеки, она объявила, что только на судѣ объяснить причины своего поступка. Барселонскія газеты полагаютъ, что она бѣжала отъ жестокаго обращенія въ монастырѣ. Въ Испаніи не проходитъ и мѣсяца безъ того, чтобы не случился побѣгъ изъ какого-нибудь монастыря или самоубійство монахини или чтобы не было сдѣлано попытки къ побѣгу и

покушенія на самоубійство. За послѣдніе три года такихъ случаевъ было 200, но судъ никогда не разслѣдовалъ этихъ дѣлъ, такъ какъ власть его кончалась у воротъ монастыря. Монастырскія власти заявляли, что монахиня, покушавшаяся на самоубійство или на побѣгъ, психически больна, и тѣмъ дѣло кончалось. Хотя судъ обыкновенно довольствовался этимъ объясненіемъ, но общественное мнѣніе относилось ко всѣмъ такимъ фактамъ иначе и волненіе, которое они вызывали, все возрастало, негодованіе усиливалось и теперь никого не должна удивлять та буря, которая разыглась противъ монастырей.

Но не одни только монастырскіе скандалы привлекаютъ вниманіе и волнуютъ испанскую печать и общество. Много толковъ возбуждаютъ отрываемыя злоупотребленія и неблаговидные поступки высокопоставленныхъ чиновъ католической церкви. Недавно большую сенсацію произвелъ случай съ мадридскимъ епископомъ, монсеньоромъ Босъ, который переводится теперь въ Вальядолидъ. Это, конечно, пониженіе, такъ какъ мадридская епархія самая богатая въ странѣ и въ общемъ доходъ ея равняется 60.000 пезетъ въ годъ. Монсеньоръ Босъ пользовался вліяніемъ при дворѣ и правительствѣ и еще недавно благочестивый Сильвела, въ бытность свою министромъ президентомъ, горячо восхвалялъ его дѣятельность. Но почтенный епископъ сдѣлалъ одинъ промахъ и... поплатился своимъ положеніемъ и тепленькимъ мѣстечкомъ, благодаря остроумію одного изъ своихъ противниковъ. Въ Мадридѣ только и говорятъ объ этомъ и даже въ клерикальномъ обществѣ, гдѣ сочувствуютъ епископу, все-таки порицаютъ его легкомысліе. Дѣло это дѣйствительно смахиваетъ на водевиль: священникъ Іозе Феррандицъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей Испаніи, навлекъ на себя ненависть мадридскаго епископа, который подозрѣвалъ его въ авторствѣ рѣзкихъ клерикальныхъ статей, напечатанныхъ въ республиканской газетѣ «Pais». За это у него было отнято право служить мессу. Также было поступлено и съ другимъ священникомъ, Рамономъ Сармиенто, который былъ лишенъ своихъ правъ по той же причинѣ. Но Феррандицъ имѣлъ состояніе и могъ прожить безъ церковныхъ доходовъ, тогда какъ у Сармиенто не было ни гроша и, лишенный права исполнять требы, онъ былъ, такъ сказать, осужденъ на нужду и всякія лишения. Феррандицъ, узнавъ о его отчаянномъ положеніи, пригласилъ его къ себѣ и Сармиенто принялъ его дружеское гостепримство, рассчитывая вскорѣ найти какую-нибудь работу. Но проходили мѣсяцы, а работы не находило, такъ какъ никто не хотѣлъ давать работу священнику, лишенному своего достоинства. Бѣдный Сармиенто долго боролся, но, наконецъ, рѣшилъ сдѣлать послѣднюю отчаянную попытку вернуться въ лоно церкви. Онъ отправился къ секретарю мадридскаго епископа, который обѣщалъ ему переговорить съ епископомъ и дать ему отвѣтъ черезъ три дня. Когда Сармиенто пришелъ за отвѣтомъ, то секретарь сказалъ ему: «Все идетъ прекрасно. Епископъ готовъ снова открыть вамъ двери церкви и дать вамъ хорошее назначеніе, но предварительно вы должны будете провести три мѣсяца въ покаяніи въ монастырѣ траппистовъ». Сармиенто съ радостью поблагодарилъ его и сказалъ, что онъ готовъ выполнить казое угодно покаяніе. Онъ уже собрался уходить, какъ вдругъ секретарь, словно спохватившись, сказалъ: «Ахъ, я и забылъ! Епископъ ставитъ условіемъ вашего возвращенія въ лоно церкви, чтобы вы написали брошюру противъ проклятаго Феррандица, котораго надо, во что бы то ни стало, обезчестить».

— Противъ Феррандица!—воскликнулъ ошеломленный Сармиенто.—Да этотъ человѣкъ спасъ меня отъ голодной смерти и я дѣльми мѣсяцами пользовался его гостепримствомъ!— На это секретарь-каноникъ возразилъ ему внушительно-торжественнымъ тономъ: «Ни одинъ христіанинъ не долженъ чувствовать благодарности къ человѣку, который проклялъ церковь и осужденъ въ адъ. Испытывать благодарность къ такому человѣку—грѣхъ!»—«Согласенъ,—

замѣтилъ на это Сармиенто.—Но я все-таки не знаю, какъ можно опозорить его, когда во всю свою жизнь онъ не совершилъ ни одного, сколько-нибудь дурного и предосудительнаго поступка».—«Это не бѣда,—отвѣтилъ спокойно каноникъ.—Если вы не знаете за нимъ никакихъ поступковъ, то выдумайте что-нибудь; противъ врага церкви всякое оружіе дозвоительно. Во всякомъ случаѣ, это будетъ богоугодное дѣло. Какъ бы тамъ ни было, но вамъ надо вѣлбить: либо сдѣлайте это, и церковь откроетъ вамъ свои двери, либо нѣтъ! Даю вамъ нѣсколько дней на размышленіе».

Сармиенто, вернувшись домой, рассказалъ все Феррандицу. Тотъ посовѣтовалъ ему исполнить требованіе епископа и написать клеветническую брошюру. Ему, Феррандицу, терять вѣдь нечего! Все равно, онъ навсегда изгнанъ изъ церкви. Но Сармиенто не хотѣлъ и слышать объ этомъ и сказалъ: «Если я долженъ такую цѣной заплатить за право снова вступить въ церковь, то лучше ужъ я останусь вдали отъ нея!»

Оба пріятеля рассказали объ этомъ дѣлѣ своему другу, главному редактору республиканской ежедневной газеты «El Matin» и онъ посовѣтовалъ имъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы доказать самымъ неопровержимымъ образомъ всю низость проживающихъ въ епископскомъ дворцѣ людей. Рѣшено было, что Феррандицъ самъ сочинитъ противъ себя брошюру, а Сармиенто передастъ ее секретарю епископа, выдавъ ее за свое произведеніе. Сказано—сдѣлано. Когда брошюра была готова, то Сармиенто отправился въ епископскій дворецъ. Брошюра заключала въ себѣ самую гнусную клевету и Феррандицъ не поскупился сгустить краски. Сармиенто пригласилъ въ пріемный залъ дворца, гдѣ епископъ возсѣдалъ на высокомъ креслѣ, вродѣ трона, надъ которымъ возвышалось огромное распятіе. По правую руку находился его секретарь, а по лѣвую—его повѣренный священникъ Гонзалезъ Парейя. Передъ этимъ ареопагомъ Сармиенто долженъ былъ прочесть вслухъ свою брошюру. Всѣ трое слушали его чтеніе съ величайшимъ вниманіемъ и по временамъ одобрительно поддакивали и потирали руки отъ удовольствія, когда клевета принимала особенно возмутительный характеръ. Когда чтеніе было кончено, то епископъ спустился съ своего трона и съ величайшею нѣжностью обнялъ Сармиенто. «Браво, браво! Молодецъ!» говорилъ онъ и радость свѣтилась въ его глазахъ. Рѣшено было тотчасъ же напечатать эту брошюру въ какой-нибудь маленькой неизвѣстной типографіи. Епископъ вручилъ своему повѣренному Гонзалезу Парейя требуемую для этого сумму денегъ и Сармиенто отправился вмѣстѣ съ нимъ. На прощаніе епископъ еще разъ пожалъ ему руку и обѣщалъ немедленно вернуть его въ лоно истинной церкви! Сармиенто почтительно поблагодарилъ епископа, хотя онъ узналъ подъ рукою, что епископъ намѣренъ сплавить его куда-нибудь въ монастырь подальше, какъ только брошюра будетъ напечатана.

Выйдя изъ епископскаго дворца, Сармиенто повелъ своего спутника въ маленькую типографію безъ всякой вывѣски и они скоро уговорились относительно цѣны и срока печатанія. Когда первый листъ былъ отпечатанъ, то Сармиенто отнесъ его, по приказанію епископа, прокуратору при духовномъ верховномъ судѣ. Тотъ прочелъ, собственноручно прокорректировалъ и, похваливъ клеветническое произведеніе, далъ разрѣшеніе печатать, затѣмъ Сармиенто читалъ первые листы этой брошюры знаменитому іезуитскому патеру Монтана, который въ то время былъ законоучителемъ короля. Тотъ одобрилъ брошюру. Передъ самымъ ея выходомъ Сармиенто объявилъ епископу, что онъ удаляется въ монастырь трапистовъ, чтобы тамъ предаться покаянію, но главнымъ образомъ, чтобы избѣжать гнѣва Феррандица.

Въ епископскомъ дворцѣ съ нетерпѣніемъ ждали появленія брошюры и вдругъ, вмѣсто этого, въ газетѣ «Paris» появилась статья, разоблачающая всю

эту исторію. Въ доказательство газета напечатала даже первыя страницы брошюры, затѣмъ въ «El Matin» тоже появилась статья, рассказывающая ту же самую исторію, но добавляющая еще одну любопытную подробность, что «маленькая, неизвѣстная типографія, въ которой печаталась брошюра, была типографіей газеты «El Motin»! Скандалъ въ мадридскомъ обществѣ поднялся невообразимый. Скопфуженный епископъ, конечно, не рѣшился преслѣдовать судомъ ни ту, ни другую газету и вся клерикальная печать ни словомъ не обмолвилась объ этомъ инцидентѣ, но тѣмъ не менѣе епископъ Косъ не могъ долге оставаться въ Мадридѣ, да и патеръ Монтана долженъ былъ оставить свой постъ законоучителя короля.

Антиклерикалы, разумѣется, ликуютъ. Случай съ мадридскимъ епископомъ даетъ имъ новый поводъ заговорить объ испорченности католическаго духовенства и порядкахъ, господствующихъ въ католической церкви. Противъ этой испорченности вѣ этихъ порядкахъ возстаютъ даже многие изъ духовенства, проникнутые чисто-религиозными взглядами и скорбящіе объ упадкѣ католической церкви. Въ Испаніи существуютъ нѣсколько такихъ органовъ, издаваемыхъ самими же священниками, которые ведутъ пропаганду противъ католическаго духовенства, въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь находится. Самый замѣчательный изъ этихъ проповѣдниковъ, священникъ Пей Ордейксъ, ведетъ ожесточенную войну противъ іезуитизма въ своемъ органѣ «El Uribion» Кромѣ него, есть много другихъ священниковъ, которые не стѣняясь восклицаютъ: «Мы католики, но мы не клерикалы, мы антиклерикалы!»

Вообще въ самыхъ нѣдрахъ католической церкви въ Испаніи начинается какое-то движеніе, котораго игнорировать нельзя. Публичные проповѣдники говорятъ о заблужденіяхъ церкви, объ упадкѣ христіанскихъ добродѣтелей и любостыжаніи. Эти проповѣди невольно напоминаютъ времена Саванароллы и др. реформаторовъ церкви. Испанскій народъ толпами стекается слушать такихъ проповѣдниковъ и, въ виду настроенія толпы, духовныя власти боятся поступать съ ними слишкомъ строго. О смѣлости этихъ противниковъ іезуитовъ и ихъ ученія можно судить по тѣмъ статьямъ, которыя появляются на страницахъ республиканскихъ газетъ и въ газетѣ Пей Ордейкса, опубликовавшаго въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ программу реформъ, которыя неотложно должны быть произведены въ средѣ католическаго духовенства.

Такимъ образомъ кризисъ въ Испаніи продолжается, усложняясь все болѣе, благодаря тому, что въ немъ, какъ въ гордіевомъ узлѣ, смѣшиваются самыя разнообразныя теченія, политическія, національныя и религіозныя. Все до такой степени перепуталось, что испанское министерство, безсильное придумать какой-нибудь выходъ, ограничивается только тѣмъ, что принимаетъ палліативныя мѣры, посылаетъ жандармовъ для защиты монастырей, объявляетъ осадное положеніе, а между тѣмъ движеніе все растетъ.

Артуръ Шницлеръ передъ судомъ чести и др. дѣла въ Австріи. Въ германской и австрійской печати вызвало ожесточенную полемику рѣшеніе австрійскаго военнаго совѣта чести, приговорившаго извѣстнаго вѣнскаго писателя, Артура Шницлера, къ лишенію званія запаснаго полковаго врача. Рѣшеніе это въ высшей степени характерно для австрійскаго военнаго сословія, такъ какъ вся вина доктора Шницлера заключалась лишь въ томъ, что онъ напечаталъ рассказъ, подъ заглавіемъ «Поручикъ Густль», который вышелъ теперь отдѣльнымъ изданіемъ. Рассказъ этотъ впервые появился въ фельетонахъ «Neue Freie Presse» въ концѣ прошлаго года и австрійскіе военные сочли себя обиженными тѣмъ портретомъ, который набросилъ талантливый художникъ. Тогда защитникомъ военнаго сословія явился австрійскій военный журналъ «*Reichswelvi*», напечатавшій крайне грубую по формѣ и содержанію статью

противъ Артура Шницлера. Талантливый авторъ не считалъ даже нужнымъ возражать на эти грубыя нападки на него, и единственнымъ его отвѣтомъ было появленіе «Поручикъ Густля» отдѣльнымъ изданіемъ. Противъ такой несмысленной дерзости запасного полкового врача вооружилось все военное сословіе, въ военныхъ кружкахъ только и было разговоръ, что объ этомъ возмутительномъ поступкѣ Шницлера и о необходимости «проучить этого нахала». Въ особенности молодые поручики считали себя оскорбленными изображеніемъ внутренняго міра и похождения героя произведенія Шницлера. Въ этомъ произведеніи также фигурируетъ дерзкій докторъ, который осмѣлился въ разговорѣ съ героемъ разсказа, поручикомъ Густлемъ, заявить, что далеко не всѣ поручики выбираютъ военную службу, съ цѣлью защищать свое отечество». Вообще австрійскіе военные находили, что разсказъ Шницлера явно направленъ къ тому, чтобы дискредитировать военное сословіе. Однимъ словомъ, буря разыгралась не на шутку, но такъ какъ самъ Шницлеръ находился въ отсутствіи, то военный совѣтъ постановилъ заочное рѣшеніе и по возвращеніи дерзновеннаго его постигнетъ заслуженная кара — исключеніе изъ военной среды.

Обида военнаго сословія еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что Шницлеръ не удостоилъ отвѣтомъ рѣзкую статью австрійскаго военнаго органа. Такое пренебреженіе къ своимъ взглядамъ военные не могутъ стерпѣть и Шницлеру придется это почувствовать. Такъ или иначе, но ближайшимъ результатомъ всей этой «бури въ стаканѣ воды» было то, что все изданіе «Поручика Густля» разошлось въ нѣсколько дней.

Въ Вѣнѣ открыто первое женское поселеніе, по образцу лондонскихъ университетскихъ поселеній; на Фридрихъ кайзерштрассе нанято помѣщеніе съ садомъ, гдѣ члены поселенія предполагаютъ организовать игры для дѣтей, матери которыхъ неимѣютъ возможности посвящать свое время своимъ дѣтямъ. Кромѣ того члены поселенія предполагаютъ устроить клубы для учениковъ и ученицъ разныхъ школъ и мастерскихъ, гдѣ бы они могли собираться для игръ и совѣстнаго чтенія. Въ поселеніи будутъ организованы по извѣстнымъ днямъ собранія матерей для совѣстнаго обсужденія съ членами поселенія различныхъ вопросовъ, касающихся воспитанія и ухода за дѣтьми.

Недавно организованный въ Вѣнѣ женскій союзъ соціальной помощи пока еще исключительно ограничивается только помощью дѣтямъ, устройствомъ дѣтскихъ столовыхъ для школьницъ и снабженіемъ ихъ одеждой. Въ послѣднее время нѣсколько членовъ этого союза устроили вспомогательные курсы для помощи отстающимъ ученикамъ въ наукахъ и мастерствахъ. Въ будущемъ году союзъ предполагаетъ открыть школу хозяекъ. Въ Вѣнѣ то и дѣло происходятъ собранія женщинъ для обсужденія различныхъ вопросовъ общественнаго характера. Вліяніе австрійскихъ женщинъ на общественныя дѣла настолько уже сдѣлалось замѣтнымъ, что даже мужчины считаютъ нужнымъ съ ними считаться и во время послѣднихъ муниципальныхъ выборовъ либеральные кандидаты налагали свою программу на общемъ собраніи женскаго союза, съ цѣлью заручиться его поддержкою. Вообще вѣнскія женщины обнаруживаютъ стремленіе къ энергичной дѣятельности и постоянно организуютъ новыя общества и союзы. Последнею новинкою этого рода является учрежденный въ Вѣнѣ женскій союзъ трезвости (Verein der abstinenten Frauen), поставившій себѣ цѣлью борьбу съ алкоголизмомъ и воздѣйствіе собственнымъ примѣромъ.

Въ вѣнской газетѣ «Oester. Volkszeitung», одной изъ самыхъ старыхъ и популярнѣйшихъ газетъ либеральнаго образа мыслей объявленъ конкурсъ на слѣдующую тему: «Чѣмъ должны быть наши сыновья?» За лучшую работу на эту тему назначена премія въ 400 кронъ. Результаты конкурса будутъ объявлены въ юлѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Enquête» относительно образа мыслей французской молодежи.—Первые шаги Эмиля Золя на литературномъ поприщѣ.—Умственное переутомленіе школьниковъ.—Защита врачей.—Лиссабонскія колдуньи.

«Revue des Revues», желая опредѣлить образъ мыслей французской молодежи XX вѣка, обратился къ предсѣдателямъ различныхъ студенческихъ ассоціацій и главныхъ политическихъ союзовъ молодежи, а также къ наиболѣе выдающимся изъ молодыхъ писателей, съ приглашеніемъ высказать свой взглядъ въ политическомъ, социальномъ и религіозномъ отношеніи. Такого рода «enquêtes» не разъ уже устраивались этимъ журналомъ по разнымъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ дня. И на этотъ разъ лица, къ которымъ обратилась редакція журнала, охотно отвѣчали на ея призывъ и такимъ образомъ читатели журнала получили возможность ознакомиться съ главными направленіями, господствующими среди французской современной молодежи. Надо отдать справедливость, что «enquête» произведена была съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ и редакція обратилась къ самымъ различнымъ партиямъ, чтобы узнать ихъ взгляды и направленіе. Каждый предсѣдатель ассоціаціи или отдѣльной группы молодежи резюмировалъ, насколько могъ, взгляды своей партіи. Такъ, напримѣръ, предсѣдатель кружка католическихъ студентовъ, какъ и слѣдовало ожидать, прислалъ настоящій обвинительный актъ противъ французскаго правительства, который съ честью могъ бы фигурировать на столбцахъ любой націоналистской газеты. Но за то предсѣдатель демократической лиги прислалъ антиклерикальную статейку—однимъ словомъ, тутъ можно встрѣтить всѣ взгляды и направленія и убѣдиться, что французская школьная молодежь, также какъ и остальные французы, дѣлится на монархистовъ, республиканцевъ разныхъ отбѣнокъ, социалистовъ и т. д. Но «enquête» не указываетъ намъ, какое изъ этихъ направленій пользуется наибольшимъ успѣхомъ среди молодежи, и только можно предполагать, что республиканскія идеи имѣютъ, повидимому, наибольшее число приверженцевъ среди французской молодежи. «Это можетъ успокоить насъ насчетъ будущаго», говоритъ «Revue des Revues». Затѣмъ, другое любопытное явленіе, которое выступаетъ изъ этой «enquete», это—присущее большинству молодежи исканіе новой вѣры, новой религіи. Почти всѣ молодые писатели, къ которымъ обратился журналъ, выразили въ своихъ отвѣтахъ особенный интересъ къ религіозному вопросу, который, повидимому, озабочиваетъ ихъ больше всего. Они всѣ ищутъ новой религіи, новыхъ социальныхъ идеаловъ и такое стремленіе, преобладающее у французской молодежи, нельзя не считать характернымъ знаменіемъ времени.

Въ этомъ же номерѣ «Revue des Revues» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о первыхъ шагахъ Эмиля Золя на литературномъ поприщѣ. Въ ноябрѣ 1859 года Золя, которому было тогда 19 лѣтъ, во второй разъ провалился на экзаменѣ на степень бакалавра и эта неудача, закрывшая для него служебную карьеру, рѣшила, можетъ быть, его судьбу и принесла ему счастье. Два раза его отсылали назадъ «за недостаточное знаніе французскаго языка» и такъ какъ чиновничья карьера оставалась для него закрытой, то Золя, волей-неволей, долженъ былъ обратиться къ литературной профессіи, о которой онъ все-таки вѣроятно, мечталъ въ глубинахъ души, такъ какъ еще въ бытность свою въ коллегіи написалъ историческій романъ изъ временъ крестовыхъ походовъ и комедію изъ тысячи стиховъ.

Трудно пришлось молодому Золя первое время. Средствъ у него не было никакихъ и онъ тогда позналъ полностью, что такое живнѣ бѣднаго начинающаго писателя. Голодать приходилось часто. Тогда-то одинъ изъ знакомыхъ его

семьи, никто Буде, желая помочь ему, но такъ, чтобы онъ этого не подозрѣвалъ, поручилъ ему разносить визитныя карточки и платилъ ему за это двадцать франковъ. Эти двадцать франковъ пришлось какъ нельзя болѣе кстати и спасли Золя отъ горькой нужды. Въ это же самое время Золя дебютировалъ во французской печати. Въ Латинскомъ кварталѣ издавался тогда маленькій журнальчикъ «Le Travail» (Трудъ). Этотъ журнальчикъ печаталъ въ заголовкѣ слѣдующее оригинальное заявленіе: «Le Travail paraît quand il peut» (Трудъ выходитъ, когда можетъ), и это одно уже указывало, что финансовыя средства журнала были не блестящи. Въ немъ-то и была напечатана первая поэма Золя, озаглавленная «Le Doute», но журналъ этотъ вообще не платилъ своимъ сотрудникамъ, такъ что Золя не могъ рассчитывать существовать на литературныя доходы. По счастью, Буде нашелъ для него скромное мѣстечко въ «Librairie Nacheffe», на сто франковъ жалованья. Конечно, это было немного, но это было спасеніе. Золя былъ счастливъ, что, наконецъ, у него былъ определенный ежемѣсячный доходъ, онъ могъ нанять комнату и имѣть ежедневный обѣдъ. Это было уже роскошью, о которой онъ до этого времени не смѣлъ и мечтать. Но на литературномъ поприщѣ онъ все-таки не дѣлалъ никакихъ успѣховъ, несмотря на то, что со свойственнымъ ему упорствомъ стучался во всѣ двери. Къ несчастью, онъ никакъ не могъ набавиться отъ своей манеры писать стихи. У него не было ни малѣйшаго тщеславія, и безчисленные отказы, которые встрѣчали его произведенія въ редакціяхъ, куда онъ ихъ направлялъ, не обезкураживали его. Онъ писалъ въ 1863 году редактору «Revue Contemporaine», посылая ему свое новое произведеніе и заранѣе предвидя отказъ: «Я твердо рѣшился не унывать. Если нужно, чтобы войти—создать мастерское произведеніе, то я его создамъ!» (S'il faut pour entrer faire un chef d'oeuvre, je le ferai). Такая увѣренность въ себя молодого писателя могла показаться смѣшной тогда, но дальнѣйшій успѣхъ и литературная слава, достигнутые имъ, вполне оправдываютъ ее.

Въ этомъ же году Эмиль Золя написалъ еще одну поэмку и потихоньку положилъ ее на письменный столъ своего патрона. Гашеттъ прочелъ его произведеніе, нашелъ его неинтереснымъ, но автора сдѣлалъ все-таки своимъ секретаремъ и завѣдующимъ отдѣломъ объявленій и отзывомъ.

Однажды—это было въ серединѣ 1864 г.—къ издателю Лякруа, очень покровительствовавшему молодымъ писателямъ, явился молодой человекъ, очень скромный и застѣнчивый, который принесъ ему рукопись, перевязанную голубою ленточкой. Съ необыкновенною простотой и откровенностью, далеко не часто встрѣчающеюся, этотъ молодой человекъ сознался Лякруа, что его рукопись перебивала у разныхъ издателей (онъ назвалъ ихъ имена), но никто не хотѣлъ ее принять. Очень удивленный и заинтересованный такимъ вступленіемъ, Лякруа взялъ рукопись, прочелъ и угадавъ талантъ автора, напечаталъ его книгу. Это была «Conte à Ninon» — первая книга, не имѣвшая особеннаго успѣха и разошедшаяся всего лишь въ 300—400 экземплярахъ.

Въ это время Золя началъ сотрудничать въ «Petit Journal» и въ «Vie Parisienne», продолжая, однако, попрежнему служить у Гашеттъ. Вторая книга Золя «Confession de Claude», также изданная Лякруа, имѣла уже гораздо болѣе успѣхъ и критика встрѣтила ее довольно благосклонно. Конечно, Золя не могъ и мечтать тогда о такомъ успѣхѣ на книжномъ рынкѣ, какой имѣютъ теперь его книги, расходящіяся въ баснословномъ количествѣ экземпляровъ, но тѣмъ не менѣе «Confession de Claude» принесъ ему все-таки доходъ, который показался ему тогда дѣльнымъ богатствомъ и онъ даже рѣшился исполнить свою мечту—освободиться отъ канцелярской работы у Гашеттъ. Наконецъ, онъ выбрался на истинный путь и изъ дебютанта скоро превратился въ настоящаго писателя; слава не заставила себя ждать!

Вопросъ объ умственной переутомленіи дѣтей въ школахъ давно уже интересуютъ и педагоговъ, и врачей. Многие педагогическіе и медицинскіе авторитеты высказывались по этому вопросу и въ школахъ введены нѣкоторыя — правда, очень незначительныя — реформы, съ цѣлью облегчить ученіе и предупредить такимъ образомъ переутомленіе школьниковъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ англійскаго медицинскаго журнала «Lancet» докторъ Жозефъ Беллен, изъ Болоньи, сообщаетъ свои опыты и наблюденія въ школахъ, имѣющія цѣлью выясненіе этого вопроса. Докторъ Беллен находитъ, что лучшимъ способомъ для опредѣленія мозгового переутомленія у дѣтей служатъ диктовка. Онъ произвелъ свои опыты надъ 320 мальчиками и 140 дѣвочками, возрастъ которыхъ въ среднемъ равнялся 11½ лѣтъ. Эти дѣти раздѣлены были на девять классовъ. Шесть разъ въ теченіе дня производилась диктовка: первая, при началѣ уроковъ, вторая — послѣ перваго урока, третья — послѣ втораго урока, четвертая — вскорѣ послѣ обѣденнаго перерыва, пятая — при началѣ послѣобѣденныхъ занятій, шестая — въ концѣ послѣдняго урока. Опытъ этотъ повторялся нѣсколько разъ и въ разные дни и такимъ образомъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ собрано было 2.760 диктовокъ. Разсматривая диктовки дѣтей, докторъ Беллен приходитъ къ слѣдующему выводу: лучше всего мозгъ дѣтей работаетъ непосредственно послѣ обѣденнаго перерыва, и хуже всего во время послѣдняго урока. Плохо работаетъ также мозгъ и на первомъ урокѣ. Это происходитъ отъ того, что дѣти еще не овладѣли своимъ вниманіемъ, поэтому первый урокъ служитъ для нихъ хорошимъ упражненіемъ вниманія. Вообще предобѣденные уроки не вызываютъ особеннаго переутомленія. Послѣ обѣденной паузы, результатъ утренняго упражненія вниманія сказываются яснѣе и дѣти всего лучше работаютъ вначалѣ послѣобѣденныхъ уроковъ, но затѣмъ, несмотря на то, что дѣти легче усваиваютъ уроки послѣ обѣда и значить мозгъ ихъ находится въ хорошемъ состояніи, онъ все-таки очень быстро утомляется и отъ этого во время послѣдняго урока мозговая работа дѣтей бываетъ всего хуже. Итакъ, хотя предобѣденные уроки и не дѣйствуютъ утомляющимъ образомъ на мозгъ дѣтей, но они все-таки заставляютъ ихъ затрогивать мозговую энергію для управленія вниманіемъ, такъ какъ всѣ дѣти являются въ школу разсѣянными, — и это напряженіе энергіи отражается на дальнѣйшихъ занятіяхъ такъ, что уже малѣйшая умственная работа вызываетъ утомленіе.

Серъ Микаэль Фостеръ печатаетъ въ «Nineteenth Century and After» статью, подъ названіемъ «The scientific use of Hospitals» (Научное пользованіе госпиталя), въ которой выступаетъ горячимъ защитникомъ врачей и госпитальной практики. Онъ не отрицаетъ многихъ темныхъ сторонъ госпитальнаго лѣченія и подтверждаетъ необходимость реформъ, но въ то же время сѣтуетъ на отношеніе публики къ больницамъ. Недостаточно свѣдущая и введенная въ заблужденіе публика громко заявляетъ протестъ противъ опытовъ въ госпиталяхъ, хотя бы и имѣющихъ цѣлью расширеніе познаній въ медицинѣ и хирургіи. Возражая на эти эти протесты, авторъ статьи говоритъ, что каждый врачъ и хирургъ, даже въ частной практикѣ, не можетъ избѣжать экспериментовъ со своими пациентами. Подвергая ихъ тому или иному способу лѣченія, врачъ все-таки дѣлаетъ опытъ надъ ними, такъ какъ прописывая лѣкарство, онъ далеко не всегда можетъ ручаться за его дѣйствіе. Съ другой стороны, врачъ, примѣняя тотъ или другой методъ лѣченія къ своему пациенту, конечно, всегда имѣетъ въ виду воспользоваться полученными результатами какъ научнымъ матеріаломъ, на основаніи котораго онъ составляетъ свое сужденіе о способахъ лѣченія и ихъ дѣйствительности. Такимъ образомъ больной и въ частной практикѣ служитъ все-таки объектомъ для научнаго опыта. Но въ такомъ опытѣ не можетъ быть ничего предосудительнаго, такъ

какъ врачъ при этомъ исключительно только имѣть въ виду благо пациента. Нельзя ставить въ вину врачу, что онъ желаетъ, съ самыми благими цѣлями, воспользоваться, при случаѣ, познаніями, которыя онъ приобрѣлъ на опытѣ провѣрить ихъ. Нападки на врачей въ данномъ случаѣ стали ходячимъ мѣстомъ, и никому не приходило въ голову, что врачи заключены въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Не испытывая на практикѣ своихъ теоретическихъ познаній, врачъ никогда не сдѣлается настоящимъ опытнымъ и знающимъ врачомъ, а между тѣмъ публика запрещаетъ ему дѣлать опыты, искать, и требуетъ, чтобы онъ дѣйствовалъ только навѣрняка.

Въ Испаніи и Португаліи средневѣковыя суевѣрія сохранились еще въ полной силѣ. Одинъ изъ нѣмецкихъ журналистовъ, прожившій долго въ Лиссабонѣ, говоритъ, что нигдѣ такъ не распространена вѣра въ колдовство, какъ въ этихъ странахъ. Колдовство составляетъ тамъ настоящую профессию, и притомъ довольно выгодную. Онъ описываетъ въ «Tägliche Rundschau» кварталъ, населенный колдуньями, въ Лиссабонѣ. «Лучшую обстановку трудно придумать говоритъ онъ. Узкіе, грязные переулки перекрещиваются въ разныхъ направленіяхъ. Они такъ узки, что дневной свѣтъ съ трудомъ проникаетъ въ нихъ, нищета, праздность и всевозможные пороки свили тамъ себѣ постоянное гнѣздо и ни одинъ уважаемый и мирный гражданинъ Лиссабона не рѣшается, безъ крайней нужды, отправиться въ эту часть города, гдѣ такъ легко заблудиться въ лабиринтѣ узкихъ, кривыхъ улицъ. Даже полицейскіе неохотно заходятъ туда, да и то не иначе, какъ вдвоемъ или втроемъ. Такимъ образомъ, внѣшнія условія покровительствуютъ колдуньямъ и они могутъ тутъ спокойно заниматься своими темными дѣлами. А сколько тутъ совершается темныхъ дѣлъ—это даже опредѣлить трудно. Колдуньи сохраняютъ въ своихъ жилищахъ весь средневѣковый декорумъ: скелеты, совы, помело и т. п. утварь составляютъ необходимую принадлежность ихъ квартирной обстановки. Но, быть можетъ, они и сами вѣрятъ въ свою сверхъестественную силу? Недавно въ Лиссабонѣ обнаружился слѣдующій возмутительный фактъ. Народное повѣрье приписываетъ чудодѣйствующую силу крови изъ ладоней ребенка мо- ложе пяти лѣтъ. Одна изъ колдуній, желая достигъ этой крови заманивала къ себѣ малютокъ, запирала ихъ у себя и надрѣзывала имъ ладони острымъ ножомъ, чтобы собрать чудодѣйственной крови. Теперь эта женщина находится подъ арестомъ и ее скоро будутъ судить».

Возрожденіе католицизма во Франціи.

(Письмо изъ Парижа).

I.

По поводу громадной картины Давида «Коронованіе Наполеона I» рассказываютъ характерный анекдотъ. Видѣвшіе эту картину помнятъ, что между присутствующими на коронованіи лицами находится и папа Пій VII. Онъ почти незамѣтенъ; онъ сидитъ въ креслѣ на заднемъ планѣ и благословляетъ Наполеона въ то время, какъ послѣдній возлагаетъ корону на голову Жозефины. На первомъ проектѣ картины папа былъ изображенъ просто сидящимъ въ креслѣ, безъ жеста благословенія. Этотъ жестъ былъ прибавленъ по указанію Наполеона, который иронически замѣтилъ Давиду: «Я позвалъ его сюда, въ такую даль, не для того, чтобы онъ ничего не дѣлалъ!» Это было не первое униженіе, которому корсиканскій авантюристъ подвергнулъ преемника св. Петра.

Через п'ясколько мѣсяцевъ послѣ коронаціи Наполеонъ заточилъ паду, какъ влѣбника въ Фонтенбло, въ окрестностяхъ Парижа.

Вообще въ началѣ XIX столѣтія папская власть переживала тяжелый кризисъ. Даже во время реставраціи, въ царствованіе фанатика Барла X, французское правительство принимало репрессивныя мѣры противъ ордена іезуитовъ. Этотъ антиклерикальный духъ былъ особенно силенъ во время июльской монархіи, при Луи-Филиппѣ, когда, по словамъ одного католическаго писателя, «проявленіе релігіознаго чувства считалось безуміемъ на улицѣ и признакомъ дурнаго вкуса въ салонахъ»¹⁾.

Но какая разница, если мы сравнимъ ту отдаленную эпоху съ тѣмъ, что мы видимъ теперь! Въ началѣ XX столѣтія католическая церковь встаетъ передъ нами, какъ большая нравственная, общественная и политическая сила. Она не только снова заняла большую часть позицій, съ которыхъ ее согнали революціонныя буря, но стала завоевывать и другія страны. Въ продолженіе XIX столѣтія она приобрѣла 20 милліоновъ неофитовъ и теперь 60.000 миссіонеровъ разносятъ по всѣмъ концамъ земнаго шара, по материкамъ и островамъ, среди дикарей, варваровъ или цивилизованныхъ, слово католицизма²⁾. Въ число этихъ миссіонеровъ, зависящихъ непосредственно отъ верховной организаціи «Пропаганды», въ Римѣ, не входитъ мѣстное духовенство, которое въ однихъ только Соединенныхъ Штатахъ насчитываетъ 11.000 членовъ³⁾. Никакая другая релігія не даетъ пропорціонально такого числа миссіонеровъ и не можетъ похвалиться такими значительными успѣхами.

«Апостольство, — это католическая добродѣтель», — говорилъ Лакордеръ, знаменитый доминиканскій проповѣдникъ. Но вѣрнѣе было бы сказать, что это — добродѣтель французскаго народа, къ которому принадлежатъ $\frac{1}{5}$ всѣхъ миссіонеровъ, мужчинъ и женщинъ. По странному на первый взглядъ совпаденію, клерикальное возрожденіе — сильнѣе всего именно въ республиканской Франціи. Уничтоженные при революціи и первой Имперіи монашескіе ордена не только возобновились, но основалось и много новыхъ. Члены ихъ достигаютъ теперь 200.000, тогда какъ въ 1880 г. ихъ было всего 158.000 а до революціи — только 50.000⁴⁾. А стоимость однихъ только недвижимыхъ ихъ имуществъ, доходившая въ 1851 г. до 43 милліоновъ франковъ, теперь поднялась до 1.070 милліоновъ. Движимыя ихъ имущества, относительно которыхъ не имѣется точныхъ свѣдѣній — въ нѣскольکو разъ превышаютъ стоимость недвижимыхъ. Крімъ того во Франціи 42.000 постоянныхъ священниковъ, на содержаніе которыхъ государство опредѣляло ежегодный бюджетъ въ 50 милліоновъ франковъ. Но ни на чемъ нельзя такъ хорошо прослѣдить сильное вліяніе духовенства во Франціи, какъ на успѣхахъ его въ школьномъ дѣлѣ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ духовенства учится 68.000 мальчиковъ и дѣвочекъ, т.-е. столько же, сколько и въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. По сравненію съ 1850 годомъ, число учениковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ духовенства увеличилось втрое, а число самихъ заведеній удвоилось. Но помимо этихъ заведеній, въ которыхъ воспитываются будущіе міряне, духовенство содержитъ еще 140 маленкихъ и большихъ семинарій съ 2.400 учениками, предназначающимися для духовнаго званія⁵⁾.

¹⁾ Tanernier, «La Presse (Статья изъ католическаго сборника: «Un siècle, le Mouvement du Monde de 1800 à 1900» стр. 282).

²⁾ A. D. Sertillanges, («L'expansion de l'Eglise catholique» «Un siècle» etc., p. 809).

³⁾ Vicomte de neaux, «Les peuples nouveaux» (idem, p. 169).

⁴⁾ Рѣчь члена Trouillot, докладчика законопроекта объ ассоціаціяхъ. (Засѣданіе въ палатѣ 17-го января 1901 г.).

⁵⁾ См. статью іезуита Burnichon: «Les Cinquantenaire de la loi de 1850», напечатанную въ «Le Etudes» журналѣ іезуитскаго общества, 1900, стр. 404.

Католическому духовенству, наконецъ, принадлежатъ четыре университета, изъ которыхъ парижскій—представляетъ наилучшую организацію; онъ празднуетъ теперь свое двадцатипятилѣтіе *). Объ успѣхахъ его можно судить по числу окончившихъ курсъ; на одномъ юридическомъ факультетѣ окончили 1.120 студентовъ.

Вышеупомянутыя заведенія предназначаются для дѣтей аристократіи и буржуазіи. Но сила католицизма заключается въ темныхъ крестьянскихъ и городскихъ массахъ. Чтобы нейтрализовать дѣйствіе свѣтскаго образованія, духовенство открываетъ свои собственные народныя школы, въ которыхъ и учится до 1.618.000 дѣтей**).

Мы не будемъ пускаться въ описанія другихъ католическихъ учреждений. Достаточно сказать, что въ пріютахъ для бѣдныхъ и больницахъ католическаго духовенства содержится ежегодно до 108.000 человекъ, изъ которыхъ до 83.000 дѣтей.

Необходимо упомянуть еще и о могуче-организованной католической прессѣ.

Вообще не существуетъ поля общественной дѣятельности, къ которому конгрегации не приложили бы рукъ. Кромѣ школъ, пріютовъ для бѣдныхъ, прессы, нужно указать на торговыя и промышленныя предпріятія и множество другихъ крупныхъ и мелкихъ учреждений, которыя, какъ крѣпчайшей сѣтью, опутываютъ французскій народъ тысячею видимыхъ и невидимыхъ связей.

Но нужно быть въ самой Франціи, чтобы получить, такъ сказать, физическое ощущеніе клерикальнаго всемогущества. На каждомъ шагу: на улицахъ, въ конкахъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ вы наталкиваетесь на армію доминиканцевъ, іезуитовъ и францисканцевъ, кармелитовъ и кармелитокъ, одѣтыхъ въ самые разнообразныя костюмы, босыхъ или обутыхъ, съ обнаженною или покрытою головою, съ четками и молитвенниками въ рукахъ. По воскреснымъ днямъ окрестности Парижа, поля и парки переполнены воспитанниками іезуитскихъ коллегій и духовныхъ семинарій. Семинаристы въ черныхъ рясахъ и плоскихъ черныхъ шляпахъ издали производятъ впечатлѣніе стаи птицъ, почему вѣроятно французскій народъ и прозвалъ ихъ «воронами».

Когда, гуляя по улицамъ города, вы видите большія каменные здания съ большимъ паркомъ, обнесеннымъ высокими каменными стѣнами, или, любясь на живописныя возвышенности Медона и Шатильона, замѣчаете красивыя постройки готическаго стиля, то знайте, что это—пансіоны, монастыри и пріюты для бѣдныхъ, принадлежащіе конгрегациямъ.

Но ничто не символизируетъ такъ удачно католическое могущество, какъ новопостроенный по завѣту Игнатія Лойолы колоссальный храмъ *Sacré Coeur*, который, съ высоты Монмартрскаго холма оглушаетъ звономъ своего гигантскаго колокола «Савоярка» Парижъ, городъ Вольтера и отечество «Богини Разума».

Католическое духовенство ликуетъ. Упоенное своими успѣхами, оно теперь заявляетъ, что идеаль его въ томъ, чтобы распространить свою власть на все человѣчество.

«Въ 1800 году церковь переживала самые тяжелые свои дни,—пишетъ парижскій архіепископъ.—Когда Пій VII сѣлъ на престолъ, онъ походилъ на слабую вѣтвь, которую орелъ могъ вырвать и унести далеко. Но кто въ силахъ остановить ростъ того, что посѣяла рука Божія? Слабый ростокъ превратился въ большой кедръ. Онъ поднимается и зеленѣетъ выше всѣхъ старыхъ деревьевъ лѣса. Если человѣчество хочетъ лиги мира, пусть оно придетъ и скроется подъ его сѣнью!***).

*) De Laparent. «Les Noces d'Argent de l'Université Catholique de Paris». (Correspondant 10 Fevrier 1901).

**) Рѣчь Trouillot, докладчика законопроекта объ ассоціацияхъ. (Засѣданіе палаты депутатовъ 17-го января 1901 г.).

***) Cardinal Richard, «Vers l'Unité» («Unsiècle» etc., стр. 912).

II.

Что же за причина такого необыкновенного подъема католицизма, такого неожиданного развѣта конгреганистскихъ заведеній? Дѣйствительно ли это движеніе имѣетъ характеръ обновленія, настоящаго возрожденія, или оно—только временное и случайное? Отвѣчаетъ ли оно какимъ-нибудь новымъ и глубокимъ потребностямъ французскаго общества, или оно является послѣдними конвульсивными усилями архаической организаціи, получающей преобладаніе только потому, что ея противникъ временно поглощенъ другими вопросами?

Для всякаго наблюдателя, близко знакомаго съ характеромъ современнаго католицизма, ясно, что усиленіе его—временное и случайное, что оно не отвѣчаетъ живой и глубокой потребности, и, являясь по существу искусственнымъ, не можетъ быть прочно.

И въ самомъ дѣлѣ, во Франціи, несмотря на умноженіе монастырей и орденовъ, не замѣчается усиленія религіознаго чувства. Какъ разъ наоборотъ: и друзья, и враги согласны въ томъ, что религіозный индифферентизмъ продолжаетъ дѣлать большіе успѣхи. Правда, нѣкоторые католическіе публицисты, вродѣ уже упомянутаго аббата Бюрнишана, постоянно твердятъ, что французская буржуазія и аристократія теперь набоживѣе, чѣмъ онѣ были во время Луи-Филиппа *). Но набожность эта—чисто внѣшняя и обрядовая, преслѣдующая чисто утилитарную цѣль. Аристократія все больше и больше избѣгаетъ духовной карьеры. Нижшее бѣлое и черное духовенство рекрутируется теперь, почти исключительно, въ народныхъ массахъ. То же самое можно сказать и о высшемъ духовенствѣ. Тогда какъ до революціи изъ 134 архіепископовъ и епископовъ было только 5, вышедшихъ изъ народа, теперь, наоборотъ, изъ 90 архіепископовъ и епископовъ только 4 принадлежатъ къ аристократіи **). Съ другой стороны, если аристократія и часть буржуазіи посылаютъ своихъ дѣтей въ іезуитскія коллегіи, то это объясняется ихъ политическими антипатіями противъ республиканскаго правительства и его школъ; а еще больше это объясняется тою строгою дисциплиной, которая существуетъ въ пансіонахъ конгрегацій и снимаетъ съ родителей всякую личную заботу о воспитаніи дѣтей. Кромѣ того, благодаря своимъ связямъ со всевозможными общественными кругами конгрегація значительно облегчаютъ будущую карьеру своихъ воспитанниковъ.

Но вѣдь все это—соображенія чисто матеріалистическаго характера; въ нихъ не входитъ, можетъ быть, ни одинъ атомъ религіозныхъ побужденій. Впрочемъ, само католическое духовенство отдастъ себѣ отчетъ въ истинныхъ побужденіяхъ имущихъ классовъ. Вотъ что говорится по этому поводу въ одной, изданной газетой «La Croix», книжкѣ для руководства католической пропаганды въ народѣ: «Обращайтесь скорѣе къ рабочимъ, чѣмъ къ буржуа: съ буржуа дѣлать нечего» ***).

Католики могли бы указать всего на два стоящія внѣ ихъ церкви теченія, которыя могли бы свидѣтельствовать объ истинномъ обновленіи католицизма. Эти два теченія, съ одной стороны, обращеніе къ католицизму нѣкоторыхъ протестантскихъ элементовъ, съ другой—то идеалистическое движеніе среди французской молодежи, которое останется въ современной исторіи Франціи подъ именемъ неокатолическаго.

*) Iезуитскій журналъ «Etudes» etc., 1900, стр. 444.

***) Н. Taine, «Origines de la France Contemporaine», XI, Regime moderne», Т. III, l'Eglise etc. l'Ecole (Edit. de 1899, стр. 110).

****) «Organisation catholique des Campagnes», стр. 26. (Цитированная въ рѣчи Бриссона по законопроекту объ ассоціаціяхъ. Засѣданіе 22 января 1901).

Обращение въ католицизмъ извѣстнаго числа протестантовъ носить характеръ чисто религіозной реакціи. Они вступили въ лоно римской церкви, какъ «кающіеся грѣшники», безъ всякихъ претензій обновить ее. Отечествомъ этого движенія была Англія, но несомнѣнно дѣйствіе его должно было отразиться и на католицизмѣ во Франціи. Католическая церковь *par excellence* всемірная организація и каждая происходящая въ ней перемена въ ту или иную сторону, неизбежно отражается на цѣломъ.

Движеніе въ пользу католицизма было сильно въ Англіи въ двѣ различныя эпохи: въ половинѣ и въ концѣ XIX столѣтія. Первое движеніе извѣстно подъ именемъ «оксфордскаго», или движенія пюизитовъ, по имени Пюзе, который былъ его инициаторомъ. Самъ Пюзе не принялъ всѣхъ догматовъ католицизма и до самой смерти оставался на пути между Вестминстеромъ и Ватиканомъ, между установленнымъ парламентомъ протестантскимъ молитвенникомъ *Prayer Book* и римско-католическимъ катехизисомъ. Но друзья его, между которыми были самые знаменитые будущіе кардиналы Ньюманъ и Манингъ, обратились къ ортодоксальному католицизму *).

Въ настоящее время это движеніе, извѣстное подъ именемъ движенія ритуалистовъ, или верховной церкви (*High Church*), наполняетъ полемикой журналы и митинги. Оно является массовымъ движеніемъ священниковъ, которые незамѣтно возстановляютъ запрещенные въ *Prayer Book* обряды католической церкви—окропленіе святой водою, зажиганіе свѣчъ, кажденіе омиама, поклоненіе иконамъ и статуямъ **).

И первое, и второе движенія являются естественнымъ слѣдствіемъ кризиса, переживаемаго протестантизмомъ вообще.

Замѣнивъ въ истолкованіи св. писанія авторитетъ папы и вселенскихъ соборовъ личнымъ сужденіемъ, протестантизмъ самъ открылъ двери рационалистской доктринѣ. И испуганный логическими заключеніями своего разума, протестантъ сталъ искать разрѣшенія, или, вѣрнѣе, усыпленія развѣдавшихъ его сомнѣній въ возвращеніи къ католицизму. Боясь зайти слишкомъ далеко, онъ вернулся назадъ. «Я сдѣлался католикомъ, — говоритъ кардиналъ Ньюманъ въ своихъ «*Loos and Gain*» — потому что почувствовалъ потребность въ авторитетѣ, который утвердилъ бы мою вѣру среди столькихъ противорѣчій».

Совсѣмъ иной характеръ носить неокатолическое движеніе. Оно родилось не въ средѣ духовенства, какъ подъемъ католицизма въ Англіи, а въ средѣ свѣтской университетской молодежи. Кроме того, оно имѣло претензію примирить католицизмъ съ современной наукой и съ современными социальными движеніями.

Движеніе это появилось во Франціи въ началѣ девяностыхъ годовъ, но послѣ трехъ-четырехъ-лѣтняго существованія, превратилось въ чисто антиклерикальное движеніе. Другими словами: инициаторы его стоятъ теперь въ рядахъ антиклерикальной арміи. Поэтому то, что мы имѣемъ сказать о неокатолическомъ движеніи, представляетъ скорѣе ретроспективный интересъ. Но мы не можемъ обойти молчаніемъ это явленіе, такъ какъ оно входитъ въ исторію современнаго католицизма.

Неокатолическое движеніе началось чѣмъ то вроде реакціи противъ естественно-научнаго матеріализма. Успѣхъ послѣдняго основанъ—здѣсь я передаю въ общихъ словахъ идеи тогдашнихъ неокатоликовъ—на глубокомъ недоразумѣніи. И дѣйствительно, тотъ же самый позитивизмъ, который ничего не хочетъ

*) *P. Dangin* (de l'Académie française), «Renaissance catholique en Angleterre au XIX siècle» (Correspondant, Mars et Avril 1901).

**) *Alcide Ebray*, «La crise de l'Eglise Anglaise» и *P. Berger*, «Catholiques et protestants en Angleterre»; (первая напечатана въ протестантскомъ изданіи «Le Monde Chrétien», 1901 г., а вторая въ «Revue des Revues», juin 1899 г.).

знать внѣ области опыта и явленій, въ сущности покоится на нѣсколькихъ метафизическихъ началахъ. Мы говоримъ здѣсь не только о разныхъ гипотезахъ, вродѣ гипотезы о существованіи невѣсомой матеріи, наполняющей вселенную, но и о другихъ чисто интуитивныхъ и метафизическихъ предпосылкахъ, безъ которыхъ невозможна никакая наука. Последняя основывается на дѣломъ рядѣ аксіомъ, но что доказываетъ, что эти аксіомы отвѣчаютъ дѣйствительности и что человѣческой разумъ не заблуждается? Никто не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Значить, научный опытъ выходитъ изъ предпосылки, «что между мыслью и вселенною существуетъ гармонія».

Бесиліе науки дѣлается еще очевиднѣе въ вопросѣ о происхожденіи и дѣли жизни: она даже не хочетъ браться за его разрѣшеніе. Этотъ предметъ выходитъ изъ области ощущеній и является для нея непознаваемымъ. Но человѣческій духъ стремится дальше, и отъ этого стремленія постичь непостижимое рождается религиозное чувство. «И корнями и послѣдними своими цвѣтами писалъ одинъ изъ неокатоликовъ,—наука входитъ въ область таинственнаго и неизвѣстнаго и именно здѣсь, передъ лицомъ этой неизвѣстности и таинственности является религиозное чувство человечества. Историческая критика свидѣтельствуетъ о присутствіи его во всѣ эпохи исторіи. Такое множество боговъ, смѣнявшихся въ продолженіи столѣтій вѣковъ, доказываетъ, что человѣкъ непобѣдимо вѣрять въ Бога» *).

Вотъ какія идеи волновали французскую молодежь въ 1890 и 1891 годахъ. Въ началѣ это движеніе носило общій характеръ; оно стало называться неокатолическимъ только въ концѣ 1892 года. Это измѣненіе произошло подъ вліяніемъ проповѣдей американскаго архіепископа Иреланда, который посѣтилъ Парижъ въ іюнь 1892 года. Либеральный и социальный католицизмъ Иреланда очаровалъ парижскую молодежь. Въ своемъ легкомъ увлеченіи она видѣла въ немъ представителя «новаго духовенства, обновленной религіи» **). Среди неохристіанской молодежи раздались голоса, приглашавшіе французскую церковь «сдѣлаться такой же глубокоевангельской, нравственной и либеральной, какъ католическая церковь Иреланда». Неохристіане, которые стали называть себя неокатоликами, кромѣ того, совѣтовали католической церкви освободиться отъ несоотвѣтствующаго современному положенію науки догматизма и остаться только при вѣрѣ въ «единого Бога». Нѣкоторые, болѣе смѣлые изъ нихъ предлагали еще созваніе всемірнаго конгресса религій, вродѣ того, который собирался въ Чикаго въ 1893 году. Цѣлью этого конгресса должна была быть выработка всемірной религіи на основѣ того общаго элемента, который заложенъ во всѣхъ ихъ:—религиознаго чувства.

Но скоро нѣсколько рѣзкихъ проявленій со стороны церкви уничтожили прекрасныя надежды неокатолической молодежи. Парижскій архіепископъ запретилъ нѣсколькимъ либеральствующимъ священникамъ, которые были готовы протануть руку молодежи, присутствовать на всемірномъ конгрессѣ религій. Католическая церковь не допускала даже подозрѣнія въ томъ, что она можетъ поставить себя наравнѣ съ другими церквами, такъ какъ католическая религія не одна изъ религій, а *единственная религія*.

Точно также послѣдовательна въ духѣ католицизма была и догматическая непримиримость, обнаруженная католическимъ духовенствомъ. Католическая религія со всѣми своими постулатами и догматами есть одно цѣлое, которое должно остаться нетронутымъ. Она, если позволено такъ выразиться, не подле-

*) H. Berenger. «La Religion et la France» «R. des Revues». 15 Mars 1898 стр. 582.

**) Abbé Victor Charbonnel. «Deux catholicismes» «R. des Revues», Février 1897, p. 206).

жить юрисдикціи человеческого разума, такъ какъ происхожденіе ея — не человеческое, а божественное.

Религія, по мнѣнію ея представителей, не имѣетъ ничего общаго съ различными метафизическими ученіями о сущности бытія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти ученія, и материалистическія, и спиритуалистическія, основываются на различныхъ дедукціяхъ человеческого разума, и слѣдовательно, безсильны разсѣять сомнѣнія и уничтожить развѣдающей человеческую душу скептицизмъ. Самый гениальный философъ не заставитъ меня принять его метафизическую систему, если мой собственный разумъ, равноправный съ его разумомъ, такъ какъ онъ пользуется тѣми же логическими приѣмами, считаетъ ее невѣрной. Кроме того, я всегда найду другого, не менѣе гениальнаго философа, утверждающаго какъ разъ противоположное. Человѣчество можетъ подчиниться только разуму верховнаго существа, которое и есть Богъ, проявившій себя разъ навсегда въ *Откровеніи*. Заключающіяся въ откровеніи истины—неоспоримы, такъ какъ происхожденіе ихъ божественно. «Что сверхъ того, то отъ лукаваго».

Этотъ, или приблизительно этотъ, отвѣтъ церкви составляетъ доказательство *ad absurdum* того, насколько бесплодны всѣ усилія, которыя человечество употребляло до сихъ поръ и употребитъ впредь для созданія прочной метафизической системы. Тѣмъ болѣе, что едва ли оно придумаетъ что-нибудь новое, что-нибудь такое, что въ самыхъ существенныхъ чертахъ уже не было бы сказано еще во времена Платона и Аристотеля, что-нибудь такое, что не принималось и не отвергалось бы уже много разъ.

Но это движеніе неокатолицизма поучительно еще и въ другомъ отношеніи. Оно показываетъ, насколько ограничено и неправильно созданное метафизикой понятіе о религіозномъ чувствѣ, какъ отношеніи человѣка къ безконечному и неизвѣстному. Метафизики не видятъ, что это «неизвѣстное» суживается и расширяется, смотря по исторической ступени, на которой стоитъ общество, и по положенію, которое въ немъ занимаетъ личность. Если для философа область «неизвѣстнаго», а съ нею и религіозное чувство начинается тамъ, гдѣ кончается область опыта, для массы человечества, для которой непонятны причины самыхъ обычныхъ явленій, которыя, по старой латинской пословицѣ «сначала живутъ, а потомъ философствуютъ», неизвѣстное начинается въ области самой практической жизни. Но въ этомъ случаѣ религіозное чувство проникнуто всѣми элементами этой практической жизни. Оно носитъ характеръ историческаго явленія, и сама религія дѣлается одною изъ функцій общественной жизни. И какъ бы ни казались намъ прямы и неподвижны ея каноны, подъ ними, какъ подъ толстою корою ледовитыхъ морей, кипитъ жизнь миллионновъ существъ.

Французскіе неокатолики очень скоро убѣдились въ этой истинѣ. Вотъ что писалъ въ 1898 г. Беранже, одинъ изъ инициаторовъ этого движенія и горячій поклонниковъ архіепископа Иреланда: «Если въ нашей странѣ скоро возгорится религіозная война, то въ ней не будетъ ничего религіознаго, кромѣ имени. Кастовые предразсудки, классовые интересы, и всевозможные назрѣвшіе ферменты низкихъ страстей,—вотъ чѣмъ будутъ пользоваться, чтобы поднять народныя массы. Все, что было въ католической религіи высокаго и добродѣтельнаго, съ теченіемъ вѣковъ испарилось» *).

III.

Итакъ, католическая церковь сама отвергла союзъ, предлагавшійся частью интеллигенціи. Съ другой стороны, аристократія и буржуазія болѣе чѣмъ когда-либо избѣгаютъ духовной карьеры. При старомъ режимѣ, когда первородный

*) «La France et la Religion», стр. 574.

сынъ наследовалъ большую часть имущества родителей, въ каждой аристократической семьѣ были обездоленные сыновья, или дочери, которые часто уходили въ монастырь. Кодексъ Наполеона, провозгласившій юридическое равноправіе всѣхъ дѣтей, отнялъ у церкви много аристократовъ, которые прежде избрали бы духовную карьеру. Теперь духовенство рекрутируется почти исключительно изъ мелкой буржуазіи, рабочихъ или крестьянъ. Но и они идутъ въ священники главнымъ образомъ потому, что это—обезпеченная карьера. Даже положеніе сельскаго священника, которому государство ежемѣсячно платитъ жалованье, можетъ казаться завиднымъ и заставить не одного бѣдняка-крестьянина отдать сына въ духовную семинарію. Большая часть воспитанниковъ семинарій—ничего не платятъ, другая часть уплачиваетъ только половину годовыхъ издержекъ на свое воспитаніе.

Другую часть своихъ воспитанниковъ духовныя семинаріи рекрутируютъ среди тѣхъ 22.000 сиротъ мужского пола, которые живутъ въ пріютахъ конгрегацій. Изъ этихъ сиротъ, которые съ самаго ранняго возраста находятся подъ вліяніемъ клерикальнаго воспитанія, выходятъ миссіонеры и вообще члены чернаго духовенства.

Особенное мѣсто въ исторіи современной католической церкви занимаютъ женскія конгрегаціи, на которыхъ мы поэтому остановимся подробнѣе.

Какъ извѣстно, рѣдкая женщина настолько отрѣзана отъ умственной и общественной жизни своей страны, какъ французенка. Во многихъ французскихъ университетахъ—присутствіе среди студентовъ французенки является рѣдкостью, тогда какъ въ тѣхъ же университетахъ учатся женщины всѣхъ національностей. Такая отсталость въ значительной степени связана съ вліяніемъ, которое оказывала на французскую женщину католическая церковь еще въ то время, когда была всемогущей. А въ XIX вѣкѣ, когда политическія событія согнали католическую церковь со многихъ позицій, которыя она занимала, то она приложила еще большія усилія, чтобы привязать къ себѣ французскую женщину. И можно сказать, что въ этомъ направленіи она дѣйствовала успѣшно. Членовъ женскихъ конгрегацій *внѣшнѣе* больше, чѣмъ членовъ мужскихъ организацій. Число мальчиковъ, посѣщающихъ конгрегационскія школы—440.000 и число дѣвочекъ въ тѣхъ же конгрегационскихъ школахъ достигаетъ 1.177.000. Эти же двѣ цифры подтверждаютъ и фактъ нравственнаго раскола французской рабочей семьи. Отецъ, голосъ котораго обыкновенно имѣетъ рѣшающее значеніе въ воспитаніи мальчиковъ, посылаетъ ихъ въ государственныя школы, тогда какъ мать отдаетъ дѣвочекъ въ конгрегационскую школу.

Само духовенство все болѣе и болѣе начинаетъ видѣть въ женщинахъ главнаго своего союзника. Въ свои пріюты, которые являются, какъ уже мы сказали, настоящей предварительной школой для духовныхъ орденовъ, оно принимаетъ преимущественно сиротъ женскаго пола. Такъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, на 22.000 сиротъ-мальчиковъ, приходится 54.000 сиротъ-дѣвочекъ. Это еще разъ доказываетъ, что и духовные ордена рекрутируютъ своихъ приверженцевъ среди бѣднаго народа. Впрочемъ, это же видно и изъ исторіи отдѣльных орденовъ, большая часть которыхъ основана простыми работницами или крестьянками. Самымъ замѣчательнымъ примѣромъ является конгрегація «Сестрицы бѣдныхъ», основанная тремя неграмотными женщинами, вышедшими изъ народа: служанкой Жанной Жюганъ и портнихами Маріей Жюасель и Виргиніей Тредансель; двѣ послѣднія, кромѣ того, осиротѣли въ раннемъ дѣтствѣ. Этотъ орденъ, основанный въ 1850 году, насчитываетъ теперь 4.475 сестеръ, которыя оказываютъ помощь 33.000 бѣдныхъ, въ разсѣянныхъ по всему свѣту 255 заведенійхъ (изъ которыхъ 106 находятся во Франціи). По уставу ордена

онъ не долженъ имѣть другихъ источниковъ дохода, кромѣ милостыни, получаемой членами *)

Средства, употребляемые французскимъ духовенствомъ, чтобы привязать къ себѣ часть народныхъ массъ—очень различны. Мы уже видѣли, по какимъ чисто матеріальнымъ соображеніямъ духовная карьера можетъ быть привлекательна для многихъ. Другая часть посѣщающихъ церкви католиковъ—мужчинъ и женщинъ тоже находятъ матеріальную выгоду въ помощи конгрегацій. Но въ этихъ отрицательныхъ сторонахъ католической массы, конечно было бы недостаточно, чтобы обезпечить власть католической церкви. Она не могла бы долго господствовать, если бы между нею и ея кліентами существовали только такія отношенія, отношенія взаимнаго обмана. Не будемъ забывать, что католическая церковь играетъ еще большую и положительную нравственную роль. Ея торжественный церемоніалъ, соединившій все, что было привлекательнаго въ обрядахъ древнихъ языческихъ религій, дѣйствуетъ на эстетическія чувства вѣрующахъ. Но неизмѣримо большее значеніе она имѣетъ, какъ утѣшительница человеческой души, такъ какъ въ основѣ ея догматовъ лежатъ идея безсмертія человеческой души, а въ основѣ ея обрядовъ—молитва. Однако, само католическое духовенство признаетъ, что вѣра все болѣе и болѣе исчезаетъ изъ сердца французскаго народа. Религіозный индифферентизмъ дѣлаетъ успѣхи не только среди имущихъ классовъ, но и среди простого народа. До революціи у церковныхъ дверей можно было дѣлать перепись населенія, такъ какъ въ церковь ходили всѣ. «Теперь, писалъ одинъ архіепископъ Иполиту Тену въ 1890 году,—изъ двухъ милліоновъ парижскаго населенія, едва сто тысячъ встрѣчаютъ Пасху въ церкви» **).

То же самое явленіе замѣчается и въ деревняхъ: церкви—пусты; присутствуютъ на службѣ почти исключительно женщины.

Сила католической церкви заключается въ духовныхъ орденахъ. Но и здѣсь произошли важныя перемены. До революціи большая часть монашескихъ орденовъ были *созерцательными*. Члены ихъ стремились къ спасенію души постомъ и молитвою. Теперь изъ 200.000 монаховъ и монахинь—только 5.000 принадлежатъ къ *созерцательнымъ* орденамъ. Всѣ остальные проводятъ время въ работѣ: въ уходѣ за больными, въ обученіи дѣтей, или просто въ физической работѣ. Въ созерцательныхъ орденахъ, такъ сказать, все человеческое существо превращалось въ религиозное чувство, такъ какъ вся дѣятельность его сводилась къ внутреннему созерцанію Бога; въ другихъ орденахъ религиозное чувство сводится, наоборотъ, къ чему-то болѣе прозаическому, но и болѣе человѣчному: къ практикѣ солидарности. Можно въ извѣстномъ смыслѣ сказать, что католическая церковь, чтобы сохранить свой, оспариваемый прогрессомъ человечества авторитетъ, сама стремится сдѣлаться прогрессивнымъ факторомъ. И не малое утѣшеніе для сторонниковъ прогресса составляетъ фактъ, что то же самое католическое духовенство, которое въ первой половинѣ XIX столѣтія являлось величайшимъ противникомъ народнаго образованія, теперь протестуетъ, когда ему не позволяютъ открывать столько школъ, сколько оно считаетъ нужнымъ.

Но католическая церковь не сможетъ долго конкурировать съ свѣтскимъ обществомъ въ дѣлѣ человеческого прогресса. Она—сила прошлаго, и если съ одной стороны она платитъ извѣстную неизбѣжную дань просвѣтительнымъ стремленіямъ нашей эпохи, то съ другой стороны она и тайно, и явно старается еще болѣе укрѣпить суевѣрія французской массы, которая, по выраженію одного католическаго писателя, «часто является языческой по своимъ вѣрованіямъ». Католическое духовенство находитъ очень выгоднымъ поддержи-

*) «Les petites soeurs des pauvres» (см. въ «Revue du Monde catholique», 1901).

***) Taine, «Origine de la France Contemporaine» etc.

вать эти языческія суевѣрія. Оно часто прибѣгаетъ къ весьма грубымъ пріемамъ, вродѣ поклоненій въ Лурдѣ, Паре ле-Моньялѣ и другихъ мѣстахъ. Оно учредило новый орденъ Св. Антонія Падуанскаго, который, за извѣстное вознагражденіе молится о нахожденіи потерянныхъ вещей, объ успѣхѣ торговыхъ и другихъ предпріятій, и вообще объ исполненіи всѣхъ желаній, которыя могутъ жить въ сердцѣ католика. Но ничто не характеризуетъ такъ удачно низкій культурный уровень части французскаго духовенства, какъ шумъ, поднятый по случаю крещенія миссъ Діаны Воганъ. Последняя — бывшій членъ американскихъ франкъ-масонскихъ ложъ и бывшая невѣста и союзница «дьявола Асмодея» — прѣсто фиктивная личность, выдуманная однимъ смѣлымъ шутникомъ, а отчасти вѣроатно и мошенникомъ, Лео Таксильемъ, для того, чтобы эксплуатировать легковѣріе католическаго духовенства и католическихъ массъ. Успѣхъ предпріятія Таксила превзошелъ самыя смѣлыя его ожиданія. Мемуары Діаны Воганъ, въ которыхъ давались несомнѣныя доказательства сношеній франкъ-масонскихъ ложъ съ дьяволомъ, распространились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. По поводу ея обращенія въ католичество создавалась почти такая же богатая литература, какъ по поводу причисленія Жанны д'Аркъ къ лику святыхъ. Отъ имени Воганъ въ 1896 году былъ созванъ антимасонскій конгрессъ въ Триентѣ. Скоро вся эта мистификація была раскрыта самимъ авторомъ ея, Лео Таксильемъ. Тогда серьезные католическіе журналы, «Etudes religieuses» и «Correspondant» стали выводить поучительные уроки изъ этой исторіи, но раньше они молчали, вѣроатно потому, что сами принимали многія раскрытія Діаны Воганъ за выраженіе истины *).

Католическое духовенство воспользовалось плохо понятнымъ для массъ успѣхомъ терапевтическаго приложенія гипнотизма, и обращаетъ это явленіе въ аргументъ въ пользу сверхъестественнаго и чудеснаго.

Въ заключеніе: очевидно, что подъ цвѣтущей внѣшностью современный католицизмъ скрываетъ большія органическія слабости. Онъ пытается суевѣрїями, а суевѣрія не могутъ существовать долго. Теперь онъ держится за народные массы, но и эта его резервная армія все уменьшается и уменьшается.

Что останется отъ католицизма, если сокровища вѣры и преданности, если чувства солидарности и самопожертвованія найдутъ приложеніе въ другой области общественной просвѣтительной дѣятельности? Что осталось бы отъ французскаго католицизма, если бы новое законодательство открыло общественную и политическую карьеру французской женщинѣ и такимъ образомъ отняло бы у него самаго важнаго союзника? Само католическое духовенство сознаетъ, что его вліяніе на французскую женщину сильно, потому что кругъ ея общественныхъ и духовныхъ интересовъ очень узокъ и ей никогда не приходится входить въ противорѣчіе съ интересами духовенства. Но эти столкновенія станутъ неизбежными, когда французская женщина выйдетъ изъ тѣснаго семейнаго круга на широкую общественную арену.

IV.

То, что мы сказали до сихъ поръ, относится къ вѣроятной судьбѣ католической церкви во Франціи. Но вопросъ о причинахъ ея настоящаго успѣха — остается открытымъ. Мы сказали, что причины эти не спиритуалистическаго характера, что онѣ не кроются въ усиленіи религіознаго чувства. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ исторіей католической церкви въ XIX столѣтіи выясняется, что причины эти заключаются въ измѣненіи, въ эволюціи самой церкви, въ усиленіи дисциплины, въ подъемѣ вѣры, нравственности и культурнаго уровня самого духовенства, и монашескаго, и свѣтскаго.

*) Baron d'Angot. «Lecas de Diana Vaughan», «Correspondant», 15 fevrier 1897.

Эти замѣненія съ своей стороны явились естественнымъ слѣдствіемъ новыхъ отношеній, создавшихся между церковью и свѣтскимъ обществомъ.

Антагонизмъ между церковью и свѣтскою властью существовалъ во всѣ эпохи и во всѣхъ странахъ, потому что онъ происходитъ отъ противоположной сущности этихъ двухъ организацій.

Самостоятельность, которою съ самаго начала пользовалась католическая церковь, сохранилась и до сихъ поръ. Мы не можемъ входить въ разсмотрѣніе причинъ усиленія папской власти, и для насъ важно только констатировать фактъ, что еще въ IV вѣкѣ Римской имперіи Амвросій формулировалъ ультрамонтанскую доктрину слѣдующими словами: «Не церковь живетъ въ имперіи, а имперія живетъ въ церкви». Время еще болѣе укрѣпило преобладаніе папской власти. Въ то время, какъ сама имперія распадалась и императоры переносили свою резиденцію то въ Константинополь, то въ Триръ, то въ Миланъ,— папа оставался въ Римѣ. А когда онъ соединилъ въ своихъ рукахъ и свѣтскую власть надъ Римомъ, влияние его еще возрасло. Свѣтская власть терпѣла преобладаніе Рима, такъ какъ была слаба, по сравненію съ нимъ. Но уничтоженіе власти отдѣльныхъ феодаловъ и усиленіе монархій дало послѣдней материальную возможность болѣе успѣшно бороться съ папскою властью. Эгогъ поединокъ между Римомъ и Версалемъ наполняетъ страницы исторіи средневѣковой Франціи.

Два замѣчательнѣйшіе эпизода этой борьбы произошли въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій. При Людовикѣ XIV Боссюе формулировалъ четыре знаменитые члена галликанской церкви. Въ нихъ признавалось равенство свѣтской власти съ папскою и признавался авторитетъ первой во всѣхъ организаціонныхъ вопросахъ французской церкви. Папа сохранялъ свой авторитетъ только въ вопросахъ о догматахъ, но и въ этихъ вопросахъ Боссюе признавалъ высшимъ авторитетомъ вселенскіе соборы. Агюссо, знаменитый министръ Людовика XV приложилъ на практикѣ галликанскую доктрину, издавъ декреты отъ 1749 года, по которымъ для основанія каждаго новаго духовнаго ордена необходимо было предварительное разрѣшеніе короля. Но католическое духовенство сохраняло всѣ прибрѣтенныя до тѣхъ поръ права. Оно оставалось привилегированнымъ сословіемъ, располагавшимъ громадными богатствами монастырей. Стоимость однихъ только недвижимыхъ его имуществъ, по вычисленіямъ Талейрана, превышала два миллиарда франковъ. Кромѣ того, католическая религія оставалась государственной религіей.

Французская революція кореннымъ образомъ измѣнила это положеніе вещей. Провозглашеніе политическаго равенства гражданъ уничтожило духовенство, какъ сословіе. 2 ноября 1789 года національное собраніе приняло другое роковое рѣшеніе, по которому всѣ церковныя имущества конфисковались въ пользу націи, и сами духовные ордена переставали существовать *). Римская церковь не согласилась съ этими рѣшеніями и само французское духовенство въ лицѣ своихъ самыхъ видныхъ членовъ эмигрировало въ Голленцъ.

Но рѣшенія національнаго собранія не уничтожали фактической силы французскаго католицизма. Французскій народъ оставался въ большинствѣ преданнымъ догматамъ католической вѣры и рано или поздно духовенство должно было снова взять власть.

А это значило, что черезъ него и самъ папа долженъ снова прибрѣсти влияние, которымъ онъ пользовался во Франціи до революціи. Въмѣсто того, чтобы создавать изъ католическаго духовенства и изъ папской власти враговъ, не лучше ли было бы сдѣлать такъ, чтобы за извѣстныя уступки власть эта сдѣлалась послушнымъ орудіемъ самой свѣтской власти? Именно въ этомъ смыслѣ

*) «Le Milliard des Congrégations», («Correspondant» 1901).

Наполеонъ и установилъ отношенія между Франціей и Римомъ, такъ называемымъ конкордатомъ 1801 года. Такъ какъ этотъ конкордатъ въ силѣ и до сихъ поръ, то мы вкратцѣ приведемъ его существенныя пункты.

По конкордату, католическая церковь переставала быть господствующей церковью. Но французское правительство обѣщало создать особый бюджетъ, изъ котораго должно было выдаваться содержаніе постоянному французскому духовенству. Изъ этого же бюджета должны были поддерживаться и храмы двухъ другихъ культовъ: протестантскаго и израильскаго. Назначеніе католическихъ архіепископовъ и епископовъ, которые дѣлались государственными чиновниками, какъ и священники, отнынѣ должно было зависть отъ французскаго правительства, а не отъ папы, какъ раньше. Папѣ предоставлялось только совершать помазаніе надъ лицами, указанными правительствомъ. Религіозные ордены переставали существовать и папа признавалъ конфискацію ихъ имущества законною, но французское правительство съ своей стороны обѣщало позволить основаніе такихъ духовныхъ орденовъ, за которыми признаеть общественную полезность *).

Всѣми этими постановленіями Наполеонъ стремился превратить духовенство въ «священную жандармерію», какъ онъ самъ выразался **).

Папа Пій VII, бывшій въ то время на престолѣ, сначала не хотѣлъ принять конкордата, такъ какъ это бы равнялось узаконенію существенныхъ рѣшеній Национальнаго собранія. Онъ соглашался только на нѣкоторыя уступки. «Мы пойдемъ,—сказалъ папа французскому посланнику Како,—только до вратъ ада, но не дальше». Папскій секретарь, Гонзальви, искусный дипломатъ, отправившійся въ Парижъ склонять Наполеона къ болѣе удобопріемлимому соглашенію. Это не удалось, и когда Наполеонъ приказалъ генералу Мюрату, находившемуся въ Неаполѣ, занять папскую область, то Пій VII согласился войти и въ «адъ» и подписалъ проектъ Наполеона.

Впрочемъ, съ наступленіемъ реставраціи многіе старые ордены были восстановлены: нѣкоторые—съ формальнаго разрѣшенія правительства, а другіе, напр., іезуитскій,—съ его молчаливаго согласія.

Но въ это время въ отношеніяхъ государства съ церковью уже произошли большія перемѣны. Послѣдняя утратила свое преобладаніе надъ свѣтской властью. Правительство было уже достаточно хорошо вооружено закономъ, дававшимъ ему право расширять, или уменьшать права духовенства, допускать основаніе новыхъ орденовъ, или уничтожать ихъ, и ставить церкви въ тѣ, или иныя условія, взаимнѣ поддержки и покровительства съ ея стороны.

V.

Новое положеніе церкви въ государствѣ повлекло за собою важныя послѣдствія. Однимъ изъ нихъ явилось усиленіе папскаго авторитета. На первый взглядъ такое усиленіе кажется непонятнымъ и неожиданнымъ, противорѣчащимъ самому духу конкордата. Но въ сущности оно представляется совершенно естественнымъ ввиду измѣненій въ составѣ и идеяхъ самого духовенства.

Мы упомянули въ предыдущей главѣ, что до революціи духовенство было привилегированнымъ сословіемъ. Оно дѣлило политическую власть съ дворянствомъ—другимъ привилегированнымъ сословіемъ Франціи. Большая часть самихъ архіепископовъ и епископовъ были дворяне по происхожденію. Во многихъ мѣстахъ они соединяли въ своихъ рукахъ и духовную и феодальную свѣтскую власть. Они пользовались громадными доходами съ церковныхъ иму-

*) «Le Centenaire du Concordat d'après nouveaux documents». («Correspondant» 1901).

***) Taine, «L'Eglise et l'Ecole» (1899).

ществъ. Одни изъ нихъ жили въ своихъ епископскихъ резиденціяхъ, какъ владѣтельные, феодальные князья, другіе находились при дворѣ, среди свѣтскихъ соблазновъ и роскоши.

Послѣ революціи все это измѣнилось. Духовенство лишилось всѣхъ выгодъ, даваемыхъ свѣтскою властью. Послѣдняя перешла въ руки буржуазіи, которая наполеоновскимъ конкордатомъ низвела духовенство до степени бюрократическаго класса. Съ одной стороны, это привело къ удаленію отъ духовнаго званія аристократіи, съ другой стороны, духовенство оказалось вынужденнымъ все чаще и чаще прибѣгать къ поддержкѣ Рима, чтобы давать отпоръ претензіямъ враждебнаго буржуазнаго класса. Французское духовенство изъ національнаго, или галлицанскаго, какимъ оно было до революціи, стало ультрамонтанскимъ. «Пользуясь покровительствомъ свѣтской власти, — пишетъ орлеанскій епископъ Туше, — епископы стараго режима мало нуждались въ поддержкѣ Рима... Но теперь, когда мы лишены поддержки власти, которая относится къ намъ скорѣе враждебно, чѣмъ дружески, мы выработали себѣ привычку чаще обращаться къ папѣ» *).

Въ то же время католическое духовенство должно было усилить свою внутреннюю организацію. Въ смыслѣ дисциплины, нравовъ и образованія, теперешнее французское духовенство стоитъ гораздо выше распущеннаго духовенства стараго режима. «При старомъ режимѣ, — пишетъ тотъ же авторъ, — епископы, часто бывшіе крупными феодалами и исполнявшіе какія-нибудь должности при дворѣ, жили вдаль отъ своей паствы. Они совсѣмъ не знали своихъ священниковъ. Семинаристы видѣли своего духовнаго руководителя, можетъ быть, только при рукоположеніи. Общихъ соборовъ не было. Епископы объѣзжали свой округъ разъ въ 10 или 15 лѣтъ». Семинаріи стараго режима были скорѣе свѣтскими, чѣмъ духовными заведеніями. Семинаристы пользовались большою свободой, были въ постоянномъ общеніи со свѣтскимъ обществомъ, посѣщали салоны и устраивали въ самыхъ стѣнахъ семинарій театральныя представленія, пасторали и другія свѣтскія развлеченія **). Теперь епископы постоянно живутъ въ своемъ округѣ, часто объѣзжаютъ его, находятъ въ постоянномъ общеніи со своей паствой и священниками. Послѣдніе, послѣ окончанія семинаріи, гдѣ царствуетъ необыкновенно суровая дисциплина, подвергаются еще цѣлому ряду упражненій, имѣющихъ цѣлью укрѣпить ихъ вѣру. Ежегодно они пишутъ сочиненія на темы, заданныя епископомъ, и эти сочиненія разбираются потомъ на общихъ собраніяхъ. Кроме того, каждый священникъ долженъ разъ въ годъ, или разъ въ два года проводить вакаціонное время въ семинаріи, въ которой окончилъ курсъ. Та же система, за нѣкоторыми измѣненіями, съ еще большею строгостью прилагается и къ духовнымъ орденамъ.

Первенствующее мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ иезуитскій орденъ.

Ни одна воспитательная система не основана на такомъ вѣрномъ и глубокомъ пониманіи человѣческой психологіи, какъ воспитательная система иезуитовъ. Я оставляю въ сторонѣ самую цѣль, которую они преслѣдуютъ, оставляю въ сторонѣ и безобразную кастрацію, которую они производятъ надъ многими человѣческими чувствами и останавливаюсь только на способахъ, на приемахъ, которыми они пользуются. И въ этомъ отношеніи мы должны признать, что иезуиты достигли высшаго совершенства въ искусствѣ создавать изъ человѣка чудесный инструментъ, предназначенный для осуществленія извѣстной разъ намѣченной идеи. Путемъ сложнаго воздѣйствія на воображеніе, на чувство, на характеръ, они создаютъ изъ людей тѣхъ «послушныхъ, какъ трупы» — *perrinde ac cadaver* — солдатъ, которыхъ орденъ посылаетъ во всѣ концы

*) «La Vie intime de l'Église» («Un siècle» etc., p. 873).

**) Н. Taine, «L'Église et l'École» etc.

свѣта; за океаны, пустыни, и непроходимые лѣса, чтобы распространять и увѣковѣчивать власть Рима*).

Иезуиты тиранизировали народы, подпавшіе подъ ихъ власть, какъ южно-африканскія республики, они поджигали жертвенники инквизиціи, они развращали общество созданіемъ особой казуистики, въ основу которой легла безнравственная доктрина пробабиллизма; въ свою очередь, они подвергались преслѣдованіямъ, ихъ убивали, грабили; и послѣ всего этого они могутъ сказать съ полнымъ правомъ, что въ большей части случаевъ все то, что они терпѣли отъ своихъ враговъ, и что сами дѣлали противъ нихъ, было не ради личнаго интереса, а *ad majorem Dei gloriam*.

Въ этихъ словахъ, конечно, не нужно видѣть выраженія какой бы то ни было симпатіи къ иезуитамъ. Мы просто констатируемъ фактъ, что всякая, даже самая низкая по содержанію дѣятельность должна драпироваться въ тогу идеала, и что даже человѣкъ, стоящій на самой низкой ступени въ нравственномъ отношеніи, часто ищетъ оправданія своихъ поступковъ передъ своею совѣстью. Какъ же должна быть сильна эта настоятельная нравственная потребность въ сердцахъ молодежи, наполняемой католическія семинаріи! Для этой молодежи, главнымъ образомъ, предназначается богатая литература, состоящая изъ житій христіанскихъ мучениковъ, жизнеописаній миссіонеровъ, древнихъ и новыхъ временъ, исторій, полныхъ примѣрами религіознаго идеализма, для этой молодежи предназначаются и безчисленныя руководства, которые велико-лѣпнымъ языкомъ экзальтируютъ вѣру и личное достоинство католическаго священника, называя его миссіею сверхчеловѣческой.

«Священникъ, это—слиянiе воедино Бога и человѣка», говорится въ одномъ изъ многочисленныхъ *Vademecum*овъ католическаго духовенства. «Я не обманываю васъ набожными гиперболами, называя васъ Богами. Это—не историческая ложь. Вы—творцы, какъ Богъ—въ вѣчности. Наше постоянное твореніе, это слово, превращающееся въ плоть... Богъ можетъ создать новые міры, но онъ не можетъ сдѣлать такъ, чтобы подъ солнцемъ было другое болѣе великое дѣйствіе, чѣмъ та жертва, которую вы приносите, потому что въ этотъ часъ Онъ влагаетъ въ ваши руки все,—что имѣть, и все, что Онъ есть» **).

Иезуитскій орденъ, имѣвшій до французской революціи 16.000 однихъ миссіонеровъ, въ началѣ XIX столѣтія могъ считать себя почти окончательно уничтоженнымъ. Иезуиты были изгнаны изъ всѣхъ католическихъ странъ. Но теперь онъ снова приобрѣлъ значительную долю своего прежняго могущества. Въ одной только Франціи, несмотря на формальное запрещеніе закономъ, онъ насчитываетъ теперь 29 коллегій—20 лѣтъ тому назадъ ихъ было всего 17 и члены его даютъ наибольшій процентъ профессоровъ духовныхъ семинарій. Стоимость однихъ только недвижимыхъ его имуществъ достигаетъ 50 милліоновъ франковъ.

Такое возрастаніе силы и вліянія иезуитовъ вполне естественно при общемъ подъемѣ ультрамонтанскаго движенія. Они самые вѣрные представители ультрамонтанской идеи, самые горячіе борцы за господство Рима надъ всѣмъ міромъ, чѣмъ и возбуждали и возбуждаютъ страшную ненависть къ себѣ со стороны королей, правительствъ и народовъ. Они оставались неизмѣнными защитниками этихъ принциповъ даже и тогда, когда сами папы, подъ давленіемъ свѣтскихъ властителей должны были отвзаться отъ нихъ. Кто не помнитъ гордаго отвѣта Ричи, генерала ордена, когда папа Климентъ XIV предложилъ ему измѣнить орденскій

*) Père du Lac, «Les Jésuites» («Correspondant», Décembre 1900 et janvier 1901), «Fables jesuites» («Revue du Monde Catholique» janvier 1895 et Mai 1896); Victor Charbonnel, «Origine musulmane des jésuites» («R. de Revues» 1895).;

**) Taine, стр. 98.

уставъ: «Sint ut sunt, aut non sint». Иезуитскій орденъ долженъ существовать такимъ, каковъ онъ есть, или не существовать вовсе.

Поэтому неудивительно, что теперь, когда доктрина Рима снова замѣнила доктрину галликанской церкви, иезуиты сдѣлались главными вдохновителями и руководителями французскаго духовенства.

Непогрѣшимость папы является необходимой предпосылкой того всеобщаго авторитета, которымъ онъ пользуется теперь въ католическомъ мѣрѣ.

Въ XVII столѣтїи иезуиты создали почти языческій культъ поклоненія Христову сердцу. О, иезуиты несомнѣнно умѣютъ дѣйствовать на самыя чувствительныя струны души! Когда сентиментальная женщина видитъ на картинахъ и статуяхъ это измученное, окровавленное сердце, пронзенное человѣческой несправедливостью, она чувствуетъ, какъ усюпаиваются страданія ея собственнаго сердца *). Во Франціи существуетъ теперь больше 170 женскихъ конгрегацій, посвященныхъ Сердцу Христову, Сердцу Божіей Матери, или сердцу Іосифа. А въ ту минуту, какъ мы пишемъ это письмо, по всей Франціи празднуется торжество «Sacré Coeur». Въ Лиллѣ, Парижѣ, Лионѣ, Марселѣ на многихъ католическихъ домахъ развѣваются бѣлыя знамена съ большимъ окровавленнымъ сердцемъ, пронзеннымъ штыкомъ въ 'средиѣхъ.

Усиленіе власти Рима проявляется и въ другихъ областяхъ жизни католической церкви во Франціи: «До революціи—пишетъ орлеанскій епископъ—во всѣхъ епархіяхъ литургія служилась по разнымъ требникамъ, составленнымъ по иниціативѣ мѣстныхъ епископовъ. Теперь по всей Франціи служба совершается по одному и тому же требнику, присылаемому Римомъ **).

Церковь чувствуетъ, что она теперь чуждая обществу сила и что ей не устоять противъ ея разлагающаго дѣйствія, если она не слотитъ свои ряды и не усилитъ дисциплину.

Но и этого было бы недостаточно для объясненія того вліянія, которое церковь приобрѣла снова, если бы само свѣтское общество часто не измѣняло своему враждебному отношенію и не оказывало ей дѣйствительной помощи. Всѣ республиканскіе кабинеты прибѣгаютъ къ церкви, къ ея миссіямъ и конгрегаціямъ, какъ къ средству расширить колоніальныя владѣнія Франціи. Папскіе представители готовятъ успѣхъ французскихъ консуловъ. Извѣстный ультрамонтанскій архіепископъ Фавье въ Китаѣ дѣйствуетъ заодно съ посланникомъ Пишономъ, радикаломъ и бывшимъ сотрудникомъ Клемансо.

Въ самой внутренней борьбѣ во Франціи, въ столкновеніяхъ классовъ извѣстныя партіи прибѣгаютъ къ авторитету папы. Духовенство дѣлается для нихъ «святою жандармеріей». Но само духовенство, поддаваясь этимъ вліяніямъ, не забываетъ, что роль, которая ему предлагается въ этихъ случаяхъ роль подчиненная, что имъ пользуются, какъ средствомъ:

«Pour contenir le peuple ou pour l'émeouvoir
«Est dessus sa faiblesse affermir le pouvoir.

(Corcielle).

Духовенство это знаетъ и, извлекая изъ этого союза всевозможное въ свою пользу, старается придать ему временный характеръ.

VI.

«Чѣмъ больше романизируется мѣръ, тѣмъ больше должно универсализироваться папство», говорилъ кардиналъ Мермилло ***). Другими словами, для того, чтобы папская власть могла привязать къ себѣ католиковъ всѣхъ странъ,

*) J. Michelet, «Le prêtre, la femme et la Famille».

***) «Vers l'Unité» («Un Siècle», стр. 872).

***) Fr. Carry, «Le Futur Conclave» (Correspondant, 25 février 1899).

она сама должна къ нимъ приспособиться. Но кто не знаетъ, какъ трудна была эта задача въ XIX столѣтіи, съ его сильно развитою философскою, научною, политическою и соціальною жизнью! «Католическій міръ» — понятіе собирательное и въ него входятъ самые разнообразные элементы. Къ «католическому міру» принадлежитъ и монархическая Австрія, и антифранцузская Германия, и антигерманская Франція, и республиканская Америка, къ нему принадлежатъ и аристократы, и буржуа, и рабочіе, къ нему принадлежатъ и ученые, и необразованные люди. Папская власть должна была приспособляться къ противорѣчивымъ, враждебнымъ интересамъ всѣхъ этихъ общественныхъ группъ, не входя, въ то же время, въ противорѣчіе и съ основными догматами католицизма.

Это приспособленіе папства къ новѣйшей цивилизаціи составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ эпизодовъ его исторіи въ XIX столѣтіи. Но это приспособленіе и теперь еще не полно; лишнее и говорить, что оно никогда не будетъ полнымъ. Но во всякомъ случаѣ и достигнутые въ этомъ направленіи успѣхи представляютъ большой интересъ.

Когда въ свѣтская власть была въ рукахъ католицизма, и господство его было поэтому обезпечено, его практическая мораль сводилась къ доктринѣ квіетизма. Отрѣшеніе отъ всякой дѣятельности — вотъ что проповѣдывали самые краснорѣчивые квіетисты: св. Францискъ Сальскій и Фенелонъ. Но теперь господство такой моральной доктрины означало бы близкій конецъ церкви. Теперь она вынуждена заботиться не только о спасеніи душъ, но и объ умственномъ и физическомъ развитіи своей паствы. Теперь, когда свѣтская власть отняла у церкви политическую силу, которою она держала народныя массы, она вынуждена открывать школы, приюты для бѣдныхъ, убѣжища, чтобы сохранить за собою эти массы. Квіетизмъ уступилъ мѣсто активному прозелитизму. Впрочемъ, аналогичное измѣненіе переживала церковь всякій разъ какъ ей угрожала какая-нибудь внѣшняя опасность. Такъ было и въ IV столѣтіи, когда гоненія Діоклетіана Юліана, Феодосія съ одной стороны, и ереси — съ другой, создали самоотверженныхъ борцовъ церкви Аванасія, Амвросія и Августина, такъ было и въ началѣ XVII вѣка, когда успѣхи реформы вызвали появленіе іезуитскаго ордена.

Переходя отъ этики къ современной философіи, мы увидимъ, что и здѣсь церковь успѣла опредѣлить свое отношеніе. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, происходившихъ отъ того, что католическіе философы, Германъ и Гюнтеръ старались примирить католицизмъ съ критической философіей, папа Левъ XIII издалъ буллу, которая въ области метафизики дѣлала обязательною для католическаго духовенства доктрину св. Тома Акенскаго о вещественной объективности вселенной и человѣческой души *). Богъ остается первичною причиною, а дальнѣйшее развитіе вселенной и законъ этого развитія могутъ быть истолкованы различно. Въ этомъ отношеніи католическое духовенство оказывается крайне либеральнымъ: оно принимаетъ новыя теоріи образованія земли и соглашается, что существующее библейское объясненіе имѣло чисто символическій, или, во всякомъ случаѣ, временный и гипотетическій характеръ. Оно только еще не можетъ примириться съ теоріей Дарвина о происхожденіи видовъ. Оно еще принимаетъ постепенное развитіе низшихъ видовъ однихъ въ другіе, но для образованія человѣка съ его бессмертною душою считаетъ нужнымъ божественное вмѣшательство.

Взгляды, высказываемые въ настоящее время католическою церковью по соціальному вопросу имѣютъ большее практическое значеніе. Когда въ тридцатыхъ годахъ появились Ламене и Монталамберъ — первые апостолы того ученія,

*) Didiot, «La philosophie» («Un siècle» etc., стр. 402).

которое теперь известно под именемъ христіанскаго социализма, папа, по желанію французскихъ епископовъ, осудилъ это ученіе въ нѣсколькихъ энцикликахъ. Но когда рабочія массы сдѣлались сильнымъ политическимъ факторомъ, церковь не могла, не рискуя своимъ вліяніемъ, осуждать ихъ стремленій. Десять лѣтъ тому назадъ, папа Левъ XIII отказался послать свое порицаніе американской католической рабочей организаціи «рыцарей труда», хотя этого желали вліятельные американскіе католики.

Еще замѣчательнѣе новыя политическія идеи римской церкви. Бывшая сторонница абсолютной монархической власти, она объявляетъ теперь, что индифферентна къ политическимъ формамъ правленія. «Нужно свыкнуться съ идеей, — пишетъ епископъ Туше, — что намъ не нуженъ никакой политической режимъ, такъ какъ мы стоимъ надъ всѣми ими». Или, вѣрнѣе, католическая церковь старается приспособиться ко всѣмъ имъ: въ Австріи она строго монархическая; во Франціи духовенство ея поетъ: *Domine salvam fac Republicam*, а въ Соединенныхъ Штатахъ краснорѣчивый Ирландъ произноситъ въ Балтиморскомъ соборѣ проповѣди, оканчивающіяся заявленіемъ, что «управленіе для народа и черезъ народъ — единственная форма, отвѣчающая духу католической церкви».

Но кому не ясно, что все это только уступки, которыя католическая церковь дѣлаетъ, потому что не свободна въ своихъ дѣйствіяхъ? А если защитники свободной критики и современной цивилизаціи забываютъ это, то разныя обстоятельства напоминаютъ имъ объ этомъ. Поучительное въ столькихъ отношеніяхъ дѣло Дрейфуса, въ которомъ французская церковь приняла сторону всѣхъ реакціонныхъ элементовъ, показываетъ, что она остается по существу реакціонной силой. Она снова возбудила противъ себя ненависть демократическихъ массъ, которую ея искусная политика было нѣсколько успокоила. Борьба противъ клерикализма приняла снова такой острый характеръ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., Бисетрѣ, Иври и другихъ рабочихъ парижскихъ предмѣстьяхъ, антиклерикальные мѣры запрещаютъ ношеніе рясы.

Само правительство было вынуждено принять мѣры противъ духовныхъ орденовъ. Законъ объ ассоціаціяхъ, который уже прошелъ палату, и несомнѣнно пройдетъ и сенатъ, рѣшаетъ распушеніе и изгнаніе всѣхъ неразрѣшенныхъ духовныхъ орденовъ, а большая часть изъ нихъ принадлежитъ къ этой категоріи. Первоначально ихъ имущества должны были быть конфискованы въ пользу государственной пенсіонной кассы для престарѣлыхъ рабочихъ. Но большинство палаты, не смотря на сопротивленіе — въ сущности довольно слабое, — со стороны Вальдека-Руссо, измѣнило первоначальный проектъ и рѣшило распределить конфискованныя имущества между ихъ членами.

Уничтоженіе неразрѣшенныхъ духовныхъ орденовъ, закрытіе ихъ заведеній, учебныхъ и другихъ, несомнѣнно ослабитъ силу клерикализма. Но это будетъ временно и онъ скоро снова приобрѣтетъ свое прежнее вліяніе, до тѣхъ поръ, пока важныя политическія реформы, напримѣръ, дарованіе женщинамъ избирательнаго права, и вообще новая комбинація общественныхъ и политическихъ силъ не искоренитъ экономическихъ и политическихъ причинъ клерикализма и не дастъ иного назначенія большой нравственной и религіозной энергіи, которую онъ поглощаетъ.

Х. Г. Инс.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Вулканическія явленія при свѣтѣ теоріи Штюбеля *).

Проф. д-ра А. Данненберга (Ахенъ).

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Въ числу самыхъ интересныхъ и поучительныхъ главъ въ исторіи геологіи принадлежитъ, безспорно, развитіе воззрѣній на вулканизмъ.

Въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтій «вулканологія» являлась любимымъ занятіемъ наиболѣе знаменитыхъ геологовъ, во второй же половинѣ прошлаго столѣтія къ ней относились почти съ пренебреженіемъ, даже можно сказать съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Прежде вулканизмъ господствовалъ во всей динамической геологіи, теперь же онъ былъ низведенъ до роли ничтожнаго явленія, только до спутника тектоническихъ процессовъ.

Въ послѣднее время, повидимому, снова происходитъ поворотъ; можно надѣяться, что наступитъ время для болѣе правильной оцѣнки вулканизма.

Какъ извѣстно, преувеличенные взгляды старой геологіи относительно вулканической силы, дѣйствию которой приписывалось не только образованіе вулкановъ, но и вообще происхожденіе горъ, землетрясенія и т. д., встрѣтили сильный отпоръ со стороны англійской школы геологовъ. Послѣдняя возстала въ особенности противъ безусловно ошибочной, можно сказать роковой, теоріи поднятія, принадлежащей *А. фонъ-Гумбольдту* и *Л. фонъ-Буку* и нашедшей большое распространеніе въ Германіи и Франціи (*Э. де-Бомонъ*, *Дюфренуа*). Послѣ продолжительной и часто ожесточенной борьбы ученіе *Ляйбля* и *П. Скропа* побѣдило теорію Гумбольдта-Бука и мѣсто «кратера поднятія», обязаннаго своимъ происхожденіемъ однократному, насильственному проявленію силы путемъ поднятія твердыхъ пластовъ горныхъ породъ, заняло представленіе о постепенномъ образованіи вулканическихъ горъ при помощи медленнаго накопленія продуктовъ изверженій (шлаки, бомбы, рапалли и т. д.) и потоковъ лавы.

Это послѣднее воззрѣніе, объясняющее безспорно происхожденіе большей части вулканическихъ горъ—среди нихъ мы находимъ, наиболѣе извѣстные и наилучше изслѣдованные,—представляло собою несомнѣнно крупный прогрессъ въ вулканологіи и можетъ въ настоящее время считаться однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ приобрѣтеній геологіи.

Затѣмъ теорія накопленія Ляйбля-Скропа была дополнена разработанной въ особенности Рейеромъ и Эссомъ теоріей трещинъ, по которой вулканическія

*) Читателямъ нашего журнала считаемъ нелишнимъ напомнить статью проф. Павлова «Вулканы на землѣ и вулканическія явленія въ вселенной», мартъ—апр. 1899 г. которая можетъ служить для нихъ дополненіемъ къ настоящей статьѣ. *Ред.*

явленія разсматриваются какъ результатъ и какъ спутникъ большихъ дислокацій *), сама же магма лишена собственной энергіи и ей приписана чисто гидростатическая роль.

Безспорныя положительныя стороны этой теоріи совершенно затмили ея недостатки и ея односторонность. Представленіе объ абсолютной пассивности магмы грозило стать догмой; теорію трещинъ эксплуатировали самымъ бессмысленнымъ образомъ; вмѣсто того, чтобы привести фактическія доказательства существованія трещинъ до образованія вулкановъ, выводили ихъ существованіе изъ присутствія вулкановъ и такимъ образомъ съ наслажденіемъ вертѣлись въ великолѣпномъ заколдованномъ кругу.

Прошло не мало времени, скопилось достаточное количество фактовъ прежде, чѣмъ была пробита брешь въ этомъ ученіи. Хотя постоянно выдающіеся знатоки вулкановъ—я назову только Абиха—высказывались противъ указанныхъ преувѣличеній школьной вулканологіи, взгляды ихъ не имѣли особаго успѣха.

И только благодаря знакомству съ «лакколитами **»), стали приписывать вулканической магмѣ способность поднятія и въ такомъ объемѣ, какъ замѣчаетъ Бранко ***), какой врядъ ли даже старая теорія поднятія кратеровъ когда-либо допускала. Въ самое послѣднее время въ Германіи относительно вулканизма были высказаны, въ особенности Бранко, взгляды, которые отличаются своею независимостью отъ вышеизложенныхъ принциповъ и во многомъ прямо имъ противорѣчатъ.

Но только А. Штюбелю удалось построить вполне законченное, новое знаніе въ этой отрасли геологіи.

Докторъ Штюбелъ посвятилъ всю свою продолжительную жизнь изученію этихъ вопросовъ и въ области вулканизма собралъ такую массу наблюденій, что врядъ ли кто изъ нынѣ живущихъ геологовъ можетъ съ нимъ въ этомъ сравниться. Если такой авторитетный ученый рекомендуетъ намъ теоретическое изложеніе вулканической проблемы, какъ зрѣлый плодъ своей научной работы, мы должны познакомиться съ ходомъ его мыслей и провѣрить на его теоріи извѣстные намъ факты.

Теоретическія воззрѣнія на вулканизмъ, развитыя Штюбелемъ, дѣлятся, какъ это и соотвѣтствуетъ самому предмету, на два главныхъ отдѣла. Первый трактуется о внѣшнихъ видимыхъ аппаратахъ вулканической дѣятельности—о различныхъ формахъ вулканическихъ горъ, о значеніи кратера и т. п., второй—о вулканическихъ очагахъ, какъ причинѣ этихъ внѣшнихъ явленій.

Вопросы, связанные съ происхожденіемъ и функционированіемъ надземнаго аппарата, сравнительно очень просты. Такъ какъ процессы эти доступны прямому наблюденію и такъ какъ на потухшихъ вулканахъ изучена съ самою желательною ясностью ихъ внутреннее строеніе, то нѣтъ ничего удивительнаго, что относительно этихъ вопросовъ давно уже пришли къ удовлетворительнымъ результатамъ. И дѣйствительно, тутъ лежитъ сила созданной Ляйблемъ, а затѣмъ законченной Скропомъ теоріи накопленія. Штюбелъ, съ своей стороны, признаетъ ея справедливость—по крайней мѣрѣ для многихъ случаевъ, но онъ доказываетъ, что она не исчерпываетъ всего вопроса и не примѣнима ко всемъ вулканамъ. Онъ противопоставляетъ вулканическимъ горамъ, происшедшимъ путемъ постепеннаго накопленія во время повторявшихся вулканическихъ извер-

*) Дислокаціей называется въ геологіи перемѣщеніе пластовъ земли.

***) Лакколитами называются куполообразныя горы, происшедшія путемъ поднятія пластовъ. Лакколиты состоятъ изъ куполообразно-изогнутыхъ осадочныхъ образованій, покоящихся на ядрѣ изъ новѣйшихъ изверженныхъ горныхъ породъ.

***) В. Бранко. «Neue Beweise für die Unabhängigkeit der Vulkane von präexistierenden Spalten. Neues Jahrb. für Min. u. s. w. 1898, I, S. 177.

женій, названнымъ имъ *полигеннымъ* вулканомъ, другую группу *моногенныхъ* вулкановъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ единичному акту.

Теорія моногеннаго образованія, въ особенности въ той части, которая касается происхожденія болѣе крупныхъ вулканическихъ горъ, лишь съ трудомъ будетъ принята, такъ какъ съ перваго взгляда кажется, что это какъ бы возвратъ къ потерявшей вполне справедливо всякій кредитъ теоріи «поднятія кратеровъ», но на самомъ дѣлѣ она не имѣетъ съ послѣдней ничего общаго. Во-первыхъ, съ морфологической точки зрѣнія группировка вулкановъ на два класса—какъ это предлагаетъ Штюбель—является необходимою. Одни вулканы, дѣйствительно, представляютъ собою истинные конусы накопленія, характеризующіеся часто математическою правильностью своего профиля, соответствующею его внутреннему строенію; кратеръ ихъ и мѣсто вулканической дѣятельности образуютъ математически и генетически центръ, изъ котораго были извергнуты всѣ продукты вулканической дѣятельности. Вулканъ подобнаго рода немислимъ безъ кратера и такъ какъ во время господства теоріи Скропа занимались только подобнаго рода вулканами, то вулканъ и кратеръ сдѣлались нераздѣльными понятіями, даже, какъ кажется, употреблялись иногда, какъ синонимы. Этому «нормальному вулкану» прежней классификаціи противопоставляется нынѣ другая группа—она охватываетъ многочисленныя и частью самыя величественныя вулканы земнаго шара. Особенности этой группы во всѣхъ существенныхъ чертахъ, приблизительно прямо противоположны первымъ. Ихъ внѣшняя форма очень разнообразна, но въ общемъ отличается отъ формы настоящихъ конусовъ накопленія и часто у нѣкоторыхъ изъ этихъ моногенныхъ вулкановъ имѣется кратеръ, у другихъ отсутствуетъ, но во всякомъ случаѣ значеніе его совсѣмъ иное, чѣмъ у вулкановъ, происшедшихъ путемъ накопленія. Въ виду того, что моногенный вулканъ образовался во время однократнаго акта, преимущественно изъ вытекшей лавы, онъ не нуждается для своего созданія въ кратерѣ, какъ въ постоянномъ активномъ элементѣ. Углубленія на вершинахъ моногенныхъ горъ могли произойти двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, они могли образоваться въ полуостывшей изверженной массѣ или вслѣдствіе сокращенія содержимаго, или вслѣдствіе опусканія покрывки, или же они обязаны своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что еще не застывшее содержимое выливается черезъ боковыя щели и образуетъ углубленія подобно тому, какъ на хребтѣ потоковъ лавы образуются похожія на могилы углубленія; наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ образованіе на вершинѣ похожего на кратеръ углубленія объясняется частичными опусканіями магмы въ центръ изверженія. Во-вторыхъ, на моногенномъ вулканѣ можетъ образоваться настоящій кратеръ вслѣдствіе вулканической дѣятельности, т. е. вслѣдствіе взрыва газовъ, изверженія шлаковъ и даже самой лавы. Только здѣсь, въ отличіе отъ полигенныхъ вулкановъ, мѣсто вулканической дѣятельности слѣдуетъ искать не въ подземномъ очагѣ, но въ массѣ самой горы. Подобный кратеръ моногенной горы можно сравнить съ фумаролами *) остывшей лавы. Итакъ, фундаментальное отличіе однихъ вулкановъ отъ другихъ состоитъ въ томъ, что полигенные вулканы сохраняютъ постоянную связь съ подземнымъ очагомъ, моногенные же явились вслѣдствіе однократнаго изверженія вулканическаго матеріала изъ подобнаго очага. На многочисленныхъ примѣрахъ Штюбель доказываетъ, что послѣднее явленіе встрѣчается чрезвычайно часто и при каждомъ новомъ изверженіи, повидимому, гораздо легче образуются новые пути, чѣмъ сохраняется открытымъ или же восстанавливается старый путь. Конечно, въ природѣ внѣшняя противо-

*) *Фумаролами* называются струи водяного пара, смѣшанныя съ другими парами и газами (напр., хлористымъ водородомъ, углекислотою, сѣрнистой кислотою, аммиакомъ, сѣрководородомъ и др.), вырывающіяся съ поверхности лавовыхъ потоковъ.

положность моногенныхъ и полигенныхъ образований не выступаетъ съ той рѣдкостью, которая соотвѣтствовала бы ихъ принципиальному различію. Идеальная правильность полигенныхъ вулкановъ можетъ быть сильно нарушена боковыми изверженіями, а также перемѣщеніемъ центра изверженій. Кратеръ и шлаковая покрывка могутъ подвергнуться размыву и вывѣтриванію и въ результатѣ можетъ получиться куполообразная гора моногеннаго вида. Но что важнѣе всего, часто встрѣчается комбинація обоихъ способовъ образованія. Въ этомъ случаѣ въ центральномъ моногенномъ ядрѣ или вокругъ него обнаруживается продолжительная вулканическая дѣятельность и ядро покрывается болѣе или менѣе полигенными образованиями. Къ этому мы еще вернемся.

Какъ бы ни расходились въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взгляды относительно моногеннаго или полигеннаго характера даннаго вулкана, моногенныя образования, соотвѣтствующія возрѣнію Штюбеля, безспорно существуютъ. Они были даже извѣстны теоретикамъ теоріи накопленія. Такъ, Скропъ указываетъ на «Mamelons» о-ва Сурбонъ и куполообразныя горы Пю-де-Домъ въ Оверни, какъ типы, отличные отъ нормальныхъ вулкановъ накопленія. Но ученые, находясь вполнѣ во власти теоріи постепеннаго образованія вулканическихъ горныхъ породъ, придумали для нихъ подходящее объясненіе: они представляли себѣ ихъ строеніе въ видѣ оболочки луковицы, образованной часто повторявшимися изверженіями лавы изъ жерла огнедышащей горы. Эти «купола» Оверни (оставляя открытымъ вопросъ, можно ли ихъ разсматривать, какъ моногенные вулканы въ смыслѣ теоріи Штюбеля, или нѣтъ), обязанные своимъ происхожденіемъ скорѣе всего подземнымъ массамъ, освободившимся благодаря дѣйствію размывающихъ процессовъ, напоминаютъ, слѣдовательно, лакколиты.

Прекраснымъ примѣромъ моногенныхъ вулкановъ можетъ служить островъ Пантелларія. На вулканахъ этого острова нельзя найти и слѣда изверженій; здѣсь вы не увидите лежащими другъ на другѣ слоевъ лавы и тому подобныхъ продуктовъ; напротивъ, каждый отдѣльный вулканъ какъ бы вылитъ изъ одного куска однородной массы, которая только на своей поверхности распадается на неровныя глыбы. Нѣкоторые изъ вулкановъ Пантелларіи, напр., оба Monti Gibilé, имѣютъ на вершинѣ кратерообразныя углубленія, происшедшія, вѣроятно, по упомянутому нами способу, вслѣдствіе «осѣданія». На другихъ же вулканахъ, какъ, напр., на M te Gelkamaг, образовалась широкая «caldera» вслѣдствіе того, что содержимое ихъ выдѣлялось въ видѣ могучаго потока изъ трещины, образовавшихся на склонахъ горы.

Можно найти случаи моногеннаго происхожденія вулканическихъ образований и среди изверженій, происшедшихъ въ историческую эпоху. Наилучшимъ примѣромъ подобнаго происхожденія, безспорно, можетъ служить появившійся въ 1866 году по Санторинѣ «Георгіосъ», выступившій въ видѣ чернаго пласта изъ моря съ остатками потонувшаго въ этомъ мѣстѣ корабля; хотя раньше здѣсь на проявлялось никакой вулканической дѣятельности и не было ни одного кратера.

Если нѣкоторые геологи и допустить для подобныхъ, относительно незначительныхъ, образований моногенное происхожденіе, то примѣненіе изложенной теоріи къ большимъ, а въ особенности къ очень большимъ вулканическимъ горамъ встрѣтитъ, безъ сомнѣнія, съ ихъ стороны очень сильный протестъ, а между тѣмъ Штюбель допускаетъ или исключительно, или преимущественно моногенное происхожденіе этихъ горъ и я думаю, что въ данномъ пунктѣ, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, необходимо съ ними согласиться. Уже съ давнихъ временъ въ геологій прибрѣло права гражданства понятіе объ одной формѣ вулканической дѣятельности, связанной не съ дѣятельностью кратера, но характеризующейся простымъ поднятіемъ и изліяніемъ магмы, такъ называемыя «массовыя изліянія». Этими массовымъ изліяніямъ обязаны своимъ

происхожденіемъ обширна пространства лавы, не находящіяся ни въ какой связи съ кратеромъ или съ какимъ-нибудь инымъ центромъ вулканической дѣятельности. Всѣ эти площади лавы третичнаго или болѣе позднiаго періода состоятъ изъ основныхъ породъ (базальтъ). Гдѣ же образованіа, соотвѣтствующія кислой магмѣ? Я думаю, что гигантскіе трахитовые и андезитовые купола Стараго и Новаго Свѣта—моногенные по терминологіи Штюбеля—нужно считать эквивалентными основнымъ лавовымъ полямъ «массовыхъ изліаній», слѣдовательно, и этимъ куполообразнымъ горамъ, сложеннымъ кислыми породами необходимо приписать то же самое происхожденіе. Разница во внѣшней формѣ произошла лишь отъ различія въ степени жидкаго состоянія. Относительно этихъ гигантскихъ вулканическихъ горъ, напоминающихъ своей формою куполы и колокола церквей, еще не доказано поличенное происхожденіе. При чтеніи описанія этихъ вулкановъ насъ часто поражаютъ попытки, можно сказать очень робкія, но тщетныя, найти или построить «кратеръ» вулкана, такъ какъ, по предвзятому мнѣнію, онъ долженъ тамъ быть.

Но центръ тяжести теоріи Штюбеля лежитъ во второй ея части, въ его возрѣвніи на вулканической очагъ, на скрытое высталище вулканической силы, которую мы наблюдаемъ лишь во внѣшнихъ ея проявленіяхъ. Штюбель принимаетъ, что охлажденіе раскаленнаго земнаго шара въ наиболѣе ранней стадіи распространялось не просто снаружн внутрь, но что процессъ этотъ, благодаря гигантскимъ изверженіямъ переносился болшею частью съ центра на поверхность. Эти часто повторявшіяся, массовыя изверженія покрыли первоначальную, отвердѣвшую земную кору какъ бы толстымъ «панцыремъ», состоящимъ изъ расплавленной огненной жидкой лавы. Еще и нынѣ не вполне остыли эти громадныя расплавленныя массы и въ нихъ—слѣдовательно *надъ* первоначально остывшей корой, а не *подъ* ней—въ центрѣ земли—начало всѣхъ вулканическихъ явленій болѣе позднихъ періодовъ. Далѣе, для пониманія процессовъ изверженія Штюбелемъ была выставлена гипотеза о расширеніи временами магмы во время ея охлажденія.

Я думаю, что слѣдуетъ поставить въ заслугу Штюбелю его объясненіе процессовъ охлажденія, его идею объ образованіи «панцыря», взгляды на все выше, по мѣрѣ охлажденія земли, поднимающіеся «периферическіе очаги». Теорія его освѣтила очень важную и, насколько мнѣ извѣстно, болѣе подробно еще не разсмотрѣнную фазу въ развитіи земли, при этомъ онъ гениальнымъ образомъ разрѣшилъ противорѣчіе, существовавшее до того между вулканическими и сейсмологическими *) наблюденіями, съ одной стороны, и ученіями геофизики и астрономіи—съ другой. Въ то время, какъ всѣ наблюденія говорятъ въ пользу того, что мѣсто пребыванія вулканической силы, а также источникъ землетрясеній (по теоріи Штюбеля послѣдніа, побольшей части, вулканическаго происхожденія) слѣдуетъ искать на незначительной глубинѣ, физики же и астрономы насъ уябряютъ, что земной шаръ—по крайней мѣрѣ, въ болшей своей массѣ—долженъ быть совершенно твердымъ и, слѣдовательно, расплавленная жидкая масса въ лучшемъ случаѣ должна находиться на громадной глубинѣ.

Изъ теоріи Штюбеля необходимо слѣдуетъ, что излившееся количество магмы всякій разъ должно быть крайне ограниченнымъ и пропорціональнымъ объему соотвѣтствующаго периферическаго очага. Лучшими доказательствами существованія подобныхъ «периферическихъ очаговъ» можетъ служить доказанное для различныхъ областей вулканической дѣятельности необычайно быстрое повышеніе температуры по мѣрѣ углубленія въ земную кору. Въ то время какъ обыкновенно температура повышается на каждыя 33 метра вглубь на одинъ градусъ Цельсія, въ области вулкановъ Урахъ (Uragh), какъ показали

*) Сейсмологическій—т. е. касающійся землетрясеній.

Бранко, она подымается до трехъ градусовъ; въ горѣ Масси (Massi, Toscana) повышеніе въ два раза больше, чѣмъ нормально, то же самое наблюдается въ Риомъ (Riom) въ вулканической области Оверни, и т. д.

Вполнѣ понятно, что подобные резервуары, расположенные въ земной корѣ, въ которыхъ жидкое состояніе поддерживалось во всѣ геологическіе періоды, должны захватывать большія пространства. Всѣмъ извѣстно, что даже современные потоки лавы, объемъ которыхъ въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что мы можемъ здѣсь допустить, крайне ничтожны и которые, въ тому же, на поверхности подвергаются несравненно болѣе сильному охлажденію, чѣмъ массы, лежащія хотя бы на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ метровъ,—все же нуждаются иногда для своего полного охлажденія въ дѣлѣхъ столѣтійхъ. Для демонстраціи разнѣровъ, занимаемыхъ вулканическими горами, я приведу одинъ конкретный примѣръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ доказательствомъ вѣрности теоріи Штюбеля. Французскіе геологи считаютъ источникомъ вулканическихъ образованій своего центрального плато замкнутый бассейнъ—слѣдовательно, здѣсь периферическій очагъ въ смыслѣ Штюбеля имѣетъ діаметръ не менѣе 150 километровъ.

Итакъ, пространственныя отношенія, какъ видно, не служатъ препятствіемъ для допущенія этой части теоріи.

Я бы зашелъ слишкомъ далеко, если бы пожелалъ остановиться на всѣхъ ображеніяхъ, которыя говорятъ въ пользу или противъ данной теоріи. Наиболѣе уязвимымъ пунктомъ ея, во всякомъ случаѣ, является гипотеза о періодическомъ расширеніи магмы при охлажденіи. Но и тутъ болѣе близкое знакомство съ извѣстными на этотъ счетъ фактами покажетъ намъ, что приписанное Штюбелемъ извергнутой магмѣ свойство ни въ какомъ случаѣ не является такой ненормальностью, какъ это кажется съ перваго раза. Самымъ основательнымъ образомъ и независимо отъ взглядовъ Штюбеля занимался этимъ вопросомъ Ниссъ (Niess)*). Онъ не только собралъ болѣе старыя наблюденія, касавшіяся даннаго вопроса, но и самъ поставилъ опыты. Наиболѣе важнымъ результатомъ его изслѣдованій является выводъ, что во многихъ тѣлахъ въ извѣстной стадіи охлажденія—по крайней мѣрѣ, при застываніи—замѣчается *растяженіе*. Подобно водѣ, своеобразныя отношенія которой въ этомъ отношеніи всѣмъ извѣстны, желѣзо, бисмутъ, а главное, стоящій по своей природѣ такъ близко къ лавѣ стеклянныя сплавы обладаютъ тѣми же свойствами. Точно также наблюденія, производимыя въ самой природѣ, указываютъ на то, что лава при застываніи претерпѣваетъ нѣкоторое расширеніе. Слѣдовательно общій результатъ изъ изслѣдованій Нисса вполнѣ говоритъ въ пользу гипотезы Штюбеля. Конечно, въ частностяхъ существуютъ кое-какія противорѣчія; безспорно доказано только расширеніе нѣкоторыхъ сплавовъ силикатовъ и лавы при затвердѣніи, а не въ жидкомъ состояніи, какъ этого требуетъ Штюбель. На это можно возразить, что подобныя изслѣдованія принадлежатъ къ однимъ изъ самыхъ трудныхъ, что въ каждой стадіи опредѣлять удѣльный вѣсъ стекляннаго сплава или лавы нельзя, какъ это мы дѣлаемъ съ водою. Но важнѣе всего указаніе на то, что условія охлажденія и отвердѣванія при лабораторныхъ опытахъ всегда значительно отличается отъ тѣхъ, которыя мы наблюдаемъ въ природѣ. Безспорно, важнымъ факторомъ является кристаллизація, не принимающая никакого участія въ опытѣ, но играющая роль въ природѣ. Другіе, имѣющіе большое значеніе въ природѣ, факторы все еще не поддаются воспроизведенію въ лабораторіи. Такимъ образомъ, хотя данная часть

*) Свойство силикатовъ при переходѣ изъ расплавленнаго состоянія въ плотное. Progr. zur 70. Jahresfeier der Königl. Württemb. landw. Akademie Hohenheim. Stuttgart 1899.

теоріи является только гипотезой, мы все же должны ее признать вполне правильной, такъ какъ оно согласуется съ современнымъ состояніемъ науки.

Исходя изъ этой теоріи, посмотримъ, насколько можно согласовать вулканическія явленія съ ея послылками и выводами.

Согласно съ теоріей процессъ изверженія придется представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ: во время охлажденія наступаетъ расширеніе, вслѣдствіе чего извергается нѣкоторое количество массы. Для большихъ очаговъ необходимо допустить, что этотъ періодъ не наступаетъ одновременно для всей массы, слѣдовательно, мы будемъ имѣть дѣло съ повторными изверженіями, отдѣленными другъ отъ друга продолжительными паузами. Дѣйствительно, въ природѣ большинство вулкановъ обнаруживаетъ подобныя отношенія. Такъ какъ предполагаемое д-ромъ Штюбелемъ растяженіе наступаетъ только по опредѣленной стадіи охлажденія, вообще же магма подчиняется при охлажденіи общимъ законамъ и сжимается, то мы должны допустить для всей массы опредѣленнаго, ограниченнаго очага существованіе дифференціального движенія. Движеніе это слагается изъ расширенія нѣкоторыхъ частей, находящихся, такъ сказать, въ «штюбелевскомъ періодѣ» и изъ сжатія остальной массы. Изъ игры этихъ взаимопротивоположныхъ факторовъ получаются, смотря по перевѣсу въ данное время одного или другого, самыя разнообразныя колебанія, что опять-таки прекрасно совпадаетъ съ извѣстными естественными явленіями. Лучше всего это можно видѣть на большомъ потоцѣ лавы Билауха, гдѣ подобный магматическій процессъ выступаетъ очень наглядно, такъ какъ его не нарушаютъ и не маскируютъ поглощенные газы.

Еще важнѣе этихъ маленькихъ колебаній, которые во всей ихъ совокупности можно считать за одинъ періодъ изверженія (хотя бы онъ охватывалъ и годы покоя), тѣ большіе интервалы въ столѣтія и въ еще большіе промежутки времени, которые отдѣляютъ одинъ періодъ изверженія отъ другого. Но и подобныя паузы вытекаютъ для каждаго болѣе и менѣе большого очага, какъ необходимое слѣдствіе изъ теоріи Штюбеля.

Далѣе вполне ясно также, что изверженіе должно быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ продолжительнѣе покой, чѣмъ больше, слѣдовательно, могла охладиться въ промежуточное время магма до критической точки, до штюбелевскаго періода растяженія. Съ поразительною ясностью мы замѣчаемъ это въ исторіи большинства вулкановъ, которые были предметомъ наблюденій въ теченіе многихъ лѣтъ: покой Везувія до изверженія 79-го года, точно также почти полная его недѣятельность отъ XII до XVII столѣтія могутъ считаться періодами сжатія или приблизительной устойчивости—вслѣдствіе дифференціального движенія. О подобной же смѣнѣ дѣятельности продолжительнымъ покоемъ, говоритъ намъ исторія Санторина; послѣднія изверженія вулкана наступили почти послѣ столѣтія покоя; величественному изверженію Бракатау точно также предшествовала почти столѣтняя пауза и т. д.

Мы найдемъ еще большіе періоды между покоемъ и дѣятельностью, если не ограничимся только историческимъ періодомъ, а обратимся къ геологической лѣтописи, поскольку страницы этой лѣтописи можно прочесть въ самой структурѣ вулкановъ и вулканическихъ породъ. Здѣсь мы всегда находимъ во всѣхъ вулканическихъ образованіяхъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ не одной только фазѣ изверженія, одинъ или нѣсколько рѣзко ограниченныхъ пластовъ, указывающихъ на продолжающійся, можетъ быть, много тысячелѣтій нерерывъ въ дѣятельности даннаго очага. Примѣромъ этого можетъ служить Сомма и всѣ многочисленныя вулканы, на склонахъ, подошвѣ и ближайшей окружности которыхъ послѣ того, какъ потухъ главный вулканъ, мы не находимъ уже никакихъ слѣдовъ новой дѣятельности.

Въ основѣ всѣхъ этихъ явленій лежатъ всегда одинъ и тотъ же процессъ:

послѣ продолжительной фазы нормального, т.-е. сопровождающагося сжатіемъ магмы, охлажденія, проявляющагося на поверхности періодомъ покоя, наступаетъ періодъ расширенія большей или меньшей части магмы, новый періодъ изверженія, подъ вліяніемъ котораго измѣняется старое строеніе вулкана, или же онъ расширяется.

Если, какъ думаетъ Штюбель, единственной дѣлю всякой вулканической дѣятельности является изверженіе вполне опредѣленнаго количества огнежидкой массы—именно того количества, которое, вслѣдствіе расширенія, не находитъ себѣ въ данный моментъ уже мѣста въ подземномъ резервуарѣ, — то вполне понятно, что количество ея, стоящее въ вполне опредѣленномъ процентномъ отношеніи ко всей массѣ магмы, станетъ все уменьшаться въ одномъ и томъ же очагѣ параллельно съ уменьшеніемъ объема послѣдняго, вслѣдствіе отвердѣнія или изверженія части содержаемаго. И этотъ выводъ вполне подтверждается наблюденіями, сдѣланными въ различныхъ вулканическихъ областяхъ. Такъ, въ особенности бросаются въ глаза въ потухшихъ или почти потухшихъ вулканахъ новѣйшія вулканическія образованія, отличающіяся своимъ ничтожествомъ по сравненіи съ болѣе старыми. Укажемъ на Эйфель, вулканы въ Овернѣ, Флегрейскія поля, Вулкано, Сардинія и многіе другіе.

Штюбель сдѣлалъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ заключеній изъ своей гипотезы о свойствахъ магмы и примѣнилъ ихъ къ объясненію *вулканическихъ землетрясеній*. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, понятіе это было совершенно дискредитировано. Кто стали только примѣнять къ сотрясеніямъ самого вулкана и ближайшей къ нему мѣстности, вызваннымъ взрывомъ газовъ въ кратерѣ. Иногда только допускали возможность болѣе далекаго дѣйствія, какъ это было при исключительныхъ явленіяхъ послѣдняго изверженія въ Кракатау; но и здѣсь носителями сейсмической силы считались газы и пары. Съ другой стороны, казалось бы, что принятый въ настоящее время всѣми взглядъ по образованію интрузивныхъ *) залежей и жилъ въ подошвѣ вулкана—часто среди ниже лежащихъ, осадочныхъ слоевъ,—а также подобные же процессы при образованіи лакколлитовъ предостерегаютъ насъ отъ слишкомъ ограниченнаго пониманія вулканическаго землетрясенія; подобное видѣніе значительныхъ количествъ расплавленной массы трудно допустить безъ сильныхъ сотрясеній. Принявъ гипотезу Штюбеля, мы получаемъ новый источникъ силы, которая можетъ служить весьма вѣроятной причиной землетрясенія: сила эта—расширеніе готовой къ изверженію магмы. Съ полнымъ правомъ указываетъ Штюбель**), что отъ подобной почти несжимаемой жидкости нужно ждать совсѣмъ другихъ проявленій силы, чѣмъ отъ упругихъ, хотя бы и крайне напряженныхъ газовъ.

Если допустить вѣрность даннаго предположенія, мы должны ожидать, что всякому новому періоду изверженія будетъ предшествовать сильное сотрясеніе, какъ одно изъ первыхъ проявленій періода расширенія магмы. И дѣйствительно, факты находятся въ полномъ согласіи съ этимъ выводомъ, вытекающимъ изъ теорій: пробужденію вулканической дѣятельности Везувія въ 79 году, предшествовало землетрясеніе въ 69 году, точно также, кажется, предшественникомъ изверженію 1631 года—послѣ почти 500 лѣтняго покоя—были продолжительныя землетрясенія (хотя извѣстія объ этомъ неясны и частью противорѣчивы); образованіе въ 1538 году Monte Nuovo при Pizzuoli началось страшнымъ землетрясеніемъ, которое съ 1488 года (или 1458 г.) повторялось постоянно все чаще и сильнѣе; а въ наше время высказывались уже предпо-

*) *Интрузивными* или *глубинными* называютъ вулканическія горныя породы, которыя при изверженіи не достигли поверхности земли и затвердѣли на нѣкоторой глубинѣ.

**) Stübel, «Ueber das Lesen des Vulkanismus». Berlin, 1897, стр. 26.

ложенія *), не являются ли послѣднія подобныя же колебанія въ Флегрейской области, опустошительныя землетрясенія въ Казамичюль въ 1881 и 1883 году, предвѣстниками новыхъ сильныхъ изверженій.

Не слѣдуетъ отрицать возможности того, что во многихъ случаяхъ тектоническія **) движенія могутъ дать толчокъ къ изверженіямъ, хотя необходимо быть крайне осторожнымъ съ обобщеніемъ даннаго воззрѣнія и съ приложеніемъ его къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ совершенно не доказано наличия самихъ тектоническихъ движеній.

Въ высказанному нами мы можемъ еще присоединить цѣлый рядъ заключеній, которыя, однако, относятся не къ области динамической, а химической геологии.

Все, что мы знаемъ о состояніи магмы при охлажденіи, заставляетъ насъ предполагать, что столь громадныя массы, какими являются по Штюбелю *периферическіе очаги*, не сохраняютъ одного и того же состава во всѣхъ своихъ пунктахъ въ теченіе всего длиннаго періода охлажденія. Напротивъ, петрографія показываетъ намъ, что во всѣхъ или, во всякомъ случаѣ, въ большинствѣ изъ этихъ громадныхъ резервуаровъ существуетъ тенденція къ разложенію на химически различныя, часто взаимно противоположныя и притомъ другъ друга дополняющія, части магмы. Почти каждая значительная область изверженій, имѣющая за собою болѣе и менѣе продолжительную исторію, доставляетъ намъ примѣры подобныхъ процессовъ до дифференціаціи магмы, внутри одного того же резервуара. Въ современной петрографіи, какъ извѣстно, подобныя явленія принадлежатъ къ самымъ интереснымъ, къ старательно изучаемымъ и моднымъ проблемамъ.

Всѣ эти процессы приобретаютъ особый интересъ, если мы ихъ сопоставимъ съ вулканической теоріею Штюбеля. Естественнымъ выводомъ изъ нея является допущеніе прямой причинной связи между временнымъ расширеніемъ, какъ это принимаетъ Штюбель, и доказаннымъ распаденіемъ первоначально однородной магмы на различныя составныя части.

Если мы рассмотримъ съ вышеизложенной точки зрѣнія извѣстныя вулканическія области, то только что высказанное нами предположеніе найдетъ себѣ полное подтвержденіе въ большинствѣ случаевъ. Какъ мы видѣли, наступленіе новаго, громаднаго періода вулканической дѣятельности—фазы расширенія по Штюбелю—характеризуется съ внѣшней стороны двояко: или центральными новообразованіями, такъ наз. самоподобными, или периферическими новообразованіями. Въ томъ и другомъ случаѣ мы видимъ по большей части съ наступленіемъ новой активной фазы рѣдко выраженную смѣну изверженныхъ породъ. Въ видѣ примѣра можно назвать среди горъ, построенныхъ по типу Соммы, Рокку Монфину (Россо Моліна), центральный трахитовый конусъ которой отличается отъ основныхъ горныхъ породъ, окружающихъ горы, затѣмъ Стромболи, у котораго наоборотъ, болѣе молодой активный конусъ изверженій построенъ изъ болѣе основныхъ породъ, чѣмъ первоначальный конусъ. Но болѣе нагляднымъ примѣромъ повторной смѣны изверженныхъ породъ съ яснымъ пространственнымъ раздѣленіемъ отдѣльныхъ періодовъ вулканической дѣятельности, можетъ служить Вулкано съ Вулканелло. Въ Санторинѣ, Тенериффѣ, Кракатау можно найти подобныя же отношенія.

Такой же процессъ, но только въ нѣсколько иной формѣ, безъ образованія соммы и центральнаго конуса, наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ новое изверженіе химически различныхъ массъ изъ склоновъ стараго

*) Неймайръ, «Erdgeschichte» 1887, Bd, I, S. 276.

**) *Тектоническія* движенія, т.-е. движенія происходящія при смѣщеніи пластовъ земной коры, при такъ называемыхъ горообразовательныхъ процессахъ.

вулкана; при томъ болѣе молодыя лавы состоятъ по большей части изъ болѣе основныхъ массъ. Такое же устройство—ядро, состоящее изъ породъ, богатыхъ кремневою кислотою, окруженное покровомъ,—изъ основныхъ породъ мы находимъ, напримѣръ, въ большихъ вулканахъ центральной Франціи, въ Мондоре и Канталѣ, а также въ Монте-Ферру въ Сардиніи; сюда же надо причислить самаго большого великана древняго свѣта—Большой Араратъ.

Подобное, столь часто наблюдавшееся совпаденіе наступленія періода вулканической дѣятельности съ измѣненіями петрографическихъ свойствъ продуктовъ нагляднѣе всего говоритъ въ пользу того, что *магматическіе процессы являются причиной вулканической дѣятельности*, а въ этомъ-то и заключается сущность теоріи Штюбеля.

Какъ совершался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ процессъ дифференціаціи, мы не можемъ вывести теоретически на основаніи современнаго состоянія нашихъ знаній. Процессъ развитія могъ идти, какъ это мы и видимъ въ природѣ, отъ кислыхъ породъ къ основнымъ, а также и въ обратномъ отношеніи.

Въ областяхъ вулканической дѣятельности съ частою смѣною изверженныхъ породъ мы встрѣчаемъ, по большей части, повидимому, беспорядочныя колебанія то въ одну, то въ другую сторону.

Но извѣстны и такія вулканическія горы, строеніе которыхъ ясно указываетъ на множество отдѣльных періодовъ вулканической дѣятельности, а между тѣмъ, нельзя найти никакихъ измѣненій въ составѣ изверженныхъ породъ. Такъ, напримѣръ, въ Везувіи и въ Соммѣ нѣтъ никакой существенной разницы въ петрографическомъ строеніи; точно также и въ Этнѣ нѣтъ особой разницы между ея болѣе старыми частями (Val del bove и т. д.) и новыми и даже новѣйшими массами лавы. Если мы далѣе проведемъ параллель между старыми, давно остывшими очагами и относящимися къ нимъ жилами, то увидимъ, что и здѣсь затвердѣніе происходило безъ особой дифференціаціи; иногда здѣсь встрѣчаются совершенно однородныя массы. Слѣдовательно, дифференціація и связанная съ нею смѣна однихъ изверженныхъ породъ другими не является вовсе теоретической необходимостью: въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ этотъ процессъ совершился, онъ даетъ намъ важную руководящую нить для распознаванія процессовъ, происходившихъ въ бассейнахъ магмы, и причинъ, вызывающихъ вулканическіе процессы.

Мы сдѣлали попытку приложить теорію Штюбеля къ объясненію самыхъ главныхъ формъ проявленія вулканизма; мы пытались ею объяснить строеніе и происхожденіе вулкановъ, процессъ изверженія, періодичность вулканическихъ явленій и идущую параллельно ей перемѣну изверженнаго матеріала. Мы говоримъ объ отношеніи теоріи Штюбеля къ положенію и расширенію вулканическихъ очаговъ, о взаимномъ отношеніи религіозныхъ вулканическихъ образованій данной области и, наконецъ, въ связи съ собственно вулканическими явленіями землетрясеній. Если мы пожелаемъ вкратцѣ подвести итогъ нашему обзору, мы скажемъ, что ни одно изъ этихъ явленій не стоитъ въ противорѣчій съ выводами, вытекающими изъ теоріи Штюбеля, наоборотъ, многіе изъ нихъ находятъ въ ней простое удовлетворительное объясненіе.

Если мы и не доставили доказательствъ абсолютной истинности возрѣній, заключающихся въ теоріи Штюбеля, то одно уже то, что она даетъ намъ возможность понять всѣ вулканическія явленія *съ одной точки зрѣнія*, заставляетъ насъ и въ будущемъ пользоваться ею, пока ея не замѣнитъ другая теорія, или же пока анализъ фактовъ не докажетъ невѣрности ея посылокъ.

А. Н.

*

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Физическая географія.—Метеорологія.—Физика.

Бельгійская южно-полярная экспедиція и ея результаты. 18 августа 1897 г. маленькое китобойное судно «Belgica», снаряженное для южно-полярной экспедиціи, вышло из Антверпенскаго порта. Весь его экипажъ, считая ученыхъ, капитана, офицеровъ, машиниста, и матросовъ состоялъ изъ 18 человекъ. 29 ноября «Belgica» обогнула мысъ при входѣ въ проливъ Магеллана, въ каналахъ Огненной Земли пробыла болѣе 6 недѣль и затѣмъ обогнула эти острова 14 января 1898 г. «Belgica» покинула портъ св. Іоанна на островѣ Государствъ, посѣтивъ многія мѣста земли Магеллана, каналовъ Дарвина и Бигля. По описанію ученыхъ*), участвовавшихъ въ южно-полярной экспедиціи, Огненная Земля не лишена интереса въ географическомъ и геологическомъ отношеніи. Громадные ея ледники, спускающіеся съ горы Сармиенто до самаго моря, чрезвычайно красивы; не менѣе громадны и красивы ледники канала Дарвина. Полированныя, курчавыя скалы, многочисленныя морены, озера въ формѣ чашекъ, выдолбленныя въ горахъ, и многіе другіе слѣды ледниковой дѣятельности говорятъ наблюдателю, что теперешніе ледники являются лишь незначительными остатками древняго, почти полнаго оледенѣнія этой страны. 23 января экспедиція достигла мало знакомой земли Пальмера. До 13 февраля «Belgica» пробыла въ заливѣ Huges и проливѣ, открытомъ экспедиціей и названномъ Belgica. Проливъ этотъ отдѣляетъ архипелагъ, образованный изъ 5 главныхъ и множества маленькихъ острововъ, отъ земли, являющейся сѣвернымъ продолженіемъ земли Граама. Архипелагъ названъ архипелагомъ Пальмера, а земля, простирающаяся къ юго-востоку отъ пролива Belgica,—землей Данко, въ память офицера Данко, умершаго во время зимовки экспедиціи во льдахъ южно-полярнаго моря. За все свое пребываніе въ этихъ земляхъ экспедиція сдѣлала 20 высадокъ; попытались даже взобраться на самую высокую гору одного изъ острововъ архипелага Пальмера, но несмотря на то, что на это была потрачена цѣлая недѣля, удалось подняться всего на 500 метровъ—такъ велики были затрудненія на каждомъ шагѣ.

12 февраля экспедиція вошла въ Тихій океанъ и затѣмъ достигла земли Александра; подойти къ послѣдней не удалось, такъ какъ морской ледъ былъ чрезвычайно плотенъ. Затѣмъ «Belgica» продолжала свой путь къ юго-западу, а 16 февраля буря съ сѣвера-востока помогла ей достичь 71°31' южной широты. Дальше судно не могло уже двинуться и должно было зимовать. Зимовка эта, продолжавшаяся болѣе года, является первой въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ. Но и во время этой зимовки «Belgica» не находилась на мѣстѣ, а постоянно двигалась вмѣстѣ со льдомъ, въ которомъ была заключена. Изученіе этого движенія показало, что въ

*) Мы пользуемся здѣсь данными, опубликованными однимъ изъ членовъ экспедиціи г. Арктовскимъ въ послѣднихъ №№ журналовъ «Revue générale des Sciences pures et appliquees» и «Ciel et terre»,

той части Южного Ледовитого океана, въ которой зимовала экспедиція, не существуетъ теченія, по крайней мѣрѣ замѣтнаго и что движеніе находилось въ зависимости исключительно отъ направленія вѣтровъ. Интересно, что при своемъ движеніи къ юго-востоку и востоку *Belgica* всегда встрѣчала препятствіе; изъ этого можно заключить, что земля Александра продолжается къ югу и къ юго-востоку; изслѣдованіе глубинъ подтвердило это предположеніе. Такимъ образомъ, ледъ южно-полярнаго моря находится въ совершенно другихъ условіяхъ чѣмъ ледъ сѣвернаго, гдѣ существуетъ много ясно выраженныхъ теченій, Область южнаго полюса, по всей вѣроятности, занята твердой землей на большомъ протяженіи и, можетъ быть, даже существуетъ южно-полярный материкъ. Большое количество плавающихъ ледяныхъ горъ (айсберговъ) встрѣчается, какъ рядомъ съ ледяными полями морского льда, такъ называемымъ *пакомъ*, такъ и въ областяхъ, свободныхъ отъ этого пака, напр. во всѣхъ южныхъ частяхъ 3 океановъ, окружающихъ Южный Ледовитый океанъ. Въ общемъ, ледяныя поля южно полярныхъ странъ значительно разнятся отъ таковыхъ же сѣвернаго полушарія; они гораздо больше и покрыты очень толстымъ слоемъ снѣга, такъ что оттаиваніе ихъ лѣтомъ крайне незначительно, тѣмъ болѣе, что и лѣто въ южно-полярномъ морѣ очень холодное.

Когда наступила весна, экспедиція думала, что сможетъ выбраться изъ оковы-вающаго ее льда, но въ сентябрѣ термометръ все еще спускался до -43° Ц. и средняя температура этого мѣсяца была -18° 5; октябрь также былъ очень холоденъ, въ ноябрѣ же морозъ доходилъ до -21° и только въ декабрѣ ледъ началъ понемногу таять. Увидѣвъ, что и въ январѣ оттаиваніе льда идетъ слишкомъ медленно, экспедиція рѣшила проложить искусственный путь. Предварительныя работы съ взрывчатыми веществами не дали удовлетворительныхъ результатовъ. Тогда послѣ того, какъ была измѣрена толщина ледяного поля по всѣмъ направленіямъ, начали выдалбливать и выпиливать ледъ тамъ, гдѣ толщина его не превышала 2 метровъ. Такимъ образомъ былъ проложенъ искусственный каналъ въ 700 метровъ длиною. На это ушелъ цѣлый мѣсяць работы, причѣмъ работалъ по 8 часовъ въ сутки весь экипажъ «*Belgica*», безъ всякаго исключе. 14 февраля 1899 г. судно прошло этимъ каналомъ и черезъ мѣсяць, въ теченіе котораго находилось въ непрерывной опасности быть раздавленнымъ льдомъ, достигла 102° западной долготы. Отсюда до мыса Горна дуля уже благопріятныя вѣтры.

По словамъ одного изъ участниковъ экспедиціи—Арктовскаго, южно-полярныя страны имѣютъ много общаго съ южною конечностью американскаго материка. Такъ же гористы здѣсь берега Тихаго океана и цѣпь горъ загибается къ сѣверо-востоку точно такъ же, какъ пѣсь Андоевъ къ юго-востоку. Также, какъ на югѣ Америки, такъ и здѣсь находятся области опусканія, въ которыхъ встрѣчаются глубокія долины; такъ же характерны фіорды южно-полярныхъ странъ; такой же архипелагъ большихъ острововъ находится къ западу отъ земли Данко, какъ и къ западу отъ Огненной Земли. О рельефѣ земель, открытыхъ экспедиціей, трудно составить хотя бы приблизительное представленіе, такъ какъ онѣ почти сплошь покрыты или толстымъ слоемъ снѣга, или громадными ледниками. Область вѣчнаго снѣга доходитъ почти до моря, такъ что повсюду простираются фирновыя поля. Ледники оканчиваются у моря ледяными стѣнами. Къ югу и востоку Земля Данко и Земля Грама покрыты материковымъ льдомъ. Въ южно-полярныхъ моряхъ часто даже маленькіе островки покрыты сплошнымъ ледянымъ покровомъ. Но ледники эти на своей поверхности не имѣютъ ни моренъ, ни ручьевъ, какъ это встрѣчается въ Гренландіи.

Экспедиціей было сдѣлано важное открытіе. Она нашла въ этихъ странахъ несомнѣнные слѣды древнихъ ледниковъ. Ледниковый періодъ оставилъ слѣды даже въ южно-полярной области, т. е. тамъ, гдѣ, казалось,

трудно вообразить оледенѣніе болѣе мощное, чѣмъ существующее нынѣ. Арктовскій думаетъ, что въ большей своей части громадные южно-полярныя ледники современны съ ледниковымъ періодомъ каналовъ Огненной земли. Къ сожалѣнію, за неизвѣстнѣмъ палеонтологическихъ данныхъ, высказаться по этому вопросу болѣе или менѣе опредѣленно невозможно. Только въ одномъ мѣстѣ были найдены слоистыя горныя породы; это были сланцы съ сильно наклоненными слоями; къ тому же сланцы эти подверглись сильному метаморфозу отъ соприкосновенія съ гранитными массами, поэтому опредѣлить возрастъ этихъ породъ невозможно. Въ другихъ мѣстахъ встрѣчались древнія изверженныя породы: гранитъ, діоритъ, серпентинъ, порфиритъ и габбро. Области ледниковыхъ отложеній по составу породъ болѣе разнообразны, показывая этимъ, что къ югу, на землѣ Грама, долженъ существовать гнейсовый массивъ, порфиры, а также и слоистыя породы, такъ какъ въ этихъ ледниковыхъ отложеніяхъ находится и песчаникъ. Въ архипелагѣ же Пальмера, вѣроятно, имѣется древній вулканъ, такъ какъ у подножья горъ одного изъ острововъ архипелага были найдены базальтъ, а также и другія вулканическія породы.

Измѣренія глубинъ моря, предпріятыя экспедиціей между островомъ Государствъ и островами Шетландскими, показали, что наибольшая глубина (4.040 метр.) находится недалеко отъ мыса Горна; отсюда къ югу морское дно незамѣтно подымается и на 62° широты глубина всего—2.900 метр.; затѣмъ идетъ крутой склонъ вплоть до твердой земли—архипелага южныхъ Шетландскихъ острововъ. Къ югу отъ полярнаго круга были также сдѣланы измѣренія; они указываютъ на существованіе южно полярнаго материка, такъ какъ приблизительно по 71°-й параллели идетъ изобата въ 500 метровъ—глубина прибрежная. Къ сѣверу глубина быстро увеличивается, тогда какъ къ югу подводная равнина медленно подымается и на 71° 36' глубина моря всего—390 метр. Со дна морскаго были извлечены большіе камни, перемѣшанные съ маленькими валунами, гравіемъ, пескомъ и глобигеринами. Происхожденіе этихъ ледниковыхъ валуновъ очевидно: они приносятся айсбергами изъ южно-полярныхъ странъ.

Климатъ Южно-Ледовитаго океана суровый, сырой, бури чрезвычайно часты, нерѣдко вѣтеръ достигаетъ необычайной силы. Снѣгъ выпадаетъ въ изобиліи, а небо болѣею частью покрыто тучами. Тѣмъ не менѣе при ясномъ небѣ оптическія явленія, наблюдаемыя въ атмосферѣ придаютъ особенную прелесть этому монотонному пейзажу. Различныя стадіи сумерекъ гало, пергелій и миражи были часто наблюдаемы. Электрическія явленія обнаруживались въ видѣ южнаго сіянія. Арктовскій посвятилъ описанію этихъ сіяній рядъ статей «Ciel et Terre».

1898 г. былъ годомъ минимума какъ солнечныхъ пятенъ, такъ и южныхъ сіяній. Періодическія измѣненія южныхъ сіяній, кажется зависятъ отъ солнца. Южныя сіянія не появляются тотчасъ же послѣ исчезновенія дневнаго свѣта, а начинаются только тогда, когда солнце болѣе чѣмъ на 90° надъ меридіаномъ. Сіянія достигаютъ своего максимума вечеромъ и потухаютъ болѣе медленно, чѣмъ зажигаются. Годовые періоды также подтверждаютъ, что явленія южныхъ сіяній зависятъ отъ солнца. Совпаденіе сильныхъ сіяній съ внезапнымъ появленіемъ хорошо выраженныхъ солнечныхъ пятенъ наблюдается часто, равно какъ и одновременность южнаго сіянія съ сѣвернымъ. Но нужно замѣтить, что южныя сіянія бывають и тогда, когда на солнцѣ нѣтъ ни одного пятна. Характерной особенностью южныхъ сіяній является то, что они крайне подвижны и внезапно измѣняютъ свой видъ; этимъ они отличаются отъ сіяній, имѣющихъ форму однородной и неподвижной дуги и вообще отъ всѣхъ другихъ формъ сіяній, остающихся неизмѣняемыми въ теченіе цѣлыхъ часовъ, все въ одной и той же части неба. Эти быстро колеблющіяся сіянія приводятъ г. Арктовскаго къ

мысли, что колебанія ихъ обусловлены измѣненіями, совершающимися въ очень короткіе періоды. Часто замѣчаются въ этихъ сіяніяхъ пучки свѣтовыхъ лучей, которые перемищаются по длинѣ свѣтовой дуги, слѣдуя кругъ за кругомъ все въ одномъ и томъ же направленіи,—но вдругъ направленіе ихъ измѣняется: если движеніе было сначала слѣва направо, то внезапно начинается совершаться справа направо и затѣмъ, можетъ быть, даже оставивается, чтобы опять прослѣдовать направо. Скорость этихъ передвиженій различна, иногда она правильно увеличивается или уменьшается. Сущестуютъ, кромѣ того колебанія въ направленіи перпендикулярномъ къ свѣтовой зонѣ; что же касается свѣтовой дуги, то даже тогда, когда сіянія эти были совершенно неподвижны она никогда не сохраняла одного и того же положенія. Дуга или верхушка ея темнаго сегмента болѣе или менѣе быстро подымалась надъ горизонтомъ, достигала максимума высоты, затѣмъ опускалась, чтобы иногда снова подняться и, наконецъ, скрыться надъ горизонтомъ. Свѣтовые дуги подымались выше (а также занимали надъ горизонтомъ большее пространство) въ періоды равноденствія. Въ области, гдѣ пришлось зимовать экспедиціи, дуги съ приближеніемъ зимняго солнцестоянія, казалось, приближались къ магнитному полюсу. Вообще южныя подвижныя сіянія, также какъ и сѣверныя, соотвѣтствуютъ магнитнымъ бурямъ. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ также существуетъ большое сходство между наблюденіями надъ сіяніями, сдѣланными южно-полярной экспедиціей, и такими же Норденшильда, произведенными во время зимовки въ полярныхъ странахъ сѣвернаго полушарія.

Природа и причина сѣверныхъ сіяній ускользаютъ еще отъ насъ и если нѣкоторые факты, напр. періоды суточный, годовой и вѣковой, заставляютъ думать о простыхъ и общихъ законахъ, о вліяніяхъ, находящихся внѣ нашей планеты, то другіе факты, наоборотъ, показываютъ намъ, что въ самой природѣ сіяній существуютъ какъ бы капризы, которые требуютъ для своего объясненія, видимо, гораздо большаго количества наблюденій. Уже самый періодъ этихъ явленій, продолжающійся 26 дней, заставляетъ думать, что не все въ нихъ находится въ зависимости отъ дѣятельности солнца. Но если луна оказываетъ также свое вліяніе, то, казалось бы, и земля должна бы имѣть свое дѣйствіе. Если складки земного лика измѣняютъ законы воздушныхъ теченій, если онѣ вліяютъ даже на силу тяжести, почему же онѣ не могутъ оказывать дѣйствія неизвѣстными намъ путями на электрическіе токи высшихъ слоевъ атмосферъ? И если суша съ ея цѣпями горъ, будь то Скандинавскій полуостровъ, или Гренландія,—гдѣ сдѣлана большая часть наблюденій надъ сіяніями, придаетъ большую сложность этимъ явленіямъ, чѣмъ на широкомъ пространствѣ океана, то, по всей вѣроятности, болѣе определенное и ясное рѣшеніе даннаго вопроса мы можемъ ждать отъ будущихъ южно-полярныхъ экспедицій.

О составѣ осадковъ океаническихъ глубинъ. Въ анналахъ французской академіи за текущій годъ г. *Туле* знакомитъ насъ съ результатами своихъ изслѣдованій осадковъ, взятыхъ съ различныхъ океаническихъ глубинъ. Образцы, изслѣдованные авторомъ, добыты во время экспедиціи князя Монако въ области Аворскихъ острововъ и въ сѣверной части Атлантическаго океана между этими островами и берегами Испаніи, Португаліи, Франціи, Марокко и Мадеры, съ глубинъ отъ 690 до 5.530 метровъ. 4 образца—съ глубинъ отъ 690 до 1.000 метр., 23 образца—съ 1.000—2.000 метр., 13—съ 2.000—3.000 метр., 9—съ 3.000—4.000 метр., 6 съ—4.000 метр., до 5.000 и 5 съ глубинъ выше 5.000 метр. На глубинахъ, меньшихъ, чѣмъ 1.000 метровъ, въ заливѣ около Бреста, найдены только кремневая галька да разсыпанныя между ними зерна песка различной величины, иль крайне рѣдкихъ. На большихъ глубинахъ кремневая галька исчезаетъ, зерна песка даже мелкаго зерна становятся очень

рѣдки, преобладаетъ тончайшій песокъ и илъ. Исслѣдованія Туля показываютъ, что куски горныхъ породъ твердой земли не удаляются далеко отъ береговъ и только тончайшія зерна (0,1 миллиметра) распределены почти равномерно по дну всего океана. Что касается извести, то на незначительныхъ глубинахъ количество ея уменьшается, когда тонкость зеренъ песка увеличивается; на большихъ же глубинахъ самыми богатыми известью являются пески грубого, среднего и тонкаго зерна, тончайшіе пески бѣднѣе известью, и всего менѣе послѣдней въ илѣ. Эти данныя находятъ въ противорѣчій съ распространеннымъ мнѣніемъ, что известь на нѣкоторой глубинѣ, совершенно пропадаетъ въ океаническихъ осадкахъ. Авторъ подтверждаетъ принятую уже всѣми теорію, что большая часть извести морскихъ глубинъ органическаго происхожденія, а не является остаткомъ отъ породъ твердой земли, такъ какъ известь подобнаго происхожденія не можетъ имѣть такой общей связи съ глубиной и ея распределеніе по морскому дну должно покоиться на другихъ законностяхъ.

Мартовскій молочный дождь и атмосферная пыль. 11 марта между 10 и 11 час. дня въ большей части сѣверной Германіи выпалъ молочный дождь. Но на него мало обратили вниманія и въ городахъ приписали молочный цвѣтъ его простой пыли. Только въ одномъ мѣстѣ былъ сдѣланъ микроскопическій анализъ, который показалъ въ этомъ дождѣ присутствіе микроскопическихъ зернышекъ и осколковъ, характерныхъ для вулканической пыли, скопляющейся обыкновенно въ высшихъ слояхъ атмосферы въ видѣ облака; падающій дождь разрываетъ это облако и увлекаетъ съ собою внизъ его пыль. Откуда же берется эта вулканическая пыль? Прежде всего, конечно, приходится въ голову мысль о вновь проснувшейся дѣятельности Везувія. Но изверженія Везувія были до сихъ поръ недостаточно сильны, чтобы лава могла быть измельчена до такой степени, могла бы продержаться въ воздухѣ и достигъ такимъ образомъ Германіи. Въ послѣднее время о другихъ вулканическихъ изверженіяхъ ничего не слышно, и потому весьма вѣроятно, что и этотъ дождь, содержащій вулканическую пыль, является однимъ изъ многочисленныхъ запоздалыхъ проявленій знаменитаго изверженія Кракатау.

Это страшное изверженіе произошло еще 1883 г., оно было однимъ изъ самыхъ сильныхъ, совершившихся въ историческія времена. Изверженіе Кракатау ощущалось на всей землѣ; 22 квадратныхъ километра окружающей вулканъ почвы были вовлечены подземными силами частью въ море, частью же въ видѣ размельченныхъ кусковъ и пыли поднято въ высокіе слои атмосферы. Облака пыли, образовавшіяся, благодаря изверженію Кракатау, обволакивали землю цѣлые десятки лѣтъ и являлись причиной удивительныхъ «сумеречныхъ явленій», которыя наблюдались въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ. Въ послѣднее время эти явленія понемногу исчезли. Объясняютъ это тѣмъ, что пыль медленно осѣдала на поверхность земли. Но возможно, что часть пыли находится еще и теперь въ низкихъ слояхъ атмосферы. Эта-то пыль смѣшалась съ дождемъ и вмѣстѣ съ нимъ упала на землю. Если это вѣрно, то молочный дождь, выпавшій недавно, долженъ будетъ наблюдаться еще нѣсколько разъ. Поэтому интересно слѣдить за дождемъ, который выпадетъ въ ближайшіе мѣсяцы и, если въ немъ будетъ замѣчаться помутнѣніе, то изслѣдовать его микроскопически. Присутствіе вулканической пыли рѣшить вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Вообще вопросъ объ атмосферной пыли, несмотря на глубокой научный интересъ, не подвергался еще систематическому и всестороннему изученію и потому желательно, чтобы относящіяся сюда явленія были зарегистрированы и описаны возможно полнѣе, такъ какъ только тогда возможно будетъ высказаться, что имѣетъ здѣсь большее значеніе: пыль ли вулканическая и вообще земная, или пыль космическаго происхожденія. Случаи выпаденія пыли на морѣ очень

часты, въ особенности въ мѣстахъ, близкихъ къ пустынямъ, откуда песокъ переносится вѣтромъ на громадныя разстоянія. Но интересно, что выпаденіе пыли наблюдается и въ такихъ мѣстахъ земного шара, гдѣ перенесеніе ея вѣтромъ совершенно исключается. Такъ, до Гренландіи, которая окутана на огромномъ пространствѣ сплошнымъ ледянымъ покровомъ, достигаютъ часто твердыя частицы, космическое происхожденіе которыхъ установлено всѣми учеными. Не менѣе интересенъ опытъ, произведенный недавно капитаномъ одного американскаго паруснаго судна во время рейса его между Нью-Йоркомъ и Санъ-Франциско. Широкіе паруса, служившіе какъ бы коллекторами, собирали пыль, которая затѣмъ падала на палубу. Три раза въ день ее сметали и въ концѣ рейса, продолжавшагося 90 дней, ею наполнили 24 бочки. Такое значительное количество пыли не могло произойти ни отъ груза, ни отъ оснастки корабля. Съ другой стороны нельзя приписывать ей и космическаго происхожденія, такъ какъ микроскопическій анализъ показалъ въ ней присутствіе животныхъ и растительныхъ частицъ, желѣза и другихъ употребляемыхъ въ индустріи металловъ, песка и многихъ другихъ веществъ несомнѣнно земного происхожденія.

Новости фотографіи. *Ж. Смитъ* предложилъ интересный и крайне удобный методъ для получения копій съ рисунковъ и вообще со всякихъ печатныхъ произведеній, причемъ даже нѣтъ надобности въ фотографическомъ аппаратѣ. Берутъ просто кусокъ картона, покрытый какимъ-нибудь фосфоресцирующимъ веществомъ, и выставляютъ его на солнцѣ или подвергаютъ дѣйствию свѣта дуговой электрической лампы. Время инсоляціи, конечно, различно въ зависимости отъ характера фосфоресцирующаго вещества и отъ источника свѣта. Этотъ картонъ накладываютъ на оборотную сторону того рисунка книги, съ котораго хотятъ получить копию, наружную сторону его покрываютъ сухой фотографической пластинкой, закрываютъ книгу и держатъ ее закрытой отъ 18 до 60 минутъ, въ зависимости отъ сорта и толщины бумаги рисунка. Время экспозіціи можетъ быть сильно уменьшено, если картонъ съ фосфоресцирующимъ веществомъ положить на какую-нибудь теплую поверхность, напримеръ металлическую юветку, нагрѣтую теплой водой до температуры около 20° Цельсія. Затѣмъ негативъ проявляютъ обычнымъ способомъ. Ни пластинка, ни картонъ съ фосфоресцирующимъ веществомъ не портятъ книги. Если вмѣсто стеклянной пластинки взять желатинныя пленки, то можно снять копій заразъ съ нѣсколькихъ рисунковъ изъ одной и той же книги.

Какъ извѣстно уже красныя лучи дѣйствуютъ крайне слабо на фотографическую пластинку, лучи же еще болѣе медленныхъ колебаній, уже невидимыя глазамъ, такъ называемыя *инфракрасныя* (нѣкоторыми невѣрно называемыя тепловыми), не оставляютъ на пластинкѣ никакого слѣда и изученіе инфракрасныхъ лучей велось до сихъ поръ при помощи методовъ, ничего общаго съ фотографіей не имѣющихъ. Въ виду этого большой интересъ представляетъ способъ, открытый г. *Леманомъ*, благодаря которому можно сдѣлать фотографическую пластинку чувствительной и для этихъ лучей. Для этого г. Леманъ предлагаетъ обрабатывать въ теченіе 4—5 минутъ сухую фотографическую пластинку высшей чувствительности слѣдующимъ растворомъ:

двусѣрнистонатрового голуб. ализарина (синяго $\frac{1}{500}$).	2 куб. сант.
нигрозина ($\frac{1}{500}$)	1,5 > >
амміака (уд. в. 0,91)	1,0 > >
дестиллированной воды	100,0 > >
азотнокислаго серебра ($\frac{1}{40}$)	5 капель.

Обработанныя такимъ образомъ пластинки чувствительны къ инфракраснымъ лучамъ съ длиной волны до 920 μ . (микромикроновъ) (наибольшая

длина волны красныхъ лучей солнечнаго спектра не превосходитъ 760 микро-микронъ).

Новая теорія происхожденія атмосфернаго электричества. Много было предложено гипотезъ происхожденія атмосфернаго электричества, но ни одна изъ нихъ не давала объясненія всѣхъ относящихся сюда явленій и не поддавалась опытной повѣркѣ. Въ настоящее время съ одной стороны *Экстеръ* и *Гейтель*, съ другой—*Томсонъ* и *Вильсонъ* развиваютъ слѣдующую теорію, основываясь на свойствахъ іонизированныхъ газовъ *). Солнечный свѣтъ, особенно ультрафіолетовые лучи его іонизируютъ атмосферный воздухъ, причемъ частицы его распадаются на іоны, заряженные положительно, и іоны, заряжены отрицательно. Въ сухомъ воздухѣ число тѣхъ и другихъ одинаково и потому эти заряды не даютъ замѣтнаго электрическаго потенциала. Когда же воздухъ становится болѣе холоднымъ, чѣмъ точка росы, то отрицательные іоны становятся центрами притяженія, гдѣ отлагаются капли влаги. Эти капли, падая, увлекаютъ съ собою отрицательные іоны и потому въ воздухѣ начинаютъ преобладать іоныположительные, благодаря чему получаютъ условія для развитія сильныхъ электрическихъ потенциаловъ; такимъ образомъ дождь вызываетъ грозовыя явленія. Общность и простота этой теоріи много говоритъ въ ея пользу, подкупаетъ также и то, что физическія явленія, о которыхъ въ ней упоминается, легко могутъ быть воспроизведены и въ лабораторіи: и іонизація воздуха ультрафіолетовыми лучами, и сгущеніе паровъ воды на отрицательныхъ іонахъ, и связанные съ этимъ электрическія явленія.

В. Агафоновъ.

*) Ионизаціей называется распаденіе молекулы на ея атомы. Есть указаніе, что подъ вліяніемъ лучей малой длины волны, а также и магнитнаго поля могутъ распадаться не только молекулы на атомы, но и послѣдніе на гораздо болѣе мелкія части.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Іюль.

1901 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Сборники.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Медицина и гигиена.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. Франкозъ. «Борьба за право».—*О. Чюмина.* «Божественная комедія. Перев. съ итальян.»

Н. Э. Франкозъ. *Борьба за право.* Романъ. Пер. съ нѣмецкаго **О. Н. Поповой.** Изд. **О. Н. Поповой.** СПб. 1901 г. Ц. 2 р. Знаменитый романъ Франкоза, двадцать лѣтъ тому назадъ напечатанный въ «Дѣлѣ», не утратилъ и теперь своего интереса для самой широкой публики, какъ по своему захватывающему содержанію, такъ и по идеальнымъ стремленіямъ, проникающимъ его. Сущность романа вполне вѣрно выражена въ заглавіи. Это исторія прямой и честной души, не способной на тѣ житейскіе компромиссы, которыми обставлена жизнь средняго человѣка. Отсюда идеальное стремленіе къ осуществленію справедливости въ обществѣ. Въ лицѣ героя романа, Тараса Барабола, данъ идеальный типъ человѣка, который понимаетъ право не только какъ писанный законъ, т.-е. формальное право, но вкладывающій въ данную форму сущность того, что мы бы назвали естественнымъ правомъ. Самъ герой называетъ это велѣніями совѣсти и значитъ не понимаетъ того, что формальное право не совмѣщается съ нею, и лишь путемъ долгаго и горькаго опыта приходитъ къ этому выводу. Сначала Барабола всѣми силами стоитъ за законъ и его исполнителей, имѣя о немъ идеальное представленіе, какъ о правѣ, дѣлѣ котораго примиреніе интересовъ всѣхъ, поскольку это возможно. Поэтому въ столкновенияхъ своей общины, — представителемъ которой онъ является, какъ избранный ею судья, — съ сосѣднимъ помѣщикомъ онъ постоянно стоитъ за выполненіе законныхъ требованій, хотя бы они и нарушали прямые интересы общины. Даже когда происходитъ грубое и явное нарушеніе правъ общины на землю, искони принадлежавшую общинѣ, онъ убѣждаетъ своихъ сообщественниковъ добиваться своихъ правъ законными путями. Тогда и наступаетъ разочарованіе. Формальное право оказывается на сторонѣ обидчика, и Барабола убѣждается, что законъ — не все, и справедливость не ограничивается однимъ закономъ и не осуществляется имъ въ полномъ объемѣ. Въ его прямой, непосредственной на уступки и лукавство душъ возникаетъ вопросъ, какими же путями отстаивать справедливость? Въ тѣхъ условіяхъ, при какихъ росъ и живетъ Барабола, крестьянинъ въ дикой прикарпатской области, гдѣ грубая сила единственное средство защитить права, — онъ хватается за оружіе и объявляетъ себя защитникомъ обиженныхъ. «Великій мститель» — такъ окрестило его во-сторженіе населеніе — начинаетъ силою насаждать справедливость, наказывая всѣхъ, кто нарушаетъ ее. вполне понятно, что, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ столкнуться съ самимъ собой, такъ какъ одинъ человѣкъ не можетъ взять на себя такой громадной ответственности. Барабола на опытѣ убѣждается, что

и онъ таковой же человекъ, какъ и всѣ, что и онъ можетъ нарушить справедливость, хотя бы и бессознательно, просто потому, что каждый, кто бы онъ ни былъ, можетъ ошибиться. Совершивъ грубую ошибку, онъ отдаетъ себя въ руки властей и погибаетъ, хотя его и утѣшаетъ сознание, что его личный протестъ не пропалъ даромъ, ожививъ чувство ответственности въ однихъ и сознание права въ другихъ.

Романъ Францова написанъ очень увлекательно съ внѣшней стороны. Дикая обстановка малокультурной страны, типы горцевъ, австрійскаго чиновничества, масса драматическихъ эпизодовъ дѣлаютъ это произведение однимъ изъ самыхъ интересныхъ, несмотря на нѣкоторую грубоватость изображенія. Но этотъ недостатокъ художественности съ избыткомъ окупается важностью основной темы романа. Въ сущности, это превосходное произведение можно назвать популярнымъ изложениемъ государственнаго права. Авторъ, какъ мы видѣли, ведетъ своего героя шагъ за шагомъ къ уразумѣнію правовыхъ основъ современнаго строя, и самый неподготовленный читатель легко слѣдитъ за главной идеей романа, что отстаиваніе своего права есть долгъ каждаго гражданина, но что въ современныхъ условіяхъ нельзя осуществить это право только личными усиліями.

А. Б.

Новый стихотворный переводъ «Божественной Комедіи» Данте Алигьери— О. Н. Чуминой, съ рисунками Дорэ Изданіе А. А. Каспари, Спб., типогр. журнала «Родина». Нельзя не сочувствовать всякой новой попыткѣ передать на русскій языкъ одинъ изъ самыхъ величавыхъ памятниковъ человѣческой мысли въ области художественной литературы; хотя поэму Данте переводили у насъ неоднократно (полныхъ переводовъ съ подлинника, впрочемъ, нѣтъ; ср. «Энциклоп. Словарь» Брокгауза-Ефрона, т. X), но ни одинъ изъ извѣстныхъ переводовъ даже отдѣльныхъ частей ея не можетъ считаться окончательнымъ. Быть можетъ такого «окончательнаго» перевода, т.-е. вполне равноцѣннаго съ оригиналомъ, и нельзя ожидать, но всякая новая попытка, если она талантливо выполнена, служить, во-1-хъ, поводомъ перечестъ произведение Данте, что само по себѣ есть удовольствіе, а во-2 хъ, все же до нѣкоторой степени приближаетъ насъ если не къ полному, то хотя бы приблизительному усвоенію мощныхъ образовъ невозобновимой въ ея первоуродной силѣ поэзіи. Дѣйствительно, невозобновимой, ибо *новой* «Божественной Комедіи» такъ же не можетъ возникнуть, какъ не можетъ быть *новой* «Илліады» или «Одиссеи», несмотря на всѣ попытки позднѣйшихъ временъ воскресить форму народнаго эпоса въ художественной обработкѣ. Поэма Данте—болѣе личнаго характера, чѣмъ древне-греческія эпопеи; она представляется вѣчнымъ камнемъ преткновенія для теоретиковъ словесности, чтобы подогнать ее подъ опредѣленную рубрику произведеній изящной литературы; съ одной стороны, она глубокими привазами соединена съ народно-легендарными повѣртіями и представленіями, и этотъ матеріалъ придаетъ ей характеръ памятника народно-собрательнаго творчества; съ другой стороны, рельефно выраженная индивидуальность автора, его «ученость» и «классицизмъ» выдѣляетъ ей особое мѣсто, причѣмъ авторъ стоитъ во многомъ самъ уже внѣ того міросозерцанія, которое для него объективируется, какъ поэтический матеріалъ, поддающійся личной переработкѣ. Аллегорія и символъ, которыми такъ насквозь пропитана поэтическая концепція Данте, во многомъ исключаютъ наивную вѣру въ реальное значеніе вымышленныхъ имъ образовъ. Произвольность личныхъ домысловъ идетъ въ разрѣзъ съ неприкосновенностью откровенныхъ тайнъ религіознаго преданія и какъ бы ни рѣшался вопросъ о личномъ отношеніи автора къ изложенной имъ загробной космогоніи,—въ самомъ замыслѣ поэтической обработки сюжета, въ его индивидуализаціи—заключается уже зерно секуляризаціи мысли, которая подчиняетъ себѣ традиціонную схему, а не подчиняется ей сама всецѣло. Но Данте

стоитъ на полпути: онъ несомнѣнно еще близокъ средневѣковому міросозерцанію, во многомъ раздѣляетъ его, находитъ поддержку въ общей вѣрѣ въ тѣ преданія, которыя собираетъ то въ монастырскихъ книгохранилищахъ, то въ устной, живой передачѣ, и въ его произведеніи нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ диссонансовъ между религіознымъ фономъ поэмы и виртуозностью искусства классическаго возрожденія, какъ то бы позже, напримѣръ, въ религіозномъ эпосѣ Торквато Тассо. Поэтому образы Данте отличаются большей цѣлностью: онъ суммируетъ цѣлую эпоху, безсознательно переростая ее; самъ живя въ ней, онъ объективируетъ ее въ своемъ творествѣ; воспринимаетъ образы наивной вѣры и обращается съ ними, какъ съ поэтическимъ матеріаломъ для воплощенія общеморальныхъ идей. Все это придаетъ особую цѣнность произведенію Данте, опредѣляетъ его историческое и болѣе общее значеніе, въ силу котораго оно намъ дорого независимо отъ его, такъ сказать, специфической окраски, какъ историческаго документа. Но эта окраска все-же существуетъ: она не мало затрудняетъ чтеніе поэмы въ подлинникѣ и, конечно, для переводовъ представляетъ еще большія, быть можетъ, непреодолимыя вполнѣ затрудненія. Классическая форма терцинъ, сжатая образность и необыкновенная точность языка, бездна намековъ въ тончайшихъ оттѣнкахъ рѣчи и искусно подобранныхъ эпитетахъ, вскизность образовъ, въ которыхъ включены цѣлыя картины, понятныя лишь для посвященныхъ въ современныя поэту обстоятельства жизни, наконецъ—символика и аллегоризмъ, основанный на богословской догматикѣ и научныхъ теоріяхъ,—физическихъ, астрономическихъ и космогеническихъ, того времени,—все это привело къ тому, что еще при жизни Данте сказалась потребность въ комментаріяхъ его поэмы, а при передачѣ ея на иностранный языкъ, сами ея отличительныя свойства какъ бы ограждаютъ ея неприкосновенность въ цѣломъ. Къ этому еще нужно принять во вниманіе смѣлую своеобразность нѣкоторыхъ выраженій Данте, которая обезоруживаетъ любого переводчика. Въ такомъ родѣ, напримѣръ, выраженіе, что «солнце молчитъ» *), выраженіе, понятное, только если принять въ соображеніе рядъ подразумеваемыхъ, посредствующихъ ассоціацій образной мысли: солнце, какъ одухотворенный образъ, общается или «говоритъ» съ другими существами лишь въ лучахъ свѣта, которые оно какъ бы испускаетъ отъ себя; слѣдовательно, лучи свѣта—это какъ бы рѣчи солнца; когда оно меркнетъ—оно замыкается, молчитъ. Нужна чрезвычайно интенсивная образность мысли, чтобы пользоваться такими выраженіями и не всякій языкъ достаточно гибокъ, чтобы допускать ихъ. Долженъ ли переводчикъ настаивать на точномъ соблюденіи подобныхъ выраженій или отнести къ числу не переводимыхъ идиотизмовъ языка подлинника? Непосвященный читатель можетъ, и не безъ основанія, возразить переводчику, который будетъ гнаться за точнымъ словомъ, что это «не по-русски». Но въ такомъ случаѣ, переводъ остается лишь приблизительной передачей подлинника. Съ этимъ приходится мириться, но желательны, по крайней мѣрѣ, возможно частые выноски и оговорки въ примѣчаніяхъ.

Въ новомъ, лажашемъ передъ нами переводѣ поэмы Данте, котораго пока появились лишь первые выпуски, мы прежде всего пожелаемъ бы побольше «примѣчаній», которыя хотя и даются въ концѣ каждой пѣсни, но скупо и не всегда точно. Можетъ быть, для широкаго круга читателей эти примѣчанія составлять только обузу; можетъ быть, за полнотой ихъ трудно угнаться, если вспомнить томы комментарій, которыя были написаны на разныхъ темныхъ мѣстахъ «Божественной Комедіи», но особенности языка Данте, которыя отстранены въ переводѣ, на нашъ взглядъ, всеже должны быть оговорены, хотя бы въ видѣ

*) Inferno, I, 60: dove'l Sol tace. Въ переводѣ г-жи Чуминой—«гдѣ гаснетъ свѣтъ».

напоминанія, что переводчикъ, предлагая послѣдную передачу текста, не претендуетъ передать *всего* поэта. Мы останемся признательны и за то, что онъ намъ далъ, и за указаніе того, что онъ не могъ передать.

Г-жа Чюмина, талантливая и опытная переводчица, обладающая нѣкоторой несомнѣнной виртуозностью въ умѣніи пользоваться стихомъ, хотя и отступила въ своемъ переводѣ отъ формы терцинъ, дала изящный, легко читаемый и вполне литературный переводъ въ стихахъ первыхъ пѣсенъ «Ада», съ которыми пока мы познакомились, въ ожиданіи полного перевода поэмы. Ей удалось перевести многія мѣста весьма близко къ подлиннику и въ красивомъ, русскомъ оборотѣ фразы; но, конечно, не *всѣ* Данте переданы, не всегда соблюденъ его стихъ, и не оговорены тѣ мѣста, которыя, будучи перефразированы въ переводѣ, утрачиваютъ свой настоящій смыслъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, не столько въ осужденіе переводчицы, какъ въ проясненіе значенія *подлиннаго* Данте.

«На полпути земного бытія» — удачно передаетъ переводчица первый стихъ поэмы — авторъ переживаетъ тотъ переломъ въ духовной жизни человѣка, когда кончается полубезсознательная пора молодости, живущей увлеченіями, и вопросы объ истинной цѣли жизни и назначеніи человѣка встаютъ со всей суровой неотвязностью передъ проясненнымъ сознаніемъ отвѣтственности избираемаго пути. Это — содержаніе двухъ первыхъ пѣсенъ «Ада», ихъ общеморальный смыслъ, къ которому присоединяются еще политическія соображенія, но ихъ мы пока можемъ оставить въ сторонѣ. Душевный кризисъ поэта изображенъ въ образной формѣ человѣка, который заблудился въ лѣсу, потерявъ настоящую дорогу: она «заволоклась» передъ нимъ и онъ ее мучительно ищетъ, Лѣсъ — это очевидная аллегорія жизни, міра, преисполненнаго загадочности, темноты и всякихъ опасностей. Авторъ не помнитъ, какъ онъ въ него попалъ, ибо юность уподобляется состоянію сна; онъ хочетъ выбраться на путь истины, къ свѣту (къ солнцу), но людскіе пороки и неправды жизни преграждаютъ ему путь, въ образѣ символическихъ звѣрей: пантера — сладострастіе, левъ — высокомеріе, волчица — алчность и скупость. Тогда онъ обращается къ чистому разуму (Вергилій), который становится его руководителемъ по міру юдоли, направляя къ селеніямъ высшей правды. И вотъ, принимая во вниманіе указанную общую концепцію первыхъ пѣсенъ «Ада», мы не можемъ не возразить противъ нѣкоторыхъ отступленій перевода. «*Утративъ слѣдъ, вступилъ я въ лѣсъ дремучій*»: поэтъ очнулся отъ сна, *находясь* въ лѣсу, а не *вступая* въ него, «утративъ слѣдъ»; и какой «слѣдъ»? Это не ясно и не передаетъ точнаго выраженія: *la diritta via era smarrita*. — «Туда я кинулъ взглядъ, — Откуда нѣтъ живущему возврата», — хорошо передаетъ Дантовское: «*a rimigar lo passo, — Che non lasciò giammai persona viva*»; но слѣдующій стихъ въ переводѣ — «И ни одинъ не приходилъ назадъ» — излишенъ, какъ правдная тавтологія, не соответствующая стиху Данте. — «Окружено — Соевѣдѣніями, свѣтило дня всходило» — нужно было пояснить въ примѣчаніи, иначе непонятно, что Данте ссылкой на соевѣдѣіе имѣлъ въ виду точно указать время года (весну), когда происходитъ описываемое событіе. — «Во слѣдъ ему (т. е. льву) шла тощая волчица, — Чьей алчности невѣдома граница: — Томить людей желаньями она». Послѣдній стихъ по-русски выходитъ двусмысленнымъ — какъ можетъ волчица томить людей желаньями? У Данте смыслъ вполне ясенъ: волчица, какъ олицетвореніе алчности и скупости (въ политикѣ — примѣнительно къ папской куріи), «въ своей худобѣ казавшаяся воплощеніемъ всѣхъ вождѣленій, уже многимъ людямъ доставила мучительную жизнь». Церковники, которые, съ точки зрѣнія Данте, по преимуществу надѣлены пороками волчицы, — досаждаютъ простымъ смертнымъ, обирая ихъ и тиравая. При встрѣчѣ съ Вергиліемъ, поэтъ спрашиваетъ его: «Кто-бъ ни былъ ты: безплотный *свѣтлый* духъ — или человѣкъ». Знать

«свѣтлый», вставленный переводчицей, здѣсь совершенно неумѣстенъ. Данте спрашиваетъ только: «Ты тѣнь или живой человѣкъ (od ombra, od uomo certo)» Въ выраженіи, — Аллегорическій Песнь, — «*алкающій* не злата и земель», — форма «алкающій», по своей изолированности въ переводѣ, гдѣ въ общемъ архаизмовъ рѣчи нѣтъ, врядъ ли удобна. — «О, заклинаю *памятью* о Богѣ, которому ты не служилъ, поэтъ», говоритъ Дантъ Вергилію. Но если послѣдній не служилъ Богу, то врядъ ли умѣстно заклинать его *памятью* о томъ, кого онъ не зналъ. Данте имѣеть въ виду, что теперь, послѣ смерти, Вергилій *узналъ* Бога и поэтому обращается къ нему — «во имя того Бога, котораго ты раньше не знавалъ». Все это пока — отступленія отъ стиля, но со стилемъ тѣсно связана поэтическая концепція автора и нарушенія стиля влекутъ за собой имѣненія въ образахъ, имѣющихъ опредѣленное значеніе. Такъ, въ предверья ада Данте, какъ извѣстно, помѣстилъ особую категорію душъ, «непорѣченныхъ». Это души людей, которые въ жизни были не способны ни къ добру, ни къ злу, людей себялюбивыхъ, безпринципныхъ, жалкихъ оппортунистовъ, отъ которыхъ поэтъ отверачивается съ презрѣніемъ: ни рай, ни адъ не принимаетъ ихъ. Въ нимъ присоединились тѣ ангелы, которые «Творцу не измѣнивъ, Но вѣрности въ душѣ не сохранивъ — Лишь о себѣ имѣли попеченье» — «*Cacciagli i Ciel per non esser men belli*» — говоритъ Данте, т. е. «небеса отвергли ихъ, чтобы не нарушить своей красоты (давъ мѣсто такимъ безцвѣтнымъ существамъ)». Г-жа Чюмина переводить: «Дабы небеса чистѣйшая краса — Не омрачилась *тѣнью преступленья*». Смыслъ не тотъ: данные люди именно не способны даже на преступленіе, иначе попали бы въ адъ; это тѣ, которые въ нашихъ старинныхъ преданьяхъ о загробной жизни, характеризуются, какъ — «ни теплы ни студены» *). За ними слѣдуетъ, въ первомъ кругѣ ада, въ лимбѣ, категорія «сомнѣвающихся» (*sospesi*): «*Conobbi che in quel limbo eran sospesi*» (IV, 45). Это души праведныхъ язычниковъ, томящихся безнадежною желанья — узнать истину («*Cho senza sreme vivemo in disio*). Въ числѣ ихъ и самъ Вергилій. Онъ говоритъ поэту, при первой встрѣчѣ съ нимъ (II, 52 сл.): «Я пребывалъ среди тѣхъ, которые блуждаютъ въ сомнѣніи, когда призвала меня прекрасная и блаженная женщина (Беатриче)...» и приказала пойти къ Данте. Выраженіе — «*Io era tra color che son sospesi*» — указываетъ именно на постоянное мѣсто, отведенное Вергилію на томъ свѣтѣ, вмѣстѣ съ другими язычниками. Въ переводѣ все это совершенно переименовано:

«Узнай же ты: межъ призраковъ толпою
 Покуда ждалъ съ другими надъ собою
 Послѣдняго рѣшенія суда —
 Предсталъ я тамъ предъ женщиной прекрасной».

Ничего подобнаго у Данте нѣтъ, такъ какъ онъ и вообще не касается «послѣдняго суда» надъ душами, имѣющаго наступить послѣ второго пришествія; его загробный міръ изображаетъ теперешнее пребываніе душъ на томъ свѣтѣ, послѣ *перваго* частнаго суда надъ умершими. И Вергилій совѣтъ не *предсталъ* передъ Беатричей, которой, по переводу, отводится какая-то особая роль на Страшномъ Судѣ, а вызванъ ею изъ мѣста своего постоянного пребыванія, среди «*sospesi*». Въ ослабленной формѣ передать и смыслъ мученія

*) Заимствуемъ цитату изъ очерка акад. А. Н. Веселовскаго «Нерѣшенные, Нерѣшительные и безразличные Дантовскаго ада» (журн. Мин. Нар. Просв., 1888 г.), гдѣ «между прочимъ» вышеприведенный стихъ Данте переведенъ такъ: «Небеса отринули ихъ, хотя они были не менѣе красивы, чѣмъ другіе» (?). Врядъ ли такое толкованіе возможно, такъ какъ оно основывается на невѣрномъ переводѣ текста Данте.

язычниковъ, заключающагося въ *безнадежности* желанія. У г-жи Чюминой: «Не знаяше Творца,—Мы жаждою блаженства вѣчно будемъ—Томиться здѣсь безъ мѣры и конца». А главное,—что въ переводѣ совсѣмъ не обозначена категория *sopresi* (г-жа Чюмина говоритъ просто «страдальцевъ»), и этимъ охватывается опущенной одна весьма важная концепція Данте въ его моральной классификаціи типовъ и характеровъ людей.

Изъ сдѣланныхъ замѣчаній видно, что, несмотря на многія положительныя качества перевода г-жи Чюминой, онъ все-таки не передаетъ намъ цѣликомъ «подлиннаго» Данте. Мы уже сказали выше, что, можетъ быть, эта задача и не выполнима, но кстаті замѣтимъ, что больше гарантій, на нашъ взглядъ, все же представляетъ переводъ бѣлыми стихами. Въ такомъ родѣ образцовый нѣмецкій переводъ Philaethes, переводъ «метрической», но безъ римъ. Правда, г-жа Чюмина удивительно легко находитъ римы и уже не разъ, на многочисленныхъ образцахъ, доказала гибкость своего версификаторскаго таланта, не всегда, впрочемъ, съ одинаковымъ успѣхомъ,*) но въ угоду римѣ ей не разъ приходится прибѣгать къ парафразамъ, ослабляя сжатый энергичный стиль Данте. Въ вопросѣ, что лучше—совучье римъ или стиль, мы отдали бы предпочтеніе второму. Впрочемъ, мы не хотѣли бы закончить эту замѣтку, не поговоривъ, что новый переводъ Данте все же будетъ содѣйствовать его усвоенію русской читающей публикой и въ такомъ смыслѣ заслуживаетъ нашего сочувствія. Отступленія въ частностяхъ вознаграждаются благоприятнымъ впечатлѣніемъ въ цѣломъ и мы душевно желаемъ переводчицѣ успѣшно довести до конца предпринятый ею трудъ.

Θ. Батюшковъ.

СБОРНИКИ.

«На славномъ посту. (1860—1900)».

На славномъ посту. (1860—1900). Литературный сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому. Сборникъ, заглавіе котораго мы выписали, принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу замѣчательныхъ литературныхъ явленій послѣдняго времени. Это не значитъ, разумѣется, что бы всѣ помѣщенные въ сборникѣ статьи заслуживали одинаково благодарности со стороны читателя; напротивъ, на ряду со статьями, представляющими большой научный и общественный интересъ, въ немъ встрѣчаются вещи весьма слабыя, но и за всѣмъ тѣмъ сборникъ въ его цѣломъ можетъ быть смѣло рекомендованъ вниманію читателей. Въ краткой рецензіи понятно, нѣтъ никакой возможности окинуть хотя бы бѣглымъ взоромъ все содержаніе сборника и потому мы остановимся лишь на двухъ вещахъ, составляющихъ, по нашему мнѣнію, украшеніе всего литературнаго прозведенія, о которомъ идетъ рѣчь. Мы говоримъ о статьѣ г. Мякотина «На зарѣ русской общественности» и г. Семевского «Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ». Обѣ эти статьи, несомнѣнно, пополняютъ тѣ крайне неполныя и неточныя свѣдѣнія, по исторіи идей и общественныхъ движеній въ Россіи въ концѣ XVIII и на всемъ протяжении XIX вѣка.

Г. Мякотинъ вводитъ насъ въ ту эпоху, когда на безпросвѣтно-темномъ

*) См. нашъ отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи Императорской академіи наукъ, въ 1898 г.

горизонтѣ русской общественной жизни появились первые провозвѣстники разсвѣта. Однимъ изъ такихъ провозвѣстниковъ новаго времени, и такъ сильно пострадавшимъ за свои убѣжденія, былъ, какъ извѣстно, Александръ Николаевичъ Радищевъ. Изъ статьи г. Мякотина читатель приобретаетъ цѣнные свѣдѣнія объ этой замѣчательной и трагической личности русской исторіи. Воспитаникъ Лейпцигскаго университета, затронутый всѣми вѣяніями великой эпохи конца XVIII вѣка, одаренный провицательнымъ умомъ и пылкимъ, отзывчивымъ на страданіе ближняго сердцемъ, Радищевъ явился въ Россію съ твердымъ намѣреніемъ служить не лицамъ, а дѣлу, отдать всѣ силы на служеніе горячо любимой имъ родинѣ. Знаменитая книга «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» и явилась плодомъ такого служенія, но, какъ это и неизбѣжно должно было случиться при наличности тѣхъ неразвитыхъ общественныхъ отношеній, въ которыхъ находилась тогда Россія, книга и ея авторъ пришлись «не къ двору»... Приговоромъ къ смертной казни, смарченнымъ на продолжительное изгнаніе и многолѣтнимъ пребываніемъ въ глухомъ сибирскомъ городишкѣ Нижнеилимскѣ заплатилъ Радищевъ за свою попытку служить Россіи какъ подсказывали ему его убѣжденія и совѣсть... Возвращенный изъ ссылки Павломъ, онъ все еще мечталъ о реформѣ всего нашего общественнаго строя и, прежде всего, объ освобожденіи крестьянъ отъ рабства. Когда же онъ убѣдился, что объ этомъ и думать нельзя, когда въ отвѣтъ на свою записку съ изложеніемъ плана реформъ, онъ встрѣтилъ лишь «отеческое» замѣчаніе на тему: «видно, Нижнеилимска тебѣ мало»... онъ не вытерпѣлъ и отъ огорченія принялъ ядъ... Г. Мякотинъ знакомилъ читателя очень обстоятельно съ содержаніемъ злополучной книги. Извѣстно, что, несмотря на весьма значительное количество касающихся Радищева статей, замѣтокъ и пр., полной біографіи его не существуетъ и понынѣ, а самая книга «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» составляетъ бібліографическую рѣдкость. Въ 1859 году книга эта была переиздана вмѣстѣ съ книгою князя Щербатова «О поврежденіи нравовъ» въ Лондонѣ Герценомъ; въ 1870 П. А. Вѣрстовъ думалъ издать полное собраніе Радищева, внеся туда и полный текстъ «Путешествія», но уже отпечатанное изданіе это было не пропущено и уничтожено. Въ 1888 году появилось «Путешествіе» въ изданіи Суворина, но всего въ количествѣ 99 экземпляровъ. При такихъ условіяхъ подробно изложеніе всего существеннаго, что заключается въ «Путешествіи», а это г. Мякотинъ исполнено прекрасно, является, несомнѣнно, крупною заслугою автора статьи передъ читающей публикой. Кромѣ описанія убійственнаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ, судьбу которыхъ Радищевъ сравниваетъ съ судьбою «воловъ, обреченныхъ вздирать тяжкую борозду» Радищевъ отстаиваетъ право общества на самоопредѣленіе и въ особенности на свободу печати. «Цензура печатаемаго принадлежитъ обществу,—говоритъ Радищевъ.—Оно даетъ сочинителю вѣнецъ или употребляетъ листы на обертки, равно какъ одобреніе театральному произведенію даетъ публика, а не директоръ театра». («Путешествіе», стр. 254). Эти и многія другія плодотворныя идеи были брошены Радищевымъ на россійскую ниву въ его знаменитой книгѣ. Мы уже упомянули, что въ 1859 году было издано «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» вмѣстѣ съ книгою князя Щербатова «О поврежденіи нравовъ». Въ предисловіи къ обѣимъ книгамъ издатель тогда же обрисовалъ мѣткими штрихами личности авторовъ этихъ двухъ историческихъ лицъ. «Князь Щербатовъ и Радищевъ,—говорилъ онъ,—представляютъ собою два крайнія воззрѣнія на Россію временъ Екатерины. Печальные часовые у двухъ разныхъ дверей, они, какъ Янусъ, глядятъ въ противоположныя стороны. Щербатовъ, отворачиваясь отъ распутнаго времени своего, глядитъ въ ту дверь, въ которую вошелъ Петръ Первыи, а за нею видить чинную и чванную Русь московскую; скучный и полудикій бытъ нашихъ предковъ кажется недовольному старику какимъ-то утеряннмъ идеаломъ.

Радищевъ смотритъ впередъ. На него пахнуло сильнымъ вліаніемъ послѣднихъ лѣтъ осьмнадцатаго вѣка. Никогда человѣческая грудь не была полнѣе надеждами, какъ въ великую весну пятидесятихъ годовъ; всѣ ждали съ бьющимся сердцемъ чего-то необыкновеннаго, святое нетерпѣніе тревожило умы и заставляло самыхъ строгихъ мыслителей быть мечтателями. Съ восторженными идеалами того времени Радищеву пришлось жить въ Россіи. Слезы, негодование, состраданіе, иронія, — утѣшительница и мстительница, — все это вылилось въ его превосходной книгѣ. Радищевъ гораздо ближе къ намъ, чѣмъ Щербатовъ. Разумѣется, его идеалы были также высоко на небѣ, какъ идеалы Щербатова глубоко въ могилѣ, но это были наши мечты... Радищевъ не стоитъ Даниломъ въ приемной дворца, онъ не ограничиваетъ первыми тремя классами свой міръ, онъ не имѣетъ личнаго озлобленія противъ Екатерины, онъ ѣдетъ по большой дорогѣ, онъ сочувствуетъ страданіямъ массъ, говоритъ съ ямщикомъ, рекрутѣ, дворовымъ, и во всякомъ словѣ его мы находимъ вѣсть съ ненавистью къ насилію громкій протестъ противъ крѣпостнаго состоянія. Тогдашняя риторическая форма, филантропическая философія, которая преобладала во французской литературѣ до реставраціи Бурбоновъ, и поддѣльный романтизмъ устарѣлъ для насъ, но юморъ его совершенно свѣжъ, совершенно истиненъ и необычайно живъ. И что бы онъ ни писалъ, такъ и слышишь знакомую струю, которую мы привыкли слышать въ «Думахъ» Рылѣева, въ первыхъ стихотвореніяхъ Пушкина и въ собственномъ нашемъ сердцѣ». Такова эта великолѣпная характеристика Радищева, сдѣланная однимъ изъ его духовныхъ дѣтей въ половинѣ XIX вѣка. Но вернемся къ статьѣ «На зарѣ русской общественности». Познакомивъ читателя съ содержаніемъ «Путешествія», г. Мякотинъ подробно слѣдитъ за всѣми моментами возникшаго вслѣдъ за появленіемъ этой книги въ свѣтъ «дѣла», за ролью въ немъ Екатерины, за дальнѣйшею судьбою самого Радищева и т. д. Останавливаясь на всемъ этомъ столь же подробно мы, разумѣется, не можемъ и потому отсылаемъ читателя къ прекрасной статьѣ г. Мякотина.

Другимъ въ высокой степени интереснымъ произведеніемъ въ сборникѣ является статья г. Семевского «Изъ исторіи общественныхъ идей въ концѣ 40-хъ годовъ». Предметъ статьи — такъ называемое «дѣло Петрашевскаго», т. е. то дѣло, за которое такъ жестоко поплатилась Достоевскій, Плещеевъ и многіе другіе. Въ силу понятныхъ причинъ, многое изъ того, что относится къ этому дѣлу окутано еще большою тайной. Достаточно сказать, что послужившая поводомъ для начала дѣла Петрашевскаго розданная имъ во время дворянскихъ выборовъ въ Петербургѣ въ мартѣ 1848 года литографированная записка по крестьянскому вопросу до сихъ поръ нигдѣ полностью не напечатана. Конечно, и по этому дѣлу существуетъ уже въ русской литературѣ не мало свѣдѣній (главнѣйшимъ изъ нихъ надо считать «Записки» Липранди, печатавшіяся въ «Русской Старинѣ» за 1872 годъ, составленную Орестомъ Миллеромъ «Біографію Достоевскаго», но въ болѣе или менѣе систематической формѣ изложеніе и критическое изслѣдованіе этого дѣла дано въ первый разъ въ разбираемой статьѣ В. И. Семевского. Поводомъ для статьи г. Семевского послужили печатавшіяся въ «Русской Старинѣ» записки графа М. А. Корфа, но, пользуясь этимъ источникомъ, г. Семевскій внесъ съ своей стороны въ написанную имъ для сборника статью свою очень большую эрудицію въ области исторіи общественныхъ идей въ Россіи. Вкратцѣ дѣло Петрашевскаго можно формулировать такъ: за исключеніемъ самого Петрашевскаго и можетъ, быть, еще Момбелли и Спѣшнева, думавшихъ, повидимому, въ самомъ дѣлѣ объ учрежденіи тайнаго общества, всѣ остальные «петрашевцы» были виновны буквально лишь въ «либеральныхъ» разговорахъ, и то не педшихъ дальше осужденія крѣпостнаго права, дореформеннаго сула, цензуры и проч. Начиная съ 1845 года, на пят-

ничныхъ журъ-фиксахъ Петрашевскаго стали собираться молодые литераторы, воспитатели учебныхъ заведеній, офицеры, студенты и проч. Здѣсь подвергались обсужденію разные вопросы, говорили, спорили, читали произведенія преимущественно французскихъ социалистовъ, но дальше разговоровъ дѣло никогда не заходило. Возникли, правда, мысли о заведеніи тайной литографіи для разоблаченія «злоупотребленій и недостатковъ администраціи» (предложеніе Филиппова), но предложеніе это принято не было. Преступленіе самого Петрашевскаго сводилось, главнымъ образомъ, къ двумъ дѣйствіямъ: къ устройству у себя пятницъ, на которыхъ велись «преступные разговоры», и къ изданію подъ псевдонимомъ Кириллова, — разумѣется, съ разрѣшенія цензуры, — «Словаря иностранныхъ словъ», въ которомъ Петрашевскій имѣлъ въ виду также распространятыя «превратныя мысли». Способъ держанія себя на слѣдствіи показалъ Петрашевскаго слѣдственной комиссіи также съ особенной стороны. По замѣчанію этой комиссіи, Петрашевскій, «одинъ изъ всѣхъ арестованныхъ» является «дерзкимъ и наглымъ». Онъ объявилъ, «что, стремясь къ достиженію полной, совершенной реформы быта общественнаго въ Россіи, желалъ стать во главѣ разумнаго движенія въ народѣ русскомъ». Раздача Петрашевскимъ вышеупомянутой «Записки» по крестьянскому вопросу обратила вниманіе властей на его журъ-фиксы, Липранди уговорилъ своего родственника студента Антоielli втереться въ кружокъ Петрашевскаго и такимъ образомъ всѣ разговоры «петрашевцевъ» стали происходить въ присутствіи полицейскаго агента. «Несмотря на то, что Антоielli ни на кого не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія, ему не только удалось быть на шести вечерахъ у Петрашевскаго еженедѣльно съ 11 марта по 15 апрѣля 1849 года, а 16 апрѣля у П. А. Кузьмина, но даже педагогъ Толль, пострадавшій впоследствии виѣсть съ петрашевцами, поселился съ нимъ въ одной квартирѣ... Такъ какъ арестованнымъ удалось увидѣть въ III отдѣленіи въ день ареста списокъ, въ которомъ противъ имени Антоielli было поставлено слово «агентъ», то его предательская роль стала извѣстна всѣмъ и онъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ презрѣніи къ нему общества» («Сборникъ», стр. 105). Мы не будемъ слѣдить за дѣльнѣйшими подробностями дѣла и напомнимъ лишь, что за «преступные разговоры» многіе петрашевцы были приговорены къ разстрѣлянію, приведены на мѣсто казни, и, не зная ничего о помилованіи, перечувствовали все то, что чувствуютъ приговоренные къ смерти въ ихъ предсмертныя минуты... Петрашевскій былъ прямо съ эшафота увезенъ въ Сибирь, другихъ отвезли въ крѣпость впредь до отсылки по назначенію. «Генераль-аудиторіатъ въ своемъ докладѣ не только предложилъ наказаніе обвиненнымъ, но, кромѣ того, счелъ нужнымъ обратить вниманіе правительства на необходимость принять мѣры для предупрежденія возможности возникновенія и впредь «подобныхъ замысловъ». Такими мѣрами онъ съ своей стороны считалъ: 1) особенное наблюденіе за общественнымъ обученіемъ, какъ относительно духа и направленія преподаванія вообще, такъ и относительно строгаго выбора учителей и повѣрки ихъ преподаванія. 2) Бдительныя и строгія мѣры противъ ввоза иностранныхъ сочиненій опаснаго содержанія, способствующаго превратному образу мыслей въ умахъ юныхъ и неопытныхъ. 3) Самый осмотрительный цензурный надзоръ за журналами и газетными статьями. 4) Возможно строгое наблюденіе со стороны всѣхъ полицейскихъ начальствъ за движеніемъ общественнаго состава не только въ его цѣломъ, но и въ частностяхъ, именно за сборищами и собраніями, дабы, при настоящемъ развратѣ умовъ на Западѣ и прилипчивости вредныхъ идей, не могли образоваться у насъ собранія, подобныя открытымъ по настоящему дѣлу». Предложенія эти были одобрены государемъ («Сборникъ», стр. 151—152). Изъ записокъ графа Корфа г. Семеvскій приводитъ очень любопытный разсказъ, характеризующій отношеніе императора Николая къ дѣлу петрашевцевъ въ моментъ

*

них ареста: «Государю пришло въ голову, что къ ихъ числу могутъ «втайнѣ принадлежать не одни офицеры, молодые чиновники, литературы и проч., но и ктонибудь *повыше*». (курсивъ гр. Корфъ). 24 апрѣля 1849 года, т.-е. на другой день послѣ ареста петрашевцевъ, принимая двухъ членовъ государственнаго совѣта, государь сказалъ: «Не знаю, ограничивается ли заговоръ тѣми одними, которые уже схвачены, или есть, кромѣ нихъ, и другіе, даже, можетъ быть, кто и изъ *нашихъ* (курсивъ гр. Корфа). Слѣдствіе все раскроетъ. Знаю только одно: что на полицію тутъ нельзя полагаться, потому что она ладка на деньги, а на шпионовъ — еще меньше, потому что продающій за деньги свою честь способенъ на всякое предательство». («Сборникъ», стр. 103). Г. Семейскій обращаетъ вниманіе читателя на эти любопытныя слова императора Николая. «Между тѣмъ, — говоритъ онъ, — въ дѣлѣ петрашевцевъ въ высшей степени важную роль сыгралъ агентъ Липранди, Антонелли». Статья г. Семейскаго служитъ превосходнымъ дополненіемъ ко всему, что раньше было извѣстно о дѣлѣ Петрашевскаго. Изъ сопоставленія ея съ нѣкоторыми другими матеріалами можно составить теперь болѣе или менѣе ясное представленіе объ этомъ дѣлѣ.

Изъ другихъ статей «Сборника» обращаетъ на себя вниманіе работа г. Милокова, обрисовавшаго съ свойственнымъ ему талантомъ Надеждина и эпоху появленія первыхъ критическихъ статей Бѣлинскаго. Г. г. Пантелѣевъ и Анненскій дали также интересныя странички изъ своихъ личныхъ воспоминаній. Вообще особеннымъ интересомъ въ сборникѣ отличаются статьи историко-литературнаго содержанія. Что касается беллетристики «Сборника», то о ней мы говорить въ настоящей замѣткѣ не будемъ и упомянемъ лишь, что въ числѣ лицъ, помѣстившихъ свои произведенія въ сборникѣ, находятся такіе извѣстные писатели, какъ гг. Короленко, Маминъ-Сибирякъ, Станюковичъ, Мельшинъ, Дмитриева и другіе.

В. Б.—скій.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Галерея русскихъ писателей». — «Труды Я. К. Грота».

Галерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатовъ. Изданіе С. Смирнунта. Москва. 1901 г. «Настоящее изданіе, — сказано въ предисловіи, — имѣетъ въ виду представить читателямъ собраніе портретовъ русскихъ писателей, работавшихъ въ области изящной литературы и критики. Въ этомъ собраніи фигурируютъ и великіе русскіе писатели, и авторы меньшей величины, и даже писатели малозначительные». Въ книгѣ собраны портреты 253 писателей, начиная съ Кантемира и кончая М. Горькимъ. Нѣкоторые писатели, на примѣръ: Герценъ, Огаревъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Салтыковъ, Успенскій, Гаршинъ, представлены въ двухъ портретахъ, а Левъ Толстой — даже въ четырехъ. Въ книгѣ много существенныхъ пропусковъ, что сознаетъ и самъ издатель, старающійся оправдать эти пропуски тѣмъ, что нѣкоторыхъ портретовъ онъ не могъ найти, другіе получилъ слишкомъ поздно, третьи онъ самъ не внесъ въ свое изданіе. Несмотря на неполноту, «Галерея русскихъ писателей» представляетъ очень цѣнную книгу. Большая часть портретовъ воспроизведена съ фотографій и дагерротиповъ; но многіе портреты, притомъ наиболѣе выдающихся русскихъ писателей, представляютъ снимки съ художественныхъ портретовъ, хранящихся въ Третьяковской галлерей и въ Румянцевскомъ музеѣ и исполненныхъ кистью такихъ художниковъ, какъ Васнецовъ, Крамской, Перовъ, Рѣпинъ и др. Нѣкоторые изъ воспроизведенныхъ портретовъ принадлежатъ къ числу очень рѣдкихъ и большой публикѣ раньше

не были извѣстны. Таковы, напримѣръ, портреты Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева въ молодости. Многие портреты снабжены автографами.

Кромѣ портретовъ въ «Галлерей» каждому писателю посвященъ краткій очеркъ его жизни и литературной дѣятельности. Біографическія данныя ограничиваются самыми существенными свѣдѣніями. Критическіе отзывы нѣсколько полнѣе и знакомятъ, въ большинствѣ случаевъ, съ содержаніемъ главнѣйшихъ произведеній даннаго писателя и съ общимъ направленіемъ его литературной дѣятельности. Вслѣдствіе чисто техническихъ затрудненій (недостатка мѣста и т. п.), многіе біографическіе очерки подверглись сокращеніямъ, иногда даже съ нарушеніемъ смысла. Но и помимо техническихъ затрудненій, на достоинствѣ нѣкоторыхъ очерковъ неблагоприятно отразились поспѣшность и небрежность, съ которыми они были составлены. Отсюда цѣлый рядъ фактическихъ ошибокъ, не говоря о неточностяхъ, и цѣлый рядъ рискованныхъ и невѣрныхъ взглядовъ и заключеній. Не останавливаясь на ошибкахъ въ хронологическихъ данныхъ и въ названіяхъ сочиненій, въ именахъ лицъ и мѣстностей (напримѣръ, Николай Александровичъ Некрасовъ, диспутъ Погодина съ Комаровымъ и т. д.), укажу нѣкоторыя ошибки, въ которыхъ виноваты не корректоръ, а редакторъ. Напримѣръ, о Херасковѣ сказано, что послѣ «Россіады» онъ пошелъ навстрѣчу зарождавшемуся сентиментализму и закончить увлеченіемъ масонскими идеями, изложивъ ихъ въ поэмѣ «Возрожденный Владиміръ». Но «Бадмъ и Гармовія», повѣсть въ сентиментальномъ духѣ, появилась черезъ четыре года послѣ «Владиміра», слѣдовательно, увлеченіе масонствомъ у Хераскова предшествовало сентиментальнымъ повѣстямъ. О Екатериинѣ II сказано, что она «была дѣятельной сотрудницей журнала «Всякая Всячина» съ 1769 по 1783 г.»; но этотъ журналъ издавался всего *одинъ годъ*, а не четырнадцать лѣтъ. «Тургеневъ,—говорится въ «Галлерей»,—дебютировалъ стихотворною повѣстью «Парапаша». На самомъ дѣлѣ его литературная дѣятельность началась за нѣсколько лѣтъ раньше. О Помяловскомъ сказано, что «вскорѣ послѣ закрытія «Современника», онъ умираетъ отъ гангрены ноги». Но «Современникъ» закрытъ въ 1866 г., а Помяловскій умеръ въ 1863 г.

Встрѣчаются ошибки въ бібліографическихъ указаніяхъ. Напримѣръ, Карамзинъ, по заявленію «Галлерей», издавалъ журналъ «Дѣтское Чтеніе», въ которомъ печаталъ свои переводы «Юлія Цезаря» Шекспира и «Эмилиі Галотти» Лессинга. Но, во-первыхъ, журналъ этотъ издавался Новиковымъ, а, во вторыхъ, названные переводы появились отдѣльными изданіями, да и не могли быть предложены дѣтямъ. «Бѣдные люди» напечатаны не въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ сказано въ «Галлерей», а въ «Петербургскомъ Сборникѣ» Некрасова; «Игрокъ» появился впервые не въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ отдѣльномъ изданіи сочиненій Достоевскаго (1867 г.).

О содержаніи отдѣльныхъ произведеній часто даются свѣдѣнія совершенно невѣрныя или же неточныя и неопредѣленныя. Напримѣръ, по заявленію «Галлерей», Писаревъ «разгромилъ» Пушкина въ «Прогулкѣ по садамъ россійской поэзіи». На самомъ дѣлѣ въ этой статьѣ Писаревъ только заявилъ, что онъ собирается, отбросивъ историческую точку зрѣнія, доказать, что Пушкинъ устарѣлъ. «Разгромилъ» же онъ великаго поэта, какъ извѣстно, въ статьѣ: «Пушкинъ и Бѣлинскій». Даже заглавіе статьи искажено: вмѣсто *поэзіи* должно быть *словесности*. О Жуковскомъ сказано, что онъ «перенялъ и бутафорскую сторону нѣмецкаго романтизма—вѣдьмъ, чертей и прочее», и въ подтвержденіе этого мнѣнія сдѣлана ссылка на «Свѣтлану», «Людмиду», «Смальгольмскаго барона» и «Лѣнова царя». Но послѣднія два произведенія—переводныя, «Людмила»—передѣлка «Леноры» Бюргера, а въ оригинальной «Свѣтланѣ» вѣдьмъ и чертей совсѣмъ нѣтъ, и все, что тамъ есть фантастическаго, происходитъ во снѣ. О романѣ «Руфина Каздоева» сказано, что тамъ «изображается одна (ка-

кая же именно?) изъ формъ общественной дѣятельности, въ которыя выливались стремленія шестидесятниковъ».

Отдѣльные біографическіе и историко-литературные факты переданы и объяснены невѣрно. Напримѣръ, хорошо извѣстно, что Бѣлинскій развѣнчалъ Марлинскаго за изображеніе «неистовыхъ страстей и неистовыхъ положеній» и за крайнюю изысканность и вычурность слога. А въ «Галлерей русскихъ писателей» сказано: «Отрицательное отношеніе къ Гегелю и другимъ вѣмецкимъ философамъ одна изъ главныхъ причинъ, почему Бестужевъ подвергся безпощадной критикѣ со стороны идеалистовъ 40-хъ годовъ». Извѣстно, что Бѣлинскій, прочтя «Деревню» Григоровича, «не только нашелъ ее весьма замѣчательной повѣстью, но немедленно опредѣлилъ ея значеніе и предсказалъ то движеніе, тотъ поворотъ, которые вскорѣ потомъ произошли въ нашей словесности» (свидѣтельство Тургенева). Извѣстно также, что и печатно, несмотря на сопротивленіе Некрасова, не желавшаго хвалить въ «Современникѣ» повѣсть, напечатанную въ «Отечественныхъ Запискахъ». Бѣлинскій назвалъ «Деревню» однимъ изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній 1846 года. А въ «Галлерей русскихъ писателей» сказано, что «Деревня» Григоровича была холодно встрѣчена Бѣлинскимъ. Ссылку Салтыкова въ Ватку «Галлерей» объясняетъ не оппозиціоннымъ направленіемъ повѣсти «Запутанное дѣло», а фактомъ напечатанія двухъ повѣстей въ «Отечественныхъ Запискахъ» безъ дозволенія начальства.

Въ текстѣ «Галлерей русскихъ писателей» встрѣчаются даже такія ошибки, которыя исправитъ любой гимназистъ. Напримѣръ: «Въ Пруссіи Ломоносовъ *чуть не попалъ* въ солдаты». Державинъ былъ «при *Павлѣ I* министромъ юстиціи». Карамзинъ путешествовалъ за границей *четыре* года и *окончилъ* «Исторію Государства Россійскаго». Но болѣе всего ошибокъ и рискованныхъ выводовъ въ отнѣкъ литературныхъ дѣятелей. Петрову, напыщенному одописцу «временъ очаковскихъ и покоренія Крыма», приписывается «крупная роль въ литературу XIX вѣка». Подолинскому приписывается «необыкновенная легкость и музыкальность стиха, каковой мы не встрѣчаемъ *почти ни у кого* изъ его современниковъ». Панаеву отводится «въ эволюціи русскаго романа одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ». О Погодинѣ сказано, что «какъ журналистъ и редакторъ «Москвитянина», онъ отличался крайне реакціоннымъ направленіемъ, по своимъ публицистическимъ взглядамъ онъ держался теорій такъ называемой официальной народности и рядомъ съ порицаніемъ Запада превозносилъ русскія народныя начала, заключающіяся, по его мнѣнію, въ кротости и смиренномудріи». Такая характеристика скорѣе приложима къ Шевыреву, чѣмъ къ Погодину. «Справедливость требуетъ сказать, — писалъ Чернышевскій въ 1856 году, — что онъ (Погодинъ) защитникъ просвѣщенія, и что какъ бы ни казались намъ странныя нѣкоторыя ого мнѣнія, но никто не можетъ и подумать назвать его обскурантомъ. Этого достаточно, чтобы вынудить у cadaго здравомыслящаго челоуѣка сочувствіе къ нему во многихъ случаяхъ и, во всякомъ случаѣ, обезпечить ему право на уваженіе». («Очерки гоголевскаго періода русской литературы», с. 94). Хомяковъ, этотъ образцовый хозяинъ, сахарозаводчикъ, изобрѣтатель, устроитель быта своихъ крестьянъ, по мнѣнію «Галлерей», «стоитъ *далеко* отъ дѣйствительности, въ кружковой жизни тогдашняго литературнаго міра». Иванъ Аксаковъ ставится на одну доску съ реакціонными публицистами. Глѣбъ Успенскій со своей «Властью Земли» — по мнѣнію «Галлерей» — является до извѣстной степени предтечей теоретиковъ экономическаго пониманія исторіи, точно до восьмидесятыхъ годовъ такихъ «теоретиковъ» вовсе не существовало. О Боборыкинѣ сказано, что его «теоретическіе взгляды на значеніе и цѣли искусства... находятъ въ странномъ противорѣчій съ беллетристическими работами... Выступая въ теоріи защитникомъ чистаго искусства, Бобо-

рыкинъ въ своей беллетристической дѣятельности стремится отразить новыя общественныя теченія, прислушиваясь ко всякимъ измѣненіямъ, происходящимъ въ обществѣ, и записывая ихъ съ точностью добросовѣстнаго репортера». Емѣсто отвѣта на этотъ упрекъ г. Боборыкинъ могъ бы указать на свой рефератъ «Судьба русскаго романа», гдѣ сказано: «Никто теперь не проповѣдуетъ «чистаго» искусства, отрѣшеннаго отъ жизни. Его и быть не можетъ... Творческое воображеніе питается дѣйствительною жизнью, и чѣмъ эта связь ярче, глубже, разнообразнѣе, содержательнѣе, тѣмъ произведенія поднимаются выше и выше» («Починъ» 1895 г., с. 199).

Сдѣланныхъ указаній достаточно, чтобы видѣть, что при новомъ изданіи «Галлерей русскіихъ писателей» не только необходимо, по сознанію самаго издателя, исправить «важныя пропуски и недостатки» въ выборѣ портретовъ, но также необходимо пересмотрѣть и текстъ критико-біографическихъ очерковъ. Нельзя также не замѣтить, что достоинство книги не пострадало бы, если бы текстъ былъ выдѣленъ въ особое приложеніе. Тогда ничто не мѣшало бы «сгруппировать писателей по ихъ общественнымъ взглядамъ», а равно и никакія техническія еображенія не повліяли бы на полноту очерковъ.

С. Аиескій.

Труды Я. К. Грота. Томъ III. Очерки изъ исторіи русской литературы. Спб. 1901 г. Въ третій томъ посмертнаго изданія «Трудовъ» академика Грота вошли его статьи по исторіи русской литературы, исключая работы о Державинѣ. Въ этомъ томѣ перепечатаны изъ академическихъ изданій, изъ журналовъ, сборниковъ и даже газетъ крупныя и мелкія статьи Грота, какъ-то: его академическія рѣчи, некрологи, біографическіе очерки, юбилейныя справки, біографическія замѣтки, рецензія и т. д. Академическія рѣчи Грота посвящены Ломоносову, Карамзину, Крылову, Жуковскому, Батюшкову и Пушкину. Некрологи вызваны смертью К. И. Арсеньева, графа Блудова, князя Вяземскаго, Востокова, Пекарскаго, Плетьева, Срезневскаго, Швырева и др. Изъ остальныхъ статей необходимо отмѣтить біографію Хемницера, замѣтки о сатирахъ и басняхъ Крылова, воспоминанія о Далѣ (съ приложеніемъ автобіографіи Даля), разборъ «Исторіи русской словесности» Галахова, разборъ поэмы Никитина «Кулакъ», статьи объ Академіи Наукъ и, наконецъ, статью: «Бѣлинскій и его нѣмцые послѣдователи». Статьи и замѣтки о Пушкинѣ напечатаны съ отдѣльной пагинаціей и подъ отдѣльнымъ заглавіемъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Статьи эти были напечатаны отдѣльной книгой въ «Сборникѣ II отдѣленія Академіи Наукъ» въ 1887 г., а второе ихъ изданіе съ дополненіями вышло въ 1899 г.

Статьи и замѣтки Грота представляютъ значительный интересъ для лицъ, занимающихся изученіемъ русской литературы; но особенно выдающагося значенія литературныя очерки покойнаго академика не имѣли и въ свое время, а въ настоящее время многое въ нихъ устарѣло. Самъ Гротъ сознавалъ, что въ его рѣчахъ мало новаго, и, предупреждая упреки подобнаго рода, въ одной изъ своихъ рѣчей съчелъ нужнымъ сдѣлать такую оговорку: «Понятіе о новомъ и старомъ въ высшей степени относительное: то, что извѣстно и старо для одного, можетъ быть ново и любопытно для другого; къ тому же и цѣль честванія состоитъ не въ томъ, чтобы сказать о дѣятелѣ много новаго, а чтобы возстановить истинный образъ его, оказать справедливость достойному, напомнить о его заслугахъ въ назиданіе потомству». Съ этой точки зрѣнія и нужно смотрѣть на большую часть очерковъ Грота. При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ своихъ рѣчахъ и очеркахъ авторъ не всегда могъ удержаться въ границахъ должнаго безпристрастія и въ свои приговоры внесъ не мало субъективнаго. Такъ, напримѣръ, разбирая извѣстную книгу кн. Вяземскаго о Фольвинѣ. Гротъ, игнорируя историческіе обзоры новой русской словесности, сдѣланные Бѣлинскимъ, въ 1848 г.

писалъ слѣдующее: «Были болѣе или менѣе основательныя сужденія о томъ или другомъ писателѣ, но такого общаго обзора нашей свѣтской литературы *никто* еще не представлялъ съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такою свѣтлою пронизательною мыслію!» (с. 92). Въ 1864 г. по поводу смерти Шевырева Гротъ писалъ: «Въ нашемъ немногочисленномъ до сихъ поръ ряду русскихъ критиковъ онъ (т.-е. Шевыревъ), конечно, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ» (с. 351). Такого же черезчуръ высокаго мнѣнія Гротъ и относительно своего друга Плетнева, не только какъ человѣка, профессора и ректора, но и какъ критика и даже поэта. Подобнаго рода субъективныхъ взглядовъ довольно много въ III томѣ «Трудовъ» Грота.

Особенно характерна въ этомъ отношеніи статья: «Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи». Напечатана была эта статья въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 года съ похвальной цѣлью защитить память знаменитаго критика отъ нападокъ Погодина. Сдѣлавъ цѣлый рядъ оговорокъ объ увлеченіяхъ, ошибкахъ, противорѣчіяхъ, многословіи и недостаточномъ образованіи Бѣлинскаго, Гротъ далъ такой отзывъ о его положительныхъ достоинствахъ: «Но ему (Бѣлинскому) никакъ нельзя отказать въ свѣтломъ и пронизательномъ умѣ, который, при поверхностномъ его образованіи въ молодости, поражаетъ насъ разнообразіемъ пріобрѣтенныхъ имъ позже свѣдѣній и начитанности; нельзя отказать ему также въ искреннемъ сочувствіи всему великому и прекрасному и во врожденномъ эстетическомъ чувствѣ, которое руководило его очень вѣрно, когда онъ не былъ ослѣпленъ какою-нибудь предубѣжденіемъ. Ошибки его были замѣтны только самымъ образованнымъ читателямъ; критическій талантъ его, сопровождаемый большою независимостью мысли, смѣлостью и рѣзкостью сужденій, долженъ былъ доставить ему значительное вліяніе на массу». «Не раздѣляя всѣхъ мнѣній Бѣлинскаго, я, однако-жь, нахожу, — говоритъ Гротъ въ другомъ мѣстѣ, — что изъ сказаннаго имъ многое безотносительно вѣрно и никогда не утратитъ своей цѣны, что онъ рѣшилъ окончательно многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которыхъ касался» (с. 355—6). Что касается послѣдователей Бѣлинскаго, то на нихъ Гротъ обрушился сорвавъ лѣтъ тому назадъ съ цѣлымъ рядомъ упрековъ за неуваженіе къ памяти и мнѣніямъ великаго критика. «Теперь изданы его сочиненія, — писалъ Гротъ: — но многіе ли, не скажу изучили, а прочитали ихъ вполне? Если бы наши молодые литераторы увлекались не однимъ именемъ его, а самими трудами, то, конечно, нашелся бы кто-нибудь, кто подробно разсмотрѣлъ бы эти труды, показалъ бы намъ постепенное развитіе возрѣвшаго критика, извлекъ бы изъ нихъ основныя его взгляды на искусство, на разные предметы, относящіяся къ литературѣ... кто-нибудь, однимъ словомъ, обработалъ бы подробную характеристику Бѣлинскаго, какъ писателя, составилъ бы сводъ его критическихъ мнѣній, изложилъ бы, наконецъ, его теорію искусства... Отчего же не явилось до сихъ поръ и малѣйшей попытки такого труда?» Требования Грота вполне основательны, но все-таки странно ихъ было читать въ началѣ 1861 г., когда еще не было окончено изданіе сочиненій Бѣлинскаго. Еще болѣе странно было читать приведенные выше упреки Грота въ статьѣ, написанной четырнадцать лѣтъ послѣ появленія книжки Милюкова: «Очеркъ исторіи русской поэзіи», гдѣ данъ сводъ мнѣній Бѣлинскаго, а пять лѣтъ спустя послѣ того, какъ появились не потерявшие своего значенія и до настоящаго времени труды Чернышевскаго: его диссертація: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», представляющая теорію искусства, подъ многими положеніями которой Бѣлинскій подписался бы обѣими руками, — и статьи: «Очерки гоголевскаго періода русской литературы», въ которыхъ впервые были сдѣланы обзоръ и оцѣнка литературной дѣятельности «русскаго Лессинга». Удивленіе современнаго читателя усилится еще больше, когда онъ вспомнитъ, что въ 1861 году наиболѣе видными «мнимыми послѣдователями» знаменитаго критика были Добролюбовъ и

Червышевскій. Нечего прибавлять, что защита Бѣлицкаго отъ такихъ учениковъ въ области критики въ настоящее время представляется не болѣе, какъ курьезомъ.

Многія статьи Грота, написанныя тридцать—сорокъ лѣтъ тому назадъ, конечно, не могли не устарѣть. Бъ сожалѣнію, ни самъ авторъ при своей жизни не позаботился объ ихъ исправленіи, ни редакторъ посмертнаго изданія сочиненій Грота не снабдилъ большую часть напечатанныхъ статей соотвѣтствующими примѣчаніями. Устарѣлость нѣкоторыхъ очерковъ Грота и обиліе въ нихъ крайне субъективныхъ взглядовъ должны значительно ограничить кругъ читателей, которымъ можно рекомендовать III томъ «Трудовъ» покойнаго академика. Что касается лицъ, способныхъ критически отнестись къ фактамъ и сужденіямъ изъ области русской литературы, то они найдутъ въ книгѣ Грота много интереснаго и новаго. Въ числѣ достоинствъ отдѣльныхъ рѣчей и очерковъ Грота необходимо отмѣтить, что авторъ, будучи самъ въ нравственномъ отношеніи далеко незаурядной личностью, и въ своихъ статьяхъ усиленно подчеркиваетъ нравственные достоинства русскихъ писателей, напримѣръ, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Плетнева. При этомъ Гроту иногда приходится быть не только панегиристомъ, но и апологетомъ, напримѣръ, по отношенію къ Ломоносову, Крылову и Пушкину. Но самымъ важнымъ достоинствомъ послѣдняго тома «Трудовъ» Грота является обиліе фактическаго матеріала, заимствованнаго изъ рукописныхъ источниковъ, изъ личныхъ сообщеній покойныхъ русскихъ дѣятелей, наконецъ, изъ собственныхъ воспоминаній автора, прожившаго болѣе восьмидесяти лѣтъ въ близкомъ соприкосновеніи съ выдающимися русскими людьми. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ статьи и замѣтки о Пушкинѣ. Здѣсь собраны интересныя данныя о лицѣ и о лицейскихъ товарищахъ и наставникахъ Пушкина. Между прочимъ, здѣсь перепечатаны письма лицеиста Илличевскаго къ своему другу Фуссу съ интересными свѣдѣніями о жизни лицействъ, длинное письмо декабриста Пущина изъ Сибири къ бывшему директору лицея Энгельгардту, очень рѣзкая по отношенію къ лицейскимъ порядкамъ и явно пристрастная по отношенію къ Пушкину записка гр. Корфа, одного изъ лицействъ перваго выпуска, и т. д. Здѣсь же перепечатана цѣнная для справокъ «Хронологическая канва для біографіи Пушкина» съ новыми дополненіями.

Помимо интереснаго содержанія, приложенные къ книгѣ указатели личныхъ именъ, а также географическихъ и литературныхъ названій, дѣлаютъ ее въ высшей степени цѣннымъ справочнымъ изданіемъ. Цѣна книги, три рубля за восемьсотъ страницъ большого формата и убористаго шрифта, очень недорогая.

С. Ашевскій.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

Θ. Успенскій. «Исторія крестовыхъ походовъ».—М. Карелинъ. «Паденіе античнаго міросозерцанія».—О. Терри. «Исторія возникновенія и развитія третьяго сословія».

Θ. И. Успенскій. Исторія крестовыхъ походовъ. М. С. Карелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской Имперіи). Изд. 2-ое. Спб. 1901 г. Цѣна по 75 коп. выпускъ. Упомянутыя книги входятъ въ составъ предпринимаемаго акціонернымъ обществомъ «Брокгаузъ Ефронъ» изданія подъ общимъ заголовкомъ: «Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время». Редакція изданія принадлежитъ проф. Н. И. Карѣеву и Н. В. Лучицкому; въ составленіи книжекъ примутъ участіе про-

фессора и приватъ-доценты русскихъ университетовъ. Перечисленные имена лицъ, общавшихъ изданію свое содѣйствіе, — въ числѣ которыхъ мы находимъ такихъ ученыхъ, какъ Г. Е. Аванасевъ, В. И. Герье, И. М. Гревсъ, Н. И. Барбевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій, П. Н. Милюковъ, В. А. Макотинъ, Е. В. Тарде и др., — внушаютъ увѣренность и въ научной цѣвности работъ и въ талантливости изложенія. Изданіе будетъ распадаться на двѣ серіи по 20 книжекъ въ 10—12 листовъ въ каждой; серія историческихъ монографій по отдѣльнымъ эпохамъ и серія книжекъ, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ странъ. Ежегодно предполагается выпускать въ свѣтъ 8 по книжекъ въ порядкѣ поступления ихъ въ редакцію.

Намѣреніе издателей обогатить русскую литературу по всеобщей исторіи общедоступными по изложенію и недорогими работами, принадлежащими каждой перу историка спеціалиста по той или другой народности или эпохѣ, заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, полного сочувствія. Редакція заявляетъ, что «въ предполагаемыхъ книжкахъ на первый планъ будетъ выдвинута внутренняя, т. е. культурная и социальнo-политическая исторія и въ изложеніи будетъ устранено все, что можетъ имѣть интересъ только для спеціалистовъ». Первымъ выпускомъ въ указанномъ изданіи и является «Исторія крестовыхъ походовъ» Ѳ. И. Успенскаго. Въ русской исторической литературѣ нѣтъ ни одного оригинальнаго труда, посвященнаго этой темѣ. Правда, авторъ въ своемъ изложеніи, живомъ и интересномъ, не останавливается подробно на социальныхъ факторахъ и культурныхъ слѣдствіяхъ крестовыхъ походовъ, однако, многое въ этомъ отношеніи онъ уясняетъ, оставаясь и на почвѣ чисто политическихъ отношеній. Признавая, что «главныя массы крестоносцевъ возбуждаемы были религиозными мотивами», авторъ показываетъ, какъ первоначальная цѣль походовъ отступала каждый разъ на задній планъ передъ интересами руководящихъ движеніемъ лицъ, приносилась въ жертву политическому и торговому соперничеству европейскихъ народовъ. И въ концѣ концовъ, вмѣсто возвращенія святыхъ мѣстъ христіанамъ, движеніе опрокинуло послѣдній оплотъ христіанства на Востокѣ, — политическое существованіе Византійской имперіи, и тѣмъ подготовило будущему несчастный восточный вопросъ, стоившій столькихъ жертвъ и обѣщающій ихъ не мало и впредь. Все это нагроможденіе ошибокъ, постыдныхъ слѣбковъ, безурядицы и корыстныхъ побужденій, которое представляетъ собою изнанку блестящей, драматической и истинной стороны крестовыхъ походовъ, ярко выступаетъ въ изложеніи автора, работа котораго читается съ несомнѣннымъ интересомъ.

Книга покойнаго проф. М. С. Карелина: «Паденіе античнаго міросозерцанія» выходитъ уже вторымъ изданіемъ (1-ое изданіе О. Н. Поповой 1895 г.). И она вполнѣ этого заслуживаетъ: по словамъ проф. В. И. Герье, книга эта является «самымъ зрѣлымъ произведеніемъ Карелина». Въ талантливомъ и увлекательномъ изложеніи авторъ раскрываетъ въ ней передъ нами картину религиозно-нравственнаго переворота, пережитаго античнымъ обществомъ въ первые вѣка по Р. Хр. Старая римская религія, такъ много сдѣлавшая для укрѣпленія національно-государственнаго зданія съ тѣхъ поръ, какъ Римъ сталъ международной имперіей, не могла сохраниться въ прежней исключительности. Ея сухой символизмъ въ представленіи о богахъ и формализмъ въ культѣ только стѣсняли религиозное чувство, пробуждавшееся въ сопрیکосновеніи съ мистическими религіями Востока. Культурный ростъ личности выдвигалъ новыя нравственныя требованія отъ религіи, которыхъ старая вѣра не могла удовлетворить. Но съ другой стороны упадокъ старой религіи, подрываемой одинаковой и художественной мнeологіею — грековъ и таинственными культами Востока, повлекъ за собою разложеніе нравственныхъ основъ общества и семейныхъ связей. Потребность вѣры и нравственнаго обновленія, сознаніе неудовле-

творительности культа и мнѳологіи вызвали попытки религіозной реформы. Сознвая тѣсную связь между старой религіей и государственнымъ строемъ Рима, императоры, начиная съ августа, стремятся и не безъ временнаго успѣха, реставрировать старыя религіозныя формы. Серьезное значеніе приобретаетъ культъ самихъ императоровъ. Съ другой стороны, философы пытаются, въ лицѣ стонковъ, подмѣнить религіозное ученіе, ученіемъ разума и долга, а въ лицѣ эпикурейцевъ—дать правила разумнаго пользованія жизнью при полномъ отрицаніи прежнихъ религіозныхъ представленій. Школы неоплатониковъ и пнеагорейцевъ въ III вѣкѣ приближаются уже къ цѣлямъ христіанства: онѣ признаютъ божественное откровеніе главнымъ и единственнымъ источникомъ истиннаго познанія, но полагаютъ, что только философія даетъ средство повять это божественное откровеніе. Характеристика пророка неопнеагорейскаго движенія Аполлонія Тианскаго рисуетъ черты того моральнаго идеала, которымъ умирившее язычество отвѣчала возвышающемуся христіанству. Обѣ эти школы объединили въ себѣ и религіозное и философское движеніе, имѣвшія цѣлью возстановить и поддержать язычество. Но дѣло ихъ могло удовлетворять только исключительныя группы общества, массы шли за новымъ ученіемъ христіанства. «Показать бессиліе языческой реформы и выяснитъ причины побѣды новой религіи, по скольку онѣ заключались въ психологическихъ условіяхъ эпохи», такъ понималъ авторъ задачу своихъ очерковъ и выполнилъ ее съ большимъ успѣхомъ «Карелинъ, по словамъ проф. Герье, объяснилъ причины торжества христіанства яснѣе и отчетливѣе любого историка церкви».

М. II—въ.

О. Тьерри. Исторія возникновенія и развитія третьяго сословія. Пер. съ франц. Изд. Ф. А. Югансона. К.-Хар. 1901 г. Ц. 1 р. Рабочіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, опираясь на свою сильную и широкую организацію, нашли и съ успѣхомъ примѣняютъ хорошее средство для борьбы съ нивко оплачиваемымъ, продолжительнымъ и, какъ общее правило, дающимъ недоброкачественные продукты трудомъ—т. н. лавель, ярлыкъ. Присутствіе такого ярлыка на товарѣ означаетъ, что товаръ изготовленъ рабочими, участвующими въ профессиональныхъ организаціяхъ,—признаніе, за которымъ скрывается и лучшая заработная плата, и меньшій рабочий день, и большая гигиеничность и вообще улучшенная работа труда, а слѣдовательно, и лучшее качество товара. Невольно вспомнишь объ этомъ, когда приходится сталкиваться съ такими явленіями на книжномъ рынкѣ, какъ Тьерри въ изданіи Югансона. Классическій трудъ европейски-извѣстнаго ученаго (отзывъ о самомъ трудѣ см. «М. Б.» мартъ 1900) слѣдовало бы издать много тщательнѣе, чѣмъ это вообще у насъ дѣлается. Между тѣмъ, настоящее изданіе можетъ вполне служить образчикомъ *наибольте небрежнаго*, просто-таки неприличнаго изданія. Чтобы разобрать мало-мальски обстоятельно его недостатки, потребовалось бы нѣсколько убористыхъ страницъ, и, право, затрудняешься, на что указывать и какіе примѣры брать—такъ ихъ много. 1) *Опечатки*: рѣдкая страница безъ нихъ; въ массѣ мелкихъ попадаются такія, какъ «чумакъ виѣсто «чуужакъ», «вырожденіе» вмѣсто «возрожденіе» и т. д. 2) *Недосмотры*: въ русскокомъ изданіи помѣщаются такія примѣчанія: 22) *Voyez plus haut*, p. 24 et Suiv 23) *Le traité de Touers, conelu en 1420 avec Henri IV, roi d'Angleterre* (ст. 99; въ томъ же духѣ, пр. 9, стр. 64, пр. 14, стр. 122, пр. 37, стр. 128); пр. 23 (стр. 154) рекомендуетъ: «см. приложение III», которое отсутствуетъ; Этьенъ Марсель превратился въ одномъ мѣстѣ въ Прево Марселя (стр. 56); примѣчанія попутаны. 3) *Полное отсутствіе обцей редакціи*, сказывающееся въ разнообразіи передачи терминовъ, доходящемъ до геркулесовыхъ столбовъ: *cahier*, напр., передается четырьмя способами: *cahier*, *кайе*, *наказъ*, *тетрадъ* (60, 131, 136, 208 и т. д.), а самое *tiers état* то третье, а то и сред-

нее сословіе! 4) *Самый переводъ*, за исключеніемъ немногихъ главъ и мѣстъ, непроходимое море галлицизмовъ и тяжелѣйшаго, мы сказали бы, специфически переводнаго русскаго слога... Вотъ образцы: «штатахъ, *послѣдовавшихъ* *) послѣ 1302 г... и причиной *которыхъ* (51 — *такихъ* только галлицизмовъ наберется не мало); «предположилъ себѣ подражать» (91); «одна», «двѣ», «три вещи» — пестрять повсюду; «духъ нововведенія... разразился... въ штатахъ» (53). «Такимъ-то образомъ онъ преобразовалъ въ финансахъ и торговлѣ *грудю эмпирическихъ прогрессовъ въ глубоко рациональную систему*» (264). На стр. 391, пр. 70, вы узнаете, что былъ «чиновникъ, на обязанности коего лежалъ сборъ и *употребленіе* податей»; читая 378 стр., вы должны рѣшить вопросъ, что за личность «дофинъ Guiges XII» и т. д., и т. д. — на каждой почти страницѣ вы можете найти «образцы». Еще одинъ: «Кардиналъ Ришелье былъ, въ точномъ смыслѣ слова, мѣнѣе министръ, чѣмъ лицо, облеченное всеми королевскими полномочіями» (стр. 225). Дальше приводитъ примѣры было бы утомительно и безцѣльно — все равно всего не исчерпашь, ибо *половину* книги въ библиографическую замѣтку не вмѣстишь. Послѣднее указаніе: латинскіе тексты примѣчаній приводятся безъ перевода, попадаютъ итальянскіе и даже *старо французскій*, довольно большой текстъ (380стр.) — все это въ *такомъ* видѣ никому ненужный балластъ. Въ заключеніе авторъ долженъ сказать, что не могъ одолѣть всей этой «книги» и прочиталъ только до приложений, но и тамъ, при бѣгломъ просмотрѣ, оказывается все то же! Да, много есть соображеній противъ литературной конвенціи для Россіи, но тутъ это не пожалѣть объ ея отсутствіи, ибо только на почвѣ свободы переводонъ могутъ произростать растения, дающія такіе фрукты, какъ Тьерри въ изданіи Ф. А. Югансона.

П.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

А. Мануиловъ. «Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ». — Т. Цепинъ. «Страна рабочихъ клубовъ».

А. Мануиловъ. Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы. Москва. 1901. Экономическая система, развитая въ первой половинѣ XIX вѣка такъ называемыми «экономистами классической школы», взятая сама по себѣ, можетъ имѣть въ настоящее время лишь историческій интересъ. Какъ бы ни смотрѣть на то или иное отдѣльное ученіе, входящее въ составъ этой системы, во всякомъ случаѣ, даже самые горячіе поклонники ея не откажутся признать, что всемъ этимъ ученіямъ присуща нѣкоторая элементарность и, такъ сказать, первобытность экономическаго мышленія и что въ лучшемъ случаѣ они могутъ послужить лишь матеріаломъ для болѣе утонченныхъ и законченныхъ теоретическихъ построеній. Однако, къ этому историческому интересу классической школы, взятой *an und für sich*, присоединяется интересъ болѣе живой и насущный, благодаря тому обстоятельству, что вслѣдствіе особаго положенія классической школы, въ качествѣ родоначальницы теоретической экономической мысли, всякое новое направленіе должно встать въ опредѣленное отношеніе къ ученіямъ этой школы и въ значительной мѣрѣ характеризуется этимъ своимъ отношеніемъ. И историческая, и социалистическая, и «австрійская» школы и — въ новѣйшее время — англо-американскій подвидъ послѣдней — все онѣ вырабатывали и проявляли наиболѣе основныя черты своего экономическаго міросозерцанія путемъ критической Auseinandersetzung, какъ выражаются нѣмцы, съ

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

ученіями классической школы. Мы были поэтому въ правѣ ожидать, что и историко-критическое изслѣдованіе г. Мануилова о «понятіи цѣнности по ученію экономистовъ классической школы» косвенно затронетъ основныя проблемы цѣнности, какъ онѣ представляются *современному экономическому сознанію*. Однако, отъ систематическаго выполненія этой задачи г. Мануиловъ уклоняется и стремится по возможности придать своему труду академически-чопорную сухость чистаго историко-догматическаго изслѣдованія. Въмѣстѣ съ тѣмъ и этотъ послѣдній характеръ работы не выдержанъ послѣдовательно: г. Мануиловъ хорошо сознаетъ, какими сторонами разсматриваемое имъ ученіе соприкасается съ научными интересами современности и по временамъ, такъ сказать, урывками останавливается именно на этихъ сторонахъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ уже то, что свой историко-критическій анализъ ученія о цѣнности классической школы онъ, съ формальной непослѣдовательностью, начинаетъ съ офѣнки ученія о цѣнности «австрійской школы». Слѣдуя за авторомъ, мы позволимъ себѣ остановиться подробно на этой его оцѣнкѣ ученія австрійской школы. Прежде всего мы должны указать автору на одну грубую неточность, вкравшуюся въ его передачу опредѣленія понятія субъективной цѣнности у австрійскихъ экономистовъ. Г. Мануиловъ передаетъ это опредѣленіе слѣдующимъ образомъ: «Цѣнность въ субъективномъ смыслѣ есть то значеніе, которое имѣетъ какое-либо благо или совокупность благъ для благосостоянія даннаго субъекта» (с. 1). При такомъ опредѣленіи понятіе субъективной цѣнности цѣлкомъ совпадаетъ съ понятіемъ полезности или потребительной цѣнности, и, напр., атмосферный воздухъ долженъ обладать большой субъективной цѣнностью, такъ какъ его значеніе для «благосостоянія субъекта», разумѣется, чрезвычайно велико. Между тѣмъ, центръ тяжести понятія субъективной цѣнности, по ученію австрійскихъ экономистовъ, лежитъ именно въ его отличіи отъ понятія простой полезности, такъ что субъективная цѣнность присуща только хозяйственнымъ, а не даровымъ благамъ. Эта послѣдняя особенность понятія субъективной цѣнности отгѣнена въ официальномъ, обще-признанномъ среди разсматриваемаго направленія опредѣленіи этого понятія, данномъ основателемъ школы Менгеромъ. Его опредѣленіе гласитъ: «Цѣнность есть значеніе, которое имѣютъ для насъ отдѣльныя блага или группы благъ, благодаря тому, что мы *сознаемъ зависимость удовлетворенія нашихъ потребностей отъ обладанія ими*» (*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*, стр. 78). Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ отсутствуетъ такая зависимость удовлетворенія потребностей отъ обладанія благами—напр., въ случаѣ даровыхъ благъ—отсутствуетъ и субъективная цѣнность, несмотря на то, что значеніе блага для благосостоянія субъекта можетъ быть очень велико.

Въ основу своего изложенія ученія о цѣнности австрійскихъ экономистовъ г. Мануиловъ кладетъ взгляды, развитыя въ статьяхъ и книгѣ Бемъ-Баверка. Бемъ-Баверкъ, разумѣется, наиболѣе талантливый и авторитетный представитель этой школы, и работы его больше всего даютъ для уразумѣнія сущности ученія; за всѣмъ тѣмъ мы не можемъ не пожалѣть, что въ этомъ изложеніи г. Мануиловъ почти игнорируетъ другихъ представителей той же школы, и въ частности, что онъ не пользуется тѣмъ обоснованіемъ ученія о цѣнности на анализѣ понятія и природы хозяйства, которое дано Менгеромъ. Только въ связи съ этимъ анализомъ можетъ быть понято и правильно оцѣнено значеніе разсматриваемаго ученія, которое представляетъ собою, — какъ мы смѣемъ думать, вопреки г. Мануилову—врупный шагъ впередъ именно въ дѣлѣ *углубленія* экономическихъ понятій, независимо отъ мелкихъ ошибокъ и недосмотровъ въ объясненіи подробностей явленій цѣнности съ точки зрѣнія этихъ понятій; а именно на эти-то подробности обращаетъ главнымъ образомъ вниманіе Бемъ-Баверкъ, а за нимъ и г. Мануиловъ, и благодаря этому, *духъ* ученія остается не вполне ясно обрисованнымъ въ изложеніи г. Мануилова.

Въ своей критикѣ теоріи субъективной цѣнности г. Мануиловъ старается обнаружить двѣ ошибки, или, вѣрнѣе, два *petitio principii*, допущенныя этой теоріей. Первое изъ нихъ касается объясненія денежной цѣны товаровъ, второе— объясненія закона стоимости производства, съ точки зрѣнія ученія о предѣльной полезности. Намъ кажется, что въ обоихъ случаяхъ возможно оградить теорію субъективной цѣнности отъ взводимыхъ на нее г. Мануиловымъ обвиненій. Первое изъ этихъ обвиненій сводится къ слѣдующему. Теорія субъективной цѣнности не можетъ объяснить денежной цѣны товара, такъ какъ на почвѣ этой теоріи необъяснима цѣнность денегъ. Цѣна товара складывается путемъ сравненія субъективной цѣнности его съ субъективной цѣнностью денегъ. Но на чемъ основана эта послѣдняя? На томъ, что деньги служатъ мѣриломъ цѣнности товаровъ. Субъективная цѣнность денегъ опирается на возможность приобрести за деньги любой товаръ, т.-е., другими словами, на ихъ мѣновой цѣнности. Эта же послѣдняя, въ свою очередь, согласно разсматриваемой теоріи, предполагаетъ уже наличность субъективной цѣнности. *Petitio principii*, по мнѣнію г. Мануилова, налицо. Это возраженіе противъ теоріи субъективной цѣнности не ново. Оно выставлено было *Штольциманномъ* въ его книгѣ «*Soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre*» (1896), а также въ статьѣ пишущаго эти строки «Психологическое направленіе въ теоріи цѣнности» («Русск. Бог.» 1898, № 8). Съ перваго взгляда это возраженіе кажется неотразимымъ, и во всякомъ случаѣ оно безусловно вѣрно по отношенію къ *современной формулировкѣ* вопроса въ трудахъ разсматриваемаго направленія. Тѣмъ не менѣе, болѣе глубокой анализъ приводитъ къ выводу, что проблема цѣнности денегъ, а слѣдовательно и денежной цѣны товаровъ, если и не разрѣшена ученіемъ о субъективной цѣнности, не представляетъ однако для него и заколдованнаго круга, а наоборотъ, можетъ быть разрѣшена, выходя изъ его посылокъ. Вопросъ можетъ быть такъ формулированъ: какими образомъ деньги, на основаніи той субъективной цѣнности, которая первоначально присуща имъ, какъ предмету потребленія (напр., въ качествѣ украшенія) становятся мѣриломъ цѣнности и приобретаютъ въ качествѣ такового субъективную цѣнность, основанную на этой функціи? Разрѣшеніе этого вопроса лежитъ въ анализѣ образованія коллективныхъ оцѣнокъ изъ индивидуальныхъ и сопровождающаго это образованіе процесса объективизаціи субъективныхъ цѣнностей. Мысль эта болѣе подробно намѣчена пишущимъ эти строки въ его книгѣ «Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе» (стр. 358—361). Такимъ образомъ, если теорія субъективной цѣнности до сихъ поръ и не разрѣшила проблемы цѣнности денегъ, то это далеко не означаетъ, что она вообще не способна ея разрѣшить. Отбрасывать же теорію изъ-за того, что она еще не сдѣлала всего, что можетъ, не приходится. Въ частности же по отношенію къ давнему вопросу трудовая теорія цѣнности находится не въ лучшемъ положеніи (на нашъ взглядъ, даже въ гораздо худшемъ). Проблемы цѣнности денегъ не разрѣшила до сихъ поръ и она, да и не можетъ разрѣшить по весьма простой причинѣ: цѣнность денегъ въ гораздо большей степени, чѣмъ цѣнность товаровъ, зависитъ отъ спроса и предложенія ихъ (количества обращающихся денегъ и спроса на нихъ для выполненія ихъ функцій въ товарномъ обращеніи), а трудовая теорія, какъ извѣстно, заранѣе отказывается отъ изученія этого фактора образованія цѣнъ.

Второе обвиненіе г. Мануилова кажется намъ еще гораздо менѣе основательнымъ, нежели первое, и устранимымъ и при теперешней формулировкѣ ученія о предѣльной полезности. Рѣчь идетъ именно объ отношеніи между субъективной цѣнностью благъ и закономъ стоимости производства. Какъ извѣстно, теорія предѣльной полезности выставила положеніе, что цѣнность предметовъ потребленія не опредѣляется цѣнностью затраченныхъ на нихъ средствъ производства, а наоборотъ, сама опредѣляетъ послѣднюю. Хотя конкретно

дѣло и обстоятъ такъ, что цѣнность благъ зависитъ отъ цѣнности средствъ производства, но эта послѣдняя, въ свою очередь, зависитъ отъ цѣнности наименѣе полезнаго изъ создаваемыхъ данными средствами продуктовъ, такъ какъ пожертвованіе опредѣленнымъ средствомъ производства означаетъ пожертвованіе этимъ продуктомъ, а потому высота этого пожертвованія опредѣляется цѣнностью жертвуемаго наименѣе полезнаго продукта. Г. Мануиловъ задаетъ вопросъ: отчего же зависитъ эта послѣдняя цѣнность? Согласно общему взгляду ученія, цѣнность, основанная на предѣльной полезности, зависитъ отъ отношенія между количествомъ наличныхъ благъ и потребностью въ нихъ. Но отчего зависитъ, въ свою очередь, это количество? Отъ количества труда, затраченнаго на производство этихъ благъ. Но это количество труда само, по мнѣнію г. Мануилова, отъ предѣльной полезности создаваемаго продукта не зависитъ, такъ какъ, наоборотъ, послѣдняя сама опредѣляется количествомъ этого продукта и слѣд. количествомъ затраченнаго на него труда. Такимъ образомъ г. Мануиловъ полагаетъ, что теорія предѣльной полезности не нашла окончательныхъ факторовъ цѣнности, такъ какъ съ ея точки зрѣнія необъяснимы причины, опредѣляющія количество наличныхъ благъ.

При болѣе внимательномъ изученіи разбираемаго ученія г. Мануиловъ могъ бы однако найти въ трудахъ представителей этого ученія (напр., у того же Бѣмъ-Баверка), готовый отвѣтъ на вопросъ, представляющійся ему неразрѣшимымъ. Дѣло объясняется довольно просто. *Общее* количество благъ, создаваемыхъ однимъ общимъ средствомъ производства (такъ называемыхъ «родственныхъ по производству благъ»), по отношенію къ которымъ только и имѣетъ мѣсто такой стоимости провозводства) опредѣляется количествомъ имѣющихся въ распоряженіи хозяйства средствъ производства (напр., количество земли и труда въ распоряженіи общества опредѣляетъ общую сумму благъ, которую способно создать это общество). Какъ же распределяется эта сумма на отдѣльныя блага? Она распределяется такъ, чтобы послѣдніе экземпляры благъ каждаго сорта обладали одинаковой предѣльной полезностью, такъ какъ въ противномъ случаѣ было бы выгодно производить большее количество одного сорта (болѣе цѣннаго) и меньшее—другого (менѣе цѣннаго). Такимъ образомъ, количество наличныхъ благъ опредѣляется ихъ предѣльной полезностью, которая является верховнымъ руководителемъ всѣхъ хозяйственныхъ дѣйствій, и законъ совпаденія цѣнности со стоимостью производства приобретаетъ здѣсь болѣе глубокое обоснованіе *).

Приведенными двумя возраженіями и исчерпывается критика г. Мануилова. Какъ видимъ, критика эта не можетъ считаться безупречною и доказательною. Зато г. Мануиловъ совсѣмъ не воспользовался чрезвычайно интересною и глубокою критикою ученія о субъективной цѣнности, содержащейся въ указанной уже нами работѣ Штольцмана, съ которой г. Мануиловъ знакомъ, а также съ серьезными аргументами Коморжинскаго въ его книгѣ «Der Wert in der isolierten Wirtschaft» (Wien 1889), которую г. Мануиловъ, повидимому, не знаетъ. При наличности этихъ работъ странно слышать мнѣніе г. Мануилова, будто «лучшее, что было высказано по этому предмету, принадлежитъ Бонару» (стр. 17), который, какъ это видно уже изъ того, что сообщаетъ о содержаніи его работъ самъ г. Мануиловъ, не пошелъ дальше тривиальныхъ и плоскихъ упре-

*) Въ рецензіи, къ сожалѣнію, немисливо изложить рѣшеніе проблемы съ тою степенью подробности, которую требуетъ уясненіе сравнительно сложной цѣпи силлогизмовъ, въ которой устанавливается взаимная зависимость элементовъ разсматриваемаго отношенія. Мы принуждены поэтому снова отослать заинтересующагося читателя къ нашей книгѣ о «Теоріи цѣнности Маркса», въ которой соотвѣтствующая часть ученія австрійской школы изложена на стр. 209—214.

ковъ австрійскої школі въ томъ, что она «слишкомъ легко превращаетъ экономическое разсужденіе въ психологическое» и «скорѣе опредѣляетъ цѣнность, чѣмъ изъясняетъ ее» (какъ будто въ правильномъ свѣтѣтическомъ опредѣленіи не содержится объясненіе).

Мы позволили себѣ остановиться такъ долго на одной первой главѣ труда г. Мануилова, не имѣющей прямого отношенія къ основной темѣ этого труда, выраженной въ ея заглавіи, именно потому, что эта глава есть единственная часть труда, имѣющая общій, жизненный интересъ, интересъ теоретическаго, а не историко-догматическаго изслѣдованія. Все остальное въ книгѣ г. Мануилова представляетъ интересъ развѣ только для узкаго спеціалиста, вниманіе котораго могутъ привлечь даже самыя мелкія и не имѣющіе серьезнаго научнаго значенія оттънки и варіаціи давно знакомыхъ мыслей какъ у излагаемыхъ авторомъ писателей, такъ и у самого автора. Содержание труда г. Мануилова не есть даже изслѣдованіе «понятія цѣнности по ученію экономистовъ классической школы», такъ какъ не изслѣдуется ни одна теорія цѣнности, кромѣ трудовой, и эта послѣдняя только въ трудахъ англійскихъ экономистовъ, такъ что заглавіе книги должно было бы гласить: «понятіе *трудовой* цѣнности по ученію *англійскихъ* экономистовъ классической школы».

Вмѣстѣ съ тѣмъ книга г. Мануилова не есть и изслѣдованіе по исторіи политической экономіи, такъ какъ разсмотрѣніе *процесса развитія* понятія трудовой цѣнности совершенно не входитъ въ задачи работы: авторъ излагаетъ взгляды различныхъ, иногда мало извѣстныхъ, писателей только тогда и въ той мѣрѣ, когда и поскольку они нужны ему для его догматическаго изслѣдованія понятія трудовой цѣнности у англійскихъ классиковъ. Основная мысль автора, обосновываемая имъ на детальнѣйшемъ, подчасъ чисто экзегетическомъ толкованіи трудовъ англійскихъ классиковъ (такъ напр., цѣлыхъ четыре объемистыхъ страницы посвящены чисто грамматической интерпретаціи шести строкъ «Богатства народовъ» Ад. Смита) сводится къ тому, что классическое ученіе о трудовой цѣнности, въ наиболѣе чистомъ видѣ развитое въ системѣ Рикардо, заключается не въ абстрактномъ признаніи труда *основой* цѣнности, а лишь въ признаніи затраты труда моментомъ, опредѣляющимъ высоту мѣнновой цѣнности товаровъ при наличности извѣстныхъ гипотетическихъ условій, въ значительной мѣрѣ соответствующихъ особенностямъ современнаго экономическаго строя. Г. Мануиловъ полагаетъ, что при такой формулировкѣ мысли англійскихъ классиковъ до сихъ поръ не опровергнута и могла бы послужить основой для правильной теоріи цѣнности.

Что касается, прежде всего, самой характеристики трудовой теоріи цѣнности классиковъ, то она представляется намъ чрезвычайно односторонней. У классиковъ именно борются между собой *два* представленія о трудовой цѣнности: одно—считающее трудъ абстрактной основой цѣнности, другое—считающее его конкретнымъ опредѣлителемъ или мѣриломъ мѣнновой цѣнности (мѣннового отношенія), и если Рикардо представилъ наиболѣе ясный образецъ второго пониманія трудовой цѣнности, то онъ же и его прямой ученикъ Макъ-Кельлохъ болѣе другихъ подчеркивали и первое пониманіе, что сказалось въ установленіи ими понятія абсолютной трудовой цѣнности. Этого не отрицаетъ и г. Мануиловъ, довольно подробно останавливающийся на борьбѣ этихъ двухъ взглядовъ. Если онъ тѣмъ не менѣе считаетъ второй взглядъ наиболѣе характернымъ, въ частности для Рикардо, то этотъ выводъ можетъ быть признанъ весьма правдоподобнымъ (правдоподобнымъ, а не несомнѣннымъ, потому что несистематичность и неотдѣланность изложенія у Рикардо должна неизбежно вести къ нескованчаемымъ пререканіямъ относительно сравнительной важности противорѣчащихъ другъ другу оттънковъ его мысли), но именно при категоричномъ признаніи наличности у Рикардо и противоположнаго взгляда.

Зато мы должны рѣшительно протестовать противъ того значенія, которое г. Мануиловъ придаетъ этому найденному имъ у англійскихъ классиковъ и очищенному отъ постороннихъ примѣсей пониманію трудовой цѣнности. Прежде всего пониманіе это невѣрно, такъ какъ гипотетическія условія, необходимыя для осуществленія обмѣна пропорціонально труду, *не имѣютъ мѣста* въ современномъ обществѣ, какъ это видно уже изъ поставленной Марксомъ (но не разрѣшенной имъ) знаменитой «сфинксовой загадки», указывающей на непримиримость обмѣна пропорціонально затратѣ труда съ стремленіемъ капитала въ къ равному уровню прибыли. Но даже будь это пониманіе вѣрно, оно имѣло бы очень второстепенное значеніе и представляло бы лишь первое обобщеніе экономическихъ явленій, неспособное удовлетворить современной постановкѣ проблемы цѣнности. Теоретическая мысль здѣсь, какъ и повсюду, въ своемъ развитіи стремится выйти за предѣлы изслѣдованія конкретной, эмпирической зависимости между изучаемыми явленіями и замѣнить его изслѣдованіемъ абстрактной, внутренней зависимости, представленіе о которой приобрѣтается анализомъ *основъ* явленій, другими словами—анализомъ понятій. Вотъ почему и позднѣйшіе приверженцы трудовой цѣнности—напр., Марксъ и Родбертусъ—и представители теорій предѣльной полезности стремятся прежде всего разрѣшить вопросъ: «что такое сама цѣнность? что является ея основой?», и только удовлетворительный отвѣтъ на *этомъ* вопросѣ можетъ послужить началомъ правильной теоріи цѣнности, соответствующей современнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ ней. Представленія классиковъ въ этомъ отношеніи не даютъ почти ничего, и видѣть вѣчное въ ихъ ученіи въ томъ именно представленіи, которое основано на игнорированіи этого вопроса, какъ это дѣлаетъ г. Мануиловъ, значить совершенно не понимать современныхъ требованій теоретическаго сознанія. Затрагивать такъ много труда и учености, тревожить столько почтенныхъ тѣней для того, чтобы осчастливить науку ни къ чему не нужнымъ въ настоящее время и къ тому же невѣрнымъ трюизмомъ о конкретной зависимости между затратой труда и мѣнновой цѣнностью товаровъ—положительно не стоило.

Отмѣтимъ еще, что г. Мануилову, повидимому, неизвѣстенъ лучшій критическій анализъ теоретическихъ идей англійскихъ классиковъ, именно трудъ *Кэннана* (Cannan): «History of the theories of production and distribution in English political Economy» (London 1893). С. Франкъ.

Т. С. Пеппинъ. Страна рабочихъ клубовъ. Пер. съ англійскаго съ предисловіемъ И. Озерова. Изд. В. Линдъ и Д. Байкова. 1900 г. Ц. 50 к. Русскаго читателя настоящая книжка удовлетворить, быть можетъ, не вполне. Со всякими развлеченіями въ пользу рабочихъ мы привыкли связывать на первомъ планѣ извѣстныя идеалистическія цѣли—увеличеніе ихъ образованности, поднятіе ихъ нравственнаго уровня и пр. И выставленная въ сочиненіи г. Пеппина цѣль рабочихъ клубовъ, простое рѣшеніе проблемы объ употребленіи рабочими времени своего досуга, такъ, чтобы они получали «чистый и простой отдыхъ», представляется, съ нашей, русской, точки зрѣнія, слишкомъ узкою и мало возвышенною. Легко понять причину такого отношенія. Нашъ рабочий прежде и раньше всего требуетъ извѣстнаго развитія, чтобы вполне приобщиться къ культурнымъ удовольствіямъ, и вопросъ объ этомъ развитіи долженъ выступать поѣтому у насъ на первый планъ.

Но точка зрѣнія Пеппина не теряетъ отъ этого для насъ интереса, такъ какъ показываетъ возможный лишь въ культурной странѣ взглядъ на рабочихъ, какъ на вполне сложившихся, достаточно интеллигентныхъ личностей, для которыхъ на первой очереди можетъ стоять вопросъ о веселомъ и здоровомъ времяпрепровожденіи. Это не исключаетъ, конечно, и стремленія къ болѣе высокой цѣли со стороны вожаковъ клубнаго движенія, но цѣль эта сама вы-

текаетъ изъ всей клубной обстановки, какъ она сложилась, а не подчиняетъ ее себѣ, не стоитъ на первомъ планѣ. Цѣль эта—«воспитать людей для тѣхъ дѣйствій, которыя входятъ въ кругъ дѣятельности политическихъ лигъ, трэдъ-юніоновъ, а также для исполненія общихъ обязанностей гражданина. Въ свободные часы человекъ образуетъ свой умъ, свое сужденіе и свою совѣсть. Пока эти свободные часы проводились имъ въ пивныхъ, онъ былъ подверженъ вліяніямъ отрицательнымъ по отношенію къ указанному высшему воспитанію. Въ клубѣ, въ сравненіи съ пивной, воспитаніе гражданина будетъ происходить въ болѣе благопріятномъ направленіи и, если такъ, то клубное движеніе является весьма цѣннымъ для націи въ широкомъ смыслѣ».

Если, такимъ образомъ, конечная цѣль рабочихъ клубовъ въ Англіи весьма высока и благородна, то практически средства достиженія не идутъ дальше устраненія специфически-неблагопріятныхъ, кабацкихъ условій. Изъ описанія клубовъ мы видимъ, что члены ихъ получаютъ въ нихъ дешевый и хорошій обѣдъ, проводятъ время безъ стѣсненій по части употребленія спиртныхъ напитковъ, оживленно играютъ въ билліардъ и карты, слушаютъ лекціи и чтенія, имѣютъ подъ рукою недурныя бібліотеки, которыми, впрочемъ, мало пользуются, ограничиваясь газетами. («Нечего удивляться тому, что человекъ, послѣ длинной, верѣдько утомительной дневной работы, предпочитаетъ спокойный разговоръ съ друзьями или партію на билліардѣ размышленію надъ сухою и часто дурно напечатанною книгою»).

Матеріальный и культурный успѣхъ рабочихъ клубовъ въ Англіи объясняется общимъ фономъ ея жизни и демократической системою ихъ управленія, тѣсно связывающей ихъ членовъ на почвѣ общихъ, выдвигающихся изъ узкаго круга дневныхъ занятій интересовъ. Последнее обстоятельство даетъ ключъ къ пониманію и того, почему несмотря на преслѣдуемыя ими простыя, матеріальныя цѣли, они, на ряду съ другого типа общественными союзами, являются крайне важными и полезными въ жизни страны учрежденіями.

Естественно поставить вопросъ, могли ли бы рабочіе клубы имѣть шансы развитія у насъ. Отвѣтъ на это, вѣроятно, долженъ быть утвердительный, съ указаніемъ, однако, на то, что у насъ гораздо больше долженъ быть выдвинутъ, на основаніи сказаннаго выше, образовательный элементъ. Не развивая этой темы, укажемъ на высказанный въ русскомъ предисловіи по этому вопросу отвѣтъ, который нельзя не признать узкимъ. Г. Озеровъ прежде всего суживаетъ задачу такихъ клубовъ въ Россіи до борьбы съ кабакомъ (тогда какъ у насъ ее, несомнѣнно, надо поставить шире) и обращаетъ съ надеждою свой взоръ на циркуляры министерства финансовъ по главному управленію неовладѣтыхъ сборовъ объ устройствѣ чайныхъ, которыя должны «представлять собою нѣчто въ родѣ народныхъ клубовъ, съ тѣмъ лишь, что для потребленія здѣсь могутъ быть напитки только не хмѣльные». Первоначально и англійскіе клубы основаны были для борьбы съ пьянствомъ и не держали у себя спиртныхъ напитковъ; но «рабочіе не стремились поступать въ клубъ воздержанія или, если и поступали туда, то уходили изъ состава членовъ, когда клубъ терялъ характеръ новизны. Ограничительныя продажи возбуждающихъ напитковъ были, поэтому, отмѣнены, и клубное движеніе приобрѣло крѣпость и жизнєнность». Теперь пьянство въ англійскихъ клубахъ встрѣчаетъ препятствіе лишь въ чувствѣ достоинства членовъ и въ имѣющихся въ уставахъ мѣрахъ противъ злоупотребляющихъ спиртными напитками лицъ.

Б. В.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

«Труды прѣсноводной биологической станціи». — «Энтомологическій календарь для садоводовъ». — «Почвовѣдніе. Периодическое изданіе». — В. А. Короваевъ. «Побѣдка на островъ Яву».

Труды прѣсноводной биологической станціи Императорскаго С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. Томъ I. С.-Петербургъ. 1901 г. Цѣна 3 р. (Вырученная отъ продажи сумма цѣликомъ поступаетъ въ капиталъ станціи). На обложкѣ изящной и превосходно изданной книги мы видимъ рисунокъ какого то внушительнаго зданія, надъ которымъ развѣвается флагъ. Это Бологовская биологическая станція, устроенная нашими извѣстными учеными, проф. И. П. Бородинымъ и академикомъ Воронинимъ. Въ книгѣ, о которой мы здѣсь говоримъ, сначала излагается подробно исторія возникновенія станціи и ея современное положеніе, а затѣмъ напечатаны десятокъ изслѣдованій по флорѣ, фаунѣ, анализу воды и описанію различныхъ особенностей Бологовскаго озера.

Мѣстность, избранная для основанія прѣсноводной станціи, во многихъ отношеніяхъ представляется весьма удобной — прекрасное сообщеніе съ обшчимъ столицами, близость станціи ж. д., наконецъ, богатство флоры и фауны Бологовскаго озера. Бологовская, или какъ можно ее назвать Бородинская станція, такъ какъ она обязана своимъ существованіемъ, главнымъ образомъ, энергіи проф. И. П. Бородина, не является первой въ Россіи, но во всякомъ случаѣ занимаетъ теперь одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ по своему научному значенію и тѣмъ удобствамъ, которыя она можетъ предоставить молодымъ ученымъ. Многіе ученые, и преимущественно молодые, уже воспользовались услугами станціи и работали на ней болѣе или менѣе продолжительное время. Больше всѣхъ поработалъ, кажется, Л. А. Ивановъ, большая и интересная статья котораго подъ заглавіемъ «Наблюденія надъ водной растительностью озерной области» помѣщена въ разсматриваемой книгѣ. Послѣ подробнаго физико-географическаго очерка озера, Л. Ивановъ описываетъ распредѣленіе растительности въ озерѣ, а затѣмъ даетъ списокъ 438 видовъ водорослей, встрѣчающихся въ озерѣ, описываетъ новые виды и въ заключеніе говоритъ о формаціяхъ водорослей. Эта статья представляетъ интересъ для очень широкаго круга читателей и представляетъ весьма цѣнный трудъ.

Кромѣ Л. А. Иванова, на станціи работали еще многіе молодые ботаники и зоологи. Въ разсматриваемой книгѣ помѣщены еще статьи В. Н. Любиенко, В. Траншеля, д-ра Э. Цикендрота, С. Аверинцева, А. Ляпко, В. Плотникова, Н. Холодковского, Л. Михайлова, Т. Кучерова и Н. Апацикова, большей частію съ рисунками или картами. Особенной полнотой отличаются списокъ грибовъ, составленный В. Э. Траншелемъ, и списокъ протѣйшихъ животныхъ, составленный г. Аверинцевымъ.

Пожелаемъ въ заключеніе возможно широкаго распространенія «Трудамъ» станціи — это будетъ способствовать вмѣстѣ съ тѣмъ и поднятію еще необеспеченнаго матеріальнаго положенія станціи, такъ какъ вся вырученная отъ продажи сумма поступаетъ цѣликомъ въ капиталъ станціи. *Б. Федченко.*

Энтомологическій календарь для садоводовъ. Составилъ С. А. Мокржецкій, энтомологъ таврическаго земства. Изданіе Таврической губернской земской управы. Симферополь. 1900. Цѣна 20 к. Таврическое земство давно уже извѣстно своей широкой и разносторонней дѣятельностью на пользу мѣстному населенію. Такъ, между прочимъ, въ таврическомъ земствѣ имѣется естественно-историческій музей, имѣется и должность губернскаго энтомолога, каковымъ въ настоящее время состоитъ г. Мокржецкій. Имѣя въ виду, что одно

*

изъ главныхъ богатствъ Крыма—плодовые сады, г. Мокржецкій обратилъ особое вниманіе на борьбу съ вредными насѣкомыми, нападающими на плодовые деревья. Чтобы дать возможность хозяевамъ своевременно прѣмѣнять необходимыя мѣры, онъ сталъ съ 1899 г. ежемѣсячно печатать въ «Запискахъ» Симферопольскаго Отдѣла Общ. Садов. и «Листкѣ» объявленій таврическаго земства свой календарь для садоводовъ. Этотъ «Календарь» содержитъ дѣйствительно массу полезнѣйшихъ свѣдѣній, необходимыхъ для всякаго южно-русскаго садовода, и потому, по постановленію таврическаго губернскаго собранія, былъ изданъ отдѣльной брошюрой, для раздачи крестьянскому населенію.

Издана книжка довольно опрятно, только опечатокъ въ ней, къ сожалѣнію, много.

Б. Федченко.

Почвовѣдѣніе. Периодическое изданіе почвенной комиссіи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, подъ редакціей П. В. Отоцкаго. Годъ третій. Подписная цѣна 5 р. въ годъ, съ пересылкой и доставкой. Въ послѣднее время у насъ начинаютъ появляться научныя периодическія изданія, посвященныя какой-либо одной отрасли науки, тогда какъ раньше старались въ одну и ту же книжку какихъ-нибудь «Записокъ» или «Извѣстій» помѣстить статьи самаго разнообразнаго содержанія. Упомянемъ «Этнографическое обозрѣніе», «Землевѣдѣніе», журналы уже нѣсколько лѣтъ выходящіе въ Москвѣ. Къ числу такихъ же специальныхъ журналовъ относятся и «Почвовѣдѣніе», издаваемое почвенной комиссіей Вольнаго Экономическаго Общества, при содѣйствіи редакціоннаго комитета изъ двѣнадцати специалистовъ по почвовѣдѣнію и соприкасающимся наукамъ, подъ общей редакціей секретаря комиссіи П. В. Отоцкаго.

«Почвовѣдѣніе» вступило въ третій годъ существованія и можно надѣяться, что дальнѣйшая судьба его благодаря нѣкоторой поддержкѣ министерства земледѣлія, болѣе или менѣе обезпечена.

Внѣшность изданія чрезвычайно изящная, обложка, бумага, печать—все это почти безукоризненно и производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Обращаясь къ содержанію журнала, скажемъ прежде всего, что книжка распадается обыкновенно на три отдѣла—оригинальныя статьи, бібліографія и хроника. Въ отдѣлѣ оригинальныхъ статей помѣщались и помѣщаются статьи русскіхъ почвовѣдцевъ, преимущественно Докучаевской школы. Всѣ эти статьи написаны по русски, нѣкоторыя изъ нихъ снабжены нѣмецкими резюме. Въ послѣдней (январской 1901 г.) книжкѣ помѣщена также и статья нѣмецкаго проф. Э. Раммана «О почвенноклиматическихъ зонахъ Европы», причѣмъ кромѣ русскаго перевода, почему-то напечатанъ тутъ же и нѣмецкій оригиналъ. Изъ другихъ оригинальныхъ статей послѣдней книжки журнала остановимся еще на интересной замѣткѣ Г. И. Танфильева, рассказывающей о произведенномъ имъ опытѣ переноса небольшого участка степи въ С.-Петербургъ, именно въ Императорскій ботаническій садъ.

Въ первомъ же отдѣлѣ журнала помѣщаются время отъ времени и критическія замѣтки—такъ напр. разборъ работъ г. Фирсова, сдѣланный проф. Главной. Можно было бы посоветовать только нѣсколько болѣе спокойный тонъ для критическихъ статей по вопросамъ столь сложнымъ и запутаннымъ, каковыя являются вопросы почвовѣдѣнія.

Второй отдѣлъ журнала посвященъ бібліографіи, причѣмъ вновь появившіяся работы по почвовѣдѣнію, русскія и иностранныя, отчасти подробно реферировуются, отчасти же только перечисляются.

Въ отдѣлѣ хроники журналъ знакомитъ читателя со всѣми болѣе выдающимися фактами, такъ или иначе касающимися почвовѣдѣнія. Здѣсь мы находимъ некрологи нѣсколькихъ русскіхъ ученыхъ, занимавшихся почвовѣдѣніемъ. Такъ, въ послѣдней книжкѣ журнала помѣщены некрологи (съ портретами) академика

С. И. Боржинскаго и Н. М. Сибирцева; затѣмъ, тутъ же помѣщены статьи о дѣятельности различныхъ учреждений, имѣющихъ соприкосновеніе съ почвовѣдніемъ—въ особенности же почвенной комиссіи. *Б. Федченко.*

В. А. Короваевъ. *Поѣздка на островъ Яву. (Впечатлѣнія натуралиста).* Мѣвъ. 1900. Цѣна 2 р. Роскошный тропическій міръ манитъ всякаго натуралиста, а островъ Ява совмѣщаетъ въ себѣ со всѣми чудесами тропической природы еще очень важныя удобства—возможность работать въ хорошихъ лабораторіяхъ, и изучать природу не только дикую, но и въ благоустроенномъ ботаническомъ саду. Съ каждымъ годомъ все больше и больше ученыхъ получаютъ возможность попасть на Яву, отчасти благодаря правительственнымъ субсидіямъ, которыя для этой цѣли устроены въ нѣкоторыхъ государствахъ. Большею частью, ученые; побывавшіе на Явѣ, не ограничиваются описаніемъ однихъ лишь научныхъ результатовъ путешествія, а дѣлятся и съ большою публикой своими впечатлѣніями, въ той или иной формѣ. За это конечно, нельзя не быть благодарнымъ путешественникамъ.

Въ своей книгѣ г. Короваевъ вкратцѣ описываетъ свой переѣздъ отъ Одессы до Цейлона, Сингапура и Явы, а затѣмъ подробно останавливается на описаніи природы и населенія Явы, какъ болѣе низкихъ ея областей, такъ и горной части ея. Въ общемъ, книга хорошо знакомитъ съ природой и жителями Явы и читается довольно легко. Приложены великолѣпныя фототипіи съ видами первобытнаго лѣса Явы и нѣкоторыхъ частей ботаническаго сада Бейтензорга; большая часть этихъ фототипій заимствована изъ великолѣпнаго альбома in folio видовъ Бейтензорга. *Б. Федченко.*

МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА.

Левъ Бертенсонъ. «Лѣчебныя воды, грязи и морскія купанія въ Россіи и за границей».—*С. Розе.* «Уходъ за зубами и полостью рта».—*Н. Мейтинъ.* «Курсъ фармакогнозіи».—*Ф. Штѣръ.* «Учебникъ гистологіи».—*В. Никитинъ.* «Очеркъ частной терапіи».

Левъ Бертенсонъ. Лѣчебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за границей. Классификація, химическій составъ, дѣйствіе и показанія къ употребленію. Путеводитель по лѣчебнымъ мѣстностямъ. 4-е совершенно переработанное и значительно дополненное изданіе. Спб. 1901 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 6 р. 80 коп.

Уже одно появленіе книги 4-мъ изданіемъ показываетъ, что въ-такого рода научно-справочномъ изданіи существуетъ большая потребность. Въ настоящемъ своемъ изданіи книга совершенно переработана, а многія главы, какъ «лѣчебныя воды», «мышьяковистыя воды», «песочныя ванны», «лѣченіе болѣзней сердца и сосудовъ» и другія появляются впервые.

Физиотерапія, т.-е. лѣченіе болѣзней физическими средствами, пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ среди врачей и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо пользуется довѣріемъ и у публики. На протяженіи второй половины XIX вѣка у насъ прилагались усилія для распространенія убѣжденія о пользѣ лѣченія минеральными водами и въ этомъ направленіи много сдѣлали такіе талантливыя клиницисты и преподаватели, какъ покойные Э. Э. Эйхвальдъ, Г. А. Захарьинъ и др. Изъ ихъ школъ выходили врачи, воочію убѣждавшіеся въ пользѣ минеральныхъ водъ и содѣйствовавшіе успѣху разныхъ водъ, грязей и т. д. и у публики. Далѣе, въ виду обилія у насъ разнаго рода минеральныхъ богатствъ, источниковъ и т. п., вопросъ о минеральныхъ водахъ, о благоустроенныхъ курортахъ имѣетъ особенное значеніе въ Россіи. Въ послѣднее

время дѣлаются попытки для улучшения нашихъ курортовъ, но имъ еще далеко до любого, даже не прославившагося европейскаго курорта.

Книга д-ра Бертенсона предназначена прежде всего для врачей и, конечно, всецѣло для нихъ написана вся первая часть книги, посвященная оцѣнкѣ всякаго рода водъ, лѣчебныхъ грязей, морскихъ купаній, показаніямъ и противопоказаніямъ къ назначенію ихъ. Вторая часть—путеводитель по всѣмъ этимъ мѣстамъ—имѣетъ большой интересъ и для широкой публики, желающей лично нѣсколько разобраться въ вопросѣ о томъ, гдѣ и какъ лучше поправлять свое разстроенное здоровье. Эта вторая, педагогически составленная часть, даетъ драгоценныя свѣдѣнія о всякомъ источникѣ, о всякомъ мѣстѣ, гдѣ примѣняется тотъ или другой физическій способъ лѣченія. Такъ какъ путеводитель имѣлъ въ виду тѣ мѣста, гдѣ имѣются какіе-либо источники или гдѣ существуютъ морскія купанья, то собственно климатическія станціи въ немъ не упоминаются, хотя почти всѣ южныя приморскія климатическія курорты и нѣкоторыя изъ горныхъ климатическихъ станцій нашли себѣ мѣсто въ путеводителѣ, такъ какъ тамъ имѣются и лѣчебные источники.

Для врачей имѣетъ еще громадное значеніе приложенный въ концѣ книги перечень литературы по данному вопросу, занимающій около 50 стр. мелкаго шрифта этой большой по объему книги.

Врачъ В. Б—з.

Уходъ за зубами и полостью рта. Руководство составленное д-ромъ медицины С. Röse. Переводъ д-ра медицины П. Н. Булатова. Съ 38-го рисунками. Спб. 1901 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 60 коп. Въ нашемъ обществѣ замѣчается въ настоящее время нѣкоторый интересъ къ гигиенѣ полости рта. У насъ изслѣдованіе зубовъ дѣтей школьнаго возраста показываетъ, что у огромнаго большинства дѣтей зубы испорчены, что необходимость ухода за ними большинству неизвѣстно. Общество охраненія народнаго здравія, въ отдѣлѣ школьной гигиены, образовало особую комиссію подъ предѣдательствомъ проф. А. К. Лимберга для выработки мѣръ къ установкѣ и улучшенію зубо-врачебнаго надзора въ школахъ. Въ то время какъ уходъ, по крайней мѣрѣ, за видимой частью кожи сдѣлался для культурнаго общества обязательнымъ, уходъ за зубами, этимъ первымъ этапомъ пищеварительнаго тракта, многими считается излишнимъ. Дорожатъ еще до нѣкоторой степени передними зубами, такъ какъ ихъ потеря видна для глаза, и совершенно игнорируются коренные зубы, роль которыхъ при пережевываніи пищи особенно важна. По справедливому замѣчанію д-ра Röse, процвѣтаніе человѣка зависитъ не отъ количества введенной, а отъ количества переваренной пищи, а пословица гласитъ, что то, что хорошо разжевано, на половину усвоено.

Мы настоячиво рекомендуемъ брошюру д-ра Röse вниманію читателей, въ особенности учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ, которые извлекутъ изъ этой прекрасно-изданной и хорошо переведенной книжки много полезныхъ свѣдѣній для сообщенія ихъ своимъ воспитанникамъ. Съ большой пользой для себя прочтеть книжку и всякая мать, дорожащая здоровьемъ своихъ дѣтей и желающая уже съ дѣтства внушить имъ любовь къ чистотѣ, порядку и способамъ сохраненія здоровья.

Врачъ В. Б—з.

Курсъ фармакогнози. Н. Ф. Ментина, проф. Варшавскаго университета. Второе изданіе, просмотрѣнное и значительно дополненное А. Гинзбергомъ, преподавателемъ женскаго медицинскаго института. С.-Петербургъ. 1901 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 3 руб. 60 к.

Учебникъ гистологіи и микроскопической анатоміи человѣка съ включеніемъ микроскопической техники. Д-ра Филлиппа Штера, проф. анатоміи въ Вюрцбургѣ. Переводъ А. Кулябко, подъ редакціей проф. А. С. Догеля. С.-Петербургъ. 1901 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 4 р. 50 к.

Очерки частной терапіи болѣзней внутреннихъ органовъ. Проф. В. Н. Никитина. С.-Петербургъ. 1901 г.

Краткое руководство къ физиолого-химическому анализу, примѣнительно къ клиническимъ потребностямъ. Carl's Orrenheimer'a Переводъ подъ редакціей съ измѣненіями и дополненіями С. С. Салазкина, проф. въ женскомъ мед. институтѣ. С.-Петербургъ. 1901 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 1 руб. Мы можемъ только отмѣтить на страницахъ нашего журнала появленіе всѣхъ вышеназванныхъ книгъ, обогащающихъ въ разныхъ направленіяхъ нашу медицинскую литературу, но, по своему спеціальному значенію для врачей и изучающихъ медицину, не представляющихъ интереса для большого круга читателей. Какъ и всѣ изданія К. Л. Риккера, означенныя книги изданы прекрасно, равно какъ хорошо изданы также лекціи В. Н. Никитина.

В. Б.—кз.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

С. Князьковъ. «Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право».—А. Кизеветтеръ. «Петръ Великій за границей».—А. Ш. «Рабство въ древнемъ Римѣ».—В. Фромъ, «Завоеваніе Мексики».

С. Князьковъ. Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право. Историческій очеркъ. Подъ редакціей А. А. Кизеветтера. Спб. 1900 г. Стр. 123. Цѣна 15 коп. Изданіе книжнаго магазина С. Курнмъ и №. Ко дню сорокалѣтія со времени паденія крѣпостного права въ Россіи естественно было-бы ожидать появленія нѣсколькихъ популярныхъ книжекъ, посвященныхъ этому знаменательному событію. Однако ожиданіе это оказалось напраснымъ, такъ какъ книжка г. Князькова, «Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право», вышедшая въ свѣтъ къ этому времени, остается чуть-ли не единственной. Правда, имѣющіяся въ большомъ количествѣ народныя изданія, посвященныя исторіи царствованія императора Александра II, касаются также и крестьянской реформы, но лишь мимоходомъ и исключительно въ панегирическомъ тонѣ. Большинство популярныхъ книжекъ по русской исторіи, особенно предназначенныхъ для народа, пользуются для исторіи крѣпостного права, однимъ устарѣвшимъ шаблономъ, не имѣющимъ ничего общаго съ научными данными. Книжка г. Князькова далека отъ подобнаго шаблона. Это прежде всего серьезный трудъ, составленный по научнымъ историческимъ изслѣдованіямъ и притомъ редактированный извѣстнымъ ученымъ г. Кизеветтеромъ. Уже въ началѣ книжки г. Князьковъ выставляетъ слѣдующее положеніе: «Какъ и все въ человѣческой жизни, крѣпостное право сложилось не сразу, а выросло понемногу, постепенно, и въ своемъ развитіи пережило не одну ступень». Исторію этого постепеннаго развитія крѣпостного права онъ и излагаетъ въ своемъ очеркѣ, который начинается со времени образованія Московскаго государства и раздѣленія населенія на служилыхъ и тяглыхъ людей. Начало прикрѣпленія крестьянъ—свободныхъ и полноправныхъ по закону арендаторовъ чужой земли—коренится въ ихъ задолженности землевладѣльцамъ и въ стремленіи правительства обезпечить себѣ уплату податей и службу служилыхъ людей. Разсмотрѣвъ затѣмъ (гл. II) значеніе Смутнаго времени для дальнѣйшаго прикрѣпленія крестьянъ, авторъ останавливается на тѣхъ противорѣчіяхъ въ положеніи крестьянъ, какія созданы были закономъ съ одной стороны и дѣйствительной жизнью—съ другой,—противорѣчіяхъ, вызывавшихъ бѣгство и бунты крестьянъ и дальнѣйшія мѣры правительства по пути обращенія крестьянъ въ рабство. Въ слѣдующей главѣ (III) авторъ подробно разсматриваетъ дальнѣй-

пую еволюцію крѣпостнаго права въ XVIII вѣкѣ: мѣры Петра Великаго и его преемниковъ, направленные къ усиленію платежныхъ и военныхъ силъ государства путемъ окончательнаго порабощенія крѣпостныхъ. Далѣе авторъ даетъ характеристику крѣпостнаго права въ его полномъ развѣтѣ: произволь въ распоряженіи личною крѣпостнаго, наказанія, торговля людьми, личная служба дворовыхъ, оброчное и барщинное хозяйство и т. п. Въ заключеніе онъ сообщаетъ объ отношеніи самихъ крѣпостныхъ къ своему положенію и о попыткахъ правительства Екатерины II къ смягченію его. Въ слѣдующей IV главѣ г. Бнязьковъ рассматриваетъ вопросъ о вліяніи крѣпостнаго права на ходъ русской жизни: вліяніе экономическое выражалось въ упадкѣ сельскаго хозяйства, въ застоѣ промышленности и торговли, въ скудости государственнаго бюджета и т. п., вліяніе общекультурное отразилось на исторической «розни между мужикомъ и баринномъ», сохранившейся и до сихъ поръ. По мнѣнію автора, «только равномерное распространеніе просвѣщенія можетъ сгладить указанную рознь и объединить всѣхъ русскихъ людей на общую ихъ пользу и счастье родины» (стр. 80). Все вмѣстѣ взятое воздѣйствовало на общество и подготовляло мысль о возможности не только смягченія, но и уничтоженія крѣпостнаго права. Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ: «Жизнь, независимо отъ всякихъ разсужденій, сама создавала понемногу паденіе крѣпостнаго права, и самые толки о возможности и необходимости отиѣны его являлись только слѣдомъ ея невидимой работы» (стр. 81—82). Для характеристики помѣщичьяго быта (глава V) авторъ пользуется, между прочимъ, выдержкой изъ «Помѣщичьей старины» Салтыкова. Крѣпостное право, достигшее апогея къ XIX вѣку, «падаетъ само собой, гниетъ въ корнѣ, разрушается отъ своихъ собственныхъ послѣдствій». Задолженность помѣщиковъ, уменьшеніе числа ихъ, увеличивающаяся дороговизна дарового труда, уменьшеніе числа крѣпостныхъ, слабая платежеспособность населенія—все это вмѣстѣ приводило правительство къ необходимости внимательства во взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. Рядъ правительственныхъ мѣръ, послѣдовавшихъ съ начала XIX вѣка, голоса лучшихъ представителей литературы, настроеніе помѣщиковъ и особенно самихъ крѣпостныхъ—все это съ большимъ вниманіемъ пересматривается г. Бнязьковымъ, какъ провозвѣстники приближающейся реформы. Исторія проведенія самой реформы г. Бнязьковъ удѣлилъ сравнительно немного мѣста. Онъ вкратцѣ сообщаетъ о первыхъ шагахъ по подготовкѣ реформы, объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ комиссій, указываетъ главныхъ дѣятелей реформы и основныя положенія ея, разбираетъ преобладающія мнѣнія комитетовъ и комиссій. Книга заканчивается разборомъ Положенія 19-го февраля по тремъ главнымъ его отдѣламъ: личныя права крестьянъ, условія надѣленія землей и выкупа надѣловъ и условія крестьянскаго самоуправленія. О размѣрахъ надѣловъ и особенно объ исчисленіи выкупныхъ платежей г. Бнязьковъ сообщаетъ слишкомъ мало и недостаточно ясно и ничего не сообщаетъ о даровыхъ или нищенскихъ надѣлахъ, о чемъ слѣдуетъ очень пожалѣть. Разборъ Положенія заканчивается выдержкой изъ манифеста 19-го февраля и слѣдующимъ заключеніемъ автора: «свободный, самостоятельный трудъ крестьянина на собственной его землѣ долженъ стать основой общественно-хозяйственнаго строя Россіи».

Изложенное вкратцѣ содержаніе книги г. Бнязькова показываетъ, съ какимъ богатымъ матеріаломъ будетъ имѣть дѣло читатель. Матеріаль этотъ переданъ съ полной серьезностью и объективностью, причѣмъ во всей книгѣ красной нитью проводится мысль, что экономическія условія и обычныя формы ведутъ за собой юридическія, что жизнь творитъ законы, а не наоборотъ. Все вмѣстѣ взятое дѣлаетъ книгу г. Бнязькова очень дѣльной и выгодно выдѣляетъ ее въ ряду другихъ историческихъ книгъ для народа.

Нужно признать, однако, что изложеніе г. Князькова не отличается ни живостью, ни яркостью; это особенно можно сказать о двухъ первыхъ и двухъ послѣднихъ главахъ; обильныя выдержки изъ источниковъ—образцы порядной, уставной и другихъ грамотъ, отрывки изъ сочиненій очевидцевъ и современниковъ не вездѣ способствуютъ оживленію разсказа; въ началѣ книги они скорѣе даже затрудняютъ чтеніе, благодаря малопонятнымъ словамъ, какъ, напр., *нослухъ*, *язъ* и др. Лучшими по изложенію нужно признать главы III, IV и V, особенно тамъ, гдѣ авторъ описываетъ проявленія крѣпостного права. Чтеніе книги г. Князькова затрудняется еще употребленіемъ такихъ историческихъ терминовъ, которые могутъ быть знакомы лишь немногимъ читателямъ изъ народной среды; напримѣръ: «безчестье» (безчестье гостя стѣдило 50 р.), «приказъ» (холопій приказъ) и др. Книжка г. Князькова въ общемъ проредаети вана очень внимательно, но несмотря на это, въ ней встрѣчаются мѣста, возбуждающія въ читателѣ не малое недоумѣніе. Такъ, напримѣръ, говоря (на стр. 39) объ обычныхъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью надъ крѣпостными крестьянами, г. Князьковъ приводитъ разсказъ современника о томъ, что «бояре дворовыхъ дѣвокъ... выдаютъ замужъ черезъ неволю за своихъ дворовыхъ людей». Рѣчь тутъ идетъ о XVII вѣкѣ, когда подъ дворовыми разумѣлись не крѣпостные, а холопы. Это подтверждаетъ и самъ авторъ на стр. 43, говоря: «Такіе холопы земледѣльцы... обрабатывали его дворовую землю и потому назывались «дворовыми» или «дѣловыми людьми», страннымъ образомъ не замѣчая противорѣчія самому себѣ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 73), говоря о вліяніи крѣпостного права на ухудшеніе обработки хлѣба, приводившее къ паденію торговли имъ, г. Князьковъ подтверждаетъ свою мысль слѣдующимъ соображеніемъ: «Къ чему привело постоянное ухудшеніе качества русскаго хлѣба и дороговизна его, извѣстно всѣмъ. До 60-хъ годовъ XIX вѣка русскимъ хлѣбомъ кормилась почти вся Западная Европа, теперь же нашъ хлѣбъ вытѣсненъ со многихъ европейскихъ рынковъ американскимъ, который, благодаря хорошей обработкѣ, и лучше качествомъ, и стоитъ дешевле, несмотря на дальность перевоза» (курсивъ нашъ). Другими словами: при крѣпостномъ правѣ (до 60-хъ годовъ) обработка хлѣба была лучше и стоилъ онъ дешевле, почему имъ и кормилась почти вся Западная Европа, послѣ же реформы (теперь же) обработка стала хуже и нашъ хлѣбъ вытѣсненъ американскимъ. Едва ли авторъ имѣлъ въ виду утверждать чтонибудь подобное, а потому тутъ очевидно кроется какое-то недоразумѣніе. Напрасно также г. Князьковъ, разсказывая о вліяніи крѣпостного права на состояніе русской промышленности, не воспользовался цѣнными данными о дореформенныхъ фабрикахъ и о попыткахъ замѣны крѣпостного труда вольнонаемнымъ изъ изслѣдованія г. Тугана - Барановскаго («Фабрика»). Притомъ же г. Князьковъ въ своей книжкѣ почему-то даже не упоминаетъ о существованіи крестьянъ посессионныхъ.

Съ внѣшней стороны, книжка г. Князькова издана хорошо и снабжена нѣсколькими портретами дѣятелей реформы. Напечатана она почти безъ опечатокъ, но зато пропущенныя опечатки имѣютъ значеніе и требуютъ непремѣннаг^о исправленія, такъ какъ искажаютъ смыслъ текста: см. стр. 111 первая строк^а и стр. 120 «волостной судъ» вмѣсто «волостной сходъ». Нельзя ещѣ не замѣтить, что заглавіе книги является какъ бы не оконченнымъ, такъ какъ при чтеніи его невольно является вопросъ: гдѣ? Въ виду того, что въ заглавіи не сказано, что рѣчь будетъ идти лишь о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, и въ текстѣ книги тоже нигдѣ не упоминается о существованіи крѣпостного права въ прошломъ и въ другихъ государствахъ, у читателя, не получившаго историческаго образованія, можетъ образоваться невѣрное представленіе, будто бы крѣпостное право было лишь въ Россіи и нигдѣ больше.

Подводя итоги всему сказанному о трудѣ г. Князькова, слѣдуетъ признать,

что указанные недосмотры не имѣютъ особеннаго значенія и что въ общемъ книжка г. Князькова является весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу для народа, по исторіи же крѣпостного права и реформы 1861 г. единственной заслуживающей самаго широкаго распространенія.

М. Б.

А. А. Кизеветтеръ. Петръ Великій за границей. Москва, 1900 г. Изд. кн. маг. торг. дома Стахановъ, Курнинъ и №. Стр. 24. Цѣна 10 к. Книжка о путешествіи Петра Великаго за границу составлена г. Кизеветтеромъ, тѣмъ самымъ, подъ редакціей котораго издана и книжка г. Князькова. Это даетъ основанія надѣяться встрѣтить въ книгѣ серьезныя, не фальсифицированныя кваснымъ патріотизмомъ, свѣдѣнія по родной исторіи. Разсказъ о пребываніи Петра Великаго за границей написанъ живо и интересно, такъ что, несмотря на свои небольшие размѣры даетъ достаточно свѣдѣній, чтобы могучій образъ царя-работника ярко вырисовывался передъ глазами читателей. Книжка г. Кизеветтера, сообщая лишь объ одномъ характерномъ эпизодѣ изъ исторіи царствованія Петра Великаго, не можетъ дать, конечно, знакомства съ другими, но она навѣрное заинтересуетъ читателя и можетъ побудить его приступить къ чтенію другихъ книгъ по русской исторіи. Было бы очень желательно, чтобы г. Кизеветтеръ дополнилъ составленную имъ книжку о путешествіи Петра Великаго разсказами о другихъ событіяхъ его царствованія. Книжка «Петръ Великій за границей» одинаково интересна и доступна взрослому читателю изъ народной среды, не получившему школьнаго образованія, и ученику низшей или средней школы. Издана книжка хорошо, снабжена двумя рисунками, но цѣна ея 10 коп.—непомѣрно велика.

М. Б.

А. Ш. Рабство въ древнемъ Римѣ. «Новая бібліотека». Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Москва 1901 г. стр. 41 + III. Цѣна 10 коп. Книжка А. Ш. является совершенной новинкой въ нашей популярной литературѣ. Онъ трактуетъ вопросъ въ высшей степени интересный, но тѣмъ не менѣе совсѣмъ не использованный не только въ спеціально-народной, но и вообще въ популярной литературѣ—вопросъ о рабствѣ. Говоря лишь о рабствѣ въ Римѣ, какъ о наиболѣе развитомъ и вліятельномъ, г. А. Ш. справедливо отмѣчаетъ въ началѣ книги общераспространенность этого явленія и въ другихъ государствахъ. Основываясь на рядѣ солидныхъ источниковъ, перечисляемыхъ въ особомъ примѣчаніи на 1-й страницѣ, авторъ даетъ сначала очеркъ постепеннаго развитія рабства въ древнемъ Римѣ; при этомъ онъ перечисляетъ разнообразныя источники рабства, какъ-то: война, разбой, законъ о должникахъ, государственныя наказанія и т. п. и по пути приводитъ разсказъ Тита Ливія объ удаленіи пелеевъ на Священную гору. Затѣмъ онъ переходитъ къ описанію правового и экономическаго положенія рабовъ, (гл. II) подраздѣляемыхъ имъ на 3 категоріи: рабы частныхъ лицъ, рабы общественныя и рабы гладиаторы; тутъ же онъ вкратцѣ разсказываетъ о возстаніи Спартака. Въ главѣ III. озаглавленной: «Вліяніе рабства на нравственность различныхъ слоевъ общества», авторъ даетъ картину развращенности римскаго общества, начиная отъ самихъ рабовъ и ихъ хозяевъ и кончая императорскимъ престоломъ. Послѣдствія рабовладѣнія — презрѣніе къ труду, изнѣженность и распущенность, — расслабляли римское общество и готовили его паденіе. Это положеніе г. А. Ш. счелъ нужнымъ иллюстрировать разсказомъ естествоиспытателя Губера о муравьяхъ-войнахъ и муравьяхъ-работникахъ. Въ главѣ IV (послѣдней) авторъ говоритъ о вліяніи рабства на благосостояніе народа въ римской имперіи, о положеніи городского и сельскаго пролетаріата и о постепенномъ паденіи рабства путемъ перехода его въ крѣпостную зависимость (колонаты) и истощенія источниковъ его. Эту главу слѣдуетъ признать изъ всей книжки наименѣе удачной: автору не удалось дать сколько-нибудь цѣльнаго и яркаго представленія о причинахъ паденія рабства и неизбѣжности этого паденія.

Серьезная по самому содержанию своему книжка г. А. Ш. и по изложенію не принадлежитъ къ числу легкихъ. Правда, рассказъ ведется довольно живо и интересно, но авторъ не избѣжалъ, да видимо и не старался избѣжать, отвлеченныхъ выраженій, научныхъ терминовъ и т. п. Уже въ самомъ началѣ книжки читатель наталкивается на такія слова, какъ «культура, явленіе, учрежденіе, компилятивный характеръ» и т. п. Правда, нѣкоторыя изъ трудныхъ словъ, по преимуществу термины и собственные имена изъ римской исторіи, обозначены въ текстѣ звѣздочкой, отсылающей читателя къ особому списку объясненій, приложенному въ концѣ книги. Въ общемъ слѣдуетъ признать, что книжка «Рабство въ древнемъ Римѣ», хотя и не требуетъ предварительнаго знакомства съ исторіей Рима, можетъ быть однако доступна лишь читателю, уже усвоившему привычку къ серьезному чтенію. Для такихъ читателей книжка г. А. Ш. несомнѣнно окажется интересной и поучительной, а для желающихъ заняться болѣе детальнымъ изученіемъ вопроса о рабствѣ, авторъ предлагаетъ въ концѣ книги списокъ книгъ на русскомъ языкѣ. *М. Б.*

Завоеваніе Мексики Фердинандомъ Кортесомъ. Составила Вѣра Фромъ. Москва 1900 г. Стр. 48. Цѣна 5 к.

Эпоха походовъ европейцевъ ради открытій и завоеваній въ Новый Свѣтъ представляетъ собою интересную, полную драматическихъ подробностей, странячку всемірной исторіи. Одинъ изъ эпизодовъ этой эпохи—завоеваніе Мексики Фердинандомъ Кортесомъ—и послужилъ темою рассказа г-жи Фромъ. Въ живыхъ и яркихъ краскахъ рисуетъ она оригинальную культуру Мексиканскаго государства, предпримчивость и отвагу вождя испанцевъ Кортеса, трагическую судьбу царя ацтековъ Монтесумы и т. п. Читатель съ большимъ интересомъ слѣдитъ за перипетіями борьбы «бѣлолицыхъ» съ индѣйцами и легко, какъ бы съ занимательной сказкой, знакомится съ описываемымъ историческимъ эпизодомъ. Этотъ сказочный тонъ придется очень по душѣ читателямъ подросткамъ, для которыхъ книжка г-жи Фромъ, наиболѣе подходит по своему характеру, но онъ уменьшитъ цѣнность книжки въ глазахъ взрослыхъ читателей. Рассказомъ г-жи Фромъ можно прекрасно воспользоваться для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ; какъ по характеру изложенія, такъ и по своимъ размѣрамъ она вполнѣ пригодна для этой цѣли, имѣвшей, повидимому, въ виду и самой соста вительницей, раздѣлившей книгу на 2 чтенія. *М. Б.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го мая по 15-ое іюня 1901 г.).

- Вл. Семеновъ. На дальнемъ востокѣ. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.
- В. В. Усовъ. Культура болотъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.
- Д-ръ Лепогорскій. Стоять ли выходить замужъ. Одесса. 1901 г. Ц. 25 к.
- М. С. Камневъ. Врачебная помощь рабочимъ на нѣкотор. фабр. Влад. губ. въ 1896—1898 г.
- С. Н. Кривенко. На Распутыи. М. 1901 г. Изд. Дароватовскаго и Чарушниковъ. Ц. 80 к.
- У. Вѣтринскій. «Божьи Дѣти». Сборникъ. Изд. то же. М. 1901 г. Ц. 7 коп.
- Ө. Павловъ. За десять лѣтъ практики. Изд. то же. Ц. 50 к.
- Ан. Гролова. На морскомъ берегу. М. Изд. «Посредника». Ц. 3 к.
- Ол. Кукулевскій. Оповідання про життя Кобааря. Кіевъ. 1901 г. Ц. 50 к.
- Н. Березинъ. Въ когтяхъ халифа. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.
2. Б. Огонскъ въ уголкѣ. Повѣсть. Спб. 1901 г.
- Кармень. «Дикари». Изд. Свистунова. Одесса. 1901 г. Ц. 35 к.
- Обзоръ Уфимск. губ. въ сельскохоз. отнош. за 1899—1900 г. Вып. II. Изд. Губ. Зем. Упр. Уфа. 1901 г. Ц. 1 р.
- Труды совѣщаній при Воронежск. Губ. Управд. Гг. Земскіяжъ врачей по вопросу орган. яслей-приютовъ. Воронежъ. Изд. Губ. Земства. 1901 г.
- Деревенскіе лѣтніе ясли-приюты въ Воронеж. губ. лѣтомъ 1900 г. Воронежъ. Изд. Губ. Зем. Ц. 50 к.
- Бог. Степанецъ. Забытыя семинаріи. М. 1900 г.
- Записка Перм. Губ. Земск. Управы. О мѣрахъ обезпеченія горнозаводск. насел. въ продовольствен. отношеніи. Пермь. 1901 г.
- И. Балталонъ. Воспитательное чтеніе, какъ основа препода. рус. яз. въ семьѣ и школѣ. М. 1901 г. Ц. 25 к.
- Ив. Комдорскій. О значеніи психич. факторовъ въ дѣлѣ возникнов. и теченія бѣлвѣя. Курскъ. 1901 г. Ц. 15 к.
- М. Чайковскій. Живнѣ П. И. Чайковскаго. Т. I. Вып. VII. Изд. Юргенсона. 1901 г. Ц. кажд. вып. 40 к.
- С. Е. Заринъ. Кирпичное производство. Спб. Изд. журн. «Сельское Хозяйство». Ц. 50 к.
- Е. М. Орловъ. Техническій анализъ. IV вып. Изд. К. Н. Тихомирова. М. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.
- З. Савеловой. Вязанье на спицахъ. Изд. то же Ц. 20 к.
- И. Селивановскій. Руководство къ приденью, тканью и бѣленью. Изд. то же. Ц. 20 к.
- Его же. Руководство къ щелочному производству. Изд. то же. Ц. 25 к.
- La Veuve. Les saçastères ou les mœurs. de ce siècle. Редактиров. П. Д. Первовъ. Изд. кн. магаз. Думнова. М. 1901 г. Ц. 35 к.
- В. Е. Романовскій. Педагогическіе этюды. Тифлисъ. 1901 г. Ц. 50 к.
- Сборникъ статистич. и справочн. свѣдѣн. по народн. образ. во Владим. губ. Вып. II и III. Изд. Губ. Зем. Упр. 1900 г.
- С. Н. Куляба. Общественно-этическія замѣтки. Изд. В. Ландъ и Д. Байкова. 1901 г. Ц. 30 к.
- 52 рецепта. Варка варенья, желе и марин. грибовъ. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.
- В. Шекспиръ. Король Іоаннъ. Драма въ 5-ти дѣйств. Перев. Дм. Мана. Спб. Изд. Суворина. Ц. 25 к.
- Касаткинъ. Перев. съ франц.: Мысли изрѣченія и поученія Ларошфуко. Изд. то же Спб. 1901 г. Ц. 15 к.
- Отчетъ 1-ой бесплатной Виленской чит-ни-библики Попеч. о народн. тревъ. 1900 г. Вильна. 1901 г.
- И. М. Перлинь. О военныхъ бесѣдахъ. Ахалцихъ. 1901 г.
- А. Смирновъ. Склирена. Истор. повѣсть. Спб. Изд. Суворина. 1901 г.
- Докт. Фишеръ. Что такое хирургія. М. 1901 г. Ц. 5 к.
- Его же. Что такое чахотка и какъ отъ нея уберечься. М. 1901 г. Ц. 5 к.
- Его же. Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка. М. 1901 г. Ц. 5 к.
- Его же. Что такое сифилисъ и какъ съ нимъ бороться. М. 1901 г. Ц. 5 к.
- Его же. Наши пять чувствъ. М. 1901 г. Ц. 5 к.
- Его же. Что такое яраза и какъ должно отъ нея оберегаться. М. 1901 г. Ц. 5 к.
- Его же. Какъ кровь движется по нашему тѣлу и какава намъ отъ нея польза. М. 1901 г. Ц. 5 к.
- Его же. Чѣмъ и для чего человѣкъ дышать. М. 1901 г. Ц. 5 к.
- Его же. Отъ чего болѣютъ и мрутъ наши дѣти. М. 1901 г. Ц. 5 к.
- Б. И. Ворогынскій. Истерія въ наукѣ и въ живни. Казань. 1901 г. Ц. 35 к.
- Отчетъ Совѣта Об-ва распростр. начальной образованія въ Нижегород. губ. 1900 г. Н.-Новгородъ. 1901 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Abdul Hamid intime*» par E. Dorys (Stock). Paris. (Абдуль Гамидъ въ частной жизни). Авторъ этого интереснаго очерка говоритъ, что въ такомъ государствѣ, какъ Турція, общественная жизнь находится всецѣло въ зависимости отъ частной жизни и характера монарха. Вся Турція—это не что иное, какъ тотъ же Ильдызъ-Кюскъ, гдѣ на все владеть свой отпечатокъ характеръ султана, въ которомъ преобладаютъ гордость, соединенная съ безграничною жестокостью и постоянный страхъ, доходящій до галлюцинаціи. Авторъ яркими чертами изображаетъ этотъ гнетущій страхъ, отъ котораго султанъ никогда не можетъ отдѣлаться и который дѣлаетъ его подозрительнымъ и отравляетъ ему существованіе. Очень интересны картины придворной и гаремной жизни и вообще турецкихъ нравовъ. Книга написана легкимъ увлекательнымъ языкомъ и составляетъ очень полезный вкладъ въ исторію XIX вѣка.

(Revue des Revues).

«*Die Frau als Industriearbeiterin*» Ein Beitrag zur Lösung der Arbeiterfrage. (A. Froeschel). Berlin. (Женщина, какъ промышленная работница). Брошюра посвящена, главнымъ образомъ, вопросу о фабричной работѣ замужнихъ женщинъ, возбуждающему такую горячую полемику въ германской печати. Авторъ склоняется въ пользу недопущенія замужнихъ женщинъ къ работѣ на фабрикахъ и доказываетъ вредное вліяніе фабричнаго труда на семью и физическое здоровье женщины.

(Berliner Tageblatt).

«*China and the Allies*» by A. Henry Savage Landon. With illustrations and Maps by the author. London. (William Heinemann) 2 vols. 30 s. (Китай и союзники). Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе описаніемъ боксеровъ; онъ рассказываетъ изъ происхожденія, исторію, обычаи и нравы и условія развитія боксерскаго движенія. Всѣ свои свѣдѣнія авторъ основываетъ на документахъ, собранныхъ имъ въ Китаѣ съ большимъ искусствомъ. Онъ при-

даетъ большое значеніе буддйскому духовенству въ развитіи боксерскаго движенія и во всѣхъ поступкахъ этого общества. Далѣе авторъ подробно рассказываетъ исторію событій въ сѣверномъ Китаѣ, включая убійство миссіонеровъ, бѣгство инженеровъ, миссіонеровъ и др., взятіе Тянь-Цзиня, экспедицію Саймура, осаду посольствъ и взятіе Пекина. Авторъ приѣхалъ въ Пекинъ вскорѣ послѣ того, какъ вспыхнуло возстаніе и лично участвовалъ во всѣхъ событіяхъ. вмѣстѣ съ русскими отрядами онъ вступилъ въ запретный городъ. Имѣя всегда при себѣ фотографическій аппаратъ, онъ воспроизвелъ всѣ событія и его снимки очень любопытны, такъ какъ даютъ понятіе о томъ, что дѣлалось въ Пекинѣ. Очень интересны описанія дворцовъ, въ которые до этого времени никогда не вступала нога европейца.

(Manchester Guardian).

«*The Evolution of Modern Money*» by William Warrand Carlile. London (Macmillan and Co). (Эволюція современной монеты). Книга эта представляетъ, главнымъ образомъ, историческое изслѣдованіе развитія монетной системы.

(Manchester Guardian).

«*Ein Jahr in England*» (1898—1899) von prof. Dr. L. Kellner. Stuttgart (Cotta). (Годъ въ Англіи). Въ этой книгѣ заключаются очерки англійской жизни, авторъ которыхъ очень увлекательно описываетъ социальные учрежденія Англій, женскій вопросъ, колониальное устройство, англійскую молодежь и ея наставниковъ, ежедневную жизнь въ Лондонѣ и его окрестности, театръ, литературные кружки и т. п.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Du Transvaal a l'Alaska*» par V. Ruggeri. Un volume suisse d'un vocabulaire esquiman. 3 fr. 50. (Plon). (Отъ Трансваала къ Аляскѣ). Эта книга можетъ служить прекраснымъ путеводителемъ въ полярныхъ областяхъ. Авторъ ея, смѣлый изслѣдователь, сообщаетъ очень любопытныя подробности о нравахъ обитателей

сѣверной Америки, сопровождая свой рассказъ точными историческими и географическими данными. Но главная цѣль заключается въ томъ, чтобы предостеречь путешественниковъ отъ увлеченія призракомъ золота и указать ему на трудности и опасности, которымъ подвергаются золотискатели въ такой области, гдѣ суровый климатъ, дикіе звѣри, и необычайныя трудности пути,—все это соединилось вмѣстѣ, чтобы воздвигнуть препятствія и увеличить затрудненія, которыя ожидаютъ отважнаго золотискателя въ Аляскѣ.

(Journal des Débats).

«*Chrétiens et Musulmans*» par L. de Coutenson. *Voyages et études 3 fr. 50.* (Христиане и мусульмане). Книга имѣетъ современный интересъ. Авторъ ея увлекаетъ за собою читателя на сѣверъ Сиріи, къ туркамъ и арабамъ, и въ Арменію, тотчасъ же послѣ извѣстій. Онъ изучаетъ азіатскую Турцію, ея будущее, панисламизмъ, роль христіанскихъ націй на востокахъ и состояніе мусульманскихъ народовъ. Авторъ анализируетъ нравственное, политическое и социальное положеніе исламизма и указываетъ на опасности, которыми онъ угрожаетъ христіанской и цивилизованной Европѣ.

(Journal des Débats).

«*La vie privée d'autrefois*» par Alfred Franklin; avec 12 gravures (Plon). Prix: 3 fr. 50. (Частная жизнь въ прежнія времена). Интересующіеся жизнью стараго Парижа найдутъ въ этой книгѣ очень много интересныхъ свѣдѣній о разныхъ сторонахъ парижской жизни въ прежніе времена. Авторъ предпринялъ научное и подробное изслѣдованіе искусства, ремесла, моды, нравовъ и обычаевъ парижанъ XVII и XVIII вѣка. Книга прекрасно иллюстрирована старинными гравюрами.

(Journal des Débats).

«*Australasia Old and New*» by I. Gratian Grey. London (Hader and Stoughton) Price: 7 s. 6 d. (Австралія, старая и новая). Авторъ этой книги прожилъ въ Новой Зеландіи больше 25 лѣтъ и поэтому былъ свидѣтелемъ ея быстрого развитія. Отдавая должное успѣхамъ, достигнутымъ Новой Зеландіей; авторъ все-таки бросаетъ нѣкоторую тѣнь на блестящую картину, которую обыкновенно рисуютъ всѣ приверженцы новозеландскихъ социальныхъ экспериментовъ. Во всякомъ случаѣ, книга заслуживаетъ вниманія, какъ безпристрастное изображеніе условій австралійской жизни.

(Manchester Tageblatt).

«*L'Art de la vie*» par R. de Marle la lavière. Paris. (Librairie académique Per-

rin et Co). (Искусство и жизнь). Талантливое изложеніе нравственныхъ правилъ и принциповъ, которые должны руководить дѣятелими человѣка. Авторъ поучаетъ читателя искусству жить, которое заключается въ соединеніи добра и красоты. Большое вниманіе авторъ удѣляетъ женской жизни и выясняетъ условія, которыя должны сдѣлать ее счастливою.

(Revue des Revues).

«*Sprache und Psychologie*» Beiträge zu einer kritik der Sprache. Erster Band., von Fritz Manthner. Stuttgart 1901. (Языкъ и психологія). Блестяще написанное изслѣдованіе, авторъ котораго обладаетъ громадною эрудиціей, соединенною съ фантазіей художника. Свой первый томъ авторъ посвящаетъ критикѣ человѣческой рѣчи и изслѣдуетъ ея вліяніе на образованіе понятій и мышленіе.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Public Relief of the poor*» by Thomas Mackay. London. (Loth Murray). (Общественная помощь бѣднымъ). Авторъ давно уже стяжалъ извѣстность, какъ изслѣдователь законодательства о бѣдныхъ и организациа общественной помощи. Въ своей книгѣ онъ печатаетъ шесть публичныхъ лекцій, произнесенныхъ имъ по вопросу о помощи бѣднымъ.

(Manchester Guardian).

«*Die Wirtschaft in Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft. Mit 130 Tabellen und vergleichenden Uebersichten, von R. E. May.* Berlin. 1901. Preis 10 m. (Akademischer Verlag für Sociale Wissenschaften). (Народное хозяйство въ прошломъ, настоящемъ и въ будущемъ). Въ этой книгѣ разсматривается народное хозяйство исключительно только съ практической точки зрѣнія, безъ всякаго отношенія къ какимъ-либо политико-экономическимъ теоріямъ. Свои выводы авторъ основываетъ на массѣ фактическаго матеріала, который онъ собралъ и классифицировалъ въ своемъ сочиненіи.

(Frankfurt. Zeitung).

«*La réforme de l'enseignement par la philosophie*» par Alfred Fouillée (A. Colin). (Реформа образованія посредствомъ философіи). Девятнадцатый вѣкъ, по словамъ Фулле, характеризуется успѣхомъ объективныхъ наукъ, сдѣлавшихъ замѣчательныя открытія, но наука о человѣкѣ и общества осталась далеко позади, такъ какъ онѣ слишкомъ увлекались историческими изслѣдованіями, эрудиціей и критикой. Всѣ эти ошибки должны были послѣдствіемъ отразиться на воспитаніи молодежи. Фулле говоритъ о «педагогическихъ неудачахъ» всѣхъ этихъ ученыхъ и посвящаетъ первую часть своего труда изслѣдованію ихъ ошибокъ. Объективныя науки, несмотря

на свои великія завоеванія, не могли все-таки удовлетворить всѣмъ запросамъ воспитанія, въ такое время, когда поколебались древнія вѣрованія и столько умовъ остались безъ руководящихъ началъ. Фуллъ видитъ абсолютную необходимость въ философской реформѣ воспитанія, которая будетъ въ то же время и социальную реформой. Во второй части онъ изучаетъ методы классическаго и современнаго воспитанія, а въ третьей изслѣдуетъ роль философіи и говоритъ о ея значеніи въ дѣлѣ воспитанія демократіи XX вѣка, который вѣроятно ознаменуется цѣлымъ рядомъ реформъ социального порядка.

(Journal des Débats).

«Marie Antoinette devant l'histoire». *Essai bibliographique par Maurice Tournet. Seconde édition, très augmentée et ornée des gravures (Librairie Henri Leclere). (Марія-Антуанетта предъ судомъ исторіи)*. Второе изданіе этого прекраснаго историческаго изслѣдованія дополнено новыми данными и документами, относящимися къ частной и общественной жизни королевы, ея царствованію и смерти. Послѣднія главы своего труда авторъ посвящаетъ историкамъ, писавшимъ о Маріи-Антуанеттѣ.

(Journal des Débats).

«Philosophia Militans» von Friedrich Paulsen. Berlin 1901. (*Военная философія*). Профессоръ Паульсенъ издавъ въ видѣ книги пять статей, которыя раньше были напечатаны въ журналахъ. Статьи эти направлены противъ клерикализма и натурализма. Первые три статьи рассматриваютъ клерикализмъ съ философской точки зрѣнія и полемизируютъ съ клерикалами; послѣднія двѣ посвящены критикѣ ученія Геккеля.

(Frankfurt. Zeitung).

«Die Hilfeschulen für schwach befähigte Kinder ihre ärztliche und sociale Bedeutung, von med. Leopold Laguer, Nervenarstin Frankfurt (Bergmann). Wiesbaden. (*Вспомогательныя школы для малолѣтнихъ дѣтей, ихъ врачебное и социальное значеніе*). Воспитаніе отсталыхъ въ умственномъ отношеніи дѣтей составляетъ одинъ изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ современнаго педагогика. Авторъ, какъ школьный врачъ, имѣлъ большой кругъ наблюденій и пришелъ къ заключенію о необходимости уже съ самыхъ младшихъ классовъ опредѣ-

лить степень умственныхъ способностей дѣтей и отдѣлить отсталыхъ отъ преуспѣвающихъ. Для первыхъ авторъ предлагается устроить вспомогательныя школы. Онъ подробно излагаетъ свою схему такой школы, проникнутую теплымъ участіемъ къ отсталымъ дѣтямъ и горячимъ желаніемъ имъ помочь.

(Frankfurt. Zeitung).

«Patriotism and Ethics» by I. G. Goodead. London. (Grant Richards). (*Патриотизмъ и этика*). Очень хорошее изслѣдованіе идеи патриотизма, и ея отношенія къ этикѣ. Авторъ говоритъ, что патриотизмъ самъ по себѣ не представляетъ ни порока, ни добродѣтели, но можетъ вырождаться въ эгоизмъ въ томъ, что касается своей общины. Характерною чертою современнаго патриотизма именно и является такой эгоизмъ, исключительность и нетерпимость. Въ такой формѣ патриотизмъ всегда ведетъ къ войнѣ и прямо противорѣчить этикѣ и христіанскому ученію. Внутри же страны результатомъ такого крайняго выраженія патриотизма является подавленіе свободы личности и равныя репрессивныя мѣры, на самомъ дѣлѣ идущія въ разрѣзъ съ интересами отечества. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ авторъ приводитъ различныя, современныя событія и факты послѣднихъ двухъ лѣтъ, злоупотребленія и эксцессы патриотизма, являющіеся результатомъ крайняго выраженія патіотической идеи.

(Daily News).

«In Tibet and Chinese Turkestan» by Captain H. H. P. Deasy, London (Fisher Unwin) 21 s. (*Въ Тибетѣ и Китайскомъ Туркестанѣ*). Работы автора въ центральной Азіи хорошо извѣстны всѣмъ географамъ, и лондонское географическое общество наградило ихъ золотою медалью. Въ этой книгѣ авторъ описываетъ свое трехлѣтнее путешествіе по Тибету и Китайскому Туркестану, во время котораго онъ посѣтилъ и описалъ почти неизвѣстныя области Тибета, лежащія къ востоку отъ Кашмира. Сдѣланная имъ карта путешествія занимаетъ пространство въ 24.000 кв. миль. Какъ и всякому путешественнику, въ этой негостеприимной области ему пришлось вытерпѣть много лишеній и не разъ подвергаться серьезнымъ опасностямъ.

(Manchester Guardian).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ВЪ СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ А. Ю. МАНОЦКОВОЙ

(Москва, типографія Т-ва Бушневъ и Б°. Пименовская, соб. домъ, и магаз.
«Книжное дѣло», Моховая, 26)

ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

- В. И. М.—«Чехія и Чехи», очеркъ, съ рис. и картой. Ц. 40 коп. (для дѣтей старшаго возраста).
- П. ЛАФАРГЪ:—«Умственный трудъ и машина». *Содержаніе*. Предисловіе. I. Ремесленникъ и наемникъ. II. Интеллигентный наемникъ. III. Производитель въ будущемъ. Заключение. Ц. 45 коп.
- Э. ЛАВИССЪ:—«Всеобщая исторія» для дѣтей. Ц. 1 руб. 20 к. *Содержаніе*: Книга I.—Древность. Книга II.—Средніе вѣка. Книга III.—Новое время. Книга IV.—Современная исторія. *Приложенія*: а) Обзоръ исторіи всѣхъ государствъ въ алфавитномъ порядкѣ; б) Словарь иностранныхъ словъ, встрѣчающихся въ текстѣ; в) Указатель собственныхъ именъ и событій; г) Тринадцать картъ. Можетъ служить хорошимъ пособіемъ для экзаменовъ. Переводъ съ 14-го франц. изданія.
- Эр. МАХЪ:—«Научно-популярные очерки». Вып. I (представляющій самостоят. цѣлое)—«Этюды по теоріи познанія». Перев. съ нѣм. А. А. Мейера, подъ редакціей П. К. Этельмейера, съ предисловіемъ къ русскому изданію Эр. Маха. Цѣна 1 р. 25 к.
- Эр. МАХЪ:—«Научно-популярные очерки». (Самостоятельн. цѣлое). Вып. II. «Этюды по естествознанію», съ портретомъ Маха. Ц. 1 р. 25 к.
- Фр. ЮДЛЬ:—«Жизнь и философія Давида Юма». Цѣна 1 руб. 20 коп. (премирована Мюнхенскимъ университетомъ).
- Лор. ШТЕЙНЪ:—«Къ аграрному вопросу».—«Исторія землевладѣнія и поземельнаго права до половины XIX вѣка». Цѣна 75 коп.

Принимается подписка на

„Научно-популярную библіотеку А. Маноцковой“.

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМОУЧЕКЪ

I серия:

- № 1—К. Петерсъ—«Популярная минералогія», 46 рисунковъ.
№ 2—Проф. Г. Нусбаумъ—«Основы біологіи», 40 рисунковъ.
№ 3—З. Герингъ—«Основы полит. экономіи». (Эконом. бесѣды).
№ 4—Д-ръ Штерлингъ—«Наука о здоровьѣ» (Основы гигиены), 13 рис.
№ 5—Д. Жирарденъ—«Общая ботаника» 50 рисунковъ.
№ 6—Ф. Піотровскій—«Наука о погодѣ». (Основы метеорол.), 52 рис.
№ 7—Проф. Нолль—«Антропологія», съ рисунками.
№ 8—А. Заттлеръ—«Популярная физика», съ многочислен. рисунк.

Подписная цѣна на всю ПЕРВУЮ СЕРІЮ 4 руб. съ перес.

(Порознь подписка не принимается).

Внесшіе 4. р получаютъ вышедшіе нумера «Библіотеки». Остальные нумера выйдутъ въ теченіе 1901 года.

Допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ и 2 р. при полученіи № 4-го (наложеннымъ платежемъ). По выходѣ изъ печати, цѣна СЕРІИ будетъ повышена до 6 руб.

Съ требованіями и подпиской обращаться съ Москвою, магазинъ «Книжное Дѣло». (Отдѣленіе книгоиздател. и главный складъ изданій А. Ю. Маноцковой).

Мѣры, принятыя по отношенію ко мнѣ начальникомъ Жіэкундо, перевернули, однако, вверхъ дномъ всѣ мои планы. Послѣ долгихъ переговоровъ съ моими пріятелями китайцами было рѣшено, что я долженъ оставить этотъ городъ немедленно, прежде, чѣмъ настоятель монастыря вернется изъ Тендо, и двинуться въ Ганзэ съ наибольшою для моихъ усталыхъ лошадей быстротой. Они были увѣрены, что только такимъ путемъ я, можетъ быть, смогу посѣтить области, лежащія далѣе на югъ. Если же я буду ждать возвращенія дэба, то легко можетъ статься, что онъ принудитъ меня вернуться обратно въ Цайдамъ, если только не сдѣлаетъ чего-либо хуже. Этотъ совѣтъ казался и мнѣ единственно разумнымъ, но какъ выполнить его? Ни одна изъ моихъ лошадей не была годна для такого путешествія—для двухъ недѣль утомительной быстрой ѣзды. Кромѣ того, у меня не было проводника, такъ какъ пайдамскій дове долженъ былъ оставить меня здѣсь и вернуться домой. Мои китайцы въ одинъ голосъ уговаривали меня взять съ собою только двухъ изъ моихъ людей и трехъ лучшихъ лошадей, двухъ же другихъ моихъ спутниковъ оставить здѣсь, съ тѣмъ, чтобы они впослѣдствіи, если къ тому представится возможность, догнали меня, если же такой возможности не представится, возвращались обратно въ Китай другой дорогой. Я рѣшилъ послѣдовать этому совѣту при условіи, если найденъ будетъ мнѣ проводникъ.

Послѣ не малыхъ хлопотъ китайцамъ удалось таки уговорить одного туземца изъ Ганзэ быть моимъ проводникомъ: онъ взялся доставить меня въ этотъ городъ за шестьдесятъ рупій. Я предлагалъ ему вдвое больше, если онъ проведетъ меня въ Чамдо. Но ни онъ, ни высокая, здоровая женщина, которую онъ представилъ мнѣ, какъ свою временную жену, прибавивъ въ полголоса, что его бо-нянь изъ Ганзэ гораздо красивѣе этой, не согласились принять это предложеніе, какъ ни было оно имъ выгодно. Онъ говорилъ, что не знаетъ дороги, и что во всякомъ случаѣ, три человѣка не могутъ отважиться на такое путешествіе.

Кандо, такъ звали этого оригинальнаго представителя тибетской расы, былъ грязный, истощенный старикъ, съ большими, гноящимися глазами, почти всегда пьяный, но обладавшій всей ловкостью дикаря и большимъ запасомъ юмора. Его сѣдѣющіе локоны падали на лицо и на плечи, длинная китайская коса изъ шолковыхъ нитокъ, къ которой былъ привѣшенъ китайскій агатовый перстень, еще болѣе увеличивали красоту его головного убора. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ его изгнали изъ его страны, но онъ пробирался туда время отъ времени на нѣсколько дней, чтобы набрать запасъ мускуса и золотого песку. Всю его гордость составляли его лошадь и ружье, съ которыми онъ возился безъ конца, если только не былъ черезчуръ пьянъ. Какъ только мы заключили съ нимъ условіе, онъ всецѣло отдался моимъ интересамъ и до конца служилъ мнѣ вѣрой и правдой.

Мои приготовления къ отъѣзду были скоро закончены: въ наши сѣдельные мѣшки мы всунули нѣсколько неизбѣжныхъ въ этихъ путешествіяхъ бездѣлушекъ для подарковъ, на крошечнаго мула, принадлежащаго Кандо, положили маленькій мѣшокъ цзамбы, котелъ, мѣхи для раздуванія огня и небольшой запасъ сѣна для нашихъ лошадей. Одну изъ моихъ палатокъ я послалъ въ подарокъ сининскому тунши, который былъ такъ добръ ко мнѣ, а другую я подарилъ довэ въ награду за вѣрную службу.

29-го мая я простился съ моими двумя слугами и съ добрыми китайцами и двинулся въ путь по дорогѣ въ Ганзэ.

Сначала дорога наша шла по направленію къ юго-востоку, по долинѣ Ба-чи-чу, которая, по крайней мѣрѣ въ своей верхней части, носитъ названіе Момэ-лунъ-ба. На протяженіи первыхъ двѣнадцати верстѣ долина эта была узка, но за монастыремъ Чжанги-гомба она значительно расширилась, а далеко впереди передъ нами встали огромныя горныя вершины. Особенно же выдѣлялся пикъ Даво-бадо, блиставшій своими снѣгами, покрывавшими на значительное пространство всѣ его склоны. Казалось, что онъ подымался не далѣе, какъ въ шести верстахъ отъ насъ, но, конечно, это былъ лишь обманъ зрѣнія. Во всей этой долинѣ, которая тянется верстѣ на тридцать въ длину, не встрѣтили ни одной деревни, но за то тамъ и сямъ попадались отдѣльныя палатки кочевниковъ; сверхъ того, мы миновали здѣсь два небольшихъ монастыря, изъ коихъ одинъ носилъ названіе Бэ-чэнъ гомба или Банъ-чэнъ гомба.

Природа здѣсь была такая же мрачная и бѣдная, какъ и въ области къ сѣверу отъ Жіакундэ. Изрѣдка только кое-гдѣ подъ утесами виднѣлись чахлые кустики можжевельника; но это были единственные представители встрѣченной здѣсь растительности; не слышно было также и пѣнія птицъ; ничто вообще не нарушало въ этой унылой мѣстности томительной тишины пустыни.

На первой же стоянкѣ мы провели ужасную ночь, такъ какъ все время, почти безъ перерыва, шелъ дождь съ градомъ. На разсвѣтѣ мы встали и отправились дальше. Какъ только мы вступили въ долину Дренъ-гоу, которая спускается къ Дрэ-чу, картина, точно по мановенію какого-нибудь волшебника, вдругъ измѣнилась. Внизъ по долинѣ стекалъ ручеекъ, точно ласкаясь и нѣжась среди изумрудной зеленой муравы, усыпанной маленькими бѣлыми и фіолетовыми цвѣточками. Склоны горъ были одѣты хвойнымъ лѣсомъ, а вдоль дороги росли дикія сливы, крыжовникъ, жимолость и другіе кустарники, усыпанные цвѣтами, наполнявшими воздухъ своимъ ароматомъ. Изъ впадинъ въ туфовыхъ утесахъ ниспадали ползучія растенія и кусты папоротника; блестящими каплями съ нихъ стекала вода; и всю долину оглашалъ звонкій крикъ кукушки. Живѣйшее восхищеніе охватило насъ при видѣ этой прекрасной картины; даже мои тупые китайцы встрепенулись и предложили остановиться возлѣ деревушки Лори для того, чтобы подкрѣпить свои силы завтракомъ. Они хотѣли вдоволь насладиться зрѣлищемъ этой долины, опасаясь, что въ дальнѣйшемъ пути намъ не скоро встрѣтятся подобныя же мѣста.

Ихъ опасенія оказались, однако, неосновательными. Приблизительно верстахъ въ четырехъ ниже селенія Лори мы опять вышли къ Дрэ-чу и предъ нами развернулась еще богѣе восхитительная картина; къ тому же мѣстность становилась все живописнѣе по мѣрѣ того, какъ мы выше и выше взбирались по дорогѣ, извиравшейся винтомъ по крутому склону горы. Внизу, на глубинѣ пятисотъ или даже шестисотъ футовъ рѣка катилась свои синія волны, которыя бурлили и, ударяясь о скалистыя стѣны ея узкаго ложа, разбивались о нихъ въ блестящую пѣнистую массу. На обоихъ берегахъ вставали горы, высотой въ нѣсколько тысячъ футовъ; на лѣвомъ берегу онѣ казались массивнѣе, подымались высоко надъ снѣговой линіей и тянулись, насколько могъ хватить глазъ, сопровождая рѣку въ ея извилистомъ теченіи. На обоихъ берегахъ рѣки были разбросаны многочисленные монастыри и селенія, съ небольшими пятнами вспаханной почвы вокругъ нихъ; огромныя стада яковъ па-

слись вокругъ бѣлыхъ палатокъ, разбитыхъ караванами чайныхъ торговцевъ, товаръ же ихъ былъ сложенъ въ большія кучи, и ради защиты отъ сырости и дождя прикрытъ тентами изъ бумажной матеріи.

Миновавъ Минь-гоу и нѣсколько другихъ селеній, мы къ вечеру добрались до Донгу,—селенія, расположеннаго на высотѣ 1.288 футовъ надъ уровнемъ моря ¹⁾, и остановились на ночь въ гостинницѣ, гдѣ намъ отвели очень большую комнату. Кандо послѣ усиленныхъ торговъ удалось купить для насъ маленькаго козленка, такъ что на этотъ разъ мы имѣли также и роскошный ужинъ.

Впрочемъ, и здѣсь, какъ и вообще на всемъ пути до Ганзэ, намъ весьма неохотно соглашались продавать съѣстные припасы, причеиъ постоянно ссылались на отсутствіе какихъ-либо запасовъ, могущихъ идти въ продажу. То же самое говорили намъ и по отношенію къ фуражу; лишь въ немногихъ селеніяхъ удавалось купить сѣна, и только впоследствии, когда мы вступили уже въ область Дергэ, къ сѣну можно было присоединить и горохъ (къ сѣверу отсюда горохъ не культивируется), но это и все, чѣмъ должны были довольствоваться наши животныя.

На слѣдующій день мы дошли до переправы черезъ Дрэ-чу и остановились на ночь въ домикѣ паромщика, который былъ очень живоисно расположенъ на отвѣсномъ утесѣ, нависшемъ надъ русломъ Друши-цаа—рѣчки, впадающей въ этомъ пунктѣ въ Дрэ-чу.

Цѣлыя горы чая, тщательно упакованнаго въ плетенки, лежали повсюду на берегу, ожидая своей очереди быть перевезенными черезъ рѣку, а огромныя стада яковъ все прибывали и прибывали, принося новыя партіи того же товара. Это мѣсто, извѣстное подъ именемъ Дренда или Дрэ-чу дру-ка (т.-е. переправа черезъ Дре-чу) представляетъ собою пограничный пунктъ между Жіэкундо и княжествомъ Дергэ.

Дергэ считается самой богатой изъ областей восточнаго Тибета, и, дѣйствительно, княжество это является не только наилучше обработаннымъ, но въ то же время и наиболѣе развитымъ въ промышленномъ отношеніи. Оно и заселено сравнительно гуще другихъ областей, причеиъ общую численность его населенія опредѣляютъ въ восемь тысячъ семействъ или, приблизительно, въ тридцать двѣ тысячи душъ, не считая ламъ, которыхъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, десять тысячъ.

Главный городъ княжества носитъ названіе Дергэ дронъ-черъ, что значить—«городъ Дергэ»; онъ расположенъ на берегу Дрэ-чу, приблизительно въ четырехъ дняхъ пути отъ Дренда, съ которымъ его соединяетъ весьма плохая дорога. Въ этой странѣ преобладаютъ красношапочные ламы, имѣющіе здѣсь, а именно—въ Дергэ дронъ черъ и Зочэнъ, свои самые значительные монастыри. Какъ выше уже было замѣчено, князю Дергэ удалось сохранить независимость и отъ Китая, и отъ Лхассы, хотя послѣдняя и успѣла захватить Мэнъ-ніа (Чжань-дуй)—область, лежащую къ юго-востоку отъ его владѣній, во время знаменитой окупаціи Дергэ войсками лхасскаго генерала Бонъ-ро-ба, продолжавшейся въ теченіе 13 лѣтъ, съ 1864 по 1877 г.

Князю, правящему этой областью, теперь не болѣе тридцати пяти лѣтъ; большую часть своего времени онъ проводитъ въ монастыряхъ Лхассы

¹⁾ Селеніице это расположено приблизительно футовъ на четырехста выше ложа рѣки.

или своего собственного княжества. Онъ очень не любитъ китайцевъ, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ остаться въ его резиденціи на продолжительное время, такъ какъ онъ доживаетъ ихъ тамъ всевозможными, чрезвычайными поборами. Поэтому средоточіемъ китайской торговли въ княжествѣ является не резиденція князя, а городъ Ганзэ.

Дергэ особенно славится во всемъ Тибетѣ превосходнымъ качествомъ своихъ металлическихъ издѣлій. Мѣстные мечи, ружья, чайники, печати, колокольчики и проч. продаются повсемѣстно по очень высокой цѣнѣ. Такой же извѣстностью пользуются и мѣстные сѣдла, которыя считаются лучшими во всемъ Тибетѣ, не исключая даже литанскихъ. У меня имѣется не мало образцовъ металлическихъ издѣлій изъ Дергэ, которые сдѣлали бы честь любому, даже европейскому мастеру; на мѣстѣ, однако, я видѣлъ еще лучшіе образцы, отличавшіеся художественнымъ рисункомъ и необыкновенно тонкимъ выполнениемъ.

Княжество Дергэ простирается на сѣверъ отъ р. Дрэ-чу до страны голоковъ, на востокъ оно граничитъ съ владѣніями, извѣстными подъ общимъ именемъ Хорба, на югъ съ Батаномъ, на западѣ же съ Драйя и Чамдо.

Мы вновь переправились черезъ Дрэ-чу въ такихъ же лодкахъ, какъ тѣ, въ которыхъ мы уже однажды переѣзжали черезъ эту рѣку возлѣ Дрэ-гоу. Только здѣсь два челнока были связаны вмѣстѣ, что и дало намъ возможность ограничиться однимъ рейсомъ.

Отсюда, на протяженіи слѣдующихъ 25 верстъ, долина р. Дрэ-чу замѣтно расширилась, селенія стали попадаться чаще, поля захватывали все большія участки земли. Проѣхавъ мимо Сеуба, Чюдэ, Дри-малахо и нѣсколькихъ другихъ поселковъ, имена которыхъ остались мнѣ неизвѣстными, мы къ вечеру добрались до Гавалендо.

На ночлегъ мы остановились въ домикѣ, принадлежавшемъ мельнику и находившемся на окраинѣ городка. Прямо противъ двери этого домика протекалъ ручеекъ, а развѣсистый вязъ распростеръ свои вѣтви надъ самой крышей.

Мельница устройствомъ своимъ напоминала тѣ, которыя я уже ранѣе видѣлъ въ провинціи Шань-си: нижній жерновъ приводится въ движеніе небольшимъ водянымъ колесомъ, которое находится непосредственно подъ нимъ.

На другомъ берегу рѣки передъ нами раскинулось селеніе Чюдэ-Гомба. За нимъ вставали крутыя, поросшія лѣсомъ горы, вершины которыхъ терялись въ вѣчныхъ снѣгахъ.

Мельникъ, его жена, свояченица и братъ-лама, явившійся къ мельнику въ гости, обращались съ нами съ такой предупредительностью и такъ старались угодить намъ, что я долго еще съ благодарностью буду вспоминать объ этой ночи, проведенной въ ихъ домѣ.

Кстати замѣчу, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось вступать въ этой странѣ въ соприкосновеніе съ народомъ непосредственно, я обыкновенно встрѣчалъ самое предупредительное вниманіе. Неприятности у меня выходили только тогда, когда въ дѣло вмѣшивались ламы. Но и тогда «черный народъ», какъ называютъ здѣсь мірянъ, принималъ весьма малое участіе во всѣхъ тѣхъ исторіяхъ, которыя создавались мнѣ ламами.

У Гавалендо р. Дрэ-чу круто поворачиваетъ на югъ и, какъ извѣстно, поворотъ этотъ кончается только въ юго-восточномъ Тибетѣ. Здѣсь мы покинули берегъ рѣки и должны были углубиться вглубь

страны, которая имѣла холмистый характеръ; почва на нашемъ пути была усыпана крупнымъ гравіемъ и острыми щебнемъ, благодаря которому лошади наши не замедлили охромѣть, а это, въ свою очередь, вызвало вынужденную остановку въ маленькой деревушкѣ Рарта, отстоявшей отъ Гавалендо всего лишь въ четырнадцать верстахъ.

По пути сюда, близъ селенія Бора, мы встрѣтили челоуѣка, пасшаго нѣсколькихъ лошадей. Позвавъ его, я спросилъ, не согласится ли онъ продать мнѣ хотя бы одну изъ нихъ, на что получилъ отвѣтъ, что онъ радъ былъ бы продать, но такъ какъ жены его нѣтъ сейчасъ дома, то онъ и не можетъ вступить въ какую бы то ни было имущественную сдѣлку.

Намъ довольно часто приходилось наталкиваться на такіе отвѣты, вызывавшіе одинаковое удивленіе, какъ со стороны моихъ спутниковъ—китайцевъ, такъ и съ моей. Какимъ образомъ женщинамъ удалось пріобрѣсти здѣсь такое неограниченное вліяніе на мужчинъ, такъ безусловно подчинить своей волѣ этихъ грубыхъ варваровъ, не признающихъ никакихъ законовъ, крайне неохотно повинующихся даже своимъ старшинамъ, это—задача, которая поистинѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія ¹⁾.

На слѣдующій день мы вступили въ бассейнъ маленькаго притока р. Дрэ-чу, пройдя на своемъ пути мимо шести большихъ ламайскихъ монастырей. Одинъ изъ нихъ былъ весьма живописно расположенъ въ самомъ центрѣ долины, на вершинѣ крутого холма, у подошвы котораго быстро протекала маленькая рѣчонка. Вся окрестная мѣстность была хорошо обработана; повсюду на поляхъ женщины и мужчины работали вмѣстѣ—пахали и пололи сорную траву. Ихъ плуги и заступы весьма примитивны; послѣдніе деревянные. Плуги изготовляются въ Ганзэ или въ окрестностяхъ этого города, но желѣзные сошники для нихъ привозятся изъ Да-цзянь-гу.

Пройдя почти половину этой долины, мы расположились на ночлегъ неподалеку отъ небольшой деревушки Ригэ. Она была крайнимъ поселеніемъ въ этой долинѣ, такъ какъ выше культура становится уже невозможной и земледѣльцевъ смѣняютъ кочевники друппа. Здѣсь описываемая долина поросла густымъ строевымъ лѣсомъ, тогда какъ ниже селенія Ригэ мы не встрѣтили ни одного дико растущаго дерева. Вообще въ этой части бассейна Дрэ-чу, какъ и во всемъ остальномъ восточномъ Тибетѣ, лѣса распределены очень неравномѣрно; къ тому же во многихъ мѣстахъ они, повидимому, обречены самой природой на гибель. Туземцы употребляютъ здѣсь мало лѣса, вѣроятно, потому, что валить деревья—кажется имъ дѣломъ мало сподручнымъ; да и въ качествѣ топлива они предпочитаютъ высушенный навозъ, съ которымъ несравненно меньше возни. Поэтому они, во всякомъ случаѣ, въ исчезновеніи лѣсовъ неповинны. Лѣсные пожары, какъ мнѣ говорили, тоже случаются лишь весьма рѣдко. Я только одинъ разъ, въ долинѣ И-чу, видѣлъ слѣды такого пожара, и то не имѣвшаго большихъ размѣровъ.

Поднявшись по долинѣ по очень легкой дорогѣ, съ весьма небольшимъ подъемомъ, мы перевалили черезъ невысокій перевалъ Лацэ-кадри, имѣвшій 14.590 фут. абс. выс., и вступили въ долину Шэма

¹⁾ Известный исследователь Африки, д-ръ Юнкеръ, также упоминаетъ о какихъ-то племенахъ бега (бедуинахъ), у которыхъ женщина является главой семьи съ самой неограниченною властью, что весьма плохо согласуется съ надменнымъ и строптивымъ характеромъ этихъ дикихъ кочевниковъ.

или Шэма-танъ, лежащую въ области Зочэнъ. Два или три ручья сливаются на ея сѣверовосточной окраинѣ, текутъ затѣмъ дальше по узкому ущелью и впадаютъ въ За-чу. Вдоль ея юго-западнаго края встаетъ цѣпь высокихъ гранитныхъ горъ, переходящихъ своими вершинами за линію вѣчнаго снѣга. Изъ этихъ вершинъ наиболѣе внушительный видъ имѣетъ огромная снѣговая масса Боюшядэ-ри, подымающаяся какъ разъ позади Зочэнъ-гомба. Эта высокая цѣпь, образующая водораздѣлъ между Дрэ-чу и За-чу, была намъ видна на протяжении почти всего нашего пути до Ганзэ.

Въ долині Шэма-танъ, равно какъ и въ долині р. Мури-чу, другого притока За-чу, въ которую мы вышли на слѣдующій день, живутъ исключительно кочевники друпа. Здѣсь расположенъ большой Зочэнскій ламайскій монастырь: онъ стоитъ на склонѣ крутого холма, посреди небольшой рощи, у подножія вышеупомянутаго пика Боюшядэ-ри по обрывистымъ склонамъ котораго текутъ безчисленные ручейки, образованные тающимъ снѣгомъ. Вблизи монастыря они соединяются вмѣстѣ въ одну небольшую рѣчку, на берегу коей расположились нѣсколько домиковъ, частью деревянныхъ, частью сложенныхъ изъ камня, въ которыхъ поселилось нѣсколько китайскихъ купцовъ и туземныхъ семействъ. Далѣе на той же рѣкѣ видѣется цѣлый рядъ мельницъ, представляющихъ миниатюрные бревенчатые срубы, ижѣющіе въ площади около десяти квадратныхъ футовъ, не болѣе. Подъ каждымъ такимъ срубомъ утверждено въ горизонтальномъ положеніи водяное колесо. На этихъ мельницахъ перемалывается однако не зерно, а молитвы, ради чего внутри такого сооруженія вертится не жерновъ, а боченокъ, наполненный печатными листками, на которыхъ безконечное число разъ повторяется одна и та же непонятная формула «омъ мани падмэ хумъ».

Зочэнъ гомба одинъ изъ главныхъ монастырей нимаба, т.-е. «ламъ съ красными шапками», какъ ихъ называютъ китайцы. Здѣсь живетъ свыше двухъ тысячъ ламъ этой секты. Ни въ какой другой части восточнаго Тибета мы не находимъ столько ламъ этой секты, какъ въ Дергэ; ихъ другія твердыни находятся въ Сиккимѣ, Бутанѣ и Ладакѣ¹⁾.

Въ окрестностяхъ монастыря живетъ очень много кочевниковъ друпа. Я насчиталъ не менѣе пятидесяти палатокъ, собранныхъ только въ двухъ стойбищахъ, расположенныхъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ монастыря. Если принять во вниманіе тѣ огромныя стада яковъ, которыя непрерывно проходятъ по этой дорогѣ, и то количество травы, которое они пожираютъ, то вельзя не удивиться, какимъ образомъ можетъ здѣсь еще жить столько номадовъ.

Какъ миѣ передовали, вся страна вдоль р. За-чу, къ востоку отъ нашей дороги, очень густо заселена кочевниками друпа; но такъ какъ кочевья ихъ подвержены частымъ нападеніямъ голоковъ, которые живутъ всего лишь въ двухъ дняхъ пути (т.-е., приблизительно, въ 90 верстахъ) къ востоку, то многіе изъ нихъ предпочитаютъ жить по бли-

¹⁾ Самый главный монастырь этой секты находится въ Саца (Sakya), въ 150 верстахъ къ сѣверозападу отъ Шигацав. Въ этомъ монастырѣ имѣетъ мѣсто-пробываніе воплощеніе Ужянь бамэ (Падма самбхавы), считающагося основателемъ этой секты. Хотя члены ея поощають святныя мѣста, принадлежащія сектѣ гэлуга и поклоняются далай-ламѣ, воплощенію Шенрецига, но самымъ святымъ лицомъ въ Тибетѣ они все же считаютъ своего перероженца изъ Саца гомба. Второе послѣ него мѣсто занимаетъ Дарма раджа Ладакскій; а затѣмъ уже слѣдуютъ святые, проживающіе въ Сиккимѣ и Бутанѣ.

зости деревень или большихъ монастырей, гдѣ они, въ случаѣ нужды, могутъ найти для себя надежный пріютъ, хотя, конечно, избирая меньшее изъ двухъ золь, имъ при этомъ и приходится мириться съ сравнительно худшими пастбищами.

Здѣсь мнѣ, къ счастью, удалось обмѣнить двухъ изъ моихъ лошадей на свѣжихъ, такъ что остальную часть нашего пути до Ганзэ мы уже не нуждались болѣе въ перевозочныхъ средствахъ.

Мѣстные лошади выше ростомъ и сильнѣе, чѣмъ въ Цайдамѣ и въ области оз. Куку-нора. Особенно же высоко ставятся здѣсь лошади изъ Литана, цѣна на которыя достигаетъ нерѣдко ста и болѣе рупій. Туземцы очень любятъ своихъ лошадей. Почти у каждаго изъ нихъ лошадь хорошо убрана и украшена: большіе красные шерстяные чепраки, сѣдла съ отдѣлкой изъ краснаго сафьяна, задернутыя покрываломъ изъ бумажной матеріи зеленого цвѣта, нерѣдко леопардовая шкура, покрывающая крупъ лошади, всевозможныя блестящія на уздечкѣ, — все это, безъ сомнѣнія, обличаетъ въ туземцахъ стремленіе показать любимое животное въ наиболѣе привлекательномъ свѣтѣ.

За монастыремъ Зочэнъ-гомба нашъ путь шелъ вверхъ по теченію рѣки Мури-чу и по узкой долинѣ, покрытой кустарникомъ и строевымъ лѣсомъ. Миновавъ верхній горизонтъ этого лѣса, мы достигли крутого, но короткаго подъема, по которому и взобрались на вершину перевала Мури-ла, имѣющаго 15.880 фут. абсолютнаго поднятія. Это былъ единственный значительный перевалъ, встрѣченный нами на пути между Жіа-кундо и Ганзэ. Спускъ съ него былъ столь же крутъ, какъ и подъемъ, причеиъ тропа вилась по ложу бывшаго ледника, опускавшагося когда-то до небольшого озерка Мури-цо, лежащаго верстахъ въ девяти ниже перевала. На восточномъ склонѣ этой горы беретъ начало И-чу или И-гуяч-чу, короткій, но многоводный притокъ р. За-чу.

Едва успѣли мы разбить свой лагерь на берегу помянутаго озерка, какъ запримѣтили спускавшуюся сюда же большую толпу ламъ. Передъ собою они гнали стадо тяжело нагруженныхъ яковъ. Они возвращались домой изъ поѣздки, предпринятой—и, очевидно, не безрезультатно—для сбора пожертвованій: ихъ яки были нагружены мѣшками съ мукой, горшечными издѣліями, шкурами, шерстяными тканями и другими предметами. Въ горахъ собиралась гроза, и они спѣшили поскорѣе расположиться гдѣ-нибудь на ночлегъ. Къ нашему величайшему огорченію они остановились по сосѣдству съ нами и раскинули свои палатки всего въ какихъ-нибудь десяти сажняхъ отъ нашего бивуака. Даже старому Кандо было, очевидно, не по себѣ въ виду такого близкаго сосѣдства моихъ враговъ, такъ какъ если бы они замѣтили въ насъ что-нибудь подозрительное, то, конечно, не замедлили бы распространить по нашему поводу самыя недѣльные слухи, а это, безъ сомнѣнія, могло причинить намъ не мало неприяностей.

По счастью, сейчасъ же пошелъ дождь, и я, не возбуждая никакихъ подозрѣній, могъ закутаться съ головой въ свой плащъ. Я всегда меньше боялся того, что меня «откроютъ», чѣмъ мои спутники. Кожа моя, подвергаясь въ продолженіе семи мѣсяцевъ постоянному дѣйствию вѣтра и зноя и оставаясь мѣсяцами не мытой, приобрѣла свойственный и мѣстнымъ жителямъ темнобурый цвѣтъ; у меня не было ни бороды, ни волосъ на головѣ, которые могли бы выдать во мнѣ европейца; что же касается моихъ глазъ, постоянно компрометировавшихъ меня голубыхъ глазъ, то они были скрытаны подъ очками изъ конскаго волоса, которые я енималъ только ночью. Я увѣренъ, что даже мои друзья съ

трудомъ узнали бы меня. Одинъ только разъ я услышалъ, какъ проѣзжавшій мимо туземецъ сказалъ своему спутнику: «Смотри, вотъ ѣдетъ пилнѣ (иностранецъ)!» — «Нѣтъ, отвѣтилъ другой, — развѣ ты не знаешь восточныхъ монголовъ (маръ-сокъ), что не узналъ одного изъ нихъ передъ собой?»

Ужасную ночь провели мы возлѣ оз. Мури-цо. Насквозъ промокшіе, подъ проливнымъ дождемъ, сидѣли мы, закутавшись въ наши мѣховые плащи и сокращая ожиданіе разсвѣта рѣдкими затыжками изъ трубки. Время отъ времени кто-нибудь изъ ламъ подходилъ къ намъ и дѣлалъ попытку завязать разговоръ, но мы каждый разъ холодно встрѣчали любопытствующаго. Только передъ самымъ разсвѣтомъ намъ удалось, наконецъ, зажечь костеръ и немного согрѣть себя чашкой горячаго чая. Утромъ же, когда ламы пришли проститься съ нами, мы всѣ притворились крѣпко спящими. Выждавъ затѣмъ часа два, мы, въ свою очередь, тронулись въ путь. Между тѣмъ дождь не переставалъ лить, какъ изъ ведра, временами смѣняясь мокрымъ снѣгомъ. Пробѣжавъ внизъ по долинѣ около девяти верстъ, мы увидѣли передъ собой, на склонѣ холма, нѣсколько палатокъ, передъ которыми и остановились въ надеждѣ найти здѣсь пріютъ до слѣдующаго утра.

Намъ, дѣйствительно, предоставили маленькую палатку, гдѣ наши хозяева хранили свои вьючныя сѣдла, и скоро мы уже какъ ни въ чемъ не бывало распивали тамъ чай, которымъ насъ щедро снабдили эти добрые люди.

Эта долина была шире всѣхъ тѣхъ, которыя до сихъ поръ намъ встрѣчались въ Доргэ; къ тому же и окаймляющіе ее холмы подымались пологими склонами всего лишь футовъ на 500 надъ ея уровнемъ. Эти холмы поросли травянистой растительностью, лѣсъ же росъ въ изобиліи въ боковыхъ падахъ и на склонахъ болѣе далекихъ горъ.

На слѣдующій день мы продолжали нашъ путь внизъ по описанной выше долинѣ. Мы встрѣтили въ ней всего лишь два жилыхъ строенія, и оба сказались небольшими ламайскими монастырями. Возлѣ одного изъ нихъ мы накавунѣ остановились бивуакомъ, другой же находился верстахъ въ пяти ниже, — на рѣкѣ Чоду-чу, черезъ которую въ этомъ мѣстѣ перекинутъ былъ большой деревянный мостъ. На всемъ протяженіи нашего пути, вдоль р. И-лунъ-чу, мы не встрѣтили и двадцати палатокъ кочевниковъ. Обращенные къ востоку склоны горы, въ нижней своей части, поросли прекраснымъ лѣсомъ, между прочимъ: соснами, кедрами и древовиднымъ можжевельникомъ, которые отличались здѣсь своей величиною, достигая 1½ футовъ въ діаметрѣ отрубa.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, долина становилась все уже и уже, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы оттановились на ночлегъ, противъ горы Ито, она скорѣе напоминала ущелье. Нѣсколько большихъ каравановъ съ чаемъ, направляющихся въ Лхассу, расположились тутъ же, возлѣ насъ. Мѣстные купцы вообще предпочитаютъ эту дорогу той, которая ведетъ черезъ Литанъ и Батанъ; она, правда, длиннѣе, но за то несравненно легче и, кромѣ того, на всемъ ея протяженіи въ мѣстахъ остановокъ, имѣются хорошія пастбища. Ежедневно мы встрѣчали среднимъ числомъ до 300 яковъ, нагруженныхъ чаемъ; на якѣ было навьючено отъ двухъ до трехъ гамовъ, что на нашу мѣру составить нѣсколько менѣе 4½ пудовъ, такъ что, на моемъ пути отъ Жіакундо до Даво мимо меня провезено было никакъ не менѣе 12.500 пудовъ чаю. Меня увѣряли, что чайные караваны безостановочно движутся по этой дорогѣ круглый годъ, и я не имѣю никакого основанія

сомнѣваться въ справедливости этихъ словъ, такъ какъ и въ Да-цзян-лу мнѣ говорили, что не проходитъ ни одного дня, чтобы нѣсколько сотъ вьюковъ чаю не были отправлены отсюда въ Тибетъ. Намъ постоянно попадались китайцы, сопровождавшіе эти караваны; ихъ, впрочемъ, съ трудомъ можно было отличить отъ туземцевъ, такъ какъ они были въ такихъ же красныхъ тюрбанахъ и старались подражать развязнымъ и грубымъ манерамъ послѣднихъ.

Долина р. И-чу, ниже горы Ито-ри, не менѣе красива, чѣмъ долина р. Дра-чу; прекрасные сосновые лѣса придаютъ ей даже совершенно особую прелесть. Но внезапно она переходитъ въ дикое, непроходимое ущелье, въ которое и устремляется рѣка, тропинка же сворачиваетъ въ боковую ключевую падь, и по ней уже подымается на гребень отрога, съ котораго открывается отличный видъ на вышеупомянутую снѣговую пѣшь.

Переваливъ черезъ этотъ отрогъ, являющійся естественной границей между И-луномъ и Рунбаца, мы вступили въ бассейнъ р. Рибо-чу. Это также одинъ изъ притоковъ р. За-чу, впадающій въ нее близъ Дажэ-гомба.

Въ долинѣ Рибо-чу начинается «садъ» этой части Тибета—плодородный округъ Рунбаца. По всей этой мѣстности деревни разбросаны на такихъ же небольшихъ разстояніяхъ одна отъ другой, какъ въ Швейцаріи. Вокругъ каждой деревни растутъ прекрасные вязы и другія деревья. Стѣны и изгороди окружаютъ поля, засаженные горохомъ, ячменемъ и пшеницей. Растительность здѣсь по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ опередила по своему развитію посѣвы, видѣнные мною въ Дергэ. Шестъ верстъ не доходя до селенія Рибо, я увидѣлъ приблизительно въ 45 верстахъ впереди блестящую громаду Гало-ри—«гору тысячелѣтнихъ снѣговъ», всю залитую красноватыми лучами заходящаго солнца.

Рибо, ничтожная деревушка по величинѣ; она имѣетъ, однако, нѣкоторое значеніе, благодаря своей «священной скалѣ», которая находится на пригоркѣ, въ долинѣ. Вся эта скала увѣшена тряпками всевозможныхъ цвѣтовъ, а вокругъ нея рядами стоятъ различныя приношенія вѣрующихъ. Деревня расположена у подножія высокаго утеса, въ которомъ множество отшельниковъ (ри-тру-ба) понадѣлали себѣ кельи-пещерки, откуда они никогда не выходятъ. Въ мѣшкахъ, привязанныхъ къ веревкамъ, они втаскиваютъ къ себѣ на верхъ съѣстные припасы—подаяніе благочестивыхъ туземцевъ, и всю свою жизнь проводятъ въ состояніи религіознаго экстаза, размышляя о сверхчувственномъ и непознаваемомъ.

Когда мы взобрались на вершину холма, лежащаго непосредственно позади селенія Рибо, передъ нами открылся поистинѣ очаровательный видъ. Внизу, по широкой долинѣ, тянувшейся въ даль верстъ на сорокъ, протекала блестящей лентой рѣка; по обоямъ же ея берегамъ, на фонѣ изумрудной зелени полей, были разбросаны деревни, осѣненные развѣсистыми вязами и ивами, и ламайскіе монастыри со своими бѣлыми и красивыми стѣнами и позолоченными остроконечными кровлями. Менѣе чѣмъ въ одной верстѣ отъ подножія холма лежало значительное селеніе Рунбаца; нѣсколько дальше видѣлся большой монастырь Дажэ-гомба; по правую сторону открывалась боковая падь, чрезъ которую проходила дорога въ Лагарго; а надъ всѣмъ этимъ нависли снѣжныя вершины восточной цѣпи и огромный Гало-ри своей массой, казалось, замыкалъ описываемую долину.

Большая дорога проходила возлѣ самаго монастыря Дажэ-гомба

(11.500 ф.), но Кандо побоялся пройти здѣсь среди бѣлаго дня. Здѣшніе монахи, говоритъ онъ, самый отчаянный сбродъ, двухтысячная орда отъявленнѣйшихъ мошенниковъ, точно нарочно собравшихся сюда со всѣхъ концовъ Тибета. Свернувъ поэтому съ большіея дороги, мы направились по тропинкѣ, которая вскорѣ и привела насъ къ небольшому поселку Гэни, лежащему при устьѣ ущелья, изъ котораго выносила свои воды За-чу. Въ этомъ поселкѣ мы и заночевали.

На слѣдующее утро мы спустились къ названной рѣкѣ, которая протекала футовъ на двѣсти ниже деревни. Здѣсь мы переправились черезъ нее такимъ же способомъ, какъ и раньше, лошади же наши вплавь добрались до другого берега. Рѣка въ этомъ мѣстѣ имѣла около тридцати сажень въ ширину, была очень глубока, имѣла весьма быстрое теченіе и несла совершенно чистую воду. По рѣкѣ этой сплавляли большіе плоты строевого лѣса; управляли ими при помощи двухъ тяжелыхъ и большіхъ веселъ, изъ коихъ одно находилось впереди плота, другое же на кормѣ; съ ихъ только помощью туземцы провозятъ эти едва скрѣпленные между собой массы бревенъ черезъ самые сильные водовороты, выказывая при этомъ немалое искусство въ управленіи столь неуклюжими сооруженіями.

Мы быстро подвигались впередъ. Дорога наша, проходившая мимо цѣлаго ряда деревень, была довольно оживлена—люди всѣхъ званій и состояній безпрестанно попадались намъ навстрѣчу, но особенно часто встрѣчались намъ ламы. Они ѣхали группами, а иногда и цѣлыми толпами, сопровождая въ такомъ случаѣ какого-нибудь перерожденца. Одѣтый въ желтое атласное платье и въ широкополую раззолоченную и разукрашенную шляпу, увѣнчанную позвяняющимъ при каждомъ движеніи колокольчикомъ, ѣхалъ такой святой на лошади, которую велъ подъ уздцы его служитель—лама, встрѣчные же путники снимали шляпы, склоняли головы и подходили къ нему подъ благословеніе, которое онъ раздавалъ на ходу, не прѣстанивая даже хода своей лошади, а лишь прикасаясь къ ихъ склоненнымъ головамъ двумя пальцами. Нѣкоторые изъ этихъ ламъ, очевидно, возвращались съ какого-нибудь праздника въ сосѣднемъ монастырѣ или изъ дома какого-нибудь мѣрянина, куда ихъ приглашали читать молитвы. На головахъ у нихъ были желтыя шляпы, совсѣмъ не похожія на ту, которая была только что описана: въ этихъ шляпахъ они имѣли такой видъ, точно на ихъ головы вздѣты были огромныя кисти комлемъ кверху; бахрома, украшавшая поля такой шляпы, ниспадала имъ на глаза.

У Беримъ-гомба р. За-чу огибаетъ крутой холмъ, поднимающійся на ея правомъ берегу. На вершинѣ этого холма расположенъ замѣчательно красивый монастырь Ніара-гомба, вызолоченная крыша котораго виднѣется уже за нѣсколько верстъ. Возлѣ этого монастыря находится резиденція Беримъ-дэба, одного изъ пяти главныхъ родовыхъ старшинъ Хорба.

Проѣхавъ еще верстъ шесть или семь, мы достигли пригорковъ, состоявшихъ изъ чистѣйшаго лѣсса, послѣ чего, поднявшись на нихъ, а затѣмъ повернувъ къ сѣверу и миновавъ нѣсколько глубокихъ рывинъ, мы увидѣли наконецъ въ небольшой долинѣ глубоко внизу скачанные домики городка Ганзэ и расположенный близъ него монастырь. Съ того мѣста, гдѣ мы стояли, виднѣлась еще и другая долина, болѣе широкая и значительная, чѣмъ долина Ганзэ, съ которой она, впрочемъ, сливалась, вся покрытая селеніями, пашнями и монастырями.

Среди послѣднихъ нарочито выдѣлялся построенный на вершинѣ

холма китайскій храмъ (хань-жень-сы), что, конечно, указывало на то, что въ мѣстности этой живетъ не мало китайцевъ. Сверхъ всѣхъ ожиданій, городокъ оказался очень маленькимъ: въ немъ едва ли было 300 домовъ. Всѣ эти дома имѣли крайне незначительные размѣры и только помѣщенія, принадлежавшія двумъ живущимъ здѣсь дэба—ганзэ-дэба и мазурь-дэба, отличались сравнительно большей величиной¹⁾.

Мы нашли себѣ квартиру въ домѣ одного китайца и помѣстились въ маленькой, темной комнатѣ. Хотя помѣщеніе наше было грязно и неудобно, зато приняли насъ наши хозяева очень радушно и немедленно принесли намъ поужинать. Кушанья было вдоволь и приготовлено оно очень вкусно, хотя весь ужинъ состоялъ изъ вермишели, приправленной зеленью и очень небольшимъ количествомъ рубленого мяса.

Не успѣли мы проглотить послѣдній кусокъ, какъ вся улица передъ домою наполнилась народомъ; на крышахъ сосѣднихъ домовъ тоже появились любопытные,—до такой степени всѣ жаждали поскорѣе увидѣть трехъ странныхъ путешественниковъ, только-что пріѣхавшихъ въ городъ! Особенно дерзкими и враждебно настроенными по отношенію къ намъ и здѣсь оказались ламы. Видя, что возбужденіе толпы все возрастаетъ, я послалъ одного изъ моихъ людей къ находящемуся въ этомъ городѣ китайскому чиновнику, прося его успокоить народъ, объяснивъ ему, что мы совсѣмъ не опасные люди. Мой бѣдный посолъ съ трудомъ добрался назадъ до моего пристанища. На него то и дѣло насадала толпа, его хватили, тащили въ разныя стороны и надавали не мало пинковъ. Цянь-цзунъ, т. е. лейтенантъ, по имени Лу-минъ-янъ, немедленно принялъ необходимыя мѣры, чтобы предотвратить готовившіеся беспорядки. Онъ послалъ сказать дэба, что я чиновникъ изъ Сицина, направляющій въ Сы-чуань и что народъ долженъ относиться ко мнѣ съ подобающей вѣжливостью. Прежде чѣмъ толпу разогнали, нѣсколько человекъ все же успѣло ворваться въ занимаемое мною помѣщеніе и попыталась вытащить насъ на улицу, крича, что мы ни одного часу болѣе не должны оставаться въ городѣ. Мы старались, по возможности, привести ихъ въ менѣ свирѣпое настроеніе, шутили и смѣялись, когда они произносили особенно крѣпкія слова, и вообще стремились придать ихъ мыслямъ другое теченіе, переводя разговоръ на болѣе отвлеченныя темы. Это, наконецъ, намъ удалось и къ ночи поднятый нашимъ пріѣздомъ шумъ затихъ совершенно. На утро, правда, вся эта исторія возобновилась, но уже не въ столь крупныхъ размѣрахъ, въ толпѣ парило скорѣе любопытство, чѣмъ враждебность; на третій же день на насъ уже обращали не болѣе вниманія, чѣмъ на остальныхъ китайцевъ. Причина столь нервнаго отношенія къ намъ толпы вскорѣ выяснилась: всѣ послѣдніе дни, по случаю какого-то праздника, населеніе городка пило и веселилось, головы у всѣхъ были разгорячены, и у многихъ, конечно, уже чесались кулаки, чтобы вступить съ нами въ драку.

На другой день по нашемъ прибытіи въ городъ наступило по ти-

¹⁾ J. T. Walker, въ своемъ отчетѣ о путешествіи пундита А. К. въ Тибетъ, «Proc. Roy. Geogr. Soc.», VII, стр. 73, пишетъ: «Знаменитый монастырь Ганзэго въ которомъ живетъ до 2.000 ламъ, находящійся въ центрѣ города того же имени насчитывающаго до 2.500 домовъ, благодаря своей древности и святости, особенно чтится окрестнымъ населеніемъ, которое нерѣдко клянется даже его именемъ». 2.500 домовъ соотвѣтствуютъ населенію, приблизительно, въ 10.000 человекъ. Это однако невѣроятная цифра. Высоту этого мѣста тотъ же авторъ опредѣляетъ въ 10.200 футовъ, тогда какъ я нашелъ 11.830 футовъ.

бетскому календарю 15-е число четвертаго мѣсяца ¹⁾, празднуемое здѣсь особо торжественнымъ образомъ. Въ этотъ день въ Ганзо стекается население со всей окрестной страны, причѣмъ устраиваются скачки, попойки, состязанія борцовъ и гульбица, на которыхъ молодежь изощряется всякимъ способомъ для того, чтобы повравиться прекрасному полу.

Въ этотъ день я пригласилъ къ себѣ цянъ-цзуна, который, къ моему крайнему удивленію, жилъ здѣсь со своей женой и дѣтьми. Китайское правительство, какъ извѣстно, не разрѣшаетъ витаянкамъ переступить границу Тибета; поэтому всѣ китайцы, офицеры, солдаты или купцы, вынуждены вступать въ брачные союзы съ туземками.

Въ Жіэкундо, Ганзэ и другихъ мѣстахъ я слышалъ отъ многихъ, что китайцы предпочитаютъ этихъ женщинъ китаянкамъ, и что иногда они остаются въ этой странѣ исключительно по любви къ нимъ, такъ какъ не могутъ взять ихъ съ собой въ Китай, гдѣ послѣднія, благодаря своимъ большимъ ногамъ, служили бы, конечно, всеобщимъ посмѣшищемъ ²⁾.

Лу крайне удивлялся тому обстоятельству, какъ я могъ добратся до Ганзэ; дальше же, до Даво, по его словамъ, народъ былъ настолько грубъ и подозрителенъ, что онъ рѣшительно воспротивился дальнѣйшему моему движенію впередъ безъ охраны. Онъ сообщилъ мнѣ при этомъ, что даетъ мнѣ эскортъ изъ четырехъ человѣкъ до Даво, лежащаго въ шести дняхъ пути отъ Ганзэ, обѣщавъ въ то же время предписать начальнику мѣстнаго гарнизона командировать достаточное число людей для моей охраны на всемъ остальномъ пути до Да-цзянъ-лу.

Я пытался уговорить его, чтобы онъ послалъ меня по крайней мѣрѣ по дорогѣ въ Литанъ, но безъ всякаго успѣха, такъ какъ, по его словамъ, на этомъ послѣднемъ пути нельзя было достать верховыхъ или вьючныхъ лошадей для эскорта иначе, какъ за наличныя деньги: деревень между Ганзэ и Литаномъ не было, населяющіе же попутную страну кочевники друппа ничего не хотѣли знать объ обязательности для нихъ постановленія объ «ула».

Еще на пути въ Ганзэ, старый Кандо предлагалъ мнѣ довести меня до Литана, такъ что я былъ совершенно увѣренъ, что доберусь до этого города. Когда же, по прибытіи въ Ганзэ, ему сильно досталось отъ его односельчанъ за его проводы, то онъ до того струсилъ, что отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ сдѣлокъ со мной.

¹⁾ Въ то время, какъ большинство земель, подвластныхъ Китаю, приняло китайскій календарь, Тибетъ сохранилъ свой собственный. Порядокъ добавочныхъ дней и мѣсяцевъ у нихъ отличается отъ китайскаго; такъ, напримѣръ, въ 1889 году тибетцы считали три добавочныхъ мѣсяца, китайцы же только два. Дни по тибетскому календарю дѣлятся на счастливые и несчастные. Послѣдніе можно выпускать: если, напримѣръ, тринадцатый день несчастный, то его выпускаютъ, а четырнадцатый считаютъ дважды. Такъ какъ, по крайней мѣрѣ, половина всѣхъ дней въ году считается несчастными, то такая «система лѣтосчисленія» должна быть, очевидно, очень запутанной.

²⁾ Въ Сы-чуани всѣхъ жителей восточнаго Тибета называютъ мань-цзы или мань-цзя, причѣмъ въ обращеніи къ туземцамъ можно употреблять только послѣднее наименованіе, такъ какъ они считаютъ первое по причинамъ, оставшимся мнѣ неизвѣстными, для себя оскорбительными. Страну же часто называютъ Цао-ти, что значитъ—степь. Любопытно то обстоятельство, что тибетцы въ свою очередь называютъ китайцевъ маньэ. Это наименованіе присваивалось нѣкогда (до 1276 года) той части Китая, которая простирается къ югу отъ Желтой рѣки. Въ это время правившая здѣсь династія Сунъ была ниспровергнута монголами. Дѣтей, происходящихъ отъ этихъ смѣшанныхъ браковъ, китайцы называютъ пань-го-цзянъ, полукровнымъ, а тибетцы—жіа-ма-беу, т.-е. китайцемъ отъ матери тибетянки, или иначе—ра-ма-лугъ, т.-е. отъ козла и матери овцы. Слово же «сергонъ», указанное въ словарѣ Юеяшпе для обозначенія такихъ метисовъ, хотя и понятное туземцамъ, здѣсь не употребительно.

Итакъ, мнѣ вновь приходилось подчиниться неблагоприятно слагавшимся для меня обстоятельствамъ и вмѣсто Литана ѣхать въ Даво.

Ганзэ—главный городъ территоріи Хорба, именуемой здѣсь также Хорзэ канга—«пятью родами Хорба»¹⁾. Имена этихъ родовъ слѣдующія: Кангзаръ (Ганзэ), Мазуръ, Бэримъ, Чуво (Дра-монъ) и Чанго (Дри-ту). Эта страна считается самой населенной и богатой частью восточнаго Тибета послѣ Дэргэ. Управляютъ ею пять родовыхъ старшинъ (князьковъ), по мѣстному—дэба; званіе это, какъ и во всѣхъ другихъ частяхъ описываемой страны, наследственное.

Народъ здѣсь красивѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ остальномъ Тибетѣ. Они сравнительно ниже ростомъ, чѣмъ жители сѣвернаго или центральнаго Тибета, но у нихъ менѣе рѣзкія и грубыя черты лица: здѣсь часто можно встрѣтить орлиный носъ, прекрасные, кроткіе, какъ у антилопы, глаза, курчавые или волнистые волосы. Особенно красивы женщины, а природная миловидность еще болѣе увеличивается, благодаря яркимъ нарядамъ и золотымъ и серебрянымъ украшеніямъ. Мужчины носятъ верхнюю одежду съ высокими воротниками, такъ называемую «чуба», изъ фіолетоваго пуло, темно-красные тюрбаны, а свои панталоны изъ фіолетоваго пуло они выпускаютъ поверхъ сапоговъ. Ихъ пышная шелюра ниспадаетъ на плечи; но они носятъ также длинныя косы, сплетенныя чаще всего изъ шелковыхъ нитокъ и украшенныя большими агатовыми или стеклянными перстнями, подвѣшенными снизу. Обыкновенно они укладываютъ косу вокругъ головы, и лишь изрѣдка она виситъ у нихъ за спиною. Въ лѣвомъ ухѣ они носятъ серебряныя кольца съ бирюзой или коралломъ, а ихъ мечи очень красиво украшены накладнымъ серебромъ и кораллами.

Верхняя одежда женщинъ тоже шьется изъ пуло, причемъ обыкновенно употребляется матерія, затканная разноцвѣтными полосами. Волосы онѣ носятъ, подобно мужчинамъ, распущенными и свободно ниспадающими на плечи или же заплетаютъ ихъ въ безконечное число косичекъ, подобно тому, какъ это мы видимъ во всей описываемой странѣ²⁾.

Замужнія женщины носятъ на лбу большую чеканной работы серебряную или золотую пластинку съ вдѣланной въ нее коралловой бусышкой, называемую сержа, если же онѣ замужемъ за китайцемъ, то такую пластинку носятъ на затылкѣ. На поясѣ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ висятъ обыкновенно игольникъ, ящичекъ съ кремнемъ и огнивомъ, часто красиво вышитый мѣшечекъ для глазнаго зонтика, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сверхъ того, и мѣшокъ, въ которомъ лежатъ ихъ деревянныя чашки. Зажиточные люди носятъ рубашки изъ грубаго небѣленаго шелка, привозимаго изъ Индіи³⁾, съ высокимъ краснымъ воротникомъ; вмѣсто пуговицъ мужчины употребляютъ полуручія, а женщины—отдѣланныя золотыя пряжки или коралловыя пуговицы, обдѣланныя въ золото или серебро.

Разумѣется, такая одежда составляетъ не будничныя наряды туземца. Это ихъ праздничный костюмъ, и такъ были одѣты жители

¹⁾ Страна Хорба носитъ также названіе Нія ронъ, т.е. долины рѣки Ния, и Хоръ чоокъ—«Области Хоръ». Китайскіе писатели (см. «Си-юй-као-гу-лу») опредѣляютъ численность населенія Хорба въ 8.000 семействъ или 35.000 душъ, не считая ламъ, которыхъ здѣсь не менѣе—8.000—10.000 человекъ.

²⁾ А также у панака Куку-нора.

³⁾ Не изъ Сы-чуани ли?

Прим. Гр.-Гр.

Прим. Гр.-Гр.

Ганзэ въ теченіе всего времени, что я оставался въ этомъ городѣ. Будничная же одежда ихъ гораздо проще. Лѣтомъ они носятъ некрашенную ла-ва, а зимой—овчинный тулупъ безъ всякихъ украшеній; сверхъ того, на поясъ мужчины носятъ мечъ, съ которымъ тибетецъ вообще никогда не расстаётся, а женщины—серебряную цѣпочку съ ключами.

Хорба, какъ, впрочемъ, и всѣ остальные ихъ одноплеменники, большіе любители табака, въ особенности нюхательнаго. Нюхаютъ его и мужчины, и женщины, но не такъ часто, какъ монголы. Нѣкоторые мужчины, сверхъ того, и курятъ табакъ; но обычай этотъ еще мало распространенъ; при этомъ употребляются исключительно китайскія трубки. Ламы вовсе не курятъ табакъ, такъ какъ это имъ строго воспрещено, но нюхаютъ его почти всѣ.

Я видѣлъ также нѣсколькихъ тибетцевъ, курившихъ опиумъ, но мнѣ кажется, что эта привычка очень мало распространена среди нихъ; по крайней мѣрѣ многіе въ Хорба говорили мнѣ, что это снадобье имъ совершенно неизвѣстно, хотя всѣ китайцы, поселившіеся въ этой странѣ, постоянно курятъ опиумъ или даже ѣдятъ его.

Въ наиболѣе цивилизованныхъ частяхъ восточнаго Тибета народъ не лишентъ нѣкотораго первоначальнаго образованія. Впрочемъ, дальше умѣнья читать и писать они обыкновенно не идутъ; да и писать умѣютъ лишь весьма немногіе, за исключеніемъ, конечно, ламъ. Во всякомъ случаѣ большинство читаетъ, какъ прописной шрифтъ, такъ и скоропись; послѣднюю, однако, не безъ труда, въ виду многочисленныхъ принятыхъ въ ней сокращеній.

Въ Да-цзянъ-лу и въ другихъ большихъ городахъ дѣвочки посѣщаютъ школы наравнѣ съ мальчиками; здѣсь ихъ учатъ не только грамотѣ, но и вѣжливымъ формамъ обращенія и другимъ необходимымъ начаткамъ знанія, въ число коихъ ариметика, впрочемъ, не входитъ.

Кромѣ очень обширной религіозной литературы, въ Тибетѣ очень распространены сочиненія полубіографическаго характера, называемыя «намтаръ», т.-е. исторіями, а также переводы китайскихъ классиковъ; не менѣе также распространены тамъ и всевозможные сборники пѣсенъ; что же касается сочиненій, въ которыхъ преобладаетъ фантазія, то среди тибетцевъ они находятъ весьма мало читателей и, надо думать, обязаны своимъ распространеніемъ китайцамъ. Намтаръ составляютъ самое любимое чтеніе тибетцевъ, что мы замѣчаемъ также и въ Китаѣ, гдѣ наиболѣе излюбленными произведеніями являются историческія повѣсти и рассказы.

Очень многіе люди зарабатываютъ себѣ пропитаніе исключительно чтеніемъ вслухъ такихъ книгъ. Эти чтецы въ сущности даютъ своего рода представленія, приближающіяся по характеру къ театральнымъ. Равнымъ образомъ нѣчто подобное театральнымъ представленіямъ даютъ и такъ называемые рипа, кочующіе актеры (чаще всего подростки), которые съ уродливыми масками на головахъ, подъ музыку своихъ же пѣсенъ, исполняютъ комическій танецъ. Содержаніе этихъ пѣсенъ, насколько я могъ ихъ разобрать не сложно: въ нихъ выражается сначала уваживаніе за слушателемъ, а послѣ подачи—неумѣренное восхваленіе его щедрости.

Празднества, устраиваемыя въ этой странѣ носятъ почти исключительно религіозный характеръ, причемъ устроителями ихъ являются почти всегда ламы. Таковы праздники: Чжамбэ чю-коръ или «Процессія бога Чжамбэ», устраиваемая вокругъ храмовъ—для изгнанія

демоновъ; празднества лу-гонъ жіябо дунъ-дри или «изгнаніе князя тьмы» и т. д. Всѣ эти празднества очень напоминаютъ средне-вѣковыя мистеріи. Но ихъ устраиваютъ вовсе не для того, чтобы доставить развлеченіе народу, да и, вообще, они не играютъ никакой роли въ ихъ жизни:

Однимъ изъ наиболѣе любимыхъ развлеченій народа являются скачки. Но скачки эти имѣютъ у нихъ совершенно иную цѣль, чѣмъ у насъ: они ихъ устраиваютъ только для того, чтобы показать своихъ лошадей и самихъ себя въ лучшемъ убранствѣ, а равно, чтобы поскакать вдвоемъ или втроемъ, но во всякомъ случаѣ не ради денежнаго приза или какой-нибудь иной награды.

Пѣніе они тоже очень любятъ, но ихъ пѣсни не особенно пріятны для нашего уха, такъ же, какъ пѣсни китайцевъ или японцевъ, хотя у нихъ часто встрѣчаются звучные и пріятные голоса, а въ ихъ пѣсняхъ легко различить ясно опредѣленную мелодію.

Я видѣлъ у нихъ только два музыкальныхъ инструмента—двойную флейту, сдѣланную изъ тростника или бамбука, и трехструнную гитару, напоминающую китайскій саль-сянь.

Наконецъ, они любятъ также и танцы, которые особенно часто устраиваются весною: дѣвушки большими группами собираются на луку, подъ деревьями, и водятъ тамъ хороводы, а молодые люди сидятъ вокругъ нихъ, какъ внимательные зрители. Но танцы ихъ, на мой взглядъ, не могутъ быть названы красивыми. Танцующіе дѣлятся на двѣ группы; одна стоитъ неподвижно, другая-же подъ звуки собственныхъ пѣсней, медленно движется взадъ и впередъ, то наклоняясь всѣмъ тѣломъ, то дѣлая съ большими интервалами высокіе прыжки. Продѣлавъ свое, эта группа останавливается; тогда наступаетъ очередь второй, которую вскорѣ опять смѣняетъ первая, и такимъ образомъ танецъ тянется часами.

Я не видѣлъ здѣсь никакихъ азартныхъ игръ. У хорба, правда, есть кости, но онѣ употребляютъ ихъ только для гаданія; тѣ изъ нихъ, которые долго жили среди китайцевъ, а такихъ немного, играютъ въ карты и въ шахматы, но это игры, безъ сомнѣнія, завезенныя къ нимъ изъ чужихъ краевъ, да притомъ и недавно, а о какихъ-либо національныхъ азартныхъ играхъ мнѣ никогда не приходилось слышать.

Спиртные напитки гораздо больше распространены между хорба, чѣмъ въ сѣверныхъ областяхъ Тибета. Употребляютъ здѣсь только два напитка: ячанъ и перегоняемую изъ него крѣпкую водку—арракъ. Последній употребляютъ холоднымъ или согрѣтымъ на китайскій манеръ.

Хотя тибетцы, въ сущности очень религіозный народъ, исполненіе религіозныхъ обрядовъ занимаетъ въ ихъ жизни поразительно мало мѣста. По моимъ наблюденіямъ, они молятся только вечеромъ, передъ сномъ, но зато отъ этой молитвы никто уже не уклоняется. Когда наступаетъ ночь, на алтаряхъ всѣхъ буддистскихъ храмовъ зажигаются свѣтильники, въ храмѣ совершаютъ короткое богослуженіе, а на папертяхъ усаживаются ламы, которые на длинныхъ мѣдныхъ трубахъ и рожкахъ играютъ гимнъ, имѣющій очень грустную мелодію. Это служитъ для всѣхъ хозяекъ какъ бы сигналомъ, по которому онѣ зажигаютъ на особыхъ очагахъ, имѣющихся на крышѣ cadaго дома, пучки ароматическихъ вѣтокъ можжевельника. Когда ароматный дымъ начинаетъ подыматься къ небесамъ, онѣ затагиваютъ гимнъ или литанію, мужчины вторять имъ, и ихъ низкіе голоса, соединяясь съ вы-

сокими, чистыми звуками женскаго голоса, образуютъ тогда одно гармоничное цѣлое съ далекими звуками трубъ, доносящимися изъ монастырей. Утромъ опять жгутъ вѣтки можжевельника, но этотъ актъ сопровождается уже не пѣніе, а жертвоприношенія: передъ изображеніями домашнихъ боговъ ставятъ чашу съ водой, виномъ или молокомъ, или зажигаютъ передъ ними масляную лампадку.

Очень распространенъ у нихъ также обычай предъ всякой ѣдой смачивать палецъ правой руки въ пищѣ или питьѣ и кропитъ имъ затѣмъ на всѣ четыре стороны, произнося одновременно соответствующую молитву. Этимъ, да еще постояннымъ шептаніемъ пресловутой молитвенной формулы «мани» («омъ мани бэмэ хумъ») или другой какой-либо формулы, нарочито преподанной ламами, напимѣръ, «омъ па шава» и ограничивается на практикѣ весь ихъ запасъ знанія религиозныхъ обрядовъ.

У «хорба» имѣется въ распоряженіи и другой способъ проявленія религиозныхъ чувствъ, который состоитъ въ увеличеніи числа списковъ помянутой выше молитвенной формулы «мани» путемъ высѣканія ихъ на каменныхъ плитахъ. Зачастую можно видѣть цѣлую семью, работающую въ мѣстности, богатой сланцевымъ камнемъ, надъ высѣ каніемъ священныхъ словъ этой знаменитой формулы на отдѣльныхъ камняхъ, которые затѣмъ и складываются въ кучи. Иногда такая работа длится мѣсяцами, иногда даже годами, и тогда вырастаютъ цѣлыя горы такихъ камней съ высѣченной на нихъ формулой «мани», которыя и называются «стѣнами мани». Помимо такихъ стѣнъ, хорба слагаютъ гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ огромныя буквы этой молитвы изъ бѣлаго камня, и нерѣдко такія надписи, по своимъ размѣрамъ, на столько велики, что видны чуть не за шесть верстъ.

Нищѣ постоянно протягиваютъ прохожимъ каменные плитки съ вырѣзанными на нихъ словами этой молитвы; имъ даютъ за нихъ пригоршню дзамбы или щепотку чаю, причемъ ни одинъ мало-мальски порядочный человѣкъ и не подумаетъ даже отказаться отъ нихъ; онъ укладываетъ ихъ или вдоль стѣнъ собственнаго дома или на ближайшей «стѣнѣ Мани».

Число китайцевъ, живущихъ въ Ганзэ, доходитъ до восьмидесяти человѣкъ; большая часть изъ нихъ—шэньсійскіе купцы, остальные—солдаты.

Китайскимъ купцамъ принадлежитъ множество мукомольныхъ мельницъ; онѣ не велики и приводятся въ движеніе мулами; на нихъ перемалываютъ пшеницу, дающую въ этой странѣ хорошіе урожаи; какъ кажется, доходы такихъ мельницъ довольно значительны.

Тѣ же китайцы ввели въ страну свинину ¹⁾, домашнюю птицу и различные овощи (капусту, зелень, лукъ), но туземцы неохотно употребляютъ все это въ пищу, предпочитая свои излюбленные—дзамбу и чай. Главнымъ предметомъ торговли служить здѣсь мускусъ, который продается почти по той же цѣнѣ, что и въ Жіэкундо (т.-е. отъ 20 до 30 рупій за мѣшочекъ); кромѣ того, въ продажу идутъ и другіе мѣстные продукты, а именно: золотой песокъ, шкура яка, овчины, шерсть, оленья рога, а также мѣха. Китайцы вымѣниваютъ эти товары на шелковыя издѣлія, атласъ, ластики, хлопчато-бумажныя ткани (лао бу), красный сафьянъ, табакъ, муку, уксусъ, иголки, пуговицы и т. д., т.-е. на тѣ же товары, которые находятъ себѣ сбытъ и въ дру-

¹⁾ Ламы не ѣдятъ свинины; въ Цайдамѣ къ ней никто даже не прикасается.

гихъ областяхъ Тибета. Китайцы пробовали ввозить сюда тонкія русскія сукна, вѣскія спички, американскіе шергинги, но безуспѣшно, такъ какъ туземцы оказались по отношенію къ этимъ товарамъ большими консерваторами: сукнамъ нанесло пораженіе туземное куду, прочимъ-же товарамъ соотвѣтственныя издѣлія Британской Индіи.

Страна Хорба, какъ уже было замѣчено, раздѣляется на пять княжествъ или, вѣрнѣе, старшинств¹⁾; но было бы ошибкой полагать, что эти старшинства представляютъ собою строго опредѣленныя области, съ точно установленными границами. Очень часто участки, принадлежащіе къ одному княжеству, лежатъ не рядомъ, а отдѣлены другъ отъ друга землями входящими въ составъ другого княжества: такъ, наиримѣръ, къ востоку отъ Чжуво находится одна деревня, принадлежащая дэбѣ Чжанго, а Даво лежащій къ востоку отъ Чжанго, находится подъ властью ганзэскаго дэба. Мое пребываніе въ этой странѣ было, къ сожалѣнію, слишкомъ не продолжительнымъ, такъ что я не имѣлъ возможности выяснитъ себѣ основанія такого, повидимому страннаго раздѣленія странъ.

Только съ 1883 года китайцы получили возможность жить сравнительно спокойно среди хорба. До этого же времени туземцы относились къ нимъ очень враждебно, и очень многіе изъ нихъ за попытку завязать торговыя сношенія съ этой страной заплатились жизнью. Особенною враждебностью проявляли къ нимъ ламы монастыря Чжанго. Въ 1883 году генераль-губернаторъ Сы-Чуани поручилъ дао-таю Цинъ-шань возстановитъ значеніе китайской власти въ Хорба. Выборъ чиновника оказался удачнымъ, Цинъ-шань оказался рѣшительнымъ человекомъ, и вскорѣ, послѣ казни двухъ, трехъ ламъ изъ вышеупомянутаго монастыря, страна была умиротворена. Съ тѣхъ поръ китайцы живутъ здѣсь въ сравнительно большей безопасности.

За день или за два до моего отъѣзда въ Даво мой новый знакомый Лу послалъ впередъ гонца съ циркулярнымъ омовѣщеніемъ всѣхъ туземныхъ властей о моемъ скоромъ проѣздѣ черезъ вѣренную ихъ управленію мѣстность. Оно было написано по китайски и по тибетски, причѣмъ самый листокъ былъ закрученъ вокругъ стрѣлы, въ знакъ того, что бумага имѣетъ весьма срочный характеръ. Тибетскій текстъ циркуляра, съ котораго я тогда же снялъ копію, какъ образчикъ прикаса объ ула, гласилъ слѣдующее: «Китайскій чиновникъ изъ Зура (т.-е. Си-нина?) съ двумя служителями отправляется (букв. спускается) въ страну (т.-е. въ Да-цзянь-лу) по своимъ частнымъ дѣламъ. Ему ула не полагается. Его сопровождаютъ четверо солдатъ изъ гарнизона Ганзэ. Они не имѣютъ лошадей, ввиду чего на каждой станціи вдоль всего пути имъ слѣдуетъ доставлять четырехъ верховныхъ лошадей и одну лошадь вьюкъ.

«Дано за моей печатью 15-го дня 4-го мѣсяца».

Передъ отъѣздомъ Лу угостилъ насъ обѣдомъ, къ которому, кромѣ насъ приглашены были также его писарь и тувъ-ши. Обѣдъ сервированъ былъ на тѣнистой верандѣ, составлявшей часть крыши занимаемаго имъ дома. Угощеніе было на славу; мы выпили также не мало, а во время завязавшейся вслѣдъ затѣмъ дружеской бесѣды нашъ радушный хозяинъ разсказалъ намъ не мало изъ видѣннаго и слышаннаго имъ за время его долгомѣтнаго пребыванія въ Тибетѣ. Впро-

¹⁾ Такое раздѣленіе произошло лишь въ самое недавнее время, но какія причины его вызвали въ точности неизвѣстно.

долженіе трехъ лѣтъ онъ находился въ Лхассѣ, а потомъ около пятнадцати лѣтъ провелъ въ различныхъ другихъ частяхъ Тибета. Человѣкъ онъ былъ наблюдательный и интересный собесѣдникъ. Когда мы заговорили о дикихъ племенахъ, по слухамъ, населяющихъ страну къ сѣверу отъ Лхассы, то онъ сказалъ, что въ Тибетѣ несомнѣнно находятся еще дикари, живущіе въ совершенно первобытномъ состояніи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ случился большой лѣсной пожаръ— на склонѣ горы Га-ло, къ востоку отъ Ганзэ, и пламя выгнало изъ чаши очень много такихъ дикарей. Онъ самъ видѣлъ ихъ: это были очень волосатые люди, говорили они на языкѣ, совершенно непонятномъ для тибетцевъ и носили совсѣмъ примитивную одежду, спитую изъ звѣриныхъ шкуръ. Онъ полагалъ, что они принадлежатъ къ той же самой расѣ, что и голоки, изъ коихъ нѣкоторые и до сей поры живутъ въ пещерахъ и также пребываютъ въ совершенно первобытномъ состояніи.

Я выгналъ изъ Ганзэ 13-го іюня. Четыре китайскихъ солдата въ полу-китайскихъ, полу-тибетскихъ костюмахъ, и верхомъ на рѣзвыхъ лошадакахъ, позвякивавшихъ бубенцами, привязанными у нихъ вокругъ шеи, составляли нашъ почетный эскортъ; два тибетца, въ высокихъ, бѣлыхъ лѣтнихъ шляпахъ, вели вьючныхъ лошадей, а мои спутники и я составляли аррьергардъ и чувствовали себя совсѣмъ несчастными, грязными и оборванными по сравненію съ нашими щеголеватыми спутниками.

Въ восьми или девяти верстахъ къ востоку отъ города дорога круто поворачиваетъ на югъ. Здѣсь въ деревушкѣ Буй-лушъ, расположенной въ двухъ съ небольшимъ верстахъ отъ рѣки, мы остановились съ цѣлью подкрѣпить свои силы и перемѣнить лошадей. Намъ отвели красивый домикъ, принадлежавшій дѣбѣ Чжуво. Отдохнувъ, мы вскочили снова на лошадей и вскорѣ затѣмъ перѣехали черезъ низкую горную цѣпь, по склонамъ которой виднѣлось множество черныхъ палатокъ; затѣмъ мы вступили въ долину р. Тонго-чу. Здѣсь дорога наша обогнула монастырь Жори гомба, расположенный въ котловинѣ, на берегу небольшого озерка Жори-по. Къ самой-же рѣкѣ Тонго-чу мы спустились верстахъ въ трехъ дальше. Она оказалась быстрой, прозрачной рѣченкой, имѣющей около десяти сажень въ ширину и болѣе трехъ футовъ въ глубину.

Отсюда до небольшого селенія Чжуво, резиденціи правителя этой области, оставалось около четырехъ верстъ. Оно лѣпилось на высокой скалѣ лѣваго берега рѣки, а у подошвы этой скалы виднѣлся огромный ламайскій монастырь. Единственный большой домъ въ Чжуво, въ четыре этажа, принадлежалъ дѣба. Крыша этого дома на всѣхъ своихъ углахъ имѣла оригинальные черныя украшенія, напоминавшія большой сложенный зонтикъ; на нижнемъ краю такого «зонта» шла широкая бѣлая полоса, пересѣкавшаяся подъ прямымъ угломъ двумя другими—совершенное подобіе блага креста, бросавшееся въ глаза уже издали. Эти украшенія всегда заставляли меня вздрагивать отъ неожиданности; такъ и казалось, что подъ такимъ крестомъ непременно расположено жилище какого-нибудь христіанскаго миссіонера. Черезъ рѣку велъ деревянный мостъ, закрытый съ обѣихъ сторонъ барьеромъ, въ которомъ была продѣлана калитка. Мы быстро прошли по мосту и очутились въ деревнѣ, гдѣ насъ ожидало прекрасное помѣщеніе въ домѣ дѣба.

Почти всѣ жители были заняты однимъ и тѣмъ же: лѣпили изъ

глины маленькіе конусы, такъ называемые «ца ца», которые потомъ приносили въ жертву богамъ въ чуртеньяхъ, въ безконечномъ множествѣ раскинутыхъ по всей странѣ. Занятіе это казалось скорѣе какой-то забавой: смѣясь и шутя они старались перещеголять другъ друга, налѣпить какъ можно больше этихъ ца-ца. А рядомъ, подъ навѣсомъ сидѣли ламы, читали молитвы и слѣдили за работой. Уже весь склонъ холма былъ покрытъ этими маленькими пирамидками изъ грязи, какъ вдругъ въ скорости послѣ нашего прѣзда проливной дождь разразился подъ долиной и смылъ всю ихъ работу. Такъ какъ они дѣлали ее, чтобы приобрести себѣ награду въ небесахъ, то будемъ надѣяться, что трудъ этотъ зачтется имъ, когда «судья смерти» будетъ взвѣшивать ихъ хорошія и дурныя дѣла.

Во время всего пути отъ Ганзэ до Даво въ моемъ распоряженіи были всѣ тѣ удобства, которыми пользуются чиновники, прѣзжающіе по этой странѣ. На ночь мы останавливались въ домахъ мѣстныхъ начальниковъ или же въ домахъ, специально устроенныхъ для приема прѣзжихъ чиновниковъ, а каждое утро для насъ были готовы свѣжія лошади. Иногда, правда, происходила маленькая задержка, вследствие того, что жители, не желая давать намъ своихъ лошадей, отговаривались неимѣніемъ ихъ по близости. Но въ этихъ случаяхъ всегда являлся старшина, входилъ въ сдѣлку съ моими конвойными и дѣло кончалось миромъ, причѣмъ за причиненное намъ промедленіе уплачивалась пеня въ одну или двѣ рупіи. При этомъ до крупнаго или неприятнаго разговора дѣло никогда не доходило. Староста покорно стоялъ передъ китайцами, держа руки передъ лицомъ, и на всѣ ихъ замѣчанія отвѣчалъ неизмѣннымъ «ла-со», «ла-со»—да, да.

Въ Чжуво мы застали не мало китайскихъ купцовъ. Да и вообще, начиная съ Ганзэ, по направленію къ востоку, мы встрѣчали китайцевъ, большею частью уроженцевъ сы-чуани, почти въ каждомъ популярномъ городкѣ или деревушкѣ. Большинство изъ нихъ совершенно ассимирировалось съ тибетцами, принявъ отъ нихъ не только обычай и одежду, но и религію. Даже ганзэйскій мой знакомый Лу-Минъ-янъ и тотъ исполнялъ многіе мѣстные религіозные обряды: молился по четкамъ, жегъ сучки можжевельника, обмакивалъ палецъ въ чашку съ виномъ или чаемъ, прежде чѣмъ отпить оттуда, и крошилъ на всѣ четыре стороны, исполнялъ и другіе обряды, о которыхъ я упоминалъ выше.

Покинувъ Чжуво, мы слѣдовали далѣе долиной р. Тонго-чу, которая мѣстами принимала характеръ настоящаго скалистаго ущелья. Относительная высота береговыхъ горъ достигала при этомъ нерѣдко 1800 футовъ. Горы праваго берега поросли прекраснымъ лѣсомъ, всюду виднѣлись селенія и поля гороха, пшеницы и ячменя, а надъ дорогой повисли кустарники, усыпанные цвѣтами. Если бы не стада яковъ, нагруженныхъ чаемъ, да не странные люди въ причудливыхъ одѣяніяхъ, я подумалъ-бы, что нахожусь въ какой-нибудь долинѣ Швейцаріи.

Проѣхавъ по этой живописной долинѣ около тридцати верстъ, мы прибыли въ Раятро, гдѣ всѣ дома за исключеніемъ одного, въ которомъ мы и остановились, были сожжены еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время смуты, о которыхъ говорилось выше. Дождь принимался идти нѣсколько разъ въ этотъ день, къ вечеру же полилъ, какъ изъ ведра. Да и вообще, во все остальное время пути до самаго Да-цзянь-лу не проходило дня безъ ливня, который часто портилъ намъ лучшую часть дня.

*

Близъ города Чжанго, пятнадцать верстъ ниже Рантро, р. Тонго-чу впадаетъ въ рѣку Нія-чу. Нѣсколько не доѣхавъ до этого пункта, мы остановились пообѣдать; но едва успѣли здѣсь расположиться, какъ увидѣли шедшую по направленію къ намъ толпу ламъ; которые оказались уроженцами Амдо и шли, изъ Гумбума, среди нихъ нашлись даже пріятели китайцевъ. Они рассказали намъ, что направлялись въ Лхассу, куда шли черезъ Гуй-де и Лабранъ-гомба. Въ пути они были уже три мѣсяца и надѣялись еще мѣсяца черезъ четыре добраться наконецъ до Лхассы. Теперь они направлялись въ Дэргэ, а оттуда думали направиться уже обычной дорогой черезъ Драйя и Чамдо. По ихъ словамъ, небольшія партіи пилигримовъ почти всегда избираютъ эту хотя и болѣе длинную, но зато и болѣе безопасную дорогу, такъ какъ по ней даже два-три человекъ не подвергнутся риску быть ограбленными, чего отнюдь нельзя сказать про большую дорогу (черезъ Цайдамъ), гдѣ и большіе караваны не мало терпятъ отъ голоковъ.

Большой монастырь Чжангогомба расположенъ по гребню невысокой горной гряды, поднимающейся надъ долиной рѣки Нія-чу; городъ же раскинулся ниже монастыря, по крутымъ склонамъ этой гряды. Около двухъ тысячъ ламъ секты гэлуба живетъ въ этомъ монастырѣ, и всѣ, кто ихъ знаетъ, считаютъ ихъ за самыхъ опасныхъ и злыхъ субъектовъ.

Въ селеніи насчитывается до семидесяти пяти домовъ, изъ коихъ два самые большіе принадлежали дэба. Близость Китая давала себя уже чувствовать здѣсь отвратительной вонью, поднимающейся изъ грязныхъ улицъ, гдѣ въ кучахъ нечистоты валялись поросята, и другими прелестями китайской цивилизаціи. Овощи и яйца мы доставали вездѣ въ изобиліи, но мяса, кромѣ свинины, нельзя было достать. Большинство туземцевъ питается здѣсь почти исключительно дзамбой, не прибавляя къ ней даже масла. Картофель былъ занесенъ въ эту страну въ текущемъ столѣтіи, вѣроятно, французскими миссіонерами. Но онъ еще не получилъ надлежащаго распространенія и его употребляютъ въ пищу почти исключительно бѣднѣйшіе люди ¹⁾.

Китайцевъ въ Чжанго насчитываютъ болѣе сотни, метисовъ же еще того болѣе. По пастью и по обычаямъ они ни въ чемъ не отличаются отъ тибетцевъ, такъ что ихъ можно признать, да и то съ трудомъ, развѣ только по типу, по чертамъ лица. Здѣсь не имѣется китайскаго гарнизона, такъ какъ до самаго послѣдняго времени эта мѣстность была для китайцевъ слишкомъ опасна, какъ мнѣ наввно объяснилъ это одинъ солдатъ моего эскорта.

Подручный дэба явился ко мнѣ вечеромъ съ заявленіемъ, что равьше, чѣмъ черезъ двое сутокъ онъ не сможетъ достать намъ лошадей, такъ что, волей-неволей, намъ пришлось просидѣть цѣлый день въ «гунъ-гуанъ», кипевшемъ миріадами мухъ и всякихъ другихъ насѣкомыхъ. Къ моей величайшей досадѣ, одинъ изъ любопытныхъ, рассматривая здѣсь мои пожитки, уронилъ сѣдельный мѣшокъ и разбилъ анерондъ, а вмѣстѣ съ нимъ и послѣдній изъ моихъ термометровъ, чѣмъ, конечно, значительно «упростилъ» мою работу на весь остатокъ пути.

Рѣка Нія-чу стекаетъ съ горъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Чжанго. Близъ этого городка она представляетъ уже значительный потокъ, весьма мало уступающій по ширинѣ рѣкѣ За-чу выше Ганзэ, но въ

¹⁾ Въ западной Сы-чуани онъ, однако, уже вошелъ въ общее употребленіе и даже высоко тамъ цѣнится.

то же время превосходящій послѣднюю быстротой своего теченія. Нія-чу была единственной мутной рѣкой, встрѣченной мною въ Тибетѣ ¹⁾.

Выѣхавъ изъ Чжанго, мы проѣхали около двадцати верстъ берегомъ помянутой рѣки по прекрасно обработанной мѣстности, буквально усыянной маленькими деревушками изъ шести-двѣнадцати домиковъ. Каравановъ съ чаемъ по этой дорогѣ проходило такъ же много, какъ и къ сѣверу отъ Ганзэ, и путешественники всѣхъ званій и состояній на каждомъ шагу попадались намъ навстрѣчу.

Возлѣ деревни Гара-чу (у китайцевъ—Гала-чунъ) мы переправились на противоположный берегъ Нія, и такъ какъ рѣка эта дѣлаетъ здѣсь излучину къ югу то мы пересѣкли страну по діагонали, пересѣкали невысокую гряду горъ и вдоль ручья Жаса-чу вновь спустились къ ея руслу. Отсюда Нія течетъ уже въ щекахъ. Сдавливающая долину ея горы, подымающіяся надъ ея уровнемъ на нѣсколько тысячъ футовъ, снизу до верху поросли великолѣпнымъ строевымъ лѣсомъ. Весь пейзажъ напоминалъ картины, часто встрѣчающіяся по рѣкѣ Фразеръ въ Британской Колумбін. Во многихъ мѣстахъ работали китайцы-дровосѣки; они рубили лѣсъ и сплавали его по рѣкѣ въ Даво и другіе болѣе южные города. Дорога наша, глубоко врѣзавшаяся въ «каменную грудь» горы, лѣзилась по крутому склону ея, на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ надъ русломъ рѣки.

На ночь мы остановились въ небольшой раскинувшейся высоко надъ рѣкой деревушкѣ Дажа—названіе передѣланное китайцами въ Да-чжай, что значить «большое ущелье».

Спустившись на слѣдующій день снова къ рѣкѣ, мы сдѣлали верстъ 18 по чрезвычайно красивой мѣстности, когда вдругъ увидѣли въ боковой долинѣ золоченые шпицы монастыря Нинь-чунъ-гомба, за которыми вставали крыши домиковъ Даво. Мы быстро проѣхали мимо монастыря, гдѣ, къ счастью, никто насъ не замѣтилъ, и въѣхали въ городъ. Тамъ насъ уже ожидало большое, прекрасное помѣщеніе, которое приготовилъ для насъ одинъ изъ солдатъ моего эскорта, нарочно уѣхавшій для этого впередъ.

По срединѣ города протекаетъ небольшая рѣчка, на которой китайцы поставили цѣлый рядъ мукомольныхъ мельницъ. Городокъ этотъ славится своими кузнецами и слесарями, которые, между прочимъ, дѣлаютъ очень хорошіе мѣдные сосуды для нагрѣванія вина.

Здѣсь снова повторилъ тѣ же сценны, что имѣли мѣсто и при нашемъ прибытіи въ Ганзэ. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда собралась толпа, состоявшая изъ ламъ и туземцевъ, пытавшаяся ворваться въ домъ, причемъ была минута, когда намъ грозила, казалось, серьезная неурядица: многіе изъ толпы обнажили свои мечи, а одинъ изъ

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что приводимое мною въ текстѣ названіе этой рѣки яное, чѣмъ у всѣхъ другихъ авторовъ. До настоящаго времени названіе Нія-чу приурочивалось къ рѣкѣ, протекающей у Ганзэ. Но какъ меня увѣряли, возлѣ этого послѣдняго протекаетъ За-чу, возлѣ же Чжанго и Даво—Нія-чу. Хотя я имѣлъ случай неоднократно провѣрить вышеприведенные факты, однако точность ихъ подтверждена нѣкоторому сомнѣнію; дѣло въ томъ, что долина, по которой протекаетъ р. За-чу, называется Нія ронъ, т.-е. долиной рѣки Нія, да и вдоль этой рѣки встрѣчаются мѣстности, въ составъ названія коихъ входитъ слово Нія. Можетъ быть, названіе Нія-ронъ относится ко всему бассейну р. Нія-чу, къ которому принадлежитъ и р. За-чу? Во всякомъ случаѣ, я передаю названія такъ, какъ я ихъ самъ слышалъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя наиболѣе авторитетными китайскими географами (см. «Шуй-дао-ти-канъ»), равнымъ образомъ не сходятся съ сообщенными мной выше. Такъ, рѣку, текущую близъ Ганзэ, они называютъ Я-лунь-цзянь, рѣку-же орошающую Чжанго—Цза (т.-е. За)-чу.

нашихъ солдатъ довольно серьезно ранилъ въ руку одного изъ бунновъ. Это маленькое кровоупусканіе подѣйствовало, однако, сверхъ ожиданія, весьма успокоительно на толпу, а вскорѣ затѣмъ и весь этотъ шумъ прекратился. Я уже настолько привыкъ къ подобнымъ исторіямъ, что спокойно смотрѣлъ на нихъ, и хотя безъ особеннаго удовольствія, но, съ другой стороны, и безъ всякаго страха выжидалъ конца «представленія».

Городъ Даво называется также Жэсэни, и несомнѣнно, что это послѣднее наименованіе и было первоначальнымъ. Западную часть его составляетъ монастырь Нинь-чунъ или Нинь-чунъ гомба, въ которомъ насчитываютъ болѣе тысячи человѣкъ ламъ; въ остальномъ же городѣ не болѣе восьмисотъ человѣкъ населенія считая въ томъ числѣ и китайцевъ коихъ здѣсь болѣе ста человѣкъ. Дома, въ этомъ городѣ, болѣею частью двухъэтажные, построены изъ тщательно приложенныхъ и аккуратно обтесанныхъ бревенъ, причемъ въ постройкахъ значительно преобладаетъ китайскій стиль. Въ большинствѣ домовъ вмѣсто бревенъ съ зарубками, служащими лѣстницами въ тибетскихъ домахъ, устроены настояшія удобныя лѣстницы.

Говорятъ здѣсь на какомъ-то удивительномъ жаргонѣ, представляющемъ собою смѣсь китайскаго и тибетскаго діалектовъ, и который жители, напримѣръ, Ганзэ лишь съ большимъ трудомъ понимаютъ и притомъ не столько благодаря изобилію особенныхъ мѣстныхъ выраженій, сколько вслѣдствіе особенностей выговора и удареній. Мѣстные жители хорошо понимаютъ хласскій діалектъ или вѣрвѣе, тотъ діалектъ, который подъ видомъ хласскаго служитъ официальнымъ языкомъ въ восточномъ Тибетѣ и потому мы безъ особаго труда могли объясняться съ ними ¹⁾.

Намъ пришлось пробыть два дня въ Даво, такъ какъ ба-цзунъ (унтеръ-офицеръ), начальникъ небольшого мѣстнаго гарнизона, эти дни былъ въ отсутствіи. Городокъ оказался ужасно вонючимъ; къ тому-же стояла страшная жара (термометръ показывалъ 74° Ф. въ тѣни). Мухи и какія-то другія насѣкомыя огромной величины были страшно надобдливы, такъ что хотя мы здѣсь и хорошо пообѣдали, но за всѣмъ тѣмъ этотъ вынужденный отдыхъ не доставилъ намъ никакого особеннаго удовольствія.

Ба-цзунъ былъ молодой еще человѣкъ, весьма неглупый и очень любезный. Объяснивъ, что изъ Даво въ Да-цзянь-гу ведутъ двѣ дороги, онъ спросилъ меня, по какой изъ нихъ я хотѣлъ бы поѣхать. Одна изъ нихъ, которую путешественники обыкновенно избираютъ, вела черезъ переваль Жэдо, другая, болѣе трудная, шла чрезъ селеніе Дай-линъ и выходила въ долину р. Чжэ-чу. Этотъ вопросъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе. До сихъ поръ, отъ самаго Жіэкундо, я слѣдовалъ дорогой пундита А—К, теперь же могъ свернуть съ нея и ѣхать по странѣ, до меня никѣмъ еще изъ европейски-образованныхъ путешественниковъ не посѣщенной. Конечно, мнѣ нечего было долго раздумывать, и я немедленно же сообщилъ ему, что хочу ѣхать по такъ называемой «сѣверной дорогѣ».

Мой новый знакомый просилъ меня не спѣшить отъѣздомъ и пробыть у него еще два или три дня. Желая устроить въ мою честь обѣдъ,

¹⁾ Въ 1719 году, во время китайско-тибетской войны, въ Даво былъ построенъ укрѣпленный лагерь, развалины котораго и до сихъ поръ уцѣлѣли неподалеку отъ города. Даво имѣетъ большое стратегическое значеніе, такъ какъ господствуетъ надъ двумя дорогами, ведущими къ китайской границѣ.

онъ потратилъ не мало краснорѣчія, увы! безуспѣшно, чтобы увѣрить меня, что Даво прекрасное мѣсто для «сладкаго отдыха», для «фланированія», т.-е., по живописному выраженію сычуаньскихъ китайцевъ, для «хао-шуа». Величайшее наслажденіе всѣхъ и cadaго въ Сычуани это отдаться именно этому «хао-шуа», т.-е. безцѣльному шатанью по городу. Вамъ всегда предложатъ тамъ подобное развлеченіе, и каждый съ удовольствіемъ ухватится за самый ничтожный предлогъ, чтобы только имѣть возможность предаться «шуа». Но всѣ прелести шуа въ такомъ городѣ, какъ Даво, вкупѣ съ удовольствіемъ пользоваться обществомъ самого ба-цзуна, меня не плѣнили, и я рѣшительно заявилъ, что предамся шуа только въ Да-цзянь-лу, до котораго теперь, слава Богу! осталась всего лишь одна недѣля ѣзды. Тогда онъ обѣщалъ на завтра же доставить мнѣ до Дай-мена проводника и вьючную лошадь.

Простившіеся съ славными парнями, какими оказались, сопровождавшіе меня солдаты ганзэйскаго гарнизона, и съ ба-цзуномъ, который въ парадной формѣ ожидалъ меня на дорогѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни, мы тронулись въ путь.

Близъ Даво въ Нія-чу впадаетъ р. Даво-чу, берущая начало на снѣжныхъ вершинахъ, поднимающихся въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу и юго-востоку отъ города, а дальше рѣки Нія дѣлаетъ крутой поворотъ къ югу.

Дорога наша пошла вдоль по теченію р. Даво-чу. Вплоть до селенія Олосу, лежащаго верстахъ въ десяти ниже Даво, мы ѣхали по неровной каменистой дорогѣ, но отсюда грунтъ сталъ мягче, а дорога вновь стала огибать горы, снизу до верху поросшія прекраснымъ строевымъ лѣсомъ. Къ сожалѣнію, непрерывно падавшій дождь отравилъ намъ то удовольствіе, какое мы испытывали при созерцаніи живописной мѣстности, такъ что мы почувствовали себя очень счастливыми, когда, наконецъ, добрались до Гожа, маленькой деревушки изъ четырехъ или пяти домовъ, расположенной на самомъ берегу плеса рѣки. Здѣсь впервые за все время моего путешествія по Тибету я увидѣлъ зобатыхъ; дальше, однако, страдающіе этой болѣзью стали попадаться мнѣ довольно часто, и притомъ чаще женщины, чѣмъ мужчины.

Отъ Гажа до потоковъ р. Даво-чу долина была необитаема. Вся мѣстность поросла здѣсь густымъ лѣсомъ; размягченная, благодаря непрерывнымъ дождямъ, почва была густо одѣта папоротниками и ползучими растеніями, которые разрослись столь пышно, что совершенно скрыли и щебень, и буреломъ. Подъемъ на перевалъ оказался легкимъ; мы даже совершенно не замѣтили, какъ вышла въ долину Ро-чу, входящую уже въ составъ земель княжества Гада. Такимъ образомъ, еле замѣтный перевалъ этотъ, не имѣющій даже у туземцевъ какаго-либо названія, является важнымъ въ политическомъ отношеніи, служа пограничнымъ пунктомъ вышеупомянутаго княжества и владѣній Хорба.

Здѣсь опять намъ пришлось наблюдать внезапный рѣзкій переходъ отъ страны, покрытой роскошной растительностью, къ совершенно безплодной пустынѣ, и въ связи съ этимъ отъ земледѣльческаго образа жизни населенія къ пастушескому; а именно въ довольно широкой въ верхней ея части долинѣ Ро-чу, имѣющей здѣсь, сказать кстати, юго-восточное простираніе, кочуетъ не мало друпа съ ихъ стадами яковъ и барановъ.

Пройдя версть пятнадцать по названной долинѣ, мы подошли къ небольшой деревушкѣ Цаонія, расположенной на склонѣ горной гряды, поднимающейся на лѣвомъ берегу рѣки.

Мы могли бы въ этотъ же день добраться до селенія Гада, до котораго оставалось не болѣе 18 верстъ, но я слишкомъ усталъ, ослабѣлъ и ощущалъ сильную потребность въ отдыхѣ. Дѣло въ томъ, что у меня сдѣлалось острое воспаленіе миндалевидной железы, такъ что я совершенно лишенъ былъ возможности ѣсть. Та діета изъ чая и дзамбы, на которую я былъ обреченъ въ послѣдніе четыре мѣсяца, конечно, не могла не подточить въ значительной мѣрѣ мои физическія силы, теперь же, когда мнѣ пришлось отказаться отъ всякой пищи, силы мои быстро упали, и дѣло дошло до того, что я безъ посторонней помощи уже не могъ взлѣзть на сѣдло. Я ужасно боялся слечь въ пути, и всѣ мои помыслы направлены были теперь къ Да-цзянь-лу.

На слѣдующій день мы перевалили черезъ гряду, лежащую позади Цзонія, вступили въ долину Гада; пройдя же еще три версты, мы очутились въ циркообразной равнинѣ, въ которую открывалось нѣсколько логовъ, имѣвшихъ каждый при своемъ устьѣ небольшое селеніе. Въ центрѣ долины находился монастырь¹⁾, золоченныя остроковечныя кровли котораго ярко блестѣли на солнцѣ сквозь вѣтви деревьевъ, а возлѣ, за землянымъ валомъ стараго укрѣпленія²⁾, видѣлись крытыя черепицей крыши китайской деревни Дай-линъ, состоящей изъ сотни домовъ, вытянутыхъ въ двѣ узкія, грязныя улицы. Крошечный ямынь и малевьякая правительственная кумирня—эти и все, чѣмъ можетъ похвалиться это жалкое мѣстечко, управляемое ба-цзунюмъ и носящее вполне китайскій характеръ. Далѣе туземныя женщины—жены мѣстныхъ китайцевъ, успѣли настолько здѣсь окитаиться, что потеряли свою живость и развязную манеру держаться. Дай-линъ—пограничный пунктъ восточнаго Тибета; и хотя за нимъ мы вступили въ область, этнографически все еще относимую къ Тибету, но едва ли правильно, такъ какъ далѣе на юго-востокѣ туземцы встрѣчаются рѣдко. Оттѣснили ли ихъ отсюда китайцы или сами они находятъ климатъ Гирона³⁾ слишкомъ для себя сырымъ и жаркимъ, я не знаю; но фактъ остается фактомъ—тибетцевъ здѣсь очень мало.

Ба-цзунъ пригласилъ меня къ себѣ и предложилъ мнѣ предаться шуа въ теченіе нѣсколькихъ дней, но грязная и темная конура, футовъ восемь въ длину и столько же въ ширину, въ которой насъ помѣстили, была настолько непривлекательна и неудобна, что я настоялъ на томъ, чтобы на утро же были приготовлены мнѣ провозатые.

Покинувъ Дай-линъ, мы вскорѣ снова очутились среди полу-тропической растительности. У нашихъ ногъ, въ глубокой долині, катилъ свои воды потокъ, который, сдѣлавъ нѣсколько излучинъ, устремлялся затѣмъ на сѣверъ для того, конечно, чтобы излиться въ Тунъ-хо или Гинь-чуанъ—рѣку, текущую въ смежной долині. Съ востока описываемую долину окаймляли высокія, крутыя горы, скрывавшія свои вершины подъ глубокимъ снѣгомъ; а за этой грядой подымались еще другія, болѣе высокія горы—колоссальный массивъ Жа-ра-ри, съ котораго во всѣ стороны сползали огромныя массы фирна и льда. Вся долина и окаймляющія ее высоты положительно утопали въ густой массѣ зелени, и что особенно здѣсь поражало, это—серебристый мохъ, который пышными гирляндами свѣшивался съ деревьевъ, уподобая ихъ священнымъ изображеніямъ боговъ, разукрашенныхъ фестонами гигантскаго хадака.

¹⁾ Этотъ монастырь основанъ былъ въ 1729 году.

²⁾ Время его постройки—1719 годъ.

³⁾ Подъ этимъ названіемъ извѣстна эта часть бассейна Чжэ-чу.

Мы миновали здѣсь нѣсколько становищъ китайцевъ - дровосѣковъ, послѣ чего стали подниматься по склону огромной горы, съ которой каскадами устремлялись внизъ нѣсколько бурныхъ потоковъ, образовавшихся у ея подножія рядъ озерковъ. Отсюда происходитъ и китайское названіе этой величественной горы—Хай-цзы-шань—«гора озеръ». Въ одномъ изъ этихъ озеръ беретъ начало р. Чжэ-чу, сливающаяся близъ города Да-цзянь-лу съ другой рѣкой—Дарь-чжэ. Это объясняетъ тибетское названіе этого города—Дарь-чжэ-до¹⁾ исковерканное китайцами въ Да-цзянь-лу.

Жа-ра-ри представляетъ горный массивъ, увѣнчанный тремя пиками. Абсолютная высота его около 16.500 футовъ. Къ югу онъ примыкаетъ къ другой горной вершинѣ—Жэдо-ла черезъ которую и переваливаетъ такъ называемая южная дорога въ Да-дзянь-лу. Намъ же предстояло обогнуть ее съ востока и идти, нисколько не отступая отъ р. Чжэ-чу. На сѣверномъ склонѣ этой горы находятся, какъ мнѣ говорили, горячіе источники, которые пользуются нѣкоторою извѣстностью у туземцевъ. Дорогой мы встрѣтили здѣсь множество замѣчательно красивыхъ серебряныхъ фазановъ (у китайцевъ—ма-ги), которые, завидѣвъ насъ, убѣгали въ кусты.

Долина Чжэ-чу очень узкая и каменистая и круто спускается къ Да-цзянь-лу. Рѣка растетъ и увеличивается здѣсь съ поразительной быстротой, превращаясь изъ незначительной рѣчки въ огромный рѣвущій потокъ, который ворочаетъ огромные камни, съ тою же легкостью, какъ куски пробки. Почти черезъ каждые 50 сажень намъ приходилось переходить здѣсь въ бродъ ручьи и рѣчки, низвергавшіеся въ Чжэ-чу, такъ что послѣдняя уже у Синь-дяня, лежащаго въ восьми верстахъ отъ устья долины, достигаетъ семи сажень въ ширину. Селеніе Синь-дянь или «Новая гостиница», состоящее изъ нѣсколькихъ китайскихъ фермъ, образовалось лишь въ самое послѣднее время, и служа своего рода передовымъ постомъ Китая, медленно надвигающагося и въ этомъ направленіи на Тибетъ. Въ единственной комнатѣ такъ называемой гостиницы, въ которую мы заѣхали, размѣстилась уже цѣлая компанія плотниковъ, каменщиковъ и другихъ ремесленниковъ, направлявшихся въ Тибетъ. Тамъ же помѣщался хозяинъ, вся его семья, и его свиньи; и намъ волей-неволей пришлось пристроиться рядомъ съ послѣдними, въ маленькомъ уголкѣ, гдѣ мы и провели безпокойную, безсонную ночь.

На утро мы рано двинулись въ дальнѣйшій путь, предвкушая уже прелесть отдыха въ Да-цзянь-лу, куда мы рассчитывали добраться еще за-свѣтло. Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Синь-дяня мы впервые увидѣли бамбуковые заросли, и тутъ же по обѣимъ сторонамъ дороги лугъ изобилывалъ клубникой. По пути намъ встрѣтилась только одна небольшая тибетская деревушка; за ней же, въ недалекомъ разстояніи, раскинулась и китайская деревня, въ которой мы остановились ради, того, чтобы выкупаться въ горячемъ источникѣ, бывшемъ съ ней по сосѣдству. Я съ наслажденіемъ принялъ эту ванну, которая была первой послѣ того, какъ я выкупался еще въ декабрѣ въ Линь-туанѣ, близъ Си-ань-фу.

Немногіе тибетцы, встрѣчавшіеся намъ по дорогѣ, здѣсь, въ непосредственной близости Китая, не имѣли уже естественной, свободной, непринужденной манеры держаться, и выказывали свое смиреніе, слѣ-

¹⁾ «До» по тибетски означаетъ «слияніе».

шиваясь и низко кланаясь, даже предъ двумя оборванными китайскими солдатами моего конвоя.

Было около трехъ часовъ пополудни, когда наши проводники показали намъ крутую гору, на самой вершинѣ которой лежалъ еще пятнами снѣгъ; у подножія этой горы, сказали они, раскинулся Да-цзянь-лу. Немного спустя, мы, дѣйствительно, перешли черезъ большой деревянный мостъ и увидѣли впереди городскія стѣны и сѣверныя ворота, освѣщенные широко раскинувшимися вѣтвями деревьевъ, а немного спустя мы уже проѣзжали мимо небольшой католической школы (коллегіи св. Іосифа), выстроенной вѣтъ городскихъ стѣнъ, у самыхъ воротъ. Вступивъ засимъ въ городъ, мы по узкимъ и тѣснымъ улицамъ добрались до Даръ-чу, переѣхали черезъ нее и, попавъ въ одау изъ торговыхъ улицъ, остановились здѣсь въ гостинницѣ.

Наконецъ-то! Наконецъ-то, послѣ столькихъ трудовъ и тревоженій, сможемъ мы какъ слѣдуетъ отдохнуть, не опасаясь ярости ламъ, возможности въ каждую данную минуту лишиться крова и имѣя въ изобиліи вкусную пищу.

Едва мы расположились въ гостинницѣ, я послалъ одного изъ своихъ слугъ къ его преосвященству епископу Феликсу Бізъ сообщить о моемъ приѣздѣ и просить разрѣшенія посѣтить его, когда ему будетъ удобно. Немного спустя къ намъ явился его управитель и посовѣтывалъ нанять домикъ, расположенный рядомъ съ домомъ епископа. Это было большое, спокойное, чистое и удобное помѣщеніе, въ которомъ останавливались Gill, Baber, графъ Сечени и другіе европейскіе путешественники, и въ которомъ я могъ получить всѣ тѣ удобства, которыя только можно имѣть въ Да-цзянь-лу. На слѣдующій день я перебрался туда, сдѣлавъ предварительно визитъ епископу.

Не могу описать того удовольствія, которое я ощутилъ, очутившись опять среди европейцевъ; это могутъ понять только тѣ, которымъ пришлось провести долгое время исключительно среди азіатовъ. Добрый епископъ и братья Дебранъ, Мюссо и Сулізъ встрѣтили меня съ такой сердечностью и съ такимъ радушіемъ, что я всегда буду вспоминать о нихъ съ благодарностью. Они не хотѣли вѣрить, что мнѣ удалось проѣхать съ двумя только спутниками черезъ Дэргэ и Нія-ронъ, черезъ страну, въ которую они уже болѣе двадцати лѣтъ безуспѣшно пытались пробраться. Ихъ похвалы и поздравленія я всегда буду считать своей лучшей наградой, такъ какъ никто не знаетъ такъ хорошо, какъ они, всѣ трудности и опасности путешествія по Тибету.

VI.

Да-цзянь-лу.—Его торговля.—Нѣкоторыя свѣдѣнія объ управленіи и торговлѣ Тибета, его податной системѣ, народонаселеніи, внѣшнихъ сношеніяхъ и проч.

Я такъ удобно устроился въ Да-цзянь-лу, что рѣшилъ подождать здѣсь моихъ людей, оставшихся въ Жіэкундо.

Да-цзянь-лу¹⁾—самое западное изъ приставствъ (тинъ) провинціи Сы-чуань и нъ то же время резиденція тибетскаго князя (Жіябо)

¹⁾ Китайцы объясняютъ слѣдующимъ образомъ происхожденіе этого названія: императоръ Ву-хоу, династія Хань, во время своего похода на югъ приказалъ нѣкому Го-да устроить здѣсь кузницу (лу) для изготовленія наконечниковъ стрѣлъ (да-цзянь), и такимъ образомъ положилъ основаніе Да-цзянь-лу. Настоящее же происхожденіе этого наименованія приведено выше.

Чжала, известнаго у китайцевъ подъ именемъ Минь-чжена. Рѣка Дарь-чу раздѣляетъ городъ на двѣ части, которыя соединены между собою двумя мостами. И та, и другая обнесена зубчатыми стѣнами, снабженными тремя воротами: сѣверными, южными и восточными. Городскія зданія большею частью выстроены въ китайскомъ стилѣ, хотя имѣются и такія, въ которыхъ сохранены характерныя черты тибетской архитектуры: два этажа и плоскія крыши. Населеніе, численность коего равняется приблизительно шести-восми тысячамъ душъ, какъ и слѣдовало ожидать, крайне смѣшанное, такъ какъ сюда, въ этотъ оживленный торговый пунктъ, съѣзжаются китайцы изъ Шэнь-си, Юнь-наня и другихъ еще болѣе отдаленныхъ провинцій Китая, а равно тибетцы и прочіе явородцы съ восточныхъ окраинъ Тибета и изъ другихъ смежныхъ областей. Учсть это пришлое населеніе не представляется возможнымъ; да оно и мѣняется, можно сказать, ежедневно, а потому въ вышеприведенную цифру я включилъ лишь одно коренное населеніе города. При этомъ я оставилъ безъ вниманія и населеніе окрестныхъ монастырей, коихъ здѣсь четыре, по одному на каждую изъ выше перечисленныхъ сектъ. Общая численность монаховъ достигаетъ тысячи человекъ, но, кромѣ того, въ монастырей живетъ еще довольно много жрецовъ бѣнбо, которыхъ и называютъ поэтому «зо-гомба», т.-е. свѣтскими ламами. Если включить всѣ эти элементы, то общая цифра населенія Да-цзянь-лу съ достаточной точностью опредѣлится въ десять тысячъ человекъ.

Во главѣ этого приставства находится «военный комиссаръ» (цзюнь-лянъ-фу); онъ же завѣдуетъ направлениемъ денегъ, военныхъ припасовъ, предметовъ снаряженія и другихъ вещей, необходимыхъ для китайскихъ гарнизоновъ, расположенныхъ въ Тибетѣ¹⁾. Этотъ постъ считался еще недавно въ высшей степени «доходнымъ», благодаря поступавшимъ въ распоряженіе комиссара суммамъ, составлявшимся изъ пошлины на чай. Нынѣ, однако, генералъ-губернаторъ провинціи присылаетъ сюда «депутата» (вэй-каня) для контроля за взиманіемъ лиценна, и хотя злоупотребленія, благодаря этому, не исчезли, тѣмъ не менѣе комиссаръ уже не можетъ такъ свободно набивать свой карманъ, какъ дѣлалъ это раньше.

Главнымъ военнымъ начальникомъ является здѣсь офицеръ съ титуломъ Цинь-нинъ-сѣ, командиръ «ина» Фу-хо, изъ рядовъ коего выдѣляются отдѣльные отряды для несенія гарнизонной службы въ нѣкоторыхъ пунктахъ восточнаго Тибета. Предполагается, что въ той части ини, которая квартируетъ въ Да-цзянь-лу, находится не менѣе двухсотъ человекъ, но я думаю, что на дѣлѣ ихъ наберется не болѣе сотни.

До 1700 года Да-цзянь-лу и вся страна верстъ на полтора ста къ востоку не была еще занята китайцами и находилась подъ властью князя Чжала. Съ этого же времени вся эта область была присоединена къ Китаю, который, однако, сохранилъ туземцамъ ихъ внутреннюю родовую организацію. Туземный князь, до сихъ поръ еще имѣющій свою резиденцію въ Да-цзянь-лу, одинъ изъ наиболѣе могущественныхъ правителей восточнаго Тибета, такъ какъ онъ одинъ изъ всѣхъ сумѣлъ подчинить своей власти ламъ, проживающихъ въ его владѣніяхъ. Онъ

¹⁾ Только доставка пищевыхъ продуктовъ лежитъ на обязанности ячжоускаго даотаа—порядокъ, ведущій свое начало еще съ того времени, когда городъ Я-чжоу былъ пограничнымъ пунктомъ. Военному комиссару подчинены комиссары Литана, Бутана, Чамдо, Ларго и Лхассы.

имѣеть право взимать пошлину со всѣхъ товаровъ, направляемыхъ изъ Да-цзянь-лу на западъ, независимо отъ того, кто отправители—китайцы или туземцы; онъ одинъ также имѣеть право суда надъ своими подданными, такъ что даже туземцы, схваченные на мѣстѣ преступленія китайскими властями, представляются ему или его чиновникамъ для суда и расправы.

На западѣ княжество Чжала граничитъ съ владѣніями Мэнія (Чжань-дуй) и Литаномъ, которыя теперь присоединены къ Лхассѣ, и князю съ большимъ лишь трудомъ удалось въ послѣднее время помѣшать попыткамъ Лхасскаго правительства захватить и часть его территории. Онъ не пренебрегаетъ ничѣмъ, чтобы поднять свой авторитетъ, и въ этомъ отношеніи ему особенно помогли удачно заключенные имъ браки его дочерей, изъ коихъ одна выдана за могущественнаго князя Дэргэ, а другая за князя Литана.

На западной границѣ его владѣній, въ мѣстечкѣ Нія-чу-ка или Мэ-нія-чу-ка, расположенномъ на рѣкѣ Нія, находится очень важный постъ, охраняемый гарнизономъ изъ нѣсколькихъ китайскихъ и тибетскихъ солдатъ. Нѣкоторые считаютъ этотъ постъ пограничной станціей въ сторону Тибета, такъ-какъ всѣ путники, кромѣ туземцевъ, обязаны предъявлять здѣсь свои паспорта. Постъ этотъ былъ первоначально учрежденъ въ цѣляхъ предупрежденія безнаказаннаго побѣга китайскихъ солдатъ, изъ китайскихъ гарнизоновъ, расположенныхъ въ Тибетѣ, да въ этомъ, какъ кажется, состоитъ и до сихъ поръ его главное назначеніе.

Особое значеніе имѣеть Да-цзянь-лу, какъ торговый пунктъ: онъ служитъ огромнымъ «базаромъ» для Китая и Тибета. Самымъ главнымъ предметомъ ввоза въ эту послѣднюю страну является, какъ извѣстно, чай; его провозится ежегодно черезъ Да-цзянь-лу отъ 275 до 370 тысячъ пудовъ. Чай этотъ доставляется сюда изъ Я-чжоу и другихъ мѣстностей носильщиками, которые за доставку получаютъ 2 лана серебра за каждые десять бао¹⁾.

Изъ восточныхъ воротъ города носильщики попадаютъ раньше во дворъ ли-цзин'ой конторы, расположенной близъ этихъ воротъ, и только, уплативъ здѣсь слѣдующую за чай пошлину (0,8 лана за каждые пять бао), получаютъ право нести ихъ въ склады, находящіеся въ чертѣ города и принадлежащіе большею частью ячжоускимъ куицамъ. Въ этихъ складахъ бао дѣлятся на четыре отдѣльныхъ пакета или «кирпича», по-тибетски—«парка», которые по девяти вкладываются въ ящики, обшиваемые поверхъ кожей. Въ такомъ видѣ чай готовъ къ отправкѣ въ Тибетъ, причѣмъ два такихъ ящика (гамъ) составляютъ вьюкъ (жіябъ) яка. При выѣздѣ изъ Да-цзянь-лу, со всего чая, идущаго въ Тибетъ, снова взимается пошлина, но уже не въ пользу китайской казны, а князя Чжала; съ каждыхъ четырехъ «кирпичей» князь получаетъ двѣ фына серебра (т. е. 0,02 лана), если экспортеръ—китаецъ, и по одному фычу, если товаровладѣлецъ уроженецъ Тибета. Приготавливаемый для тибетскаго рынка чай, пишетъ отецъ Desbobins²⁾, по качеству своему, а именно: по большей или меньшей крѣпости листьевъ, по большей или меньшей степени ферментации, по цвѣту и проч. бываетъ пяти сортовъ. Но кромѣ этихъ

¹⁾ Въсѣ «ба» неодинаковы; онъ колеблется между 18 и 23 фунтами.

²⁾ «A Tea Witt Trade Tibet» напечатана въ 1883 г. бенгальскимъ секретариатомъ. Я слегка измѣнилъ транскрипцію тибетскихъ и китайскихъ названій. Примѣчанія принадлежатъ мнѣ.

пяти сортовъ чая, идущихъ въ продажу, готовится еще нѣкоторое количество чая высшаго сорта, который также упаковываютъ «кирпичами». Этотъ высшій сортъ посылается въ подарокъ отъ императора далай ламѣ; его употребляютъ также нѣкоторые изъ китайскихъ чиновниковъ, въ особенности-же знатные туземцы, но въ продажу онъ никогда не поступаетъ. Первый сортъ, по-китайски ши-чанъ-гинь, тибетцы называютъ го-манъ-чжу-ба. Въ пачкахъ этого чая нѣтъ ни кусочка дерева; онъ весь состоитъ исключительно изъ лучшихъ, вполне ферментированныхъ листьевъ темно-коричневаго (не чернаго) цвѣта. Въ оба края каждой чайной пачки обыкновенно кладутъ немного чаю вышихъ сортовъ. Такъ какъ онъ имѣетъ лучшей ароматъ и такъ какъ для надлежащаго настоя его идетъ гораздо меньше, чѣмъ чая другихъ сортовъ, то его употребляютъ всѣ тѣ, которымъ средства позволяютъ это. Каждая пачка этого чая, вѣсомъ обыкновенно въ шесть фунтовъ, продается въ Ди-цзянь-лу по 1,4 рупіи, въ Батанѣ, по 2 рупіи, гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ большой дороги по 3 рупіи, въ области Цзаронъ, Зокуль и верхняго Ассамы по 3,8 рупіи и, смотря по запасамъ, имѣющимся на рынкѣ, по цѣнѣ отъ 3 до 4 рупій въ Лхасѣ¹⁾. Второй сортъ у тибетцевъ носитъ названіе гюэ-цэ-цё-ба. Онъ упаковывается кирпичиками, приблизительно такой же величины и такого же вѣса, какъ и первый сортъ, но по качеству онъ значительно уступаетъ послѣднему, такъ какъ листья, изъ которыхъ онъ сдѣланъ, зеленоватаго или желтаго цвѣта, не достаточно ферментированы, а поэтому чай не такъ ароматиченъ и его идетъ гораздо больше, чѣмъ перваго, для настоя одинаковой крѣпости. Недобросовѣстные купцы иногда сбываютъ его неопытному покупателю вмѣсто го-манъ-чжу-ба, или подмѣшиваютъ нѣсколько пачекъ такого чая къ чаю перваго сорта. Пачка второго сорта стоитъ одну рупію въ Да-цзянь-лу, двѣ—въ Батанѣ, три—въ сторонѣ отъ большой дороги до области Цзаронъ и Зокуль, и 3-4 рупіи—въ Лхасѣ.

«Третій сортъ называется по-тибетски жиѣ-ба, а по-китайски—ба-чжанъ-гинь. Каждая его пачка вѣситъ безъ малаго 3 фунта и стоитъ десять *винъ* въ Да-цзянь-лу, одну рупію—въ Батанѣ и отъ 2 до 2½ рупій—въ Лхасѣ. По качеству своему этотъ сортъ уступаетъ первому, но онъ значительно лучше второго сорта. Сдѣланъ онъ изъ листьевъ съ небольшою примѣсью верхушекъ маленькихъ вѣточекъ, хорошо ферментированныхъ и имѣющихъ темножелтый цвѣтъ. Его больше всего употребляютъ въ Тибетѣ, притомъ не только, какъ напитокъ, но и какъ мѣнговую единицу, какъ суррогатъ денегъ. Тибетцы при куплѣ и продажѣ опредѣляютъ цѣну своихъ продуктовъ въ кирпичкахъ чая; такъ, они говорятъ: «этотъ мечъ стоитъ три кирпича», или «эта лошадь двадцать кирпичей» и т. д. Жалованье рабочимъ и прислугѣ также выплачивается опредѣленнымъ количествомъ кирпичей чая. Когда говорятъ о *кирпичахъ* чая, какъ о деньгахъ, то всегда имѣютъ въ виду этотъ третій сортъ чая, т.-е жиѣ-ба; при этомъ опредѣляется не вѣсъ кирпичей, а ихъ число. Если же условливаются считать чай по вѣсу, а не по числу кирпичей, тогда имѣютъ въ виду въ качествѣ мѣнговой единицы пятый сортъ.

¹⁾ Китайское названіе этого сорта чая значитъ буквально «десять листовъ золота», и происходитъ отъ того, что въ каждый кирпичъ вкладется обыкновенно десять кусковъ золотой фольги. Тибетское же названіе этого сорта значитъ: «Императорскій, № 10». Я платилъ за него въ Ди-цзянь-лу одну рупію за пачку.

«Четвертый и пятый сортъ называются одинаково жонъ-ма, такъ что есть два сорта чая жонъ-ма. Первый сортъ жонъ-ма, т.-е. четвертый сортъ чая, приготовляемый наполовину изъ листьевъ, наполовину изъ вѣточекъ чайнаго куста, смѣшанныхъ вмѣстѣ, мало употребляется и какъ напитокъ, и какъ мѣновая единица. Поэтому о немъ достаточно будетъ упомянуть, что одна пачка его вѣситъ шесть фунтовъ и стоитъ въ Да-цзянь-лу одну рупію.

«Пятый сортъ, или жонъ-ма низшаго качества, готовится почти исключительно изъ вѣточекъ, остающихся при подрѣзкѣ чайныхъ кустовъ, къ которымъ прибавляются, да и то не всегда, чайные листья лишь въ весьма небольшомъ количествѣ. Поэтому тибетцы вполне правильно называютъ его шинъ-жа (деревянный чай). Каждый кирпичъ этого чая вѣситъ приблизительно шесть фунтовъ и стоитъ 12—13 анна въ Да-цзянь-лу, 1 рупію—въ Батанѣ и 2 до 2½ рупій—въ Лхасѣ. Этотъ чай толкутъ въ ступкѣ и въ размельченномъ видѣ употребляютъ для заварки. Какъ уже выше указано, онъ употребляется и какъ мѣновая единица, причѣмъ принимается въ соображеніе вѣсъ пачекъ; онъ значительно тяжелѣе 3-го сорта и въ этомъ отношеніи представляетъ нѣкоторое преимущество передъ нимъ; по качеству же онъ гораздо ниже его».

Тамженные чиновники говорили мнѣ, что сумма, поступающая ежегодно отъ сборовъ съ чая, ввозимаго въ Да-цзянь-лу, составляетъ отъ 110.000 до 120.000 ланъ серебра, а это соответствуетъ 370.000 пудамъ.

Кромѣ чая, доставляемаго въ Тибетъ по этой дорогѣ, ежегодно ввозится туда значительное количество этого продукта, пожалуй, не менѣе 25.000 пудовъ, чрезъ Сунъ-панъ, а также такое же, вѣроятно, количество изъ Ли-цзянь-фу и Да-ли-фу чрезъ А-дунъ-цзы и юго-восточный Тибетъ.

Несмотря на эти огромныя количества ввозимаго и потребляемаго чая, обычное въ Тибетѣ явленіе представляютъ люди, принужденные вмѣсто чая употреблять всевозможные суррогаты его: поджаренный ячмень или горохъ, древесныя опилки, ивовыя листья и т. д., однимъ словомъ все то, настоя чего даетъ напитокъ, имѣющій какой-либо вкусъ и цвѣтъ.

Кромѣ чая слѣдующіе товары служатъ предметами китайскаго вывоза чрезъ Да-цзянь-лу: хлопчатобумажныя ткани, шелковыя издѣлія, атласъ, золотая парча, чендуфускіе хадаки, табакъ, красный сафьянъ, фарфоровыя издѣлія, сахаръ, мѣха, ружейныя стволы, мѣдный и желѣзный товаръ, москательные товары и масса различныхъ мелочей и бездѣлушекъ.

Верхній и Средній Тибетъ посылаютъ на рынокъ Да-цзянь-лу: пуло, тирму¹⁾, кожи яка, овчины, мѣха лисицъ, рысей и леопардовъ, мускусъ, золото, кораллы, жемчугъ и драгоценныя камни, шафранъ (изъ Кашмира), курительныя свѣчи, ковры, сушеные фрукты, буру, различные лѣкарственные товары (главнымъ образомъ оления рога), консервы

¹⁾ Тирма—очень хорошая шерстяная матерія, изготовляемая небольшими кусками. Отмѣчу слѣдующій любопытный фактъ. Въ окрестностяхъ Лхассы лежитъ маленькая деревушка, въ которой имѣется стадо овецъ, вся шерсть которыхъ идетъ исключительно на изготовленіе тирмы для далай-ламы. Эта деревушка должна поставлять свою тирму бесплатно, но зато она освобождена отъ всякихъ другихъ повинностей. Это напоминаетъ тотъ кармелитскій монастырь въ Италіи, который содержалъ стадо овецъ, съ исключительной цѣлью ткать изъ ихъ шерсти паллумы для папъ.

изъ овощей, мыло (изъ Индіи), грубыя шелковыя издѣлія (изъ Ассама), плитки коричневаго сахара (бурамъ) и т. д. Общая стоимость всѣхъ этихъ товаровъ гораздо ниже стоимости чая, покупаемаго здѣсь тибетцами, которые за большую часть своихъ закупокъ платятъ наличными деньгами—индійскими рупіями¹⁾. До столкновеній, происшедшихъ недавно между Индіей и Тибетомъ, количество рупій, поступавшее на рынокъ Да-цзянь-лу было такъ велико, что восемь кузницъ заняты были спеціально лишь переплавкой ихъ въ слитки.

Послѣ чая самую важную роль въ торговлѣ этого города играетъ мускусъ. Нѣкоторое понятіе о количествахъ, въ которыхъ продается этотъ товаръ, можно составить хотя бы по тому факту, что агентъ одной иностранной шанхайской фирмы покупаетъ здѣсь мускусу ежегодно болѣе, чѣмъ на 300.000 рублей. Почти весь мускусъ, доставляемый въ Да-цзянь-лу, тибетцы предварительно фальсифицируютъ, пригнѣшивая къ нему кровь и проч., такъ что изъ одного мѣшечка у нихъ выходитъ четыре или пять. Для того, чтобы убѣдиться въ чистотѣ мускуса, обыкновенно пропускаютъ черезъ мѣшечекъ нитку, натертую чеснокомъ; если послѣ этого запахъ чеснока исчезнетъ, то мускусъ считается достаточно чистымъ.

Ревень также представляетъ извѣстное значеніе въ торговлѣ Да-цзянь-лу, но предложеніе этого товара превышаетъ спросъ на него. Въ Терамо и Цзаронѣ можно было бы ежегодно скупать сотни тоннъ этого растенія по самой сходной цѣнѣ. Его очень много растетъ на холмахъ въ окрестностяхъ Да-цзянь-лу, но туземцы, желая поскорѣе пустить его въ продажу, сушатъ его на огнѣ и этимъ значительно его портятъ. Обычная цѣна на ревень составляетъ 1.5 лана за пиккуль въ городѣ; высушенный же на солнцѣ ревень продается по болѣе высокой цѣнѣ, доходящей до 3 лановъ.

Тибетскіе купцы изъ одной и той же мѣстности организуются въ компаніи; каждая такая компанія имѣетъ въ Да-цзянь-лу своихъ агентовъ или вакилей, которые совершаютъ всѣ необходимыя для нихъ закупки, исполняютъ другія ихъ порученія и, вообще такъ же, какъ и въ Донкырѣ, являются отвѣтственными представителями купцовъ, у коихъ находятся на службѣ. Тибетцы называютъ ихъ цзюнь-бонъ или гарь-бонъ, что соответствуетъ французскому «рагон». Величина каравановъ, съ товарами которые они снаряжаютъ въ Тибетъ для своихъ довѣрителей нерѣдко доходитъ до очень большихъ размѣровъ; такъ, во время моего пребыванія въ Да-цзянь-лу, я видѣлъ одинъ караванъ, направлявшійся въ Шигатзэ въ которомъ было болѣе 3.000 вьючныхъ животныхъ, болшею частью муловъ. Вообще же меня убѣряли, что не проходитъ дня безъ того, чтобы изъ Да-цзянь-лу, не отправлялись въ Тибетъ караваны, состоящіе, по меньшей мѣрѣ, изъ ста или двухсотъ навьюченныхъ яковъ.

Значительная часть торговли Да-цзянь-лу находится въ рукахъ купцовъ изъ Шань-си. Но самыми предприимчивыми, какъ здѣсь, такъ и въ Цзаронѣ, Заюлѣ и др. областяхъ, являются купцы изъ Ли-цзянь-фу, пров. Юнь-нань, извѣстные подъ именемъ юнь-нань-ко или «юнь-наньскихъ гостей». Главнымъ полемъ ихъ дѣятельности служитъ Цзаронъ, страна вдоль р. Лань-цзянь-цзянь, богатая и довольно густо

¹⁾ По словамъ генерала J. T. Wolke'a, торговый балансъ индійско-тибетской торговли складывается постоянно въ пользу Тибета. Въ 1882—1883 гг., напримѣръ, разница между экспортомъ и импортомъ въ Тибетъ доходила до 34.125 фунтовъ стерлинговъ; и всѣ эти деньги почти полностью поступали на рынокъ Да-цзянь-лу.

населенная, главнымъ образомъ, инородцами лису, которыхъ они и эксплуатируютъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Епископъ Біэ говорилъ мнѣ, что они пускали въ ходъ всевозможныя средства, чтобы только помѣшать миссіонерамъ водвориться въ этой странѣ такъ какъ отлично понимали, что съ появленіемъ этихъ послѣднихъ въ Цзаронѣ будетъ положенъ конецъ ихъ прибыльной торговлѣ, основанной, главнымъ образомъ, на надувательствѣ¹⁾.

Заговоривъ о Цзаронѣ, умѣстно будетъ упомянуть о томъ, что здѣсь удержалось еще рабство въ формѣ болѣе тяжелой, чѣмъ гдѣ-либо въ другой части Тибета. Когда какой-нибудь бѣдный тибетскій пилигримъ, направляющійся чрезъ Цзаронъ въ Догэ-ла или въ какое-нибудь другое, извѣстное своею святостью, мѣсто задолжаетъ какую-нибудь сумму за ночлегъ или ѣду, то долженъ потомъ работать пять, шесть лѣтъ, чтобы трудомъ рукъ своихъ отработать свой ничтожный долгъ; но, въ концѣ концовъ, онъ все же получаетъ свободу. Иначе обстоитъ дѣло съ болшею частью рабовъ въ Цзаронѣ, въ число коихъ попадаютъ, главнымъ образомъ, инородцы лису и представители другихъ не тибетскихъ племенъ, живущихъ въ этой странѣ. Когда одинъ изъ нихъ окажется въ долгу у тибетца и не сможетъ удовлетворить требованіямъ своего кредитора, то становится его «пэ-и», т.-е. пожизненной слугою. Хозяинъ имѣетъ право продать и убить его и вообще располагать его судьбою по своему усмотрѣнію. Ему даютъ жену или просто женщину во временное пользованіе для приплода, и дѣти которыхъ рождаются отъ этого брака, становятся также рабами своего господина. Если бы ему даже и удалось сколотить сумму, необходимую для покрытія долга, то хозяинъ въ правѣ не принять ея. Миссіонеры выкупили очень много этихъ «пэ-и», хотя чаще всего имъ удавалось выкупать только рабовъ-дѣтей. Эти освобожденные рабы и составили ядро малевькихъ христіанскихъ общинъ, образовавшихся въ этой странѣ.

Во время моего пребыванія въ Да-цзянь-гу я подробнѣе изучилъ изучилъ тибетскіе похоронные обряды и обычаи. Погребальныя церемоніи никогда не совершаются у тибетцевъ, прежде чѣмъ не будетъ закончена уборка хлѣба. Исключеніе составляютъ только очень бѣдные люди, трупы которыхъ, немедленно послѣ смерти, бросаютъ въ рѣку.

¹⁾ Тибетская торговля, сосредоточенная въ Ли-цзянь-фу, въ сѣверо-западной Юнь-нани, близъ праваго берега Янь-цзы-цзяна, имѣетъ довольно большое значеніе для Тибета. Сюда свозятся продукты плодородныхъ областей Цзарона и Заюля (Вэй-сы и А-дунь-цзы) золото, мускусъ, медь, лакъ, шерсть, строевой лѣсъ и т. д. и непосредственно изъ Лхассы сюда также привозятъ множество различныхъ товаровъ. Быть можетъ, самымъ дорогимъ продуктомъ Цзарона являются выкапываемыя изъ земли бревна, изъ которыхъ дѣлаются гробы для богатыхъ китайцевъ. Епископъ Біэ въ письмѣ своемъ къ автору этой книги, отъ 26 февраля 1890 г., пишетъ по этому поводу слѣдующее: «Драгоценныя обрубки дерева, находимыя въ почвѣ въ Вонга, въ Цзаронѣ, подъ старыми лѣсами Тибета и Юнь-нани, на глубинѣ 20—40 метровъ, представляютъ стволы кедръ, дерева, совершенно неподдающагося гніенію. Каждый кедръ, вырытый изъ земли, стоитъ отъ 200 до 300 ланъ. Изъ нихъ дѣлаютъ гробы для богатыхъ мандариновъ и, кромѣ того, ихъ посылаютъ для императорскаго дворца въ Пекинъ. Китайцы, которые въ ботаникѣ не очень сильны, даютъ ему равныя названія въ различныхъ мѣстностяхъ. Здѣсь въ Шаба, (близъ Лу-динь-ца), его называютъ сянь-ша-му или сянь-ша-шу. Кедръ же растущій нынѣ и попадающійся, кстати сказать, въ здѣшнихъ лѣсахъ довольно рѣдко, у нихъ совсѣмъ не цвѣтятся. Большой спросъ существуетъ только на кедръ, вырываемый изъ-подъ земли, который, благодаря лежанію въ землѣ, сдѣлался очень крѣпкимъ и неподдающимся гніенію. Этотъ кедръ очень темнаго цвѣта, и въ немъ очень много прожидокъ». «Сянь-ша» значитъ «пахучая сосна».

гіозныхъ образовъ самымъ прекраснымъ кажется мнѣ ангель-утѣшитель. Онъ мнѣ представляется въ бѣломъ одѣяніи, полнымъ жалости и состраданія и въ образѣ женщины, которая однимъ своимъ появленіемъ освѣщаетъ мрачныя нѣбы бѣдняковъ, озаряетъ ихъ алмазнымъ блескомъ своимъ, осушаетъ слезы, утишаетъ страданія, убаюкиваетъ дѣтей, смягчаетъ стоны и плачь и укачиваетъ ясную зарю будущаго.

— Какъ это поэтично,—проговорила она мечтательно.

— О если бы вы когда-нибудь спустились въ ихъ мрачныя и душныя жилища и посмотрѣли бы, какая тамъ происходитъ глухая, тихая, неумолимая и упорная борьба за существованіе! Всѣ тамъ преисполнены горечью и злобою къ этой жизни, которая приноситъ имъ больше страданій и бѣдствій, чѣмъ утѣшенія и радости...

— Я не гожусь въ роли сестры милосердія, нужно для этого обладать большимъ запасомъ нѣжности и хладнокровія; мнѣ же самой здѣсь душно, тѣсно и противно, мысли моя постоянно витаютъ за предѣлами этого міра, гдѣ слышны лишь свистъ машинъ, скрипъ нагруженныхъ телѣгъ, толки о цѣнахъ угля, желѣза, цинка, стали... Не вы ли убѣждали меня, что существуетъ другой, новый, лучшій и свѣтлый міръ...

— Да, онъ существуетъ въ дѣйствительности, стоитъ только скрасить окружающій міръ искреннимъ чувствомъ, и онъ преобразится въ заколдованную страну любви и счастья.

— А вы ощущаете его?

— Я почти осуществляю его, когда я говорю съ вами: я чувствую усиленное сердцебіеніе, мнѣ кажется, что я ступаю среди цвѣтовъ и розъ, что все вокругъ меня говоритъ о моемъ счастьѣ... тогда я преисполняюсь страстною жаждою осчастливить весь міръ, видѣть вокругъ себя только лица, озаренныя улыбкою счастья и радости.

— Что касается меня, то я съ головы до ногъ эгоистка, я хочу воздуха, солнца, цвѣтовъ для себя! Моя мечта очутиться гдѣ-нибудь на чистыхъ вершинахъ горъ, первой встрѣчать тамъ

«міръ вождій», № 7, июль. отд. III.

восходъ солнца, радоваться его свѣтлымъ лучамъ, купаться въ его горячемъ блескѣ, послѣдней провожать заходящее свѣтило, стоять въ пурпурномъ платьѣ, озаренной пурпурнымъ блескомъ. Я была бы тогда далека отъ людей, фабрикъ и машинъ...

— А прочіе?

— Прочіе? Если даже спириты въ загробномъ мірѣ допускаютъ среди духовъ существованіе разнообразной іерархіи, то что же говорить о землѣ, о людяхъ?! Тутъ существуютъ дѣленія на высшихъ, низшихъ, великихъ и малыхъ, всякую ступень развитія нужно завоевывать.

— Чѣмъ?

Она колебалась съ минуту и затѣмъ отвѣтила:

— Умомъ, интеллигентностью.

— Мнѣ кажется, что скорѣе трудомъ и страданіемъ за идею добра и правды.

— Быть можетъ... я не знаю.

Онъ смотрѣлъ ей въ ясные, прекрасные глаза, на бѣлое нѣжное лицо, на золотистые волосы, которые при блескѣ солнца, казалось, сами испускали лучи, на всю ея гибкую, стройную, гармоничную фигуру, онъ чувствовалъ, что любить ее больше всего и больше всѣхъ въ мірѣ, онъ схватилъ ея нѣжную, словно выточенную ручку и, страстно прижимая къ губамъ, шепталъ перерывающимся отъ внутренняго волненія голосомъ:

— Ваши взгляды на жизнь и обязанности человѣка странны и не согласны съ моими, и тѣмъ не менѣе, а можетъ, именно благодаря этому, я люблю васъ. Я хотѣлъ бы чувствовать васъ вотъ здѣсь, возлѣ своего сердца, какъ свою собственность. Я хочу, чтобы вы были моею, только моею, потому что я васъ люблю...

Онъ протянулъ руку, какъ бы желая обнять ее и прижать къ себѣ. Она уклонилась и шепнула:

— Папа идетъ.

Глава XI.

— Какъ здоровье изувѣченнаго? — спросилъ панъ Новакъ бухгалтера, зайдя въ контору.

— Мнѣ сообщила при встрѣчѣ мать Гуральчика, что у нихъ три раза былъ докторъ и что жара вѣтъ.

— Значить, теперь можно и поговорить съ нимъ. Пойду, навѣщу его... тамъ должно быть горе не малое.

— Ну, по всей вѣроятности, черезъ край не переливается.

Когда панъ Новакъ приближался къ домику Гуральчика, оттуда двинулась ему на встрѣчу повозка, запряженная одною лошадыю. Онъ узналъ и лошадь, и повозку панны Богатъ, но сидѣнье за правившимъ мальчикомъ было пусто.

Онъ вошелъ въ знакомый ему крошечный садикъ передъ домикомъ и, направляясь къ парадной двери, услышалъ сквозь открытыя окна молодой звонкій голосъ, ровно, осмысленно читавшій польскую книжку. Онъ невольно остановился послушать; въ изученіи силезскаго нарѣчія онъ сдѣлалъ уже такіе успѣхи, что, усиленно напрягая вниманіе, понялъ почти все.

Мелодичный голосъ читалъ:

«Донъ Микело былъ очень богатъ; онъ жилъ въ прекрасномъ дворцѣ, въ тѣни гигантскихъ деревьевъ, чтобы въ самые жаркіе дни подъ тропическимъ солнцемъ наслаждаться прохладой; онъ имѣлъ также обширныя плантаціи кофе и сахарнаго тростника, воздѣлывавшіяся черными невольниками. Онъ обращался со своими неграми со свирѣпой жестокостью; милосердіе, состраданіе были ему совершенно чужды; за ничтожнѣйшій проступокъ онъ наказывалъ до крови плетью. Всѣ боялись его и трепетали предъ его взоромъ, такъ какъ за всякій казавшійся ему дерзкимъ взглядъ, за каждое болѣе громкое слово на этомъ непонятномъ ему негритянскомъ нарѣчій, которое онъ ненавидѣлъ (онъ самъ былъ испанецъ), онъ безпощадно истязалъ самъ и со своими надсмотрщиками»...

Голосъ пріостановился и кто-то другой произнесъ:

— Это какъ у насъ.

Чтеніе возобновилось:

«Сильнѣе всѣхъ не взлюбилъ донъ Микело одного молодого негра, по имени Томъ; онъ велѣлъ ему являться къ себѣ

каждое утро и по кусочкамъ пилилъ ему лѣвую руку»...

— Мерзавецъ!—воскликнулъ кто-то съ возмущеніемъ.

На дорогѣ появилось нѣсколько прохожихъ, и пану Новаку показалось неловкимъ долѣе оставаться подъ окнами. Онъ вошелъ въ сѣни и, предварительно постучавъ, открылъ дверь.

Прямо противъ входныхъ дверей, въ просторной выбѣленной хатѣ, около кровати сидѣла павна Ядвига Богатъ. Увидѣвъ нежданнаго гостя, она положила себѣ на колѣни раскрытую книгу и слегка смущенная, встревоженная, чуть-чуть покраснѣвъ, казалось, спрашивала глазами, зачѣмъ пришелъ сюда этотъ незнакомый богато-одѣтый господинъ.

Панъ Новакъ поклонился, но прежде чѣмъ успѣлъ представиться, Стахъ Гуральчикъ, лежавшій на постели, воскликнулъ съ удивленіемъ:

— Самъ панъ хозяинъ завода пришелъ!

— Барлъ Новакъ,—прибавилъ тотъ.

— Попрошу васъ присѣсть,—проговорила павна Ядвига,—по всей вѣроятности, вы пожаловали къ Гуральчиковой, она только что вышла къ сосѣдкѣ и сейчасъ вернется.

— Я пришелъ скорѣе къ молодому раненому, хотѣлъ справиться объ его здоровьѣ,—произнесъ онъ, садясь на стулъ возлѣ кровати,—и поговорить съ нимъ и съ его матерью объ его будущности.

Наступила минутная тишина, которую нарушилъ первымъ Стахъ:

— Я до сихъ поръ не благодарилъ васъ, что вы меня, несчастнаго, проводили домой.

— Ну, какъ же себя чувствуешь, малый?

— Три дня былъ у меня жаръ, теперь я чувствую себя лучше, но... вѣтъ у меня ногъ!

— Что жъ дѣлать! приходится мириться съ судьбой. Счастье еще, что проволока не отхватила и другой ноги.

Оглядывая чистую кровать, множество иконъ съ изображеніемъ святыхъ угодниковъ, онъ прибавилъ:

— Вижу, мать тебя хорошо бережетъ!

— Не только мама, но и панна Богатъ; она меня не оставляетъ; это наша истинная покровительница и утѣшительница, — и мальчикъ бросилъ на нее взглядъ, полный глубокой благодарности.

— Да, да, я объ этомъ самъ догадываюсь, такъ какъ съвошь открытое окно я слышалъ ваше чтеніе о неграхъ.

— Какъ, вы развѣ поняли? — спросила та съ удивленіемъ.

— Говорить по-силезски я еще не рѣшаюсь, но понимать уже начинаю, а вы, къ тому же, весьма внятно читаете.

— Прекрасный рассказъ! — пробормоталъ мальчикъ.

— Поразительно! — воскликнула панна Богатъ, несказанно изумленная, — это положительно рѣдкое явленіе; вы проводили домой несчастнаго силезца...

— Это была моя прямая обязанность.

— ...Приходите навѣстить его и признаетесь громко, что понимаете по-силезски.

— Ну, это не Богъ-вѣсть какъ много! я еле понимаю, а вы тутъ громко ему читаете.

— Это совершенно другое дѣло, я вѣдь силезка, — отвѣтила та голосомъ, въ которомъ слышалась нѣкоторая гордость.

— Теперь моя очередь удивляться. Вы, вѣроятно, воспитывались въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, вращаетесь въ нашихъ общественныхъ кружкахъ и тѣмъ не менѣе...

— И тѣмъ не менѣе я силезка, — отвѣтила она, улыбаясь. — Мой отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ были силезцы; у насъ дома говорятъ по-силезски, читаемъ мы силезскія газеты.

— Удовлетворяютъ васъ онѣ?

— Вполнѣ.

— Тамъ много красивыхъ, интересныхъ вещей, — вставилъ Стахъ.

— Можно узнать, что это за книга? — спросилъ онъ, указывая на раскрытый экземпляръ.

Она подала ему книгу, говоря:

— Это повѣсть для юношества.

Онъ посмотрѣлъ на заглавіе и прочелъ:

— «*Na plantacyach hiszpańskich*» («*На испанскихъ плантаціяхъ*»).

— Недурно! — улыбнулась та.

— Я только недавно стала возобновлять въ памяти давно сгладившіеся слѣды силезскаго языка, но у меня нѣтъ учебниковъ и книжекъ.

— О, у панны Ядвиги ихъ многое множество; одна другой лучше! — воскликнулъ съ гордостью Стахъ.

— Нельзя ли попросить васъ одолжить книжекъ?

— Я охотно составляю вамъ списочекъ и... дамъ адресъ нашего книжнаго магазина.

Стахъ разинулъ ротъ отъ изумленія.

— Какъ, панна Богатъ! Вы не хотите одолжить пану книжекъ?

Панъ Новакъ улыбнулся удивленію мальчика и смущенію панны:

— Вы совершенно правильно разсудили: богатые должны покупать книги, а не просить одолжить. Такъ ли я васъ понимаю?

— Да, именно такъ я и думала.

Панъ Новакъ заглянулъ въ повѣсть, прочелъ шепотомъ одну строчку и, возвращая ее, сказалъ:

— Я вамъ помѣшалъ и перебилъ на срединѣ предложенія. Вы, можетъ быть, потрудитесь дочитать этотъ отрывокъ?

— Пожалуйста, панна! — обрадовался Стахъ.

— Прочтешь самъ послѣ, — отвѣтила та, нахмурившись.

— Больнымъ нельзя отказывать, — улыбнулся панъ Новакъ.

— Золотая моя, только объ этомъ Томъ... прошу васъ!

Она стала читать:

«... и такъ дошелъ онъ до локтя. Не нравилось донъ Микело, что Томъ стоялъ спокойно, хотя слезы градомъ лились у него изъ глазъ, и по временамъ вырывались стоны. И вотъ въ одно утро приказалъ онъ протянуть для пиленія правую руку. Томъ упалъ на колѣни передъ тираномъ и съ такимъ отчаяніемъ сталъ его молить, что каменное сердце донъ Микело дрогнуло, онъ помиловалъ его и даже сдѣлалъ своимъ надсмотрщикомъ».

Она закрыла книгу. Стахъ, вѣвъ себя отъ возмущенія, воскликнулъ:

— Я бы этого мерзавца плантатора убилъ, какъ собаку!

*

— Я тоже, — прибавилъ по-силезски панъ Новакъ.

— Ты бы плохо поступилъ, Стахъ, если бы это сдѣлалъ, — возразила панна Ядвига, — ты бы убилъ одного, а на его мѣсто явились бы сто такихъ и перебили бы всѣхъ негровъ. Томъ же своимъ терпѣніемъ и покорностью смягчилъ сердце своего господина, сдѣлался надсмотрщикомъ, помогалъ несчастнымъ невольникамъ, спасалъ ихъ отъ наказаній и, какъ увидишь изъ дальнѣйшаго изложенія, совершенно преобразовалъ плантатора, сдѣлалъ его человѣчнымъ и добрымъ.

— Ну, такъ я бы себя самого убилъ, — возражалъ упрямо Стахъ.

— Достоинство наше не въ томъ, чтобы умереть; мы обязаны жить, страдать и помогать другимъ.

Дверь открылась, и на порогъ появилась Гуральчикова. При видѣ неожиданнаго гостя тѣнь смущенія и безпокойства легла на ея лицѣ.

— Я ждалъ васъ, чтобы переговорить съ вами и съ вашимъ сыномъ относительно обезпеченія васъ на будущее.

— Не возвратитъ ему ноги! — проворчала она.

— Къ сожалѣнію, это не во власти людской, — сказалъ онъ со вздохомъ и замѣтивъ, что панна Ядвига поднялась, прибавилъ: — Будьте такъ добры, оставьте еще немного и помогите мнѣ; я искренне хочу, чтобы это увѣче не имѣло для нихъ по крайней мѣрѣ дурныхъ матеріальныхъ послѣдствій.

— Останьтесь, дорогая панна! — просилъ Стахъ; такую же просьбу прочитала она и въ глазахъ матери.

Она послушно сѣла, а панъ Новакъ началъ:

— Юноша этотъ, благодаря несчастному случаю, лишился ноги во время работы на заводѣ; рабочая касса будетъ выплачивать ему пенсію, но и мы, собственники завода, т. е. г-нъ Рейнеръ и я, чувствуемъ себя обязанными облегчить ему участь. Мы хотѣли бы обезпечить ему жизнь. Какъ вы думаете, Гуральчикова, во что вы считаете скромное ежемѣсячное содержаніе?

— Развѣ я знаю? нужно рассчитать...

Онъ уже зарабатывалъ до 40 марокъ... и вдругъ такое несчастье!..

— Онъ и теперь будетъ зарабатывать, не въ этомъ отдаленіи, такъ въ другомъ.

— Э, какая ужъ жизнь безъ ноги!

— Правда, что жизнь тяжела, но все-таки онъ живъ и въ состояніи трудиться.

— Гм... положимъ, это отчасти вѣрно.

— Онъ получитъ кое-что изъ кассы, самъ будетъ зарабатывать, ну и мы прибавимъ; скажите лишь, сколько?

— Сколько? Не знаю, право не знаю, — отвѣтила она опасливо.

— Можетъ быть, вы будете въ состояніи мнѣ объяснить, — обратился онъ къ паннѣ Ядвигѣ.

— Подумайте объ этомъ, матушка, — совѣтовала та, — сюда пожаловалъ панъ Новакъ, желаетъ окончить съ вами мирно и по обоюдному соглашенію, это вѣдь и безопаснѣе, и лучше, чѣмъ судиться.

— Конечно, нашего, вѣдь, всегда отпустятъ ни съ чѣмъ, — подтвердилъ Стахъ.

— Я вѣдь не знаю... гм... можетъ быть, вы съ своей стороны давали бы... двадцать марокъ на придачу къ тѣмъ, что мы будемъ получать изъ рабочей кассы; теперь все такъ дорого, а безъ ноги плохо.

— Гм... двадцать марокъ? — онъ посмотрѣлъ на панну Ядвигу; глаза ихъ встрѣтились; они показались ему красивыми, глубокими, полными доброты и сочувствія. Онъ протянулъ руку Гуральчиковой и громко произнесъ: — Я согласенъ на пожизненную пенсію въ двадцать марокъ ежемѣсячно; надняхъ вы получите изъ канцеляріи соответствующую бумагу.

— Навѣрное ли? — спросила она съ сомнѣніемъ.

— Будьте спокойны. Вы имѣете къ тому и свидѣтельница.

— Пенсія эта полагается Стаху по справедливости, онъ, вѣдь, лишился ноги; вы сказали, что будетъ бумага, а потому я согласна.

— Благодарю васъ и васъ также за благосклонное посредничество, — обратился онъ къ паннѣ Ядвигѣ, протягивая ей руку.

Она подала ему, вся заалѣвшись, свою атласную, красивую ручку и проговорила:

— Никакого посредничества съ моей стороны не было; рѣшила дѣло сама Гуральчикова и вы.

— Я избѣжалъ, однако, проволочекъ и споровъ.

Поводъ посѣщенія былъ собственно исчерпанъ, надлежало подняться и уйти, но панна Ядвига его сильно заинтересовала, и ему не хотѣлось уходить, чтобы подольше остаться съ нею. Послѣ минутнаго молчанія Гуральчикова сказала:

— Павлова еще не справилась со своей работой; она говоритъ, что кончить дѣя черезъ два.

— Благодарю васъ, вы оставите ее у себя и я заберу, когда прїѣду.

Съ этими словами она поднялась.

Панъ Новакъ вынулъ изъ кошелька двадцать марокъ и вручилъ ихъ Гуральчиковой:

— Это за первый мѣсяць.

Она взглянула на деньги, перевела взоръ на лежащаго сына, вздохнула и сказала:

— Спасибо вамъ, баринъ, пусть Пресвятая Ченстоховская Дѣва наградитъ васъ,—она набожно перекрестилась на образъ Богородицы, висѣвшій надъ кроватью.

— Документъ вамъ будетъ врученъ.

— Уже уходите, панна дорогая? — спросилъ Стахъ съ сожалѣнїемъ.

— Пора, меня дожидается кучеръ,—отвѣтила та,—надѣюсь, что въ слѣдующій разъ найду тебя совсѣмъ молодцомъ.

— Дай-то Господи Боже! — сказала мать.

— Вы позволите себя проводить? Мы идемъ въ одну и ту же сторону, — въ тонѣ пана Новака ясно звучала просьба.

— Пожалуйте! — Они попрощались и вышли вмѣстѣ.

— Я не совсѣмъ понялъ смыслъ словъ вашихъ, которыми вы возразили больному по поводу плантатора, — говорилъ по пути панъ Новакъ. — Вырвавшееся у него восклицаніе о мести было искреннее, и вамъ слѣдовало бы скорѣе согласиться съ нимъ. Этимъ вы поддер-

жали бы въ немъ сознаніе человѣческаго достоинства.

— Только не при нашихъ условїяхъ, — сказала она съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

— Ну, такъ я еще меньше понимаю вашу проповѣдь героическаго непротивленія злу, безропотнаго перенесенія рабскаго ига.

Она печально улыбнулась и медленно проговорила:

— Стахъ молодой, горячій юноша, ему восемнадцать лѣтъ, онъ интеллигентенъ, любимъ своими товарищами и пользуется на нихъ влиянїемъ. Если бы я его поощрила къ мести, къ убійству, онъ думалъ бы объ этомъ, агитировалъ бы и... все это кончилось бы для него плохо.

— Да, на плантаціи испанца, но у насъ, въ цивилизованной странѣ нѣтъ и не можетъ быть подобныхъ жестоко-стей.

— Вы недавно къ намъ прїѣхали, а потому я не удивляюсь.

— Вы преувеличиваете, — засмѣялся тотъ, — я не раздѣляю вашихъ опасеній, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, понятно теперь, почему вы, такимъ образомъ объяснили Гуральчику.

Послѣ минутнаго молчанія онъ спросилъ:

— Давно ли вы интересуетесь такъ силезцами?

— Уже два года, со времени моего возвращенія домой. Отецъ у меня добрый и разрѣшаетъ мнѣ эти прогулки...

— И покупать кружева и вышивки?

— Я перепродаю въ магазины.

— И вамъ нравится такая жизнь?.. Вѣдь, не всегда видъ нищеты бываетъ приятенъ...

— Въ особенности, когда не въ силахъ помочь... впрочемъ, у меня достаточно развлеченій, посѣщаю концерты, театръ... По исполненіи обязанностей тѣмъ приятнѣе бываетъ развлеченія.

— Вы это называете обязанностью?

— Конечно, жалѣю лишь, что не всегда и не вездѣ могу помочь горю и страданію этихъ женщинъ; онѣ такъ достойны сочувствія.

— Вы, должно быть, часто раздаете милостыню?

Та посмотрѣла на него съ удивленіемъ и сказала слегка обиженнымъ тономъ:

— Никогда онѣ не приняла бы милости, а я не дала бы. Онѣ честно работаютъ и получаютъ плату, счетъ ясенъ и чистъ, а отношенія съ ними пріятны.

— Это хорошо, очень хорошо.

Нѣсколько ребятшекъ быстро бѣжали къ нимъ со стороны проѣзжей дороги; одна дѣвочка еще издали кричала:

— Я уже прочла книжку и...

Но при видѣ чужого господина она смутилась и, замолчавъ, глядѣла боязливо на панну Ядвигу.

— Не бойся, говори! — ободрялъ ее по-силезски панъ Новакъ.

Дѣвочка покраснѣла, но услышавъ, что подбѣгаютъ остальные дѣти, рѣшилась:

— Барышня, дайте мнѣ новую книжку.

— Хорошо, моя Ануся, — и панна Ядвига погладила ея растрепанные свѣтлые волосы.

Всѣ ребятшки окружили ее, сѣша наперерывъ поцѣловать ея руку.

— Довольно, дѣтки, довольно, — оставивъ ихъ панна Ядвига, — ты что это, Бася, никакъ плакала?

— Меня поколотилъ Яцусь, — и она указала на шестилѣтняго мальчугана.

— Стыдно быть слабую дѣвочку, помяните же, я вамъ привезу картинокъ, а вы себя хорошо ведите!

— Картинку съ нашей молитвой! — закричалъ одинъ изъ карапузиковъ.

— Да, да; ну, идите теперь домой.

Дѣти пустились бѣжать въ перегонку, стуча башмаками и стараясь поднять побольше пыли.

— Счастливики! — вздохнулъ панъ Новакъ.

— Да, пока они малы и подъ родительскимъ крылышкомъ, — замѣтила та.

Прибѣжалъ маленькій мальчикъ въ чистенькой, хотя сильно поношенной курточкѣ и, поцѣловавъ ея руку, заговорилъ запыхавшимся голосомъ:

— Мама очень проситъ васъ зайти на минутку къ намъ по очень важному дѣлу.

— Она еще больна, твоя мама?

— Сегодня лишь встала, но ходить еще не можетъ; придетъ, барышня?

— Иду.

Мальчуганъ пустился бѣгомъ къ ближайшему домику.

— Можно сопроводить васъ туда? — спросилъ ее панъ Новакъ.

Она поколебалась и сказала неувѣреннымъ голосомъ:

— Крамаржикова сегодня лишь встала съ постели; тамъ, можетъ быть, не все въ порядкѣ.

— Я не обращаю вниманія на такія вещи.

— Но ей это можетъ быть непріятно... хотя... съ другой стороны, не повредить, если вы познакомитесь съ жизнью вашихъ рабочихъ.

— Это можетъ мнѣ быть только полезно.

— И я такъ полагаю; впрочемъ, Кася, вѣроятно, держитъ все въ порядкѣ.

— Это это Кася?

— Дочь Крамаржиковой — красивая и очень добрая дѣвушка.

Они вошли въ сѣни и по темной, довольно крутой лѣстницѣ поднялись на второй этажъ. Въ слабо освѣщенномъ длинномъ корридорѣ у одной изъ многочисленныхъ дверей, ведущихъ въ квартиры рабочихъ, стояла немолодая уже женщина, истощенная болѣзью, въ ситцевой темной юбкѣ съ платкомъ на головѣ.

— Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ!

— На вѣки вѣковъ, — отвѣтила та беззвучнымъ голосомъ, — потрудитесь, барышня, зайти... и вы также, панъ!

Они зашли въ довольно просторную комнату со скромненькой обстановкой; повсюду проглядывало заботливое стараніе удержать чистоту и порядокъ. На окнахъ, завѣшанныхъ бѣлыми гардинами стояли горшки съ цвѣтами; кухонная посуда блестѣла. Кася, красивая съ тонкой таліей и русыми волосами дѣвушка, лѣтъ семнадцати, подбѣжала было къ паннѣ Ядвигѣ поздороваться, но увидѣвъ незнакомаго господина, остановилась въ смущеніи.

— Ну, что-жъ ты не здороваешься съ барышней? — возмущилась мать.

— Какъ ваше здоровье, матушка?— спросила панна Ядвига.

— О, моя милая панночка, поправилась я немного, по милости Пресвятой Дѣвы Ченстоховской; я дала обѣтъ сходить пѣшкомъ поклониться Ка чудотворной иконѣ и мнѣ сейчасъ же стало лучше. Пожалуйста, отдохните немного въ нашей хатѣ. И вы также, панъ,— обратилась она къ молчавшему пану Новаку.

— Ну, Богъ дастъ, вы скоро совсѣмъ поправитесь... Видно, Кася хорошо глядѣла за порядкомъ... смотрѣть люблю!

Дѣвушка покраснѣла отъ удовольствія и пробормотала:

— Когда матушка бываетъ больна, я всегда смотрю за порядкомъ.

— Мнѣ вашъ мальчикъ говорилъ, что вы имѣете что-то сказать. Въ чемъ дѣло?

— Вы, барышня, оставили мнѣ узоръ кружева; я не могла сама его сдѣлать, такъ какъ была больна, и поручила Касѣ... она же, вы вѣдь знаете эту молодежь... по небрежности пропустила кружежокъ и зубчикъ въ двухъ мѣстахъ, боюсь, забракують...

— Покажите, посмотримъ.

— Подай, Кася...

Дѣвушка вынула изъ ящика свертокъ кружевъ и поднесла паннѣ Ядвигѣ. Та внимательно разсмотрѣла узоръ и, возвращая Касѣ, сказала серьезно:

— Не хорошо, милая Кася, что отнеслась такъ невнимательно; всякую вещь слѣдуетъ дѣлать исправно и точно.

— И я говорила ей то же,—прибавила мать.

— Думаю все-таки, что на этотъ разъ примутъ въ лавкѣ.

— Благодарю васъ, барышня,—сказала Кася поклонившись и быстро попятилась въ сторону кухонной плиты, гдѣ стояло нѣсколько горшечковъ.

— Далъ бы Господь Богъ, чтобы приняли кружева, столько труда стояло, а жить ой какъ трудно,—вздохнула мать.

— Можетъ быть, хотите получить что-нибудь въ зачетъ; вамъ, вѣрно, нужно; вѣдь вы болѣли.

— Пригодилось бы, но я лучше какъ-

нибудь обойдусь; эти деньги ужъ раньше распределены.

— У меня есть нѣсколько знакомыхъ купцовъ,—промолвилъ панъ Новакъ,—и если у меня будутъ образчики, то я увѣренъ, что найду кружевамъ сбытъ.

— Въ данную минуту у меня нѣтъ образчиковъ, но я ихъ вамъ съ удовольствіемъ доставлю, только какимъ образомъ?..

— А вотъ Кася сможетъ принести пану на заводъ, она все-равно ежедневно носить отцу обѣдъ.

— Такъ теперь Кася носить? Я думала, что Маруся.

— Раньше такъ и было, но теперь она недавно родила... кстати, я хотѣла просить барышню...

— О чемъ?

— Чтобы вы, барышня, были крестной матерью ея дочки, а моею внучки.

— Всею эту недѣлю я занята, а вамъ, конечно, ждать нельзя.

— Мы лучше подождемъ, дорогая барышня. При васъ согласится всендѣзъ на христіанское, католическое имя, а безъ васъ онъ окреститъ Богъ-вѣсть какимъ именемъ, какъ напр., у Бартомеевъ Туснельдой, у Юзифовъ Бертой или Аделаидой... Потому просто срамъ такъ звать ребенка, да ужъ дѣлать нечего: что при святомъ крещеніи сдѣлано, не поправишь.

— Въ такомъ случаѣ, я во вторникъ могу пріѣхать.

— О, моя золотая, прекрасная барышня! Мы будемъ къ тому времени готовы.

— Ну, будьте здоровы и не унывайте—говорила, подымаясь со стула, панна Ядвига.—Кася, вѣроятно, хорошо за вами смотреть.

— Ой, добрая она, очень добрая дѣвушка, только ужъ очень хрупкаго здоровья.

— Не видать по ней, поглядѣть, такъ вишня!

— Нагрѣлась у плиты и раскраснѣлась.

Они посмотрѣли на суетившуюся у плиты дѣвушку. Въ розовой юбкѣ, перепоясанная бѣлымъ передникомъ, съ

красивыми русыми волосами, ловкая и проворная, она казалась скорѣ скромно охѣтой барышней, чѣмъ дочерью рабочего, выросшей въ нуждѣ и трудѣ.

— Слава Богу, Кася красивая и честная дѣвушка, скоро справимъ и свадьбу, на которой я буду пировать, — улынулась панна Ядвига. — Ну, оставайтесь съ Богомъ, да будетъ благословленъ Іисусъ Христосъ!

— На вѣки вѣковъ... съ Богомъ!

Когда они сошли внизъ, панна Ядвига сказала:

— Мнѣ нужно сдѣлать кой-какія покупки, не хочу васъ больше утруждать.

— Искренне вамъ благодаренъ, что вы доставили мнѣ удовольствіе сопровождать васъ. Можно ли мнѣ рассчитывать на это и въ будущемъ?

— Зачѣмъ? Если вамъ хочется имъ помочь, можете это одни дѣлать.

— Вы правы, но получу ли я списокъ книгъ и образчики кружевъ?

— Вамъ ихъ передастъ Кася. До свиданія.

— До свиданія.

На минуту онъ остановился на дорогѣ и слѣдилъ взглядомъ за уходившей Ядвигой. Ея фигура, ея движенія были изящны и красивы; онъ припоминалъ ея прекрасные, темные, ласковые глаза, ея звонкій, мелодичный голосъ, ея обращеніе къ дѣтми и женщинами энергію, прямоту и доброту.

Направляясь къ заводу, онъ съ удовольствіемъ размышлялъ надъ ея образомъ жизни, тактичностью, любовью къ бѣднымъ и обездоленнымъ, надъ реальной помощью, оказываемой ею населенію; передъ нимъ постоянно выплывалъ ея образъ, ея глаза, отражавшіе внутреннюю доброту, простоту и искренность, энергическая складка вокругъ ея пурпурныхъ губъ, ея бѣлый лобъ и роскошные темные волосы съ бронзовымъ оттѣнкомъ.

Онъ очнулся отъ своихъ думъ, очутившись вблизи своего компаніона. Онъ страхнулъ съ себя мысли о Ядвигѣ и постарался вызвать въ своемъ воображеніи образъ Эльзы, прекрасной, мечтательной, ээриной, какъ бы не отъ міра

сего, грезащей о бѣлыхъ снѣгахъ, о высокихъ, чистыхъ вершинахъ горъ, избѣгающей внѣшняго міра, презирающей все, что имѣетъ соприкосновеніе съ трудомъ, обязанностями, горемъ, страданіемъ. Но помимо его воли, всякій разъ, какъ онъ вызывалъ ее въ своемъ воображеніи, рядомъ съ лицомъ Эльзы выплывалъ образъ дѣловитой, почти суровой Ядвиги. Измученный борьбой въ его душѣ этихъ двухъ образовъ, онъ въ отчаяніи шепталъ:

— Да, вѣдь, я люблю Эльзу!

И онъ представлялъ ее возлѣ себя посреди руинъ, въ паркѣ, въ гостиной, чувствовалъ прикосновеніе ея нѣжной ручки, глядѣлъ на золотистые отблески ея волосъ, на мечтательную улыбку. Въ его ушахъ раздавались ея наивныя грезы объ освобожденіи отъ внѣшняго, реального міра. Онъ почувствовалъ страстное желаніе сжать ее въ объятіяхъ, ласкать ее, осыпать поцѣлуями и чувствовать, что она его собственность, что она не испарится, не расплывется гдѣ-то на вершинахъ горъ, не превратится въ бѣлый туманъ.

— Да, я люблю ее!

Но опять рядомъ выступилъ образъ Ядвиги, мягкосердечной, полной сочувствія къ чужому горю, умной, ставящей себя серьезныя жизненныя цѣли. Въ ея выразительныхъ глазахъ онъ читалъ какъ бы напоминаніе, призывъ къ обязанностямъ жизни, къ труду, справедливости, правдѣ.

Онъ взглянулъ на заводскія ворота, предъ которыми стояла толпа женщинъ, принесшихъ обѣдъ отцамъ, мужьямъ, сыновьямъ и ждавшихъ сигнальнаго гудка, когда начинался обѣденный перерывъ. Его быстро опередили запоздавшія, между ними и Кася, дочь Крамаржика, которая съ корзиной въ рукѣ быстро пробѣжала мимо него.

И опять нахлынула на него волна впечатлѣній и картинъ, оставшихся въ его воображеніи послѣ посѣщенія имъ рабочихъ квартиръ съ панной Богатъ.

Изъ воротъ вышелъ бухгалтеръ, спѣша домой обѣдать.

— Вы были, панъ Новакъ, у Гуральчика?

- Да, я былъ.
- Завключили условіе?
- Уже.
- Сколько?
- Двадцать марокъ въ мѣсяць по-
жизненно.
- Слишкомъ дорого.
- Дѣло кончено... Что это за панна
Адвига?
- Прекрасная, дѣльная дѣвушка.
- Да, да...

Глава XII.

— Знаешь, Эльза, надъ чѣмъ я се-
годня засталъ нашего молодого прия-
теля?— говорилъ совѣтникъ за вечернимъ
чаемъ.

- Интересно, скажите, папа.
- Учился силезскому языку.
- Вы? Не можетъ быть!
- У него въ рукахъ была книга,
Эльза!
- Зачѣмъ? Съ какой цѣлью?—до-
прашивала она.

— Тутъ нѣтъ ничего особеннаго,—
сказалъ не смущаясь панъ Новакъ,—
чтобы найти лѣкарство отъ болѣзни,
надобно ее хорошенько изучить; мнѣ
приходилось столько слышать о зловред-
ности силезцевъ, что я рѣшилъ побли-
же съ ними познакомиться.

— Гмъ... довольно странная фанта-
зія; боюсь, чтобы вы не попались въ
разставленные вамъ силки,—предостере-
галъ совѣтникъ,—могу поручиться, что
кто-нибудь васъ подговорилъ.

— Никто меня подговаривалъ, и ни-
какіе силки мнѣ не угрожаютъ,—улыб-
нулся тотъ.—прививка предохраняетъ
отъ заболѣваній оспой.

— Быть можетъ, вы изучаете си-
лезскій языкъ съ цѣлью понравиться
этой вбалмошной силезкѣ,—пустила
шпильку фрейлейнъ Эльза.

— Да, да, это возможно,—улыбнулся
совѣтникъ.

— Я весьма уважаю эту дѣвушку, но
мнѣ даже въ голову не приходило, что
можно было бы снискать ея расположе-
ніе подобнымъ образомъ.

— Но вы, конечно, постарались бы
сдѣлать это, если бы не было такъ

трудно,—разсмѣялась иронически фрей-
лейнъ Эльза.

— Я бы все-равно ничего не достигъ,
такъ какъ мы рѣзко расходимся во взгля-
дахъ.

— Вы уже успѣли такъ хорошо съ
ней познакомиться!

— Насколько это возможно при крат-
кой бесѣдѣ при случайной встрѣчѣ у Гу-
ральчика.

— Какъ вы съ нимъ покончили,
Карлъ?

— Я обязался выдавать пожизнен-
ную пенсію.

— Сколько?

— Двѣсти сорокъ марокъ въ годъ.

— Много, слишкомъ много... А вы
бумагу ужъ выдали?

— Я былъ у него третьяго дня, мать
его не заходила еще въ контору.

— Ну, такъ можно будетъ выдавать
лишь половину. Ручаюсь вамъ, что она
охотно согласится.

— Поздно уже, я далъ слово.

— Это неслыханная щедрость, это
расточительность; съ ними необходимо
торговаться; они ужасно жадны и хитры.

— За неизгнѣчное увѣче, я за-
платилъ не слишкомъ дорого.

Лакей доложилъ о приходѣ директора
Шейера, который пришелъ поговорить о
заводскихъ дѣлахъ.

— Проси сюда, — распорядился со-
вѣтникъ.

Герръ Шейеръ усѣлся и спросилъ:

— Читали вы послѣднія газеты?

— А что? Есть интересныя новости?

— Нашъ депутатъ въ рейхстагъ от-
казался отъ мандата.

— По какому поводу?

— Неизвѣстно... По всей вѣроят-
ности, въ концѣ осени назначены будутъ
новые выборы въ нашемъ округѣ.

— Ну, на этотъ разъ нашъ канди-
датъ долженъ пройти единогласно, —
сказалъ совѣтникъ весьма рѣшитель-
нымъ тономъ.

— И прошелъ бы, разумѣется, если
бы намъ опять не стали пакостить си-
лезцы, какъ въ прошлый разъ.

— Тогда они слушались наусѣкван-
ній разныхъ агитаторовъ, но теперь,
послѣ заданной имъ остротки, они, на-

дѣюсь, перестанутъ играть въ политику,—улыбнулся совѣтникъ.

— Они, однако, упрямы, какъ вошь, и по моему, въ нашихъ интересахъ начать пораньше агитацію и сговориться между собой.

— Да, да, когда мы, промышленники и фабриканты, будемъ дѣйствовать согласнo, выпустимъ общій избирательный манифестъ и дадимъ одинаковыя распоряженія касательно выборовъ и голосованія, то силезцы и пикнуть не посмѣютъ, и тогда единогласное избраніе нашего кандидата подтвердитъ всѣмъ, что мы здѣсь господа.

— Кто выставляетъ здѣсь кандидата?—спросилъ панъ Новакъ.

— Центръ, такъ какъ тутъ все католики,—объяснилъ директоръ.

— Главная причина, почему силезцы осмѣливаются подавать свои голоса за другихъ кандидатовъ и компрометируютъ насъ передъ лицомъ всей Германіи,—это злополучная всеобщая тайная избирательная система,—говорилъ серьезно совѣтникъ.

— На окраинахъ должно было бы быть иное выборное право,—поддакнулъ директоръ.

— Это невозможно,—улыбнулся панъ Новакъ,—они здѣсь такіе же граждане нѣмецкаго государства, какъ и въ другихъ частяхъ, несутъ одинаковыя повинности и налоги и должны обладать одинаковыми правами.

— Въ виду исключительныхъ условий, долженъ былъ бы быть изданъ исключительный законъ,—наставлялъ директоръ.

— Это споръ теоретическій,—вмѣшался совѣтникъ,—поговоримъ лучше о практической сторонѣ вопроса. По моему, чтобы преодолѣть сопротивленіе силезцевъ, будетъ вполне достаточно, если мы всѣ, безъ исключенія, пойдемъ рука объ руку. Центръ, по обыкновенію, выставитъ кандидата, а мы всѣ, не смотря на возможное несходство убѣжденій, будемъ дружно его отстаивать и блистательно его проведемъ.

— Вы говорите вполне основательно,—согласился директоръ.

— Я полагаю,—продолжалъ дальше

совѣтникъ,—что чѣмъ раньше мы обо всемъ столкнемся, тѣмъ выйдетъ лучше... Что, если бы вы занялись этимъ, Карлъ? Вы бы объѣхали съ визитами самыхъ видныхъ вліятельныхъ представителей округа, князей, графовъ, не считая уже крупныхъ промышленниковъ. А? Что? Какъ вамъ нравится моя мысль?

На пана Новака устремились глаза всѣхъ собесѣдниковъ, а фрейлейнъ Эльза, казалось, хотѣла его загипнотизировать своимъ взглядомъ.

— Бъ сожалѣнію, я не могу принять предложенія г-на совѣтника, такъ какъ не чувствую никакой охоты мѣшаться въ здѣшніе выборы.

Онъ поднялъ опущенные глаза на Эльзу и увидѣлъ, что она надула губки и приняла недовольный видъ. На всѣхъ остальныхъ лицахъ тоже появилось выраженіе непріятнаго изумленія, и совѣтникъ съ дочерью одновременно воскликнули:

— Какъ? Вы не хотите принять участія?

— Нѣтъ, фрейлейнъ, я не хочу.

— Почему же? Вы можетъ боитесь навлечь на себя неудовольствіе силезцевъ или силезокъ?—спросила она ядовито.

— Я по природѣ своей питаю отвращеніе ко лжи и притворству, а такіе выборы лишь жалкая пародія на гражданскую свободу. Центръ навязываетъ своего кандидата, администрація велитъ его избрать, избирателей вынуждаютъ подавать за него голоса вопреки ихъ желанію, и все это вмѣстѣ носить названіе свободнаго проявленія народной воли.

— Ваши слова пахнутъ анархіей,—замѣтилъ совѣтникъ,—неизбѣжно же, чтобы кто-нибудь управлялъ, а остальные повиновались, таковъ уже порядокъ вещей въ нашемъ лучшемъ изъ міровъ.

— Съ этимъ я согласенъ, но зачѣмъ издавать законы, давать права, когда они въ дѣйствительности остаются лишь мертвой буквой.

— У насъ управляетъ и рѣшаетъ большинство,—возразилъ директоръ,—большинство же мы.

— Я не ожидала, что у васъ такъ

мало честолюбія, — вмѣшалась фрейлейнъ Эльза. — Будь я женщиной, я всѣми способами старалась бы стать депутатомъ. Что за наслажденіе засѣдать въ обществѣ серьезныхъ мужей, рѣшающихъ судьбы всей страны. предложить законопроектъ, который ослабилъ бы всѣхъ, возбудилъ бы всеобщій восторгъ и ликование! Мое имя было бы у всѣхъ на устахъ, газеты превозносили бы меня до небесъ!

— Да, да, Эльза права, — воскликнулъ, весь сіяя отъ удовольствія, отецъ.

— Вы прекрасно сказали, — сказала директоръ, смотря на нее съ восхищеніемъ.

— Мечты! — улыбнулся панъ Новакъ.

— Все нѣтъ, Карлъ, — возразилъ совѣтникъ, — вы бы могли стать очень легко депутатомъ: вы молоды, независимы, имѣете состояніе, кончили политехнической... право, вы были бы превосходнымъ представителемъ нашего фабричнаго округа.

— И подумайте только, — прибавила возбужденно фрейлейнъ Эльза, — васъ приглашали бы къ министрамъ, а быть можетъ и къ императорскому двору, вы имѣли бы счастье лично познакомиться съ людьми, вращающимися судьбами Европы.

— Эхъ, фрейлейнъ Эльза, вѣдь это все расцѣтеть безъ хозяина, — рассмѣялся панъ Новакъ, — гдѣ же мои избиратели и мои заслуги?

— Гмъ... видите-ли, Карлъ, за избирателями дѣло не станетъ, но, конечно, надо постараться... Совсѣмъ не трудно, напр., обратить на себя благосклонное вниманіе правящихъ сферъ, а тогда все пойдетъ, какъ по маслу.

— Что же вы, папа, посоветовали бы? — спросила дочь.

— Если бы я былъ молодъ, то въ положеніи Карла проявляя бы большую дѣятельность во время выборовъ, усердно агитировалъ бы... затѣмъ... затѣмъ...

— Что затѣмъ, папа?

— Сейчасъ, дѣтя мое, дай подумать...

— Пожертвовать на что-нибудь общественно-полезное изрядную сумму, — посоветовалъ директоръ.

— Можно бы и это сдѣлать, но сумма-

то должна быть значительная, а это жалко, — говорилъ задумчиво совѣтникъ.

— Быть можетъ, построить школу, больницу, поставить памятникъ... — встала фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ.

— Эврика! — крикнулъ просіявъ совѣтникъ, — да, самое лучшее памятникъ... и знаете, кому его воздвигнуть? — обвелъ онъ собесѣдниковъ торжествующимъ взглядомъ. — Бисмарку!.. А что, не гениальная ли идея?

— Да, очень удачная мысль, — одобрилъ директоръ.

— Вы только подумайте, особенно вы, Карлъ... Бисмаркъ объединилъ Германію, сдѣлалъ ее первокласснымъ государствомъ, а здѣсь на окраинахъ за нимъ еще рядъ специальныхъ заслугъ. Онъ первый понялъ размѣры опасности, угрожающей намъ со стороны чуждаго славянскаго племени, которое мы обогрѣли на своей груди. Онъ предвидѣлъ ихъ упрямство и вражду къ намъ, предостерегалъ насъ, нѣмцевъ, а потому онъ вполне заслужилъ памятникъ здѣсь, но этой землѣ, чтобы онъ возвышался реальнымъ свидѣтельствомъ торжества его идеи и употребившихся имъ средствъ. Сами сilesцы обязаны внести свою лепту и именно потому, что считаютъ его своимъ злѣйшимъ врагомъ. Да, да, это прекрасная мысль!.. Денегъ большихъ вамъ самимъ не придется жертвовать, а между тѣмъ, какъ инициаторъ, вы приобретете славу и, конечно, расположеніе и содѣйствіе правящихъ сферъ. Право, Карлъ, возьмитесь за это; какъ сыну, совѣтую вамъ; я ручаюсь, что такимъ способомъ и при вашемъ состояніи вы будете, навѣрняка, депутатомъ.

Директоръ смотрѣлъ на своего счастливаго соперника съ нескрываемой завистью; онъ примирился уже съ мыслью, что Эльза выйдетъ за Новака, но за быть своей любви къ ней онъ не могъ, а злорада къ Карлу оставалась въ немъ по прежнему.

Фрейлейнъ Эльза съ сіяющимъ видомъ слушала своего отца; видно было, что она во всемъ съ нимъ согласна.

Даже пану Новаку понравился этотъ проектъ.

— Предложеніе г-на совѣтника, —

проговорилъ онъ съ задумчивымъ видомъ, — очень дѣльное; но осуществить его будетъ, пожалуй, не легко; во всякомъ случаѣ, оно заслуживаетъ того, чтобы о немъ подумать.

— Что тутъ труднаго? — защищалъ свою мысль совѣтникъ: — разрѣшеніе на открытіе повсемѣстнаго сбора получить легко, газеты отнесутся съ сочувствіемъ и затрубятъ во всю, фабриканты и наши многочисленныя общества, навѣрное, кое-что дадутъ, остальное соберемъ съ рабочихъ... неправда ли г-нъ директоръ?

— Конечно... конечно... имъ объяснять, сколько чести для нихъ... что ихъ прямой долгъ воздать по заслугамъ безсмертному канцлеру... сдѣлаемъ вычеты при расчетѣ... и дѣло съ концомъ.

— Слышите, Карлъ? — замѣтилъ съ улыбкой совѣтникъ, — дорога къ вашему депутатству оказывается гладкой, какъ нельзя лучше; ручаюсь вамъ, что въ самое короткое время соорудимъ памятникъ... Смѣло начинайте дѣйствовать!

— Дайте мнѣ немного подумать; начать не штука, но за то труднѣе кончить безъ ущерба для чести Бисмарка, да и... моей.

— Пока вы будете думать да размышлять, васъ кто-нибудь опередитъ, — проворчалъ совѣтникъ.

— Папа правъ, — подтвердила фрейлейнъ Эльза, личико которой порозовѣло отъ возбужденія.

Разговоръ на минуту оборвался. Выпустивъ нѣсколько табачныхъ клубовъ дыма, совѣтникъ спросилъ:

— Что слышно на заводѣ, г-нъ директоръ?

— Накопилось нѣсколько требующихъ обсужденія вопросовъ касательно торговыхъ фирмъ.

— Объ этомъ поговоримъ послѣ... въ остальномъ все ли благополучно?

— Такъ точно... да, правда, меня извѣстили о результатѣ слѣдствія.

— Какого слѣдствія?

— О силезскомъ кружкѣ, на которомъ присутствовалъ и г-нъ Новакъ.

— Ну, чѣмъ кончилось?

— Кружокъ, разумѣется, закрыть, вслѣдствіе проявленнаго неповиновенія

по вопросу объ языкѣ, — при этихъ словахъ онъ бросилъ торжествующій взглядъ на пана Новака, — председателемъ его былъ Янъ Кнотъ... Не находите ли вы нужнымъ дать ему расчетъ прочимъ въ назиданіе?

— Гмъ... конечно... хорошій ли онъ рабочій?

— Одинъ изъ лучшихъ кузнецовъ.

— Такъ, можетъ быть, оставьте его?

При отдѣлѣ стали необходимы хорошіе кузнецы, а ихъ вовсе не такъ легко находить.

— Я бы подаль голось за оставленіе его. Для нихъ и безъ того тяжкое наказаніе закрытіе кружка, — вмѣшался панъ Новакъ.

— Это зависитъ отъ г-на совѣтника... И мнѣ кажется, что его можно было бы оставить, но его неслыханное упрямство должно быть, тѣмъ не менѣе, наказано.

— Въ чемъ собственно дѣло?

— Гассель рассказывалъ, что одинъ изъ рабочихъ схватилъ его за руку и вырвалъ знонокъ; онъ спросилъ председателя, какъ фамилія того нахала и не могъ добиться.

— Это плохо! Гассель долженъ былъ принудить Кнота открыть фамилію этого рабочаго; такія вещи слѣдуетъ строго наказывать, — надурился совѣтникъ.

— Это было невозможно, слѣдствіе тоже не раскрыло имени негодяя. Они все въ одинъ голось говорятъ, что знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ, что въ тотъ моментъ все смотрѣли на входящаго пана Новака.

— Это возмутительно! Это форменный заговоръ, настоящая стачка!.. Столько было свидѣтелей этого насилія надъ нашимъ служащимъ, представителемъ власти, и вдругъ никто будто бы не знаетъ виновника... Тутъ очевидное вранье, намѣренная попытка провести начальство!

— Такъ точно, г-нъ совѣтникъ... я предложилъ бы, поэтому, наложить на всехъ участниковъ кружка денежную пеню; теперь въ особенности, въ виду предстоящихъ выборовъ, болѣе чѣмъ когда бы то ни было должна быть строгая дисциплина и порядокъ.

— Поступите такъ, какъ сочтете наилучшимъ.

Панъ Новакъ порывался вѣшпаться въ разговоръ, но сидѣвшая съ нимъ рядомъ фрейлейнъ Эльза взглядывала на него съ такимъ умоляющимъ видомъ, что онъ сжималъ губы и молчалъ.

— Простите, г-нъ совѣтникъ, что я осмѣлюсь напомнить объ одномъ пунктѣ,—продолжалъ директоръ послѣ нѣкотораго молчанія,—но у кого столько хлопотъ, какъ у васъ, можетъ просмотрѣть не одно обстоятельство.

— Въ чемъ дѣло?

— Я все объ этихъ выборахъ. Оно положимъ, срокъ ихъ еще не назначенъ, можетъ быть онъ еще и далекъ, но все-таки не мѣшаетъ предупредить Герцберга, управляющаго въ Боркахъ, чтобы онъ занялся крестьянами...

— Благодарю васъ, вы замѣтили вполне основательно... я дѣйствительно могъ бы забыть объ этомъ, а съ крестьянами дѣло серьезное; имъ кажется, что разъ они имѣютъ собственный клочокъ земли, то имъ на все наплевать.

— Да, г-нъ совѣтникъ, стоитъ силецу быть матеріально отъ насъ независимымъ и онъ сейчасъ же показываетъ намъ свои когти, потому что я подаю бы голосъ за переходъ земли въ собственность государства; частная собственность на землю должна быть уничтожена; государство будетъ отлавать участки въ аренду заслуженнымъ и надежнымъ людямъ.

— Можетъ быть фабрики и заводы также?—разсѣялся панъ Новакъ.—За переходомъ въ государственную собственность земли неизбежно послѣдуетъ очередь и за фабриками.

— А кто знаетъ? Можетъ, это и лучше бы было.

— Ну, вы ужъ очень далеко хватили, г-нъ директоръ,—возразилъ совѣтникъ,—необходимымъ условіемъ успѣшнаго развитія промышленности является конкуренція, при государственной же монополіи, она безусловно придетъ въ упадокъ, ибо исчезъ бы важнѣйшій стимулъ къ безперывнымъ усовершенствованіямъ.

— Г-нъ совѣтникъ правъ,—отвѣтилъ директоръ тономъ служаки.

— О какихъ фирмахъ желали вы поговорить, г-нъ директоръ?

— Виндродер и Кессель и Гауптмана... бумаги у меня въ передней.

— Пойдемъ-те въ такомъ случаѣ въ мой кабинетъ. А вы обождите насъ здѣсь. Хорошо, Эльза?

— Хорошо, папа.

Подчиняясь инструкціи совѣтника, фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ предоставляла молодымъ людямъ больше свободы, но въ предѣлахъ приличій, и потому она хотя не вѣшпывалась въ разговоръ, но всегда присутствовала при ихъ бесѣдахъ.

И на этотъ разъ, когда они перешли вдвоемъ въ гостинную, она послѣдовала за ними и усѣлась барабанить на рояль.

Панъ Новакъ, придвинувъ кресло къ кушеткѣ, на которой сѣла фрейлейнъ Эльза.

— Сегодня,—началъ онъ,—вы показали мнѣ новую сторону вашей души.

— Какую?

— Я не подозрѣвалъ, что въ васъ такъ много честолюбія и жажды славы; это даже какъ-то не вяжется съ вашимъ мечтательнымъ настроеніемъ и стремленіемъ къ одиночеству.

— Удивительно, какъ вы, мужчины, не способны понимать душу и сердце женщины!...

— Научите, ради Бога!

— Моя любимѣйшая мечта, правда, обитать гдѣ-нибудь на чистыхъ вершинахъ, не чувствовать узъ тѣла и дѣйствительности, жить въ духовномъ общеніи съ избранникомъ души моею, подняться надъ землей съ ея человѣческимъ эгоизмомъ... но... я на столько разсудительна, что смогу примириться съ неизбежной дѣйствительностью.

— Это очень логично,—удыбнулся онъ.

— Быть можетъ, тутъ мало логики; но это, во всякомъ случаѣ, фактъ.

— Ну, а затѣмъ что, моя прекраснѣйшая менторша?

— Рано или поздно намъ обоимъ придется приноровиться къ общеприня-

тымъ формамъ и обязательнымъ для насъ обычаямъ... я стану вашей женой... я знаю, что вы любите цѣликомъ уходить въ суетолюку и низменные сферы заводскихъ дѣлъ, рабочихъ, вообще всей этой грязной дѣйствительности... я вѣдь должна примириться съ этимъ фактомъ.

— Благодарю васъ за эти слова, я очень, очень люблю васъ,— онъ взялъ ея руку, осыпалъ ее поцѣлуями и удержалъ въ своихъ рукахъ; она не сопротивлялась.

— Но хотя я и соглашаюсь на подобнаго рода жизнь, я въ правѣ все-таки выбрать самую пріятную, менѣе всего тягостную форму ея, а потому я очень обрадовалась мысли, что вы сдѣлаетесь депутатомъ въ рейхстагъ или ландтагъ; я васъ прошу, я требую отъ васъ этого,— заключила она, заглядывая ему въ лицо и отымая руку.

— Развѣ это отъ меня зависитъ? Любя васъ, я сдѣлаю все, чтобы удерживать и укрѣпить ваше чувство ко мнѣ; но что касается рейхстага, то я чувствую себя рѣшительно не въ силахъ достойнымъ образомъ нести обязанности депутата, а главное, нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы избиратели согласились подавать за меня свои голоса.

— Тотъ, кто, начиная лишь дѣйствовать, уже сомнѣвается въ своихъ силахъ, конечно, никогда не достигнетъ цѣли,— проговорила она нахмурившись.

— Да хотя бы я и вѣрилъ въ свои силы, успѣхъ остается сомнительнымъ.

— Папа вамъ указалъ путь и, по моему, вѣрный.

— Возможно, что онъ доставилъ бы мнѣ этотъ злополучный мандатъ, но къ чему это? Стоитъ ли затратить бездну силъ и времени для непроеводительнаго дѣла, безъ всякой пользы себѣ и другимъ.

— Какъ это безъ всякой пользы?

— Для того, чтобы хорошо знать жизнь, необходимо жить дольше, чѣмъ я, нужно всесторонне ознакомиться съ общественными реальными условиями жизни моихъ избирателей, да и всего государства; надо выработать себѣ планъ, идею, которая внесла бы что-нибудь новое или исправила существующее зло.

Я хорошо представляю себѣ, какъ много требуется для этого знанія, какъ много времени нужно отдать, и вотъ почему я не могу ввязаться за это дѣло. Ни съ того, ни съ сего выскочить въ депутаты для удовлетворенія лишь мелочнаго тщеславія, занять постъ, на которомъ другой былъ бы несравненно болѣе у мѣста, все это кажется мнѣ крайне противнымъ.

— Это заблужденіе человѣка безъ благороднаго честолюбія, не довѣряющаго себѣ, своему уму и способностямъ. При такой щепетильности, никто не могъ бы никогда ставить своей кандидатуры.

— Я говорю лишь за себя, а не за другихъ.

— А по мнѣ все дѣло лишь въ томъ, чтобы не промахнуться! Возьмите себя въ руки и дѣйствуйте! Кто хочетъ раздобыть себѣ мѣсто въ мѣрѣ, долженъ его завоевать.

— Пожалуй, что вы правы. Въ нынѣшнія времена повсюду кипитъ постоянная борьба за существованіе; чтобы не пасть въ борьбѣ, а тѣмъ болѣе для побѣды необходимы зубы.

— Такъ имѣйте!

— Постараюсь.

— Первымъ дѣломъ примите самое дѣятельное участіе въ предстоящихъ выборахъ.

— Ну, а затѣмъ?

— Затѣмъ, вамъ слѣдуетъ произвести какъ можно больше шуму съ постановкой памятника Бисмарку. Если придется уплатить нашимъ газетамъ, чтобы онѣ пошироковѣщательнѣе объ этомъ расписали, не жалѣйте денегъ...

— А еще что?

— Нужно послышать подчеркнуть свой патріотизмъ... Ваша фамилія звучитъ плохо, слѣдуетъ подбавить къ ней такого соуса, чтобы пропало всякое сомнѣніе въ томъ, что вы принадлежите намъ и тѣломъ и душой, въ чемъ я глубоко убѣждена.

Онъ молчалъ, поникнувъ головой, въ печальномъ и тягостномъ раздумьѣ.

— Г-нъ Карлъ,— начала она болѣе веселымъ тономъ,— помните вы данное мнѣ обѣщаніе?

Онъ взглянулъ на нее вопросительно.

— Вы обѣщались во всемъ меня слушаться.

— Правда.

— Ну, а помните вы, какъ вы просили, чтобы я назначила, наконецъ, день официальной помолвки и... свадьбы.

— И теперь я прошу васъ.

— Если вы согласитесь начать избирательную агитацію, взять на себя инициативу и хлопоты по постановкѣ памятника нашему канцлеру и выставить свою кандидатуру въ депутаты... то... я согласна на официальную помолвку и назначаю день свадьбы.

— Вы сдѣлаете меня счастливейшимъ изъ смертныхъ.—и онъ страстно цѣловалъ ея руки.

— Но... мои условія...

— На все согласенъ... скажи лишь когда...

— Черезъ нѣсколько дней, я сама должна набраться храбрости.

— Черезъ три, четыре, пять дней?

— Черезъ недѣлю.

— Я вашъ и тѣломъ и душою!

— Не забывайте о рейхстагѣ, — напомнила она съ улыбкой на прекрасныхъ губахъ, — я хочу быть женой депутата.

— И будете!

Глава XIII.

Панъ Новакъ, получивъ обѣщаніе фрейлейнъ Эльзы, не испытывалъ, вопреки ожиданію, того радостнаго чувства, которое онъ себѣ раньше представлялъ. Онъ вдругъ почувствовалъ какой-то неизъяснимый страхъ, сомнѣнія въ счасть будущей супружеской жизни, имъ овладѣвала смутная тревога каждый разъ при мысли о томъ, что ему предстоитъ соединить на вѣки свою жизнь съ женщиной, пониманіе обязанностей и цѣлей жизни которой такъ рѣзко разнится отъ его. Къ этому примѣшивалось также гжучее чувство стыда за обѣщаніе, данное имъ по вопросу о предстоящихъ выборахъ и постановки памятника. Онъ, несомнѣнно, сохранилъ чувство и наклонности своего народа и подобно всемъ нѣмцамъ восхищался за-

слугами Бисмарка въ дѣлѣ объединенія германскаго государства, но находилъ неумѣстнымъ, отвратительнымъ проектъ постановки памятника канцлеру въ Силезіи, гдѣ тотъ съ неимоверной жестокостью подавлялъ взрывы религиозной борьбы, бывшей дѣломъ его собственныхъ рукъ. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что памятникъ этотъ вмѣсто уваженія и почестей возбудитъ всеобщую къ себѣ ненависть и проклятія. Онъ сознавалъ, что обѣщаніе, полученное имъ отъ фрейлейнъ Эльзы, куплено цѣной громаднхъ уступокъ и отреченій отъ собственныхъ принциповъ и убѣжденій, что онъ ступилъ на скользкій путь повинненія и покорности избалованной женщинѣ, что ясно намѣченная имъ прежде цѣль жизни ступешивается. Все это дѣлало его недовольнымъ собой, внушало чувство досадливости къ фрейлейнъ Эльзѣ за то, что она, пользуясь силой своего очарованія и горячей къ себѣ любви съ его стороны, вынудила у него обѣщаніе въ исполненія того, что такъ сильно противорѣчило его желанію и убѣжденіямъ. Совершенно безсознательно передъ его умственнымъ взоромъ вставало сравненіе между Ядвигой и Эльзой. Въ первой онъ замѣчалъ стойкость характера, твердость души, сознаніе средствъ и цѣлей жизни и уважалъ эти свойства. Панна Ядвига хорошо знала цѣну убѣжденіямъ и принципамъ и, твердо придерживаясь ихъ, никогда не требовала уступокъ, такъ какъ и сама не пошла бы ни на какія сдѣлки съ совѣстью. Ему нравились ея смѣлыя и рѣзкія сужденія о силезцахъ въ разговорахъ съ нимъ, противоположныя убѣжденія котораго ей были извѣстны, открытые разговоры ея съ дѣтьми о силезскихъ книжкахъ и картинкахъ, согласіе ея быть крестной матерью, не смотря на всѣ неприяности и преслѣдованія, которыя угрожали ей со стороны полиціи за подобные поступки. Что же касается Эльзы, то она поддается минутной прихоти и дѣйствуетъ подъ ея влияніемъ; грезы — вотъ что играетъ доминирующую роль въ ея жизни; она живетъ изолированно отъ свѣта, пренебрегаетъ обязанностями всякаго рода, гонится за призракомъ личнаго счастья,

а принципы ея, стремленія и идеалы создаются подъ вліяніемъ минутнаго ощущенія и въ зависимости отъ окружающаго. Но за то она молода и прекрасна, какъ восходящая заря, наивна, искренна, какъ ребенокъ, съ чудными мечтательными глазами, съ прелестными ручками, которыя на подобіе лепестковъ лиліи освѣжаютъ и опьяняютъ душу. Онъ чувствовалъ, что жаждетъ обладанія ею, что любить ее горячо и страстно, стыдился этого чувства передъ самимъ собой и въ оправданіе себя повторялъ ея неизбѣжную фразу: «Нужно мириться съ неизбѣжной дѣйствительностью!» Да, Эльза это возлюбленная, образъ которой являлся ему такъ часто въ его грезахъ и сновидѣніяхъ, единственная и страстно желанная, но товарищемъ и другомъ могла быть только одна Ядвига. Бѣ несчастью, такое сочетаніе неосуществимо, и онъ долженъ избрать одну только Эльзу, эту прекрасную, обаятельную и мечтательную дѣвушку, повстинѣ чистую подобно снѣгу и вѣтерку на вершинахъ горъ. Когда она станетъ его женой, когда полюбитъ его со всей искренностью души своей, она поддастся вліянію мужа и окружающей жизни, проникнется сознаниемъ того, что не въ созиданіи воображаемыхъ себѣ условій состоитъ счастье, не въ исполненіи фантастическихъ желаній, не въ преднамѣренномъ удаленіи себя отъ дѣйствительности, людского горя и страданій, а въ твердомъ исполненіи обязанностей по отношенію къ близкимъ и роднымъ, въ гармоническомъ сліяніи нашего внутренняго міра съ окружающей насъ реальностью. Въ своемъ живомъ воображеніи онъ уже видѣлъ ее утѣшительницей опечаленныхъ и страдающихъ, покровительницей обездоленныхъ, сіяющей добротой и любовью ко всему, что искренно, истинно и человѣчно. Когда, направляясь къ заводу, онъ увидѣлъ передъ воротами толпу женщинъ, принесшихъ обѣдъ рабочимъ и ожидавшихъ времени обѣденнаго перерыва, когда всмотрѣлся въ эти лица, изможденные отъ труда и безсонницы, потемнѣвшія отъ горя и заботъ, въ эти, согнувшіяся подъ тяжестью житейскихъ невзгодъ обѣдно одѣтыя фигуры, онъ улыбнулся

образу, созданному своею фантазіей и еще болѣе увѣровалъ, что Эльза, его жена, разсѣетъ ихъ страданія, уменьшитъ ихъ горести и вызоветъ на ихъ лицахъ счастливую улыбку радости. Онъ приблизился къ толпѣ разступившихся передъ нимъ женщинъ и тотчасъ же ему послышался чей-то бойкій, звонкій голосъ:

— Здравствуйте, панел!...

Онъ повернулся и узналъ въ раскрасившейся дѣвушкѣ Касю Крамаржика.

— Здравствуй, что скажешь?

— Паненка наша три дня тому назадъ дала мнѣ небольшую пачку для передачи вамъ...—говоря это, она опустила руку въ карманъ юбки.

— Отчего-жъ ты не передала мнѣ ея ранѣе?

— Потому что я не осмѣлилась пойти въ контору,—отвѣтила та тихо, подавая ему завернутые образчики кружевъ и вышиваній.

— Благодарю тебя и передай также барышнямъ мою благодарность за память.

При этихъ словахъ, онъ подошелъ къ калиткѣ, которую привратникъ стремительно передъ нимъ распахнулъ.

— Г-нъ совѣтникъ въ конторѣ?

— Точно такъ, съ г-номъ директоромъ.

Оставшаяся у воротъ женщины стали съ любопытствомъ разспрашивать Касю про пакетикъ, переданный ею пану Новаку, и про то, какъ панъ встрѣтился съ панной Ядвигой. Та передала извѣстныя ей подробности.

— Онъ хорошій человекъ,—произнесла одна изъ слушательницъ.

— Это только въ началѣ, скоро небось испортятъ его нѣмцы,—замѣтила другая.—Кто его знаетъ?.. Быть можетъ, онъ женится на нашей паненкѣ...

— Ишь выдумала!.. Такъ ему и поволять нѣмцы...

— Станетъ онъ ихъ очень спрашивать! Когда полюбитъ, настоитъ на своемъ.

— Вы говорите вздоръ Толмашова; я слышала отъ своего, что его прочтатъ въ женихи дочери Рейнера, быть можетъ, уже и сговоръ былъ.

— Да что вы, ослѣпли развѣ, не видите, что паненка наша красива и мо-

лода, что лучшей ему и не найти на всемъ свѣтѣ...

— Да понимаетъ ли это мужчина? Вторится свяжется, а затѣмъ раскается.

— Святая истина!—вздохнули матери женившихся сыновей.

Въ это время раздался оглушительный и продолжительный свистокъ паровой машины, означавшій полуденный перерывъ. Ворота раскрылись и на заводскій дворъ, освѣщенный блѣднымъ осеннимъ солнцемъ, хлынула толпа женщинъ, одѣтыхъ въ разноцвѣтные юбки и платки. Слѣша по ожидавшимъ обѣда, онѣ разбрелись по разнымъ отдѣленіямъ завода. Кася Крамаржика направилась къ сталелитейнъ и остановилась у обширнаго, длиннаго почернѣвшаго сарая, ожидая отца, который обыкновенно обѣдалъ въ этомъ мѣстѣ.

Очень скоро приблизился къ ней молодой, плечистый блондинъ съ широкимъ лицомъ, обрамленнымъ свѣтлой бородкой, и промолвилъ:

— Сколько уже дней ты все носишь обѣдъ, развѣ мать твоя больна?

— Она не въ состояніи далеко ходить, а потому я ее замѣняю.

— Тѣмъ лучше, потому что ты молод и хороша,—говорилъ онъ, подвигаясь ближе.—должно быть, ты сама варишь супъ, и онъ вслѣдствіе этого, вѣроятно, очень пріятенъ на вкусъ и сладокъ.

— Спросите отца...

— Зачѣмъ мнѣ спрашивать у отца, довольно посмотрѣть на тебя, твои губки, вѣроятно, очень сладки.

— Не про вась.

Онъ остановился передъ ней и сказалъ смѣясь:

— Я долженъ убѣдиться, точно ли онѣ такъ сладки.

— Никогда вамъ это не удастся,—и она отодвинулась на нѣсколько шаговъ отъ него.

— Не будь такой глупой, небось сама меня поцѣлуешь.

Кася очень хотѣлось ему отвѣтить: «Врешь, не бываетъ этому никогда», но она удержалась, вспомнивъ, что Мейеръ швецъ и бригадиръ въ отдѣленіи ея отца, а потому она отвѣтила спокойно:

— Я пришла сюда не для разговоровъ, а чтобы принести отцу обѣдъ.

— Онъ сейчасъ придетъ, я приказала ему присмотрѣть за литьемъ стали... Послушай, голубушка, я говорю тебѣ правду, если будешь ко мнѣ благосклонна, отецъ твой будетъ зарабатывать вдвое больше.

— Хватить и теперешнихъ заработковъ,—отвѣтила она насупившись.

— Небось, придется тебѣ еще обратиться ко мнѣ съ просьбой, такъ какъ я многое могу сдѣлать для твоего отца, тебя же не укушу, если поцѣлуешь.

— Оставьте, поищите себѣ другую.

— Эй дѣвка, смотри будь осторожна.

— Развѣ я работаю у васъ на заводѣ, развѣ я нахожусь въ зависимости отъ васъ?

— Ты очень красива, когда сердиться, красива также, когда добра, и я долженъ во что бы то ни стало тебя поцѣловать, ей-Богу, это свыше силъ моихъ устоять противъ такого соблазна.

И опять онъ приблизился къ отступившей дѣвушкѣ, которая вся раскраснѣвшись наставляла:

— Я не таковская, не согласилась бы если бы вы даже горы золота посулили.

— Еслибъ я имѣлъ ихъ, ты бы сама прибѣжала ко мнѣ. Ну, не шути, позволъ поцѣловать тебя, пока я добръ.

— Ну сердитесь, если угодно!

— Эй, пожалѣешь потомъ.

— Пустяки.

— Вспомняешь ты меня.

— Не очень-то я вась боюсь.

— Въ это время изъ-за угла сарая вышелъ Крамаржикъ и, тяжело ступая, приблизился къ дочери. Замѣтивъ бригадира своего отдѣленія, стоящаго возлѣ дочери, онъ прибавилъ шагу и, усѣвшись на сложные рельсы, сказалъ, хлебая супъ:

— Кася, не связывайся съ этимъ нѣмцемъ.

— Да кто бы съ нимъ связываться сталъ, самъ пришелъ и разговоръ завелъ.

— Постарайся избѣгать его, чтобъ не попасть людямъ на языкъ.

— Какъ только мама поправится, я и въ глаза его больше не увижу.

— Это ты дѣло говоришь.

Онъ спокойно усѣлся и принялся крошить хлѣбъ и бросать кусочки его въ соусъ отъ мяса.

— Папочка!

— Что тебѣ?

— Скажи мнѣ, бригадиръ этотъ имѣеть надъ вами большую власть?

— Нѣтъ, особенно большой не имѣеть, когда я занятъ своимъ дѣломъ онъ только наблюдаетъ за мной.

— И только?

— Нашъ бригадиръ, какъ и всѣ прочіе, нѣмецъ, а потому можетъ наговорить передъ мастеромъ, а тотъ передъ вышнимъ, поэтому съ такими господами надо держать ухо востро, помочь не можетъ, а повредить всегда сумѣеть. Но зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь?

— Такъ себѣ,—отвѣтила Кася тихо.

— Этотъ нашъ, Мейеръ, хуже другихъ. Пришелъ сюда невѣдомо откуда, получалъ сейчасъ же званіе бригадира и ругается за каждый пустякъ нахальнѣйшимъ образомъ, такъ что уши вянуть его слушать.

— Скверный человѣкъ, противенъ онъ мнѣ.

— И хорошо. Однако, кто обѣдъ сегодня варилъ? Недурной вкусъ имѣеть.

— Я сама, папочка.

— О, о, можешь быть уже хозяйкой въ своемъ домѣ!

— Мнѣ и у васъ, папочка, хорошо.

— Конечно, не плохо. А передала ты свертокъ барышни?

— А я и забыла вамъ объ этомъ сообщить. Я передала молодому пану, онъ меня вѣжливо благодарилъ и велѣлъ также барышню благодарить.

— Еслибъ нѣмцы его на свою сторону не переманили, изъ него вышелъ бы хорошій человѣкъ.

— То же и Антонѣва говорить.

— Надежда, однако, довольно слабая.

— Если еще на нѣмцѣ женится, тогда совсѣмъ погибнетъ.

— Да, да, Кася, плохая вещь—эти смѣшанные браки: двѣ вѣры не могутъ спать на одной подушкѣ.

— Развѣ не имѣла я случая убѣдиться

въ этомъ?—тономъ опытной женщины отвѣтила та.

— Ну, что же дома, какъ мать себя чувствуетъ?

Тутъ завязался разговоръ о домашнихъ дѣлахъ, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока заводскій свистокъ не оповѣстилъ объ окончаніи обѣденнаго перерыва и возобновеніи работы.

Перекрестившись послѣ обѣда, Крамаржикъ попрощался съ дочерью и не спѣша пошелъ въ свое отдѣленіе. Со всѣхъ концовъ завода стали стекаться женщины группами, направляясь къ выходнымъ воротамъ. Такъ какъ онъ приносилъ съ собой корзинки, въ которыхъ помѣщалась провизія, то правленіе завода, опасаясь какихъ-либо мелкихъ кражъ, рѣшило ввести обыскиваніе уходящихъ женщинъ. Съ этою цѣлью былъ устроенъ отдѣльный ходъ черезъ небольшой домикъ, въ которомъ находилась специальная комната для надсмотрщика. Проходя гуськомъ женщины открывали корзинки и горшки и выходили прямо черезъ калитку за предѣлы заводскихъ зданій. Сегодня обязанность ревизора была возложена на бригадира Мейера.

Съ видомъ суроваго властителя онъ прошелъ черезъ длинный рядъ женщинъ и крикнулъ зычнымъ голосомъ:

— Раньше замужня, а затѣмъ дѣвки!

Съ этими словами онъ вошелъ въ домикъ и сталъ справа у входа, а помощникъ его слѣва у выхода. Женщины спокойно проходили, по пути открывая корзинки и горшки, и слѣдовали дальше степенно, не отвѣчая улыбками на двусмысленныя шутки и придирки. Когда же очередь наступила за дѣвушками, то на нихъ посыпался цѣлый градъ оскорбительныхъ замѣчаній, такъ что лица дѣвушекъ покрывались яркой краской стыда и досады. Касю Крамаржикъ бригадиръ началъ осматривать внимательнѣе остальныхъ и, раскрывъ ея корзинку, вытащилъ оттуда три мѣдныхъ винта.

— А, попалась!—воскликнулъ онъ торжествующимъ тономъ. Такъ вотъ, кто воруетъ и уноситъ изъ завода винты. Полатишься, голубушка теперь за это! Раскраснѣвшая и перепуганная бѣд-

вая дѣвушка воскликнула вся въ слезахъ:

— Это глупая шутка, я не брала и даже не видала этихъ винтовъ!

— Посмотримъ, а затѣмъ поговоримъ! Ступай въ комнату, я долженъ тебя обыскать.

— Не пойду, я не виновата.

— Ступай сію минуту, а не то я тебя вброшу туда.

Остальныя дѣвушки, испуганныя и поблѣднѣвшія, со страхомъ смотрѣли на Касю, которая, опасаясь насилія и не чувствуя за собой никакой вины, вошла въ комнату.

Скоро обыскъ кончился, бригадиръ приказалъ помощнику удалиться, самъ же съ видомъ грознаго судьи вошелъ въ комнату и заперъ дверь за собой. Онъ строго посмотрѣлъ на дѣвушку, которая стояла съ корзинкой въ рукахъ, вся блѣдная, съ горящими глазами; по лицу ея видно было, что она рѣшилась защищаться до послѣднихъ силъ.

— Я поймалъ тебя на мѣстѣ преступленія, теперь ты отъ меня не увернешься.

— Я не брала и въ глаза не видала. Это вы сами, вѣроятно, подбросили.

— Ну, ну, безъ глупостей. Посмотримъ, какъ-то ты передъ полиціей врать будешь.

Дѣвушка еще больше покраснѣла, закусила губы и молчала.

— Видишь ли, я человекъ не дурной, я хочу избавить тебя и отца твоего отъ бѣды, все какъ-нибудь уладится и дѣло съ концомъ.

— Зачѣмъ улаживать и скрывать, когда я ничего дурного не сдѣлала?

— Не прикидывайся, пожалуйста, ничего не можешь. Я напелъ у тебя мѣдные винты и теперь, если захочу, тебя накажу, а отца твоего прогоню.

— Мнѣ это совершенно безразлично.

Онъ приблизился къ стоящей дѣвушкѣ и сталъ говорить тише:

— Будь умницей. Подумай, тебя накажутъ за утайку краденныхъ вещей, отецъ твой лишится мѣста, а между тѣмъ одно твое ласковое слово, исполненіе моей просьбы можетъ все измѣнить къ лучшему.

— Я останусь вѣрна моему первоначальному рѣшенію.

— Я дамъ отцу твоему доходную и легкую должность, позволю ходить домой обѣдать, куплю тебѣ красивыя бусы.

— Нѣтъ, не желаю.

— Но ты должна,—воскликнулъ онъ съ разгорѣвшимся взоромъ,—ты теперь вся въ моей власти; захочу, и ты очутишься въ тюрьмѣ.

— И пусть.

Тутъ онъ порывисто заключилъ ее въ свои объятія и сталъ жадно искать ея губъ въ то время, какъ она отворачивала голову то въ ту, то въ другую сторону и съ отчаяніемъ призывала на помощь.

— Молчи, все равно, никто не услышитъ,—и онъ потянулъ ее на скамейку.

Съ отчаянными криками ухватилась она за рѣшетку желѣзной печки.

— Молчи, а не то задушю тебя,—и тутъ онъ такъ дернулъ ее, что она оставила рѣшетку и ранила руку, которой пыталась отстранить нагнувшееся надъ ней лицо.

Проходи мимо домика, гдѣ производился обыскъ, и услыжавъ женскій крикъ, панъ Новакъ открылъ дверь въ комнату въ ту самую минуту, когда обезсилѣвшая и потерявшая почти сознаніе, Кася повисла на рукахъ бригадира, стоящаго спиной къ дверямъ и тянущаго ее къ скамейкѣ.

— Спасите меня.

Поблѣднѣвъ отъ возмущенія, панъ Новакъ крикнулъ:

— Пусти ее!

Тотчасъ же бригадиръ отступилъ отъ Каси и остановился смущенный, покорный съ сильнымъ румянцемъ на полномъ лицѣ.

— Что произошло здѣсь такое?—обратился хозяинъ къ Касѣ.

Бригадиръ тихо шепнулъ ей:

— Молчи!

— Я зашла сюда во время обыска.

— Что тебѣ надо было? Зачѣмъ? Не стыдно ли тебѣ.

— Они приказали мнѣ зайти сюда, а не хотѣла.

— Сюда!? По какому поводу?

*

— Они приказали, — отвѣтила та тихо.

— Зачѣмъ ты ей велѣлъ сюда зайти?

— Я напелъ въ ея корзину три мѣдныхъ винта, слѣдовало, поэтому, ее тщательно обыскать, — отвѣтилъ тотъ, приходя въ себя.

— Клянусь именемъ Распятаго Христа, Пресвятой Ченстоховской Божьей Матери, что я невинна.

— Откуда же взялись эти винты?

— Да развѣ я знаю? Панъ ревизоръ вынулъ ихъ изъ корзины, да и все тутъ.

— Она украла или же отецъ ея ихъ стащилъ, а потому я ее здѣсь задержалъ.

— Выйди отсюда! — и когда дверь за нимъ закрылась, онъ обратился къ ней:

— Дитя мое, расскажи мнѣ все по правдѣ.

— Случилось это такимъ образомъ, — начала она, зарумянившись, — вхожу для обыкновеннаго осмотра и вдругъ онъ крикнулъ: «Попалась!» и вынулъ изъ корзины три мѣдныхъ винта... Клянусь всемія для меня святымъ, пусть меня сейчасъ накажетъ Матерь Божья Ченстоховская, если я хоть коснулась этихъ винтовъ.

— Что же дальше?

— Они приказали мнѣ зайти сюда, я не хотѣла, они пригрозили, я вошла, а затѣмъ...

— Что же затѣмъ?

— Да вы, панъ, сами видѣли, — отвѣтила та, раскраснѣвшись и опустивъ глаза.

— Клянешься, что говоришь правду?

— Чтобы я приняла послѣднее муропомазаніе, если я соврала.

— Панъ Новакъ открылъ дверь и, позвавъ ожидавшаго бригадира, спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Гансъ Мейеръ, бригадиръ изъ литейнаго отдѣленія.

— Больше на заводъ служить не будешь, ступай въ контору за расчетомъ.

— Она вреть...

— Нечего тратить словъ понапрасну, сегодня ты оставляешь службу.

Тотъ посмотрѣлъ на Касю взглядомъ,

полнымъ такой глубокой ненависти, что она вся задрожала и попятилась назадъ, какъ бы при видѣ какого-нибудь ужаснаго звѣря, и вышелъ изъ комнаты.

Кася приблизилась къ пану Новаку и прошептала:

— Панъ, онъ меня убьетъ.

— Пустяки, ступай домой.

Онъ подождалъ, пока она выйдетъ, затѣмъ зашелъ еще въ столярное отдѣленіе, гдѣ приготовлялись модели для литейни по инженерскимъ чертежамъ и нѣсколько успокоившись, вошелъ въ контору.

Его уже предупредилъ Гансъ Мейеръ, покорно сообщившій директору о кражѣ, совершенной силезской дѣвушкой.

Въ кабинетѣ совѣтника онъ напелъ директора, который, увидавъ его, проницательно улыбнулся.

— Что это за новый скандалъ съ Мейеромъ? — спросилъ совѣтникъ.

— Я прогналъ его.

— За что?

— За злоупотребленіе порученной ему обязанностью; впредь ревизовать выходящихъ женъ рабочихъ должна специально къ этому приставленная женщина.

— Новый расходъ, — проворчалъ директоръ.

— И въ самомъ дѣлѣ, Барлъ, на заводѣ слишкомъ тяжело отразится такая масса реформъ. Сначала уменьшеніе штрафовъ, затѣмъ разрывъ съ Мальстегомъ, дальѣе расточительность по отношенію къ раненому и, наконецъ, еще этотъ новый способъ контроля...

— За то нравственность отъ этого сильно выигрываетъ. Такіе люди, какъ Мейеръ, безусловно вредные члены общества, которые не должны состоять на службѣ.

— Что-жъ такого дурного, онъ однако, сдѣлалъ? — спокойно спросилъ директоръ.

— Онъ превысилъ свою власть, и по довольно ясной причинѣ.

— Но панъ Новакъ, Мейеръ отличный работникъ, прекрасно смотритъ за своей бригадой, а что у него есть своихъ человеческихъ слабости, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

— Онъ обвинилъ невинную дѣвушку въ воровствѣ, завлекъ ее съ гнуснымъ

намѣреніемъ въ ревизионную и хотѣлъ ее оскорбить.

— Ну, ну, Карлъ, нельзя ужъ такъ славнѣшномъ придераться, — улыбнулся совѣтникъ.

— Эта глупая дѣвка изъ-за пустяка подняла такъ много ненужнаго шуму; такіе люди, какъ Мейеръ, могутъ только исправить силезскій народъ, — прибавилъ директоръ, — впрочемъ, если мы откажемъ Мейеру, мы по той же самой причинѣ должны прогнать добрую половину нашего персонала.

— Г-нъ директоръ, вы выступаете защитникомъ очень мерзкаго дѣла; подобные поступки у насъ должны быть искореняемы и впредь нетерпимы.

— Нѣтъ, панъ Новакъ, я только свнесходительно отношусь къ человѣческимъ слабостямъ.

— Вѣрнѣе говоря, къ мерзостямъ.

— Хорошо, допустимъ, что Мейеръ удаленъ, но что прикажете сдѣлать съ тѣмъ, что у дѣвушки найдены пропавшія вещи.

— Онъ нарочно ихъ подбросилъ ей.

— Вѣроятно, а то бы она не оправдывалась такъ, не кричала бы, но, вѣдь, за то съ этого времени, всякій воръ будетъ оправдываться тѣмъ, что ему подбросили. Мейеру за его поступокъ слѣдуетъ сдѣлать строгій выговоръ, наказать штрафомъ, но ради сохраненія авторитета нашихъ ревизій, его не слѣдуетъ удалять.

— Очень основательно говорить г-нъ директоръ, — произнесъ совѣтникъ, — нашъ ревизоръ долженъ наводить страхъ на эту силезскую сволочь.

— Я, господа, положительно, не понимаю вашей софистики въ дѣлѣ простой честности. Мейеръ злоупотребилъ нашимъ довѣріемъ, не поколебался прибѣгнуть къ самому подлему изъ средствъ, чтобы обезчестить бѣдную невинную дѣвушку, запятналъ этимъ честь нашего завода, и вы, господа, еще колеблетесь въ выборѣ для него наказанія.

— Что-жъ, г-нъ директоръ, не уступить ли намъ на этотъ разъ нашему молодому другу?

Директоръ нахмурился и послѣ минутнаго раздумья отвѣтилъ:

— Прогонимъ Мейера, но вмѣстѣ съ нимъ и Брамаржика.

— А это почему? — удивился панъ Новакъ.

— Силезцы не должны торжествовать, не должны думать, что побѣда на ихъ сторонѣ и что они прогнали нѣмца.

— Вы, должно быть, шутите.

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Весьма сожалѣю, что не могу съ вами согласиться, но у меня принципъ нравственности и осужденіе распутства съ политикой ничего общаго не имѣютъ. Еслибы вы удалили Брамаржика, а вы уплатить ему все слѣдующее ему жалованье, какъ вознагражденіе за обиду.

Взгляды ихъ встрѣтились; взоръ пана Новака былъ спокоенъ, холоденъ и презрителенъ, а въ разгоряченныхъ глазахъ директора отражалось смѣшанное чувство ненависти, ревности и подчиненности служащаго. Замѣтивъ ихъ взаимное раздраженіе, совѣтникъ сказалъ съ улыбкой:

— Я васъ обоихъ помирю... Мейера въ видѣ наказанія переведемъ въ Борки, гдѣ ему Герцбергъ дастъ занятіе. Дѣвкѣ же этой запретимъ показываться на заводъ, а дѣло съ винтами потушимъ.

— Я согласенъ съ г-номъ совѣтникомъ, — заявилъ директоръ, не желавшій въ данный моментъ изъ-за дѣвочки окончательно испортить и безъ того крайне обостренныя отношенія къ пану Новаку.

— Это все-таки лишь жалкій компромиссъ, — произнесъ недовольный рѣшеніемъ Карлъ.

— Однако, на окраинахъ иначе поступать невозможно, — сказалъ совѣтникъ рѣшительнымъ тономъ.

— Не думаю. Всегда наилучшимъ и вѣрнѣе всего ведущимъ къ цѣли путемъ была справедливость.

— Вы ошибаетесь, г-нъ Новакъ — возразилъ директоръ тономъ спокойнаго убѣжденія. — Безпристрастіе нашихъ нѣмецкихъ судовъ извѣстно во всемъ мірѣ, и все-таки они здѣсь, на окраинахъ, при произнесеніи приговоровъ всегда сообразуются съ нашими интересами и всегда становятся на нашу сторону.

— Да, да, государственныя соображенія стоятъ выше этихъ... Однако,

пора домой, по горло мнѣ уже сегодня этихъ заводскихъ дѣлъ— прекративъ бесѣду совѣтнику, подымаясь съ кресла.— А сознайтесь, господа, я, вѣдь, хорошо рѣшилъ вопросъ?

Директоръ улыбнулся:— Какъ второй царь Соломонъ.

Глава XIV.

Получивъ, наконецъ, столь желанное разрѣшеніе отъ фрейлейнъ Эльзы, панъ Новакъ удалился, по его мнѣнію, удобный моментъ и отправился въ предобѣденное время для серьезнаго объясненія въ кабинетъ совѣтника. Онъ нашелъ его за письменнымъ столомъ. Отложивъ въ сторону многочисленную корреспонденцію, которую приводилъ въ порядокъ, г-нъ Рейнеръ дружески улыбнулся ему и, указывая на стоящее рядомъ кресло, лаконично сказалъ:

— Садитесь, Карлъ, я всегда радъ васъ видѣть, а сегодня и подавно, я ужъ соскучился по пріятельской бесѣдѣ.

— Тѣмъ лучше для меня!— усмѣхнулся тотъ усаживаясь.

— Какъ старый другъ вашего отца, съ которымъ мы всегда дѣйствовали въ полномъ согласіи, и какъ вашъ давнишній опекунъ, я хотѣлъ бы поговорить съ вами о нашихъ дѣлахъ и предположеніяхъ.

— Я весь къ вашимъ услугамъ.

— Видите ли, Карлъ, — началъ совѣтникъ, попыхивая сигарой, — наша ближайшая цѣль, безспорно, состоитъ въ томъ, чтобы приумножить какъ можно больше наши капиталы, увеличить на столько наши богатства, чтобы наше положеніе въ свѣтѣ и наша позиція въ борьбѣ за существованіе стояли незыблемо... за этой главной цѣлью слѣдуютъ другія менѣе важныя: политическія и вообще экономическія... надѣюсь, это все ясно и понятно.

Панъ Новакъ одобрилъ наклоненіемъ головы.

— Для приращенія богатства слѣдуетъ не только быть бережливымъ въ расходахъ, но и пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы укрѣпить свое положеніе и расширить свою фабричную дѣятельность... Между тѣмъ, со времени

вашего пріѣзда, какъ показываетъ балансъ, доходы уменьшились, это плохо, очень плохо...

— Я васъ не совсемъ хорошо понимаю, — отвѣчалъ тотъ послѣ минутнаго раздумья, — я видѣлъ балансъ; онъ показываетъ значительное повышеніе расходовъ, такъ какъ сдѣланы были довольно крупныя одновременныя затраты на ремонтровку печей и паровыхъ машинъ, ну, а затѣмъ, въ статьѣ прихода отошелъ пока доходъ отъ Борковъ...

— Все это такъ, — согласился совѣтникъ, съ видомъ понимающаго вещи спеціалиста, — я все это, конечно, принялъ во вниманіе, но бѣда въ томъ, что намъ сталъ начинать обходиться дороже, чѣмъ раньше, благодаря тому, что мы подняли заработную плату; мы теперь получаемъ менѣйшій процентъ на капиталъ... Изъ пфениговъ составляются марки, изъ марокъ сотни и тысячи... Если такъ пойдетъ дальше, то конкуренты насъ побьютъ.

— Я не раздѣляю вашихъ опасеній.

— Гмъ... вы развѣ не знаете, Карлъ, что нынче каждый рабочій получаетъ у насъ на пятьдесятъ пфениговъ больше, чѣмъ раньше и чѣмъ на другихъ заводахъ.

— Мы за то выигрываемъ на качествахъ рабочихъ; къ намъ пойдутъ лучшіе слесари, кузнецы, литейщики и, дорожа мѣстомъ, будутъ интенсивнѣе работать.

— Теорія! — отозвался пренебрежительно совѣтникъ. — Они будутъ работать такъ же, какъ и раньше; тутъ все дѣло въ надзорѣ; подымая же заработную плату, мы, помимо убытковъ, возстановляемъ противъ себя остальныхъ промышленниковъ, да наши мастера и бригадиры начинаютъ опускаться, такъ какъ должны теперь стѣсняться при рабочихъ.

— Это уже отголосокъ словъ почтеннѣйшаго г-на директора, — улыбнулся тотъ иронически.

— Кстати, Карлъ, вы слишкомъ его додумаете, не хотите ли въ чемъ ему уступить, взять бы хотя исторію съ Мейеромъ и съ этой дѣвкой.

— Не могу иначе, г-нъ совѣтникъ, не стану же я ради директора измѣнять своимъ принципамъ и убѣжденіямъ.

Годъ X-й.

№ 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

А В Г У С Т Ъ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. СКОРОХОДОВА (Надеждинская, 43).

1901.

Дозволено цензурою. Спб. 27-го іюля 1901 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР.
1. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. П. Милюкова.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ СТЕПИ. Ив. Бунина	25
3. ИЗЪ ГИМНАЗИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. Очерки недавняго прошлаго. А. Яблоновскаго. (Продолженіе)	28
4. ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ ВЪ НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ XIX ВѢКА. Проф. М. Соболева.	71
5. ВУНДТЪ О ФЕХНЕРЪ. К—са.	100
6. ВО ИМЯ ДОЛГА. Романъ Гарлянда. Переводъ съ англійскаго (Окончаніе)	108
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. IN MEMORIAM. (Изъ Теннисона). О. Чюминой.	144
8. ЧИСТАЯ СЕРДЦЕМЪ. З. Гиппиусъ.	146
9. ЛИТЕРАТУРА ВЪ XIX ВѢКѢ. Очеркъ Фердинанда Брюнетьера. Переводъ съ французскаго Е. П. Рановской	176
10. ПОРУЧИКЪ ГУСТЛЬ. Разсказъ Артура Шницлера. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Р.	215
11. РОЛЬ НАСЪКОМЫХЪ ВЪ ЭКОНОМИИ ПРИРОДЫ И ВЪ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА. С. Торскаго.	240
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. О. Чюминой.	270

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Жестокіе», романъ г. Боборыкина.—Удачныя характеристики различныхъ «настроеній».—Вѣрно подмѣченная общая черта—черствость и эгоизмъ.—«За десять лѣтъ практики», Ѳ. Павлова.—Интересныя наблюденія автора изъ фабричной жизни.—Отсутствіе тенденціозности и искренность автора. А. Б.	1
14. БОДЛЕРЪ И ЕГО РУССКІЙ ПЕРЕВОДЧИКЪ. П. Я. Стихотворенія, т. II (1898—1901 г.). Спб. 1901. Ѳ. Батюшкова.	11
15. ОТВѢТЪ Г. БАТИНУ. Н. Рожкова.	19

16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Л. Н. Толстой и московскіе трезвенники.—Злюключенія корреспондента.—Къ характеристикѣ почтово-телеграфной службы.—Фальсификація пищевыхъ продуктовъ.—Въ погонѣ за званіемъ.—Австрійцы въ крѣпостной зависимости у русскаго помѣщика.—За мѣсяць.	26
17. КІЕВСКІЯ БОЛЬНИЦЫ. Врача Г. И. Гордона.	39
18. Изъ русскихъ журналовъ. Организація народнаго образованія во Франціи.—Учебная реформа.—Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ.—Борьба со старостью.—Θ. М. Рѣшетниковъ	45
19. За границей. Годовщина націи.—Сенсаціонный докладъ.—Изъ французской жизни.—Въ Германіи.—Турецкая медицина.	57
20. Изъ иностранныхъ журналовъ. Нѣмецкое происхожденіе «Марсельезы».—Мнѣніе японскаго писателя о разныхъ европейскихъ націяхъ.—Крестовый походъ противъ пьянства.—Нужны-ли литературные псевдонимы	69
21. СКРАНТОНСКАЯ ШКОЛА. (Письмо изъ Калифорніи). I. Маевского.. . . .	72
22. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Роль насѣкомыхъ въ распространенія заразы. Женщины-врача М. И. Покровской.	79
23. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Астрономія. В. Агафонова.	89
24. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Сборники.—Исторія литературы и критики.—Исторія русская и всеобщая.—Политическая экономія.—Біологія.—Географія.—Путешествія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію	95
25. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	124

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

26. ВЪ СТРАНУ ЛАМЪ. Путешествіе по Китаю и Тибету. В. В. Рокхия. Перев. съ англійскаго подъ редакціей В. К. Агафонова, съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Съ рисунками и картой. (Окончаніе).	179
27. ПОБѢЖДЕННЫЕ. Романъ Грушецаго (автора ром. «Углеконы», «Гутникъ» и др.). Переводъ съ польскаго.	91
28. ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ ВЪ КОНЦѢ XIX ВѢКА. Эдуарда Дрю (адъюнктъ-профессора исторіи въ Орлеанскомъ лицейѣ). Переводъ съ французскаго К. И. Динсона	1

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

III.

Отношеніе елизаветинскаго поколѣнія къ реформѣ и просвѣщенію.—Среда и формы, въ которыхъ совершалось просвѣдительное движеніе той эпохи.—Книгоиздательство петровскаго времени и причина его неудачи.—Новое направленіе издательства съ 1748 года.—Переводный романъ, его культурная роль.—Малая распространенность книги.—Культурная дѣятельность учащейся молодежи.—Петровский театр и причина его неудачи.—Роль шляхетскаго корпуса при началѣ новаго театра.—Театръ, какъ арена борьбы новаго направленія съ ложноклассическимъ.—Побѣда мѣщанской драмы, бытовой комедіи и политической пьесы въ московскомъ театрѣ.—Первый русскій журналъ при академіи; журналы молодежи шляхетскаго корпуса и московскаго университета.—Миллеровскій журналъ устанавливаетъ типъ и источники.—Шляхетская молодежь доставляетъ перевѣсъ правоучительно-психологическому элементу и намѣчаетъ задачи и темы сатиры, Сумароковъ вноситъ элементъ любовной лирики; московскіе студенты подчеркиваютъ принципиальную основу правоучительныхъ статей (естественное право) и сводятъ ее къ идеямъ масонства.—Ограниченный кругъ вліянія первой русской періодической прессы.

Изъ трехъ типовъ общественной мысли, съ которыми мы познакомились въ предыдущемъ отдѣлѣ, одинъ принадлежалъ прошедшему, другой настоящему и третій будущему. Естественно, что главное наше вниманіе будетъ обращено теперь на развитіе третьяго типа. Это—то критическое воззрѣніе, первую пробу котораго мы видѣли въ теоріяхъ Татищева и которое одинаково шло въ разрѣзъ и съ архангелскимъ мировоззрѣніемъ «подлаго состоянія», и съ практикой «свѣтскаго житія», усвоенной благороднымъ шляхетствомъ. Опору въ своей борьбѣ противъ новыхъ модъ и старыхъ суевѣрій—это направленіе нашло въ образовательныхъ средствахъ, созданныхъ реформой. Но отношеніе къ образованію было у поколѣнія, выросшаго въ преобразованной Россіи, уже совсѣмъ другое, нежели у поколѣнія преобразователей. Тѣ ловили кое-какъ, на ходу, обрывки западной культуры и поневолѣ приобрѣли сноровку сразу вылавливать практически-нужное и непосредственно-приложимое. Молодое поколѣніе очень скоро эманципировалось отъ такого утилитарно-техническаго характера заимствованій. Въѣсть съ тѣмъ оно на время утратило и то сознаніе связи между заимствованиями и ближайшими жизненными задачами, которое поневолѣ оказы-

валось налицо у піонерів нової культури. Якъ жильці новаго дома пользуются его удобствами, не зная, какъ онъ построєнъ, и не чувствуя еще нужды приступать къ ремонту, къ надстройкамъ и перестройкамъ, такъ точно чувствовало себя поколѣніе, родившееся во второмъ десятилѣтіи XVIII вѣка. Главныя вопросы казались навсегда рѣшенными; оставались детали и орнаменты. Принципіальная оппозиція противъ Петра уже настолько отошла въ прошлое, что сыновья націоналистовъ-оппозиціонеровъ могли выступить подъ знаменемъ петровской реформы противъ иностранныхъ дѣльцовъ, остававшихся полтора десятка лѣтъ ея главными исполнителями. Это оригинальное возвращеніе къ Петру подъ знаменемъ націонализма само по себѣ показывало, какъ далеко елизаветинское поколѣніе отошло отъ пониманія жизненныхъ противорѣчій, вызванныхъ реформой, и какъ скоро оно забыло о прошломъ. Реформа стояла передъ этимъ поколѣніемъ, какъ непререкаемый, окончательный фактъ. За нее нечего было и не съ кѣмъ было бороться; ее предстояло эксплуатировать, т.-е. прежде всего прогнать «эксплуататоровъ»-иностранцевъ и занять ихъ мѣста, а затѣмъ извлечь изъ новаго положенія какъ можно больше жизненныхъ наслажденій. Одинъ изъ прогнанныхъ, Минихъ, приворовываясь къ настроєнію минуты, пробовалъ вымолить себѣ пощадку Елизаветы вотъ какого рода проектомъ «шествованія по стопамъ» преобразователя. Петръ, по его словамъ, рассчитывалъ все пространство между Ораніенбаумомъ и Ладогой, на протяженіи 220 верстъ, застроить увеселительными домами, парками, фонтанами и каскадами, бассейнами и резервуарами, садами и звѣринцами; каждый годъ онъ предполагалъ съ министрами, генералами и дипломатическимъ корпусомъ совершать увеселительную прогулку по Невѣ и каналу, среди всѣхъ этихъ чудесъ искусства. Минихъ предлагалъ все это осуществить къ удовольствію Елизаветы. Приманка была, конечно, черезчуръ уже груба, но за то очень характерна для всего поколѣнія сверстниковъ императрицы. Дѣйствительно, гораздо доступнѣе, понятнѣе, вразумительнѣе, чѣмъ «польза» новой культуры, было для этого поколѣнія то увеселеніе, которое можно было почерпнуть изъ этого источника.

Мы видѣли, въ чемъ находили удовольствіе въ срединѣ вѣка любители «свѣтскаго житія». Теперь мы должны прибавить, что и лучшіе люди того же поколѣнія,—враждебные свѣтскимъ излишествами и разсѣянностью,—всетаки искали удовлетворенія въ удовольствіяхъ же, только болѣе тонкихъ и культурныхъ. Новую ноту вносить здѣсь лишь поколѣніе, родившееся въ самомъ началѣ царствованія Елизаветы и выступившее въ литературѣ въ самомъ его концѣ. Но и оно стоитъ на только что подготовленной почвѣ. Культъ утонченныхъ удовольствій сердца послужилъ и для него основаніемъ, на которомъ оно создало свое болѣе отвлеченное, болѣе далекое отъ жизни, но за то и болѣе идеальное представленіе о цѣляхъ и о сущности новаго просвѣщенія.

Съ такимъ условнымъ, безпредметнымъ идеализмомъ, культурное движеніе елизаветинской эпохи составляетъ естественный переходъ отъ безыдейнаго реализма петровскаго времени къ первымъ попыткамъ сблизить реальность съ идеей и ввести въ литературу обсужденіе жизненныхъ вопросовъ — въ вѣкъ Екатерины II. Какъ нельзя лучше этому переходному характеру Елизаветинской литературы соответствуетъ и характеръ среды, въ которой она развивалась. Это были не практическіе дѣльцы петровскаго времени и не «философы»-превѣтители екатерининскаго. Движеніе все еще совершалось въ непосредственной близости къ двору и правительству, но уже вышло изъ тѣснаго круга правительственныхъ лицъ. Главный матеріалъ для этого культурнаго движенія дала подроставшая молодежь новооткрытыхъ высшихъ учебныхъ заведеній: сперва академическаго университета, потомъ—и въ гораздо большей степени—сухопутнаго шляхетскаго корпуса и, наконецъ, въ самомъ концѣ эпохи—московскаго университета. Въ тѣхъ предѣлахъ—чисто ученическихъ «добрыхъ намѣреній» и «невинныхъ упражненій», изъ которыхъ пока еще не выходило движеніе тогдашней учащейся молодежи,—оно нисколько не противорѣчило настроенію двора, нашло даже точки соприкосновенія съ нимъ въ своемъ стремленіи — соединить пріятное съ полезнымъ и въ такихъ случаяхъ встрѣчало со стороны двора и императрицы прямую поддержку.

Простодушная, привыкшая окружать себя мужской молодежью, жадная до развлеченій и наслажденій императрица, сама дебютировавшая нѣсколькими стихотвореніями въ модномъ тогда сентиментально-любовномъ жанрѣ (М. Б. VI), была довольно подходящей центральной фигурой для характеризуемаго культурнаго момента. Конечно, и при ней искусство и литература продолжали—и даже въ усиленной степени—служить аксессуаромъ и орнаментомъ придворной обстановки. Но это выходило какъ-то искреннѣе, естественнѣе, безъ той чопорности и церемоннаго формализма, въ которые такъ неужѣло рядился неуклюжій дворъ имп. Анны, безъ того крикливаго противорѣчія съ окружающими нравами, которое чувствовалось на каждомъ шагѣ въ маскарадахъ, триумфальныхъ шествіяхъ и школьныхъ спектакляхъ петровскаго времени. «Педаанство», въ лицѣ Тредьяковскаго, уступило мѣсто «хорошему вкусу», въ лицѣ новаго придворнаго поэта Сумарокова, «посвятившаго всю жизнь на увеселеніе двора». Мы увидимъ, однако, что къ концу царствованія литературное движеніе рѣшительно вырастаетъ изъ этихъ придворныхъ рамокъ, продолжая все время оставаться въ рукахъ учащейся молодежи.

Понимо школы, главнымъ образовательнымъ средствомъ служила книга; къ этому присоединился еще теперь любительскій спектакль и, въ концѣ періода, книжка періодическаго журнала. На всемъ этомъ,—на книгѣ, театрѣ и періодической прессѣ отразился самымъ рѣшительнымъ образомъ переходъ просвѣтительной роли изъ рукъ власти

*

въ руки молодого поколѣнія и соотвѣтственная переимѣна во взглядахъ на самыя задачи просвѣщенія.

Благодаря Петру Великому русскій читатель впервые получилъ свѣтскую книгу, напечатанную (съ 1708) «новоизобрѣтенными амстердамскими литерами», т.е. гражданскимъ шрифтомъ. Но на первый разъ ни содержаніе, ни языкъ этой книги не могли привлечь къ ней симпатій читателя. Въ учрежденныхъ Петромъ казенныхъ типографіяхъ печатались произведенія, составленныя, или чаще всего переведенныя по личному выбору и распоряженію императора. Выборъ этотъ соотвѣтствовалъ цѣлямъ Петра, но нисколько не соотвѣтствовалъ вкусамъ тогдашняго читателя. Читатель стараго покроя интересовался, кромѣ священнаго писанія и житій святыхъ, духовно-нравственными произведеніями вродѣ «Великаго Зеркала» (II, 134). Читатель новаго типа увлекался произведеніями повѣствовательной литературы, составившейся къ концу XVII в. изъ переводовъ съ польскаго, — повѣстями «умильными», или «потѣшными», или «чудными» (II, 176). А Петръ спѣшилъ обогатить русскую литературу переводными учебниками по артиллеріи и фортификаціи, по инженерству и военной архитектурѣ, по «художествамъ—математическому, механическому, хирургическому, архитектурѣ—цивилей, анатомическому, ботаническому, милитарисъ и прочимъ тому подобнымъ». Царь строго наблюдалъ при этомъ, чтобы переводилось только дѣло, а не разговоры, «чтобы не праздно ради красоты, а для вразумленія и наставленія чтущему было», «понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались,—чего, кромѣ самаго дѣла и краткаго передъ всякою вещью разговора, переводить не надлежитъ». Въ довершеніе всего, выборъ дѣлался наудачу, по заглавіямъ, и иногда оказывались переведенными руководства, трудныя даже и для специалистовъ (напр., Кугорна). А такъ какъ переводчики почти всегда, «которые умѣли языки,—художествъ не умѣли, а которые умѣли художества, языку не умѣли»,—то естественно, что зачастую изъ печати выходила макулатура, ни для кого не понятная и ни къ чему не пригодная. При этихъ условіяхъ русскій читатель просто на просто игнорировалъ произведенія новой гражданской печати и продолжалъ пробавляться, по старому, рукописной литературой. Уже въ 1703 г. голландскій купецъ, торговавшій русскими книгами, напечатанными по порученію Петра въ Голландіи, жаловался царю на то, что его книги не продаются и что онъ терпитъ убытокъ, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего величества зѣло мало». Однако, въ то же время синодальная типографія торговала бойко своими церковнослужебными книгами и букварями, печатавшимися и расходившимися въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Изъ произведеній новой печати тысячами распродавались только указы (съ 1714), сотнями—мѣсяцесловы и десятками—въкоторыя любимыя

произведенія средняго читателя, къ которымъ онъ уже привыкъ въ рукописныхъ спискахъ. Положеніе оставалось такимъ до второй половины вѣка, по наблюденію такого знатока русской читающей публики, какимъ былъ Новиковъ. «У насъ, говорилъ онъ, только тѣ книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями издаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ (мѣщанамъ нашимъ) нравятся. Въ подтвержденіе сего мнѣнія служатъ тѣ книги, кои отъ просвѣщенныхъ людей (екатерининскаго времени) никакого уваженія не заслуживаютъ и читаются одними только мѣщанами. Сія книги суть: «Троянская исторія», «Синописи», «Юности честное зерцало», «Совершенное воспитаніе дѣтей», «Азовская исторія» и нѣкоторыя другія. Напротивъ того, книги, на вкусъ такихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ».

Такова именно и была судьба петровскихъ переводовъ. Въ 1743 г. академія наукъ представила сенату оригинальный проектъ обязательной распродажи залежавшихся изданій петровскаго времени. Каждый чиновникъ, какъ по военной такъ и по гражданской части, во всѣхъ учрежденіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ всей Россіи, долженъ былъ по этому проекту купить въ академіи книгъ на 5—6 р. съ каждой сотни получаемого имъ жалованья. Купцовъ тоже предполагалось привлечь къ уплатѣ этого курьезнаго налога «по пропорціи ихъ торгу». Еще рѣшительнѣе поступила съ петровскими изданіями синодальная типографія. Она прямо пустила ихъ на обложки для вновь выходящихъ книгъ (1752, 1769 и 1779).

Въ концѣ концовъ, книгоиздательство должно было уступить «мѣщанскому» вкусу, тѣмъ болѣе, что до Екатерины этотъ вкусъ вовсе нельзя было бы назвать исключительно вкусомъ «мѣщанъ». Его раздѣляла и «благородная» публика, безспорно предпочитавшая «умильный» и «потѣшный» элементъ въ литературѣ сухимъ и неудобоваримымъ петровскимъ учебникамъ. Какъ только реформирована была академія введеніемъ новаго устава, — новый президентъ ея гр. Разумовскій передалъ ей (27 янв. 1748) изустный указъ Елизаветы — «стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ». Во исполненіе указа академія приглашала черезъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» желающихъ переводить книги съ иностранныхъ языковъ и обѣщала переводчикамъ, въ видѣ гонорара—по 100 экземпляровъ переведенной книги. Это былъ одинъ изъ первыхъ случаевъ непосредственнаго привлеченія молодежи высшихъ учебныхъ заведеній къ участию въ просвѣтительной дѣятельности. Очерченный въ указѣ характеръ желательныхъ переводовъ такъ же хорошо совпадалъ съ интересами этой молодежи, какъ и со вкусами читающей публики. Объявившіеся по публикаціи переводчики оказались большею частью

учениками академической гимназіи и университета или же служащими при академіи. Въ результатѣ новаго направленія издательства и книжное дѣло значительно оживилось. Издательская дѣятельность такъ возросла въ 50-хъ годахъ, что старая академическая типографія оказалась не въ состояніи выполнять всѣхъ заказовъ. Заведена была «новая» типографія, съ прямой цѣлью «умножить въ оной печатаніе книгъ, какъ для удовольствія народнаго, такъ и для прибыли казенной». Дѣйствительно, новая типографія печатала въ огромномъ количествѣ экземпляровъ книги, удовлетворявшія «мѣщанскому» вкусу вродѣ перечисленныхъ Новиковымъ: «Троянской исторіи», «Повѣсти о разореніи Іерусалима», «Синописа» и т. п. При такомъ направленіи дѣла обѣ поставленныя цѣли, т. е. и «удовольствіе народное», и «казенная прибыль», были вполне достигнуты.

Но, сдѣлавшись выгоднымъ промышленнымъ предпріятіемъ, книжное издательство и торговля немного принесли бы пользы просвѣщенію, если бы ограничились перепечаткой старыхъ продуктовъ популярной литературы, распространявшихся и безъ того въ рукописныхъ спискахъ. Приглашенная къ сотрудничеству интеллигентная молодежь принялась искать свѣжаго матеріала для переводовъ въ популярныхъ произведеніяхъ заграничной литературы. Скоро она нашла литературный жанръ, одинаково привлекательный и для интеллигентнаго читателя, и для сѣрой публики. Этимъ жанромъ, дѣйствительно соединявшимъ, какъ требовалъ указъ 1748 г., «пользу и забаву съ пристойнымъ къ свѣтскому житію правочученіемъ», — былъ переводный романъ. Роману скоро суждено было сдѣлаться самымъ популярнымъ, если не самымъ моднымъ видомъ литературы XVIII в. Въ смыслѣ развитія первыхъ отвлеченныхъ чувствъ, на которыхъ сходились полуобразованный верхъ и вовсе необразованный низъ русскаго общества, — переводный романъ сыгралъ еще болѣе важную культурную роль, чѣмъ оригинальная любовная лирика (II, 178). Что давалъ переводный романъ русскому читателю, объ этомъ пусть скажетъ намъ, впрочемъ, самъ этотъ читатель. «Обыкновенно обвиняютъ романы», — говоритъ Болотовъ, зачитывавшійся романами въ срединѣ XVIII в., — въ томъ, что чтеніе ихъ не столько пользы, сколько вреда производитъ и что они нерѣдко ядомъ и отравой молодымъ людямъ почестся могутъ. Однако, я торжественно о себѣ скажу, что мнѣ не сдѣлали они ничего дурнаго. Сколько я ихъ ни читалъ, не развратились ими мысли мои и не испортилось сердце... но чтеніе оныхъ, напротивъ того, произвело для меня безчисленныя выгоды и пользы... Читая описываемыя происшествія во всѣхъ государствахъ и во всѣхъ краяхъ свѣта, я нечувствительно узналъ и получилъ довольно понятіе о разныхъ нравахъ и обыкновеніяхъ народовъ и обо всемъ томъ, что во всѣхъ государствахъ есть хорошаго и худого и какъ люди въ томъ и другомъ государствѣ живутъ и что у нихъ тамъ водится... Не меньшее понятіе получилъ я и о родѣ жизни разнаго со-

стоянія людей, начиная отъ владыкъ земныхъ до людей самаго низкаго состоянія. Самая житейская свѣтская жизнь во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ и вообще весь свѣтъ сдѣлался мнѣ гораздо знакомѣе передъ прежнимъ... Что касается до моего сердца, то отъ многого чтенія преисполнилось оно столь нѣжными и особыми чувствованіями, что я примѣтно ощущалъ въ себѣ великую пережѣву и самого себя точно какъ переродившимся. Я начиналъ смотрѣть на всѣ происшествія въ свѣтѣ какими-то иными и благонаправлѣннѣйшими глазами; а все сіе и вперяло въ меня нѣкое отвращеніе отъ грубаго и гнуснаго общества и сообщества съ порочными людьми... Что же касается до увеселенія, производимаго во мнѣ симъ чтеніемъ романовъ, то я не знаю уже, съ чѣмъ бы оное сравнить и какъ бы изобразить оное. А довольно, когда скажу, что оное было непрерывно и такъ велико, что я и понынѣ (т.-е. около 40 лѣтъ спустя) еще не могу позабыть тогдашняго времени и того сколь оно было для меня пріятно и увеселительно». Подобныя признанія мы слышимъ отъ многихъ лицъ, юные годы которыхъ прошли во второй половинѣ XVIII в. *). Нельзя не заключить изъ нихъ, что переводный романъ дѣйствительно былъ серьезной культурной силой, облагороживавшей чувства и возбуждавшей умственные интересы. Чтеніе романовъ, на ряду съ затверживаніемъ любовныхъ пѣсенъ, было первой школой русскаго идеализма.

Однако же, въ теченіе всей первой половины вѣка кругъ вліянія романа былъ весьма ограниченъ уже просто потому, что печатная свѣтская книга оставалась большой рѣдкостью; книжныхъ лавокъ, кромѣ петербургской академической и московской синодальной, не существовало: въ провинціи добыть новую книгу было совершенно невозможно. Только-что упоминавшійся Болотовъ былъ страстнымъ охотникомъ до чтенія и, какъ сынъ полковника, принадлежалъ, повидимому къ средѣ, въ которой сравнительно легко было доставать книги. Тѣмъ не менѣе и въ его дѣтствѣ и юности каждая новая книга была важнымъ и рѣдкимъ событіемъ, которое онъ помнилъ до старости и черезъ нѣсколько десятилѣтій аккуратно занесъ въ свои записки. Одиннадцати лѣтъ, во французскомъ пансіонѣ, онъ наткнулся на «Похожденія Телемака», пробудившія у него вкусъ къ чтенію и послужившія для него «фундаментомъ всей будущей учености». На слѣдующій годъ онъ обривизовалъ книги своего отца и нашелъ среди нихъ двѣ по своему вкусу. Это были—жалкій учебникъ исторіи Гильмара Кураса и исторія походовъ принца Евгенія: первую Болотовъ перечиталъ трижды, вторую дважды. Зброшенный затѣмъ въ свою глухую деревню, онъ принужденъ былъ довольствоваться повтореніемъ своихъ учебниковъ нѣмецкой и французской грамматики и географіи. Только черезъ два года, вернувшись

*) Въ это время, какъ увидимъ, особенно усилилось чтеніе и издательство романовъ.

снова въ Петербургъ, напрактиковавшись нѣсколько во французскомъ разговорѣ у мосье Лаписса и перенявъ кое-что случайно изъ геометріи у товарища по занятіямъ, Болотовъ обогатилъ свой репертуаръ свѣтскихъ знаній нѣсколькими модными любовными пѣсенками и чтеніемъ печатной Сумароковской трагедіи «Артистона» и рукописнаго любовнаго романа: «Эпаминондъ и Целеріана», перечитаннаго имъ дважды. Прошелъ еще годъ; умирая отъ скуки въ своей деревнѣ, Болотовъ раздобылся у сосѣдей «Камнемъ Вѣры» и Четырми-миннеями, а у дяди рукописными курсами геометріи и фортификаціи, записанными когда-то подъ руководствомъ извѣстнаго Ганнибала. Богословскіе аргументы Яворскаго были скоро изучены, къ великому изумленію сельскихъ поповъ; чертежи Ганнибала перечерчены: по чертежамъ кое-какъ усвоенъ и математическій текстъ. Истощивъ всѣ эти ресурсы, Болотовъ принялся списывать Телемака съ печатнаго экземпляра и списалъ его всего; списалъ и любимыя житія святыхъ. Затѣмъ оставалось только вернуться къ двумъ иностраннымъ грамматикамъ и къ географіи, но этого даже терпѣніе Болотова не выдержало: повертѣвъ нѣсколько разъ въ рукахъ, онъ ихъ бросилъ. Дошла и до деревенскаго захоlustья вѣсть о новомъ необыкновенно интересномъ романѣ, «Аргенидѣ» (Барклая, перев. Тредьяковскаго, въ отвѣтъ на извѣстный намъ вызовъ академіи), гдѣ «все можно найти—и политику и нравоученіе и пріятность и все и все». Но этой заманчивой новинки въ деревнѣ получить было нельзя. На счастье Болотова, ему минуло шестнадцать лѣтъ: надо было собираться въ полкъ, на службу. По пріѣздѣ въ Петербургъ, первый выходъ Болотова былъ въ академическую книжную лавку, гдѣ онъ нашелъ не только вождедѣнную «Аргениду», но и только что вышедшаго тогда въ русскомъ переводѣ «Жиль-Блаза» Лесажа. Съ третьимъ знаменитымъ тогда романомъ, «Житіемъ Клеветанда, философа англійскаго» аббата Прево, Болотовъ познакомился вскорѣ уже въ нѣмецкомъ переводѣ не дожидаясь русскаго, вышедшаго въ 1760 г.

Эти шесть лѣтъ (1749 — 1755) изъ біографіи русскаго читателя новаго типа лучше всего могутъ объяснить намъ, почему современное литературное движеніе могло возникнуть только въ столицахъ и только въ той удобной для самообразованія обстановкѣ, какую создавало товарищеское общеніе между учениками высшихъ учебныхъ заведеній. Такой характеръ среды, въ которой совершалось новое движеніе, предопредѣлилъ и его формы. Формы эти были тѣ же, какія и теперь можно встрѣтить среди учащейся молодежи среднеучебныхъ заведеній: началось любительскими спектаклями, продолжалось литературными упражненіями въ кружкахъ самообразованія, кончилось созданіемъ литературныхъ журналовъ. Особенность момента была та, что эти ученическія упражненія оказались передовыми, пионерскими для цѣлой Россіи. При этомъ условіи ученическій спектакль послужилъ основой

на которой возникъ первый русскій театръ, а ученическій журналъ положилъ начало русской періодической прессѣ.

Правда, петровское время и здѣсь предупредило елизаветинское. Но петровскія попытки и въ данномъ случаѣ оказались безуспѣшными по той же причинѣ, по которой кончилось неудачей и его книгоиздательство. Черезчуръ еще неподготовленному обществу была предложена слишкомъ канцелярскимъ путемъ совершенно неудобоваримая пища.

Театръ царя Алексѣя былъ случайнымъ эпизодомъ, не оставившимъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, притомъ московскіе спектакли XVII вѣка, было доступны только царской семьѣ и немногимъ придворнымъ. Петръ Великій задумалъ создать общедоступный театръ и нашелъ для него мѣсто на Красной площади. Вопреки пассивному сопротивленію посольскихъ дьяковъ, въ 1702 г. отстроена была на площади помѣстительная «комедіальная храмина». Тогда же выписана была изъ Германіи труппа актеровъ, подъ управленіемъ Кунста, котораго замѣнилъ послѣ его смерти (1703) Фюрстъ. Два раза въ недѣлю давались представленія; указомъ 1705 г. приказывалось «смотрящимъ всякихъ чиновъ людямъ россійскаго народа и иноземцамъ ходить» на представленія «повольно и свободно безъ всякаго опасенія». Разрѣшено даже не запираеть городскихъ воротъ въ день представленія до 9 часовъ; съ проходящихъ не бралось пошлины, для того, чтобы «смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно». Уже въ 1704 году отданные для выучки Кунсту подъячіе и посадскіе (10 чел.) начали давать представленія по-русски, а въ 1705 г. только русскіе спектакли и давались. Все это, однако, не привлекло въ театръ значительной публики. Судя по цифрамъ сборовъ, въ самые удачныя лѣтніе дни число посѣтителей не превышало 400, обыкновенно же эта цифра была гораздо ниже, а зимой спускалась иногда до 25. Уже въ 1707 г. спектакли прекратились; «комидійная храмина» на Красной площади была заброшена, а театральная обстановка взята царевной Натальей, для ея домашняго театра въ Преображенскомъ. Такое быстрое охлажденіе любопытства, не успѣвшаго развиться въ прочный интересъ къ театру, въ значительной степени объясняется самымъ характеромъ репертуара. Полтора десятка пьесъ, перешедшихъ на московскую сцену изъ репертуара нѣмецкихъ странствующихъ актеровъ, могли привлекать публику только шутовскими интермедіями да раздирательными сценами убійствъ и оравленій, которыми была такъ богата модная нѣмецкая пьеса того времени. Все, что выходило изъ этихъ рамокъ балагана, высокія чувства и нѣжныя любовныя объясненія совершенно пропадали въ неуклюжемъ переводѣ посольскихъ подъячихъ. Эти невольные переводчики по служебной обязанности—терялись передъ непривычной и невозможной задачей—передать прозой посольскаго приказа вычурныя фразы нѣмецкой торжественной трагедіи и живой діалогъ Мольера. Какое, напр., впечатлѣніе на зрителя могло произвести страст-

вое любовное объясненіе, веденное въ такихъ выраженіяхъ, какъ слѣдующія: «Удовольствованія полное время, когда мы веселость весны безъ препятія и овозъ любви безъ зазрѣнія употреблять могли. Приди, любовь моя! Поволь черезъ смотрѣніе нашихъ цвѣтовъ очеса и черезъ изрядное волненіе чувствованія нашего наполнить» и т. д.? Или вотъ во что обращался въ подъяческихъ рукахъ игривый разговоръ Юпитера съ Алкменой (въ «Амфитріонѣ»): «Во мнѣ, милая и любимая Алкмена, ты видишь мужа и любителя; кромѣ любительнаго имени не хочу я себѣ дать, хотя я съ тобою вмѣсто мужа пребывалъ. И той любитель твоей воли съ ревностію желаетъ, дабы твое сердце къ нему одному склонилось, а страданія того не хочетъ, что именемъ мужъ даетъ». Эти пудовыя фразы составляютъ плодъ безуспѣшной борьбы переводчика съ слѣдующими строками Мольера:

Ея moi, belle et charmante Alcène,
 Vous voyez un mari, vous voyez un amant;
 Mais l'amant seul me touche, à parler franchement;
 Et je sens, près de vous, que le mari le gêne.
 Cet amant, de vos vœux jaloux au dernier point,
 Souhaite, qu'à lui seul votre coeur s'abandonne,
 Et sa passion ne veut point
 De ce que le mari lui donne.

Это сопоставленіе одно можетъ показать, насколько безжизненъ былъ русскій театръ петровскаго времени.

Въ полуиностранномъ Петербургѣ конца петровскаго царствованія кое-какъ влачила существованіе вольная нѣмецкая труппа, спектакли которой преимущественно посѣщались дворомъ; кромѣ придворныхъ «изъ русскихъ никто не ходилъ смотрѣть ихъ, а изъ иностранцевъ также бывали немногіе (Берхгольцъ)». Послѣ Петра придворный спектакль вошелъ въ обиходъ придворной жизни; но это была не трагедія и комедія, а опера и балетъ. Композиторъ — итальянецъ, Франческо Арайа, составилъ изъ придворныхъ пѣвчихъ оперный хоръ, а въ роли танцоровъ явились воспитанники шляхетскаго корпуса, гдѣ, какъ мы знаемъ, хореографическое искусство преподавалось успѣшнѣе всѣхъ наукъ въ рукахъ Landet. Maître Landet хвалился даже впоследствии, «что нигдѣ въ Европѣ не танцовали менуэты съ большей граціей, чѣмъ при петербургскомъ дворѣ». Въ концѣ царствованія Анны появилась, помимо итальянской оперы, и нѣмецкая драматическая труппа подъ дирекціей Нейбурга. Если вспомнимъ, что послѣ танцевъ всего больше учились въ корпусѣ нѣмецкому языку, то естественно будетъ предположить, что и представленія нѣмецкой труппы не прошли для кадетъ безслѣдно. При Елизаветѣ Арайа и Ланде сохранили свое положеніе, но на смѣну Нейбургу явилась французская драматическая труппа Сериньи, въ составѣ которой было нѣсколько актеровъ изъ Comédie française.

Это было послѣднимъ толчкомъ, вызвавшимъ подражаніе со стороны корпусной молодежи. Корпусъ далъ двору танцоровъ, ему предстояло теперь дать актеровъ и драматурговъ. Помимо интереса къ дѣлу, тутъ было замѣшано самолюбіе и выгода: за Чеглоковымъ, сдѣлавшимъ карьеру танцами при Аннѣ, слѣдовалъ Бекетовъ, впервые привлечшій вниманіе Елизаветы исполненіемъ роли «Хорева».

Въ 1749 г., какъ извѣстно, разыграны были въ корпусѣ, одна за другой, четыре оригинальныя пьесы Сумарокова: «Хоревъ», «Гамлетъ», «Синавъ» и «Артистова». Въ февралѣ слѣдующаго 1750 г. кадеты повторили «Хорева» на сценѣ Зимняго дворца; затѣмъ, въ теченіе года они дали еще пять придворныхъ спектаклей. Однако же, на постоянное профессиональное участіе въ спектакляхъ—такихъ любителей-кадетъ, какъ князь Мещерскій, графъ Бутурлинъ или баронъ Остервальдъ, рассчитывать было нельзя. Разъ забава становилась постоянною, надо было организовать специальную труппу. Въ ходъ были пущены старыя средства: въ мартѣ 1752 г. семеро придворныхъ пѣвчихъ отданы «для обученія наукамъ», т.-е. для пріобрѣтенія культурной внѣшности, въ шляхетскій корпусъ; за ними черезъ нѣсколько дней поступили въ корпусъ еще двое «ярославцевъ», — посадскихъ изъ провинціальной любительской труппы, доставленной, волею императрицы, въ полномъ составѣ на казенный счетъ въ столицу. Это были Дмитревскій и Поповъ; братья Ѳ. и Григ. Волковы, повидимому, поѣхали съ дворомъ въ Москву (1753 г.) и только по возвращеніи оттуда тоже опредѣлены въ шляхетскій корпусъ (январь 1754). По сосѣдству съ корпусомъ, на мѣстѣ теперешней Академіи художествъ, въ домѣ Головина будущіе актеры должны были практиковаться въ представленіяхъ. Наконецъ, въ 1756 г. обученіе пѣвчихъ и «комедіантовъ», отданныхъ въ корпусъ, закончилось; осенью этого года русскій театръ былъ учрежденъ официально, а 5 мая 1757 г. дано «первое представленіе для народа вольной трагедіи русской за деньги». Въ томъ же году учрежденъ русскій театръ въ Москвѣ подъ управленіемъ Хераскова—тоже воспитанника корпуса. Однако, свободное посѣщеніе театра петербургской публикой продолжалось не долго: въ 1761 г. возстановленъ былъ старый порядокъ раздачи мѣстъ по чинамъ. Только при Екатеринѣ, съ постройкой новаго зданія (на мѣстѣ теперешняго Большаго театра) открылось въ Петербургѣ вновь «публичное русское комедіальное зрѣлище» (1783 г.). Такой длинный перерывъ (1761—83) далъ, какъ увидимъ, Москвѣ преимущество въ развитіи театральныхъ вкусовъ.

Шляхетскій корпусъ, такъ много сдѣлавшій для устройства русскаго театра, далъ ему и репертуаръ. Въ первое время игрались исключительно произведенія Сумарокова; съ 1757 года къ нимъ присоединились переводы, сдѣланные воспитанниками. Въ этомъ году поставлены были на сцену, въ переводахъ Кропотова, Нартова и Елагина, 6 комедій Мольера, по одной — Гольдберга, Лафона, Сенъ-Фуа;

въ 1758 еще двѣ комедіи Мольера (перев. Свистунова и Чаадаева), по одной Лограна (А. Волковъ) и Детуша (А. Нартовъ), двѣ итальянскихъ (Булатническаго и Карина). Какъ видимъ, начало театра вызвало усиленную литературную работу въ корпусѣ. Продукты этой работы стояли несравненно выше переводовъ петровскихъ подъячихъ. Искусственность и приподнятость сумароковскихъ трагедій не только не мѣшали публикѣ наслаждаться ими, но вполне соотвѣтствовали модному вкусу. Офицерская молодежь знала наизусть эффектные монологи и, подражая актерамъ, любила «прокрикивать стихи и съ жестами дѣлать декламаціи (Болотовъ)». Дмитревскій и Троепольская производили такого рода декламаціей огромное впечатлѣніе на публику въ пьесахъ Сумароковского репертуара. Трагическая коллизія у Сумарокова была всегда—любовнаго характера: даже «непросвѣщеннаго» Шекспира онъ передѣлалъ на свой ладъ, выдвинувъ на первый планъ въ числѣ психологическихъ мотивовъ гамлетовскаго колебанія—его страсть къ Офелии, а изъ Полонія, отца возлюбленной, сдѣлавъ главнаго соучастника въ убійствѣ отца Гамлета и, слѣдовательно, предметъ его мщенія. Такъ было понятіе и чувствительнѣе въ глазахъ современной публики. Но увы, поклонникъ классической трагедіи, явившій театръ Расиновъ россамъ, не сознавалъ, что, выдвигая такъ сильно любовь, онъ уже измѣняетъ основному принципу классической трагедіи—выводить лишь исключительныхъ людей и исключительныя чувства. Положеніе было тѣмъ опаснѣе для Сумароковской теоріи, что ложноклассицизмъ водворился у насъ на сценѣ въ то самое время, когда въ Европѣ онъ изгонялся съ нея, уступая мѣсто изображенію обыкновенныхъ людей и обыкновенныхъ чувствъ въ мѣщанской драмѣ. Произведенія этого рода попадали на русскую сцену одновременно съ сумароковскими подражаніями Корнею и Расину. Естественно, что русская публика, непосвященная въ тонкости европейской литературной борьбы смѣшала Сумарокова въ представителями новаго, болѣе живого направленія, а старое, формалистическое, мертвое направленіе ложнаго классицизма—олицетворяла въ «одѣ», какъ литературномъ жанрѣ, и въ Ломоносовѣ, какъ его официалномъ представителѣ. Споръ о томъ, кто выше, Ломоносовъ или Сумароковъ, и что лучше, ода или трагедія,—сдѣлался модной темой литературнаго разговора: разумѣется, молодое поколѣніе отдавало предпочтеніе трагедіи и Сумарокову. Въ Россіи, навѣрное, было извѣстно мѣсто изъ «La Critique de l'école des femmes», въ которомъ Мольеръ, одинъ изъ первыхъ, подвергъ рѣзкой критикѣ искусственность ложноклассической трагедіи. «Гораздо легче витать въ сферѣ высокихъ чувствъ, бросать въ стихахъ вызовъ счастью, осыпать обвиненіями судьбу, поносить боговъ, чѣмъ проникать въ смѣшныя стороны человѣческой природы и заинтересовывать публику несообразностями повседневной жизни. Когда вы изображаете героевъ, вы дѣлаете это, какъ вамъ вздумается. Это совершенно произвольные образы,

въ которыхъ нечего искать сходства съ чѣмъ-нибудь дѣйствительнымъ... Но когда вы беретесь изображать дѣйствительныхъ людей, вы должны ихъ брать, какими они являются въ жизни. Необходимо, чтобы ваши созданія походили на дѣйствительность; ваша работа утратить всякое значеніе, если въ ней не узнаютъ типовъ современности». То что здѣсь говорится о преимуществахъ комедіи передъ трагедіей, въ Россіи повторялось относительно преимуществъ трагедіи надъ одой: при официальной и, еще недавно, полной безсмысленности придворнаго одопѣнія даже классическая трагедія казалась самой жизнью и дѣйствительностью въ сравненіи съ одой. «Одистъ на своей лирѣ», говорилось въ «Адской Почтѣ» (1769), «говоритъ обыкновенно съ одними героями, а трагикъ со всѣми человѣками. Одинъ наполняетъ свое сочиненіе вымыслами, а другой истинными разсужденіями; тотъ летаетъ по воздуху, по небесамъ, а другой остается на землѣ; тотъ выдумываетъ, чего нѣтъ и чему иногда быть не можно, а сей и то, что есть, тонкостію своей разбираетъ; и ежели теперь больше въ свѣтѣ людей, чѣмъ героевъ, — то смѣю сказать, что трагедія полезнѣе оды... Трагику... можно скорѣе и больше сдѣлать людей, хорошо мыслящихъ, нежели одисту героевъ; а изъ сего и большинство пользы видно». Какъ видимъ, критикъ защищаетъ трагедію такими аргументами, которые собственно относятся къ мѣщанской драмѣ, и выдвигаетъ противъ оды обвиненія, которыя падаютъ всей своей тяжестью на самую классическую трагедію. Это характерное смѣшеніе трагедіи съ драмою наглядно отразилось въ пестротѣ репертуара, особенно замѣтной въ Москвѣ, въ херасковскомъ театрѣ, доступномъ для публики и болѣе свободномъ отъ личнаго вліянія Сумарокова и его классическихъ теорій. Знаменитая пьеса Бомарше довершила здѣсь торжество мѣщанской драмы, и напрасны были всѣ протесты Сумарокова противъ «скандальнаго вкуса москвичей»; напрасны были жалобы на новый жанръ самому Вольтеру; напрасенъ былъ даже авторитетный отвѣтъ старика, скрывшаго собственныя колебанія подъ не совсѣмъ искреннимъ осужденіемъ этихъ *pièces bâtarde*, этого *genre lagmoquant*, который *avilît le cothurne*. Общество продолжало у самого Сумарокова и его продолжателей, Княжнина, Озерова, Крюковского — цѣнить ту самую живую струю, которая окончательно побѣдила въ новомъ направленіи: живое человѣческое чувство. Никогда не переживъ самой эпохи господства подлиннаго, строгаго классицизма, общество готово было къ воспріятію новѣйшихъ теченій драматургіи. Такимъ образомъ, на русскую сцену скоро и безпрепятственно проникла и бытовая пьеса, какъ «Мельникъ» Аблесимова (1779), и настоящая комедія «типовъ современности», (Фонъ-Визинъ), сравнительно съ которой сама мольеровская комедія отходила въ Европѣ на второй планъ, какъ комедія абстрактныхъ общечеловѣческихъ типовъ: явилась и обличительная комедія нпм. Екатерины и, наконецъ, пьеса съ политической тенденціей, при-

нятая одно время подъ личную защиту самой императрицей. 12 февраля 1785 г. въ Москвѣ дана была пьеса такого характера, принадлежавшая знаменитому вѣкогда писателю Николеву, «Сорена и Замиръ». Трагедія имѣла огромный успѣхъ; весь театръ плакалъ навзрыдъ о судьбѣ супруговъ, разлученныхъ злодѣемъ Мстиславомъ, російскимъ царемъ, и погибшихъ насильственной смертью. Авторъ не пожагѣлъ красокъ для характеристики коварнаго Мстислава. Слѣдующіе стихи обратили на себя особенное вниманіе московскаго главнокомандующаго:

Извечни навсегда, сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ;
Льва-ль ядять блаженства тамъ, гдѣ гордость на престоли,
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца?
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца.

Главнокомандующій приостановилъ дальнѣйшія представленія пьесы и отослалъ Екатеринѣ рукопись съ своими отиѣтками. «Удивляюсь, — отвѣчала Екатерина, — что вы остановили представленія трагедіи, какъ видно принятой съ удовольствіемъ всей публикой. Смыслъ такихъ стиховъ, которые вы замѣтили, никакого не имѣетъ отношенія къ вашей государынѣ. Авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью».

Естественно, что теперь и отношеніе къ театру со стороны публики было совершенно иное, чѣмъ прежде. Пьесы новаго направленія дѣйствовали на нее въ томъ же духѣ, какъ и новые переводные романы, но только театръ былъ гораздо доступнѣе книги и впечатлѣніе зрѣлища сильнѣе, чѣмъ впечатлѣніе чтенія. Театръ содѣйствовалъ, такимъ образомъ, развитію той «чувствительности», которая все болѣе и болѣе становилась маркой истиннаго образованія. «Петиметры» и «щеголихи» посѣщали его вначалѣ изъ моды; потомъ это вошло въ привычку и, наконецъ, сдѣлалось потребностью культурной жизни. Конечно, особый успѣхъ все еще имѣли въ обширныхъ кругахъ публики пьесы, дѣйствовавшія не на чувствительность, а на смѣшливость, или пьесы народнаго быта, доступныя для самыхъ низменныхъ слоевъ мѣщанства. Аблесимовскій «Мельникъ» выдержалъ, по сообщенію Крылова (въ «Зрителѣ»), болѣе 200 полныхъ представленій въ демократическомъ московскомъ театрѣ. Болѣе тонкая петербургская публика все же смотрѣла его 27 разъ подрядъ въ вольномъ театрѣ Квиппера (начало 80-хъ гг.).

Мы вышли за предѣлы характеризуемаго періода, чтобы не возвращаться къ исторіи театра въ слѣдующую эпоху, когда наше вниманіе будетъ занято болѣе сложными проявленіями русской общественности. Подготовку къ этимъ болѣе сложнымъ явленіямъ мы найдемъ, въ предѣлахъ елизаветинскаго времени, не столько въ исторіи театра, сколько въ исторіи русской періодической печати. Первые рус-

ские журналы (конца 50-х и начала 60-х гг.) покажут намъ русскую общественную мысль въ состояніи наибольшей зрѣлости, какой она могла достигнуть, оставаясь на школьной скамьѣ тогдашнихъ высшихъ учебныхъ заведеній или только-что сойдя съ этой скамьи.

Академическій университетъ и здѣсь, какъ въ дѣлѣ книгоиздательства, положилъ начало, и самый толчокъ къ изданію перваго популярнаго журнала данъ былъ тѣмъ же событіемъ академической жизни, которое вызвало оживленіе дѣятельности переводчиковъ въ новомъ, болѣе популярномъ направленіи: новымъ уставомъ и новымъ президентомъ. Для перваго редактора и первыхъ сотрудниковъ русскаго журнала—ихъ дѣятельность была службой, которую они обязаны были отправлять по приказанію графа К. Г. Разумовскаго. Обязательные сотрудники назначены были изъ числа академическихъ студентовъ съ жалованьемъ 100—150 р. въ годъ. Обязательнымъ редакторомъ сдѣланъ былъ историкъ Миллеръ, отъ личной энергіи котораго и личныхъ знаній зависѣло и направленіе, и успѣхъ журнала. Когда Миллеръ переведенъ былъ на службу изъ Петербурга въ Москву, то и журналъ прекратился, послѣ десятилѣтняго существованія (1755—1764).

За этотъ промежутокъ времени «Ежемесячныя сочиненія» Миллера успѣли, однако, вызвать къ дѣятельности цѣлый кружокъ добровольныхъ сотрудниковъ. Добровольцами явились опять извѣстные намъ воспитанники шляхетскаго корпуса (Сумароковъ, Елагинъ, Нартовъ, Херасковъ, Порошинъ). Втянувшись, при посредствѣ спектаклей и театра, также и вообще въ литературные интересы, они составили между собой цѣлое общество любителей русской словесности. Здѣсь читались литературные опыты сочленовъ; отсюда они переходили въ редакцію «Ежемесячныхъ сочиненій». Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ начала миллеровскаго журнала молодежь рѣшила завести свой собственный органъ. Журналъ кадетъ («Праздное время, въ пользу употребленное») — первый журналъ въ Россіи, заведенный частными лицами, — издавался въ типографіи корпуса и просуществовалъ два года (1759—1760), выходя еженедѣльно. Одновременно съ нимъ Сумароковъ издавалъ свой особый журналъ, «Трудолюбивую пчелу», прекратившійся на первомъ году (1759). Наконецъ, членъ того же кружка, Херасковъ, вмѣстѣ съ театромъ перенесъ въ Москву и изданіе литературныхъ журналовъ. Новый составъ сотрудниковъ скоро подобрался здѣсь изъ воспитанниковъ, только-что открытаго Московскаго университета. При дѣятельномъ участіи университетской молодежи Херасковъ издавалъ одинъ за другимъ два журнала: «Полезное увеселеніе» (дек. 1760—іюль 1762) и «Свободные часы» (1763). Наконецъ, въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ отдѣльные сотрудники Хераскова дѣлали попытки выступить съ собственными журналами однороднаго характера («Невинное упражненіе» Богдановича въ 1763 и «Доброе намѣреніе» Санковскаго въ 1764).

Уже самыя заглавія сближаютъ перечисленные журналы въ одну общую семью. Характеръ ихъ, дѣйствительно, одинаковъ, также какъ и стремленія, одушевлявшія ихъ участниковъ, несомнѣнно, одни и тѣ же. Но, всматриваясь внимательнѣе въ особенности отдѣльныхъ журналовъ, не трудно замѣтить въ сибѣ главныхъ изъ нихъ признаки быстрого внутренняго роста. На этомъ ростѣ еще важнѣе остановиться, чѣмъ на общей характеристикѣ названныхъ журналовъ.

«Ежемесячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія» носятъ двойственный характеръ. Миллеръ является въ нихъ, съ одной стороны, специалистомъ-историкомъ, съ другой—посредникомъ между русскими читателями и современной ему европейской журналистикой. Какъ историкъ, онъ загромождаетъ свой журналъ массой сырого матеріала, сдѣланшаго «Ежемесячныя сочиненія» слишкомъ тяжелымъ чтеніемъ для того времени и сохранившаго за вами до сихъ поръ нѣкоторый интересъ для специалистовъ. Какъ проводникъ европейской журналистики, Миллеръ даетъ точный сколокъ съ безчисленныхъ гамбургскихъ, ганноверскихъ, лейпцигскихъ и т. д. «сочиненій, къ пользѣ и увеселенію служащихъ». Прототипомъ всѣхъ ихъ были знаменитые журналы Аддисона и Стиля: «Богтунъ», «Зритель» и «Опекунъ». Число подражаній этимъ англійскимъ журналамъ доходило въ Германіи къ 1760 г. до 180.

Въ этихъ иностранныхъ образцахъ и источникахъ «Ежемесячныхъ сочиненій» типъ перваго русскаго журнала былъ уже predeterminedъ. Это была отвлеченная и потому черезчуръ блѣдная мораль, улавливавшая только общіе психологическіе мотивы человѣческихъ страстей, бичевавшая только ярлыки пороковъ, претендовавшая на рѣшающій голосъ въ вопросахъ житейской мудрости и съ завидною самоувѣренностью хозяйничавшая въ сферѣ тѣхъ прописныхъ правилъ и наблюденій, тѣхъ «среднихъ аксіомъ», въ самой формулировкѣ которыхъ обыкновенно гнѣздится наибольшее количество логическихъ ошибокъ. Пословица и аллегорія были любимой формой этого нравоученія, удачно скрывавшей, даже и отъ самихъ авторовъ, грозившіе имъ на всякомъ шагу ихъ моралистическихъ разсужденій логическіе провалы. Впрочемъ, нравоучительные журналы и не хотѣли быть школой строгаго мышленія; ихъ цѣль была совсѣмъ другая—самосовершенствованіе, господство разума надъ страстями. Они ставили себѣ также цѣлью—исправленіе и воспитаніе нравовъ. Въ заключеніи одной изъ переводныхъ статей «Празднаго Времени» (I, 168) эти цѣли формулированы очень характерно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Разсужденія о нравоученіи и натурѣ человѣческой суть наилучшіе способы для приведенія ума нашего къ совершенству и для свисканія точнаго понятія о себѣ самомъ, слѣдовательно, и для освобожденія нашихъ душъ отъ пороковъ невѣжества и предразсужденій, которыми они подвержены. Вотъ то намѣреніе, которое предпріялъ я въ моихъ разсужденіяхъ, и надѣюсь,

что они могут нѣсколько вспомошествовать къ исправленію нашихъ нравовъ. По крайнимъ образомъ должно признаться, что предпріятіе мое похвально, какимъ бы образомъ я оное ни исполнялъ».

Изъ переводныхъ «разсужденій» такого рода, на моральныя темы, и состоитъ исключительно проза «Ежемѣсячныхъ сочиненій», если оставить въ сторонѣ ихъ главное содержаніе: статьи и матеріалы спеціального характера по русской и азіатской исторіи и географіи. 17 правоучительныхъ статей переведено прямо изъ англійскихъ журналовъ, болѣе дюжины изъ нѣмецкихъ. Оригинальны въ первомъ русскомъ журналѣ только стихи, ихъ въ изобиліи поставляетъ Сумароковъ (123 стихотворенія); за которымъ слѣдуютъ Херасковъ (21) и нѣсколько менѣе значительныхъ поэтовъ шляхетскаго корпуса (А. Нартовъ, А. Демидовъ, Сем. Нарышкинъ, И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ).

Изъ источниковъ, указанныхъ Миллеромъ, въ изобиліи черпалъ и первый самостоятельный журналъ молодежи, «Праздное время, на пользу употребленное». Исторія въ немъ безусловно отсутствовала, за исключеніемъ нѣсколькихъ страничекъ «Краткаго извѣстія о коммерціи между Россіей и Турціей», представлявшаго какъ бы визитную карточку Миллера въ молодую редакцію, и большой статьи о Довъ-Карлосѣ, но съ содержаніемъ совершенно романическимъ. Стиховъ тоже было очень мало. Корпусная молодежь «употребляла на пользу свое праздное время» исключительно въ видѣ переводовъ правоучительныхъ статей: переводы не всегда свидѣтельствовали о полномъ знаніи языковъ (нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго, англійскаго, датскаго, латинскаго и греческаго); стиль былъ иногда тяжелъ и запутанъ; но большей частью молодежь удачно разрѣшала не легкую задачу: создать удобопонятный русскій философскій языкъ. При отсутствіи оригинальныхъ статей, объ интересахъ и взглядахъ переводчиковъ можетъ свидѣтельствовать только выборъ ими темъ для перевода. На пространствѣ четырехъ книжекъ «Празднаго времени» и двухъ лѣтъ изданія журнала можно замѣтить, какъ мало-по-малу вниманіе переводчиковъ, сперва разсѣянное въ обширномъ кругѣ нравственно-психологическихъ вопросовъ, мало-по-малу фиксируется на темахъ, имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ русской дѣйствительности. Въ первый годъ изданія молодежь занимають- темы обще и отвлеченно-этическія *). Во второй

*) Для наглядности приведемъ списокъ большинства этихъ статей 1759 года. О надеждѣ; о пространствѣ разума и предѣлахъ оного (авторъ сходитъ на вопросъ объ умѣренности, какъ слѣдствіи самопознанія, и идеализируетъ довольство крестьянина); о чести (точка зрѣнія утилитарная); о ревности; о ученіи (практическая необходимость стоять на уровнѣ современнаго знанія); о душевномъ спокойствіи и о безумныхъ людскихъ желаніяхъ; о дѣйствіяхъ добраго и худого воспитанія (отношеніе разума къ страстямъ); о предѣлахъ дружелюбія; о двухъ путяхъ, по которымъ человѣкъ въ сей временной жизни послѣдуетъ (пріятное здѣсь противоплагается полезному); о излишнихъ желаніяхъ; о счастья и несчастья (слѣдуя своей природѣ); человѣческая жизнь подобна опасному путешествію; разсужденія «миръ вождій», № 8, августъ. отд. 1.

годъ встрѣчаемъ рядъ переводныхъ статей, которыя кажутся оригинальными: до такой степени они вводятъ насъ въ кругъ вопросовъ, извѣстныхъ изъ сатирическихъ журналовъ Екатерининскаго времени. Во главѣ ихъ стоитъ вопросъ «о позволеніи сатиры», такъ горячо дебатировавшійся въ Екатерининскихъ журналахъ; въ «Праздномъ времени» онъ рѣшается въ самомъ либеральномъ смыслѣ. Прежде всего, не всякое зубоскальство есть сатира. «Лизетта косить глазами»: надъ этимъ можетъ упражнять свое остроуміе какой-нибудь шутникъ въ веселой компаніи; но до этого «нѣтъ дѣла сатиры». Вотъ, когда «Лизетта бросаетъ косые свои взоры съ безстыдною дерзостію въ компаніяхъ», тогда она становится достойнымъ предметомъ сатиры, обязанность которой «представлять пороки смѣшными и причинять въ людяхъ омерзѣніе къ онымъ». Невѣрно, что сатира бесполезна [или опасна. «Хотя сатира не всегда поправляетъ порочнаго; однако, удерживаетъ другихъ быть порочными». Опасность же грозитъ только такому неосторожному безумцу, «кто сталъ бы говорить при всякомъ случаѣ правду». Рекомендую осторожность, статья однако прямо допускаетъ возможность личностей въ сатиры. «Не почитаю я достойнымъ наказанія тѣхъ, кои при сочиненіи сатиры мысли свои на нѣкоторое лицо обращаютъ. Мысли, изъясненія и все сочиненіе бываетъ гораздо живѣе, имѣя предъ собою подлинникъ. Они не хулятъ тогда лицо, но порокъ, который онъ имѣетъ». Такъ подготавливалось, уже при Елизаветѣ, настроеніе, отразившееся въ сатиры новиковскихъ журналовъ.

Близко напоминаютъ русскую дѣйствительность и отдѣльныя темы сатиры въ выбираемыхъ теперь для перевода статьяхъ. Такова, напр., характеристика дворянина въ статьѣ, переведенной съ нѣмецкаго кадетомъ П. Пастуховымъ *). «Скажите мнѣ, г. дворянинъ,—обращается сатирикъ къ своей жертвѣ,—что вамъ милѣе, лошадь ли ваша или жена, лягавая ли собака или сынъ?... Я съ низайшимъ моимъ почтеніемъ помню ту ярмарку, на которой вы купили сѣрую въ яблокахъ лошадь. Вы требовали полезныхъ совѣтовъ у всѣхъ вашихъ пріятелей и имѣли три дня сроку, прежде нежели могли вознамѣриться къ сей хорошей покупкѣ, и теперь такъ вы ей радуетесь, что нѣсколько

о молчаливости: хуже ли сталъ свѣтъ прежняго (ответъ отрицательный, при чемъ особенно подчеркивается искорененіе суевѣрій); счастье не отъ насъ зависить; о честолюбіи; о порицаніи: о славѣ; о худыхъ слѣдствіяхъ злой и о прибыткахъ доброй совѣсти; о вкусѣ; о воспитаніи дочерей (передовая точка зрѣнія), о добромъ употребленіи страстей; о ненависти и враждѣ; о благодѣяніяхъ; о неблагодарности; о привидѣніяхъ («не смѣю отрѣшить всѣхъ такіа исторіи»); о примиреніи; о избраніи сообщества; о человѣческой жизни (доказательства существованія будущей жизни); запрещенное охотнѣе исполняютъ; о жестокосердіи (съ декламацией противъ тирановъ).

*) Будущимъ членомъ екатерининской комиссіи училищъ, руководившимъ составленіемъ учебниковъ.

часовъ сряду говорите о свойствахъ своей лошади. О женѣ же вашей вы говорите тѣмъ менѣе и весьма довольны, когда и другіе вамъ про нее не напоминаютъ. Вы женились на ней безъ дальняго размышленія, не зная ея точно,—да и по сіе время еще ея не знаете... (Сынъ вашъ) подрастаетъ,... вамъ надобно содержать для него учителя. Ученъ чтобъ онъ не былъ,... ему надобно учиться языкамъ, фехтовать и танцовать; вамъ надобно отдать его въ чужіе люди, чтобы сложили онъ деревенскій свой обычай. О... я, съ моей стороны, почитаю все сіе совсѣмъ за ненужное: я знаю довольно древнее ваше шляхетство. Ему въ самомъ дѣлѣ не надобно сихъ педантствъ. Но дворъ,...— конечно худо, да уже такъ сдѣлано,—дворъ хочетъ, чтобы дѣти наши еще къ важнѣйшему могли быть употреблены, кромѣ того, чтобы умѣли ловить только зайцевъ... (Тратя съ сожалѣніемъ деньги на обученіе сына, дворянинъ не жагѣетъ ихъ на дрессировку собакъ)... Истинно, я... отгадалъ, что лошадь и собака милѣе вамъ жены и сына. Какъ благородно думаете ваше благородіе! Сколь превосходно разсужденіе ваше предъ подлыми предразсужденіями нешляхетнаго народа!» И сатирикъ сообщаетъ затѣмъ читателямъ біографію своего героя. «У него все натура. Отецъ его—старикъ добрый и такъ же незнающъ, какъ и его родители, былъ истиннымъ украшеніемъ своей деревни, когда пивалъ съ своими сосѣдами. Нашему дворянину не доставало ни пищи, ни питья, коими милосердное попеченіе неба такъ его благословило, что онъ уже на восьмомъ году былъ твердаго и крѣпкаго сложенія. Потомъ засадилъ его отецъ на лошадь. На девятомъ году застрѣлилъ сей надеждою преисполненный сынъ перваго зайца—къ увеселенію всей высокой фамиліи. Сіе кавалерское упражненіе продолжалъ онъ до двѣнадцатаго года, какъ отецъ вознамѣрился дать ему столько наставленія, чтобы умѣлъ онъ подписать свое имя и прочесть, что написано. Учитель мучился съ нимъ цѣлый годъ: онъ уже въ обѣихъ сихъ наукахъ далеко дошелъ, какъ отецъ умеръ. Теперь все педантство кончилось. Опекуны не хотѣли употреблять на то болѣе иждивенія, и въ самомъ дѣлѣ было уже непристойно ходить въ школу такому знатному дворянину. Что помѣщику знать надобно было, то зналъ уже онъ по ихъ мнѣнію. Онъ умѣлъ ѣсть, пить, спать, ѣздить, ходить на охоту, бить крестьянъ, повегѣвать попамъ, роптать на дворъ и спать съ дѣвушкою; и для того, назвавши себя взрослымъ, вступилъ самъ во владѣніе и женился. Думали ли, чтобы господинъ дворянинъ, при семъ воспитаніи, былъ тотъ, котораго сосѣди за хорошій столъ любятъ, удивляются, видя у него хорошихъ лошадей и собакъ, какъ разумному мужу,—и чтобы за неосторожность, съ которою онъ за столомъ противъ правительства негодуетъ, почитали его за сына отечества? Конечно бы не имѣлъ онъ всѣхъ сихъ преимуществъ, если бы родился побѣднѣе и воспитанъ былъ рачительнѣе!»

Переводчики нѣсколько разъ возвращаются къ подобнымъ темамъ,

*

эта система благоразумной умѣренности и широкаго эгоизма развивается совершенно на новый ладъ. Оказывается, что, по сердечному убѣжденію юныхъ поэтовъ, міръ есть тлѣнъ и суета, что нетлѣнна лишь добродѣтель и что добродѣтель сводится къ любви къ ближнему, къ другу; что любовь есть единственный способъ борьбы съ порокомъ и что цѣль жизни—есть истребленіе зла въ мірѣ и въ обществѣ посредствомъ подвига любви. Такимъ образомъ, начавъ теисомъ изъ теории естественнаго права, сотрудники Хераскова постоянно кончаютъ свои стихотворныя тирады евангельскими призывами. Для иллюстраціи можно было бы процитировать цѣликомъ стихотворныя посланія, которыми обмѣнялись Нарышкинъ и Ржевскій въ январской книжкѣ 1861 г., если бы эти посланія не были такъ длинны, тягучи и безцвѣтны. Въмѣсто того, мы ограничимся другой характерной цитатой. У супруговъ Херасковыхъ былъ литературный салонъ, въ которомъ собирались журнальные сотрудники. У m-me Херасковой была слабость къ стихотворной игрѣ въ bouts rimés. Навѣрное, въ одинъ изъ этихъ вечеровъ она задала своимъ гостямъ четыре рѣмы, на которыя каждый долженъ былъ импровизировать по стихотворенію. Результаты этого поэтическаго состязанія какъ нельзя лучше характеризуютъ идеи, бродившія въ умахъ посѣтителей любезной хозяйки. Гости написали:

- 1) Что есть всему Творецъ, сомнѣнья не... имѣю,
 Мнѣ сердце говорить... о немъ:
 Но иначе любить я Бога не... умѣю,
 Какъ только въ ближнемъ лишь... моемъ.

- 2) Не мучуся, что я богатства не... имѣю,
 И не пекусь... о немъ:
 Довольно, если я спокойнымъ быть... умѣю
 Въ несчастіи моемъ.

- 3) Влюбяся я въ тебя, спокойства не... имѣю;
 И потерявъ покой, хотя грущу... о немъ:
 Но возвратить его, Клариса, не... умѣю,
 Приятность находя въ страданіи... моемъ.

Какъ видимъ, изъ трехъ поэтовъ только одинъ вспомнилъ о любви; другой воспользовался моралью естественнаго права, а третій выразилъ совершенно масонскую мысль.

Къ серьезной сторонѣ московскаго идейнаго движенія мы еще вернемся. Теперь отмѣтимъ только, что несмотря на очевидную наивность и непосредственность, а, можетъ быть, и благодаря этимъ чертамъ,—оно захватывало молодежь цѣликомъ, совершенно въ иномъ родѣ, чѣмъ модные романы захватывали два предыдущихъ поколѣнія.

Такова была та высшая точка, на которую смогла подняться русская общественная мысль въ елизаветинскую эпоху. Но и эта ступень была

достигнута лишь небольшимъ кружкомъ лицъ, которыхъ можно было бы всѣхъ пересчитать по спискамъ высшихъ учебныхъ заведеній того времени. Этотъ кружокъ писалъ и печаталъ почти исключительно для самого себя. Академическій журналъ Миллера требовалъ отъ читателя довольно значительной научной подготовки; послѣдовавшіе за нимъ литературные журналы требовали привычки къ условностямъ модныхъ литературныхъ вкусовъ и формъ, а также—интереса къ отвлеченнымъ темамъ и навыка въ философскомъ языкѣ, только что тогда создавшемся. Естественно, что всѣ эти журналы не могли имѣть вліянія за тѣсными предѣлами собственного литературнаго круга. Ихъ задачей было—поддержать и укрѣпить интеллектуально-нравственные интересы въ тѣхъ кружкахъ, которыми они были созданы; а затѣмъ, когда общественная жизнь вышла на болѣе широкій просторъ, роль ихъ была сыграна, и они подверглись полному забвенію. Любопытно отмѣтить, что всѣ эти журналы никогда не переиздавались (за исключеніемъ сумароковской «Пчелы»), тогда какъ очень многіе журналы послѣдующаго періода перепечатывались по нѣскольку разъ. Ихъ кружковому характеру соответствовало и незначительное количество подписчиковъ, и взгляды издателей на свою роль. У «Ежемесячныхъ сочиненій», имѣвшихъ наибольшее распространеніе, никогда не было больше 700 подписчиковъ, а иногда эта цифра падала до 500. Остальные журналы имѣли и того меньше; очевидно, поэтому они составляютъ такую библиографическую рѣдкость, а уцѣлѣвшіе экземпляры часто носятъ надписи кого-нибудь изъ членовъ того же литературнаго круга. Издатель «Невиннаго Упражненія», объявляя о прекращеніи журнала послѣ полугодичнаго существованія, считаетъ это вполне нормальнымъ и нисколько не думаетъ жаловаться на равнодушіе публики. Онъ просто ставитъ выходъ журнала въ тѣсную зависимость отъ удобствъ своего маленькаго круга сотрудниковъ и читателей. Журналъ прекращается потому, что наступило гѣто и «какъ издатели, такъ и тѣ, кои подписались брать нашъ журналъ, изъ Москвы разъѣхались». Издатели «сожалѣютъ, что далѣе полугодя трудами своими жертвовать читателю не могутъ и съ чувствительной прискорбною лишаются собственнаго своего утѣшенія». Такое отношеніе къ издательству какъ нельзя лучше подчеркиваетъ характеръ періода, когда русское просвѣщеніе ограничивалось кругомъ добрыхъ знакомыхъ, употреблявшимъ на пользу этого просвѣщенія лишь свои школьные годы и свое праздное время.

Пылинъ, Исторія русской литературы, т. III, Спб. 1899. Проектъ Мнѣна въ «Русскомъ Архивѣ». 1865. О книгоиздательствѣ Петра и его времени см. *Пекарскаго*, Наука и литература при Петрѣ В. О новомъ направленіи издательства его же. Исторія Имп. Академіи Наукъ, Спб. 1870—1873. Тексты пьесъ петровскаго времени напечатаны *Тихонравовымъ*, Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг. 1874, 2 тома. См. его же статьи о русскомъ театрѣ во II т. Сочиненій.

П. Морозова, Исторія русскаго театра до половины XVIII столѣтія, Спб. 1890. О послѣдующемъ періодѣ исторіи русскаго театра, наиболѣе интересномъ, къ сожалѣнію, нѣтъ столь же обстоятельныхъ изслѣдованій. Le théâtre en Russie depuis ses origines jusqu'à nos jours, раб. Pierre de Corvin (Круковскаго). Paris, 1890 г., 2-е изд. не отличается критичностью и не носитъ характера изслѣдованія по первоисточникамъ. Документальная статья *Ломтинова*, Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (до 1774 г.) даетъ только хронологическій остовъ (Сборникъ II отдѣленія Академіи Наукъ, т. XI, 1875). Литература о Сумароковѣ указана въ Русской поэзіи (*С. А. Венгерова*, гдѣ собраны и лирическія произведенія Сумарокова, а также образцы поэзіи мелкихъ поэтовъ того времени и біографическія данныя о нихъ. Наличный составъ литераторовъ елизаветинской эпохи перечисленъ и характеризованъ еще *Дмитревскимъ*, въ его Извѣстіи о русскихъ писателяхъ (перепечатано въ матеріалахъ для исторіи русской литературы *П. Ефремова*). О борьбѣ мѣщанской драмы съ ложноклассической трагедіей во Франціи см. главу о драмѣ въ соч. *И. И. Иванова*, Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка, М. 1895. Библиографическое описаніе журналовъ XVIII в., съ перечнемъ статей и краткими свѣдѣніями о редакторахъ и сотрудникахъ см. въ Историческомъ разысканіи о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 Спб. 1875. *А. Н. Неустрова* и указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и къ предыдущему труду, ея же. Спб. 1898. Содержаніе «Ежемесячныхъ сочиненій» обстоятельно изслѣдовано *В. А. Милотинымъ* въ трехъ статьяхъ «Очерки русской журналистики». «Современникъ» 1851 г., т. XXV и XXVI. См. также *Пекарскаю*, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 гг. (Сборникъ II отдѣленія, т. II, 1867). Къ сожалѣнію, другіе перечисленные въ текстѣ журналы до сихъ поръ очень мало обращали на себя вниманія изслѣдователей. Краткія замѣчанія о журналахъ *Хераскова* см. у *Незеленова* въ Литературныхъ направленіяхъ екатерининской эпохи Спб. 1889. Нѣкоторые свѣдѣнія о театрѣ и журналистикѣ елизаветинскаго времени, можно найти также въ Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII в. *Н. Майкова*, Спб. 1889 г.

П. Милуковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ СТЕПИ.

1. З а р н и ц ы.

Зарницы ликъ, какъ сновидѣнье,
Блеснулъ—и въ темнотѣ исчезъ.
Но я увидѣлъ на мгновенье
Всю даль и глубину небесъ.
Тамъ въ горнемъ свѣтѣ встали горы
Изъ розоватыхъ облаковъ...
Тамъ градъ и райскіе соборы...
И снова черный палъ покровъ.
Вотъ задрожалъ и вспыхнулъ снова—
И снова блещущій восторгъ,
И мракъ томленія земного
Господь десницею расторгъ!..
Не также-ль въ радости случайной
Мечта взмахнетъ порой крыломъ—
И вдругъ блеснетъ небесной тайной
Все потонувшее въ быломъ?

2. О т р ы в о к ъ.

...Въ поздній часъ мы были съ нею въ полѣ...
Я несмѣло обнялъ станъ ея...
„Я хочу объятія до боли! —
Я хочу быть сильной, какъ змѣя!..“
Утомясь, она просила вѣжно:
„Убаювай, дай мнѣ отдохнуть!
Не цѣлуй такъ крѣпко и мятежно,—
Положи мнѣ голову на грудь!..“
Звѣзды тихо искрились надъ нами.
Тонко пахло свѣжестью росы.

Ласково касался я устами
До горячихъ щекъ и до косы.

И она забылась. Разъ проснулась,
Какъ дитя, вздохнула въ полуснѣ,
Но, взглянувши, слабо улыбнулась
И опять прижалася ко мнѣ.

Ночь царила долго въ темномъ полѣ.
Долго милый сонъ я охранялъ...
А потомъ на золотомъ престолѣ,
На востокаѣ, тихо засилъ

Новый день,—въ поляхъ прохладно стало...
Я ее тихонько разбудилъ
И въ степи, сверкающей и алой,
По росамъ до дому проводилъ...

3. К у р г а н ь.

Любилъ онъ ночи темныя въ шатрѣ,
Степныхъ кобыль заливчатое ржанье,
И передъ битвой волчье завыванье,
И коршуновъ на сумрачномъ бугрѣ.

Нагую даль онъ осенью любилъ
И никогда не могъ насытить взора
Свободою пустынного простора
И широтою первобытныхъ силъ.

И жажду жизни силясь утолить,
Онъ за врагомъ скакалъ, какъ изступленный,
Чтобъ, дерзостью погони опьяненный,
Горячей кровью землю напоить.

Стрѣлою синеѣ насевозъ его пробилъ,
И тамъ, гдѣ смерть ему закрыла очи,
Возсталъ курганъ—и темный вѣтеръ ночи
Дождемъ холодныхъ слезъ его кропилъ.

Прошли вѣка, но слава древней были
Жила въ вѣкахъ... Нѣтъ смерти для того,
Кто жизнь любилъ, и пѣсни сохранили
Далекое наслѣдіе его.

Онъ поютъ печаль воспоминаній,
Онъ безсмертье вѣчнаго поютъ
И жизни, отошедшей въ міръ преданій,
Свой братскій зовъ и голосъ подаютъ.

4. СОНЪ-ЦВѢТОЕЪ.

Это было глухое, тяжелое время.
 Дни въ разлукѣ текли, —я, какъ мертвый, блуждалъ,
 А съ вечернимъ закатомъ я лошадь сѣдлалъ
 И въ безлюдномъ дворѣ ставилъ ногу на стремя.
 На горѣ меня темное поле встрѣчало.
 Въ темноту, на востокъ, направлялъ я коня—
 И пустынная ночь окружала меня
 И, склонивши колосья, глубоко молчала.
 Замыкалось кольцомъ море спѣлаго хлѣба.
 Жизни не было въ немъ. Ужъ давно отцвѣли
 Тѣ цвѣты, что въ поляхъ хороводы вели
 И смотрѣли въ далекое, ясное небо.
 И, молчанью внимая, я тихо склонялся
 Головой на лукъ. Я безъ мысли глядѣлъ
 На темнѣвшую даль и душой холодѣлъ
 И въ холодной безмолвной тоскѣ забывался.
 О, когда бы я могъ плавать въ эти мгновенья!
 Но изсякли тѣ слезы, въ которыѣ была
 Молодая печаль такъ призывно-свѣтла,
 Такъ полна красоты молодого стремленья...
 Позднимъ лѣтомъ въ степи на казацкихъ могилахъ
 „Сонъ-цвѣтоекъ“ въ полуснѣ одиноко цвѣтеть...
 Онъ живой, но сухой... Онъ угаснуть не въ силахъ,
 Но весна для него никогда не придетъ!

Ив. Бунинъ.

ИЗЪ ГИМНАЗИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

(ОЧЕРКИ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

(Продолженіе *).

XII.

Въ описываемую эпоху сочиненія Писарева были недоступны не только для гимназистовъ, но и для публики вообще—ихъ не существовало въ продажѣ: старое изданіе частью разошлось, частью было изъято, а новое еще считалось запретнымъ плодомъ. Тѣмъ не менѣе, Писарева, конечно, читали: запрещеніе, если и принесло кому пользу, то развѣ букинистамъ, которые за полное собраніе сочиненій драли по 100 руб., а за отдѣльные томы по 25 руб.

Эта безобразная цѣна и прелесть запретнаго плода сдѣлали то, что среди начинающей читать молодежи Писаревъ сдѣлался самымъ популярнымъ писателемъ. Счастливы, у которыхъ имѣлось драгоценное изданіе, берегли его, какъ зѣницу ока, и самый фактъ обладанія Писаревымъ создавалъ собственникамъ исключительное положеніе въ гимназическихъ кругахъ.

— У него есть Писаревъ!

— Онъ купилъ всего Писарева!

Этого было вполне достаточно, чтобы выдѣлить человѣка изъ толпы, чтобы создать ему своего рода имя, популярность.

Какъ и всѣ популярные люди, „собственники“ знали, однако, не только розы, но и терніи своей славы: ихъ осаждали безчисленными просьбами. Писарева просили не такъ, какъ всякую другую книгу: его просили на три часа, на одну ночь, на одинъ вечеръ; просили не только знакомые, но и незнакомые. Не считалось предосудительнымъ придти въ домъ незнакомаго гимназиста и связать:

*) См. «Міръ Божій», № 7, июль 1901 г.

— У васъ есть Писаревъ, дайте для нашего кружка на три часика такой-то томъ.

Отказать въ такой просьбѣ считалось мѣщанствомъ, отказавшаго засмѣяли бы, осудили, нарекли „буржуемъ“. Но, съ другой стороны, не было случая, чтобы полученный томъ возвращался не во время, въ изорванномъ видѣ, а тѣмъ болѣе зачитывался. Зачитать Писарева—это считалось преступленіемъ неслыханнымъ, за которое мало было ввергнуть виновнаго въ геену огненную...

Трубчевскій принадлежалъ къ числу счастливецевъ, которые обладали сокровищемъ въ полной мѣрѣ: въ библиотекѣ его отца былъ „весь Писаревъ“. Поэтому и первое чтеніе состоялось у Трубчевскаго.

Еще за цѣлый часъ до прихода гостей, въ домѣ Трубчевскихъ все было готово къ ихъ приему: въ большой комнатѣ гимназиста были открыты фортки, на столикахъ разложены пачки папирозъ, а за письменнымъ столомъ было приготовлено мѣсто для лектора, о чемъ можно было догадаться по опрятному томику Писарева и стакану воды. Въ столовой тоже шли кое-какія приготовленія по бутербродной части, но этой стороны дѣла хозяинъ-гимназистъ не касался: онъ во всемъ полагался на мать и спокойно рассказывалъ по гостинной, оживленно бесѣдуя съ отцомъ.

Высокій и коренастый, какъ старый дубъ, адмиралъ Трубчевскій казался богатыремъ, несмотря на сѣдую бороду и сѣдую же, словно напудренную голову: широкая, какъ паромъ, спина, большія, сильныя руки—все говорило, что этотъ человекъ и теперь свободно могъ бы ломать подковы. Выраженіе силы, которой дышала вся его фигура, нѣсколько смягчалось добродушнымъ, мягкимъ юморомъ, свѣтившимся въ его черныхъ, небольшихъ глазахъ и такой же добродушной улыбкой, которая шевелилась у него въ усахъ всякій разъ, когда онъ обращался къ сыну.

— Такъ ты, значить, противъ того, чтобы и я присутствовалъ на вашихъ чтеніяхъ?

— Я-то не противъ, но другихъ это можетъ стѣснить, папа. Когда они тебя больше узнаютъ, тогда, конечно, другое дѣло.

— Гм... Жаль, чортъ возьми. Очень бы хотѣлось посмотрѣть, какъ молокососы будутъ горячиться и спорить. Я это страхъ люблю: ни дать, ни взять цѣтушинный бой... Кто же у васъ считается самымъ отъявленнымъ спорщикомъ?

Сынъ отвѣчалъ подумавъ и съ улыбкой:

— Всѣ отъявленные, папа.

— Ха-ха!.. А тотъ, какъ его, любимецъ мой, тотъ, что заикается, неужели и онъ отъявленный?

— Это Харламовъ? Да онъ у насъ не участвуетъ, папа, онъ не прошелъ на баллотировкѣ.

Это несказанно удивило отца, онъ даже остановился.

— На какой еще баллотировкѣ?

— Да вѣдь я тебѣ говорилъ, папа: члены-основатели кружка баллотируютъ всякаго новичка и Харламова на баллотировкѣ провалили.

— Ослы твои члены-основатели!

Старикъ сказалъ это съ сердцемъ. Отъ сына онъ очень много хорошаго слышалъ о Харламовѣ, зналъ его и самъ и „проваль на баллотировкѣ“ очень удивилъ и вмѣстѣ огорчилъ адмирала.

Но сынъ горячо вступился за „членовъ-основателей“.

— Ты, папа, не знаешь сути дѣла. Я прежде думалъ такъ же, какъ и ты, но меня разубѣдили и теперь я согласенъ съ Дорошешкой, что человекъ, который органически не умѣетъ лгать, не можетъ участвовать ни въ одномъ нелегальномъ дѣлѣ.

Старикъ-отецъ высоко поднялъ брови.

— Да что ты плетешь, братецъ, какое еще тамъ „нелегальное“ дѣло. Мнѣ это нравится, ей-Богу! Соберутся шесть поросятъ чай пить, прочтутъ статейку Писарева и думаютъ, что они сію же минуту превратятся въ *нелегальныхъ* поросятъ.

Упомянутое о „нелегальныхъ поросятахъ“ не только не обидѣло сына, но заставило его даже улыбнуться.

— Я, папа, сказалъ это слово примѣнительно къ нашимъ гимназическимъ условіямъ.

— Да что за вздоръ, это все ваша „нелегальная“ фантазія. А, между тѣмъ, такого милаго мальчика за бортъ вышвырнули, такого честнаго, правдиваго, искренняго!.. Трусы вы, господа нелегальные поросята, вотъ что!

На этотъ разъ глаза сына вспыхнули.

— Ты совершенно правъ—мы струсили. Но струсили не за собственную шкуру, а за общее дѣло. На почвѣ нелегальныхъ отношеній Харламовъ прямо невозможенъ. Ты пойми, папа! Вѣдь если его завтра же Харченко спросить въ упоръ: „вы участвуете въ кружкѣ, или нѣтъ?“—онъ не скажетъ „нѣтъ“, понимаешь, онъ не можетъ выговорить неправды, онъ промолчитъ. Согласись же самъ, можно ли при такомъ условіи принимать Харламова въ рискованное дѣло? И потомъ нужно же подойти къ вопросу и съ другой стороны, нужно посмотрѣть, каково самому Харламову будетъ съ его недостаткомъ. Если бы ты зналъ, папа, какъ онъ мучается, какъ онъ, бѣдняга, страдаетъ, когда его выштываютъ „халдеи“. Послѣ каждаго вопроса онъ прямо боленъ, на немъ лица нѣтъ. Я увѣренъ, что если бы мы пригласили его въ свой кружокъ, то оказали бы ему медвѣжью услугу, даже больше—сдѣлали бы несчастнымъ.

Все время, пока сынъ, съ жаромъ жестикулируя, объяснялъ истинное положеніе дѣла, старый адмиралъ покачивалъ сѣдой головой и серьезными, грустными глазами глядѣлъ на гимназиста.

— Какъ жаль, что я не отдалъ тебя въ морской кадетскій корпусъ,—наконецъ, промолвилъ онъ и задумчиво зашаталъ по гостиной. Сынъ, заложивъ руки за спину, молча шагаль рядомъ. Онъ понялъ грусть отца и ему самому сдѣлалось вдругъ грустно: уродство отношеній, царствовавшее въ гимназій, и ему на одну минуту показалось чудовищнымъ, несмотря на то, что онъ давно привыкъ къ этому уродству, сжился съ нимъ, примѣнился къ нему.

Такъ и ходили отецъ съ сыномъ, не говоря ни слова, пока въ прихожей послышался звонокъ.

— Это, должно быть, мои „незаконные поросята!“ — встрепенулся сынъ и побѣжалъ навстрѣчу гостямъ.

Въ передней, дѣйствительно, уже раздѣвались раскраснѣвшіеся съ морозу Дорошенко, Савицкій и Мельниковъ.

— Здорово, черти!—радушно привѣтствовалъ хозяинъ, пожимая гостямъ руки и похлопывая ихъ по плечамъ и по спинамъ.

— Здорово, Трубочка, а другіе пришли?

— Вы первые!

Трубочевскій провелъ гостей прямо въ свою комнату и, предложивъ имъ быть, какъ дома, побѣжалъ распорядиться насчетъ чаю. Но въ передней опять послышался звонокъ. Пришелъ пятиклассникъ Калининъ и Варшавчикъ.

— А гдѣ же Ливановъ?—спросилъ, здороваясь, Трубочевскій.

— Не приходилъ еще развѣ?

— Нѣтъ.

Ласково толкнувъ вновь пришедшихъ по направленію къ своей комнатѣ, хозяинъ побѣжалъ, или, вѣрнѣе сказать, протанцовалъ мазурку вплоть до самой столовой, лихо притопывая ногами и насвистывая себѣ мотивъ.

Пока приготавливали чай, собравшіеся гимназисты разсматривали Писарева. Они столпились вокругъ письменнаго стола, гдѣ лежала эта драгоценность, и глядѣли на нее такъ, какъ глядитъ археологъ, только что выкопавшій изъ нѣдръ земли какую-нибудь рѣдкую диковинку. Многіе видѣли Писарева впервой и съ интересомъ разсматривали даже прифтѣ, форматъ и въ особенности заглавія статей. Особенно заинтересованъ былъ черномазый, какъ цыганенокъ, пятиклассникъ Калининъ. По наслышкѣ онъ много зналъ и о Писаревѣ, и о его значеніи въ литературѣ, зналъ даже содержаніе нѣкоторыхъ статей, но книгу видѣлъ впервые и потому теперь не только оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, но даже благоговѣнно подержалъ въ рукахъ.

— Писаревъ, чортъ возьми! И какъ подумаешь, что у подлеца - Трубчевскаго есть полное собраніе, такъ такая зависть возьметъ, что страсть! Я въ прошломъ году за два тома одному студенту велосипедъ предлагалъ—не захотѣлъ дьяволъ!

Тѣмъ временемъ принесли чай и въ ожиданіи, пока придетъ послѣдній членъ кружка, Ливановъ, гимназисты задымили папирозами и затараторили объ отцѣ этого Ливанова, прославившемся на всю гимназію своими „халдейскими убѣжденіями“.

— Совсѣмъ невозможный отецъ! Просто немислимый!

— Окончательно поработилъ бѣднаго парня!

— Онъ хочетъ, чтобы сынъ его велъ себя, какъ архіерей: „мой другъ, сиди дома: уже половина восьмого“, „мой другъ, не ходи въ театры“ (такъ и произносить—„театры“), „мой другъ не смѣйся такъ громко“, „мой другъ, не читай „аеенста“—Тургенева“. И все это елейнымъ голоскомъ, все это мягко, добродѣтельно, „благочестно“. Ну, „мой другъ“, конечно, слушаетъ, слушаетъ эти рѣчи и не знаетъ, что ему дѣлать: повѣситься, или запынствовать!

— Да что у него отецъ, ненормальный, что ли?—съ удивленіемъ прислушиваясь къ этимъ разговорамъ, спросилъ непосвященный въ дѣло Калининъ.

— Кой чортъ ненормальный,—отвѣчалъ Трубчевскій,—просто „халдей“ по убѣжденіямъ. Онъ консисторскій попъ: всю жизнь ходилъ по веревочкѣ, а теперь и отъ сына того же требуетъ.

Въ разговорахъ о семейномъ положеніи Ливанова прошло больше двадцати минутъ и теперь ужъ никто не настаивалъ на дальнѣйшемъ ожиданіи. Компанія приступила къ чтенію. Мѣсто лектора занялъ Савицкій, славившійся своимъ умѣньемъ выразительно читать, а прочіе размѣстились гдѣ пришлось, и не безъ нѣкотораго волненія посматривали на раскрытый томикъ Писарева. У всѣхъ на лицахъ было написано сознание важности, значительности предстоящаго дѣла. Одинъ только Трубчевскій былъ, повидимому, совершенно спокоенъ: съ папирозкой въ углу рта, онъ разлегся на кровати, задралъ ноги на спинку и промурлыкалъ съ театральнымъ жестомъ:

— Итакъ, мы начина-а-емъ!..

— „Пушкинъ и Бѣлинскій“, прочиталъ Савицкій заглавіе и откашлялся. Водворилась мертвая тишина.

Писаревъ, съ его блестящимъ, неподобнымъ стилемъ, съ его злыми сарказмами и смѣлыми парадоксами, производилъ на слушателей впечатлѣніе чуднаго фейерверка, который въ одно и то же время и ослѣплялъ, и приводилъ въ восхищеніе. Даже тѣ изъ гимназистовъ, кто успѣлъ составить себѣ собственное мнѣніе объ „Евгеніи Онѣгинѣ“ и кто учился понимать Пушкина въ истол-

кованіи Бѣлинскаго—и тѣ, подѣ вліяніемъ головокружительной смѣлости молодого критика чувствовали себя обезкураженными, сбитыми съ толку и спѣшили отказаться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ. Всего больше подкупала ихъ дерзость языка, молодой задоръ, фонтаномъ бьющее остроуміе. Последнее производило особенно разрушающее дѣйствіе и не прошло какого-нибудь часа, какъ отъ Пушкина, по выраженію пятиклассника Калинина, остались только „рожки да ножки“. Имѣлъ дерзость остаться при особомъ мнѣніи и цѣликомъ отвергать аргументы властителя гимназическихъ думъ одинъ только Дорошенко, да развѣ еще Савицкій.

— Господа!— началъ Дорошенко, когда сдѣланъ былъ маленькій антрактъ.—Я абсолютно не согласенъ съ Писаревымъ и настаиваю, что Онѣгинъ былъ, дѣйствительно, лучшимъ человѣкомъ своего времени! Это, господа, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

— А я думаю, что это подлежитъ бо-ольшому сомнѣнію!— запальчиво вскричалъ, задорный, какъ ершъ, Калининъ. — На мой взглядъ, Онѣгинъ просто великосвѣтскій прохвостъ и ничего больше.—И, оттопыривъ нижнюю губу, Калининъ съ дѣтскимъ возмущеніемъ прибавилъ:—Вы посудите сами, господа: человѣкъ ни черта не дѣлаеть, ни черта не читаетъ, живетъ на содержаніи у мужиковъ, шляется по балетамъ,—и насъ хотятъ увѣрить, что это животное можно назвать лучшимъ человѣкомъ?

— Вѣрно, Калининъ, здорово!— посыпалось со всѣхъ сторонъ.

Хотя на сторонѣ Дорошенки почти не было союзниковъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, не сдался.

— Господа! говорить можно все, но этого мало, надо, чортъ возьми, и доказывать. А чѣмъ вы можете доказать, что Онѣгинъ скотина?

— Чѣмъ доказать?—взвился съ мѣста распѣтушившійся Калининъ.—Ты хочешь доказательствъ. Изволь!—И загибая пальцы, Калининъ началъ съ сверкающими глазами.—Онѣгинъ скотина потому, что, во-первыхъ, тунядець, во-вторыхъ, укукошилъ Иванушку-дурачка Ленскаго, въ-третьихъ, вѣрнопостникъ! Если онъ былъ лучшимъ человѣкомъ своего времени,—почему онъ не освободилъ своихъ крестьянъ? почему?

— Да зачѣмъ ты тащишь его за шиворотъ на скамью подсудимыхъ? Ты упрекаешь его, что онъ не освободилъ крестьянъ, а я тебѣ такой вопросъ задамъ: Аристотель, какъ по твоему, былъ лучшей человѣкъ своего времени, или нѣтъ?

— Да причѣмъ здѣсь Аристотель?

— Нѣтъ ты скажи, отвѣтъ на вопросъ: лучшимъ?

— Ну, лучшимъ, ну что же изъ этого?

— А ты знаешь, что Аристотель былъ принципиальный сторонникъ рабства, знаешь?

Калининъ опѣшилъ, но не больше, чѣмъ на секунду.

— Нѣтъ, не знаю, но если дѣйствительно, былъ, то значить и Аристотель былъ свинья!

Дорошенко въ отчаяніи хлопнулъ себя по ногамъ.

— Да брось ты, ради Бога, свои безапелляціонные приговоры, что ты изрекаешь, какъ оракуль? Ты намъ докажи, что Аристотель былъ, какъ ты говоришь, свинья, тогда мы тебѣ повѣримъ! Развѣ можно обвинять Геродота, что онъ не ѣздилъ на желѣзныхъ дорогахъ? можно? Ну, точно такъ же и здѣсь: моральные понятія—тѣ же открытія и изобрѣтенія: пока люди до нихъ не додумались, ихъ нѣтъ и обвинять въ этомъ некого и не за что. У всякой эпохи своя нравственность.

Слова Дорошенки произвели должное впечатлѣніе, и многіе съ нимъ согласились. Но Калининъ и не думалъ сдаваться.

— Ну, это, братъ, „ахъ оставьте“, что у всякой эпохи своя нравственность! По твоему, выходитъ, что нравственность—это что-то въ родѣ отрывного календаря: на каждый день новая, не такъ ли?

— Голова ты съ ушами!—въ отчаяніи, осипшимъ голосомъ вскричалъ Дорошенко.—Да совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ ты не то говоришь...

— Постой, я ему возражу,—вмѣшался въ дѣло Трубчевскій и отстранилъ рукой Дорошенку.—Ты, Калининъ, думаешь, значить, что нравственность врожденное чувство, что она одна для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ?

— А что-жъ? А по твоему нѣтъ?

— Чувшь, братецъ, ерунда! ничего подобнаго! Для примѣра возьми такую параллель: возьми нашего мужика и, скажемъ, африканскаго дикаря и предположи, что каждый изъ нихъ укралъ лошадь. Нашъ мужикъ будетъ чувствовать раскаяніе, онъ побѣжитъ въ церковь, будетъ молиться Богу: „Господи, прости мнѣ мой тяжкій грѣхъ“. А дикарь что сдѣлаетъ? Дикарь тоже будетъ молиться: „благодарю тебя, Боже, что ты помогъ мнѣ украсть коня. Посодѣйствуй и въ слѣдующій разъ“. Понялъ разницу? При врожденной нравственности ея не могло бы быть! Значить, у мужика и у дикаря мораль разнаго калибра!

Наглядность примѣра Трубчевскаго закрыла уста даже расцѣтушившемуся Калинину: онъ не нашелъ возраженій и побѣда, видимымъ образомъ, стала склоняться на сторону Дорошенки. Но въ дѣло вмѣшался до сихъ поръ молчавшій Мельниковъ.

— Позвольте, господа, мнѣ кажется, что вытаскивать изъ глубины вѣбовъ Аристотеля и призывать изъ Африки дикарей

чѣтъ никакой надобности: Онѣгинъ слава тебѣ Господи, жилъ не въ Африкѣ, а въ Россійской имперіи и не до Р. X., а въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, т.-е. въ то время, когда у насъ былъ Бѣлинскій, былъ Грановскій, были декабристы. Мерзость крѣпостного права онъ, значить, понимать могъ, если онъ былъ лучшимъ человѣкомъ, а если онъ его не понималъ, то, значить, былъ заурядный баринъ, былъ крѣпостникъ..

— Совершенно вѣрно! Абсолютно вѣрно!—восторженно замахалъ руками Калининъ и, по свойственной его характеру юркости, забѣгалъ быстрыми шажками по комнатѣ.

— Я, господа, также присоединяюсь къ Мельникову,—моргая своими громадными глазами и склонивъ на бокъ черноволосую голову, неувѣренно промолвилъ Варшавчикъ.—Я читалъ въ одной книгѣ, что въ четырнадцатомъ или въ шестнадцатомъ столѣтіи (не помню, навѣрное, въ какомъ) былъ бояринъ Вашкинъ, который, кромѣ Евангелія, ничего не читалъ, но за то, прочитавъ Евангеліе, немедленно далъ волю всѣмъ своимъ рабамъ. Вотъ, господа! Это, по моему мнѣнію, былъ дѣйствительно лучший человѣкъ своего времени, а объ Онѣгинѣ я бы этого не сказалъ.

Доводы Мельникова и Варшавчика сдѣлали то, что Дорощенко опять остался одинъ. Но это его не смущало.

— Черти вы, господа, и больше ничего! Да кто же вамъ говорить, что Онѣгинъ, *какъ человекъ*, былъ лучше всѣхъ людей въ 20-хъ годахъ? Вѣдь такой ерунды никто и не доказываетъ. Очень можетъ быть, что лакеи Онѣгина, *какъ люди*, были выше своего барина—дѣло не въ этомъ. Вамъ говорить только, что *какъ типъ*, какъ лицо *собирательное*, Онѣгинъ былъ наиболѣе благороднымъ представителемъ своего класса.

— Да въ чемъ же, Христа ради, его благородство, чортъ его дери, въ чемъ?—тоненькой фистулой взывалъ Калининъ.

— Въ чемъ благородство? А въ томъ, что онъ тяготился современной ему жизнью, что онъ понималъ ея пустоту, безсодержательность. Онъ и Татьяна—это два типа протестующихъ людей, людей, которыхъ мучила окружающая пошлость!..

Калининъ презрительно махнулъ рукой и свистнулъ.

— Ха! „расскажите вы ей, цвѣты мои!“ Протестующіе люди, чортъ ихъ дери: одинъ протестуетъ въ балетѣ, а другая на балконѣ, на луну глядя.

— Ну, насчетъ Татьяны ты ужъ, братъ, помолчи, легче на поворотахъ,—вступился Трубчевскій.—Это братъ, прелесть, а не дѣвушка.

— А по моему обыкновенный помѣщичій выкормокъ: дѣвица съ придурью, овца, какихъ, къ несчастью, и въ наши дни не мало.

*

— И даже съ придурью? Ты знаешь, чего бы хотѣлъ? Ты хотѣлъ бы, чтобы Татьяна читала Писарева и мечтала о поступленіи на медицинскіе курсы,—тогда ты призналъ бы ее умницей.

Всѣ улыбнулись, а Калининъ заволновался хуже прежняго.

— Напрасно ты приписываешь мнѣ чепуху, которой я не говорилъ. Я отлично понимаю, что Татьяна могла дѣлать и чего не могла.

— А что же она могла, чтобы снискать твою благосклонность?

— Мало ли что! Могла, напримѣръ, заботиться о своихъ крестьянахъ, могла ихъ учить, лѣчить, даже просто любить! А это животное палець о палець не ударило, чтобы облегчить участь людей, которые на нее же работали! Она, изволите ли видѣть, на балконѣ грустила! Ея мамаша, можетъ быть, по щекамъ своихъ дѣвокъ хлестала, папаша ея, можетъ быть, на конюшнѣ людей засѣбаль, а она въ это время на луну смотрѣла, соловьевъ слушала!..

Столь неблагоприятный отзывъ Калинина о Татьянѣ вызвалъ общій протестъ, но Калининъ держался за свое мнѣніе цѣпко и не сворачивалъ съ занятой позиціи ни на одну пядь.

— А какъ вамъ нравится ея миленькій бракъ?—кричалъ онъ, заглушая протесты товарищей.—Мамаша ей говоритъ: „иди, Танечка, за старичка: онъ богатый“.—„Слушаю-съ, маменька“.—Эхъ, и ненавижу же я такихъ безсловесныхъ овецъ, которыхъ все можно заставить. Хотѣлъ бы я, чортъ возьми, видѣть, какъ бы это *меня* заставили сдѣлать такую пакость! Да я бы головы поворачивалъ всѣмъ, а не поддался бы!

Калининъ свои слова сопровождалъ такимъ энергичнымъ жестомъ, а все его раскраснѣвшееся и негодующее лицо было такъ забавно и вмѣстѣ мило, что многіе не удержались отъ улыбки.

— Опять ты, братъ, разгорячился,—вставилъ Савицкій,—ужъ и головы сворачивать принялся.

— А очень просто—не толкай въ лужу. Если ты мать, такъ будь же матерью, а не скотиной.

Неизвѣстно, до какихъ предѣловъ дошелъ бы споръ, если бы какъ разъ въ это время не раздался громкій звонокъ въ передней. Звонокъ всѣхъ встревожилъ и споръ оборвался на полусловѣ.

— Ужъ не Харченку ли нелегкая принесла „сближаться“?

Гимназистамъ неловко было сознаться другъ передъ другомъ, что ихъ напугалъ звонокъ. Но въ дѣйствительности это было такъ. Возможность появленія Харченки и привычка бояться гимназическаго начальства даже у себя дома поселяла въ душѣ невольный, но очень оскорбительный для самолюбія страхъ.

— Вѣдь можетъ, имѣетъ право ворваться въ квартиру,—со-

злостью шипѣлъ Мельниковъ.—А тамъ, поди объясняй ему, по какому случаю „сборище“! Охъ, это мнѣ крѣпостное состояніе!..

Варшавчикъ кусалъ ногти и не сводилъ пристального взгляда съ двери, въ которую юркнулъ Трубчевскій.

— Полно, господа, все это вздоръ!—успокоительно протянулъ Дорошенко. Но въ душѣ и онъ чувствовалъ какую-то неловкость, которую хотѣлъ скрыть даже отъ самого себя. Ему было и стыдно, и обидно, и злость его разбирала—злость человѣка, раздраженнаго постояннымъ надзоромъ, отъ котораго нигдѣ нельзя было ни уйти, ни спрятаться.

Къ счастью, страхи ихъ на этотъ разъ оказались совершенно напрасными: въ дверяхъ показался Трубчевскій, который на ходу пробѣгалъ только что полученное письмо.

— Отъ Ливанова, господа! Слушайте! „Къ сожалѣнію, никакъ не могъ вырваться и придти. Причины разъясню завтра въ классѣ. Завидую вамъ отъ всей души“.

Коротенькая записка Ливанова никого не удивила, но зато всѣхъ опечалила. Чѣмъ-то безотраднымъ, какой-то глубокой грустью повѣяло отъ нея на гимназистовъ. Всѣ они хорошо знали, что если Ливановъ не пришелъ, то, значитъ, у отца его мелькнуло подозрѣніе, и теперь сына будутъ держать подъ крѣпкимъ карауломъ. Всѣ точно также знали, что помочь несчастному юношѣ нѣтъ возможности, что однажды попавъ подъ родительскую пяду, онъ будетъ „въ рабствѣ“, пока не встанетъ на собственные ноги и не уйдетъ изъ-подъ родительскаго крова. Однако, долго горевать о судьбѣ Ливанова было некогда и спустя десять минутъ гимназисты снова взялись за дѣло.

Началось опять чтеніе и безконечные споры. Почти каждая фраза, каждый абзацъ писаревскаго текста вызывалъ ожесточенные дебаты. Спорили до поту, до хрипоты, до изнеможенія, причемъ почти всѣ споры отличались однимъ и тѣмъ же недостаткомъ: спорщики поминутно соскакивали съ темы и забирались въ такія дебри, что потомъ сами раскрывали рты отъ изумленія и не могли понять, какимъ образомъ они здѣсь очутились... Такъ начинающіе ходить дѣти бѣгутъ, не разбирая направленія, куда ноги укажутъ, безпрестанно шлепаясь и поминутно натываясь на что-нибудь. Много при этомъ бываетъ и синяковъ и шишекъ, но безъ этого нельзя выучиться ходить.

Отъ Трубчевскаго гимназисты разошлись взвинченные, возбужденные, раскраснѣвшіеся. Они точно въ банѣ побывали и теперь, чувствуя усталость и истому во всемъ тѣлѣ, тихо брели домой.

— А славная, чортъ возьми, штука эти чтенія,—мечтательно воскликнулъ весь потный Калининъ.—Я какъ будто вѣнникомъ два часа парился!

— Подождите, братцы, еще то ли будетъ?—многозначительно сказала Савицкій.—У меня одинъ таковой проектъ есть, что либо два!

— Проектъ дѣйствительно гениальный!—возбужденно поддержалъ Дорошенко.—Онъ хочетъ открыть что-то вроде читальни.

— Кабинетъ для чтенія!—загадочно подмигнувъ, поправилъ Савицкій.

Всѣ стали приставать къ нему, прося болѣе подробныхъ объясненій, но Савицкій хранилъ самый таинственный видъ.

— Теперь ничего не скажу, еще не все выяснилось. Потомъ сами увидите!

VIII.

Въ седьмомъ классѣ Трубчевскому, что называется, не повезло. Онъ и вообще былъ въ гимназіи всегда на самомъ худомъ счету и, какъ говорится, висѣлъ на волосѣхъ, а тутъ прибавилась еще цѣлая серія новыхъ прегрѣшеній. Дѣло началось съ того, что Харченко совершенно случайно засталъ его на любовномъ свиданіи.

Это случилось въ одинъ изъ тѣхъ теплыхъ августовскихъ вечеровъ, которые такъ хороши на благодатномъ югѣ. Трубчевскій съ обожаемой гимназисткой сидѣлъ на городскомъ бульварѣ, въ самой уединенной аллеѣ, носившей на языкѣ мѣстной молодежи поэтическое названіе „аллеи любви“. Густо засаженная каштанами и акаціями, эта аллея всегда особенно нравилась Трубчевскому и всѣ три по счету романа его начинались, продолжались и оканчивались въ тѣни этихъ старыхъ деревьевъ, на маленькой площадѣ, съ которой открывался прелестный видъ на море и куда доносились звуки духового оркестра, каждый день игравшаго въ послѣобѣденные часы на бульварѣ. Четвертый романъ съ хорошенькой, бѣлокурой гимназисткой начался здѣсь же. Какъ казалось Трубчевскому, это было самое серьезное его увлеченіе, по крайней мѣрѣ онъ чувствовалъ, что ни одна изъ его прежнихъ „пассій“ не владѣла имъ въ такой мѣрѣ, какъ эта нѣжная голубоглазая гимназистка съ тяжелой косой золотистыхъ волосъ.

Каждое утро избранница его сердца получала букетъ изъ чайныхъ розъ и нѣжное стихотвореніе, въ которомъ воспѣвались ея совершенства (Трубчевскій въ періоды любовныхъ увлеченій очень недурно писалъ стихи и при содѣйствіи Савицкаго нѣкоторые изъ нихъ даже печаталъ въ мѣстномъ листкѣ). Букетъ и стихи чрезвычайно льстили самолюбію шестнадцатилѣтней дѣвушки и ужъ это одно способно было завоевать ея гимназиче-

ское сердце. Но Трубчевскій, сверхъ того, вносилъ въ дѣло столько огня, столько жара, что окончательно вскружилъ бѣлокурую голову. Онъ то ревновалъ ее, какъ мавръ, то осыпалъ насмѣшками и оскорбленіями, то очаровывалъ ласковой нѣжностью, то вдругъ ни съ того, ни съ сего „на зло“ начиналъ волочиться за другой и терзалъ сердце своей повелительницы жесточайшимъ муками ревности.

Ни одно свиданіе не проходило для нея незамѣтно: она то смѣялась до слезъ, то плакала, то восхищалась, то гордилась имъ. Но чаще они ссорились.

Наканунѣ того дня, когда на нихъ случайно натѣнулся Харченко, они поссорились на столько серьезно, что гимназистка со слезами на глазахъ требовала полного разрыва и возвращенія писемъ. На это Трубчевскій съ язвительной усмѣшкой замѣтилъ, что „мысль о разрывѣ ему давно улыбается“ и, пообѣщавъ возвратить письма, чопорно простился съ твердымъ намѣреніемъ никогда не встрѣчаться.

Но черезъ два часа его уже мучила совѣсть и онъ писалъ покаянное письмо, прося прощенія и умолая о свиданіи. И то, и другое ему было дано, и на другой день вечеромъ, сидя въ глухомъ углу аллеи, влюбленная парочка переживала счастливейшія минуты своей молодой жизни. Передъ ними съ высокой площадки блестяло, какъ ледъ, спокойное недвижимое море, откуда неся влажный соленый вѣтерокъ и вечерній замирающій гулъ человеческихъ голосовъ—то спѣшили съ разгрузочными работами гаваньскіе плоты. Ихъ хриплая, надорванная „дубинушка“ неуклюжими обрывками перелетала на городской бульваръ, а съ бульвара навстрѣчу ей несло и стелилось по морю нѣжное и сладкое, какъ запахъ акаціи, intermezzo изъ „Сельской чести“. Обѣ мелодіи сшибались въ воздухъ и какъ будто вступали въ неравный споръ: тягучее, душистое intermezzo расло, ширилось и крѣпло, а осипшая „дубинушка“, словно спотыкаясь и задыхаясь, разрывалась въ воздухъ тяжелыми звуковыми обрубками...

Уже ночныя тѣни поползли къ обрывистымъ песчанымъ берегамъ и притаились въ группахъ деревьевъ; уже задрожали на пароходныхъ мачтахъ электрическіе огоньки, а въ небѣ надъ ними зажглись такія же звѣзды—а работы на пристани все еще не прекращались: вѣтеръ то и дѣло доносилъ то отдаленное громяханье тяжелыхъ полосъ прыгающаго на телѣгѣ желѣза, то вопль брошеннаго на землю жестяного листа, то похожій на крикъ аиста сухой трескъ пароходной лебедки.

Но всѣ эти звуки не доходили до ушей влюбленной парочки: сладость примиренія такъ захватила ее, что ей было не до звуковъ. Трубчевскій чувствовалъ себя „до подлости счастливымъ“:

онъ покрывалъ поцѣлуями тонкія ручки своей возлюбленной и не переставая нашептывалъ ей такія ласковыя, горячія и задушевыя слова, что гимназистка отъ счастья совсѣмъ не могла говорить и въ нѣмомъ восхищеніи, глазами полными слезъ, смотрѣла на свое „ясное солнышко“, какъ называла она Трубчевскаго.

Свое примиреніе влюбленные скрѣпили поцѣлуемъ и этотъ способъ мириться показался обоимъ настолько увлекательнымъ, что они совсѣмъ забыли, что сидятъ, хотя и одни, но все-таки въ общественномъ мѣстѣ, куда каждую минуту могли зайти гуляющіе. Они ничего не помнили, ничего не видѣли, и оба то тихо смѣялись тѣмъ груднымъ глубокимъ смѣхомъ, который льется изъ души, когда набѣжавшее счастье захлестнетъ человѣка съ головой, то безъ словъ, одними глазами, говорили о своей любви, то, наконецъ, цѣловались. Окружающее совсѣмъ перестало для нихъ существовать, и потому оба чуть не вскрикнули, когда возлѣ нихъ послышался насмѣшливый, полный ироніи голосъ:

— Здравствуйте, г. Трубчевскій!

Отъ неожиданности гимназистка вздрогнула всѣмъ тѣломъ, такъ что широкополая соломенная шляпа ея съѣхала на затылокъ и упала на землю зонтикъ, а Трубчевскій вскочилъ съ мѣста, точно въ него выстрѣлили, и стоялъ растерянный, обезкураженный, уничтоженный: налѣво отъ нихъ быстро промелькнула фигура Харченки въ чечучовомъ пиджакѣ и скрылась на поворотѣ въ другую аллею. Свиданіе было отравлено. Ядовитая насмѣшка, прозвучавшая въ голосѣ учителя, спугнула робкое чувство: оно свернулось, какъ лестница измятаго цвѣтка, и притаилось гдѣ-то на самомъ днѣ уязвленнаго сердца.

— Кто это?—испуганнымъ шопотомъ спросила гимназистка.

— Учитель,—глухо, точно изъ погреба, послышался отвѣтъ. Больше они не сказали ни слова: каждый ушелъ въ себя и думалъ свою думу, но каждому ясно было, что творится въ душѣ другого, потому что оба чувствовали одно и то же: и стыдъ, и обиду, и досаду, точно на ихъ распутившееся чувство наступили копытомъ и смяли его, изуродовали, растоптали.

Въ глубокомъ молчаніи проводилъ Трубчевскій свою до слезъ сконфуженную даму и чернѣе тучи побрелъ домой. Въ тотъ вечеръ онъ ни съ кѣмъ не желалъ говорить, никого не хотѣлъ видѣть и, запершись на ключъ въ своей комнатѣ, молча шагалъ изъ угла въ уголь. Въ душѣ его происходила цѣлая буря. Онъ зналъ, что Харченко ни за что не оставитъ этого „дѣла“ такъ и непременно потянетъ на допросъ. а на допросѣ начнетъ съ своей кривой усмѣшкой иронизировать, станетъ подшучивать и вообще покусывать его, какъ лисица пойманнаго цыпленка.

— Хоть повѣситься въ пору! — шепталъ злополучный гим-

назистъ. — Подлѣе не можетъ быть положенія: вѣдь въ качествѣ класснаго наставника онъ имѣетъ *право* лѣзть мнѣ въ душу съ сапогами! Онъ *можетъ* меня исповѣдывать, потому что я не болѣе какъ „мальчишка“, а онъ педагогъ. По правиламъ гимназисты должны заниматься наукой, а не любовью!... А если случилось, что ты влюбился и воспитатель подсмотрѣлъ твою тайну, такъ тебя потащутъ сквозь строй, заплюютъ, засмѣютъ... Ну, да мы еще посморимъ, чортъ возьми, какъ вы меня заплюете...

Красивые продолговатые глаза Трубчевскаго загорѣлись злостью и вся его стройная фигура выпрямилась какъ стальная, точно готовясь къ схваткѣ. Быстро, нервной походкой бѣгалъ онъ по своей комнатѣ и по его тонкому, подвижному лицу, словно тѣни, мелькали отраженія его душевной работы. Онъ вспомнилъ, что въ прошломъ году одинъ изъ восьмиклассниковъ попалъ точь-въ-точь въ такое же положеніе, и его сердечная тайна стала потомъ предметомъ игривыхъ разговоровъ въ учительской и вызвала даже вопросъ: какія мѣры принять противъ влюбленнаго восьмиклассника и подлежитъ ли онъ вообще дисциплинарному взысканію.

— Боже мой, гдѣ глаза у нашихъ мудрыхъ халдеевъ,—стискивая руки, шепталъ Трубчевскій:—неужели они не знаютъ, что только любовь, одна любовь спасаетъ нашихъ гимназистовъ отъ болота, отъ разврата. Вѣдь во всей гимназіи на перечетъ: кто влюбленъ—отъ того не услышишь ни сальныхъ анекдотовъ, ни скабреной пѣсни, ни разсказа о ночныхъ похожденияхъ—онъ чистъ, въ немъ есть порядочность, онъ застрахованъ. Такъ вѣдь надо же и сюда „халдейскій“ носъ сунуть, надо и на наше сердце, на нашу душу наложить свою поганую лапу!..

Въ ту ночь Трубчевскій почти не спалъ. Онъ лежалъ съ открытыми глазами въ своей постели и на тысячу ладовъ представлялъ себѣ, что его завтра спросятъ, какъ спросятъ и что онъ будетъ отвѣчать. На утро же онъ проснулся съ головной болью и почувствовалъ въ душѣ такую апатію, такую тоску, точно ему предстояло идти на эшафотъ. Была минута, когда онъ совсѣмъ было рѣшился не идти въ гимназію и сказатья больнымъ на цѣлую недѣлю, на мѣсяцъ, чтобы избѣжать объясненія. Но сознаніе, что и черезъ мѣсяцъ объясненіе все-таки будетъ, заставило его встряхнуться и взять себя въ руки. Умывшись, Трубчевскій почувствовалъ, что голова его стала свѣжей, и что душевныя силы его возстанавляются, благодаря новому притоку вчерашней злости.

— Еще посмотримъ, какъ вы меня проглотите!—шепталъ онъ, разсѣянно собирая учебники.—Я вѣдь на все пойду, если будетъ нужно!

Въ гимназію Трубчевскій пришелъ, по собственному его вѣ-

раженію, „злѣ дьявола“ и, едва переступивъ порогъ, успѣлъ сдѣлаться съ надзирателемъ, дежурившимъ въ шинельной. Надзиратель, молодой, чрезвычайно жизнерадостный, всегда игриво настроенный человѣкъ, котораго гимназисты какъ нельзя болѣе встати прозвали „Именинникомъ“, замѣтилъ разстегнутое пальто Трубчевскаго и подлетѣлъ къ нему съ упрекомъ.

— А пальтецо-то у г. Трубчевскаго опять разстегнуто! Опять г. Трубчевскій нарушаетъ законы!

Трубчевскій окинулъ надзирателя тяжелымъ взглядомъ и съ гримасой бросилъ:

— Оставьте меня въ покоѣ.

Отъ неожиданности „Именинникъ“ въ первую минуту остолбенѣлъ, такъ что даже пропало игривое выраженіе на его румяномъ лицѣ, но спустя секунду выхватилъ изъ кармана свою записную книжку и, сдѣлавъ въ ней надлежащую отмѣтку, значительно проговорилъ:

— Я сегодня же доложу о васъ г. инспектору.

Трубчевскій насмѣшливо, какъ-то сбоку поглядѣлъ на него и съ вызывающей дерзостью проговорилъ:

— А почему же не директору? Я вамъ совѣтую доложить лучше г-ну директору.

Надзиратель опять выхватилъ изъ кармана свою книжку съ такимъ видомъ, какъ будто онъ выхватывалъ револьверъ, и сдѣлалъ въ ней новую отмѣтку. А Трубчевскій, не удаивая его даже взглядомъ, захватилъ свой ранецъ и спокойно, съ выраженіемъ не то брезгливости, не то презрѣнія на лицѣ, поднялся наверхъ.

Въ классѣ нервное, злое настроеніе не покидало его. Безъ всякой видимой причины онъ поругался съ Кривцовымъ, и потомъ на первомъ же урокѣ приобрѣлъ себѣ врага въ лицѣ учителя исторіи. Этотъ учитель былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, очень красивый, но съ большой претензіей на мѣщанскій шикъ. Говорили, что онъ ищетъ богатую невѣсту и заранѣе принимаетъ мѣры, чтобъ снискать ея благосклонность: его черные усыки были всегда подвинчены и острыми иглами торчали кверху, прическа поражала своей обдуманностью и безукоризненностью пробора, а отъ новенькаго вицъ-мундира несся запахъ хорошихъ англійскихъ духовъ, къ сожалѣнію слишкомъ сильный. Къ духамъ этотъ чистенькій, сытенный учитель питалъ особенную слабость и, по выраженію гимназистовъ, „душился, какъ извозчикъ“ — даже брюки его благоухали.

Столкновение съ Трубчевскимъ началось съ того, что учитель вызвалъ его отвѣчать, но вызвалъ не такъ, какъ обыкновенно, а съ явной насмѣшливостью въ голосѣ.

— Ну-съ, г. Трубчевскій,—съ любопытствомъ оглядывая ученика, сказалъ онъ,—не потрудитесь ли вы рассказать намъ что-нибудь хорошенькое?

Трубчевскій уловилъ иронию и въ этомъ взглядѣ, и въ голосѣ и смекнулъ, что Харченко уже раззвонилъ въ учительской вчерашній эпизодъ.

— Не могу отвѣчать, не приготовился,—сухо, не подымаясь съ мѣста, отвѣтилъ Трубчевскій.

— Чѣмъ же вы вчера были заняты?—сощуривъ насмѣшливые глаза, промолвилъ учитель. Трубчевскій окончательно убѣдился, что Харченко разболталъ и потому призвалъ на помощь все свое самообладаніе. А учитель продолжалъ:

— Съ нѣкоторыхъ поръ, г. Трубчевскій, я замѣчаю, что вы охладѣли къ исторіи. Быть можетъ, вы увлечены какимъ-нибудь другимъ предметомъ?

Трубчевскій собралъ всѣ силы и еще разъ смолчалъ, хотя въ глазахъ его уже давно горѣла злость, какъ у волчонка, котораго дразнить, остановившись передъ влѣткой, скучающая публика.

— Итакъ, вы не хотите ничего сказать о предметѣ вашего увлеченія,—пожавъ плечами, протянулъ учитель,—что же дѣлать! А единицу я вамъ все-таки поставлю.

— Пожалуйста,—вѣжливо наклонивъ голову, сказалъ Трубчевскій, но съ такимъ спокойствіемъ, что классъ фыркнулъ. Учитель строго посмотрѣлъ на него.

— Г. Трубчевскій, что это у васъ за бульварный тонъ? Я васъ въ журналъ запишу.

— Запишите,—опять съ тѣмъ же небрежнымъ спокойствіемъ уронилъ Трубчевскій.

Учитель вспыхнулъ.

— Въ уголь, Трубчевскій!

Это приказаніе произвело сенсацію. Классъ загудѣлъ, такъ какъ подобныя наказанія почти не примѣнялись въ старшихъ классахъ. Трубчевскій поблѣлъ, какъ полотно, но воздержался отъ замѣчаній и, вмѣсто отвѣта учителю, развалился на партѣ и засунулъ руки въ карманы.

— Я сказалъ—въ уголь!—уже врикнулъ учитель и, соскочивъ съ кафедры, вплотную подошелъ къ неповорному ученику.

— Вы слышали мое приказаніе?

— Слышалъ,—глядя въ глаза историкѣ и не мѣняя позы, отвѣчалъ Трубчевскій.

— Ну-съ?! Извольте же исполнить, если слышали!

— Въ уголь я не стану!—не спуская съ учителя глазъ, промолвилъ ученикъ. Учитель нѣсколько опѣшилъ.

— Вы не на бульварѣ, Трубчевскій, предупреждаю васъ, вы очень пожалѣете!

— Не думаю,—вздернувъ плечомъ, равнодушно, даже небрежно буркнулъ Трубчевскій.

Учитель смѣрилъ его взглядомъ.

— Послѣ урока я попрошу васъ въ директору.

Трубчевскій кивнулъ головой:

— Къ вашимъ услугамъ.

Этой угрозой инцидентъ былъ исчерпанъ. Учитель опять продолжалъ къ каедрѣ и только ученики гудѣли, какъ пчелы въ ульѣ, возмущаясь историкомъ и строя безчисленныя предположенія, почему учитель помянулъ про бульваръ.

Но любопытство гимназистовъ еще болѣе возросло, когда дверь класса отворилась и просунувшаяся голова „Именинника“ громко прокричала.

— Г. Трубчевскій! къ классному наставнику!

Трубчевскій всталъ, обдернулъ, по гимназической привычѣ, полы своей сѣрой блузы и, не отвѣчая на торопливые вопросы друзей, вышелъ.

Харченко стоялъ въ корридорѣ, въ 20 шагахъ отъ класса и поджидалъ своего провинившагося ученика, обдумывая, какъ приступить къ щекотливому объясненію. Въ глубинѣ души онъ былъ увѣренъ, что Трубчевскій сидѣлъ на бульварѣ съ уличной женщиной, такъ какъ „цѣловаться съ мальчишкой въ общественномъ мѣстѣ“, по его мнѣнію, никто другой не могъ, а въ темнотѣ онъ не разглядѣлъ лица ея.

— Вы меня звали, Петръ Иванычъ,—учтиво, какъ хорошо выдрессированный гимназистъ, поклонился Трубчевскій.

Харченко даже не кивнулъ на поклонъ. Онъ глубоко засунулъ руки въ карманы своихъ свѣтлыхъ панталонъ и, покачиваясь всемъ своимъ полнымъ тѣломъ, проговорилъ въ сторону.

— Хорошъ! Нечего сказать, хорошъ! Это называется воспитанникъ средняго учебнаго заведенія, юноша, готовящій себя къ университету. Впрочемъ, я такъ и зналъ, что онъ этимъ кончитъ!

Во время этого вступленія Трубчевскій смотрѣлъ прямо въ лицо учителю, но въ глазахъ его ровно ничего нельзя было прочитать: апатичные, какіе-то полусонные, они не выражали ничего, точно такъ же, какъ и лицо гимназиста, принявшее выраженіе автомата.

А Харченко тѣмъ временемъ, выдержавъ значительную паузу, заговорилъ уже не въ третьемъ, а во второмъ лицѣ.

— Вы узнали меня вчера?

— Узналъ.

— Съ кѣмъ вы были?

На деревянномъ лицѣ Трубчевскаго не дрогнулъ ни одинъ мускулъ, онъ стоялъ, какъ чурбанъ, и молчалъ. Это былъ его

излюбленный, испытанный приемъ во всѣхъ острыхъ разговорахъ съ начальствомъ, когда нельзя было прибѣгнуть въ спасительной лжи: автоматическая покорность, наружное послушаніе и въ то же время стойкое, хотя вполнѣ пассивное сопротивленіе. Среди гимназистовъ этотъ приемъ былъ въ большомъ ходу и носилъ даже специальное названіе: „кататься на ослахъ“.

— Вы слышали мой вопросъ?—повторилъ Харченко.

— Слышалъ.

— Такъ отвѣчайте!

Трубчевскій ни звука.

— Вы не желаете отвѣчать?

Молчаніе.

— Почему вы не желаете отвѣчать?

Опять молчаніе.

Харченко глубже засунулъ въ карманы руки и, прищурившись, поглядѣлъ на ученика.

— Послушайте, Трубчевскій, вы меня, кажется, хорошо знаете и знаете, что я не люблю и не умѣю шутить. Знаете вы это?

— Знаю.

— Такъ извольте же сію минуту отвѣчать!

Но деревянное лицо Трубчевскаго по прежнему хранило выраженіе полной окаменѣлости, онъ продолжалъ смотрѣть своими потухшими глазами прямо въ лицо учителю и молчалъ, какъ глухонѣмой.

— Вы рѣшительно отказываетесь назвать лицо, съ которымъ вы были?

— Да.

Харченко криво усмѣхнулся.

— Почему?

Молчаніе.

— Значитъ, вы признаете свою вину?

— Я признаю только фактъ.

— Этого вполнѣ достаточно. Я этотъ „фактъ“ передамъ на усмотрѣніе г. директора.

На лицѣ Трубчевскаго угроза не вызвала никакого измѣненія. Харченко же не сводилъ съ лица ученика пристальнаго, упорнаго взгляда и про себя удивлялся заворенѣлости „перваго ушеуйнива въ гимназіи“. Выдержавъ паузу, онъ опять началъ:

— Да, Трубчевскій, такіе „факты“ не могутъ быть терпимы. Что-нибудь одно: или бульвары, или гимназія, а позорить учебное заведеніе вамъ не позволять. Вы уже давно висите на волоскѣ, и этотъ волосокъ вы оборвете собственной рукой,—я вамъ предсказываю. Вы не гимназистъ, вы — „бульвардѣ“, у васъ и внѣшность какая-то бульварная: что это за волосы вы отпустили,

что это за усы? Какіе могутъ быть усы у воспитанника средняго учебнаго заведенія? Пока вы въ гимназіи, я рекомендую вамъ эту украшенія снять, завтра же, чтобъ я не видѣлъ этого!

Читатель уже знакомъ съ поразительной слабостью Харченки въ гимназическимъ волосамъ. Ни одинъ человекъ никогда не преслѣдовалъ такъ своихъ злѣйшихъ враговъ, какъ преслѣдовалъ этотъ педагогъ волосы учениковъ. Этой слабостью своего наставника искусно воспользовался Трубчевскій, чтобы отвлечь разговоръ въ другую сторону.

— У меня, Петръ Ивановичъ, совсѣмъ небольшіе волосы, это только такъ кажется...

— Я васъ прошу оставить эти разсужденія! Вы должны исполнять то, что вамъ велятъ и ничего больше! — И пощупавъ волосы Трубчевскаго рукой, Харченко прибавилъ тономъ искренняго негодованія:

— Это онъ называетъ — „небольшіе“, это, по его мнѣнію, короткіе волосы! Мнѣ нравится такое нахальство! Завтра же, чтобъ я этого не видѣлъ!

Перескочивъ на свою любимую тему, Харченко еще долгонько говорилъ о волосахъ, но уходя все-таки повторилъ, что о „вчерашнемъ“ онъ доведетъ до свѣдѣнія директора.

Проводивъ глазами учителя, Трубчевскій вздохнулъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ, хотя на душѣ у него было такъ скверно, что ему не хотѣлось идти въ классъ и видѣть „рожу историка“. Задумчивый, грустный онъ подошелъ къ окну, выходившему на улицу и опершись рукой о раму, съ тоской и завистью въ глазахъ смотрѣлъ на мелькавшихъ извозчиковъ, на снующихъ взадъ-впередъ прохожихъ, на громыхавшихъ ломовыхъ.

— Вѣдь вотъ живутъ же люди. Свободные, независимые: по своей волѣ ходятъ, по своей волѣ работаютъ, любятъ. А ты, какъ проклятый, всегда подъ пятой, всегда, какъ связанный, шагъ не смѣешь ступить безъ того, чтобъ на тебя не накинуды сѣтки, какъ на быка въ испанскихъ циркахъ. И волосы твои, и душу твою одинаково подъ гребенку стригутъ: не смѣть отпускать больше чѣмъ на вершокъ!.. И мѣрочка-то какая „халдейская“ — „халдеи“ все на вершокъ мѣряютъ, другой мѣры у нихъ нѣтъ!

— Вы что же, г. Трубчевскій, не идете въ классъ? — вдругъ неожиданно раздался голосъ сзади Трубчевскаго.

Трубчевскій вздрогнулъ и обернулся. Передъ нимъ стоялъ „Именинникъ“, всегда расхаживавшій по корридору во время уроковъ.

— Я сейчасъ, — машинально отвѣчалъ Трубчевскій и тутъ только исполнилъ, что Харченко ни одного слова не говорилъ съ нимъ объ инцидентѣ съ „Именинникомъ“.

— Что же это онъ, не успѣлъ пожаловаться или „доложилъ“ только инспектору? — съ удивленіемъ подумалъ Трубчевскій и, искоса поглядѣвъ въ лицо надзирателя, удивился еще больше: румяное лицо „Именинника“, сверхъ всякаго обыкновенія, было сосредоточенно и грустно.

— Животъ, должно быть, болить, — со злостью подумалъ Трубчевскій, но тотчасъ же осѣлся, потому что „Именинникъ“ заговорилъ. Онъ отвернулся въ сторону, нахмурился еще больше и, сильно сопя, сказалъ.

— А я, г. Трубчевскій, ничего не докладывалъ г. инспектору... И не доложу-сь, Христось съ вами...

Тонъ этой фразы былъ таковъ, что въ глазахъ Трубчевскаго мгновенно вспыхнуло теплое, ласковое, любящее выраженіе и, тронутый до глубины души, онъ сразу не нашелъ даже отвѣта.

А „Именинникъ“, все также отвернувшись въ сторону, и по прежнему сопя, продолжалъ:

— И не скажу-сь, хотя и не знаю, за что вы хотѣли меня обидѣть...

— Голубчикъ, Дмитрій Лукичъ, извините меня, я виноватъ, я очень виноватъ предъ вами, но я... я...

Трубчевскій давно не слышалъ такихъ словъ въ гимназіи и не предполагалъ даже о возможности ихъ существованія. Поэтому онъ сразу, какъ-то мгновенно размякъ и, весь охваченный набѣжавшимъ теплымъ чувствомъ, влажными глазами глядѣлъ на надзирателя и безсвязно повторялъ:

— Простите меня, я былъ такъ невозможенъ, такъ грубъ, я не зналъ... я право... мнѣ такъ совѣстно, такъ стыдно...

Такое искреннее и горячее покаяніе растрогало и „Именинника“. Онъ засопѣлъ еще больше, забылъ о разницѣ положеній и, подавая руку ученику, дрогнувшимъ голосомъ заговорилъ:

— Ну ладно, ладно, помирились и все тутъ, и кончено...

— Голубчикъ, Дмитрій Лукичъ, не сердитесь... мнѣ такъ теперь стыдно, такъ стыдно... — лепеталъ растроганный Трубчевскій и почувствовалъ, что на глаза его набѣжали слезы, а въ горлѣ что-то защебетало.

XIV.

Харченко сдержалъ слово и доложилъ директору объ инцидентѣ на бульварѣ, но, въ немалому его удивленію, Чеботаевъ взглянулъ на дѣло совсѣмъ иными глазами. Онъ прямо заявилъ, что въ данномъ случаѣ считаетъ неумѣстнымъ всякое „дисциплинарное воздѣйствіе“ и даже попенялъ класному наставнику за излишнюю ретивость.

— Въ возрастѣ отъ 16 лѣтъ,—докторальнымъ тономъ заявилъ онъ,—я допускаю возможность сердечныхъ увлеченій и полагаю, что репрессія не должна имѣть здѣсь мѣста.

Это была первая неудача Харченки, первый случай, когда директоръ не только „не пошелъ навстрѣчу“ его мѣропріятіямъ, но даже осудилъ ихъ. Замѣтивъ, однако, что классный наставникъ очень смущенъ столь неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Чеботаевъ съ снисходительной улыбкой сказалъ ему маленькую рѣчь (иначе, какъ рѣчами, этотъ человекъ никогда не говорилъ и едва ли даже умѣлъ говорить).

— На нашихъ плечахъ, добрыйшій Петръ Ивановичъ, лежатъ заботы вышшаго порядка, и мы должны фиксировать свое вниманіе на другомъ, на главнѣйшемъ: мы обязаны, такъ сказать, „блиндировать“ молодежь, сдѣлать ее недоступной, нечувствительной для воздѣйствія темныхъ силъ подпольной пропаганды. Вотъ наша первая и важнѣйшая задача. Я считалъ бы для себя позоромъ и безчестьемъ, еслибы хоть одинъ изъ тѣхъ юношей, которыхъ я пропустилъ черезъ мои руки, впоследствии, въ университетѣ, свихнулся бы и скомпрометировалъ такимъ образомъ ту школу, которая не сумѣла уберечь его отъ Собакевичей нигилизма. Это я считаю главнымъ. А амурная сторона—она скорѣе помогаетъ, чѣмъ вредитъ намъ. Я, по крайней мѣрѣ, того мнѣнія, что любовь — прекрасный горчичникъ, хорошо вытягивающій бредовыя увлеченія.

Совсѣмъ иначе отнесся Чеботаевъ къ стольновенію Трубчевскаго съ учителемъ исторіи. Тутъ онъ видѣлъ открытое, дерзкое нарушеніе дисциплины и поступилъ, быть можетъ, даже съ чрезмерной строгостью. Трубчевскому была назначена цѣлая серія наказаній: строгій выговоръ изъ устъ директора, занесеніе въ штрафной журналъ, тройка изъ поведенія и 24 часа карцера. Этотъ приговоръ показался гимназистамъ „баснословно-свирѣпымъ“, но впечатлѣніе, произведенное имъ, усилилось еще больше, когда Харченко, по порученію директора, предупредилъ весь классъ, что на будущее время отказъ стать въ уголъ вызоветъ специальное наказаніе, придуманное ad hoc.

— Кто не исполнитъ требованія преподавателя, — со свойственнымъ ему спокойствіемъ сказалъ Харченко, — и позволитъ себѣ отказаться подчиниться приказанію, тотъ въ теченіе недѣли, каждую большую перемѣну, будетъ стоять въ углу рекреационной залы, на глазахъ у всѣхъ. Если же это кому-нибудь покажется неудобнымъ, то ему предложатъ взять документы.

Это постановленіе директора вызвало цѣлую бурю негодованія; молодое самолюбіе гимназистовъ встало на дыбы: унижительный элементъ наказанія и опасность каждый день вылетѣть изъ гим-

назиі за здорово живешь возмутили всѣхъ до глубины души. Обижало больше всего то, что взрослыхъ гимназистовъ во всемъ приравнивають къ девятилѣтнимъ „приготовишкамъ“, что въ наказаніяхъ, какъ и во всемъ прочемъ, между солиднымъ „дядей“-восьмиклассникомъ и десятилѣтнимъ мальчуганомъ не проводится никакой разницы. Это казалось издѣвательствомъ, попраніемъ челоуѣческаго достоинства, намѣреннымъ оскорбленіемъ. И потому, лишь только Харченко объявилъ постановленіе директора, какъ въ седьмомъ классѣ состоялся грандіознѣйшій митингъ негодованія, который привелъ къ значительнымъ послѣдствіямъ.

Какъ и всегда бываетъ на митингахъ подобнаго рода, гимназисты простымъ крикомъ выражали свое неудовольствіе. Отдѣльныхъ рѣчей не было и всѣ говорили вразъ.

- Пусть исключаютъ, чортъ съ ними!
- Но, какъ вамъ нравится эта подлость? а?
- Всѣхъ въ уголь, отъ мала до велика!
- Двадцатилѣтнихъ парней—въ уголь носомъ!
- Господа! Ни-за-что этому не подчиняться!
- Низачто!
- Низачто!..
- Пусть выгоняютъ!
- Пусть записываютъ въ штрафной журналъ.
- Пусть хоть на цѣлый годъ сажаютъ въ карцеръ.
- Начихать на журналъ.
- Плевать на карцеръ.
- Подлецъ, кто станетъ въ уголь!

Общественное негодованіе достигло своего высшаго напряженія. Взынченные, возбужденные гимназисты вскакивали на парты, стучали ногами, швыряли объ полъ и о стѣны ранцы, пеналы, учебники. По странной случайности общее возбужденіе съ особенной интенсивностью обрушилось на неизвѣстно кому принадлежавшій учебникъ Иловайскаго. Этотъ учебникъ то и дѣло перелеталъ, трепеща всѣми своими страницами, съ одного угла класса въ другой, гдѣ его въ ту же секунду подхватывали и среди общаго гама и крика съ неистовой злобой, съ лютымъ остервенѣніемъ швыряли въ стѣну, въ потолокъ, въ печь. Въ концѣ концовъ, Иловаискій не выдержалъ и рассыпался, но и тогда народная ярость не улеглась: гимназисты подхватывали изорванныя, смятыя страницы, комкали ихъ и съ прежнимъ ожесточеніемъ швыряли во всѣхъ направленіяхъ.

Среди этой свалки, оглушенный криками и общимъ неистовствомъ, уже давно безпомощно метался Дорошенко и осипшимъ голосомъ умолялъ товарищей разрѣшить ему „слово“. Но страсти такъ расходились, что гулъ общаго негодованія совсѣмъ покры-

валъ слабый голосъ гимназическаго „Мирабо“: его никто не слушалъ да и не могъ слушать. Напрасно „Мирабо“ взбѣгалъ на кафедрѣ и отчаянными жестами призывалъ къ порядку разбушевавшуюся толпу, — шумъ только возрасталъ. Тогда, наконецъ, „Мирабо“ ухватился, какъ за якорь спасенія, за Робеспьера-Трубчевскаго. Вытащивъ его изъ толпы за рукавъ, онъ прокричалъ ему въ самое ухо.

— Скажи имъ своимъ баритономъ, чтобы на одну минуту стихли.

Трубчевскій кивнулъ въ знакъ согласія головой и, приложивъ руки трубою ко рту, на весь классъ гаркнулъ:

— Чер-рти-и-и!.. За-мол-чи-те на одну ми-ну-у-ту: гетманъ хочетъ говор-р-р-и-и-ты!..

Могучій голосъ Трубчевскаго безъ труда покрылъ общій крикъ, и классъ, хотя не сразу, но сталъ стихать.

А Дорошенко уже стоялъ на кафедрѣ съ своими горящими карими глазами и вибрирующимъ отъ волненія голосомъ выкрикивалъ:

— Господа! Вы сами видите, что претензіи „халдеевъ“ не имѣютъ конца! Вы сами видите, что наше ярмо съ каждымъ днемъ все больнѣе рѣжетъ намъ шею, и что не далеко тотъ день...

— Къ дѣлу, гетманъ!

— Ближе къ дѣлу!..

— Не ораторствуй!.. — слышались со всѣхъ сторонъ нетерпѣливые голоса.

— Господа! Не перебивайте, я буду вратокъ! Я хотѣлъ только сдѣлать слѣдующее предложеніе. По моему, господа одного пассивнаго сопротивленія недостаточно; мало только не исполнить требованія, мало только отказаться — необходимо сдѣлать такъ, чтобы насъ не могли унижать, вотъ въ чемъ штука, господа! И я предлагаю способъ добиться этого!

„Способъ“ очень заинтересовалъ гимназистовъ. Они совсѣмъ стихли, повскакивали съ мѣстъ и тѣснымъ кольцомъ окружили кафедру. А Дорошенко, довольный, что ему удалось, наконецъ, привлечь общее вниманіе, сталъ говорить увѣреннѣе и смѣлѣе.

— Господа! Собственными силами мы, конечно, мало, даже, собственно говоря, ни черта не сдѣлаемъ—въ этомъ нужно сознаться. Но если мы соединимся съ нашими родителями, если мы убѣдимъ родителей подать прошеніе о томъ, чтобы навазанія, оскорбляющія человѣческое достоинство, были отмѣнены, чтобы гимназическія правила дѣлали разницу между взрослыми людьми и десятилѣтними дѣтьми,—тогда, господа, я глубоко убѣжденъ...

Тутъ Дорошенко долженъ былъ невольно остановиться, такъ какъ классъ загудѣлъ, заволновался и буквально застоналъ отъ

криковъ. Повидимому, мысль о прошеніи всѣмъ пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу.

- Прошеніе!..—на всѣ лады кричали ученики.
- Родители должны вмѣшаться!
- Обязаны!
- Не имѣютъ права не вмѣшаться!..

Тщетно Дорошенко махалъ руками, стучалъ кулаками и даже ногами о каѳедру—его никто не слушалъ. Пришлось опять прибѣгнуть къ баритону Трубчевскаго. Подозвавъ при помощи жестовъ пріятеля, Дорошенко крикнулъ ему въ ухо.

— Скажи имъ!..

Трубчевскій покорно приложилъ руки къ губамъ, оперся для устойчивости спиной о каѳедру и во всю мочь гаркнулъ:

— Чер-р-р-ти! Дайте же человѣку дово-о-нчить!..

Какъ ни были возбуждены „черти“, но голосъ Трубчевскаго они услышали и черезъ минуту Дорошенко получилъ возможность продолжать.

— Господа! Я еще не знаю... Да слушайте же, чортъ васъ возьми... Я еще не знаю, какъ вы отнесетесь къ моему предложенію...

- Одобряемъ! Одобряемъ!
- Предложеніе принято!
- Единогласно и безусловно!

— Да дайте же, ради Христа, договорить! Если принято, то тѣмъ лучше. Но, во всякомъ случаѣ, его надо обсудить серьезно! Здѣсь, въ классѣ, мы не можемъ этого сдѣлать, потому что каждую минуту можетъ войти „халдей“ и митингъ будетъ сорванъ. Поэтому, господа, я предлагаю слѣдующее: мы всѣ, сію минуту, отправляемся въ „клубъ“, избираемъ предсѣдателя и подъ его руководствомъ ведемъ пренія. Въ то же время мы даемъ знать пятому, шестому и восьмому классу—пусть каждый пришлетъ по два делегата! Принимаете вы такое предложеніе?

Бурные аплодисменты и крики „браво“ были отвѣтомъ оратору.

— Господа! Въ „клубъ“! Въ „клубъ“!

Меньше чѣмъ черезъ пять минутъ „клубъ“ былъ до такой степени переполненъ, что не было гдѣ упасть яблоку.

Надо сказать правду: „клубъ“ менѣе всего былъ приспособленъ для парламентскихъ засѣданій, и самая атмосфера его далеко не располагала къ пламеннымъ рѣчамъ. Но, къ сожалѣнію, у гимназистовъ не было другого выбора. Всѣ знали, что, кромѣ „клуба“, буквально некуда было дѣться и всѣ давно привыкли къ мысли, что школьная общественная жизнь всегда замыкалась въ предѣлы отхожаго мѣста. Это до такой степени вошло въ

*

обычай и въ нравы гимназій, до такой степени приросло къ ней, что ни учителямъ, ни ученикамъ и въ голову никогда не западала мысль, что школьные интересы гимназистовъ, ихъ пробуждающіеся запросы на свою общественную жизнь и самая эта общественная жизнь—могутъ зарождаться и протекать гдѣ-нибудь за предѣлами ватеръ-влозета. Всѣ къ этому приглядѣлись и никого это не коробило. Гимназисты привыкли не замѣчать окружающей обстановки и прозаическія стѣны „клуба“ видѣли на своемъ вѣку много благороднѣйшаго энтузіазма, много горячихъ рѣчей, много искренняго паеоса...

На импровизированномъ митингѣ предсѣдателемъ единогласно былъ избранъ Дорошенко. По установившемся обычаю, онъ влѣзъ на подоконникъ, чтобы всѣмъ его было видно, и оттуда долженъ былъ руководить преніями, пользуясь, вмѣсто звонка, собственными ладонями. Кромѣ него, никто не пользовался правомъ бить въ ладоши. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что и Дорошенкѣ очень рѣдко приходилось прибѣгать къ этому импровизированному звонку: участники митинга вели себя образцово. Это уже не было то разбушевавшееся стадо, которое до хрипоты орало въ классѣ: здѣсь всѣ чувствовали себя членами общества, занятого обсужденіемъ серьезнаго дѣла, всѣ чувствовали себя отвѣтственными передъ той дисциплиной, которой добровольно согласились подчиниться и всѣмъ было стыдно показать себя мальчишками, а не взрослыми людьми.

Когда явились депутаты отъ другихъ классовъ и вопросъ о петиціи прошелъ единогласно, предсѣдатель предложилъ собранію избрать лицо для составленія примѣрнаго текста петиціи и, съ своей стороны, указавъ на Савицкаго, какъ на перваго „стилиста въ гимназій“.

Вопросъ прошелъ безъ преній и собраніе единогласно постановило избрать Савицкаго и обязать его черезъ два дня представить текстъ петиціи. Савицкій съ комическимъ видомъ благодарилъ за довѣріе, а предсѣдатель, указавъ на важное значеніе петиціи, предложилъ собранію намѣтить хотя бы въ общихъ чертахъ ея основные принципы.

— Не желаетъ ли, господа, кто-нибудь высказаться съ принципиальной точки зрѣнія?—закончилъ онъ свою рѣчь.

Изъ толпы протискался Мельниковъ.

— Я прошу слова.

Предсѣдатель троекратно стукнулъ въ ладоши и возгласилъ:

— Слово принадлежитъ Мольникову.

— Господа!—началъ Мельниковъ.—Счастливая мысль Дорошенки о петиціи мнѣ представляется дѣломъ очень большой общественной важности, такъ сказать. Поэтому, господа, разъ мы

набрели на эту мысль, то ее необходимо, по возможности, развить до ея логическаго конца... поэтому я предлагаю маленькую поправку: не будемъ просить *только* о смягченіи наказаній. Мы, напримѣръ, т.-е. не мы, конечно, а наши родители могутъ попросить, чтобы отмѣнили и массу другихъ правилъ, напримѣръ невозможное правило, запрещающее ходить въ театръ на галерку. „Халден“ съ легкимъ сердцемъ ввели этотъ законъ, якобы съ той цѣлью, чтобы мы не смѣшивались съ „чернью“ и не заражались отъ нея „хамскими“ привычками. Но, слава Богу, мы не потомки Рюрика: многіе изъ насъ вышли и до сихъ поръ живутъ въ средѣ той самой „черни“, отъ которой насъ такъ тщательно берегутъ въ театрѣ. Поэтому, господа, я предлагаю внести въ петицію и этотъ пунктъ и просить, чтобы театръ не считали школой „хорошаго тона“ и открыли его и для гимназистовъ-бѣдняковъ!

— Bravo, Мельниковъ!

— Молодецъ, bravo!

— Прекрасно...—послышались голоса со всѣхъ сторонъ, Дорошенко забилъ въ ладоши, призывая къ порядку.

— Господа, я ставлю на баллотировку предложеніе Мельникова. Угодно вамъ ввести это предложеніе, какъ дополнительный параграфъ къ петиціи? Кому не угодно, подымите руку!

Ни одна рука не поднялась.

— Кто еще, господа, желаетъ высказаться?

— Я прошу слова,—раздался изъ толпы робкій, неувѣренный голосъ.

— Слово принадлежитъ Варшавчику!

Весь красный отъ смущенія, застѣнчивый Варшавчикъ испуганно заморгалъ своими огромными глазами и началъ:

— Я, господа, насчетъ книгъ, т.-е. библиотекъ, или правильнѣе сказать чтенія. Какъ вы знаете, намъ запрещено пользоваться книгами изъ частныхъ библиотекъ, мы можемъ брать только изъ гимназической библиотеки, а въ гимназической библиотеки ни черта нѣтъ. Выходить, такимъ образомъ, довольно большое безобразіе, и я думаю, господа, что его надо внести въ петицію, т.-е. чтобы намъ разрѣшили читать... Больше я, господа, ничего не имѣю сказать...

Стыдливый Варшавчикъ совсѣмъ заробѣлъ на людяхъ и конфузливо замѣшался въ толпу. А Дорошенко поставилъ на баллотировку его предложеніе и, когда оно единогласно прошло, разрѣшилъ слово Савицкому. Въ противоположность Варшавчику, Савицкій говорилъ чрезвычайно спокойно, точно не въ собраніи, а наединѣ съ пріятелемъ. Въ его красивыхъ синихъ глазахъ свѣтился огонекъ юмора и по всему лицу то и дѣло мелькала добродушная усмѣшка.

— Я, господа, насчетъ запрещенія ходить по улицамъ послѣ семи часовъ вечера. Это, господа, во-истину адамантъ „халдейскаго“ законодательства! Я возьму въ примѣръ хоть себя. Я даю уроки и этимъ, какъ говорятъ черносалопницы, „снискиваю себѣ хотя скромное, но достаточное пропитаніе“. Но спрашивается, какимъ же образомъ я могу его снискивать, когда не пользуюсь правомъ ходить по улицѣ? Не на воздушномъ же шарѣ, чортъ возьми, мнѣ летать? А жить я, между тѣмъ, долженъ. И вотъ, чтобы имѣть хотя фѣктивное право хожденія, я практикую такой способъ: каждый разъ, выходя изъ дому, я беру аптечную бутылочку съ сигнатурками и съ рецептомъ, наливаю въ нее чаю, заворачиваю въ подходящую бумагу и кладу въ карманъ „на страхъ врагамъ“. Если на улицѣ меня нечистый столкнетъ съ „халдеемъ“ и меня спросятъ: „на какомъ основаніи вы въ половинѣ девятаго?“—я молча вынимаю бутылочку и докладываю: „ходилъ въ аптеку за лѣкарствомъ—тетка при смерти!“

Среди гимназистовъ раздался смѣхъ: миѳическая тетка Савицкаго всегда настраивала ихъ на веселый ладъ, и потому Дорошенко долженъ былъ пустить въ ходъ ладони, чтобы возстановить тишину и дать возможность Савицкому окончить рѣчь.

— Вы легко можете понять, господа,—продолжалъ Савицкій,— что бутылочка сохраняетъ силу аргумента только въ томъ случаѣ, если ее не каждый день показывать. Притомъ же, и тетка не можетъ же вѣчно находиться въ состояніи агоніи: въ концѣ концовъ, должна же и она рѣшиться на что-нибудь одно изъ двухъ—или умереть, или выздороветь, а это уже мѣняетъ дѣло и бутылочка теряетъ всякую силу. Такъ вотъ, господа! Я предлагаю включить въ петицію и этотъ вопросъ!.. Пусть каждый изъ насъ получитъ право навѣки разбить свою бутылочку!

Послѣ Савицкаго говорило еще нѣсколько человѣкъ, и предложенія сыпались, какъ изъ распоротаго мѣшка: у всякаго было что сказать и всякій спѣшилъ высказаться. Такъ, Харламовъ потребовалъ, чтобы въ петицію включили ходатайство о приѣмѣ въ гимназію евреевъ наравнѣ съ русскими, безъ всякихъ ограничительныхъ процентовъ: неистовый Калининъ, который почему-то опоздалъ на митингъ, явившись, немедленно же потребовалъ разрѣшенія кружковаго чтенія и отмѣны классическихъ языковъ, делегатъ восьмого класса выразилъ желаніе отмѣны военной гимнастики и всякихъ еще другихъ отмѣнъ и пр. Словомъ, говорили всѣ о томъ, что у всѣхъ давно наболѣло, что всѣмъ мѣшало жить. Всѣ предложенія предсѣдатель ставилъ на баллотировку, и постепенно петиція разрасталась почти до невѣроятныхъ размѣровъ.

Пока шли эти спѣшныя разсужденія (больше пяти минутъ

никому не позволялось говорить), Трубчевскій, слушавшій дебаты сначала съ напряженнымъ вниманіемъ, сталъ незамѣтно для самаго себя охладѣвать и къ концу митинга почувствовалъ непреодолимое желаніе смѣяться. Послѣ того, какъ Калининъ потребовалъ отмѣны классическихъ языковъ, онъ, не скрывая улыбки, попросилъ слова и, обведя все собраніе насмѣшливымъ взоромъ, началъ:

— Господа! Предшествовавшіе ораторы высказали такъ много хорошаго, что я поставленъ въ большое затрудненіе и положительно не знаю, чего бы еще намъ пожелать. Я поэтому могу просить лишь одного: чтобы въ петицію, въ видѣ отдѣльнаго параграфа, было включено ходатайство о томъ, чтобы директоръ Чеботаевъ былъ лишень всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и сосланъ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Послышавшееся со всѣхъ сторонъ сдержанное фырканье, а мѣстами шиканье помѣшало Трубчевскому договорить. Предсѣдатель же усиленно захлопалъ въ ладоши и, кое-какъ возстановивъ порядокъ, съ негодованіемъ объявилъ, что онъ лишаетъ Трубчевскаго слова.

— Отъ кого другого, но отъ тебя я никакъ не ожидалъ увидѣть зубоскальство, Трубчевскій!—весь красный отъ волненія, кривнуль Дорошенко.—Ты относишься въ общественному дѣлу, какъ гамень!

Трубчевскій не обидѣлся на слова пріятеля. Онъ вздернулъ плечами и съ добродушной улыбкой проговорилъ:

— Да ей-Богу же, господа, я смѣюсь только надъ тѣмъ, что смѣшно. Вы требуете, чтобы „халдеи“ сами себя высѣбли на манеръ унтеръ-офицерской вдовы. Неужели вы серьезно думаете, что хоть одно ваше требованіе будетъ уважено?

Эти слова значительно охладили пылъ собранія. Всѣ какъ-то сразу поняли, что зашли слишкомъ далеко и что петиція, если и будетъ подана, то ни на волосъ не измѣнитъ положеніе вещей! Разочарованіе повлекло за собой ослабленіе дисциплины и Дорошенко лишь послѣ героическихъ усилій водворилъ тишину и представилъ слово Харламову. Толстый и круглый, какъ медвѣжонокъ, заяка Харламовъ, сильно засопѣлъ носомъ, покраснѣлъ, и переведа наивные, чистые, какъ небо, глаза на Трубчевскаго сказалъ, волнуясь и заикаясь.

— Тру... Трубчевскій аб... абсолютно не правъ. Онъ сказалъ совершенный вздоръ, онъ сказалъ глупость, и я сейчасъ это докажу. Никто изъ насъ, господа, и не рассчитывалъ, конечно, что прошеніе перевернетъ вверхъ дномъ всю гимназію. Надѣяться на это смѣшно. Но оно имѣетъ важное значеніе потому, что

указываетъ на желаніе родителей, желаніе семьи, которая не признается совсѣмъ нынѣшней школой. Я не сомнѣваюсь, что петиція совсѣмъ провалится, что надъ нею будутъ только смѣяться. Но это ничего не значить. Пусть надъ нами смѣются, но мы должны говорить о своихъ нуждахъ, это наша, господа, обязанность! Можетъ быть, намъ оттого такъ и скверно, что мы всегда поджимаемъ хвостъ, что мы даже пищать не рѣшаемся, когда намъ больно!

— Совершенно вѣрно!

— Bravo, Харламовъ!

— Дѣльно! дѣльно... — посыпались со всѣхъ сторонъ одобренія.

Трубчевскій хотѣлъ было возражать, но не успѣлъ и рта раскрыть, такъ какъ въ „клубъ“, запыхавшись, влетѣлъ Кривцовъ и зловѣщимъ голосомъ прокричалъ:

— Инспекторъ!..

„Клубъ“ моментально стихъ и всѣ глаза обратились на входную дверь, откуда дѣйствительно показалась высокая фигура инспектора съ его библейской сѣдой бородой. Лица гимназистовъ, точно по командѣ, приняли безпечно-равнодушное выраженіе, а старикъ-инспекторъ сердито крикнулъ.

— Это еще что такое? Перемяна давно кончилась, пробилъ третій звонокъ, преподаватель въ классѣ, а они и ухомъ не ведутъ! Маршъ по мѣстамъ сію минуто. Что это за сборище такое? Это вы, Трубчевскій, здѣсь ораторствуете! Вы всегда здѣсь роль царька разыгрываете.

Трубчевскій привыкъ, что ему во всѣхъ исторіяхъ доставался первый внуть и шмыгнувъ изъ „клуба“ какъ вьюкъ, пробормоталъ:

— Туда же, еще и острить „старый дьяволъ!“

Хотя отрицательное отношеніе Трубчевскаго къ прошенію глубоко огорчило его ближайшихъ товарищей, но тѣмъ не менѣе оно принесло свою пользу, такъ какъ заставило гимназистовъ строже отнестись къ своимъ домогательствамъ и подвергнуть тщательной критической оцѣнкѣ каждое предложеніе, внесенное на общемъ собраніи. Рѣшено было не отягощать прошеніе утопическими пожеланіями, а просить только того, что могло быть разрѣшено единоличной властью попечителя учебнаго округа, или даже директора.

Какъ ни наивна сама по себѣ была вѣра гимназистовъ въ чудодѣйственную силу прошенія, какъ ни скоропалительно рѣшали они подчасъ самые сложные вопросы педагогической техники, но все-таки кое-какія основанія для надеждъ у нихъ были и зданіе свое они строили не вовсе на пескѣ. Дѣло въ томъ, что всѣ стѣсненія, объ отмѣнѣ которыхъ они хотѣли просить, имѣли такъ сказать, мѣстный характеръ. Всѣ эти педантическія стрижки,

хождение до 7-ми часовъ вечера, обязательные поклоны генераламъ и пр. и пр.—насаждались и поддерживались или попечителями учебныхъ округовъ, или же представляли собой плодъ педагогическихъ воззрѣній директоровъ и даже инспекторовъ. Гимназисты, напримѣръ, очень хорошо знали что южные учебные округа, и въ особенности тотъ, въ которомъ имъ самимъ привелось учиться, по своему режиму чрезвычайно рѣзко отличались отъ сѣверныхъ и ужъ совсѣмъ не могли идти въ сравненіе съ петербургскимъ. Они знали, что ихъ петербургскіе товарищи не несутъ и десятой доли тѣхъ тягостей школьной муштры, которая выпала въ удѣлъ имъ. Для нихъ точно также не было тайной, что всякое слово строгости, раздавшееся въ Петербургѣ, перелетая въ провинцію, разрасталось въ ней, какъ въ волосальномъ резонаторѣ до совершенно неожиданныхъ, ни съ чѣмъ не сообразныхъ размѣровъ.

Эти общія посылки позволяли сдѣлать логически правильное заключеніе: что если въ другихъ учебныхъ округахъ господствуютъ иные порядки, то, значить, и законъ, и министерскіе циркуляры допускали эти порядки, и, слѣдовательно, родители имѣли вполне законное основаніе желать, чтобы для ихъ дѣтей не создавали исключительно суроваго режима. Рѣчь, такимъ образомъ, могла идти только о формѣ, въ которой должно было выразиться это желаніе. По тщательномъ размышленіи, гимназисты рѣшили остановиться на прошеніи, которая имъ въ особенности улыбалась. Правда, они знали, что прошеніе — изобрѣтеніе иноземное и что въ Россіи они въ старину замѣнялись „челобитными“, а въ наше время „слезницами“, но тутъ на помощь были призваны соображенія о такъ называемомъ „сближеніи“. Въ ту пору идея сближенія семьи и школы была въ большомъ ходу. Ради сближенія, учителя ходили по квартирамъ учениковъ, знакомились съ родителями вступали съ ними въ бесѣды и вообще прилагали старанія, чтобы „поднять ихъ до себя“. Естественно, что и родители получали, такимъ образомъ, нѣкоторое основаніе идти навстрѣчу желаніямъ начальства и, съ своей стороны, сдѣлать попытку подняться до него. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи и должна была, по мысли гимназистовъ, служить петиція, въ которой родители могли бы высказать свое педагогическое сredo и тѣмъ какъ бы вбить первыя сваи того моста, который педагоги мечтали перекинуть между семьей и школой.

Всѣ эти соображенія были развиты на второмъ и третьемъ общемъ собраніи, которыя, какъ и первое, происходили все въ томъ же „влубѣ“ и подъ предсѣдательствомъ все того же Дорошенки. Эти собранія отличались отъ перваго значительной выдержкой и сповойствиемъ. Теперь ужъ предложенія не принимались

единогласно, имъ ужъ не аплодировали только потому, что они были „симпатичны“, а каждое изъ нихъ подвергали самой придирчивой, самой жестокой критикѣ, такъ что, въ концѣ концовъ, прежнее, грандіозное прошеніе значительно усохло и укоротилось до размѣровъ почти ничтожныхъ.

Скромность желаній гимназисты преслѣдовали не только потому, что рассчитывали этимъ легче склонить на уступку начальство, но еще и въ тѣхъ видахъ, чтобы не пугать родителей грандіозностью замысла, такъ какъ уже на первыхъ же порахъ выяснилось, что родители начинаютъ „кобениться“, какъ выразился Дорошенко.

XV.

Съ родителями, дѣйствительно, дѣла обстояли не совсѣмъ благополучно, и еще во время дебатовъ очень многіе гимназисты мысленно прикидывали, какъ отнесутся къ дѣлу ихъ отцы, и тутъ же про себя говорили.

— Ну, мой не захочетъ, — другіе подпишутъ, а подписей мы все-таки наберемъ чортову пропасть.

По мѣрѣ же того, какъ выработывался текстъ, становилось все болѣе и болѣе ясно, что по храбрости родители далеко отстали отъ гимназистовъ и что школьнаго начальства они боятся несравненно больше, чѣмъ ихъ сыновья.

Едва-ли не труднѣе всѣхъ приходилось въ этомъ случаѣ Дорошенкѣ. Онъ заранѣе былъ увѣренъ, что его отецъ ни за что не подпишетъ петиціи, и что ничего, кромѣ шутовой насмѣшки, невозможно было ожидать отъ упорнаго инженера. Дорошенко даже не хотѣлъ говорить отцу о грандіозномъ проектѣ, боясь какъ бы это не вызвало между ними ссоры и не испортило въ конецъ ихъ и безъ того холодныхъ отношеній. Однако, не сказать отцу ни слова сынъ считалъ себя не въ правѣ и, скрѣпя сердце, пошелъ на объясненіе.

Какъ-то за обѣдомъ, когда они были вдвоемъ, сынъ собрался съ духомъ и какъ бы невзначай сообщилъ:

— Папа, а у насъ въ гимназіи теперь идетъ рѣчь о томъ, чтобы родители подали попечителю коллективную просьбу...

Отецъ, не переставая хлебать супъ, поднялъ на сына свои маленькіе каріе глаза, въ которыхъ свѣтилось и любопытство и обычная насмѣшливость.

— О чемъ это? Если о томъ, чтобы сыновей-либераловъ почаще въ карцеръ сажали, такъ я первый подпишусь.

Насмѣшливое отношеніе отца, хотя и не было неожиданностью, но уязвило сына въ самое сердце. Ему было больно, что

отецъ никогда не говорить съ нимъ серьезно, и потому, чтобы избѣжать отцовскихъ шуточекъ, сынъ предпочелъ замолчать. Онъ уткнулся въ свою тарелку и пересталъ ѣсть.

— Никогда, никогда онъ не говорилъ со мной по-человѣчески, все сводить на шутку, точно я до сихъ поръ трехлѣтній ребенокъ.—И Дорошенко съ завистью вспомнилъ адмирала Трубчевскаго, который относился къ сыну, какъ къ другу, какъ къ равному.

— О чемъ же прошеніе-то? — полюбопытствовалъ, между тѣмъ, отецъ.

Сынъ вяло и неохотно, деревяннымъ тономъ передалъ ему суть дѣла, причемъ, не переставая, глядѣлъ на жирный отцовскій носъ. Этотъ носъ все морщился, точно инженеръ собирался чихнуть или расхохотаться и, когда сынъ закончилъ изложеніе петиціи, и носъ, и все лицо отца расплылось въ добродушную улыбку.

— Такъ чтобъ я подъ всѣмъ этимъ подписался? Хе-хе-хе... Хорошъ же я буду, если и въ самомъ дѣлѣ подамъ прошеніе: „Ваше, молю превосходительство! По встрѣтившейся надобности имѣю честь покорнѣйше просить немедленно ввести конституцію для приготовительнаго класса“. Хе-хе-хе... „Крайне, дескать, нужно“. Вѣдь этакое дурачье, право! И придумаютъ же такую штуку!... Хе-хе...

Сынъ какъ-то собралъ все свое лицо и съ холоднымъ спокойствіемъ равнодушно слушалъ смѣхъ отца. А отецъ, не сводя добродушно-насмѣшливаго взгляда съ фізіономіи сына, тѣмъ временемъ продолжалъ.

— А подумалъ ли ты о томъ, что если я сегодня подамъ такое прошеніе, такъ завтра черезъ полицію придетъ предписаніе отъ губернатора: „изслѣдовать умственныя способности инженера Дорошенки“... Ну, не дураки вы, а? Сознайся!...

Сынъ покраснѣлъ и, уставившись въ свою тарелку, съ горечью, дрогнувшимъ голосомъ произнесъ:

— Да, мы дураки!.. Дураки, потому что ищемъ защиты у своихъ отцовъ, потому что надѣемся на помощь семьи и думаемъ, что за насъ заступятся... Мы, дѣйствительно, большіе дураки.

— Вотъ уже и драматической монол-о-огъ,—шутливо протянулъ инженеръ.—Либералы только тѣмъ и занимаются, что передѣлываютъ водевили въ драму... Кто же и въ чемъ, скажи на милость, васъ обижаетъ, чтобы за васъ надо было заступиться?

— Я вамъ говорилъ, кто и въ чемъ,—не подымая глазъ, сухо уронилъ сынъ.

— А я ей-ей не понимаю. Ты говоришь, либералы недовольны, что имъ можно ходить только до 7-ми часовъ. А я ду-

маю, что для либераловъ и до 6-ти много. Съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ, либералы будутъ шататься по ночамъ?

— Папа, прекратимъ лучше этотъ разговоръ. Вы выяснили свою точку зрѣнія и значить, о чемъ же толковать?

Сынъ проговорилъ это раздражительно, даже съ гнѣвомъ, но этотъ тонъ только еще больше развеселилъ отца.

— Да почему же и не потолковать? Я тебѣ серьезно говорю, что не понимаю, чего вы хотите. Да вы и сами не понимаете. Ну, что такое значить, напримѣръ, — разрѣшать вамъ чтеніе книгъ изъ библіотекъ, когда вы сами его давно себѣ разрѣшили. Что, ты считаешься, кто-нибудь изъ твоихъ либераловъ считается съ этимъ запрещеніемъ? Да вы плевать хотѣли! У тебя, напримѣръ, и сейчасъ подъ тюфякомъ цѣлая библіотека запрещенныхъ книгъ. Кстати сказать, за эти книги когда-нибудь да выгонять тебя изъ гимназіи, непременно выгонять.

На всѣ эти доводы отца сынъ упорно не возражалъ ни слова и упрямо каталъ по столу шарикъ изъ хлѣба. Впрочемъ, молчаніе сына не смущало отца. Онъ былъ радъ, что нашелъ благодарную тему и могъ подразнить „желторотыхъ либераловъ“. До самаго конца обѣда онъ очень охотно доказывалъ сыну, что всѣ его товарищи-гимназисты — дураки, и притомъ самаго безнадежнаго, „либеральнаго“ свойства.

— Начитаются своего Фердинанда Лассалья, а потомъ и ну „петицію“ сочинять: дескать, и мы не лѣвой ногой сморкаемся; какъ же можно намъ, либеральнымъ чижикамъ, безъ петиціи, когда всѣ передовыя націи надоѣдаютъ начальству петиціями. И намъ, значить, пожалуйста. Да и какая же, чортъ возьми, это цивилизація, когда ни одной петиціи, и когда самъ „Фердинандъ“ всю жизнь петиціями занимался. Охъ, ужъ этотъ мнѣ „Фердинандъ“, будь онъ неладень!..

Инженеръ Дорошенко питалъ необъяснимую антипатію къ Лассалю, и хотя не прочиталъ ни строки изъ твореній знаменитаго германскаго гиганта, но тѣмъ не менѣе въ разговорахъ съ сыномъ никогда не упускалъ случая, чтобы не „заушить“ жидовскаго либерала“. И теперь, вспомнивъ про Лассалья и вставая изъ-за стола, чтобы идти спать, инженеръ съ особеннымъ удовольствіемъ остановился на любезномъ его сердцу предметѣ.

— Да, это все онъ, все „Фердинандъ“, побрали-бъ его черти! Сколько этотъ еврейчикъ русскихъ дураковъ съ панталыку сбилъ — выговорить страшно! И когда, наконецъ, вы его раскусите? Сдѣлали себѣ божка и носятъ съ нимъ! Фердинандъ Лассаль — подумаешь, какая птица! И съ какой стати *Фердинандъ*? Христіанское имя и вдругъ еврейчикъ носить — на какомъ основаніи? Почему не Шлемка, не Янкель не Исакъ? Почему непременно

Фердинандъ? Вѣдь этокое нахальство жидовское! Страсть какая-то ко всему поддѣльному, ко всему фальшивому... Русскій человѣкъ никогда на такіе псевдонимы не поднимается. Не стану же я, напримѣръ, называть себя Джузеппе Дорошенко, когда я всего на всего Осипъ Дорошенко?...

Вдосталь насладившись разговоромъ о Лассалѣ, инженеръ сладко потянулся всѣмъ своимъ плотнымъ, крѣпкимъ тѣломъ, хрустнулъ пальцами и тяжелой походкой слишкомъ основательно пообѣдавашаго человѣка побрелъ спать. А сынъ еще долго сидѣлъ за столомъ и разсѣянно каталъ свой шарикъ изъ хлѣба. Его смуглое лицо съ пушкомъ на верхней губѣ и съ длинными загнутыми рѣсницами, за которыя товарищи прозвали его „Віемъ“, было безнадежно печально. Разладъ съ отцомъ все больше и больше тяготилъ его и подымалъ со дна души какія-то неясныя, но тоскливыя чувства. Правда, нынѣшній разговоръ ничего новаго не прибавилъ, но онъ, какъ волнение на морѣ, поднялъ со дна песокъ и замутилъ прозрачную, чистую воду.

— Скорѣй бы, скорѣй отсюда!—мысленно шепталъ гимназистъ и чувствовалъ, что вся его душа рвется вонъ изъ чиннаго, спокойнаго и сытаго отцовскаго дома.

— Скорѣй на вольный Божій свѣтъ!..

Божій свѣтъ въ представленіи Дорошенки обыкновенно замыкался въ предѣлы университета, дальше котораго его воображеніе не шло. Но зато университетъ оно разрисовывало такими яркими, густыми красками, что при одной мысли о возможности попасть, наконецъ, туда, спирало въ груди дыханіе. Для Дорошенки университетъ съ четвертаго класса былъ магнитомъ, притягивавшимъ къ себѣ всѣ его помыслы, всѣ мечты, всѣ надежды. Онъ увлекалъ его, главнымъ образомъ, потому, что за порогомъ университета прекращалось подопечное состояніе, что только тамъ онъ могъ почувствовать себя свободнымъ, полноправнымъ человѣкомъ.

— Всѣ эти родители, — мечталъ онъ, — всѣ мучители, учителя, попечители — все это останется тамъ, позади, все это свалится съ его плечъ и потеряетъ свою власть надъ нимъ, независимымъ и самостоятельнымъ *человѣкомъ*. О! въ университетѣ онъ непременно будетъ самостоятеленъ. Нивакія силы не заставятъ его допустить матеріальную зависимость отъ отца, и ни одна отцовская копѣйка — чего бы это ни стоило — не ляжетъ камнемъ на его душу.

Отъ мечтавій оторвала гимназиста прислуга, пришедшая убирать со стола. Онъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, и мысли его снова перепрыгнули на петицію. Петиція за послѣдніе дни такъ завладѣла всѣмъ его существомъ, что ни о чемъ другомъ онъ не могъ ни думать, ни говорить.

Насобираемъ ли подписей, удастся ли раскочать родителей и что вообще представляютъ собой эти загадочные родители?—таковы были постоянныя мысли Дорошенки, мучившіе его и днемъ, и ночью. Родители безпокоили его въ особенности. Въ его воображеніи они сливались въ какую-то загадочную, сѣрую массу случайныхъ людей, поведенія которыхъ никакъ нельзя было предугадать заранѣе: могутъ и въ сторону шарахнуть, какъ перепуганныя телята, но съ другой стороны могутъ, какъ овцы, увлеченныя примѣромъ, побѣжать въ одну сторону, и какъ разъ туда, куда нужно. Дорошенкѣ мучительно хотѣлось угадать, куда именно они побѣгутъ. Онъ даже всякій день ходилъ къ знакомымъ гимназистамъ и, со свойственнымъ ему жаромъ, на всѣ лады доказывалъ родителямъ, что они, изъ любви къ сыновьямъ и изъ уваженія къ себѣ, должны подать свой голосъ въ защиту собственныхъ дѣтей. Но чѣмъ больше ходилъ Дорошенко, тѣмъ тоскливѣе у него становилось на душѣ и тѣмъ яснѣе для него было, что родители по самую шею вросли въ то болото, на которое забросила ихъ судьба и что надобны силы Геркулеса, чтобы вытащить ихъ хоть на вершокъ.

Сегодня Дорошенко рѣшилъ идти къ Варшавчику, который давно уже звалъ его, чтобы общими силами сдѣлать натискъ на мать и убѣдить ее, что петиція вещь вполне безопасная.

— Легко сказать—убѣдить. А сунься-во убѣди ее, когда у нея съ дѣтства душа въ пятки ушла, да тамъ и осталась.

Изъ дому онъ вышелъ озабоченный и печальный.

XVI.

Мать Варшавчика была по профессіи акушерка, а по происхожденію еврейка. Очень рано овдовѣвъ (всего на осмынадцатомъ году), она прошла долгую школу страданій и терпѣнія. Едва похоронивъ мужа, она должна была оставить насиженное мѣсто, покинуть друзей и переѣхать въ другой городъ. Въ чужомъ городѣ, безъ гроша денегъ, съ ребенкомъ на рукахъ, она поселилась въ углахъ и, до обморока работая, по недѣлямъ голодала. Днемъ она поштучно шила юбки на толкучій рынокъ, а ночью готовилась къ экзамену на акушерку. Цѣлыхъ три года тянулась эта отчаянная, безумная борьба съ голодной смертью и кончилась побѣдой—ее приняли на курсы. Это былъ первый радостный день послѣ смерти мужа и въ этотъ день она въ первый разъ плакала радостными слезами. Но курсы принесли съ собой только ту перемѣну, что она теперь училась днемъ, а работала ночью, работы же еще прибавилось, и въ концу ученія

эта молодая, красивая, изящная женщина превратилась въ худенькаго нервнаго заморыша съ плоскою грудью, съ блѣднымъ лицомъ и съ остановившимися въ какомъ-то нѣмомъ испугѣ глазами. Но теперь у нея была, по крайней мѣрѣ, надежда. Она мечтала уѣхать въ деревню, пока подрастетъ сынъ, мечтала поправиться, отдохнуть и хоть годъ, другой не дышать промозглой атмосферой угловъ, не ходить по вонючимъ лѣстницамъ, не угорать каждый день отъ кухоннаго чада. Но, увы! ни одна изъ этихъ надеждъ не сбылась. Такъ и не уѣхала она никуда изъ своихъ угловъ и только привлекла на своемъ окнѣ маленькую бумажную вывѣску, въ родѣ тѣхъ, что выставляются о сдачѣ комнаты: „Акушерка Варшавчикъ. Бѣдныя бесплатно“.

Вначалѣ эта вывѣска почти совсѣмъ не защищала отъ голода, и только когда къ слову „акушерка“ прибавилась „и массажистка“, дѣла пошли лучше, и къ тому времени, когда нужно было отдавать сына въ гимназію, судьба обернулась къ бѣдной женщицѣ лицомъ и окончательно вырвала ее изъ лапъ нужды.

И Варшавчика, и его мать Дорошенко засталъ за горячимъ споромъ. Рѣчь шла все о той же злосчастной петиціи. Мать, видимо, горячилась и нервничала: на ея блѣдныхъ щекахъ пятнами выступилъ румянецъ, а большіе, какъ у сына, темные глаза горѣли недобримъ блескомъ. Дорошенко замѣтилъ, что даже уши у нея были красны.

Съ гостемъ акушерка поздоровалась сдержанно и сухо, а сынъ, уловивъ эту сухость, привѣтствовалъ товарища съ особенной теплотой.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—никакъ не могу убѣдить ее подписаться—боится.

— И не скрываю, что боюсь! — нервно бросила мать и вызывающе посмотрѣла на гимназистовъ.— Да, и не скрываю, насколько не скрываю, потому что намъ, нечего совать свой носъ въ эту затѣю!

— Да почему же, madame Варшавчикъ, — учтиво спросилъ Дорошенко? (На югѣ въ еврейскихъ семьяхъ не въ обычаѣ называть знакомыхъ по имени отчеству).

— А вашъ отецъ, monsieur Дорошенко, подпишется?

Теперь уже Дорошенко былъ застигнутъ врасплохъ. Онъ давно боялся этого вопроса и потому совсѣмъ смутился и покраснѣлъ.

— Мой отецъ, собственно, не подписался и не подпишется, но онъ...

Лицо акушерки вспыхнуло радостью и, переходя въ наступленіе, она съ торжествомъ воскликнула.

— А! Онъ не подписалъ, вы говорите, онъ не подпишетъ даже! Этого довольно! Я тоже не подпишу!

— Мама,—вмѣшался въ разговоръ все время смущенно молчавшій Варшавчикъ,—что ты такъ ухватила за Дорошенкинаго отца? Какъ будто это развязываетъ тебѣ руки, какъ будто...

— А ты молчи!—рѣзко оборвала акушерка сына.—Ты долженъ знать, что ты жидовское отродье, что если ты еще дышишь, такъ только потому, что молчишь! Понялъ?

Дорошенко въ отчаяніи хлопнулъ себя по поламъ своей сѣрой блузы.

— Да побойтесь Бога, мадаме Варшавчикъ!

Но акушерка заткнула уши и, выбѣгая въ другую комнату, прокричала:

— И слышать не хочу! Скорѣй отдамъ руку на отсѣченіе, чѣмъ буду подписывать такія вещи!..

Столь категорическая форма отказа повергла обоихъ гимназистовъ въ крайнее смущеніе. Дорошенко, склонивъ голову, молча сидѣлъ у рабочаго стола товарища и барабанилъ пальцами по переплету лежавшаго тутъ Горація. А Варшавчикъ смущенными, виноватыми глазами старался заглянуть въ лицо пріятеля, чтобы прочесть, очень ли осуждаетъ онъ его мать. Ему больно было при одной мысли, что Дорошенко истолкуетъ какъ-нибудь въ дурную сторону слова его матери и посмѣется надъ ея трусостью. Въ совершенномъ смущеніи, моргая своими огромными глазами, Варшавчикъ тихо пробормоталъ:

— Она всегда такая боязливая; думаетъ, что если она еврейка, такъ ей и на свѣтѣ нельзя жить... Она много намутила...

— Да, это видно,—вздохнувъ, сказалъ Дорошенко и поднялся, чтобы проститься.

— Ты куда?

— Пойду къ Савицкому.

— И я съ тобой. Хорошо?

— Отлично!..

Варшавчикъ суетливо напялил на свою большую голову фуражку, накиннулъ пальто и на ходу крикнулъ матери въ другую комнату.

— Мама, я ухожу къ Савицкому!

На улицѣ пріятели почти не разговаривали. Дорошенко шельхмурый и сосредоточенный, а Варшавчикъ то и дѣло бросалъ на него незамѣтные взгляды, все стараясь угадать, какъ отнесся его товарищъ къ матери и очень ли онъ ее осуждаетъ. Варшавчику чрезвычайно хотѣлось прямо спросить пріятеля, но мѣшала робость, и потому онъ, уже подходя къ дому, гдѣ жилъ Савицкій, началъ издалека, стараясь скрыть свое смущеніе.

— Моя мать очень за меня боится. Она всегда точно на

иголкахъ сидить, всегда дрожить, что меня выгонять изъ гимназій, что я не попаду въ университетъ...

— Да, она очень у тебя напуганная...—разсѣянно подалъ реплику Дорошенко.

— Страсть, какъ напугана! Она всегда производитъ впечатлѣніе трусихи. Но знаешь, ей, дѣйствительно, тяжело было. А въ сущности она совсѣмъ не такая, какъ кажется. Я знаю, что она намъ сочувствуетъ, что душой она на нашей сторонѣ. Если бы ты видѣлъ, какъ она волнуется и злится, когда я разсказываю ей о гимназій. Даже съ лица перемѣнится, поблѣднѣетъ вся, губу закусить, а глаза такъ и горять, такъ и горять... Право, она въ сущности совсѣмъ не такая, какъ кажется...— И помолчавъ немного Варшавчикъ прибавилъ:—Если бы ты у насъ чаще бывалъ, ты самъ бы увидѣлъ... На самомъ дѣлѣ она совсѣмъ, совсѣмъ другая...

Робкій тонъ и теплая искренность Варшавчика заставили Дорошенку поднять голову. Онъ замедлилъ шагъ, поглядѣлъ въ большіе мигающіе глаза пріятеля и ласково улыбнулся.

— Вотъ дуракъ! Ты, кажется, оправдываешься? Да я былъ бы послѣднимъ подлецомъ, если бы осудилъ твою мать.

Лицо Варшавчика расцвѣло радостной улыбкой.

— Правда? Ей-Богу?

— Вотъ дуракъ!—улыбаясь, отвѣтилъ Дорошенко и, ласково хлопнувъ пріятеля по спинѣ, воскликнулъ:

— Этакая идиотина!..

Савицкаго не было дома, когда къ нему пришли Варшавчикъ съ Дорошенкой. Но прислуга сказала, что онъ скоро придетъ, и потому оба рѣшили подождать и, разоблачившись, уложили свои пальто на кровати хозяина, какъ это дѣлали всѣ гости Савицкаго, за отсутствіемъ вѣшалки и даже гвоздя въ передней.

Комната Савицкаго, снимаемая имъ у дяди (на этотъ разъ самаго подлиннаго), пользовалась во всей гимназій громадной популярностью. Не было гимназиста старшихъ классовъ, который не побывалъ бы здѣсь хоть разъ въ недѣлю. Это было нѣчто вродѣ гимназическаго клуба, обставленнаго, впрочемъ, совсѣмъ по-спартански: узкій, длинный столъ, въ родѣ тѣхъ, какіе употребляютъ чертежниками и обойными мастерами, подюжины стульевъ, сосновыя полки для книгъ и искалѣченная этажерка въ углу—такова была вся несложная обстановка этого обиталища. Во всей комнатѣ не было и намека на ученическія принадлежности; ни географической карты на стѣнѣ, ни глобуса, ни даже какого-нибудь учебника или тетради. Всѣ свои ученическія принадлежности Савицкій хранилъ въ ранцѣ, подъ кроватью, и гордился

тѣмъ, что въ его комнатѣ „не оскорбляла зрѣніе гимназическая требуха“. За то, вмѣсто учебниковъ, въ комнатѣ, какъ въ газетной редакціи, была тѣма всевозможныхъ газетъ, русскихъ и иностранныхъ, и десятка полтора разложенныхъ на столѣ журналовъ. Всѣ эти сокровища Савицкій приносилъ изъ редакціи „на потребу всей братіи“, и хотя сокровища не отличались свѣжестью (журналы были за прошлый и позапрошлый мѣсяць, а газеты отставали на цѣлую недѣлю), но въ глазахъ гимназистовъ это былъ сущій кладъ. Они отъ души посылали заочныя благодарности благодушному старичку-редактору и слетались къ Савицкому, какъ мухи на медъ. Савицкій такъ привыкъ, что въ комнатѣ его была, какъ говорится, нетолченая труба, что вывѣсилъ даже надпись надъ своимъ столомъ:

„Самоваръ во всякое время можетъ поставить кухарка Аннушка. Чай, сахаръ и папиросы — на этажеркѣ; деньги въ столикѣ. Ни журналовъ, ни газетъ нельзя брать на домъ“.

На свою роль поставщика книгъ Савицкій смотрѣлъ, какъ на общественное служеніе, и организовалъ свой импровизированный „кабинетъ для чтенія“, о которомъ мечталъ еще въ шестомъ классѣ, съ единственной цѣлью дать возможность товарищамъ слѣдить за текущей журналистикой и литературой. Справедливость требуетъ отмѣтить, что впервые Савицкій попалъ на мысль о „кабинетѣ“ подъ вліяніемъ извѣстной уже читателю пресловутой рѣчи директора о вредѣ безсистемнаго чтенія.

Съ этой мыслью, которую Дорошенко назвалъ „геніальной“, Савицкій носился довольно долго и осуществилъ ее лишь при помощи своего друга Бернштейна, одного изъ вліятельнѣйшихъ сотрудниковъ мѣстной газеты. Планъ организаціи „кабинета“ былъ до тонкости разработанъ совмѣстно съ Дорошенкой, причемъ на совѣщанія, въ качествѣ „эксперта-мошенника“, всякій разъ приглашался Трубчевскій. Послѣдній завѣдывалъ, по собственному его выраженію, „отдѣломъ предосторожностей“ и долженъ былъ изыскать способъ такой организаціи „кабинета“, при которой „опасность со стороны „халдеевъ“ была бы доведена до возможнаго минимума“. Надо отдать справедливость Трубчевскому—онъ съ честью вышелъ изъ затрудненій и вполне оправдалъ репутацію „перваго въ гимназіи мошенника“. По его настояніямъ, была нанята квартира съ двумя входами: на одной и той же площадѣ лѣстницы было двѣ двери рядомъ, одна вела въ совершенно изолированный „кабинетъ“, другая въ квартиру дяди Савицкаго. Прислугѣ было строгойше внушено, что въ „кабинетъ“ можно впускать лишь гимназистовъ и особо указанныхъ лицъ, а когда барчука-Савицкаго будутъ спрашивать „штатскіе“, то вести ихъ прямо въ квартиру. Въ квартирѣ же

комната дяди-Савицкаго официально была превращена въ комнату гимназиста-Савицкаго, причемъ Трубчевскій, для отвода глазъ, соответствующимъ образомъ декорировалъ ее: наставилъ на этажеркѣ греческихъ и нѣмецкихъ словарей, поставилъ въ углу искалѣченный глобусъ, повѣсилъ на стѣнѣ гимназическую фуражку и старые коньки, а на противоположной стѣнѣ прибилъ большую карту Америки. Закончивъ такимъ образомъ „декоративную часть“, Трубчевскій, потирая руки отъ удовольствія, шуточно говорилъ, что если Харченко и заглянетъ сюда когда-нибудь, то ему ни за что „не открыть этой Америки“.

Надъ „Америкой“ гимназисты очень много потѣшались. Но они пришли въ совершенный восторгъ, когда Трубчевскій, въ качествѣ заключительнаго штриха въ декорации, прибилъ на дверяхъ „кабинета“ визитную карточку, на которой отчетливо было изображено: „Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Селифонтовъ“.

— Теперь ужъ ни одинъ чортъ не сунетъ сюда носа! — торжествуя говорилъ „декораторъ“.

Прошло добрыхъ полчаса, а Савицкій все еще не возвращался. Отъ скуки Дорошенко и Варшавчикъ попросили Аннушку поставить самоваръ и принялись за журналы. Перекидываясь время отъ времени коротенькими фразами, они предались тому кейфу, который такъ соблазняетъ гимназистовъ въ этой почти пустой, просторной, но низенькой комнатѣ. Оба чувствовали себя какъ дома и даже лучше чѣмъ дома, потому что въ квартирѣ родителей не было той безусловной свободы и совершенной непринужденности, какая всегда царствовала въ комнатѣ Савицкаго. Родственники Савицкаго никогда сюда не заглядывали и рѣшительно не беспокоили „читателей кабинета“. Это были очень бѣдные полуинтеллигентные люди, признававшіе умственный авторитетъ Савицкаго и дорожившіе той платой, которую получали съ племянника за квартиру и столъ.

За чтеніемъ незамѣтно пролетѣло и еще полчаса, а хозяина все не было.

— Однако, онъ сегодня съ значительнымъ опозданіемъ, — процѣдилъ Дорошенко, не отрываясь отъ „Русской Мысли“.

— Бѣгаетъ, бѣдняга, по урокамъ, — тоже не отрываясь отъ „Русской Старины“, буркнулъ Варшавчикъ, большой любитель исторіи.

Наступило опять молчаніе, но не надолго.

— Ты сказалъ — „бѣдняга“, — задумчиво промолвилъ Дорошенко, отрываясь отъ книги. — А почему? Въ концѣ концовъ, онъ устроился едва ли не лучше насъ всѣхъ: самъ себѣ панъ, и на всѣхъ плевать хотѣлъ. Такая независимость чего-нибудь да стоитъ.

*

— Но за то трудно ему, — тоже отрываясь отъ книги, задумчиво сказалъ Варшавчикъ. — Я даже не понимаю, какъ онъ успѣваетъ: и учится, и по урокамъ бѣгаетъ, и въ газетѣ пишетъ и читаетъ. И вѣдь нисколько не меньше насъ читаетъ... Моя мать всегда говоритъ, что онъ плохо кончитъ: надорвется и разстроитъ здоровье.

— Ну, это еще бабушка на двое сказала. Работаетъ онъ, это правда, какъ волъ, но за то живетъ полной жизнью, ничѣмъ никому не обязанъ, ничѣмъ...

Дорошенко не договорилъ своей фразы, потому что на лѣстницѣ послышались проворные шаги и вслѣдъ затѣмъ широко распахнулась дверь „кабинета“. На порогѣ показался хозяинъ.

— О! да у меня никакъ гости! — весело крикнулъ онъ и, не снимая ни пальто, ни фуражки. съ ожесточеніемъ потрясъ руки товарищей. — Здорово, черти!.. И самоварчикъ сварганили — вотъ здорово! Я, признаться, проголодался, какъ сорокъ тысячъ индусовъ! Въ двадцати мѣстахъ былъ, и хоть бы тебѣ одна собака стаканъ чаю предложила!

И блистая своими прелестными синими глазами, веселый и возбужденный, Савицкій сталъ разгружать свои карманы. На столѣ появилась всякая снѣдь: полфунта ветчины, булки, бублики, халва.

— Я сегодня за урочъ получилъ, — объяснилъ онъ происхождение этихъ предметовъ роскоши. — Налейте, братцы, и мнѣ чайку.

Варшавчикъ поглядѣлъ на Савицкаго глазами любящей женщины и съ удовольствіемъ, ясно написанномъ на лицѣ, принялся наливать чай.

Савицкій тѣмъ временемъ снялъ пальто и, не отходя отъ стола, швырнулъ его, сажени за двѣ, на кровать, потомъ, какъ былъ въ фуражкѣ и волошахъ, оторвалъ кусокъ булки, покрылъ его ломтемъ ветчины и съ нескрываемымъ наслажденіемъ отправилъ въ ротъ.

— Ыште! — едва ворочая языкомъ, пробормоталъ онъ и глазами указалъ на снѣдь. Но товарищи не были голодны и оказали честь лишь халвѣ.

— Ну, рассказывай, гдѣ былъ, что слышно!

— Чортъ знаетъ, гдѣ только не былъ! — не переставая жевать и плохо ворочая языкомъ въ набитомъ ртѣ, возбужденно говорилъ Савицкій. — Былъ на урокахъ, былъ у Вернштейна, былъ въ редакціи, у Ливанова и на секундочку забѣжалъ къ Трубчевскому.

— Ну что отецъ Трубчевскаго? — въ одинъ голосъ спросили и Дорошенко и Варшавчикъ. — Подпишетъ петицію?

Савицкій, глотая кусокъ, кивнулъ головой.

— Знаете, что сказалъ нашъ адмиралъ? Онъ сказалъ, что эта

петиція напоминаетъ ему крестовый походъ дѣтей, и что если дѣти поднялись въ походъ, такъ родителямъ не годится прятаться въ кусты!.. Какое?—восторженно закончилъ Савицкій.

При этихъ словахъ пріятеля, Варшавчикъ низко опустилъ голову къ столу, а Дорошенко отрывисто, лаконически сообщилъ Савицкому, что мать Варшавчика и его, Дорошенкинъ, отецъ отказались подписать. Ни одного слова о причинахъ отказа онъ не сообщилъ, и Савицкій изъ деликатности не только не сталъ спрашивать, но даже сказалъ задумчиво и грустно:

— Если бы мои родители были живы, они тоже, вѣроятно, отказались бы. Всѣ отказываются: давеча я къ Ливанову зашелъ, такъ его отецъ просто до потолка прыгаетъ. Перетрусилъ старикъ такъ, что чуть не заболѣлъ. Все кричитъ: „Мы не во Франціи! Вы, чего добраго попросите еще, чтобъ я на старости лѣтъ „марсельезу“ пѣлъ!“—Савицкій весело улыбнулся и, показывая всѣ свои молодые, бѣлые зубы, присовокупилъ со свойственнымъ ему юморомъ:—Какая ужъ къ чорту „марсельеза“, когда мы за всю свою жизнь ничего, кромѣ „комаринской“, не пѣвали!..

Но это замѣчаніе вызвало лишь слабую улыбку на лицахъ товарищей. Обои́мъ было грустно на душѣ, оба болѣли сердцемъ за своихъ родителей.

— Вообще, похоже на то,—нахмурившись сказалъ Дорошенко,—что наша петиція полетитъ ко всѣмъ чертямъ.

Савицкій развелъ руками.

— „Неизвѣстно будущее“, сказалъ Гоголь, и ему надо вѣрить: чортъ его знаетъ, что выйдетъ. Но дѣла идутъ, дѣйствительно, неважно. Кого ни спросишь: „ну что твои родители?“—только рукой махнетъ. Но представьте,—точно вспомнивъ что-то, весело крикнулъ Савицкій,—мать Мельникова подписалась! Хоть и неграмотная, а подписалась! И замѣьте, Мельниковъ ее не убѣждалъ, не приставалъ, а только объяснилъ: „такъ, молъ, и такъ, мама, вотъ родители моихъ товарищей хотятъ просить начальство, чтобъ намъ передышку дали. Хотите подписаться?“ И что же вы думали? Взяла прачка бумагу въ руки и съ наслажденіемъ три здоровеннѣйшихъ креста закатила! Вполнѣ сознательно закатила!

Варшавчикъ опять низко склонилъ голову, а Дорошенко не утерпѣлъ и въ порывѣ искренняго восхищенія крикнулъ:

— Молодецъ-баба! Ай, да прачка!..—И возбужденно забѣгавъ по комнатѣ, онъ прибавилъ:—Чортъ возьми, можетъ быть, мы еще повоюемъ!..

Три креста прачки настроили и Дорошенку, и Варшавчика съ Савицкимъ на самый оптимистическій ладъ. Они вслухъ мечтали о своей петиціи, строили тысячи всевозможныхъ предположеній, высказывали сотни самыхъ радужныхъ надеждъ и засидѣлись въ „читальнѣ“ далеко за полночь.

Провожая въ первомъ часу ночи пріятелей на лѣстницу, Савицкій убѣждалъ ихъ „вѣрить въ правое дѣло“.

— Знаете,—вспомнилъ онъ,—что сказалъ о петиціи Бернштейнъ? Онъ сказалъ, что петиція—это, во всякомъ случаѣ, экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, который мы устраиваемъ нашимъ родителямъ!.. Здорово сказано?

Менѣе чѣмъ недѣлю спустя, послѣ того, какъ была выработана окончательная редакція петиціи, съ несомнѣнной очевидностью выяснилось, что родители экзамена не выдержали. Результаты голосованія оказались самыя ничтожныя: седьмой классъ едва-едва насобиралъ лишь восемь подписей, шестой—три, пятый—пять, а восьмой—ни одной. Родители восьмилассниковъ полагали, что ихъ сыновья все равно кончаютъ въ этомъ году гимназію и, слѣдовательно, хлопотать не для кого и незачѣмъ. Такимъ образомъ, всего на всего было собрано шестнадцать подписей, да и изъ тѣхъ нѣкоторые были еще подъ сомнѣніемъ, такъ какъ многіе подписались лишь условно и просили снять ихъ подписи, если общее число подписавшихся будетъ менѣе ста человѣкъ. Въ день, когда эти итоги выяснились, въ комнатѣ Савицкаго опять былъ созванъ малый митингъ и на баллотировку былъ поставленъ вопросъ: идти ли до конца, или повернуть вспять?

Большинство стояло за то, что идти на срамъ и вѣрный провалъ нечего: но были и такіе, которые доказывали, что никакого срама здѣсь нѣтъ и что важно создать прецедентъ.

Во время этихъ дебатовъ Дорошенко хранилъ упорное молчаніе. Лицо его было пасмурно, глаза злые и весь онъ имѣлъ видъ человѣка, котораго обманули. Онъ разсѣянно слушалъ споры товарищей и заговорилъ только тогда, когда къ нему обратились съ прямымъ вопросомъ.

— Вы спрашиваете меня, что надо дѣлать съ прошеніемъ?—вставая и подходя къ столу, сказалъ онъ.—По моему, съ нимъ можно сдѣлать только вотъ что!

И схвативъ со стола тщательно, каллиграфически переписанное прошеніе онъ со злостью, съ искривившимся ртомъ разодралъ его на-двое.

— Вотъ что съ нимъ надо сдѣлать! Вотъ что надо сдѣлать, вотъ что съ нимъ!..—Дорошенко съ какимъ-то наслажденіемъ, со страстью терзалъ прошеніе, на мельчайшіе кусочки, точно врага, нанесшаго ему смертельное оскорбленіе. Потомъ, схвативъ эти кусочки въ руку, онъ швырнулъ ихъ въ сторону и кусочки бѣлымъ дождемъ рассыпались по комнатѣ.

А. Яблоновскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖЕНСКИЙ ТРУДЪ ВЪ НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ XIX ВѢКА *).

Въ жизни человѣчества существуютъ условные моменты, которые, хотя и ничѣмъ не отличаются отъ предшествующихъ и послѣдующихъ моментовъ, однако, являются удобнымъ поводомъ для подведенія итоговъ прошлаго и для учета надеждъ будущаго. Такой моментъ представляетъ наше вступленіе въ двадцатое столѣтіе. Много было пережито человѣчествомъ въ прошломъ XIX вѣкѣ, много новаго было имъ создано и проведено въ жизнь. Какъ все это отразилось на судьбахъ женской половины человѣческаго рода и что оно ей обѣщаетъ въ дальнѣйшемъ? Ставя себѣ эти вопросы, мы далеки, конечно, отъ мысли сказать что-либо новое, а желаемъ лишь подвести самые общіе итоги экономической исторіи женщины въ прошломъ столѣтіи, явившемся для нея рѣшающей и поворотной эпохой.

Съ незапамятныхъ временъ женщина является виднымъ работникомъ на хозяйственномъ поприщѣ. Въ первобытныхъ племенахъ на нее возлагаются даже самыя тяжелыя и неурядныя работы. Въ то время, какъ мужчина занятъ охотой, войной и другими благородными видами дѣятельности, женщина должна отыскивать дикіе плоды, таскать убитыхъ животныхъ, а съ возникновеніемъ земледѣлія заниматься полевыми работами. Позднѣе осѣдлость и болѣе мирный строй жизни внесли существенное измѣненіе въ характеръ труда женщины; послѣдняя сосредоточивается по преимуществу на веденіи домашняго хозяйства, на заботахъ по устройству дома, по приготовленію пищи, одежды и т. п. Такая роль домоправительницы и домохозяйки принадлежитъ ей въ теченіе всей древней и средневѣковой исторіи; типичной похвалой служило, напр., въ Римѣ изреченіе: «она сидитъ дома и ткеть». Однако, какъ въ первобытномъ хозяйствѣ, такъ и въ позднѣйшее время женщина остается въ полномъ подчиненіи мужчинѣ. Представители болѣе сильнаго пола являются домовладыками, властелинами судьбы какъ своихъ женъ, такъ и дѣтей. Эта власть выражается въ полной экономической и юридической зависимости женщины отъ отца семейства и доходитъ въ Римѣ даже до права мужа на жизнь жены. «Результъ-

*) Публичная лекція, прочитанная въ Томскѣ 3 февраля 1901 года.

таты труда женщинъ, — говоритъ Стетсонъ, — составляютъ собственность мужчины, вся ихъ дѣятельность опредѣляется его волей, а получаемыя ими средства существованія зависятъ отъ его власти». Широкая власть мужчины, возникшая изъ права сильного, была закрѣплена обычаемъ и правомъ на многія столѣтія. Главнымъ предназначеніемъ женщины было вступленіе въ бракъ, рожденіе и воспитаніе дѣтей. вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается своеобразное раздѣленіе функций двухъ половъ: мужчина добываетъ средства существованія во внѣ, а женщина завѣдуетъ потребленіемъ добытаго. Этими еще прочіе устанавливается экономическая зависимость замужней женщины. Что касается тѣхъ женщинъ, которыя не могли выдти замужъ, то онѣ оставались приживалками въ родѣ или семьѣ, а въ средніе вѣка нерѣдко поступали въ монастыри. Сосредоточеніе труда женщины на домашнемъ хозяйствѣ продолжается и въ эпоху новой исторіи, хотя здѣсь мы можемъ уже отиѣтити нѣкоторыя зачатки хозяйственной ея дѣятельности для рыска, напр., въ шелковомъ, шерстяномъ производствѣ, въ изготовленіи кружевъ, полотна и пр. Эти занятія ведутся, однако, преимущественно дома и сравнительно небольшой частью женскаго населенія. Вотъ почему они не останавливаютъ на себѣ ничего вниманія и не оказываютъ никакого вліянія на общее положеніе женщины.

Рѣшающее значеніе для судебъ женщины имѣло изобрѣтеніе машинъ въ концѣ XVIII вѣка и связанный съ нимъ промышленный переворотъ. Тяжелый физическій трудъ, выполнявшійся раньше ручнымъ рабочимъ, былъ переданъ теперь машинѣ, а человѣку остался только надзоръ и управленіе ею. Для этого достаточно было легкихъ усилій женскихъ и дѣтскихъ рукъ, которыя къ тому же отличались необходимымъ при максимальномъ производствѣ проворствомъ, точностью и гибкостью (напр., при связываніи рвущихся нитокъ); фабриканты сейчасъ же обратились къ труду этихъ новыхъ категорій рабочихъ, которыя вознаграждались болѣе дешевой заработной платой и представляли болѣе послушную и менѣе притязательную массу. Въ 1768 году въ Англіи была выстроена первая хлопчатобумажная прядильная фабрика, а черезъ 20 лѣтъ въ ней было уже 142 такихъ фабрики съ 26.000 рабочихъ мужчинъ, 35.000 дѣтей и 31.000 женщинъ. Чѣмъ болѣе развивалась новая крупная индустрія, тѣмъ значительнѣе становился притокъ женщинъ въ промышленныя предпріятія. Въ той же Англіи, долгое время пользовавшейся плодами творческаго генія англійскихъ изобрѣтателей, число фабричныхъ работницъ составляло 463.600 въ 1841 г. и 1.447.500 въ 1891 г., т.-е. увеличилось на 221%, въ то самое время, какъ число рабочихъ мужчинъ возрасло съ 1.030.600 чел. до 1.576.100, т.-е. на 53%. Приростъ всего женскаго трудящагося населенія точно такъ же сильнѣе, чѣмъ приростъ мужского. Если сравнить число женщинъ въ Англіи и Уэльсѣ, занятыхъ какимъ-либо промысловымъ трудомъ (то, что нѣмцы назы-

вають *erwerbstähige*, т.-е. трудящіяся въ земледѣліи, промышленности, торговлѣ и въ свободныхъ профессіяхъ) и работой въ качествѣ прислуги, то окажется что ихъ было

въ 1871 г.	3.322.280	человѣкъ.
» 1881 »	3.403.918	»
» 1891 »	4.016.320	»

Увеличеніе ихъ числа за 1871—1891 равняется 20,9%, въ то время, какъ число мужчинъ, занятыхъ всѣми видами промыслового труда, увеличилось за то же время только на 7,9%. За 1881—1891 гг. увеличеніе числа трудящихся женщинъ составило 15,22%, а увеличеніе числа мужчинъ 12,38%.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки число женщинъ, занятыхъ какимъ-нибудь промысловымъ трудомъ, возрасло съ 1.836.288 въ 1870 г. до 2.647.157 въ 1880 г. и 3.914.711 въ 1890 г., т.-е. процентъ возрастанія былъ равенъ 117%, а число мужчинъ возрасло за то же время съ 10,7 до 18,8 мил., т.-е. на 76%; за 1880—1890 гг. это возрастаніе равняется 47,8% для женщинъ и 27,6% для мужчинъ.

Въ Германіи, наконецъ, трудящихся для заработка женщинъ въ 1882 г. 5.541.517, а въ 1895 г. уже 6.578.350 человекъ, что составляетъ увеличеніе на 18,71%, тогда какъ среди мужчинъ процентъ увеличенія былъ 15,78%. Что касается Россіи, то въ ней мы имѣемъ данныя только о фабричномъ населеніи; число фабричныхъ работницъ быстро растетъ какъ абсолютно, такъ и относительно; въ 1885 г. онѣ составляли 30% общаго числа рабочихъ, а въ 1899 г. уже 44% (т.-е. 660.000 чел. изъ 1½ миллионъ). Итакъ, мы можемъ сказать, что появленіе машинной индустріи вовлекло въ самостоятельную хозяйственную дѣятельность много миллионъ женщинъ и что ростъ женскаго промыслового населенія въ теченіе всего XIX вѣка значительно превышаетъ ростъ мужского населенія.

Если мы сравнимъ число женщинъ, занятыхъ въ настоящее время какимъ-либо трудомъ, съ общимъ количествомъ женскаго населенія, то получимъ слѣдующіе результаты. Во всей Великобританіи въ 1891 г. изъ всего женскаго населенія въ 19.418.351 чел. посвящало себя промысловымъ занятіямъ 5.081.493 чел., т.-е. 26,2%, немного болѣе одной четверти всѣхъ женщинъ, въ Англіи и Уэльсѣ — 26,9%; въ то же время изъ всего мужского населенія трудящіеся составляли 62,6%, или свыше трехъ пятыхъ мужчинъ. Изъ числа женщинъ старше 10 лѣтъ было занято трудомъ въ 1881 г. 34,05%, а въ 1891 г. уже 34,42%. Въ Соединенныхъ Штатахъ процентъ трудящихся женщинъ къ женскому населенію старше 10 лѣтъ составлялъ:

въ 1870 г.	13,1%
» 1880 »	14,7 »
» 1890 »	17,0 »

Въ отношеніи ко всему женскому населенію процентъ трудящихся составлялъ въ 1890 г. 12,6%. Въ Германіи процентъ трудящихся женщинъ къ общему числу женщинъ составлялъ въ 1882 г. 23,9%, въ 1895 г. уже 24,96%, т.-е. четверть всѣхъ женщинъ, тогда какъ мужчинъ было занято какой-нибудь промысловой дѣятельностью 61%, или три пятыхъ мужского населенія. Точно такъ же во Франціи, по даннымъ переписи 1891 г., трудящихся для заработка женщинъ было 4,6 мил., или 24,1% женскаго населенія. Въ Австріи понятіе «промысловой дѣятельности» понимается очень широко, и потому процентъ женщинъ, занятыхъ ею, оказывается очень высокимъ, именно 47,7% всего женскаго населенія (5,8 мил. изъ 12,2 мил.).

По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ количество женщинъ, занятыхъ промысловой дѣятельностью, роль женщинъ въ общей трудовой дѣятельности страны становится относительно мужчинъ все значительнѣе.

На 100 занятыхъ лицъ обоого пола приходится *):

	мужчинъ	женщинъ
въ Англіи 1881 г.	69,59	30,41
» » 1891 »	61,12	38,88
» Соединенныхъ Штатахъ 1880 г.	84,78	15,22
» » » 1890 »	84,10	15,90
» Германіи 1882 г.	71,24	28,76
» » 1895 »	70,25	29,75
» Австріи 1880 г.	59,27	40,67
» » 1890 »	55,47	45,53

Всѣ приведенныя данныя достаточно показываютъ, что женщина приобрула въ экономической жизни современныхъ народовъ очень и очень видную роль. Чѣмъ же объясняется этотъ постоянно усиливающийся притокъ женскихъ силъ къ разнообразнѣйшимъ видамъ хозяйственной дѣятельности?

Первая причина,—на которую мы указывали раньше,—заключается въ томъ, что для фабрикантовъ было выгодно примѣненіе женскихъ силъ, въ виду ихъ дешевизны. Вторая же причина, которая побуждала женщину воспользоваться возможностью открывавшагося ей заработка, сводилась къ экономической необходимости. Прѣжняя патриархальная семья, соединявшая въ одно цѣлое массу лицъ и поддерживавшая общимъ трудомъ существованіе всѣхъ своихъ членовъ, стала разлагаться, родственныя связи стали ослабѣвать, а вмѣстѣ съ тѣмъ многія женщины, лишавшіяся поддержки родственниковъ и не выходящія замужъ, должны были искать себѣ самостоятельнаго заработка. Подъ влияніемъ этой причины въ XIX вѣкѣ сталъ особенно ощутительнымъ фактъ превышенія числа женщинъ надъ мужчинами въ Европѣ. Вѣ

*) Статя Lili Braun въ «Archiv für soc. Gesetzgebung», 1900, 1—2 Heft.

этой части свѣта на каждую тысячу мужчинъ въ среднемъ приходится 1.024 женщины; среди всего же населенія Европы женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ ни много, ни мало на 4.200.000 человекъ, въ частности въ Германіи на 952.000 чел., въ Англіи на 900.000 чел., въ Россіи на 1.319.000 чел. По отдѣльнымъ странамъ приходится на 1.000 мужчинъ женщинъ:

въ Норвегіи.....1.091	Голландіи.....1.024
» Швеціи.....1.065	Венгріи.....1.015
» Англіи.....1.064	Франціи.....1.014
» Швейцаріи.....1.057	Бельгіи.....1.005
» Даніи.....1.051	Италіи.....989
» Австріи.....1.044	Греціи.....929
» Германіи.....1.039	Соедин. Штатахъ... 952 (въ
	частности въ пріатлантичес-
	скихъ штатахъ 1.004—1.005
	женщ. въ центральныхъ
	928—961, въ западныхъ 698).

Это отношеніе половъ оказывается еще болѣе невыгоднымъ, если сравнивать мужчинъ и женщинъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ они главнымъ образомъ, вступаютъ въ бракъ. По вычисленіямъ Лили Браунъ, оказывается на каждую 1.000 мужчинъ въ возрастѣ 20—40 лѣтъ женщинъ:

въ Даніи.....1.102	Англіи.....1.098
» Швеціи.....1.096	Швейцаріи.....1.080
» Германіи.....1.054	Голландіи.....1.029 и т. д.
» Австріи.....1.047	

Если же взять мужчинъ въ главномъ ихъ брачномъ возрастѣ 25—45 лѣтъ и сравнить съ женщинами брачнаго возраста 20—40 лѣтъ, то на 1.000 мужчинъ придется еще больше женщинъ:

въ Германіи.....1.167	женщинъ.
» Австріи.....1.154	»
» Франціи.....1.069	»

Итакъ, фактически въ Германіи, напр., свыше $\frac{1}{4}$ милліона женщинъ въ брачномъ возрастѣ 20—40 лѣтъ не могли бы выйти замужъ, если бы даже женились всѣ мужчины соотвѣтственнаго возраста, во Франціи такихъ «несчастливыхъ» оказалось бы болѣе $\frac{1}{4}$ милліона человекъ.

Однако, мы предположили идеальный случай—именно вступленіе въ бракъ всѣхъ мужчинъ брачнаго возраста. Современная жизнь обнаруживаетъ постоянно уменьшающуюся склонность мужского пола вступать въ бракъ. Число браковъ на 1.000 жителей составляло:

	въ 1841—1850 гг.	въ 1881—1890 гг.
въ Германіи	8,05	7,77
» Англіи	8,05	7,47
» Франціи	7,94	7,38
» Даніи	7,87	7,33
» Голландіи	7,41	7,08
» Бельгіи	6,79	7,07
» Норвегіи	7,78	6,52
» Швеціи	7,27	6,26

Вездѣ обнаруживается сокращеніе браковъ, за исключеніемъ одной Бельгіи. Слѣдуетъ отмѣтить, что наибольшее паденіе брачности чувствуется въ болѣе состоятельныхъ слояхъ населенія, въ которыхъ возрастъ вступающихъ въ бракъ все повышается, а число лицъ, готовыхъ къ этому акту, сильно сокращается. Вслѣдствіе усиливающагося предубѣжденія мужчинъ къ браку, обусловливаемого постоянно растущей трудностью экономической борьбы, число женщинъ, не могущихъ выйти замужъ, еще болѣе умножается. Изъ нихъ образуется уже многомилліонная армія, требующая себѣ работы ради поддержанія существованія. По переписи Германіи въ 1890 г., около $\frac{1}{2}$ всѣхъ женщинъ было замужемъ; остальные распредѣляются такъ: 14,6 милліоновъ незамужнихъ и 2,2 милл. вдовыхъ. Предполагая, что замужнія женщины и дѣвушки моложе 20 лѣтъ не нуждаются въ заработкѣ, остается незамужнихъ и вдовъ свыше $5\frac{1}{2}$ милліоновъ. Въ 1895 г. изъ 16,88 милліоновъ женщинъ старше 16 лѣтъ было 5,88 милл. незамужнихъ и 2,21 вдовъ и разведенныхъ, въ суммѣ 8,09 милліоновъ чел.

Тотъ же фактъ выясняется для другихъ странъ изъ сопоставленія процента женщинъ старше 20 лѣтъ незамужнихъ, замужнихъ и вдовыхъ (для 1890 г.).

	Незамужнихъ.	Вдовыхъ.	Замужнихъ.
Бельгія	32 ⁰ / ₀	13 ⁰ / ₀	55 ⁰ / ₀
Австро-Венгрія	28 >	13 >	58 >
Ирландія	37 >	17 >	46 >
Шотландія	35 >	14 >	51 >
Англія и Уэльсъ	28 >	14 >	58 >
Соединенные Штаты	20 >	13 >	67 >

Итакъ, среди способныхъ къ браку женщинъ отъ $\frac{1}{2}$ до половины оказывается внѣ этого приближенія, долгое время считавшагося единственнымъ предназначеніемъ женщины.

Впрочемъ, слѣшимъ оговориться. Конечно, не всѣ женщины, которыя лишены возможности вступить въ бракъ, нуждаются непременно въ заработкѣ. Часть ихъ и при современныхъ условіяхъ живетъ на средства родителей или родныхъ, другія имѣютъ доходы отъ имущества, капиталовъ или, наконецъ, пользуются пенсіей. Если даже принять этихъ лицъ во вниманіе, то все-таки слѣдуетъ считать нуждаю-

щихся въ заработкѣ многими миллионами. Это подтверждается огромнымъ количествомъ женщинъ, занятыхъ въ настоящее время хозяйственной дѣятельностью, а также тѣмъ, что главный контингентъ трудящихся женщинъ состоитъ изъ незамужнихъ и вдовъ. Такъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки (по цензу 1890 г.) изъ всего числа занятыхъ хозяйственной дѣятельностью женщинъ старше 10 лѣтъ на незамужнихъ приходилось 69,8%, на вдовъ и разведенныхъ 17%, а на замужнихъ всего 13,2%. Изъ общаго числа всѣхъ незамужнихъ было занято промысловымъ трудомъ 28%, изъ числа вдовъ 29,3%, изъ числа разведенныхъ 49%, а изъ числа замужнихъ женщинъ всего 4,6%. Къ тому же среди 515.260 замужнихъ женщинъ было 269.258 цвѣтныхъ, занятыхъ, главнымъ образомъ, въ земледѣліи. Въ мануфактурныхъ и механическихъ производствахъ Соединенныхъ Штатовъ было занято всего 109.712 замужнихъ женщинъ (главнымъ образомъ, портнихи, модистки и швеи), въ ткацко-прядильной промышленности 23.018 и т. д. Въ Германіи изъ женщинъ старше 16 лѣтъ, занятыхъ промысловой дѣятельностью, на незамужнихъ падало 56%, на вдовъ 16% и на замужнихъ всего 18% *), тогда какъ среди мужского трудящагося населенія главный контингентъ составляли женатые (57%). Въ Англии не имѣется данныхъ о распредѣленіи всѣхъ трудящихся женщинъ по семейному состоянію. Цензъ 1891 г. позволяетъ судить только о нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности:

	% незамужнихъ и вдовъ.	% замужнихъ.
хлопчатобумажная въ Ланкаширѣ.....	58,9	41,1
кружевная въ Ноттингэмѣ	58,9	41,1
обуви въ Норагамптонѣ.....	57,8	42,7
ковровая въ Киддерминстерѣ.....	68,1	31,9
шерстяной одежды въ Геддерсфильдѣ	72,7	27,3
шерстяной пряжи въ Брадфордѣ	75,6	24,4
стеклянное въ Прескотѣ	83,5	16,5 ит. д.

Если значительнѣйшая часть работницъ принадлежитъ къ незамужнимъ, то не мало среди нихъ и замужнихъ. Чѣмъ объясняется это явление? Несомнѣнно, стремленіемъ жены доставить семьѣ дополнительный доходъ. Въ трудящихся классахъ нерѣдки случаи, когда заработокъ главы семьи падаетъ вслѣдствіе конкуренціи, или вслѣдствіе кризиса, безработицы и т. п. По статистикѣ бюджетовъ рабочихъ семействъ, оказывается, напр., что въ штатѣ Нью-Джарсеѣ заработка мужа не хватаетъ на 13% общей суммы расходовъ семьи, въ Массачузетсѣ 30%, въ Великобританіи 41%, въ Германіи 18%. При такомъ положеніи, жены начинаютъ также заниматься промысловымъ трудомъ. Въ 1899 г. былъ произведенъ въ Берлинѣ и Шарлоттенбургѣ опросъ

*) Абсолютныя цифры: 3.940.711 незамужнихъ, 1.057.653 замужнихъ и 974.931 вдовы.

замужнихъ работницъ въ числѣ 8.029 (составлявшихъ 18% общаго числа работницъ старше 16 лѣтъ) о причинахъ, которыя побудили ихъ къ работѣ. Громадная масса указала въ качествѣ такой причины на недостатокъ заработка мужа, нѣкоторыя, живущія отдѣльно отъ мужа, на отсутствіе какихъ-либо источниковъ средствъ. Точно также специальная анкета о трудѣ замужнихъ женщинъ въ Баденѣ и отчетъ фабричныхъ инспекторовъ Баваріи за 1889 годъ указываютъ на недостатокъ средствъ существованія семьи, какъ на главную причину фабричной работы замужнихъ женщинъ.

Итакъ, основнымъ побужденіемъ, заставляющимъ женщинъ—незамужнихъ и замужнихъ—искать себѣ оплачиваемыхъ занятій, является недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Наряду съ нимъ серьезную роль играетъ и общее стремленіе къ самостоятельности, къ освобожденію личности, которое развивается въ XIX столѣтіи. Исканіе заработка явилось протестомъ женщины противъ многолѣтняго рабства, протявъ приниженаго и безправнаго ея положенія. Развитіе духа индивидуализма побуждало къ самостоятельной хозяйственной дѣятельности даже такихъ женщинъ, которыя по семейнымъ условіямъ вовсе не нуждались въ заработкѣ. Наконецъ, пробужденіе самосознанія женщины сопровождалось часто желаніемъ принять активное участіе въ кипучей жизни народа, выйти изъ рамокъ домашняго хозяйства и очага и проявлять себя самостоятельно извнѣ. Въ этомъ выразилось то общее естественное стремленіе къ дѣятельности, къ труду, которое присуще всякому здоровому человѣку.

Остановимся на болѣе подробномъ распредѣленіи женскихъ рабочихъ силъ по различнымъ областямъ народнаго хозяйства. Въ Соединенныхъ Штатахъ наибольшее число женщинъ было занято въ 1890 г. домашнимъ услуженіемъ и личными услугами, именно 1.667.698 чел. *). Въ обрабатывающей промышленности ихъ было 1.027.242 **), въ сельскомъ хозяйствѣ и горномъ дѣлѣ 679.523, свободными профессіями было занято 311.687 женщинъ, торговлей и перевозочной промышленностью 228.421. За 1880—1890 гг. число занятыхъ женщинъ увеличилось въ такомъ разиѣрѣ:

въ торговлѣ и перевозкѣ	на	263%
» свободныхъ профессіяхъ	»	76%
» промышленности	»	63%
» услуженіи и личныхъ услугахъ	»	41%
» сельскомъ хозяйствѣ	»	14,3%

*) Въ частности 1.216.639 чел. домашней прислуги, 216.631 прачекъ, 41.396 нянекъ и акушерокъ, 86.089 экономокъ и прислуги на пароходахъ, 32.593 содержательницъ меблированныхъ комнатъ и пансіоновъ.

**) Въ частности 288.328 портнихъ, 223.658 работницъ въ ткацко-прядильныхъ фабрикахъ, 168.040 швей, 60.087 модистокъ, 27.991 работницъ на табачныхъ и сигарныхъ фабрикахъ и т. д.

Въ Великобританіи, по переписи 1891 года (Англія, Шотландія, Ирландія), главный контингентъ трудящихся женщинъ приходится на промышленность—2.383.521 женщина *), затѣмъ на домашнюю прислугу и занятыхъ личными услугами—2.170.233 чел., на женщинъ-чиновниковъ и свободныхъ профессій—306.741, на земледѣліе и рыболовство—173.202 и на торговлю—47.796 человекъ.

Въ Германіи, по переписи 1895 г., было занято какимъ-нибудь промысловымъ трудомъ 5,26 мил. женщинъ, прислугой 1,81 мил. Въ частности изъ 5,26 мил. женщинъ 2,75 миліоновъ приходилось на сельское и лѣсное хозяйство, 1,52 миліона—на промышленность и горное дѣло, 580.000 женщинъ—на торговлю и перевозочную промышленность, 230.000 женщинъ на наемную работу всякаго рода и 180.000—на общественную службу и либеральныя профессіи **). Увеличеніе женскаго труда противъ 1882 г. произошло больше всего въ торговлѣ и перевозочномъ дѣлѣ—на 94,4%, въ общественной службѣ и свободныхъ профессіяхъ—на 53,2%, въ промышленности—на 35%, въ разной частной работѣ—на 27,2%, въ земледѣліи на 8,6% и прислуга на 2,5% (процентъ увеличенія и уменьшенія труда мужчинъ составлялъ по тѣмъ же отраслямъ — + 38,3%, + 33,2%, + 28,3%, — 7,1%, — 2,8% — 40,3%).

Въ Бельгіи, по предварительнымъ даннымъ промышленной переписи 1896 года, промысловое женское населеніе составляло 264.784 человекъ; изъ нихъ 109.280 женщинъ приходилось на производство одежды, 98.477—на обработку волокнистыхъ веществъ, 57.027—на прочія производства. Изъ общаго числа трудящихся женщинъ 77.058 было занято въ домашней промышленности.

Во Франціи изъ 4,1 миліона женщинъ, занятыхъ промысловымъ трудомъ, 1,8 мил. приходится на сельское хозяйство, 1,4 мил.—на промышленность, 600.000—на торговлю и перевозочное дѣло и 300.000—на свободныя профессіи и т. п.

Изъ сдѣланнаго обзора мы видимъ, что женщины трудятся больше всего въ домашнемъ производствѣ платья и бѣлья, въ качествѣ прислуги, торговыхъ служащихъ и работницъ на фабрикахъ, гдѣ не требуется большая физическая сила, главнымъ образомъ въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Женщины остались чуждыми сферамъ тяже-

*) Въ частности въ производствѣ платья было занято 883.824 женщины, на фабрикахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ 844.733, въ производствѣ пищи и строительномъ дѣлѣ 247.792, въ горной промышленности 77.956, въ обработкѣ дерева и другихъ растительныхъ матеріаловъ 65.517, въ переплетномъ и типографскомъ дѣлѣ 30.969 и т. д.

***) Въ частности производство платья и бѣлья занимало 713.021 женщинъ, промышленность по обработкѣ волокнистыхъ веществъ—427.961 женщинъ, торговля—299.829 женщинъ, трактирный промыселъ—261.450, производство пищи—140.333 женщины и т. д. Въ домашней крупной промышленности было занято—201.853 женщины.

лаго физическаго труда—мореплаванію, обработкѣ металловъ, большей части горнаго дѣла и т. п.

Мы констатировали колоссальный ростъ женскаго труда въ народномъ хозяйствѣ XIX столѣтія и попытались указать главныя причины этого роста. Однако, въ литературѣ, и жизни часто приходится слышать о недостаткѣ занятій для женщины, объ ограниченности для нея сферы приложенія труда. Какъ совмѣстить такую жалобу съ фактомъ хозяйственнаго труда многихъ милліоновъ женщинъ? Дѣло заключается въ томъ, что жалобы раздаются вовсе не въ тѣхъ областяхъ народнаго хозяйства, гдѣ женскій трудъ широко примѣняется, а въ сферѣ интеллигентныхъ, такъ называемыхъ «либеральныхъ» профессій. Оказывается, что здѣсь мужчины до послѣдняго времени всячески затрудняли, да и теперь часто затрудняютъ женщинамъ доступъ къ труду. Тамъ, гдѣ по образовательному уровню казалось бы естественнымъ ждать отъ мужского пола всякаго содѣйствія и сочувствія, женщина встрѣчаетъ враждебный отпоръ. Съ точки зрѣнія дѣлага народнаго хозяйства, жалобамъ на эти стѣсненія и ограниченія нельзя придавать особеннаго значенія. Число лицъ, могущихъ заняться свободными профессіями, совершенно тонетъ въ массѣ болѣе простаго промысловаго труда. Возьмемъ, напр., Великобританію. Въ ней свободными профессіями и общественной службой занято, кромѣ 306.741 женщинъ, еще 666.071 мужчинъ. Если женщина даже расширить приложеніе своихъ силъ въ этой области до размѣра мужскаго труда, то что значать здѣсь двѣ, даже три сотни тысячъ женщинъ по сравненію съ 4,8 милліонами женщинъ, занятыхъ въ прочихъ областяхъ хозяйства? Вопросъ объ интеллигентныхъ профессіяхъ выдвигался на первый планъ потому, что объ нихъ писали и говорили женщины, итѣвшія къ этому возможность. Этимъ и объясняется одностороннее освѣщеніе женскаго вопроса, какъ вопроса о расширеніи сферы труда женщины *). Это расширеніе давнымъ давно совершилось и продолжаетъ совершаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Главный центръ вопроса не въ этомъ, а въ улучшеніи условій труда и заработка женщины, о чемъ мы будемъ говорить ниже. Однако, отмѣчая односторонность постановки вопроса о женскомъ трудѣ, мы не хотимъ сказать, чтобы для женщины изъ образованныхъ классовъ не было нужно расширенія сферы ея трудовой дѣятельности. Эта женщина точно такъ же стремится къ экономической самостоятельности и къ обезпеченію себѣ средствъ существованія, какъ и простая работница. Ея требованіе вполне справедливо, согласуется съ общимъ ходомъ экономическаго развитія и постепенно получаетъ себѣ удовлетвореніе. Впервые борьба

*) «Центръ тяжести женскаго движенія,—говоритъ проф. Конъ,—заключается въ вопросѣ о развитіи и расширеніи промысловаго дѣятельности («Erwerbsthätigkeit») женщины и о сообщеніи ей для того нужнаго образованія» («Frauenbewegung», стр. 8).

за доступъ къ свободнымъ профессіямъ возгорѣлась въ половинѣ XIX столѣтія въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Всемирную извѣстность стяжали себѣ первая женщина-врачъ Блэкуэлль, первая проповѣдница-богословъ Броунъ и др. Понерки въ этой области должны были выдержать жестока преслѣдованія. Блэкуэлль долго не могла найти себѣ квартиру въ Нью-Йоркѣ, такъ какъ всѣ домохозяева отказывали «презрѣнной женщинѣ». Броунъ, блестяще сдавшая экзамены по богословію, была вычеркнута изъ списковъ окончившихъ испытанія за «неженственное поведеніе»; первыя проповѣдницы въ Америкѣ были осыпаны свистками и даже каменьями. Однако мужественныя женщины продолжали добиваться своей цѣли и въ результатѣ полувѣковыхъ усилій достигли очень существенныхъ результатовъ, особенно въ заокеанскихъ странахъ. Въ Австраліи господствуетъ въ настоящее время почти полное равенство обоихъ половъ въ хозяйственной дѣятельности. Широко участвуя въ матеріальномъ производствѣ страны, женщины занимаютъ должности фабричныхъ и школьныхъ инспекторовъ, государственныхъ чиновниковъ, служатъ по выборамъ, являются врачами, адвокатами, учительницами и пр. Въ Соединенныхъ Штатахъ женщинамъ открыты всѣ свободныя профессіи. Онѣ работаютъ въ качествѣ нотаріусовъ, школьныхъ и фабричныхъ инспекторовъ, прокуроровъ (въ Мичиганѣ), адвокатовъ (впервые въ 1869 г. въ Айовѣ, въ 1899 г. 275 женщинъ), врачей, общинныхъ старостъ, государственныхъ чиновниковъ, журналистовъ, статистиковъ; тамъ есть нѣсколько женщинъ-профессоровъ (Джэксонъ въ Бостонѣ по дѣтскимъ болѣзнямъ и Кампбелль въ Висконсинѣ по политической экономіи), министры народнаго просвѣщенія въ двухъ штатахъ и даже военные врачи-женщины съ чиномъ лейтенанта. Въ Англіи женщины могутъ быть врачами (съ 1876 г.), назначаются инспекторами по призрѣнію бѣдныхъ, по санитарной части, фабричными инспектрисами, окружными докторами больницъ, фармацевтами, чиновниками въ почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденіяхъ, въ сберегательныхъ кассахъ. Даже въ Россіи за послѣдніе годы замѣчается расширеніе интеллигентныхъ профессій женщинъ. Онѣ принимаются на службу въ министерствѣ земледѣлія, въ судебномъ вѣдомствѣ на мелкія должности, на желѣзныхъ дорогахъ, въ Государственномъ банкѣ; онѣ могутъ быть врачами, фармацевтами, учительницами не только низшихъ, но и среднихъ школъ *) и т. д. «Русскія женщины,—говоритъ нѣмецкая писательница Лили Броунъ,—въ качествѣ учительницъ могутъ справедливо считаться не только носительницами женскаго движенія, но и важнѣйшимъ факторомъ народнаго просвѣщенія и соціальнаго прогресса» **). Насколько разви-

*) Въ Россіи въ 1898 г., по свѣдѣніямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, учительницъ и преподавательницъ было 25.075 изъ общаго числа 84.121, т. е. 27%.

***) «Archiv für Sociale Gesetzgebung», 1900, 1—2 Heft, стр. 75.

вается дѣятельность женщинъ въ разсматриваемой области, видно изъ сопоставленія американскихъ цenzовъ 1870 г. и 1890 г. Число женщинъ было:

	въ 1870 г.	въ 1890 г.
проповѣдницъ	67	1.143
дантистовъ	24	337
журналистовъ	35	888
адвокатовъ	5	208
музыкантовъ и учительницъ музыки	5.753	34.519
чиновниковъ государства и самоуправления	414	4.875
врачей	527	4.557
учительницъ и профессоровъ	84.047	246.066
бухгалтеровъ	8.016	91.991
стенографистокъ и работающихъ на пишущихъ машинахъ	7	21.270

Итакъ, даже въ интеллигентныхъ профессіяхъ, гдѣ женщина встрѣчала до послѣдняго времени сильный антагонизмъ мужчины, замѣчается въ указанныхъ государствахъ значительное развитіе женскаго труда; однако, на континентѣ Европы женщинѣ все еще приходится бороться съ предрасудками и эгоизмомъ мужчинъ и предстоитъ завоевать себѣ равноправное положеніе.

Слѣдуетъ замѣтить, что опасность конкуренціи женщинъ для мужчинъ, выдвигаемая иногда, какъ аргументъ противъ занятій женщинъ, существуетъ болѣе въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Если мы указали выше на относительное увеличеніе доли женскаго труда по сравненію съ мужскимъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что женщина вытѣсняетъ мужчину изъ промысловой дѣятельности. Развивающаяся экономическая жизнь требуетъ все большаго количества рабочихъ силъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Вторыя растутъ быстрѣе первыхъ, и только. Если взять, напр., производство тканей въ Англіи и Уэльсѣ, то окажется, что за 1841—1891 гг. число мужчинъ-работниковъ увеличилось съ 343.200 до 430.500, а число женщинъ—съ 257.600 до 586.000; въ производствѣ одежды число мужчинъ возрасло за тѣ же 50 лѣтъ съ 343.6000 до 353.800, а число женщинъ съ 177.200 до 681.300. Въ свободныхъ профессіяхъ мужчинъ было въ 1881 г. 326.000, а въ 1891 г. 471.000, женщинъ за тѣ же годы 196.000 и 328.000. Слѣдовательно, нигдѣ увеличеніе трудящихся женщинъ не сопровождалось *уменьшеніемъ* числа мужчинъ (кроме домашней прислуги). На ряду съ этимъ значительно увеличилось число мужчинъ въ горномъ дѣлѣ, въ металлургическихъ производствахъ, въ машиностроеніи, на желѣзныхъ дорогахъ. Другими словами, женщины не столько вытѣсняютъ мужчинъ изъ ихъ даннаго занятія, сколько ведутъ къ постепенному перераспредѣленію вновь появляющихся рабочихъ силъ народа по различнымъ профессіямъ. Однѣ изъ этихъ про-

фессій становятся по преимуществу женскими (обработка волокнистыхъ матеріаловъ, производство платья, домашнее услуженіе, преподаваніе въ школахъ), другія, существовавшія ранѣе и вновь возникающія, привлекаютъ къ себѣ, главнымъ образомъ, мужскія силы (горное дѣло, желѣзныя дороги, электричество и его примѣненіе, машиностроеніе и др.). «Устраненіе мужчинъ изъ нѣкоторыхъ занятій,—говоритъ Сидней Веббъ,—отнюдь не сокращаетъ поля дѣятельности мужчинъ, такъ какъ на ряду съ этимъ процессомъ для нихъ открываются новыя отрасли труда». Вотъ почему мужчины-работчіе въ большинствѣ случаевъ относились и относятся вполне сочувственно къ своимъ новымъ товарищамъ по труду, открывая имъ доступъ какъ въ свои профессиональные союзы, такъ и политическія организаци. Случай отрицательнаго отношенія рабочихъ къ работницамъ очень рѣдки. Въ Соединенныхъ Штатахъ и Англіи нѣкоторые рабочіе союзы отказывались принимать въ свою среду женщинъ, во Франціи встрѣчались союзы, которые запрещали своимъ членамъ работать вмѣстѣ съ женщинами. Подобный образъ дѣйствій объясняется боязнью воображаемой конкуренціи женскаго труда. Въ нѣкоторыхъ категоріяхъ промышленности ростъ женскаго труда происходитъ за счетъ труда дѣтей. По мѣрѣ развитія законодательной охраны дѣтей и возвышенія предѣльнаго возраста, съ котораго допускается ихъ промышленная работа, дѣтскій трудъ сокращается, но за то разрастается женскій. Напр., число дѣтей 10 — 15 лѣтъ, занятыхъ въ промышленности Соединенныхъ Штатовъ, упало съ 1.118.356 въ 1880 г. до 603.013 въ 1890 г.; убыль этихъ рабочихъ силъ была возмѣщена женщинами. Точно также фабричный законъ 1891 г. въ Германіи повліялъ на замѣну дѣтей дѣвушками-подростками. Во всякомъ случаѣ, въ производствѣ хозяйственныхъ благъ, способномъ къ безпредѣльному расширенію, всякая новая рабочая сила является желанной, такъ какъ при надлежащемъ распредѣленіи всѣхъ силъ по специальностямъ общество получаетъ возможность полнѣе и шире удовлетворять свои потребности.

Теперь мы должны обратиться къ условіямъ женскаго труда, который намъ представляется центромъ тяжести экономической стороны женскаго вопроса.

Общая обстановка труда къ концу прошлаго вѣка, несомнѣнно измѣнилась къ лучшему по сравненію съ обстановкой въ началѣ столѣтія. Въ теченіе первыхъ десятилѣтій предпринимателямъ былъ предоставленъ полный производъ въ устройствѣ промышленныхъ заведеній. Имѣя въ виду возможно большую прибыль, они совершенно игнорировали интересы здоровья и жизни нанимаемыхъ рабочихъ. Коммиссіи, назначавшіяся англійскимъ парламентомъ въ 1816 г., 1833 г., 1842—1843 гг. для изслѣдованія положенія трудящихся на фабрикахъ женщинъ и дѣтей, впервые раскрыли ужасную картину, поразившую общественное мнѣніе и повлекшую за собой введеніе фабричныхъ законовъ. Та-

*

кимъ образомъ стали устраняться наиболѣе вопіющія темныя стороны промышленнаго труда женщинъ, хотя нельзя сказать, чтобы онѣ совершенно сгладились и въ настоящее время.

Прежде всего рабочій день отличался крайней продолжительностью. Въ началѣ вѣка въ промышленныхъ заведеніяхъ встрѣчается 15, 16 и 18 часовой рабочій день. Съ теченіемъ времени онъ сокращается на фабрикахъ до 12, 11, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ 10 и 9 часовъ въ сутки, смотря по государствамъ и отраслямъ промышленности. Длинный рабочій день продолжаетъ господствовать въ мастерскихъ ремесленниковъ и въ домашней промышленности. Въ 1863 г. была констатирована въ Лондонѣ смерть одной двадцатилѣтней модистки отъ чрезмерной работы; оказалось, что въ мастерской работали по 16 час. въ сутки, въ разгаръ же сезона хозяйка заставляла шить въ теченіе 30 часовъ безъ перерыва. Въ домашнемъ производствѣ платья, бѣлья, зонтовъ, галстуковъ и пр. и теперь встрѣчается 14—16-часовой рабочій день, особенно въ періодъ сезона. Въ Россіи наиболѣе тяжелъ рабочій день въ рогожныхъ заведеніяхъ; работница встаетъ въ 4 ч. утра и работаетъ до 2 час. ночи съ перерывомъ для сна отъ 2 до 6 ч. дня, слѣдовательно, работаетъ 18 час. въ сутки. Очень продолжителенъ рабочій день въ торговыхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ до послѣдняго времени достигалъ даже въ Англіи для взрослыхъ женщинъ 13—16 ч. въ сутки (75—90 час. въ недѣлю). «Приказчицы, — говорилось въ одномъ отчетѣ, — мѣняютъ въ теченіе всей недѣли до воскресенья конторку на постель и обратно». Такъ же продолжительна работа въ ресторанахъ и питейныхъ заведеніяхъ и работа домашней прислуги, во многихъ случаяхъ не имѣющая опредѣленныхъ предѣловъ рабочаго дня.

Ночной трудъ женщинъ практиковался въ первой половинѣ XIX столѣтія въ самыхъ широкихъ предѣлахъ наравнѣ съ мужчинами. Теперь онъ встрѣчается сравнительно рѣдко, главнымъ образомъ въ производствахъ непрерывнаго характера.

Санитарныя условія рабочихъ мастерскихъ были особенно ужасны въ началѣ прошлаго вѣка, такъ какъ совершенно пренебрегались предпринимателями. Вредные газы, пары, пыль, поднимавшіяся при многихъ производствахъ, проникали въ легкія, въ носъ и ротъ рабочихъ и вызвали различныя болѣзни, напр., въ производствѣ свинцовыхъ бѣлилъ и другихъ химическихъ продуктовъ, фосфорныхъ спичекъ, въ льнотрепальныхъ заведеніяхъ, при бѣленіи тканей (пары хлора), въ производствѣ типографскаго шрифта, въ резиновой промышленности, въ зеркальномъ производствѣ и т. д. Многія заведенія оказываются вредными для здоровья вслѣдствіе поддерживаемой высокой температуры и сырости. На ткацко-прядильныхъ фабрикахъ высокая температура нужна для доброкачественности продукта; при отсутствіи вентилляціи это ведетъ къ простудамъ и серьезнымъ груднымъ болѣзнямъ. Въ бѣляльныхъ заведеніяхъ Англіи (по отчету 1862 г.) имѣлись су-

сушильни съ 90 — 100 Фаренгейта, въ которыхъ работали дѣвочки; результатомъ ихъ занятій и рѣзкихъ переходовъ изъ мастерскихъ на улицу были—чахотка, бронхитъ, женскія болѣзни, истерія въ тяжелыхъ формахъ, ревматизмъ. Изъ такъ называемыхъ «мокрыхъ отдѣленій» суконныхъ фабрикъ Варшавскаго округа полураздѣтыя работницы ходятъ въ сушильню съ температурой въ 40° Цельсія, результатомъ чего являются постоянныя простуды.

Къ тому же санитарному неблагоустройству относится и недостатокъ кубическаго содержанія воздуха какъ въ рабочихъ, такъ и жилыхъ помѣщеніяхъ. Минимальной нормой кубическаго содержанія воздуха на человѣка считается 1 куб. сажень (20 — 25 куб. метровъ). Масса промышленныхъ заведеній даже въ настоящее время не удовлетворяетъ этому требованію. Въ мастерскихъ конфекціонной промышленности Берлина больше половины имѣютъ не свыше 12 куб. метровъ на работницу, въ сезонъ эта величина уменьшается до 6—9 куб. метровъ. Въ рогожныхъ фабрикахъ Московской губ. на человѣка приходится въ $\frac{2}{3}$ случаевъ по 0,4—0,8 куб. сажень. Недавно засѣдавшая коммиссія по изслѣдованію положенія женскаго труда въ Вѣнѣ отмѣчаетъ въ переплетномъ, коробочномъ, литографскомъ производствахъ душныя и сырыя помѣщенія работницъ, многія находятся въ подвалахъ, весь день освѣщенныхъ газомъ.

Жилыя помѣщенія рабочихъ тоже по большей части не удовлетворительны. Въ 60-хъ годахъ въ Брэдфордѣ констатированы сырыя, грязныя и темныя помѣщенія, въ которыхъ нѣсколько человѣкъ спятъ на одной кровати, часто не раздѣваясь и безъ различія пола и возраста. Въ Московской губ., въ Богородскомъ уѣздѣ, встрѣчались въ 70-хъ годахъ жилыя помѣщенія въ 12—13 куб. сажень для 90—100 рабочихъ! Въ Ярцевской мануфактурѣ господствовало въ 60-хъ годахъ въ общихъ спальняхъ полное смѣшеніе половъ и возрастовъ, причѣмъ на каждую постель приходилось не менѣе 2 человѣкъ; комнаты въ 13 куб. сажень вмѣщала въ будни 17 человѣкъ, а въ свободные дни до 40 чел., причѣмъ одни лежали на постели, а другіе—подъ постелью. Санитарное изслѣдованіе фабрикъ Московскимъ земствомъ въ 80-хъ годахъ показало, что обычная норма количества воздуха на рабочаго въ жилыхъ казармахъ не превышаетъ $\frac{1}{2}$ куб. сажени, спускаясь иногда до $\frac{1}{6}$ куб. саж. Фабричный инспекторъ Святловскій такъ описывалъ жилое помѣщеніе рабочихъ спичечной фабрики Черниговской губерніи: казармой служить чердакъ съ голыми стѣнами безъ оконъ; рабочіе всѣхъ возрастовъ и половъ спятъ въ повалку на голомъ полу, прижавшись другъ къ другу и не раздѣваясь.

Съ тѣснотой рабочаго помѣщенія связана и тѣснота расположенія машинъ, что при отсутствіи огражденій и предохранительныхъ приспособленій ведетъ къ частымъ несчастнымъ случаямъ. Особенно опасны въ этомъ отношеніи прядильныя и чесальныя машины, валы, зубчатые

колеса и пр., а женщины съ ихъ костюмами подвергаются большому риску, чѣмъ мужчины.

Самый промысловый трудъ работницъ часто влечетъ за собой тяжелыя послѣдствія. Постоянное стояніе на ногахъ вызываетъ серьезныя разстройства женскихъ органовъ и болѣзни въ ногахъ; между тѣмъ, вездѣ до послѣдняго времени сидѣнье женщинъ въ фабричныхъ и торговыхъ заведеніяхъ строго запрещалось и влекло за собой штрафы и увольненія виновныхъ. Трудъ многочисленныхъ работницъ на табачныхъ фабрикахъ сопровождается расширеніемъ зрачковъ, неврозомъ сердца, повышеніемъ рефлексовъ, дрожаніемъ рукъ, одышкой, головными болями, головокруженіемъ, гастральгіей, судорогами конечностей (изслѣдованіе dr. Валицкой); на табачныхъ фабрикахъ Харьковской губерніи устроены такія сушильни табаку, что работницы, пробывшія въ нихъ 15—20 минутъ, падаютъ въ обморокъ. Отъ стоячаго положенія и страшнаго шума въ ткацкихъ фабрикахъ происходитъ нервное удущье, сердцебиеніе и другія нервныя разстройства, опуханіе печени и селезенки, брюшная водянка. Надавливаніе груди на ручной ткацкій станокъ и согнутое сидячее положеніе ткачей ведетъ къ разстройству пищеварительныхъ путей и утомленію дыхательнаго органа. Въ отбѣльныхъ и печатныхъ отдѣленіяхъ ткацкихъ фабрикъ руки работницъ, подъ вліяніемъ химическихъ составовъ и красокъ, трескаются, изъясняются и покрываются сыпьями. Первобытный способъ мытья шерсти и видѣ затаптыванія ея въ мокрую глину, практикуемый женщинами въ харьковскомъ фабричномъ округѣ, развиваетъ въ ногахъ вслѣдствіе большихъ мышечныхъ усилій воспаленіе сухожилій; на кожѣ, соприкасающейся съ грязной шерстью, развиваются чирья, сыпи, рожистыя воспаленія; въ періодъ холодовъ пріобрѣтается ревматизмъ. Въ конфекціонной промышленности стегальщицы страдаютъ болѣзнями женскихъ органовъ, разстройствомъ пищеваренія и ухудшеніемъ питанія. Дѣвушка, начавшая заниматься стеганіемъ, становится блѣдной, теряетъ аппетитъ, страдаетъ кровотеченіями изъ носа, бессонницей, разстройствомъ нервовъ; черезъ 4—6 лѣтъ она физически становится неспособной къ работѣ. Пивея на машинѣ черезъ 10 лѣтъ готова для госпиталя *). Неблагопріятными условіями труда и объясняется усиленная заболѣваемость работницъ и значительныя осложненія функціи женщины, какъ матери. По даннымъ больничной кассы конфекціонныхъ работницъ въ Берлинѣ было:

Года.	Число членовъ.	Число заболѣвшихъ.	%.
1891	14.500	4.504	31
1892	19.940	4.277	21,4
1893	18.047	4.650	25,8
1894	19.078	5.051	26,5

*) «Schriften des Vereins für Socialpolitik», томъ 85, стр. 288—289.

Въ то время, какъ процентъ заболѣвшихъ мужчинъ на Жирардовской мануфактурѣ въ Варшавской губерніи составлялъ 14,1; процентъ заболѣвшихъ женщинъ достигалъ 26,7. Въ Баденѣ фабричная инспекція отмѣтила увеличеніе преждевременныхъ родовъ работницъ (съ 1.039 въ среднемъ за 1882—1886 гг. до 1.244 въ среднемъ за 1887—1891 гг.) и числа операцій при родахъ (съ 1.118 до 1.385 за тѣ же года). При продолжительномъ отсутствіи замужнихъ женщинъ на фабрикахъ ими забрасывалось домашнее хозяйство и воспитаніе дѣтей. Въ первое время господства фабричной системы это сопровождалось чрезвычайной смертностью маленькихъ дѣтей. Такъ, напр., въ Манчестерѣ въ 30-хъ годахъ умирало изъ дѣтей рабочихъ моложе 5 лѣтъ 57%, въ то время какъ изъ состоятельныхъ классовъ всего 20%. Въ 1832 г. въ промышленныхъ городахъ Престонѣ и Лидсѣ умирала половина дѣтей до 5 лѣтъ (50 и 53%), а въ земледѣльческомъ графствѣ Рутлендѣ — только 29%. Въ 70-ыхъ годахъ въ Англіи обыкновенная дѣтская смертность до 1 года составляла 15—16%, въ рабочемъ же классѣ, въ которомъ дѣти отдавались на вскормленіе женщинамъ, специально промышлявшимъ этимъ, она поднималась до 40, 60 и даже болѣе процентовъ (Янжуль). Усиленная смертность объясняется главнымъ образомъ отсутствіемъ надлежащаго питанія, такъ какъ матери-работницы не могли кормить своихъ грудныхъ дѣтей, затѣмъ плохимъ уходомъ и употребленіемъ искусственныхъ средствъ для успокоенія дѣтей, напр., снадобія Godfrey's cordial, содержавшаго опиумы, и спиртныхъ напитковъ. Впрочемъ, и въ настоящее время констатируется большая смертность дѣтей въ промышленныхъ центрахъ. Если въ сельскихъ графствахъ Англіи смертность дѣтей при рожденіи составляетъ 21,3%, то въ горныхъ и промышленныхъ графствахъ она поднимается до 33,1%, а для 3 наихудшихъ по санитарнымъ условіямъ городовъ до 38,2%; для дѣтей до 3 мѣсяцевъ смертность по тѣмъ же группамъ составляетъ 7,5%, 15,4% и 24%.

Нельзя не отмѣтить продолжительнаго господства грубыхъ нравовъ и моральной распущенности въ фабричной средѣ. Въ первой половинѣ XIX вѣка констатируются нерѣдкіе случаи побоевъ работницъ. Многие фабриканты устраивали себѣ гаремы изъ служащихъ женщинъ. Недавно работавшая комиссія по изслѣдованію положенія женскаго труда въ Вѣнѣ отмѣчаетъ и для настоящаго времени грубое и безнравственное обращеніе съ работницами; владѣлецъ одной вѣнской фабрики принимаетъ только молодыхъ работницъ, выдавая сначала заработную плату въ 2 гульд. и повышая ее лишь подѣ известными позорными условіями. Такое же отношеніе встрѣчается на свеклосахарныхъ заводахъ, табачныхъ плантаціяхъ и въ другихъ предпріятіяхъ Россіи. Англійская комиссія о дѣтскомъ трудѣ 1866 г. такъ описывала кирпичные заводы своего времени: «Безобразный языкъ, безнравственныя привычки, среди которыхъ дѣвушки вырастаютъ невѣждами и звѣ-

рами. Источникомъ деморализаціи служатъ жилища, общія для всѣхъ возрастовъ и слоевъ... Одѣтыя въ жалкія лохмотья, дѣвушки привыкаютъ относиться съ презрѣніемъ ко всякому чувству приличія и стыда».

Въ результатѣ неблагопріятныхъ условій труда и распада прежней патріархальной семьи стало обнаруживаться уже во второй четверти XIX вѣка физическое вырожденіе рабочаго населенія. Опасность такого вырожденія и ужасы, раскрытые исследователями, привели къ созданію новой области государственнаго вмѣшательства—фабричнаго законодательства. Это законодательство началось съ регламентаціи условій труда дѣтей и женщинъ и долгое время имъ и ограничивалось; только въ позднѣйшее время оно стало распространять свою защиту и на взрослыхъ мужчинъ. Первые фабричныя законы, изданные въ Англіи, касались возраста трудящихся на фабрикахъ дѣтей и размѣра рабочаго дня для дѣтей и подростковъ. Въ 1842 г. въ Англіи были запрещены женщинамъ горныя работы подъ землей, въ 1847 г. установленъ 10-часовой день для работницъ въ промышленности по обработкѣ волокнистыхъ веществъ. По примѣру Англіи стало развиваться законодательство по охранѣ женщинъ-работницъ и въ другихъ странахъ.

Въ настоящее время это законодательство можно раздѣлить на двѣ части: первая опредѣляетъ специально условія труда женщинъ, вторая—распространяемая, на женщинъ въ такой же мѣрѣ, какъ на мужчинъ. На первомъ мѣстѣ среди постановленій, касающихся работницъ, слѣдуетъ поставить *запрещеніе ночной работы*, тяжелѣе всего отражающейся на здоровьѣ рабочихъ. Это запрещеніе существуетъ въ Англіи, Франціи, Швейцаріи, Германіи, Австріи, Остѣ-Индіи, Масачузетѣ, Новой Зеландіи. Постановленія названныхъ государствъ различаются предѣлами, установленными для понятія ночного труда, и числомъ исключеній, допущенныхъ для производствъ непрерывнаго характера. Въ Новой Зеландіи ночью считается время отъ 6 ч. веч. до 7 час. утра въ Германіи—отъ 6½ ч. веч. до 5½ ч. утра, во Франціи—отъ 9 час. веч. до 5 ч. утра и т. д. Въ Россіи законъ 3 іюня 1885 г. воспретилъ ночную работу подросткамъ и женщинъ (отъ 9 ч. веч. до 5 ч. утра) въ промышленности по обработкѣ волокнистыхъ веществъ и въ производствѣ фосфорныхъ спичекъ; позднѣйшій законъ 24 апрѣля 1890 г. сократилъ ночной періодъ до времени отъ 10 ч. веч. до 4 час. утра для фабрикъ, работающих 18 час. въ сутки двумя сдвѣнами, и предоставилъ мѣстнымъ властямъ широко разрѣшать ночную работу женщинъ въ производствахъ, гдѣ она запрещена, съ единственнымъ условіемъ, чтобы на слѣдующій день женщины не начинали работу ранѣе 12 час. дня; этимъ было почти уничтожено значеніе закона 1885 года.

Для рабочаго дня женщинъ въ государствахъ, въ которыхъ не установлено максимальнаго рабочаго дня для всѣхъ рабочихъ, опредѣленъ закономъ максимальный предѣлъ. Въ Германіи этотъ предѣлъ ра-

венъ (по закону 1891 г.) 11 часамъ съ обязательнымъ обѣденнымъ перерывомъ въ 1 часъ, а для замужнихъ работницъ—въ 1½ часа; передъ воскресными и праздничными днями работа женщинъ должна кончатся къ 5½ ч. пополудни; при накопленіи заказовъ (въ сезонныхъ, напр., производствахъ) разрѣшается работать до 13 час. въ сутки, но въ общемъ итогѣ за годъ не болѣе 40 дней. Въ Англіи въ ткацко-прядильной промышленности установленъ для женщинъ 10-часовой рабочий день (между 6 ч. или 7 ч. утра и 6 или 7 час. веч. съ 2-часовымъ перерывомъ), въ субботу 6½ часовой день, въ прочихъ фабрикахъ и въ мастерскихъ 10½-часовой рабочий день (тѣ же предѣлы съ 1½ часовымъ перерывомъ), въ субботу 7½ часовой день. Во Франціи до послѣдняго времени существовалъ 11 часовой рабочий день для взрослыхъ женщинъ; законъ 1900 года установилъ введеніе черезъ 2 года 10½ часового дня, а черезъ слѣдующіе 2 года—10-часового дня съ обязательнымъ перерывомъ въ среднѣ работы въ 1 часъ. Десяти-часовой день для работницъ существуетъ въ штатахъ Сѣверной Америки—Масачузетсѣ, Огайо, Миннезотѣ, Дакотѣ и Мичиганѣ, а восьми-часовой день—въ Висконсинѣ (въ Сѣв. Америкѣ), въ Новой Зеландіи, Викторіи, Южной Австраліи.

Во многихъ странахъ существуетъ запрещеніе труда для женщинъ передъ и послѣ родовъ. Въ Швейцаріи этотъ періодъ равняется 8 недѣлямъ, въ Австріи, Англіи, Новой Зеландіи періодъ послѣ родовъ, въ теченіе котораго нельзя работать, составляетъ 4 недѣли, въ Германіи 6 недѣль (только при особомъ врачебномъ разрѣшеніи 4 недѣли).

Нѣкоторые виды труда совершенно запрещены женщинамъ, напр., горное дѣло въ Англіи, Франціи, Германіи и др. странахъ. Кромѣ того въ Англіи молодыя дѣвушки не допускаются къ работѣ при покрытіи зеркалъ ртутью, при плавленіи стекла, на кирпичныхъ заводахъ, при добываніи соли, при точеніи металлическихъ издѣлій, при производствѣ свинцовыхъ бѣлилъ. Въ Германіи и Австріи предоставляется органамъ административной власти запрещать трудъ женщинъ въ опасныхъ для нихъ производствахъ.

Въ послѣдніе годы изданъ рядъ законовъ, обязывающихъ купцовъ устраивать сидѣнья для приказчицъ, на которыхъ онѣ могутъ сидѣть въ свободное отъ продажи время; такіе законы были изданы въ Англіи (9 августа 1899 г.), въ Германіи, Франціи, Новой Зеландіи и многихъ штатахъ Сѣверной Америки; въ штатѣ Нью-Йоркѣ обязанность устраивать для работницъ сидѣнья распространена также на фабрикантовъ и владѣльцевъ отелей и ресторановъ.

Что касается общаго съ мужчинами законодательства, то прежде всего сюда относятся постановленія для дѣтей и подростковъ обоего пола, которыя опредѣляютъ наименьшій возрастъ, при которомъ возможна фабричная работа (12—14 лѣтъ), и размѣръ рабочаго дня (отъ 6 до 10 час.). Для всѣхъ взрослыхъ рабочихъ установленъ максималь-

ный рабочий день въ Австріи и Швейцаріи, въ 11 часовъ, въ Россіи въ 11½ часовъ, передъ праздниками и воскресеньями 10 часовъ, при ночной работѣ—не болѣе 10 часовъ. Въ Англіи для торговыхъ служащихъ моложе 18 лѣтъ обоюга пола опредѣленъ максимумъ недѣльнаго труда въ 74 часа. Въ Германіи по закону 1900 года о торговыхъ служащихъ всѣ магазины должны быть закрыты отъ 9 час. веч. до 5 час. утра (отъ 8 час. веч., если такъ распорядится мѣстная власть); сплошной отдыхъ служащихъ не можетъ быть менѣе 10 часовъ, въ крупныхъ городахъ 11 часовъ. Въ большинствѣ государствъ установленъ для всѣхъ рабочихъ обязательный воскресный отдыхъ.

Наконецъ, имѣются многочисленныя постановленія для защиты рабочихъ и работницъ отъ опасностей ихъ жизни и здоровья. Законъ требуетъ огражденія машинъ, достаточнаго свѣта, воздуха (въ Англіи, напр., не менѣе 250 куб. фут. на человѣка), чистоты, вентиляціи, устраненія пыли и вредныхъ газовъ, извѣстной температуры. Германскій законъ требуетъ особыхъ помѣщеній для переодѣванія и мытья отдѣльно для обоихъ половъ. Въ Англіи обязательна періодическая окраска стѣнъ и т. д.

Домашняя промышленность, какъ мы видѣли, характеризуется особенно печальными условіями труда вообще и женскаго въ особенности. Въ послѣдніе годы замѣчается стремленіе законодательства распространить свое вліяніе и на эту область. Изъ европейскихъ государствъ только въ Англіи часть постановленій фабричныхъ законовъ обязательна для мастерскихъ домашней промышленности. Кромѣ того, всѣ работодатели обязаны вести списки работающихъ дома и обязаны подчиняться требованіямъ фабричной инспекціи въ дѣлѣ устраненія опасности или вреда для здоровья работающихъ.

Въ нѣсколькихъ штатахъ Сѣверной Америки сдѣланы первыя попытки прямой регламентаціи домашней промышленности. Въ Нью-Йоркѣ домашняя работа въ частныхъ квартирахъ разрѣшается только членамъ семьи; для устройства домашнихъ мастерскихъ требуется особое разрѣшеніе инспекціи, причѣмъ минимумъ кубическаго содержанія воздуха на рабочаго долженъ быть 250 куб. футовъ. Съ 1893 г. введена въ Нью-Йоркѣ обязанность работодателей вести списки домашнихъ рабочихъ; ночной трудъ (отъ 9 час. вечера до 6 час. утра) подросткамъ и женщинамъ запрещенъ. Надзору инспекціи домашняя промышленность подчинена въ Нью-Йоркѣ, Масачузетсѣ, Огайо и Миссури. Въ Викторіи (Австралія), кромѣ обязательныхъ вѣдомостей о числѣ и заработной платѣ домашнихъ рабочихъ, которые представляются инспекціи работодателями, учреждены особыя коммиссіи (законъ 1896 г.) изъ представителей работодателей и рабочихъ, которыя устанавливаютъ обязательный минимумъ заработной платы въ производствахъ платья, бѣлья, обуви, мебели и булочныхъ товаровъ. Этотъ законъ любопытенъ, какъ первая попытка государственнаго регулированія заработной платы.

Для наилучшаго надзора за исполненіемъ фабричныхъ законовъ въ отношеніи женщинъ во многихъ странахъ введена женская фабричная инспекція. Въ Соединенныхъ Штатахъ имѣется уже свыше 20 инспектрисъ, въ Англии—5, объединенныхъ въ особое отдѣленіе женской инспекціи; инспектрисы существуютъ даже въ Голландіи, Гессенѣ, Баваріи, Саксенъ-Веймарѣ и Франціи; въ Россіи также поставленъ на очередь вопросъ о назначеніи фабричныхъ инспектрисъ.

Еще недавно, когда зло фабричной жизни для замужнихъ работницъ было особенно рѣзко, поднималось не мало голосовъ за полное запрещеніе промышленнаго труда замужнихъ женщинъ. «Дѣйствительнымъ счастьемъ для фабричныхъ округовъ Англии,—говорилъ фабричный инспекторъ Бекеръ въ отчетѣ 1862 года, — будетъ запрещеніе всѣмъ замужнимъ женщинамъ, имѣющимъ семью, работать на какой бы то ни было фабрикѣ». За это запрещеніе въ Англии поднялась въ 80-хъ годахъ цѣлая агитація; за нее высказывались и многіе писатели другихъ странъ (Гитце, dr. Симонъ). Однако, если запретительныя нормы бываютъ полезными въ однихъ случаяхъ, здѣсь онѣ едва ли принесли бы пользу. Трудъ замужнихъ женщинъ, съ одной стороны, является по большей части необходимымъ подспорьемъ средствъ семьи, съ другой стороны, открывая женщинѣ возможность заработка, онъ позволяетъ ей всегда стать въ независимое отъ мужа положеніе, т. е. косвенно содѣйствуетъ экономическому освобожденію женщины. Въ силу этихъ соображеній, новѣйшіе отчеты фабричныхъ инспекторовъ, напр., въ Баваріи, Баденѣ, высказываются противъ такого запрещенія. Для устраненія возникающихъ отъ труда замужнихъ неблагоприятныхъ послѣдствій, нужно идти другими путями: можно сокращать рабочій день, что позволитъ женщинѣ проводить большую часть времени дома, устраивать дневныя ясли и пріюты, какъ это проектируетъ сдѣлать въ ширскихъ рамкахъ берлинская дума, въ цѣляхъ борьбы съ повышенной смертностью рабочихъ дѣтей, можно умножать фабричныя школы и развивать законодательство, ограждающее женщинъ отъ вредныхъ вліяній производства.

Мы обозрѣли тѣ неблагоприятныя условія, въ которыхъ приходится трудиться женщинѣ, и усилія, которыя дѣлаетъ законодательство для смягченія ихъ. Въ этой области интересы трудящихся женщинъ вполне совпадаютъ съ интересами мужчинъ, и обезпеченіе ихъ лучше всего достижимо совокупными усиліями обоихъ половъ.

Намъ остается коснуться еще одного важнаго момента въ условіяхъ женскаго труда, именно заработной платы женщинъ. Общеизвѣстенъ тотъ фактъ, что женщины получаютъ меньшее вознагражденіе за свой трудъ, чѣмъ мужчины. Укажемъ въ видѣ примѣра нѣсколько данныхъ. Средній годовою заработокъ рабочаго въ обрабатывающей промышленности Соединенныхъ Штатовъ (по цензу 1890 г.) составлялъ для мужчинъ 498 долларовъ, для женщинъ 276 долларовъ. Въ

частности въ хлопчатобумажной промышленности конторскіе служащіе—мужчины получаютъ въ недѣлю 18,2 долларовъ, женщины 9,04 долл., искусные рабочіе (skilled) мужчины 7,75 долл., женщины 5,53 долл., чернорабочіе мужчины 7,69 долл., женщины 4,37 долл. Въ большей или меньшей степени различается плата за преподавательскій трудъ въ Америкѣ:

Штаты.	Учителя.	Учительницы.
Нью-Йоркъ	74,95 долл.	51,33 долл.
Масачузетсъ. . . .	128,55 >	48,38 >
Коннектикутъ	85,58 >	41,88 >
Южная Каролина	25,46 >	22,32 >
Флорида	35,50 >	34,00 >

По расчетамъ Гиффена, средняя заработная плата мужчинъ-рабочихъ въ Англіи составляетъ 24 шиллинга 7 пенсовъ въ недѣлю, а заработная плата женщинъ—12 шилл. 8 пенсовъ. Въ интеллигентныхъ профессіяхъ замѣчается такая же разница. Въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ женщины никогда не получаютъ болѣе 65—70 фунт. стерл. въ годъ, тогда какъ мужчины начинаютъ съ жалованья въ 70 ф. ст. и достигаютъ 200—300 ф. ст. Высшія должности оплачиваются для мужчинъ въ 900 ф. ст., а для женщинъ только въ 400 ф. ст. Въ Берлинѣ учителя получаютъ отъ 2.800 до 6.000 марокъ, учительницы всего отъ 1.800 до 2.600 марокъ. Во Франціи женщины получаютъ въ псчтовомъ вѣдомствѣ за ту же самую работу, за которую мужчинамъ платятъ 1.500 фр., только 1.000 фр. Въ Россіи средній мѣсячный заработокъ рабочаго мужчины въ Московской губерніи (по даннымъ Дементьева) равенъ 14 р. 16 к., или, если исключить машиностроительныхъ рабочихъ въ силу особо высокой платы, то 13 р. 53 к., а заработокъ женщины—10 р. 35 к., другими словами заработокъ женщины составляетъ почти $\frac{3}{4}$ заработка мужчины. Въ варшавскомъ фабричномъ округѣ мужчины имѣютъ въ среднемъ 17 р., женщины 9 р. 75 к., въ харьковскомъ округѣ 12 р. 25 к. и 7 р. 50 к. и т. д.

Причины, которыя создаютъ низкій уровень женскаго заработка, довольно многочисленны и сложны. Прежде всего при установленіи высоты заработной платы имѣетъ значеніе объемъ потребностей (Standard of life). Для мужчины эта плата должна покрывать его собственное содержаніе и содержаніе средней семьи или, по крайней мѣрѣ, части этой семьи. Этимъ опредѣляется минимумъ вознагражденія за мужской трудъ. Минимальная плата женщинъ при самыхъ выгодныхъ условіяхъ устанавливается сообразно нормѣ потребностей одинокой женщины*). При этомъ надо замѣтить, что уровень потребностей женщины обыкновенно ниже уровня потребностей мужчины; женщина оказывается въ состояніи и хуже питаться, и жить въ менѣе удобной

*) Ср. Гобсонъ, «Проблемы бѣдности и безработицы», стр. 142—143.

квартирѣ, и обходиться безъ культурныхъ привычекъ; все это оказываетъ огромное вліяніе на величину заработной платы. Мы сказали, что вознагражденіе трудящейся женщины пріурочивается къ величинѣ потребностей ея одинокаго существованія только въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ. Очень часто не бываетъ и этого. Женщина, живущая на средства мужа или родителей, женщина, имѣющая помощь родныхъ, покровителей и пр., можетъ работать за еще болѣе низкую плату, такъ какъ послѣдняя составляетъ ея подсобный, вспомогательный доходъ. Въ цѣляхъ хотя небольшого увеличенія дохода семьи, или для полученія средствъ на личные расходы такая женщина соглашается работать за «нищенское» вознагражденіе, которымъ она, конечно, не удовлетворилась бы, если бы была самостоятельна. Многія молодыя дѣвушки смотрятъ на свое занятіе, какъ на временное — до выхода замужъ, и потому соглашаются въ теченіе этого временнаго періода работать за самую ничтожную плату. Сюда же относится вліяніе конкуренціи труда женщинъ изъ имущихъ классовъ населенія и изъ разнообразныхъ благотворительныхъ учреждений. Въ Германіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ встрѣчаются случаи производства товаровъ состоятельными женщинами, которыя, живя на всегъ готовомъ и желая имѣть деньги «на булавки», продаютъ свои издѣлія за безцѣнокъ, подрывая тѣмъ плату настоящихъ работницъ. Нѣмецкіе экономисты заклемили этотъ видъ конкуренціи названіемъ «Schutzkonkurrenz»; Гобсонъ называетъ его «некоммерческимъ предложеніемъ». Указанныя группы женщинъ, выступая на рынокъ труда съ самыми умѣренными требованіями, понижаютъ своимъ предложеніемъ общую женскую заработную плату до такого уровня, при которомъ почти не можетъ существовать даже неприхотливая одинокая женщина.

Въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, благодаря предложенію такихъ разнообразныхъ рабочихъ силъ, происходитъ крайнее переполненіе рынка труда и прямо невѣроятное паденіе платы. Характернымъ примѣромъ этого рода можетъ служить берлинская конфекціонная промышленность, т.-е. производство готоваго платья, бѣлья и другихъ предметовъ одѣянія. Такъ какъ для нея оказывается пригодной всякая женщина, умѣющая держать иголку въ рукахъ, то здѣсь предложеніе труда достигаетъ огромныхъ размѣровъ, а заработная плата падаетъ до крайности. Работницы мужского бѣлья въ Берлинѣ зарабатываютъ въ недѣлю 4—5 мар., работницы передниковъ отъ 2¹/₂ до 5 мар., работницы галстуховъ 5—6 мар., изготовляющая блузы 6 мар., работницы дѣтскихъ платьевъ и бѣлья получаютъ въ среднемъ 7 мар., особенно хорошія изъ нихъ достигаютъ дохода въ 8 — 9 и немного болѣе мар. Между тѣмъ, самостоятельная работница не можетъ существовать въ Берлинѣ дешевле 8 — 9 мар. въ недѣлю. Отсюда тѣ печальныя послѣдствія отъ недоѣданія, недосыпанія, отъ поисковъ сомнительныхъ въ нравственномъ отношеніи доходовъ и пр., которыми ха-

рактируется жизнь многихъ труженицъ въ конфекціонной промышленности.

Въ связи съ указанной важнѣйшей причиною дѣйствуетъ и то обстоятельство, что во многихъ производствахъ женскій трудъ, какъ могущій быть оплачиваемъ дешевле, примѣняется въ наименѣ выгодныхъ для предпринимателя отдѣлахъ предпріятія, которые не могутъ выдержать стоимости дорогого мужского труда. Такъ, напр., на сигарныхъ фабрикахъ Лондона мужчины получаютъ по 35 шил. въ недѣлю, а женщины—по 12—18 шил., потому что первые работаютъ высше сорта, оплачиваемые по 4—5 шил. съ тысячи, а вторыя—только дешевые сорта, за которые и получаютъ по 1—3 шиллинга. По словамъ Сиднея Вебба, въ $\frac{9}{10}$ поля промышленнаго труда не существуетъ никакой конкуренціи между мужчинами и женщинами, такъ какъ тѣ и другія заняты различными процессами; при этомъ на долю женщинъ приходится хуже всего оплачиваемыя занятія. («Problems of modern industry»).

Нѣкоторые экономисты высказываютъ мысль, что женщины получаютъ болѣе низкую заработную плату потому, что трудъ ихъ менѣе производителенъ, хуже по качеству, меньше по количеству, чѣмъ трудъ мужчинъ. Это положеніе не можетъ быть признано справедливымъ въ такой общей формулировкѣ. Женскій трудъ можетъ уступать мужскому тамъ, гдѣ требуется большая физическая сила. Въ другихъ же случаяхъ онъ оказывается, по свидѣтельству специалистовъ, равнаго качества и количества съ мужскимъ. Такъ, напр., въ Ланкаширской шерстяной промышленности женщины столь же ловки и быстры, какъ и мужчины; онѣ уступаютъ послѣднимъ только въ одномъ процессѣ—въ приспособленіи тяжелыхъ ткацкихъ станковъ, въ которыхъ нарушена правильность хода; благодаря большому времени, которое женщины тратятъ на это приспособленіе, производительность ихъ труда въ общемъ меньше производительности мужского труда на $2\frac{1}{2}\%$. Что работницы отнюдь не характеризуются меньшей производительностью труда, свидѣтельствуютъ случаи ихъ вознагражденія въ одинаковомъ размѣрѣ съ мужчинами. Напр., въ англійской хлопчатобумажной промышленности получаютъ въ недѣлю.

Округа.	Мужчины.		Женщины.	
Burnley	21 шил.	7 пенсовъ	21 шил.	4 пенса.
Darwen	22 »	2 »	20 »	11 »
Preston	21 »	11 »	20 »	9 »
Blackburn	21 »	— »	20 »	8 »
Ashton	21 »	5 »	20 »	4 »
Todmorden	19 »	5 »	19 »	4 »
Rochdale	19 »	7 »	19 »	— »
Bury	19 »	2 »	18 »	11 »
Stockport	19 »	8 »	18 »	4 »

Такое же равенство наблюдается въ нѣкоторыхъ округахъ для шерстяной промышленности.

	Мужчины.	Женщины.
Hollifax.....	14 шил. 3 пенс.	13 шил. 1 пенс.
Dewsbury.....	15 » 10 »	14 » 4 »
Cleckheaton.....	14 » 5 »	14 » 1 »

Въ шелковой промышленности Англіи получали:

		Мужчины.	Женщины.
Прядильщики.....	} по временная плата.	11 шил. 9 пенс.	11 шил. 2 пенс.
Ткачи.....		15 » 2 »	15 » 8 »

Въ штатѣ Нью-Джерсеѣ (Сѣв. Америки), по свѣдѣніямъ бюро статистики труда, трудъ ткачей и ткачихъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ оплачивается совершенно одинаково.

Итакъ, женщины могутъ получать одинаковую съ мужчинами плату и, исполняя ту же работу съ совершенно тѣмъ же успѣхомъ, оказываются одинаково выгодными для предпринимателей. Почему же почти только въ одной промышленности по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, да и то не во всѣхъ мѣстностяхъ Англіи, женщины достигли такого положенія? Здѣсь мы переходимъ къ послѣдней причинѣ низкаго ихъ заработка—къ отсутствію профессиональной организаціи. Мужчины-работчіе во многихъ странахъ—въ Англіи, Австраліи, Соединенныхъ Штатахъ, менѣе на континентѣ Европы—сплотились въ прочные и сильныя союзы, которые даютъ возможность добиваться отъ предпринимателей болѣе выгодныхъ условій продажи рабочей силы. Другое дѣло—женщины, которыя остаются обособленными и разрозненными. «Группа работницъ,—говоритъ Гобсонъ,—имѣющихъ столь же сильную организацію, какъ мужчины, могли бы получать одинаковую съ ними заработную плату. Все дѣло заключается въ наличности этой организаціи. Общая экономическая слабость большей части работницъ мѣшаетъ имъ получать одинаковое съ мужчинами вознагражденіе» *). До сихъ поръ женщины принимаютъ очень незначительное участіе въ профессиональной организаціи. Въ Англіи, классической странѣ по развитію рабочихъ союзовъ, идея женскихъ трэдъ-юніоновъ возникаетъ впервые въ 1874 г. подъ вліяніемъ Эммы Петерсонъ. До этого времени существовало нѣсколько рабочихъ союзовъ въ ткацко-прядильной промышленности сѣверной Англіи, принимавшихъ въ число своихъ членовъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Въ 1874 г. организуется лига покровительства женщинѣ, имѣющая цѣлью сдѣлать трудящихся женщинъ способными къ организаціи для защиты своихъ интересовъ. Подъ вліяніемъ лиги устраивается союзъ работницъ въ переплетномъ дѣлѣ, союзъ работницъ бѣлья (въ 1874 г.), союзъ портнихъ (1877 г. и 1879 г.), союзъ работницъ сигарныхъ фабрикъ (1879 г.) и т. д. Въ общемъ

*) «Проблемы бѣдности», стр. 141.

итогѣ число членовъ этихъ организацій достигло въ 1879 г. 1.300. Въ 80-хъ годахъ движеніе продолжаетъ распространяться въ производствѣ конфектъ, щетокъ, коробокъ, обоевъ, зонтовъ, плащей и пр. Въ 1893 г. въ Англіи насчитывалось до 100.000 женщинъ въ трэдъ-юніонахъ, изъ которыхъ 80.000 принадлежало къ промышленности по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, въ 1896 г. 118.000 женщинъ, въ 1897 г. 120.254. Въ 1898 г. общее число трэдъ-юніоновъ въ Англіи было 1.267 съ 1.644.591 членовъ. Женщины участвовали въ 140 изъ нихъ въ числѣ 116.016 (7% общаго числа членовъ и 41% числа членовъ тѣхъ союзовъ, которые допускаютъ женщинъ). Слѣдуетъ замѣтить, что большая часть женщинъ-юнионистокъ участвуетъ въ союзахъ наравнѣ съ мужчинами; исключительно женскихъ союзовъ имѣется всего 29 съ 7.785 членами. Главная масса объединенныхъ работницъ относится къ ткацко-прядельной промышленности, именно 106—470 женщинъ; изъ этихъ послѣднихъ 87% работаетъ въ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ. Факту сравнительно большаго объединенія этихъ работницъ и слѣдуетъ приписать указанное выше равенство заработной платы женщинъ и мужчинъ въ ткацко-прядельной промышленности Англіи. Въ другихъ государствахъ участіе работницъ въ союзахъ еще меньше. Въ Германіи, напр., въ 1898 г. было 57 центральныхъ рабочихъ союзовъ съ 493.742 членами, изъ которыхъ всего 13.481 были женщины (въ 1896 г. 15.265). Въ этой области для женщинъ остается еще широкое поле. Превратившись изъ изолированныхъ единицъ въ организованное цѣлое, онѣ будутъ въ состояніи согласовать свои дѣйствія съ интересами всѣхъ трудящихся въ данной отрасли и добиваться лучшихъ условій. Однимъ изъ важнѣйшихъ девизовъ женщинъ должно здѣсь быть: «одинаковая заработная плата за одинаковый съ мужчинами трудъ». Этотъ принципъ воспринять многими рабочими союзами, въ которыхъ участвуютъ оба пола, между прочимъ и сѣверо-американскимъ «орденомъ рыцарей труда».

Между тѣмъ, профессиональному объединенію трудящихся женщинъ препятствуетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ. Женщины, воспитанныя цѣлые вѣка въ зависимости и подчиненіи, часто обнаруживаютъ инертность и равнодушіе къ этому дѣлу, оказываются неподготовленными къ общественной дѣятельности, особенно въ области организаціонной, боятся репрессивныхъ мѣръ со стороны предпринимателей (недаромъ многіе предприниматели предпочитаютъ работницъ за ихъ безотвѣтностъ и послушаніе)*). Тѣ женщины, которыя зарабатываютъ себѣ только побочный доходъ, довольствуются всякой платой и мало заинтересованы въ повышеніи ея соотвѣтственно нормѣ потребностей самостоятельно живущей работницы. Наконецъ, низкій уровень платы

*) По словамъ баденскаго фабричнаго инспектора Вёрисгофена, фабриканты предпочитаютъ работницъ за ихъ большую податливостъ (Fügsamkeit).

препятствуетъ установленію такихъ членскихъ взносов, изъ которыхъ могъ бы образоваться запасный фондъ для вспомоствованій—необходимый фундаментъ всякой профессиональной организаціи.

Для развитія самосознанія трудящихся женщинъ, для содѣйствія ихъ организаціи, для обученія ихъ техническимъ и профессиональнымъ знаніямъ образовались и образуются во всѣхъ государствахъ многочисленныя общества. Въ 1859 г. было основано въ Англіи «общество для содѣйствія труду женщины», которое открыло разнообразныя курсы для профессиональнаго обученія. Затѣмъ устраиваются ассоціаціи для поддержки женской прислуги, союзы приказчицъ, многочисленные клубы работницъ и пр., и пр. Въ Германіи въ 1865 г. возникъ «всеобщій германскій женскій ферейнъ» для расширенія женскаго образованія и освобожденія женскаго труда отъ всякихъ препятствій, «союзъ реформы женскаго образованія», «союзъ блага женщинъ», знаменитый «Летте-ферейнъ» для содѣйствія промысловой дѣятельности женщины (въ 1866 г.); въ Соединенныхъ Штатахъ была основана «ассоціація молодыхъ женщинъ» съ отдѣленіями чуть не во всѣхъ городахъ союза для обученія бухгалтеріи, стенографіи, кройкѣ, фотографіи, черченію; цѣлямъ развитія служили библіотеки, концерты, лекціи. Съ 1868 г. въ Нью-Йоркѣ функционируетъ «общество покровительства рабочей женщины», которое имѣетъ цѣлью защищать женщинъ отъ обмановъ и эксплуатаціи безсовѣстныхъ хозяевъ, содѣйствовать присканію работы и пр. «Промышленный и воспитательный союзъ женщинъ» также беретъ на себя юридическую защиту интересовъ работницъ, отыскиваетъ занятія, устраиваетъ дешевыя рестораны. Однимъ словомъ, въ Сѣверной Америкѣ имѣется безчисленное множество женскихъ обществъ, клубовъ и ассоціацій для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ потребностей трудящихся женщинъ. Во Франціи еще въ 30-хъ годахъ существовало нѣкоторое время «Общество для поднятія положенія женщины», въ 60-хъ годахъ возникли общества для профессиональнаго образованія женщины и т. д. Въ этой области также остается еще очень много дѣла. Всякая организація, укрѣпляющая общественное самосознаніе женщины и дающая ей образовательныя средства для болѣе успѣшной хозяйственной дѣятельности, содѣйствуетъ повышенію ея заработка до уровня мужскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближаетъ ее къ рѣшенію женскаго вопроса.

Къ какимъ выводамъ изъ всего сказаннаго мы можемъ придти? Изобрѣтеніе машинъ и развитіе промышленнаго капитализма рѣзче всего отразилось на судьбѣ женщины, такъ какъ впервые въ широкихъ размѣрахъ предоставило ей самостоятельную роль въ экономической жизни народа. Доля участія женщинъ въ хозяйственномъ трудѣ достигаетъ $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{5}$ общей его массы.

При завоеваніи каждой новой отрасли труда женщины проходятъ двѣ стадіи: 1) добиваются самаго участія въ данной категоріи труда

и 2) когда онѣ уже заняли позицію, стремятся укрѣпиться въ ней и обезпечить себѣ наилучшія условія. Для большей части матеріальнаго производства женщины уже прошли первую стадію. Здѣсь ихъ главная задача—поставить свой трудъ въ одинаковыя условія съ мужскимъ трудомъ и добиваться сообщи съ мужчинами болѣе выгоднаго положенія. Для интеллигентныхъ профессій въ большинствѣ государствъ женщина находится еще въ началѣ первой стадіи. Слѣдовательно, здѣсь женщинамъ образованныхъ классовъ предстоитъ еще завоевать себѣ самое право на самостоятельный трудъ.

Въ общемъ женщины идутъ прямой дорогой къ достиженію экономической самостоятельности, т.-е. къ освобожденію отъ экономическаго подчиненія мужчинѣ, и рано или поздно достигнутъ своей цѣли.

Въ заключеніе мы хотѣли бы еще коснуться той роли, которую играетъ хозяйственная дѣятельность современной женщины въ ея общей судьбѣ. Всякому извѣстно то широкое женское движеніе, которое возникло и разрослось въ XIX столѣтіи и было направлено на достиженіе женщиной избирательныхъ правъ, на участіе ея въ общественной и политической жизни народа, на уравненіе ея съ мужчиной въ области гражданскихъ отношеній. Каково взаимоотношеніе этого движенія и хозяйственной роли женщины?

Въ прежнія времена женщина получала всѣ средства отъ отца и затѣмъ отъ мужа; имѣя возможность пріобрѣсти обезпеченное положеніе только черезъ бракъ, она направляла всѣ свои усилія на то, чтобы найти жениха и сдѣлать выгодную партію. Цѣлью воспитанія женщины было *plaire à l'homme* (нравиться мужчинѣ—Руссо). Половые особенности женщины, по выраженію Стетсонъ, становятся, такимъ образомъ, не только средствомъ привлеченія мужчины, какъ у всѣхъ животныхъ, но и способомъ пріобрѣтенія дохода, чего уже не встрѣчается ни въ одномъ животномъ видѣ. Благодаря этому обстоятельству, въ человѣчествѣ устраняется вліяніе полового подбора, путемъ котораго происходитъ усовершенствованіе рода. При существованіи выбора женщиною лучшаго мужчины и наоборотъ, представители каждаго пола старались бы превзойти одинъ другого, стремились бы къ самоусовершенствованію и къ завоеванію расположенія другого. До сихъ поръ мужчины стремились главнымъ образомъ къ пріобрѣтенію средствъ, которыя обезпечивали бы имъ экономическое господство надъ женщинами. Послѣднія же старались привлечь всякими приемами тѣхъ мужчинъ, которые владѣютъ наибольшимъ богатствомъ. Женщины чрезмѣрно развивали и выдвигали свои женскія особенности, какъ способъ полученія средствъ существованія отъ мужчины *). вмѣстѣ съ экономической подчиненностью женщины были связаны и ея политическое, и гражданско-правовое положеніе. Суще-

*) Stetson, «Women and economies», New-York, 1899.

ство, смотрящее изъ рукъ другого и живущее на его счетъ, не можетъ играть роли въ общественной и политической жизни народа; оно не можетъ имѣть собственнаго имущества, самостоятельно заключать имущественныя сдѣлки, оно вѣчно находится подъ опекой и т. д.

Весь этотъ строй отношеній начинается измѣняться по мѣрѣ того, какъ женщина приобретаетъ самостоятельное положеніе въ экономической жизни и зарабатываетъ собственнымъ трудомъ средства существованія. Прежде всего она становится въ болѣе достойныя отношенія къ мужчине. Выборомъ мужа руководить не соображеніе нужды, а искреннее чувство любви и уваженія. Въ бракъ вступаютъ лица, экономически независимыя другъ отъ друга, что накладываетъ совершенно новую печать на отношенія супруговъ.

Женщина, занявшая самостоятельное мѣсто въ хозяйственной жизни и участвующая въ процессѣ народнаго производства, предъявляетъ основательное требованіе на участіе въ распоряженіи общественными богатствами и въ качествѣ равноправнаго члена общества добивается права участія въ выборахъ, въ государственномъ управленіи и пр. Наконецъ, гражданскія отношенія такой женщины преобразуются въ томъ направленіи, чтобы обезпечить за ней обладаніе заработаннымъ доходомъ, собственнымъ имуществомъ и дать ей право самостоятельнаго совершенія всѣхъ гражданскихъ актовъ. Такъ переплетаются между собой гражданско-политическія права женщины съ ея экономическимъ положеніемъ. Наибольшихъ результатовъ по этому пути достигла женщина въ Австраліи и Соединенныхъ Штатахъ, меньше—въ Европѣ. Но, во всякомъ случаѣ, и тамъ, и тутъ разрѣшеніе всѣхъ задачъ, которыя ставятся женскимъ вопросомъ въ правовой, соціальной и образовательной сферахъ, тѣснымъ образомъ связано съ окончательнымъ экономическимъ освобожденіемъ женщины изъ прежней подчиненности мужчине. Въ этомъ смыслѣ женскій вопросъ является по преимуществу вопросомъ объ обезпеченіи за женщиной права на самостоятельное экономическое существованіе, на самостоятельный заработокъ и вопросомъ объ улучшеніи самыхъ условій женскаго труда. Такимъ образомъ, женскій вопросъ входитъ, какъ составная часть, въ общій соціальный вопросъ, имѣющій своей задачей осуществленіе такой общественной организаціи, которая отвѣчаетъ интересамъ массы трудящагося населенія.

Истекшій XIX вѣкъ разрѣшилъ одну великую проблему: освобожденіе крестьянской массы отъ крѣпостнаго ига. Тотъ же вѣкъ поставилъ на очередь крупную проблему эмансипаціи женщины и указалъ направленіе, въ которомъ она можетъ быть рѣшена. Окончательное же разрѣшеніе этой проблемы, въ которой заинтересована половина человѣческаго рода, принадлежитъ новому XX столѣтію.

Проф. М. Соболевъ.

*

ВУНДТЪ О ФЕХНЕРЪ.

11-го мая (28-го апрѣля) въ Лейпцигскомъ университетѣ праздновалась столѣтняя годовщина дня рожденія Фехнера. По этому поводу въ актовомъ залѣ университета была произнесена рѣчь однимъ изъ ближайшихъ учениковъ и сотрудниковъ Фехнера, Вильгельмомъ Вундтомъ. Имя Фехнера одно изъ славныхъ именъ, которыми гордится Лейпцигскій университетъ. Какъ психологъ, въ особенности какъ основатель психо-физики, Фехнеръ не будетъ забытъ въ наукѣ. Но для знакомыхъ съ его идеалами къ его мировой славѣ примѣшивается еще особая черта, черта глубокаго и чистаго идеализма, дѣлающая его духовный обликъ особенно привлекательнымъ.

Съ громаднымъ упорствомъ,—говоритъ Вундтъ,—со способностью къ мелочному и кропотливому изслѣдованію онъ соединялъ свободный и смѣлый полетъ мысли, вдохновенный и широкій творческій размахъ. *Одна* идея придавала въ его глазахъ смыслъ всей его работѣ, дѣлу его жизни. Фехнеръ былъ человекомъ *одной* идеи, которая властно завладѣла имъ—разъ навсегда, которая подчинила себѣ самые глубокіе помыслы и стремленія его. Онъ былъ «однолюбомъ» въ полномъ смыслѣ этого слова. «Все, что не ты, такъ суетно и ложно, все, что не ты, холодно и мертво»—могъ онъ съ полнымъ правомъ сказать про эту идею. Она была глубоко заложена въ его душѣ, она росла незамѣтно и безсознательно и только сравнительно поздно понялъ онъ ея значеніе; съ этого момента онъ безраздѣльно отдался ей.

Фехнеръ происходилъ изъ пасторской семьи; его отецъ, оба дѣда были пасторами въ Саксоніи и Пруссіи. Онъ воспитывался въ скромной обстановкѣ, сначала у родителей, потомъ въ домѣ своего дяди, тоже пастора. Рано начало развиваться въ немъ религиозное чувство. Подъ влияніемъ всей окружающей обстановки оно пустило въ душѣ его прочные корни; его вѣра росла вмѣстѣ съ нимъ. Потомъ, когда онъ поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, на медицинскій факультетъ, онъ забылъ свои дѣтскія вѣрованія или думалъ, что забылъ ихъ; какъ и подобаетъ молодому медику, онъ сдѣлался яримъ матеріалистомъ. Но это увлеченіе продолжалось недолго. Въ февралѣ 1820-го года (ему еще не было 19-ти лѣтъ) попадаетъ въ его руки Окенъ.

Онъ инстинктивно почувствовалъ свое духовное родство съ этимъ писателемъ; хотя онъ и не могъ вполне понять Окена, онъ все же дѣлается его искреннимъ и безусловнымъ послѣдователемъ. Миръ представляется ему уже не въ формѣ безжизненнаго механизма, а какъ проявленіе духа. Духъ и природа, мысль и бытіе тождественны. Въ абсолютнаго разума нѣтъ ничего, но все въ немъ. Въ человѣкѣ природа достигла наиболѣе высокаго своего развитія. Въ человѣкѣ природа познаетъ самое себя. Души людей—это безчисленное множество глазъ, которыми безконечный всемірный духъ смотритъ на самого себя. На признаніи тождества мысли и бытія строится натуръ-философская система; для этого не требуется ни опыта, ни наблюденія; вся природа есть только развитіе разума, слѣдовательно, она вся можетъ быть познана чисто умозрительнымъ путемъ. Фехнеръ, однако, довольно скоро отдѣлался отъ всѣхъ крайностей, отъ всѣхъ увлеченій, которыми изобиловала философія Шеллинга, Окена и другихъ. Но одна идея крѣпко засѣла въ немъ—сущность міра есть духъ, сознание. Доказательство этой идеи научнымъ путемъ сдѣлалось для Фехнера впоследствии главною жизненною задачею. Она была источникомъ его энергіи и страстнаго трудолюбія, она давала ему силу для борьбы съ различными невзгодами, съ тяжелой болѣзнію. Эта идея была тѣмъ солнцемъ, которое озарило всю его внутреннюю жизнь, она подарила ему глубокое, несокрушимое счастье. Выясненію связи философскаго міросозерцанія Фехнера съ его научными работами была посвящена лекція Вундта *).

Лейпцигскій университетъ можетъ по праву гордиться Фехнеромъ, какъ своимъ дѣтищемъ. 70 лѣтъ его жизнь протекла въ Лейпцигѣ. Сюда пріѣхалъ онъ 16-ти лѣтнимъ юношею и здѣсь-же умеръ, 86-ти лѣтъ отъ роду, въ 1887 г. По пріѣздѣ въ Лейпцигъ въ 1817 г., Фехнеръ поступилъ на медицинскій факультетъ, но очень скоро разочаровался въ медицину; она не удовлетворяла его научнымъ стремленіямъ, такъ какъ носила грубо-эмпирическій характеръ. Къ практической дѣятельности онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія. Тѣмъ не менѣе онъ въ 1822 г. сдалъ экзаменъ на доктора медицины. Уже въ бытность студентомъ онъ, главнымъ образомъ, занимался физикою. Черезъ два года по окончаніи курса медицинскаго факультета онъ въ качествѣ приватъ-доцента началъ читать лекціи по физикѣ; такъ какъ средства его были очень ограничены, то ему приходилось, кромѣ того, заниматься срочнымъ литературнымъ трудомъ. Страшная

*) При передачѣ содержанія этой лекціи, сдѣланы нѣкоторые добавленія; они касаются, однако, только изложенія Фехнеровскаго ученія. Выпущены нѣкоторыя частности, не представляющія для русскихъ читателей общаго интереса.—О значеніи Фехнера, какъ основателя экспериментальной психологіи, см. статью проф. Чечанова—«Что такое экспериментальная психологія», «М. В.», 1899 г., июль—августъ.

масса работы, матеріальныя заботы подорвали его здоровье; въ 1834 г., когда ему, наконецъ, удалось получить каеедру физика, онъ серьезно заболѣлъ. Чтобы не заниматься слишкомъ много теоретически, онъ сталъ главное время удѣлять экспериментамъ—заялся изслѣдованіемъ зрительныхъ ощущеній. Эти занятія, однако, повлекли за собою серьезную болѣзнь глазъ и три года онъ долженъ былъ провести безвыходно въ темнотѣ. Это было для него очень тяжелымъ временемъ. Лѣченіе только истощило его силы и оказывалось совершенно безуспѣшнымъ. Долгое время, повидимому, не было никакой надежды на улучшение. Онъ былъ близокъ къ самоубійству. Улучшеніе наступило внезапно и вызвало необычайный подъемъ духа, ему казалось, что онъ избравъ Богомъ совершить что-то великое. Несмотря на тѣ ужасныя мученія, которыя онъ пережилъ за эти три года, время болѣзни подѣйствовало на него благотворно. Предоставленный самому себѣ, своимъ мыслямъ, онъ много передумалъ и перечувствовалъ; въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ крѣпла и зрѣла его философская мысль. Тѣ философскіе вопросы, которые постоянно интересовали его, получили теперь окончательное рѣшеніе. Характерными чертами его мысли были самостоятельность, оригинальность и смѣлость. Лейбницъ говорилъ про себя, что готовъ согласиться со всякимъ мнѣніемъ, при условіи нѣкоторыхъ ограниченій. Про Фехнера можно было сказать, что онъ готовъ былъ бороться со всякимъ мнѣніемъ, безъ всякаго ограниченія. Его полемика не носила, однако, никогда личнаго характера. Споръ съ нимъ бывалъ всегда очень поучителенъ и доставлялъ высокое наслажденіе.

48-ми лѣтъ отъ роду онъ написалъ произведеніе, въ которомъ изложилъ основныя свои взгляды, «Die Tagesansicht gegenüber der Nachtansicht». Матеріалисты думаютъ, что міръ цвѣтовъ и звуковъ—это преходящее явленіе, иллюзія, что всѣ явленія сознанія представляютъ только колебанія атомовъ. Матеріалисты хотятъ превратить весь міръ, полный звуковъ, сіяющій цвѣтами, чудный и свѣтлый Божій міръ въ глухую, беспросвѣтную ночь. Матеріалистическимъ теоріямъ Фехнеръ противопоставляетъ двѣ проблемы—проблему жизни и проблему сознанія. Матеріалисты думаютъ, что жизнь возникла изъ неорганизованной матеріи. Они утверждаютъ, что при другихъ условіяхъ, отличныхъ отъ современныхъ и имѣвшихъ когда-то мѣсто, было возможно самопроизвольное зарожденіе. Но они забываютъ, что условія для этого были раньше еще болѣе неблагоприятными, чѣмъ теперь. Нѣтъ ничего болѣе неправдоподобнаго, какъ предположеніе о происхожденіи организмовъ изъ неорганической матеріи. Сколь далеко ни проникаетъ наша мысль—мы вездѣ видимъ, что организованная матерія переходитъ въ неорганическую, а не обратно. Движеніе молекулъ неорганической матеріи отлично отъ движенія молекулъ организованныхъ тѣлъ. Въ неорганической матеріи имѣетъ мѣсто простое, однообразное движеніе. Въ организмахъ мы наблюдаемъ слож-

ное ритмическое движеніе. Типомъ движенія организованныхъ молекулъ можетъ служить движеніе планетъ вокругъ солнца; въ теченіе извѣстныхъ, ритмически повторяющихся промежутковъ времени совершаютъ они свой кругооборотъ. Аналогичнымъ же образомъ молекулы нашего тѣла совершаютъ сложное ритмическое движеніе; это движеніе присуще какъ отдѣльнымъ молекуламъ, такъ и цѣлымъ органамъ—легкимъ, сердцу и т. д., наконецъ, всему нашему тѣлу. Жизнь существуетъ не только въ такъ называемыхъ организованныхъ тѣлахъ, она разлита во всей вселенной. Наша солнечная система тоже живетъ, она представляетъ живой организмъ. Съ другими системами небесныхъ тѣлъ она составляетъ новый, болѣе сложный организмъ; такимъ образомъ, существуетъ цѣлая система организмовъ, комплексы низшихъ объединяются въ высшіе организмы, включающіе всѣ низшіе. Высшій организмъ есть вселенная, единая космоорганическая масса. Эта масса въ своемъ развитіи даетъ начало все новымъ и новымъ организмамъ. Она образовала организмъ земли. Этотъ организмъ, подобно отдѣльному продукту его—человѣку, спитъ и бодрствуетъ—одно время года смѣняется другимъ, день смѣняется ночью, имѣетъ систему кровообращенія—морскіе приливы и отливы, имѣетъ чувствительную поверхность—земную кору съ ея безконечно-разнообразною растительностью. Чтобы быть организмомъ, она не должна во всемъ походить на человѣка; подобно тому, какъ организмы кровяныхъ тѣлецъ, мышечной ткани, нервныхъ кѣтокъ и т. д. объединяются въ одинъ сложный человѣческій организмъ, такъ и организмы людей, животныхъ, растеній объединяются въ сложный организмъ земли. Неорганическіе элементы земли по существу не отличаются отъ организмовъ, входящихъ въ составъ ея. Единственное различіе въ степени сложности движенія. Какъ въ человѣческомъ организмѣ, такъ и въ организмѣ земли рядомъ съ организованными тѣлами содержится масса неорганическихъ. Организмъ образуетъ въ своемъ развитіи неорганическія тѣла—это есть процессъ дифференціаціи его составныхъ частей, повышеніе жизни однихъ частей путемъ субординаціи имъ другихъ, такимъ образомъ внутри организма происходитъ постоянное усложненіе, постоянный прогрессъ органическихъ функцій. Этотъ процессъ развитія присущъ не однимъ организмамъ, населяющимъ землю—онъ совершается во всей вселенной. Отдѣльная планета является подобнымъ же организмомъ; витая въ космоорганическомъ пространствѣ, она подобнымъ же образомъ дифференцируетъ свои части, развиваетъ свои органы. Организмы не погибаютъ, не умираютъ, превращаясь въ неорганическую матерію, они становятся составною частью болѣе сложныхъ организмовъ. Что справедливо относительно органической жизни, то справедливо и относительно сознанія. Мы говоримъ, что сознательное дѣлается безсознательнымъ, но это невѣрно. Сознаніе никогда не уничтожается. Если оно, повидимому, исчезло, то это только означаетъ, что оно пе-

решио границы нашей индивидуальности, что оно вошло въ общее сознание вселенной. Сознание всюду проникаетъ вселенную. Каждый физическій процессъ является въ то же время и психическимъ. Оба представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія. Если мы смотримъ на шаръ изнутри, поверхность его кажется вогнутою, при разсматриваніи снаружи она представляется выпуклою; въ обоихъ случаяхъ передъ нами то же самое тѣло. Физическій и духовный міръ—двѣ различныхъ точки зрѣнія на тотъ же предметъ. Сознание вселенной едино и вѣчно, оно представляетъ изъ себя какъ бы одну систему волнообразныхъ движеній. Отдѣльныя волны этого общаго сознанія, плеснувшіе черезъ порогъ нашей бессознательной жизни, становятся достояніемъ нашего индивидуальнаго сознанія. Этотъ порогъ отдѣляетъ наше индивидуальное сознание отъ общаго сознанія вселенной. Только гребни отдѣльныхъ волнъ прорываются черезъ него, чтобы затѣмъ опять слиться съ общей водной поверхностью, съ мировымъ сознаніемъ. Все, что не переступаетъ порога нашей индивидуальности, относится къ области бессознательнаго, мировое же сознание дѣлается намъ доступнымъ только по тѣмъ немногимъ всплескамъ, которые прорываются черезъ грань, лежащую высоко надъ общимъ уровнемъ его, по всплескамъ, которые переступаютъ порогъ нашей чувствительности. Эти отдѣльные всплески мирового сознанія достигаютъ въ нашей индивидуальности высокаго развитія. Съ такъ-называемой смертью организма индивидуальное сознание сливается съ тѣмъ, что намъ, съ нашей точки зрѣнія, представляется бессознательнымъ и что на самомъ дѣлѣ есть только болѣе широкое сознание; индивидуальное сознание, не утрачивая ни одного изъ своихъ достояній, становится частью болѣе совершеннаго сознанія. Со смертью человѣка духъ его не утопаетъ безслѣдно въ болѣе высокомъ и совершенномъ духѣ, но вступаетъ къ послѣднему въ болѣе ясное, въ болѣе сознательное отношеніе; наше земное сознание не утрачивается, а просвѣтляется. Наша земная жизнь представится намъ въ нашей новой жизни, какъ рядъ воспоминаній. И эти воспоминанія дадутъ намъ возможность въ томъ, болѣе высокомъ сознаніи, съ которымъ мы слились, узать вошедшія въ него сознанія нашихъ близкихъ, любимыхъ нами людей.

Въ одну любовь сліясь, мы цѣпи безконечной
Единое звено,

И выше восходить, въ сіяньи правды вѣчной,
Намъ врозь не суждено.

Таково въ общихъ чертахъ философское міросозерцаніе Фехнера. Впервые всѣ эти взгляды были выражены ими въ *Зендъ-Авестѣ*, появившейся въ 1853 г. Въ *Зендъ-Авестѣ* уже содержатся всѣ основныя взгляды Фехнера. На это сочиненіе не обратили вниманія. Подобнаго рода вопросы были не въ духѣ того времени. Незадолго до этого померкла звѣзда Гегеля. Въ Шопенгауера никто не вѣрилъ, кромѣ

его самого. Повсюду звучала горячая проповѣдь матеріализма. Фехнеръ былъ глубоко обиженъ тѣмъ равнодушнымъ приѣмомъ, который встрѣтила его книга. «Чтобы разбудить спящій міръ, нужны крѣпкіе и мощные звуки. Мой голосъ является только слабымъ дуновеніемъ», — писалъ онъ. Облечь свои золотыя мечты въ научную форму, придать имъ силу и мощь, заставить признать ихъ—это становится задачей его жизни. Въ 60-мъ году вышло въ свѣтъ его капитальное произведеніе, его психофизика («Elemente der Psychophysik»). Уже въ 1850 г. 22-го октября его внезапно осѣнила мысль о своеобразной зависимости между силою внѣшняго раздраженія и вызваннымъ послѣднимъ ощущеніемъ. Эта мысль пришла Фехнеру совершенно самостоятельно, тѣмъ не менѣе онъ далъ названіе «веберовскаго» закона наблюденной и изученной имъ зависимости между раздраженіемъ и ощущеніемъ, такъ какъ Веберъ впервые обратилъ на нее вниманіе. Послѣ этого начинается многолѣтняя мелкая и кропотливая работа, которая въ 1860 г. привела Фехнера къ слѣдующему выводу: ощущеніе пропорціонально логариѳму раздраженія, или,—въ то время, какъ раздраженія возрастаютъ въ геометрической прогрессіи, соотвѣтствующія имъ ощущенія увеличиваются въ ариѳметической. Онъ установилъ законъ о порогѣ раздраженія. Въ силу этого закона, внѣшнее раздраженіе можетъ быть воспринято нами только въ томъ случаѣ, если оно достигнетъ извѣстной интенсивности; точно также и приростъ внѣшняго раздраженія распознается только при условіи достиженія имъ извѣстной степени. Итакъ, физическое раздраженіе можетъ не вызвать въ насъ никакого ощущенія. Между тѣмъ, по принципу психофизическаго параллелизма мы должны допустить, что всякому физическому процессу соотвѣтствуетъ психическій; это должно имѣть мѣсто и въ данномъ случаѣ. Психическій процессъ только не перешелъ порога нашей чувствительности, не достигъ области нашего индивидуальнаго сознанія. Онъ остался для насъ въ сферѣ безсознательнаго. Онъ отразился на теченіи мірового сознанія. Этимъ доказывается, что, кромѣ нашего личнаго сознанія, существуетъ еще другое, сверхъ-индивидуальное; наше личное сознаніе является только частью послѣдняго. Индивидуальное сознаніе есть не что иное, какъ подъемъ, всплескъ этого мірового сознанія за порогъ нашей чувствительности.

Психофизика Фехнера—плодъ многолѣтней упорной и точной экспериментальной работы—содержитъ въ себѣ тѣ же идеи, что выражены и въ Зендѣ-Авестѣ; ни одна изъ основныхъ идей Зендѣ-Авесты не опущена въ психофизикѣ.

Психофизика Фехнера возбудила большое вниманіе; ученые дѣятельно принялись обсуждать и провѣрять фехнеровскій законъ. Но идея, смыслъ этого произведенія никого не интересовали. «Они толкуютъ все о внѣшней психофизикѣ», говоритъ Фехнеръ, «а моей внутренней психофизикѣ (meine inere Psychophysik) никто не оцѣнилъ,

не понялъ». Съ глубокою горечью смотрѣлъ онъ на судьбу своего произведенія. Но его поддерживала надежда, что рано или поздно истина восторжествуетъ, что люди поймутъ и оцѣнятъ его завѣтныя стремленія, бывшія для него цѣлью и смысломъ жизни.

Какъ и многіе великіе люди, онъ невѣрно понималъ свое значеніе, онъ не понялъ своей великой преобразовательной роли въ дѣлѣ изученія психическихъ явленій. Его незабвенная заслуга—введеніе въ психологію точнаго экспериментальнаго метода; онъ проложилъ для психологіи новые пути, показавъ, что она можетъ и должна сдѣлаться точною наукою.

Но въ этомъ ли одномъ—въ созданіи для психологіи строго-научнаго метода и заключается его заслуга? Онъ создалъ еще своеобразную философскую систему. Философскія системы имѣютъ вообще двоякаго рода характеръ. Одинъ рядъ философовъ исходитъ изъ выработанныхъ современною имъ наукою положеній, обобщеній. Осторожно воздвигаютъ они свое зданіе на положительныхъ, твердо установленныхъ завоеваніяхъ человѣческой мысли. Всѣ выводы, къ которымъ пришли отдѣльныя науки ихъ времени, они подвергаютъ критической переработкѣ и соединяютъ ихъ въ стройную философскую систему. Къ такого рода философамъ принадлежатъ Аристотель, Декартъ. Во всеоружіи современнаго имъ знанія, въ непосредственной связи съ данными отдѣльныхъ наукъ создаютъ они свои философскія ученія. Къ такого же рода мыслителямъ можно было бы, можетъ быть, отнести и Канта—время окончательной оцѣнки его философіи еще не наступило. Кромѣ этой, чисто научной философіи, есть еще другая. Тамъ, гдѣ современное знаніе оказывается неудовлетворительнымъ, гдѣ оно не отвѣчаетъ на всѣ запросы мыслящаго человѣчества, эта философія помощью творческаго воображенія смѣло перекидываетъ мосты черезъ неизвѣстное. Роскопными картинами, продуктами своей фантазіи она утоляетъ томленіе духа, она придаетъ ему въ его блужданіяхъ новую силу, вливаетъ въ него надежду и бодрость. Къ такого рода мыслителямъ принадлежитъ Платонъ. Въ XIX вѣкѣ выступилъ со своими философскими утопіями Шеллингъ. Но его философія имѣла только скоропроходящее значеніе; она находилась въ противорѣчій съ данными точной науки. Приведеніе въ связь натурфилософскихъ построеній, продуктовъ свободнаго творчества, съ выводами положительной науки, сліяніе ихъ въ могучій и стройный аккордъ—это заслуга Фехнера.

Онъ разрѣшилъ торжественнымъ аккордомъ
Ихъ голосовъ мучительный разладъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе лекціи Вундта. Какъ ни рѣзко расходится Вундъ въ своихъ взглядахъ съ Фехнеромъ, между ними существуетъ тѣсная связь. Вундтъ является продолжателемъ дѣла, начатаго Фехнеромъ. При открытіи Вундтомъ въ

1879 г. первой психологической лабораторіи, Фехнеръ шутя сказалъ ему: «Если вы поведете дѣло въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, то черезъ два года вы разрѣшите всѣ психофизическіе вопросы» *). Съ того времени прошло 22 года и экспериментальная психологія разрослась въ цѣлую науку, обширную и безконечную, какъ и всѣ другія. Во всѣхъ странахъ завоевываетъ она себѣ права гражданства; правда, это завоеваніе требуетъ упорной и энергичной борьбы, борьбы со всевозможными предрасудками. Вундтъ самый крупный представитель этой науки. Математическія изслѣдованія Фехнера положили ей начало. И философскія возрѣнія того и другого имѣютъ между собою много общаго. Мечтательный идеализмъ Фехнера утратилъ свою субъективную, фантастическую окраску, подвергся теоретико-познавательной переработкѣ, получилъ твердое научное обоснованіе, сдѣлался реалистическимъ. Въ исторіи мысли имена Фехнера и Вундта неразрывно связаны между собою.

К—съ.

*) См. Gustav-Theodor Fechner. Von Prof. Kurd Lasswitz, стр. 90.

ВО ИМЯ ДОЛГА.

Романъ Гарлянда.

Переводъ съ англійскаго.

(Окончаніе *).

XXV.

Ида снова входитъ въ жизнь Брэдлея.

Возвратясь домой, Брэдлей пользовался каждымъ случаемъ говорить публично, по крайней мѣрѣ, это прерывало монотонную жизнь въ Рокъ-Риверѣ. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ политическихъ дѣлахъ округа и четвертаго іюля произносилъ рѣчь на празднествѣ въ Рокъ-Риверѣ. Слова его сопровождались оркестромъ музыкантовъ, прогулкой съ факелами и угощеніемъ сливочнымъ мороженымъ. Толпа уличныхъ мальчишекъ бросала шутики, забывъ весь міръ ради своей забавы.

Брэдлею было чрезвычайно пріятно ѣхать въ каретѣ во время парада, сидѣть на платформѣ, играя всюду первую роль, вставать при крикахъ многочисленной публики, произносить зажигательныя рѣчи, обращаясь къ гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ и указывая имъ на высшіе идеалы, настаивать на необходимости водрузить національное знамя въ борьбѣ со зломъ. Однимъ словомъ, ни одно празднество не обходилось безъ него.

Лѣто прошло гораздо лучше, чѣмъ ожидалъ Брэдлей. Черезъ мѣсяцъ послѣ возвращенія изъ Вашингтона, онъ получилъ письмо отъ Иды съ просьбою присутствовать на избирательномъ митингѣ въ Демуанѣ, онъ съ радостью принялъ ея приглашеніе. Ему давно хотѣлось ее повидать, но онъ не рѣшался предпринять путешествіе съ этой исключительною цѣлью.

Онъ выѣхалъ въ ясный октябрьскій день и поѣздка въ Демуанъ была ему чрезвычайно пріятна.

*) См. «Міръ Вожія», № 7, іюль 1901 г.

Ландшафтъ казался сѣрымъ, какимъ-то полусоннымъ. Сойки порхали между кленами и дубами, покрытыми пурпурно-желтой листвою, перепела пилюкали въ орѣшникѣ, а вороны гнѣвно прыгали по полямъ, гдѣ работали пахари. Машины медленно скрипѣли и работали.

Смотря на этотъ тяжелый и физическій трудъ, Бродлей душевно радовался, что онъ теперь избавленъ отъ необходимости заниматься подобнымъ трудомъ.

Ида очень обрадовалась приѣзду Талькота и крѣпко пожала ему руку со словами:

— Оставайтесь у насъ чай пить. Кромѣ меня и матери сегодня никого нѣтъ и мы свободно обо всемъ переговоримъ. Вотъ моя мать,— сказала она указывая на старушку съ широкимъ лицомъ. Она цѣлый вечеръ просидѣла молча, съ необыкновеннымъ вниманіемъ прислушиваясь къ разговору. Очевидно, она обожала дочь и никогда не задавала ей никакихъ вопросовъ.

Они сѣли за столъ.

— М-ръ Талькотъ, рекомендую вамъ Христину,— сказала Ида—при видѣ входящей дѣвушки съ чаемъ въ рукахъ.—Она заботится объ моей матери въ мое отсутствіе.

— Иногда и она заботится обо мнѣ,—отвѣтила дѣвушка съ улыбкой.

Избѣгая семейныхъ вопросовъ, Ида говорила объ различныхъ общественныхъ дѣлахъ, разспрашивала Бродлея о его занятіяхъ, чтеніяхъ и этотъ разговоръ доставлялъ ему чрезвычайное удовольствіе. Она говорила изящно и употребляла удивительно красивыя выраженія. Онъ больше чувствовалъ, чѣмъ понималъ красоту и силу ея рѣчи.

— Мнѣ очень хотѣлось бы быть писательницей, — сказала Ида,— тогда бы я непремѣнно занялась женскимъ вопросомъ.

— Почему же вы не пишете?

— У меня мало свободнаго времени и тогда пришлось бы оторваться отъ своихъ постоянныхъ занятій, но если бы я писала романы, то непремѣнно брала бы темы изъ современной жизни.

Онъ не могъ запомнить всего, что она говорила, но ясно помнилъ потомъ то отчаяніе, какое овладѣвало имъ, когда она упоминала о книгахъ и авторахъ, о которыхъ онъ никогда не слышалъ.

По тротуарамъ покрытымъ сухими листьями они пошли въ церковь и, войдя въ боковую дверь, Ида начала представлять его дамамъ, которыя окружили ее, какъ только она показалась. Бродлея смущало, что ихъ такъ много, но онъ гордился тѣмъ, что его представляла Ида.

Они подошли къ платформѣ; ему еще никогда не приходилось говорить на подобныхъ митингахъ и онъ чувствовалъ себя чрезвычайно взволнованнымъ, однако очень хорошо произнесъ свою рѣчь, хотя его все время смущало присутствіе Иды. Когда она начала говорить, онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на ея красивую головку и болѣе чув-

становалъ, нежели видѣлъ изящныя формы ея фигуры, не стѣсняемой корсетомъ. Тонкій запахъ ея платья, его мягкій шелестъ, все это заставляло его забывать смыслъ ея словъ.

Кергиль подошелъ къ платформѣ съ шутливыми словами:

— Ну что, законодатель, какъ поживаете? Я слышалъ, вы хотите заслужить себѣ безсмертіе, говорятъ, вы попали въ конгрессъ.

— Да, я уже былъ въ Вашингтонѣ въ продолженіи нѣсколькихъ дней,—отвѣтилъ Брайлей

— Ну что же, понравилось?

— Здравствуйте, м-ръ Кергиль,—сказала Ида,—миѣ кажется, вы здѣсь не на мѣстѣ.

— Я всегда и вездѣ не на мѣстѣ,—проворчалъ Кергиль.

— Знакомы ли вы съ м-ромъ Бердселемъ,—сказала Ида, представляя Брайлея чрезвычайно красивому молодому человѣку съ свѣтлыми карими глазами и великогѣпными усами. При видѣ его, у Брайлея дрогнуло сердце отъ мысли, что они могутъ быть влюблены другъ въ друга.

— М-ръ Бердсель прѣхалъ изъ Мускатена,—продолжала Ида,—и случайно узнавъ о нашемъ избирательномъ митингѣ, пришелъ сюда чтобы примириться съ мыслью о женской эмансипаціи.

Брайлей изучалъ Бердсея пристальнымъ взглядомъ и находилъ его необыкновенно красивымъ, ему стало даже неловко стоять рядомъ съ такимъ блестящимъ молодымъ человѣкомъ и молча выслушивать его остроты. Однако, Ида попрощалась съ Кергилемъ и Бердселемъ и отправилась домой въ сопровожденіи Брайлея. Но Брайлей оказался недостаточно проникательнымъ, чтобы оцѣнить ту поспѣшность, съ какою она простилась съ Бердселемъ.

Они шли рядомъ при лунномъ свѣтѣ. Онъ не рѣшился предложить ей руку и продолжалъ снова говорить о Вашингтонѣ, а она просила его вспомнить о женскомъ вопросѣ въ своей законодательной дѣятельности.

— Я еще не знаю, что я могу сдѣлать, но, во всякомъ случаѣ, я не могу забыть о несчастныхъ женахъ фермеровъ. Я имъ вполне сочувствую и нахожу, что ихъ горькая доля служить доказательствомъ безчеловѣчности мужчинъ. Мое сердце болитъ за нихъ. Сейчасъ поднимается новое фермерское движеніе, союзъ, и я думаю къ нему присоединиться. Слышали ли вы объ этомъ обществѣ?

— Очень мало,—отвѣтилъ Брайлей.

Они дошли до воротъ и стояли, какъ влюбленные, залитые луннымъ свѣтомъ.

Въ ея движеніяхъ была какая-то особенная мягкость и женственность, необыкновенно дѣйствовавшая на Брайлея.

— Вы миѣ позволите вамъ иногда писать, неправда ли?—спросилъ онъ.

— Конечно. Я буду слѣдить за вашей дѣятельностью съ глубочайшимъ интересомъ. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы подумали объ этомъ союзѣ и посовѣтовали бы мнѣ, какъ поступить. Прощайте,— сказала она, протягивая ему руку.

— Прощайте,—повторилъ онъ и голосъ его дрогнулъ. Когда она удалилась, ему сдѣлалось грустно и Вашингтонъ со всѣмъ своимъ величіемъ потерялъ для него всякое значеніе.

XXVI.

Жизнь членовъ конгресса.

По возвращеніи въ Вашингтонъ, Брайденъ чувствовалъ себя менѣе одинокимъ. Было нѣсколько новыхъ членовъ конгресса, которые старались сблизиться съ нимъ, и нерѣдко они собирались для общаго разговора, несмотря на насмѣшки старожиловъ. Одинъ изъ членовъ, Кленси часто говорилъ:

— Старыя крысы считаютъ себя чертовски важными, но можно прекрасно и безъ нихъ обойтись.

Большинство членовъ были женаты и жили съ своими семьями въ частныхъ квартирахъ, а тѣ, которые не имѣли средствъ привозить семьи или были холостяками, ютились въ меблированныхъ квартирахъ. Брайденъ нанялъ себѣ комнату со столомъ въ одномъ домѣ вблизи Капитолія и ему все казалось, что онъ стоитъ ближе къ дѣлу, постоянно имѣя предъ глазами куполь.

Съ удивленіемъ онъ узнавалъ, какъ скромно жили многіе члены конгресса. Это были все самые обыкновенные люди. Конечно, нѣкоторые изъ сенаторовъ жили богато, въ прекрасныхъ домахъ, но они составляли исключеніе, и бѣднѣйшіе изъ ихъ товарищей относились недоброжелательно къ источнику богатства этихъ великихъ людей.

— Важно не то, сколько человѣкъ имѣетъ состоянія, но какъ онъ его приобрѣлъ,—говорилъ Кленси.—Жизнь въ убогомъ домишкѣ, не есть еще гарантія честности, точно также какъ жизнь въ громадномъ четырехъэтажномъ домѣ не есть признакъ воровства, хотя неволью закрадывается подобное подозрѣніе.

Богатые сенаторы и члены конгресса по большей части владѣютъ обширными каменноугольными копями, мѣдными рудниками или факториями. Они прѣзжаютъ въ Капитолій на великолѣпныхъ лошадяхъ съ бичами и шикарной сбруей, прогоняя съ дороги скромныхъ пѣшеходовъ, вродѣ Брайдена и Кленси. Въ первый разъ въ жизни Брайденъ встрѣчался съ богатствомъ во всемъ его великолѣпіи и оно возмущало и озлобляло его.

Онъ принималъ мало участія въ организаціи засѣданій. Пренійный опытъ въ Демуанѣ научилъ его удаляться отъ кружка заправилъ.

Онъ принялъ мѣсто въ одномъ изъ наименѣе важныхъ комитетовъ и ожидалъ, что будетъ далѣе.

Брадлей велъ жизнь самую тихую. До начала вакаціоннаго времени почти не было никакой работы, кромѣ организаціонной, и онъ имѣлъ много времени для чтенія. Редборнъ также скоро возвратился и принялся за свое дѣло. Кленси часто бывалъ въ театрѣ и на всевозможныхъ выставкахъ и всюду, куда ему присылали даровые билеты.

— До сихъ поръ я жилъ тамъ, гдѣ не было ничего подобнаго и теперь хочу наверстать потерянное,—говорилъ онъ.

Время проходило въ конгрессѣ такъ же, какъ и въ законодательномъ корпусѣ. Каждое утро члены собирались въ громадномъ зданіи, на красоту котораго уже перестали обращать вниманіе, и толпились тамъ, какъ школьники.

Въ сущности дѣло шло такъ же, какъ и въ Айова, только въ болѣе крупномъ масштабѣ, шумнѣе и запутанѣе. Со временемъ Брадлей пересталъ обращать вниманіе на позолоту и вообще на всѣ украшенія сената и зала засѣданій. Онъ болѣе не замѣчалъ размѣра комнатъ, картины, статуи, фрески и пр., все это великолѣпіе сдѣлалось для него совершенно обычнымъ.

Шумъ и движеніе въ залахъ также болѣе не смущали его. По отношенію къ общему числу членовъ, Брадлей не находилъ, чтобы здѣсь было болѣе талантливыхъ людей, нежели въ Демуанѣ. Они были опытные политиканы, болѣе самостоятельные, говорили краснорѣчивѣе и управляли штатами, а не округами и болѣе ничего. Порядокъ засѣданій ничѣмъ не отличался и былъ ему хоропо извѣстенъ.

Онъ возненавидѣлъ нѣкоторыхъ изъ главныхъ коноводовъ партій, убѣдившись, что они люди безъ принциповъ, вахалы, комедіанты, предатели. «Я могу предложить вамъ свою поддержку», говорили они, совершенно такъ же, какъ если бы шла рѣчь о томъ, чтобы одолжить лошадь или что подобное. Часто Брадлей говорилъ о нихъ съ Редборномъ, который въ качествѣ газетнаго репортера всѣхъ зналъ, онъ относился къ нимъ пренебрежительно и возмущался ихъ безнравственными поступками.

— Коноводы всѣхъ партій просто игроки. Они все готовы принести въ жертву успѣху своей партіи. Намъ необходимъ новый политическій переворотъ для того, чтобы уничтожить централизацію и вообще придать другой характеръ всей политической машинѣ. Существующее положеніе вещей не можетъ долго продержаться, оно само собою падеть. Всѣ считаютъ его популярнымъ, но это ошибочно; съ каждымъ годомъ оно все менѣе и менѣе удовлетворяетъ народъ. Обратите вниманіе на служебные департаменты. Слышали ли вы про это учрежденіе.

— Нѣтъ, немного—сказалъ Брадлей.

— Каждый годъ,—продолжалъ Редборнъ,—увеличивается армія бесполезныхъ клерковъ, каждый годъ возводятся бесполезныя обществен-

ныя постройки. Всё это видать, но молчать, не зная какииъ образомъ помочь бѣдѣ. Число законовъ постоянно увеличивается, тогда какъ въ сущности слѣдовало бы ихъ уменьшать. Надо уничтожить подачки и какія бы то не было привилегіи. Мы должны стремиться къ тому, чтобы всѣхъ равнять, а мы дѣлаемъ наоборотъ, проводимъ билль Макъ-Кинлея и, Богъ знаетъ, куда идемъ. Но будетъ объ этомъ. Скажите мнѣ лучше, что стало съ Мильтономъ Дженингсномъ. Онъ обѣщалъ сдѣлаться убѣжденнымъ республиканцемъ.

— Онъ живетъ дома, занимается политикой, но далѣе службы въ округѣ, вѣроятно, никуда не пойдетъ.

— Онъ человекъ блестящихъ способностей, но онъ ихъ дурно направилъ. Значитъ, нѣтъ надежды, что онъ къ намъ когда-нибудь попадетъ.

— Онъ женатъ, живетъ противъ семинаріи и кажется вполне доволенъ своею судьбою.

— А вы не женаты,—спросилъ Редборяъ.

Брадлей покраснѣлъ и сказалъ:

— Нѣтъ еще.

Редборяъ подумалъ и прибавилъ:

— Я припоминаю, что кажется была рѣчь о вашей женитьбѣ на маленькой Руссели.

— Нѣтъ, это не устроилось,—отвѣтилъ Брадлей, ему хотѣлось открыть свою тайну Редборю, но онъ не рѣшился.

Законодательная процедура шла очень медленно.

— Это ужасно, что мы здѣсь ничего не дѣлаемъ,—говорилъ Кленси послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ засѣданіи, въ которомъ пришлось выслушивать разглагольствованія Брауна, Диксона и другихъ членовъ, ограничивающихся одними техническими разсужденіями.—Не пришлось даже вотировать. Это просто позоръ. — Спикеръ не далъ ему слова и онъ страшно злился.—Спикеръ имѣетъ всю власть въ своихъ рукахъ и заранѣе все предрѣшаетъ,—увѣрялъ онъ.

— Да, я это замѣтилъ,—отвѣтилъ Брадлей.

— Очень хочется по временамъ дать ему затрещину.

— Едва ли это поможетъ дѣлу и принесетъ пользу.

— Польза будетъ та, что легче сдѣлается на сердцѣ. Подумайте сами, какой смыслъ присылать сюда представителей, когда вся власть находится въ рукахъ спикера и исполнительнаго комитета.

Брадлею пришлось сидѣть между двумя стариками, Самуелъ изъ Миссисипи и полковникъ Макевель изъ Южной Каролины. Они постоянно переговаривались за его спиной, это до того надоѣло Брадлею, что онъ сталъ садиться возлѣ Кленси на мѣсто Биделя, который занималъ длинную скамейку позади ширмъ.

На кутежи и пьянство Брадлей смотрѣлъ съ отвращеніемъ, также относился онъ и къ циничнымъ разговорамъ, которые ему подчасъ

приходилось слышать. Многие законодатели также очень дурно относились къ женщинамъ клеркамъ. Нерѣдко онъ начиналъ думать, что онъ самъ ненормальный человекъ, такъ какъ ему было противно видѣть все, что дѣлали другіе, и онъ приходилъ въ отчаяніе при видѣ кощунства самыми святыми вещами.

Онъ убѣдился, что хотя наружно онъ и былъ менѣе религіозенъ нежели большинство, но въ дѣйствительности, онъ относился съ большимъ уваженіемъ ко всему святому.

Нѣкоторые изъ наиболѣе порядочныхъ членовъ приглашали Брэдлея къ себѣ въ гости, онъ былъ у нихъ, но нашелъ для себя эти знакомства совершенно неподходящими и болѣе къ нимъ не возвращался. Ходить въ гости изъ чувства долга онъ не желалъ, тѣмъ болѣе, что убѣдился, что его новые знакомые въ сущности мало интересовались высшей политикой, и большинство совсѣмъ не задумывалось надъ нравственнымъ смысломъ жизни.

Брэдлей замѣтилъ, что въ Вашингтонѣ множество красивыхъ дѣвушекъ. Его поклоненіе миссъ Уильберъ нисколько не мѣшало ему восхищаться ими, когда онѣ шли въ церковь. Часто онъ задумчиво смотрѣлъ на этотъ рой веселой молодежи, который былъ отъ него такъ близокъ и въ сущности такъ далекъ, тогда ему казалось, что онъ добровольно лапшаетъ себя счастья, оставаясь одинокимъ. Но подобныхъ минутъ у него было мало, онъ вполне сознавалъ, что свѣтская жизнь не для него, и его гораздо чаще видѣли въ библіотекахъ, нежели въ знатныхъ домахъ. Онъ присутствовалъ на одномъ или двухъ большихъ приемахъ и почувствовалъ отвращеніе къ тѣснотѣ и вообще къ вульгарному характеру всего общества. Его жизнь въ столицѣ не ограничивалась одними занятіями политикой. Онъ умѣлъ цѣнить искусство и литературу, чего нельзя было сказать о большинствѣ его товарищей.

Онъ занимался экономическими вопросами несравненно болѣе, нежели политикой партіи и старался постигнуть истинное значеніе общественныхъ переворотовъ, экономическихъ положеній и ихъ причинъ. Много часовъ онъ провелъ за изученіемъ вопросовъ, не имѣющихъ никакого отношенія до интересовъ его партіи.

Жизнь его была вполне счастливая, наполненная разумнымъ трудомъ, но по временамъ его томило непреодолимое желаніе видѣть Иду.

Ирѣдка онъ ей писалъ, но ея отвѣты носили все тотъ же безличный характеръ.

Однажды возвратясь домой, онъ нашелъ слѣдующее письмо:

«Я присоединилась къ союзу фермеровъ,—писала она.—Мнѣ думается, что насталъ новый фазисъ вопроса. Превжній *духъ* гренджа еще не погибъ, но перешелъ въ новый образъ. Разница та, что этотъ новый союзъ фермеровъ будетъ сильнѣе прежняго и симпатичнѣе въ своемъ основаніи. Я никогда не считала вопросъ Гренджа погибшимъ. Я ѣду въ Канзасъ для того, чтобы работать на этомъ поприщѣ, тамъ

союзъ съ каждымъ днемъ крѣпнеть и его главари полны энтузіазма». Далѣе она писала о другихъ предметахъ, но Бродлей страшно взволновался этой новостью.

Онъ давно слышалъ о возрожденіи союза, но до сихъ поръ ему казалось, что это опять старая пѣсня, которая такъ же плачевно оканчивается, какъ и прежняя.

До девяти часовъ онъ писалъ свою рѣчь, а потомъ, какъ всегда, отправился на прогулку къ Капитолію, который до сихъ поръ не утратилъ для него своей прелести.

Онъ привыкъ выходить на воздухъ каждый разъ, какъ ему хотѣлось освѣжиться отъ сусальнаго блеска, яркой безвкусной роскоши мебелированныхъ комнатъ и навязчивыхъ посѣтителей. Онъ выходилъ на прогулку всегда, когда ему хотѣлось обдумать какую-либо возвышенную мысль, когда его охватывала потребность любоваться красотою природы.

XXVII.

Давно взлелѣянные надежды исчезаютъ.

. Послѣ полудня снѣгъ не переставалъ падать, деревья и кустарники уныло опустили свои вѣтви подъ тяжестью снѣга, который казался еще болѣе блестящимъ и сверкающимъ по сравненію съ окружающей темнотою, изрѣдка оживляемой мелькающими огоньками лампъ въ сосѣднихъ окнахъ. На тротуарахъ, гдѣ снѣгъ растаялъ, скользили яркіе отблески отъ фонарей омнибусовъ и каретъ.

Бродлей дышалъ чистымъ воздухомъ, медленно прогуливаясь по узкимъ дорожкамъ, любясь на чистый нетронутый снѣгъ, лежащій на куполѣ Капитолія. Вполнѣ наслаждаясь приятной прогулкою, онъ жаждалъ раздѣлить это удовольствіе съ Идой. Онъ чувствовалъ себя точно въ волшебной странѣ, такъ далеко отъ дѣйствительности, а между тѣмъ постоянные звонки кучеровъ, разговоры прохожихъ, смѣхъ дѣвушекъ возвращали его ко всему житейскому и придавали особую прелесть ландшафту.

— Все такъ скоро исчезаетъ,—думалось ему,—дунеть вѣтеръ, засіяетъ солнце, снѣгъ растаетъ и все пропадетъ.

Онъ вошелъ на безмолвную теперь Эспланаду, смотрѣлъ на городскіе огоньки, блестявшіе, какъ рубины. Вдали видѣлись горы, а далеко на небѣ сіялъ Юпитеръ, величественный и неподвижный, словно король всей восточной стороны неба. Какъ далеко Бродлей уносился въ своихъ мечтахъ отъ блестящихъ декламацій, монотоннаго чтенія клерковъ, рѣзкаго звонка спикера в прочіихъ подробностей засѣданій конгресса. Его уши страдали, сердце болѣло отъ всего притворства и лжи законодателей, съ ихъ интригами и подкупамъ и теперь находясь передъ

*

лицомъ природы, онъ безгранично наслаждался зрѣлищемъ снѣга, звѣздъ и ночной тишины.

Снова его охватило непреодолимое желаніе написать Идѣ, излить ей всю свою душу и выдти изъ своего неопредѣленнаго положенія.

Онъ пошелъ въ свою комнату, схватилъ перо и бумагу. Не мало онъ исписалъ страницъ, прежде чѣмъ рѣшился послать письмо, все ему казалось или черезчуръ формальнымъ, или черезчуръ смѣлымъ.

Наконецъ, онъ написалъ слѣдующее:

«Дорогая миссъ Уильберъ. Я совершенно не знаю, какъ высказать то, что у меня на душѣ. Выражая свои чувства, боюсь васъ потерять, промолчавъ, боюсь того же. Не могу вамъ передать, какъ много вы сдѣлали для меня, я прошу только мнѣ дать надежду, дать разрѣшеніе работать для васъ. Знаю, что я слишкомъ многого требую, вполнѣ сознаю свое безразсудство. Вы меня видѣли всего только нѣсколько разъ, тѣмъ не менѣе я не прошу у васъ извиненія за свою смѣлость. Мнѣ надо высказать все, что накопилось въ моемъ сердцѣ, такъ долѣе оставаться не можетъ, напишите мнѣ, скажите, что я могу взирать на будущее съ надеждой, богѣе я ничего не прошу. Искренно вамъ преданный Брайдей Талькотъ.»

Впродолженіи десяти дней до полученія отвѣта онъ былъ такъ взволнованъ, что рѣшительно не въ состояніи былъ заниматься въ конгрессѣ, за исключеніемъ только того дня, когда онъ произносилъ рѣчь о тарифѣ. Это была его первая самостоятельная рѣчь и ему дали на нее двадцать минутъ. Вся зала его слушала съ глубочайшимъ вниманіемъ и не только потому, что его мысли были новы и ясны, но также потому, что онъ прекрасно излагалъ свои убѣжденія. Онъ потерялъ прежнюю привычку ораторствовать, но зато приобрѣлъ неотразимую логику, силу и ясность рѣчи, которая ставила его много выше другихъ ораторовъ. Красивая форма изложенія, чувство и убѣжденность рѣчи неволью привлекала къ себѣ, въ особенности послѣ методичныхъ рѣчей, не производящихъ никакого впечатлѣнія, кромѣ скуки.

По окончаніи, его окружили товарищи, поздравляли съ успѣхомъ и онъ самъ остался совершенно доволенъ собою.

Возвратясь домой, онъ былъ пораженъ и обрадованъ, увидѣвъ письмо Иды. Онъ поспѣшно ушелъ въ свою комнату, бросился въ кресло, съ страшной дрожью во всемъ тѣлѣ и съ такимъ сильнымъ сердцебиеніемъ, что у него прерывалось дыханіе. Онъ походилъ на человѣка, безостановочно пробѣжавшаго громадное пространство. Когда Брайдей узналъ почеркъ Иды, руки перестали дрожать и онъ рѣшился открыть письмо. Первую страницу онъ прочелъ два раза, не понявъ ни слова.

Потомъ онъ перевернулъ листокъ и дочиталъ до конца. Письмо было не длинно, но ясно.

«Дорогой м-ръ Талькотъ. Ваше письмо меня глубоко взволновало.

Я должна была какъ-нибудь предупредить его. Я никогда не получала выраженія бѣльшей преданности, за исключеніемъ одного случая. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ я не читала его, я не имѣю права дать вамъ какое бы то ни было обѣщаніе. Я не имѣю права переписываться съ вами. Я давно искала способа дать вамъ понять это косвеннымъ образомъ, но ваше письмо вынуждаетъ меня высказать это прямо».

Далѣе она старалась смягчить свой отказъ, но онъ легъ тяжелымъ камнемъ на сердце Брэдлея. Давно ему представлялась возможность отказа, но все-таки въ глубинѣ его души таилась надежда, теперь все рушилось и у него не было никакой цѣли къ жизни. Онъ мечталъ рано или поздно быть съ нею неразлучнымъ, это былъ главный лучъ свѣта въ его будущемъ и теперь онъ чувствовалъ себя совершенно несчастнымъ и разбитымъ.

Все это казалось ему такъ ужасно, что онъ готовъ былъ кричать, плакать, но не могъ, такъ у него пересохло въ горлѣ.

Теперь онъ понималъ, насколько надежда его была ошибочна, онъ не винилъ Иды, она была къ нему только добра и снисходительна, а онъ испортилъ все дѣло своимъ опрометчивымъ поступкомъ.

Онъ всегда высоко ставилъ ея общественное положеніе и дѣятельность, но теперь онъ дошелъ до самой послѣдней степени самоуничженія и отчаянія. Каждое ласковое слово во всѣхъ ея письмахъ ему казалось особенно знаменательнымъ. Всюду онъ видѣлъ, что она его предупреждала. Онъ вспоминалъ каждую свою встрѣчу съ нею, снова все перечувствовалъ, находя странное удовольствіе беречь свою рану. Въ его присутствіи она всегда была сдержана, лично о себѣ ничего не говорила. Много разъ она ему показывала, что ея интимная жизнь до него не касалась. Теперь онъ вспомнилъ взглядъ, который Ида бросила на Бердсея во время митинга. Несомнѣнно, они заранѣе сговорились, тогда это его на минуту смутило, но, по своему нелѣпому самообольщенію, онъ не придавалъ ему никакого значенія. Его рѣчь лежала на столѣ, теперь она никому болѣе не нужна и его все болѣе и болѣе угнетала мысль о его одиночествѣ.

Онъ вспомнилъ свою жизнь въ Висконсинскихъ лѣсахъ, гдѣ ивы плакали и сосны имъ вторили. Въ этой грустной обстановкѣ умерла его мать, теперь онъ вспомнилъ о ней съ такимъ горячимъ чувствомъ, какъ никогда, прежде чѣмъ появилась на его горизонтѣ Ида.

Грустное однообразіе лѣсовъ сдѣлало его серьезнымъ и сдержаннымъ человѣкомъ, хотя онъ не былъ угрюмымъ, а, наоборотъ, преисполненнымъ силою и надеждой. Однако, тяжелыя минуты, имъ теперь переживаемыя, не могли не произвести на него впечатлѣнія. Онъ не пошелъ внизъ обѣдать, но сидѣлъ до глубокой ночи въ своей комнатѣ, а когда почувствовалъ голодъ, то отправился въ большой ресторанъ, гдѣ его никто не зналъ. Въ эту минуту ему казалось, что пропалъ весь интересъ жизни, и на слѣдующій день онъ совершенно ме-

ханически отправился въ засѣданіе, хотя нисколько не интересовался дѣломъ.

Кленси замѣтилъ его настроеніе и захотѣлъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Талькотъ, вы кажется потеряли сонъ и аппетитъ, навѣрное тутъ замѣшана женщина, — сказалъ онъ.

Брадлей ничего не отвѣтилъ, а Кленси распространилъ этотъ слухъ въ своемъ кружкѣ, но, однако, всѣ слишкомъ уважали Брадлея для того, чтобы черезчуръ дать ходъ своимъ шуткамъ. Однако, скоро жизнь взяла свое и, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, Брадлей снова началъ интересоваться своимъ трудомъ, но огонекъ, интересъ жизни пропалъ и онъ дѣйствовалъ совершенно механически.

Онъ съ жадностью читалъ всѣ вѣсти о возрастающемъ движеніи на западѣ, надѣясь встрѣтить гдѣ-нибудь имя Иды. Газеты съ ожесточеніемъ нападали на эти новые союзы въ Канзасѣ, утверждая, что они созданы безпокойными людьми безъ всякихъ принциповъ, стремящимися разорить Штаты и потрясти социальныя основы. Весь западъ казался на пути къ большимъ волненіямъ, а Канзасъ былъ центромъ движенія.

XXVII.

Весенніе сѣзды.

Сессія шла монотонно, по крайней мѣрѣ такъ казалось Брадлею, который нисколько не принималъ къ сердцу интересовъ партіи. Весна начала неотразимо манить его къ себѣ послѣ трехдневнаго теплаго дождя, луга зазеленѣли и наступили солнечные дни. Однажды Брадлей прогуливался за городомъ и ему попался веселый реполовъ въ погонѣ за червями. Каждое растеніе и животное принимало участіе въ пробужденіи весны.

Отдаленныя горы начали покрываться зеленью чрезъ нѣсколько дней, японская спирея покрылась желтыми цвѣтами, айва красивыми бутонами, которые скоро превратились въ красивые цвѣты. Садовники вооружились граблями и тачками, начали засѣвать луговины и затѣмъ перешли къ устройству клумбъ въ безчисленныхъ городскихъ садахъ.

Позднѣе, въ поляхъ появились негры на мулахъ для покоса сѣна и цѣлая масса воспоминаній нахлынула на Брадлея. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ цвѣтовъ, небо становилось все яснѣе и прозрачнѣе, строенія принимали новые оттѣнки при яркихъ солнечныхъ лучахъ.

Брадлею страшно захотѣлось поѣхать въ деревню. На Пасху молодыя дѣвушки нарядились въ свои лучшія одежды и отправились въ церковь, онѣ казались красивыми и скромными, какъ яліи. Новыя шляпы и платья, оживленные лица, молодые растенія, все возвѣщало наступленіе весны. Прошенія объ отпускахъ членовъ такъ и посыпались въ конгрессѣ.

Съ наступленіемъ іюня мысль о переизбраніи начала беспокоить многихъ членовъ, которые начали разѣзжаться по случаю важныхъ домашнихъ обстоятельствъ, а въ сущности для того, чтобы заняться мѣстной политикою. Отсрочекъ не было никакихъ и республика принимала всѣ мѣры для того, чтобы удалить демократовъ съ поля брани. Кленси собрался домой одинъ изъ первыхъ.

— Послушайте, Брайден, похлопочите, чтобы мнѣ дали поскорѣе отпускъ, я соскучился по женѣ. Право, я здѣсь не нуженъ.

— Что же сказать для полученія вашего отпуска?

— Мало-ли что, мнѣ надо ѣхать по случаю различныхъ неотлагательныхъ дѣлъ, болѣзней, у ребенка зубы рѣжутся, однимъ словомъ все, что хотите.

— Хорошо, я напишу по важнымъ дѣламъ, а все остальное черезъ чуръ уже избито.

Кленси былъ типъ законодателя, который только и заботился о томъ, чтобы ему было весело пожить и снова быть избраннымъ. Что же касается до Брайдена, то онъ мало думалъ о своемъ переизбраніи до тѣхъ поръ, пока судья ему не написалъ, что его присутствіе необходимо въ конвентѣ.

«Гораздо лучше вамъ быть на мѣстѣ, — писалъ судья, — потому что оппозиція противъ васъ въ сѣверо-западной части округа. Ларсонъ желаетъ быть избраннымъ на ваше мѣсто и онъ старается перетянуть на свою сторону скандинавцевъ въ Фишбейнѣ. Они очень возстаютъ противъ вашихъ воззрѣній относительно пенсіоннаго закона и прочихъ новыхъ идей и возстановили многихъ противъ васъ».

Это письмо сильно беспокоило Брайдена, онъ увидѣлъ, что судья ведетъ за него усиленную борьбу и что, слѣдовательно, онъ можетъ не быть избраннымъ еще разъ.

Конгрессъ необыкновенно привлекалъ его, городъ Вашингтонъ со всѣми его постройками, театрами и библіотеками казался ему чрезвычайно красивымъ. Послѣ письма Иды онъ началъ ходить въ театры и концерты и такъ къ нимъ привыкъ, что ему думалось, что безъ нихъ онъ обойтись не можетъ и тихая, одинокая жизнь, навѣрное, была бы ему въ тягость.

Вслѣдствіе этого, онъ взялъ отпускъ и также отправился въ Рокъ-Риверъ. На обратномъ пути, онъ мало восхищался своимъ путешествіемъ, такъ какъ имъ снова овладѣла тоска, только отчасти смягчаемая радостью возвращенія домой. Однако, при перевалѣ чрезъ Аллеганскія горы, при видѣ чудныхъ утесовъ, освѣщаемыхъ солнцемъ, онъ не могъ не любоваться восхитительнымъ зрѣлищемъ, хотя и не долго, потому что поѣздъ быстро скрылся въ темной долинѣ. На другой день Брайденъ проѣзжалъ чрезъ громадные преріи, лежащія между Чикаго и Миссисипи; сіяло яркое іюньское солнце, послѣ дождливой погоды насталъ солнечный день и громадный локомотивъ перееле-

тѣлъ изъ тумана и дожда въ полосу солнца и свѣта съ такой энергіей, какъ будто бы онъ былъ живымъ существомъ.

Брадлею было очень пріятно выйти изъ спального вагона по прїѣздѣ въ Рокъ-Риверъ. Небо, озаренное закатомъ, возвышалось, какъ куполъ громадной пагоды. Птички пѣли. Воздухъ былъ насыщенъ запахомъ листвы и поспѣвающихъ хлѣбовъ. Брайлей радостно пошелъ по плохимъ улицамъ города, который казался ему чрезвычайно маленькимъ и безжизненнымъ, но въ немъ были деревья, птицы, цвѣты и растительность, которая замѣняла городской блескъ. Никто не встрѣтилъ его на станціи, даже не было омнибуса. Сторожъ ему сказалъ:

— Навѣрное судья не знаетъ, что вы сегодня прїѣхали, а то бы онъ непремѣнно высласть за вами экипажъ.

М-ссъ Браунъ сидѣла въ кухнѣ, приготовляя какое-то кушанье. Горничная норвежка, съ живыми голубыми глазами и вѣжливымъ цвѣтомъ лица, аккуратно накрывала на столъ. Она улыбнулась, когда Брайлей приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія и подоидя тихонько къ м-ссъ Браунъ, вѣжно ее обнялъ. Она вскрикнула отъ неожиданности:

— Великій Боже! Брайлей Талькотъ.

— Я васъ испугалъ,—сказалъ онъ,—гдѣ судья?

Она ласково смотрѣла на него, не оставляя его объятій.

— Онъ въ саду работаетъ, я слышала, какъ онъ что-то ворчитъ,—отвѣтила она.

Брайлей нашелъ судью, копающаго грядку лука; въ карманѣ у него была засунута газета, онъ снялъ сюртукъ и работалъ съ такою энергіей, какъ каторжникъ, обреченный на всю жизнь заниматься физическимъ трудомъ.

— Какъ поживаете, дорогой судья, — воскликнулъ Брайлей.

Судья поднялъ голову.

— Какъ? это вы,—сказалъ онъ, вытирая руки объ бедра и крѣпко пожимаая протянутую руку Брайлея.—А я опять за работою, какъ видите. М-ссъ Браунъ настаиваетъ, чтобы я трудился въ саду. Ну что конгрессъ?

— Безобразенъ по прежнему. Никогда не дѣлаютъ что слѣдуетъ, а проводятъ время въ пустякахъ.

Судья надѣлъ сюртукъ, со словами:

— Ура! бросаю свой лукъ и отправляюсь умываться предъ завтракомъ.

По обыкновенію эта процедура совершалась въ кухнѣ. М-ссъ Браунъ съ материнской улыбкой смотрѣла, какъ Брайлей снялъ сюртукъ, повѣсилъ его на гвоздь и началъ усердно умываться и причесываться.

— Какъ пріятно васъ видѣть, Брайль, — сказала она.

— Мнѣ также,—отвѣтилъ онъ,—такъ отрадно вспоминать старыя времена при видѣ вашей стряпни въ кухнѣ съ отворенной дверью, откуда выглядываютъ цыплята.

— Въ округѣ все идетъ своимъ чередомъ,—сказалъ Браунъ,—но, какъ я вамъ писалъ, все-таки надо поработатать, я созвалъ конвентъ въ Седарвилѣ для того, чтобы привлечь на свою сторону нѣсколькихъ полезныхъ людей. Мы пригласимъ обѣдать стараго Джэка Шлимгена, который составляетъ главную силу у нѣмцевъ.

Брадлей избѣгалъ разговоровъ о политикѣ, но всюду ни о чемъ другомъ не говорили. Каунсилъ и Ридингъ увѣряли его, что шансы его хороши въ восточной части округа. Ихъ слова были ему пріятны. Ихъ непринужденное честное преклоненіе предъ его авторитетомъ дѣйствовало на него благотворно.

Въ назначенный день Брадлей вмѣстѣ съ судьей отправились въ путь въ одноконной тѣлѣжкѣ. Браунъ болталъ безъ умолку, а Брадлей слушалъ его молча, съ полузакрытыми глазами.

Кругомъ поля были засѣяны пшеницей, легкій туманъ затемнялъ солнечные лучи. Горы и деревья дышали жизнью. Вороны, дрозды, реполовы, воробьи весело перекликались, выражая свою жизнерадостность, которая невольно охватывала и сердце человѣка.

Судья погонялъ лошадь, со словами:

— Битва будетъ жаркая, но мы, навѣрное, перепечеголяемъ Фиш-Бейна, по крайней мѣрѣ на 25 шаровъ.

Седарвилъ находился въ возбужденномъ состояніи, улицы были наполнены взволнованными избирателями, которые съ жаромъ толковали и усиленно жестикулировали.

Когда Брадлей показался, его друзья закричали:

— Три раза ура за достопочтеннаго Брада Талькота.

Съ нескрываемымъ удовольствіемъ онъ пожималъ руки всѣмъ окружающимъ.

— Ура, молодцы, пойдемте въ Дворцовую гостинницу, я васъ угощу обѣдомъ,—сказалъ судья.

— Вотъ это дѣло,—воскликнули они радостно, слѣдуя за нимъ.

Нѣкоторые изъ нихъ отправились въ уборную, чтобы вымыться въ жестянныхъ умывальникахъ, смѣясь и болтая, они не выпускали изъ рукъ мыла и гребешокъ. Другіе бросили на полъ свои потертыя шапки, расчесали пальцами кудри и направились въ столовую также безцеремонно, какъ въ кухню на фермѣ.

Прислуга суетилась, толкала другъ друга, торопясь подавать заказанный обѣдъ.

Большинство избирателей были веселые, добродушные фермеры. Они были заранѣе увѣрены въ успѣхъ и поднимали на смѣхъ оппозицію.

Молчаливо возвращались домой судья и Брадлей, но это молчаніе вызывалось иными причинами, чѣмъ утромъ. Они потерпѣли поражение и съ обѣихъ сторонъ было наговорено много обидныхъ вещей.

Окружающая природа была по прежнему хороша, но они не обра-

щали вниманія на нее. Заходящее солнце окрашивало поствѣвающіе хлѣба и бросало свои лучи на оконныя рамы. Мимо пронесся поѣздъ, уносящій счастливаго избранника Уатерфильда, который любезно раскланялся съ своими противниками.

Судья былъ такъ же разстроенъ, какъ и Брайлей. Для него это былъ тяжелый ударъ. Ему казалось, что онъ обманулся въ своихъ демократическихъ надеждахъ на прогрессъ и что рушились джеферсоновскіе принципы. Онъ утѣшался, говоря, что эти люди не могутъ считаться представителями народной воли. Самое главное одержать побѣду въ конвентѣ и онъ задумалъ повести новую кампанію.

Брайлей угрюмо молчалъ. Комментаріи его друзей огорчали его еще болѣе, нежели его пораженіе. Ихъ сочувствіе и сожалѣнія оскорбляли его. Онъ не могъ примириться съ мыслью, что честный человѣкъ можетъ имѣть враговъ въ своей собственной партіи. Чѣмъ онъ заслужилъ ихъ гнѣвъ, за что они чертовски радовались его пораженію?

Эта неудача подсѣкла судью почти съ такою же силой, какъ смерть его сына. Если бы Брайлей не былъ такъ слѣпъ въ своемъ эгоистическомъ огорченіи, то онъ могъ бы замѣтить, насколько судья въ одинъ день постарѣлъ и затосковалъ. Но здоровая, сильная натура старика не хотѣла безропотно сдаться. Онъ почти заставилъ Брайлея разослать объявленія о своей независимой кандидатурѣ въ конгрессъ. Брайлей повиновался ему, но совершенно безучастно, какъ будто вся юношеская энергія покинула его.

Судья началъ группировать свою партію, а Брайлей бѣжалъ изъ Рокъ-Ривера, чтобы избѣгнуть какъ участія друзей, такъ и насмѣшекъ враговъ. Онъ боялся встрѣчи съ товарищами въ Вашингтонѣ, но они оказались гораздо болѣе сдержанны, нежели его деревенскіе друзья, и мало кто принималъ къ сердцу его интересы.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи, онъ встрѣтилъ Редборна.

— Вижу по газетамъ, что васъ забаллотировали за ваши «крайнія идеи». Я васъ предупреждалъ, что не всегда безопасно проповѣдывать ереси, утѣшать васъ не буду, вы имѣли свободный выборъ. Надо было или разыгрывать изъ себя фарисея, высказывая сочувствіе всевозможнымъ монополіямъ и специальнымъ законамъ, или, какъ сдѣлали вы, выставить впередъ свою индивидуальность и въ награду за то вамъ показали на дверь.

Брайлей очень страдалъ, выслушивая всѣ эти слова и тонкія насмѣшки и колкости своихъ враговъ, но всѣ были до того озабочены своими личными дѣлами, что скоро забыли о его положеніи и онъ повелъ тихую мирную жизнь.

При наступленіи жаркой погоды, городъ сталъ почти также тихъ, какъ и Рокъ-Риверъ. За исключеніемъ небольшого количества путешественниковъ, оставалось немного публики. Извозчики рѣдко попада-

лись на улицахъ. Листья посыпались съ деревьевъ и можно сказать, что городъ заснулъ подъ ихъ покровомъ.

Засѣданія конгресса становились все болѣе и болѣе монотонными и спикеръ постоянно выходилъ изъ залы считать «шапки въ прихожей», какъ говорили шутники. Дѣло подвигалось впередъ, но бумаги быстро накаплились къ концу сезона. Сенаторы ненадолго показывались, одѣтые въ самыя легкія одѣянія, и вообще конгрессъ поражалъ своею пустотою и непредставительностью. Брайден казался очень утомленнымъ и подъ конецъ окончательно заболѣлъ. Его раздражали постоянныя нападки газетъ, и въ особенности «Уатервилльскій Патріотъ», который раздувалъ каждую изъ его рѣчей, придавая имъ совершенно превратное значеніе и иначе не называя Брайдена, какъ «анархистомъ, социалистомъ, вполне подходящимъ коноводомъ для взбунтовавшихся фермеровъ въ Канзасѣ».

Редборнъ страшно за него безпокоился и совѣтовалъ ему взять отпускъ и ѣхать домой.

— Поѣзжайте на сѣнокосъ, повѣрьте что здоровье ваше поправится, а здѣсь и безъ васъ обойдутся. Поѣзжайте въ Рокъ-Риверъ, временно бросьте занятія политикой, а когда разразится революція, то наносите смертоносныя раны своимъ врагамъ.

Брайден принялъ этотъ совѣтъ, чувствуя что городской воздухъ окончательно погубилъ его здоровье.

Въ сущности его губилъ недостатокъ дѣятельности. Для его организма, физическій трудъ былъ необходимъ, онъ старался какъ можно больше ходить, но этого было для него недостаточно.

XXIX.

Брайден падаетъ духомъ.

Судья и м-съ Браунъ были поражены пережѣной въ наружности Брайдена, онъ страшно поблѣднѣлъ и сдѣлался сумрачнымъ, хотя все время увѣрялъ, что онъ совершенно здоровъ.

— Я отправляюсь на ферму, хочу помогать Каунсилю убирать сѣно, я увѣренъ, что физическій трудъ мнѣ принесетъ большую пользу и когда я почувствую волчій голодъ, мое здоровье окончательно поправится.

Вскорѣ судья поѣхалъ съ Брайдеемъ на ферму, гдѣ ихъ встрѣтили съ распростертыми объятіями. М-съ Каунсиль выбѣжала къ телѣжкѣ, защищаясь отъ солнца голыми руками.

— Здорово Брайденъ, какъ поживаете, вы пріѣхали какъ разъ вовремя, чтобы мнѣ помогать обирать ягоды. Брайденъ отвѣчалъ:

— Давайте блюдо, сейчасъ иду.

— Ура, — кричалъ Каунсиль сидя на возу, — я вамъ дамъ вдоволь работы.

— Оставьте его въ моемъ распоряженіи,—сказала его жена,—мы найдемъ для Брада получше работу и получше компанію.

Отправясь въ огородъ, Брайлей узналъ всѣ мѣстныя новости, усердно собиралъ ягоды и убивалъ москитовъ, при дуновеніи животнонаго вѣтерка, онъ чувствовалъ себя бодрѣе и свѣжѣе. Стрекозы пѣли, кузнечики расправляли свои блестящія крылышки. Ему чувствовалось легко и весело на дуплѣ и онъ невольно переживалъ всѣ свои дѣтскія воспоминавія.

За ужиномъ онъ сидѣлъ за столомъ рядомъ съ рабочими, мокрыя рубашки которыхъ свидѣтельствовали, насколько усердно они ворочали сѣно.

— Что вы хотите поработать ради забавы или серьезно, — Брайль спросилъ Каунсиль.

— Совершенно серьезно, если вы меня возьмете на работу.

— Очень охотно, работы предвидится очень много, но боюсь, что вы не скоро втянетесь въ нашъ тяжелый трудъ.

— Попробуйте меня взять и увидите.

Всѣ страшно интересовались Вашингтономъ, но Брайлей предпочиталъ разговоры объ урожаяхъ и пашнѣ. Онъ пошелъ спать на чердакъ вмѣстѣ съ другими рабочими и при солнечномъ восходѣ его разбудилъ голосъ Каунсиля, совершенно также, какъ бывало прежде, когда онъ здѣсь жилъ въ батракахъ.

— Хало! Брайль. Вставайте, поворачивайтесь скорѣе.

Онъ поторопился идти завтракать, умылся подъ краномъ и раньше другихъ сѣлъ за столъ.

— Мы живемъ по прежнему и вамъ надо забыть, что вы были въ конгрессѣ,—сказала м-съ Каунсиль. Думаю, что если мы можемъ постоянно переносить подобную жизнь, то ненадолго и Брайлей можетъ примириться съ нею.

Во время завтрака не мало поднимали на смѣхъ будущую работу члена конгресса.

Самолюбіе Брайлея было задѣто и онъ рѣшился всѣмъ доказать, что онъ не хуже другихъ можетъ работать. Къ вечеру онъ былъ въ совершенномъ изнеможеніи, а на другой день онъ настолько хромалъ, что не могъ взять въ руки косу. Однако, въ концѣ недѣли онъ втѣнулся въ работу и трудился наравнѣ со всѣми. Судья пріѣхалъ въ субботу вечеромъ и нашелъ Брайлея на самой верхушкѣ стога, мокраго отъ пота и съ клоками сѣна въ волосахъ и на платнѣ.

— Здорово, членъ конгресса,—кричалъ судья.

— Лѣзьте къ намъ на верхушку,—сказалъ Каунсиль,—судья не знаетъ члена конгресса, давайте всѣ вмѣстѣ работать.

Когда Каунсиль пошелъ откладывать телѣгу, Брайлей сказалъ судѣ, что его здоровье поправилось и что онъ находитъ, что достаточно потрудился, считая это для себя потерей времени.

Они возвращались домой въ тихую, темную, звѣздную ночь и подобно отцу съ сыномъ мирно разговаривали о своихъ будущихъ планахъ.

— Мы еще можемъ выиграть дѣло, если вы будете крѣпко держаться за него,—сказалъ судья и началъ рассказывать какой новый планъ дѣйствія онъ придумалъ. Кромѣ того, онъ хотѣлъ расширить свое адвокатское дѣло, онъ сдѣлалъ пристройку въ домѣ для того, чтобы имѣть лишнія двѣ комнаты.

— Вамъ необходимо имѣть отдѣльный кабинетъ, Брадъ, чтобы на свободѣ заниматься. Я буду разговаривать съ клиентами, а вамъ передамъ веденіе дѣлъ въ судѣ.

Первое время Брадлей былъ занятъ устройствомъ своего помѣщенія, шкаповъ и полокъ съ книгами. Но вскорѣ его начала угнетать тихая, однообразная жизнь въ Рокъ-Риверѣ. По цѣлымъ днямъ онъ съ отчаяніемъ ходилъ изъ угла въ уголъ и все думалъ, какъ скучна и однообразна жизнь сельскаго адвоката. Почетъ и удобства жизни въ Вашингтонѣ окончательно вскружили ему голову и испортили его жизнь въ Рокъ-Риверѣ. Конечно, любовь могла бы сдѣлать сносною подобную жизнь, но онъ оставилъ всякую мысль о бракѣ и только думалъ, какъ бы возвратиться къ прежней жизни.

У него произошла очень тяжелая сцена съ судьей Браунъ, который страшно разсердился, когда узналъ, что Брадлей, не говоря ему ни слова, послалъ объявленіе въ комитетъ о томъ, что онъ проситъ его вычеркнуть изъ числа кандидатовъ на члена конгресса. Онъ старался усовѣстить Брадлея, но это ему не удалось.

— Оставьте меня, судья, я совершенно разбитъ и болѣе не въ состояніи продолжать эту дѣятельность. Послѣдніе выборы доказали насколько слаба наша партія, я оказался неудачникомъ въ политикѣ, да, кажется, во всемъ и всегда буду неудачникомъ.—Судья молча выслушивалъ его жалобы и видъ отчаянія Брадлея страшно огорчалъ его такъ что онъ не могъ не сообщить свое горе м-съ Браунъ. Лежа въ постели, они долго обсуждали положеніе Брадлея, который такъ и заснулъ подъ шумъ ихъ разговора.

— Какъ вы думаете, м-съ Браунъ, не замѣшана ли тутъ женщина?—сказалъ нерѣшительно судья.

— Не можетъ быть, я убѣждена, что онъ ничего не скрылъ бы отъ меня. Просто онъ боленъ отъ жары, и притомъ неудача на выборахъ тяжело отозвалась на немъ,—сказала м-съ Браунъ.

— Я не вполне согласенъ съ вами,—отвѣчалъ судья.—Повидимому, въ немъ не осталось ни капли честолюбія. Долженъ сознаться, что я разочаровался въ немъ. Я такъ вѣрилъ въ его нравственную силу и теперь страшно о немъ беспокоюсь. Чтобы развлечь Брада, я хочу послать его въ Сенъ-Луи и Каязасъ по нѣсколькимъ процессамъ.

— И хорошо сдѣлаете, поѣздка ему будетъ полезна. Навѣрное

онъ охотно поѣдетъ, такъ какъ онъ, несомнѣнно, отъ всѣхъ сторонится и, насколько возможно, всегда молчитъ.

Брадлей съ радостью принялъ предложеніе судьи, дорожные сборы его немного оживили. Судья также повеселѣлъ и провожая своего питомца на поѣздъ, сказалъ ему: не торопитесь пріѣзжать обратно, отдохните, повеселитесь. Если захотите, то поѣзжайте въ Чикаго.

Когда поѣздъ ушелъ и старики съ грустью ѣхали домой, — судья сказалъ женѣ:

— М-съ Браунъ, теперь вы должны беречь меня. Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, покуда не создамъ новую партію, стоящую на уровнѣ нравственныхъ идей этого молодца. Я состарился и мнѣ надо имѣть какое-нибудь успокоеніе.

— Я буду вашимъ успокоителемъ, — отвѣтила м-съ Браунъ. Судья взялъ возжи въ лѣвую руку и лошадь пошла шагомъ.

— М-съ Браунъ, если бы мы не были на большой дорогѣ, то я охотно бы обнялъ и расцѣловалъ васъ за эти слова.

— Я никого не вижу на большой дорогѣ, — отвѣчала она, и въ ея потухшихъ глазахъ промелькнуло давно забытое кокетство юныхъ лѣтъ.

Онъ обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ. Она положила ему голову на плечо и залилась слезами. Судья вздохнулъ.

— Что дѣлать, — сказалъ онъ, — надо примириться съ нашимъ одиночествомъ. Не можетъ же онъ съ нами вѣчно жить. А все-таки я увѣренъ, что тутъ замѣшана женщина.

XXV.

Большое путешествіе.

Во время своего пребыванія въ Сентъ-Луи Брадлей ежедневно читалъ въ газетахъ описаніе всего происходящаго въ Канзасѣ, каждый день ему попадалось на глаза имя Иды. Она находилась въ западной части округа и постепенно подымалась къ востоку, а въ настоящую минуту всюду появлялись объявленія о ея рѣчахъ на предстоящемъ собраніи въ Чикито. Прочтя это извѣстіе, онъ немедленно и совершенно неожиданно для самого себя уложилъ свой чемоданъ и съ первымъ поѣздомъ направился туда, съ твердымъ намѣреніемъ еще одинъ разъ послушать Иду. Ровно въ двѣнадцать часовъ, поѣздъ пришелъ въ Чикито. Погода ясная, сухая, однимъ словомъ чудный октябрьскій день. Въ воздухѣ чувствовался тотъ ѣдкій растительный запахъ, которымъ отличается Индіанское плоскогоріе на западѣ. Небо было совершенно безоблачно, только блѣдный туманъ смягчалъ яркій солнечный свѣтъ и придавалъ ему молочно-бѣлый тонъ.

Медленно двигался Брадлей изучая городъ и его жителей. Всюду чувствовалось извѣстное довольство. Мужчины шли медленно, ихъ лица были покойны и сдержанны, но, несмотря на видимую обезпеченность,

все-таки замѣтно было много бѣдности. Дома были низкіе, всё строевія некрашены и содержали всего три-четыре комнаты. Они казались немногимъ лучше деревенскихъ и далеко некомфортабельнѣе.

— Позвольте узнать, вы не предполагаете говорить рѣчь сегодня?— раздался голосъ позади. Брайлей повернулся и увидѣлъ маленькаго человѣчка, съ большими усами, въ жокейской шапочкѣ, изъ-подъ которой блестяли наблюдательные черные глаза.

— Нѣтъ, сэръ, я не собираюсь говорить,—отвѣчалъ Брайлей.

— Прошу извинить, я видѣлъ, что вы несете вашу чемоданъ и по формѣ вашей шляпы догадываюсь, что вы не мѣстный житель. Прошу, прощенья.

— Дѣйствительно. Я пріѣхалъ сюда повидаться съ друзьями.

— А я изъ Канзаса, чтобы присутствовать на митингѣ. Вотъ моя карточка. Я представитель такъ называемой плутократической прессы, какъ выражаются наши милѣйшіе члены союза.

На карточкѣ было написано: «М-ръ Девисъ корреспондентъ газеты «Хроника».

— Боюсь, что весь парадъ уже конченъ, къ сожалѣнію, я опоздалъ на поѣздъ. Намъ не мѣшаетъ поторопиться.

Они достигли главной улицы съ широкой аллеей, идущей на сѣверъ и югъ чрезъ красивую возвышенность на луговинѣ. На боковыхъ дорожкахъ была масса людей, а по серединѣ двигались извозчики.

— Пойдемте въ коммерческій судъ, это главная квартира братства.

Они пошли въ коммерческое собраніе, гдѣ находилась масса народа, серьезно разговаривающаго. Большинство ихъ походило на фермеровъ; толстые, загорѣлые, одѣтые въ поношенное платье, хотя между ними попадались также и молодые въ большихъ бѣлыхъ шляпахъ съ яркими платками, завязанными на шеѣ. Всюду раздавался протяжный говоръ жителей Канзаса.

Брайлей и Девисъ пробрались на небольшой балконъ, выходящій на аллею. Нѣсколько молодыхъ людей уже сидѣли тамъ. Они были чрезвычайно красивы и имѣли здоровый видъ и живописную пеструю одежду.

— Извините меня, господа,—сказалъ Девисъ, пробираясь впередъ и вынимая свою записную книжку,—я репортеръ и долженъ описать прібытіе процессіи.

По широкой улицѣ проходила процессія возмущившихся фермеровъ. Ихъ не сопровождала музыка, не было разноцвѣтныхъ флаговъ, толпа не встрѣчала ихъ радостными возгласами, наоборотъ, они шли молча съ грустнымъ видомъ, какъ бы хороня свои надежды на лучшую будущность и только выражая протестъ своимъ присутствіемъ. Всюду преобладалъ рыжевато-коричневый цвѣтъ. Лица были худыя, загорѣлыя, бороды длинныя, нечесанныя, худыя руки, покрытыя мозолями, управляли не менѣе тощими конями. Женщины

также казались блѣдными и истощенными, сидѣли понура голову съ дѣтми на колѣняхъ. Пыль покрывала ихъ дурно спитыя одежды. Не было ни нарядныхъ экипажей, ни яркихъ красокъ, ни хорошей сбруи и вообще вся процессія носила грустный характеръ и ничего, кромѣ сѣраго, коричневаго и темно-каштановыхъ цвѣтовъ, не было видно. Тихо двигались они впередъ. На нѣкоторыхъ телѣгахъ были привязаны флаги изъ самаго простаго холста, на которыхъ были написаны различныя изрѣченія.

— Великій Боже!—воскликнуть Девись.—Въ первый разъ въ жизни нахожусь я на подобной похоронной процессіи, посмотрите на эти знамена: «Долой монополіи».

— Валяй, долой ихъ, — сказалъ Девись, записывая что-то, въ своей книжкѣ. «Свободная торговля, свободная земля. Постоянный курсъ. Низкіе тарифы».

— Однако вы не многого хотите, друзья,—сказалъ Девись.

«Равенство всѣхъ въ глазахъ закона такъ же желательно для современныхъ фермеровъ, какъ было и во времена нашихъ предковъ».

— Теперь, кажется, все высказано, пора перейти отъ слова къ дѣлу,—бормоталъ Девись, читая подписи.

Брадлей все время молчалъ. При видѣ процессіи фермеровъ, ему пришла въ голову мысль, заставлявшая его содрогнуться. Передъ нимъ прошла цѣлая армія страдальцевъ, ветерановъ, которые уже успѣли состариться въ борьбѣ съ несправедливостью и даже съ самою природою, въ тяжелой борьбѣ за существованіе. Всѣ проходящіе преждевременно состарились отъ непосильныхъ трудовъ и даже въ глазахъ женщинъ видѣлись слѣды страданій и горькихъ слезъ. Не было ни одной красивой головки молодой дѣвушки, ни оживленнаго личика мальчугана, однимъ словомъ, ничего красиваго во всемъ шествіи, а все только темныя, грустныя, полныя отчаянія лица.

Въ этихъ людяхъ онъ видѣлъ самый трагическій, патетическій протестъ противъ притѣсненій и несправедливостей, переносимыхъ американскими фермерами. Въ сущности это революціонное движеніе было то же, что и въ Гренджѣ, но только въ болѣе отчаянныхъ формахъ и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. По совѣту Девиса, Брадлей отправились вслѣдъ за шествіемъ по улицамъ, ведущимъ за городъ. Тамъ, на луговинѣ ожидало угощеніе въ видѣ жаренаго быка и затѣмъ должны были начаться рѣчи.

Дорога шла на югъ чрезъ луговину, поворачивала въ сторону, направлялась чрезъ ворота на площадь, на которой всегда происходила ярмарка и скачки, а теперь здѣсь толпились тысячи людей.

Всѣ стояли у столовъ, на которыхъ прислуга торопливо раскладывала куски говядины и баранины и жирно намазанный масломъ хлѣбъ, все заворачивалось въ бумажку и раздавалось голодной толпѣ. Нѣкоторые обѣдали у своихъ телѣгъ. Тотъ же сѣрый колоритъ всюду пре-

обладать, хотя теперь стало немного болѣе жизни и движенія. Загорѣлыя, измученныя лица немного смягчились и по временамъ появлялась на нихъ непривычная улыбка при полученіи вкусной пищи. Всюду раздавались сердечныя привѣтствія и дружескія пожатія рукъ. Кругомъ на травѣ сидѣли дурно одѣтыя, слабыя женщины, съ большими дѣтьми на рукахъ.

Брадлей не могъ понять, почему подобные праздники ему раньше казались чѣмъ-то веселымъ. Онъ спрашивалъ себя: «неужели и на гренджерскихъ пикникахъ было тоже столько изможденныхъ лицъ или можетъ быть, тогда имъ лучше жилось, или можетъ быть онъ сталъ проникательнѣе?»

Въ настоящее время Канзасъ считался демократическимъ округомъ. Бѣдность равняла всѣхъ своихъ жертвъ. Негръ стоялъ рядомъ съ своимъ бѣлымъ братомъ по несчастью, въ нихъ было много общаго, та же нервная походка, бѣдное платье, молчаливый грустный видъ и умоляюще глаза. Во всѣхъ этихъ сценахъ было что-то ужасное, за душу хватающее. Въ этомъ движеніи не было величія, а скорѣе мужество отчаянія, какъ въ возстаніи крестьянъ въ Вандеѣ.

Когда обѣдъ былъ съѣденъ, народъ взобрался на возвышеніе противъ платформы, гдѣ уже находились ораторы. Брадлей искалъ глазами Иду, но ея нигдѣ не было. Пѣвцы забавляли публику пѣніемъ народныхъ романсовъ, заглавіе которыхъ поясняло ихъ содержаніе: «Присоединеніе къ союзу», «Долой преграды», «Братья, идемъ впередъ» и т. д.

Народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія Иды и когда она, наконецъ, показалась въ сопровожденіи предсѣдателя собранія, всѣ бросились ее встрѣчать и временно она скрылась изъ глазъ Брадлея. Онъ весь дрожалъ отъ волненія, потому что вспомнилъ прежнія времена.

Наконецъ, она заговорила просто и ясно. Кругомъ не было ни зеленой листвы, ни ея шума, ничего кромѣ небольшой площадки покрытой въ видѣ балагана, и на ней Ида выступила въ присутствіи пяти тысячъ человѣкъ.

Ида тоже измѣнилась и выглядѣла теперь вполне взрослой женщиной. Въ ней болѣе не было юношеской робости. Въ ея голосѣ слышалась рѣшительность, въ поворотѣ головы, въ движеніи руки чувствовалось сознаніе силы.

— Я, желала бы—говорила она,—чтобы весь міръ видѣлъ это собраніе и понялъ его надлежащимъ образомъ. Это только заявленіе о начинающемся движеніи, но еще не самое движеніе. Это просьба, но возмущеніе, которое лежитъ за этой просьбой, сильнѣе, чѣмъ проявленіе его. Способъ выраженія этой просьбы, даже внѣшняя форма всего движенія можетъ измѣниться, но духъ, оживляющій его, дѣлающій его великимъ, неистребимъ и непобѣдимъ. Это движеніе подготовлялось вѣками. Оно наслѣдіе прошлаго. Центръ нашего движенія, его душа

это—требованіе справедливости не для насъ однихъ только, но для всѣхъ несчастныхъ тружениковъ. Настоящее движеніе выше, глубже и шире, чѣмъ въ гренджѣ, такъ какъ оно шире захватываетъ. Теперь, по моему, для фермеровъ вопросъ не въ законодательствѣ, весь вопросъ въ уничтоженіи промышленнаго рабства.

Взрывъ рукоплесканій раздался при этихъ словахъ, показывая, что идея этого движенія глубоко прочувствована самимъ народомъ. Брэдлею показалось, что по немъ пробѣгаетъ какъ бы электрическій токъ.

Когда она говорила, слушатели оборачивались другъ къ другу съ сіяющими лицами. Она завладѣвала ими такимъ простымъ и въ то же время страстнымъ выраженіемъ ихъ собственныхъ затаенныхъ мыслей.

Пока она говорила, Брэдлей ни о чемъ другомъ не могъ думать, какъ только о ней и не сводилъ съ нея глазъ, но когда она замолчала опять раздалась шумныя рукоплесканія и хоръ началъ пѣть, онъ оглянулся на присутствующую публику и снова былъ пораженъ ея несчастнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ видомъ. Также какъ и въ процессіи, всюду отсутствовала молодость, красота и грація. Всюду изможденные женщины въ темныхъ платьяхъ, съ грустнымъ выраженіемъ лица, какъ будто бы онѣ чувствовали ту пропасть, которая ихъ отдѣляла отъ молодыхъ, веселыхъ и красивыхъ дѣвушекъ. Молчаливая толпа сидѣла неподвижно, не сводя глазъ съ Иды. Всѣ пришли сюда съ исключительной цѣлью добраться до причинъ, вслѣдствіе которыхъ они отъ рожденія обречены на тяжелый трудъ и лишения, почему преждевременно посѣдѣли и состарились.

Всей душой они отдавались разрѣшенію этой задачи и чувствовали себя родственной всей этой толпѣ. Брэдлей также не могъ не сочувствовать имъ всей душой.

Они приходили въ восторгъ отъ музыки, которая въ сущности была самая простая и первобытная, что еще разъ служило доказательствомъ того, какъ неизбалованы были эти несчастные люди.

Народъ толпился везлѣ Иды, желая сказать ей хотя одно слово, и Брэдлей совершенно невольно приближался къ ней. Онъ былъ чрезвычайно тронутъ той любовью, которой ее окружали, со всѣхъ сторонъ раздавались похвалы и выраженія привязанности и признательности, въ искренности которыхъ нельзя было сомнѣваться.

Брэдлей сознавалъ, что ему слѣдовало бы уйти, прежде чѣмъ Ида его увидитъ, но онъ никакъ не могъ себя пересилить. Его восторженное состояніе привлекло одного старика шедшаго рядомъ съ нимъ.

— Неправда ли, хороша рѣчь? — сказалъ онъ. — Слышали ли вы когда-нибудь что-либо подобное?

— Никогда, — отвѣчалъ Брэдлей.

— Какая удивительная женщина, навѣрное нѣтъ другой такой на свѣтѣ, — продолжалъ старикъ.

Брэдлей покачалъ головой. Онъ былъ совершенно увѣренъ въ этомъ.

Сухощавая старуха, въ громадной темно-зеленой шляпѣ, сдвинутой на затылокъ также вмѣшалась въ разговоръ.

— Вотъ вамъ доказательство, какъ много можетъ сдѣлать женщина, когда ей представляется возможность дѣйствовать!

— Здорово сестра Слокумъ, васъ можно всюду встрѣтить!

— Никто болѣе меня не сочувствуетъ уничтоженію несправедливости людской, братъ Тобей, для насъ, фермерскихъ женъ, не можетъ быть болѣе счастья, какъ унижить нашихъ притѣснителей.

Невозможно было забыть трогательное зрѣлище, которое представляла толпа, приблизившаяся къ красивой, изящной ораторшѣ и старавшаяся заглянуть ей въ лицо, прикоснуться къ ея платью или взять ея красивую руку въ свои изможденные, покрытые мозолями руки. Эти женщины съ кучей дѣтей забывали свой тяжелый трудъ, вѣчную стирку бѣлья, сбиванье масла и прочіе непосильные труды, доказывая, что несмотря на непрестанную борьбу съ голодомъ и холодомъ, въ нихъ еще сохранилось чувство прекраснаго.

Ида съ улыбкой встрѣчала ихъ робкія ласки, но лицо ея было отуманено грустью. Брайлей старался приблизиться къ ней. Наконецъ, когда толпа началась расходиться, ему удалось просунуть руку черезъ головы окружающихъ ее женщинъ со словами:—Не позволите ли вы и мнѣ пожать вашу руку?—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Она быстро повернулась къ нему, лицо ея вспыхнуло и озарилось улыбкой, не похожей на ту, съ какой она обращалась къ другимъ, и Брайлей почувствовалъ, что его мрачная душа согрѣлась точно лучомъ июнскаго солнца. Она крѣпко пожала ему руку со словами:

— Какъ я рада васъ видѣть, м-ръ Талькотъ.

Фермерскія жены начали расходиться, снова и снова прощаясь съ нею. Онѣ льнули къ ея рукамъ, заглядывали ей въ глаза. Казалось, что онѣ никакъ не могутъ оторваться отъ нея и навсегда распростаться съ нею.

— Можетъ быть, милая, дорогая, мы васъ болѣе никогда не увидимъ,—сказала одна старуха,—но мы васъ никогда не забудемъ. Ваши слова облегчили наше тяжелое положеніе, по крайней мѣрѣ, теперь намъ свѣтитъ огонекъ надежды на лучшее будущее.

Слезы стояли въ глазахъ Иды и она ласково положила ей руку на плечо, крѣпко расцѣловала ее, не будучи въ состояніи сказать ей что-либо.

Предсѣдатель съѣзда вмѣстѣ съ Идой и Брайлей сошли съ возвышенія и пробрались чрезъ луговину, [по которой толпы народа шла въ городъ. Предсѣдатель посадилъ Иду въ карету со словами:

— Я приду къ вамъ въ гостиницу.

— А развѣ вы не хотите поѣхать со мною?—сказала она.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣчалъ онъ съ лукавой улыбкой въ глазахъ и Ида не настаивала больше. Брайлей съ трепетомъ въ сердцѣ сѣлъ рядомъ съ нею.

*

— Ну, братъ Талькотъ, каково ваше личное мнѣніе о подобномъ собраніи?— сказала она, когда экипажъ двинулся.

— Оно напомнило мнѣ митингъ въ гренджѣ, гдѣ я васъ въ первый разъ увидѣлъ, но только оно теперь гораздо многочисленнѣе, серьезнѣе и въ немъ звучитъ больше горя и страданія.

— Да, это правда, несчастный народъ изстрадался. Трудно себѣ представить, какъ серьезно онъ относится къ этому движенію. Посмотрите, съ какимъ увлеченіемъ женщины слѣдятъ за ходомъ дѣла. Даже вопросъ объ уничтоженіи рабства менѣе волновалъ умы.

Лучше скажите, что вы дѣлали въ Вашингтонѣ?

— Ничего,—отвѣчалъ онъ и въ его голосѣ прозвучала грусть. Она посмотрѣла на него пристально и нерѣшительно спросила:

— Вы вернетесь въ конгрессъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Брайлей,—моя политическая карьера окончена, меня забаллотировали въ конвентѣ.

— Вы молоды.

— Не настолько, чтобы легко переносить свое пораженіе. Я окончательно разбитъ.

Это показалось ей страннымъ, непохожимъ на него, какимъ она его знала.

— Работайте съ нами, много хорошаго можно сдѣлать на этомъ поприщѣ.

— Я не такъ смотрю на это дѣло, какъ вы, я не нахожу выхода изъ этого грустнаго положенія.

— Я обращу васъ,—сказала она, положивъ ему руку на плечо.

Останьтесь еще на одинъ митингъ.

— Я сдѣлаю все, что вы пожелаете,—сказалъ Брайлей.

— Мнѣ хотѣлось вамъ показать все, что мы дѣлаемъ и въ чемъ заключается мой трудъ. Не предлагайте никакихъ вопросовъ, но будьте только съ нами.

Мысли Брайлея совершенно запутались. Ида была совсѣмъ не такая, какъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ; въ чемъ заключалась разница, онъ не зналъ и скорѣе чувствовалъ, нежели видѣлъ ее. У дверей гостиницы она крѣпко пожала ему руку, глаза ея радостно блестя. Придя въ свою комнату, онъ началъ что-то напѣвать и только тогда замѣтилъ, что не умѣетъ пѣть. Сумрачное небо, наконецъ, озарилось для него солнечнымъ лучемъ.

XXXI.

Ида указываетъ путь Брайлею.

Онъ не видѣлъ ее до слѣдующаго утра, и когда она вышла въ пріемную отеля, она показалась ему такой необыкновенно очаровательной, что онъ просто не вѣрилъ своему счастью.

— Теперь я завлажду вами, м-ръ Талькотъ.

Онъ замѣтилъ, что она болѣе не называла его братомъ. Онъ былъ смущенъ, какъ мальчишкѣ, и совершенно терялся въ ея присутствіи, въ какомъ-то блаженномъ состояніи шелъ за ней къ каретѣ. Онъ забылъ все, что когда-либо зналъ и только готовъ былъ вѣчно слушать ее.

Она, повидимому, совершенно не думала о себѣ, на ней было надѣто теплое пальто и теплыя перчатки. Изъ подъ широкихъ полей ея черной шляпы лицо ея казалось серебрянымъ, а глаза блестящи, какъ звѣзды. Запахъ тонкихъ духовъ исходилъ отъ ея платья и достигалъ до него въ каретѣ.

— Намъ придется ѣхать почти цѣлый часъ,—сказала она,—когда они вышли изъ омнибуса и ожидали на платформѣ, до школы было далеко. Брайденъ было чрезвычайно приятно сидѣть рядомъ съ нею въ поѣздѣ и слушать ея разговоръ. Давно онъ объ этомъ мечталъ и не смѣлъ надѣяться на это счастье.

— Я желала, чтобы вы присутствовали именно на этомъ митингѣ, потому что школьный домъ долженъ послужить истиннымъ мѣстомъ зарожденія фермерскаго движенія. Очень хотѣла бы я, чтобы вы работали вмѣстѣ съ нами,—сказала она, внезапно обратившись къ нему.

— Я бы такъ и сдѣлалъ если бы вполне раздѣлялъ ваши взгляды, но теперь я не могу.

— Почему? Въ сущности вы уже давно нашъ. Ваши письма доказали мнѣ это. Почему же вы не хотите работать съ нами?

— Хорошо, я вамъ скажу все откровенно,—отвѣчалъ Брайденъ,—подобный поступокъ съ моей стороны произведетъ дурное впечатлѣніе, меня заподозрятъ въ неискренности и въ желаніи дѣйствовать изъ чувства досады. Можно подумать, что послѣ двойного пораженія на выборахъ, мнѣ ничего не осталось, какъ изъ мести перейти въ третью партію.

— Отчасти вы правы, но нельзя же вамъ ничего не дѣлать,—сказала Ида.—Вы слишкомъ сильны для того, чтобы признать себя побѣжденнымъ. Знаете, мнѣ кажется, что эта сама судьба послала вамъ пораженіе.—Она посмотрѣла на него пристально и близость ея лица смущала его.—Ваши письма мнѣ многое сказали, я читала между строкъ, что атмосфера конгресса дѣйствовала на васъ тлѣтворно, честолюбіе васъ захватило, неправда ли?

Онъ опустилъ глаза.

— Нѣтъ, меня захватило другое,—сказалъ онъ наконецъ.

Она заговорила голосомъ, который волновалъ его до глубины души.

— Я хотѣла видѣть васъ. Я вѣрила въ васъ и у меня сердце заболѣло, когда я увидѣла вчера ваше разочарованіе. Жизнь есть борьба, нельзя такъ легко сдаваться. Никогда въ жизни я не была такъ счастлива. Счастлива и въ то же время огорчена. Неправда ли, какъ это по-женски? Я хочу сказать, что до сихъ поръ я никогда не ви-

дѣла такъ ясно всю бѣдность и безпомощность народа, и я счастлива, что могу для него что-либо сдѣлать!

Брадлей молча смотрѣлъ на нее своими большими темными глазами. Ея мягкій голосъ и рука, положенная на его плечо, глубоко волновали его.

— Я опять увлеклась, — сказала она, — и забыла, что я должна беречь свои ораторскія способности для митинга. Вы на меня не сѣуйте, что я вамъ читала проповѣдь.

— Мнѣ нравится все, что вы дѣлаете, — сказалъ съ улыбкой Брадлей. Она замѣтила, что у него была чрезвычайно пріятная улыбка и вообще онъ ей показался такимъ большимъ, сильнымъ, что она начала чувствовать нѣкоторую робость въ его присутствіи.

Раздался желѣзнодорожный свистокъ, свидѣтельствующій о приближеніи къ станціи, и имъ пришлось сойти.

Вѣтеръ былъ рѣзкій и холодный, когда они вышли на платформу. Было почти шесть часовъ и очень темно. Нѣсколько минутъ они стояли молча въ темной комнатѣ желѣзнодорожной станціи.

— Что же намъ теперь дѣлать? — спросилъ Брадлей.

Ида была въ нерѣшимости.

— Право, не знаю, — сказала она. — Полковникъ Баркеръ долженъ былъ здѣсь меня встрѣтить.

Брадлей предложилъ ей руку.

— Вонъ огонекъ, пойдите туда. Скажите мнѣ названіе школы, въ которую мы направляемся. Я доставу экипажъ и мы туда поѣдемъ.

Холодъ и темнота настолько на нее повліяли, что она потеряла свою обычную увѣренность. Передъ лицомъ практическихъ мелочей ея овладѣла очаровательная женская слабость и она охотно отдалась подъ его покровительство. Брадлею это казалось очень знаменательнымъ, и онъ чувствовалъ подъемъ духа и сдѣлался необыкновенно разговорчивъ и возбужденъ.

— Мнѣ кажется, мы приближаемся къ гостинницѣ, должно быть, это городъ. Здѣсь, на западѣ, два-три домишка составляютъ городъ. Намъ надо поужинать, есть ли у васъ какая-нибудь провизія?

— Нѣтъ, я предоставила всѣ хлопоты м-ру Баркеру.

Дорога шла по пустынной мѣстности, вдоль луговины, на концѣ которой находилась колоніальная лавка.

Они выбрались на пригорокъ и возлѣ магазина они увидѣли надпись на воротахъ: «Гостинница, обѣдъ 25 центовъ». Брадлей постучался, но не получилъ отвѣта. Подождавъ немного, онъ сказалъ:

— Если это гостинница, то можно войти безъ церемоніи.

Они вошли въ пустую небольшую комнату, которая только потому походила на гостинницу, что по серединѣ комнаты стояли столы и громадная печь. На стѣнѣ висѣла карта Канзаса. Брадлей постучалъ

во внутреннюю дверь, она отворилась и въ комнату вошла маленькая женщина съ поблекшимъ грустнымъ лицомъ.

— Дайте намъ два ужина,—сказалъ Брайлей.

— Хорошо,—отвѣтила она, направляясь къ печи, чтобы развести огонь для приготовления кушанья; она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и разсматривала Иду, сидящую у окна.

— Снимите ваше теплое пальто,—сказала она.

Брайлей помогъ Идѣ снять пальто. Ему было невыразимо пріятно оказывать ей подобныя маленькія услуги. Онъ отправился разыскивать извозчика и когда вернулся, Ида сидѣла въ большомъ креслѣ блѣдная и задумчивая. Брайлей объявилъ, что скоро пріѣдетъ экипажъ.

— А вы пока успѣете поужинать,—сказала хозяйка.

Комната освѣщалась керосиновой лампой, яркіе лучи которой падали горизонтально на кушанья и рѣзали глаза сидящимъ за столомъ. Появилось блюдо съ говядиной, картофель съ масломъ, а на десертъ ячменный пуддингъ.

— Моя мать всегда готовила это кушанье,—сказала Ида, обращаясь съ улыбкой къ хозяйкѣ.

— Мнѣ кажется, я недостаточно поджарила его, обыкновенно онъ у меня лучше удается, а сегодня не совсѣмъ хорошо, да притомъ и ячмень плохой уродился нынѣшній годъ.

Послѣ ужина Брайлей вышелъ изъ комнаты, оставивъ Иду въ бесѣдѣ съ хозяйкой гостиницы.

— Нашъ извозчикъ пріѣхалъ,—сказалъ Брайлей,—экипажъ не очень удобенъ, но что дѣлать—другого не нашлось. Я досталъ стеганое одѣяло, чтобы вамъ хорошенько укрыться, а то страшный вѣтеръ.

— Благодарю за заботы обо мнѣ.

Въ телѣжкѣ было всего одно сидѣнье, Брайлей сѣлъ рядомъ съ Идой, а кучеру пришлось примѣститься на передкахъ гремящей старомодной телѣжки. Иду беспокоило, что ему неудобно.

— Ничего, какъ-нибудь доѣду, я хотѣлъ достать лучший экипажъ у Сама Смалля, но онъ занятъ.

Было что-то необыкновенно привлекательное въ его голосѣ, въ немъ слышалась простота и дѣтская неспорченность и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то слабость и безпомощность, которая захватывала доброе сердце Иды.

— Вы очень озябли?—спросила она извозчика.

— Нѣтъ, сударыня, я привыкъ къ этому. Зимой я никогда не ношу перчатокъ, потому что приходится возиться со снѣгомъ.

Изъ долины они повернули на сѣверъ и вѣтеръ началъ страшно хлестать ихъ по лицу. Мѣсяцъ скрылся и было темно, несмотря на множество звѣздъ.

— Какая сегодня чудная ночь,—сказала Ида, смотря на звѣздное небо.

— Чудная,—отвѣчалъ Брайлей, думая больше о ней, чѣмъ о небесныхъ звѣздахъ.

Возница двинулся впередъ, но старое сидѣнье было такъ непрочно, что шаталось во всѣ стороны, и Брайлей рѣшился охватить рукой талию Иды, чтобы удержать ее на краю сидѣнья.

— Я боюсь, что вы упадете,—оправдывался онъ.

Она ничего не отвѣчала.

Они поднялись на пригорокъ съ другой стороны моста и выѣхали въ долину. Дорога была ужасная, страшно грязная, съ рытвинами и камнями. Темнота придавала дикую прелесть и таинственность всему окружающему.

— Какая уединенная мѣстность и какъ здѣсь должно быть непріятно жить, — сказала Ида.—Однако цивилизація нѣмного сдѣлала для этой мѣстности. Сколько лѣтъ тому назадъ начали здѣсь селиться?—спросила она кучера.

— Около двадцати двухъ лѣтъ,—отвѣчалъ онъ.—И подобно заведенной машинѣ, началъ рассказывать объ этой жизни полной тяжести труда и лишеній.

Люди обманывали и обирали другъ друга, общество и правительство ихъ игнорировали, наука и религія были для нихъ недоступны, и все это терпѣливо съ непризнаннымъ героизмомъ переносили они. Въ его голосѣ было столько горечи, что слушатели невольно содрогались на патетическихъ мѣстахъ. Брайлей сочувственно смотрѣлъ на Иду и казалось, что чужое горе ихъ еще болѣе сблизило.

— Вотъ и школа,—сказалъ кучеръ, указывая на небольшое зданіе освѣщенное краснымъ огонькомъ. Они ѣхали почти цѣлый часъ по безлюдной пустынѣ и вѣтеръ пронизывалъ ихъ до мозга костей. Ида вздрагивала, Брайлей страдалъ за нее. Ему страстно хотѣлось крѣпко прижать ее къ себѣ и защитить отъ холода. Наконецъ школа показалась. Это была маленькая постройка на подобіе ящика, около нея не было ни одного деревца для защиты, какъ отъ вѣтровъ, такъ и отъ солнечныхъ лучей. Со всѣхъ сторонъ слышалось приближеніе тележекъ. Пѣшеходы шли по луговинѣ громко разговаривая. Долина казалась сумрачна, холодна и безгранична. Брайлей помогъ Идѣ выйти изъ экипажа и отворилъ дверь въ школу, изъ которой слышались голоса. Комната была наполнена множествомъ народа. Женщины помѣщались въ одной сторонѣ, мужчины въ другой, возлѣ печи, наполненной углемъ, отъ котораго шелъ свѣтъ и тепло. При входѣ незнакомыхъ людей, всѣ замолчали и смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ. Высокій человекъ, повидимому, бывший военный, подошелъ къ нимъ.

— Здравствуйте, сестра Уильберъ, какъ я радъ васъ видѣть!

— Я также рада васъ видѣть, братъ Баркеръ.

— Извиняюсь, что не могъ пріѣхать васъ встрѣтить,—сказалъ онъ.

— Рекомендую вамъ м-ръ Талькота, — произнесла Ида, перебивая его.

— Очень радъ съ вами познакомиться, братъ Талькотъ.

— Какъ я вамъ сказалъ, сестра Уильберъ, я опоздалъ васъ встрѣтить и выслалъ къ вамъ брата Уильяма, очень сожалѣю...

— Не бѣда, разъ уже мы пріѣхали, — сказала Ида.

Полковникъ Баркеръ познакомилъ ихъ со всѣми стоящими вблизи. Тѣснота комнаты не давала возможности разговаривать со всѣми присутствующими, но большинство внимательно осматривали дѣвушку, которая по слухамъ была имъ давно знакома.

Первое впечатлѣніе было неблагопріятное. Многіе изъ присутствующихъ не снимали шляпъ. Всѣ пришли сюда прямо съ поля, ихъ руки были жестки, какъ бычачья кожа, съ искривленными, моволистыми пальцами. Всѣ имѣли озабоченный видъ и въ ихъ одеждѣ тоже преобладали мрачные цвѣта: коричневый, сѣрый и каштановый. Ничего яркаго и веселаго не видѣлось на нихъ. Бродлей замѣтилъ небольшое количество дѣвушекъ, сидящихъ на среднихъ лавкахъ.

Подобная публика казалась очень неблагопріятной для Иды.

Полковникъ объявилъ митингъ открытымъ, причеиъ произнесъ чрезвычайно удачную рѣчь, а потомъ обратился къ брату Уильяму съ просьбой что-либо сказать.

Братъ Уильямъ былъ фермеръ среднихъ лѣтъ съ нечесанной головой. Его коричневое платье вылиняло, на морщинистой шеѣ не было воротника, а нѣкоторые пальцы были завернуты тряпками, но при всемъ томъ онъ оказался прекраснымъ ораторомъ, слова его были ясны и содержательны, а жесты вполне уиѣстны. Онъ говорилъ въ разговорной формѣ, съ большою искренностью и тактомъ. Въ концѣ концовъ онъ всѣмъ представилъ сестру Уильберъ.

Ида начала тихимъ голосомъ, какъ бы обращаясь къ друзьямъ:

— Братья и сестры, не въ первый разъ я пріѣзжаю въ западныя преріи, чтобы бесѣдовать съ вами, надѣюсь, что и не въ послѣдній разъ. Я надѣюсь продолжать говорить на митингахъ до тѣхъ поръ, пока останется зло, съ которымъ надо будетъ бороться и пока вы желаете меня видѣть.

— До конца вашей жизни мы будемъ желать васъ видѣть, — любезно отвѣтилъ полковникъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ, — быстро возразила она, — надѣюсь, что наши реформы будутъ осуществлены прежде, чѣмъ мои волосы посѣдѣютъ. Если мы останемся вѣрны сами себѣ, если наши вожаки останутся вѣрны себѣ, если ихъ не испортитъ политическая дѣятельность. — Она взглянула на Бродлей и многіе, слѣдуя за ея взглядомъ, посмотрѣли на него также; замѣтивъ свою неловкость, она слегка покраснѣла и продолжала дагѣе: — Если они останутся вѣрны нашимъ убѣжденіямъ и будутъ смѣло высказывать новыя мысли, которыя приходятъ имъ, тогда я надѣюсь, бѣдность не будетъ увеличиваться.

Она закончила словами:

— Сегодня на митингѣ присутствуетъ уважаемый молодой членъ конгресса, представитель Айова, достопочтенный м-ръ Талькотъ. Я надѣюсь, онъ не откажется сказать вамъ нѣсколько словъ.

Покуда народъ ей аплодировалъ, она подошла къ Брэдлею и сказала:

— Вы должны поговорить съ ними, скажите имъ искренно; что вы думаете.

Брэдлей всталъ. Онъ былъ готовъ исполнить всякое ея желаніе. Онъ началъ съ того, что напомнилъ о гренджѣ, объ его паденіи, вслѣдствіе недостатка солидарности.

— Я не вполне убѣжденъ, что настало время произвести политическое движеніе, говорилъ онъ, — въ противномъ случаѣ я давно былъ бы съ вами, такъ какъ я самъ такой же фермеръ, какъ и вы. Мои предки также были бѣдняками и сами обрабатывали землю. Каждая капля моей крови принадлежитъ фермерамъ и ихъ интересамъ. Я вѣрю и я буду вашъ отнынѣ и навсегда. — Онъ кончилъ, но нѣсколько мгновеній онъ еще стоялъ молча, волненіе душило его. Онъ сознавалъ, что произнесъ слова, которыя должны измѣнить всю его жизнь.

Слушатели, повидимому, оцѣнили всю важность подобнаго признанія со стороны оратора. Въ его голосѣ слышалось столько силы воли, что когда онъ отрывисто кончилъ и сѣлъ, все собраніе разразилось громкими рукоплесканіями. Ида со слезами на глазахъ пробралась къ Брэдлею и крѣпко пожала ему руку.

— Какое счастье! Теперь вы нашъ и сердцемъ, и душой.

Въ своемъ волненіи они не замѣчали, при какихъ странныхъ условіяхъ, въ маленькой сельской школѣ, заключился такой знаменательный договоръ.

Скорѣй на открытый воздухъ, подъ чистое небо! Брэдлей, выходя изъ дома, посмотрѣлъ на маленькую сельскую школу, до нельзя набитую народомъ. Навсегда ему осталось памятнымъ это уединенное мѣсто.

— Сколько добра вы имъ сдѣлали, больше, нежели вы предполагаете, — сказала Ида. Я начинаю думать, что мы принимаемъ участіе въ величайшемъ историческомъ переворотѣ. Угнетенные стремятся къ истинѣ, они ищутъ выходъ изъ невыносимаго положенія и когда массой овладѣваетъ такое желаніе, то, навѣрное, цѣль будетъ достигнута и она принесетъ пользу всему земному шару.

Они снова влѣзли въ свой опасный экипажъ и двинулись въ путь. Вѣтеръ прекратился, въ воздухѣ стояла полная тишина, звѣзды чудно блистали, какъ бы принимая участіе во всемъ, что творилось на землѣ. Долина была также темна и уединенна, какъ Арктический океанъ. Даже лай собакъ принялъ какой-то характеръ ярости и волчьей ненависти. Они ѣхали молча. Ида глубоко вздохнула и сказала:

— Для насъ все это только одинъ жизненный эпизодъ. Мы снова

возвращаемся къ своей пріятной разнообразной жизни, а эти несчастные люди снова идутъ въ свои бѣдныя хижины, къ своимъ холоднымъ полямъ.

Снова Брэдлею казалось необходимымъ поддерживать Иду, но теперь его рука сжимала ее крѣпко и увѣренно, хотя говорить онъ все еще не рѣшался. Ему казалось невозможнымъ, чтобы эта чудная, прекрасная и умная женщина могла думать о немъ, а между тѣмъ, когда онъ произносилъ рѣчь, ея глаза говорили за него.

Извозчикъ разсуждалъ о митингѣ, а сѣдоки молчали, дѣлая видъ, что слушаютъ его. Они оба мечтали. Брэдлей вспоминалъ свою прошлую жизнь и думалъ, какъ много сдѣлала для него Ида. Могла ли бы она дать ему больше, чѣмъ она дала? Какою далекою казалась она всегда ему и въ то же время она составляла часть его внутренней жизни. Теперь она сидѣла рядомъ съ нимъ, онъ обнималъ ее рукой и въ то же время она казалась ему безнадежно недоступной для него. Она любила его какъ друга, какъ брата по стремленіямъ—и только. Кромѣ того, онъ не имѣлъ права мечтать о ней теперь, когда онъ потерялъ пораженіе. Она думала о немъ. Она чувствовала глубокую благодарность при мысли, что онъ прикнулъ къ великому движенію, и ей было пріятно, что именно она обратила его. Его честность и искренность удивительно трогали ее; и кромѣ того онъ былъ такъ деликатенъ, такъ серьезенъ и сдержанъ. Прикосновеніе его руки волновало ее и она тихо улыбалась сама себѣ. Въ противность Брэдлею, она умѣла анализировать себя, и она понимала, что все это значитъ.

— Вотъ и станція, — сказалъ извозчикъ, указывая мерцающей вдали огонекъ.—Сейчасъ будемъ дома.

При этихъ словахъ передъ Идой встала картина всей этой мѣстности и жизни ея обитателей. Ясное величіе звѣзднаго неба, красота и богатство долинъ и невозможность для людей пользоваться ими, безконечное притѣсненіе бѣдняка вездѣ, и въ городѣ, и въ деревнѣ, жалкія жилища фермеровъ.

— О, какая трагедія во всемъ! Природа такъ щедра и великодушна, а между тѣмъ вездѣ вокругъ такая безпросвѣтная бѣдность. Можно ли измѣнить это?

— Можно, даже должно. Всякій, у кого есть умъ и сердце, долженъ помочь намъ,—отвѣтилъ Брэдлей.

Ида была глубоко тронута искренними словами Брэдлея.

— Съ этихъ поръ я буду работать для этого народа, для всѣхъ, кто страдаетъ. Я посвящу всю свою жизнь на это дѣло.

Внезапная рѣшимость вспыхнула въ глазахъ Иды. Она повернула къ нему свое лицо, взяла его руку и крѣпко пожала ее. Настала минута молчанія, каждый изъ нихъ пытался заглянуть въ душу другого.

— Мы будемъ работать вмѣстѣ, Брэдлей,—сказала она.

Извозчикъ не видѣлъ, какъ робко Брэдлей поцѣловалъ ее въ знакъ своей безграничной радости.

XXXII.

Заключеніе.

Однажды въ зимній вечеръ Ида и Брайлей вышли изъ своей квартиры на Капитольской горѣ и направились къ городу. Вотъ уже четвертая недѣля, какъ Брайлей доканчивалъ свою службу въ конгрессѣ и десятая съ тѣхъ поръ, какъ они женились. До сихъ поръ онъ еще обращался съ Идой съ робостью, а его обожаніе къ ней еще болѣе увеличилось отъ постоянного ея присутствія. Повидимому, она нисколько не сожалѣла о сдѣланномъ ею шагѣ. Она была болѣе сдержанна, чѣмъ онъ, и тѣмъ не менѣе она постоянно показывала ему, какъ глубоко любила его и вѣрила ему.

Благодаря ея вліянію, Брайлей совершенно измѣнился. Никакая рѣзкая выходка спикера, никакое оскорбленіе членовъ болѣе не раздражали его. Всегда онъ былъ на своемъ мѣстѣ, всегда наготовѣ сражаться со зломъ. По временамъ они прогуливались по городу и его ласковое и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанное вниманіе доставляло ей величайшую радость. Во всемъ онъ былъ неизмѣнно ровень и спокоенъ. Часто они ходили въ театръ, много гуляли, и всѣ невольно обращали вниманіе на ихъ высокія, стройныя фигуры. Они всегда шли въ городъ чрезъ Капитолій, имъ такъ нравилось проходить подъ тѣнью деревьевъ. Въ этотъ вечеръ погода была особенно хороша. Большіе сугробы покрывали клумбы и деревья. Они шли медленно по узкой тропинкѣ, выходящей на долину, чрезъ восточныя ворота.

— Подождемъ немного, Брайлей,—сказала Ида.

Они остановились и оглянулись назадъ. Блестящій свѣтъ покрывалъ все зданіе, которое высилось въ небѣ, такое холодное, неподвижное, какъ будто оно было высѣчено изъ льда. Яркій свѣтъ лампъ въ нижнихъ этажахъ придавалъ еще болѣе видъ холоднаго величія всей постройкѣ. Лучшаго дома нельзя было себѣ представить. Ида и Брайлей молча имъ восхищались и въ то же время прислушивались къ звуку колокольчиковъ и къ мягкимъ голосамъ извозчиковъ-негровъ, смѣху дѣтей и къ шуму катящихся каретъ.

— Какъ это красиво!—сказала Ида.—Это зданіе похоже на облако.

— Да, но я никакъ не могу смотрѣть на него, не вспомнивъ лица рабочаго или хижину негра,—сказалъ Брайлей.

Они молча пошли далѣе. Имъ постоянно попадались негрятенки дрожащія отъ холода и непрестанно выкрикивающіе:

— Сегодняшнія газеты!

На площади встрѣчалось множество путешественниковъ, болѣе всего съ запада и юга. Безпрестанно отворялись двери гостиницъ, выпуская и выпуская посѣтителей. Снова они встрѣтили стараго разносчика. Они знали наизусть его выкрикиванія, и Ида начала шутя ему вторить:

— Укрѣпляющія капли доктора Фергюсона, Филадельфскія капли отъ кашля, противъ болѣзней горла и хрипоты, пять центовъ коробка.

Скоро они присоединились къ веселой толпѣ людей, пробирающихся въ театръ. Когда они усѣлись на свои мѣста въ балконѣ, зрѣлище бѣдности окончательно скрылось изъ ихъ глазъ.

— Кто говоритъ, что на свѣтѣ нѣтъ свѣта и веселья?— сказала Ида.— Здѣсь нѣтъ ни бѣдныхъ, ни старыхъ, ни убогихъ, ни голодныхъ, ни холодныхъ.

— Это свѣтлая сторона мѣсяца,—сказалъ Брайлей.

Они осматривали публику, мысленно сравнивая съ той, которую они видѣли въ Канзасѣ и Айова. Всюду были дѣвушки съ блестящими глазами, съ яркими красивыми шляпами на завитыхъ волосахъ, цвѣтъ лица ихъ былъ нѣжнѣ лилій, ихъ красивыя платья, изящно и со вкусомъ сшитыя, прелестно драпировали ихъ фигуры. Въ тонкихъ пальцахъ видѣлись золотыя съ жемчугомъ бинокли. Молодые люди, сидѣвшіе рядомъ съ ними, были также одѣты по послѣдней модѣ. Позади барышень сидѣли ихъ грузные родители, грубыя лица которыхъ, съ красными носами и отвислыми губами, свидѣтельствовали, что занятіе политикой и торговлей не мѣшало имъ предаваться кутежамъ и разгулу. Всюду слышался шелестъ шелка и тихій музыкальный разговоръ. Въ Чикито публика производила впечатлѣніе удручающее, а здѣсь, наоборотъ,—шумное и веселое.

Занавѣсъ поднялся и глазамъ публики представилась Ноттингэмская ярмарка, раздалась красивая, веселая музыка. Молодые парни и дѣвушки неумоимо пѣли и плясали, наряженные въ платья, на которыя никогда не падали дождь, грязь и пыль. Рыцари, одѣтые въ великолѣпныя серебряныя съ зеленымъ костюмы и изукрашенные драгоценными камнями пояса, прогуливались въ сопровожденіи веселыхъ крестьянъ, повидимому, не знающихъ ни заботъ, ни труда.

Во второмъ актѣ дѣйствіе происходило въ Шервудскомъ лѣсу, въ странѣ Робина Гуда, гдѣ никогда нѣтъ ни снѣгу, ни дождя. Здѣсь веселые лѣсники встрѣчаются, поютъ и пьютъ октябрьскій эль. Появляются Малый Джонъ, Уиль Скларлетъ и Аланъ-а-Дель въ прекрасныхъ нарядахъ, съ завитыми волосами и чудными голосами, они начинаютъ пѣть и веселиться. На ихъ платьяхъ нѣтъ ни пятенъ, ни слѣдовъ ветхости, а наоборотъ, они изукрашены пурпуромъ и золотомъ. Они держатся прямо и весело, вмѣсто того, чтобы горбиться отъ усталости. Нигдѣ нѣтъ слѣдовъ труда, заботъ и безнадежнаго голода. Они только и дѣлаютъ, что поютъ, пляшутъ, утомившись послѣ веселой охоты по роскошнымъ лѣсамъ. Вотъ это веселая, свободная жизнь! Чудная, дѣтская, сказочная, языческая жизнь!

Смотря на сцену, слушая красивую выразительную музыку, лицо Иды невольно затуманилось. Этотъ міръ веселья, безоблачной юности, любви и дружбы составлялъ страшный контрастъ съ недавно видѣн-

ною ея тяжелой жизнью фермеровъ. Когда представленіе окончилось, они пошли медленно домой. Выйдя на улицу, Ида пожала руку Брайда.

— Какъ все это было прекрасно, прекрасно и больно. Понимаешь ли ты меня?

— Да, — отвѣчалъ просто Брайдъ.

— О, Брайдъ, какъ хорошо было бы, если бы мы могли открыть подобную страну, куда бѣдные могли бы сейчасъ отправиться, быть счастливыми, не испытывать нужды и лишеній, однимъ словомъ, страну спокойствія и веселья страну, гдѣ нѣтъ мѣста нуждѣ и злобѣ.

— Да, — вздохнулъ Брайдъ, — это было бы очень хорошо. Однако, я вижу, что наши радости отравлены навсегда и никогда намъ не придется всецѣло отдаваться какому-либо наслажденію.

— Да, мы родились для того, чтобы чувствовать страданья другихъ. Хуже всего то, что этой страной должна непременно стать Америка. Наши предки переселялись сюда съ этой надеждой, а между тѣмъ оказалось...

Она не кончила и они пошли молча въ глубокомъ раздумьи.

— Мы достигнемъ этого, — сказалъ, наконецъ, Брайдъ, — только путь долгъ и труденъ, и тысячи людей умрутъ на дорогѣ.

Идя дагѣ, Брайдъ слышалъ глубокіе вздохи, вылетающіе изъ груди жены, шедшей рядомъ съ нимъ. Снова они шли мимо красиваго Капитолія, съ его высокимъ куполомъ. Мѣсяцъ поднялся на небѣ, озаряя голубоватымъ свѣтомъ окружающій пейзажъ, смягчая яркость звѣздъ. Снѣгъ блестѣлъ, какъ брилліанты, и каждая вѣтка, покрытая хлопками снѣга, принимала какой-то сверхъестественный видъ. Кругомъ царил тишина. Они остановились молча и стояли до тѣхъ поръ, пока Ида начала вздрагивать отъ холода. Тогда Брайдъ взялъ ее за руку и повелъ домой. Когда они вошли въ комнату, Ида, не раздѣваясь, сѣла у камина, Брайдъ взглядомъ слѣдилъ за нею, а она продолжала задумчиво сидѣть; глаза ея были закрыты полями шляпы; она положила подбородокъ на руки и бросила перчатки на колѣни. Брайдъ слишкомъ хорошо изучилъ ея характеръ, чтобы прерывать ея задумчивость, а потому терпѣливо ожидалъ, когда она сама заговоритъ. Наконецъ, она рѣзко повернулась къ нему со словами:

— Брайдъ, я уѣду домой.

Эти слова поразили его и у него захватило дыханіе.

— Ида, я не могу на это согласиться! — воскликнулъ онъ.

— Да, я должна ѣхать, я не могу здѣсь оставаться. Сегодняшній спектакль пробудилъ мою совѣсть, я должна ѣхать на западъ.

— О, Ида, мы провели здѣсь всего четыре недѣли, я не вижу, почему...

— Я пойду въ вашъ округъ и приму все мѣры для того, чтобы тебя снова выбрали въ члены конгресса. Если ты рассчитываешь здѣсь

исполнить свой долгъ, то я должна принять участіе въ твоёмъ избраніи.—Она точно вдругъ стала старше и лицо ее приняло озабоченное выраженіе.—Ты видѣлъ, съ какою радостью меня встрѣчали жены и матери фермеровъ. Дорогой мой, мы не должны быть эгоистами. Мы рождены не для праздности. Я была очень счастлива съ тобой, но я послѣдовательница Іоанна Крестителя, я должна идти въ народъ проповѣдывать слово Божіе.

Она снова замолчала. Брайлей задумчиво мѣшалъ въ камнѣ, чувствуя въ сердцѣ невыразимую боль. Ея присутствіе дѣлало его чрезвычайно счастливымъ и онъ не могъ перенести мысли о разлукѣ съ нею, хотя онъ вполнѣ понималъ ея чувства. Долгіе годы размышленій подняли его на высоту альтруистическихъ взглядовъ. Когда онъ снова заговорилъ, онъ, повидимому былъ совершенно спокоенъ.

— Хорошо, Ида, мы оба себя законтрактовали на всю жизнь,—онъ даже заставилъ себя улыбнуться, взглянувъ на нее.—Моя дѣятельность, какъ члена конгресса, во всякомъ случаѣ, скоро окончится...

Она встала, подошла къ нему, положила ему руки на плечи.

— Твоя политическая карьера не должна оканчиваться еще въ продолженіи многихъ лѣтъ и безъ меня тебѣ въ сущности удобнѣе работать на этомъ поприщѣ. Ты долженъ стараться сохранить твое мѣсто ради меня, ради угнетенныхъ, ради нашихъ... будущихъ дѣтей.—Ея голосъ задрожалъ и на ея губахъ появилась лучезарная улыбка.

Брайлей посмотрѣлъ на нее долгимъ вопросительнымъ взглядомъ, потомъ тихо обнялъ и нѣжно привлекъ къ себѣ.

— Я обязанъ тебѣ всёю. *Теперь* никто меня не побѣдитъ.

К о н е ц ъ .

IN MEMORIAM.

Изъ Теннисона.

1.

Мнѣ кажется почти грѣхомъ
Излить въ словахъ мою кручину:
Возможно выразить стихомъ
Печаль души лишь въ половину.

Когда душа поражена —
Врачуешь боль размѣръ пѣвучій,
Невольно черпаетъ она
Забвенье въ музыкѣ созвучій.

Какъ плащъ тяжелый въ холодѣ,
Слова — отъ скорби мнѣ защита,
Но ту печаль, что въ сердцѣ скрыта —
Не передамъ я никогда.

2.

Со мною будь въ часы тоски,
Когда свѣтильникъ догораетъ,
Бѣненъ жизни замираетъ
И съ силой кровь стучить въ виски.

Со мною будь въ печальный мигъ,
Когда въ душѣ слабѣетъ вѣра,
И жизнь — зловѣщая мегера,
А время — хилый гробовщикъ.

Будь здѣсь когда слабѣю духомъ,
И люди, мнится мнѣ тогда,
Живутъ, жужжать, подобно мухамъ,
И умираютъ безъ слѣда.

Будь здѣсь, когда въ борьбѣ суровой
 Конецъ настанетъ для меня,
 И тамъ, за гранью жизни новой,
 Блеснетъ заря иного дня.

3.

Всегда ль мы искренно желаемъ
 Усопшихъ видѣть возлѣ насъ?
 Ужель отъ нихъ мы не скрываемъ
 Душевной низости подчасъ?

Быть можетъ, друга свѣтлый взоръ,
 Сіявшій раньше одобреньемъ —
 Усмотреть тайный мой позоръ,
 И смѣнится любовь — презрѣньемъ?

Нѣтъ, я неправъ, я сознаю;
 Любви прощаются сомнѣнья,
 А смерть мудра въ своемъ прозрѣньѣ,
 И душу видитъ онъ мою.

Въ часы упадка и борьбы
 Пребудьте съ нами неизмѣнно
 И возносите неизмѣнно
 За братьевъ гибнущихъ хвалы.

О. Чюмина.

ЧИСТАЯ СЕРДЦЕМЪ.

I.

Въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ Великаго поста, ночью купецъ Родіонъ Яковлевичъ Глѣбовъ вернулся въ свой городъ изъ Москвы. Онъ думалъ попасть домой къ масляной, да не успѣлъ, и какъ ни противенъ ему былъ московскій масляничный шумъ и суета—онъ себя превозмогъ, остался, кого нужно повидать—повидалъ, справился хорошо и теперь ѣхалъ довольный. Впрочемъ довольство его ничѣмъ не выражалось: глаза, какъ всегда, были строги, брови слегка сдвинуты. Онъ одѣвался по-русски, безъ щегольства, но и безъ всякой неряшливости: высокіе сапоги, теплый картузь. Его худощавое, темное лицо, обрамленное длинной бородой стального цвѣта, было похоже на ликъ стараго письма.

Родіонъ Яковлевичъ вышелъ изъ вагона съ ручнымъ савояжемъ (багажа онъ не возилъ), миновалъ холодныя желтыя залы вокзала, громаднаго, еле освѣщеннаго, грязнаго, похожаго на всѣ вокзалы губернскихъ городовъ, и, толкнувъ тяжелую дверь, вышелъ на крыльцо.

Вокзалъ былъ далеко отъ города, версты четыре по-полю. У ступенекъ крыльца стояло нѣсколько широкихъ извозчичьихъ саней.

— Пожалуйте, Родіонъ Яковлевичъ! Съ прїездомъ васъ! — крикнулъ Ѳедька.—Ивана нѣтъ нонче. Давно васъ дожидались, еще на масляной. Пожалуйте, духомъ доведу.

Глѣбовъ молча усѣлся въ сани и запахнулъ медвѣжьёю шубу. Стояли морозы, послѣдніе, но вѣрпкіе, звонкіе. Полозья такъ и визжали по маслянистой дорогѣ. Съ яснаго, широкаго, синечернаго неба свѣтилъ мѣсяць, маленький, немного на ущербѣ, но прозительно-яркій отъ мороза.

Свѣжія Ѳедькины лошади бѣжали бодро по голубой равнинѣ. Кое-гдѣ въ снѣгу мелькали темныя домики. Ѳедька-извозчикъ то и дѣло оборачивался къ Родіону Яковлевичу и заговаривалъ, не смущаясь тѣмъ, что купецъ отвѣчалъ ему рѣдко.

— Какъ дѣла изволили справить, Родіонъ Яковлевичъ? Все ли въ добромъ здоровьѣ?

— Слава Богу.

— Ну подай Господь. А я позавчерашняго дня Николая Семеновича на станцію возилъ.

— Сурина?

— Точно такъ. Въ Казань отѣхали. Спрашивали, когда ваша милость изъ Москвы будутъ. Мнѣ Евлампія Ниловна, Дунина госпожа, говорили, что каждый день ждуть, ну я такъ и сказалъ, что каждый, молъ, день ждуть.

— А ей-то откуда знать?—сурово вымолвилъ Глѣбовъ.

— Черезъ Серафиму Родіоновну, не иначе. Изволили писать Серафимъ Родіоновнѣ? А барыню Дунину я тогда съ рынка везъ.

Глѣбовъ ничего не отвѣчалъ. Старшей дочери Серафимъ онъ не писалъ. Она и такъ должна ждать его каждый день. Свѣтатъ начнетъ, утро недалеко, Серафима знаетъ, когда поѣздъ приходитъ и, вѣрно, встала, ждетъ съ самоваромъ.

— Лиза что?—подумалъ вдругъ Глѣбовъ и плотнѣе запахнулъ шубу.

Утро было, точно, недалеко—но еще не свѣтало. Только мѣсяцъ все выше забирался на пустынное небо, дѣлался меньше и ярче, и отъ его свѣта голубая, тихая равнина казалась еще тише. Вѣхали въ городъ—и ничего не перемѣнилось, тотъ же просторъ, та же тишина: широкая, широкая сине-бѣлая улица, и кажется она еще шире, потому что прямая, и потому что тянутся по сторонамъ низенькіе домики въ одинъ этажъ; свѣжныя кровли сливаются со снѣжной улицей, окна потухшія, только кое-гдѣ стекло сверкнетъ мертвымъ мѣсячнымъ свѣтомъ. Нѣтъ проѣзжихъ, и собаки не лаютъ, глухая ночь, глухой городъ, глухіе дома, и люди въ нихъ глухіе, потому что спятъ. Снѣжное море кругомъ молчитъ, со своими неподвижными бѣлыми волнами.

Өедька свернулъ лошадей влѣво, въ переулочъ. На поворотѣ открылись и слабо замерцали вдали золоченныя главы кремлевскаго собора. Родіонъ Яковлевичъ глянулъ и три раза, не торопясь, перекрестился. Въ ту же минуту гдѣ-то близко зашѣлъ пѣтухъ. Ему отвѣтилъ другой, дальше, потомъ еще и еще, совсѣмъ далеко, чуть слышно.

— Третьи никакъ,—сказалъ замолкшій было Өедька.—Заря занимается. Пожалуйте, ваше степенство, пріѣхали!

Домъ у купца Глѣбова былъ хорошій, деревянный, старый и крѣпкій, съ широкимъ помѣстительнымъ мезониномъ. Его весь занимала семья одного судейскаго барина. Самъ Родіонъ Яковлевичъ съ дочерьми жилъ въ двухъ комнатахъ внизу, почти что

*

въ подвалѣ, ходъ былъ въ ворота, черезъ дворъ. Изъ переулка дома и не видно, онъ стоялъ на улицу.

Калитку скоро отворили. Родіонъ Яковлевичъ, поскрипывая сапогами, пошелъ къ дому. Внизу, въ широкомъ низкомъ окнѣ у самой земли, тускло краснѣлъ огонь. Серафима ждала отца.

Глѣбовъ прошелъ черезъ темныя сѣни, гдѣ визгнулъ блокъ и отворилъ дверь въ первую горницу. Удушливое тепло его охватило. Серафима Родіоновна приняла саквояжъ, шапку и шубу. Направо, въ углу, низко, стоялъ кіотъ съ образами и теплилась красноватая лампада. Родіонъ Яковлевичъ молча помолился, медленно кланяясь, и обернулся къ дочери.

— Ну, здравствуй теперь.

Она поцѣловала его руку, онъ поцѣловалъ ее въ голову.

— Живешь? Что Лиза?

— Слава Богу, папаша. Вы какъ съѣздили? Здоровы ли?

— Ничего. Задержался маленько, да ничего, все ладно. Самоваръ-то есть у тебя?

— Самоваръ готовъ,— сказала Серафима и неслышно вышла. У нея былъ тихій голосъ и тихія движенія.

Въ этой же горницѣ, низкой, неглубокой, Родіонъ Яковлевичъ и спалъ. У дверей выдавалась бѣлая печка; между печкой и стѣной въ другую комнату, въ углу, стояла кровать Родіона Яковлевича, за синей ситцевой занавѣской. Между двумя широкими, точно сплюсненными окнами, былъ раскинутъ столъ, накрытый свѣжей, сѣрой скатертью съ красными коймами. Въ простѣннѣхъ горѣла жестяная лампочка. На высокомъ подоконникѣ лежали большіе, видно тяжелые, желтые счеты. Громады, низко висящія часы съ розанами на посѣрѣвшемъ циферблатѣ показывали теперь безъ двадцати пять.

Родіонъ Яковлевичъ сѣлъ къ столу. Вошла Серафима, вынула изъ стекляннаго шкафика чайный приборъ и початой домашній хлѣбъ. Закутанная Дарья внесла большой, шипящій самоваръ. Серафима, все такъ же неслышно двигаясь, заварила чай и сѣла поодаль; ея совсѣмъ стало не видно за высокимъ самоваромъ.

Родіонъ Яковлевичъ помолчалъ. Потомъ спросилъ дочь:

— Заходилъ кто?

— Знали, папаша, что вы въ отъѣздѣ... Кому заходить? Евлампія Ниловна была.

Онъ глянулъ изъ-подъ бровей.

— Ну, эта еще... Бабы шлепотки. Небось косила, косила языкомъ. А ты? Была гдѣ?

— На ефимонахъ была, у Сергія...

— На ефимонахъ! Въ гости, спрашиваю, куда ходила?

Серафима отвѣтила не вдругъ. Какъ будто чуть замѣтная ро-

зовая тѣнь легла на ея немолодое, блѣдное лицо. Заговорила она такъ же тихо, но торопливѣе:

— Я, папаша, тоже одинъ разъ у Евлампіи Ниловны была. Въ аптеку передъ вечеромъ пошла, Лизѣ грудного чаю взять, а Евлампія Ниловна тамъ. Уговорила меня, я съ полчаса у нихъ посидѣла.

Отецъ опять глянулъ въ ея сторону изъ подъ бровей, суровѣе.

— А Лизу на кого повидала?

— Даря съ ней оставалась...—еще тише отвѣтила Серафима и протянула отцу большую фарфоровую чашку съ чаемъ.

Родіонъ Яковлевичъ чашку принялъ, поставилъ передъ собой, помолчалъ.

— А что Лиза, нездорова, что-ль, была?—спросилъ онъ хмуро.

— Нѣтъ, такъ, закашляла, да прошло.

— Спитъ?

— Спитъ покойно.

— Тамъ свѣтъ у тебя есть?

— Лампада горитъ.

Родіонъ Яковлевичъ медленно поднялся изъ-за стола.

— Взгляну, не видалъ еще,—сказалъ онъ и, осторожно ступая, пошелъ къ притворенной двери. Серафима встала за нимъ.

Другая горница была побольше первой и оттого казалась еще ниже. Темный блескъ лампадки едва освѣщала ея. Два окна выходили на дворъ, а два—по другой стѣнѣ—въ садикъ, и снѣгъ совсѣмъ завалилъ ихъ. На широкой двуспальной постели, почти подъ лампадными лучами, спала, разметавшись, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, крупная, полная, удивительно красивая. Недлинные коричневые локоны мягко вились у лба и нѣжныя ушей и падали слабыми кольцами на подушку. На щекахъ розовыми пятнами стоялъ румянецъ. Тонкія разлетающіяся брови давали не то испуганное, не то невинно-лукавое выраженіе ея лицу съ темной тѣнью сомкнутыхъ рѣсницъ. Губы были полуоткрыты, какъ у спящихъ дѣтей. Родіонъ Яковлевичъ постоялъ молча, очень тихо. Лицо его стало яснѣе, морщины сползли со лба.

Лиза пошевелинулась и чуть-чуть застонала.

— Разбудите!—шепнула Серафима.

Глѣбовъ встрепенулся и трижды широко перекрестилъ дѣвочку.

— Христось съ тобою! Спи съ Богомъ!

И, опять такъ же осторожно ступая, вернулся въ первую горницу къ чайному столу.

II.

Родіонъ Яковлевичъ Глѣбовъ былъ одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ купцовъ въ городѣ. Дѣла онъ велъ большія, но тихо, такъ что никто въ точности о его состояніи ничего не зналъ. Онъ торговалъ мукою оптомъ, склады его были въ пригородѣ, за рѣкою. Приказчика настоящаго имѣлъ только одного, который тамъ же въ пригородѣ и жилъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Глѣбова выбрали церковнымъ старостой за крупное пожертвованіе на новоотстроенную церковь Сергія въ его приходѣ. Всѣмъ была извѣстна строгая, смиренная жизнь Родіона Яковлевича и его благочестіе.

Серафима хорошо помнила свою мать: она умерла въ самый день рожденія Лизы, а Серафимъ шелъ въ то время четырнадцатый годъ. Мать была еще молодая, веселая,—но тихая, съ кариными глазами. Волосы у нея вились кольцами, какъ у Лизы, только она прикрывала ихъ шелковымъ платочкомъ. Жили они тогда не внизу, а въ мезонинѣ, тамъ было свѣтло и просторно, четыре горницы. По угламъ стояли тяжелые кѣнты, и теплились лампы передъ праздниками, а у отца неугасимая.

Серафима знала, что отецъ былъ изъ семьи древняго благочестія. Рассказывали, что смолоду онъ считался первымъ начетчикомъ и чуть не тверже отца съ матерью ненавидѣлъ православную церковь и никоніантъ, а семья его стараго закона очень строго держалась. Двадцати лѣтъ онъ былъ свѣдущъ въ Писаніи, какъ не бываетъ иной и сорока, и не разъ велъ степенные споры съ пріѣзжими священниками. Что съ нимъ вдругъ подѣялось—никто не зналъ. Отвергъ старописныя книги, въ церковь пошелъ, отцу и матери такъ прямо это и объявилъ. Когда спрашивали, кто его смутилъ—онъ отвѣчалъ одинаково: никто не смутилъ, самъ своимъ разумомъ дошелъ, а противъ своего разума ничего не могу. Характеръ его знали: коли скажетъ, что своимъ разумомъ дошелъ,—такъ ужъ тутъ назадъ его не повернешь. Говорили, будто отецъ съ матерью прокляли его, въ немъ и въ дѣтахъ его; навѣрно никто этого не зналъ. Родіонъ Яковлевичъ сталъ жить одинъ, а вскорѣ старики умерли и, несмотря на проклятіе, домъ и капиталъ отказали сыну. Родіонъ Яковлевичъ опять поселился въ старомъ домѣ, дѣла расширились, и лѣтъ черезъ пять онъ женился на небогатой сиротѣ, православной, которая вскорѣ родила ему дочь Серафиму, а черезъ тринадцать лѣтъ—Лизу, и въ родахъ умерла.

Родіонъ Яковлевичъ, суровый, молчаливый, съ самаго ранняго дѣтства внушалъ Серафимѣ ужасъ. Придетъ, бывало, домой, слова не скажетъ, за обѣдомъ бровей не раздвинетъ.

Защелкнется за нимъ дверь—а мать ужъ шепчетъ Серафимѣ, шепчетъ, головой киваетъ и улыбается тихо:

— Ты, Фимочка, не бойся отца. Онъ добрый, ты не смотри, что онъ такой угрюмый, онъ добрый.

Фимочка все была съ матерью. Отдали ее было по десятому году не то въ школу, не то въ пансіонъ, да скоро взяли. Довольно поучилась, а много дѣвужекъ знать не годится.

— Что ты у меня какая блѣдная да боязливая,—говаривала мать Фимочкѣ.— Съ отцомъ слова никогда не скажешь. Онъ тебя не съѣстъ, онъ добрый, только у него характеръ такой, потому что онъ въ древнемъ благочестіи былъ.

Мать улыбается, но Фимочка все-таки боится, не понимаетъ и, наконецъ, робко спрашиваетъ:

— Мамашечка, а что это такое „древнее благочестіе“?

На этотъ вопросъ мать всегда отвѣчала все тѣмъ же пространнѣмъ разсказомъ, нараспѣвъ, какъ Родіонъ Яковлевичъ „дошелъ своимъ разумомъ“, и какъ гнѣвались отецъ съ матерью, а ничего подѣлать не могли.

Но Фимочка все-таки не понимала, что такое „древнее благочестіе“, и ей было еще страшнѣе.

Мать сидѣла у окна, въ своемъ шелковомъ платочкѣ на пышныхъ волосахъ, а дѣвочка около нея, на низкой скамейкѣ, и жалась къ ея колѣнямъ.

— Характеръ у тебя боязливый,—говорила мать.— А какое оно, древнее благочестіе-то, я не знаю, потому что мы изъ православныхъ. Слышала, что люди, что по старинѣ живутъ, все такіе степенные да сумрачные. У нихъ строго. Вотъ образа тоже. Нашъ образъ, возьми ты хоть Спасителя, али Богородицу съ Младенцемъ,—ликъ свѣтлый, волосы кудрявятся, ребеночекъ съ улыбкою написанъ, и глазокъ у него карій, радостный. А которые по старинѣ люди—тѣ этого не приемятъ. У нихъ въ иконѣ чтобы тьма была, ликъ черный, только глаза бѣлые на тебя смотрятъ и ужасаютъ, это точно. Я видала такія иконы, да и у насъ есть въ киотѣ, не ихнія, а вродѣ какъ бы ихнія, тоже старыя.

Фимочка думала о древнихъ иконахъ, ей вспоминалось лицо отца и снова дѣлалось страшно.

А мать продолжала:

— Родіонъ Яковлевичъ добрый. Онъ разумомъ дошелъ до нашей православной радости, а въ сердцѣ у него и во всемъ его характерѣ—старинная строгость, потому что кто въ чемъ выросъ и возмужалъ,—тотъ того не превозможетъ. Ну, оно и показывается, будто онъ суровый. Въ немъ крѣпость большая. Ты покоряйся ему только, дочка, слушай его во всемъ.

Серафима покорялась и слушалась, и все-таки боялась отца. Она вѣрила, что онъ дошелъ разумомъ до „православной радости“, но ликъ у него все-таки былъ темный, и сердце въ немъ было старое.

Когда умерла мать, пришли священники, стали пѣть панихиду. Лицо у Родіона Яковлевича сдѣлалось еще темнѣе, но онъ не плакалъ. Серафима плакала тихими, покорными слезами. Мать лежала на столѣ и печально улыбалась, вся бѣлая. Священники пѣли надъ ней, что она ужъ не будетъ больше ни печалиться, ни вздыхать, а Серафимъ припоминалось, какъ мать ей говорила:

— Ты, Серафимочка, не смотри, что я все сижу у окна да вздыхаю иной разъ, будто печалюсь. Я тебѣ вотъ о радости моей говорю, а ты то понимай, что я и сама не знаю, радость ли она, или печаль. Мнѣ въ радости-то моя печаль и дорога. Вздохну я— и сладко мнѣ. Въ печали моей страха нѣтъ.

И Серафимъ было больно, что тамъ, куда ушла мама, у нея отнимутъ ея радостную печаль.

Остались они одни. Перешли внизъ. Лизѣ кормилку наняли. Странная была дѣвочка, больная. Серафимъ отецъ сразу передалъ домашнее хозяйство, и такъ оно съ тѣхъ поръ и пошло. На ея рукахъ и Лиза была. Когда дѣвочка стала подростать—увидали, что она совсѣмъ больная. Руки и ноги у нея дергало, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Говорить не научилась, ничего не понимала и не слышала, только дико мычала. Серафима къ ней привыкла, а другіе ея боялись, особенно, когда она стала ходить и расти. Отецъ звалъ докторовъ, сказали, что она глухонѣмая, слабоумная, что у нея Виттова болѣзнь и сердце не крѣпкое. Два раза Серафима съ отцомъ и Лизой ѣздили на далекое богомолье, къ мощамъ и къ чудотворной иконѣ. Серафима ждала чуда, но Лиза не поправилась. Отецъ сталъ еще сумрачнѣе, но все чаще заходилъ въ горницу, когда Лиза спала—а спала она тихо, спокойно—и подолгу глядѣлъ на нее. Однажды сказалъ Серафимъ строго и постукалъ пальцемъ по столу:

— Смотри, береги сестру! Какъ мать, береги ее! Ты мнѣ за нее отвѣтъ дашь.

Лиза любила отца больше, чѣмъ Серафиму; когда онъ входилъ, бросалась къ нему, мычала, дергаясь. Онъ часто бралъ ее за руку, гладилъ по головѣ и смотрѣлъ подолгу ей въ лицо. Первый вопросъ его былъ, когда онъ возвращался изъ отлучки, о Лизѣ.

Серафима покорно ходила за Лизой, безъ возмущенія и безъ особой привязанности. Спала съ ней вмѣстѣ, кормила и одѣвала ее. У Лизы бывали припадки, она очень страдала, и тогда Серафима думала:

„Богъ приберетъ ее,—ей тамъ лучше будетъ. Жалко, мучается. Какая ужъ это жизнь“!

Лиза росла, выравнивалась, полнѣла и была очень красива, когда спала: она походила на мать. Годы шли незамѣтно, похожіе одинъ на другой. Блѣдное, длинное, тихое лицо Серафимы, некрасивое, съ широкими свѣтлыми глазами и слегка оттянутымъ внизу ртомъ—дѣлалось еще блѣднѣе и тише. Серафима не скучала и не терзалась: жила, не замѣчая годовъ, смотрѣла за Лизой и за хозяйствомъ; читала „Ниву“ и переводные романы; когда думала, то тихо и смутно вспоминала мать. Ходила въ церковь къ службамъ; отца боялась, но меньше, потому что слушалась его и знала, какъ ему угождать.

Такъ шла жизнь Серафимы до послѣдней зимы, когда ей минулъ двадцать девятый годъ.

III.

Дня черезъ два послѣ возвращенія Родіона Яковлевича, Серафима шла изъ церкви домой, по деревяннымъ, мокрымъ мосткамъ своего переулка. Былъ часъ четвертый въ самомъ началѣ. Морозы оборвались сразу, пришла весна, безвѣтренная, неслышная, ласково и тихо, почти незамѣтно, съѣдающая снѣга. Небо стояло неподвижно-ясное, голубое, будто умытое, все въ предвечернемъ золотѣ. Подъ снѣгомъ, въ канавкѣ, уже текли тонкіе ручейки, но тоже тихіе, безъ лепета. Нѣжный воздухъ былъ остръ и такъ легокъ, точно вовсе его не было.

Въ церкви, откуда шла Серафима, только что кончилась служба покаянія. Медленно читали, медленно выходилъ священникъ, въ темныхъ одеждахъ, говорилъ мучительную молитву и кланялся въ землю, и всѣ за нимъ, на сырыхъ плитахъ недавно отстроенной церкви склонялись до земли. Все, все возьми отъ меня, Господи, молились люди, все, что вложено въ насъ Тобою, и дай силу уничтожить во мнѣ данное Тобою. И дай видѣть его яснѣе, чтобы лучше уничтожить. Духъ смиренія и воздержанія пошли мнѣ, Господи.

И такая сила была въ этихъ словахъ, что они были почти прельстительны.

Серафима не разсуждала. Она, какъ всегда въ посту, ходила въ церковь и говорила за священникомъ молитву покаянія, и грустила, и долго потомъ повторяла: „духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія...“ И теперь она еще думала о молитвѣ, но ей не было грустно. Нѣжное небо, радостный воздухъ дали ей вдругъ испугавшую ее радость. Она даже подумала:

„Ой, что это я, грѣшница! Чего веселюсь?“

Но потомъ ей пришло въ голову, что какъ-ни-какъ—а постъ кончается Пасхой, значить оттого и въ посту радостно.

Навстрѣчу, по пустыннымъ мокрымъ мосткамъ, шелъ очень высокій, молодой человекъ въ шубѣ. У него было блѣлое лицо, веселые, добрые, совсѣмъ голубые глаза и широкая золотая борода. Не рыжая, а именно золотая, блѣдноватаго золота. Онъ поклонился Серафимѣ, улыбнулся, и глаза его стали еще добрѣе и веселѣе.

Серафима слегка ахнула и покраснѣла.

— Отъ Сергія, Серафима Родіоновна? Богу молились?

— Да...—сказала Серафима невнятно.—Я домой.

— Позвольте мнѣ проводить васъ. Вы говорили,—рецептикъ одинъ для Лизаветы Родіоновны нужно вамъ въ аптеку. Такъ я бы рецептъ принялъ, нынче къ вечеру было бы готово.

— Нѣтъ, что-жъ,—заговорила опять Серафима.—Это послѣ какъ-нибудь, Леонтій Ильичъ. Не къ спѣху. Очень благодарю васъ.

Они тихонько шли вмѣстѣ. Леонтій Ильичъ Дунинъ, сынъ Евлампіи Ниловны, провизоръ, казался еще стройнѣе, моложе и выше ростомъ рядомъ съ худенькой фигуркой Серафимы въ черномъ, нескладномъ платьѣ. Длинное, блѣдное лицо ея, впрочемъ, порозовѣло и все точно освѣтилось тихой радостью.

— Весна будетъ,—сказалъ Дунинъ.—Небеса-то какія высокія.

— А я вотъ изъ церкви шла, Леонтій Ильичъ, и думала: отчего это, грѣхъ какой, нѣтъ во мнѣ печали, а веселость на душѣ? А это, вѣрно, погода очень ужъ свѣтлая.

— Свѣтлая погода. Хорошо.

Серафима торопливо прибавила:

— Да и постъ къ Свѣтлому празднику идетъ.

Леонтій Ильичъ поглядѣлъ на нее съ ласковымъ недоумѣніемъ. Они не очень давно были знакомы. Леонтій Ильичъ учился въ московской школѣ, пріѣхалъ въ городъ недавно. Серафима съ нимъ до сихъ поръ все больше молчала.

— А вы такая тихая и печальная,—сказалъ онъ ей.—Смотришь, смотришь на васъ—и такъ бы васъ, кажется, и развеселилъ, разговорилъ, обрадовалъ, чтобъ вы улыбнулись. Вотъ какъ сейчасъ.

Серафима улыбнулась и опять покраснѣла.

— Такъ что-жъ, развеселите,—сказала она. Сердце у нея тихо билось и воздухъ еще ласковѣе прикипалъ къ ея лицу.

— Какія мнѣ радости?—прибавила она вдругъ.—Вотъ и домой пришли.

Они, точно, стояли у калитки.

— Мамаша сегодня хотѣла быть у васъ,—сказалъ Леонтій Ильичъ.—Если зайдетъ,—вы ей рецептикъ-то отдайте. А вечеромъ

лѣбарство будетъ готово. Я самъ вечеромъ отлучиться рано не могу, а можете вы сами зайдете...

— Ужъ не знаю, какъ,—почти шопотомъ проговорила Серафима и толкнула калитку.—Спасибо вамъ.

Она осмѣляла въ послѣднюю минуту и подвѣла на него глаза. Онъ стоялъ высокій, веселый, тоже немного робкій и глядѣлъ на нее, чуть улыбаясь своей доброй улыбкой. Серафима ему нравилась.

Когда калитка захлопнулась, и Серафима очутилась одна среди большого, свѣжнаго двора, ей показалось, что въ головѣ у нея нѣтъ ни одной мысли, что и не можетъ она ни о чемъ думать, и не хочетъ, а такъ только хочетъ стоять посреди двора и улыбаться.

Свѣтъ посинѣлъ, небеса поблѣднѣли, невидная весна была вездѣ, во всемъ, смиренномудрая и любовная; и покорная душа Серафимы была полна ея таинственной и божеской радостью.

„Будетъ Христосъ Воскресъ“, опять подумала Серафима, глядя на свѣтъ и небо и не умѣя инымъ оправдать своей радости. Небо и свѣтъ были чистые-чистые, и казалось, что ничего другого и нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ чистоты, тишины и счастья.

Но въ эту минуту отъ рѣшетки налесады, въ глубинѣ двора, отдѣлилась крупная фигура Лизы въ черномъ ватномъ салопѣ и въ платкѣ. Изъ салона она выросла, виднѣлись ноги въ широкихъ сѣрыхъ чулкахъ и грубыхъ башмакахъ.

Кривляясь и дергаясь, размахивая руками, дѣвочка подходила въ Серафимѣ. Лицо тоже дергалось, было грязно и даже не уродливо, а отвратительно. Серафима очнулась, поглядѣла на Лизу, и въ первый разъ она ей показалась страшной. Зачѣмъ она здѣсь, мычащая, замазанная, гадкая,—когда повсюду такъ тихо и чисто? Но Серафима не сказала себѣ этого словами, только радость ея вдругъ исчезла, и она разсердилась.

— Кто тебя одну гулять выпустилъ?—проговорила она громко, хотя знала, что Лиза и не слышитъ ее, и не понимаетъ.—Домой, домой!—прибавила она, привычными жестами, на пальцахъ, быстро показывая, что надо идти домой. Лиза было замычала, но Серафима взяла ее за руку и повела, не оглядываясь.

Родіона Яковлевича не было дома. Дарья объяснила, что она одѣла Лизу и пустила на дворъ, а сама на минутку отлучилась. Серафима угрюмо и сердито сняла съ кривляющейся и воющей Лизы салопъ, переобула, умыла ее. Лиза пошла ходить, шатаясь, по двумъ комнаткамъ и задѣвала, болтая длинными руками, то за притолку, то за гири часовъ. Смерклося. Серафима сидѣла у стола молча, не зажигая лампы, а Лиза все ходила, неровно, стучала башмаками, дергалась и слегка подвѣвала, будто жаловалась.

Серафима знала, что въ такіе дни она долго не будетъ спать, что ее нужно вечеромъ мучительно укладывать, а она все станетъ подыматься съ постели, дергаться и мычать.

IV.

На другой день пришла Евлампія Ниловна Дунина, мать Леонтія Ильича, дама полная, бѣлобрыса. У нея были широкія красныя, трясущіяся щеки и нехорошіе зубы. Ходила она не въ шляпкѣ, а въ бѣломъ шелковомъ платкѣ.

Чай давно отпили. Родіонъ Яковлевичъ былъ дома, сидѣлъ въ своемъ углу, за столомъ, насупившись, и молчалъ. Онъ не долбилъ Евлампію Ниловну, но ужъ очень они давно были знакомы, старикъ Дунинъ знавалъ покойную жену Родіона Яковлевича. Теперь Дунинъ лѣтъ пять какъ былъ въ параличѣ, безъ ногъ. У Евлампіи Ниловны, кромѣ сына, росли три дѣвочки, лѣтъ восьми—десяти.

Евлампія Ниловна отъ чаю покраснѣла еще больше и запахнула шаль. Лиза чѣмъ-то занялась въ углу, слышно было ея ворчанье, Серафима сидѣла противъ отца, блѣдная и тихая, какъ всегда.

— Да, надо сказать правду, надо,—журчала Евлампія Ниловна,—Леня одинъ наша надежда. Ужъ это я всѣмъ говорю и вамъ говорила,—да что-жъ, коли правда! Думали — совсѣмъ погибнемъ, какъ старикъ-то мой сѣлъ. Нюшѣ три года было. Ну, думаю, что-жъ, видно околѣвать. А тутъ Леня изъ Москвы пишеть: потерпите, устрою васъ. И выслалъ кое-что, — вѣдь ухитрился! Я и рѣшила: какъ-нибудь перебьемся, потерпимъ. Знали вы нашу нужду, Родіонъ Яковлевичъ. Да вотъ Богъ послалъ. И какой онъ, Леня, счастливый у меня! Сейчасъ это пріѣхалъ, и сейчасъ ему мѣсто провизоромъ. И квартиру Карлъ Степанычъ далъ, потому что семья, отецъ больной. Ужъ такое-то подспорье эта квартира, такое-то подспорье... Не великое дѣло, конечно, двѣ комнаты...

— А куда ихъ больше?—угрюмо сказалъ Родіонъ Яковлевичъ.— Двѣ комнаты и мы живемъ.

— Ваше дѣло другое,—мягко возразила гостья.— Вамъ не надо больше, вонъ весь домъ вашъ, да не надо вамъ. А у меня семья, больной, Леня человекъ взрослый... Тѣсно, тѣсно, говорить нечего, да спасибо, хоть съ голоду не подохнемъ. Такой ужъ сынъ у меня удался. Счастливый онъ у меня.

Родіонъ Яковлевичъ все хмурился. Лиза наткнулась на стулъ, повалила его, сама едва не упала, испугалась и завyla. Серафима пошла къ ней. Гостья закачала головой.

— Соврушаетъ васъ Лизочка-то,—проговорила она почти сладко.—Кому какой крестъ посланъ.

Родиону Яковлевичу это совсѣмъ не понравилось. Онъ поднялся и крикнулъ на Серафиму:

— Ну, что тамъ? Чего она?

Серафима не сразу отвѣтила:

— Ничего, папаша. Только блажить у насъ Лиза со вторника. Спать не уложишь. Боль у ней, что ли, какая, или такъ, передъ припадками. Она совсѣмъ нѣтъ.

Угломнивъ Лизу, Серафима подошла къ отцу.

— Не взять ли ей тѣхъ капель, папаша?—спросила она тихонько.

— Какихъ еще?

— А помните, въ третьемъ годѣ, московскій докторъ прописалъ? Еще много давать не велѣлъ, мы понемногу давали, она спать стала. И припадки были тогда легче.

— Что-жъ, возьми. Записаны онѣ у тебя?

— Рецептъ есть. Евлампія Ниловна, можетъ, какъ домой пойдетъ—такъ захватить. Ихъ дѣлать еще надо. Къ вечеру Дарью пошлемъ.

— Давай, давай, милая, я захвачу,—съ готовностью согласилась Евлампія Ниловна.—Сразу его Ленѣ и отдамъ. Онъ у меня живо... Да что ты, Серафима Родионовна, спѣсивишься, никогда меня, старуху, не навѣстишь? А вѣдь я тебя семилѣточкой видѣла, съ мамашей. Все я, да я хожу, а ты, словно графиня, дома сидишь.

— Мнѣ нельзя,—тихонько промолвила Серафима и опустила глаза.—Я съ Ливой. Да и не привыкла я.

— Что тамъ не привыкла! Была, вѣдь, у меня. Ну и нынче заходи, за каплями-то.

— Какіе гости по вечерамъ,—сказалъ Родионъ Яковлевичъ.—Пустое. Развѣ что за дѣломъ.

— За дѣломъ, за дѣломъ!—подхватила Евлампія Ниловна.—Она дѣвушка не вертушка. Приходи же, папаша, вонъ, позволилъ. А я, милые, пойду теперь. Что-то еще дома у меня! Прощайте, прощайте. Прощай, Лизочка. Не видитъ! Кудахчетъ, словно курочка...

Гостыя ушла. Передъ вечеромъ, еще не совсѣмъ смерклось, Родионъ Яковлевичъ сказалъ:

— Не забыть-бы капли-то.

— Я пошлю Дарью, папаша,—тихонько молвила Серафима. Глѣбовъ помолчалъ.

— Дарью... А тамъ написано, какъ ихъ брать-то? Не перепутать бы чего. Сходи сама, пожалуй. Да спроси тамъ, поскольку и что.

Серафима вспыхнула въ сумеркахъ и по внезапной своей радости поняла, что ей очень хотѣлось идти. Но она не сказала ни слова, только встала, зажгла лампочку, повѣсила ее надъ столомъ, потомъ прошла въ другую комнату одѣться. Лиза сидѣла на скамеечкѣ со сверткомъ изъ траповъ, который былъ для нея не то куклой, не то вообще игрушкой. Серафима стала одѣваться, торопясь, хватая не то, что нужно, точно боясь, что отецъ передумаетъ и не отпуститъ ее. Когда она, готовая, вышла изъ спальни, Родіонъ Яковлевичъ сидѣлъ въ углу подъ лампой, проглядывалъ большую шнуровую книгу и щелкалъ желтыми деревяшками счетовъ. Серафима подошла и поцѣловала у него руку. Отецъ едва поднялъ на нее глаза и молвилъ только:

— Скорѣй назадъ будь. Не засиживайся у этой... Она рада до полночи языкъ трепать.

V.

Аптека у нѣмца Карла Степаныча Ротъ была прекрасная, свѣтлая, на главной улицѣ города. За помѣщеніемъ аптеки, черезъ сѣни,—была квартирка провизора Леонтія Ильича Дунина съ семьей. Комнатки низкія, но довольно просторныя. Въ первой обѣдали, ужинали, больной старикъ сидѣлъ въ креслѣ; за перегородкой спалъ Леонтій Ильичъ. Во второй спала вся семья.

Серафима сидѣла въ „залѣ“ за столомъ, который стоялъ посреди комнаты, накрытый бѣлой скатертью, а надъ нимъ съ потолка висѣла лампа.

— Ты шляпку-то, шляпку сними, Фимочка,—убѣждала Евлампія Ниловна.—Что это, право, въ кои-то вѣки отпустить, и то не посидишь. Угостить-то хоть дай тебя чѣмънибудь.

— Нѣтъ ужъ, Евлампія Ниловна, мнѣ пора. Право, пора.

Серафима, однако, не вставала и все смотрѣла внизъ, на бѣлый кругъ скатерти, освѣщенной лампой.

Леонтій Ильичъ сидѣлъ тутъ же, чистенькій, красивый, милый, поблескивая добрыми синими глазами.

— Если бы не капельки, а порошки вамъ понадобились, Серафима Родіоновна,—говорилъ онъ,—такъ я бы вамъ славную коробочку выбралъ. У насъ есть очень красивыя. Прелестныя картинки. Да я и такъ вамъ присмотрю какую-нибудь, въ будущему разу. Пудры можно положить, мѣлу чистаго или еще чего...

— Спасибо вамъ,—почти шопотомъ благодарила Серафима.— А теперь мнѣ, право, пора...

Евлампія Ниловна съ видомъ сокрушенія повачала головой.

— Несчастная ты дѣвушка, погляжу я на тебя, Фима. Слава

Богу, не маленькая, а отца боишься, воли себѣ нисколько не берешь. Что это, въ самомъ дѣлѣ, въ добрымъ людямъ въ гости пришла и сидишь, какъ на иголькахъ.

— Я за каплями,—сказала Серафима.

Больной старикъ Дунинъ, дремавшій въ креслѣ, застоналъ.

Евлампія Ниловна вздохнула.

— Безпокоятъ его здѣсь. Ахъ, тѣснота, тѣснота у насъ! Дѣвочки мои къ теткѣ пошли, а то и вернуться негдѣ. Не свой братъ, бѣдность-то. Былъ и мой старикъ по торговой части, такъ же, скажемъ, какъ и Родіонъ Яковлевичъ. Да Родіонъ-то Яковлевичъ нынѣ первый у насъ купецъ по своей части,—только, вотъ, добра не на кого тратить, а моему другое опредѣленіе: сиди безъ ногъ, а семья съ голоду околѣвай...

— Что-жъ, мамаша,—робко вставилъ Леонтіій Ильичъ, улыбаясь и поглаживая золотую бородку,—теперь что-жъ Бога гнѣвить. Теперь мы слава Богу...

— Слава Богу! Тобой однимъ и держимся. Ты у меня счастливый. Да велико ли у тебя жалованье на такую семью? Велико ли?

Серафима краснѣла, точно ее заставляли слушать то, чего ей слушать не слѣдовало, смущалась, наконецъ поднялась со стула, зажавъ крѣпко рукой въ черной фильдекосовой перчаткѣ сверточекъ съ каплями.

— Уходишь? Ахъ ты, сиротка бѣдная! Некому ни приласкать тебя, ни повеселить! Другая бы дѣвушка развѣ такъ жила, особенно если у родителя состояніе? А ты и слова не скажешь, все съ этой убогой-то вашей возишься. Крестъ Родіону Яковлевичу посланъ, а онъ на тебя его положилъ. Сладко что ли дѣвущкѣ вѣкъ свой на убогой погубить? Сидѣлку бы нанять—чего лучше...

Серафима торопливо сказала, волнуясь:

— Я не жалуюсь, Евлампія Ниловна. Лиза такая послѣ мамаша осталась. Кому-жъ ходить за ней, какъ не мнѣ? Она сама за собой не присмотритъ. А я не чужая.

— Да я ничего и не говорю. Такъ, пожалѣла тебя, что жизнь твоя невеселая. А развѣ Лизу-то не жаль? Каждый разъ смотрю и думаю: просто жалости достойно! Развѣ это человѣкъ? Безъ разума, безъ языка, вся больная. За чьи грѣхи она здѣсь на свѣтѣ мается? Прибралъ бы ее Господь, успокоилъ бы и васъ, и ее.

— Божья воля,—такъ же торопливо промолвила Серафима.— Папаша очень къ Лизѣ привязаны.

— Привязанъ не привязанъ, однако отецъ первый долженъ радоваться, если ее Богъ проститъ. Конечно, все Его воля... Ну,

прощай Фимочка. А ты о чемъ думаешь?—вдругъ обратилась она къ сыну.—Темно. Проводи барышню домой. Вѣдь свободенъ?

Леонтій Ильичъ стоялъ уже съ шапкой.

— Я и хотѣлъ, мамаша, просить позволенія у Серафимы Родіоновны проводить ихъ. Въ переулкахъ нынѣ фонарей не зажигаютъ.

Ночь была теплая, облачная, но свѣтлая,—за облаками стояла полная луна. Леонтій Ильичъ предложилъ Серафимѣ руку—она неловко оперлась на нее. Онъ былъ такой высокій, да она еще ни съ кѣмъ никогда и не ходила подъ руку. Доски тротуаровъ, обнаженные, нахли сыростью и весной. Воздухъ, теплый и, отъ облаковъ на небѣ, не острый, опять ласкался въ лицу Серафимы, только теперь онъ былъ весь душистый, не одна свѣжесть и чистота въ немъ были, а предчувственный аромать земли, которая должна родить травы, обнаженныхъ деревьевъ, которыя должны родить почки и листья. По сторонамъ глухого переулка тянулись заборы, за ними, при сѣромъ свѣтѣ заоблачной луны, видны были эти, пока невинныя, нагія деревья, съ черными, тонкими, и уже совсѣмъ живыми вѣтвями.

— Такъ по двѣнадцати давать?—сказала Серафима дрожащимъ голосомъ.

Она говорила о капляхъ для Лизы. Ей хотѣлось сказать что-нибудь, и было все равно, что, все равно хорошо и нужно.

— По двѣнадцати. А то и по десяти. А больше двѣнадцати никакъ не совѣтую, Серафима Родіоновна.

— Что-жъ, развѣ ядовитыя?

— Яда нѣтъ, да вѣдь какъ для кого. Не знаю, предупредалъ ли врачъ. Я по тому сужу, что вы говорили—у Лизаветы Родіоновны сердце слабое. Тогда положительно больше двѣнадцати давать не слѣдуетъ. Мы съ вами, можетъ, цѣлый пузырекъ выпьемъ—и ничего, а Лизавета Родіоновна, при ея организмѣ, отъ двадцати можетъ заснуть и не проснуться на утро. Я знаю, у насъ фармакологию строго проходили, и случаи намъ приводились. Врачъ васъ вѣрно предупредалъ.

— Не помню... Да я мало давала. Ужасы какіе вы говорите. Можетъ, лучше вовсе не давать?

— Нѣтъ, нѣтъ. Спать хорошо станетъ. И не ядъ это какой-нибудь! Я такъ сказалъ, для осторожности, при слабомъ сердцѣ больше двѣнадцати не слѣдуетъ брать.

Они шли нѣсколько времени молча. Лѣвая рука Серафимы, лежавшая на рукѣ Леонтія Ильича, слегка вздрагивала и сердце около нея билось часто и радостно. Серафима уже забыла о капляхъ, ей опять хотѣлось связать что-нибудь, но она не знала, что.

— А вы, Серафима Родионовна, не огорчайтесь мамашиними словами,— началъ Леонтій Ильичъ другимъ, болѣ тихимъ, голосомъ.— Я, вѣдь, замѣтилъ, что вы разстроились. Мамаша—старый человекъ, намученный, ей простить надо, успокоить ее надо. Конечно, всякому о своей радости слѣдуетъ думать, вы же человекъ молодой, но, скажу вамъ по сердцу, очень мнѣ въ васъ эта покорность родителю нравится.

Онъ помолчалъ. Серафима не отвѣтила. Сердце билось все сильнѣй, такъ что почти выдержать было нельзя.

— Я и самъ прежде всего на свѣтъ родителей уважаю и почитаю,— продолжалъ Леонтій Ильичъ.— Что-жъ, волю себѣ недолго взять, да вѣдь радости въ ней нѣту.

Онъ опять помолчалъ.

— Одно только: ужъ очень вы всегда печальная. И лицо у васъ такое печальное. У меня иной разъ... вы не сердитесь, Серафима Родионовна,— а ей Богу сердце перевертывается, когда на васъ гляжу. Такой ужъ я есть, не могу печальнаго лица человѣческаго видѣть, особенно коль человекъ мнѣ милъ...

Серафима молчала, но и онъ теперь чувствовалъ, какъ дрожить ея рука. Они шли тише, вѣжнѣйшій воздухъ еще ласковѣе, еще любовнѣе прикипалъ къ ея лицу.

Фонарь блеснулъ у самой калитки дома. Леонтій Ильичъ остановился, тихонько снялъ руку Серафимы со своей, но не отпустилъ, а слабо сжалъ ея пальцы, похолодѣвшіе въ старенькихъ фильдекосовыхъ перчаткахъ.

— Я къ вамъ всей душой, всѣмъ сердцемъ, Серафима Родионовна,— сказалъ онъ ей.— Я весь тутъ, какой есть. Я лгать не стану. Я васъ, ей-Богу, такъ полюбилъ... Вы ужъ не сердитесь, коли что. Я вѣдь не знаю. Вы...

— Я-то?

Серафима только и сказала и подняла на него глаза. При дрожаніи фонаря онъ увидѣлъ эти глаза, такіе хорошіе, такіе влюбленные и безпомощные,— и не сталъ больше ничего говорить. Онъ наклонился и робко, едва касаясь губами, поцѣловалъ ее въ лобъ.

Потомъ повернулся и пошелъ назадъ, а Серафима толкнула калитку, которая безшумно отворилась и безшумно заперлась за нею.

Дома Лиза еще не спала. Отецъ говорилъ что-то сурово, что она опоздала, что самоваръ не убранъ,— Серафима не отвѣтила, она слушала и не совсѣмъ хорошо слышала, думала о томъ, что изъ темноты свѣтъ лампы рѣжетъ ей глаза и больно смотрѣть. Молча, проворно и привычно дѣлала она все, что надо, убрала со стола, раздѣла Лизу, осторожно накапала ей капель,

которыя принесла. Лиза любила лекарства и охотно выпила капли. Въ постели начала было буянить, но вдругъ затихла и заснула. Серафима поцѣловала руку у отца, ушла къ себѣ и притворила дверь. Хотѣла было раздѣваться, да не стала, а присѣла на скамеечку у широкой постели и такъ сидѣла, не двигаясь. Лампадка горѣла у кіота, въ головахъ постели, тѣни шевелились на подушкахъ и на Лизиномъ лицѣ. Лиза спала, и лицо у нея было опять спокойное, прекрасное и невинное.

У Серафимы до сихъ поръ не было ни одной ясной мысли, волна радости точно закрыла ее всю; но теперь, въ тишинѣ, ей стало спокойнѣе. Она совсѣмъ просто подумала, простыми словами то, что никогда раньше не думала:

„Вотъ, замужъ за него пойду“.

И эта мысль не казалась ей ни непривычной, ни стыдливой, ни страшной. Другія какія-нибудь слова не приходили ей въ голову, да и почему другія? Въ этихъ для нея понятно уложилась вся радость:

„Вотъ, замужъ за него пойду“.

Какъ это будетъ, какъ устроится, она не думала. Просто — „замужъ пойду“, вмѣсто: „люблю“.

Потомъ ей захотѣлось помолиться. Она встала на колѣни у постели и подняла глаза на кіоть. Тамъ по срединѣ, за лампаднымъ свѣтомъ, стоялъ образъ Спаса, большой, благословеніе матери. Въ золотой ризѣ съ камнями, весь яркій, розоволикій, ясноокий, съ благостными, молодыми, синими глазами. Слѣва, угломъ, былъ другой образъ Спасителя, но древній, отъ серебряной ризы ликъ его казался еще чернѣе, Серафима видѣла только темное пятно, — да бѣлыя точки глазъ. Но она и смотрѣла на него рѣдко, потому что онъ былъ сбоку, она всегда молилась тому, материнскому.

Своими словами Серафима не умѣла молиться. Невольно ей пришли на память заученныя слова, и она стала шептать:

— Господи, Владыко живота моего! Духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми...

Но потомъ она остановилась и не кончила молитву. Не входили въ сердце слова и не давали утоленія радости. „Духъ праздности“... Въ ней и не было духа праздности. „Унынія“. Какое же уныніе, когда радость? „Любоначалія, празднословія“... Не для Серафимы были эти слова, и она невольно остановилась. А для счастья своего она не знала словъ, которыя могла бы сказать Христу. И она просто смотрѣла на ясноокий ликъ.

— Господи, Господи!

Христось казался ей знакомымъ, знакомымъ, милымъ, драгоценнымъ, златокудрый, съ синими, добрыми глазами. Она такъ

долго смотрѣла ему въ лицо, что уже забыла почти, что это — Христось. Ея любовь была въ немъ, была — онъ.

И ни грѣха, ни смущенія въ душѣ оттого, что Христось — такой знакомый, такой похожий... Только усталость отъ счастья.

Лампадные тѣни бродили по подушкамъ. Лиза спала, красивая, тихая. Серафима подумала, что ей хочется плакать — но слезы не текли. Она встала, быстро раздѣлась, легла рядомъ съ Лизой и сейчасъ же заснула.

VI.

Прошло нѣсколько дней, потомъ недѣль. Въ воскресенье Серафима, какъ всегда, пошла къ обѣдни. Въ церкви она молилась не по домашнему, а по привычному, крестилась, кланялась. Теперь она, входя, постаралась забыть свою радость, которая здѣсь казалась ей „грѣховной“. Въ церкви это былъ грѣхъ, въ церкви все грѣхъ, да и все иное было въ церкви для Серафимы, чѣмъ дома. И свѣтъ иной, и лампы, и ликъ Христа — не тотъ. Обѣдню она выстояла, какъ прежде выстаивала, потому что такъ надо. Впрочемъ ей было немного скучнѣе и тяжеле.

Подходя къ дому, Серафима вдругъ почувствовала себя нехорошо, точно отъ злого предчувствія. Но это было только мгновенье. Радость сейчасъ же вернулась. А когда Серафима вошла въ комнату — радость перешла въ ужасное счастье и волненье: за столомъ, противъ отца, сидѣла Евлампія Ниловна, принаряженная по праздничному, а сбоку, на стулѣ, съ шапкой въ рукахъ — Леонтій Ильичъ. Раньше онъ никогда не бывалъ у Родіона Яковлевича, и Серафима поняла, что рѣшается ея судьба.

— Вотъ и Серафима, — произнесъ Родіонъ Яковлевичъ непривычно весело и громко. — Раздѣвайся живѣй, — видишь гости. Евлампія Ниловна и сына моего для знакомства привела. Попотчуй гостей-то. Я и самъ послѣ обѣдни чаю еще не пилъ.

Серафима хотѣла выйти, но въ эту минуту Дарья уже внесла самоваръ.

— Ты, Дарья, погуляй съ Лизой по двору, — продолжалъ Родіонъ Яковлевичъ мягко. — Одѣнь ее, Серафима. А сама останься, посиди въ нашей компаніи. Мы ужъ тутъ, признаться, разные разговоры разговаривали, да все не по сурьезному.

Лизу увели. Серафима сняла шляпку и присѣла тихо, поодаль, не поднимая глазъ.

Евлампія Ниловна казалась не то сердитой, не то смущенной; красная, она сжимала губы и обдергивала платье.

— Никакихъ у насъ особенныхъ разговоровъ не было, — сказала она. — А почему не поговорить. На то и въ гости люди ходятъ, чтобъ не молчать.

— Это какъ въ какой часъ,—вымолвилъ Родіонъ Яковлевичъ, и теперь въ голосѣ его была обычная суровость.—Надо—поговоримъ, не надо—помолчимъ. Такъ-то, гости дорогіе.

Евлампія Ниловна еще сердитѣе сжала губы. Потомъ произнесла:

— А вотъ Серафима-то у васъ вѣчная молчальница. Эдакъ дѣвушка не весело.

Родіонъ Яковлевичъ глянулъ изъ-подъ бровей.

— Слышаль я ужъ это сейчасъ отъ васъ. Не весело ей. А какое ей веселье? Чему радоваться? Кого тѣшить? Серафимъ не замужъ идти.

Прошла минута тишины. Только самоваръ шумѣлъ. Заговорила Евлампія Ниловна:

— А почему-жъ и замужъ не идти? Всякая дѣвушка на свою судьбу надѣется.

— Потому не идти, что Серафимина судьба иная. У нея сирота на рукахъ, убогая. Ей о себѣ думать не поведено. Да и что даромъ говорить? Она ужъ не молоденькая. И молоденькая была бы—для безприданницъ жениховъ-то нынче не припасено.

Онъ опять глянулъ изъ-подъ бровей. Евлампія Ниловна даже подскочила.

— Серафима-то у васъ безприданница? Вотъ оно какъ! А только что пустяя слова говорить, Родіонъ Яковлевичъ, слава Богу, на людяхъ живемъ. Люди-то за это осуждаютъ.

— Мнѣ люди не указъ. А слова мои не пустяя, а вѣркія. Въ карманѣ у меня нѣто не считаль, да коли и считали—такъ то мое, и воля моя, и разсужденіе мое. Случая не было—и воля моя неизвѣстна никому была, а нынче къ слову пришлось—такъ таить мнѣ нечего. Вотъ и Серафима пускай послушаетъ.

Евлампія Ниловна не нашлась отвѣтить. Леонтій Ильичъ и Серафима сидѣли, опустивъ глаза.

— Вотъ какъ я положилъ на счетъ дочерей моихъ,—медленно началъ Родіонъ Яковлевичъ.—Извините, гости дорогіе, коль поскучаете,—вставилъ онъ вдругъ ласково,—ужъ къ слову пришлось. Да. Состояніе у меня, слава Богу, есть, не великое, и не малое, и все оно, по смерти моей, отказано мною дочерѣ Елизаветѣ. Опекуну тоже назначены, надежные,—по болѣзни, по ея. Дочери же Серафимѣ, пока она живетъ съ сестрою, какъ жила, въ бракъ не вступая, назначено содержаніе, сколько для жизни требуется. Она у меня къ лишнему не приучена, да лишняго и не надо, и такъ въ довольствѣ будетъ при сестрѣ. Оговорено же у меня: если Серафима въ бракъ послѣ моей смерти захочетъ вступить, или сестру на чужое попеченіе отдать, въ ле-

чебницу тамъ, что ли, обязанностями своими тяготясь—то пенсіона она своего лишается.

Родіонъ Яковлевичъ пріостановился. Опять только самоваръ шумѣлъ, и то тише, потому что гасъ. Евлампія Ниловна, задыхаясь, спросила:

— А въ случаѣ, если Елизавета раньше сестры умретъ? Все же Серафимъ все послѣ нея достанется.

— Къ людямъ вѣры не имѣю,— строго сказалъ Родіонъ Яковлевичъ.—Злы люди, нѣтъ въ нихъ любви, а тѣмъ паче въ убогому, который защититъ себя какъ—не знаетъ. О Лизаветѣ, кромѣ отца родного, никто не позаботится. А умретъ отецъ, останется она беззащитная, съ состояніемъ,—соблазнъ людямъ. Серафима не зла, да проста, коли будетъ послѣ сестры наследницей—обойдутъ ее люди, наговорятъ, что, вотъ, моль, одна помѣха дѣлу—сестра убогая, бѣльмо на глазу... Житье ли тогда Лизаветѣ? Нѣтъ, тутъ разумѣніе справедливости надо. И такъ у меня оговорено, что буде Лизавета и умретъ—сестра ей не наследница. Содержаніе свое малое сохранить до конца дней, въ монастырь захочетъ—единовременный вкладъ сдѣлаетъ—много ли надо? А Лизино состояніе пусть тогда на вѣчный поминъ нашихъ душъ въ Сергіевскій приходъ пойдетъ.

Евлампія Ниловна хотѣла что-то сказать и не могла, только глядѣла широко раскрытыми глазами на старика.

— Что-жь... что-жь это?—вымолвила она, наконецъ.—Да это законовъ такихъ нѣтъ... Это... за что-жь вы такъ дочь-то свою родную обидѣли?

— По закону моя воля наградить дочерей, какъ хочу,— твердо сказалъ Родіонъ Яковлевичъ.—А обиды тутъ нѣтъ. Я разумомъ до правды дошелъ. Серафима—плоть отъ плоти моей, я ей отецъ и наставникъ, я ее на истинномъ пути долженъ хранить. Я Господу за нее отвѣчаю. Путь ея ясенъ, какъ потрудиться въ жизни. И до тридцати лѣтъ она съ покорностью волю Божью совершала, и безъ соблазновъ пустыхъ прожила. Будетъ соблазнъ—отецъ долженъ охранить ее по своему разумѣнію.

Серафима ничего не поняла. Она и слушала, какъ сквозь сонъ. Она только знала, что пришло какое-то неотвратимое несчастье, всему конецъ, и ей конецъ.

Евлампія Ниловна притихла и спросила уже несмѣло:

— Значитъ ваша такая воля, чтобъ Серафимъ замужъ не идти?

— Ежели бы она теперь вздумала и на долгъ свой возстала, я силкомъ держать не стану. Да случая такого не вижу, потому что тогда ей ничего отъ меня не будетъ, а кому нынѣ жена-нахлѣбница не тяжела?

— А если бы,—продолжала Евлампія Ниловна, вдругъ осмѣлѣвъ,—скажемъ, Лизавета еще при вашей жизни умерла? Все въ Божьей волѣ. Ужели и тогда Серафиму обидѣли-бы?

Леонтій Ильичъ всталъ и отошелъ въ печь, не слушая.

Родіонъ Яковлевичъ прикрылъ глаза рукой, помолчалъ и сказалъ тихо:

— Что говорить? Его, Его воля. Захочетъ—иной трудъ укажетъ Серафимѣ. Нѣтъ ей отъ меня обиды, и не будетъ. Оставить мнѣ Господь одну Серафиму—увидю указаніе отъ Него, не возропщу. Все ея тогда, не для кого хранить. Я только волю Господа исполняю, по моему слабому разумѣнію.

Наступила новое, долгое молчаніе. Самоваръ совсѣмъ потухъ. Леонтій Ильичъ такъ и не сказалъ ни слова.

— Что-жь, гости дорогіе, чайку?—вдругъ ласково и громко произнесъ Родіонъ Яковлевичъ.—Угощай, Серафима. Извините, заговорилъ я тутъ васъ семейными дѣлами. Оно бы и не слѣдовало, да въ слову пришлось. Простите старика.

Серафима поднялась.

— Кушайте, пожалуйста,—сказала она едва слышнымъ, ровнымъ, точно не своимъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, намъ пора. И то засидѣлись. И пора-то прошла. Собирайся, Леонтій. Спасибо на угощеніи, Родіонъ Яковлевичъ. Некогда намъ. Разговоръ разговоромъ, а дѣло дѣломъ. Насъ извиняте, Христа ради. Не можемъ.

—Ну, какъ угодно. Жаль очень. Въ другой разъ когда-нибудь милости просимъ. Проводи, Серафима, въ сѣняхъ темно, кадка тамъ стоитъ. Прощайте, благодаримъ покорно.

Серафима, какъ была, въ платьѣ, съ открытой головой, вышла за Дуниными въ сѣни и на дворъ.

Евлампія Ниловна обернулась къ ней, лицо у нея было все красное, точно изъ бани, сердитое и взволнованное.

— Ну, прощай, прощай, Фимуша. Иди. Покорно благодаримъ папеньку твоего на угощеніи, на добромъ словѣ. Вотъ она жестокосердость - то родительская! Старая - то вѣра гдѣ связывается. Такіе родители отвѣтятъ Богу, отвѣтятъ! Эхъ ты, моя безталанная, страдалица, за чужіе грѣхи отвѣтчица! И жалко тебя, да помочь нечѣмъ. Коль не образумитъ Господь отца,—пропала твоя доля, Фимочка!

Она утерла наворачнувшіяся злобно-жалобныя слезы и поцѣловала Серафиму.

— Пойдемъ, Леонтій.

— Я... завтра...—начала Серафима.

Евлампія Ниловна ушла впередъ, но Леонтій Ильичъ услы-

халь тихія слова Серафимы, понялъ, что она хочеть сказать: „я завтра приду“, взялъ ее за руку и молвилъ:

— Приходите, Серафима Родионовна, потолкуемъ. Можетъ, что и придумаемъ. И простите вы меня, несчастнаго, Христа ради.

Серафима вернулась въ горницу и хотѣла пройти мимо отца, который сидѣлъ теперь за книгой. Онъ остановилъ ее.

— Смотри ты, тихоня! Въ голову себѣ не забирай. Не видишь, что ли, какъ люди къ чужимъ деньгамъ подбираются. Оно сладко. Дѣвка до сѣдыхъ волосъ дожила, а уши развѣшиваеетъ. Разумъ-то собери, да о долгѣ о своемъ думай.

Серафима не отвѣтила, только взглянула изподлобья, тѣмъ же недобрымъ взоромъ, какой былъ и у отца.

— Чего глядишь? Эй, смири себя! О трудѣ своемъ тебѣ думать, Богу молиться, грѣхи замаливать...

— Чужіе грѣхи..—сѣвозъ зубы произнесла Серафима.

Отецъ поднялся со стула и крикнулъ съ изумленіемъ:

— Что? Что ты сказала?..

Но Серафима уже скользнула вонъ, въ другую комнату, и тихонько притворила за собою дверь.

VII.

На другой день Серафима ходила къ Дунинымъ въ аптеку. У Лизы съ утра начались припадки, къ вечеру она утихла, но Серафима все равно бы пошла, и даже отца не подумала спроситься. Его, впрочемъ, и дома не было.

Леонтіи Ильичъ встрѣтилъ Серафиму по дорогѣ, видно поджидалъ ее, и сразу сталъ говорить тѣ самыя слова, которыхъ Серафима отъ него и ждала: горько жаловался на судьбу, на то, что ихъ разлучаютъ, что не дается счастье.

— Нѣтъ мнѣ ни покоя, ни радости безъ васъ, Серафима Родионовна. А только посудите сами: какъ мы противъ родителей поидемъ? Все равно не будетъ счастья. И осуждать вашего родителя не хочу, хоть и кажется мнѣ, что неправильныя у него мысли. Пойти наперекоръ—что жъ, я васъ люблю, мнѣ тяжело смириться, я бы радъ не смириться,—да какъ жить? Сами знаете, бѣдность у насъ, отецъ больной, сестры-дѣвочки мной держатся, а вѣдь я ужъ тогда долженъ ихъ оставить помощью... Вотъ какое дѣло.

Серафима и не думала, что можно пойти наперекоръ. Про себя ничего не думала, а про него знала, что ему нельзя. Она и сама не понимала, на что надѣялась, когда шла къ Дунинымъ, и зачѣмъ хотѣла видѣть Леонтіи Ильича. Когда онъ сталъ го-

ворить ей, что единственное средство—это, чтобъ она попробовала упросить отца,—она молчала, но и тутъ ей не было надежды, она знала, что отецъ не переѣмнитъ рѣшенія, до котораго однажды „дошелъ разумомъ“.

— Намъ вѣдь не богатство какое-нибудь нужно, намъ такъ, не много, чтобъ ѣсть что было, чтобъ у моихъ-то не отнимать,—говорилъ Леонтій Ильичъ. — Попросите, Серафима Родіоновна, можетъ онъ и смягчится. У отца да не выпросить! Вѣдь не каменное же у него сердце. Попросите, а? Ужъ я буду въ надеждѣ.

Доброе лицо Леонтія Ильича, такое сначала грустное, теперь опять улыбалось; онъ такъ радъ былъ вѣрить, что все еще можетъ устроиться, тихо, мирно. Безобидная душа его, отворачивалась отъ возможности страданія, какъ отъ чего-то страннаго, неестественнаго.

Потомъ они пошли къ Евлампіи Ниловнѣ. Тамъ тоже не было ничего неожиданнаго для Серафимы. Только Евлампія Ниловна кляла и ругала на чемъ свѣтъ стоитъ Родіона Яковлевича и всплакнула надъ судьбой Серафимы. Къ тому, что Серафима будетъ говорить съ отцомъ—отнеслась безъ восторга, хотя и сказала:

— Почему-жъ не поговорить? Попробуйся. Да врядъ ли толкъ будетъ. Нѣтъ ужъ, Фимочка, видно такъ Богу угодно. Не судьба моему Леонтію...

Въ это время Леонтія Ильича влинули въ аптеку. Уходя, онъ пожалъ руку Серафимѣ, поглядѣлъ на нее ласковыми, синими глазами и опять шепнулъ:

— Такъ поговорите? Ужъ я буду въ надеждѣ...

Опять Серафима сидѣла за столомъ съ висячей лампой, молчала, упрямо глядя внизъ, а Евлампія Ниловна изливалась въ безконечныхъ жалобахъ и совѣтахъ.

— Ты ему отлей, отлей свои слезки, Серафима! Ты ему выскажи. Поворитесь покорись—а выскажи. Ишь ты, добренькій! Все, говоритъ, ея будетъ, коли Лизавета прежде меня умретъ! Да жди, умретъ она! Такія то и живучи. И гдѣ она больная, дѣвка кровь съ молокомъ, сильная, только что разума ни крошки, хуже, прости Господи, чѣмъ у пса или у какой иной твари. У эдакихъ-то и души нѣтъ. Ходи—не ходи,—за нее Богу не отвѣтишь. Больная! Всѣхъ насъ переживетъ!

— У нея припадки теперь,—сказала Серафима.— Очень мучается.

— Мучается, да не къ смерти. А тоже поглядѣть,—и за чѣмъ мучается? И самой, и другимъ терзаніе. Богу молиться надо, денно и ночью, чтобъ прибралъ ее Господь, простилъ на

ней родительскіе грѣхи. А ты-то какъ бы вздохнула! Зажили бы вы съ Леной, мы бы на васъ радовались...

Серафима поднялась и стала прощаться. Евлампія Ниловна вышла ее проводить въ сѣни.

— Молись, молись Богу, дѣвушка, о своемъ счастьи, чтобъ развязались у тебя руки. Припадки, говоришь, у Лизаветы? Что-жь, капельки-то эти даешь, что Леня тебѣ готовилъ? Покойнѣе она отъ нихъ?

— Даю. Ничего, помогаютъ.

— То-то, давай, давай. Крѣпче спать будетъ.

— У нея сердце слабое, не каждый день даю.

— Какое тамъ слабое! Взгляни-ка на нее,—бѣлая, румянецъ во всю щеку, да и рослая какая! Кто это тебѣ наговорилъ? Онѣ, капли-то, невредныя, мнѣ Леня сказывалъ — хоть два пузырька выпей. Успокоительныя. Ты побольше ей давай, не бойся. По двадцати тамъ, или по двадцати пяти. Поспать и успокоится. Ей же легче. Прощай, голубка, Христось съ тобою. Ты ужъ не ходи въ намъ пока, хуже бы отецъ не разсердился. А тамъ видно будетъ. Прощай.

VIII.

Серафима точно просыпалась. Ни прежней равнодушной покорности, ни привычнаго страха передъ отцомъ у нея больше не было. Радость ея еще была робкая, смутная, но озлобленіе дало ей твердыя, опредѣленныя мысли и слова. Впрочемъ, эти слова она говорила только себѣ. Она понимала, что съ отцомъ спорить безумно и ненужно. Все равно, ничего не будетъ.

„Камень на шею навязали... камень.. камень...“—думала она, съ ненавистью глядя на Лизу. Одѣвала, раздѣвала, укладывала она ее теперь почти грубо, съ жестокостью, которая пугала даже ничего не понимавшую дѣвочку.

Припадки были тяжелые. Серафима едва сдерживала корчившіеся члены, подкладывала подушки и опять думала:

„Мучается. И сама мучается, и другихъ мучаетъ. Развязалъ бы ее и меня Господь. Ну кому она нужна? На что живетъ?“

Вечеромъ, Серафима, усталая, сама больная, стала капать въ рюмочку капли, но рука дрожала, она влила сразу слишкомъ много,—и съ сердцемъ выплеснула въ умывальникъ, чтобы снова накапать.

Когда Лиза уснула,—она вспомнила, какъ выплеснула лекарство и задумалась. Вотъ и Евлампія Ниловна ей про капли говорила. Не правда, конечно, что Лизѣ капли не вредны, Леонтій Ильичъ лучше знаетъ. Можетъ, и ничего не было бы, кабы она

тогда въ тазъ не вылила, а можетъ Лиза такъ бы и не проснулась. Ну, и не проснулась бы. И не мучилась бы ужъ больше. А у нея сердце слабое, сказали бы — отъ припадковъ умерла. Это тоже бываетъ, докторъ говорилъ. На Лизѣ грѣховъ нѣтъ; за что же ей здѣсь мучиться?

Серафима встала, взяла бутылочку съ каплями, открыла, понюхала: пахло горьковато. Повертѣла рецептъ: нигдѣ не написано, что ядъ.

„За такую Богу не отвѣчать“, вспомнились ей слова Евлампіи Ниловны.

Серафима глянула на кіотъ: отсюда ей виденъ былъ только старый, черный образъ въ серебряной ризѣ, съ бѣлыми глазами. Строгий ликъ походилъ, или Серафимѣ казалось, что онъ походить — на отца; и у нея опять поднялось озлобленіе. Такіе же, или вродѣ этихъ, образа и въ церкви. Помни долгъ свой, да трудись, да въ грѣхахъ вайся. Какіе грѣхи? За то отвѣчать, что Лизѣ не мучаться, и ей самой не мучаться? Коли такъ — и пусть грѣхъ, и не страшно грѣха. Только мученье одно страшно.

„Завтра на ночь и дамъ ей капли“, рѣшила Серафима. „Тридцать дамъ, или сорокъ, а тамъ пусть что будетъ“.

Опять послѣ того на нее нашелъ туманъ, и цѣлый день она ходила, какъ мертвая, а вечеромъ совсѣмъ не дала Лизѣ капель. И въ слѣдующій день не дала, и такъ шли дни. На шестой недѣлѣ отецъ выѣхалъ въ Москву ненадолго. Передъ отъѣздомъ постучалъ пальцами о столъ и сказалъ Серафимѣ строго:

— Смотри! У меня отъ Лизы ни на шагъ не отлучаться. Ты отвѣчаешь.

Серафима вспыхнула.

— Да она больная, папаша. Какъ мнѣ за нее отвѣчать? Я не докторъ.

— Не дерзи, дура! Не про то говорю. Говорю, чтобъ ты изъ дома ни на шагъ. Шляться никуда не смѣй, слышишь?

Прежде отецъ никогда такъ грубо не говорилъ съ Серафимой. Она не отвѣчала, но въ сердцѣ опять вспыхнуло озлобленіе, и туманъ слетѣлъ съ души.

„Недолго вамъ надо мной измываться“, подумала она, провожая его до калитки. „Возьму свое. И Богъ не осудитъ. Комаръ сядетъ на щеку — комара давимъ. А въ Лизѣ развѣ душа? Разума нѣтъ — и души нѣтъ. Плоть одна поганая“.

Серафима въ одномъ платьѣ, съ открытой головой, пошла по двору. Такъ же шла она отъ калитки домой и въ тотъ разъ, на первой недѣлѣ, когда возвратилась съ ефимоновъ, и еще Леонтіи Ильичъ ей встрѣтился. Тогда лежалъ снѣгъ, вругомъ

было чисто и тихо, въ небесахъ—свѣтло и торжественно, а въ душѣ была радость. Она думала, что радуется свѣтлому празднику, и боялась, что радость—грѣхъ. Но теперь она знала, что радость—не грѣхъ, а страданіе—грѣхъ, и не хотѣла страданія.

По небу плыли сѣрыя весеннія тучи. Снѣгъ сошелъ, и ужъ подсыхало. У стѣнки, на солнцѣ, выросла малая, блѣдная былинка. Серафима присѣла на приступочку, недалеко отъ палисадника, и сгорбилась, согнулась отъ душевной боли. Но и теперь кругомъ была чистота и тишина. У небесъ, у травки подъ стѣной—нѣтъ разума...

„Значить и души нѣтъ“, подумала Серафима, и самой ей показалось это страннымъ.

Глубоко, на самомъ днѣ души—у Серафимы все-таки была радость, та же самая, потому что и любовь была; только страданіе ее затануло, какъ грозовая туча затягиваетъ небо.

„Придавило меня... Господи! Господи! Нѣтъ у меня разумѣнія, ничего я не знаю, не словами молюсь,—болью моей молюсь, и гдѣ Ты, Господи,—не знаю, и Тебя ли люблю—не знаю, прости Ты меня, научи Ты меня, сними Ты съ меня... Только любовь мою не отдамъ, радость мою не бери, Господи“...

Серафима тихонько заплакала, слезъ было мало, и не утолили онѣ души. По небу все такъ же скользили сѣрыя, легкія облака. Гдѣ-то волокошь звонилъ, рѣдкій, мѣрный, тонкій. Точно скудные слезы капали. Серафима прислушалась.

„А вотъ на Пасхѣ веселый звонъ будетъ“, подумала она безотчетно.

Встала было, хотѣла идти домой, да опять заплакала, увидѣла травку подъ стѣной, наклонилась,—и не сорвала ее, пожалѣла, только дотронулась рукой до нѣжной ниточки, до стебелька.

„Нѣтъ души—а радуется“...

— Барышня, вы здѣсь?—крикнула съ порога Дарья.—Пожалуйте-ка сюда.

Въ низкихъ горницахъ было ужъ темно. Зажгли лампочку; пахло душнымъ тепломъ, полотенцами, постнымъ кушаньемъ и керосиномъ. Лиза мычала въ углу. Потянулся долгій, долгій одинокій вечеръ, съ одинокой, молчаливой мукой. Серафима растворила двери и ходила изъ одной горницы въ другую, а въ сердцѣ у нея счастье рвалось изъ-подъ наваливашагося душнаго и злобнаго страданія.

Лиза мычала въ углу. Серафима думала:

„Вотъ кто меня душитъ. Навалилась на меня. Придавила, какъ плита могильная. Неужели пропадать моей радости изъ-за нея? Ни разума—ни души“...

И опять ходила, и опять рвалось въ ней сердце.

— Пойдемъ спать,—сказала она вдругъ Лизѣ и взяла ее крѣпко за руку.

Лиза было замычала испуганно, однако пошла, волоча ноги. Серафима оправила постель—лампадка уже горѣла передъ кюотомъ—и стала раздѣвать Лизу, срывая съ нея платье, чулки и юбки, и говорила громко, съ ней или съ собой—она не знала.

— Чего мычишь? Больно? Ладно, потерпи. Ты тварь бесловесная. Камень придорожный. Понимаешь? Ты жерновъ мнѣ на шеѣ. Въ тебѣ и пара нѣтъ, не только что души. За тебя Богу не отвѣчать.

Лиза бессмысленно глядѣла на сестру и мычала, размахивая руками. А Серафима не могла не говорить. Сердце у нея въ груди росло, росло и, казалось, этого и выдержать нельзя.

— Вотъ, лекарства тебѣ дамъ, хочешь лекарствица? Уснешь крѣпко, и не будетъ больно. Хорошія капельки, много дамъ. Будешь разумная, веселая, мамашу увидишь. Ну, что глядишь? Ты мнѣ спасибо скажи.

Серафима засмѣялась. Лиза, глядя на нее, тоже засмѣялась. Она смѣялась не громко, но дико.

— Моя воля, что хочу съ тобой, то и сдѣлаю. И не боюсь никого. Хорошо тамъ, Лиза: ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная. На панихидахъ такъ поютъ. И надъ мамашей пѣли. И надъ тобой будутъ. Ну, чего вылъзаешь изъ-подъ одѣяла? Лежи. Постой, я тебѣ сейчасъ лекарствица..

Серафима рѣзко отворила дверцу шкапа, торопясь вынула бутылочку съ каплями, рюмочку, отсчитала двадцать, потомъ еще десять, потомъ еще подлила не считала, добавила воды изъ графина и подошла къ постели. Руки у нея такъ дрожали, что мутная жидкость колыхалась и билась о стевлянные стѣнки.

— Ну вотъ, Лиза. Вотъ теперь выпей. Только надо скоро-скоро, сразу. А то мамашу не увидишь. Постой, погоди, сейчасъ.

Серафима встала на колѣни передъ постелью. Лиза потянулась къ рюмочкѣ.

— Постой. Мы Богу помолимся. Такъ нельзя, я такъ не хочу. Я не ради зла какого-нибудь, а ради любви моей. Господи! Я ради...

Она подняла глаза. Сверху смотрѣлъ на нее, изъ-за лампаднаго огня, свѣтлый ликъ, веселый и грустный, такой знакомый, такой похожий—и такой весь иной. Синіе, добрые глаза были ласковы, но точно спрашивали:

„Ради Меня ли?..“

Серафима остановилась. Еще разъ хотѣла повторить, хотя бы мысленно, „ради любви...“ и не смогла. То, что поднималось изъ сердца все время,—вдругъ поднялось до конца, перешло,

перелилось, вырвалось вонъ,—и Серафима винулась лицомъ въ постель, бросивъ рюмку на полъ. Рюмка упала и разбилась. У Серафимы слезы потекли неистовыя, съ кривомъ, и Лиза, которая не могла видѣть слезъ, тоже заплакала, закричала и потанулась голыми, тонкими, еще дѣтскими руками къ Серафимѣ.

— Лиза... Лиза... Травка моя неразумная... Развѣ я ради любви хотѣла? Развѣ можно тебя... ради любви? Ради любви—любить, хранить тебя. Плоть, говорила, неразумная, поганая. Прости, Лиза. Не оттого, что грѣхъ—не могу, а оттого, что любовь во мнѣ—не могу.

Серафима плакала все тише, не отнимая отъ своей шеи нѣжныхъ Лизинныхъ рукъ. И Лиза успокоилась понемногу, и такъ и заснула, и сейчасъ же стала красивой и тихой, какъ весенніе свѣта и свѣтлое небо надъ ними. А Серафима до утра не спала, все лежала, не шевелясь, одѣтая и слушала, какъ сердце у нея успокаивается, бьется ровнѣе и крѣпче. Туча боли растаяла. И мысли опять дѣлались ясными и очень простыми.

„Развѣ я для любви моей убить хотѣла? — думала она.— Вѣдь любовь мою никто у меня не отнималъ. Любовь моя всегда при мнѣ. Я чтобъ замужъ за него пойти, чтобъ деньги... вотъ для чего. Души нѣтъ... а какъ мы знаемъ? Въ травинкѣ, вонъ, нѣтъ души, а развѣ она плотъ поганая? Въ ней моя радость. И въ Лизѣ—радость. Это я мою радость убить хотѣла, чтобъ замужъ пойти.

Горьковатый запахъ отъ пролитаго лѣварства подымался съ полу и мѣнялся, смѣшавшись съ запахомъ лампаднаго масла.

— Ну и не пойду замужъ,—думала Серафима, засыпая и вся отдыхая.—А радость моя при мнѣ. Въ радости моей страха нѣтъ, и печали не боюсь. Мамаша говорила... печалью и радость дорога... Господи...

Уже не туча, а легкое облако накрыло ее и она заснула.

IX.

„Тѣло Христово примите...“

Серафима сошла со ступеней амвона и стала, гдѣ раньше стояла, у лѣваго крылоса. Былъ четвергъ, на Страстной. Серафима отговѣла и причастилась. Солнце падало на церковный полъ узкими, пыльными, веселыми полосами. Вся церковь казалась золотой и воздухъ былъ густъ и свѣтелъ, какъ дорогой желтый камень.

Радостные причастные напѣвы дрожали въ сводахъ; радость о томъ, что всѣ чисты, всѣ оказались достойны, для всѣхъ—благодать. Нѣтъ грѣха, негдѣ быть ему, потому что здѣсь всѣ чисты.

Когда служба кончилась, Серафима надѣла кофточку на свое бѣлое, можетъ быть слишкомъ пышное, парадное платье и направилась къ выходу. Но въ самой парадности ея одежды было что-то трогательно-торжественное, та же непривычность, особенность—какъ и въ причастіи.

Яркость весенняго, уже почти лѣтняго солнца на паперти была нестерпима. Серафима остановилась на ступеняхъ. Въ эту минуту ее догналъ Леонтій Ильичъ, который тоже стоялъ въ церкви, но къ Серафимѣ тамъ не подходилъ.

— Съ принятіемъ Святыхъ Тайнъ,—произнесъ онъ, несмѣло кланаясь и глядя на Серафиму своими добрыми синими глазами.

Она покраснѣла чуть-чуть, потомъ подала ему руку и сказала:

— Благодарю.

Они вмѣстѣ сошли со ступеней паперти, вмѣстѣ минули церковную площадь и пошли по переулку, гдѣ былъ домъ Серафимы.

Земля совсѣмъ высохла. У досчатыхъ тротуаровъ, подлѣ деревянныхъ тумбъ, вездѣ пробивалась, подымалась яркая, яркая трава, и расцвѣтали круглые желтые цвѣты, некрасивые, но самые прекрасные, потому что самые первые, тѣ, у которыхъ ломкій стебелекъ полонъ горьковатымъ молокомъ. Небеса сдѣлались выше, серьезнѣе и темнѣе. За сѣрыми заборами деревья стояли прозрачныя, покрытыя первымъ налетомъ, точно зеленымъ пухомъ. Вверху, едва видныя, быстро мелькали птицы, наполняя воздухъ ровными, пронзительными, счастливыми криками, которые не нарушали, а углубляли тишину.

Леонтій Ильичъ долго шелъ молча рядомъ съ Серафимой, но потомъ несмѣло и ласково заговорилъ:

— Давно мы не видались, Серафима Родіоновна. Ждалъ вѣстей, да и не дождался. Какъ здоровье ваше?

— Благодарю, я здорова. Я рада была встрѣтить васъ, Леонтій Ильичъ.

— Все смотрѣлъ на васъ въ церкви. Такое хорошее у васъ было лицо, веселое. Да и теперь вонъ, улыбаетесь. Нѣтъ ли чѣмъ и меня порадовать? Родіонъ Яковлевичъ что? Могу спросить васъ, имѣли вы... разговоръ съ нимъ?

Серафима покачала головой.

— Нѣтъ, Леонтій Ильичъ. Я не говорила съ папашей. И что себя обманывать: онъ рѣшенія не измѣнитъ.

Леонтій Ильичъ поблѣднѣлъ немного, улыбка слетѣла съ его румяныхъ губъ.

— Какъ же такъ? А я, было, видя васъ радостной, подумалъ, было... Значитъ, конецъ нашему дѣлу? И вы, значитъ, мысли свои ко мнѣ перемѣнили?

— Я къ вамъ никогда не перемѣнюсь. Я васъ до конца

моей жизни буду любить, Леонтій Ильичъ, — просто сказала Серафима.

Онъ взглянулъ на нее, хотѣлъ что-то проговорить, но она перебила его и поспѣшно прибавила, точно боясь, что онъ не такъ ее пойметъ:

— Замужъ не судьба мнѣ идти—я и не пойду. Что-жъ, я бы пошла, еслибъ судьба. А смерти желать живому, чтобы мнѣ выйти—я не могу. Вы не думайте, Леонтій Ильичъ, я не такъ какъ-нибудь покорилась, а я вольно. Любить васъ всегда буду, а больше ничего не надо. Вы себѣ хорошую невѣсту найдете, добрую дѣвушку, подходящую. Полюбите ее. Я узнаю—радоваться буду, если хорошая попадется и сама станетъ васъ любить.

— Вотъ какія горькія слова вы мнѣ говорите, — началъ Леонтій Ильичъ, и на доброе лицо его легла тѣнь недоумѣнія, и губы дрогнули.—Нѣтъ, видно вамъ моя грусть до сердца не доходитъ. Вамъ и горя мало.

— Да нѣтъ же, Господи!—сказала Серафима.—Какъ еще говорить? Я не умѣю говорить. У меня такая грусть, что и дна ей нѣтъ, заглянешь въ нее—а она ужъ и на грусть не похожа, а будто и радость. Сказать словами, не знаю какъ, а вы не слушайте, вы повѣрьте, что все хорошо, и мнѣ хорошо,—вотъ и вамъ будетъ хорошо.

Они стояли у калитки дома. Серафима подняла рѣсницы, улыбаясь, лицо у нея было блѣдное и свѣтлое, а въ глазахъ стояли и не проливались слезы. Она не умѣла ему объяснить ни своей радости, ни своей печали; Леонтій Ильичъ смотрѣлъ на нее, не понимая, но чѣмъ дольше смотрѣлъ, тѣмъ легче, тѣмъ веселѣе становилось и у него на душѣ.

А небо и земля вокругъ нихъ были чистые-чистые, и казалось, что ничего другого и нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ чистоты, тишины и счастья.

3. Гиппійсъ.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ XIX ВѢКѢ.

Очеркъ Фердинанда Брюнетьера.

Переводъ съ французскаго Е. П. Раковской.

Если судить о значеніи XIX столѣтія въ общей исторіи литературы только по обилію и разнообразію произведеній, то, конечно, какое другое столѣтіе не сравнится съ нимъ. Но и оставляя въ сторонѣ богатство и разнообразіе произведеній, XIX столѣтіе выдержитъ сравненіе съ самыми славными эпохами въ исторіи литературы. Конечно, въ Франціи Людовика XIV, въ Англіи Елизаветы, въ Италіи Медичисовъ, ни въ древности Римъ, время Августъ, или Аѳины время Перикла—не знали болѣе великихъ поэтовъ, чѣмъ Гёте и Шиллеръ, Байронъ и Шелли, Ламартинъ и Гюго. Можетъ быть, поэты этихъ эпохъ были болѣе совершенными, болѣе классическими, т.-е. болѣе достойными вѣчно служить образцомъ искусства; это—вопросъ, но они не были болѣе великими поэтами. А сколько было историковъ, сколько критиковъ? За послѣдніе сто лѣтъ романъ замѣнилъ эпопею въ нашемъ «инвентарѣ», и кто же станетъ отрицать, что романъ Вальтеръ-Скотта и Диккенса, Бальзака и Жоржъ Зандъ, Толстого и Достоевскаго много разъ поднимался до уровня эпопей? Если же, помимо количества и качества произведеній, мы станемъ разсматривать ихъ съ точки зрѣнія глубины ихъ историческаго значенія, то нужно будетъ согласиться, что ни въ одномъ столѣтіи, со времени самой отдаленной эпохи возрожденія, не совершилось болѣе кореннаго измѣненія въ самомъ понятіи литературнаго произведенія въ его содержаніи и назначеніи, а слѣдовательно и въ средствахъ, которыми выполняется это назначеніе. Въ послѣдующихъ страницахъ мы намѣтимъ и опредѣлимъ фазы этой эволюціи.

Я сказалъ выше: «съ самой отдаленной эпохи возрожденія»; дѣйствительно, литература всей Европы была въ XIX вѣкѣ, въ разныхъ или одинаковыхъ формахъ, подъ разными или одинаковыми именами, прежде всего рѣшительной и обдуманной, проведенной по сознательному и опредѣленному плану реакціей противъ того классическаго идеала,

содержаніе котораго опредѣлили въ очень давнія времена Петрарка и Боккаччіо, — «первые изъ новыхъ писателей». Здѣсь не мѣсто возвращаться къ этому идеалу и напоминать о тѣхъ препятствіяхъ, которыя онъ встрѣтилъ, прежде чѣмъ сдѣлался вполне господствующимъ; достаточно будетъ отмѣтить, что самое острое и самое основательное противодѣйствіе ему было оказано въ Англіи и Голландіи, но что въ концѣ-концовъ онъ восторжествовалъ надъ этимъ противодѣйствіемъ. Это было, какъ извѣстно, въ началѣ XVIII столѣтія. Нѣмцы гораздо раньше восприняли этотъ идеалъ въ его главномъ принципѣ, поскольку этотъ принципъ состоялъ въ подражаніи античнымъ образцамъ, вліяніе которыхъ на французское искусство давало себя знать уже начиная съ Людовика XIII; нужно даже отмѣтить, что если *Art Poétique* Буало еще оставлялъ нѣкоторую долю простора воображенію или чувству поэта, то совсѣмъ уничтожилъ его знаменитый Готшедъ. Вообще говоря, за немногими исключеніями, съ которыми всегда нужно считаться, можно утверждать, что наканунѣ французской революціи во всей Европѣ господствовали одинаковый характеръ мысли и чувства, аналогичная манера создавать и писать, и что отъ Лондона до Петербурга, гдѣ русская литература начинала выходить изъ дѣтскаго періода, и отъ Парижа до Неаполя, гдѣ имена нашихъ «философовъ» были у всѣхъ на устахъ, предметъ, роль и функція литературы понимались приблизительно одинаково. Только нѣкоторые недисциплинированные писатели, изъ которыхъ самый знаменитый Лессингъ—осмѣливались требовать, чтобы ихъ избавили отъ грековъ и римлянъ; или, вѣрнѣе, они, работая въ этомъ направленіи, едва-ли сами сознавали свои намѣренія; во всякомъ случаѣ, ни репутація, ни авторитетъ ихъ не вышли за предѣлы ихъ родины, не получили освященія за границей, однимъ словомъ, не сдѣлались достояніемъ Европы.

Если сверженіе ига классицизма есть честь, или слава, то она принадлежитъ намъ—французамъ, считая, что сигналъ къ реакціи подали два французскихъ произведенія: «*La Littérature*» — м-мъ де-Сталь и «*Le Genie du christianisme*» — Шатобриана.

Въ самомъ дѣлѣ, вторая изъ этихъ книгъ противопоставляла христіанскій идеалъ идеалу языческому, которымъ систематически вдохновлялись писатели среднихъ вѣковъ и актеры революціонной драмы—Камилль Демуленъ и Сенъ-Жюстъ; первая книга, не отвергая величія и совершенства греческихъ и римскихъ образцовъ, предлагала, если не замѣнить ихъ, то, по крайней мѣрѣ, прибавить къ нимъ отнынѣ мастеровъ «сѣверныхъ литературъ».

Пережитки XVIII столѣтія, наслѣдники энциклопедистовъ, тѣ, кого Наполеонъ называлъ идеологами, конечно, пробовали сопротивляться: ихъ было много и они были сильны. И все-таки задача оказалась имъ не подъ силу: ни Жингене, ни Дону не обладали ни удивительнымъ стилемъ Шатобриана, ни тѣмъ неистощимымъ богатствомъ идей, кото-

нее составляетъ отличительную черту таланта м-мъ де-Сталь. Сверхъ того, ни общественное мнѣніе, ни власть не были за нихъ. Если Наполеонъ не любилъ ни м-мъ де-Сталь, ни Шатобріана, то онъ еще менѣе симпатизировалъ идеологамъ, которыхъ онъ сдѣлалъ сенаторами, можно сказать—исключительно съ цѣлью ближе наблюдать за ними и свести ихъ къ нулю; и это ему удалось. Поэтому-то реакція не замедлила перейти отъ литературы въ собственномъ смыслѣ слова, считавшейся средствомъ развлечения, къ тѣмъ идеямъ, которыя руководятъ самою литературой, и скоро на сцену выступило мировоззрѣніе XVIII вѣка. Дѣйствительно, нельзя достаточно подчеркнуть тотъ фактъ, что въ Англіи и Германіи, какъ и во Франціи и Италіи, реакція была столько же философскою, насколько литературною, и что во всей Европѣ романтическое движеніе явилось одновременнымъ и солидарнымъ съ возвращеніемъ къ религіозной идеѣ.

Главными представителями этого возвращенія къ религіозной идеѣ явились Вордсвортъ и Колериджъ въ Англіи,—тотъ самый Колериджъ, о которомъ Карлейль такъ хорошо сказалъ, что «онъ считался въ глазахъ цѣлаго поколѣнія познавшимъ высшую тайну вѣры разумомъ въ то, что разумомъ должно отвергнуть, какъ невѣроятное», Фридрихъ Шлегель, Гёррль, Новалисъ, Клементъ Brentano—въ Германіи; и во Франціи, или, лучше сказать, на французскомъ языкѣ: Бональдъ, Жозефъ де-Метръ, Ламенне, Ламартинъ и Гюго, мы говоримъ о раннемъ Викторѣ Гюго, о томъ, который исповѣдывался абатту Ламенне и писалъ въ предисловіи къ «Одамъ и Балладамъ», что исторія человечества представляетъ интересъ, или смыслъ, только «съ высоты монархическихъ и религіозныхъ идей».

Но реакція не могла на этомъ остановиться. Въ самомъ дѣлѣ, если между духомъ XVIII вѣка и духомъ предшествующаго великаго столѣтія существуетъ не одно противоположеніе и даже противорѣчіе, то, съ другой стороны, между ними есть и связи; конечно, ничто не отличается такъ рѣзко отъ мысли Паскаля и Малебранша, какъ мысль Вольтера, но тотъ же самый Вольтеръ понималъ эпопею и трагедію сходно съ Расиномъ и Буало; только стихъ его не имѣетъ ни твердости стиха Буало, ни силы, граціи и прелести стиха Расина. «Генріада», за исключеніемъ одного мѣста, вполне согласуется съ предписаніями «Art Poétique», и «Заира» могла бы сойти за трагедію въ достаточной мѣрѣ расиновскую, если бы въ ней не отсутствовалъ Расинъ. Но иностранцы не чувствуютъ этихъ различій и, наоборотъ, поверхностныя аналогіи поражаютъ ихъ. Поэтому было трудно, или, вѣрнѣе, невозможно, чтобы реакція, направленная противъ духа XVIII вѣка, рано, или поздно не затронула пѣтику или, какъ теперь говорятъ, эстетику предшествующаго столѣтія; подъ предлогомъ сверженія ига классицизма, вся Европа, за исключеніемъ Италіи, направила главное усиліе на освобожденіе себя отъ французскаго вліянія. Франція царствовала

слишкомъ долго! Революція, по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ изолировавшая читающую и мыслящую Францію, и войны имперіи, окончившіяся Ватерлоо, конечно, способствовали успѣху этого усилія. А англійское вліяніе настолько же выиграло.

То, что мы по праву отдаемъ на долю англійскаго вліянія, приписывается обыкновенно нѣмецкому вліянію, и нужно сознаться, что сама м-мъ де-Сталь, главнымъ образомъ своею книгою о «Германія», Бенжаменъ Констанъ, Шлегель, Форіель, въ первыхъ же своихъ работахъ, сдѣлали все возможное, чтобы распространить и упрочить эту идею. Съ другой стороны, можно добавить, что и англичане, и нѣмцы—германцы и что въ извѣстномъ смыслѣ достаточно, чтобы реакція противъ классицизма явилась въ исторіи торжествомъ германскаго генія надъ латинскимъ. Мы тоже такъ думаемъ; дѣло критики, очевидно, не состоитъ въ томъ, чтобы теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, начать гоненіе противъ Лессинга или унижать геній Гёте и Шиллера, или отрицать вліяніе Канта. Но фактъ тотъ, что когда еще ни Кантъ, ни Гёте, ни Лессингъ не были извѣстны въ Германіи, англійское вліяніе уже давало себя знать во Франціи; припомнимъ по этому поводу неистовое бѣшенство Вольтера противъ Шекспира, котораго, однако, онъ самъ ввелъ во Францію и даже нѣсколько обворовалъ. Причиною выставляется иногда «робость его вкуса». Я же скорѣе склоненъ думать, что будучи «консерваторомъ во всемъ, кромѣ религіи», Вольтеръ инстинктивно почувствовалъ въ свободѣ шекспировской драмы страшную угрозу по адресу искусной и размѣренной дисциплины, отличавшей французскую трагедію; онъ почувствовалъ въ этихъ драмахъ пониманіе искусства, враждебное своему собственному, истолкованіе и изображеніе жизни—прямо противорѣчащее классическому идеалу. Доказательствомъ того, что онъ въ этомъ случаѣ видѣлъ вѣрно, является тотъ фактъ, что въ это же время, около половины XVIII вѣка, не только авторъ «Гамбургской драматургіи» пользовался Шекспиромъ противъ Вольтера, Расина и Корнеля, но вліяніе англійской литературы пробуждало нѣмецкую литературу и нѣмецкій духъ отъ ихъ долгаго оцѣпненія. Въ сущности, новѣйшая германская литература не швейцарскаго и не швабскаго, а англійскаго происхожденія. Это необходимо знать, чтобы понимать эту литературу. Но это еще болѣе необходимо знать, чтобы отвести англійскому вліянію настоящее жѣсто въ дѣлѣ образованія современнаго европейскаго духа. Такимъ образомъ нужно знать, что, за исключеніемъ одной или двухъ чертъ, напр., неумѣренной склонности къ метафизической спекуляціи, всѣ черты, приписываемыя германскому генію, или духу, были сначала англійскими, а потомъ уже сдѣлались нѣмецкими.

Англичане первые стали искать въ самыхъ старинныхъ своихъ традиціяхъ и, такъ сказать, во мракѣ среднихъ вѣковъ источниковъ вдохновенія, которые для гуманистовъ возрожденія ограничивались

*

исключительно воспоминаніями о Греціи и Римѣ. Въ исторіи новѣйшихъ литературъ они были первыми «поэтами природы», какъ голландцы были первыми ея художниками. Ихъ поэзія первая—даже у ихъ «классиковъ», у Драйдена, у Попа, стала вдохновляться явленіями «настоящей жизни», которыя потомъ вошли въ поэзію Гёте; правда, они составляютъ иногда прозаическую сторону его пѣсенъ, но гораздо чаще обусловливаютъ ихъ тонкую и проникающую прелесть.

Англичане, а не нѣмцы,—Ричардсонъ въ своей «Клариссѣ Гарловъ», Фильдингъ—въ «Томѣ Джонсѣ»,—первые противопоставили «всемірному» человѣку возрожденія и классицизма, «нормальному» и отвлеченному человѣку, о которомъ такъ вѣрно сказано, что его легче узнать, чѣмъ людей въ отдѣльности,—человѣка, такъ сказать «мѣстнаго», индивидуальнаго и опредѣленнаго, который похожъ только на самого себя, или самое большее, на людей своей деревни, своей семьи, своего поколѣнія. Они же первые соединили литературу съ активной жизнью, съ повседневной, практической жизнью, и такимъ образомъ сдѣлали изъ писателя,—изъ Аддисона или Свифта—извѣстное лицо въ государствѣ. Наконецъ, въ то время, какъ вездѣ, даже въ «Эмиль», или «Элоизѣ» Руссо, литература была только украшеніемъ, удовольствіемъ общественной жизни, тѣ же англичане, въ лицѣ Вордсворта, Байрона, Шелли, Китса, дали возможность писателю сдѣлать изъ нея выраженіе своего личнаго чувства, не считаясь съ чувствами другихъ, средство выразить свои хорошіе или дурные мотивы, по которымъ онъ отличается и отдѣляется отъ себѣ подобныхъ. Во всемъ этомъ такъ много новаго; чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, мы обязаны нѣмецкому влиянію? И помимо одной или двухъ чертъ, что же остается на долю собственныхъ, оригинальныхъ этническихъ свойствъ нѣмецкаго духа?

Если теперь мы спросимъ себя, которая изъ этихъ чертъ является самою характерной, самою «англійской», то увидимъ, что это, очевидно, послѣдняя черта—индивидуализмъ, и по замѣчательному совпадению эта же черта является наиболѣе характерной для того, что понимаютъ подъ словомъ *романтизмъ*. Въ то же время я не могу себѣ представить черты, болѣе противоположной классическому идеалу, какъ мы уже нѣсколько разъ сказали и попытались показать. *Романтизму* было дано много опредѣленій, его характеризовали то одной, то другой изъ наинентѣ главныхъ его чертъ, но каковы бы онѣ ни были и какимъ бы именемъ ихъ ни называли, ихъ можно свести къ двумъ главнымъ опредѣляющимъ чертамъ: съ вѣшной стороны, это — противоположность классическому идеалу; съ внутренней стороны, это — освобожденіе писательскаго «я». Тогда какъ классическій идеалъ понимался и формулировался только по отношенію къ публикѣ, романтическій идеалъ имѣетъ смыслъ и право на существованіе только постольку, поскольку онъ проявляетъ личность поэта или писателя. Не должно быть никакого старанія нравиться, тѣмъ болѣе поучать — ничего дѣ-

ланнаго; нужно только быть «самимъ собою». Вордсвортъ сказалъ гдѣ-то: «Я—ничто, если я не учитель»; но онъ съ большимъ правомъ могъ сказать: «Если я не буду самимъ собою, то я—ничто, для меня важна не вѣрность, не красота и не полезность того, что я говорю; важна его оригинальность, а оригинальность дается только тѣмъ, что я вкладываю своего, и если то, что я вкладываю своего, не похоже ни на кого, то только въ этомъ случаѣ я — поэтъ. Я не веду читателя къ старымъ истинамъ новыми путями, не веду его и къ новымъ истинамъ новыми путями, но я веду его *какими-нибудь* путями, выборъ которыхъ зависитъ только отъ моего каприза, къ истинамъ, относительно которыхъ утверждаю только одно: что онѣ мои». Одинъ моралистъ сказалъ: «Міръ смотритъ всегда передъ собою»; я обращаю свой взоръ внутрь себя, удерживаю его тамъ, занимаю его. Каждый смотритъ передъ собою, я смотрю внутрь себя, я имѣю дѣло только съ собою; я безпрестанно смотрю на себя, провѣряю себя, наслаждаюсь собою. Другіе идутъ всегда куда-нибудь; если они дѣйствуютъ сознательно, то идутъ всегда впередъ. Я вращаюсь вокругъ самого себя». Эти слова Монтеня могли бы точно также быть словами Байрона или Шелли. Во всякомъ случаѣ, я не знаю фразы, которая бы болѣе удачно резюмировала все самое существенное въ *романтизмъ*. Прежде всего будемъ самими собою; публика возьметъ изъ этого то, что ей понравится. Пишутъ не для того, чтобы заставить себя читать, еще менѣе для того, чтобы получить одобреніе пошляка, пишутъ вслѣдствіе потребности думать, или чувствовать вслухъ, расширить, излить себя, сознать самого себя и сообщить другимъ людямъ, насколько и въ чемъ мы отъ нихъ отличаемся. Повторяю: если это прямопротивоположно классическому идеалу, а доказательствомъ можетъ служить отзывъ Паскаля о Монтенѣ: «Какое глупое намѣреніе изобразить самого себя!» — то ничего не можетъ быть романтичнѣе. Но въ то же время ничего не можетъ быть болѣе въ духѣ англійской націи.

Англійская литература глубоко, кореннымъ и существеннымъ образомъ, индивидуалистична; и если нація, взятая въ массѣ, не болѣе индивидуалистична, чѣмъ всякая другая, и даже лучше всякой другой понимаетъ могущество ассоціаціи, то тѣмъ не менѣе въ собственномъ, этимологическомъ смыслѣ слова, нельзя назвать ни одной націи, писатели и поэты которой были бы болѣе *эксцентричны*, даже до странности, если это нужно.

Вѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что если между 1830 и 1840 годами этотъ индивидуализмъ имѣлъ противъ себя весь авторитетъ классической традиціи, то, съ другой стороны, за него были всѣ подавленные этимъ авторитетомъ естественные порывы, всѣ непризнанныя имъ законныя права, все, свободу чего онъ стѣснялъ. Въ данномъ случаѣ я пользуюсь выраженіями, заимствованными изъ политическаго словаря, чтобы лучше намѣтить или подчеркнуть тотъ, до

странности буйный характеръ, который одно время приняла литературная борьба. Учителя классицизма, вовсе не желая этого, сдѣлались настоящими тиранами. Изъ ихъ произведеній были выведены правила, или настояще «уставы», въ которыхъ отрицалось всякое литературное достоинство, и грамматики, и риторы вроде Готтшеда или Непомусена Лемерсье сдѣлались непреклонными и бдительными жандармами, слѣдившими за исполненіемъ этихъ уставовъ. «Гдѣ ваши бумаги», — вотъ первый вопросъ, который задавался поэту. Совершенная трагедія должна была удовлетворять двадцати шести условіямъ — не больше и не меньше; и если она удовлетворяла двадцати четыремъ, или двадцати тремъ изъ нихъ, то спускалась на одну или двѣ ступени въ уваженіи «хорошихъ цѣнителей». Очевидно, отъ такого избытка тираніи нельзя было избавиться безъ нѣкоторой доли насилія; освобожденіе личности писателя было самымъ вѣрнымъ и въ то же время самымъ мягкимъ изъ всѣхъ возможныхъ средствъ. Писатель отвѣчалъ тѣмъ, кто хотѣлъ управлять литературою, удалившись изъ общественнаго движенія, въ свою совѣсть. Что могло быть проще и естественнѣе?

Но то, что теоретически представляется самымъ естественнымъ, не всегда оказывается такимъ на практикѣ и въ дѣйствительности. Есть роды литературы, формы литературныхъ произведеній, вроде лирической поэзіи, *исповѣдей*, *воспоминаній*, которые допускаютъ личныя изліянія, и даже не только допускаютъ, но требуютъ ихъ, не имѣютъ смысла безъ нихъ; въ самомъ дѣлѣ, что была бы за *исповѣдь*, если бы авторъ не исповѣдывался? Но есть другіе роды литературы, которые допускаютъ личный элементъ только въ извѣстномъ количествѣ, напримѣръ, романъ, или вовсе его не допускаютъ, напримѣръ, историческія или драматическія произведенія. Романтики, конечно, скоро замѣтили это. Еще скорѣе поняли они, что если прежде, въ очень отдаленныя времена, гордое уединеніе писателя или поэта и было возможно, то при условіяхъ современной новой жизни этой возможности больше не существуетъ. «*Vae soli!* Горе тому, кто одинъ». Великій аристократъ литературы, вроде Байрона, и пенсіонеръ маленькаго принца, вроде Гёте, могутъ и теперь сохранять эту величавую позицію; и на другомъ концѣ общественной лѣстницы она мыслима для Бернса или Шелли, если только они не умираютъ отъ того, что упорствовали на ней. Но что было дѣлать другимъ писателямъ? Будемъ говорить нѣсколько рѣзко и не будемъ бояться ввести въ исторію идей соображенія матеріальнаго характера. Съ тѣхъ поръ, какъ писатели сдѣлались «профессіоналами», съ тѣхъ поръ, какъ — я уже не говорю — богатство, но просто существованіе и репутація сдѣлались доступными только для тѣхъ, кто цѣликомъ отдается профессіи, обиліе и правильность творчества сдѣлались условіями успѣха; а что же можетъ извлечь человѣкъ изъ вѣчнаго созерцанія самого себя?

Вѣдь оригинальныхъ ощущеній мало, что тамъ ни говори; чувствуешь удивленіе и даже нѣкоторое униженіе, когда, разсматривая всю мощь поэтического творчества, замѣчаешь какъ разъ обратное тому, что было обѣщано, т.-е. насколько каждый отдѣльный человѣкъ способенъ на всѣхъ! И это открытіе романтики не замедлило сдѣлать собственный счетъ. Какъ же они не видѣли, что уединяться, когда тенденціи столѣтія съ каждымъ днемъ дѣлаются все болѣе болѣе общественными, все болѣе и болѣе демократизируются, это значитъ не понимать требованій своего времени? Новыя формы или страданій больше заслуживаютъ интереса, чѣмъ пошлыя приключенія честолюбиваго неудачника или обманутаго любовника. Если бы даже всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ было мало, чтобы вызвать реакцію противъ индивидуализма, то довольно было бы одной, последней, на которой стоитъ остановиться подольше.

Принципомъ или основой индивидуалистской эстетики служить убѣжденіе болѣе или менѣе сознательное, что никто не обязанъ подчинять свое мнѣніе мнѣнію другого: *Nullius addictus jurare in verba magistri*. Одни порицаютъ и критикують то, что одобряютъ и чѣмъ восхищаются другіе. Одни и тѣ же предметы вызываютъ въ насъ разныя побужденія. Одинъ терпѣть не можетъ Горация, а для другого этотъ поэтъ источникъ наслажденія. Байронъ ставитъ Попа выше Шекспира, Ламартинъ видѣлъ въ Лафонтенѣ простаго рассказчика. Первоначально еще увеличиваютъ то различіе между ними, которое уже заложено природою. Кавалерійскій полковникъ смотритъ на вещи иными глазами, чѣмъ торговецъ лондонскаго Сити; нью-йоркскій политикъ разсматриваетъ вопросы не съ той точки зрѣнія, съ какой римскій прелать. Какъ же можно спорить о «вкусахъ и цвѣтахъ»? Можетъ ли существовать хорошая и дурной вкусъ? И наконецъ, кто посмѣетъ остановить меня или счастье себя скандализированнымъ какимъ бы то ни было выраженіемъ и проявленіемъ моего я? Каждый изъ насъ есть мѣра вещей и, находя подлиннаго и неоспоримаго свидѣтеля своихъ впечатлѣній только въ самомъ себѣ, признаетъ судьбою только самого себя. Къ концу XVIII вѣка критики Юма и Канта (довольно плохо понятыхъ), философски обосновали эти парадоксы. Вслѣдъ затѣмъ явился Гегель съ своимъ «тожествомъ противорѣчій», и формулы неувѣренности и сомнѣнія были приняты, какъ законы духа. Мы вынуждены говорить объ этихъ вещахъ, по поводу литературы, такъ какъ хотя въ наше время Тену удалось освободиться изъ этой сѣти софизмовъ, но такіе люди какъ Шереръ, или Ренанъ, запутались въ ней навсегда.

А между тѣмъ, успѣхи науки должны были вывести ихъ изъ заблужденія, и не только сами эти успѣхи по существу, но и существо методовъ, которыми они достигнуты. Дѣйствительно, успѣхи науки установили, во-первыхъ, что существуетъ нѣчто внѣ насъ, и, во-вто-

рыхъ, что если наше знаніе міра—относительно и находится въ зависимости отъ устройства человѣческаго ума, то эту относительность нужно понимать не для индивидуума, а для вида. Есть законы духа, и если дѣйствительность искажается, приспособляясь къ нимъ, то это искаженіе одинаково для всѣхъ, судьей качества нашихъ впечатлѣній является научно доказанная истина. «Значитъ нужно спорить о вкусахъ». О двухъ противоположаемыхъ, или противорѣчивыхъ впечатлѣніяхъ не только нельзя сказать, что они стоятъ другъ друга и что каждый изъ насъ имѣетъ право остаться при своемъ, но, наоборотъ, нужно сказать, что одно изъ нихъ неизбѣжно ложно, а другое вѣрно. Которое — ложно и которое—истинно? Это не всегда можно рѣшить, въ особенности относительно самыхъ тонкихъ и сложныхъ впечатлѣній, но можно надѣяться, что когда-нибудь это будетъ возможно. Это-то и есть предметъ критики, ея конечная и высшая цѣль, которая удаляется по мѣрѣ приближенія къ ней, но которая отъ этого не менѣе точна и опредѣлена. Мы точно также никогда не будемъ знать, что такое *жизнь*, ни что такое *матерія*, но это не мѣшаетъ физиологія и физикъ быть науками.

Это было понято около 1840 года; для большей точности скажемъ между 1840 и 1850, или 1855, и отсюда долженъ былъ возникнуть *натурализмъ*. Этому понятію было дано много опредѣленій, также какъ и слову *романтизмъ*; всѣ или почти всѣ эти опредѣленія содержатъ долю истины, но есть опредѣленіе болѣе общее, чѣмъ другія, по которому натурализмъ это—«подчиненіе писателя или художника своему предмету». Натурализмъ—это воспроизведеніе природы, а первымъ нашимъ дѣломъ, если мы хотимъ выучиться видѣть природу, должно быть отвлеченіе отъ самихъ себя. Мы не должны возводить въ оригинальность собственное безсиліе, и если мы плохо видимъ, то должны стараться видѣть лучше. Для этого намъ дана способность наблюденія и размышленія. Первое качество требуемое отъ «воспроизведенія», это вѣрность, а отъ «портрета»—сходство. Если поднимется споръ относительно вѣрности сходства и достоинства воспроизведенія, то призовите оригиналь! Вѣдь онъ здѣсь, въ природѣ, совсѣмъ близко отъ насъ, такъ сказать у насъ подъ руками. И не отвѣчайте намъ вмѣстѣ съ поэтомъ, который изъ всѣхъ романтиковъ больше всѣхъ вложилъ себя въ свое произведеніе:

Le coeur humain, de qui? Le coeur humain de quoi?

Quand le diable y serait, j'ai mon coeur humain, moi!

Именно въ томъ-то и заключается вопросъ, «человѣческое ли у васъ сердце?» И не вамъ рѣшать его. Вы можете быть больнымъ и ненормальнымъ человѣкомъ. Да и не намъ рѣшать этотъ вопросъ; его рѣшаютъ правда природы и исторіи. Кто повѣрилъ бы, что земля вертится, если бы вѣрилъ только собственному чувству, и дѣйствительно,

въ теченіе сколькихъ вѣковъ люди не вѣрили этому? Судьи Галилея были тоже люди, воображавшіе, что у нихъ «человѣческіе глаза».

Этимъ идеямъ благопріятствовали обстоятельства и особенно то, что можно назвать крушеніемъ романтической политики въ 1848 г.; онѣ распространялись одновременно во Франціи, Англіи и Россіи, (Германія и Италія) были въ это время заняты другимъ) и философами, которыхъ онѣ примиряли со здравымъ смысломъ, и критиками, роль которыхъ эти идеи опредѣляли и расширяли; онѣ были приняты и романистами, Джорджемъ Эліотъ, Тургеневымъ, Флоберомъ, которымъ онѣ давали возможность расширить поле наблюденія, и наконецъ самими поэтами, Леконтомъ де-Лиль и Готье; онѣ не могли рано или поздно не восторжествовать надъ обѣднѣвшимъ романтическимъ идеаломъ. Но мотивы, по которымъ онѣ были приняты, были не всѣ одинаковы; Флоберъ, на примѣръ, былъ враждебенъ Мюссе не меньше, чѣмъ Джорджъ Эліотъ Байрону, но не по тѣмъ же самымъ причинамъ; поэтому между натуралистами съ самаго начала произошло раздѣленіе, отклоненіе доктрины, а собственно во Франціи успѣхи ея были задержаны или даже временно уничтожены доктриною «искусства для искусства».

Это была теорія живописцевъ; и дѣйствительно, казалось бы отъ художника желая и требовать ничего иного, кромѣ того, чтобы онъ хорошо писалъ. Ни въ *Мадонахъ* Рафаэля, ни въ портретахъ Рембрандта нѣтъ «мыслей» въ собственномъ смыслѣ слова, и тѣмъ не менѣе это настоящіе шедевры, то-есть произведенія, различнымъ способомъ, но въ равной степени покрывающія понятіе искусства живописи. Легко понять какимъ образомъ теорія «искусства для искусства» связана съ натурализмомъ. Когда подражаніе природѣ является не только принципомъ и условіемъ, но и предметомъ или закономъ искусства, то только одна вѣрность подражанія и, значитъ только одно качество исполненія даетъ мѣру достоинства художника и отводитъ ему мѣсто въ ряду соперниковъ. Изъ двухъ одинаково схожихъ портретовъ — лучший, конечно, тотъ, который лучше написанъ, а лучше написанъ тотъ, чей художникъ выказалъ болѣе высокую степень обладанія приемами своего искусства. Это обладаніе приемами искусства дѣлается въ свою очередь самымъ вѣрнымъ средствомъ добиться вѣрности сходства, и такимъ образомъ теорія искусства для искусства и натуралистская доктрина не только не противорѣчатъ другъ другу, но могутъ, или даже должны взаимно поддерживать другъ друга. Поэтому тотъ, кто сказалъ, что въ этихъ трехъ словахъ «искусство для искусства» абсолютно нѣтъ смысла — сказалъ глупость, и тотъ, кто произнесъ эти слова, можетъ быть сдѣлалъ бы не худо, воспользовавшись самъ тѣмъ полезнымъ поученіемъ, которое заключается въ нихъ. Есть разные способы понимать теорію искусства для искусства, и она не имѣетъ того значенія въ литературѣ, какъ въ живописи, если только литература является чѣмъ-то большимъ, нежели просто подражательное ис-

кусство, но во всякомъ случаѣ безапелляціонно осуждать эту теорію нельзя; между 1850 и 1870 годами она оказала большую услугу самой литературѣ, пробудивъ въ художникахъ сознание истинности и могущества формы.

Но къ несчастью, съ другой стороны, теорія эта дѣлала изъ искусства родъ священнодѣйствія, и этою чертою она снова возвращалась къ романтизму, отдавая назадъ художнику, или поэту, то, что хотѣлъ у нихъ отнять натурализмъ, то-есть право подчинять міръ тому понятію о поэзіи, или искусствѣ, которое себѣ создалъ художникъ. Она даже давала служителю искусства возможность становиться по отношенію къ публикѣ или къ «толпѣ» въ еще болѣе гордую и непримиримую позицію и удалиться въ еще болѣе суровое уединеніе. Въ самомъ дѣлѣ, романтики требовали этого права только въ силу своей личной чувствительности, указывая на невозможность выйти за предѣлы своего внутренняго я; теоретики искусства для искусства ссылались на самую теорію, на наиболѣе безличныя и объективныя стороны ея смысла и приложенія на практикѣ. Такимъ образомъ, они невольно дѣлали изъ искусства нѣчто (вродѣ кабастики, тайна которой могла принадлежать только немногимъ посвященнымъ; этихъ посвященныхъ они даже готовы были назвать «магами», по примѣру Гюго. Романтики, и до нихъ классики, признавали существованіе различія между толпою и избранными, но различія—только въ степени, да и избранныхъ было еще довольно много, теоретики искусства для искусства признавали разницу въ самой природѣ, разницу по существу и считали избранными только самихъ себя. Если они иногда и спускались съ облаковъ, или, проще говоря, вступали въ бесѣду, то только для того, чтобы обдать олимпійскимъ презрѣніемъ всякаго, кто занимается чѣмъ-нибудь, кромѣ растиранія красокъ и округленія фразъ. Если ихъ не понимали, они гордились этимъ, и въ холодномъ и равнодушномъ приѣмѣ со стороны общества видѣли новую причину упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ и даже усиливать ихъ. И, наконецъ, по иѣрѣ того, какъ они все болѣе сводили пониманіе искусства къ приложенію приемовъ все болѣе и болѣе условной и произвольной (риторики,—они становились все болѣе и болѣе чуждыми жизни своего времени. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя, не подвергая искусство величайшей опасности, отрѣзать ему сообщенія съ жизнью,—мы говоримъ объ общей, повседневной жизни, жизни всѣхъ; стремясь къ этому, художникъ подвергаетъ себя, и еще болѣе, подвергаетъ искусство упреку въ безнравственности; болѣе того: онъ сужитъ и истощаетъ вдохновеніе въ самыхъ его источникахъ.

Мы только что написали слово «безнравственность», и по этому поводу, не вдаваясь въ разсмотрѣніе очень труднаго вопроса объ отношеніи искусства къ морали, мы вынуждены констатировать, что важная ошибка теоретиковъ искусства для искусства состояла въ стремленіи отдѣлать искусство отъ морали еще глубже, чѣмъ отъ самой

жизни. Въ этомъ отношеніи они ссылались на примѣръ природы, которая, по ихъ словамъ, не заботится о нравственности, и что поэтому, желая ее морализировать, уже не подражаешь ей, а искажаешь и уродуешь ее. Они забывали только одно, что хотя мы и не господа природы, но все наше человѣческое достоинство состоитъ въ томъ, чтобы освободиться отъ тираніи ея законовъ, и что поэтому не допустимо, чтобы функція или цѣль искусства состояла въ новомъ порабощеніи насъ этимъ законамъ. Но не менѣе вѣрно и то, что изъ всѣхъ доктринъ натурализмъ всего менѣе имѣетъ право проповѣдывать это порабощеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что это за природа, которой надо подражать? Конечно, это—не внѣшняя природа! Существуютъ художники-пейзажисты; нѣкоторые поэты могли соперничать съ ними въ изображеніи красокъ и въ яркости. Но для большей части литераторовъ, для драматурга, для романиста, для историка, «природа»—это человѣческая жизнь; а что такое жизнь, какъ не основа, содержаніе, матеріалъ нравственности? Мы такъ устроены и такъ живемъ, что съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, между двумя человѣческими существами, каковы бы они ни были, не можетъ установиться отношеній, не входящихъ въ область морали. Мы не можемъ принять никакого рѣшенія, которое бы не касалось области нравственности. Стремленіе отвлечься отъ морали въ изображеніи жизни сводится, въ концѣ концовъ, къ уродованію образца, которому хотѣли подражать, и уродованію чрезвычайно произвольному.

Безконечно жаль, что наши натуралисты, въ общемъ, не поняли этого: жаль и по отношенію къ нимъ самимъ, и еще болѣе, по отношенію къ намъ—французамъ.

Итакъ, не они, а другіе, лучше освѣдомленные, или лучше вдохновляемые, скоро должны были понять, или уже давно поняли это, и роль руководителей широкихъ литературныхъ теченій, которая было вернулась къ намъ въ 1850—1870 гг., снова ускользнула отъ насъ. Она досталась англичанамъ: романистамъ вродѣ Диккенса или Джорджъ Эліота, поэтамъ вродѣ Елизаветы Броунингъ, философамъ и эстетикамъ, какъ Карлейль и Стюартъ Милль, или какъ наименѣе извѣстный заграницей, но оказавшій, можетъ быть, наибольшее вліяніе на современную англійскую мысль Джонъ Рескинъ, авторъ столькихъ произведеній съ загадочными названіями: *Fors Clavigera*, *Aratra Pentelici*, странная и какъ бы вызывающая форма которыхъ имѣетъ столько значенія и дѣйствуетъ, какъ «внушеніе». Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и русскій романъ, который до сихъ поръ, можно сказать, не переходилъ за границу, въ лицѣ Толстого и Достоевскаго торжественно вступилъ въ европейскую литературу.

Конечно, Иванъ Тургеневъ былъ тоже русскимъ романистомъ, но—я не знаю почему—намъ казалось, что, живя среди насъ, онъ сдѣлался французскимъ писателемъ. А, между тѣмъ, это было совер-

ценно невѣрно! Онъ не переставалъ быть сыномъ своей расы! Но у счастья есть свои капризы; русскіе могутъ предпочитать Тургенева Толстому, а Гоголя или Пушкина—имъ обоимъ, и все-таки фактъ, что славянская душа вошла въ соприкосновеніе съ европейской литературой черезъ Толстого и Достоевскаго, останется фактомъ. То же самое надо сказать о «скандинавской душѣ». Она и имя Ибсена открылись Европѣ въ «Призракахъ», «Кукольномъ домѣ» и «Дикой уткѣ». И благодаря всѣмъ имъ, и въ особенности послѣднимъ, литература въ данный моментъ, повидимому, освободилась отъ тѣхъ путъ, въ которыхъ ее держала теорія искусства для искусства. Она освободилась также и отъ того, что было наиболѣе непріемлемаго въ натурализмѣ: отъ его безстрастія.

Какъ ни различаются вдохновеніе Толстого и вдохновеніе Рёскина, произведенія ихъ тѣмъ не менѣе представляютъ нѣкоторыя общія черты.

Эти произведенія не являются сами себѣ цѣлью; конечно, я не поручусь, что, писавши ихъ, авторы ихъ вовсе не стремились къ славѣ «хорошо написать», но прежде всего у нихъ было желаніе и намѣреніе «хорошо думать», и главное — дѣйствовать. У всѣхъ у нихъ общественное направленіе, и всѣ они, норвежцы, русскіе или англичане, дѣлая дѣло художника, въ то же время хотѣли дѣлать дѣло человѣка, дѣло полезное, нравственное, и работать для «улучшенія общественной жизни». Одна изъ самыхъ популярныхъ поэмъ Елизаветы Броунингъ, это—ея воззваніе къ человѣчеству «въ защиту дѣтей, работающихъ въ мануфактурахъ»; одна изъ драмъ Ибсена является въ сущности проповѣдью противъ алкоголизма. Но если къ такимъ вопросамъ нельзя относиться *слишкомъ* горячо, то, во всякомъ случаѣ, лишнее затрачивать на нихъ столько таланта. Есть слишкомъ легкія средства поражать людское воображеніе жалостью, негодованіемъ или гнѣвомъ, и Диккенсъ и Достоевскій часто злоупотребляли этими средствами. «Мертвыя души» Гоголя — прекрасный романъ, и никогда «Ифигенія, умерщвленная въ Авлидѣ» не заставляла проливать столько слезъ, сколько «Хижина дяди Тома». Но развѣ романъ Генриетты Бичеръ-Стоу—въ самомъ дѣлѣ романъ, литературное произведеніе? Вотъ вопросъ, который можно задать себѣ. Если французскіе натуралисты были неправы, исключая мораль изъ своихъ изображеній жизни, то англійскіе, русскіе или скандинавскіе натуралисты часто смѣшивали понятіе искусства съ понятіемъ полезнаго. Конечно, полезное и прекрасное вовсе не непримиримы и не несовмѣстимы! Они также совмѣстимы, какъ декоративное и промышленное искусство совмѣстимо съ тѣмъ, что торжественно называютъ «великимъ искусствомъ!» Но, однако, надо стараться не смѣшивать ихъ, а главное не надо думать, впадая въ ту же принципиальную ошибку, что одно дѣлаетъ другое необходимымъ, иначе говоря, считать всякое произведеніе достаточно нравственнымъ, если оно прекрасно, или достаточно прекраснымъ, если оно нравственно.

Мы позволимъ себѣ прибавить, что изъ этихъ двухъ ошибокъ менѣе опасная и менѣе важная, конечно, вторая. Извѣстно, что Тень, бывшій сначала явнымъ и систематическимъ натуралистомъ, пришелъ, въ концѣ концовъ, послѣ многихъ колебаній, составляющихъ честь критики, къ этому заключенію; степень поучительности изображаемыхъ характеровъ сдѣлалась для него мѣркой или критеріумомъ ихъ художественной стоимости. Если мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ, то это не потому, чтобы мы вполне раздѣляли его мнѣніе на этотъ счетъ, а потому, что его примѣръ является живой «иллюстраціей» того движенія, которое мы пытались описать. Мы сейчасъ вернемся къ этому, попытавшись предварительно показать вкратцѣ, какое измѣненіе литературныхъ «родовъ» и «видовъ» было слѣдствіемъ этого движенія.

Удивятся ли мои читатели, если я скажу, что изъ всѣхъ этихъ измѣненій самое значительное и самое печальное, это—измѣненіе драматической литературы? Ни одинъ родъ литературы не былъ такъ богатъ въ нашемъ столѣтіи вплоть до нашего времени, если судить по внѣшности; въ частности мы, французы, ничѣмъ такъ не гордимся, какъ «постоянствомъ нашего драматическаго творчества».

Въ самомъ дѣлѣ, публика Лондона и Петербурга больше всего завлечена нашими водевилями и мелодрамами. Иностранцы, желая выработать себѣ разговорный слогъ, обыкновенно изучаютъ французскій языкъ по репертуару Скриба и Лабиша, и я былъ чрезвычайно удивленъ, узнавъ, какимъ уваженіемъ эти авторы пользуются у американцевъ. Впрочемъ, есть и парижане, которые знаютъ изъ всей французской литературы только романы-фельетоны, да то, что имъ каждый вечеръ предлагается въ двадцати театрахъ. Цѣлое населеніе, въ которомъ актеры всѣхъ категорій составляютъ только небольшую часть, и которое состоитъ изъ костюмеровъ, машинистовъ, ламповщиковъ, продавцовъ афишъ, сторожей, фигурантокъ, матерей актрисъ, портнихъ,—живетъ только театромъ и для театра. Ни одна отрасль литературнаго труда не даетъ такихъ доходовъ, если только авторъ добьется удачи. Ни одинъ успѣхъ не дѣлаетъ такого шума, не доставляетъ въ одни сутки болѣе известности и славы, даже популярности, чѣмъ успѣхъ въ театрѣ. Даже потребность въ газетѣ для цѣлой массы нашихъ современниковъ не болѣе распространена, не болѣе универсальна, не болѣе настоятельна, чѣмъ потребность въ опереткѣ или въ кафе-концертѣ.

Буржуазное воспитаніе нашихъ молодыхъ дѣвушекъ дополняется нѣсколькими куплетами изъ «Миссъ Эліеттъ» или изъ «Жозефины, проданной сестрами». И несмотря на все это, взглянувъ поближе, слишкомъ легко убѣдиться, что въ наши дни драматическая литература не произвела ничего, что могло бы выдержать хотя бы отдаленное сравненіе съ безсмертными твореніями Расина, Мольера, Корнея,

Кальдерона, Лопе де Вега, Шекспира, или, восходя къ древнимъ временамъ,—Софокла и Эсхила. Увы! Да гдѣ даже наши «Заира» и «Севильскій цирюльникъ»? Развѣ драмы Шиллера много выше нашихъ второстепенныхъ трагедій? А драмы Байрона — развѣ драмы? Если итальянцы считаютъ Альфьери «творцомъ своей національной трагедіи», то можно ли сказать, что существуетъ итальянская трагедія? Изъ всей «Карманьолы» Манцони развѣ что-нибудь осталось, кромѣ «письма о трехъ единствахъ»? Короче сказать, развѣ романтизмъ и натурализмъ и у насъ, и въ Англіи, и въ Германіи не оказались одинъ за другимъ на разный манеръ, но вполнѣ неспособными создать драматическое произведеніе, которое не было бы смѣсью шекспировой драмы съ классической трагедіей или поддѣлкой подъ нихъ?

Останется ли что-нибудь изъ всѣхъ этихъ произведеній? Можетъ быть, удѣлѣютъ нѣкоторыя драмы Шиллера; его «Марія Стюартъ», или «Вильгельмъ Телль», или «Фаустъ» Гёте? или «Мариво Фальери» Байрона? Или «Эрнани» и «Рюи-Бласъ» Гюго? Это будетъ видно не раньше, какъ черезъ сто лѣтъ! Я скорѣе склоненъ вѣрить въ продолжительное существованіе тѣхъ драмъ, въ которыхъ Мюссе, вдохновляясь и «Сномъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира, и произведеніями Мариво, если не слылъ, то смѣшалъ вычурную психологію послѣдняго съ поэтическими капризами перваго—эти драмы: «Andrea del Sarto», «On ne badine pas avec l'Amour», «Fantasio», «les Caprices de Marianne». Впрочемъ, какая-нибудь мѣстная или національная слава будетъ всегда существовать, и въ исторіи литературы всѣхъ народовъ театру будетъ посвящаться отдѣлъ. Мы выставили въ немъ на разныхъ уровняхъ и неодинаково по заслугамъ: Скриба и Дюма-отца, Виктора Гюго, Франсуа Понсара и Эмиля Ожье, Дюма-сына и Викторьена Сарду, Анри Мельяка, Людовика Галеви, можетъ быть Лабина, автора «Corbeaux» и «La Fille de Roland», и, конечно, не англичане съ своими Эдвардомъ Бульверъ-Литтономъ, Дугласомъ, или Жерродомъ, ни итальянцы съ Манцони, Эдуардо Фабри, Жіамбаттиста Николіни, Герарди дела Теста, Пиетро Косса не опередятъ насъ ни по богатству, ни по рыночной стоимости, ни даже по литературному достоинству своихъ произведеній. Скорѣе нѣмцы займутъ первое мѣсто со своими Захаріей Вернеромъ, Коцебу, Генри Клейстомъ, Грильпарцеромъ, Фридрихомъ Геббелемъ, и въ послѣднее время Гергардомъ Гауптманомъ, а главное, съ Генрихомъ Ибсеномъ, на котораго Германія имѣетъ нѣкоторое право, и Рихардомъ Вагнеромъ, котораго пора уже считать столько же драматургомъ, сколько и композиторомъ; вагнеровскимъ «Тристану» и «Парсифалу» мы обязаны всѣмъ, что театръ XIX вѣка создалъ самаго оригинальнаго,—хочется почти сказать: единственно оригинальнаго; вліяніе Вагнера отразилось не только на общемъ движеніи идей, но и на всѣхъ искусствахъ, въ особенности на музыкѣ. Отиѣтимъ здѣсь, что Ибсенъ и Вагнеръ вмѣстѣ съ однимъ-двумя изъ

нашихъ драматурговъ—какъ разъ не тѣхъ, кого мы ставимъ выше всѣхъ,—составляютъ тѣхъ немногихъ писателей, о которыхъ можно сказать, что они заняли мѣсто въ европейской литературѣ.

Не трудно объяснить этотъ...—какъ бы это сказать?—этотъ упадокъ рода литературы, шедевры котораго, можетъ быть, и дѣйствительно представляютъ послѣднее слово человѣческаго духа, но который естественно, самъ по себѣ—вовсе не неизбѣжно долженъ быть литературнымъ; и въ этомъ то его большая слабость! Ода, элегія, романъ, этюдъ во вкусѣ Карлейля или Тена, Эмерсона и Маколея—ничто, если они не представляютъ изъ себя «литературныхъ произведеній», но водевилъ или мелодрама отлично могутъ не быть ими. Репертуаръ Скриба и обонкъ Дюма можетъ служить довольно замѣчательнымъ примѣромъ этому. «La Four de Nesle», «L'Etrangère»—не «литература», Эрвани и Burglaves—литература, но за то не драмы. Съ другой стороны, какъ мы знаемъ, романтическій идеалъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ изображеніи, въ выставкѣ своего личнаго я, а драматическое искусство всего менѣе извиняетъ, допускаетъ и выноситъ именно этотъ родъ литературы. Мы собираемся въ числѣ полутора тысячъ, или тысячи восьмисотъ человѣкъ и высидиваемъ по четыре и по пяти часовъ въ зрительномъ залѣ, не для того, чтобы слушать, какъ авторъ будетъ нескромно разсказывать намъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, среди декораций и съ антрактами; существуютъ формы, которымъ должны подчиняться выраженія личнаго я писателя. Но съ другой стороны существуютъ формы, неизбѣжно требуемыя для вѣрности наблюденія; вотъ почему натурализмъ тоже не могъ имѣть успѣха на театрѣ. Успѣхъ былъ возможенъ только подъ условіемъ возвращенія къ Мольеру и Шекспиру, что наши драматурги назвали бы возвращеніемъ искусства въ дѣтство, съ точки зрѣнія театра. Да и, наконецъ, самое непреложное изъ всѣхъ заключеній критики и исторіи литературы гласитъ, что по причинѣ человѣческой слабости, всѣ роды искусства не могутъ развиваться одновременно, и нужно прибавить, что и здѣсь, какъ и въ природѣ, чѣмъ ближе другъ другу роды, тѣмъ острѣе и яростнѣе конкуренція между ними, и тѣмъ больше они вредятъ другъ другу. Въ нашемъ столѣтіи расцвѣтъ романа какъ бы заглушилъ ростъ драматической литературы.

Есть еще одинъ родъ литературы, который развился на счетъ того, что теряла драматическая литература: это—лирика; и мы можемъ сказать, что это—очень цѣнное возмѣщеніе, такъ какъ поистинѣ ни въ какую эпоху, даже во времена Пиндара и Симонида міръ не слышалъ болѣе возвышенныхъ криковъ любви и страданія, отчаянія и гордости, энтузіазма и гнѣва; до нашего времени міръ даже не подозревалъ, какое волненіе можетъ возбудить и распространить въ сердцахъ одинъ только человѣческій голосъ. Все это было, конечно, слѣдствіемъ освобожденія личнаго я! Мы еще разъ повторяемъ и не уста-

немъ повторять, что лиризмъ не заключается ни въ роскоши воображенія, ни въ вѣрности передачи, ни въ силѣ чувства: все это—качества, которыя встрѣчаются или могутъ встрѣтиться въ эпопеѣ, въ публичной рѣчи,—рѣчи, которыя говорились съ высоты трибуны собравшимся грекамъ и римлянамъ, или съ высоты амвона христіанскими проповѣдниками, западая въ душу массъ, затрогивали въ ней самыя темныя и таинственныя струны; но лиризмъ это—«личная» поэзія, это—проявленіе личнаго «я» поэта; это—выраженіе въ словѣ, въ ритмѣ, въ звукѣ, того, что есть въ его душѣ самаго глубокаго и сокровеннаго. Мы уже сказали, что это «я» подавленное трепетало около двухсотъ пятидесяти лѣтъ; въ началѣ XIX столѣтія романтизмъ явился освободить его отъ этого долгаго стѣсненія. Тогда-то оно стало изливаться, литься черезъ край вездѣ во всей Европѣ, во Франціи, какъ и въ Англіи, въ Италиі и въ Германіи; именно тамъ, гдѣ къ радости освобожденія присоединялся гнѣвъ на долгое стѣсненіе, именно тамъ естественнымъ слѣдствіемъ было то, что это «я» создало нѣкоторые изъ величайшихъ шедевровъ, какъ «Донъ-Жуанъ» Байрона или «Аласторъ» Шелли.

Освобожденіе внутренняго я обновило прежде всего искусство классическаго описанія, или, лучше сказать, самый способъ воспринимать природу и исторію; англійскіе «Лакисты», къ которымъ мы позволимъ себѣ отнести также ихъ предшественниковъ, Крабба, Коупера и Бѣрнса, были первыми выгызателями этого обновленія. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ мы уже сказали, лиризмъ это—*индивидуализмъ*, то гдѣ же онъ могъ прежде всего возродиться, какъ не въ Англіи? Творецъ «Ехсурсіонъ», Вордсфордъ и творецъ «Донъ-Жуана», Байронъ, только въ одномъ этомъ пунктѣ и похожи другъ на друга, но все-таки похожи: сюжетъ ихъ «поэмъ» имѣетъ для нихъ второстепенное значеніе; они рассказываютъ намъ исключительно только свои впечатлѣнія. Фабула и интрига, исторія и природа являются для нихъ только предлогомъ высказаться, выразить себя, и они выражаютъ себя очень разнообразно, но всегда только самихъ себя. Вѣрно ли это также и относительно Кольриджа и Шелли, Соутея и Мура? На этотъ вопросъ должны отвѣтить англичане. Во всякомъ случаѣ, у насъ это вѣрно относительно Ламартина и Гюго, въ «Méditations» или «Odes et Ballades», въ «Orientales» или «Feuilles d'automne». Это было бы вѣрно въ Германіи относительно Кёрнера и Рюккерта, и въ Италиі относительно Уго Фосколо, Манцони, Леопарди, если бы обстоятельства не сдѣлали изъ нихъ прежде всего патриотовъ. Можно сказать о нихъ, вовсе не желая играть словами, что общій всѣмъ имъ характеръ состоитъ въ нежеланіи имѣть и дѣйствительно въ неимѣніи никакого общаго характера. У cadaго изъ нихъ своя манера чувствовать природу и исторію, воспринимать отъ нихъ впечатлѣнія, у cadaго своя манера объединять, комбинировать свои впечатлѣнія и превращать ихъ въ свои стихи по законамъ своего

внутренняго ритма. Впрочемъ и воспитаніе, и жизненный опытъ ихъ были неодинаковы. Онъ былъ тяжелъ для Леопарди, этотъ жизненный опытъ, тяжелъ и для Шелли, но на другой манеръ; онъ былъ мягче для Ламартина и Байрона. Одинъ изъ нихъ писалъ, главнымъ образомъ, элегіи, другой былъ сатирикомъ. Они любили разныя стороны природы и людей. И какъ писателей, я считаю ихъ очень неравной силы и, главное, очень отличными другъ отъ друга; если говорить только о французахъ, то нужно отмѣтить, что между естественной мягкой тягучестью Ламартина и обрывистой твердостью Гюго нѣтъ ничего общаго, или скорѣе—трудно придумать болшую противоположность. Даже риторика ихъ принадлежитъ къ разнымъ школамъ: «Meditations» происходятъ отъ Парни и Шенедолле, «Odes et Ballades»—отъ Жана Баттиста Руссо и Лебрёва. Но поэзія всѣхъ ихъ по существу *субъективна*, слѣдовательно *личная*. И она такова столько же намѣренно, сколько и бессознательно; какой бы предметъ они ни изображали въ своихъ стихахъ, въ немъ интересуется ихъ не онъ, каковъ онъ есть самъ по себѣ, а тѣ ощущенія, которыя онъ въ нихъ возбуждаетъ. То же самое надо сказать о нѣмецкихъ романтикахъ, Новалисъ и Brentano; однако эти писатели такъ же, какъ въ Англій авторъ «Lalla Rookh» Муръ, или во Франціи авторъ «Eloa» де-Виньи, такъ сказать, готовятъ новое измѣненіе лиризма, которое произойдетъ, когда тѣ, кого можно назвать блудными сынами школы, отважатся проникнуть—*Jusqu'au fond désolé du gouffre inférieur*—и тамъ заблудятся.

Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ люди пишутъ, не было человѣка, который бы не считалъ себя и не имѣлъ бы права считать себя столь же интереснымъ, какъ и всякій другой; показать справедливость этихъ претензій долженъ результатъ, а результатъ здѣсь, это—произведеніе. Вотъ почему между 1830 и 1840 годами лирическая поэзія завалена «исповѣдями» и не только въ стихахъ, но и въ прозѣ, «признаніями», которыхъ никто не просилъ, и «сообщеніями», изъ которыхъ только два или три еще представляютъ нѣкоторый интересъ: мы говоримъ о тѣхъ, которыя оставили Леопарди, Альфредъ де Мюссе и Генрихъ Гейне.

Оригинальный характеръ ихъ заключается въ томъ, что онѣ написаны прямо отъ лица автора и въ нихъ не изображается фиктивныхъ лицъ, какъ Чайльдъ Гарольдъ Байрона или Олимпіо Виктора Гюго. Это, если можно такъ выразиться, чувство въ его чистомъ видѣ, человѣческое сердце открыто и обнажено передъ нашимъ взоромъ. Байроны и Гюго еще скрывали отъ насъ кое-что изъ своихъ несчастій и какая-то стыдливость удерживала или прерывала въ ихъ устахъ самыя сокровенныя признанія. Эти же писатели отдаются намъ цѣликомъ; они выставляютъ передъ нашими глазами всѣ свои несчастія; они находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы раздражать остроту

ихъ. А такъ какъ страданіе одного изъ нихъ—Леопарди, это—природа; страданіе другого, Мюссе, это—любовь, и третьяго, Гейне,—сомнѣніе, то стихи ихъ, отражающіе вѣчность ихъ страданія и его общность, конечно, останутся навсегда самымъ захватывающимъ выраженіемъ невозможности вѣрить—на нѣмецкомъ языкѣ, пресыщенія любовью—на французскомъ и ужасомъ передъ жизнью—на итальянскомъ. Это—острая форма лиризма; идти дальше значило бы—впасть въ сумасшествіе или дойти до глупости, что и случалось съ нѣкоторыми; красота этой поэзіи можетъ быть резюмирована слѣдующими двумя стихами:

Les plus désespérés sont les chants les plus beaux
Et j'en sais d'immortels, qui sont de purs sanglots! *)

И что же? Самыя настоящія рыданія скоро наскучиваютъ тѣмъ, кого они не трогаютъ, и ни тѣ, кого они трогаютъ, ни въ особенности тѣ, кого они потрясаютъ, не могутъ долго выносить того напряженного волненія, которое они выражаютъ. Когда воспріимчивость поэта становится для него исключительно только источникомъ страданій, то до такой степени «лично» ея проявленіе легко отвращаетъ отъ него читателя и публику. Намъ не нравится, когда завладѣваютъ нашимъ вниманіемъ, вызывая нашу жалость. *Omnis creatura ingemiscit*: каждому кажется, что поэтъ задѣваетъ его личность, даже тогда, когда онъ не оскорбляетъ ни его самолюбія, ни тщеславія. Отъ него начинаютъ требовать другихъ пѣсень, другого характера, отдѣлившись отъ его собственной личности, болѣе общихъ сюжетовъ, разнообразить которые ему предоставляется полная свобода. И онъ рѣшается удовлетворить требованію; лиризмъ снова становится эпическимъ, философскимъ, символическимъ; это и замѣчается въ литературѣ около 1860 г.

Надъ этимъ превращеніемъ работали въ Англіи Елизавета Броунингъ, Робертъ Броунингъ, Теннисонъ въ «Идилліи Короля», во Франціи Альфредъ де-Виньи, Леконтъ де-Лиль, и всѣ, кого называли *парнасцами*, Викторъ Гюго, авторъ «Легенды вѣка». Дадимъ мѣсто между ними и Теофилю Готье, и, на нѣкоторомъ разстояніи отъ всѣхъ ихъ—Шарлю Боделеру, поэту «Цвѣтовъ зла» за то вліяніе, которое онъ оказалъ на образованіе *символизма*. Вблизи ихъ отведемъ мѣсто и прерафаэлитамъ, между которыми было, впрочемъ, больше художниковъ, чѣмъ поэтовъ, и назовемъ еще Рихарда Вагнера, дѣятельность котораго,—мы пользуемся случаемъ повторить это,—имѣла на поэзію не меньшее вліяніе, чѣмъ на музыку. Всѣ эти имена очень похожи другъ на друга! И несомнѣнно произведенія этихъ поэтовъ вызываютъ въ нашей памяти совершенно различныя воспоминанія. Какое отношеніе имѣютъ, напримѣръ, «Цвѣты зла» къ «Идилліямъ Короля»? Столько

*) Самыя отчаянныя пѣсни—это самыя прекрасныя, и я знаю безсмертныя пѣсни, которыя нечто иное, какъ настоящее рыданіе.

извращенія съ одной стороны, и такое благородство—съ другой? Какое отношеніе между «*Angola Leigh*» и «*Emaux et Camées*»? Но взгляните ближе; сравните внимательнѣе драму Вагнера, поэму Леконта де-Лиль—античную или варварскую, и картину Бёрнѣ Джонса и Альмы Тадемы: во-первыхъ, между ними то общее, что всё они ищутъ матеріалъ и источникъ вдохновенія внѣ самихъ себя, во внѣшнемъ мірѣ и, главнымъ образомъ, въ мірѣ прошлаго, въ исторіи, преимущественно въ легендѣ. Развѣ въ «Идилліяхъ Короля» не то же содержаніе, что въ «Тристанъ и Изольдѣ»? Развѣ «Золото Рейна» не повторяется въ «Легендѣ вѣковъ»? Стремленіе къ истинѣ—общее имъ всѣмъ и всё они убѣждены, что эта истина не измѣряется ихъ «впечатлѣніями».

Les formes, les couleurs, les sons se répondent! А поэты—только эхо этихъ звуковъ, зеркало для этихъ цвѣтовъ, созерцатели этихъ формъ и всё ихъ усилія направлены на то, чтобы отыскать «соотвѣтствіе» между ними. У всѣхъ ихъ чрезвычайно развито уваженіе, мы бы сказали—суевѣріе относительно формы или стилиа и тайна словъ имѣетъ для всѣхъ ихъ одинаковую притягательную силу. Нѣкоторые изъ нихъ обращались съ словами, какъ съ драгоценными камнями, аметистами или изумрудами и ставили себѣ единственною цѣлью подбирать ихъ и оправлять въ сверкающіе уборы. Другіе пошли дальше; они увидали или угадали подъ тайною словъ—тайну вещей, пытались проникнуть въ нее,—откуда родился символизмъ. Конечно, говорить, что въ «Золотѣ Рейна» или въ «Легендѣ вѣковъ» есть тайный скрытый смыслъ,—значитъ преувеличивать; и, однако, несомнѣнно, что въ этихъ произведеніяхъ есть что-то болѣе, чѣмъ то первое впечатлѣніе, которое отъ нихъ получаешь.

Въ «*Destinées*» Альфреда де-Виньи это очевидно. Философская мысль, общественная тенденція облекаются тамъ въ классическую форму. Условія поэзіи измѣнились. Произведенія нѣкоторыхъ отсталыхъ творцовъ, вродѣ Верлена, о которомъ столько шумѣли, являются теперь просто конвульсіями умирающаго романтизма. Теперь уже не достаточно чувствовать; отъ поэта требуется, чтобы онъ «зналъ», наблюдалъ и думалъ, чтобы онъ входилъ, какимъ бы то ни было способомъ, но входилъ въ общую жизнь. Какія бы раздѣленія ни существовали теперь между мѣстными и національными школами—парнасцами и романтиками, отнынѣ въ пониманіи лиризма и самой поэзіи установилось единство. Лиризмъ, это—преломленіе вселенной въ дуплѣ поэта, поэзія это—искусство выразить въ личномъ освѣщеніи тайны вселенной, человѣка и исторіи.

Эволюція исторіи и критики не много отличалась отъ эволюціи лирической поэзіи, *mutatis mutandis*; съ перваго взгляда это можетъ казаться удивительнымъ, но достаточно вдуматься и объясненіе такого параллелизма представится чрезвычайно простымъ. Развѣ не однѣ и тѣ же причины стѣсняли во время господства классицизма и историка

*

и поэта, и слѣдовательно искажали, затемняли и уродовали понятіе и одного и другого искусства? Такъ какъ только одни великія историческія дѣянія считались достойными трагической сцены, то установилась особаго рода взаимность, вслѣдствіе которой только дѣянія, способныя быть сюжетомъ трагедіи, стали считаться пригоднымъ историческимъ матеріаломъ достойнымъ вниманія историка. А такъ какъ поэту въ то же время прежде всего вѣнялось въ обязанность не примѣшивать своей личности къ произведенію, то и историку предписывалось видѣть и показывать въ своихъ разсказахъ только «универсальнаго» человѣка; ни тотъ, ни другой не имѣли права останавливаться на подробностяхъ, или на частностяхъ, которыя на фамиллярномъ языкѣ называли словами Вольтера: «паразитами, гложущими великія произведенія»; обязанность обоихъ, и историка, и поэта, состояла въ томъ, чтобы резюмировать по строгому выбору, обобщать выбираемый матеріалъ и дѣлать его отвлеченнымъ. Поэтому вполне естественно, что эмансипація исторіи явилась почти одновременно съ появленіемъ лирической поэзіи. Если о Карлейлѣ въ Англии и о Мишле во Франціи можно было сказать, что они — «поэты въ прозѣ», то это вовсе не случайно. Точно также можно было провести параллель между пріемами Леконтъ де Лиля въ его «*Poèmes barbares*» и Эрнеста Ренана въ его произведеніяхъ: «*Etudes d'histoire religieuse*,» или «*Histoire comparée des langues sémitiques*». Между Робертомъ Броунингомъ и Джономъ Рѣскиномъ найдется не одна общая черта. А какъ много могли бы мы сказать въ этомъ смыслѣ о столькихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ писателяхъ, для которыхъ лиризмъ и исторія, дѣйствуя попеременно, были, — лиризмъ — средствомъ возбудить объединяющій патриотизмъ, а исторія — средствомъ поддерживать и разжигать это возбужденіе.

Мы не будемъ характеризовать въ этомъ очеркѣ успѣховъ исторіи въ XIX столѣтіи. Достаточно сказать, что пріобрѣтеніе новаго понятія, понятія о разнообразіи эпохъ, превратило исторію изъ монотоннаго и скучнаго перечня сраженій и разбора мирныхъ договоровъ, прерываемыхъ изрѣдка философскими соображеніями, — въ искусство, которое, такъ сказать соперничая съ живописью, задается цѣлью передать намъ то, что можно назвать окраскою и физиономіей эпохи. При свѣтѣ лучше и шире понимаемаго тождества человѣческаго вида исторія самаго отдаленнаго прошлаго, исторія Греціи, въ монументальной работѣ Грота, или исторія Рима, въ большой книгѣ Моммсена, или наконецъ, исторія израильскаго народа, въ послѣднемъ произведеніи Ренана, такъ сказать, освѣтилась неожиданными отблесками, которые проливаетъ на нее изученіе современности. Мы не будемъ перечислять, благодаря какимъ успѣхамъ науки общая исторія осложнилась и обогатилась вкладами исторіи отдѣльныхъ странъ, исторіей религій, языковъ, учреждений и нравовъ, исторіей литературы и искусства и сдѣлалась такимъ образомъ живымъ изображеніемъ пріобрѣтеній и потерь человѣческаго ума, прогресса и обратнаго движенія цивилизаціи.

Такимъ образомъ, исторія находится въ зависимости вовсе не отъ одной литературы. Она интересуется и даетъ знанія, даже и не будучи «литературной»: «*Historia, quoquo modo scripta, semper legitur*». Ученые бенедиктинцы, которые въ половинѣ XVIII вѣка задумали писать литературную исторію Франціи и начали приводить свой проактъ въ исполненіе, не обращая вниманія на насмѣшки Вольтера, — вовсе не были «писателями», и изданія вродѣ du-Cange'a, или «*Corpus Inscriptiōnum Graecarum*», вовсе не будучи «литературою», несомнѣнно, являются «исторіей». Но не упуская изъ вида этого различія, можно всетаки обойти его, а такъ какъ критика, какъ ее понималъ XIX вѣкъ и завѣщалъ начинающемуся столѣтію, сдѣлалась душою исторіи, то мы можемъ и даже должны дать здѣсь очеркъ ея эволюціи.

Критика сначала была чисто литературной; такую мы видимъ ее въ лекціяхъ Лагарпа, Мари-Жозефа Шенье, Непомусена Лемерсье и въ «Исторіи Итальянской Литературы» Шингене. Шатобрианъ, и-мъ де-Сталь, въ «Коринтѣхъ» и книгѣ «О Германіи», вслѣдъ за нею Бенжаменъ Констанъ, Сисмонди, Фориель, оба Шлегеля, Августъ-Вильгельмъ и Фридрихъ (особенно послѣдній въ своей «Исторіи Литературы»), новооснованные журналы «*Edinburgh*» и «*Quarterly Review*» въ Англіи, и нѣсколько лѣтъ спустя «*Revue de Deux-Mondes*» во Франціи значительно подвинули впередъ критику, превративъ ее изъ мѣстной и національной—въ сравнительную и историческую, изъ догматической—въ объяснительную. Прежде чѣмъ судить, оказывалось необходимымъ понимать, и писатель уже долженъ былъ отвѣчать не только за свой слогъ, какъ прежде, но и за свои идеи, и не только за свои литературныя и философскія идеи, но, главнымъ образомъ, за свои политическія идеи. Въ этомъ-то и заключалась ошибка пониманія, что особенно замѣтно на лекціяхъ Вильмена о «Французской литературѣ XVIII вѣка». Это—рѣчи ратора, но ратора съ очень живыми политическими страстями, который хотѣлъ сдѣлаться министромъ, и политика занимаетъ въ нихъ столько же, или даже больше мѣста, чѣмъ литература. То же самое можно сказать о критикѣ «*Le Globe*». Для всевозможныхъ Дюбуа и Ремюза литература, все равно подъ какою вывѣскою, подъ классической или подъ романтической, это — только подготовка къ политикѣ; въ Шекспирѣ они больше всего восхищаются «согражданиномъ» Питта и Фокса, Шеридана и Бурке, Канинга и Кастрелерейга. «Опыты» Маколея представляютъ шедевръ этого рода критики; о чемъ бы ни говорилъ авторъ—о Дантѣ или Макіавелли, о Фридрихѣ II или Мирабо, о Драйденѣ или Самуелѣ Джонсонѣ, онъ прежде всего имѣетъ въ виду то, что извлекутъ изъ его словъ тори или виги. Если бы этотъ недостатокъ и эта предвзятая идея не выкупались у него рѣдкими качествами, любовью къ точности и опредѣленности, богатствомъ ораторскаго воображенія и, какъ добавляетъ англичанину, вниманіемъ къ вопросамъ морали, то онъ бы

такъ и остался простымъ Вильменомъ. Поэтому-то романтики и въ Англии, и во Франціи, и въ Германіи избѣгали этого рода критики и, освободясь отъ всякаго авторитета, кромѣ своего собственнаго, основали критику прежде всего и исключительно *импрессионистскую* и субъективную: т.-е. критику, которая, въ сущности, является просто дневникомъ или памятной книжкой ихъ впечатлѣній отъ чтенія.

Превосходнымъ образцомъ этого рода критики можетъ служить «Les premiers Lundis», «Portraits littéraires», «Portraits Contemporains» — Сень-Бѣва — изъ первыхъ его произведеній; «Опыты» Шарля Ламба представляютъ преувеличеніе этого приѣма. О немъ говорили, что «никогда еще человѣкъ не былъ до такой степени лишентъ критическаго смысла: у него имѣются только симпатіи и антипатіи; книги — его друзья, или — его враги». Конечно, это — не то, что мы теперь называемъ критикой, но такова была прежняя критика, и эти слова даже служатъ наилучшимъ опредѣленіемъ романтической критики. Въ критикѣ романтиковъ только и были, что симпатіи и антипатіи; книги и люди были ихъ друзьями, или врагами; и романтики обращались съ ними соотвѣтственнымъ образомъ, не прикрываясь никакимъ правомъ, кромѣ своего настроенія, и, по правдѣ сказать, совершенно не считаясь ни съ справедливостью, ни съ безпристрастіемъ.

Такое пониманіе и такое искаженіе критики могло продолжаться только въ эпоху литературной войны; и дѣйствительно оно скоро измѣнило характеръ; я не говорю о писаніяхъ Низара или Сень-Марка Жирардена, такъ какъ это не европейскія, а только французскія имена, но сосылаюсь на «Port-Royal» Сень-Бѣва. Что же новаго заключаетъ «Port-Royal» Сень-Бѣва? А то, что литературныя произведенія и движеніе мысли не изучаются въ этой книгѣ сами по себѣ, ради ихъ самихъ, ради личнаго удовольствія или поученія, которыя они могутъ дать, а какъ «документы», главный интересъ которыхъ въ томъ, что они показываютъ намъ, насколько человѣкъ можетъ отличаться отъ тѣхъ, кто больше всего на него похожъ. Задачею критики здѣсь является характеристика [индивидуальностей, и очеркъ «естественной исторіи умовъ», по выраженію самого критика. Именно эту задачу ставилъ себѣ Карлейль въ своихъ «Очеркахъ», и въ особенности въ своихъ лекціяхъ о «Поклоненіяхъ героямъ».

Вся разница между обоими писателями — по существу, такъ какъ по формѣ ничего не можетъ быть менѣе похоже на апокалиптическую манеру Карлейля, какъ искусная, часто предательская и всегда уклончивая манера Сень-Бѣва, — вся разница состоитъ только въ томъ, что Карлейль больше обобщаетъ и беретъ для изученія только индивидуальности, которыя онъ разсматриваетъ вѣскольکو произвольно и представляетъ, какъ типы. Останемся въ области естественной исторіи, такъ какъ все равно намъ не суждено больше выдти изъ нея. Сень-Бѣвъ изучаетъ личности, какъ таковыя и самихъ по себѣ; Карлейль уже видитъ въ нихъ представителей вида, или рода, во львѣ или въ

кошкѣ его интересуетъ именно существо кошачьей породѣ. Эмерсонъ дѣлаетъ еще шагъ въ этомъ направленіи въ своемъ произведеніи: «Representative Men», переведенномъ на французскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Les surhumains» («Сверхъ-человѣкъ»), и это заглавіе довольно удачно подобрано и хорошо выражаетъ мысль. Великіе люди, которыхъ онъ выбираетъ своими героями, дѣйствительно, превышаютъ общую мѣру, но переходятъ ее, реализуя ея содержаніе болѣе полно и болѣе совершенно. Они являются на дѣлѣ тѣми, чѣмъ другіе люди болѣею частью бываютъ только въ возможности; и развѣ не справедливо названы герои Эмерсона «типами», представителями «семейства», возвышающимися надъ «родомъ» или «видомъ»?

Такимъ образомъ, между 1830-ми и 1850 годами романтическая критика, во многихъ отношеніяхъ еще импрессионистская и субъективная, объективируется и сталкивается въ этотъ моментъ своего развитія съ гегеліанскими идеями, тѣми идеями, которыя самъ Гегель, или одинъ изъ его учениковъ (самый «литературный» изъ нихъ, это—Карлъ Розенкранцъ) выразилъ въ своей эстетикѣ; это столкновеніе вызвало новое превращеніе.

Помогли этому превращенію, главнымъ образомъ, трое людей: всѣ трое—французы. Это—Эрнестъ Ренанъ, Ипполитъ Тень и Эдмонъ Шереръ. Послѣднему, наименѣе «писателю» изъ всѣхъ троихъ, мы обязаны однимъ изъ самыхъ лучшихъ когда-либо и на какомъ-либо языкѣ написанныхъ этюдовъ о Гегелѣ и гегеліанствѣ. Два другіе автора—великіе художники, оставившіе однѣ изъ самыхъ прекрасныхъ страницъ французской прозы въ XIX вѣкѣ. Ренанъ написалъ самыя красивыя, можно сказать, платоновскія страницы, а Тень—самыя смѣлыя и мужественныя (мы не говоримъ—самыя краснорѣчивыя, такъ какъ часто имъ не достаетъ соразмѣрности) и самыя яркія. Всѣ трое стремились къ одной цѣли, и ихъ великая заслуга въ томъ, что усилія ихъ въ этомъ направленіи не остались безъ результата: они хотѣли поставить литературныя произведенія внѣ разнообразія личныхъ сужденій, основывая эстетику на результатахъ филологіи и экзегетики, физиологіи и естественной исторіи, этнографіи и сравнительной патологіи. Шедевры ихъ въ этомъ родѣ, это—«Общая исторія семитическихъ языковъ» и «Очерки исторіи религіи» Ренана и «Исторія англійской литературы» и «Философія искусства» Тена.

Въ этомъ послѣднему произведеніи выясняется, какъ отъ разсмотрѣнія личности «Representative Men», критика перешла къ классификаціи этихъ типовъ въ исторіи, къ разрѣшенію вопроса, представителями чего являются они, и пришла къ убѣжденію, что они настолько же представляютъ всѣ вліянія, дѣйствовавшія на нихъ вмѣстѣ съ ихъ неизвѣстными современниками, какъ и самихъ себя. Критика уменьшила эти личности на всю сумму найденныхъ вліяній (сводя иногда эту сумму вліяній просто къ итогу великихъ окружающихъ давленій—расѣ, средѣ,

историческому моменту); въ концѣ концовъ, критика установила, что самъ геній или талантъ въ искусствѣ и литературѣ — продукты, какъ «сѣрный купоросъ и сахаръ», сложные по своей природѣ, которые наука можетъ надѣяться разложить на составные элементы. Несомнѣнно, противъ такого пониманія критики можно сказать многое, но теперь не въ этомъ дѣло; во всякомъ случаѣ, нельзя не признать его величія и красоты; и Тенъ, и Ренанъ, какъ писатели, конечно, обязаны частью своихъ качествъ такому пониманію критики. Что также несомнѣнно, такъ это — то, что этотъ родъ критики пользовался чрезвычайнымъ успѣхомъ, и прекрасная «Исторія Итальянской Литературы» Франческо де-Салетисъ и книга Георга Брандеса — датскаго критика о «Великихъ теченіяхъ европейской литературы въ XIX столѣтіи» написаны по методу и по примѣру Тена и Ренана. Но за послѣдніе нѣсколько лѣтъ авторитетъ этого метода начинаетъ падать. Стремленію его авторовъ основать критику на научномъ и квази-научномъ фундаментѣ, противопоставляется, съ одной стороны, открывающій широкое поле для множества очень сильныхъ возраженій дилетантизмъ, или говоря вѣрнѣе, скептицизмъ, а съ другой стороны — такъ называемая «соціологическая» и «соціальная» критика. Послѣдняя съ каждымъ днемъ отвоевываетъ все больше и больше мѣста у «научной» критики, которая слишкомъ безастрасно относится къ моральному достоинству произведеній литературы и искусства. Книги имѣютъ послѣдствія; картины также могутъ ихъ имѣть; правда, Тенъ сомнѣвался въ этомъ и понялъ это только въ концѣ своей жизни. Мы уже сказали выше, что если это превращеніе критики завершится, то съ нимъ нужно будетъ связать имя Джона Рёскина.

О натурализмѣ говорили, что онъ въ извѣстномъ смыслѣ представляетъ не больше и не меньше, какъ приложеніе критики къ такимъ родамъ литературныхъ произведеній, которыя раньше были дѣликомъ въ области воображенія; опредѣленіе это, очевидно, слишкомъ узко. Оно выражаетъ только одну изъ сторонъ натурализма. Но эта сторона представляетъ живой интересъ и формула эта всего лучше подходитъ къ роману. Какъ извѣстно, «классическихъ» романовъ мало и, оставляя въ сторонѣ романы Рабле и Сервантеса, которые представляютъ скорѣе эпопею; чѣмъ романъ, можно назвать только авантюристскій романъ испанцевъ, давшій у насъ «Жиль-Блаза» — Лесажа и англійскій романъ XVIII вѣка, съ Даниелемъ де-Фоэ, Ричардсономъ и особенно Фильдингомъ въ качествѣ представителей. Нужно ли прибавить еще «Манонъ Леско» — аббата Прево? «Элонза» принадлежитъ къ другой категоріи и, по правдѣ сказать, не знаешь, какимъ именемъ ее назвать. Въ это время всюду, и даже въ Англии, театръ притягивалъ къ себѣ всѣ литературныя честолюбія и всѣ наличные таланты. Но въ концѣ XIX столѣтія романъ проявилъ *пластичность*, которой отъ него не ожидали, обогатился въ свою очередь всѣмъ тѣмъ, что утратилъ изъ своего прежняго значенія театръ, и неза-

мѣтно приспособился ко всѣмъ требованіямъ современнаго духа. Плодovitость современнаго романа вызываетъ иногда удивленіе и даже аффектацію негодованія. Удивленіе понятно, но негодованіе совершенно неосновательно. Все, что только можно сказать, было въ теченіе этого столѣтія сказано въ романѣ; романъ сдѣлался универсальнымъ родомъ литературы; и—скажемъ прямо—изъ всѣхъ способовъ дѣлать доступными для толпы трудныя задачи, волнующія современную душу, самымъ могучимъ, можетъ быть, по своей привлекательности, является романъ.

Съ самаго начала XVIII столѣтія «Вертеръ» Гете и «Исповѣдь» Руссо, въ которыхъ истина до такой степени переищивается съ фикціей и даже съ ложью, уже направили этотъ родъ литературы въ сторону приближающагося романа; и нужно замѣтить, что хронологически романисты раньше поэтовъ завоевали себѣ право открыто говорить съ нами о самихъ себѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое «Атала» или «Рене» Шатобриана? «Дельфина» или «Коринна» м-мъ де-Сталь? «Оберманъ» Сенанкура или «Жакопо Ортисъ»—Уго Фосколо, или «Адольфъ»—Бенжамена Констана? Это—личныя романы, героями которыхъ являются авторы, подъ болѣе или менѣе прозрачной маской; въ то же время это—лирическіе романы. Они изобилуютъ лирическими приемами: восклицаніями, байроновскими отступленіями, обращеніями, прозопопеями, размышленіями, криками возмущенія, отчаянія, цѣлыми строфами, къ которымъ поэту остается только подобрать рѣимы. Главная разница сводится къ тому, что, исповѣдуясь сами авторы исповѣдуютъ въ нихъ и другихъ; но вѣдь не можетъ же быть романа съ однимъ только дѣйствующимъ лицомъ: этотъ родъ литературы требуетъ, по крайней мѣрѣ, двухъ героевъ. Но въ этихъ романахъ, также какъ въ одахъ и элегіяхъ, «Оберманъ» и «Рене» являются только выраженіемъ личныхъ чувствъ Сенанкура и Шатобриана. Наблюденіе авторовъ обращено внутрь, ограничено ими сами. И они сохраняютъ и выставляютъ на видъ не тѣ стороны самихъ себя, которыми они похожи на насъ, «форму обычной человѣческой жизни», а наоборотъ то, что они считаютъ въ себѣ оригинальнымъ и исключительнымъ. «Я созданъ не такъ, какъ всѣ тѣ люди, которыхъ я видѣлъ; я смѣю думать, что созданъ такъ, какъ никто больше изъ существующихъ людей». Это—первая фраза въ «Исповѣди» Руссо. Она могла бы служить эпитафіей ко всѣмъ романамъ, о которыхъ мы упомянули, и могла бы фигурировать на заглавномъ листѣ «Индіаны», «Наслажденія» и «Исповѣди сына вѣка».

Но подъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта и Манцони, романъ котораго «Обрученные» безспорно остается однимъ изъ шедевровъ этого рода литературы, эпическій или повѣствовательный романтизмъ сталъ искать болѣе объективнаго отраженія самого себя въ «воскрешеніи прошлаго», и успѣхъ историческаго романа началъ стѣснять развитіе романа «личнаго».

Ничего не могло быть естественнѣе этого для Германіи и Италіи, гдѣ несмотря на космополитизмъ Гете ясно чувствовалось, что настоящая свобода личности можетъ быть достигнута только въ «общемъ» отечествѣ.

Отсюда — появленіе романовъ Новалиса и Арнима: «Генрихъ Офтердингенъ» и «Стражи короны», и романовъ Максимо d'Азегліо и Доменико Гверадци: «Гекторъ Фіерамоско» и «Беатриче Ченчи». Историки итальянской литературы говорятъ, что эти романы были въ Италіи «средствомъ агитаціи и борьбы противъ иностранцевъ»; а въ Германіи романы Новалиса и другихъ подобныхъ ему авторовъ вызывали призраки феодальнаго прошлаго и переносили нѣвицевъ отъ раздѣлений настоящаго къ воспоминаніямъ о древнемъ единствѣ. Этотъ «мѣстный» патріотизмъ несомнѣнно игралъ извѣстную роль въ склонности Вальтеръ-Скотта къ шотландскимъ «сюжетамъ» вродѣ: «Вэверлей», «Робъ Рой», «Шотландскіе пуритане», «Эдинбургская темница», но его внутреннія побужденія были уже болѣе безкорыстными. Совершенно безкорыстными можно признать побужденія авторовъ въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Пятое Марта» Альфреда де Виньи, «Карлъ IX», Проспера Мериме, «Соборъ Парижской Богоматери» Виктора Гюго. Эти авторы воскрешали прошлое ради него самого, изъ влеченія и любви къ мѣстному колориту. Подъ тѣмъ же самымъ настроеніемъ Эдвардъ Бульверъ написалъ «Послѣдняго изъ бароновъ» и, ближе къ намъ, Теккерей—«Генри Эсмонда». И тѣ, и другіе бессознательно, за исключеніемъ можетъ быть Мериме, подготавливали успѣхъ *реалистскаго* романа. Вѣдь настоящее когда-нибудь и для кого-нибудь сдѣлается «прошлымъ», если множество подробностей, исключавшихся до сихъ поръ изъ романа, такъ какъ онѣ считались вульгарными, вошли въ рассказы изъ временъ Карла IX или Варвика, то почему имъ не войти и въ романы изъ временъ Луи-Филиппа и королевы Викторіи. Никто не понялъ этого лучше нашего Бальзака, и переходъ отъ историческаго къ реалистскому роману не только амѣтенъ, но, можно сказать, прямо очевиденъ въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ лучшихъ его произведеній: напр., «Шуаны» и «Темное дѣло».

Чтобы очертить эволюцію реалистскаго, или *бытоваго* романа, называя его болѣе общимъ именемъ, нужно было бы написать цѣлую большую книгу. Мы будемъ называть бытовымъ романомъ тотъ родъ романа, который ставитъ себѣ цѣлью изобразить исторію современной жизни. Исторію опредѣлили какъ «романъ, который былъ, а романъ,— какъ исторію въ возможности». Но сказать только это недостаточно. Романъ Бальзака, Флобера, Гонкуровъ, Золя, Доде, Мопассана во Франціи, Теккерей, Диккенса, Шарлотты Бронте, Джорджъ Элиотъ въ Англіи, и, наконецъ, романъ Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Толстого—въ Россіи не удовлетворился тѣмъ, чтобы быть исторіей «въ возможности»; онъ былъ ею въ свое время, ставилъ себѣ

цѣль быть ею, уже теперь мы можемъ утверждать, что историкъ будущаго нигдѣ не отыщетъ болѣе многочисленныхъ и любопытныхъ документовъ относительно интимной структуры современнаго общества. Мы не назовемъ эти документы самыми подлинными и вѣрными. Нужно будетъ умѣть разбираться. Столько разныхъ по происхожденію, воспитанію и таланту писателей не могли видѣть и не видѣли дѣйствительность подѣ однимъ и тѣмъ же угломъ зрѣнія, они, несомнѣнно, искажали ее, одинъ въ одномъ направленіи, другой—въ другомъ, и ни одинъ изъ нихъ, конечно, не угодился за ея безконечной сложностью. Въ дѣйствительности всегда будетъ гораздо больше явленій, чѣмъ можетъ схватить и выразить искусство одного человѣка. Все, что называется изяществомъ, утонченностью, обыкновенно ускользало отъ натурализма, и герцогинямъ Бальзака больше всего не хватаетъ аристократизма. Но что еще страннѣе, такъ это то, что въ натурализмѣ часто не доставало естественности, то-есть свободы, легкости, граціи. Кромѣ того нужно замѣтить, что если англійскій, французскій и русскій натурализмъ и представляютъ нѣкоторыя общія черты—въ сущности самыя главныя, хотя не самыя замѣтныя, то между ними есть и довольно большія различія. Французскій натурализмъ обращался со своими образцами нѣсколько свысока, часто сурово, и интересы искусства не разъ отвлекали его отъ точнаго подражанія дѣйствительности. Онъ «поправлялъ» то, что списывалъ, обыкновенно уродуя это. Англійскій натурализмъ былъ переполненъ нравственными и гуманитарными намѣреніями и у Диккенса, и у Джорджъ Эліотъ, и даже у Теккерея и часто смѣшивалъ искусство съ моралью, не всегда покрывая эту склонность къ проповѣдничеству своей природенной тенденціей къ каррикатурѣ. Кромѣ того, какъ мы уже сказали, онъ злоупотреблялъ правомъ вызывать въ насъ чувство жалости къ своимъ героямъ. А русскій натурализмъ, проникнутый ироніей у Гоголя, окрасился мистицизмомъ у Толстого и сдѣлался болѣзненнымъ и революціоннымъ въ одно и то же время въ романахъ Достоевскаго. Онъ сталъ съ большою легкостью пользоваться приемами мелодрамы и романа-фельетона. И, конечно, какъ мы уже сказали, все это искажало дѣйствительность. Но тѣмъ не менѣе, насколько вѣрно, что для первой половины XIX столѣтія изъ всѣхъ формъ литературы, а можетъ быть и вообще искусства, всего характернѣе лирическая поэзія, также вѣрно, что для второй половины столѣтія всего знаменательнѣе натуралистскій романъ. Очень вѣроятно, что когда-нибудь натуралистскій романъ будетъ въ исторіи новѣйшей цивилизаціи чѣмъ-то столь же значительнымъ, какъ и голландская живопись, съ которою онъ имѣетъ не одну общую черту, какъ замѣтилъ читатель. Другіе писатели были нашими флорентинцами и венеціанцами; Бальзакъ, Флоберъ, Диккенсъ, Эліотъ, Толстой и Достоевскій будутъ нашими Франсъ Халъсами, Міерисами, Терибургами и даже самимъ Рембрандтомъ.

Но подражаніе природѣ, несомнѣнно составляющее начало всякаго искусства, не является его предѣломъ или даже его главной цѣлью, такъ какъ существуютъ вовсе не подражательныя искусства. Вотъ почему натуралистскій романъ, торжествовавшій извѣстное время надъ всѣми конкурирующими видами романа, все-таки не могъ окончательно задушить ихъ, а слѣдовательно и помѣшать ихъ возрожденію. Кромѣ того, въ какой бы формѣ ни были созданы великія художественныя произведенія, они дѣлаются достояніемъ исторіи искусства, если не исторіи самой природы, они живутъ какъ «образцы»; и всегда находится кто-нибудь, кто пробуетъ воспроизвести ихъ. Ни историческій романъ, ни тѣмъ болѣе субъективный романъ не умерли отъ торжества натурализма, и мы едва смѣемъ сказать это о живомъ еще писателѣ, — романы Лоти — не ниже «Atola». Къ этимъ субъективнымъ романамъ Лоти можно поставить въ параллель романы Габріеля q'Аннунціо: «Дитя наслажденія», «Невинный», «Торжество смерти». Успѣхъ натуралистскаго романа не уничтожилъ вполне и успѣха психологическаго романа, какъ его понимали и создавали сама Жоржъ Зандъ, Октавъ Фелье, Викторъ Шербулье у насъ, Джорджъ Эліотъ и Мердитъ—въ Англіи; еще ближе къ нимъ при равномъ влияніи Бальзака и Стендаля писалъ Поль Бурже, авторъ «Mensonge», «Disciple» и «Coeur de femme». Съ другой стороны понятно, что натуралистскій романъ легко можетъ въ то же время быть психологическимъ, какъ, напримеръ, «Мидльмарчъ», а психологическій романъ натуралистскимъ; примѣромъ можетъ служить Поль Бурже, по крайней мѣрѣ, первые его романы.

Натуралистское наблюденіе направляется извнѣ во внутрь; психологическое наблюденіе—изнутри наружу. Первое занимается тѣмъ и останавливается на томъ, что видно, второе — пытается уловить и опредѣлить то, чего не видно. Натуралистъ интересуется поступками, психологъ—мотивами поступковъ. Прибавимъ, что перваго интересуютъ главнымъ образомъ общіе и типическіе случаи, а втораго—случаи рѣдкіе или странные. Но изучая человѣческія дѣянія въ ихъ результатахъ, какъ натуралистъ, или въ ихъ причинахъ, какъ психологъ, эти писатели неизбѣжно должны встрѣчаться, и та почва, на которой они встрѣчаются, и составляетъ собственно область психологическаго романа.

Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ сдѣланъ шагъ въ новомъ направленіи. «Каждый фактъ,—писалъ Эмерсонъ,—одной изъ своихъ сторонъ принадлежитъ ощущенію, а другою стороною входитъ въ область нравственности». Романисты поняли это и вопросы морали такъ сказать произвели вторженіе въ романъ. Любопытно прослѣдить участіе женщинъ въ этомъ превращеніи. Начало положила м-мъ де-Сталь, такъ какъ нельзя отрицать, что «Дельфина» и «Коринна» представляютъ то, что мы теперь называемъ «феминистскимъ» романомъ.

За нею послѣдовала Жоржъ Зандъ, въ которой русская критика единогласно признаетъ вдохновительницу «религіи человѣческихъ страданій». Я говорю въ данномъ случаѣ о Жоржъ Зандъ ученицѣ Ламенне, Пьера Леру, Мишеля де-Буржа. Затѣмъ явились по очереди: Шарлота Бронте, Джорджъ Эліотъ, Елизавета Гаскель, съ своими романами: «Дженни Эйръ», «Мари Бартоувъ», «Даніель Деронда»; я не говорю о миссисъ Бичеръ-Стоу и миссъ Кумминсъ. Теперь миссисъ Гумфри Уордъ въ своихъ романахъ,—«Робертъ Эльсмеръ», «Давидъ Гривъ», «Марчелла», не боится затрагивать самые важные вопросы настоящаго. На ряду съ нею назовемъ миссъ Оливъ Шрейнеръ, въ Италіи Матильду Серао, въ Испаніи—Эмилию Пардо Базанъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя сказать, что женщины, съ своимъ гордымъ и безсознательнымъ презрѣніемъ къ литературнымъ условностямъ и вообще ко всему тому, что западные мандарины понимаютъ подъ «тайнами искусства», а въ особенности съ тѣмъ чувствомъ жалости, которое овладѣваетъ ими при видѣ человѣческихъ страданій, что женщины Англии, Франціи, Италіи, Скандинавскаго сѣвера—именно женщины открыли натуралистическому роману его общественное значеніе? Похвалимъ же и мужчинъ за то, что они повѣрили женщинамъ. Болѣе или менѣе глубокое изученіе общественныхъ вопросовъ до сихъ поръ кажется несомнѣстимымъ съ требованіями искусства; но мы не сомнѣваемся, что настанетъ день, когда можно будетъ совмѣстить ихъ, такъ какъ нѣкоторые изъ названныхъ писательницъ уже почти успѣли въ этомъ. И будьте увѣрены, что эта тенденція согласуется съ тенденціями истекшаго столѣтія, которыя такъ странно прославили его конецъ, и что поэтому самымъ лучшимъ совѣтомъ романистамъ будетъ совѣтъ продолжать держаться этихъ тенденцій; онъ же будетъ имъ и самымъ пріятнымъ совѣтомъ.

Этотъ же совѣтъ можно дать и послѣдней категоріи «литераторовъ», о которой намъ остается сказать нѣсколько словъ,—ораторамъ. Современная Европа знала великихъ ораторовъ и въ адвокатурѣ, и на трибунѣ, и на амвонѣ; я не думаю, чтобы какой-нибудь англичанинъ сталъ спорить, если я въ сторонѣ и выше другихъ ставлю кардинала Ньюмана.

Но я не знаю, почему изъ столькихъ ораторовъ только очень немногіе съ честью выдерживаютъ испытаніе чтеніемъ; чтобы вполнѣ понять, сколько физическаго элемента содержитъ краснорѣчіе, лучше всего попробовать теперь перечитать самыя прославленныя рѣчи какого-нибудь Лакордера или Беррье.

Въ нѣкоторыхъ рѣчахъ Монталамбера больше содержанія и, главное, больше заразительнаго волненія. Въ свое время Вильменъ очень хвалилъ рѣчи лорда Чатама, а Маколей—рѣчи Шеридана и Бюрке, но всѣ эти ораторы принадлежатъ XVIII столѣтію. Рѣчи Гладстона и Дизраели, которые однако были профессионалами литературы, вовсе не

занимательно читать, а историкъ, который будетъ справляться съ рѣчами графа Кавура или князя Бисмарка, не будетъ искать въ нихъ литературныхъ красотъ. Я осмѣливаюсь прибавить, что однѣ «декламаци» дона Эмилио Кастеляра, которыя искрятся красотами этого рода, могли бы уже отвратить насъ отъ такихъ поисковъ. Нигдѣ сильнѣе, чѣмъ въ собраніи этихъ рѣчей, не обнаруживается противорѣчіе между пустою звучностью извѣстнаго сорта краснорѣчія, впрочемъ весьма музыкальнаго, и практическими, такъ сказать, реальными требованіями новѣйшей политики.

Эта важная причина лишила краснорѣчіе его прежняго могущества и какъ бы отняла у него литературное достоинство. Впрочемъ на этотъ счетъ слѣдуетъ замѣтить, что краснорѣчіе всегда было рѣдко, почти также рѣдко какъ поэзія, или еще рѣже—по словамъ Цицерона въ его сочиненіи «De Oratore»; доказательствомъ этому можетъ служить тотъ фактъ, что у насъ, во Франціи, гдѣ даже тенденція литературы такъ долго была «ораторской», изъ такого множества ораторовъ, говорившихъ съ высоты церковнаго амвона, сохранилось только три имени: Боссюе, Бурдалу, Мальсильонъ, но за то они записаны въ исторіи на почетномъ мѣстѣ. Это вообще участь тѣхъ родовъ литературы, вліяніе и полезность которыхъ до извѣстной степени независимы отъ ихъ литературнаго достоинства. Ни проповѣдуя, ни защищая, ни произнося политическую рѣчь, ораторъ не имѣетъ въ виду создать литературное произведеніе. Интересъ къ искусству играетъ здѣсь совершенно второстепенную, такъ сказать вспомогательную роль; не даромъ Низаръ и послѣ него другіе ставили въ упрекъ Массильону, что въ его «Проповѣдяхъ» слишкомъ проглядываетъ забота о художественной сторонѣ и что это портитъ ихъ. Флешье, у котораго эта работа видна совершенно ясно—просто на просто риторъ. Въ самомъ дѣлѣ, стараніе нравиться, не оудѣлимое отъ всякаго литературнаго замысла, кажется неумѣстнымъ, неприличнымъ, профанирующимъ въ рѣчи, произносимой съ церковнаго амвона. Оно производитъ такое же впечатлѣніе, хотя и по другимъ причинамъ, и въ адвокатской рѣчи, и въ рѣчи, произносимой съ трибуны. Судъ и палата—не академія и языкъ произносимыхъ тамъ рѣчей долженъ зависѣть отъ потребностей дѣйствія. Это новая причина, объясняющая не паденіе, но «искаженіе» стараго ораторскаго искусства. Въ началѣ прошлаго столѣтія оно было искусствомъ, теперь оно сдѣлалось оружіемъ, а истинная красота оружія—не въ богатствѣ и изяществѣ его, а въ томъ, насколько хорошо оно закалено и насколько далеко бьетъ. Если намъ скажутъ, что у древнихъ, гдѣ краснорѣчіе гораздо больше правило дѣлами, чѣмъ у насъ, оно не пожѣшало Цицерону и Демосеену пользоваться литературной славой, не уступающей славѣ Оукидида и Лукреція, то, вступаясь за нашихъ великихъ проповѣдниковъ, мы спросимъ отъ ихъ имени: «А сколько было Цицероновъ и Демосееновъ?» И прибавимъ отъ себя, что у древнихъ не было ни книгопечатанія, ни прессы, ни книгъ, ни газетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно сказать, что все, что потерялъ въ наше время театръ—выигралъ романъ, а нужно сказать, что театръ потерялъ именно *потому*, что выигралъ романъ; точно также краснорѣчіе утрачивало во власти, въ общественномъ довѣріи, во вліяніи все то, что приобрѣтала газета. А между тѣмъ, мы еще разъ повторяемъ это, въ развитіи большой литературы, за исключеніемъ почти чудесныхъ случаевъ совпаденія, рѣдко находится мѣсто для всѣхъ родовъ литературы одновременно. Краснорѣчіе уже больше не создаетъ «движеній общественнаго мнѣнія», какъ создавало нѣкогда; пресса ограничила его дѣятельность, оставивъ ему только рѣшающій голосъ. Ораторъ еще можетъ раздражать или шевелить страсти, но онъ не можетъ поддерживать ихъ; эта роль перешла къ прессѣ. Въ этихъ условіяхъ ораторское искусство, даже и сохраняя возможность проявляться, утратило часть того всеобщаго вниманія, безъ поддержки котораго никакой родъ литературы не даетъ всего, что предполагаетъ его опредѣленіе. Теперь, въ наше время, ораторъ—это журналистъ, и то, что потеряло ораторское искусство вслѣдствіе этого превращенія, совершенно наглядно, но *что* выиграла отъ этого литература—это вопросъ. И мы очень счастливы, что не должны отвѣчать на него.

Можемъ ли мы теперь, на основаніи этихъ краткихъ, а главное неполныхъ указаній высказать нѣкоторыя предположенія относительно будущаго, не беря на себя смѣшной обязанности пророчествовать? «Отнынѣ духъ писателя долженъ быть европейскимъ», писала м-мъ де-Сталь столѣтію тому назадъ: теперь она сказала бы, что онъ долженъ быть «мировымъ». Если это была только мечта, то приближается ли она къ осуществленію и желали ли бы мы ея осуществленія? Отложивъ въ сторону всѣ соображенія другого порядка, желали бы мы, чтобы литература въ своемъ собственномъ интересѣ, въ интересѣ своего собственнаго развитія старалась отрѣшиться отъ всего, что въ ней остается французскаго во Франціи, англійскаго въ Англии? И какіе успѣхи въ этомъ направленіи сдѣлала она въ теченіе только что минувшаго столѣтія?

Можно почти отрицать какіе бы то ни было успѣхи, такъ какъ если XIX столѣтіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ казалось вѣкомъ космополитизма, то въ другихъ отношеніяхъ оно было вѣкомъ національностей. Читателю понятно, что я все время говорю только съ точки зрѣнія литературы. Романтизмъ, какъ реакція противъ классицизма и гуманизма итальянскаго возрожденія, характеризовался въ Англии и Германіи, главнымъ образомъ, возвращеніемъ къ среднимъ вѣкамъ и къ болѣе раннему времени, къ времени самаго отдаленнаго происхожденія расы; по этому поводу слѣдуетъ напомнить объ успѣхѣхъ «Старинныхъ Балладъ» Перси, «Оссіана» Макферсона и, такъ сказать, о возрожденіи «Нибелунговъ». Затѣмъ явились ученые въ родѣ Якова Гримма или Лакмана, которые пытались во время этихъ изслѣдованій и возро-

дившагося интереса къ происхожденію расы, опредѣлить германскій или англо-саксонскій «духъ» и, конечно, для этого опредѣленія должны были удержатъ только самыя оригинальныя черты. Наши ученые съ своей стороны продѣлывали ту же самую работу. Но наши и ученые, и критики встрѣчали гораздо больше трудностей. Когда англичаве жертвовали Конгревомъ, Вичерлеемъ, Попомъ и Драйденомъ—Шекспиру, Спенсеру и Чаусеру, то дѣлали просто актъ справедливости. Точно также для нѣмцевъ возвратиться къ среднимъ вѣкамъ значило очистить національный геній отъ множества примѣсей, внесенныхъ иностранцами. Мы, французы, не могли ставить «Mystères» (мистеріа) выше трагедій Расина, или предпочитать Мольеру анонимнаго автора «Fagse de Pathelm»; самые компетентные люди, въ родѣ Сентъ-Бѣва, отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что разорвать съ классицизмомъ значило, въ сущности, разорвать съ традиціями, которыя нѣкогда доставили французской литературѣ господство во всей Европѣ. Поэтому-то во время нашихъ колебаній и, такъ сказать, метаній отъ Малерба къ Ронсару, и отъ Ронсара къ «Пѣснѣ о Роландѣ», иностранная литература: нѣмецкая, англійская и даже итальянская, которая могла подняться до вѣка Данта, минуя вѣкъ гуманистовъ, «націонализировались» съ каждымъ днемъ. Онѣ замыкались, онѣ сосредоточивались въ самихъ себѣ. Опираясь на заключенія ученыхъ, филологовъ, грамматиковъ, критика учила, что такъ какъ литература является выраженіемъ всего, что только есть самаго сокровеннаго въ духѣ великихъ народовъ, великій народъ долженъ быть привязанъ къ своей литературѣ больше, чѣмъ къ какимъ бы то ни было своимъ воспоминаніямъ и традиціямъ. Литература, это—его сознаніе. «Король Шекспиръ былъ связью всего саксонскаго», говорилъ Карлейль. Это онъ поддерживалъ въ англичанахъ сознаніе своего національнаго духа отъ Нью-Йорка и до Параматты. Поэтому-то даже и недостатки Шекспира превращались въ достоинства, такъ какъ главное достоинство, которое требовалось отъ англійскаго или нѣмецкаго писателя, состояло не въ томъ, чтобы хорошо писать и думать, а въ томъ, чтобы писать и думать «по-германски» или «англо-сакски». А что значило: думать по-англо-сакски или по-германски?

Благодаря превратностямъ исторіи, въ началѣ XIX столѣтія это значило—думать менѣе всего на французскій манеръ, или вообще на латинскій манеръ.

Еще одна причина не менѣе способствовала развитію этого духа «націонализма»; вліяніе ея всего лучше выражено въ исторіи современной итальянской литературы. Съ 1796 г. до 1860 г. и даже до 1870 г. итальянцы требовали отъ своихъ писателей, — я говорю не о публицистахъ, ораторахъ или журналистахъ, а о поэтахъ и романистахъ,—того, чтобы они цѣликомъ посвящали себя *Risorgimento*. Я въ удачу открываю исторію литературы и ищу, въ чемъ, по мнѣнію критики, состоитъ главная заслуга Уго Фосколо: въ томъ, что, навѣ-

савъ въ 1806 г. свою знаменитую поэму «Могилы», онъ разбудилъ дремлющую душу итальянцевъ воспоминаніями о славныхъ мертвецахъ и такимъ образомъ дѣйствовалъ въ пользу національнаго возрожденія. Перевернемъ страницу: знаете ли вы Джустини? Его слава, о которой говорятъ въ школахъ, въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ сатиры—средство борьбы противъ итальянской аристократіи и иностраннаго притѣсненія; точно также главная заслуга Габріеля Росетти въ томъ, что онъ своими пѣснями боролся за свободу и независимость Италіи. А въ чемъ достоинство историческихъ романовъ Массимо д'Азеглио? Они воскресили въ памяти итальянцевъ воспоминаніе о двухъ славныхъ сраженіяхъ. А Доминико Гверацци? Былъ орудіемъ агитаци и борьбы противъ иностранцевъ; вотъ какъ слѣдуетъ относиться къ его «Битвѣ при Беневентѣ» и къ его «Осадѣ Флоренціи». А что намъ скажутъ о театрѣ, напр., о трагедіяхъ Эдуардо Фабри? Намъ скажутъ, что онѣ исполнены «патріотическаго жара» и что, кромѣ того, Фабри «принималъ участіе во всѣхъ политическихъ движеніяхъ, происходившихъ между 1815 и 1849 гг.». Если намъ интересно узнать, на какой прочной основѣ покоится репутація Джіамбаттиста Николіни, то намъ скажутъ, что въ драматическихъ произведеніяхъ онъ «сдѣлался борцомъ объединительной и антипапской политики». Какъ видите, это—предвзятая мысль, это—система, или еще лучше, это—благодарность за то, что итальянская литература сдѣлала для величія, славы, единства родины. Итальянская литература подерживала подъ иностраннымъ владычествомъ то, что можно назвать тожествомъ итальянской души. И можно себѣ представить, что она сдѣлала это—вопреки очевидности—вовсе не идя на буксирѣ иностранныхъ литературъ, а, наоборотъ скорѣе прерывая сообщеніе съ ними, которое она поддерживала въ теченіе четырехсотъ или пятисотъ лѣтъ.

Можно идти еще дальше этого: въ самомъ дѣлѣ, не кажется ли вамъ, что во второй половинѣ XIX столѣтія литература умственно создала «скандинавскую» національность? Шведамъ, норвежцамъ и датчанамъ, конечно, казалось, что «европейская» — нѣмецкая, французская, итальянская или англійская литература—очень несовершенно выражала то, что они чувствовали въ своей душѣ особеннаго, «скандинавскаго». Ибсены и Бьёрсоны имѣли сказать нѣчто такое, чего, какъ они думали, не сказали ни Жоржъ Зандъ, ни Диккенсъ. Она захотѣли сказать это и сказали; ихъ соотечественники узнали себя въ той манерѣ, съ которою они это говорили. Узнавъ о своихъ національныхъ свойствахъ, они попытались освободить ихъ отъ всякой экзотической примѣси и только въ той мѣрѣ, въ которой они въ этомъ успѣли, только въ этой мѣрѣ и существуетъ литература и скандинавскіе духъ и національность въ интеллектуальномъ отношеніи. Я думаю, что то же самое можно сказать и о русской литературѣ и національности, и можно прибавить безъ преувеличенія, что въ этомъ смыслѣ

Петръ Великій и Екатерина не сдѣлали для Россіи того, что сдѣлали Толстой и Достоевскій.

Но достаточны ли эти мотивы для того, чтобы возбудить сомнѣніе въ «европеизаціи» культуры? И какъ бы ни были сильны эти мотивы, развѣ они не уравниваются другими, которые когда-нибудь могутъ одержать верхъ? Намъ скажутъ, что въ XIX вѣкѣ національныя литературы старались сосредоточиться въ самихъ себѣ и направлять свое развитіе въ духѣ своихъ традицій; но не служатъ ли все это доказательствомъ ихъ взаимнаго проникновенія и появившейся вслѣдствіе этого боязни утратить самыя оригинальныя природныя свойства? Въ преувеличеніи своего націонализма онѣ именно искали средства противостоять тенденціи, влекущей ихъ къ космополитизму. Развѣ драма Ибсена уже настолько отличается отъ романа Толстого, какъ это говорятъ, напримѣръ: «Врагъ народа» отъ «Крейцеровой Сонаты»? Развѣ романы Диккенса не нашли столько же читателей въ Парижѣ, какъ и въ Нью-Йоркѣ? Лучшая исторія «Итальянскаго Возрожденія» написана англичаниномъ, Джономъ Аддингтономъ Симондсомъ; у насъ есть много французскихъ книгъ о Вольтерѣ, Руссо, Дидро, но, можетъ быть, нѣтъ ни одной равной по достоинству книгамъ Штрауса, Розенкранца и Джона Морлея. Англійскій поэтъ Данте-Габріэль Росетти и братъ его, выдающійся англійскій критикъ — сынъ итальянца, также поэтъ и критикъ, того Габріэля Росетти, котораго мы упомянули выше, какъ одного изъ дѣятелей возрожденія. Съ другой стороны развѣ не Франція, устами Мельхиора де Вогюе почти открыла самой Италиі авторъ «Невиннаго» и «Торжества смерти», и всей Европѣ—имена Толстого и Достоевскаго? Появленіе его книги «Roman russe» составляетъ одну изъ литературныхъ эръ конца вѣка. Это взаимное проникновеніе національностей одна въ другую представится дѣятельнымъ, постояннымъ и непроборимымъ, если вмѣсто литературы мы будемъ разсматривать культуру вообще.

Въ данномъ случаѣ я говорю не о научномъ и промышленномъ интернаціонализмѣ и не о космополитизмѣ денегъ или рабочихъ интересовъ. Но философія Огюста Конта, напримѣръ, нашла себѣ не меньше послѣдователей въ Англии, въ Германіи и въ Россіи, и еще дальше отъ мѣста своего происхожденія, въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Бразиліи, чѣмъ въ самой Франціи. Музыка Вагнера является не менѣе «мировой»; и за послѣднія нѣсколько лѣтъ трудно сказать, гдѣ лучше исполняютъ ее: въ Бостонѣ или въ Бейрутѣ? А посмотрите, какъ распространяется, какъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все новыхъ и новыхъ адептовъ даже для своихъ парадоксовъ та эстетика Джона Рескина, которая уже двадцать лѣтъ тому назадъ считалась до такой степени британскою? Неужели одна литература избѣгнетъ вліянія этихъ широкихъ идейныхъ теченій? Да развѣ, говоря по правдѣ, за послѣднія сто лѣтъ она избѣгнула его? Развѣ романтизмъ,

натурализмъ не были европейскими движеніями, въ сторонѣ отъ которыхъ мы не видимъ ни одной литературы и ни одного писателя, да ихъ и дѣйствительно не было. Развѣ Шатобрианъ, Байронъ и Пушкинъ—не современники? А поздѣе, черезъ сорокъ лѣтъ развѣ не были современниками авторы «Адама Беда», «Мадамъ Бовари» и «Анны Карениной»? Но скажемъ еще опредѣленнѣе. Развѣ вся Европа не была одно время байроновской, развѣ теперь она не «толстовствуетъ» вся безъ исключенія? Итакъ, если только на границахъ не выстроится рядъ литературныхъ таможенъ, какъ теперь выстроены штыки и пушки, то начатое окончится и интеллектуальный космополитизмъ сравняетъ національныя различія. Общественная функція литературы измѣнится по существу; вмѣсто того, чтобы поддерживать раздѣляющія традиціи, родившіяся изъ необходимости противопоставлять себя окружающему, чтобы утвердить себя, она будетъ заимствовать у каждой изъ этихъ традицій самое лучшее, самое оригинальное и чистое, соединяя его въ живую общность. Но если это случилось бы,—это было бы концомъ литературы, потому что въ литературѣ имѣетъ значеніе не только сущность идей, но главное свойство той формы, въ которой онѣ выражены. Говорятъ, что «могущество генія заключается въ томъ, чтобы вовсе не быть оригинальнымъ, чтобы представлять самую совершенную воспримчивость; представлять другимъ дѣйствовать и безпрепятственно пропускать черезъ свое мышленіе духъ времени». Такъ выражается Эмерсонъ и почти этими словами начинаетъ свой «Опытъ» о Шекспирѣ. Онъ правъ. Но что онъ называетъ здѣсь «духомъ времени»? То, что критика называетъ другимъ менѣе мистическимъ, если не болѣе яснымъ именемъ: геніемъ расы, среды, момента, тѣ *materialy*, такъ сказать, которые національная традиція приготовила Шекспиру. Конечно, самое шекспировское въ немъ — онъ самъ, и это нужно напомнить, такъ какъ объ этомъ, повидимому, часто забываютъ. Но тѣмъ не менѣе, въ немъ есть и кое-что англійское, то, что отличаетъ его «Веронскихъ любовниковъ» отъ произведеній Банделло или Луиджи да Порты. Данте не былъ бы Дантомъ, если бы не былъ итальянцемъ; Сервантесъ могъ быть только испанцемъ. Что же такое этотъ національный духъ? Этого нельзя сказать съ полною опредѣленностью; нужно всегда считаться съ тѣмъ правомъ и властью, которыя даны и Шекспиру и Данте, и по которымъ они всегда измѣняютъ его, прибавляя свое собственное внутреннее содержаніе! Они—только потому и Данте, и Шекспиръ! Но никто не станетъ отрицать, что этотъ національный геній зависитъ, главнымъ образомъ, отъ языка, развитіе котораго, опредѣляемое «воздухомъ, водами и мѣстностью», отразило въ своемъ теченіи образы родной страны; отъ языка, которымъ говорили предки, и въ который вложили традиціонный смыслъ, ускользающій отъ людей, не лепетавшихъ на немъ въ дѣтствѣ и не научившихся понимать его еще прежде, чѣмъ начали лепе-

*

тать, наконецъ отъ языка, прославленнаго великими мастерами и переработаннаго ими для соревнованія тѣхъ, кто захочетъ писать на немъ послѣ нихъ. Что осталось бы отъ Шекспира и Данте, если бы они пробовали писать по латыни? А какъ извѣстно Данте какъ и Петрарка, одно время хотѣлъ писать по-латыни. Національный духъ необходимъ не только для существованія національныхъ литературъ—это слишкомъ очевидно, но и вообще для существованія литературы.

Въ литературѣ есть общія идеи, и въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ желать, чтобы отъ одного конца Европы до другого установились одѣ и тѣ же общія идеи, такъ какъ онѣ служатъ выраженіемъ истины. Но, съ другой стороны, пужно желать, чтобы передача ихъ постоянно разнообразилась «духомъ времени»; а духъ времени, какъ мы уже сказали, это—духъ момента, среды, это—духъ расы, или, лучше и яснѣ говоря, это—національный геній.

Сдѣлавъ это единственное ограниченіе, мы позволяемъ себѣ привѣтствовать тотъ фактъ, что въ концѣ XIX вѣка литература перестала быть «развлеченіемъ», и мы льстимъ себя надеждой, что она не превратится болѣе въ развлеченіе. Конечно, всегда будутъ существовать пошлые шутники, водевилисты, фабриканты, производители оптомъ романовъ-фельетоновъ и кафе-концертныхъ шансонетокъ; останутся и «хроникѣры». Но они перестанутъ принадлежать литературѣ; Лабишей больше не будутъ принимать въ академію и Беранже не сдѣлаютъ національныхъ похоронъ. У нихъ останется только рыночная цѣна; они будутъ смѣшивать и развлекать своихъ современниковъ, также какъ другіе ихъ опьяняютъ. Ихъ родъ таланта не будетъ ставиться выше таланта хорошаго повара; они будутъ, если имъ угодно, «артистами» въ своемъ родѣ, но не будутъ писателями. Потому что ни независимость, которую себѣ завоевалъ писатель, избавившись навсегда отъ покровительства знатныхъ или наемщика, ни требованія публики, жадной до образованія, или, лучше сказать, до всевозможныхъ сообщеній, ни новая власть, которою обстоятельства облекли литературу, сдѣлавъ изъ нея, какъ мы сейчасъ сказали, оружіе, а не искусство, не избавятъ писателя отъ отвѣтственности, которую возложили на него общественныя измѣненія и превращенія. Онѣ не позволятъ ему также и замкнуться въ гордомъ презрѣніи къ общественному мнѣнію, и если онъ будетъ имѣть претензію писать только для избранныхъ, онъ будетъ наказанъ—я не говорю уже—равнодушіемъ общественнаго мнѣнія, что, въ концѣ концовъ, вещь второстепенная, но бесплодностью своего собственнаго усилія и своего произведенія. Онъ не будетъ *забавникомъ*, но не будетъ и *дилеттантомъ*! У него отнимется присвоенное имъ раньше право срывать цвѣтокъ ради одного наслажденія его запахомъ. Его будутъ цѣнить только по степени полезности его общественной функціи; онъ можетъ, если хочетъ, протестовать противъ такого уако-утилитарнаго пониманія литературы, но его не будутъ слушать, его даже не услышатъ. Если даже его случайно и заслу-

шаютъ, то отвѣтятъ ему, что изъ всѣхъ формъ аристократіи умственная аристократія наименѣ заслуживаетъ оправданія въ принципѣ и является самой опасной всегда, когда, вмѣсто того, чтобы работать надъ просвѣщеніемъ темной души массъ, она злоупотребляетъ своимъ превосходствомъ, такимъ же случайнымъ, какъ прекрасный теноръ или физическая сила переносчика тяжестей,— злоупотребляетъ для того, чтобы увеличить разстояніе между собою и остальнымъ человечествомъ.

Значить ли это, что мы идемъ къ «соціализаціи» литературы, или, точнѣе говоря, въ особенности мы, французы, къ *возрастающей* социализаціи ея, такъ какъ я уже сказалъ выше, что изъ всѣхъ литературъ новѣйшей Европы наша французская литература всегда была самой общественной и гуманной? Да, я это думаю; и меня убѣждаетъ въ этомъ, независимо отъ другихъ мотивовъ, то, что изъ всѣхъ европейскихъ литературъ теперь больше всего занимается нравственными и общественными вопросами какъ разъ та, которая долго была самой «индивидуалистской» изъ всѣхъ: читатель понимаетъ, что я говорю объ англійской литературѣ. Припомните жестокія насмѣшки Байрона надъ Вордсвортомъ. Однако, онѣ не помѣшали тому, что Вордсвортъ восторжествовалъ надъ Байрономъ. «Поэзія была для меня,—писала Елизавета Броунингъ въ 1844 году.—такъ же серьезна, какъ сама жизнь; а жизнь была для меня вещью серьезною. Я никогда не впадала въ ту ошибку, которая видитъ въ наслажденіи цѣль поэзіи». Джорджъ Элиотъ писала въ 1856 году: «Честь и уваженіе дивному совершенству формы. Будемъ искать его, насколько возможно, у мужчинъ, у женщинъ, въ нашихъ садахъ, въ нашихъ жилищахъ. Но научимся любить и другую красоту, которая зависитъ не отъ тайнъ пропорціональности, а отъ тайнъ глубокой человѣческой симпатіи». Она прибавляла еще опредѣленнѣе: «Есть столько обыденныхъ и грубыхъ людей, въ исторіи которыхъ нѣтъ ни одного сентиментально-красиваго несчастья! Необходимо помнить объ ихъ существованіи, иначе мы можемъ оставить ихъ совершенно внѣ нашей религіи и нашей философіи и построить такіа возвышенныя теоріи, что онѣ будутъ годиться только для исключительнаго міра». А чью это доктрину, доктрину какого это другого англичанина недавно резюмировали въ такихъ словахъ: «До тѣхъ поръ, пока человѣческія существа въ окружающей насъ странѣ могутъ голодать и холодать, до тѣхъ поръ не только невозможно искусство, но невозможенъ даже и споръ о томъ, что роскошь въ одеждѣ и въ обстановкѣ—преступленіе»? Кто этотъ варваръ или иконоборецъ, который осмѣлился сказать: «Во сто разъ лучше дать разрушиться статуямъ Фидіа и слянуть краскамъ женщинъ Леонардо да Винчи, чѣмъ видѣть, какъ увядаютъ черты живыхъ женщинъ и наполняются слезами глаза дѣтей, которыя могли бы жить, если бы нищета не налагала на ихъ лица могильной блѣдности»? Кто этотъ варваръ? И если случайно окажется, что этотъ пророкъ или апостоль искусства—Джонъ

Рёскинъ, основатель «религіи красоты»,—развѣ не придется согласиться, что въ Англіи экономистовъ что-то измѣнилось? Ее охватила жалость, отъ которой она, можно сказать, отучилась со времени Шекспира, и какая неожиданность! Именно этою жалостью, которую можно было бы считать неэстетичною, вдохновлены нѣкоторыя изъ тѣхъ произведеній искусства, которыми она больше всего гордится—«Augusta Leigh», «Adam Bede», и произведенія той школы живописи, которую можно скорѣе назвать «рёскиновской», чѣмъ прерафаэлитской. Во всемъ этомъ есть надъ чѣмъ задуматься.

И какое направленіе почти неизбѣжно приметъ ваша мысль, когда вы вспомните, что въ то же самое время французскій театръ подъ вліяніемъ Александра Дюма, романъ, въ лицѣ Толстого и Достоевскаго, и—театръ ли?—нѣтъ, скорѣе скандинавская мысль, въ лицѣ Ибсена и Бьёрсона стремятся къ той же самой цѣли? Теперь уже не «моральные» вопросы, а собственно говоря—вопросы экономическіе, или скорѣе общественные стали заполнять литературу воображенія. И это чудо сдѣлалъ натурализмъ, освобожденный отъ всякой грубой тенденціи, выведенный изъ своей вызывающей и парадоксальной позиціи и приведенный къ вѣрному подражанію дѣйствительности, но *всей* дѣйствительности. Конечно, можно было осуждать, раздѣлять, различать; можно было упрекать одного автора въ томъ, что его лица—просто неуклюже олицетворенныя отвлеченія; можно было ставить въ вину другому, что жизнь его толпы выходитъ изъ рамокъ его романа. Но нельзя было отрицать, что «Жена Клода» и «Врагъ народа» годятся для театра, и что очень немногіе романы могутъ быть поставлены выше «Анны Карениной». Значитъ, доказательство того, что и театръ и романъ могутъ затрогивать общественные вопросы—дано! Для этого только понадобятся большіе таланты и больше искусства. Тотъ, кто поставитъ себѣ чрезвычайно благородную задачу разбирать общественные вопросы въ драмѣ или въ романѣ, долженъ будетъ, при полномъ владѣніи приѣмами своего искусства, внести въ свою работу еще личный опытъ, широкій опытъ, сознательный жизненный опытъ. Число «литераторовъ», можетъ быть, уменьшится вслѣдствіе этого, но достоинство литературы возрастетъ, и еще больше возрастетъ ея вліяніе.

ПОРУЧИКЪ ГУСТЪЛЪ.

РАЗСКАЗЪ

АРТУРА ШНИЦЛЕРА.

Переводъ съ нѣмецкаго Е. Р.

Да сколько же времени это еще продлится? Посмотрю на часы... Это вѣроятно неудобно, въ такомъ серьезномъ концертѣ. Да кто же увидитъ?.. Тотъ, кто увидитъ—также невнимательно слушаетъ, какъ и я, и передъ нимъ мнѣ нечего стѣсняться... Только четверть десятаго?.. А мнѣ кажется, что я сижу въ концертѣ уже часа три. Я вѣдь не привыкъ... Да что собственно исполняютъ? Надо посмотрѣть въ программу... Да, такъ: ораторію! А я думалъ: обѣдню. Такія вещи годятся только для церкви! Въ церкви хорошо еще то, что каждую минуту можно уйти. Если бы я сидѣлъ на крайнемъ мѣстѣ! Терпѣніе, терпѣніе! И у ораторіи есть конецъ! Можетъ быть, это очень хорошо, и я только не въ настроеніи. Да и откуда быть у меня настроенію?

Когда подумаю, что пришелъ сюда, чтобы развлечься... Лучше бы я подарилъ билетъ Бенедекку, которому такія вещи доставляютъ удовольствіе; онъ вѣдь самъ играетъ на скрипкѣ. Но тогда Копецкій бы обидѣлся. Это было съ его стороны очень мило и сдѣлано съ добрымъ намѣреніемъ. Славный малый, этотъ Копецкій! Единственный, на котораго можно положиться...

Его сестра вѣдь поетъ вмѣстѣ съ другими тамъ наверху. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, сотня молодыхъ женщинъ и всѣ онѣ одѣты въ черное; какъ же мнѣ ее отыскать между ними? Копецкій потому и получилъ билетъ, что она тоже здѣсь поетъ... И зачѣмъ онъ самъ не пошелъ?

Впрочемъ, онѣ поютъ очень хорошо. Это очень возвышенно— конечно! Bravo! bravo!.. Буду и я аплодировать съ другими. Тотъ, что возгѣ меня, аплодируетъ, какъ сумасшедшій. Развѣ это дѣйствительно ему такъ нравится? Та дѣвушка, въ ложѣ, наверху, очень красива. На меня она смотритъ или на того господина съ большой бѣлокурой бородой?.. А,—соло! Кто это? Контральто: фрейлейнъ Валькеръ, сопрано: фрейлейнъ Михалекъ... должно быть, вотъ эта—сопрано... Давно ужъ

— я не былъ въ оперѣ. Въ оперѣ я всегда пріятно провожу время. Послѣзавтра я, пожалуй, опять могу пойти въ оперу, на «Травиату». Да, послѣзавтра я, можетъ быть, уже буду трупомъ! Ахъ, глупости, я самъ этому не вѣрю! Погодите-ка господинъ докторъ, у васъ пропадетъ охота дѣлать подобныя замѣчанія! Я отрублю вамъ кончикъ носа...

Какъ бы хорошенько разглядѣть эту дѣвушку тамъ въ ложѣ! Я попросилъ бы бинокль у того господина, который сидитъ возлѣ меня, да вѣдь онъ меня съѣстъ, если я нарушу его благоговѣнное вниманіе... Съ какой стороны стоитъ сестра Копецкаго? Да вѣдь я ее все равно не узнаю. Я видѣлъ ее всего два, или три раза, послѣдній разъ въ офицерскомъ клубѣ... Что, неужели тутъ все только порядочныя дѣвушки—всѣ сто? О какъ же!.. «При участіи общества любителей пѣнія!»—Общество любителей пѣнія... забавно! Собственно говоря, я всегда представлялъ себѣ подъ этимъ именемъ нѣчто вродѣ вѣнскихъ пѣвицъ и танцовщицъ, впрочемъ я зналъ, что это—нѣчто иное!.. Прелестныя воспоминанія! Тогда у «Зеленыхъ воротъ»... Только какъ же ее звали? А потомъ она прислала мнѣ карточку съ видомъ Бѣграда... вотъ тоже красивая страна! Копецкому хорошо, онъ ужъ теперь давно сидитъ въ трактирѣ, да покуриваетъ свою «виргинію»!..

Чего это тотъ парень уставился на меня? Онъ кажется замѣчаетъ, что мнѣ скучно и что я не слушаю... Я посоветовалъ бы вамъ не строить такого наглаго лица, иначе я съ вами поговорю потомъ, въ фойе! Отвернулся!.. Однако, какъ они всѣ боятся моего взгляда...

«У тебя самые красивые глаза, изъ всѣхъ, какіе я встрѣчала!» Сказала недавно Стеффи... О Стеффи, Стеффи, Стеффи!

Собственно говоря, Стеффи виновата въ томъ, что я сижу здѣсь и долженъ скучать цѣлые часы. Ахъ, вѣчные отказы Стеффи начинаютъ дѣйствительно раздражать мои нервы! Какъ прекрасенъ могъ быть сегодняшній вечеръ. Мнѣ очень хотѣлось бы прочитать письмо Стеффи. Вотъ оно. Но если я выну свой портфель, то этотъ господинъ, который сидитъ рядомъ со мною, съѣстъ меня! Да вѣдь я знаю, что въ немъ... она не можетъ придти, потому что она должна идти ужинать съ нимъ...

Ахъ, это было комично, когда на прошлой недѣлѣ она сидѣла съ нимъ въ «Обществѣ любителей садоводства», а я съ Копецкимъ сидѣлъ напротивъ, и она все время дѣлала мнѣ знаки глазами. Онъ ничего не замѣтилъ—просто невѣроятно! Между прочимъ онъ должно быть еврей. Онъ навѣрное служитъ въ какомъ-нибудь банкѣ... и должно быть поручикъ въ резервѣ!

Ну, въ моемъ полку онъ бы не пошелъ далеко... Вообще, они все еще выпускаютъ столько жидовъ въ офицеры, что я плюю на весь антисемитизмъ! Намедни въ томъ обществѣ, гдѣ произошла исторія съ докторомъ, у Маннгеймеровъ... Маннгеймеры сами, должно быть, жида,

конечно, крещеные... но у нихъ это совсѣмъ незамѣтно—въ особенностяхи у жены... такая бѣлокурая женщина, красивая какъ картина... у нихъ было въ общемъ очень весело. Славная ѣда, великолѣпныя сигары.. Ну, а у кого изъ нихъ деньги?..

Браво, bravo! Теперь ужъ скоро кончится?—Да, теперь все общество тамъ на эстрадѣ встаетъ... оно хорошо выглядитъ, торжественно!—И органъ?.. Я очень люблю органъ... Да, вотъ это мнѣ нравится—очень хорошо! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, нужно чаще ходить въ концерты... Я скажу Копецкому, что было чудесно... Я его встрѣчу сегодня въ кофейнѣ?—Ахъ, мнѣ совсѣмъ не хочется идти въ кофейню, вчера я такъ сорвался! Проиграть въ одинъ присѣсть сто шестьдесятъ гульденовъ—слишкомъ глупо? И кто выигралъ все это? Баллертъ, какъ разъ тотъ, кому деньги не нужны... Собственно Баллертъ и виновать въ томъ, что я долженъ былъ пойти въ нелѣпный концертъ... Да, иначе я бы опять могъ играть сегодня, и, можетъ быть, чтонибудь вернуть назадъ. Но это очень хорошо, что я далъ себѣ честное слово цѣлый мѣсяцъ не дотрагиваться до картъ... Мама сдѣлаетъ опять гримасу, получивъ мое письмо!—А, пусть пойдетъ къ дядѣ, у котораго денегъ куры не клюютъ, для него какіе-нибудь двѣсти гульденовъ ничего не составляютъ. Если бы мнѣ удалось настоять на томъ, чтобы онъ выдавалъ мнѣ правильное содержаніе. Но, не тутъ-то было, приходится каждый крейцеръ выпрашивать отдѣльно. И опять начинается пѣсня, что урожай въ прошломъ году былъ плохъ!

Не побѣхать ли мнѣ опять нынѣшнимъ лѣтомъ къ дядѣ на двѣ недѣли? Конечно тамъ скучно до смерти... Если бы опять ту... какъ ее звали-то?.. Удивительно, что я не могу запомнить ни одного имени!.. Ахъ, да, Этелька!.. Она не понимаетъ по-нѣмецки ни одного слова, да въ этомъ и надобности не было... мнѣ не приходится говорить!.. Да, это будетъ отлично; двѣ недѣли деревенскаго воздуха и четырнадцать ночей съ Этелькой, или съ какойнибудь другой... Но мнѣ опять придется провести недѣлю съ папа и мама. Плохо выглядѣла она на святкахъ въ нынѣшнемъ году... Ну, теперь нездоровье ея, вѣроятно уже прошло. На ея мѣстѣ я былъ бы доволенъ, что папа вышелъ въ отставку. И Клара еще найдетъ себѣ мужа... Дядя можетъ дать за ней чтонибудь... Двадцать восемь лѣтъ еще не очень большіе года... Стеффи, конечно,—не моложе... Но это замѣчательно: женщины дольше остаются молодыми. Подумать только: намедни эта Маретти въ *Madame Sans Gêne*...—ей конечно не меньше тридцати семи лѣтъ, а выглядитъ она... такъ, что я не отказался бы!—Жаль, что она меня не спросила...

Жарко становится! Все еще не кончилось? Ахъ, мнѣ такъ хочется на воздухъ! Я немножко пройду по Рингу... Сегодня нужно рано лечь спать, чтобы завтра послѣ обѣда чувствовать себя свѣжимъ и бодрымъ. Слышно, до чего я мало объ этомъ думаю, мнѣ это до такой

степени все равно! Въ первый разъ однако меня это немножко волновало. Не то, чтобы я боялся: но въ послѣднюю ночь я былъ нервно настроенъ... Правда, подполковникъ Бизанцъ былъ серьезнымъ противникомъ.—И однако со мной ничего не случилось!.. Съ тѣхъ поръ прошло уже полтора года. Какъ время идетъ! А если Бизанцъ мнѣ ничего не сдѣлалъ, то докторъ-то ужъ конечно ничего мнѣ не сдѣлаетъ! Хотя часто именно такіе неопытные фехтовальщики оказываются всего опаснѣе. Доминскій рассказывалъ мнѣ, что его разъ чуть-чуть не закололъ человѣкъ, который въ первый разъ въ жизни держалъ въ рукахъ саблю; а Доминскій теперь учителемъ фехтованія въ ополченіи. Конечно, тогда, можетъ быть, онъ еще не былъ такъ ловокъ... Важнѣе всего хладнокровіе. Во мнѣ даже нѣтъ больше настоящаго гнѣва, а вѣдь это была невѣроятная дерзость! Онъ конечно не позволилъ бы себѣ ея, если бы не пилъ передъ этимъ шампанскаго... Такая наглость! Конечно онъ — социалистъ! Теперь всѣ нарушители закона — социалисты! Шайка... по ихъ мнѣнію, всего лучше бы сейчасъ же уничтожить все военное сословіе; но кто тогда защититъ ихъ, если придутъ китайцы, объ этомъ они не думаютъ. Болваны!— При случаѣ нужно примѣрно наказывать такихъ господъ. Я былъ совершенно правъ. Я доволенъ, что не отсталъ отъ него послѣ его замѣчанія. Когда вспоминаю объ этомъ, бѣшусь! Но я отлично велъ себя; полковникъ тоже говоритъ, что это было вполне корректно. Вообще эта исторія будетъ мнѣ полезна. Я знаю многихъ, которые бы дали этому господину вывернуться. Мюллеръ, конечно, былъ бы объективенъ или что нибудь въ этомъ родѣ. Съ объективностью въ этомъ случаѣ каждый бы уронилъ себя... «Господинъ поручикъ», уже то, какъ онъ сказалъ «господинъ поручикъ», было безсовѣстно!.. «Вы должны будете согласиться со мной»... Какъ же дошло до этого? И какъ это я пустился въ разговоръ съ социалистомъ? Какъ это началось-то?.. Кажется, та черная дама, которую я велъ къ буфету, тоже была здѣсь... и потомъ этотъ молодой человѣкъ, который рисуетъ охотничьи сцены—какъ его зовутъ-то?.. Ей-Богу, онъ-то и виновать во всей этой исторіи! Онъ говоритъ о маневрахъ, и только потомъ подошелъ докторъ и сказалъ что-то, что мнѣ не понравилось—объ игрѣ въ войну, или вообще въ этомъ родѣ, но на это я еще ничего не могъ отвѣтить... Да, а потомъ заговорили о кадетскихъ корпусахъ... да, это такъ и было... а я рассказалъ объ одномъ патриотическомъ празднествѣ... и тогда-то докторъ обратился ко мнѣ,—не сейчасъ же, но это вышло изъ рассказа о праздникѣ—«господишь поручикъ, вы, конечно, согласитесь со мной, что не всѣ ваши товарищи пошли въ военные исключительно для того, чтобы защищать отечество!» Такая наглость! И это онъ осмѣливается говорить въ лицо офицеру! Если бы я могъ припомнить, что я на это отвѣтилъ?.. А, да, что-то на счетъ людей, которые мѣшаются въ дѣла, въ которыхъ

они ничего не понимаютъ... Да, вѣрно... потому тамъ былъ еще одинъ господинъ, который хотѣлъ уладить дѣло мирно, пожилой господинъ съ насморкомъ... Но я былъ слишкомъ возбужденъ! Докторъ сказалъ это совершенно такимъ тономъ, какъ будто подразумѣвалъ именно меня. Ему только оставалось прибавить, что меня вышвырнули изъ гимназіи и что поэтому меня и сунули въ кадетскій корпусъ... А эти люди даже не могутъ понять насъ, они для этого слишкомъ глупы... Когда вспомню, какъ я въ первый разъ надѣлъ мундиръ, такое чувство переживаетъ не всякій... Въ прошломъ году на маневрахъ я дорого бы далъ, если бы вдругъ все это оказалось въ серьезъ... И Маровикъ сказалъ мнѣ, что испытывалъ то же самое. А потомъ, когда его высочество проѣзжалъ передъ фронтомъ и полковникъ привѣтствовалъ его, тогда ужъ нужно было быть порядочной дрянью, чтобы не почувствовать, что сердце начинаетъ сильнѣе биться... И вдругъ является какая-то каракатица, которая во всю свою жизнь ничего не дѣлала, а только сидѣла за книгами, и позволяетъ себѣ наглое замѣчаніе!.. А, подожди же, любезный—до неспособности сражаться... да, именно, ты и сдѣлаешься неспособнымъ.

Да, ну а здѣсь что же происходитъ? Теперь вѣдь должно скоро кончиться?..

«Вы, ангелы Божіи, хвалите Господа»...

Конечно, это—заключительный хоръ... Чудесно, бесспорно. Чудесно! Ахъ, я и забылъ о той дѣвушкѣ въ ложѣ, которая давеча начала кокетничать. Гдѣ же она?.. Уже ушла... Вонъ та тоже кажется очень мила... Это чересчуръ глупо, что у меня вѣтъ съ собой бинокля! Бруннталеръ уменъ, его бинокль постоянно лежитъ въ кофейнѣ, въ кассѣ, и сохраняется тамъ въ цѣлости... Если бы та маленькая, впереди меня, обернулась хоть разокъ! Она все время сидитъ такъ прямо. Та, что рядомъ съ нею, навѣрное ея мама! Неужели я ни разу не подумаю серьезно о женитьбѣ? Вилли былъ не старше меня, когда женился. Это имѣетъ хорошія стороны—чтобы въ запасѣ у тебя дома была всегда хорошенькая бабенка... Это глупо, что Стеффи некогда какъ разъ сегодня! Если бы я хоть по крайней мѣрѣ зналъ, гдѣ она, я бы могъ опять усѣсться *vis-a-vis*. Вотъ была бы славная исторія, если бы онъ догадался, она бы очутилась тогда у меня на шеѣ... Подумать только, во что обходится Флису его связь съ Винтерфельдъ! И при этомъ она обманываетъ его на каждомъ шагу. Ну, кончается... Bravo, bravo! А, кончилось!.. Какъ пріятно встать, двигаться... Да, какъ же! Сколько времени понадобится этому человѣку, чтобъ уложить въ футляръ свой бинокль?..

«Извините, извините, будьте добры пропустить меня!»

Что за давка! Пропустимъ лучше толпу... Изящная особа... Настояще ли это брилліанты?.. Вонъ та—мила... Какъ она на меня смотритъ!.. Да, да фрейлейнъ, я охотно готовъ!.. О, какой носъ! Жи-

довка... Еще... Это баснословно, здѣсь половина—жиды... нельзя даже спокойно наслаждаться ораторіей... Ну, пойдемъ и мы... Чего этотъ идиотъ позади меня толкается? Я отучу его отъ этого... А—пожилой господинъ! Кто это кланяется мнѣ сверху?.. Честъ имѣю кланяться, честь имѣю кланяться! Не имѣю никакого понятія, кто это... Проще всего было бы сейчасъ же пойти ужинать къ Лейдингеру... или не пойти ли въ «Общество любителей садоводства?» Кстати тамъ и Стеффи. Почему она не написала мнѣ, куда она съ нимъ отправляется? Она, должно быть, сама не знала этого. Въ сущности это ужасно, такое зависимое положеніе... Бѣдняжка! Да, вотъ выходи... А, вотъ эта красавица! И совершенно одна. Какъ она мнѣ улыбается... Вотъ идея, я отправлюсь за ней!..

Теперь сойти съ лѣстницы!

А, майоръ пятьдесятъ девятаго... Онъ очень любезно отвѣтилъ на мой поклонъ... Значитъ, я былъ здѣсь не одинъ только офицеръ... Гдѣ же красивая дѣвушка? А, тамъ... она стоитъ возлѣ перилъ... Такъ, теперь нужно достать платье... Только бы дѣвочка отъ меня не ускользнула... Ее ужъ взяли! Какая досадная штука! Она даетъ увести себя какому-то господину и все еще улыбается мнѣ! А здѣсь больше—ни одной, съ которой бы стоило связываться... Господи Боже, что за давка у вѣшалокъ!.. Лучше подождать еще немножко... Такъ! Можетъ быть, дуралей возьметъ мой номеръ?..

«Слушайте, двѣсти двадцать четвертый! Вотъ оно виситъ! Да что у васъ глазъ нѣтъ, что ли? Вотъ оно! Ну, слава Богу!.. Такъ пожалуйста!» Этотъ толстякъ загоразиваетъ почти всю вѣшалку. «Прошу васъ»...

«Терпѣніе, терпѣніе!»

Что говоритъ этотъ парень?

«Немножко потерпите!»

Долженъ же я ему отвѣтить... «Пропустите же!»

«Поспѣете».

Что онъ говоритъ? Онъ это мнѣ говоритъ? Это слишкомъ! Этого я не допущу! «Тише!» «Что вы говорите?»

А, такимъ тономъ!

«Не толкайтесь!»

«А вы, придержите глотку!» Я не долженъ былъ этого говорить, я былъ слишкомъ грубъ... Но теперь ужъ это сдѣлаю!

«Что такое?»

Онъ оборачивается... Да вѣдь я его знаю! Чортъ побери, это булочникъ, который приходитъ въ кофейню... Что онъ тутъ дѣлаетъ? Наверное у него дочь или кто-нибудь въ консерваторіи... Но что же это такое? Да, что же это онъ дѣлаетъ?.. Мнѣ даже кажется, да, клянусь Богомъ, рукоятка моей сабли у него въ рукѣ... Да что онъ, съ ума сошелъ?.. «Послушайте, милостивый государь...»

«Господинъ поручикъ—смирно».

Что онъ говоритъ? Господи, но вѣдь этого никто не слышалъ? Нѣтъ, онъ говоритъ совсѣмъ тихо... Но почему же онъ не выпускаетъ моей сабли?.. Господи, я не могу оторвать его руки отъ рукоятки... Только бы не произошло скандала!.. Не майоръ ли это, сзади меня?.. Хоть бы никто не замѣтилъ, что онъ держитъ рукоятку моей сабли?.. Онъ говоритъ мнѣ что-то! Что онъ говоритъ!

«Господинъ поручикъ, если вы сдѣлаете малѣйшее возраженіе, я вытащу саблю изъ ноженъ, сломаю ее и отправлю куски ея вашему полковому начальству. Понимаете, глупый мальчишка?»

Что онъ сдѣлалъ? Мнѣ кажется, я вижу это во снѣ! Неужели онъ дѣйствительно со мною говоритъ? Я долженъ бы отвѣтить что-нибудь... Но онъ не шутитъ, онъ дѣйствительно вытаскиваетъ саблю. Господи, онъ тянетъ ее!.. Я чувствую, какъ онъ ее вытягиваетъ! Что онъ говоритъ?.. Ради Бога, только бы не было скандала. Да что же онъ говоритъ?

«Но я не хочу портить вашей карьеры... Ободритесь!.. Не бойтесь, никто ничего не слышалъ... ну ладно... А чтобы никто не подумалъ, что мы ссорились, я буду теперь съ вами очень любезенъ! Честь имѣю клянуться, господинъ поручикъ, весьма радъ, честь имѣю клянуться!»

Господи, во снѣ я это видѣлъ что ли?... Онъ въ самомъ дѣлѣ это сказалъ?.. Гдѣ же онъ?.. Вонъ онъ идетъ... Я долженъ былъ вытащить саблю и изрубить его. Господи, вѣдь никто не слышалъ этого? Нѣтъ, вѣдь онъ говорилъ совсѣмъ тихо, мнѣ на ухо... Почему я не подойду къ нему и не разрублю ему черепъ пополамъ?.. Нѣтъ, это не годится, не годится... Я долженъ былъ это сдѣлать сейчасъ же... Почему я не сдѣлалъ этого сейчасъ же?.. Да вѣдь я не могъ... вѣдь онъ не выпускалъ рукоятки, а онъ вдесятеро разъ сильнѣе меня... если бы я сказалъ еще хоть одно слово, онъ бы въ самомъ дѣлѣ переломилъ мою саблю... Я еще долженъ радоваться, что онъ не говорилъ вслухъ!.. Если бы хоть одинъ человѣкъ слышалъ это, вѣдь я долженъ былъ бы *stante pede* застрѣлиться... А можетъ быть это былъ сонъ... Почему тотъ господинъ, тамъ, у колонны такъ смотритъ на меня? Можетъ быть онъ все-таки слышалъ что-нибудь?.. Спрошу его... Спросить?— Да я съ ума сошелъ!—Какой у меня теперь видъ? Замѣтно ли на мнѣ что-нибудь? Я, должно быть, очень блѣденъ. Гдѣ эта собака?.. Я долженъ его уничтожить!.. Онъ ушелъ... Вообще, здѣсь ужъ совсѣмъ пусто... Гдѣ же моя шинель?.. Да вѣдь я ужъ надѣлъ ее... Я совсѣмъ и не замѣтилъ... Кто же помогъ мнѣ?.. А, вонъ тотъ... Надо дать ему шесть пфенниговъ... Такъ!.. Да что же это такое? Неужели это дѣйствительно случилось? Со мною дѣйствительно кто-то говорилъ такимъ образомъ? Дѣйствительно онъ называлъ меня «глупымъ мальчишкой»? И я не изрубилъ его на мѣстѣ?.. Да вѣдь я не могъ... у него желѣзный кулакъ... Я стоялъ, какъ пригвожденный къ мѣсту... Нѣтъ, я,

должно быть, потерялъ разсудокъ, иначе бы я другою рукой... Но тогда онъ вытащилъ бы изъ ножонъ мою саблю и переломилъ бы ее и конецъ—и все было бы кончено!.. А потомъ, когда онъ отошелъ, было слишкомъ поздно... Не могъ же я всадить въ него саблю сзади...

Какъ, я уже на улицѣ? Да какъ же я сюда вышелъ?—Такъ свѣжо... а, вѣтерокъ—славно... Кто это съ той стороны? Чего эти господа смотреть на меня? Можетъ быть, они все-таки слышали что-нибудь... Да нѣтъ, никто ничего не могъ слышать... я же знаю, я оглянулся кругомъ сейчасъ же послѣ этого... Но тѣмъ не менѣе онъ это сказалъ, и, хотя бы и никто не слышалъ, онъ все-таки сказалъ это. А я стоялъ передъ нимъ и сносилъ все это, какъ будто меня ошеломили ударомъ по головѣ!.. Но вѣдь я ничего не могъ сказать, ничего не могъ сдѣлать, мнѣ оставалось только одно: стоять смирно, стоять смирно!.. Это ужасно, этого нельзя вынести; я долженъ убить его на мѣстѣ, какъ только встрѣчу!.. Мнѣ это говорить въ лицо! Мнѣ говорить такая дубина, такая собака! И онъ меня узнаетъ... Господи, онъ знаетъ меня, онъ знаетъ, кто я!.. Онъ можетъ рассказать всѣмъ и каждому, что онъ мнѣ это говорилъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не сдѣлаетъ этого, иначе зачѣмъ бы ему говорить такъ тихо... онъ, очевидно, хотѣлъ, чтобы только я одинъ это слышалъ!.. Но кто поручится мнѣ, что онъ все-таки не расскажетъ этого сегодня, или завтра своей женѣ, или дочери, или знакомымъ въ кофейнѣ.—Господи, и вѣдь завтра я опять увижу его! Когда приду завтра въ кофейню, онъ будетъ опять сидѣть тамъ, какъ всегда, и играть въ стуюлку съ господиномъ Шленгеромъ и торговцемъ искусственными цвѣтами... Нѣтъ, нѣтъ, это не годится, этого нельзя... Когда я увижу его, я изрублю его... Нѣтъ, я не смѣю этого сдѣлать... я долженъ былъ это сдѣлать сейчасъ же, сейчасъ же!.. Если бы это было можно!..

Я пойду къ полковнику и рапортую ему обо всей исторіи... да, къ полковнику... Полковникъ всегда очень ласковъ—и скажу ему: господинъ полковникъ, я почтительнѣйше докладываю, онъ держалъ рукоятку и не выпускалъ ея; я былъ все равно, что безоруженъ... Что скажетъ полковникъ? Что онъ скажетъ? Но тогда остается только одно: отказаться отъ службы!.. Что это вольноопредѣляющіеся тамъ, на моей сторонѣ?.. Мерзость, ночью они выглядятъ офицерами... они салютуютъ! Если бы они знали, если-бы они знали!..

Вотъ кафе Хохлейтнера... тамъ, навѣрное, сидятъ два-три товарища... можетъ быть, даже есть знакомые... Что если я расскажу объ этомъ первому встрѣчному, но такъ, какъ будто это случилось съ кѣмъ-нибудь другимъ? Ну я со всѣмъ помѣшался... Да куда я бѣгу? Что я дѣлаю на улицѣ?

Но куда же мнѣ идти? Да вѣдь я хотѣлъ пойти къ Ледингеру! Ха, ха, какъ же, усѣсться съ людьми... я думаю, каждый будетъ смотреть на меня. Да, но что-нибудь должно же случиться... Что должно

случиться?.. Ничего, ничего—никто вѣдь ничего не слыхаетъ... никто ничего не знаетъ... что, если бы я пошелъ теперь къ нему на квартиру и сталъ бы умолять его, чтобы онъ объ этомъ никому не рассказывалъ?.. А, вѣтъ, лучше сейчасъ же пулю въ лобъ, чѣмъ сдѣлать такую вещь!.. Это было бы самое умное? Самое умное? Самое умное? Да ничего другого и не остается... ничего не остается... кого бы я ни спросилъ, полковника ли, или Копецкаго—или Блани—или Фридмейера—каждый скажетъ: тебѣ больше ничего не остается!.. Какъ бы это было, если бы я вздумалъ поговорить съ Копецкимъ?.. Да, это было бы самое благоразумное... хотя бы ради завтрашняго дня... да, конечно ради завтрашняго дня... въ четыре часа въ кавалерійской казармѣ... вѣдь завтра въ четыре часа пополудни я долженъ драться на дуэли... а я больше не смѣю этого... я не способенъ дать удовлетвореніе... Безуміе, безуміе! Никто ничего не знаетъ, никто ничего не знаетъ! Кругомъ насъ есть много людей, съ которыми бывали гораздо худшія вещи, чѣмъ со мною...

Чего не рассказывали о Декенерѣ, когда онъ долженъ былъ стрѣляться съ Редеровымъ... а судъ чести рѣшилъ, что дуэль должна состояться... Но какъ бы рѣшилъ судъ чести со мною?—Глупый мальчишка.—Глупый мальчишка... и я стоялъ передъ нимъ!—Господи, да это совершенно все равно, знаютъ ли другіе что-нибудь!.. Я это знаю—и это главное! Я чувствую, что я теперь—кто-то другой, а не тотъ, которымъ былъ часъ тому назадъ—я знаю, что я не способенъ дать удовлетвореніе, и поэтому я долженъ застрѣлиться... Я все равно не имѣлъ бы ни минуты спокойствія въ жизни... я постоянно боялся бы, что кто-нибудь, наконецъ узнаетъ это, такъ или иначе, и что кто-нибудь броситъ мнѣ въ лицо то, что случилось сегодня вечеромъ! Какимъ счастливымъ человѣкомъ я былъ часъ тому назадъ... Нужно же было, чтобы Копецкій подарилъ мнѣ билетъ—и чтобы Стеффи, эта дѣвка, отказала мнѣ въ свиданіи.—И отъ такихъ-то вещей мы зависимъ... Послѣ обѣда все еще было хорошо и прекрасно, а теперь я—погибшій человѣкъ и долженъ застрѣлиться... Чего я такъ бѣгу? Вѣдь это ни къ чему... Сколько это бьетъ?.. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11... одиннадцать, одиннадцать! Надо же, въ концѣ концовъ, куда-нибудь зайти... я могу зайти въ какую-нибудь харчевню, гдѣ меня никто не знаетъ—въ концѣ концовъ долженъ же человѣкъ ѣсть, хотя бы даже и рѣшилъ застрѣлиться тотчасъ же послѣ ѣды... Ахъ, смерть вѣдь не дѣтская игрушка... кто это сказалъ на-дняхъ?.. Ну, все равно.

Я бы хотѣлъ знать, кто огорчится больше всѣхъ?.. Мама или Стеффи?.. Стеффи... Господи, Стеффи не смѣетъ выразить своего горя, иначе «онъ» прогонитъ ее... Вѣдняжка!—Ни одинъ человѣкъ въ полку не догадался бы, почему я это сдѣлалъ... они ломали бы себѣ голову, почему это Густлъ покончилъ съ собою?—Никому и въ голову не при-

детъ, что я долженъ былъ застрѣлиться оттого, что жалкій булочникъ, гнусный человѣкъ, у котораго случайно сильные кулаки... это слишкомъ глупо, слишкомъ глупо!—Изъ-за этого такой человѣкъ, какъ я, молодой, долженъ... Да потомъ навѣрное всё скажутъ: онъ не долженъ былъ этого дѣлать, изъ-за такой глупости, это жалъ!.. Но если бы я теперь же спросилъ кого-нибудь, то всякій отвѣтилъ бы мнѣ то же самое... и самъ я, задавая себѣ этотъ вопросъ... чортъ побери.. мы совсѣмъ безоружны противъ штатскихъ... Люди думаютъ, что намъ лучше оттого, что у насъ сабля... а если одинъ изъ насъ хоть разъ пустилъ оружіе въ ходъ, то про насъ говорятъ такъ, какъ будто бы мы всѣ были настоящими убійцами... Въ газетѣ тоже стояло бы: «Самоубійство одного молодого офицера»... какъ это они всегда пишутъ?.. «Причины покрыты мракомъ неизвѣстности»... Ха, ха, ха! «Надъ гробомъ его плачутъ»...—Но вѣдь все это—правда... Я все время чувствую себя такъ, какъ будто я самъ себѣ рассказываю исторію... а, между тѣмъ, все это правда... я долженъ убить себя, мнѣ больше ничего не остается—я не могу допустить до того, чтобы завтра Копецкій и Блани вернули мнѣ свое полномочіе и сказали: мы не можемъ быть твоими секундантами!.. Я былъ бы подлецомъ, если бы потребовалъ отъ нихъ этого... Такой человѣкъ, какъ я, который позволяетъ называть себя въ лицо глупымъ мальчишкой... Завтра вѣдь это будутъ знать всѣ... Это черезчуръ глупо, что я на минуту вообразилъ, будто такой человѣкъ не будетъ этого рассказывать... да онъ будетъ рассказывать всюду и его жена теперь уже знаетъ это... завтра будетъ знать вся кофейня... будутъ знать кѣльнеры... господинъ Шлеренгеръ... кассирша.. Даже если онъ рѣшилъ, что не будетъ говорить объ этомъ, то онъ расскажетъ это послѣзавтра... а если не послѣзавтра, то черезъ недѣлю... Если даже онъ сегодня ночью умретъ отъ удара, то вѣдь я знаю это... я это знаю, а я не такой человѣкъ, который можетъ продолжать носить мундартъ и саблю, когда на немъ тяготѣетъ такой позоръ!.. Да я долженъ это сдѣлать—и наконецъ! Что же дальше?—Завтра послѣ обѣда меня могъ бы убить саблею докторъ... такіе случаи бывали... а бѣдный Бауеръ, который получилъ воспаленіе мозга, и въ три дня все дѣло окончено... А Бреничъ упалъ съ лошади и разбилъ себѣ затылокъ... да, наконецъ, ничего другого не остается!—Правда, есть люди, которые отнеслись бы къ этому иначе... Господи, что за люди бываютъ на свѣтѣ! Рингемейеру одинъ мясникъ, заставшій его съ своей женою, далъ пощечину, и онъ вышелъ въ отставку, сидитъ гдѣ-то въ деревнѣ и женился.

И находятъ же женщины, которыя выходятъ замужъ за такихъ людей!.. Клянусь Богомъ, я не подалъ бы ему руки, если бы онъ опять пріѣхалъ въ Вѣну...

Значить, ты повялъ, Густьль: конечно, конечно, счеты съ жизнью

сведены! Поставимъ точку и посыпемъ пескомъ!.. Да, теперь я знаю, что все это совсѣмъ просто... Такъ! Въ сущности я совершенно спокоенъ... Впрочемъ я всегда это зналъ: если разъ дѣло дойдетъ до этого, я буду спокоенъ, совершенно спокоенъ... Но что все кончится такимъ образомъ, этого я все-таки не думалъ... что я долженъ буду убить себя изъ-за того, что такой...

Можетъ быть, вѣдь я его не такъ понялъ... и, можетъ быть, онъ сказалъ что-нибудь совсѣмъ другое... Я тогда совсѣмъ отупѣлъ отъ гнѣва и жары... можетъ быть, я сошелъ съ ума и все это совсѣмъ не такъ?.. Не такъ? ха, ха, не такъ!.. Да я еще слышу это... эти слова все еще звучать у меня въ ушахъ... и мои пальцы еще ощущаютъ, какъ я хотѣлъ оторвать его руку отъ рукоятки сабли. Онъ силачъ, деревенщина... Я тоже не слабъ... Франциски — одинъ изъ всего полка, сильнѣе меня...

Мостъ Аспернъ... Далеко ли я еще забѣгу?—Если я буду такъ бѣжать, то въ полночь я буду въ Кагранъ... ха, ха, ха!—Господи, какъ мы были веселы, когда въ прошломъ сентябрѣ вступали въ него. Еще два часа и мы въ Вѣнѣ... Я усталъ до полусмерти, когда мы наконецъ, пришли... Я спалъ, какъ убитый, все послѣ-обѣда, а вечеромъ мы уже были у Ронахера... Копецкій, Ладинзеръ и... кто же еще былъ съ нами?—Ахъ, да, вольноопредѣляющійся, который во время маршированія рассказывалъ намъ еврейскіе анекдоты... Часто эти вольноопредѣляющіеся очень милые ребята... но всѣ они должны были бы быть только подпоручиками—потому, что иначе, что же за смыслъ? Мы должны мучиться цѣлые годы, а такой господинъ служить годъ и получаетъ точно такое же отличіе, какъ и мы... Что за несправедливость! Но что мнѣ за дѣло до всего этого? Чего я беспокоюсь о подобныхъ вещахъ? Каждый рядовой теперь значить больше, чѣмъ я... Вѣдь я ужъ вообще больше не существую на свѣтѣ... для меня все кончено... Честь потерять—все потерять!.. Мнѣ ничего не остается, какъ зарядить свой револьверъ и... Густль, Густль, мнѣ кажется, ты все еще не думаешь объ этомъ настоящимъ образомъ... Опомнись... больше ничего не остается... Какъ бы ты ни мучилъ своихъ мозговъ, тебѣ больше ничего не остается! Теперь дѣло только въ томъ, чтобы вести себя прилично въ послѣднюю минуту, чтобы быть мужчиной, офицеромъ, такъ чтобы могъ полковникъ сказать: онъ былъ славный малый, мы сохранимъ о немъ добрую память!..

Сколько ротъ выходитъ на похороны поручика?.. Я долженъ былъ бы знать это... Ха, ха, ха! Если выйдетъ цѣлый батальонъ, даже весь гарнизонъ, если они дадутъ двадцать залповъ, я все-таки никогда больше не проснусь!..

Прошлымъ лѣтомъ послѣ скачки съ препятствіями я сидѣлъ передъ кофейней съ господиномъ фонъ-Энгелемъ... Забавно, я съ тѣхъ поръ не видалъ этого человѣка... Почему у него былъ завязанъ лѣвый

глазъ? Мнѣ все время хотѣлось спросить его объ этомъ, но это было бы неприлично... Вонъ идутъ два артиллериста... они конечно думаютъ, что я иду вонъ за той особой... Пусть она взглянетъ на меня... О, ужасъ! Хотѣлъ бы я знать, какъ такая можетъ зарабатывать себѣ пропитаніе... Да я лучше бы согласился... Хотя нужда научить вальчи ѣсть... Въ Пржемыслѣ, напримѣръ... мнѣ потомъ было такъ страшно, что я думалъ, что никогда больше не дотронусь ни до одной женщины... Это было отвратительное время, тамъ, въ Галиціи... Собственно говоря это чертовское счастье, что мы пришли въ Вѣну. Покорни-то все еще сидить въ Самборѣ и можетъ просидѣть тамъ десять лѣтъ, состариться и посѣдѣть... Но если бы я остался тамъ, со мною бы не произошло того, что случилось сегодня вечеромъ... лучше бы я состарился и посѣдѣлъ въ Галиціи, чѣмъ то... чѣмъ что? чѣмъ что? Да что же это такое? Что такое? Съ ума я что ли сошелъ, что я все время это забываю? Да, клянусь Богомъ, я забываю объ этомъ каждую минуту... Слыхано ли это, чтобы человѣкъ, который черезъ какіе-нибудь два часа долженъ пустить себѣ въ лобъ пулю, думалъ о всевозможныхъ вещахъ, которыя его больше совѣмъ не касаются? Ей-богу, я чувствую себя такъ, какъ будто пьянъ! Ха, ха, ха, хорошо опьяненіе! Опьяненіе убійства! Опьяненіе самоубійства! Ага! Я острою, это очень хорошо! Да, я очень хорошо настроенъ, это, должно быть, что-то врожденное... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, если бы я кому-нибудь рассказалъ объ этомъ, онъ бы мнѣ не повѣрилъ. — Мнѣ кажется, что если бы револьверъ былъ при мнѣ, я бы сейчасъ же надавилъ курокъ — и въ одну секунду все было бы кончено... Не всѣмъ это такъ легко — нѣкоторые должны мучиться цѣлыми мѣсяцами... Напримѣръ, моя бѣдная кузина, она лежала въ постели цѣлые два года, не могла двинуться, у нея были ужаснѣйшія боли — такая жалость!.. Не лучше ли самому все устроить? Нужно быть только внимательнымъ, хорошо цѣлить, чтобы не случилось несчастья вродѣ того, какъ съ младшимъ подпоручикомъ въ прошломъ году... Бѣднякъ не умеръ, но ослѣпъ... Что съ нимъ случилось потомъ? Гдѣ онъ теперь живетъ? Ужасно разгуливать въ такомъ видѣ: то-есть разгуливать то онъ ужъ не можетъ, его нужно водить—и такой молодой человѣкъ, ему и теперь еще нѣтъ двадцати лѣтъ... Въ свою возлюбленную онъ удачлѣе выстрѣлилъ... убилъ ее на мѣстѣ... Просто невѣроятно изъ-за чего люди стрѣляются! Ну какъ можно вообще ревновать?.. Во всю мою жизнь я не испыталъ ничего подобнаго... Стеффи теперь веселится въ «Обществѣ любителей садоводства»; потомъ она пойдетъ съ «нимъ» домой... И мнѣ это совершенно все равно, совершенно все равно! Какъ у нея красиво устроено; маленькая ванная комната съ краснымъ фонаремъ.—Когда она намедни вошла туда въ зеленомъ шелковомъ капотѣ... я ужъ никогда больше не увижу зеленого капота,— да и всей Стеффи... и я никогда больше не буду подниматься по кра-

сивой широкой лѣстницѣ въ Литейной улицѣ... Фрейлейнъ Стеффи будетъ продолжать веселиться, какъ будто ничего не случилось... Она даже никому не посмѣетъ рассказать, что ея милый Густль убилъ себя... Но плакать она все-таки будетъ,—о, да, плакать она будетъ... Вообще плакать будутъ очень многіе... Господи, а мама! Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ я не долженъ думать. Ахъ, нѣтъ, объ этомъ абсолютно нельзя думать... О домашнихъ не думать, Густль, понялъ?—ни одной, самой коротенькой мысли...

Это недурно, теперь я даже въ Пратерѣ... среди ночи... сегодня утромъ я бы ни за что не подумалъ, что ночью пойду гулять въ Пратеръ... О чемъ думаетъ тотъ ночной сторожъ?.. Ну, пойдемъ дальше... хорошо... Съ ужиномъ ничего не вышло и съ кофейней тоже; пріятный воздухъ и какъ спокойно кругомъ... очень... Впрочемъ спокойно мнѣ будетъ скоро, и такъ спокойно, какъ только можно желать. А!—но я совсѣмъ задохнулся... я бѣжалъ самымъ глупымъ образомъ... Тише, тише, Густль, не опоздаешь, тебѣ больше нечего дѣлать — совсѣмъ нечего, то-есть абсолютно больше нечего дѣлать! Мнѣ даже кажется, что меня знобитъ? Это конечно отъ возбужденія... и потомъ вѣдь я ничего не ѣлъ... Чѣмъ это такъ особенно пахнетъ?.. Вѣдь еще цвѣсти нечему?.. Какое у насъ сегодня число? Четвертое апрѣля... Правда, въ послѣдніе дни было много дождей... но деревья еще почти совершенно голыя и темно, у! почти можно испугаться... Собственно говоря я только одинъ единственный разъ въ жизни испугался, тамъ въ лѣсу... я былъ тогда маленькимъ мальчикомъ... нѣтъ, я былъ совсѣмъ ужъ не такъ малъ... мнѣ было четырнадцать или пятнадцать лѣтъ... Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ?—девять лѣтъ... конечно — въ восемнадцать лѣтъ я былъ подпоручикомъ — въ двадцать поручикомъ... а на будущій годъ я буду... Чѣмъ буду я на будущій годъ? Что это значитъ вообще: будущій годъ? Что значитъ: на будущей недѣлѣ? Что значитъ: послѣзавтра?.. Какъ? Стучать зубами? О-о-о!—Ну, пусть ихъ немножко постучать... господинъ поручикъ, вы теперь—одни и вамъ не передъ кѣмъ притворяться... это горько... это очень горько...

Сяду на скамейку... А!—куда же я зашелъ? Такая тьма!—Позади меня, должно быть, вторая кофейня... Прошлымъ лѣтомъ я и здѣсь былъ разъ: когда наша капелла давала концертъ... съ Копецкимъ и съ Рюттнеромъ—и съ нами было еще два—три другихъ... Но я усталъ... нѣтъ, я такъ усталъ, какъ будто маршировалъ десять часовъ. Да, это было бы недурно, здѣсь уснуть. Ха, ха, бездомный поручикъ... Да я собственно долженъ идти домой... что мнѣ дѣлать дома? ну а въ Пратерѣ что мнѣ дѣлать? Ахъ, лучше всего было бы, если бы я могъ совсѣмъ не вставать, заснуть здѣсь и никогда не просыпаться... Да, это было бы очень удобно! Нѣтъ, такъ, удобно ваше дѣло не устроится, господинъ поручикъ... Но какъ и когда? Теперь я могу,

*

наконецъ, хорошенько обдумать эту исторію... нужно, все обдумать... Это ужъ такъ водится... Буду обдумывать... Что же?.. Нѣтъ, какъ хорошъ воздухъ... надо иногда ходить въ Пратеръ ночью... Да, если бы это пришло мнѣ въ голову раньше, а теперь — конецъ и Пратеру, и воздуху, и прогулкамъ... Да, такъ какъ же это? А, долой кепи: мнѣ кажется, оно давитъ мозгъ..., я совсѣмъ не могу думать послѣдовательно... А... вотъ такъ!.. А теперь соберись съ мыслями, Густъ, и сдѣлай послѣднія распоряженія! Итакъ, завтра утромъ, будетъ конецъ... завтра утромъ, въ семь часовъ... Семь часовъ прекрасный часъ. А! Значитъ въ восемь часовъ, когда откроются школы, все будетъ кончено... Но Копецкій будетъ не въ состояніи вести классъ, онъ будетъ слишкомъ потрясенъ... А можетъ быть онъ еще ничего не будетъ знать... вѣдь ничего не будетъ слышно... Макса Лаппа тоже нашли только послѣ обѣда, а онъ застрѣлился рано утромъ и никто ничего не слыжалъ...

Ну что мнѣ за дѣло, будетъ Копецкій давать уроки, или нѣтъ?.. Ха, ха?—Значитъ въ семь часовъ!—Да, ну что же еще?.. Больше нечего и обдумывать. Я застрѣлюсь у себя въ комнатѣ и баста! Въ понедѣльникъ тѣло... Кто будетъ радъ, такъ это докторъ... Дуэль не можетъ состояться, вслѣдствіе самоубійства одного изъ противниковъ... Что скажутъ у Маннгеймеровъ? — Ну, онъ не обратитъ особеннаго вниманія... но жена, красивая, бѣлокурая... съ нею могло бы быть... О да, мнѣ кажется, съ нею мнѣ бы удалось, если бы я только немножко постарался... да, это было бы нѣчто иное, чѣмъ Стеффи, съ этой женщиной... Но много возни, ухаживать, посылать цвѣты, умно говорить... Это—не то, что сказать: приходи завтра послѣ обѣда ко мнѣ въ казарму!.. Да, такая порядочная женщина... Это была бы штука... Жена моего капитана въ Пржемыслѣ была непорядочная женщина... я готовъ поклясться въ этомъ: и Либицкій, и Вермутекъ, и истасканный поручикъ, да, и онъ,—всѣ жили съ нею... Но госпожа Маннгеймеръ... да, это было бы совсѣмъ другое, это было бы цѣлое событіе, это почти можетъ сдѣлать изъ васъ совсѣмъ другого чело-вѣка, можно приобрести извѣстный лоскъ — можно получить уваженіе къ самому себѣ.

Однако вѣчно женщины... и я такъ рано началъ — вѣдь я былъ еще мальчикомъ тогда, когда получилъ первый отпускъ и былъ въ Грацѣ, дома, у родителей... тамъ была и Ридль—это была чешка... она навѣрное была вдвое старше меня—я пришелъ домой только рано утромъ... Какъ на меня посмотрѣлъ отецъ... и Клара... Клары мнѣ было тогда всего больше стыдно... Она была тогда помолвлена... почему же изъ этого ничего не вышло?.. Собственно говоря, я мало думалъ объ этомъ... Бѣдняжка, ей никогда не везло—а теперь она теряетъ единственнаго брата... Да, ты, Клара, меня никогда больше не увидишь, конечно! Что, сестричка, ты не думала этого, когда провожала меня въ

день новаго года на желѣзную дорогу, ты не думала, что никогда больше не увидишь меня?—А мама!.. Господи, мама!.. нѣтъ я не долженъ объ этомъ думать... когда я думаю объ этомъ, то способенъ совершить подлость... Ахъ... что если прежде поѣхать домой... (на одинъ день)... сказать, что получилъ отпускъ на одинъ день... еще разъ увидать папѣ, мамѣ и Клару, прежде чѣмъ я покончу... Да, я могу уѣхать въ Грацъ съ первымъ поѣздомъ въ семь часовъ, и въ часъ—я тамъ... Здравствуй, мамѣ... Здорово, Клара! Ну, какъ поживаете?.. Нѣтъ, вотъ удивятся-то!.. Но они замѣтили бы что-нибудь, если не всѣ, то Клара... Клара навѣрное бы замѣтила... Клара такая умная дѣвушка... Какъ мило она мнѣ написала намедни, а я все еще не отвѣтилъ ей. И какіе хорошіе совѣты она мнѣ даетъ всегда... такое добросердечное созданіе... Можетъ быть, все было бы иначе, если бы я остался дома? Я изучилъ бы сельское хозяйство, поѣхалъ бы къ дядѣ... они всѣ хотѣли этого, когда я былъ еще мальчикомъ... Теперь я, конечно, былъ бы женатъ, на милой, доброй дѣвушкѣ... можетъ быть на Аннѣ, которая меня такъ любила... я даже теперь еще замѣтилъ это, когда былъ дома въ послѣдній разъ, хотя у нея уже есть мужъ и двое дѣтей... Я видѣлъ, какъ она на меня смотрѣла... И она все еще называетъ меня «Густль», какъ прежде.

Вотъ она будетъ порядочно потрясена, когда узнаетъ, какъ я кончилъ, но мужъ ея скажетъ: я это предвидѣлъ: такая дрянь! Всѣ подумаютъ, что это оттого, что у меня были долги... а это—совсѣмъ неправда, все уже уплачено... кромѣ послѣднихъ ста шестидесяти гульденовъ,—ну, да и они получатся завтра...

Да, я долженъ еще позаботиться о томъ, чтобы Баллертъ получилъ свои сто шестидесять гульденовъ... я долженъ написать объ этомъ передъ тѣмъ, какъ застрѣлюсь... Это ужасно, это ужасно!.. Лучше я совсѣмъ уйду отсюда—въ Америку, гдѣ меня никто не знаетъ... Въ Америкѣ ни одинъ человѣкъ не знаетъ о томъ, что случилось сегодня вечеромъ... ни одинъ человѣкъ не думаетъ объ этомъ... Надняхъ въ газетахъ было написано объ одномъ графѣ — Рунге, который долженъ былъ уѣхать изъ-за одной грязной исторіи, а теперь у него тамъ отель и онъ плюетъ на всю эту сволочь... А черезъ два три года можно бы опять назадъ... конечно, не въ Вѣну... и не въ Грацъ... но я могъ бы поѣхать въ имѣніе... а для мамѣ и для папѣ и для Клары, конечно, было бы въ тысячу разъ лучше, лишь бы только я остался живъ... А что же мнѣ за дѣло до другихъ людей? Да кто же интересуется? Кромѣ Копецкаго, всѣмъ будетъ все равно, если я провалюсь... Копецкій—единственный... И какъ разъ онъ далъ мнѣ сегодня билетъ... а изъ-за билета-то все и вышло... безъ билета я не пошелъ бы въ концертъ, и всего этого не случилось бы... Да что же случилось?.. Мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ прошло сто лѣтъ, а на самомъ дѣлѣ не прошло и двухъ часовъ... Два часа тому назадъ

одинъ человекъ назвалъ меня «глупымъ мальчишкой» и хотѣлъ сломать мою саблю... Господи, да что же это я начинаю кричать, ночью, на улицѣ! Почему же все это случилось? Развѣ я не могъ подождать, пока у вѣшалокъ освободится мѣсто? И затѣмъ это я еще сказалъ: «придержите глотку!» И какъ это у меня вырвалось? Вѣдь въ общемъ я — человекъ вѣжливый... я не бываю такъ грубъ даже со своимъ денщикомъ... но, конечно, я былъ нервно настроенъ — все сошлось одно къ одному... проигрышь, и вѣчные отказы Стеффи — и дуэль завтра послѣ обѣда — и потомъ я слишкомъ мало сплю въ послѣднее время — и возня въ казармахъ — въ концѣ концовъ этого не выдержишь!.. Да, рано или поздно, я бы заболѣлъ и долженъ былъ бы ваять отпускъ... Теперь это больше не нужно — наступаетъ долгій отпускъ — ха, ха, ха!..

Долго ли еще я буду здѣсь сидѣть? Должно быть ужъ, за полночь... развѣ я не слышалъ, какъ пробила полночь? Что это такое? Тамъ ѣдетъ карета?

Въ такое позднее время?.. Имъ лучше, чѣмъ мнѣ, можетъ быть это — Баллертъ съ Бертой... Почему это долженъ быть именно Баллертъ? — Проѣзжай! — Хорошенькая штучка была у его высочества въ Пржемыслѣ... съ нею онъ всегда прѣзжалъ въ городъ къ Розенбергу... Его высочество былъ очень снисходителенъ — настоящій товарищъ, со всѣми на ты... Это было хорошее время, хотя мѣстность была самая безотрадная и лѣтомъ можно было истомиться отъ жары. Разъ трое въ одинъ день умерли отъ солнечнаго удара... между прочимъ и капралъ моего взвода, такой ловкій человекъ... Послѣ обѣда мы голые ложились на кровати; разъ ко мнѣ вдругъ вошелъ Визнеръ; я, должно быть, какъ разъ видѣлъ сонъ, встаю, и надѣваю саблю, которая лежала возлѣ меня... хорошъ, должно быть, былъ видъ... Визнеръ хохоталъ до полусмерти — теперь онъ ужъ ротмистръ... — Жаль, что я не поступилъ въ кавалерію... но этого не захотѣлъ старикъ — это была бы слишкомъ дорогая штука — ну а теперь вѣдь все равно... Почему же? Да, я знаю: я долженъ умереть, потому и все равно — я долженъ умереть... Такъ какъ же? — Смотри, Густь, ты дошелъ до самаго конца Пратера, среди ночи, здѣсь тебѣ не пошѣшаетъ ни одна живая душа... и теперь ты можешь обдумать все спокойно... И Америка, и выходъ въ отставку, это просто сумасшествіе; а ты вѣдь слишкомъ глупъ, чтобы взяться за что-нибудь новое — и когда тебѣ даже будетъ сто лѣтъ, и ты подумаешь о томъ, что кто-то хотѣлъ сломать твою саблю и назвалъ тебя глупымъ мальчишкой, а ты сталъ передъ нимъ и ничего не могъ сдѣлать... нѣтъ, раздумывать не о чемъ — что случилось, — случилось — и на счетъ мамы и Клары — это тоже вздоръ — онѣ перенесутъ это — все переносится... Какъ горевала мамá, когда умеръ ея братъ, а черезъ четыре недѣли она врядъ ли думала объ этомъ... она ѣздила на клад-

бище... сначала каждую недѣлю, потомъ каждый мѣсяцъ... а теперь—вздѣтъ только въ годовщину. — Моя годовщина — завтра, пятого апрѣля.—Перевезутъ ли они меня въ Грацъ? Ха, ха, ха! Вотъ пора-дуются-то черви въ Грацѣ! Но это до меня не касается, пусть дру-гіе ломаютъ себѣ голову на этотъ счетъ... Да что же собственно касается меня?.. Да, сто шестьдесятъ гульденовъ Баллерту—и это—все—больше мнѣ не нужно никакихъ распоряженій.—Написать письма? Зачѣмъ? Кому?.. Проститься?—Къ чорту, когда человѣкъ стрѣляется, то это достаточно выразительно! — Тогда ужъ всѣ замѣчаютъ, что онъ престился...

Если бы люди знали, какъ безразлична мнѣ вся эта исторія—они вовсе не пожагбли бы меня—и вообще жагбтъ нечего... Да и что было во всей моей жизни? Одно только я хотѣлъ бы пережить: войну—но, можетъ быть, мнѣ пришлось бы долго ждать... А все остальное я знаю... Зовутъ ли женщину Стеффи, или Кунигундой, это все равно.—Самыя лучшія оперетки я тоже знаю—на «Лознгринѣ» былъ двѣнад-цать разъ—а сегодня вечеромъ я былъ даже на ораторіи—и булоч-никъ назвалъ меня глупымъ мальчишкой — ей-Богу, этого какъ разъ довольно! Я совсѣмъ не интересуюсь знать, что могло бы быть дальше...—Значить, пойдѣмъ домой, медленно, совсѣмъ тихо... Въ са-момъ дѣлѣ, я совсѣмъ не спѣшу. — Отдохну еще минуты двѣ-три, здѣсь, въ Пратерѣ, — бездомный. — Въ постель я совсѣмъ не буду ло-житься—у меня вѣдь будетъ время выспаться.—Ахъ, воздухъ!—Вотъ чего я лишусь...

Что это? — «Эй, Иоганъ, принесите мнѣ стаканъ холодной воды»... Что это?.. Гдѣ... Да сплю я, что-ли?.. Мой черепъ... о, чортъ побери.. Не могу открыть глазъ!—Да я одѣтъ!—Гдѣ же я сижу?—Господи, да я уснулъ! И какъ это я еще могъ спать, уже разсвѣтаетъ!—Сколько же времени я спалъ?—Нужно посмотрѣть на часы... Я ничего не вижу... Да гдѣ же мои спички?.. Ну, наконецъ, одна загорѣлась?.. Три... а въ четыре я долженъ драться на дуэли—нѣтъ, не драться на дуэли—я долженъ застрѣлиться!—Дуэль, это—вздоръ; я долженъ застрѣлиться, потому что булочникъ назвалъ меня глупымъ мальчиш-кой... Да развѣ это въ самомъ дѣлѣ было? У меня такъ странно въ головѣ... шея у меня точно привинчена, я не могу шевельнуться... правая нога одеревенѣла.—Вставай, вставай!—А, такъ лучше!—Уже свѣтаетъ... А воздухъ, совсѣмъ такой, какъ тогда, рано утромъ, когда я стоялъ въ лѣсу на аванпостахъ... Тогда было другое про-бужденіе... и не такой день мнѣ предстоялъ... Мнѣ кажется, я еще не вполне вѣрю этому.—Вопъ улица, сѣрая, пустая—конечно, я те-перь—единственный человѣкъ на Пратерѣ.—Я ужъ разъ былъ здѣсь въ четыре часа утра, съ Паузингеромъ—мы ѣхали верхомъ—я, на лошади капитана Мировика, а Паузингеръ—на своей собственной—это было въ маѣ прошлаго года—тогда все уже цвѣло—все было зе-

лено. — Теперь все еще голо, но весна придет скоро, через два-три дня она настанет. — Ландыши, фиалки — жаль, мнѣ ничѣмъ этимъ ужъ не пользоваться—каждый нищій можетъ сколько-нибудь пользоваться этимъ, а я долженъ умереть! Вотъ такъ несчастье! А другіе будутъ сидѣть за ужиномъ въ виноградникѣ, какъ будто ничего не случилось также, какъ всѣ мы сидѣли въ виноградникѣ въ первый же вечеръ послѣ того дня, какъ былъ похороненъ Липпай... А Липпай такъ любилъ... его больше любилъ въ полку, чѣмъ меня—такъ отчего же имъ не сидѣть въ виноградникѣ, когда я умру?—Совсѣмъ тепло—гораздо теплѣе, чѣмъ вчера—и такое благоуханіе—должно^ю быть, что-нибудь уже цвѣтеть... Принесетъ ли мнѣ Стеффи цвѣтотъ?—Ей совсѣмъ и въ голову не придетъ! Она какъ разъ должна будетъ куда-нибудь ѣхать... Да, если бы это была Адель... А, Адель! — Мнѣ кажется, за послѣдніе два года я совсѣмъ не вспоминалъ о ней. Что за исторія она устраивала, когда все кончилось... я въ жизни не видалъ, чтобы женщина такъ плакала... Собственно говоря, это было самое лучшее, что я пережилъ... Она была такая скромная, такая нетребовательная—эта любила меня, я могъ бы поклясться въ этомъ.—Это было совсѣмъ другое, чѣмъ Стеффи... Хотѣлъ бы я знать, почему я ее бросилъ... такая глупость! Это сдѣлалось слишкомъ прѣсно, да—вотъ и все... Каждый вечеръ гулять все съ одной и той же... Потому я боялся, что я вообще никогда не освобожусь отъ нея.—Ну, Густль, ты могъ подождать—вѣдь это была единственная женщина, которая любила тебя... Ну, что можетъ съ ней быть?—Конечно, теперь у нея другой... Правда, со Стеффи удобнѣе, вы связаны только случайно, все неприятное достается на долю другого, а я получаю только удовольствіе... Да, конечно, нельзя и требовать, чтобы она пришла на кладбище... Да и вообще, кто пошелъ бы, если бы не былъ обязанъ пойти?—Можетъ быть, Коцецкій—и только!—Грустно все-таки не имѣть никого близкаго, какъ я...

Что за бессмыслица. А папа, а мама, а Клара... Да, конечно, я имъ сынъ и братъ... Но что же связываетъ насъ кромѣ этого?—они любить меня,—да—но что они знаютъ обо мнѣ?—Что я служу, что я играю въ карты и кучу съ женщинами... а кромѣ этого?—Что часто мнѣ бываетъ страшно самого себя, этого я имъ не писалъ, да, мнѣ кажется, я и самъ совершенно не зналъ этого настоящимъ образомъ. Вотъ о чемъ, ты теперь думаешь Густль? Не хватаетъ только, чтобы ты началъ плакать... тьфу, дьяволъ!—Иди какъ слѣдуетъ... такъ! Какъ будто идешь на свиданіе или на службу, или на битву... кто же это сказалъ?.. А, да, майоръ Ледереръ, когда рассказывали о Вингледерѣ, который такъ поблѣднѣлъ передъ своей первой дуэлью... Да, у настоящего офицера нельзя узнать по лицу, идетъ ли онъ на свиданіе, или на вѣрную смерть!—Такъ вотъ, Густль! Майоръ Ледереръ это сказалъ! Ха, ха!—Все свѣтлѣетъ... можно уже читать... Что это сви-

стать?.. А, по ту сторону вокзалъ Сѣверной желѣзной дороги... По ту сторону стоятъ вагоны... Но на улицахъ никого, кромѣ чистильщи-ковъ нечистотъ, послѣдніе чистильщики, которыхъ я вижу—ха, ха! Я не могу не смѣяться, когда я объ этомъ думаю... этого я совсѣмъ не понимаю... Можетъ быть, такъ бываетъ со всѣми, разъ они знаютъ навѣрное... На часахъ Сѣвернаго вокзала половина четвертаго... теперь вопросъ: застрѣлюсь ли я въ семь часовъ по вокзальному, или по вѣн-скому времени?.. Семь... да почему именно въ семь?.. какъ будто иначе и быть не можетъ... Я голоденъ—ей-Богу я голоденъ—ничего нѣтъ удивительнаго... съ которыхъ поръ я не ѣлъ?.. Съ—со вчерашняго вечера, съ шести часовъ—въ кофейнѣ... да!.. Когда Конецкій далъ мнѣ билетъ, я выпилъ кофе и съѣлъ два хлѣбца.—Что скажетъ бу-лочникъ, когда онъ это узнаетъ?.. Проклятая собака!—А, онъ будетъ знать причину, онъ пойметъ, что значить—офицеры!—Такой человѣкъ способенъ дать себя высѣчь среди улицы и это не будетъ имѣть ни-какихъ послѣдствій, а такіе, какъ мы—умираемъ, если насъ оскорбятъ съ глазу на глазъ... Если бы, по крайней мѣрѣ, такой человѣкъ могъ драться,—тогда онъ былъ бы осторожнѣе, и не рисковалъ бы дѣлать подобныя вещи... И этотъ человѣкъ продолжаетъ жмть, спокойно про-должаетъ жить, когда я — долженъ окопѣть! — Вѣдь это онъ убилъ меня... Да, Густль, понимаешь ли ты? Это онъ убиваетъ тебя! Но это не должно сойти ему съ рукъ такъ легко! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я напишу Конецкому письмо, въ которомъ все будетъ описано, я напишу ему всю эту исторію... или, еще лучше: я напишу это полковнику, я сдѣлаю рапортъ полковому начальству... точно такой же, какъ слу-жебные рапорты... Подожди же, ты думаешь, что такія вещи могутъ оставаться вт. днѣ?—Ты ошибаешься—это будетъ записано на вѣчныя времена и хотѣлъ бы я посмотрѣть, будешь ли ты послѣ этого еще сидѣть въ кафе?—Ха, ха!—это «хотѣлъ бы я посмотрѣть»—прелестно! Я охотно посмотрѣлъ бы еще многое, но, къ сожалѣнію, это будетъ невозможно—конецъ!

Теперь Юганъ входитъ въ мою комнату и замѣчаетъ, что господи-нинъ поручикъ не ночевалъ дома.—Онъ будетъ предполагать всевоз-можныя вещи, но что господинъ поручикъ ночевалъ въ Пратерѣ, этого, ей-Богу, онъ не подумаетъ... А, сорокъ четвертый полкъ! Они идутъ стрѣлять въ цѣль—пропустимъ ихъ... такъ, станемъ сюда...—Наверху открывается окно.—Красивая женщина—ну, я бы на ея мѣстѣ надѣвалъ, по крайней мѣрѣ, хоть платочекъ, когда подхожу къ окну... Въ прошлое воскресенье это было въ послѣдній разъ... Мнѣ и во снѣ не снилось, что именно Стеффи будетъ послѣднею.—Господи, вѣдь это же единственное настоящее удовольствіе... Черезъ два часа и полковникъ поѣдетъ вслѣдъ за ними... Этимъ господамъ хорошо—да, да я смотрю вправо!—Да, хорошо... Если бы вы знали, какъ я на васъ плюю!—А, недурно: Кацерьъ... съ которыхъ же это поръ онъ переведенъ въ сорокъ четвертый?

Что за лицо онъ сдѣлалъ?.. Почему же онъ показываетъ на свою голову?—Милый мой, твой черепъ очень мало меня интересуешь... А, это! Нѣтъ, мой милый, ты ошибаешься: я почевалъ въ Прагеръ... да ты прочтешь въ вечерней газетѣ.—«Невозможно», скажетъ онъ, еще сегодня утромъ, когда мы шли стрѣлять, я встрѣтилъ его въ Прагеръ! Кто-то получитъ мой заводъ?.. Можетъ быть его дадутъ Вальтереру?—Вотъ-то будетъ хорошо—человѣкъ безъ эвергіа, которому лучше бы быть сапожникомъ... Какъ, солнце уже восходитъ?—Сегодня будетъ прелестный день, настоящій, день... А въ сущности къ торгу его! Въ восемь часовъ утра этотъ кучеръ будетъ еще на свѣтѣ, а я... ну, что же это такое? Однако это было бы недурно потерять самообладаніе въ послѣднюю минуту изъ-за какого-то кучера... Почему это у меня сразу такъ негѣпо забилось сердце?—Вѣдь это же не оттого?.. Нѣтъ, о нѣтъ... Это оттого, что я такъ долго ничего не ѣлъ.—Но, Густль, будь же искрененъ съ самимъ собой:—боишься ты, боишься, потому что ты никогда еще этого не пробовалъ... Но это тебѣ не поможетъ, страхъ еще никому ни въ чемъ не помогъ; каждый долженъ это продѣлать въ свою очередь, одинъ раньше, другой поздиѣ, и тебѣ приходится сдѣлать это раньше... Дорогого ты никогда не стоилъ, такъ веди себя, но крайней мѣрѣ, прилично на послѣдокъ, этого я отъ тебя требую!—Ну, теперь нужно только обдумать—но что же?.. Я все время хочу что-то обдумать.. вѣдь это же совсѣмъ просто: онъ лежитъ въ ящикѣ, и заряженъ, нужно только нажать—это не трудно!

Вотъ эта уже идетъ на работу... бѣдная дѣвушка!—Адель тоже служила въ одномъ заведеніи, раза два я заходилъ за ней вечеромъ... Когда онѣ служатъ гдѣ-нибудь, онѣ не дѣлаются такими женщинами... Если бы Стеффи могла принадлежать мнѣ одному, я бы заставилъ ее сдѣлаться модисткой, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ... Какъ она узнаетъ объ этомъ?—Изъ газетъ?.. Она будетъ сердиться, что я ей ничего не написалъ... Кажется я опять рехнулся... Что мнѣ за дѣло до того, что она будетъ сердиться... Да, сколько времени тянулась вся эта исторія?.. Съ января мѣсяца?.. Ахъ, нѣтъ, это, должно быть, было еще передъ Рождествомъ... Я вѣдь привезъ ей изъ Граца конфетъ, а къ новому году она прислала мнѣ письмо... Кстати, нѣтъ ли между письмами, которыя у меня дома, такихъ, которыя я долженъ сжечь?.. Гм... письмо Фальштейнера; если его найдутъ, то ему могутъ быть непріятности... Да какое мнѣ дѣло!—Конечно, это небольшой трудъ... да я не могу разыскивать этотъ лоскутокъ бумаги... Самое лучшее все вмѣстѣ... да и кому оно нужно?.. Все это просто оберточная бумага. А мои нѣсколько книгъ я могъ бы завѣщать Блавѣ.—«Сквозь мракъ и холодъ»... жаль, что я никогда не могъ прочитать этого... въ послѣднее время я совсѣмъ мало читалъ... Органъ—а, изъ церкви... раинная обѣдня—я ужъ давно не былъ ни у одной обѣдни... въ по-

слѣдній разъ я былъ Феберѣ, когда туда отправили мой взводъ... Но нечего считать:—я смотрѣлъ за своими людьми, чтобы они прилично себя вели... Я могъ бы войти въ церковь... въ концѣ концовъ, вѣдь тамъ, внутри, что-то есть... Ну, сегодня послѣ обѣда я буду это знать въ точности... А, «послѣ обѣда», очень хорошо!.. Такъ какъ же?—Я думаю мамѣ это было бы утѣшеніемъ, если бы она знала!.. Клара придастъ этому меньше значенія... Ну, войдемъ,—повредить это ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

Органъ—гѣвнѣ—ги!—что это такое?—У меня совсѣмъ закружилась голова!.. О Боже, о Боже! Я хотѣлъ бы чтобы возлѣ меня былъ чело-вѣкъ, съ которымъ я могъ бы сказать нѣсколько словъ передъ этимъ.

Было бы недурно пойти исповѣдываться! Какъ бы вытаращилъ глаза священникъ, когда я сказалъ бы ему въ заключеніе: честь имѣю кланяться, ваше преподобіе; теперь я иду убить себя!..—Охотнѣе всего я легъ бы здѣсь на мостовую и началъ бы реветъ... Ахъ, нѣтъ этого нельзя дѣлать! Но плакать иногда такъ отрадно... Присядемъ на минутку, но только не спать, какъ въ Пратерѣ!.. Людямъ религіознымъ лучше въ такихъ случаяхъ... Ну вотъ, теперь у меня даже руки начинаютъ дрожать!.. Если такъ пойдетъ дальше, то я сдѣлаюсь самъ себѣ такъ отвратителенъ, что убью себя просто отъ стыда!—Вотъ та старуха, о чемъ ей еще молить?.. Это—идея, сказать ей: помяните и меня въ своихъ молитвахъ... я не знаю навѣрное, какъ это дѣлается... Ха, ха, мнѣ кажется, что приближеніе смерти отупляетъ!—Пойду!—Что мнѣ напоминаетъ эта мелодія?—Господи! Вчера вечеромъ!—Прочь, прочь отсюда! Этого я не выдержу!.. Шшш... не поднимать такого шума и не стучать саблей—не нужно смущать благоговѣніе этихъ людей—такъ!—На свѣжемъ воздухѣ лучше... Свѣтло... Ахъ, минута все приближается... лучше бы она прошла!—Я долженъ былъ сдѣлать это тотчасъ же,—въ Пратерѣ... Никогда не нужно выходить безъ револьвера... Если бы вчера вечеромъ у меня былъ револьверъ... Господи, опять!—Я могу пойти въ кафе позавтракать...

Я голодаю... Раньше мнѣ всегда казалось страннымъ, что люди, которые приговорены къ смерти, въ то самое утро еще пьютъ кофе и курятъ сигару... Чортъ возьми, я совсѣмъ не курилъ! И совсѣмъ не хочется курить!—Это смѣшно: мнѣ почти хочется зайти въ свое кафе... Да, оно уже открыто, а изъ нашихъ тамъ, конечно, еще никого нѣтъ. А если уже... Ну что-жъ; это будетъ служить доказательствомъ моего хладнокровія. «Въ шесть часовъ онъ еще завтракалъ въ кафе, а въ семь—застрѣлился»... Я опять совершенно спокоенъ... Ходьба такъ пріятна—и самое пріятное то, что меня никто не принуждаетъ.—Если бы я захотѣлъ, то могъ бы еще бросить весь этотъ хламъ... Америка... Что это такое: «хламъ»? Что такое хламъ? Мнѣ кажется, у меня солнечный ударъ!.. О, о! Я, можетъ быть, оттого такъ спокоенъ, что все еще воображаю, будто я не долженъ?.. Я долженъ! Нѣтъ, я хочу!—Да

можешь ли ты себѣ представить, Густль, что ты снялъ мундиръ и разгуливаешь на свободѣ? А проклятая собака помираетъ со смѣху, и даже самъ Копецкій охотно не подавалъ бы тебѣ руки... Миѣ кажется, я уже сейчасъ весь покрасиѣлъ. — Часовой отдаетъ миѣ честь... я долженъ отвѣтить... «Здорово».

Я даже сказалъ «здорово».

Такому бѣдняку это всегда доставляетъ удовольствіе... Ну, на меня никому не приходилось жаловаться—виѣ службы я всегда былъ ласковъ. Когда мы были на маневрахъ, я угощалъ людей изъ роты Британника; разъ я слышалъ, какъ одинъ солдатъ сзади меня говорилъ что-то о «проклятой живодернѣ», и я не послалъ его съ рапортомъ,— я только сказалъ ему: «смотрите, это могъ бы услышать кто-нибудь другой—и вамъ было бы худо!» Вотъ Бургхофъ... Кто-то тамъ сегодня на дежурствѣ? Босняки—они выглядятъ совсѣмъ хорошо—подполковникъ сказалъ намереніи: когда въ 78 году мы были у нихъ, то никто бы не подумалъ, что они будутъ такъ отражать насъ! Господи, вотъ при чемъ я очень бы хотѣлъ быть! Вотъ они всѣ встанутъ со скамейки.

«Здорово, здорово!» Это почти противно, что никто изъ насъ не можетъ попасть на войну. Было бы гораздо лучше пасть на полѣ чести, за отечество, чѣмъ такъ... Да, господинъ докторъ, собственно говоря вы отлично отдѣлялись!.. Развѣ никто не можетъ взять на себя это дѣло вмѣсто меня?—Ей-Богу, я долженъ былъ бы оставить записку, чтобы Копецкій или Виметаль дрались съ нимъ вмѣсто меня... Онъ не долженъ такъ дешево отдѣлаться! — А, да что тутъ! Развѣ не все равно, что будетъ потомъ? Я вѣдь этого никогда не узнаю! Деревья распускаются... Разъ я заговорилъ въ публичномъ саду съ одной—на ней было красное платье—она жила въ улицѣ Штроуниа—потомъ ее перехватилъ Рохтмизъ... Миѣ кажется онъ все еще съ нею, но больше не говоритъ объ этомъ—можетъ быть, онъ стыдится... Стеффи теперь еще спитъ... Она такъ мила, когда спитъ... какъ ребенокъ, который еще не умѣетъ считать до пяти!—Впрочемъ, когда онъ спитъ, то всѣ онѣ такъ выглядятъ!—Я долженъ бы все-таки написать ей нѣсколько словъ... почему не написать? Вѣдь это всѣ дѣлаютъ, всѣ пишутъ письма передъ тѣмъ, какъ застрѣлиться.—И Кларъ я долженъ бы написать, чтобы она утѣшала папá и мамá — и вообще то, что обыкновенно пишется! И Копецкому тоже... Ей-Богу, миѣ представляется, что будетъ гораздо легче, если проститься съ двумя-тремя людьми... И извѣщеніе полковому начальству — и сто шестьдесятъ гульдѣновъ Баллерту... Собственно говоря, еще много надо сдѣлать... Ну, вѣдь меня никто не заставляетъ сдѣлать это непременно въ семь часовъ... И съ восьми часовъ у меня будетъ время для небытія.. Небытія, да—это такъ называется—и съ этимъ ничего не подѣлаешь...

Рингштрассе—теперь я скоро буду въ своемъ кафе... Миѣ кажется,

я радъ завтраку... Это невѣроятно, — потомъ письмо Кларѣ, потомъ—Копецкому—потомъ—Стеффи... Что мнѣ написать бѣдняжкѣ?.. «Милое дитя, ты, конечно, не думала»... Ахъ, какой вздоръ!—«Милое дитя мое, я очень тебѣ благодаренъ»... «Милое дитя, прежде чѣмъ уйти отсюда, я не хочу обойти молчаніемъ»... Ну, въ писаніи писемъ я всегда былъ слабъ... «Милое дитя, послѣднее прости отъ твоего Густля»... Какими глазами взглянетъ она на письмо! Еще счастье, что я не былъ въ нее влюбленъ... Это, должно быть, очень грустно, когда любишь женщину и вдругъ такъ... Ну, Густль, признайся; вѣдь и такъ довольно грустно. Послѣ Стеффи было бы много другихъ и, наконецъ,—молодая дѣвушка изъ хорошей семьи, которая могла бы внести обезпеченіе—и хорошенькая...—Кларѣ я непременно долженъ написать, нельзя иначе... «Ты должна простить меня, дорогая сестра, и прошу тебя, утѣшай милыхъ родителей. Я знаю, что доставлялъ всѣмъ вамъ много заботъ и причиняю большое горе, но повѣрь мнѣ, я всѣхъ васъ всегда очень любилъ, и надѣюсь, что ты еще будешь когда-нибудь счастлива, моя дорогая Клара, и не забудешь окончательно своего несчастнаго брата»... Ахъ, лучше я совсѣмъ не буду ей писать!.. Нѣтъ, мнѣ хочется плакать!.. У меня уже выступаютъ слезы, когда я объ этомъ думаю... Я напишу самое большее только одному Копецкому — напишу ему товарищеское прости, а онъ пусть передастъ его другимъ... — Развѣ уже шесть?—А, нѣтъ: половина—три четверти.—Что за милое личико!.. А та маленькая мордочка, съ черными глазками, которую я такъ часто встрѣчалъ въ улицѣ Флоріани! Что она скажетъ?—Да вѣдь она совсѣмъ не знаетъ, кто я такой — она только удивится, что больше не встрѣчаетъ меня... Третьяго дня я рѣшилъ, что въ слѣдующій разъ заговорю съ нею.—Она достаточно кокетничала для этого... но она была совсѣмъ молоденькая—совсѣмъ еще невинное созданіе!.. Да, Густль, не откладывай того до завтра, что можешь сдѣлать сегодня!.. Вонъ тотъ навѣрное тоже не спалъ всю ночь. — Ну а теперь онъ преспокойно пойдетъ домой и ляжетъ спать — и я тоже! — Ха, ха! Теперь Густль подходитъ серьезная минута, да!.. Ну, если бы не чувствовать нѣкотораго ужаса, то было бы совсѣмъ ничего—и вообще, самому себѣ я могу это сказать,—я держусь храбро... А, куда же мнѣ еще? Да, вотъ ужъ и моя кофейня... они еще только открываютъ ее... Ну, зайдемъ...

Вонъ тамъ, въ глубинѣ столъ, за которымъ они всегда играютъ въ тарокъ... Замѣчательно, я никакъ не могу себѣ представить, что человекъ, который всегда сидитъ, тамъ, въ глубинѣ, у стѣны—тотъ самый, который меня...—Еще нѣтъ ни души... Да гдѣ же кельнеръ? Эй! Вотъ онъ идетъ изъ кухни... дорогой онъ надѣваетъ фракъ... Въ сущности это совсѣмъ не нужно!.. А для него это нужно... вѣдь онъ долженъ сегодня служить и другимъ людямъ!

«Честь имѣю... господинъ поручикъ». «Доброе утро».

«Равенько сегодня, господинъ поручикъ».

«Ахъ, оставьте, я спѣшу, я могу не снимать шинели».

«Что угодно заказать, господинъ поручикъ?»

«Кофе съ молокомъ и съ пѣнкой».

«Сію минуту, господинъ поручикъ!»

А, вотъ газеты... уже сегодняшнія газеты... Есть ли уже въ нихъ чтонибудь насчетъ этого?.. Что это?—Кажется я хочу посмотрѣть напечатано ли въ нихъ о томъ, что я лишиль себя жизни! Ха, ха!— Да чего же я все стою?.. Сяду здѣсь, къ окну... А, онъ уже принесъ мнѣ кофе... Такъ, задерну занавѣску; мнѣ противно, когда сюда заглядываютъ люди... Впрочемъ, никто еще не проходитъ мимо... А вкусный кофе—завтракъ, это—не пустая иллюзія!.. А, дѣлаешься совсѣмъ другимъ человѣкомъ—вся глупость оттого, что я не ужиналъ... Чего это онъ опять стоитъ передъ мною?—А, онъ онъ принесъ мнѣ хлѣбцы...

«Господинъ поручикъ уже слышалъ?..»

«Что такое?»

Господи, развѣ онъ ужъ что-нибудь знаетъ? Вздоръ, вѣдь это невозможно!

«Съ господиномъ Габетсвальнеромъ»...

Что? Вѣдь такъ зовутъ булочника...

Что онъ мнѣ скажетъ?.. Былъ здѣсь, что ли? Можетъ быть, онъ былъ еще вчера вечеромъ и все рассказалъ?.. Что же онъ не говорить дальше... Да онъ говоритъ...

«Нынѣшнюю ночь, въ двѣнадцать часовъ случился ударъ».

«Что?..»

Я не долженъ такъ кричать... нѣтъ, я не долженъ показывать вида... но можетъ быть, я брежу... нужно еще разъ спросить...

«Съ кѣмъ случился ударъ?»...

Славно, славно!—я произнесъ это совершенно спокойно!

«Съ булочникомъ, господинъ поручикъ!.. Господинъ поручикъ навѣрное знаетъ его... ну того толстяка, который каждый день послѣ обѣда игралъ въ тарокъ, возлѣ господъ офицеровъ... съ господиномъ Шлезингеромъ и господиномъ Васнеромъ, изъ магазина искусственныхъ цвѣтовъ, что напротивъ».

Я не сплю,—все такъ согласуется съ дѣйствительностью, и все-таки я еще не могу повѣрить—я долженъ спросить еще разъ, но совершенно спокойно...

«Съ нимъ былъ ударъ?.. Какъ же это? Откуда же вы это знаете?»

«Да, господинъ поручикъ, кому же это знать, какъ не намъ—хлѣбцы, которые кушаетъ господинъ поручикъ—вѣдь изъ булочной господина Габетсвальнера. Намъ рассказалъ объ этомъ мальчикъ, который приноситъ намъ хлѣбъ рано утромъ, въ половинѣ пятого».

Господи, какъ бы не выдать себя... Мнѣ вѣдь хочется кричать... мнѣ хочется смѣяться!.. Но нужно еще кое-что спросить!—Ударъ—еще не значить: смерть... я долженъ спросить умеръ ли онъ... Но спросить совершенно спокойно, такъ какъ-какое мнѣ дѣло до булочника—я долженъ смотрѣть въ газету въ то время, какъ спрашиваю кельнера...

«Онъ умеръ?»

«Ну, конечно, господинъ поручикъ; онъ такъ и остался на мѣстѣ».

О, великолѣпно, великолѣпно!—Въ концѣ концовъ все это оттого, что я былъ въ церкви...

«Онъ былъ вечеромъ въ театрѣ; поднимаясь по лѣстницѣ, онъ упалъ. Хозяинъ услышалъ стукъ... ну, его внесли въ квартиру, и когда пришелъ докторъ, все уже давно было кончено».

«Это очень печально. Онъ былъ еще въ цвѣтущемъ возрастѣ».

Это я теперь славно сказалъ—никто бы не могъ ничего замѣтить.., я таки долженъ сдерживаться, чтобы не закричать, или не вспрыгнуть на биллиардъ...

«Да, господинъ поручикъ, очень печально; онъ былъ такой хороший господинъ, онъ приходилъ къ намъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, и былъ большимъ пріятелемъ нашему хозяину. А бѣдная жена»...

Я думаю, что во всю мою жизнь я не былъ такъ радъ... Онъ умеръ... онъ умеръ! Никто ничего не знаетъ и ничего не было!—И какое чертовское счастье, что я зашелъ въ кофейню... иначе бы я застрѣлился совсѣмъ напрасно — это — воля судьбы... Гдѣ же Рудольфъ? А, онъ разговариваетъ съ кѣмъ-то... Значить онъ умеръ, онъ умеръ—я еще никакъ не могу этому повѣрить! Какъ бы я хотѣлъ пойти туда и посмотрѣть.—Въ концѣ концовъ, ударъ случился съ нимъ отъ ярости, отъ сдерживаемаго гнѣва... Ахъ, да мнѣ совершенно все равно—отчего! Главное то, что онъ умеръ, и что я могу жить, и что все опять принадлежитъ мнѣ!.. Какъ смѣшно, что я все время крошу хлѣбецъ, который мнѣ испекъ господинъ Габетсвальнеръ! Славно!—Такъ, теперь я бы выкурилъ сигарку...

«Рудольфъ, Рудольфъ!»

«Что угодно, господинъ поручикъ!»

«Трабукко»...—Я такъ счастливъ, такъ счастливъ!.. Что я теперь буду дѣлать? Что мнѣ теперь дѣлать?.. Что-нибудь я долженъ сдѣлать, иначе со мной тоже будетъ ударъ отъ радости!.. Черезъ четверть часа я буду въ казармахъ, я заставлю Югана вытереть себя холодной водой!.. Въ половинѣ восьмого ученъе, въ половинѣ десятаго экзерсиція.—И я напишу Стеффи, что она должна освободиться на сегодняшній вечеръ, а относительно Граца!..

А послѣ обѣда, въ четыре часа... ну, погоди голубчикъ, погоди! Я какъ разъ отлично настроенъ... Тебя-то, я изрублю какъ котлету!

Роль насѣкомыхъ въ экономіи природы и въ жизни человѣка *).

Глава I.

Общее число видовъ всѣхъ животныхъ по Герштекеру опредѣляется въ 250.000, изъ которыхъ на долю насѣкомыхъ приходится не менѣе 200.000. Шарпъ же въ 1899 г. однихъ только насѣкомыхъ насчитывалъ 2.000.000 видовъ, а недавно одинъ американскій энтомологъ Рейли опредѣлилъ число видовъ ихъ въ 10.000.000.

Естественно, что при такомъ огромномъ количествѣ видовъ, при ихъ способности размножаться въ невѣроятномъ числѣ особей, насѣкомыя являются могучимъ дѣятелемъ, который, несомнѣнно, оказываетъ значительное вліяніе на все окружающее, имѣетъ огромное значеніе и въ экономіи природы, и въ жизни человѣка.

Въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій германскаго геологическаго общества д-ръ Кейльгакъ темой своего доклада сдѣлалъ почвообразовательную дѣятельность насѣкомыхъ. Докладъ этотъ въ значительной степени пополнилъ изслѣдованія Дарвина по вопросу о созиданіи почвеннаго слоя дождевыми червями. Степныя мѣстности на незначительной глубинѣ кишмя-кишатъ всякими насѣкомыми и ихъ личинками, которыя и выносятъ на поверхность земли безчисленныя кучки рыхлаго сухого песку. Послѣдствія ихъ дѣятельности особенно явственно выступаютъ тогда, когда верхніе слои почвы состоятъ изъ разнородныхъ элементовъ, наприм., мелкаго песку съ болѣе крупными гальками и валунами. Въ такомъ случаѣ происходитъ замѣтное измѣненіе почвы благодаря дѣятельности насѣкомыхъ. Они выносятъ на поверхность земли только мелкій песокъ, вслѣдствіе чего болѣе тяжелыя части почвы осѣдаютъ все глубже и глубже и верхній слой почвы постепенно распадается на два слоя. Такимъ образомъ мѣста, не доступныя раньше для плуга, благодаря работѣ насѣкомыхъ, превращаются въ годныя для воздѣлыванія растений.

*) См. нашъ Научный Обзоръ въ этомъ же номерѣ: «Роль насѣкомыхъ въ распространеніи заразы» женщ.-вр. *М. И. Покровской*.

Но многія изъ насѣкомыхъ, кромя того, изрѣзываютъ землю по всевозможнымъ направленіямъ своими ходами, какъ муравьи, медвѣдки, личинки нѣкоторыхъ другихъ насѣкомыхъ и такимъ образомъ даютъ свободный доступъ воздуху и водѣ, содержащей, какъ извѣстно, многія кислоты, наприм., угольную. Присутствіе послѣдней въ водѣ способствуетъ растворенію многихъ минеральныхъ веществъ. Взаимодѣйствіемъ такихъ мощныхъ дѣятелей, какъ вода, воздухъ, теплота и холодъ, обусловливается незамѣтное, но непрерывное измѣненіе свойствъ почвы и разрушеніе горныхъ породъ; такимъ образомъ подготовляются тѣ условія, которыя необходимы для заселенія даннаго мѣста растеніями.

Но насѣкомыя имѣютъ большое значеніе и въ роли истребителей различныхъ органическихъ веществъ.

Это—«великіе блюстители чистоты въ природѣ», какъ называли ихъ Кэрби и Спенсъ.

Подумайте только, какая масса испражненій извергается ежедневно животными! Какъ сильно заражали бы они воздухъ! А между тѣмъ, какъ только эти разлагающіяся вещества попали на землю, они дѣлаются полной собственностью различныхъ насѣкомыхъ. Одни прямо ѣдятъ ихъ, другія — кладутъ свои яички, изъ которыхъ очень скоро выходятъ невѣроятно прожорливыя личинки, быстро пожирающія все жидкое и мягкое, т.-е. то, что болѣе всего и скорѣе всего можетъ заражать воздухъ. Небольшой же твердый остатокъ быстро высыхаетъ и разносится вѣтромъ.

Но, впрочемъ, не всѣ насѣкомыя поступаютъ такъ. *Комры* (напримѣръ *Copris lunaris*), *Навозники* (*Geotrupes stercorarius*) и другіе изъ *Пластинчатосусыхъ*, дѣлаютъ подъ кучами помета норы, идущія часто внутрь на значительную глубину. Тутъ они кладутъ свои яички, обволакивая ихъ экскрементальной массой; послѣдняя, конечно, служитъ для питанія личинокъ. Такимъ образомъ, они увеличиваютъ плодородіе почвы, транспортируя прямо по корнямъ растеній удобрительныя вещества. Но и помимо того, чрезъ такіе каналы свободно проходятъ вода и воздухъ, что имѣетъ для растеній огромное значеніе.

Кромѣ *Жесткокрылыхъ*, въ фекальныхъ массахъ живутъ еще и *Двукрылыя* — *Диртега*, но только въ личиночномъ состояніи. Эти виды не набрасываются зря на фекальныя массы, а обнаруживаютъ извѣстную разборчивость. Одни предпочитаютъ лошадиный пометъ, другія — свиной, третьи, — наконецъ, коровій, четвертые же — исключительно птичій.

Также заражали бы воздухъ и трупы животныхъ, если бы уничтоженіе ихъ не брали на себя цѣлыя полчища насѣкомыхъ.

Раньше всѣхъ являются маленькіе жучки *Карпузики* они прокалываютъ кору трупа въ тысячахъ мѣстѣ; затѣмъ слетаются такъ называемыя «мясныя мухи». Изъ нихъ одна «живородящая

муха» кладетъ на трупъ не яйца, а прямо личинокъ, другія же покрываютъ его силою милліонами яичекъ, для которыхъ при теплой погодѣ достаточно день-два, чтобы превратится въ необыкновенно прожорливыхъ личинокъ. Какая масса ихъ тутъ является — можно судить изъ того факта, что одна живородящая муха рождаетъ до 20.000 личинокъ. Какую же массу пищи имъ нужно?

Личинки другихъ мясныхъ мухъ, по показанію извѣстнаго *Редь*, въ самое короткое время поглощаютъ столько пищи и растутъ такъ быстро, что ростъ ихъ чрезъ 24 часа дѣлается въ 200 разъ больше первоначальнаго. Дней же чрезъ 5 онѣ достигаютъ полнаго развитія. Сколько же онѣ за это время съѣдаютъ?

И въ значительной степени правъ [былъ знаменитый *Линней*, который говорилъ, что три мясныя мухи (конечно, ихъ потомство) способны пожрать мертвую лошадь такъ же быстро, какъ и левъ.

На помощь этимъ мухамъ являются *Могильщики (Necrophori)*, *Мертвоводы—Silphae*, *Кожееды (Dermestes)*, *Cholevae* и *Staphilinidae*—Короткокрылыя. Къ нимъ подоспѣваютъ *осы, шмели и муравьи*, такъ что весь мускульный покровъ павшаго животнаго очищается на-черно, такъ сказать, а на-чисто его отдѣлываютъ маленькіе жучки, такъ называемые «*Костоводы*»; даже рога животныхъ уничтожаются особымъ родомъ насѣкомыхъ. Такимъ образомъ, отъ трупа даже большаго животнаго остается только одинъ скелетъ.

Что касается мелкихъ животныхъ, то ихъ трупы *могильщики погребальныя* прямо зарываютъ въ землю, откладывая на нихъ свои яички. Вышедшіе изъ послѣднихъ личинки имѣютъ здѣсь и обильную пищу и находятся въ полной безопасности. Бывшій смотритель Берлинскаго Ботаническаго сада, извѣстный своими работами и по ботаникѣ, и по сельскому хозяйству, *Гледичъ*, часто и долго наблюдалъ за дѣятельностью могильщиковъ. Четыре жука, по его словамъ, въ теченіе 5 дней убрали пару кротовъ, четырехъ лягушекъ, трехъ маленькихъ птичекъ, двухъ кузнечиковъ, внутренности рыбы и два куска собачьей печени. Такая египетская работа предпринимается ради потомства: самка затѣмъ загѣзаетъ въ землю и, оставаясь тутъ 5—6 дней, откладываетъ свои яички. Личинки, вышедшія изъ яичекъ, прекрасно тутъ себя чувствуютъ: пищи въволю и полная безопасность. Нѣчто подобное продѣлываютъ насѣкомыя и относительно растеній. Гнилыя деревья кишатъ личинками одного рода комариковъ съ гребчататыми усиками—*Stenophora* и нѣкоторыми другими насѣкомыми. Имъ тутъ и даровая обильная пища, и даровое же помѣщеніе.

Особенно важно значеніе такихъ истребителей растительныхъ веществъ въ гѣсахъ гдѣ, конечно, масса деревьевъ гибнетъ отъ разныхъ причинъ. Безъ участія насѣкомыхъ такія деревья стояли бы безконечно долго. Но насѣкомыя не дремлютъ. Одни изъ нихъ, нападая на кору, прогрызаютъ ее въ тысячахъ мѣстъ, другія предметомъ своего

нападенія выбираютъ стволѣ. Избуравливая его по всевозможными направленіямъ своими ходами, они способствуютъ проникновенію туда сырости и воздуха. А разъ къ нимъ присоединится такой мощный дѣятель, какъ теплота, то разрушеніе дерева идетъ очень быстро.

Такую же роль санитаровъ играютъ насѣкомыя и относительно стоячихъ водъ. Воды эти содержатъ въ избыткѣ разлагающіяся органическія вещества и отвратительныя испаренія ихъ извѣстны каждому. Въ этихъ водахъ кишатъ личинки комаровъ, поденокъ и другихъ насѣкомыхъ. Ихъ сюда привлекаетъ изобиліе пищи гнѣющихъ въ водѣ веществъ, которыя они поѣдаютъ въ невѣроятномъ количествѣ и такимъ образомъ очищаютъ воды. Въ этомъ отношеніи крайне поучительны опыты *Линнея*. Достаточно удалить изъ одного сосуда съ такой водой всѣхъ личинокъ, а въ другомъ ихъ оставить, и вода второго сосуда окажется чрезъ нѣкоторое время чистой и безъ запаха, тогда какъ во второмъ она будетъ по прежнему имѣть тяжелый запахъ. То же подтвердили и опыты *Реомюра*.

Факты эти чрезвычайно любопытны, но, къ сожалѣнію, не обращаютъ на себя общаго вниманія, хотя значеніе ихъ въ жизни природы очень велико.

Несравненно замѣтнѣе то вліяніе, которое насѣкомыя оказываютъ непосредственно на растительное и животное царства.

Что касается до перваго, то въ этомъ отношеніи достаточно упомянуть о нашествіяхъ саранчи, монашенки, филосеры, кузьки, жука-колорадо.

Ясно, что массовое появленіе извѣстнаго вида является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, какими опредѣляется характеръ флоры какой-нибудь области въ данный моментъ. Подъ вліяніемъ такого фактора нѣкоторые виды растений могутъ даже совершенно исчезнуть, а на смѣну ихъ явятся другіе, болѣе выносливые.

Огромное значеніе имѣютъ насѣкомыя въ царствѣ растений при опыленіи, т.-е. механическомъ переносѣ цвѣтневой пыльцы одного какого-нибудь растенія на рыльце такого же другого растенія. Важность этого факта чрезвычайна: разъ такого переноса не произойдетъ, не будетъ и оплодотворенія, а слѣдовательно сѣмена окажутся или безплодными, или даже ихъ вовсе не образуется.

Но далеко не всѣ насѣкомыя служатъ для этой цѣли. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ Перепончатокрылыя (пчелы, осы), потомъ бабочки, а затѣмъ жуки. Любопытно, что опыленіе однихъ растений можетъ быть производимо самыми разнообразными насѣкомыми, тогда какъ другія опыляются только однимъ какимъ-нибудь видомъ насѣкомаго.

Такъ, на примѣръ, *проф. Мюллеръ* насчиталъ тридцать одинъ видъ насѣкомыхъ, прилетающихъ на цвѣты *Зимзивера (Malva Sylvestris)*

*

и только четыре вида, сядящихся на двѣты *Просвирияка* (*Malva rotundifolia*).

Однимъ словомъ, существуетъ самая тѣсная зависимость между растеніями и насѣкомыми. Вспомнимъ хоть *красный клеверъ*. Оплодотвореніе его производится *шмелями*. Они, какъ извѣстно, снабжены очень длинными хоботками, которые свободно могутъ проникать до дна длиннаго вѣничка. И въ Новой Зеландіи тогда только удалось получить нормально развитыя сѣмена краснаго клевера, способныя давать здоровыя растенія, когда туда перенесены были шмели. Крайне поучительны въ этомъ отношеніи опыты Дарвина. Онъ собралъ съ 1.000 растеній бѣлаго клевера, посѣщавшагося пчелами, 2.290 всхожихъ сѣмянъ, тогда какъ другія 20 растеній, къ которымъ доступъ пчелъ былъ загражденъ, не дали ни одного зерна. При опытахъ съ краснымъ клеверомъ результатъ получился одинаковый. Этихъ фактовъ, я думаю, достаточно, чтобы видѣть, какое огромное значеніе имѣютъ пчелы и имъ подобныя при перенесеніи цвѣтневоы пылцы, а слѣдовательно, и при оплодотвореніи растеній.

Но не меньшее значеніе имѣютъ насѣкомыя и въ царствѣ животныхъ.

И въ этомъ отношеніи роль ихъ двоякая: они являются истребителями массы другихъ животныхъ, главнымъ образомъ насѣкомыхъ, а въ то же время служатъ и сами пищей для другихъ насѣкомыхъ.

Къ числу первыхъ относятся *цвѣточницы* (*Memobius*), личинки которыхъ знаменитый *Реомюръ* по справедливости назваеъ «львами растительныхъ вшей». Вооруженные парой длинныхъ крючкообразно согнутыхъ челюстей и невѣроятной прожорливостью, онѣ истребляютъ растительныхъ вшей въ ужасающемъ количествѣ. Какую массу ихъ уничтожаетъ каждая цвѣточница, можно судить изъ того, что она въ минуту высасываетъ двѣ большихъ тли. То же продѣлываютъ и личинки нѣкоторыхъ *Сирфидъ* (*Sirphidae*), истребляющія множество вшей. Достаточно такому прожорливому хищнику попасть на растеніе, покрытое тлями, и онъ до-чиста выѣстъ всѣхъ. Еще полезнѣе въ этомъ отношеніи личинки Божьихъ коровокъ, — извѣстныхъ *любимцевъ* и дѣтей и взрослыхъ.

А ихневмоны и тахины? Они уничтожаютъ невѣроятное количество различныхъ насѣкомыхъ. А жужелицы? А многія другія насѣкомыя, питающіяся насѣкомыми же? Всѣ они истребляютъ массу насѣкомыхъ и часто очень вредныхъ и тѣмъ въ значительной степени ограничиваютъ ихъ размноженіе и восстанавливаютъ равновѣсіе въ природѣ.

Но и сами насѣкомыя служатъ пищей массѣ животныхъ. Летучія мыши, полуобезьяны, неполнозубыя, многія насѣкомоядныя птицы, земноводныя, пресмыкающіяся, рыбы питаются насѣкомыми.

ГЛАВА II.

Познакомивъ вкратцѣ читателейъ съ ролью насѣкомыхъ въ экономіи природы, я теперь постараюсь выяснитъ ихъ роль въ жизни человѣка, какъ силы враждебной ему и какъ полезной.

Начнемъ съ болѣзней, причиной которыхъ являются различныя насѣкомыя и остановимся прежде всего на такъ называемой *вшиевой болѣзни* (Phthiriasis), вызываемой обыкновенной платяной вошью — *Pediculus tabescentium*.

Жертвами ея, какъ извѣстно, были нѣкоторыя историческія личности: Сулла, ревностный преслѣдователь протестантовъ Филиппъ II, Фердинандъ IV. Эта же болѣзнь была извѣстна и въ Америкѣ еще во времена ея открытія. Такъ у ацтековъ вшей было такое невѣроятное количество, что короли ихъ прибѣгали къ весьма остроумному способу уменьшать ихъ количество. Подданные обязаны были уплачивать дань вшами, цѣлые мѣшки которыхъ и нашелъ во дворцѣ Монтезумы Фердинандъ Кортесъ.

Въ Испаніи же, въ прошломъ столѣтіи, существовали даже обезьяны — большія аргистики по части вылавливанія вшей изъ человѣческой головы. Такія обученныя обезьяны за извѣстную плату отдавались желающимъ.

Не менѣе ужасна и другая болѣзнь, вызываемая личинками мухъ. Это *миазисъ* или *червивая болѣзнь*, извѣстная еще въ глубокой древности. Уже въ Библии есть указанія на нее: Антиохъ Елифанъ, изъ тѣла котораго выходило множество червей, погибъ отъ этой болѣзни, Иродъ Аскалонитъ, Антииа, Клавдій Герминіанъ въ Кападокіи, Юлія, дядя Юліана, тѣло котораго, по свидѣтельству современниковъ, превратилось въ кучу червей, всѣ они заживо были съѣдены червями и окончили свою жизнь въ нечеловѣческихъ страданіяхъ.

Только при наличности «миазиса» на Востокѣ и могла создаться у персовъ такая варварская казнь: преступника клали навзничъ въ лодку, а другою, равною по величинѣ, прикрывали сверху, но такъ, что руки, ноги и голова оставались не закрытыми. Лицо несчастнаго мазали медомъ, который привлекалъ мухъ, кусавшихъ его и тутъ же клавшихъ свои яички.

Вышедшіе изъ нихъ личинки пожирали тѣло преступника еще живого, ибо его заставляли принимать столько пищи, сколько нужно для поддержанія жизни. Митридатъ, подвергнутый Артаксерсомъ Длиннорукимъ такой пыткѣ, прожилъ 17 дней, испытывая невообразимыя мученія. Когда же лодку сняли, то увидѣли, что его все тѣло было съѣдено червями, которыя кишѣли во внутренностяхъ страдальца. Бездельная Ферестима, о которой упоминаетъ Геродотъ, заживо была съѣдена червями. Такъ, по словамъ историка, ее наказали боги за ея жестокосердіе. Поэтъ Алкменъ, трагики Ференидъ, Гонорій, Агриппа, Валерій Максими, кардиналъ Дюпра сдѣлались жертвами, какъ можно полагать, совокупнаго дѣйствія этихъ двухъ болѣзней, т.-е

исслѣдствіемъ «фтириазиса» явились на тѣлѣ раны, которыя и послужили мѣстомъ для кладки яицекъ мухами и для развитія, слѣдовательно, «міазиса».

Но и въ наше время извѣстны случаи «червивой болѣзни».

Такъ, въ монографіи извѣстнаго энтомолога *И. А. Порчинскаго* «О мухѣ [Вольфарта, живущей въ состояніи личинки на тѣлѣ человѣка и животныхъ», приведенъ, между прочимъ, слѣдующій случай:

Въ первой половинѣ іюля мѣсяца, — пишетъ онъ *)—я, прогуливаясь въ одинъ жаркій день по дорогѣ между хлѣбами и подходя къ сосѣднему лѣсу, услышалъ крикъ женскаго голоса и вскорѣ по той-же дорогѣ навстрѣчу ко мнѣ бѣжала изъ лѣсу молодая женщина, которая, приблизившись ко мнѣ, просила жалобнымъ голосомъ спасти ея жизнь отъ заѣданія живого ея тѣла червями.

Вслѣдъ затѣмъ женщина эта упала тутъ же на дорогѣ правымъ бокомъ на землю, согнулась въ полукругъ и раздирающимъ хриплымъ голосомъ кричала: «вотъ, вотъ заѣдаютъ, ѣдятъ, погибла!» и голосъ ея замиралъ постепенно, судорожно.

Пять минутъ спустя, женщина эта поднала голову, стала поправлять раскнутые волосы и, поднявшись, снова обратилась ко мнѣ съ мольбой спасти ей жизнь.

Я направилъ больную ко мнѣ въ домъ и когда, вскорѣ возвратившись, входилъ во дворъ, то слышалъ опять раздирающій крикъ этой женщины подъ окномъ моей комнаты.

У женщины этой, Каролины, Чернорудской волости, Оршанскаго у., Могилевской губерніи, кромѣ раны между 5 и 7 ребрами ничего другого не было. Эта рана имѣла неправильную, полукруглую форму, съ оборванными краями и достигала въ поперечникѣ до двухъ третей дюйма. По срединѣ раны замѣчалась движущаяся масса, которая, при внимательномъ изслѣдованіи, оказалась сборищемъ личинокъ, выдававшихся къ просвѣту раны. По извлеченіи ихъ пинцетомъ, оставшая масса приняла видъ рыхлой, губчатой и распавшейся ткани грязно-масяного цвѣта, а остріе вводимого мною пинцета входило въ глубь раны и подъ пластинки божьихъ краевъ ея на разстояніи до дюйма и болѣе. Вся эта обширная красная съ различными оттѣнками поверхность кожи вокругъ раны усѣяна была не сотнями, а тысячами маленькихъ пустулъ, прыщиковъ и точекъ, разсѣянныхъ по всему широкому пространству.

Почти постоянный и неистовый крикъ, сопровождаемый пристуномъ вышеописаннаго припадка, заставилъ меня ускорить перевязку. Послѣ введенія между губами раны корпия, намоченной крѣпкимъ растворомъ карболовой кислоты и наложенія компреса, напитаннаго тѣмъ же растворомъ, на всю покраснѣвшую поверхность кожи, больная нѣсколько успокоилась, просила ѣсть и пошла отдохнуть, жалуясь только на боль въ области лопатки, «гдѣ, по выраженію ея, черви самые лютые и всего больше мучаютъ ее».

Первая перевязка произведена была въ три часа пополудни, вторую же я производилъ въ 9 ч. вечера, при довольно безпокойномъ состояніи больной, просившей меня поскорѣе ее перевязать, такъ какъ, по словамъ ея, «черви вездѣ начали вороваться, ходить и заѣдать».

При этой перевязкѣ я также собралъ нѣсколько личинокъ на далекомъ разстояніи отъ раны и вышедшихъ изъ маленькихъ пустулъ. Поверхность кожи вокругъ раны удерживала свою первоначальную красноту и испещрена была множествомъ прыщиковъ, изъ которыхъ можно было выжать живыхъ личинокъ; больная чувствовала себя лучше и даже просила доволить ей идти спать.

*) Рѣчь идетъ объ отцѣ автора монографіи.

Перевязки въ теченіе двухъ недѣль благотворно подѣйствовали на больную, но когда отецъ автора уѣхалъ, то эта женщина приходила опять 30 августа.

На этотъ разъ одинъ изъ очевидцевъ сообщилъ о ней слѣдующее: «У этой женщины черви опять показались; число маленькихъ ранокъ еще болѣе увеличилось; краснота кожи приняла синеватый цвѣтъ, большая жерана нѣсколько уменьшилась и цвѣтомъ стала блѣдною.

«Повидимому, личинки нашли себѣ новый притонъ; вся сторона тѣла окончательно поражена; больная худя, блѣдна и страданія ея ужасны; лицо ея выражаетъ отчаяніе и безнадежность на жизнь; она убѣждена, что черви съѣдятъ ее живою».

Случай подобной же болѣзни наблюдалъ Зальцманъ въ 1718 г. въ Страсбургѣ у одного молодого человѣка. Кожа его была почти по всей поверхности разѣдена тысячами личинокъ различной величины. Лѣвый глазъ былъ выѣденъ, а въ пахахъ и колѣняхъ не доставало цѣлыхъ кусковъ мяса. Онъ заживо былъ съѣденъ личинками. Причиной этой болѣзни является муха Вольфарта—*Sarcophila Wohlfarti* Portsch.

Въ Южной и средней Америкѣ роль мухи Вольфарта, даже еще въ болѣе страшной степени, играетъ—*Люцилия человеткоподобная*—*падающая муха* (*Lucilia macellaria* Fabr. *Lucilia homini vorax*. Coq.), вызывающая самую жестокую форму «міаза» съ ужаснѣйшими страданіями; въ огромномъ большинствѣ случаевъ финаломъ ея является мучительная смерть. Муха эта влетаетъ во множествѣ въ госпитали, лазареты, частныя помѣщенія, гдѣ лежатъ больные съ какими-нибудь ранами, жадно набрасывается на раны и откладываетъ здѣсь массу яичекъ. Болѣзнь отъ личинокъ этихъ мухъ страшна именно потому, что легкій зудъ, испытываемый больнымъ первое время, почти не обращаетъ на себя его вниманія. Когда болѣзненные явленія усилятся и больной обратится къ доктору, то обыкновенно бываетъ уже поздно, такъ какъ болѣзнь вступила въ послѣдній фазисъ своего развитія, гдѣ мучительная смерть—исходъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ неизбѣжный, только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ—страшное изуродованіе. При этомъ самую мучительную сторону болѣзни составляетъ бессонница. Послѣдняя происходитъ отъ непрерывныхъ движеній личинокъ, не дающихъ больному ни минуты покоя и вызывающихъ сильнѣйшую болѣзненную тоску; результатомъ ея является иногда самоубійство или сумасшествіе.

Близкіе къ насѣкомымъ *паучки-зудни* (*Sarcoptes*) вызываютъ *чесотку* у людей и животныхъ, оканчивающуюся нерѣдко смертью.

Эта болѣзнь стара, какъ самый міръ. О ней уже говоритъ Полибій, описывая одинъ изъ походовъ Ганнибала. Во время этого похода чесотка страшно свирѣствовала на людяхъ и животныхъ въ Цизальпійской Галліи.

Отъ такой же болѣзни, повидимому, погибла леди Пенруддокъ,—случай, о которомъ говоритъ извѣстный Муфкетъ. По словамъ его,

чесоточные клещи кишѣли во всѣхъ частяхъ ея тѣла—головѣ, глазахъ, носу, губахъ, деснахъ, ступняхъ и мучили ее днемъ и ночью.

Большая невыносимо страдала до тѣхъ поръ, пока не были съѣдены всѣ мускулы ея тѣла и пока смерть не освободила ее, наконецъ, отъ страшной пытки.

Нельзя также пройти молчаніемъ *Песчаной блохи*—*чигое* (*Pulex pectrans* L. или *Sacropsylla pentrans* L.)—страшнаго врага человѣка въ Вестъ-Индіи. Насѣкомое это очень долго возбуждало глубокой интересъ. Ученые спорили, пока споръ ихъ не былъ разрѣшенъ Шварцомъ, давшимъ первое описаніе и изображеніе этого насѣкомаго.

Не простиительно было бы не упомянуть при этомъ о самоотверженности одного капуцина. Онъ ради науки принесъ въ жертву свою ногу, позволивъ поселиться на ней цѣлой колоніи чигое. Въ такомъ видѣ онъ надѣялся привезти страшныхъ колонистовъ въ Европу и здѣсь заняться изученіемъ ихъ. Къ сожалѣнію, нога оказалась не на высотѣ своего положенія: она сгнила раньше, чѣмъ владѣлецъ ее увидѣлъ Европу. Ее отрѣзали и выбросили за бортъ вмѣстѣ съ страшными жильцами.

Чигое обыкновенно нападаютъ на ступни ногъ, хотъ не брезгаютъ иногда и руками. Пробираясь подъ ногти пальцевъ, дѣлаютъ ходы между кожей и мясомъ и устраиваютъ здѣсь свое мѣстопробываніе. Тутъ же и кладутъ свои яички. Разъ въ-время не замѣчено ихъ присутствіе и не приняты мѣры для ихъ извлеченія, что съ поразительной ловкостью дѣлаютъ инныя невольницы, въ результатъ является гибель ноги, а иногда и смерть. Любопытно, что мѣстные жители безъ всякихъ опасеній могутъ ходить босикомъ по полу, а лица, прѣхавшія только что изъ Европы, часто дѣлаются жертвами этого страшнаго врага.

Далеко менѣе страшнымъ, хотъ, несомнѣнно, очень противнымъ является нашъ *постельный клопъ*—(*Cimex lectularius* Merretti).

Родина этого отвратительнаго насѣкомаго, котораго Линней справедливо назвалъ «nocturnum foetidum animal» (ночное, вонючее животное) точно еще и до сихъ поръ не опредѣлена. Одни называютъ Индію, а другіе—Америку. Такъ ли или иначе, во клопъ извѣстенъ былъ уже грекамъ и римлянамъ. Такъ, его зналъ уже Аристотель, а Плиній и Доскоридъ прямо указываютъ на него. Съ тѣхъ поръ клопъ медленно, но неуклонно подвигается съ юга на сѣверъ, захватывая все болѣе и болѣе районъ. Въ Страсбургѣ онъ явился въ XI столѣтіи, а въ Англіи въ началѣ XVI, гдѣ въ 1503 г. нѣсколько дамъ приняли укусы клоповъ за признаки чумы. Это очень интересное насѣкомое обладаетъ большою сообразительностью, тонкимъ обоняніемъ и необыкновенной живучестью.

Клопы, какъ извѣстно, въ иныхъ мѣстахъ являются въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что живущіе должны отодвигать кровати на средину комнаты и ставить ножки кровати въ подставки съ водой.—

клопъ очень не любитъ воды, но и здѣсь онъ ухитряется добраться до спящаго. Взобравшись на потолокъ, онъ такъ вѣрно рассчитываетъ мѣсто, что какъ разъ падаетъ на спящаго. А разъ клопы завелись, то ихъ очень трудно вывести, ибо вымариваніе ихъ голодомъ цѣли не достигаетъ: клопъ можетъ много мѣсяцевъ прожить безъ пищи. Онъ дѣлается, повидимому, совершенно сухимъ, прозрачнымъ, но лишь только явится возможность питаться, онъ быстро поправляется. Такой экспериментъ надъ живучестью клопа сдѣлалъ у меня одинъ ученикъ. Онъ его держалъ въ бутылочкѣ 8 мѣсяцевъ и клопъ былъ живъ, хотя похудѣлъ крѣпко.

Безрезультатнымъ является также и вымораживаніе клоповъ. Они выдерживаютъ повторное пониженіе температуры до -17° R и остаются живыми, какъ показали недавнія наблюденія Пикеля *), а де-Гееръ увѣряетъ, что держалъ ихъ всю зиму 1772 г. въ нетопленной комнатѣ, когда ртуть термометра опускалась до -33° Ц.

Не брезгаетъ клопъ въ крайнемъ случаѣ и кровью птицъ. Вотъ почему его находятъ въ гнѣздахъ голубей, ласточекъ, а это даетъ ключъ къ уясненію непонятнаго раньше факта, какъ клопы попадаютъ въ совершенно новыя, еще не населенныя людьми строенія.

Клопы являются также и энергичными посредниками при переносѣ заразныхъ болѣзней. Такъ, по изслѣдованію одесскаго доктора Тиктина они вызвали въ Одессѣ (нѣсколько лѣтъ тому назадъ) опасную тифозную эпидемію.

Дѣло началось такъ. Въ Одессу изъ Яффы прибылъ пароходъ, привезшій съ собой одного матроса, заболѣвшаго возвратнымъ тифомъ. Съ тѣхъ поръ стали наблюдаться отдѣльные случаи заболѣванія тѣмъ же въ ночлежныхъ домахъ, расположенныхъ возлѣ гавани, гдѣ провелъ ночь также и больной матросъ. Вскорѣ разгорѣлась и настоящая эпидемія, жертвой которой сдѣлалось болѣе 10.000 больныхъ.

Докторъ Тиктинъ, изслѣдуя условія возникновенія и распространенія эпидеміи, пришелъ къ заключенію, что виновникомъ являются клопы, которыхъ невѣроятное множество встрѣчается въ ночлежныхъ домахъ. Они, кусая тифозныхъ, поглощаютъ съ кровью массу спирохетъ микроорганизма возвратнаго тифа и переносятъ ихъ на здоровыхъ. И произведенные опыты блестяще подтвердили такое заключеніе. Подвергая клоповъ продолжительному посту, Тиктинъ пересаживалъ ихъ на тифозныхъ больныхъ, а потомъ давалъ изслѣдовать поглощенную ими человѣческую кровь. Микроскопъ обнаруживалъ здѣсь всегда массу спирохетъ возвратнаго тифа. А прививка такой крови обезьянѣ вызвала у этой послѣдней всѣ характерные признаки возвратнаго тифа и смерть чрезъ 64 ч. Такимъ образомъ полная возможность переноса заразы клопами, является вполне доказаннымъ фактомъ.

*) «Къ біологіи постельнаго клопа» Пикеля въ XXXII т. № 1 — 2 «Труды» Рус. Энт. Об-ва за 1898 г.».

Не менѣе беспокоятъ насъ и блохи, изъ коихъ большою популярностью пользуется блоха обыкновенная (*Pulex irritans* L) распространенная повсюду. Всѣ части свѣта отъ Европы до Австраліи являются для нея мѣстомъ жительства, но она предпочитаетъ грязь, неопрятность и скученность населенія.

При ея необыкновенной ловкости и увертливости, она обладаетъ поразительной силой въ ногахъ, дѣлая скачки въ 20 разъ превосходящіе длину ея тѣла. Если бы человекъ обладалъ такой же силой въ ногахъ, то онъ бы дѣлалъ скачки въ 1.200 ф. Ну какъ тутъ ее поймать!

Этимъ, къ сожалѣнію, не ограничивается роль блохъ и часто онѣ являются распространителями различныхъ заразныхъ болѣзней *).

Но изъ всѣхъ этихъ насѣкомыхъ-истязателей рода человеческого, говорятъ Кэрби и Спенсъ, призываютъ на себя самыя громкія и повсемѣстныя жалобы тѣ, которыя извѣстны въ общежитіи подъ именемъ *комаровъ* или *москитовъ*.

Хоть въ общемъ комары болѣе надоедливы, чѣмъ вредны, однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлаются невыносимыми и вполне могутъ составлять въ этомъ отношеніи съ москитами другихъ климатовъ. Комары въ яныя годы являются въ невѣроятномъ количествѣ. Такъ, въ 1736 г. въ Англіи они были такъ многочисленны, что рои ихъ представлялись въ видѣ огромныхъ столбовъ, поднимавшихся въ воздухѣ съ Салисбурійскаго собора и столбы эти издали походили на клубы дыма, подавая поводъ думать, что соборъ объятъ пламенемъ.

А развѣ мало ихъ теперь у насъ?

Но далеко больше ихъ было раньше благодаря изобилію болотъ, лѣсовъ. Крѣпко доставалось путешествовавшимъ по Россіи иностранцамъ въ XV и XVI ст. отъ комаровъ и мошекъ. Уже въ Литвѣ они должны были надѣвать на лицо сѣтки, а платье толстое и плотное, не смотря на лѣтнюю пору.

Не счастливѣе, впрочемъ, Европы въ этомъ отношеніи и Америка, гдѣ періодически являются во многихъ мѣстахъ москиты. На человека они нападаютъ въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, о которомъ, не видя, нельзя составить себѣ и малѣйшаго представленія. Они забираются ему въ носъ, ротъ, уши, глаза, доводя его до бѣшенства. Вслѣдствіе безчисленныхъ укусовъ лицо, руки опухаютъ, покрываясь волдырями; чувствуется невыносимый зудъ и жженіе. Въ Суринамѣ же существуетъ даже казнь при помощи москитовъ. Тамъ людей, обреченныхъ на смерть, голыми выставляютъ на съѣденіе москитовъ и часа черезъ 3—4 жертва погибаетъ.

Но такъ же свирѣпы москиты и въ Африкѣ. Много выстрадалъ Шюбургъ на Паперунѣ отъ *желтаго кусака*, длинное жало котораго могло проколоть овчинный тулупъ.

*) См. ст. женщ.-вр. Покровской «Роль насѣкомыхъ въ распространеніи заразы».

Но этимъ не ограничивается роль комаровъ. Есть полное основаніе смотрѣть на нихъ, какъ на распространителей *малярии*, той страшной болотной лихорадки, которая зачастую сопровождается и смертью.

Изслѣдуя кровь больныхъ такой лихорадкой, докторъ Лаверанъ нашелъ въ ней микроорганизмы, напоминающіе собой грегарины. Еще въ 1896 году англійскимъ зоологомъ Мансономъ было доказано, что микроорганизмъ «болотной лихорадки» проходитъ въ молодости «стадію жгутиковую». Въ такой стадіи микроорганизмъ этотъ имѣетъ видъ инфузоріи съ длиннымъ, жгутиковиднымъ отросткомъ на концѣ, съ помощью котораго онъ и плаваетъ въ водѣ.

Мансонъ показалъ, что въ формѣ такой стадіи микроорганизмъ этотъ попадаетъ въ тѣло комаровъ, сосущихъ кровь людей или животныхъ, страдающихъ «болотной лихорадкой». Комаръ, отложивъ яички въ воду, умираетъ, падаетъ или въ воду, или на землю, а тогда микроорганизмъ этотъ покидаетъ трупъ хозяина и можетъ легко попасть въ желудокъ человѣка, конечно, вмѣстѣ съ водой.

Въ реландъ къ наблюденіямъ д-ра Мансона слѣдуетъ упомянуть о таковыхъ же извѣстнаго Рисса. Когда этотъ послѣдній изслѣдовалъ кровь комаровъ, насосавшихся кровью больныхъ «болотной лихорадкой», то онъ замѣтилъ, что микроорганизмъ этотъ паразитично быстро развивается въ желудкѣ комара, проходя тамъ всѣ стадіи своего развитія, т. е. встрѣчаетъ адѣсь чрезвычайно удобную среду.

Вотъ чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что «малярія» встрѣчается въ низменныхъ, болотныхъ мѣстахъ, гдѣ комаровъ, какъ извѣстно, невѣроятное множество, тогда какъ тамъ, гдѣ комаровъ, вслѣдствіе топографическихъ условій, нѣтъ и больныхъ такой лихорадкой не наблюдается вовсе. Чаще заболѣваютъ ею любители снать или при открытомъ окнѣ, или на землѣ, или жители подвальныхъ этажей; все условія, облегчающія доступъ комаровъ къ человѣку.

То же доказали и наблюденія знаменитаго нѣмецкаго бактериолога проф. Коха *), то же самое приписываютъ комарамъ доктора Финля и Гаммондъ относительно переноса комарами микроорганизма желтой лихорадки, свирѣпствующей въ болотныхъ, низменныхъ мѣстахъ тропическихъ странъ.

Такою же роль посредниковъ въ переносѣ многихъ заразныхъ болѣзней играютъ и мухи **).

*) Насколько «малярія» губительна—можно судить изъ того, что по, свидѣтельству Роланда-Росса, въ 1897 г. изъ 180000 индійской арміи болѣе $\frac{1}{4}$ болѣло маляріей, а изъ всего населенія Индіи въ томъ же году умерло отъ этой болѣзни болѣе 500.000 человѣкъ. Въ Италіи же малярія убиваетъ ежегодно болѣе 15,000 человѣкъ. Насѣкомое, распространяющее здѣсь малярію—родной братъ нашего комара изъ рода *Anopheles*. Виды этого рода въ сѣверныхъ частяхъ нашего отечества отсутствуютъ, но дальше на югъ они встрѣчаются довольно часто.

***) См. статью женщ. вр. Покровской.

Нельзя попутно не указать на послѣднія изслѣдованія доктора Амадео Берлезе, завѣдывающаго сельскохозяйственной лабораторіей въ Португи (близъ Неаполя). Наблюденія эти проливаютъ свѣтъ на причину порчи нашихъ домашнихъ припасовъ, вслѣдствіе перенесенія на нихъ мухами дрожжевыхъ грибковъ. Послѣдніе пристають къ ножкамъ насѣкомыхъ и даже массами встрѣчаются внутри ихъ организма, а слѣдовательно и въ экскрементахъ. Интересно при этомъ, что грибки не теряютъ своей жизнениости, хотъ проходятъ чрезъ кишечникъ насѣкомаго. Будучи посѣяны въ подходящую среду они вызвали броженіе, т.-е. быструю порчу нашихъ домашнихъ припасовъ: варенья, меду, сироповъ, желе, если таковыя тщательно не закрыты.

Вотъ главнѣйшіе враги человѣка среди насѣкомыхъ.

Но есть еще цѣлый сонмъ другихъ, которыя наносятъ ему косвенный вредъ.

И во главѣ ихъ, безспорно, придется поставить знаменитую *Цецу* (*Glussia morsitans* Witw.). Это бичъ центральной Африки, препятствующій колонизаціи многихъ очень удобныхъ мѣстъ. Хотя укушеніе цецы для человѣка и не смертельно, но за то только коза и буйволъ выносятъ безъ вреда ея укусы. Всѣ же остальные животныя очень быстро гибнутъ. Знаменитый путешественникъ Ливингстонъ очень скоро потерялъ весь свой вьючный скотъ.

Такъ же страшна и другая муха, водящаяся въ южной Америкѣ. Не застрахована отъ такихъ мухъ и Азія. Роскошныя пастбища въ долинахъ горнаго хребта Тянь-Шань имѣютъ своего спеціального, такъ сказать, врага — блоху *ала-куртъ* (*Vermipsylla alakurt* Schimk.). Она безъ разбора нападаетъ зимою на всѣхъ домашнихъ животныхъ, но изъ нихъ выбираетъ преимущественно молоднякъ, который массами и гибнетъ. Иногда при благоприятныхъ условіяхъ она размножается въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что жертвами ея становятся и взрослые животныя.

Пастбища Венгріи и нижняго теченія Дуная ежегодно періодически заселяются *москитомъ*—*Simulia columbatschensis* Fabr. Своими крайне болезненными укусами эти москиты приводятъ скотъ въ бѣшенство. Животныя бѣгаютъ, какъ сумасшедшія, съ остервененіемъ расчесываютъ припухшія въ мѣстахъ укуса мѣста, и массами гибнутъ.

Такой же дурной репутаціей, хотя укусы и не влекутъ за собой смерти, пользуются извѣстные *оводы*.

Одни изъ нихъ избираютъ кишечники, какъ *лошадиный оводъ* (*Gastrus equi*. Fabr.), *геморроидальный оводъ* (*Gastrus hemorrhoidal*), *двенадцатиперстный оводъ* (*Gastrus duodenalis*), другіе, какъ *овечій оводъ* (*Serphalemyia ovis*. Brauer.)—носовые полости овецъ; третьи, наконецъ, принадлежатъ къ группѣ подкожныхъ. Сюда относится: *бычачій оводъ* (*Hypoderma bovis*. De-Geer.)—гроза и ужасъ рогатаго скота, особенно въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Его появленіе приводитъ

скотъ въ настоящую панику. Скотъ бросается въ разсыпную, стараясь попасть въ воду — единственное спасеніе бѣдныхъ животныхъ отъ ихъ мучителя.

Нельзя пройти молчаніемъ еще одного овода, называемаго «*млюющая или бѣлоголовая муха*» (*Rhinoestrus purpureus* Br.) *).

«Оводъ этотъ попадаетъ около Семипалатинска и повсюду южнѣе въ заиртышской степи. Автору приходилось ее ловить въ Семипалатинскомъ, Усть-Каменогородскомъ и Зайсанскомъ уѣздахъ. Водится онъ, повидимому, въ низменныхъ, степныхъ мѣстахъ и не любитъ мѣстъ возвышенныхъ, горныхъ. Изъ мѣстнаго населенія киргизы всего болѣе страдаютъ отъ этой мухи. Они ужасно ее боятся и при ея появленіи поднимаютъ общій переполохъ: всѣ соскакиваютъ и начинаютъ махать чѣмъ попадетъ, дабы отогнать подалеже непрошенную гостью. Тѣмъ не менѣе, ей все-таки иногда удается сдѣлать свое дѣло. Замѣчательно, что мѣстомъ всприскиванія своихъ личинокъ она избираетъ обыкновенно глазъ. На спящихъ она не нападаетъ; по крайней мѣрѣ авторъ не знаетъ ни одного такого случая. Обыкновенно она выбираетъ человѣка спокойно сидящаго; подлетѣвъ къ его лицу, она мгновенно ударяетъ въ глазъ и исчезаетъ. Всѣ распросныя свидѣтельства свидѣтельствуютъ, что мѣстомъ пораженія всегда служитъ только глазъ, случаевъ же пораженія носовой полости или губъ не было.

Послѣ всприскиванія личинокъ мухою, пораженный глазъ начинаетъ тотчасъ же чувствовать неловкость, мѣшающую свободно смотрѣть, и щемящую боль. Несвоевременное принятіе мѣръ къ умерщвленію личинокъ влечетъ болѣе или менѣе сильное поврежденіе покрововъ глазной впадины и глазного яблока; въ иныхъ случаяхъ глазъ вытекаетъ совсѣмъ. Обыкновеннымъ средствомъ къ умерщвленію личинокъ «бѣлоголовой мухи» служитъ растворъ листового табаку. Взявъ щепотку такого табаку, смачиваютъ его водой, отжимаютъ и двѣ-три капли отжатого сока пускаютъ въ глазъ. Когда пройдетъ жгучая боль отъ табачнаго сока, глазъ промываютъ; больной начинаетъ свободно видѣть, и отъ личинокъ не остается никакихъ слѣдовъ.

Но далеко болѣе опасности подвергаются различные домашніе животные причѣмъ болѣзненные явленія у лошадей и овецъ выражаются, по увѣренію киргизовъ, въ появленіи червей въ горлѣ и носовыхъ полостяхъ.

Хорошо знакомы намъ и *слѣпни*.

Изъ нихъ *слѣпень бычачій* (*Tabanus bovinus* L.) дѣлаетъ, какъ извѣстно, болѣзненные уколы на кожѣ животныхъ, а иногда и человѣка, и высасываетъ кровь; нападаетъ преимущественно самка. Несчастныя животныя, обливаясь кровью, впадаютъ въ бѣшенство и даже дикіе звѣри прячутся въ сырыя, тѣнистыя мѣста.

Существуетъ еще много и другихъ насѣкомыхъ, которыя не только тягостны для нашихъ домашнихъ животныхъ, но даже иногда вызываютъ и смерть ихъ, какъ *Dermatobia*, замѣняющія нашихъ оводовъ въ тропической Америкѣ. Они въ большинствѣ случаевъ истощаютъ животное, лишаютъ его покоя и сна.

Не менѣе вредны многія насѣкомыя и для другихъ сферъ человѣческой дѣятельности, напримѣръ для виноградарства, садоводства, огородничества и др.

*) Приводимыя свидѣнія беру почти дословно изъ сообщенія Суворцова, напечатаннаго въ томѣ XXIII «Трудовъ Русскаго Энтомологическаго Общества въ С.-Петербургѣ».

Здѣсь одно изъ первыхъ мѣстъ нужно отвести *филлоксеру* (*Phylloxera vastatrix*. Planchau). Всего лѣтъ 40 тому назадъ явилась она, а уже успѣла заразить огромный районъ, съ каждымъ годомъ распространяясь все больше и больше. Всѣ средства борьбы съ нею оказываются совершенно бесполезными. Парижская академія наукъ еще въ 1874 г. объявила премію въ 300.000 фр. за открытіе такого средства, которое давало бы возможность убивать ее, не уничтожая лозы, но никто этой преміи не получилъ еще, несмотря на то, что выдающіяся силы всего міра привлечены къ рѣшенію этого вопроса. Что задача стоитъ того—можно видѣть изъ цифръ. Такъ, во Франціи уничтожено болѣе милліона десятинъ виноградниковъ, стоимостью свыше 70.000.000 фр. Румыніа потеряла около $\frac{1}{4}$ всей своей виноградной площади, Испанія, Венгрія, Италія уже лишились многихъ сотенъ тысячъ десятинъ и борьба съ филлоксерой итальянскому правительству обошлась за время съ 1879 г. по 1885 г. въ 5.000.000 лиръ. Сербія въ настоящее время имѣетъ половину всей виноградной территоріи уже зараженной филлоксерой.

Не избѣгла и Россія этого страшнаго врага; уже лѣтъ 15 ведется съ нимъ самая упорная борьба: за это время израсходовано нашимъ правительствомъ болѣе милліона руб. и уничтожено большое количество зараженныхъ виноградниковъ.

Трудность борьбы обуславливается необыкновенной плодовитостью этого насѣкомаго. Такъ количество особей 10-й генерации столь велико, что, по счету знаменитаго плодОВОДА-ПРАКТИКА Гоше, понадобилось бы 60 поѣздовъ по 50 вагоновъ каждый для перевозки всѣхъ особей этой 10-й генерации.

Въ садоводствѣ мы встрѣчаемъ такого же страшнаго врага въ лицѣ «кровяной тли» (*Schizoneura lanigera* H.), какииъ является филлоксера для виноградниковъ. Впервые кровяная тля явилась въ 1787 г., а по другимъ источникамъ, въ 1789 г. въ Англіи, куда она завезена была, по мнѣнію большинства изслѣдователей этого вопроса, изъ Сѣв. Америки. Здѣсь, попавъ въ благоприятныя условія и, не встрѣчая своихъ постоянныхъ враговъ изъ міра животныхъ и растений, она размножалась въ невѣроятномъ количествѣ, уничтожая цѣлыя тысячи яблонь въ садахъ. Въ 1810 году она проникла въ сидровыя графства, какъ Глостеширъ, гдѣ изъ-за нея едва не пришлось совершенно прекратить производство сидра. Въ памятный для насъ 1812 г. она изъ Англіи вмѣстѣ съ яблонными деревьями попала во Францію и въ 1818 г. явилась въ Парижѣ, въ саду Ecole de Pharmacie.

Какъ великъ былъ вредъ, произведенный ею, можно судить изъ того, что она въ одной Нормандіи погубила яблочныя сады на пространствѣ болѣе 490 кв. миль = 41.960 дес. Только лишь въ 1829 г. она проникла въ Бельгію и здѣсь впервые обнаружилась въ знаменитыхъ садахъ г. Турне, а отсюда уже разошлась по всей Бельгіи. Въ

1835 г. она перешла въ Германію, произведя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по Рейну страшныя опустошенія, а отсюда попала въ Австрію и Италію. Въ Швейцарію она проникла только послѣ морозовъ 1879 и 1880 гг., погубившихъ массу фруктовыхъ деревьевъ, когда была произведена усиленная выписка послѣднихъ изъ Франціи и Германіи; съ ними явилась и страшная гостья—кроваяя тля.

Что касается до Россіи, то официально, такъ сказать, тля извѣстна въ западной части Кавказа и въ Крыму. Въ Крымъ она попала лѣтъ на 10 раньше, чѣмъ на Кавказъ, изъ Франціи съ партией молодыхъ яблонь, и опустошенія, производимыя ею на южномъ берегу Крыма, весьма значительны. Въ Императорскомъ Никитскомъ саду поврежденія отъ кровавой тли были замѣчены въ концѣ 50-хъ годовъ, а въ 1871 г. яблонныя питомники и маточныя деревья были такъ сильно поражены ею, что для истребленія тли вся школа сада была уничтожена, но въ 1875 г., когда произошло значительное расширеніе питомниковъ, а досмотръ ихъ сталъ затруднителенъ вслѣдствіе этого, вредъ отъ тли принялъ ужасающіе размѣры. Такъ, осенью 1880 г. въ Никитскомъ саду сожжено было до 5.000 молодыхъ яблонь, погибшихъ отъ тли, а въ Партенитѣ (близъ Аю-Дага) сожжено было до 4.000 яблонь и вся школа яблонь была уничтожена.

Не менѣе вредною, приносящей садоводамъ ежегодно на сотни тысячъ убытковъ, является яблонная моль (*Hyponometa malinella*. Zell.).

Появленіе ея, по словамъ Кеппена, замѣчалось въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Особенно ужасны опустошенія въ Саратовской губ., гдѣ убытки, получаемыя садоводами, въ иные годы, по вычисленію Гримма, простираются до 200.000 р.

Такимъ же страшнымъ для садовъ является извѣстный всѣмъ *Майскій жукъ* или *Хрущъ* (*Melolontha vulgaris* Fabr.) Онъ является въ невѣроятныхъ количествахъ періодически. У насъ онъ извѣстенъ уже давно; первый случай, сообщенный *Палласомъ*, относится къ 1769 г., когда было наблюдаемо множество хрущей близъ Новодѣвичья на Волгѣ. Въ 1804 г. хрущи въ Курляндіи висѣли въ такомъ множествѣ на берегахъ, что сучья гнулись подъ ихъ тяжестью. По сообщенію *проф. Линдемана*, въ окрестностяхъ Хвалынска хрущи, появляющіеся тамъ около половины апрѣля, объѣдаютъ сперва цвѣтныя и листовыя почки, а за тѣмъ молодыя листья плодовыхъ деревьевъ, а личинки ихъ объѣдаютъ корни, въ особенности яблонь. Въ Бессарабской области, гдѣ хрущи появились въ огромномъ числѣ въ 1859 г., они въ сильной степени повредили не только плодовые деревья, но и виноградники.

Въ какомъ невѣроятномъ количествѣ являются они—можно судить изъ такого факта: отдѣленіе центрального Собранія сельскихъ хозяевъ въ Саксоніи въ 1868 г. уничтожило 90.000 пудовъ этого жука. Считая въ каждомъ пудѣ 53.000 штукъ жука, увидимъ, что количество уничтоженныхъ жуковъ=1.590 милліоновъ.

Во Франціи даже существуютъ синдикаты для борьбы съ майскимъ жукомъ и такихъ обществъ насчитывается здѣсь болѣе 250. Они выдаютъ особое вознагражденіе за собранныхъ жуковъ. Такъ, община Витри на Сенѣ назначила вознагражденіе въ 10 сантимовъ за 1 килограммъ жуковъ и при такой платѣ каждое лицо зарабатывало по 6½ ф. въ день 11 мая 1891 г. было собрано въ той же мѣстности 1.607 килограммовъ жуковъ, а во все время ихъ полета 10.501 килограммъ. Если считать на каждый килограммъ 1.162 жука, то одна община Витри уничтожила въ этомъ году 12.202.162 жука, половина коихъ, были самки. Считая, что каждая самка кладетъ по 30 яичекъ, найдемъ цифру уничтоженныхъ жуковъ = 183.032.420 штукъ. Какъ серьезно за границей смотрятъ на это дѣло—видно изъ того, что въ особомъ приложеніи къ правительственному органу въ Франкфуртѣ-на-Одерѣ было объявлено въ виду наступленія лѣта майскихъ жуковъ слѣдующее распоряженіе: «такъ какъ собираніе майскихъ жуковъ продолжается очень короткое время, т. е. въ теченіе лишь немногихъ дней рано по утрамъ, то для успѣшности дѣла королевское правительство, на основаніи ходатайства высшаго начальства, повелѣло, чтобы инспектора училищъ, по требованію мѣстной администраціи, освобождали старшихъ учениковъ, желающихъ участвовать въ собираніи майскихъ жуковъ, отъ учебныхъ занятій въ настоящемъ году на все время лета жуковъ.»

Можно было бы привести цѣлый списокъ насѣкомыхъ враговъ плододоводства, но размѣры статьи не позволяютъ мнѣ этого сдѣлать.

Не менѣе враговъ имѣютъ и наши *огородныя растенія*, культура которыхъ во многихъ мѣстахъ составляетъ единственный источникъ существованія жителей.

Прежде всего назовемъ здѣсь *Капустницу (Pieris brassicae Z)* гусеница которой при благоприятныхъ условіяхъ появляется въ невѣроятномъ количествѣ. Такъ, объ одномъ такомъ случаѣ рассказываетъ Дарко. Произошло это между Прагой и Брюнномъ въ 1854 г.

«Поѣздъ только что прошелъ небольшой тунель и вдругъ сталъ двигаться совсемъ тихо, хотя вблизи и не было никакой станціи. Наконецъ, и совсемъ остановился. Тутъ я и увидѣлъ, говорить онъ, совершенно неожиданную и мало вѣроятную причину остановки желѣзнодорожнаго поѣзда. То, что не удалось бы слову или бизону, удалось небольшой гусеницѣ капустницѣ.

Вѣроятно, гусеницы рѣшили кочевать съ объѣденныхъ градъ на необъѣденныя на другую сторону полотна дороги. И когда поѣздъ подходилъ на всѣхъ парахъ все полотно желѣзной дороги на пространствѣ 200 ф. было густо покрыто ими. Понятно, что на первыхъ 60—80 ф. тяжелыя колеса поѣзда раздавили тысячи этихъ жирныхъ гусеницъ, но за то эта мягкая жирная масса настолько уменьшила треніе колесъ, что въ теченіе слѣдующихъ секундъ они уже скользили по рельсамъ и не могли двигаться. Съ каждымъ шагомъ новыя массы раздавленныхъ гусеницъ прибавляли къ существующимъ слоямъ жира еще новыя и, наконецъ, колеса совсемъ остановились раньше, чѣмъ колонна гусеницъ была окончательно прорѣзана. Пришлось вымести рельсы и вытереть шерстяными тряпками ободья колесъ локомотива и тендера и тогда только нашъ поѣздъ могъ продолжать путь.

Въ другихъ случаяхъ указывается на появленіе безчисленнаго множества самихъ бабочекъ капустницы. Такъ, въ концѣ 1846 г. было замѣчено около Дувра цѣлое облако, состоящее изъ капустницъ.

Не мало есть указаній и въ русской энтомологической литературѣ, относительно этой бабочки.

Въ такомъ же невѣроятномъ количествѣ является *картофельный* или *колорадскій жукъ* или *дорифора* — (*Leptinotarsa decemlineata* Stål. или *Doryphora decemlineata* Say).

Въ іюнѣ 1870 г. онъ появился въ двухъ различныхъ мѣстахъ штата Онтарио, а весной и лѣтомъ 1871 г. размножился въ неслыханныхъ до того размѣрахъ; въ мартѣ того же года при запахѣ прошлогднихъ картофельныхъ копей находили массы жучковъ въ землѣ, а спустя нѣсколько времени они летали уже цѣлыми тучами по улицамъ Санъ-Луи. Другія полчища этихъ жучковъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова покрыли рѣку Детруа. Они переправились черезъ озеро Эри, пользуясь для этого всѣми плавающими предметами: кораблями, досками, всякими обломками и т. п. Въ концѣ лѣта 1875 г. *дорифора* встрѣчалась уже массами въ окрестностяхъ нѣкоторыхъ городовъ, а въ Нью-Йоркѣ и Филадельфіи носилась цѣлыми роями. Дино въ слѣдующихъ словахъ передаетъ о нашествіи дорифоры на островъ Кони: «Весь берегъ былъ покрытъ сплошнымъ слоемъ жучковъ, такъ что дюны и холмы, составляющіе большую часть этого острова, совершенно исчезали подъ этими волнующимися массами, распространившимися по острову изъ плодородныхъ окрестностей городовъ: Флэтбуша и Гревзенда. Въ сентябрѣ 1876 г. въ Мизьстновѣ и другихъ мѣстностяхъ Коннектикута морскими отливами выбрасывалось на берегъ такое огромное количество дорифоры, что гніющія насѣкомыя заражали воздухъ на большомъ пространствѣ. Въ настоящее время этотъ жучокъ занимаетъ болѣе трети всей поверхности Сѣв.-Амер. штатовъ. Въ началѣ появленія дорифоры (въ долинѣ Миссисипи цѣна на картофель сильно поднялась. Произошло это не только вслѣдствіе истребленія его жучкомъ, но и вслѣдствіе сокращенія производства картофеля, такъ что 1873 г. остался памятнымъ для жителей Санъ-Луи: бушель (немного болѣе четверика) картофеля доходилъ до 2 дол. (болѣе 2 р. 50 к.). И картофель, служившій прежде для прокормленія не только людей, но и животныхъ, сталъ предметомъ роскоши, доступнымъ лишь немногимъ.

Такія опустошенія вполнѣ понятны при невѣроятной плодовитости дорифоры: отъ одной пары можетъ произойти въ теченіе лѣта при трехъ генерацияхъ 30.000.000 штукъ.

Въ 1877 г. дорифора, появилась на Рейнѣ близъ Мюльгейма, но своевременно принятыми энергичными мѣрами ей не дали распространиться; въ августѣ же того года она опять была найдена въ Шильдау (Прусская Саксонія); съ тѣхъ поръ о дорифорѣ ничего, къ счастью не слышно.

Особенное значеніе приобрѣтають для насъ вредныя *полевия* насѣкомыя, значительному размноженію коихъ въ предѣлахъ Россіи способствовали: сильное развитіе хлѣбопашества за послѣднія 20 лѣтъ, склопеніе однородныхъ культуръ растений на большихъ площадяхъ, малое разнообразіе и неудовлетворительное состояніе культуры вообще. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ *хлѣбный жукъ, или Кузъка—* (*Anisoplia Austriaca. Herbst*), имѣющій самое широкое распространеніе. Еще съ конца прошлаго столѣтія есть указанія на его вредную дѣятельность, но несомнѣнно точныя свѣдѣнія имѣются у насъ съ 1868 года, когда впервые было сдѣлано опредѣленіе хлѣбнаго жука.

Первоначально хлѣбный жукъ появился въ Херсонской губерніи, а отсюда распространился на сѣверъ и востокъ. Наибольшій вредъ онъ причинялъ въ четные, такъ называемые, жуколетныя годы, именно въ 1874, 1876 и 1878 гг. Убытки какъ за отдѣльные годы, такъ и за весь десятилѣтній періодъ съ 1868 г. по 1878 г., не могутъ быть опредѣлены съ достовѣрностью. *Профессоръ Линдеманъ*, на основаніи собранныхъ свѣдѣній, исчисляетъ убытки, нанесенныя только въ 1878 г. приблизительно въ 15.000.000 р., а за весь десятилѣтній періодъ въ 25.000.000. р. Другіе же за все время дѣятельности жука исчисляютъ убытки въ 100.000.000 р., съ чѣмъ можно вполне согласиться. Насколько большіе убытки несли хозяева, можно судить изъ того, что на однѣ жуколовки въ зиму 1878—1879 гг. южныя земства истратили 130.000 р., хотя эти ловушки принесли очень мало пользы.

Какой невѣроятной массой можетъ появляться этотъ жучокъ, судите сами изъ слѣдующаго факта. Въ первой половинѣ іюля 1899г., между 9—10 ч. вечера, при тихой, совершенно безвѣтренной погодѣ, вниманіе жителей хутора Алексѣевки, Донецкаго округа, было привлечено раздавшимся вдругъ надъ ихъ головами шумомъ. Сначала всѣ были приведены въ недоумѣніе, а затѣмъ загадка разъяснилась. Оказалось, что это кочевалъ хлѣбный жукъ и несся въ такомъ большомъ количествѣ, что шумъ, производимый имъ, не прекращался въ теченіе 20 часовъ. Летѣлъ онъ полосой приблизительно версты въ двѣ шириною. Полетъ его былъ чрезвычайно быстръ: если жучокъ ударялся въ лицо, то заставлялъ вскрикивать отъ боли.

Такъ же страшенъ для сельскихъ хозяевъ сѣверной и средней Россіи *хлѣбный, ржаной или озимый червь* (*Agrotis segetum Hübn.*), какъ саранча и хлѣбный жукъ въ южныхъ губерніяхъ. Онъ истребляетъ не только пшеницу и рожь, но и капусту, картофель, табакъ, рѣпу, салатъ, рисъ, свекловицу, арбузъ, подсолнечникъ, коноплю, гречиху, аяисъ и т. п. Вредъ отъ него былъ извѣстенъ еще въ прошломъ столѣтіи. Такъ въ 1790 г. онъ уничтожилъ озимь въ Курляндіи, съ 1791 г. по 1805 г. производилъ опустошенія въ Петербургской губ.; начиная съ 1809 г. почти ежегодно причинялъ убытки на десятки и сотни тысячъ рублей въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества.

Такія же опустошенія производитъ *яровой червь* (*Hydroecia nitans* L.). Онъ встрѣчается въ большей части Европы, на Кавказѣ, Туркестанѣ, Сибири и Сѣверной Америкѣ. Въ Россіи онъ причиняетъ значительный вредъ въ Симбирской и Казанской губерніяхъ. Такъ съ 1879 г. по 1881 г. въ Симбирской губ. уничтожено имъ болѣе 12.000 д. овса и полбы. Въ 1893 г. яровой червь сильно вредилъ хлѣбамъ въ губерніяхъ: Казанской, Вятской и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ.

Но, вѣроятно, еще болѣе страшнымъ врагомъ для нашихъ полей является *Гессенская муха* (*Cecidomyia destructor* Say.), производящая свою опустошительную дѣятельность на пространствѣ 40 губерній средней, южной и восточной Россіи. До сихъ поръ ея еще не наблюдали на сѣверѣ Россіи, за Вятской губерніей, въ Привислянскомъ краѣ, Закавказьи, Сибири. Въ Западной же Европѣ она встрѣчается всюду: Германія, Австрія, Венгрія, Италия и Франція ее прекрасно знаютъ. Сѣв. Америка тоже познакомилась съ этой опасной гостьей, прибывшей изъ Европы въ соломѣ гессенскихъ солдатъ. Ее даже и предприимчивые янки не могутъ выжить до сихъ поръ.

Опустошенія, производимыя гессенской мухой, неисчислимы. Такъ, въ 1880 г. урожай ржи въ Елецкомъ у., Орловской губерніи, Козловскомъ у., Тамбовской губ., былъ на половину или на третью часть менѣе обыкновеннаго. Въ слѣдующемъ году Воронежская губ. поплатилась почти гибелью 18.000 д. хлѣбовъ, въ 1884 г. въ одномъ только Спасскомъ у., Рязанской губ., она повредила посѣвы на пространствѣ 5.033 д. Такъ же сильно хлѣба страдали въ губерніяхъ: Тульской, Вятской, Пензенской, Саратовской, Полтавской, Кіевской, Черниговской, Орловской, Херсонской, Бессарабской и Таврической. Въ послѣдніе же годы она производила опустошенія въ губерніяхъ: Пензенской, Уфимской, Кіевской, Московской и Калужской.

За Гессенской мухой идетъ цѣлый рядъ враговъ, [какъ *Хлѣбный пилильщикъ* (*Cephus rugicaens*), *Шведская мушка*] (*Oscinis frit*), *Зеленоглазка* (*Chlorops taeniopus*) и др., убытки отъ которыхъ исчисляются ежегодно большими сотнями, если не милліонами руб. Нельзя пройти молчаніемъ *безкрылую толстоножку* (*Isosoma apterum*), которая въ иныхъ мѣстахъ портитъ до 90% стеблей яровой пшеницы. Заслуживаетъ также вниманія *Совиноголовка гамма* (*Plusia gamma* L.). Опустошенія, производимыя ею еще въ началѣ прошлаго столѣтія, приняла чрезвычайные размѣры въ нѣкоторыхъ странахъ Европы. Такъ, въ 1735 г. страшно пострадала большая часть Франціи отъ Парижа до Эльзаса и Оверни; въ 1780 г. совиноголовка опустошала Померанію, въ 1829 г. Восточную Пруссію, а въ 1832 г. Швабію и Гессенъ, гдѣ она явилась въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что совершенно уничтожила льняные посѣвы на площади болѣе 60 кв. м. Наиболѣе сильныя опустошенія въ Россіи были въ 1829 г. въ Эстляндіи. Начи-

*

ная съ этого года въ разныхъ мѣстахъ произвела свиноголовка жестокаго опустошенія. Такъ въ 1871 г. въ Псковской губ. гусеницей ея было уничтожено льна 26.484 д. на сумму 1.690.088 р.

Въ заключеніе я остановлюсь на страшномъ врагѣ всего растительнаго царства *саранчъ перелетной* (*Pachytylus migratorius* L), историческія свѣдѣнія о которой беру изъ Кэрби и Спенсъ.

По словамъ Орозія, въ 3800 г. отъ сотворенія міра саранча явилась въ такомъ количествѣ, что буквально засыпала всю Африку, отлетѣвъ же къ морю, потонула; вода ея не приняла, а выбросила на берегъ. Воздухъ, по словамъ Орозія, былъ зараженъ такимъ зловоніемъ, котораго не произвело бы гниеніе 100.000 труповъ.

Результатомъ подобнаго же нашествія саранчи въ царствованіи Масаниссы была чума, отъ которой, по словамъ св. Августина, погибло болѣе 800.000 народа, а еще больше погибло въ приморскихъ странахъ.

Въ 1650 г. цѣлыя тучи саранчи залетѣли въ Польшу и Литву, заслоняя собой солнце. Она покрыла землю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кучами въ 3—4 ф., вся же земля была покрыта какъ будто черной тканью. Вѣтви деревьевъ гнулись подъ тяжестью насѣкомыхъ, а убытки, причиненные ею, неисчислимы. Въ 1747 г. она опустошила Валахію, Молдавію, Трансильванію, Венгрію и Польшу. Часть ея летѣла въ Трансильваніи тучей, имѣвшей возлѣ Вѣны три мили, а въ длину была такъ велика, что на пролетъ мимо красной башни употребила 4 часа. Эта туча была такъ плотна, что закрывала совершенно солнце, а люди въ 20 шагахъ не могли видѣть другъ друга.

Однимъ путешественникомъ Барроу такъ описывается нашествіе саранчи на южную Африку въ 1784 и 1797 г.

«Поверхность въ 2.000 кв. м. буквально покрыта саранчой. Когда же сѣверо-западный вѣтеръ загналъ ее въ море, то саранча образовала на протяженіи почти 10 миль отмель въ 3—4 ф. вышиной, а когда вѣтеръ подулъ юго-восточный, то страшный смрадъ заносило вглубь страны на разстояніи 150 миль.

Съ 1778 г. по 1780 г. Марокскую имперію страшно опустошала саранча, вслѣдствіе чего произошелъ ужасный голодъ. Люди, какъ тѣни, бродили повсюду и, побуждаемые голодомъ, копали разные корни и пожирали ихъ съ жадностью. Женщины и дѣти выбирали изъ помета верблюдовъ зерна ячменя, которыя и ѣли.

Народъ умиралъ массами, такъ что трупы валялись по дорогамъ и улицамъ. Въ 1841 г. саранча опустошала Испанію, вызвавъ въ нѣкоторыхъ ея мѣстахъ настоящій голодъ».

Но нельзя, впрочемъ, думать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ фигурируетъ одинъ и тотъ же видъ саранчи. Въ сѣверной Африкѣ опустошенія дѣлаетъ, по опредѣленіи проф. Эйхвальда, *Acridium peregrinum*, въ Египтѣ, сѣверной Аравіи, Палестинѣ, Сиріи, западной и средней Азіи—*Acridium tataricum*, въ южной Африкѣ, южной Персіи, сѣверной Индіи до владѣній китайскихъ *Phymatea morbillosa*, въ средней Азіи, Турціи и южной Россіи *Oedipoda migratoria*. Въ болѣе умѣренныхъ странахъ Стараго Свѣта вредитъ *Paloptenus italicus*.

Саранча перелетная—*Pachytylus migratorius*, причинявшая у насъ

вредъ, водится преимущественно на сѣверо-западѣ Азіи, юго-востокѣ Европы и въ сѣверной Америкѣ, хотъ можетъ залетать и дальше. Плавни и камыши устьевъ Дуная и Кубани являются мѣстомъ ея постоянного пребыванія и размноженія, точно также какъ и южная Россія до 49° сѣверной широты, Закавказье, берега Сыръ-Дарьи, а отсюда она залетаетъ въ среднюю Россію. Такъ, въ 1860 г. она явилась въ большомъ количествѣ въ Черниговской губ., а въ слѣдующемъ году даже залетѣла въ южную часть Могилевской губ., въ окрестности Варшавы и Сувалокъ (54° сѣв. широты). Первые свѣдѣнія о ней встрѣчаются въ 1008 г. Самыя же сильныя опустошенія отмѣчены въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Особенно памятными по опустошеніямъ, произведеннымъ ею, въ Новороссійскомъ краѣ, Волинской губ., части Кіевской, Черниговской, Орловской, Могилевской и даже Полтавской, является пятилѣтіе съ 1558 г. по 1862 г. Съ 1863 г. наступило затишье, а въ послѣднее время массовое ея появленіе замѣчено въ землѣ Войска Донского, Кубанской области, губ. Ставропольской, Таврической, Бессарабской, Воронежской, Саратовской и Астраханской.

Видѣтъ съ саранчой настоящей въ невѣроятномъ количествѣ начала появляться и такъ называемая *Кобылка*.

Кобылка представляетъ не одинъ какой-нибудь видъ прямокрылаго, а нѣсколько, какъ показали изслѣдованія нашихъ энтомологовъ— I. А. Порчинскаго, проф. Линдемана и др.

Такъ въ Уфимской губ. свирѣствовала въ 1891 г. главнымъ образомъ *Чернокрылая кобылка*—(*Stenobothrus melanopterus. R.*) и частью *S. elegans*. Къ счастью ея опустошительная дѣятельность ограничилась южной частью Белебеевскаго и западной частью Стерлитамакскаго уу., но и здѣсь на борьбу съ нею истрачено было 5.000 р. и истреблено кобылки только въ 22 селеніяхъ 1.941 пуд. 19½ ф.

Проф. Линдеманъ, приглашенный туда на борьбу съ нею, такъ описываетъ опустошенія, произведенныя кобылкой:

«Я видѣлъ здѣсь огромныя пространства полей, совершенно истребленныхъ кобылкой,—полей, не давшихъ буквально ни единого снопа. Особенно сильно поражены здѣсь были поля яровой пшеницы, полбы и ячменя. Я видѣлъ здѣсь поля, на огромномъ протяженіи, покрытыя засохшими стеблями лѣбныхъ растений, объѣденныхъ въ разныхъ степеняхъ развитія: отъ однихъ растений остались лишь короткіе, едва надъ землей поднимающіеся пни, отъ другихъ — осталась половина стебля съ нѣсколькими извѣденными листочками, у третьихъ—удѣлѣла вся солома, но съ объѣденнымъ колосомъ. Серпъ не коснулся такихъ полей, ибо кобылка оставила такъ мало, что не стоило труда тратить время и силы на уборку. Кобылка здѣсь произвела столь значительныя опустошенія, что большая часть населенія уже въ срединѣ сентября кормилась не хлѣбомъ, а суррогатами, выпеченными изъ лебеды, просянки (*Setaria viridis*), повилика, свербиги (*Bunnis oricuntalis*) съ примѣсью небольшого количества проса. И эта мука стояла тогда (10 сентября на мѣстѣ отъ 70 до 90 к. за пудъ!»

Паника населеніемъ овладѣла страшная. Думали, что настали по-

слѣднія времена. Организовать борьбу съ этимъ врагомъ было очень трудно: русское населеніе смотрѣло на кобылку, какъ на наказаніе Божіе за грѣхи, а слѣдовательно и бороться съ нею считало за грѣхъ. Выручало только въ этомъ случаѣ инородческое населеніе.

Не меньше враговъ имѣеть и *льсоводство*.

Здѣсь первенствующее мѣсто занимаетъ *шелкопрядъ-монахъ* (*Oseria tonacha*). Онъ извѣстенъ давно у насъ въ Россіи и за границей и является иногда въ такомъ количествѣ, что и вообразить себѣ трудно. Такъ въ іюлѣ 1856 г. морскія волны выбросили на берегъ, между Либавой и Вивдавой, на протяженіи до 70 в. слой бабочекъ этого шелкопряда толщиной въ 1½ ф., а шириною въ 1 саж. Береговые жители нагружали ими цѣлыя возы и въ качествѣ удобренія вывозили на свои поля.

Такое же явленіе произошло, по словамъ знаменитаго Ратцебурга, въ 1857 г. на берегу Восточной Пруссіи. Въ іюлѣ же 1858 г. въ Либаву залетѣло несмѣтное количество бабочекъ, которыя потомъ были унесены въ море и выброшены на берегъ. Не удивительно, что и поврежденія, производимыя гусеницами этой бабочки, огромны.

За періодъ съ 1845 г. по 1867 г. въ Пруссіи и Россіи опустошены страшно были лѣса на пространствѣ 7.000 кв. миль, изъ коихъ на долю Россіи приходится 6.400 кв. м., а на долю Германіи 600 кв. м.

Не менѣе вредно и то семейство жуковъ, которое носитъ названіе *Коронды*—*Scolytides*, или *Bostryalides*.

Вообще же въ Россіи не много встрѣчается жалобъ на вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ изъ отряда жуковъ. И это вполне понятно. Лѣса у насъ занимаютъ такую огромную площадь, представляютъ во многихъ мѣстахъ такую ничтожную стоимость, а въ иныхъ мѣстахъ даже и никакой, что на вредъ отъ насѣкомыхъ обращаютъ вниманіе лишь тогда, когда опустошенія захватываютъ ужъ слишкомъ большія пространства.

На этомъ я и покончу съ вредными насѣкомыми, а въ слѣдующей главѣ перейду къ описанію полезныхъ насѣкомыхъ.

Г л а в а III.

Существуетъ преданіе, которое нашло себѣ мѣсто и въ Алькоранѣ, о многострадальномъ Іовѣ. Заживо пожираемый червями, онъ не ропталъ, а славилъ Аллаха, несмотря на то, что обнажились его кости и внутренности. Но когда два червя впились въ его сердце, страдалецъ не вытерпѣлъ, а воззвалъ къ Аллаху, что бы оно не допустило ихъ истерзать то сердце, которымъ онъ молится и славить Аллаха. И Аллахъ внялъ его мольбѣ: онъ послалъ архангела Гавріила, который исцѣлилъ больного, а двухъ червей превратилъ—одного въ пчелу, а другого въ шелковичнаго червя. Первая должна, по волѣ Аллаха, услаждать вкусъ правовѣрнаго, а второй—облекать его тѣло въ роскошныя ткани.

Когда на самомъ дѣлѣ человекъ сталъ заниматься пчеловодствомъ—сказать трудно. Извѣстно только, что уже древніе писатели упоминали о медѣ. Въ глубокой же древности, до изобрѣтенія пергамента, для письма приготовлялись дощечки, покрытыя тонкимъ слоемъ воска и тогда же были подмѣчено, что воскъ не гниетъ, а потому его стали употреблять при бальзамированіи труповъ. Такъ было на-бальзамировано воскомъ и медомъ тѣло Александра Македонскаго.

Хоть теперь примѣненіе воска и меда не такъ широко, какъ прежде но тѣмъ не менѣе пчеловодство можетъ доставить значительный заработокъ, особенно мелкому собственнику. Если бы по вычисленіямъ покойнаго проф. А. М. Бутлерова на половину всего пространства европейской Россіи съ Польшей количество ульевъ достигло 2.000.000 штукъ, то ежегодный доходъ выразился бы въ 3.000.000 р.

Не менѣе, если еще не болѣе, доходнымъ является *шелководство*, извѣстное съ незапамятныхъ временъ. Насъкомымъ, доставляющимъ шелкъ, является, какъ извѣстно, *тутовый шелкопрядъ* (*Bombyx mori*). Родина его, нужно думать, Китай. Въ царствованіе императора Юстиніана два монаха тайнымъ образомъ привезли въ выдолбленныхъ палкахъ сѣмена тутоваго дерева и яички шелкопряда въ Константинополь. До XII ст. шелководство существовало только въ восточной римской имперіи, и особенно процвѣтало на островѣ Косѣ. Затѣмъ оно введено было арабами въ Испанію, въ средніе же XII столѣтія проникло въ Италію, при Генрихѣ IV началось во Франціи, а отсюда уже разошлось по всей Европѣ, гдѣ можетъ расти тутовое дерево, давая жителямъ значительный доходъ.

Нынѣ шелководство представляетъ собой значительную отрасль сельскохозяйственной промышленности. Ежегодная добыча шелка приблизительно 1.500.000 пудовъ на сумму примѣрно 1.000.000.000 фр., причемъ наибольшее количество производитъ Китай, потомъ Италія, Японія и т. д. Россія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. По потребленію же шелка Китай занимаетъ первое мѣсто, потомъ Франція, а Италія всего тринадцатое. Грандіозное развитіе шелковой промышленности наблюдается нынѣ въ Сѣверной - Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Но за то производство шелка въ Зап. Европѣ не возрастаетъ, тогда какъ потребленіе увеличивается съ каждымъ годомъ, такъ что Европа поневолѣ должна обращаться къ странамъ Востока, а между тѣмъ она сама легко можетъ увеличить производство шелка до значительныхъ размѣровъ.

Одна Россія могла бы давать на рынокъ массу шелка. Достаточно вспомнить, что у насъ есть Закавказье и Туркестанъ, южныя и юго-западныя губерніи Евр. Россіи.

Возможность развитія шелководства сознана уже давно. Уже царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ дѣлать шелковичныя насажденія возлѣ Москвы. Значительно позже, основатель комитета шелководства Ма-

словъ и директора его А. П. Богдановъ много потрудились на этомъ поприщѣ, но видныхъ результатовъ достигнуто все же не было.

Теперь, повидимому, дѣло это вступило въ новую фазу: министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ съ одной стороны, а земства—съ другой дали серьезный толчокъ этой полезной отрасли и она, нужно думать, сторицей окупитъ эти заботы. Многіе, кромѣ того, видятъ новую эру въ опытахъ члена комитета шелководства О. О. Тихомировой по выкоркиѣ червей листьями другого растенія—сладкаго корня—*Scorzonera hispanica*, что даетъ возможность расширить предѣлы шелководства значительно сѣвернѣе, но пока это еще дѣло новое.

Нельзя попутно не упомянуть объ одномъ дикомъ шелкопрядѣ—*Antheraea Pernyi*, который даетъ шелкъ, идущій для приготовления известной всѣмъ че-су-чи; обыкновенно думаютъ, что она дѣлается изъ обыкновеннаго шелка.

А кошениль? Послѣдняя даетъ, какъ известно, чудную краску—карминъ, служащую для окраски тканей въ пурпуровые, алые цвѣта. Теперь мы знаемъ, что это—насъкомое *Coccus cacti. L.*, живущее на кактусѣ—Орниція обыкновенная, свойственная Сѣв. Америкѣ и акклиматизированная уже на югѣ Европы.

Менѣе цѣннымъ является другое насъкомое—польская кошениль (*Porphyrophora polonica*), то красное небольшое насъкомое въ родѣ паука съ короткими ножками, которое часто попадаетъ намъ медленно ползающимъ и по землѣ, и по различнымъ растеніямъ. Краска, добываемая изъ него до половины XVII ст., т.-е. до распространенія американской кошенили, пользовалась значительнымъ спросомъ въ европейскихъ мастерскихъ и давала тогда Польшѣ значительный доходъ. Эта кошениль шла въ Турцію, гдѣ ею окрашивали сафьяны. Шла она также и въ Данцигъ, а оттуда въ Голландію. Нынѣ же она употребляется лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянами для окраски грубаго сукна и полотна.

Два другіе вида *Червецовъ* (*Coccus lacca*), живущихъ на фікусѣ, даютъ смолу, изъ которой готовятъ прекрасный сургучъ—«шеллакъ», *Coccus tinctorius*, живущій на тамаринтахъ въ окрестностяхъ Синая, вызываетъ своими уколами истеченіе сладкаго сока, при затвердѣваніи дающаго известную «манну».

Насъкомымъ же обязаны своимъ происхожденіемъ такъ называемые «чернильные орѣшки». Они происходятъ вслѣдствіе укола, произведеннаго на листьяхъ и вѣтвяхъ, нѣкоторыми перепончатокрылыми изъ группы Орѣшотворокъ, какъ *Cynips tinctoria* и *Cynips calicis*. Первая производитъ эти образования на концахъ вѣтвей и на самыхъ вѣтвяхъ краснаго дуба. Къ мѣсту укола въ изобиліи притекають соки, вслѣдствіе чего ткани усиленно растутъ, образуя наростъ. Въ немъ же находится одна или нѣсколько личинокъ, которыя и питаются

внутренними тканями орѣшка. Другая же форма производит наросты между чашечкой и жолудемъ дуба. Европа получаетъ ежегодно около 10.000 центнеровъ такихъ орѣшковъ изъ Малой Азіи. Идутъ они для различныхъ цѣлей, а главнымъ образомъ для фабрикаціи чернилъ, хотя, кажется, и медицина не брезгаетъ ими въ видѣ порошковъ, настоевъ при сильныхъ поносахъ, кровоточеніяхъ и т. п.

Не обходится безъ насѣкомыхъ и медицина. Достаточно въ этомъ отношеніи упомянуть *Шпанку* или *Шпанскую мушку* (*Lytha vesicatoria* L.), дающую нашъ извѣстный нарывный пластырь. Своими свойствами она обязана особому веществу, называемому «Кантаридиномъ», который легко извлекается спиртомъ.

Недавно также вошло въ употребленіе, послѣ изслѣдованій нашего извѣстнаго проф. Боткина, вещество добываемое изъ *чернаго таракана*—*Blatta (Periplaneta) Orientalis* L. Вещество это, называемое «антигидропиномъ», извѣстное, какъ лѣкарственное, у простонародія уже давно, стало впервые примѣняться проф. Боткинымъ съ большимъ успѣхомъ противъ водянки.

Этимъ, кажется, и ограничивается примѣненіе насѣкомыхъ въ медицинѣ.

Многія насѣкомыя служатъ также человѣку пищей *).

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ саранча, которая съ самыхъ древнихъ временъ употреблялась въ пищу, о чемъ уже упоминаетъ Плиній. Ее или мелютъ на мельницахъ, или прямо толкутъ въ ступкахъ, готовятъ изъ такой муки тѣсто и пекутъ лепешки, а въ другихъ мѣстахъ изъ нея дѣлаютъ вѣчто въ родѣ фрикасса.

Кобылки (*Cicada*), воспѣваемые со времени Гомера, употреблялись въ пищу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и понынѣ, считаются большимъ лакомствомъ; китайцы же и теперь еще ѣдятъ съ большимъ удовольствіемъ куколокъ шелковичнаго червя, остающихся послѣ размотки шелка. *Бѣлые муравьи* (*Termes*), будучи поджарены на слабомъ огнѣ, служатъ любимой пищей африканскихъ дикарей, да и европейцы, попробовавъ такого блюда, отзываются о немъ съ большой похвалой.

Но далеко большую пользу приносятъ насѣкомыя косвеннымъ образомъ—истребленіемъ въ громадныхъ количествахъ вредныхъ намъ насѣкомыхъ.

Хищныя, кровожадныя и проворныя стрекозы, прозванныя у французовъ за ихъ легкость, стройность и нарядность «demoiselles'ями», у англичанъ — «Драконовыми мухами» за ихъ свирѣпость, только тѣмъ и занимаются, что ловятъ различныхъ насѣкомыхъ, главнымъ образомъ, комаровъ, мухъ, мошекъ и т. п. Эти «тираны въ воздухѣ» илѣютъ и такихъ же милыхъ дѣтокъ, которыя живутъ въ водѣ,

*) Обширная литература по этому вопросу собрана у Кэрби и Спенса «Общая естественная исторія насѣкомыхъ», откуда я и беру нѣкоторые факты.

истребляя тамъ массу всякой всячины и даже рыбу икру, хоть этотъ вредъ въ миллионы разъ искупается приносимой ими пользой. Появленіе этихъ насѣкомыхъ въ огромномъ количествѣ находится въ прямой зависимости отъ чрезмѣрнаго размноженія въ данной мѣстности какого-нибудь вреднаго насѣкомаго, какъ это было, напр., въ Эстляндской губерніи. Здѣсь, въ 1852 году, обильномъ массомъ вредныхъ гусеницъ зерновой совки—*Noctua graminis* и капустяницы—*Pieris brassicae*, появилось невѣроятное количество стрекозъ, уничтожившихъ этихъ гусеницъ такъ, что они не принесли почти никакого вреда. Подобный же фактъ массового появленія стрекозъ наблюдался возлѣ Либавы въ 1850 г., гдѣ стая насѣкомыхъ летѣла около морского берега цѣлыхъ 7 дней.

Кузнечики—*Locusta*, *Decticus* и *Platycleis*, которыхъ долгое время считали растительноядными, оказались по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Н. Радулина, также хищными.

А оригинальный богомолъ (*Mantis religiosa*), съ его своеобразными передними ножками, приподнятыми вверхъ, какъ руки молящагося?

При своей прожорливости и хищности, онъ отличается необыкновеннымъ терпѣніемъ и хитростью во время своихъ охотъ; рѣдкое насѣкомое не дѣлается его добычей.

Нельзя также пройти молчаніемъ очень обыкновенныхъ у насъ *Златолазокъ* (*Chrysopa*), близкихъ къ нимъ *Вислокрылокъ* (*Rhaphidae*), *Панорты* (*Panorptidae*), которыя всѣ и въ личиночномъ, и во взросломъ состояніи занимаются истребленіемъ всякихъ насѣкомыхъ, а главнымъ образомъ травяныхъ вшей.

О двукрылыхъ—*Diptera*, представителями которыхъ являются наши извѣстныя мухи, я уже говорилъ раньше, а теперь намъ придется подробно поговорить о той группѣ мухъ, которыя извѣстны болѣе подъ именемъ *Талинъ* или *Елисмухъ*. Эти въ высшей степени полезныя насѣкомыя, какъ это показали новѣйшія изслѣдованія І. А. Порчинскаго, откладываютъ яички на гусеницъ вреднѣйшихъ бабочекъ, какъ Совки-Гаммы—*Plusia-Gamma*, монашенки—*Ospesia monacha*, непарнаго шелкопряда—*Ospesia Dispar* и др. Личинки проникаютъ внутрь тѣла гусеницы, пожираютъ его, начиная съ менѣе важныхъ частей, а выросши, выходятъ изъ полусъѣденнаго тѣла своего хозяина, чтобы окуклиться уже въ землѣ.

Также важны для насъ и нѣкоторыя живородящія мухи, какъ-то: *саранчевая муха* и *полосатая живородящая муха*. Обѣ онѣ въ личиночномъ состояніи пожираютъ тѣла саранчи, кобылокъ, пруссика, а представители сем. *Жужжаль* (*Botbylidae*), какъ *осенній жужжало*—*широколобый жужжало*, *темнокрылый жужжало* уничтожаютъ саранчу, кобылокъ и пруссика въ состояніи яичекъ.

Наконецъ, остаются еще Сирфиды *)—*Syrphidae*, зеленныя личинки коихъ, напоминающія своей формой павокъ, отличаются необыкновенной прожорливостью и далеко превосходятъ въ этомъ отношеніи Божьихъ коровокъ и ихъ личинокъ. Чтобы доставить своимъ дѣткамъ обильную и готовую пищу, мать кладетъ яички по одному на листья густо покрытыя травяными вшами. Достаточно выросшія личинки высасываютъ отъ 20 до 30 тлей и продѣлываютъ это нѣсколько разъ въ день.

Столь распространенные у насъ муравьи, о которыхъ я уже говорилъ раньше, несомнѣнно, полезны въ лѣсахъ, гдѣ они истребляютъ массу вредныхъ гусеницъ. И на этомъ основаніи лѣсное вѣдомство въ Германіи категорически воспрещаетъ сборъ муравья и муравьиныхъ личинокъ, что у насъ дѣлается совершенно безпрепятственно. Какую массу тѣхъ и другихъ можно видѣть на птичьихъ рынкахъ, гдѣ товаръ этотъ въ огромномъ количествѣ покупается, какъ кормъ разнымъ птицамъ.

Близкіе родственники муравьевъ—*роющія осы*, какъ *Crabronidae* и *Pamphidae* или *дорожная оса*, беспощадно губятъ своихъ же собратьевъ—враговъ человѣка. Самки собираютъ для своихъ дѣтей цѣлыя запасы изъ живыхъ насѣкомыхъ, гусеницъ, личинокъ, жали ихъ въ брюшныя, нервныя узлы. Такія жертвы остаются живыми довольно долгое время, но лишены совершенно способности движенія.

Такую же роль играютъ *Наѣздки*—(*Ichneumonidae*) и близкіе къ нимъ формы—наши друзья и надежные союзники въ борьбѣ съ вредными насѣкомыми, тѣмъ болѣе, что число относящихся сюда формъ превосходитъ 5.000 видовъ. Мѣстомъ для откладки яичекъ служатъ имъ и взрослыя формы, хоть они предпочитаютъ другія стадіи, начиная яйцомъ и кончая куколкой. Ничто не спасаетъ отъ нихъ жертвъ: длинный яйцекладъ даетъ возможность проникнуть и подъ кору, и въ древесину, и въ воду, причемъ самка откладываетъ на свою жертву или одно яичко, или нѣсколько. Любопытно, что въ этомъ отношеніи одни виды *Наѣздки* вовсе не разборчивы: первое попавшееся насѣкомое въ какой угодно стадіи развитія, другіе—крайне разборчивы, простирая иногда свою разборчивость до того, что только та или другая стадія развитія, но не взрослое насѣкомое, служить для этого.

Не мало хищниковъ и между жуками.

Первое мѣсто между ними занимаютъ *Скакуны*—*Cicindellidae*—«тигры насѣкомыхъ», какъ ихъ назвалъ знаменитый Линней. Такимъ же хищничествомъ отличаются и ихъ личинки, а также и родныя ихъ сестры—*Жужелицы*—*Carabidae*.

*) О нихъ, равно какъ и о другихъ изъ приведенныхъ здѣсь, я уже кратко говорилъ въ 1-й главѣ, но здѣсь они рассматриваются, какъ истребители вредныхъ для человѣка насѣкомыхъ.

Мнѣ самому, во время одной изъ энтомологическихъ командировокъ по Кіевской губерніи, приходилось наблюдать неоднократно одинъ очень интересный фактъ. Дѣло въ томъ, что вокругъ свекловичной плантаціи обыкновенно выкапываютъ предохранительный ровъ для задерживанія различныхъ вредныхъ насѣкомыхъ. И вотъ здѣсь-то; на двѣ рва я встрѣчалъ всегда массу довольно большихъ съ очень твердыми надкрыльями, крайне неуклюжихъ жуковъ — *Головачей* (*Lethrus cerhalutes*)—враговъ свеклы. Тутъ же мнѣ постоянно попадались и крупныя, красиво окрашенныя жужелицы, занимающіяся, конечно, охотой. Объектомъ являлся чаще всего «головачъ». Не имѣя возможности разгрызть твердыя надкрылія этого жука, жужелица его переворачивала на спину и у живого, дрыгающаго все время ножками, выѣдала брюшко. Въ томъ же случаѣ, когда попадался головачъ крупныхъ размѣровъ, такъ, что жужелица при всѣхъ своихъ усиліяхъ не могла перевернуть его на спину, она на минутку отбѣгала куда-нибудь въ сторону и возвращалась уже въ компаніи съ другой. Товарки дружно брались за работу, совокупными усиліями переворачивали жертву и съ аппетитомъ пожирали брюшко. Тоже продѣлываютъ эти ловкіе хищники и съ майскимъ жукомъ. Хищничая цѣлую жизнь какъ въ видѣ личинки, такъ и совершеннаго насѣкомаго, они истребляютъ невѣроятную массу враговъ нашихъ лѣсовъ, полей, садовъ, огородовъ, чѣмъ приносятъ человѣку неисчислимую пользу.

Такое же значеніе имѣютъ для насъ разные виды *Caecosoma*—*Красотыли*, проворныя, стройныя и необыкновенно прожорливыя хищники.

Жуки эти появляются въ изобиліи обыкновенно въ такіе годы, когда лѣса кишатъ всякими гусеницами.

Скажу еще нѣсколько словъ о *Нарывникахъ*—*Mylabris* и *Шпанкахъ*—*Epicanta*, которые являются страшными врагами саранчи и пруссика. Роль ихъ въ этомъ отношеніи только недавно надлежащимъ образомъ выяснили наблюденія І. А. Порчинскаго. Хотя нарывники иногда появляются въ огромномъ количествѣ и причиняютъ вредъ нашимъ культурнымъ растеніямъ, пожирая ихъ, какъ это и мнѣ приходилось наблюдать въ Полтавской губерніи, гдѣ *Шпанки* объѣли страшно картофельныя поля, но этотъ вредъ—капля въ морѣ той пользы, какую онѣ намъ приносятъ.

«Если вспомнить,—говоритъ І. А. Порчинскій,—что для уничтоженія пруссика и кобылки мы затрачиваемъ (нерѣдко—почти напрасно) значительную сумму денегъ и массу труда, а съ другой стороны, что нарывники и шпанки лишь въ рѣдкіе годы появляются во вредныхъ количествахъ, то нельзя не признать, что размѣры того вреда, который причиняютъ намъ названныя жуки, совершенно ничтожны. Эти труженики и драгоценные наши помощники за свой трудъ вполне заслуживаютъ того, чтобы ихъ немного покормили».

Мнѣ остается еще упомянуть о *Божьихъ коровкахъ*. Эти полезнѣй-

шія, по словамъ знаменитаго Ратцебурга, насѣкомыя появляются иногда невѣроятными массами въ годы сильнаго размноженія травяныхъ вшей, которыми питаются какъ взрослые Божьи коровки, такъ и личинки ихъ. Такъ, въ 1807 г. морской берегъ близъ Брайтона и всѣ морскія купальни на южномъ берегу Англіи были буквально покрыты Божьими коровками къ величайшему удивленію и даже опасенію жителей, которые и не подозрѣвали, что ихъ маленькіе посѣтители были эмигранты, вышедшіе изъ сосѣднихъ хмельниковъ, гдѣ въ своемъ личиночномъ состояніи каждая Божья коровка уничтожила тысячи, десятки тысячъ растительныхъ вшей.

Этимъ я и закончу свою статью.

Я рассчитывалъ не на специалистовъ, а на большую публику, и потому приводилъ примѣры наиболѣе крупныя, бралъ группы насѣкомыхъ, наиболѣе извѣстныхъ по своему вреду или пользѣ, а главное всюду и вездѣ, гдѣ только можно было, старался подтвердить тѣ или другія мысли фактами изъ наиболѣе близкой намъ русской энтомологической литературы.

И если читатели, прочитавъ эту статью, скажутъ: «да, тѣ мелкія ничтожныя существа, которыя всюду и вездѣ намъ попадаются, на которыхъ мы никакого вниманія не обращали, достойны вниманія и изученія, а энтомологія, которая ими занимается, не есть пустая забава, а настоящая наука, имѣющая, кромѣ высокаго теоретическаго интереса, и огромное практическое значеніе», то я сочту себя вполне удовлетвореннымъ.

С. Торскій.

* * *

Есть души скрытыя: онѣ
Напоминають странно мнѣ
Тѣ роковыя города,
Что затонули безъ слѣда
Въ пучинѣ темноглубой.
Укрыло море ихъ собой,
И въ жизни силой никакой
Не вызвать ихъ изъ мглы морской.
Въ нихъ все навѣкъ погребено,
И лишь избранныкамъ дано
Порою слышать въ поздній часъ
Несущійся изъ бездны гласъ
И колокольный тихій звонъ,
И гѣснь, и плачь, и арфы стонъ.
Лишь люди, чей отваженъ духъ,
И ясенъ взоръ, и чутокъ слухъ —
Ихъ слышать въ ропотѣ волны
И тайну ихъ постичь вольны.

О. Чюмина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Жестокіе», романъ г. Боборыкина. — Удачныя характеристики различныхъ «настроеній». — Вѣрно подмѣченная общая черта — черствость и эгоизмъ. — «За десять лѣтъ практики», Ѳ. Павлова. — Интересныя наблюденія автора изъ фабричной жизни. — Отсутствіе тенденціозности и искренность автора.

«Жестокіе» — вотъ настоящее слово, которымъ мѣтко окрестилъ г. Боборыкинъ героевъ своего послѣдняго романа. На заглавіи г. Боборыкинъ всегда очень удачливъ, и многія изъ нихъ надолго становятся ходячимъ словечкомъ, какъ, напр., изъ послѣднихъ — «Накипь». И въ заглавіи новаго романа онъ сумѣлъ вмѣстить ту наиболѣе рѣзкую и характерную черту, которая выдѣляется съ особенною яркостью въ многочисленныхъ и разнообразныхъ представителяхъ самоновѣйшихъ «настроеній». Мы говоримъ именно о настроеніяхъ, а не направленіяхъ, такъ какъ въ послѣднемъ понятіи заключается всегда нѣчто выдержанное, опредѣленное и точное, т. е. именно то, чего лишены всѣ «герои дня», выводимые въ романѣ г. Боборыкина. Предъ читателемъ дефилируетъ цѣлая вереница странныхъ, не то надломленныхъ, не то недоузданныхъ людей, матающихся безцѣльно и безъ смысла, словно больные, подточенные кореннымъ, органическимъ недугомъ, котораго они не сознаютъ, хотя и чувствуютъ, что у нихъ внутри что-то велядно. Этотъ неопредѣленный и непонятный имъ недугъ, отравляющій имъ жизнь, они слятся возвести въ нѣчто сугубо высокое и важное, что выдѣляетъ ихъ изъ ряда простыхъ смертныхъ и ставить выше, подымаетъ на высоту, недостижимую для толпы. И они смотрятъ на все остальное человѣчество съ высокоумѣреннымъ презрѣніемъ и считаютъ своимъ правомъ творить по отношенію къ нему всякую гадость, разъ этого требуетъ ихъ «духъ». А въ сущности всѣ они оказываются такими мелкими и маленькими людьми, съ извращенной нравственностью и больной душой, что въ концѣ концовъ ничего, кромѣ презрительной жалости не могутъ внушить какъ своей жестокостью, такъ и высокоумѣріемъ.

Впередѣ выступаетъ главный герой романа Приспѣловъ, считающій себя однимъ изъ «сверхъ-людей», пропитаннымъ духомъ Ницше, презирающій всѣхъ, къ кому судьба не была такъ благосклонна, какъ къ его избранной особѣ. Даровитый адвокатъ, сколотившій изрядный капиталъ безъ особыхъ усилій и особой разборчивости въ средствахъ и къ сорока годамъ составившій себѣ довольно видное имя въ мірѣ дѣльцовъ, Приспѣловъ считаетъ себя солю земли, человекомъ, стоящимъ чуть ли не на головокруглительной высотѣ, съ которой оцѣнивается всѣхъ какъ ничтожныхъ людшекъ, созданныхъ для его возвеличенія. Успѣхъ въ дѣлахъ, успѣхъ у женщинъ, которыхъ онъ презираетъ и потому дѣйствуетъ на нихъ импонирующимъ образомъ, совершенно одурманиваетъ его, не давая ему поглубже проанализировать себя самого и увидѣть, что вся его сила весьма невысокаго сорта, что сущность этой силы очень ничтожна, такъ какъ вся она заключается въ той жестокости сердца, которая помогала ему

пренебрегать интересами другихъ и отстаивать личные безъ зазрѣнія совѣсти. Жестокость и эгоизмъ, дѣйствительно, могутъ сойти за силу, но лишь до перваго столкновѣнія съ жестокостью и эгоизмомъ другого. Тогда-то и сказывается вся непрочность этой силы, вся ея слабость и невозможность ею одной отстоять себя. Такъ случилось и съ нашимъ «сверхъ-человѣкомъ», когда ему вдругъ, неожиданно для него нежданно, даетъ, по его выраженію, отставку женщина, на которую онъ уже привыкъ смотрѣть, какъ на свою собственность. Ее онъ взялъ, какъ ему казалось, именно тѣмъ, что онъ сильный человѣкъ, стоящій выше предрасудковъ и мелочныхъ стѣсненій совѣсти. И она казалась ему привлекательной до обаятельности тоже своей свободой въ области нравственныхъ чувствъ, тѣмъ презрѣньемъ къ общепринятой морали, чѣмъ щеголяла и онъ самъ. Любила ли она его, да и любилъ ли онъ самъ, этотъ вопросъ даже и не возникалъ у него,—она была просто ему нужна, какъ показатель его «мужской силы», того вліянія, которое подчиняло ему женщинъ и возвышало его въ собственныхъ глазахъ. Внезапная измѣна этой женщины, которая безъ всякихъ объясненій бросаетъ его, какъ ненужную больше тряпку, разомъ свергаетъ Приспѣлова съ того пьедестала, на которомъ онъ привыкъ красоваться прель собой. Онъ растеривается, какъ самый простой смертный, и даже хуже. Онъ унижается до подлости, до желанія грозить шантажемъ своей бывшей любовницѣ, пытается вынуть компрометирующія ее письма, и когда это не удается, только тогда понимаетъ, какой онъ на повѣрку слабый и жалкій человѣкъ. Жестокость и эгоизмъ, столь цѣнные въ его глазахъ, какъ показатели силы, не выручаютъ его и не оказываютъ ни малѣйшей поддержки въ захватившей его бѣдѣ,—даже и не бѣдѣ, такъ какъ онъ теперь ясно сознаетъ, что никогда ее не любилъ и никогда не былъ любимъ. Его удручаетъ мысль, что не онъ первый далъ ей «отставку», а ему дали. Этого онъ никакъ не въ силахъ переварить и носится съ своей обидой до полной протраціи нравственныхъ и физическихъ силъ.

Гдѣ же доказательство его права на званіе «сверхъ-человѣка», чѣмъ онъ такъ превозносился и гордился? Предъ нами все время — жалкій эгоистъ, не знавшій въ жизни ни высокихъ задачъ, ни чистыхъ привязанностей, налагающихъ на людей вѣжныя цѣпи долга. Приспѣловъ тутъ только понялъ, какъ онъ одинокъ и никому не нуженъ, какую пустоту онъ создалъ около себя, пустоту, въ которой ему суждено задохнуться медленно, но неизбежно. Онъ дѣлаетъ робкую попытку хотя послѣднія минуты быть кому-либо нужнымъ, оставить послѣ себя хотя для кого-нибудь благодарную память, но и здѣсь терпитъ поворное пораженіе. Онъ предлагаетъ вѣкогда имъ обиженной дѣвушкѣ выйти за него замужъ, чтобы послѣ его смерти получить право на его огромное имущество. Онъ обѣщаетъ ей, что самъ «устранится» и она будетъ вполне свободна. Она рѣшительно отклоняетъ это странное предложеніе, и Приспѣловъ застрѣливается, предпочитая мгновенную смерть медленному угнанію, и въ этомъ только и сказывается признакъ той силы, которую онъ предполагалъ въ себѣ.

Такова судьба перваго изъ «жестовыхъ». Не лучше судьба и избранницы его сердца, Поликсени Семеновны Безруковой, такъ спокойно давшей ему «отставку», когда ей это оказалось нужно. Пожалуй, она еще безсердечнѣе, еще жесточе. Въ разрывъ съ Приспѣловымъ совпалъ съ смертельной болѣзью ея мужа, что ни мало не мѣшаетъ ей ухаживать за новымъ своимъ предметомъ, нѣблизкимъ Вялліи Галубинымъ, юнымъ эстетомъ, поклонникомъ красоты, которому онъ изучаетъ съ вѣличной серьезностью. Если Приспѣловъ мнитъ себя силой, какъ ничшеанецъ, коему все дозволено, то Галубинъ стремится къ красотѣ, и въ этомъ стремленіи видитъ весь смыслъ жизни, а на женщинъ смотритъ какъ одинъ изъ предметовъ красоты. Избранница Приспѣ-

лова не долго его интересуютъ, и аполучная измѣнница получаетъ свою изду полностью. Мужъ, умирая, силится раскрыть ей глаза на все ничтожество и пустоту ея жизни, но безрезультатно, и почти у его гроба она мечтаетъ о новой связи, а когда эта мечта разлетается прахомъ, она остается въ такой же пустотѣ, какъ и Приспѣловъ. Но у того хватило духу разомъ покончить съ собой, на что рѣшиться она не въ силахъ.

Эти двѣ фигуры въ романѣ лучше всего выдержаны и освѣщены. Въ нихъ, однако, новѣйшія настроенія только затронуты. Они—представители сходящаго со сцены поколѣнія, которое только чуть было захвачено новыми вѣяніями. Жестокость и безсердечіе, составлявшія коренную черту ихъ личности, нашли себѣ поддержку въ новомъ ученіи о правахъ сверхъ-человѣка и о новой красотѣ, которая сама себѣ довлѣетъ. Въ чистомъ, такъ сказать, видѣ новыя вѣянія выступаютъ въ двухъ представителяхъ молодого поколѣнія.—Ошаринъ и упомянутомъ Галубинъ. Первый до извѣстной степени учитель и руководитель второго. Онъ уже достигъ высшей ступени совершенства, поднялся на вершину, гдѣ царитъ одно холодное созерцаніе безконечныхъ по равнообразію формъ красоты. Отъ него вѣетъ холодомъ, который мѣшаетъ сближенію съ нимъ, что еще болѣе влечетъ къ нему «юношей», какъ Голубинъ, и разныхъ «юницъ», по его выраженію. А онъ, Ошаринъ, разрѣшаетъ имъ любоваться собой и методически, мѣрнымъ тономъ читаетъ имъ лекціи о смыслѣ жизни и задачахъ искусства. И дѣвчцы имъ увлекаются не на шутку, а одна изъ нихъ, Маня Доброва, нѣкогда жертва Приспѣлова, увлекшаго ее своей «силой», готова пойти очень далеко въ своемъ увлеченіи, если бы Ошаринъ низпустился до этого. Но ему нельзя, ибо «если стремишься къ высшему освобожденію своего я, нельзя грязнить свою душу... Надо быть цѣломудреннымъ».

Поэтому онъ великодушно разрѣшаетъ любить себя, самъ же только любитъ чужимъ чувствомъ, отыскивая въ немъ новые оттѣнки, достойные созерцанія поклонника красоты. Какъ въ немъ, такъ и около него должно быть все особенное, чего нигдѣ нельзя было бы найти. Каждая вещь, каждое слово должно быть исполнено своего значенія, не похожего ни на что другое, ибо нѣтъ ничего опаснѣе банальности. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, онъ одобряетъ всякое оригинальничаніе, всякую дичь, лишь бы она не была банальностью, не отдавала «буржуазностью». «Любезный другъ,—проповѣдуетъ онъ благоговѣнно внимающей Манѣ,—каковы бы ни были всѣ эти Федюсинскіе и Евтроповы (о нихъ рѣчь будетъ впереди) и даже тотъ, въ балахонѣ, изображающій изъ себя російскаго мизерабля съ идеями, они—симптомы реакціи противъ ненавистныхъ намъ съ тобою моралистовъ, выдохшихся радикаловъ народнической подошлеки... Рагдон за эти варварскіе термины—но ихъ надо употреблять, когда говоришь обо всемъ этомъ старьѣ. Евтроповъ! Да я готовъ ему всегда сдѣлать ручкой потому, что онъ, съ своей семинарской теософіей á base de лампадное масло, врывается съ другой почвой. У него есть свое credo. Онъ не боится того, что его обвинять въ мракобѣсѣ, у него есть смѣлость. И я этому радуюсь. И даже невозможный языкъ, какимъ онъ пишетъ—все-таки *vis generis*. Онъ самъ его выработалъ. Это—научная семинарская проза, а не «маседоине» изъ разныхъ поливалыхъ клише».

Въ концѣ концовъ, однако, это холодное безстрастное созерцаніе ради самоуслажденія отталкиваетъ отъ чистаго «эстетя» даже его поклонниковъ, и Галубинъ первый возмущается такимъ «вкусизмомъ».

«Довольно!—не выдерживаетъ Галубинъ.—Для тебя все въ мірѣ, въ природѣ и человѣкѣ—рядъ картинъ для твоихъ настроеній. И я восторгался такимъ высокимъ самоуслажденіемъ. Но меня начинаетъ сосать вотъ тутъ—онъ указалъ на грудь...—Нельзя жить только *вкусизмомъ*... надо искать чего-то другого».

И Галубинъ рѣзко порываетъ съ своимъ старымъ учителемъ, которому онъ обязанъ весьма малымъ, да и это малое, какъ очемъ недурно изображено въ романѣ, ведетъ его отъ одной гадости къ другой.

Какъ Приспѣловъ и его избранница представители стараго поколѣнія, жившіе только ради грубѣйшаго эгоизма и не видавшіе иныхъ задачъ, кромѣ удовлетворенія личной страсти, такъ и Ошаринъ уже отживаетъ свое время, и Галубинъ, его ученикъ и поклонникъ, уже живо чувствуетъ, что одной эстетикой не проживешь. Онъ ясно понимаетъ всю пустоту такихъ изломанныхъ людей, какъ Евтроповъ, Федюсинскій и Пеклеванцевъ, которые выступаютъ въ романѣ представителями самыхъ мутныхъ и странныхъ теченій, возмущающихъ поверхность современности. Въ романѣ они только намѣчены, потому что и въ жизни они—лишь рябь, обезображивающая поверхность, рябь, неопредѣленная, измѣнчивая и безформенная, возникшая благодаря отсутствію сильнаго вѣтра въ опредѣленномъ направленіи. Надо правду сказать, и изображены они очень плохо, чисто эскизно, мѣстами шаржированы до крайности. Сказался обычный грѣхъ почтеннаго автора—писать портреты, въ которыхъ легко узнать нѣкоторыхъ современниковъ, напр., хотя бы въ выше приведенной характеристикѣ Евтропова. Кто не узнаетъ въ ней автора курьезныхъ разсужденій по части «хотѣнія» и «привлеченія», который дополняетъ нынѣ армію нашихъ доморощенныхъ эстетовъ, Оскаровъ Уайльдовъ и Верленовъ. Еще хуже поступилъ г. Боборыкинъ, выведя въ Пеклеванцевѣ «сверхъ-босняка», который дико рычитъ, «глазами косо водить», только пьянствуетъ и разговариваетъ съ интеллигентными дѣвицами такимъ жаргономъ:

— Такъ вы, милая барышня, не хотите чокнуться со мной? Вы съ Вѣрой Яковлевной—подружки. И надо бы хоть какой ни то брудершафтъ... Для васъ слишкомъ низко! *Фи доми!* Какой-то мизерабль—и вдругъ лѣзетъ къ тонкоинтеллигентной дѣвицѣ съ такимъ предложеніемъ. Презорство! Большое презорство! Вы вѣдь—на высотахъ... въ эмпреяхъ символизма... И говорю на чистоту, не въ рукахъ вы, милая барышня... съ такимъ, можно сказать, ликомъ и умница...»

Затѣмъ пьяный и растерзанный Пеклеванцевъ лѣзетъ къ ней насильно цѣловаться. Смѣемъ думать, что ничего подобнаго г. Боборыкинъ самъ не видалъ и просто пишетъ съ чужихъ словъ и притомъ съ сквернымъ отгѣнкомъ.

Впрочемъ, въ романѣ всѣ эти странныя фигуры не играютъ видной роли,—они только дополняютъ главныхъ «жестокихъ», какъ фонъ, на которомъ послѣдніе выступаютъ съ болѣею выпуклостью и опредѣленностью. Вместе взяты—Евтроповъ со своими рѣчами объ апокалипсическихъ глубинахъ, въ которыхъ всѣ должны «очиститься въ горнилахъ самоотрицанія, послѣ чего произойдетъ всеобщее пакибытіе, одухотворенное, преображенное и окропленное единымъ родникомъ всего сущаго», истерическій Федюсинскій и пьяный Пеклеванцевъ, расточающій пьяныя проклятія по адресу европейскихъ «пшютовъ символизма»,—они свидѣтельствуютъ о томъ безпокойномъ, мятущемся настроеніи, при которомъ и могутъ имѣть успѣхъ «жестокіе».

Жертвами ихъ обязательно должны пасть всѣ такія чистыя и слабыя натуры, какъ эта Маня Доброва, у которыхъ есть хорошіе порывы, но нѣтъ сильнаго характера. Сначала она становится жертвой «силы» Приспѣлова, который легко подчиняетъ ее своимъ высокоумнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ слабымъ. Къ счастью для себя, она живо разгадала, что подъ этою высокоумною вѣщностью нѣтъ ничего, кромѣ самой низменной животности. Но также легко подчиняется она и эстету Ошарину, который просто подавляетъ ее своей холодной величавостью и безстрастностью. Эта бѣдная мятущаяся Маня не можетъ существовать за свой собственный счетъ и нуждается въ руководствѣ и поддержкѣ. Въ дни сильныхъ и яркихъ опредѣленныхъ направленій она пойдетъ

за ними, можетъ стать даже героиней, но всегда, какъ пассивная личность, которая пойдетъ туда, куда ее поведутъ. И увлекается она въ наши сѣрые будни эстетизмомъ также бессознательно, какъ въ другое время увлеклась бы совершенно обратными «измами». Въ романѣ ее выводить на вѣрный путь примѣръ ея квартирной хозяйки, которая тяжелымъ трудомъ, съ полнымъ самоотреченіемъ поддерживаетъ цѣлую семью. Маня поражается массой работы и добра, совершаемой этой простой женщиной, и она преклоняется предъ ея нехитрой дѣятельностью, полной, тѣмъ не менѣе, глубокаго жизненнаго смысла. Доброта и готовность жертвовать собой, лежащая въ основѣ такихъ характеровъ, какъ Маня, отталкиваются на призывъ окружающей жизни, и она рѣшается энергично помогать другимъ, не найдя личнаго удовлетворенія въ жизни. Можно сказать съ увѣренностью, что на новой дорогѣ, старой и вѣковѣчной для нашей женщины, и Маня найдетъ это удовлетвореніе. Доброта—большая сила, чѣмъ жестокость, и ей принадлежитъ жизнь, въ которой жестокость только отрицательная величина, осужденная, въ концѣ концовъ, на смерть, ибо въ жестокости нѣтъ творчества.

Другой жертвой «жестокихъ» является въ романѣ юноша, едва начинающій жить, Митя Красицкій, другъ Галубина, нѣжно и глубоко ему преданный. Обладая чуткой артистической душой, Митя мучится отъ разлада съ своей семьей, гдѣ отецъ, грубый и заурядный дѣлецъ-аферистъ и биржевикъ, давитъ его своей грубостью и непониманіемъ его запросовъ. Но еще болѣе мучитъ его любовь, которая съ неотразимой силой охватываетъ его юную душу. Онъ любитъ талантливую музыкантшу-композиторшу Русанову, ловкую даму, которая, добиваясь постановки своей оперы на сценѣ, сходится съ отцомъ Мити, а сама увлекается Галубинымъ и увлекаетъ его, хотя онъ и сознаетъ, что отнюдь не любовь влечетъ его. И Митя все это знаетъ,—знаетъ, что обожаемая имъ женщина—содержанка его отца и любовница его друга. Этого двойнаго удара не выдерживаетъ его слабое здоровье, и онъ умираетъ тихо и почти радостно, примиренный съ неизбежностью случившагося. Не смерть, а жизнь его пугаетъ, живя, гдѣ такъ мало доброты и такъ много жестокости.

Смерть этого симпатичнаго, талантливаго юноши, представляющая въ романѣ одинъ изъ лучшихъ по художественности эпизодовъ, не производитъ, однако, удручающаго эффекта. Даже напротивъ, вноситъ примиряющую ноту въ хоръ звѣраныхъ инстинктовъ. Среди Прислѣловыхъ, Ошариныхъ, Евстреповыхъ, дѣлцовъ, аферистовъ и аферистокъ, эстетовъ и ихъ поклонниковъ, эта блѣдная тѣнь напоминаетъ о лучшихъ сторонахъ человѣческой жизни, которыя не могутъ захлопнуть и въ конечномъ итогѣ должны одержать побѣду. И дѣйствительно, какъ Маня Добрава, такъ и бывший поклонникъ Ошарина, Галубинъ, глубоко потрясенные этой смертью, въ которой Галубинъ не можетъ не чувствовать себя виновникомъ,—видятъ ясно ничтожество тѣхъ интересовъ, которыми они живутъ, и невозможность жить только ради удовлетворенія личныхъ стремленій, хотя бы и прикрытыхъ разными яко бы высокими словами объ искусствѣ, высшей красотѣ и т. п. За нихъ можно быть спокойными, они не останутся въ лагерѣ жестокихъ, разъ они поняли и почувствовали всю правдивую пустоту этого лагеря и его коренное безсиліе—дать содержаніе жизни.

Жестокость, такимъ образомъ, терпитъ въ романѣ полное крушеніе, и хотя въ жизни это не всегда такъ бываетъ, но основная идея романа намъ кажется глубоко вѣрной. Если дѣйствительно бываютъ времена, когда жестокость, эгоизмъ, прегарбнѣ къ другимъ и самоуслажденіе какъ бы вытѣсняють лучшія стороны нашей природы, то это служить лишь показателемъ какой-то тяжелой болѣзни общественнаго организма, ослабившей благородныя и высокія стремленія, которыми «люди живы». Для нашего времени черта жестокости, несомнѣнно, одинъ изъ наиболѣе характерныхъ и въ доказательство читателю

сами могу почерпнуть изъ современной жизни тысячи примѣровъ. Но въ самомъ пинизмѣ, которымъ такъ щеголяютъ нынѣ «жестокіе», чувствуется затасанный страхъ грядущаго возмеждія и желаніе скрыть его подъ маской презрѣнія ко всему доброму, великодушному и человѣческому. Мы твердо вѣримъ, что современный «danse macabre», творящійся на могилахъ, гдѣ скрыты до времени лучшіе завѣта человѣчества, не можетъ быть длительнымъ. Въ массѣ своей человѣчество лучше, чѣмъ думаютъ наши «жестокіе», и чѣмъ полнѣе кажется теперь ихъ побѣда, тѣмъ глубже будетъ ихъ поражение...

Въ бѣдной до скудости литературѣ о внутренней жизни нашихъ фабрикъ не пройдетъ незамѣченной небольшая и скромная книга г. Ө. Павлова, «За десять лѣтъ практики». Очерки эти печатались первоначально въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», но растянутые на протяженіи года, они не давали такого цѣльнаго представленія о жизни фабрики, какъ теперь, собранные вмѣстѣ и искусно объединенные авторомъ, который въ рядѣ личныхъ наблюденій даетъ живую картину фабричнаго быта, простую и не эффектную, но удивительно реальную. Намъ давно не приходилось читать съ такимъ захватывающимъ интересомъ чего-либо подобнаго, не смотря на въ высшей степени безыскусственную форму разсказа, въ которомъ нѣтъ и слѣда желанія заинтересовать читателя особымъ эффектомъ или битъ на ту или иную модную теорію, чтобы придать очерку особую глубину или современность. Авторъ—не марксистъ, но и не народникъ, онъ прежде всего правдивый и талантливый наблюдатель и бытописатель, который ничего не сочиняетъ и ничего не преувеличиваетъ. Онъ, его взгляды и стремленія остаются все время въ сторонѣ,—на первомъ планѣ мы видимъ только жизнь большой мануфактуры въ различные моменты, въ будни и праздники, въ мирное и бурное время, за станкомъ и въ школѣ, и въ больницѣ, и у себя дома, за чтеніемъ и за работой. Эти картины чередуются другими изъ фабричной или заводской жизни другого типа, обусловленной своеобразными порядками другого производства.

Очерки начинаются превосходной картиной пробужденія фабрики послѣ праздничнаго отдыха—«Заработка», когда огромная фабричная машина, съ восьмью-тысячнымъ населеніемъ, начинаетъ свою непрерывную недѣльную работу.

«На заработкахъ не слышно болтовни и смѣха; всѣ сумрачны и заняты дѣломъ. Послѣ краткаго воскреснаго отдыха, спросонокъ, однообразная, опустыленная работа кажется еще скучнѣе, чѣмъ обыкновенно; но, хочешь-не-хочешь, приниматься за нее надо, надо осмотрѣть станокъ, заправить челнокъ и т. п. Почти всѣ уже на своихъ мѣстахъ, но покажеться чувствуется отсутствіе жизни; паровая еще не пошла. Огромное цѣлое, колоссальный организмъ, именуемый фабричнымъ корпусомъ, имѣетъ свой жизненный центръ, свое сердце—паровую машину. Это сердце, составляющее, какъ и подобаетъ, предметъ особой заботливости и хозяевъ, и директора, помѣщено въ особой просторной пристройкѣ. Въ противоположность всей остальной фабрикѣ здѣсь все блестяще необычайной чистотой. Начиная отъ крупныхъ частей этого стального сердца, отъ 4-хъ-саженнаго маховаго колеса, отъ главнаго вала толщиной чуть не въ человѣческое туловище, вплоть до маленькихъ вентилявъ въ масленкахъ, все какъ жаръ горитъ. Полъ выложенъ замысловатымъ мозаичнымъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ цементныхъ плитокъ и ежедневно протирается мокрыми швабрами. Стѣны покрашены свѣтлой масляной краской; лѣсенки и лѣстницы снабжены затѣйливыми перилами. Теперь это стальное чудовище, мощь котораго измѣряется тысячами лошадиныхъ силъ, молчать и не шелохнется; спокойно повисли стальные канаты, связывающіе его маховикъ съ главными валами каждаго этажа зданія, и вся фабрика стоитъ недвижна.

Но вотъ по всѣмъ мастерскимъ раздаются сигнальные звонки, предупреждающіе о томъ, что паровая сейчасъ будетъ пущена въ ходъ. Проходить одна—двѣ минуты; слышенъ второй звонокъ, и вслѣдъ за тѣмъ вмѣстѣ съ первымъ поворотомъ махового колеса, главный валъ ткацкой приходитъ въ движеніе. Ткачи переводятъ приводные ремни съ холостыхъ шкивовъ на рабочіе, и какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, огромная зала, вмѣщающая болѣе 300 станковъ, загудѣла и ожила, неумолимое, рѣзкое хлопанье «погонялокъ», перекидывающихъ челноки съ уткомъ съ одной стороны основы на другую со скоростью 120—150 разъ и болѣе въ минуту, мягкій стукъ батановъ, лязгъ различныхъ металлическихъ частей,—все это сливается въ какой-то неопредѣленный, но очень сильный непрерывный трескъ. Разговоръ дѣлается невозможнымъ; ткачи понимаютъ другъ друга по губамъ, но я, плохо постигшій это искусство, долженъ нагнуться къ уху и кричать полнымъ голосомъ, когда мнѣ приходится кому-нибудь сказать слово».

Такъ начинается описаніе рабочаго дня въ этомъ «колоссальномъ организмѣ», именуемомъ фабрикой. Какъ машина является его «жизненнымъ центромъ», такъ его направляющимъ и все регулирующимъ центромъ является—директоръ, значеніе котораго, пожалуй, не меньше въ общей жизни фабрики. Въ очеркѣ, посвященномъ этой центральной фигурѣ, авторъ даетъ очень яркое представленіе объ этомъ магѣ и волшебникѣ, который несетъ ответственность за правильное дѣйствіе громадной фабричной машины. Большая современная фабрика, въ родѣ описываемой, съ ея 8.000 населенія, это—дѣлный городъ, и по послѣдней всероссійской переписи существуетъ только 138 городовъ съ болѣе 8.000 населеніемъ. Жизнь этихъ 8.000 съ ихъ дѣтьми и родственниками связана тѣснѣйшимъ образомъ съ жизнью фабрики.

«Эта связь,—говоритъ авторъ,—представляется мнѣ настолько сильной, что я поневолѣ задаюсь вопросомъ, существуетъ ли гдѣ-либо въ настоящее время въ цивилизованныхъ государствахъ какая-либо власть, административная или даже политическая, которая могла бы такъ полно и всесторонне подчинить себѣ индивидуумъ во всѣхъ его жизненныхъ проявленіяхъ, какъ то можетъ сдѣлать директоръ русской фабрики?.. Каждый часъ, каждый шагъ рабочаго и даже его семьи регламентируется администраціей фабрики, во главѣ которой стоитъ одно полномочное лицо, завѣдующее фабрикой—директоръ. Онъ безапелляціонно, лишь не переходя нѣкотораго закономъ установленнаго предѣла, налагаетъ на рабочаго денежный штрафъ. При окончаніи срока найма, т.-е. не рѣже двухъ разъ въ годъ, онъ можетъ на законномъ основаніи лишить рабочаго квартиры, можетъ закрыть ему кредитъ въ лавкѣ, запретить его сыну посѣщать школу, наконецъ, отказавъ ему отъ работы, заставить его искать новаго мѣста жительства».

Такое громадное значеніе директора вызываетъ у автора своеобразное размышленіе. Для всякой дѣятельности, говоритъ онъ, напр., чтобы открыть школу, поступить въ чиновники и т. п., нужно имѣть извѣстный цензъ, удовлетворять тѣмъ или инымъ формальнымъ требованіямъ. Но «какія же требованія надо исполнить, чтобы сдѣлаться директоромъ фабрики? Да ровно никакихъ! Простого officialнаго письма хозяина фабрики фабричному инспектору о томъ, что такой-то назначается завѣдующимъ фабрикой, вполне достаточно, чтобы любое лицо сдѣлать директоромъ или, другими словами, сдѣлать фактически полновластнымъ распорядителемъ судьбы нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Не только объ его образованіи, но даже объ его грамотности никто не спроситъ. Странно!»—замѣчаетъ авторъ и спрашиваетъ, — «неправда ли странно, читатель?»—и заканчиваетъ свое размышленіе о значеніи директора предложеніемъ: «Хорошо бы устроить хотя бы такъ: для болѣе значительныхъ заведеній требовать отъ директора окончанія курса въ высшемъ заведеніи, для мелкихъ—

въ среднемъ, для иностранцевъ—курсъ заграничнаго политехникума съ обязательнымъ знаніемъ русскаго языка».

Предложеніе это, конечно, вполне рационально, такъ какъ образованіе все же служитъ нѣкоторой гарантіей порядочности, а для значительной части нашихъ фабрикъ оно послужило бы толчкомъ къ усовершенствованію производства. Рутинна и отсталость, о которой неоднократно говоритъ въ дальнѣйшихъ очеркахъ авторъ, въ огромной степени зависятъ у насъ отъ грубого невѣжества заправиль, облеченныхъ по существу большими полномочіями. Но образованность директора ни мало не рѣшаетъ поставленнаго авторомъ другого, болѣе существеннаго, вопроса о безграничной почти власти, какою обладаетъ такое полномочное лицо. Правда, правительство, въ лицѣ фабричнаго инспектора, контролируетъ значительную часть его дѣятельности, но и самый строгій контроль не можетъ охватить тысячи мелочей, неуловимыхъ и не поддающихся учету, гдѣ директоръ все же остается единымъ вершителемъ судебъ фабричнаго населенія. Таковы ужъ условія самого производства, и поставленный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только съ общимъ подъемомъ культуры, что неминуемо должно отразиться и на взаимоотношеніяхъ администраціи фабрики и ея населенія.

На значеніи культуры и просвѣщенія останавливается и авторъ, посвятивъ два интереснѣйшихъ очерка школъ, чтенію и развлеченіямъ для фабричнаго люда. Эти очерки производятъ дѣйствительно отрадное впечатлѣніе, указывая съ особой наглядностью на ростъ культуры около такихъ крупныхъ мануфактуръ, какъ описываемая. Правда, все это, такъ сказать, побочныя явленія, не входяція въ задачу фабрики, и возникаютъ они помимо главной администраціи, если только послѣдняя имъ не препятствуетъ. На данной мануфактурѣ все эти культурныя начинанія ведетъ «хозяйка», и то, что ею уже сдѣлано, оказывается весьма существеннымъ. Двѣ превосходныя школы, съ семью учительницами на 300 учениковъ, прекрасно обставленныя—это не всегда можно найти и въ уѣздномъ городкѣ. Библиотека съ нѣсколькими тысячами книгъ и хорошо поставленныя чтенія дополняютъ просвѣтительный багажъ фабрики. Конечно, всего этого оказывается мало, контингентъ учениковъ могъ бы быть вдвое больше, и авторъ приводитъ свой расчетъ, который онъ дѣлаетъ хозяйкѣ, чтобы убѣдить ее «уширить» просвѣтительное производство. Онъ фантазируетъ о двухъ-классныхъ училищахъ съ дополнительнымъ профессиональнымъ курсомъ для взрослыхъ, о введеніи такой системы рабочихъ часовъ, при которой дѣти рабочаго возраста работали не болѣе 6 часовъ съ большимъ промежуткомъ, и т. п. Хозяйка отклоняетъ его проекты, предлагая ему обратиться къ директору, который и то ворчитъ на «ея баловство».

Что эти проекты, однако, ничего фантастическаго въ себѣ не заключаютъ, показываетъ примѣръ нѣкоторыхъ фабрикъ, владельцы которыхъ дальновиднѣе директора описываемой мануфактуры. Недавно намъ попалось въ «Сѣверномъ Краѣ» сообщеніе о фабрикѣ Красильщикова съ сыновьями въ с. Родникахъ Костромской губ. Фабриканты здѣсь пришли къ убѣжденію, что выгоднѣе имѣть болѣе развитога рабочаго, чѣмъ неграмотнаго крестьянина, идущаго на фабрику только потому, что дѣваться некуда. Въ эту сторону они и направили усилія и достигли того, что ихъ фабрика признается самою интеллигентною въ губерніи. Кромѣ трехъ училищъ, имѣющихся на фабрикѣ, владельцы ея поддерживаютъ 14 соседнихъ сельскихъ школъ, и за послѣднее время на фабрику перестали принимать неграмотныхъ. Кромѣ того, устроены для взрослыхъ воскресные классы черченія и рисованія, есть бесплатная библиотека съ 1.125 подписчиками. Фабрикою возбуждено ходатайство объ устройствѣ народной читальни и объ учрежденіи ремесленной школы.

Эти факты, далеко не единичные, указываютъ на то, какъ далеко идутъ

запросы жизни, и тѣмъ лучше поставлена фабрика, тѣмъ выше и ея культурное вліяніе. Обюдная выгода требуетъ этого. Фабрика требуетъ развитого рабочаго, иначе не можетъ стоять на высотѣ производства, къ чему ее побуждаетъ конкуренція. Населеніе фабрики въ свою очередь стремится къ развитію, видя въ немъ единственный выходъ изъ своего убожества, и матеріальнаго, и умственнаго.

Кромѣ школы, которую проходятъ если не всѣ, то значительное большинство фабричныхъ дѣтей, бібліотеки и публичныя чтенія служатъ для многихъ путей къ самостоятельному развитію, къ тому, что принято называть теперь моднымъ словомъ «самообразование». Чтеніе въ особенности увлекаетъ тѣхъ, кто, пройдя курсъ школы съ успѣхомъ, заинтересовался наукой. Авторъ приводитъ, на основаніи многочисленныхъ личныхъ наблюденій, къ глубоко поучительному выводу о развитіи чтенія среди фабричнаго населенія. Для него это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію.

«Да, — говоритъ онъ, — любовь къ чтенію, скажу даже: увлеченіе чтеніемъ — больше и больше проникаетъ въ фабричную среду; несомнѣнно, что фабричная масса, по крайней мѣрѣ въ мужской ея части, въ настоящее время выдѣляетъ значительный слой — слой интеллигенціи, именно настоящей интеллигенціи, которой не было среди рабочаго люда двадцать, двадцать пять лѣтъ назадъ. И тогда было, конечно, не мало отдѣльныхъ умныхъ, развитыхъ и читающихъ рабочихъ; но это были разрозненные единицы, выдвинутыя изъ толпы случаевъ и способностями. Теперь же между рабочими чувствуется извѣстный интеллигентный слой, въ который попадаютъ люди и умные, и среднихъ способностей, и даже глупые, попадаютъ рабочіе разныхъ наклонностей, темпераментовъ, взглядовъ. Но всѣ они получили нѣкоторое начальное образованіе, всѣ усвоили вкусъ къ чтенію и стремленіе мыслить. При той упорной привычкѣ къ труду, которая воспитана въ нихъ поколѣніями, эти люди при всей элементарности ихъ школьной подготовки, пристрастившись къ чтенію, достигаютъ подчасъ удивительныхъ результатовъ. Не удовлетворенные беллетристикой, они набрасываются на книги историческаго, экономическаго, философскаго содержанія. Многимъ изъ нихъ хорошо извѣстны, и не только по именамъ, и Дарвинъ, и Тиндаль, и Байронъ, и Милль, и Гладстонъ, и Бисмаркъ, и десятки другихъ великихъ европейскихъ именъ, не говоря уже о всѣхъ крупныхъ русскихъ писателяхъ и дѣятеляхъ. Вѣря въ науку и понимая, какую великую службу можетъ сослужить знаніе, они въ буквальный смыслъ слова жаждутъ просвѣщенія и по серьезности отношенія къ жизни, къ своимъ обязанностямъ и къ печатному слову, конечно, не должны быть поставлены ниже нашей, такъ сказать, привилегированной интеллигенціи. Но этотъ слой образованныхъ людей, для которыхъ чтеніе стало насущнѣйшей потребностью, среди рабочихъ, какъ и среди другихъ классовъ общества, численно составляетъ покуда еще небольшое меньшинство и оказывается, конечно, по количеству слабѣе въ тѣхъ отрасляхъ труда, въ которыхъ заработокъ ниже. На механическихъ заводахъ вы найдете среди рабочихъ значительно больше людей образованныхъ, чѣмъ между прядильщиками; прядильщики развитѣе ткачей; чернорабочихъ вы не поставите на одну доску съ ткачами, а кожевники или кирпичники стоятъ въ смыслѣ умственныхъ запросовъ еще почти на той же ступени, на которой стояли тридцать лѣтъ назадъ».

Далѣе авторъ вполне справедливо замѣчаетъ, что все таки масса фабричнаго населенія стоитъ еще въ сторонѣ отъ просвѣщенія, понимаемаго въ высшемъ смыслѣ, и книга ей чужда, а если и интересуется ее подчасъ, то лишь какъ предметъ для развлеченія. Но и въ послѣднемъ смыслѣ книга не имѣетъ и не можетъ имѣть особаго значенія, такъ какъ недоступна по цѣнѣ, да и доставать ее трудно. «Насколько доступна рабочему книга? — спрашиваетъ ав-

торь.—Какъ и откуда, какими путями можетъ получить книжку фабричный рабочий? Можно съ увѣренностью сказать, что въ четырехъ случаяхъ изъ пяти—исключительно изъ фабричной бібліотеки или читальни. Заурядный рабочий, живущій на фабрикѣ, удаленной отъ города, поставленъ въ этомъ отношеніи въ полную и непосредственную зависимость отъ доброй воли фабричнаго начальства. Ни частныхъ бібліотекъ, ни читаленъ, ни книжныхъ лавокъ около такой фабрики нѣтъ. Торговцы-офени, правда, частенько заглядываютъ на сосѣднее село, и въ ихъ повозкѣ вы всегда увидите сотню-другую книгъ и книжонокъ; но, не говоря уже о томъ, что это за изданія, покупать книгу, стоящую хотя бы гривенникъ, для рабочего еще дорого. Покупаютъ книги во сколько-нибудь значительномъ количествѣ только тѣ наиболѣе развитые рабочие, для которыхъ чтеніе стало уже потребностью; заурядный же рабочий долго подумаетъ прежде, чѣмъ отдастъ за книжку серебряную монету. Иначе вѣдь и быть не можетъ. Многіе ли изъ насъ, изъ лицъ высшихъ сословій, покупаютъ книги, кромѣ тѣхъ необходимыхъ изданій, учебныхъ, научныхъ и справочныхъ, безъ которыхъ мы не можемъ обойтись по своей профессіи? Одинъ изъ 20-ти, и того меньше! То же самое мы видимъ и въ рабочей средѣ».

Всѣ эти замѣчанія автора вполне справедливы, и тѣмъ больше удивляешься, видя эти завоеванія, которыя книга, несмотря ни на что, дѣлаетъ въ средѣ фабричнаго населенія. Надо принять въ расчетъ, кромѣ всего, и недостатокъ времени, и тѣсноту помѣщенія, гдѣ живутъ заурядные рабочие. Читальни открыты лишь въ опредѣленные часы, которые не для всѣхъ совпадаютъ съ ихъ свободными часами, и большинству все же приходится читать у себя дома, въ общихъ казармахъ, гдѣ нѣтъ ни особыхъ столовъ, ни табуретовъ, и чтеніе располагается на нарахъ или въ семейныхъ углахъ—на кроватяхъ.

Большимъ подспорьемъ, на ряду съ книгой, служатъ въ дѣлѣ развитія—общія развлечения, которыя на многихъ фабрикахъ составляютъ предметъ особыхъ заботъ. Въ упомянутой уже фабрикѣ Красильщикова устроена сцена съ декорациями, гдѣ зимою играетъ труппа мѣстнаго художественнаго кружка, подкрѣпляемая любителями изъ рабочихъ. Собирается до 1.200 зрителей каждый разъ, несмотря на плату (отъ 10 к. до 3 р. за мѣсто). Въ описываемой г. Павловымъ фабрикѣ дѣло это то же было поставлено довольно широко. Была устроена чайная съ буфетомъ въ особомъ свѣтломъ зданіи, съ обширной сценою для спектаклей и публичныхъ чтеній съ туманными картинами.

Какъ серьезно смотрятъ сами рабочие на такіе развлечения, какъ театръ, показываетъ подслушанный авторомъ разговоръ. Рабочіе, одобряя устройство самого дома для развлечения, отнеслись скептически къ дѣятелямъ, которые взялись за это дѣло «такъ себѣ, отъ бездѣлья». Для нихъ театръ есть дѣло, и они желали бы, чтобы за него брались настоящіе актеры, а не мелкіе служащіе и разные знакомые хозяевъ—барышни и кавалеры. Тѣмъ не менѣе, народъ переполнялъ представленія: желающихъ получить билетъ было вчетверо больше числа мѣстъ, и каждая пьеса выдерживала три-четыре представленія. «На Рождествѣ всѣ мы, любители, положительно выбились изъ силъ... Стали раздаваться голоса за привлеченіе къ театру новыхъ силъ: самихъ рабочихъ, наемныхъ актеровъ, а кто-то высказался за приглашеніе антрепренера, которому фабрика могла дать субсидію и, опредѣливъ наивысшія цѣны, оставила бы за собой контроль надъ репертуаромъ. И почему знать, не былъ ли бы такой выходъ изъ нашихъ затрудненій самымъ простымъ, рациональнымъ и прочнымъ рѣшеніемъ вопроса? Почему фабричный поселокъ, имѣющій семь-восемь тысячъ жителей и превышающій по числу населенія огромное число нашихъ городовъ, долженъ довольствоваться любительскими силами, а не можетъ имѣть постоянного субсидируемаго театра».

Изъ этихъ безпристрастныхъ свидѣтельствъ мы видимъ, какія возможности для развитія культуры скрыты въ этомъ «колоссальномъ организмѣ», именуемомъ фабрикой. Авторъ, однако, отнюдь не оптимистъ и вовсе не скрываетъ всѣхъ отрицательныхъ сторонъ, вездѣ подчеркивая и скученность населенія, и антисанитарныя условія домашней жизни, и притупляющія условія самой работы, обезличивающіе человѣка, превращаемаго въ часть машины, который «по гудку встаетъ, по гудку чай пьетъ, обѣдаетъ и ужинаетъ, да почти по гудку и спать ложится». И нерѣдко у него вырываются вздохи сожалѣнія о прежнемъ времени, когда рабочій людъ еще не зналъ ни гудка, ни казармы. «Мнѣ положительно кажется,—заключаетъ онъ,—что при всей строгости и суровости деревенской жизни, при всемъ ея однообразіи, тамъ молодежь чаще и больше смѣется, чѣмъ фабричныя парни. На фабрикѣ, быть можетъ, живутъ богаче, чѣмъ въ деревнѣ, пожалуй здѣсь больше разгула, но больше и неудовлетворенности». И это правда, но уже одна возможность болѣе широкой культуры, вносимой фабрикой почти стихійно, заставляетъ мириться съ ея современными несовершенствами. Послѣднія вовсе не такъ уже обязательны или органически приеущи фабрикѣ, чтобы изъ-за нихъ не видѣть и того хорошаго, что уже теперь она даетъ. Не забудемъ, что жизнь современной фабрики насчитываетъ какія-нибудь два-три десятилѣтія, а это періодъ слишкомъ ничтожный, чтобы составить о ней то или иное окончательное рѣшеніе.

А. Б.

БОДЛЕРЪ И ЕГО РУССКІЙ ПЕРЕВОДЧИКЪ.

П. Я. Стихотворенія, т. II, (1898—1901 г.) Спб. 1901.

Почти двѣ трети новаго тома стихотвореній П. Я. посвящены переводамъ изъ Бодлера. Такимъ образомъ, талантливый авторъ, давъ на этотъ разъ много оригинальныхъ произведеній, выступилъ въ менѣе благодарной, но, пожалуй, болѣе отвѣтственной роли переводчика. Нѣкоторые изъ этихъ переводовъ уже были напечатаны авторомъ раньше (семь шесть вошли въ третье изданіе перваго тома, вышедшаго теперь четвертымъ изданіемъ, но съ инымъ распредѣленіемъ матеріала—въ хронологическомъ порядкѣ), съ оговоркой о значеніи поэзіи Бодлера и ссылкой на статью о немъ, которая теперь помѣщена въ видѣ приложения къ болѣе полному собранію переводовъ. Авторъ какъ бы оправдывается въ своемъ выборѣ; онъ замѣчаетъ въ концѣ своего этюда о жизни и поэзіи Бодлера: «Я узналъ и полюбилъ Бодлера, еще будучи юношей, лѣтъ двадцать слишкомъ назадъ, когда и само слово «декадентство» было у насъ неизвѣстно,—и нужно ли говорить о томъ, какія именно черты его поэзіи подкупили меня. Скажу одно только: рѣдко какое-либо произведеніе оставляло во мнѣ такое безусловно чистое впечатлѣніе, какъ «Fleurs du Mal»! Юношескія впечатлѣнія г. П. Я. насъ не удивляютъ; они легко объяснимы, ибо—*dem Reinen alles ist rein!* Но вотъ оказывается, что позже симпатіи автора къ французскому поэту не разъ подвергались тяжелымъ испытаніямъ, потому что въ Бодлерѣ признали «отца современнаго декадентства», и если теперь г. П. Я. все-таки рѣшается издать свои переводы, то потому лишь, что, по его мнѣнію, «надъ русской литературой занимается заря новой жизни», и онъ, «не боясь болѣе сыграть на руку антипатичному литературному теченію, съ спокойной совѣстью предлагаетъ читателю свой трудъ,—вполнѣ увѣренный,

что при всѣхъ своихъ недостаткахъ (Бодлеръ) способенъ будить одни добрыя и свѣтлыя чувства».

Намъ не совсѣмъ ясно, какая «заря новой жизни» русской литературы видѣется автору, — но дай Богъ, если такъ, — спорить не станемъ, ибо всякой новой зарѣ можно только радоваться. Займемся лучше самимъ Бодлеромъ въ переводѣ г. П. Я. и предложенной переводчицею оцѣнкой французскаго поэта, съ которымъ, очевидно, онъ близко сроднился, облюбовавъ съ ранняго возраста, двадцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ. Но прежде всего сдѣлаемъ оговорку: Бодлеръ въ высшей степени трудный авторъ и переводчику, несомнѣнно, удалось справиться весьма удовлетворительно со многими трудностями текста. И тѣмъ не менѣе французскій поэтъ является въ весьма субъективной передачѣ и столь же субъективно общее впечатлѣніе, которое переводчикъ-поэтъ сохранилъ къ своему любимцу съ юныхъ лѣтъ. Какъ онъ ни выставляетъ на видъ свое безпристрастіе, въ «добросовѣстномъ перечисленіи всѣхъ главныхъ недостатковъ бодлеровской поэзіи» (въ послѣсловіи), оцѣнивая поэта, главнымъ образомъ какъ «выразителя духа своего времени», тѣмъ не менѣе кое-какія основныя черты мировоззрѣнія Бодлера сильно стусеваны, и негодованіе автора на современныхъ послѣдователей или продолжателей его поэзіи заставляетъ его нѣсколько закрывать глаза на такія характерныя свойства произведеній Бодлера, которыя способны вызвать далеко не «одни свѣтлыя чувства». Не съ точки зрѣнія узкаго морализма, конечно, надлежитъ судить о поэтѣ, но нужно имѣть мужество смотреть правдѣ въ глаза, не набрасывая пелены на то, чего не хочешь видѣть, и не приписывая автору исключительныя свойства своего настроенія.

Бодлеръ еще при жизни названъ былъ поэтомъ «упадка», и каковъ бы ни былъ его талантъ, яркій и независимый, онъ, конечно, во многомъ заслужалъ это названіе. Теперь, когда болѣе полувѣка отдѣляетъ насъ отъ того времени, когда впервые распустились «цвѣты зла», когда, дѣйствительно, подражатели и продолжатели одного изъ первыхъ «декадентовъ» прошлаго вѣка, пріучили насъ къ несравненно большимъ откровенностямъ, на ряду съ усиленнымъ вычуромъ и манерностью, которыхъ, и по призванію г. П. Я., не чуждъ былъ и Бодлеръ, — мы гораздо спокойнѣе можемъ отнестись къ оцѣнкѣ его поэзіи, утратившей новизну запретнаго плода. Несомнѣнно также, что, при всѣхъ своихъ особенностяхъ поэта-декадента, Бодлеръ обладалъ и значительнымъ «спиритуализмомъ» и порываніями къ идеалу, — «правда, смутному, неясному, — по замѣчанію г. П. Я., — не облеченному ни въ какія реальныя формулы, но все же немолчно напоминающему человѣку объ его возвышенномъ призваніи». Но такімъ идеализмомъ надѣлены и многіе позднѣйшіе поэты, которые въ томъ или другомъ отношеніи могутъ быть причислены къ школѣ Бодлера. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что будучи въ высшей степени «сличнымъ» поэтомъ, Бодлеръ, однако, не выдвигалъ индивидуализмъ до слишкомъ назойливаго «высочайшійя своего — я», а, напротивъ, какъ-бы стыдился придавать своимъ образамъ слишкомъ субъективной характеръ, обобщая свои впечатлѣнія, стараясь по возможности придавать даже конкретнымъ образамъ значеніе общихъ типовъ*). Но онъ очень индивидуаленъ въ своемъ стилѣ; очень категориченъ въ своемъ мироощущеніи; очень искрененъ въ своемъ пессимизмѣ, и какіе бы ему ни мерещились отвлеченные идеалы, онъ глубоко убѣжденъ въ порочныхъ свойствахъ человѣческой природы и былъ дѣйствительно «пѣвцомъ зла и порока» — не по сочувствію къ нимъ, а потому, что считалъ ихъ неизбежными въ жизни, ея неотъемлемымъ элементомъ. Возражая автору статьи о Бодлерѣ въ словарѣ Брок-

*) Это въ особенности сказалось по отношенію къ женскимъ образамъ, на что справедливо указано Теофиломъ Готье въ его вступлѣ о Бодлерѣ.

гауза и Бфрона, г. П. Я. не согласенъ съ такимъ эпитетомъ, указывая, что нельзя назвать, напримѣръ, Ювенала «пѣвцомъ растлѣнной римской имперіи», или Некрасова «пѣвцомъ крѣпостного права», потому что они выступали обличителями того и другого явленія. Но оба названные поэта, въ особенности же Некрасовъ, считали ихъ явленіями преходящими, а для Бодлера—корень зла заключался въ человѣческой природѣ, ненамѣнной и неискоренимой, несмотря на всѣ порыванія къ идеалу. Онъ ощущалъ въ самомъ себѣ эти пороки; онъ могъ ихъ осуждать, но не считалъ возможнымъ передѣлать ни себя, ни другихъ. Наконецъ, самое главное, что составляетъ оригинальность поэзій Бодлера, это его умѣнье выразить, въ чемъ заключается обаяніе порока, въ субъективномъ настроеніи человѣка, который ему подчинился. Напримѣръ, пьянство, по общему признанію, есть порокъ, но что испытываетъ пьяница, какія ощущенія вызываетъ наркомъ и почему, даже признавая предосудительность этого патологическаго состоянія, онъ не можетъ отъ него отказаться? Отвѣтомъ на такіе вопросы является серія стихотвореній Бодлера, какъ бы рядъ экспериментовъ надъ душой пьяницы и свойствами хмѣля: «L'âme du vin», «Le vin des chiffonniers», «Le vin de l'assassin», «Le vin du solitaire», «Le vin des amants». Въ нихъ именно выражены различныя ощущенія людей, преданныхъ вину, и то, что привязываетъ ихъ къ данному пороку. Задача смѣлая и выполненная съ большимъ мастерствомъ художникомъ, къ которому, однако, могъ бы быть примѣненъ, и съ большимъ правомъ, эпитетъ «жестокій талантъ», который съ меньшимъ основаніемъ давъ былъ Н. Б. Михайловскимъ Достоевскому. Конечно, съ точки зрѣнія морали легче осуждать то или другое неблагоприятное свойство природы или порочныя наклонности, чѣмъ проникать въ ихъ сущность. Бодлеръ обладалъ этимъ даромъ проникновенія, но въ то же время онъ вѣрилъ въ устойчивость зла, отсюда—его консерватизмъ и даже политическое ретроградство. Въ смыслѣ же позднѣйшаго декадентства—Бодлеръ представляется «отсталымъ» лишь въ томъ, что все же не стиралъ различія добра и зла и не переступалъ границы, какъ тѣ изъ его послѣдователей, которые увѣровали въ новую мораль нищезанятства. И все-таки—сколько разъ онъ останавливается въ нерѣшимости въ указаніи этихъ границъ; какъ поспѣшно заявляетъ себя поклонникомъ жи (СХХІІ, «L'amour du mensonge», не переведено), такъ какъ истина ему не даетъ утѣшенія; съ какою жалостью смотритъ онъ на слѣпыхъ, ищущихъ чего-то наверху—*mais, plus qu'eux hebeté*,—*Jedis: Que cherchent-ils au Ciel, tous ces aveugles?*—Ему даже непонятно къ чему стремиться?—«Вверху же—мракъ, печальный мракъ молчанья»... Его преобладающіе мотивы—сладоглаголюющее и пресыщеніе, исканіе сильной встряски нервамъ, какими бы то ни было способами, смакованіе одуряющихъ запаховъ,—въ переносномъ и прямомъ смыслѣ, и затѣмъ культъ красоты, но обособленной, самоовлающей красоты, не вмѣющей ничего общаго ни съ благомъ, ни съ истиной.—«Дочь небесъ влѣ порожденья ада», ея взглядъ одновременно—«божественный и адскій»; она способна вызвать безразлично—«добро или преступленье», но поэту все равно откуда-бы она ни происходила, отъ Бога или отъ дьявола, лишь бы міръ не представлялся столь безобразнымъ и часы столь томительными отъ скуки. Конечно, у Бодлера могли черпать и весьма нечестныя и нездоровыя ощущенія, и достаточно припомнить хотя бы впечатлѣнія его поэзій, которыя резюмировалъ его «поклонникъ» Оскаръ Уайльдъ. Въ своемъ діалогѣ о задачахъ критики онъ указываетъ на сборникъ стихотвореній Бодлера, какъ на книгу, гдѣ нашло себѣ выраженіе время,—«со всѣмъ его грѣхомъ и усталостью, книгу, которая дастъ намъ въ какой-нибудь часъ прожить больше, чѣмъ жизнь дастъ прожить въ двадцать своихъ жалкихъ лѣтъ». Авторъ, ссылаясь на «Цвѣты зла», цитируетъ на первомъ мѣстѣ «печальный мадригалъ»:

Que m'importe que tu sois sage?
Sois belle! et sois triste!

и продолжаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ *):

«Перейдемъ къ поэмѣ человѣка, который истязаетъ себя; пусть ея тонкая музыка проникаетъ тебѣ въ душу и окраситъ твои мысли, и ты на минуту станешь тѣмъ же, чѣмъ былъ написавшій ее; нѣтъ, не на одну только минуту, а на много пустыхъ, оваренныхъ луною ночей и безлюдныхъ, безсолнечныхъ дней поселится отчаяніе тебѣ чужое, и чужая мука будетъ глотать твоё сердце. Прочти всю книгу, дай ей сказать твоей душѣ хоть одну изъ своихъ тайнъ, и душа твоя жадно захочетъ узнать другія, будетъ пытаться ядовитымъ медомъ и стремиться къ раскаянію въ странныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ невинна, и къ искупленію странныхъ наслажденій, которыхъ никогда не знала. А потомъ, когда устанешь отъ этихъ цвѣтовъ зла... Врядъ ли эту «усталость» и эти странныя ощущенія въ «безлюдные и безсолнечные дни», питаніе «ядовитымъ медомъ» и т. п.—врядъ ли всѣ эти чувства, вызванныя чтеніемъ Бодлера, можно назвать «безусловно-чистымъ впечатлѣніемъ».

Очевидно, впечатлѣнія разныя бывають, но не зависитъ ли эта разница также отъ того, какъ мы подходимъ къ пониманію поэта, въ какой мѣрѣ его переживаемъ въ собственномъ настроеніи? Г. П. Я. далъ намъ до нѣкоторой степени ключъ къ объясненію своего отношенія къ Бодлеру, именно—въ своихъ переводахъ. Возьмемъ, напр., только что упомянутый «печальный мадригалъ», весьма типичный, характерный образецъ музы Бодлера, выраженіе пресыщенной любви, которая жаждетъ новыхъ, болѣе сильныхъ возбужденій, и съ жестокимъ сладострастьемъ упивается видомъ грусти. Довольство, радость—вульгарны; они не оказываютъ впечатлѣнія на усталую душу; ей нуженъ «печальный» образъ, который дразнитъ бы притупившіеся нервы; и совсѣмъ не надо добродѣтели, а напротивъ—пусть печаль свѣтлѣеетъ, что сердце красавицы искусилось во всѣхъ изгибахъ порока; но только тогда, когда, пресытившись, она дойдетъ до «непреодолимаго отвращенія»—поэтъ признаетъ ее себя равной. Таковъ общій смыслъ «печального мадригала». Теперь посмотримъ, какъ «смягчаетъ» его переводчикъ, придавая пьесѣ иной смыслъ. Уже первый—рельефный, характерный стихъ: «Очень мнѣ нужно, чтобы ты была добродѣтельна?—Будь прекрасна и будь печальна»—переназначенъ переводчикомъ: «Пусть твой умъ острогой не блистаетъ, Будь мила! Будь печальная». Получается смыслъ, что поэтъ готовъ полюбить и простушку, лишь бы она была «мила» и «печальна»... Такого сентиментализма Бодлеръ совершенно чуждъ, да и «être sage»—отнюдь не значить быть остроумнымъ, а именно «благонравнымъ», «добродѣтельнымъ», «нравственнымъ», соблюдать предписанія благоразумія **). Во второй строфѣ поэтъ выражаетъ желаніе, чтобы на лицѣ красавицы выразился весь ужасъ ея прошлаго: «Quand sur ton présent se déploie Le nuage affreux du passé». Это—«отвратительное облако прошлаго» переводчикъ замѣняетъ «памятью горя былаго и зла». Но «горе» можетъ разжалобить, а поэтъ вызываетъ память именно объ «отвратительномъ» прошломъ, которое дѣйствовало бы, какъ острая приправа въ кушаньи. Онъ жаждетъ услышать, чтобы, «несмотря на то, что рука его ее ласкаетъ», ея отчаяніе вылилось, какъ хрипъ человѣка въ агоніи:

Quand malgré ma main qui te berce,
Ton angoisse, trop lourde, perce,
Comme un râle d'agonisant.

*) Цитуюемъ по русскому переводу О. М. Соловьевой.

***) Первоначальное значеніе Sage—мудрый, устойчивое лишь въ формѣ существительнаго (le sage—мудрецъ), вытѣснено въ живомъ языкѣ другимъ значеніемъ, которое именно присуще прилагательному: sage qu'il a une conduite réglée (см. словарь Darmesteter & Hatzfeld, подъ редакціей А. Thomas).

Въ переводѣ эти стихи совершенно переиначены и получается образъ какого-то сентиментально-сострадательнаго поэта, который саяится, но тщетно, «убаюкать» чужое горе:

И, какъ няня (?), пытаюсь напрасно
Убаюкать порывъ твой ужасный,
Надъ которымъ не властна любовь.

Это, можетъ быть, очень мило, но это совсѣмъ не Бодлера. И далѣе, все въ томъ же родѣ: «l'orgueil des damnés»: безумная, дьявольская гордость: обращается въ «впадю гордости той, что порою-Осужденные носятъ въ себѣ»; — «l'etremeinte de l'irresistible Dégout» — объятья непреодолимаго отвращенія (какъ результатъ пресыщенія) — передано описательно: «походить на изгнанниковъ рая, чья гордыня не знаетъ оковъ!»; «Esclave-reine» — т.-е. царицарабыня, которая, хотя сама царица, но не вполне освободилась отъ подчиненія мнѣ и слишкомъ смотритъ на меня съ трепетомъ, — передано: «нѣжная дѣва»; «l'âme de cris pleine» — душа, вся въ смятеніи (отъ того, что опустилась до дна порока), передано просто — «горделиво», и т. п.; въ общемъ получилось, быть можетъ, недурное самостоятельное стихотвореніе на заимствованную тему, но и тема и подробности не отвѣчаютъ смыслу оригинала. Возьмемъ другое стихотвореніе, гдѣ тотъ же образъ «печальной красавицы» носится передъ поэтомъ, дразня его желанія, которымъ онъ не находитъ удовлетворенія съ тою, съ которой его свелъ простой случай (XXXIII, «une nuit que j'étais près d'une affreuse Juive»): переводчикъ просто-таки пропустилъ это стремленіе поэта — «à la triste beauté dont mon désir se prive» (къ печальной красотѣ, которой мое желанье лишено), и отъ имени поэта представляетъ себѣ находящуюся съ нимъ «порока продажную» дочь... въ величьи природномъ, — съ печалью ума на челѣ благородномъ — Подъ шлемомъ душистымъ тяжелыхъ волосъ», — прибавляя уже вполне отъ себя: «со взоромъ, сіяющимъ граціей нѣжной — И зорями дремлющихъ грозъ...» Въмѣсто этого у Бодлера просто сказано, что воспоминанія о «печальной красавицѣ», которая владѣла его сердцемъ (это относится, очевидно, къ другой женщинѣ, а не къ еврейкѣ), одни эти воспоминанія оживляютъ его страсти (dont le souvenir pour l'amour me ravive); и если бы лежащая передъ нимъ женщина могла невольною слезой «затемнить блескъ своихъ холодныхъ зрачковъ», то онъ и ее покрылъ бы ласками. Въ переводѣ смыслъ совсѣмъ иной: тутъ и пожеланія объ «отзывномъ сердцѣ», и сокрушенія по поводу безсердечія еврейки, «прекрасной, какъ мертвый, какъ мертвый изваянный мраморъ» (сравненіе переводчика) и, наконецъ, заключительный возгласъ:

Но ты, о царица толпы безсердечной,
Такъ плакала-ль въ жизни хоть разъ?..

Мы охотно вѣримъ г-ну П. Я., что поэзія Бодлера будила въ немъ лишь «добрыя, свѣтлыя чувства», но какъ будто въ этомъ повиненъ не самъ Бодлеръ... Какъ на образчикъ произвольнаго переложенія оригинала, укажемъ еще на слѣдующее мѣсто въ стихотвореніи «Мученица», — одномъ изъ наиболее ужасныхъ «цвѣтовъ ада» поэта, не останавливающагося передъ самыми отвратительными картинами преступленій на почвѣ разнузданной похоти. «Мученица» — именно жертва такой разнузданности; къ чести художественнаго чутья поэта, который все же владѣлъ пониманіемъ художественной мѣры, должно замѣтить, что преступленіе изображается лишь въ смутныхъ намекахъ, вопросахъ, окружено нѣкоторою загадочностью, и хотя суть его ясна, но описаніе останавливается на жертвѣ: убійца скрывается въ туманѣ предположеній недоговоренныхъ. На кровати лежитъ трупъ молодой женщины; кругомъ:

Безлюдье, тишина, еще живая кровь,
Нагого тѣла положенье —

Все, все наводитъ мысль на мрачную любовь,
 На ширь безумный преступленья,
 Восторги адскіе, лобаній дикихъ ядь...
 И мнится—съ роємъ мыслей черныхъ
 Всѣ алге ангелы невидимо парятъ
 Межъ складокъ занувѣсь узорныхъ!
 Но, Боже! этихъ плечъ сухой, изящный видъ
 Ноги, по-дѣтски округленной,
 И нѣжной талии—вѣдь онъ сильный претитъ,
 Чѣмъ видъ гадюки раздраженной!
 Вѣдь это лепія, расцвѣтшая съ зарей...

Въ третьей изъ приведенныхъ строфъ, въ русскомъ переводѣ—непонятнымъ представляется, почему «изящный видъ»—плечей, ноги и талии можетъ «претить», да еще хуже, чѣмъ раздраженная гадюка? Оказывается, но повѣркъ съ оригиналомъ, что тутъ простое недоразумѣніе со стороны переводчика: въ подлинникѣ сказано только, что убитая, повидимому, была еще очень молода; объ этомъ можно заключить «по изящной худобѣ ея плечъ, еще нѣсколько угловатыхъ, но слегка заостреннымъ бедрамъ, наконецъ—по упругой талии, *словно* раздраженная гадюка (*ainsi qu'un reptile irrité*)». Обычное сравненіе или эпитетъ—«змѣиной» талии—переданъ Бодлеромъ въ нѣсколько своеобразномъ оборотѣ, искупающемъ его банальность: вотъ и все. Охотно признаемъ, что въ данномъ случаѣ неточность перевода—случайный промахъ, на который мы отнюдь не желали бы настаивать. Такія погрѣшности со всеми случаются. Но въ вышеуказанныхъ отступленіяхъ усматривается нѣчто большее, чѣмъ случайное недоразумѣніе по поводу того или другого неяснаго выраженія въ оригиналѣ: въ нихъ систематическое, хотя, вѣримъ, и произвольное переименованіе французскаго поэта, который является передъ русскимъ читателемъ не такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Слишкомъ субъективный переводчикъ придалъ ему иную окраску, которая выражается, между прочимъ, и въ дѣломъ рядѣ вставокъ, — съ перваго взгляда незначительныхъ, едва замѣтныхъ, но, когда подведешь имъ итогъ, то рельефно выступаетъ разница дѣйствительнаго Бодлера съ тѣмъ, какимъ его усвоилъ г. П. Я., приписавъ ему несвойственныя черты. Эти вставки, въ родѣ слѣдующихъ фразъ, гдѣ говорится о прощеніи («прощенья свѣтъ неистовымъ врагамъ», стр. 67), о любви («прощаю и люблю», стр. 75), о свободѣ («Душа бессильно рвется, тоскуеть и болитъ, и на свободу рвется», стр. 81; «несутъ они свободы и воскресенья вѣсть усталому народу», стр. 85)—все это весьма знакомые намъ мотивы собственной поэзіи г-на П. Я., но вѣдь они совсѣмъ не вяжутся съ поэзіей Бодлера. Нѣкоторыя отступленія отъ точной передачи подлинника, конечно, часто вызваны условіями стихотворной формы перевода: противъ такихъ отступленій—возраженія бессильны, ибо всѣ поэты-переводчики повинны въ нихъ. Мы возражаемъ лишь противъ *новой* и субъективной окраски, приданной переводчикомъ общему содержанию поэзіи Бодлера, а, соответственно, столь же произвольной оказывается и его опѣнка французскаго поэта. И въ своемъ стремленіи «облечь» Бодлера онъ слишкомъ склоненъ «чернить» тѣхъ его поклонниковъ и послѣдователей, которые во всякомъ случаѣ стоятъ гораздо ближе къ пониманію дѣйствительнаго содержанія оригинальной, интересной, мѣстами дѣйствительно мастерской по формѣ поэзіи, но къ сожалѣнію—весьма часто далеко не возвышенной и очень двусмысленной по своему значенію. Извѣстное число стихотвореній Бодлера не поддается анализу по чисто цензурнымъ условіямъ; они, конечно, и не могли быть обнаружены въ русскомъ переводѣ. Но тонкая фразировка Бодлера, его сжатый и выразительный стиль, иногда въ одной какой нибудь фразѣ, въ одномъ словѣ—раскрывали ту подкладку, которой идеальность-переводчикъ не всегда замѣчалъ. Напримѣръ, вотъ начало одного

стихотворенія о служанкѣ: «La servante au grand coeur dont vous étiez jalouse» — говоритъ мужъ своей женѣ, приглашая ее пойти на могилу той, которая когда то возбуждала ее ревность, а теперь покоится мертвой под скромнымъ дерномъ. Почему авторъ счелъ долгомъ прежде всего напомнить о ревности? Было ли что нибудь, давшее поводъ женѣ ревновать служанку — и къ кому: къ мужу? къ ребенку? Все это не выяснено, не досказано Бодлеромъ и тѣмъ не менѣе именно упоминаніе о ревности придаетъ какой-то особый отпечатокъ *не* добраго подразниванія мужа, который словно хочетъ напомнить женѣ, что — хотя ваша соперница и умерла, но она продолжаетъ жить въ моемъ сердцѣ, и даже является ко мнѣ, какъ призракъ, который располагается въ моей комнатѣ, усаживается въ креслѣ въ моемъ кабинетѣ, и своими мертвыми глазами смотритъ на выросшаго ребенка: *venant... couvrir l'enfant grandi de son oeil maternel*... Невольную дрожь вызываетъ этотъ будто бы «невинный» призывъ мужа снести цвѣтовъ на могилу бывшей служанки, и цѣлая семейная драма чуется въ рассказѣ о назойливыхъ галлюцинаціяхъ человѣка, который не можетъ оторваться отъ воспоминаній объ умершей, но не забытой «служанки съ великимъ сердцемъ», возбуждавшей ревность его жены... Этого трепета отнюдь не вызываетъ переводъ, въ которомъ сглажены фразы, дающія поводъ къ разнымъ догадкамъ «между строкъ». О ревности ни слова, и обращеніе, не къ женѣ, а къ покойной «нянѣ»:

Служанка скромная съ великою душой,
Безмолвно спящая подъ веленью простой,
Давно цвѣтовъ тебѣ мы принести мечтали! и проч.

Получается простая, немножко сентиментальная картинка, какъ добрые родители вспоминаютъ добрую старую няню, воспитавшую ихъ дѣтей... Трогательно, но это не Бодлера.

Однако, мы были бы слишкомъ несправедливы и къ самому Бодлеру, и къ его русскому переводчику, если бы останавливались исключительно на тѣхъ свойствахъ его поэзіи, которыя придаютъ ей особый и не всегда здоровый смакъ и оригинальность, ступеванную переводчикомъ. Пора напомнить, что каковы бы ни были темы поэзіи Бодлера, онъ, конечно, является весьма несомнѣннымъ и крупнымъ художникомъ. Поборникъ чистаго искусства, онъ дорожилъ художественной правдой своихъ образовъ и въ новой, открытой имъ области (не вполнѣ новой, но нужно бы подняться къ XV вѣку, чтобы найти его настоящаго предшественника, и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ даровитѣйшихъ поэтовъ древней Франціи — «дитя богемы», безпутнаго, неудачливаго въ жизни, но высоко талантливаго, искренняго до боли душевной и подкупающаго своей правдивостью поэта, Франсуа Виллона) умѣлъ находить новыя формы выраженія, передающія съ чрезвычайной «красочностью» описываемыя чувства, картинки и настроенія. Относительно нѣкоторыхъ изъ его пьесъ Гюте съ полнымъ правомъ оспаривалъ неточность выраженія «декадентство» въ примѣненіи къ нимъ, такъ какъ въ нихъ скорѣе усматривается полная *зрѣлость* искусства, достигшаго высшей формы индивидуальнаго выраженія. Но всякая *зрѣлость* непродолжительна и уже заключаетъ въ себѣ зачатки разложенія: Бодлеръ стоялъ на этой грани. Онъ умѣлъ, какъ настоящій художникъ, представить въ соотвѣтствующей формѣ, сильной и сжатой, правдивое положеніе, причемъ впечатлѣніе, получасное отъ него, не всегда покрывалось умысломъ художника, а представляется шире и глубже; онъ, въ то же время, какъ это было указано, прибѣгалъ порой къ нѣкоторой манерности, къ вычуру, къ «пикантнымъ» словечкамъ, чтобы усилить впечатлѣніе кричащей нотой. И въ общемъ, однако, онъ выполнилъ завѣтъ, прекрасно выраженный г-номъ П. Я. въ посвященіи «поэту-символисту»: это четверостишіе могло бы быть поставлено переводчикомъ, какъ эпитафія ко всей поэзіи Бодлера:

Въ искусствѣ рифмъ—уловокъ тьма,
Но тайна тайнъ, повѣрь, не въ этомъ:
Отъ сердца пой—не отъ ума,
Безумцемъ будь, но будь повтомъ!

И Бодлеръ, конечно, владѣлъ этою «тайной тайнъ», бывалъ, при этомъ и «безумцемъ», но въ то же время обладалъ и «уловками» въ искусствѣ рифмъ, т.-е., просто говоря, обращалъ серьезное вниманіе на технику стиха. Переводчикъ не всегда считалъ нужнымъ съ этимъ считаться и допустилъ, напри- мѣръ, такіа строфы, которыя весьма далеки отъ технического совершенства:

Какъ больной, безобразный ребенокъ, *котораго*
Сторонились чужіе, краснѣли свои,
И который, въ чуланъ скрываясь, заброшенный
Долго жилъ безъ друзей и семьи,
Вѣднй ангелъ! Она, ваша нота крикливая,
Горько пѣла: «все—дожь на землѣ и обманъ» и т. д.

Не говоря уже о весьма тяжеловѣсныхъ въ стихѣ—«котораго» «и, который», совершенно неумѣстно распространеніе—«сторонились чужіе», «долго жилъ безъ друзей и семьи», когда дѣло сводится къ сравненію вырвавшася стона,— или «кричащей нотки»,—изъ души молодой женщины,—съ «хилымъ, ужаснымъ, мрачнымъ, нечистымъ ребенкомъ», котораго семья всячески старалась скрыть, краснѣя за него; и въ душѣ молодой женщины всѣ эти жалобы на неустойчивость людскихъ отношеній, на эгоизмъ, который выступаетъ изъ-подъ «маски румянъ», на то, что—«тяжелое это ремесло быть красивой женщиной», и т. д.—все это, обыкновенно, тщательно скрывается, и вдругъ въ интимной бесѣдѣ вырвалось наружу.

Настоящее стихотвореніе («Признаніе»), вообще, не удалось переводчику, который съ несравненно большимъ успѣхомъ передалъ другія пьесы, какъ, напр., «Альбатросъ», «На высотѣ», «Лебедь», «Пирушка тряпичниковъ» (несмотря на вольную передачу), нѣкоторыя строфы въ «Маленькихъ старушкахъ» совсѣмъ хорошо—«Цыгане въ пути», «Одухотворенный развѣтъ» и многія другія. Авторъ, несомнѣнно, нашелъ въ себѣ откликъ многимъ образамъ поэзіи Бодлера и всего удачѣе справился съ тѣми стихотвореніями, которыя даютъ картинки болѣе общаго характера. Если не всегда соблюдены отѣнки стиля Бодлера, то все же мѣстами переводчику удавалось сохранить удивительную—для стихотворнаго перевода—близость подлиннику. Стихъ г. П. Я. не лишень гибкости и порою изящества. Можетъ быть, лучше было ограничить выборъ переводовъ: правда, Бодлеръ въ такомъ случаѣ представленъ былъ бы въ одностороннемъ освященіи, но эту «односторонность» не отстранилъ переводчикъ и предложивъ большее количество образцовъ, такъ какъ придалъ многимъ изъ переводовъ слишкомъ субъективную окраску. Относясь безпристрастнѣе къ своему любимцу, онъ, можетъ быть, справедливѣе оцѣнилъ бы и его преемниковъ; впрочемъ, какъ ни неприятно утрачивать иллюзіи, у Бодлера достаточно преимуществъ (не только чисто-художественныхъ), чтобы выдержать непосредственную оцѣнку его самого, а не того, какимъ онъ *кажется* тѣмъ или другимъ, обращающимся къ его произведеніямъ. Между прочимъ, г. П. Я. особенно горячо отстаиваетъ Бодлера отъ упрека въ цинизмѣ; хотя авторъ и исходитъ изъ совершенно невѣрнаго опредѣленія цинизма (стр. 269), но онъ правъ, что этого упрека Бодлеръ не заслуживаетъ: онъ былъ для этого слишкомъ *поэтомъ*, какимъ циникъ никогда не можетъ стать, повтомъ, умѣвшимъ извлекать изъ самыхъ неприятныхъ сторонъ жизни душевныя эмоціи, заставившимъ даже *зло* распуститься въ цвѣты. Бодлеръ не былъ и «а-моралистомъ», на это указываетъ само названіе его сборника—«Цвѣты зла», названіе, которое, по справедливому замѣчанію одного изъ его критиковъ, составляетъ само по себѣ почти гениальную

находку. Но заглавіемъ почти исчерпывается отрицательное отношеніе поэта къ воспѣтымъ имъ ситуациямъ; между тѣмъ, за «цвѣтами» нельзя не видѣть ихъ стеблей и корней. Когда переводчикъ отъ имени поэта называетъ себя «мечтателемъ» (стр. 74), когда онъ впадаетъ въ сентиментальность, или говоритъ о «цвѣтахъ поэзіи нетлѣнной», повышая тонъ наложенія, сглаживая и смягчая стиль, наконецъ, даже видоизмѣняя образы, то нельзя не замѣтить, что это чересчуръ субъективная призма для перевода и оцѣнки французскаго поэта, который представленъ инымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. И если бы теперь, вновь просмотрѣвъ произведенія Бодлера, переводчикъ захотѣлъ въ третій разъ провѣрить свои впечатлѣнія, уже подвергшіяся, по его признанію, нѣкоторымъ искусамъ, то весьма возможно, что онъ и къ любимому съ юныхъ лѣтъ поэту пригнѣнилъ бы стихъ, который мы заимствуемъ изъ одного изъ самыхъ теплыхъ, задушевныхъ, оригинальныхъ произведеній П. Я., помѣщеннаго въ настоящемъ, второмъ томѣ его стихотвореній:

«Я что-то потерялъ и не могу найти!»

Это общая судьба всѣхъ иллюзій...

Ө. Батюшковъ.

ОТВѢТЪ Г. БАТИНУ.

Въ майской книжкѣ «Русскаго Богатства» г. Батинъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ «Сельскохозяйственная философія г. Рожкова». Статья эта посвящена критическому разбору основныхъ взглядовъ, высказанныхъ мною въ книгѣ «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ» и въ статьѣ по тому же вопросу, помѣщенной въ журналѣ «Міръ Божій» за 1900 годъ, № 12. Когда специалистъ критикуетъ ученую работу, имѣя въ виду специально-ученую публику, ему — за исключеніемъ особыхъ случаевъ — отвѣчать не принято, потому что специалисты, для которыхъ онъ по преимуществу пишетъ, обладаютъ всѣми необходимыми данными для того, чтобы, взвѣсивъ всѣ доводы обѣихъ сторонъ и опираясь на свои знанія, самостоятельно разобраться въ вопросѣ. Если бы г. Батинъ имѣлъ въ виду въ своей статьѣ лицъ, посвящающихъ себя специальнымъ занятіямъ русской исторіей, то я оставилъ бы его статью безъ отвѣта, но его статья рассчитана, очевидно, на большую публику, въ той или иной степени интересующуюся историческими и неразрывно съ ними связанными социологическими вопросами, но не всегда способную самостоятельно отнестись къ высказываемымъ взглядамъ, именно по недостатку специальныхъ знаній. Это обстоятельство и обязываетъ меня отвѣтить г. Батину.

Г. Батинъ признаетъ, повидимому, доказаннымъ основной фактъ, на которомъ я настаиваю — упадокъ земледѣльческой системы въ старинныхъ областяхъ Московскаго государства въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка *), и отри-

*) Это приписываютъ, впрочемъ, всѣ, кто писалъ о моей книгѣ; исключеніе представляетъ г. Сергѣевичъ, который въ своихъ «Древностяхъ русскаго землевладѣнія» («Журн. Мин. Народ. Просв.» за 1901 г., апрѣль) заподозриваетъ мои цифры на томъ основаніи, что онѣ не сходятся съ итогами писцовыхъ книгъ и, ничто же сумняшеся, соединяетъ въ одно цѣлое крестьянскую и людскую (т.-е. холопскую) пашню, тогда какъ я говорю объ одной крестьянской. Это указываетъ только на степень точности и внимательности г. Сергѣевича и на почти полную «невинность» его относительно писцовыхъ книгъ, о неточности итоговъ которыхъ извѣстно всякому, кто ими занимался.

цательно относится прежде всего къ моему объясненію причинъ этого факта. Сущность этого объясненія сводится къ тому, что господство помѣстья, т.-е. непрочнаго, временнаго земельнаго владѣнія, не обезпеченнаго за владѣльцемъ и его потомствомъ, и монастырской вотчины, слишкомъ обширной и разбросанной, что затрудняло надзоръ за приказчиками и вызывало необходимость раздачи монастырскихъ земель во временное владѣніе, подобное помѣстному, — приводило къ преобладанію отжившей переложной системы полевого хозяйства, пріучая главную массу землевладѣльцевъ къ кочевому, хищническому, беспорядочному веденію хозяйства. Разбирая это положеніе, г. Батинъ ставитъ мнѣ вопросъ: «какое собственно отношеніе имѣло рациональное или нерациональное веденіе помѣщикомъ своего хозяйства къ хозяйству причисленныхъ къ его помѣстью полусвободныхъ крестьянъ?» (стр. 109) И сейчасъ же отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что необезпеченность помѣстной земли за помѣщикомъ не могла вліять на *крестьянское* хозяйство (стр. 109). Правда, онъ соглашается, что приведенный мною примѣръ о крестьянинѣ Шишкинѣ какъ разъ характеризуетъ вліяніе непрочности помѣстнаго владѣнія именно на *крестьянское* хозяйство, но спѣшитъ оговориться: «подобные случаи не могли, конечно, имѣть значеніе общей, повсемѣстной причины» (стр. 110). Почему же не могли? Само собой разумѣется, что случай съ Шишкинымъ во всей своей индивидуальности не повторялся вездѣ, но *подобные* случаи не только могли, а *должны* были часто повторяться при порядкахъ, характеризуемыхъ тѣмъ, что въ 10 лѣтъ переменялся чуть ли не весь составъ владѣльцевъ помѣстій въ рядѣ уѣздовъ. У каждаго почти помѣщика были крестьяне. Чѣмъ же объяснить, что именно *помѣщики* «пустошили» свои помѣстья, какъ не вліяніемъ помѣстной системы? Не говоря о другихъ способахъ «пустошенія», укажемъ хотя бы на краткосрочность крестьянской аренды, какъ на условіе, губительно отражавшееся на системѣ крестьянскаго земледѣлія. При крайней подвижности помѣстнаго землевладѣнія, краткосрочная аренда — въ выгодахъ помѣщиковъ, имѣющихъ въ виду усиленную, хотя и непродолжительную эксплуатацію земли и труда безъ особенныхъ затратъ. Дурное же вліяніе краткосрочной аренды на систему хозяйства не подлежитъ сомнѣнію. Г. Батинъ съ обенной силой настаиваетъ на томъ, что главной причиной бѣдства населенія и хозяйственнаго упадка были «грабежи, насилія и полное отсутствіе какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ гарантій» (стр. 111). Если мой оппонентъ имѣетъ въ виду отсутствіе *юридическихъ* гарантій крестьянской личности и собственности въ XVI в., то онъ глубоко ошибается: въ теченіе всего XVI столѣтія русскій крестьянинъ признавался закономъ свободной и правоспособной личностью, и даже тогда, когда въ Уложеніи 1649 г. было узаконено крестьянское прирѣпленіе, крестьяне въ теченіе всего XVII вѣка ставились закономъ на ряду съ членами другихъ сословій: признавались ихъ показанія въ повальномъ обыскѣ, установлена была пеня за безчестіе крестьянина, принимались свидѣтельскія показанія крестьянъ на судѣ, сохранялось право свободного вступленія крестьянъ въ договоры, даже имущественныя права крѣпостныхъ не были уничтожены, а подвергались лишь постепеннымъ ограниченіямъ *). Вообще юридически крестьянская личность и собственность были только развѣ немногимъ менѣе гарантированы, чѣмъ личность и собственность членовъ другихъ сословій въ то время. Но если, какъ надо думать, г. Батинъ имѣетъ въ виду отсутствіе *фактическихъ* гарантій, то очевидно, что при такомъ взглядѣ на дѣло мы какъ разъ входимъ въ сферу чисто-экономическихъ отношеній. Мы не менѣе г. Батина убѣждены въ очень серьезномъ значеніи помѣщичьихъ грабежей и насилій, въ ихъ важномъ, хотя и не исключительномъ, вліяніи на упадокъ крестьянскаго хозяйства, но спра-

*) Бѣляевъ. «Крестьяне на Руси». М. 1860, стр. 77—79, 153—157.

пивается: почему же крестьяне на *вотчинныхъ* земляхъ менѣ страдали отъ этихъ грабежей и наскій, чѣмъ *помѣстные* крестьяне? Почему помѣщики чаще грабили и разоряли своихъ крестьянъ, «разгоняли» ихъ, какъ выражаются грамоты, чѣмъ вотчинники? Г. Батинъ напрасно говоритъ, какъ мы видѣли, объ отсутствіи гарантій личности и собственности: въ этомъ отношеніи вотчинные крестьяне были не въ лучшемъ положеніи сравнительно съ помѣстными. Причина хищничества помѣщиковъ совершенно ясна и опредѣленна съ моей точки зрѣнія: помѣщикамъ не было разчета сберечь хозяйственныя силы крестьянъ, умѣренно и правильно ихъ эксплуатировать, потому что у помѣщиковъ не было увѣренности въ томъ, что земля за ними сохранится на долгое время. Не только хорошей, а даже обыкновенной средней хозяйнѣ, который имѣетъ въ виду сохранить за собой имѣніе на всю жизнь и передать его потомству, не будетъ систематически разорять своихъ крестьянъ.

Г. Батинъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на «основную *общественную* природу помѣстной системы, которая устанавливала подчиненное положеніе одной части населенія по отношенію къ другой» (стр. 108). Признаться сказать, этой «основной общественной природы» въ помѣстной системѣ я совсѣмъ не замѣчаю. Что такое помѣстная система? Это такая система юридическаго отношенія лица къ землѣ, при которой лицо имѣетъ право временнаго и условнаго пользованія землею безъ права распоряженія ею. Помѣстная система касается, такимъ образомъ, только земли, а не населенія, на ней живущаго, и помѣщикъ не получаетъ надъ этимъ населеніемъ никакихъ особенныхъ правъ. Помѣстный крестьянинъ былъ такъ же свободенъ, какъ и крестьянинъ черный. Быть можетъ, г. Батинъ хочетъ сказать, что фактъ распространенія помѣстной системы, расширяя размѣры частновладѣтельской дворянской земли въ ущербъ землѣ государственной, тѣмъ самымъ фактически, а не юридически, подготовилъ прикрѣпленіе крестьянъ? Несомнѣнно, обезземеленіе крестьянства сыграло важную роль въ процессѣ происхожденія крѣпостнаго права. Но крестьянство старинныхъ областей Московскаго государства было обезземелено еще раньше, въ удѣльное время, въ пользу государства и въ пользу другихъ состоятельныхъ классовъ общества, и такое обезземеленіе было вызвано очень опредѣленными экономическими условіями, которыя я стараюсь характеризовать въ особой статьѣ *), по видимому оставшейся неизвѣстной г. Батину. Что же касается до развитія помѣстной системы, то, задавая себѣ вопросъ о причинахъ этого важнаго явленія, мы тѣмъ самымъ подходимъ ко второму основному пункту нашихъ разногласій съ г. Батинимъ. Онъ считаетъ неудовлетворительнымъ объясненіе происхожденія помѣстной системы изъ господства натурального хозяйства въ извѣстной стадіи его развитія (стр. 114). «Въ вѣчевой періодъ древней Руси,—говоритъ г. Батинъ,—существовали князья, и у нихъ были служилые люди, дружинники; существовало также и натуральное хозяйство, но не возникло помѣстной системы вслѣдствіе совсѣмъ иныхъ отношеній между военнымъ сословіемъ и населеніемъ» (стр. 114). Для развитія помѣстной системы, по мнѣнію моего оппонента, необходимы были слѣдующія условія: «признаніе государя собственникомъ всей или большей части территоріи; выдѣленіе военнаго сословія, состоящаго на службѣ государя; полное подчиненіе остальнаго населенія государю и военному сословію. Затѣмъ уже, при наличности всѣхъ этихъ данныхъ, выдвигается естественно вопросъ о способѣ вознагражденія государемъ служилаго сословія, который и разрѣшается, при господствѣ натурального хозяйства, институтомъ помѣстнаго землевладѣнія» (стр. 113). Г. Батинъ доходитъ до

*) «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія, въ древней Россіи». «Жизнь» за 1900 г., томъ IX, стр. 61—62.

того, что видитъ въ развитіи помѣстной системы «проявленіе полнаго торжества самодержавія» (стр. 119). Насколько я понимаю г. Батина, онъ упрекаетъ меня собственно въ томъ, что, считая помѣстную систему продуктомъ натурального хозяйства въ одной изъ стадій его развитія, я не опредѣляю въ своей книгѣ и статьѣ въ «Мірѣ Божьемъ», чѣмъ характеризуется эта стадія и какъ она произошла. Самъ г. Батинъ полагаетъ, что, характеризуя ее, необходимо принять во вниманіе тѣ именно государственныя или политическія явленія, которыя имъ отмѣчены, и вовсе нельзя ограничиваться выясненіемъ явленій чисто-экономическихъ. Я долженъ оговориться, что и въ книгѣ, и въ названной статьѣ я сознательно уклонился отъ подробнаго выясненія, какаго именно стадія натурального хозяйства создастъ помѣстную систему. Причина такого умолчанія заключалась въ обстоятельстве, не зависѣвшемъ отъ моей воли: выясненіе данного вопроса заставило бы увеличить размѣры книги, что было совершенно для меня невозможно. Но эта задача исполнена мною въ другомъ мѣстѣ,—въ статьѣ «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи», напечатанной въ сентябрьской книжкѣ «Жизни» за 1900 годъ. По обстоятельствамъ, опять-таки отъ меня не зависѣвшимъ, статья въ «Мірѣ Божьемъ» появилась въ печати позднѣе статьи въ «Жизни», но первая статья была написана гораздо раньше, чѣмъ вторая, почему я и не могъ въ первой статьѣ сослаться на вторую. Если бы статья, напечатанная въ «Жизни», сдѣлалась извѣстной г. Батину, онъ увидѣлъ бы, что я даю точную характеристику той стадіи развитія натурального хозяйства, которая создала помѣстную систему. Сущность этой характеристики сводится къ тому, что преобладающая роль земледѣлія, отбѣсившаго на второй планъ первоначально господствовавшую добывающую промышленность, создала въ массѣ населенія нужду въ капиталѣ, совершенно необходимомъ по самой экономической природѣ земледѣльческаго производства; нужда въ капиталѣ создала ссуды и закладничество, т.-е. признаніе мелкими землевладѣльцами высшихъ правъ на ихъ землю за людьми болѣе состоятельными, капиталистами; чрезъ посредство, главнымъ образомъ, ссуды и закладничества, отчасти также оккупации свободныхъ земель, покупки и пр., князья, архіереи, монастыри и бояре сосредоточили въ своихъ рукахъ всѣ земли, но, не имѣя возможности вести свое барское хозяйство, заводили барскую запашку въ крупныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе недостатка въ рынкахъ для сбыта хлѣба, эти новые крупные землевладѣльцы вынуждены были извлекать выгоду изъ своихъ имѣній другимъ путемъ,—путемъ раздачи своихъ имѣній по частямъ сначала своимъ хозяйственнымъ, потомъ и военнымъ слугамъ во временное и условное владѣніе въ вознагражденіе за службу, т.-е. въ помѣстье *). Такъ объясняется процессъ происхожденія и развитія помѣстной системы изъ чисто-экономическихъ условий. Процессъ этотъ начался еще въ XIV вѣкѣ, вѣроятно даже въ XIII, и продолжался до послѣднихъ десятилѣтій XVI вѣка, причемъ можно признать, что развитіе помѣстной системы въ общихъ чертахъ закончилось уже до 70-хъ годовъ, а въ старинныхъ областяхъ государства даже къ началу XVI столѣтія. Понятно поэтому, почему «въ вѣковой періодъ древней Руси» не было помѣстной системы: тогда господствовала добывающая промышленность, а не земледѣліе. Отношенія между военнымъ сословіемъ и прочимъ населеніемъ тутъ совершенно не при чемъ. Притомъ же эти отношенія и не измѣнились въ удѣльный періодъ сравнительно съ кievскимъ. Когда г. Батинъ говоритъ затѣмъ, что для появленія и развитія помѣстной системы было необходимо «признаніе государя собственникомъ всей или большей части территоріи», то онъ конечно, правъ, но только упускаетъ

*) «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи». «Жизнь» за 1900 г., томъ IX, стр. 62—64.

изъ вида, что это признаніе—давняго, удѣльнаго происхожденія, и слишкомъ суживаетъ сферу примѣненія помѣстной системы полагая, что она имѣла мѣсто лишь на государевыхъ земляхъ: одной изъ крупныхъ заслугъ г. Рождественскаго въ его изслѣдованіи «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.» надо признать какъ разъ выясненіе того обстоятельства, что принципъ помѣстнаго владѣнія примѣнялся не на однихъ княжескихъ, а на всѣхъ вообще земляхъ, принадлежавшихъ крупнымъ вотчинникамъ. Г. Рождественскій только недостаточно объяснилъ это явленіе, но мы сейчасъ видѣли, какими глубокими хозяйственными причинами оно было вызвано. Что касается другихъ элементовъ, создавшихъ, по мнѣнію г. Батина, помѣстную систему, то они не только не нужны были для созданія послѣдней, но даже и не существовали въ эпоху происхожденія и развитія помѣстья. Военнаго *сословія* ни въ XIV, ни въ XV вѣкѣ еще не было: былъ только служилый *классъ*, отличавшійся отъ другихъ слоевъ населенія занятіями, а не специальными сословными правами и обязанностями; даже въ XVI в., когда развитіе помѣстной системы въ коренныхъ областяхъ страны было уже закончено, были готовы лишь отдѣльные элементы будущаго служилого сословія окончательно организовавшагося лишь послѣ смуты, т.-е. тогда, когда помѣстная система вступила въ періодъ своего паденія. Наконецъ, ни въ XIV, ни въ XV, ни даже въ XVI в. не можетъ быть рѣчи о «полномъ подчиненіи остальнаго населенія государю и военному сословію»: первый рѣшительный и далеко еще не окончательный успѣхъ самодержавія относится, какъ извѣстно, къ періоду времени, занимающему послѣдніи 35 лѣтъ XVI вѣка, а крѣпостное право начало слагаться только во второй половинѣ этого столѣтія и юридически оформлено было лишь въ Уложеніи 1649 г. Совсѣмъ странно звучить фраза г. Батина, что развитіе помѣстной системы—«проявленіе полнаго торжества самодержавія». Не говоря уже о томъ, что *полное* торжество самодержавія наступило лишь во второй половинѣ XVII вѣка—въ эпоху паденія помѣстной системы—и первый его рѣшительный успѣхъ относится къ 60—70-мъ годамъ XVI столѣтія, когда помѣстная система давно уже достигла своего зенита, неужели г. Батинъ сочтетъ и родного брата нашего помѣстья—западно-европейскій бенефиций признакомъ торжества самодержавія? Какъ хотите, а короли основанныхъ на развалинахъ западной римской имперіи германскихъ государствъ въ роли самодержцевъ—это такое новое и неожиданное открытіе, которое, при всей своей оригинальности, не можетъ рассчитывать на долговѣчность въ наукѣ.

Суровое порицаніе встрѣтилъ также мой взглядъ на происхожденіе и развитіе монастырскаго землевладѣнія изъ условій натурального хозяйства. Взглядъ этотъ также развитъ мною въ упомянутой выше статьѣ *); поэтому я не буду его повторять, а ограничусь разборомъ мнѣнія моего оппонента. По его мнѣнію, развитіе монастырскаго землевладѣнія надо объяснить религиознымъ настроеніемъ эпохи (стр. 115). По этому поводу я обращаю вниманіе г. Батина на слѣдующія обстоятельства: 1) религиозное настроеніе есть, конечно, необходимый постулатъ всякаго рода вкладовъ въ пользу церкви, но не имѣть, а именно условіями натурального хозяйства въ той стадіи, когда преобладающей отраслью промышленности стало земледѣіе, объясняется развитіе *земельныхъ* вкладовъ; другими словами: только хозяйственными условіями эпохи опредѣляется та конкретная форма, въ которую выливаются вклады въ пользу церкви; вѣдь религиозное настроеніе существовало и въ Киевской Руси, и въ XVII вѣкѣ, и повидѣе, но монастырское землевладѣніе не было типическимъ для этихъ эпохъ: оно едва зарождалось въ кievскій періодъ и стало разлагаться съ

*) «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи». «Живнъ» за 1900 г., томъ IX, стр. 62, 63—64.

XVII вѣка; 2) тамъ, гдѣ для поверхностнаго взгляда незамѣтно ничего, кромѣ религіознаго настроенія, при ближайшемъ изслѣдованіи обнаруживаются реальныя, чисто-хозяйственныя побужденія: сохранить за собой при жизни землю, отдавъ ее посредствомъ посмертнаго вклада въ собственность богатаго и сильнаго монастыря, отъ котораго можно получить покровительство и помощь на судъ, передъ властями или матеріальную поддержку; въ актовомъ матеріалѣ XVI в. встрѣчается также много примѣровъ того, что вотчинники, лишеныя своихъ старыхъ имѣній благодаря опричнинѣ и прискивавшіе себѣ новыя вотчины въ неопричныхъ уѣздахъ, отдають въ монастыри эти новыя приобрѣтенія, руководимыя прямо боязнью снова потерять ихъ и чувствуя себя выбитыми изъ колеи, лишеными возможности поставить хозяйство въ новыя мѣстахъ на прочномъ основаніи; 3) такимъ образомъ, если даже задаться вопросомъ о вліяніи религіознаго настроенія, то въ результатѣ правильнаго анализа получится на долю чисто-религіозныхъ побужденій довольно небольшой остатокъ, да и тотъ, какъ и всякую идею и всякое общественное настроеніе, нельзя, конечно, брать какъ вѣчто навсегда неразложимое: вѣдь и идеи, и настроенія пытаются извѣстными реальными условіями; я согласенъ, что *при современномъ состояніи общественныхъ и гуманитарныхъ наукъ* научный этиологическій анализъ идей и настроеній невозможенъ или возможенъ лишь въ извѣстной небольшой мѣрѣ, но отсюда очень далеко до провозглашенія глубокимъ того объясненія, которое предлагаетъ г. Батинъ, и до наименованія поверхностнымъ моего взгляда, къ чему склоненъ мой оппонентъ. Ниже, въ концѣ своего возраженія, я впрочемъ, еще предполагаю вернуться къ вопросу объ отношеніи психологической исторіи къ исторіи экономической, социальной и политической.

Третьей вопросъ, вызвавшій возраженія г. Батина, касается послѣдствій хозяйственнаго разоренія старинныхъ областей государства для его политическаго строя. Я позволилъ себѣ высказать мысль, что самодержавіе при Грозномъ, Феодоръ Ивановичъ и Годуновъ одержало побѣду надъ боярствомъ, не посмѣвшимъ открыто сопротивляться, именно по той причинѣ, что области, гдѣ сосредоточивалось княжеское и боярское землевладѣніе, пострадали отъ сельскохозяйственнаго кризиса послѣднихъ десятилѣтій XVI вѣка. Г. Батинъ упрекаетъ меня въ хронологической несообразности: казни при Грозномъ падаютъ на 60-е годы, а разореніе, по моему собственному указанію, началось съ 70-хъ. «Такъ какъ сопротивленія Грозному никакого оказано не было, то причины, которыми это можетъ быть приписано, должны были, очевидно, дѣйствовать ранѣе начала борьбы, т.-е. ранѣе 60-хъ годовъ» (стр. 117). На этомъ основаніи г. Батинъ трубитъ побѣду надо мной, — я думаю, однако, что немножко рано, и что ему придется бить отбой. Прежде всего мнѣ кажется страннымъ общее положеніе г. Батина, что причины извѣстнаго явленія должны дѣйствовать ранѣе самаго явленія; по моему, необходимо только одно: чтобы причина хронологически совпадала съ производимымъ ею дѣйствіемъ, была одновременно съ послѣднимъ. Почему уже въ 50-хъ годахъ или раньше должны были существовать обстоятельства, помѣшавшія боярамъ поднять открытое возстаніе противъ Грознаго *во второй половинѣ* 60-хъ и въ 70-хъ годахъ? Достаточно, если эти обстоятельства имѣли мѣсто именно въ указанное время, т.-е. во второй половинѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ. Не слѣдуетъ притомъ думать, что бояре не оказывали никакого сопротивленія Грозному: въ церковномъ словѣ (митрополитъ Филиппъ), въ литературѣ (Бурбскій), въ тяготѣніи къ польскому королю и удѣльному князю Владимиру Андреевичу, въ отъѣздахъ за границу выражалось боярское сопротивленіе.

Вопросъ былъ только въ томъ, возможна ли такая рѣшительная мѣра, какъ возстаніе, и понятно, что возникнуть этою вопросу могъ только въ крайности, въ то время, когда борьба до чрезвычайности обострилась, т.-е. какъ разъ въ

самомъ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ: дѣла митрополита Филиппа и Владимира Андреевича относятся какъ разъ къ 1568—1569 гг.; 1570 и 1571 годы— время сильнѣйшихъ казней, къ 1571 г. относится извѣстная запись кн. Мстиславскаго, въ 70-хъ годахъ появился особый земскій великій князь—Симеонъ Бекбулатовичъ, тогда же были казнены Воротынскій, Одоевскій и др. *), наконецъ, что особенно важно, и чему г. Батинъ, слѣдуя устарѣвшему взгляду на опричнину, какъ на борьбу противъ лицъ, а не противъ порядковъ, не придаетъ надлежащаго значенія,—именно съ конца 60-хъ и особенно въ 70-хъ годахъ царь сталъ отбирать въ опричнину тѣ уѣзды, гдѣ всего сильнѣе было княжеское и боярское вотчинное землевладѣнiе: Ярославскій, Переяславль-Залѣскскій, Ростовскій, Пошехонскій, Дмитровскій **). Извѣстно, что отобрание извѣстнаго уѣзда въ опричнину имѣло послѣдствiемъ всегда лишенiе всѣхъ его землевладѣльцовъ ихъ имѣнiй и вмѣстѣ съ тѣмъ соединенныхъ съ этими имѣнiями правъ, родственныхъ по своей природѣ съ феодальными. Вотъ когда положенiе мятежнаго боярства, особенно титулованнаго, унаслѣдовавшаго своимъ феодальными права отъ предковъ, а не влѣдствiе царскаго пожалованiя, сдѣлалось невыносимымъ: это было въ 70-хъ годахъ XVI вѣка; въ это время и могла возникнуть мысль объ отчаянныхъ средствахъ сопротивленiя, и она парализовалась земледѣльческимъ кризисомъ, достигшимъ своего развитiя какъ разъ въ тотъ же моментъ. Наконецъ, не надо забывать, что если я утверждалъ, что кризисъ обнаруживается съ 70-хъ годовъ, то это вовсе нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что до этого времени все было прекрасно, а какъ стукнулъ 1570 годъ, такъ сразу все запустило и разорилось. Такое пониманiе было бы слишкомъ въ стилѣ учебниковъ г. Иловайскаго. Необходимо предположить, что кризисъ начался уже въ 60-хъ годахъ, что и отмѣчено мною въ моей книгѣ при изученiи исторiи колонизацiи ***); все, что я утверждалъ, сводится къ тому что въ первой половинѣ, точнѣе—въ началѣ 60-хъ годовъ кризиса еще не было, а въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ мы наблюдаемъ его въ *полномъ развитiи*. Куда же теперь, спрашиваю я, дѣвалась та хронологическая несообразность, на которую такъ побѣдоносно указывалъ г. Батинъ и которую онъ ставилъ въ связь съ моимъ пристрастiемъ къ объясненiю всѣхъ историческихъ явленiй экономическимъ факторомъ или къ обаянiю, какое въ моихъ главахъ имѣетъ хозяйственное объясненiе историческаго процесса?

Это послѣднее замѣчанiе г. Батина—о моей склонности къ экономическому объясненiю исторiи—даетъ мнѣ право сказать нѣсколько словъ о моей исторической философи. Во избѣжанiе возможныхъ недоразумѣнiй, я считаю нужнымъ заявить, что вовсе не принадлежу къ тѣмъ крайнимъ сторонникамъ такъ называемаго экономическаго материализма, которые склонны все и вся объяснить *непосредственно* изъ хозяйственныхъ, именно производственныхъ отношенiй. Съ моей точки зрѣнiя, явленiя исторической жизни располагаются на группы въ слѣдующемъ порядкѣ по степени ихъ возрастающей сложности: 1) экономическiя явленiя, 2) социальныя (устройство общества, т.-е. классы и сословiя), 3) политическiя (устройство государства), 4) психологическiя (характеры, наука, искусство, религiя). Экономическiя явленiя простѣйшiя и наименѣе зависима отъ другихъ группъ, а опредѣляющiя въ своемъ развитiи, главнымъ образомъ, естественными условiями страны и ростомъ населенiя. Они *непосредственно* влiяютъ по преимуществу въ сферѣ социальныхъ отношенiй. Гораздо слабѣе ихъ непосредственное влiянiе на политическiя явленiя,

*) Соловьевъ. «Исторiя Россiи», компактное изд., т. II, Спб., 1894, столб. 169—182.

***) Платоновъ. «Очерки изъ исторiи Смуты въ Московскомъ государствѣ», Спб., 1899, стр. 141—142, 144—146.

***) «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.», стр. 300—302.

хотя все-таки оно здѣсь сильно. Еще въ меньшей степени замѣтно непосредственное воздѣйствіе экономическаго фактора на психологическія явленія, слагающіяся подъ совокупнымъ вліяніемъ не только хозяйственныхъ, социальныхъ и политическихъ явленій, но и извѣстныхъ биологическихъ факторовъ, подъ которыми я разумю извѣстные развитые послѣдующею историческою жизнью и видоизмѣненные ею задатки, являющіеся типичными для той или иной психической организаціи. Съ моею точки зрѣнія, психологическая исторія сдѣлается возможной, какъ наука, а не какъ искусство и не какъ простое накопленіе и первоначальная систематизація матеріала,—только тогда, когда эмпирическая психологія опредѣлитъ классификацію характеровъ, а исторія, опираясь на эту классификацію, создастъ схему эволюціи психическихъ типовъ, подобно тому, какъ сейчасъ она вырабатываетъ схему экономической, социальной и политической эволюціи, только тогда можно будетъ научно анализировать неразложимый теперь въ психологическихъ явленіяхъ остатокъ, получающійся за выдѣленіемъ въ нихъ хозяйственныхъ, социальныхъ и политическихъ вліяній. И въ результатъ такого анализа получится, вѣроятно, надлежащее выясненіе и той связи, какая существуетъ между хозяйствомъ, обществомъ и государствомъ, съ одной стороны, и психологіей человѣка, — съ другой. Въ этомъ задача будущаго, теперь же, имѣя передъ собою только тотъ матеріалъ, который, при современномъ состояніи нашихъ знаній, единственно доступенъ дѣйствительно, научному анализу, отказаться отъ объясненія болѣе сложныхъ социальныхъ и политическихъ явленій простѣйшими экономическими значило бы, по искреннему и глубокому убѣжденію пишущаго эти строки, отказаться вообще отъ научной работы въ области общественныхъ знаній и въ частности въ исторіи.

Н. Рожковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Л. Н. Толстой и московскіе трезвенники. Четыре года тому назадъ члены 1-го московскаго общества трезвости рѣшили связать свое дѣло со славнымъ именемъ «великаго писателя земли русской», графа Льва Николаевича Толстого. Сдѣлано это было, какъ теперь выяснилось съ очевидною для всѣхъ ясностью, только ради рекламы, но во всякомъ случаѣ въ протоколахъ общества записано, что гр. Л. Н. Толстой единогласно избирается почетнымъ членомъ 1-го московскаго общества трезвости по слѣдующимъ мотивамъ:

«Графъ Л. Н. Толстой, который наравнѣ съ Тургеневымъ, Достоевскимъ, Пушкинымъ, Гоголемъ и другими, служа общепризнаннымъ украшеніемъ нашей отечественной литературы, является вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ первыхъ выдающихся русскихъ трезвенниковъ. Уже много лѣтъ назадъ онъ началъ ратовать публично о народной трезвости, написавъ очеркъ «Первый винокуръ». Въ восьмидесятыхъ годахъ, въ статьѣ «Праздникъ просвѣщенія 12-го января», онъ безстрашно бросилъ горячій упрекъ всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ, что они, справляя праздникъ просвѣщенія обѣдами и виномъ и упиваясь онымъ, этимъ самымъ подаютъ дурной примѣръ простому и менѣе образованному народу. Вскорѣ послѣ этого графъ Толстой написалъ: «Для чего люди одурманиваются», гдѣ выступилъ противъ пьянства и табакокуренія, и, наконецъ, въ

истекшемъ 1896 г., служа той же великой задачѣ отрезвленія, написалъ очеркъ «Богу и маммонѣ», гдѣ доказывалъ, что въ наше время нельзя говорить, что питье или непитье вина есть дѣло частное отдѣльнаго лица. Такимъ образомъ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой очень давно и въ гораздо большей степени, чѣмъ все наше образованное общество, ратовалъ о вредѣ пьянства, усовѣщивая печатно не только малограмотный простой народъ, но и людей высокообразованныхъ, а на послѣднее до того никто не рѣшался! Коротко сказать, движеніе во имя трезвости обязано ему, Толстому, тѣмъ, что онъ трезвость вывелъ на свѣтъ изъ ничтожества и сталъ за нее горю передъ лицомъ всей пьющей Россіи, не боясь ни насмѣшекъ, ни брани, ни кривотолковъ. Заграничныя общества трезвости высоко цѣнятъ труды этого знаменитаго трезвенника. У насъ, въ Россіи, «Христіанское общество трезвости и воздержанія» имѣетъ удовольствіе считать его въ рядахъ своихъ членовъ».

Прошло четыре года, и вотъ теперь, 24-го іюня, на годичномъ собраніи этого общества выслушивается, по словамъ московскихъ газетъ, заявленіе одного изъ членовъ, портного Ворсуняка, требовавшего исключенія изъ членовъ общества его почетнаго члена, графа Льва Николаевича Толстого. Поддержанное двумя-тремя лицами изъ присутствовавшихъ, заявленіе это опиралось на § 4 устава общества, гласящій: «членами общества могутъ быть лишь лица православнаго вѣроисповѣданія». А графъ Л. Н. Толстой, говорилось въ заявленіи, согласно опубликованному недавно постановленію Святѣйшаго Синода, какъ временно отлученный отъ церкви, православнымъ считаться не можетъ. Поднялся торговецъ-мелочникъ Замятинъ, также высказался за исключеніе и закончилъ свою рѣчь такъ: «Не знаемъ мы Л. Н. Толстого и знать его не хотимъ! И зачѣмъ только гг. интеллигенты навязали намъ его?» Предсѣдатель засѣданія постарался разъяснить присутствовавшимъ, что Л. Н. Толстой, при самомъ основаніи общества, первымъ общимъ собраніемъ избранъ въ почетные члены за то, что гораздо раньше возникновенія какихъ-либо обществъ трезвости въ Россіи и словомъ своимъ могучимъ, и личнымъ примѣромъ горячо ратовалъ противъ пьянства вообще, а въ народѣ въ особенности. Перерѣшать постановленія общаго собранія нельзя. Предсѣдатель еще добавилъ: «Гг.! Мы—не миссіонерское братство! Въ рамки нашей мирной работы на пользу людскую не входитъ обязанность критиковать религіозныя убѣжденія сочлена, искренно преданнаго одной съ нами задачѣ: искорененію пьянства! Правда, бывали случаи, когда высшая администрація или полиція указывали обществу, что необходимо исключить того или другого завѣдомо неблагонадежнаго члена. Относительно графа Л. Н. Толстого такихъ указаній намъ не было. И въ самомъ нашемъ уставѣ, за исключеніемъ спорнаго § 4, нѣтъ никакихъ указаній на возможность исключенія сочлена изъ-за тѣхъ или иныхъ его религіозныхъ убѣжденій». Собраніе, видимо, прониклось этими доводами. Вопросъ сталъ сходить на нѣтъ. Поднялся членъ-священникъ Любимовъ и торжественно заявилъ: «Если Левъ Толстой остается въ числѣ членовъ настоящаго общества трезвости, я и всѣ остальные лица духовнаго званія выходимъ изъ состава, такъ какъ пребывать въ единеніи съ человѣкомъ, осужденнымъ высшею духовною властью, считаемъ невозможнымъ». Пренія опять принялъ напряженный характеръ. Послѣ долгихъ обсужденій, общее собраніе пришло къ нѣкоторому соглашенію и выработало такого рода постановленіе: «Заслушавъ заявленіе членовъ 1-го московскаго общества трезвости: портного Ворсуняка, лавочника Замятина, священника Любимова и другихъ—объ исключеніи графа Л. Н. Толстого изъ числа почетныхъ членовъ общества, въ виду состоявшагося постановленія Св. Синода о временномъ отлученіи помянутаго Л. Толстого отъ православной церкви, общее собраніе, принявъ во вниманіе § 4-й своего устава, пришло къ заключенію, что графъ Л. Н. Толстой, послѣ вышеприведеннаго постановленія Св. Синода, не можетъ подхо-

дить къ указанному въ § 4 составу членовъ общества. Въ виду сего, дальнѣйшее пребываніе Л. Н. Толстого въ числѣ членовъ общества является нежела- тельнымъ. Но также нѣтъ въ уставѣ и указаній относительно порядка исклю- ченія почетныхъ членовъ общества изъ состава его членовъ. Посему постанов- лено представить настоящее дѣло на усмотрѣніе Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго генералъ-губернатора города Москвы, Великаго Князя Сергія Александровича, съ приложеніемъ письменнаго заявленія портного Ворсуняка и покорнѣйшей просьбой: за немнѣніемъ у членовъ общества, на основаніи ста- тей устава, фактическаго права своею властью исключить почетнаго члена Л. Н. Толстого,—доводить исходатайствовать надлежащее распоряженіе объ исключеніи гр. Л. Н. Толстого административною властью».

Во всей этой дикой исторіи насъ не удивляетъ, конечно, отношеніе къ Л. Н. Толстому со стороны невѣжественныхъ портныхъ и лавочниковъ. Но по- разительно, что во всемъ Московскомъ обществѣ трезвости не нашлось, даже среди культурныхъ его членовъ, *ни одному*, кто выступилъ бы съ рѣшитель- нымъ протестомъ противъ этой травли великаго старца: постановленіе объ исклю- ченіи Толстого, постановленіе безграмотное и ложно мотивированное, будто бы, «временнымъ отлученіемъ отъ церкви», *подписано собственноручно всеми присутствовавшими*.

Злоключенія корреспондента. Южныя газеты принесли извѣстіе о чрезвы- чайно характерномъ процессѣ, слушавшемся въ одесскомъ окружномъ судѣ, гдѣ столкнулись—съ одной стороны злополучный, гонимый въ провинціальныхъ захолустьяхъ представитель гласности—корреспондентъ, а съ другой—пред- ставитель широкой, въ извѣстныхъ случаяхъ неограниченной судебно-админи- стративной власти—земскій начальникъ.

Дѣло возникло по жалобѣ земскаго начальника Елизаветградскаго уѣзда г. Рустановича на корреспондента двухъ одесскихъ газетъ г. Винницкаго, живущаго въ посадѣ Новоукраинка, за клевету въ печати (1535 ст.). Инкри- минуемая статья напечатана въ «Новоросс. Телеграфѣ». Воспроизводимъ ее здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями.

«Мѣстный обыватель, корреспондирующій въ двухъ одесскихъ газетахъ, по- лаялъ подъ строгій арестъ на трое сутокъ по распоряженію мѣстнаго земскаго начальника г. Рустановича. Г. Рустановичъ приказомъ своимъ на ния волостнаго старшины за № 18 погребовалъ корреспондента въ мѣстное волостное правленіе. Являсь туда, г. Рустановичъ сталъ строго читать нотацию корреспонденту за его газетныя статьи, въ которыхъ указывалось на крупныя пробѣлы въ дѣятель- ности вдохновителей мѣстнаго крестьянскаго управления. Послѣ обѣщанія за- садить въ тюрьму корреспондента и редактора, г. Рустановичъ, вспомнивъ вдругъ исторію объ участіи общественной усадебной земли, приобрѣтенной съ торговъ корреспондентомъ, грозно спросилъ, исполнилъ ли корреспондентъ какія- то требованія объ освобожденіи полутора-саженной земли, захваченной будто бы послѣднимъ. Когда корреспондентъ отвѣтилъ, что вопросъ объ этомъ клочкѣ земли остается открытымъ до разрѣшенія его херсонскимъ губернаторомъ, г. Рустановичъ, несмотря на то, что дѣло это носитъ характеръ чисто граж- данскаго спора, приказалъ волостному старшинѣ позвать 2-хъ этапныхъ, ко- торымъ и велѣлъ арестовать и выдержать корреспондента при волостной кор- дегардіи въ теченіе трехъ сутокъ, за неисполненіе яко бы своихъ «законныхъ требованій». Несмотря на протесты корреспондента, г. Рустановичъ крикнулъ этапнымъ: «Взять его», и этапные безцеремонно исполнили это распоряженіе, посадивъ ни въ чемъ неповиннаго корреспондента подъ арестъ, и заперли его подъ замокъ. За время трехсуточного ареста, по строгому приказанію г. Руста- новича, къ арестованному не допускали рѣшительно никого, даже врача, по-

стоянно лѣчившаго арестованнаго корреспондента, пришедшаго навѣстить своего пациента, о нездоровьи котораго было имъ лично заявлено г. Рустановичу; врачъ былъ при этомъ два раза грубо вытолкнуть этапными. По ночамъ г. Рустановичъ лично являлся для провѣрки, находится ли арестованный корреспондентъ на мѣстѣ, и каждый разъ приказывалъ этапнымъ не дѣлать ему никакихъ облегченій и снисхожденій. По окончаніи трехсуточного ареста г. Рустановичъ позвалъ корреспондента въ волостное правленіе и, стуча кулакомъ объ столъ и ногами объ полъ, заявилъ ему, что будетъ зорко слѣдить за его дѣйствіями и будетъ сажать подъ арестъ за всякую малѣйшую его попытку коснуться чьей бы то ни было дѣятельности, называя это неисполненіемъ законныхъ требованій своихъ».

При личныхъ объясненіяхъ со слѣдователемъ, потерпѣвшій земскій начальникъ заявилъ слѣдующее: «Въ корреспонденціи изъ пос. Новоукраинки, помѣщенной въ № 8.097 «Новороссійскаго Телеграфа», я нахожу слѣдующія обстоятельства, заключающія въ себѣ клевету: 1) всей корреспонденціи приданъ характеръ, рассчитанный на то, чтобы изъ нея ясно было видно, что авторъ ея былъ подвергнутъ мною аресту именно за разоблаченія въ печати неправильныхъ мнѣхъ дѣйствій, какъ земскаго начальника; 2) несомнѣнной клеветой я признаю фразу: «Читаль нотацію корреспонденту за его газетныя статьи, въ которыхъ указывалось на пробѣлы въ дѣятельности заправиль мѣстнаго крестьянскаго управления, равно какъ и перечисленіе этихъ пробѣловъ; 3) нахожу клевету въ изложеніи того обстоятельства, что будто мною приказано было не допускать къ арестованному даже врача, и 4) имѣется клевета и во фразѣ: «Позвалъ корреспондента и, стуча кулаками объ столъ, заявилъ ему, что будетъ зорко слѣдить за его дѣйствіями и будетъ его сажать въ клоповникъ за всякую малѣйшую попытку коснуться чьей бы то ни было дѣятельности, называя это неисполненіемъ законныхъ требованій своихъ».

Г. Винницкій былъ преданъ суду; разборъ дѣла состоялся 11-го іюня. Вызвано 10 свидѣтелей, показанія которыхъ нарисовали совершенно одинаковую картину отношеній земскаго начальника къ подсудимому и вполне подтвердили всѣ акты, изложенные въ корреспонденціи. Особенно интересны показанія доктора Клярфельда.

«26-го февраля сего года,—говоритъ онъ,—въ 12 часовъ дня, я получилъ записку, въ которой сказано было, что мой пациентъ Н. Винницкій арестованъ земскимъ начальникомъ и проситъ сейчасъ же явиться къ нему въ кордегардію, такъ какъ онъ заболѣлъ. Зная, что Винницкій страдаетъ одышкой, вслѣдствіе ожирѣнія сердца, я поспѣшилъ къ нему. Когда я вошелъ въ корридоръ, мнѣ указали на въ высшей степени грязное помѣщеніе, въ которое я, къ сожалѣнію, войти не могъ, такъ какъ двери его были заперты на желѣзную скобу. Я могъ,—говоритъ онъ далѣе,—просунуть свою голову въ маленькое окошко. Я былъ пораженъ той зловонной атмосферой, въ которой находился арестованный. Г. Винницкій при этомъ указалъ мнѣ на человѣческій кагъ. Обо всемъ видѣнномъ я сейчасъ же доложилъ земскому начальнику, настаивалъ, что при болѣзни Винницкаго трехсуточное пребываніе въ этой клоакѣ можетъ вредно отозваться на его здоровьи, и просилъ о переводѣ его въ другое помѣщеніе. Вечеромъ того же дня докторъ получилъ вторую записку уже отъ г. Винницкаго, который писалъ: «Страдаю сильными головными болями и сердцебиеніемъ, приходите и помогите». И что же? Явившись для подачи помощи, я былъ оттолкнутъ привратникомъ, который получилъ строгій приказъ свыше: никого, даже врача, не допускать».

Привратникъ Кыштъ показалъ, что за годъ его службы земскій начальникъ провѣрялъ только два раза заключенныхъ, и то тогда, когда тамъ находился г. Винницкій. Первый разъ онъ провѣрялъ заключенныхъ въ первый день за-

ключенія г. Винницкаго, въ 12 ч. ночи, а второй разъ, въ послѣдній день заключенія г. Винницкаго, въ 1 часъ ночи. Въ распоряженіе г. Винницкаго были предоставлены нары съ клопами. На его просьбу дать ему сѣна, ему отвѣтили, что для него сѣна нѣтъ. Свидѣтель Хрулевъ показываетъ, что, находясь въѣтъ съ г. Винницкимъ въ заточеніи, онъ до поступленія г. Винницкаго пользовался сравнительной свободой, могъ выходить погулять и т. д., а послѣ, находясь съ нимъ въ одной камерѣ, лишился всего этого.

Въ показаніяхъ крестьянина Роздобудько интересны слѣдующія подробности: 29 февраля, т.-е. въ день окончанія трехсуточного ареста Винницкаго, при волостномъ правленіи собралась большая толпа разнаго народа, а къ 11-ти часамъ прибылъ и г. Рустановичъ, который приказалъ ввести арестованнаго Винницкаго. Приказаніе было исполнено. По входѣ корреспондента Винницкаго г. Рустановичъ, началъ бить кулаками о столъ и топтать ногами о полъ, заявилъ ему, что будетъ зорко слѣдить за его, Винницкаго, дѣйствіями, и если онъ, Винницкій, опять позволитъ себѣ въ газетахъ касаться дѣятельности его или его подчиненныхъ, то будетъ каждый разъ сажать его подъ арестъ.

Окружный судъ вынесъ г. Винницкому оправдательный вердиктъ.

Къ характеристикѣ почтово-телеграфной службы. Пользуясь данными, обнаруженными въ недавно разбиравшемся процессѣ по обвиненію начальника калужской почтово-телеграфной конторы ст. с. Эренверта въ бездѣйствіи власти, «Русскія Вѣдомости» обращаютъ вниманіе на общіе порядки службы и контроля въ нашемъ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ.

Въ 1887 году въ Калугѣ образована была почтово-телеграфная контора 3-го класса и введенъ нормальный штатъ служащихъ; работать служащимъ требовалось 7—8 час. въ сутки. Съ тѣхъ поръ составъ служащихъ не увеличивался, тогда какъ размѣръ работы непрерывно росъ не только вследствие естественнаго роста потребности населенія въ почтово-телеграфныхъ сношеніяхъ, но еще и въ зависимости отъ экстренныхъ событій, какъ расквартированіе въ Калугѣ двухъ пѣхотныхъ полковъ и артиллерійской бригады. Такое измѣненіе вещей не могло пройти незамѣченнымъ для почтоваго начальства, однако единственною за все время мѣрою съ его стороны было отнесеніе въ 1893 г. калужской конторы во второй (высшій) разрядъ почтово-телеграфныхъ установленій, но безъ увеличенія числа служащихъ. Въ 1896 году операціи калужской конторы удвоились; введены были, кромѣ того, новыя операціи — по открытой почтово-телеграфной ссудо сберегательной кассѣ, допущенію посылокъ съ наложеннымъ платежемъ, доставкѣ денежныхъ пакетовъ на домъ адресатамъ, введенію переводовъ денегъ по почтѣ и телеграфу. Въ 1887 году чиновники работали по 7—8 часовъ, теперь при томъ же ихъ числѣ нужно было заниматься въ конторѣ по 16—17 час. въ сутки,

Провинился г. Эренвертъ и обвинялся въ томъ, что отгѣнилъ денной караулъ при почтовой кладовой, изъ которой благодаря этому былъ похищенъ уезль съ 22.500 руб. Обвинительная власть подчеркнула здѣсь не активный элементъ превышенія власти (отгѣнилъ), а пассивный — бездѣйствія (благодаря отгѣнѣ караула похищенъ уезль). Иной элементъ въ данномъ случаѣ и при данныхъ условіяхъ службы и мудроно усмотрѣть. Ему ни разу не увеличили числа сотрудниковъ, тогда какъ дѣла постоянно прибавлялось; его ходатайства въ этомъ направленіи валились подъ сукно. Поневолѣ «приходилось приспособляться къ новымъ условіямъ» службы собственными средствами и способами. Съ развитіемъ почтовыхъ операцій приходилось требовать отъ чиновниковъ все большей и большей усидчивости (съ 8 час. въ 1887 г. до 17 час. въ 1897 г. въ сутки). Съ приходомъ полковъ и артиллеріи не хватало чиновниковъ въ конторѣ; за столы къ книгамъ посажены были семь писмоносовцевъ, а дѣлъ соб-

ственная работа разложена между остальными 14, и безъ того обремененными разноскою корреспонденціи по городу и развозкою почты по трактамъ. Одновременно и караульные, приставленные къ почтовой кладовой, стали отвлекаться сверхъ этой специальной обязанности къ писанію тутъ же на посту повѣстокъ, книгъ и т. д. Наконецъ, организація новыхъ операцій (касса, переводы, наложенный платежъ и т. д.) сопровождалась окончательнымъ упраздненіемъ днемъ караульныхъ при дверяхъ почтовой кладовой.

Если бы все это не было предметомъ судебного слѣдствія и не было обнаружено съ такою очевидностью въ своей роковой совокупности, трудно было бы на первый взглядъ всему этому дать вѣру; но именно эта-то сложная совокупность фатально сдвѣпляющихся между собою канцелярщины и глухоты къ заявленіямъ подчиненныхъ, благодушнаго упованія на русское авось, массы безропотнаго труда «подчиненныхъ» и приводитъ на память всё тѣ случаи изъ быта чиновничьяго міра, о которыхъ ежедневно приходится читать, слышать...

Въ частности относительно почтово-телеграфнаго дѣла, призваннаго служить исключительно культурнымъ задачамъ всей страны, особенно обидна погоня за ростомъ доходности, урѣзывающая бюджетъ вѣдомства въ ущербъ развитію службы, улучшенію организаціи. Почта и телеграфъ не только окупаютъ у насъ себя, но и даютъ избытокъ въ приходѣ надъ расходомъ. Здѣсь не нужно просить на улучшенія ассигновокъ изъ казны; здѣсь достаточно было бы большей свободы вѣдомства въ употребленіи излишка. Обращеніе его на развитіе и усовершенствованіе почтово-телеграфныхъ операцій было бы производительнѣе зачисленія его во что бы то ни стало въ общіе доходы казны.

Фальсификація пищевыхъ продуктовъ. Небольшой кружокъ лицъ съ редакторомъ «Вѣстника винодѣлія», г. Таировымъ, во главѣ, взялъ на себя инициативу поставить на очередь давно назрѣвшій вопросъ о борьбѣ съ фальсификаціей и обратилъ на него серьезное вниманіе какъ общества, такъ и правящихъ сферъ. Съ этою цѣлью кружкомъ издана книга «Матеріалы по вопросу о фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ съ приложеніемъ законопроекта», съ интереснымъ содержаніемъ которой «Россія» знакомитъ широкіе круги публики.

Фальсификація изъ года въ годъ развивается, пускаетъ глубокіе корни, завоевываетъ рынки, вытѣсняя здоровые натуральные пищевые продукты. Законы наши не содержатъ достаточныхъ указаній для борьбы съ этимъ зломъ. Натуральные продукты не находятъ себѣ сбыта, обезцѣниваются, залеживаются у производителей, и это въ совокупности подрываетъ ихъ экономическое благосостояніе. Всѣ страдаютъ отъ такого положенія вещей. Богатѣютъ и процвѣтаютъ лишь фальсификаторы на почвѣ общественной безпомощности.

Одесскій проф. Петріевъ, въ одной изъ статей, помѣщенныхъ въ «Матеріалахъ», говоритъ, что «фальсификаторы, съ поражающими настойчивостью, энергією, умѣнцемъ и находчивостью пользуясь услугами науки и всякими ухищреніями, забывая всякіе нравственные принципы, придаютъ продаваемому пищевому веществу лишь обликъ натурального; въ малоцѣнномъ продуктѣ часто нѣтъ рѣшительно ничего природнаго, или же это природное совершенно видоизмѣнено и въ иныхъ случаяхъ является ядомъ для потребителя. Не будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ, — продолжаетъ далѣе г. Петріевъ, — что фальсификаторы являются тѣми грабителями на большій дорогѣ, которые, ради денегъ, не падаютъ жизни человѣка».

Для иллюстраціи этого взгляда Петріевъ приводитъ слѣдующіе примѣры изъ одесской торговли: 1) въ кондитерскихъ, за очень рѣдкимъ исключеніемъ, нельзя найти настоящихъ фруктовыхъ мармеладовъ, патовъ и проч.: всё готовится изъ желатина (сомнительнаго достоинства), съ примѣскою агарь-агара, сахарина, красокъ и эссенцій; 2) встрѣчались подъ названіемъ оливковыхъ и

другихъ питательныхъ маселъ множество сортовъ постныхъ маселъ (не говоря уже о гарныхъ), въ которыя *нефтяные остатки* входятъ въ количествѣ до 50 и болѣе процентовъ; на такихъ маслахъ часто готовятся рыбные консервы и другіе продукты; 3) квасы и и другіе прохладительные напитки хотя и выдѣлываются изъ соответствующихъ матеріаловъ, но сахаринъ неизмѣнно входитъ во всё, а нѣкоторые изъ нихъ приготавливаются исключительно изъ двѣтровой воды, сахарина и подходящей каменноугольной краски и «эссенціи».

Свидѣтельство другого специалиста, г. Гернета, старшаго лаборанта одесской городской химической лабораторіи, подтверждаетъ тѣ же факты и приводитъ новые, еще болѣе поразительные, относительно фальсификаціи вина. Оказывается, напримѣръ, что вино съ вредными примѣсами было найдено въ одномъ погребѣ изъ каждаго трехъ, что въ виноторговлѣ наиболѣе «удовлетворительно» обставлено... печатаніе этикетовъ, и всякіе «бордо», «лафитъ», «рислингъ» фабрикуются тутъ же въ погребѣ,

Вооруженный капиталомъ и званіемъ, облеченный въ самую соблазнительную изящную форму, съ громкими этикетками разныхъ «шато», фальсифицированный продуктъ имѣетъ могущественнаго союзника въ невѣжествѣ и тщеславіи потребителя, который готовъ за всякую мерзость платить бѣшенныя деньги только потому, что эта мерзость преподносится ему подъ ласкающаго его тщеславію громкой этикеткой: «шато-лафитъ», «шато-икемъ». И никто изъ пьющихъ эти «лафиты» и не подозреваетъ, должно быть, что настоящіе лафитъ и икемъ производятся во Франціи всего въ двухъ имѣніяхъ въ количествѣ, едва хватающемъ для дворовъ европейскихъ государей. А между тѣмъ лафиты вы найдете всюду и вездѣ. Такова сила традиціи. Безъ «лафита», хотя бы только по этикеткѣ, не можетъ обойтись ни одна купеческая свадьба, ни одинъ юбилейный обѣдъ. Откуда же этотъ лафитъ, спрашивается? Собственной «разливки», — отвѣтитъ вамъ виноторговецъ, съ тонкой ироніей на губахъ, предоставляя вамъ подразумевать подъ «собственной разливкой» все, что угодно. И идутъ на эту приманку сотни и тысячи зажиточныхъ потребителей.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ потребителемъ незажиточнымъ, со среднимъ достаткомъ, могущимъ тратить на виноградное вино не болѣе 50—60 к. за бутылку. Такому потребителю не преподносятся дешевыя вина съ французскими этикетками, чтобы не уронить престижа послѣднихъ—дешевизной. Здѣсь къ услугамъ потребителя различныя вина, относящіяся къ тремъ главнѣйшимъ категориямъ: «бурда», «кислятина» и «микстура». Другихъ марокъ дешевыхъ виноградныхъ винъ нашъ простой потребитель не знаетъ. Неудивительно, если отъ такихъ винъ его потянетъ къ водкѣ, вполне очищенной, съ которой, по крайней мѣрѣ, нечего бояться никакой фальсификаціи. И такъ въ то время, какъ подвалы винодѣловъ переполнены настоящимъ винограднымъ виномъ, котораго нельзя сбыть даже по баснословно дешевой цѣнѣ, подѣльный продуктъ получаетъ широкое распространеніе по всему лицу земли русской.

Въ погонѣ за званіемъ. Обезличенный обыватель російскій страстно жаждетъ хотя бы при помощи какихъ-либо внѣшнихъ признаковъ приподнять нѣсколько свое человѣческое достоинство. Въ прошломъ году много шума вызвало дѣло кавказскихъ обывателей, при помощи подкуповъ и подлоговъ старавшихся надѣлать себя княжескими и дворянскими званіями, теперь, по словамъ московскихъ газетъ, въ очень неловкое положеніе попали московскіе купцы, въ погонѣ за болѣе скромнымъ званіемъ потомственнаго почетнаго гражданина.

Уѣздный учитель Леонидъ Пустынниъ нуждался въ средствахъ къ жизни. Опытность и знаніе человѣческихъ слабостей помогли ему не только выйти изъ

затруднительнаго положенія, но даже нажить за 5 лѣтъ, по его словамъ, 42 тысячи. Районъ дѣятельности Пустынина охватывалъ Москву исключительно купеческую.

Зная о страсти купцовъ къ пот. поч. гражданству, Пустынинъ и построилъ на этомъ свой проектъ. Онъ являлся къ многимъ представителямъ московскаго купечества, не имѣющимъ права на причисленіе къ потомственному почетному гражданству, и предлагалъ свои услуги въ исходатайствованіи этого права. Онъ рекомендовался то частнымъ повѣреннымъ, то письмоводителемъ мирового судьи, а иногда даже и учителемъ музыки. У него, видите-ли, былъ такой «секретъ», благодаря которому всѣ ходатайства удовлетворялись. За хлопоты назначалось собственно небольшое вознагражденіе—100 р., да и тѣ Пустынинъ соглашался получать по окончаніи дѣла. Зато, впрочемъ, «на расходы» бралъ.

Пустынинъ доставалъ какія-то бумаги, отправлялъ въ присутственныя мѣста прошенія, получалъ всевозможныя удостовѣренія о личности своихъ довѣрителей. Каждая бумажка при этомъ обходилась имъ «въ копейку». Затѣмъ документы отправлялись въ департаментъ герольдіи правительствующаго сената, гдѣ «требовалась» сумма въ нѣсколько сотъ рублей на оплату пошлинъ. И опять давали. Число кліентовъ у Пустынина все росло. Въ числѣ ихъ оказались московскіе купцы: Сибиряковъ, Чукмадинъ, Егоровъ, Колгановъ, Кудрявцевъ и др.

Между тѣмъ въ 1898—1899 гг. въ департаментѣ герольдіи правительствующаго сената обращено было вниманіе на значительное количество прошеній, поступившихъ изъ Москвы отъ купцовъ съ однородными ходатайствами, именно: о причисленіи просителей къ потомственному почетному гражданству, тогда какъ послѣдніе права на это не имѣли. Прошенія были тождественны, всѣ присланы по почтѣ въ видѣ пакетовъ, оцѣненныхъ въ нѣсколько сотъ рублей каждый. Возникло подозрѣніе въ мошенничествѣ, что и вызвало дознаніе, а затѣмъ привлеченіе къ слѣдствію Пустынина. Оказалось, что онъ прошенія отправлялъ въ департаментъ герольдіи, деньги оставлялъ у себя, а довѣрителямъ представлялъ квитанціи на отправленные цѣнные пакеты. Дѣло слушалось 16 го іюня.

Подсудимый призналъ себя виновнымъ, но утверждалъ, что сначала и самъ онъ заблуждался относительно правъ своихъ кліентовъ. Работалъ Пустынинъ не одинъ. По его словамъ, у него были соучастники, чиновники различныхъ учрежденій, которымъ онъ передалъ 14 тыс. руб.

Пустынинъ признанъ виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ.

Австрія въ крѣпостной зависимости у русскаго помѣщика. Со словъ «Силезской Газеты» «Варшавскій Дневникъ» сообщаетъ о слѣдующемъ необыкновенномъ случаѣ: «Надняхъ галицкому сейму будетъ представленъ проектъ объ ассигнованіи изъ провинціальныхъ средствъ суммы въ 50.000 кронъ для выкупа крестьянъ деревни Зеленой (Гусятинскаго округа) изъ русскаго крѣпостной зависимости.

Этотъ фактъ, единственный въ настоящее время, имѣетъ слѣдующую исторію. Деревня Зеленая лежитъ на пограничной рѣкѣ Збручъ; когда въ прошломъ столѣтіи производилось разграниченіе между Россіей и Австріей, то пограничную лѣнню провели такъ, что усадьбы и сады крестьянъ деревни Зеленой были присоединены къ Австріи, а пахотныя поля включены въ русскую территорію. Вслѣдствіе этого крестьяне деревни Зеленой попали въ крѣпостную зависимость къ мѣстному русскому землевладѣльцу и эти крѣпостныя отношенія остались въ полной силѣ и послѣ освобожденія крестьянъ въ Россіи, такъ какъ высо-

чайшій манифестъ и новое положеніе не могли быть примѣнены къ крестьянамъ деревни Зеленой, потому что они были фактически австрійскими подданными. Хотя вѣрнопостное право давно было отмѣнено какъ въ Австріи, такъ и въ Россіи, тѣмъ не менѣе крестьяне деревни Зеленой работали до 1898 г. на русскаго землевладѣльца и платили ему оброкъ. Такъ какъ русскій землевладѣлецъ былъ очень снисходителенъ, то крестьяне не протестовали противъ своего положенія; но въ 1898 г. старый помѣщикъ умеръ, а имѣніе перешло къ его наслѣднику. Онъ отказался признать права галицкихъ крестьянъ на землю, находящуюся на русской территоріи, и предложилъ имъ нанять эту землю за очень высокую плату. Крестьяне хотѣли-было переселиться въ Россію, потому что въ Галиціи у нихъ нѣтъ пахотной земли, но тутъ вмѣшались въ дѣло галицкая мѣстная управа и вѣнское центральное правительство: чтобы удержать крестьянъ отъ эмиграціи, галицкая мѣстная управа и центральное правительство согласились между собой купить сообща земли деревни Зеленой, лежащія на галицкой сторонѣ, раздѣлить ихъ на мелкіе участки и распродать крестьянамъ съ разсрочкой на 50 лѣтъ. На эту операцію требуется сумма въ 150.000 кронъ, которая будетъ покрыта на $\frac{1}{3}$ изъ провинціальныхъ средствъ, а на $\frac{2}{3}$ изъ государственныхъ средствъ.

За мѣсяць. Комиссія г. - а. Ванновскаго по преобразованію средней школы закончила въ главныхъ частяхъ разрѣшеніе возложенной на нее задачи. Съ результатами работъ комиссія, а отчасти и съ процессомъ работы знакомятъ насъ официальные сообщенія, опубликованныя въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Такъ какъ въ прошломъ обзорѣ мы указали уже на основныя положенія реформы, выработанныя комиссіей, то теперь намъ остается коснуться лишь тѣхъ частей ея, которыя до официального сообщенія не были извѣстны въ печати.

Выработанный типъ единой средней общеобразовательной школы предполагается сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ учебныхъ заведеній этого рода. Отступленія отъ типа могутъ быть допускаемы, каждый разъ съ особаго разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, лишь для школъ, учреждаемыхъ всецѣло или частью на средства городовъ, земствъ, обществъ и частныхъ лицъ. Средняя школа имѣетъ свою задачу доставлять юношеству воспитаніе и возможно законченное среднее общее образованіе. Въ цѣляхъ возможнаго избѣжанія наплыва въ университеты излишняго количества слушателей, который объясняется въ извѣстной мѣрѣ, погоней за дипломомъ и льготами, желательное предоставить существующія въ уставѣ по воинской повинности льготы по образованію для окончившихъ курсы первыхъ трехъ классовъ и полный курсъ средней школы (ст. 64, пп. 2 и уст. воин. пов.) и впредь до пересмотра устава о службѣ по опредѣленію правительства, предоставить послѣднимъ первый классный чинъ въ порядкѣ, указанномъ 255 ст. III т. уст. о службѣ, и въ этомъ смыслѣ измѣнить дѣйствующую нынѣ 295 ст. того же устава.

Аттестаты зрѣлости отмѣняются. Успѣшно прошедшіе курсы средней школы получаютъ свидѣтельства объ окончаніи ими средняго образованія и пользуются правомъ поступать въ высшія учебныя заведенія на слѣдующихъ основаніяхъ:

А) при поступленіи въ университеты:

а) изучавшіе оба древніе языка могутъ быть приняты на всѣ факультеты безъ повѣрочнаго испытанія;

б) изучавшіе одинъ латинскій языкъ—на факультеты: историко-филологическій и богословскій (Юрьевскаго университета) съ дополнительнымъ экзаменомъ по греческому языку;

в) пріемъ лицъ, упомянутыхъ въ пунктѣ б, на прочіе факультеты, а также допущеніе на всѣ факультеты лицъ, не изучавшихъ вовсе древнихъ языковъ.

производится на основаніи правилъ и программъ, которыя имѣютъ быть выработаны соответствующими факультетами и утверждены Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Б) Приѣзъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія производится на основаніи уставовъ сихъ заведеній.

Результаты работъ комиссіи были повергаемы на Высочайшее воззрѣніе, причеъ Его Императорскому Величеству благоугодно было вполне одобрить высказанныя комиссіей соображенія о необходимости обращенія особаго вниманія на воспитаніе учащейся молодежи и приученіе ея къ школьной дисциплинѣ, на усиленіе преподаванія гимнастики, воинскихъ и физическихъ упражненій, на введеніе подвижныхъ игръ, школьныхъ экскурсій и прогулокъ, а гдѣ къ тому представится возможность—и ручного труда.

Вмѣстѣ съ симъ Государь Императоръ соизволилъ одобрить предположеніе генералъ-адъютанта Ванновскаго о сохраненіи вышеуказанныхъ классическихъ гимназій лишь въ пяти слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Юрьевѣ, по одной въ каждомъ.

Засимъ, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, вышеизложенныя предположенія комиссіи будутъ переданы чрезъ попечителей учебныхъ округовъ на обсужденіе попечительскихъ совѣтовъ и педагогическихъ совѣтовъ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и на заключеніе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго и тѣхъ министровъ, въ вѣдомствѣ коихъ имѣются учебныя заведенія.

Заключенія всѣхъ этихъ лицъ, учреждений въ теченіе предстоящихъ зимнихъ мѣсяцевъ будутъ обсуждены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и затѣмъ дѣлу данъ будетъ ходъ въ установленномъ порядкѣ.

Согласно Высочайшему повелѣнію, въ видѣ временной, на одинъ годъ, мѣры въ существующихъ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ будущаго 1901—1902 учебнаго года преподаваніе латинскаго языка въ первыхъ двухъ классахъ и греческаго въ III и IV классахъ прекращается. Взамѣнъ этихъ языковъ усиливается преподаваніе русскаго языка и географіи и вводится въ I классѣ преподаваніе исторіи и одного новаго языка, а гдѣ по мѣстнымъ условіямъ представится возможнымъ,—и естественнѣдвнн, также съ I класса. По отношенію къ реальнымъ училищамъ повелѣно сдѣлать измѣненія въ распредѣленіи уроковъ въ первыхъ двухъ классахъ. Соответствующія измѣненія въ распредѣленіи уроковъ съ начала 1901—1902 учебнаго года будутъ сдѣланы и въ тѣхъ гимназіяхъ, которыя предположено оставить съ обоими древними языками. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія, 11-го іюня, Собственноручно начертать:

«Надѣюсь, что будетъ также обращено серьезное вниманіе и на усиленіе религіозно-нравственнаго воспитанія нашего юношества».

Итакъ, стало быть, огромный шагъ впередъ въ дѣлѣ преобразованія средней школы совершенъ: классическую систему, господствовавшую надъ школой въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, можно считать окончательно упраздненной, и, конечно, при дальнѣйшимъ обсужденіи реформы, у насъ не найдется ни одного вѣдомства, которое вступило бы за отжившую систему, которая и до сего времени встрѣчала поддержку исключительно лишь со стороны одного Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Но, присутствуя теперь при упраздненіи классической системы, въ намѣченныхъ комиссіею основныхъ положеніяхъ реформы мы не находимъ сколько-нибудь опредѣленныхъ указаній относительно преобразованія системы воспитанія, т.-е. всего существующаго школьнаго режима, отрицательныя стороны

*

котораго съ достаточною яркостью отмѣчены были въ послѣдніе мѣсяцы періодической прессой. Правда, въ опубликованномъ обзорѣ дѣятельности комиссіи есть указанія, что этотъ насущный для школы и всего русскаго общества вопросъ возбуждался въ комиссіи, но данныя указанія слишкомъ кратки, чтобы судить о мнѣніи большинства, которое явилось въ этомъ смыслѣ рѣшающимъ. Мы узнаемъ изъ обзора лишь то, что меньшинство, не встрѣтившее, къ сожалѣнію, поддержки въ остальныхъ членахъ комиссіи, не признавало возможнымъ въ число задачъ средней школы ставить воспитаніе на томъ основаніи, что въ открытыхъ школахъ о воспитаніи можетъ идти рѣчь лишь постольку, поскольку воспитательное вліяніе оказываетъ само обученіе. Будемъ надѣяться, что мнѣніе этого меньшинства, хотя и не восторжествовавшее въ комиссіи, будетъ принято въ расчетъ при окончательномъ преобразованіи дѣйствующей школьной системы. Давайте нашимъ дѣтямъ побольше знаній, воспитывайте ихъ физически, внушайте имъ основы вѣры и нравственности, но не ломайте ихъ характеровъ, какъ ломаетъ ихъ современная школа, не насилуйте ихъ индивидуальныя свойства и качества ради поставленнаго передъ вами общаго, искусственно придуманнаго шаблона, подъ который не подходитъ ни одна живая впечатлительная дѣтская душа. Таковы требованія, которыми предъявляетъ къ школѣ каждый отецъ и каждая мать, которымъ дороги правильное развитіе, физическое и нравственное здоровье ихъ дѣтей.

Точно также какъ вопросъ о роли воспитанія въ будущей школѣ, остается открытымъ и вопросъ о судьбѣ той массы часто противорѣчащихъ другъ другу циркуляровъ, подъ перекрестнымъ огнемъ которыхъ дѣйствовало въ послѣдніе годы училищное начальство. Таковъ, напримѣръ, знаменитый циркуляръ отъ 18-го іюня 1887 г. за № 9255, ограничивавшій доступъ въ среднюю школу «кухаркинымъ дѣтямъ».

Изъ новыхъ циркуляровъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, направляющихъ современную дѣятельность школы, отмѣтимъ слѣдующія два:

Еще въ сентябрѣ 1898 года министерствомъ народнаго просвѣщенія было предложено попечителямъ учебныхъ округовъ обратить вниманіе подчиненныхъ имъ начальствъ на сочиненія покойнаго М. Н. Каткова, съ цѣлью приобрѣтенія ихъ для фундаментальныхъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читальнъ и библиотекъ. Вдова М. Н. Каткова нѣсколько времени тому назадъ довела до свѣдѣнія министерства, что далеко не всѣ еще перечисленныя выше учебныя заведенія приобрѣли сочиненія ея покойнаго мужа. Исходя изъ того, что въ виду высоко-религіознаго нравственнаго и патріотическаго направленія статьи Каткова и до настоящаго времени не утратили своего значенія и интереса, министръ народнаго просвѣщенія г.-ад. Ванновскій, по словамъ одесскихъ газетъ, проситъ попечителя одесскаго учебнаго округа вновь рекомендовать сочиненія М. Н. Каткова названнымъ учебнымъ заведеніямъ для приобрѣтенія ихъ.

Тѣ же одесскія газеты передаютъ, что г.-ад. Ванновскій циркуляромъ отъ 9-го іюня увѣдомилъ попечителя одесскаго учебнаго округа, что «на основаніи разгясненій, данныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія по поводу отдѣльныхъ случаевъ, восходившихъ на его разсмотрѣніе, до настоящаго времени установленъ былъ такой порядокъ. Ученики-евреи, окончивавшіе курсъ 4-хъ или 6-ти классовъ прогимназій и реальныхъ училищъ и поступавшіе для продолженія образованія въ высшіе классы гимназій и дополнительные классы реальныхъ училищъ только потому, что въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ эти ученики переходили, не было соответственныхъ классовъ, до сего времени рассматривались не какъ переходящіе изъ одного учебнаго заведенія въ другое, а какъ непосредственно переводимые изъ младшихъ классовъ въ старшіе. Вслѣдствіе такого взгляда, извѣстное распоряженіе министерства на-

роднаго просвѣщенія отъ 10-го іюля 1887 года объ ограниченіи приѣма евреевъ въ среднія учебныя заведенія извѣстнымъ процентомъ не примѣнялось къ такимъ ученикамъ.

«Въ настоящее время министерство народнаго просвѣщенія изъ имѣющихся въ его распоряженіи данныхъ усмотрѣло, что вслѣдствіе такого изъятія учениковъ, переходящихъ въ высшіе классы другихъ учебныхъ заведеній, отъ дѣйствія правилъ, изложенныхъ въ циркулярѣ 1887 года, процентъ учениковъ-евреевъ во многихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно же находящихся въ чертѣ еврейской осѣлости, значительно превышаетъ ту норму, которая для данной мѣстности установлена.

«Поэтому министр народнаго просвѣщенія въ дополненіе къ циркуляру отъ 10-го іюля 1887 г. находитъ необходимымъ установить на будущее время, чтобы ученики-евреи, переходящіе для продолженія образованія изъ прогимназій и реальныхъ училищъ въ высшіе классы соответствующихъ учебныхъ заведеній, принимались въ таковыя не иначе, какъ въ счетъ процентной нормы».

— Недавно опубликованъ всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1898 годъ, останавливающийся, главнымъ образомъ, на штундизмѣ, въ которомъ по словамъ отчета—замѣчается «возбужденное и тревожное состояніе».

Сектанты демонстративно устраивали воспрещенныя Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ комитета министровъ 1894 г. многолюдныя общинныя богомоленныя собранія, привлекая на нихъ и православныхъ людей. На требованія полиціи прекратить незаконныя собранія, штундисты отвѣчали систематическимъ ослушаніемъ, грубостями и даже насиліями, упорно заявляя, что они не желаютъ подчиняться требованіямъ мѣстной власти, такъ какъ увѣрены въ изданіи новаго закона въ пользу свободы ихъ штундовой вѣры, что у нихъ въ самой столицѣ много братьевъ и сильная поддержка. Отъ посѣщенія пастырскихъ и миссіонерскихъ собесѣдованій штундисты упорно уклоняются; изъ народныхъ школъ своихъ дѣтей стараются брать тотчасъ же послѣ выучки первоначальной грамоты, устраняя тѣмъ доброе православно-просвѣтительное вліяніе школы на молодое поколѣніе секты. Миссіонерскіе отчеты отмѣчаютъ проникновеніе въ народно-сектантскую среду идей социальна-нигилистическаго направленія и проповѣди такъ называемаго «толстовства».

Далѣе отчеты указываютъ на агитацію въ пользу сектантовъ нѣкоторой, именуемой себя либеральною, части нашего общества, въ послѣднее время особенно покровительствующей сектантамъ, поддерживающей съ ними и личныя, и письменныя сношенія и тѣмъ самымъ сильно питающей въ нихъ увѣренность въ дарованіи будто бы полной свободы ихъ лжеученію. Эта агитація перешла и въ печать, въ которой въ 1898 году появилось множество статей въ поддержаніе раскола и секты и въ порицаніе нашихъ миссій, и потому не удивительно, что и сектанты усиленно слѣдятъ за литературными теченіями въ ихъ пользу. Заграничныя нѣмцы—баптисты тоже будто бы поддерживаютъ сношенія съ русскими штундистами и путемъ заграничной печати и живыхъ извѣстій о преслѣдованіяхъ и казняхъ производили давленіе на общественное мнѣніе въ пользу сектантовъ. Въ 1898 году въ Лондонѣ на средства сектанта-толстовца, помѣщика Воронежской губерніи, Владиміра Черткова открыта типографія и издается газетка «Братскій листокъ», переименованный затѣмъ въ «Листки свободнаго слова». Изданіе это исключительно занимается русскимъ сектантствомъ и наветами на православную церковь и правительственную власть. Въ составленіи этихъ сектантскихъ листковъ принимаетъ, къ прискорбію, дѣятельное участіе извѣстный нашъ писатель графъ Левъ Толстой, возглавляющій каждый выпускъ своей рѣзкой критикой ученія православной церкви, а равно и дѣйствій русскихъ властей. Издателями упомянутыхъ листковъ были разо-

сланы главарямъ штундовыхъ общинъ вопросные листы о положеніи русскыхъ сектантовъ въ церкви и государствѣ, отвѣты послѣднихъ и служатъ главнымъ источникомъ сообщаемыхъ въ листахъ свѣдѣній о русскомъ сектанствѣ.

Пропаганда штундизма усилалась. Результаты этой пропаганды, разумѣется, бываютъ самые печальные для православія: по свидѣтельству преосвященнаго херсонскаго, въ какомъ только приходѣ появлялся два - три штундиста, положеніе прихода быстро мѣняется, къ прихожанамъ тотчасъ же прививаются грубость, самолюбіе, критическое отношеніе ко всему церковному, холодность къ богослуженію и самой вѣрѣ. Такимъ образомъ, штундизмъ начинаетъ появляться и множиться въ новыхъ для него районахъ.

Такъ, штунда разставляетъ свои сѣти по самымъ отдаленнымъ концамъ Россіи и, подъ видомъ легкости полученія спасенія чрезъ горбіе къ Богу однимъ духомъ, увлечаетъ въ пучину раціонализма весьма многихъ православныхъ. Въ то же время штунда настойчиво стремится объединить въ себѣ все новѣйшее сектанство. Особенно усиленно и успѣшно штундисты ведутъ пропаганду среди молоканъ. Въ сектѣ послѣднихъ въ послѣдніе годы замѣтно броженіе, обнаруживающееся въ недовольствѣ сложившимся порядкомъ жизни и въ исканіи лучшаго. Штундисты воспользовались такимъ настроеніемъ и, проникая въ мѣстности, населенныя молоканами, начали находить въ этой сектѣ прозелитовъ, передавая имъ свою нетерпимость.

Штунда является особенно страшной и грозной силой потому, что мысль современныхъ штундистовъ, все болѣе и болѣе расширяя область своего отрицанія, принимаетъ направленіе крайне опасное для соціально-политическаго строя нашего отечества. «Современный штундистъ,—по словамъ екатеринославскаго миссіонера,—много говоритъ о своей любви ко Христу и усердно читаетъ Евангеліе, но онъ любитъ Христа, не какъ Бога Искупителя, но какъ специально политическаго дѣятеля, онъ любитъ не Евангельскаго Христа, а «своего», котораго создало его воображеніе, подъ вліяніемъ впечатлѣній матеріальной жизни. Въ Евангеліи современный штундистъ ищетъ не правилъ нравственной жизни, не «глаголовъ жизни вѣчной», но основаній для своихъ свободолюбивыхъ стремленій въ области общественной и соціально-экономической жизни». Въ чемъ заключаются эти свободолюбивыя стремленія сектантовъ? Свобода, къ которой стремятся штундисты, есть свобода отъ всѣхъ обязанностей, налагаемыхъ на каждаго русскаго человѣка, какъ гражданина своего отечества, свобода отъ всѣхъ обязанностей православнаго христіанина, требуемыхъ церковью (у сектантовъ не нужно ни постовъ, ни посѣщенія храма Божія, ни исполненія обрядовъ церковныхъ) — словомъ, свобода, льстящая одной лишь чувственной сторонѣ человѣка и посему привлекающая многихъ. Въ подтвержденіе приведенной характеристики современнаго штундизма, первый изъ означенныхъ миссіонеровъ ссылается на свою бесѣду съ двумя штундистами, изъ которыхъ одинъ сказалъ миссіонеру: «Мы не желаемъ идти за вами; мы не любимъ нашего Христа; вы съ вашимъ Христомъ мѣняли людей на собакъ, а мы съ нашимъ Христомъ желаемъ быть свободными»; а другой заявилъ: «Освободились отъ пановъ, освободимся и отъ поповъ». Доказательствомъ справедливости того же взгляда на современную штунду, какъ на движеніе не только религіозное, но и общественно-политическое можетъ служить и то, что, напримѣръ, нѣкоторые изъ штундистовъ Харьковской губерніи, совершенно перестаютъ интересоваться религіей; не имѣютъ ни молитвенныхъ собраній, ни лѣснопѣній, ни какихъ-либо вообще богослужебныхъ дѣйствій. Собираясь же, они ведутъ уже исключительно бесѣды объ общественно-политическихъ вопросахъ, читаютъ книги противорелигіознаго и противогосударственнаго содержанія. Между ними обращаются сочиненія самаго возмутительнаго содержанія, направленнаго противъ

вѣры, цѣркви и государственнаго порядка. Свои социалистическіе взгляды сектанты часто, не стѣсняясь, высказываютъ и въ бесѣдахъ съ миссіонерами. Но иногда они отъ словъ переходятъ и къ дѣлу, что, по свидѣтельству преосвященнаго херсонскаго, подтвердило ихъ участіе въ тайномъ движеніи среди рабочихъ города Николаева, образовавшихъ такъ называемый «союзъ русскихъ социаль-демократовъ», открытый полиціею при содѣйствіи одного возвратившагося въ православіе бывшаго штундиста.

— Высочайше утвержденнымъ 4-го іюня мнѣніемъ государственнаго совѣта установлены слѣдующіе сроки *предостереженій для періодическихъ изданій*, выходящихъ безъ предварительной цензуры: первое предостереженіе будетъ имѣть силу только одинъ годъ, второе—два года, считая срокъ съ момента получения предостереженія. О третьемъ предостереженіи законъ не говоритъ, но распоряженіемъ министра отъ 11-го іюня, на основаніи новаго закона, освобождены отъ дѣйствія примѣчанія къ ст. 144-й Уст. о ценз. слѣдующія четыре изданія, получившія раньше по три предостереженія:

«Биржевыя Вѣдомости», «Восходъ», «Русскія Вѣдомости» и «Хозяинъ».

— 29-го іюня гр. *Левъ Николаевичъ Толстой* почувствовалъ нѣкоторое недомоганіе, которое вскорѣ перешло въ серьезную болѣзнь, внушившую тревожныя опасенія за его дорогую для всего культурнаго человѣчества жизнь. Къ счастью, здоровый организмъ Льва Николаевича осилилъ недугъ, и уже къ срединѣ іюля великій писатель земли русской совершенно оправился, хотя болѣзнь и оставила на немъ тяжелые слѣды: Л. Н. замѣтно состарился, похудѣлъ и ослабѣлъ. Поздравительныя телеграммы и письма со всѣхъ концовъ міра свидѣтельствуютъ великому старцу радость культурныхъ людей по случаю его выздоровленія.

Кіевскія больницы.

Въ предыдущей статьѣ, помѣщенной въ іюньской книжкѣ журнала «Миръ Божій», мы описали санитарное состояніе г. Кіева, причѣмъ говорили и о больничномъ вопросѣ, но коснулись только количественной стороны его, то-есть числа коекъ въ кіевскихъ больницахъ, годовыхъ расходахъ на нихъ, и т. д. Но для того, чтобы исчерпать данный вопросъ болѣе разносторонне, мы должны естественно коснуться и качественной стороны его. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы считаемъ необходимымъ ознакомить читателя, хотя бы поверхностно, съ двумя самыми большими и болѣе популярными нашими больницами, именно Александровской, содержимой на средства города, и Кирилловской, состоящей въ вѣдѣніи приказа общественаго призрѣнія. Мы остановились на этихъ двухъ больницахъ, во 1-хъ, потому, что къ нимъ населеніе наше чаще всего обращается, и, во 2-хъ, что онѣ рѣзко отличаются отъ прочихъ больницъ своими особенностями, на которыя мы и имѣемъ въ виду здѣсь указать. Обѣ эти больницы хорошо знакомы намъ со времени нашего студенчества, когда мы неоднократно бывали въ нихъ, но съ того времени прошло уже около 12 лѣтъ, и мы могли ожидать, что за это время многое въ нихъ существенно измѣнилось. Двѣнадцать лѣтъ въ жизни больницы—вѣдь это цѣлая вѣчность! Въ виду этого, мы сочли нужнымъ снова ознакомиться съ этими больницами, чтобы убѣдиться, насколько онѣ измѣнились за это время къ лучшему. Къ глубокому сожалѣнію, наши ожиданія въ этомъ отношеніи нисколько не оправдались, и мы нашли обѣ больницы въ томъ самомъ состояніи и видѣ, въ какомъ онѣ находились двѣнадцать лѣтъ назадъ. Очевидно, годы эти прошли для нихъ совершенно безслѣдно.

При посѣщеніи *Александровской* больницы, намъ вездѣ, кромѣ новаго инфекціоннаго барака, бросились въ глаза столь хорошо знакомыя намъ съ прежнихъ временъ грязь и запущенность: мы опять вездѣ увидѣли плохо выбѣленные стѣны, на которыхъ тамъ и сямъ осыпалась штукатурка, старыя полы съ массой щелей въ нихъ, гдѣ легко скопляется грязь и застаивается жидкость, спертый воздухъ въ палатахъ вслѣдствіе переполненія ихъ и дурной вентиляціи, плохое, заношенное, часто порванное бѣлье и старыя, дырявыя халаты на больныхъ и, наконецъ, «съ борка и сосенки» набранную прислугу, поражающую своимъ неряшливымъ видомъ и полнымъ незнакомствомъ съ своими обязанностями. Недостатокъ бѣлья и худая прислуга—старое и едва ли не самое большое зло Александровской больницы. Противъ него въ свое время боролся уже д-ръ Лѣсковъ. «Касаясь нужды больницы,—говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ Александровой больницы за 1895, г. стр. 37,—нельзя обойти молчаніемъ существенный пробѣлъ, отражающійся на больныхъ.—неподготовленность палатной прислуги. Обязанности послѣдней очень тяжелы и влекутъ неоднократно за собою зараженія какъ инфекціонными острыми болѣзнями, такъ равно и бугорчаткою, чему бывали примѣры въ больницахъ. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ службы въ палатахъ и при постоянномъ рискѣ заразиться, такъ какъ *прислуга не имѣетъ при палатахъ никакой отдѣльной комнатки, идъ она могла бы отдохнуть, и размѣщается въ общихъ палатахъ*, пропитанныхъ чахоточными и другими бактеріями—она на пребываніе свое смотритъ, какъ на временное, въ крайней нуждѣ, зло и съ наступленіемъ весны буквально бѣжитъ изъ больницы. Благодаря этому, администрація больницы весною поставлена въ очень тяжкія условія подысканія прислуги для больницы, не очень щепетильно относясь къ выбору, а нанимая на толкучкѣ почти перваго встрѣчнаго; при такихъ условіяхъ, конечно, не приходится справляться о нравственности». Все это безъ всякаго измѣненія осталось и теперь. Не трудно представить себѣ, каковъ долженъ быть уходъ за больными при такой прислугѣ, которой вдобавокъ еще очень мало—всего по 1—2 человека на каждые 30 больныхъ. Таково было общее впечатлѣніе, полученное нами при возобновленіе знакомства съ Александровской больницей послѣ 12-лѣтняго перерыва.

Чтобы дополнить это общее впечатлѣніе, мы позволимъ себѣ описать нѣсколько подробнѣе четыре терапевтическимъ барака (№№ 1, 2, 3 и 4), расположенные на самой верхней террасѣ больничной усадьбы, и эпидемическій баракъ (№ 1), находящійся недалеко отъ нихъ. Упомянутые четыре барака представляютъ собою довольно старыя деревянные зданія, построенныя еще во время турецкой войны для раненыхъ, которыхъ привозили съ театра войны. Съ того времени бараки эти продолжаютъ существовать въ томъ же видѣ и до сихъ поръ, кое-какъ поддерживаемые больничной администраціей. Уже а priori является вопросъ, могутъ ли подобныя деревянные сооруженія, наскоро сколоченныя, для лѣченія раненыхъ, 25 лѣтъ тому назадъ, служить теперь въ качествѣ постоянныхъ больничныхъ барачковъ? На этотъ счетъ врядъ ли еще можетъ явиться сомнѣніе у всякаго, кто хоть немного ознакомится съ ними. Бараки эти расположены, какъ мы уже сказали, на верхней террасѣ больничной усадьбы въ одну линію и своимъ устройствомъ, равно какъ и размѣрами, очень похожи другъ на друга. Каждый изъ нихъ представляетъ собою обыкновенное одноэтажное деревянное зданіе, состоящее изъ одной большой палаты, въ которую вы прямо со двора и вступаете. Передней, гдѣ можно было бы снять верхнее платье и галоши и немного обогрѣться—нѣтъ, такъ что зимою каждый, кто входитъ, вноситъ съ собою струю морознаго воздуха, очень чувствительнаго особенно для тѣхъ больныхъ, которые лежатъ поближе къ входнымъ дверямъ. Уже одно это обстоятельство вызываетъ постоянное неудоволь-

ствие и жалобы со стороны больныхъ. Во всѣхъ описываемыхъ баракахъ зимою въ морозные дни очень холодно (иногда бываетъ не больше 10°), потому что печи въ нихъ вездѣ старыя и совершенно недостаточныя для нихъ обогреванія. Палаты рассчитаны каждая на 25 человекъ, но здѣсь постоянно находится больныхъ значительно больше. Въ такомъ случаѣ приставныя койки размѣщаются подъ самыми окнами, отъ которыхъ дуетъ и гдѣ больные сильно страдаютъ отъ холода. Вентиляція палатъ совершается при помощи форточекъ, чрезъ которыя, когда онѣ открыты холодный воздухъ идетъ прямо на больныхъ и тѣ спѣшатъ какъ можно скорѣе закрыть ихъ. Изъ-за этого происходятъ вѣчныя столкновенія между больными и служителями больницы. Кромѣ форточекъ для вентиляціи, въ потолкахъ палатъ устроены еще фрамуги, но ими можно пользоваться развѣ только лѣтомъ, такъ какъ, когда онѣ открыты, въ палатахъ буквально гуляетъ вѣтеръ. Отсутствіе надлежащей вентиляціи при постоянномъ переполненіи палатъ (мы вездѣ находили вмѣсто 25 по 30, 35 и даже 40 больныхъ) служитъ причиной того, что въ палатахъ постоянно спертый, испорченный воздухъ.

Что касается эпидемическаго барака (№ 1), то о немъ мѣтко выразился въ свое время д-ръ А. Лѣсковъ, сказавъ, что онъ является «чернымъ пятномъ на новомъ родильномъ домѣ, въ сосѣдствѣ съ которымъ онъ какъ бы для хроніи расположенъ». Дѣйствительно, баракъ этотъ является чернымъ или вѣрнѣе грязнымъ пятномъ, и притомъ не только на родильномъ домѣ, а на всей Александровской больницѣ. Баракъ этотъ состоитъ изъ 1 большой и 2 малыхъ палатъ и представляетъ собою ветхое, деревянное зданіе, не имѣющее фундамента и стоящее прямо на землѣ съ покосившимися дверями и окнами, съ неровными щелистыми полами, со старыми безъ герметическихъ дверей печами, изъ которыхъ нѣкоторыя дымятъ во время топки. На сколько кроватей рассчитанъ этотъ баракъ—неизвѣстно, ибо въ него кладутъ, по словамъ врачей, больныхъ, сообразуясь не съ размѣрами палатъ, а съ количествомъ больныхъ. Мы застали при своемъ посѣщеніи 6 человекъ тифозныхъ больныхъ въ большой палатѣ, но намъ сказали, что въ случаѣ нужды сюда кладутъ 10 и даже 16 больныхъ. Въ этой же палатѣ одинъ изъ угловъ огороженъ чѣмъ-то вродѣ ширмъ, за которыми находится ванна. Этотъ огороженный уголокъ и есть «ванная» терапевтическаго барака. Ванная, которая помѣщается рядомъ съ кроватями больныхъ, отдѣленная отъ нихъ одной только старенькой, рваной ширмой—что можетъ быть примитивнѣе этого? Когда-то, въ добрыя старыя времена, и этихъ ширмъ, говорятъ, не было, такъ что однихъ больныхъ купали на виду у другихъ.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ удивительномъ баракѣ никакого раздѣленія больныхъ нѣтъ, да и не можетъ быть, въ виду тѣсноты помѣщеній его. Въ одной и той же палатѣ лежатъ дифтеритные больные рядомъ съ тифозными, оспенные—вмѣстѣ съ рожистыми и т. д. Удивительно ли послѣ этого, что «публика—я опять цитирую слова д-ра А. Лѣскова—увидавъ условія, въ которыхъ поставлены больные въ эпидемическомъ баракѣ, очень часто отказывается оставлять заразныхъ больныхъ, унося ихъ съ собою и распространяя такимъ образомъ заразу».

Такова въ общихъ чертахъ кievская городская Александровская больница, такую она была 12 лѣтъ тому назадъ, такую же она останется, вѣроятно, еще долго.

Теперь перейдемъ къ описанію *Кирилловской* больницы, но прежде сделаемъ нѣсколько предварительныхъ общихъ замѣчаній о ней. Какъ сказано, больница эта находится въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія, который управляетъ больницами на основаніи устава, утвержденного «въ видѣ опыта» еще въ 1851 году. Но уставъ этотъ давно уже устарѣлъ и отжилъ.

Такъ, д-ръ М. С. Уваровъ въ своей статьѣ «Лѣчебныя заведенія Россійской Имперіи» *) говоритъ по поводу его слѣдующее: «Больницы приказа общественаго призрѣнія подчинены дѣйствию лѣчебнаго устава 1851 г. Этими сказано многое, если не все. Самый приказъ является учрежденіемъ, недостаточнымъ для широкаго контроля со стороны общества, какимъ пользуются земскія учрежденія, а потому общество и не можетъ дать указаній относительно веденія дѣла. Въ силу этого мы видимъ, что приказныя больницы не развились; онѣ представляются малыми, количество психіатрическихъ кроватей въ нихъ недостаточно; новыя требованія жизни больницы и новыя требованія науки отразились на нихъ весьма слабо». Еще опредѣленнѣе высказался по поводу этого устава д-ръ П. И. Нечайъ въ своей статьѣ «Въ вопросу о призрѣніи больныхъ въ кіево-кирилловскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ» **). «Нельзя не видѣть нынѣ,—говоритъ онъ,—недостатковъ въ этомъ уставѣ, такъ какъ время шло впередъ, взгляды на вещи мѣнялись и совершенствовались, во врачебной наукѣ и въ практикѣ хозяйственной установились новыя и важныя истины, которыя давно уже проникли въ жизнь, но не вошли въ уставъ. Не удивительно, что въ наше время явились уже большія затрудненія въ примѣненіи этого устава къ дѣйствительной больничной жизни». Такимъ образомъ мы видимъ, что Кирилловская больница управляется до сихъ поръ уставомъ, утвержденнымъ полстолѣтія тому назадъ и потому мы можемъ уже аргюи предположить, что больница эта должна быть отсталой и неудовлетворяющей современнымъ требованіямъ медицины.

Осмотръ ея мы начали съ *инфекціоннаго* отдѣленія, которое помѣщается въ наемномъ домѣ въ концѣ Кирилловской улицы. Усадьба этого дома ниже уровня мостовой, и окна по фасаду его, гдѣ помѣщается мужская половина, едва возвышаются надъ послѣдней. Мужское отдѣленіе состоитъ изъ 5 небольшихъ комнатъ, двѣ изъ которыхъ темныя, такъ какъ выходятъ окнами въ чуланъ, съ низенькими потолками и старыми покривившимися полами. Стѣны, бѣленныя известью, покрыты кое-гдѣ подозрительнымъ налетомъ, отъ покосавшихся оконъ дуетъ, какъ въ самой неблагоустроенной квартирѣ, на наружныхъ стѣнахъ кое-гдѣ видны пятна отъ сырости, которая въ сырую погоду должна быть здѣсь довольно ощутительной. Комнаты вентилируются при помощи форточекъ. Мы застали въ мужскомъ отдѣленіи 26 больныхъ, которые были размѣщены какъ попало: брюшно-тифозные находились рядомъ съ сыпно-тифозными; въ одной комнатѣ мы застали рядомъ съ тифознымъ больнымъ дифтеритнаго, а въ другой—вмѣстѣ съ скарлатинознымъ больнымъ содержался одинъ коревой и съ натуральной оспой. Женская половина инфекціоннаго отдѣленія ничѣмъ не отличается отъ мужской.

Лучшими отдѣленіями Кирилловской больницы сравнительно съ другими являются гинекологическое, терапевтическое и хирургическое, но въ послѣднемъ очень даетъ себя чувствовать испорченный воздухъ въ палатахъ и корридорахъ. Самыми же неудовлетворительными отдѣленіями, создавшими такую печальную репутацію Кирилловской больницы или «Кирилловкѣ» — какъ называетъ ее народъ—являются психіатрическое и кожное.

Первое изъ нихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ совершенно отдѣльныхъ зданій. Въ одномъ изъ нихъ, называемомъ «старымъ домомъ», содержатся подсудимые душево-больные. «Старый домъ» вполне оправдываетъ свое названіе,—по своему внѣшнему виду и внутреннему устройству онъ напоминаетъ какое-то средне-

*) «Вѣстн. обществ. гигиены, судеб. и практич. медицины» февраль, 1896 г., стр. 105.

**) «Вѣстн. обществ. гигиены, судебн. и практич. медицины» октябрь, 1895 г., стр. 51.

вѣковое сооруженіе. Массивныя стѣны его, очевидно, десятками лѣтъ не бѣлены: вездѣ то и гдѣ видишь подопавшуюся и осыпавшуюся штукатурку, паутину и густую пыль. Полы едва сохранили слѣды бывшей когда-то на нихъ краски, оконныя рамы совершенно сгнили и покосились. Это древнее сооруженіе лишено всякой вентилляціи и достаточнаго количества свѣта. Въ деревянной пристройкѣ къ нему, столь же древней, вѣроятно, какъ и само зданіе, находятся спальныя помѣщенія, въ которыхъ зимою должно быть адски холодно. Такое же неблагоприятное впечатлѣніе производить и такъ называемый «большой корпусъ»—тоже очень ветхое зданіе, въ которомъ содержится 35 больныхъ. Одна изъ палатъ его совершенно темная, потому что окнами выходитъ въ боковую пристройку. Женскіе павильоны, въ общемъ болѣе чистые, нежели мужскіе, значительно меньше послѣднихъ по своимъ размѣрамъ. Они оказались очень переполненными. Въ одномъ изъ нихъ (№ 1), рассчитанномъ на 30 больныхъ, мы застали ихъ 49, а въ другомъ (№ 2), въ которомъ больныхъ должно быть 16 душъ; ихъ оказалось ровно вдвое больше—32. Легко представить себѣ, какъ тяжелъ и испорченъ былъ воздухъ въ этихъ павильонахъ. Но еще болѣе переполненными оказались нѣкоторые мужскіе павильоны: такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ (№ 2) вмѣсто полагающихся 16 больныхъ ихъ находилось 46 человекъ. Въ мужскихъ павильонахъ васъ на каждомъ шагѣ поражаетъ грязь, а при входѣ обдастъ воздухъ съ убійственнымъ клоачнымъ запахомъ. Причина этого заключается въ томъ, что клозеты вездѣ въ этихъ баракахъ устроены въ переднихъ, и такъ какъ они дурно содержатся, то вонь изъ нихъ, благодаря тягѣ, просасывается въ переднія и отсюда разносится по всемъ помѣщеніямъ. Въ одномъ изъ павильоновъ мы увидѣли нѣсколькихъ больныхъ на полу. Это, какъ намъ объяснили, слабые и безпокойные больные. Но намъ кажется, что слабость больного не есть еще причина того, чтобы держать его на полу; вѣдь не держать же въ другихъ больницахъ слабыхъ больныхъ на полу, а для того, чтобы они не упали съ кровати, около нихъ находятся постоянно сидѣлки или служителя. Что же касается безпокойныхъ больныхъ, то и ихъ, по нашему, едва ли слѣдуетъ держать на полу; для такихъ больныхъ существуютъ особыя кровати съ высокими мягкими спинками, сѣтки, смиренныя рубашки и т. п. Вѣдь за безпокойными больными необходимъ безпрестанный надзоръ все равно, лежатъ ли они на полу или нѣтъ, такъ что этимъ ничего не достигается. Въ павильонѣ № 4 нижній этажъ занятъ мужскимъ отдѣленіемъ, а верхній—женскимъ. Этотъ павильонъ производитъ наиболѣе пріятное впечатлѣніе. Въ верхній этажъ его ведетъ широкая чугунная лѣстница, заканчивающаяся массивной желѣзной же дверью, послѣдняя всегда заперта на ключъ, который хранится у надзирательницы. Все женское отдѣленіе, довольно обширное, имѣетъ такимъ образомъ одинъ узкій неудобный выходъ черезъ ванную, находящуюся въ другомъ концѣ отдѣленія. Если бы здѣсь произошелъ пожаръ, то врядъ-ли кому-нибудь изъ находящихся здѣсь больныхъ женщинъ удалось бы спастись. На это обстоятельство администраціи больницы слѣдовало бы обратить вниманіе. Мы закончимъ описаніе психіатрическаго отдѣленія Кирилловской больницы сообщеніемъ, что смертность въ этомъ отдѣленіи, постоянно высокая, достигла въ 1899 году 25,30/о! *). Эта прямо чудовищная цифра смертности какъ нельзя болѣе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ здѣсь несчастные больные **).

*) «Памятная книжка Кіевской губерніи на 1901 г.» стр. 119.

**) По даннымъ д-ра П. И. Нечая (Op. cit, стр. 59) смертность въ терапевт. отдѣленіи Кирилл. больницы еще больше. Такъ, въ 1891 г. она достигла 28,6/о, въ 92 г.—26,9, а въ 93 г.—28,2/о. Подобныя цифры дѣлаютъ излишнимъ всякій комментарий.

Самымъ неудовлетворительнымъ изъ всѣхъ отдѣленій Биряловской больницы является наочно-сифилитическое, на которомъ мы поэтому остановились подробно. Отдѣленіе это также помѣщается въ частномъ зданіи на Биряловской улицѣ и состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ корпусовъ, изъ которыхъ въ одномъ помѣщается мужская, а въ другомъ—женская половина. Палаты мужской половины поражаютъ своею грязью и запущенностью даже при сравненіи ихъ съ другими отдѣленіями Биряловской больницы. Стѣны почти вездѣ давно не бѣлены, по угламъ видна паутина, ставшая отъ дыма и копоти совершенно черной. Полы всюду до нельзя грязные, со щелями и всякими неровностями. Въ нѣкоторыхъ палатахъ печи кафельныя, но отъ времени эмалевый слой кирпичика совершенно облѣзъ, такъ что всюду видны огромныя желтыя пятна. Воздухъ во всѣхъ палатахъ тяжелый, спертый, пахнетъ челоуѣческими испареніями, лѣкарствами и табачнымъ дымомъ, ибо больные курятъ въ палатахъ за неизмѣнимъ особаго помѣщенія для этого. Кое-гдѣ, именно въ палатѣ № 3 и въ подвальномъ этажѣ, о которомъ рѣчь еще впереди, мы замѣтили на стѣнахъ сырость. Одѣяла и халаты на больныхъ изъ такъ называемаго верблюжьяго сукна просто поражаютъ своимъ видомъ: они состоятъ изъ сплошныхъ дыръ и заплатъ; вездѣ сукно отъ времени превратилось въ рѣшето. Еще въ худшемъ состояніи постельное и носильное бѣлье. Простыни изорваны съ такою массою пятенъ, что скорѣе похожи на тряпки, чѣмъ на бѣлье. Рубахи и кальсоны на больныхъ очень заношены, на нѣкоторыхъ до того разорваны что свозъ дырья видно голое тѣло больныхъ. Въ общемъ рубахи и кальсоны скорѣе напоминаютъ нищенскія отрепья, чѣмъ бѣлье. Въ такомъ же состояніи и полотняные чулки на больныхъ, такъ что многіе больные носятъ туфли на босу ногу, предпочитая обходиться безъ нихъ, несмотря на то, что для естественной нужды имъ приходится отправляться въ ретирадныя мѣста черезъ весь дворъ. Но самый ужасный видъ имѣютъ скатерти на шкафчикахъ, стоящихъ между каждыми двумя кроватями, на которыхъ непривычный челоуѣкъ не могъ бы не только ѣсть, но и смотрѣть безъ тошноты. Такой видъ онѣ приобрѣли вслѣдствіе множества пятенъ отъ различныхъ маселъ, которыя отпущаются здѣсь больнымъ не въ коробочкахъ или баночкахъ, а прямо на бумажкахъ. Шкафики между кроватями старые, нѣкоторые безъ дворецъ, чуть держатся, иные совсѣмъ разломаны; въ нихъ помѣщается посуда и бѣлье больныхъ, лѣкарства, книги — все, что хотите. Въ палатѣ № 3 мы нашли огромный помойный ушатъ, по виду весьма похожій на классическую «парашку» и назначенный для собиранія сора. Тяжелое впечатлѣніе произвела на насъ палата № 7. Это довольно большая комната съ очень низкимъ потолкомъ, который буквально виситъ надъ головой. Длина ея 9 арш., ширина — 8, а высота—всего $3\frac{3}{4}$ арш. Такимъ образомъ, кубическій объемъ этой комнаты равенъ 226 куб. арш. или 8 съ лишнимъ кубич. сажень. Въ этой комнатѣ мы застали 10 челоуѣкъ больныхъ, такъ что на каждого изъ нихъ приходилось, стало быть, по 22,6 куб. арш. или по $\frac{1}{6}$ куб. саж. воздуха, между тѣмъ какъ по нормѣ полагается на каждого больного не менѣе 3 куб. саж. Среди больныхъ этой палаты находился и больной *проказой* мальчикъ изъ с. Никольской-Борщаговки, Даниилъ Бровченко, помѣщавшійся здѣсь за отсутствіемъ отдѣльнаго помѣщенія, куда можно было бы его изолировать. Еще болѣе тяжелое впечатлѣніе произвелъ на насъ подвальный этажъ, гдѣ находится палата № 8. Здѣсь всѣ больные, за неизмѣнимъ кроватей, лежатъ прямо на каменномъ полу, кто на сѣнникѣ, а кто и просто на факихъ-то тряпкахъ. Въ этой «палатѣ», длина которой 11 арш., ширина — 10 и высота — всего $3\frac{3}{4}$ арш. и кубическій объемъ которой равенъ всего 362 куб. арш., находилось 18 челоуѣкъ больныхъ. Такимъ образомъ, на каждого изъ нихъ приходилось по 22 куб. арш. или около $\frac{1}{6}$ куб. сажсн. воздуха, т.-е. въ 4 раза

меньше того, что должно быть. Легко представить себѣ, какъ сильно испорченъ—даже болѣе—какъ отравленъ былъ воздухъ въ этой палатѣ, въ которой вдобавокъ находится еще кубъ для кипяченія воды, не перестающій кипѣть въ продолженіи цѣлаго дня, вслѣдствіе чего къ спертому воздуху присоединяется еще невыносимая жара. При скудномъ свѣтѣ, проникающемъ сюда черезъ небольшія окна, находившіеся здѣсь люди, повскакавшіе при входѣ нашемъ съ своихъ мѣстъ, показались намъ въ своихъ ужасныхъ халатахъ и разорванномъ бѣльѣ не больными, а какими-то паріями, отверженцами чело-вѣческой семьи, заброшенными сюда жестокой судьбой на ужасныя муки и страданія.

Женская половина наочно-сифилитическаго отдѣленія оказалась гораздо чище и просторнѣе мужской.

Заканчивая эти строки, мы мысленно представляемъ себѣ объ эти больныи, и вновь передъ нашими глазами проносятся больные, дрожащіе отъ холода, въ рваномъ бѣльѣ и дырявыхъ халатахъ, валяющіеся на голомъ полу. Неужели—спрашиваемъ мы себя—все это происходитъ теперь въ огромномъ университетскомъ центрѣ, а не было много, много лѣтъ тому назадъ гдѣ-нибудь въ глухой провинціи? Чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ сознательнѣе и строже относится оно къ своей обязанности помогать неимущему и заботиться о богѣющемъ. Для исполненія этихъ высокихъ задачъ благотворительности у насъ существуютъ приюты, богадѣльни и больницы. Последнія являются высшей формой, въ которой выражается общественное призрѣніе, и—согласно духу закона—они «должны удовлетворять элементарнымъ требованіямъ гуманности, приходя на помощь той части населенія, которая нуждается во время болѣзни въ специальномъ уходѣ и лишена возможности собственными средствами обезпечить себѣ подобный уходъ и лечение». Но какъ далеки кievскія больницы отъ этого идеала! Ихъ смѣло можно причислить къ тѣмъ лечебнымъ заведеніямъ, которыя—по остроумному выраженію А. П. Чехова—являются «учрежденіями, весьма вредными для здоровья ихъ обитателей». Когда же у насъ будетъ столько больницъ, чтобы въ нихъ находили мѣсто все нуждающіеся? Когда же мы улучшимъ наши больницы настолько, чтобы находящіеся въ нихъ больные, страдающіе вслѣдствіе болѣзней, не должны были еще терпѣть отъ холода, голода и другихъ лишеній?

Врачъ Г. И. Гордонъ.

Петербургъ, 10 іюля.

Изъ русскихъ журналовъ.

Организація народнаго образованія во Франціи. Г-жа *В. Танаевская* («Рус. Богатство» іюнь) передаетъ свои впечатлѣнія отъ знакомства со школьнымъ дѣломъ во Франціи. Начальное образованіе состоитъ изъ нѣсколькихъ ступеней. На первомъ мѣстѣ стоятъ «материнскія школы», куда принимаютъ дѣтей отъ 2 до 4 лѣтъ на цѣлый день, съ цѣлью облегчить уходъ за ними для рабочихъ женщинъ. Но не только занятія матери посылаютъ туда своихъ малютокъ—женщины свободныя и зажиточныя тоже часто предпочитаютъ свалить съ себя надзоръ за дѣтьми, чтобы безпрепятственно предаваться болтовнѣ съ кумушками на базарѣ или въ лавкѣ. Рутинна, вообще отличающая французскую школу, вторгается и въ подобныя убѣжища и вгоняетъ въ свои окаменѣлыя формы и этотъ нѣжный возрастъ. Чѣмъ то казарменнымъ вѣетъ отъ этого батальона малышей, движущихся, поющихъ, танцующихъ и играющихъ по командѣ, машинально повторяющихъ безжизненныя формулы на урокахъ начальнаго обученія. И тутъ какъ вездѣ введены поощрительныя награды,

«декораціи», въ видѣ крестиковъ, ленточекъ и т. п. Между тѣмъ, на материнскія школы возлагаются большія надежды: съ ихъ помощью рассчитываютъ привить рабочему классу элементарныя понятія о чистотѣ, гвигіенѣ и т. п. Такъ какъ перевоспитать въ этомъ отношеніи взрослыхъ оказалось безнадежнымъ, то рѣшили сосредоточить вниманіе на дѣтяхъ 2—4 лѣтъ, внушая имъ болѣе культурныя привычки. За материнской школой слѣдуетъ «дѣтскій классъ» для дѣтей обоаго пола отъ 4 до 6 лѣтъ. Въ этихъ школахъ игры, хоровое пѣніе и ручныя работы чередуются съ обученіемъ счету, чтенію и письму. Съ 6 лѣтъ ребенокъ вступаетъ въ возрастъ обязательнаго обученія, и если родители не хотятъ отдать его въ школу, то обязаны, подъ угрозой штрафа ежегодно представлять его на экзамены въ школьную комиссію. Отъ 6 до 13 лѣтъ продолжается курсъ начальной школы. Программа начальныхъ школъ весьма обширна и представляетъ изъ себя нѣчто цѣльное, законченное, такъ какъ начальное образованіе не служитъ подготовкой къ средней школѣ. Педагогическое искусство у французовъ замѣчательно: учебный матеріалъ передается въ упрощенныхъ, ясныхъ и конкретныхъ формахъ, и въ теченіе школьнаго курса учителя дѣйствительно успѣваютъ выдѣрить въ своихъ питомцевъ много знаній и умѣнья, впрочемъ далеко не во всѣхъ частяхъ программы, ибо при обширности курса въ нѣкоторыхъ предметахъ приходится скользить по поверхности. Но собственно воспитательная сторона этого школьнаго курса является мало симпатичной. Преподаваніе исторіи направлено къ тому, чтобы внушить особый благоговѣйный культъ Франціи и французскаго имени; ради этого въ преувеличенныхъ терминахъ повѣствуется о богатствѣ, могуществѣ и даже первенствѣ Франціи среди другихъ народовъ. Естественно, что такимъ путемъ развивается въ юношахъ самодовольный высокомѣрный патріотизмъ. Особо любопытно въ воспитательномъ отношеніи преподаваніе «морали». Известно, что преподаваніе Закона Божія исключено изъ свѣтскихъ школъ и предоставлено заботамъ родителей и духовенства, мѣсто его занимаетъ «мораль». Общій тонъ этихъ нравственныхъ назиданій приобрѣтаетъ въ рукахъ учительницъ слащавый и сентиментальный характеръ, а въ рукахъ учителей — книжный, сухой и мертвый. Само собою разумѣется, на первомъ мѣстѣ фигурируютъ возвышенныя правила гражданскаго долга, самопожертвованія, а между тѣмъ основой всего житейскаго поведенія совершенно недвусмысленно выставляется утилитаризмъ и личный расчетъ. Возьмемъ, напр., ученіе о «долгахъ». Изъ объясненія учителя выходило, что долги дѣлаютъ только лѣнивыя и безразсудныя люди, которые не хотятъ работать, а желаютъ пользоваться плодами чужихъ трудовъ. Давать въ долгъ — это значить поощрять этихъ празднолюбцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обижать свою семью, лишая ее части имущества; человекъ семейный даже и права-то не имѣетъ давать въ долгъ и т. д. Никакихъ отступленій отъ уважа личнаго и семейнаго эгоизма, никакихъ указаній на помощь нуждающимся при этомъ сдѣлано не было. А во что превратила школьная мораль безсмертныя принципы великой революціи? Абсолютный характеръ «равенства», «братства» и присущій имъ радикализмъ представлялись опасными въ качествѣ мотивовъ поведенія. Поэтому равенство выставляется пустымъ звукомъ, утопіей, химерой, когда рѣчь идетъ объ имущественномъ равенствѣ, ибо неравенство неизбѣжно происходитъ отъ большаго или меньшаго умѣнья и энергіи въ работѣ. По этой теоріи выходитъ: если ты бѣденъ, значить, ты лѣнтяй, а если будешь трудиться, то будешь непремѣнно богатымъ. «Братство» опредѣляется какъ филантропическая помощь богатаго бѣдному и выражается существованіемъ больницъ, приютовъ, богадѣленъ и т. п. и такимъ образомъ внутренній смыслъ высокаго нравственнаго принципа похмѣняется вѣшными формальными и частными его проявленіями. Вообще, сколько фальши, лицемерія и компромиссовъ пускаетъ въ оборотъ эта нравственная

проповѣдь! Совершенно согласно съ утилитарной подкладкой школьной морали идутъ постоянныя увѣщанія — беречь, копить. Упражненія въ бережливости практикуются въ самой школѣ, такъ какъ существуетъ школьная сберегательная касса съ книжками, гдѣ записаны взносы и проценты, которые нарастаютъ на капиталы маленькихъ рантье. «Въ видѣ награды за успѣхи и прилежаніе, государство раздаетъ ученикамъ «livret», т. е. книжки сберегательной кассы съ 5—10 франками взноса, полагая этимъ основаніе скопидомству и мелкому скряжничеству въ дѣтскихъ душахъ». Отвлеченныя моральныя наставленія находятъ нерѣдко и примѣрное практическое примѣненіе въ школьной жизни. Авторъ рассказываетъ случай апофеоза добродѣтели въ одномъ женскомъ училищѣ. «Маленькая Сильвія купила въ теченіе мѣсяца тѣ деньги, которые родители давали ей на завтракъ и собрала сумму въ 60 сантимовъ. На нихъ она купила для матери баночку какао. *Добрая* лавочница, узнавъ о *великодушномъ* поступкѣ Сильвіи подарила ей (легко сказать!) палочку шоколада въ 2 су и довела этотъ поступокъ до свѣдѣнія учительницы. Сильвія была вызвана на середину класса и получила лицемерныя похвалы учительницы и поздравленія товарищекъ. Она должна была показать знаменитую палочку шоколада, но, очевидно, Сильвія была еще не вполне исковеркана въ своей дѣтской природѣ и давно съѣла подаренный шоколадъ». Наказанія для лѣнивыхъ и шаловливыхъ дѣтей употребляются обычныя: стояніе на ногахъ, въ углу, высылка изъ класса, а въ серьезныхъ случаяхъ — исключеніе. Надо прибавить, впрочемъ, что во многихъ школахъ примѣняется тѣлесное наказаніе, не въ видѣ розогъ, а въ видѣ пинковъ, щипковъ, колотушекъ, дранья за уши и т. н. «Случалось, сидя въ одномъ классѣ, слышать изъ другого дѣтскіе вопли, крики, раздраженную брань учителя. Очевидно, это не было чѣмъ-нибудь непривычнымъ, потому что не тревожило другихъ учителей, которые спокойно продолжали свое дѣло подъ аккомпаниментъ воплей и крика. На мой вопросъ, что означаетъ происходящее въ соседнемъ классѣ, учитель флегматично отвѣтилъ: Это Б. исправляетъ (corrige) своихъ учениковъ».

Методъ преподаванія во французскихъ школахъ состоитъ въ заучиваніи назизусть, что ведетъ къ накопленію отрывочныхъ знаній, задалбливаютъ одинаково и исторію, и географію, и правила ариметики, и правила «морали». Французская школа отдѣлена отъ общества непроницаемой стѣной: не только родители, но даже члены школьныхъ попечительствъ и разнаго рода благотворительныхъ обществъ не допускаются въ школы. Этимъ объясняется, почему такъ слабо во Франціи общественное содѣйствіе и помощь школьнымъ нуждамъ никто не станетъ тратить деньги на такія дѣла, къ которымъ онъ не можетъ близко подойти. Эта атмосфера недоверія и подозрительности, которою ограживается школа отъ внѣшняго міра, зависить, конечно, отъ того, что воспитаніе находится въ рукахъ двухъ враждебныхъ силъ — правительства и клерикаловъ, и на этой почвѣ идетъ постоянная, упорная и далеко не безуспѣшная для духовенства борьба; «отцы» успѣли оттянуть отъ правительства воспитаніе сыновей аристократіи и крупной буржуазіи. Передъ лицомъ свѣтской школы стоитъ вооруженный врагъ, который зорко слѣдитъ за малѣйшими промахами, чтобы дискредитировать правительственную школу въ глазахъ общества. Этимъ объясняется, почему нерѣдко свѣтская школа лицемерно сохраняетъ внѣшніе монастырскіе порядки. Такъ, въ женской école normale ученицы имѣли видъ монашенокъ, съ прилизанными волосами, скромно потупленными глазами, въ черныхъ коленкоровыхъ блузахъ безъ пояса. На выраженіе недоумѣнія со стороны автора, директриса отвѣчала:

— Ахъ, не считайте насъ лицемерными! Мы просто боимся нападокъ клерикаловъ. Повѣрьте, что они жадно ловятъ всякій неблагоприятный для нашей школы слухъ, дѣлаютъ изъ мухи слона и все это — во славу своихъ

монастырей. Мы не хотимъ подавать ни малѣйшаго повода къ злословію.

Вообще, не такъ давно секуляризованная французская школа во многомъ еще сохраняетъ наслѣдіе клерикальных школьных порядковъ, особенно въ глухой провинціи: вся рутинна зазубриванія, закрѣпленіе знаній и нравственныхъ правилъ въ неподвижныя формулы, суровая дисциплина—все это остатки недавно господствовавшей системы. Что касается Парижа, то онъ совершенно очистилъ свои свѣтскія школы отъ всякихъ слѣдовъ клерикализма, и школы его дѣйствительно являются образцовыми во всѣхъ отношеніяхъ.

Желающіе пополнить свое образованіе по окончаніи начальной школы могутъ поступать въ высшія народныя школы, курсъ которыхъ продолжается два года, или слушать вечернія лекціи, устраиваемыя при училищахъ. Для подготовленія учителей существуютъ особыя écoles normales, мужскія и женскія. Средняя школа раздѣляется на классическую и реальную и состоитъ изъ лицеевъ и collèges; лицей содержитъ правительствомъ, collèges—муниципалитетами, послѣдніе отличаются отъ первыхъ только тѣмъ, что не имѣютъ одного или двухъ старшихъ классовъ. Въ лицейхъ и collèges одинаково можно получить и классическое, и реальное образованіе. Въ послѣдніе годы замѣченъ сильный отливъ учениковъ изъ этихъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ что нѣкоторые изъ нихъ пришлось закрыть. Правительство встревожилось и призвало изслѣдованіе: главной причиной оказалась конкуренція конгрегационистскихъ школъ. Не разъ въ палатѣ поднимался вопросъ о запрещеніи духовенству воспитательной дѣятельности, но безуспѣшно, и въ клерикальных школахъ по прежнему продолжаютъ воспитывать враговъ республики: французская революція разсматривается, какъ неизгладимое національное преступленіе и всѣми способами рекомендуютъ стирать слѣды ея; имена великихъ писателей и патріотовъ, какъ Гюго, Мишле, Вальтера, Ренана забрасываютъ грязью и презрѣніемъ. Для женщинъ только съ 1880 г. открыты свѣтскія среднія школы—лицей съ 6-ти-лѣтнимъ курсомъ. Въ настроеніи французской университетской молодежи въ послѣднее время замѣчается несомнѣнный поворотъ: прежніе студенты увлекались декадентствомъ и мистицизмомъ и отличались полнымъ равнодушіемъ къ общественнымъ вопросамъ. Теперь молодежь начинаетъ сознавать свои обязанности передъ народомъ и стремится просвѣщать его; съ другой стороны, среди нея замѣтна наклонность къ единенію и общенію между собой и профессорами и устройство студенческихъ ассоціацій. Въ заключеніе, г-жа Танаевская оговаривается, почему при характеристикѣ народнаго образованія во Франціи, она отмѣтила преимущественно отрицательныя черты: съ одной стороны, къ Франціи предъявляются высокія требованія, и потому сужденіе о ея недостаткахъ строже, съ другой стороны, нравственный упадокъ современной Франціи, раскрытый дѣломъ Дрейфуса, стоитъ въ прямой связи съ воспитательными и образовательными тенденціями нынѣшней школы.

Учебная реформа. Предпринятая министерствомъ реформа высшаго и средняго образованія продолжаетъ подвергаться оживленному обсужденію въ журналахъ. Свода, прежде всего, свои счеты съ прошлымъ, русская печать съ горечью констатируетъ, до какой степени случайно было тридцатилѣтнее торжество классической системы, на какихъ шаткихъ основаніяхъ оно покоилось, какою массою ненужныхъ и бессмысленныхъ жертвъ сопровождалось и къ какимъ скуднымъ результатамъ привело. Г. Филипповъ даетъ въ «Научномъ Обзорѣнн» (іюнь) интересную историческую справку по поводу «реформы гимназій и университетовъ», изъ которой видно что, проектъ толстовской гимназій былъ въ 1871 году проваленъ въ государственомъ совѣтѣ 18 голосами противъ 9, и что ни одинъ изъ 9 сторонниковъ проекта не былъ самъ ни классикомъ по образованію, ни даже любителемъ классической литературы. Самъ гр. Толстой приводилъ, между прочимъ, въ пльзю изученія греческаго

языка тотъ аргументъ, что средство этого языка съ русскимъ помогло Жуковскому художественно перевести Одиссею. Всемогущій министръ забылъ упомянуть только, что Жуковский сдѣлалъ свой переводъ, не зная ни слова по-гречески, и что его успѣхъ является лишь самымъ яркимъ доказательствомъ того, что вполнѣ возможно усвоить духъ классическаго міра безъ всякаго изученія классическихъ языковъ. Введенная насильственно, реформа Толстого не могла быть проведена въ жизнь за отсутствіемъ преподавателей: г. Филипповъ напоминаетъ безплодныя попытки министерства — пополнить этотъ пробѣлъ приглашеніемъ чеховъ, давшихъ въ большинствѣ случаевъ лишь смѣхотворный или гнетущій матеріалъ для гимназическихъ воспоминаній. Не помогъ дѣлу и мертворожденный филологическій институтъ при лейпцигскомъ университетѣ. Число профессоровъ и студентовъ-классиковъ у насъ до самаго послѣдняго времени осталось совершенно ничтожнымъ (въ 1893 г. филологи составляли только 4—5% общаго числа студентовъ; притомъ большинство филологовъ избираетъ спеціальностью исторію и словесность, такъ что чистыхъ классиковъ остаются единицы, въ лучшемъ случаѣ—десятки). Что касается результатовъ классическаго обученія, о нихъ краснорѣчиво говорятъ опубликованныя въ послѣднее время ничтожныя цифры тѣхъ, которые преодолеваютъ всѣ мытарства системы и оканчиваютъ курсъ. «Новое Время» приводитъ, на основаніи отчетовъ Министерства Нар. Просвѣщен., рядъ таблицъ, изъ которыхъ видно, что кончаетъ курсъ въ срокъ, т. е. въ 8 лѣтъ, не болѣе 4—9%, оканчиваетъ отъ 21 до 37%, а число *неокончившихъ* составляетъ отъ 62 до 78% всего числа гимназистовъ.

Объ отношеніи толстовской школы къ ввѣреннымъ ей попеченію юношамъ можно судить по справкѣ, приводимой хроникеромъ «Русскаго Богатства» (іюнь) на основаніи однихъ только майскихъ номеровъ провинціальныхъ газетъ. Самоубійство шестиклассника-гимназиста въ Кшненевѣ, самоубійство восьмиклассника въ Лубнахъ, «цѣлая серія труповъ» въ Тамбовѣ, въ Нижнемѣ, Саратовѣ и т. д. — вотъ «далеко нерѣдкія послѣдствія господствующей учебной системы». А какова судьба тѣхъ, кто съ этой системой сживается? Тотъ же хроникеръ цитируетъ изъ «Россіи» отвѣтъ на этотъ вопросъ г. Покровскаго: «Что происходитъ съ нашими дѣтьми, съ нашими маленькими братьями и сестрами? Что происходитъ съ нами самими?.. Поступивъ въ школу, мы тотчасъ же забыли радости, потеряли безвозвратно незалобивый дѣтскій смѣхъ, съжились, присмирѣли, притихли и смѣемся теперь опасливымъ, часто гаденымъ смѣшкомъ... Школа вытравляла въ насъ почти все непосредственное, все живое, свѣжее и яркое въ душѣ; осталась тамъ какая-то пустота, не то мерзость и слязь».

И вотъ, этотъ ужасающій кошмаръ, давившій русскую семью и русское общество въ теченіе тридцати долгихъ лѣтъ, общается разсѣяться, отойти навсегда въ прошлое, въ царство тѣней? Такъ ли это? Вѣрить ли этому избавленію отъ одной изъ нашихъ общественныхъ язвъ? Мы такъ не привыкли видѣть, чтобы эти язвы подавались усиліямъ мыслящаго русскаго человѣка. Естественны поэтому нотки недоумѣнія, проскальзывающія тамъ и самъ среди хвалебныхъ диамантовъ.

Одну изъ этихъ нотъ мы чаще привыкли слышать изъ ретрограднаго, чѣмъ прогрессивнаго лагеря. Намъ такъ долго твердили отсюда, что вѣтъ латыни нѣтъ спасенія, нѣтъ истиннаго образованія и истинной науки, — что теперь, когда наступаетъ конецъ «латыни», иные мнительные люди готовы спросить себя: какъ же мы безъ нея обойдемся, чѣмъ ее замѣнимъ; не будетъ ли это пониженіемъ образовательнаго уровня и возвращеніемъ къ варварству? Когда эти вопросы задаетъ, напр., органъ г. Грингмута, мы знаемъ, въ чемъ дѣло и можемъ не беспокоиться; но когда г. Грингмутъ въ качествѣ своего союзника выводитъ проф. С. Н. Трубецкаго, перепечатывая его письмо въ своемъ органѣ,—

мы не можемъ не встревожиться. Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ «походъ противъ классицизма» прикрываетъ собою старый, слишкомъ знакомый намъ лозунгъ: «поменьше ученія»? Развѣ не знаемъ мы изъ печатнаго опыта, что у насъ, дѣйствительно, по словамъ проф. Трубецкаго, «чтобы *оболванить* самую коренную реформу средней школы, не требуется ни специальныхъ знаний, ни даже общаго образованія; достаточно одной смѣлости и рѣшительности». Хроникеръ «Вѣстника Европы» (іюль) находитъ эти опасенія преждевременными. «Лозунгъ «поменьше ученія»,—говоритъ онъ,—не только не можетъ считаться общимъ для крайнихъ реформаторовъ и крайнихъ охранителей, — онъ непримѣнимъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. «Поменьше учащихся» — вотъ девизъ послѣднихъ; поменьше *ненужнаго*, забивающаго ученія—вотъ *plus desiderium* первыхъ... Предложенія, которыя клонились бы къ *свободѣ отъ ученія*, къ существенному уменьшенію суммы знаний, приобретаемыхъ въ средней школѣ, къ обращенію школы въ мѣсто отдыха и забавы—мы до сихъ поръ не встрѣчали». Дѣйствительно, пока рѣчь идетъ о созданіи *единой* общеобразовательной школы безъ какой-либо сословной или классовой тенденціи, — опасенія проф. Трубецкаго представляются преувеличенными, да и весь ходъ подготовительныхъ къ реформѣ работъ не даетъ основаній къ подобнымъ опасеніямъ; однако, по опыту прежнихъ лѣтъ, все-таки излишняя осторожность надежнѣе излишней довѣрчивости.

Вопросъ, дѣйствительно, въ томъ, *чѣмъ* замѣнить ту систему, паденіе которой ничего, кромѣ ликованія, вызывать не можетъ. Предположенія комиссіи, работавшей подъ предѣлательствомъ генерала Ванновскаго, всѣмъ теперь извѣстны и въ общемъ безусловно симпатичны. Но это пока еще одни рамки, которыя предстоитъ наполнить содержаніемъ. И тутъ мы сейчасъ же наткаемся на новый диссонансъ, отмѣченный хроникеромъ «Русскаго Богатства». «Новое Время» уже рѣшило, что новая средняя школа будетъ «національной»; а извѣстно, что это слово значитъ на страницахъ «Новаго Времени». Это значитъ, что «всѣмъ, что русскіе имѣютъ, они обязаны себѣ», что и покажетъ ученикамъ «исторія» въ новой школѣ. «Отечественнѣдніе» — новый проектированный комиссіей предметъ будущей школы — покажетъ, въ свою очередь, что напрасно «мы въ нашихъ разнаго рода курсахъ удѣляли западнымъ конституціямъ гораздо больше вниманія, чѣмъ нашему государственному строю». Слово, «національная» школа «возбудитъ въ мальчикахъ народную честь и народную гордость»; еще короче, по формулѣ кн. Мещерскаго — въ школѣ будетъ господствовать «не духъ западной Европы, а духъ Карамзина». Вотъ, стало быть, какое различіе общаетъ намъ реакціонная пресса между старой и новой школой. Если система старой школы формулировалась, по выраженію Достоевскаго, лозунгомъ «чтобы не было идей», то новая система поставитъ обратный лозунгъ «чтобы были идеи» извѣстной общественной партіи. Тогда въ школѣ не останется «даже и слѣда космополитизма»; «соскочить вся эта дрянь, навѣянная у большинства жидовствующей либеральной печати», — совершенно такъ, какъ, по словамъ «Новаго Времени», происходитъ и теперь въ корпусахъ, гдѣ «господствуетъ сильная воля, категорическій императивъ и никакого сомнѣнія въ разумной справедливости приказаннаго». «До возрѣвнѣй родителей, — добавляетъ «Новое Время», — ни школѣ, ни государству, ни обществу нѣтъ дѣла, и зообразоваться съ таковыми было бы педагогической нецѣлостію». «Мы хотѣли бы думать, — кончаетъ свои замѣчанія хроникеръ «Русскаго Богатства», — что къ стоящей на очереди реформѣ эти проекты не нѣмтъ никакого отношенія, что ничего подобнаго нигдѣ не «рѣшено» и никакого «созиданія» не началось».

По вопросу объ университетской реформѣ находимъ въ «Образованіи» (май—іюнь) очень интересную статью проф. Шимкевича: «Что нужно университе-

тамъ?» Какъ предупреждаетъ самъ авторъ, ничего новаго въ статьѣ нѣтъ; но вопросъ стоитъ такъ, что и старое, неоднократно повторенное, все еще остается во многихъ случаяхъ новымъ. Таково прежде всего указаніе г. Шимкевича «на ту тѣсную связь, которая существуетъ между университетскою и общественной жизнью». Съ этой точки зрѣнія онъ обсуждаетъ вопросъ объ устраненіи причинъ студенческихъ волненій. «Если студенческія волненія есть не болѣе, какъ результатъ излишка свободнаго времени и отсутствія дисциплины и нравственной выдержки, то, конечно, вопросъ сводится только къ тому, чтобы устранить эти нежелательныя черты изъ университетскаго жизненнаго уклада... Однако авторъ допускаетъ, что разрѣшеніе студенческихъ организацій можетъ регулировать академическую жизнь молодежи и этимъ устранить хотя бы нѣкоторыя причины волненій. Онъ предлагаетъ «обставить дѣло такъ, чтобы сходка совершенно потеряла характеръ чего-то необычнаго и выходящаго изъ уровня обычной жизни», и для этого устроить правильныя, періодическія курсовыя сходки. На такія сходки будетъ являться та часть молодежи, — «наиболѣе хладнокровныя и благоразумныя», — которая обыкновенно устранивается отъ сходокъ запретныхъ, а это отразится и на ходѣ преній и на содержаніи резолюцій. Г. Шимкевичъ безусловно противъ присутствія инспекціи на такихъ сходкахъ въ виду установившихся ненормальныхъ отношеній между ней и студенчествомъ. Онъ считаетъ возможнымъ предоставить и председательство на сходкѣ—студенту, выбираемому на извѣстный срокъ въ это званіе. Но нужно замѣтить, что вопросъ объ организаціи сходокъ вовсе не исчерпываетъ вопроса объ организаціи студенчества вообще.

По вопросу объ устройствѣ университетскаго суда обстоятельно высказался г. Обнинскій, мнѣнія котораго защищаетъ отъ нападокъ реакціонной печати хроникеръ «Вѣстника Европы». Обнинскій совершенно основательно различаетъ судъ профессоровъ для дѣлъ о нарушеніи университетскихъ *правилъ* и судъ студентовъ-товарищей по вопросамъ *чести*, которому считается необходимымъ предоставить право исключенія изъ университета. То же раздѣленіе, но въ менѣе опредѣленныхъ чертахъ, принимаетъ и г. Шимкевичъ, справедливо указывая при этомъ, что судъ правленія, дѣйствующій въ настоящее время, не пользуется довѣріемъ студенчества. Такое отношеніе г. Шимкевичъ объясняетъ «тѣмъ нервнымъ и возбужденнымъ состояніемъ, въ которое впадаютъ члены правленія съ началомъ волненій въ учебномъ заведеніи». «Мнѣ приходилось видѣть, — замѣчаетъ онъ, — какъ люди, всю жизнь слышшіе за гуманныхъ, но оказавшіеся у университетскаго кормила во время волненій, впадали въ такую нервность, что ихъ можно было считать за враговъ студенчества, а между тѣмъ они такими не были и не хотѣли быть». О замѣнѣ теперешней инспекціи съ ея «арміей педелей» — выборной инспекціей съ проректоромъ изъ профессоровъ во главѣ, авторъ только мечтаетъ, какъ объ «отдаленномъ идеалѣ», и немедленно соглашается, что тутъ «почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ и мысли начинаютъ походить на фантазіи». «Въ настоящее же время, замѣчаетъ онъ, отношенія студенчества къ инспекціи связаны съ цѣлымъ рядомъ общественныхъ явленій, стоящихъ внѣ задачъ министерства народнаго просвѣщенія, и если не закрывать глаза, то приходится сознаться, что это самое больное мѣсто университетскаго устава». Эта податливость чрезвычайно характерна для министерства народнаго просвѣщенія, привыкшаго, по замѣчанію «Новаго Времени», щедро дѣлиться своими функціями съ другими вѣдомствами. Можетъ быть, теперь министерство, принявшееся при своемъ новомъ начальникѣ, по мѣткому выраженію того же «Новаго Времени», за собираніе своихъ функцій, получить возможность и въ вопросѣ объ инспекціи занять болѣе самостоятельное положеніе.

Во всякомъ случаѣ, надо согласиться съ заключительнымъ замѣчаніемъ

*

г. Шимкевича, что «явленія жизни университетской и общественной слишкомъ тѣсно связаны, чтобы прогрессъ одной былъ мыслимъ безъ прогресса другой». «Жизнь не знаетъ другого закона, кромѣ прогресса или смерти», такъ кончаетъ свою статью натуралистъ Шимкевичъ.

Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ. Г. *Ө. Воропоновъ* («Вѣстникъ Европы», июль) рассказываетъ о своей дѣятельности въ качествѣ мирового посредника въ Подольской губ. въ 1864—1865 году. Его воспоминанія добавляютъ лишнюю страницу къ характеристикѣ кипучаго времени насажденія реформы; они показываютъ, какъ не только въ періодъ законодательной обработки Положенія происходили колебанія, переплетались и сталкивались различные вліянія и мнѣнія, но и въ послѣдующій періодъ административнаго введенія реформы не было ни единства настроенія, ни единства дѣйствія, и многое въ устроеніи участи крестьянина въ той или другой мѣстности зависѣло отъ случайнаго состава лицъ, непосредственно у дѣла стоявшихъ: рамки Положенія давали очень широкое поле для проявленія личныхъ пристрастій въ ту или другую сторону. Авторъ именно отмѣчаетъ двойственность направленія въ ходѣ работъ по крестьянскому дѣлу въ юго-западномъ краѣ. Кіевскій генералъ-губернаторъ Анненковъ тяготѣлъ къ помѣщичьимъ интересамъ, работавшая при немъ «временная коммиссія», состоявшая изъ энергичныхъ и опредѣленно-настроенныхъ дѣятелей, наоборотъ, выступала поборницей крестьянскихъ правъ. Само собою разумѣется, что на коммиссію сыпались нареканія, обвиненія въ неблагонамѣренности, въ преслѣдованіи вредныхъ цѣлей и т. п. Отголоски этой борьбы двухъ теченій отражались, конечно, во всѣхъ углахъ юго-западнаго края. Такъ, губернаторъ каменецъ-подольскій, Сухотинъ, при которомъ автору пришлось работать, оказался довольно простоватымъ человѣкомъ и тѣмъ откровеннѣе обнаружилъ свою чиновническую мораль; онъ при первомъ же свиданіи выложилъ автору свое официальное profession de foi. Онъ началъ рѣчь съ того, что теперь, слава Богу, на службу сюда пріѣзжаетъ не мало настоящихъ русскихъ людей. Давно уже надо было усилить здѣсь русскій элементъ... Надо показать, что такое русскій элементъ... Переходя къ крестьянскому дѣлу, губернаторъ съ неудовольствіемъ отозвался о временной коммиссіи, что она все раздуваетъ новые и новые вопросы: «и законовъ-то у насъ мало — нужно, видите, еще подбавить, — и мужику трудно платить», — а, между тѣмъ, мужиковъ нечего жалѣть, у нихъ деньги есть, только они прячутъ ихъ въ кубышки и зарываютъ въ землю, и безъ острастки ничего платить не будутъ. «Обращаю ваше вниманіе на то, что теперь главная заслуга посредниковъ — взысканіе выкупныхъ платежей въ срокъ и согласное дѣйствованіе въ этомъ съ полиціею». Таково было первое напутствіе автора передъ началомъ дѣла: русское дѣло, полиція и помощь ей во взысканіи платежей, и какъ можно меньше вопросовъ и принциповъ. Составъ товарищей автора — мировыхъ посредниковъ уѣзда — оказался очень пестрымъ и среди нихъ авторъ нашелъ только двухъ единомышленниковъ, въ томъ числѣ старика Пассека, брата извѣстнаго въ свое время Вадима Пассека. Свѣдѣ мировыхъ посредниковъ произвелъ на автора очень печальное впечатлѣніе по рѣшительной безцвѣтности составлявшихъ его лицъ, по ихъ равнодушію къ дѣлу и незнанію его. «Глядя на этотъ составъ, — иронически замѣчаетъ авторъ, — невольно приходилось вспоминать тѣ подозрѣнія въ разныхъ неблагонадежностяхъ, которыя иногда обращались на составъ крестьянскихъ учреждений сверху и порою слышались отъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Ужъ не этотъ ли маіоръ-коммунистъ и не этотъ-ли влиятельный чиновникъ мечтаетъ о возбужденіи народныхъ волненій, симпатизируя колѣвщинцѣ?» Надо прибавить, впрочемъ, что этотъ подборъ мировыхъ посредниковъ былъ исключительный и никакъ не можетъ считаться типичнымъ. Знакомство съ представителями крестьянскаго самоуправления дровизело на автора еще болѣе безнадежное впечатлѣніе по ихъ за-

битости, робости, по рѣшительному неумѣнью понять свое новое положеніе и вступить въ свои права; волостные писаря, по большей части изъ неудачниковъ, а то и прямо изъ проходимцевъ, тѣмъ не менѣе съ высоты своей грамотности помыкали волостными старшинами, заставляли ихъ прикладывать печать къ бумагамъ, о содержаніи которыхъ тѣ и не знали. Сельскіе старосты имѣли еще болѣе жалкій видъ, кланялись еще ниже, въ поясъ, и проявляли еще больше робости. Какъ иллюстрацію, можно привести слѣдующій случай. Одинъ волостной старшина жаловался автору на непочтеніе къ нему и волости нѣкоторыхъ молодыхъ парней. «А ногъ еслибъ его, когда онъ провинится,— говорилъ старшина,— посадить подъ арестъ, а если больше виноватъ, то дать ему съ пять розогъ, то онъ заговорилъ бы иначе: «ахъ, знаю я, что такое волость! Туда напрасно не схолишь — тамъ накажутъ!» И автору пришлось разяснять старшинѣ его собственныя права—своею властью наказать виновнаго рублевымъ штрафомъ или двухдневнымъ арестомъ и т. д. Затѣмъ, авторъ сталъ наводить справки о неаккуратномъ поступленіи платежей въ его участіе, какъ объ этомъ настойчиво предупреждалъ его губернаторъ. Оказалось, платежи вездѣ были исправно внесены, кромѣ одной волости, гдѣ, вслѣдствіе градобитія, оказалась недоимка въ 300 рублей. Повидимому, положеніе вполне оправдывало неисправность. «А вы и вѣрите? — сказалъ при этомъ становой приставъ. — Прошлый срокъ недоимка была по той же самой волости, и меня командировали для взысканія; я и прибылъ съ казаками. Жаловались мужики и мнѣ; а какъ только мы пригрозили, такъ черезъ два часа принесли мнѣ все деньги до копѣйки. Значитъ, были же онѣ у нихъ, только отдавать не хотѣли». Авторъ заинтересовался этимъ случаемъ, собралъ свѣдѣнія, и что же оказалось: подъ страхомъ казацкой расправы, крестьяне добыли денегъ у мѣстнаго ростовщика-еврея и спустили ему за безцѣновку все, что у нихъ было, и даже запродали впередъ свой трудъ. Естественно, что когда подошелъ срокъ новаго платежа, они оказались уже совершенно не въ силахъ его покрыть. Авторъ познакомился съ другими способами вымогательства платежей, напр., при безуспѣшности простыхъ понуканій примѣнялся «грабежъ»: у мужика забиралось какое-нибудь имущество, тулупъ, свитка или другая одежда, причемъ эти вещи иногда закладывались въ кабакъ; полученные деньги поступали въ уплату повинности, а владѣльцу вещей предоставлялось выкупать ихъ впоследствии. Другой способъ—такъ называемая «закуція» (экзекуція)—состоялъ въ слѣдующемъ: при- шлютъ въ хату къ неисправному мужику понукателя, — тотъ и досаждастъ ему всеми способами: опрокидываетъ въ печи горшки съ пищей, бьетъ стекла, портитъ вещи, рѣжетъ куръ и т. д.; когда все это слишкомъ надоѣстъ хозяину, онъ и отдаетъ все, что можетъ. Но самая дѣйствительная «закуція» состояла въ томъ, что понукатели натаскивали въ избу дѣлую кучу золы и взбивали ее прутьями такъ, что вся хата наполнялась ѣдкою пылью; тогда хозяина съ семействомъ запирали внутри и не позволяли выйти. Этого истязанія не выдерживалъ даже самый упрямый неплательщикъ. Подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ начала складываться особая форма продажи труда: владѣлецъ давалъ мужику пятнадцать рублей, а тотъ обязывался за это работать круглый годъ по два дня въ недѣлю. Такимъ образомъ, здѣсь воскресалась та самая барщина, отъ которой населеніе было освобождено всего три года назадъ. Прежде крестьянинъ отбывалъ барщину за свой надѣлъ, а теперь, получивъ этотъ надѣлъ въ собственность, онъ оплачивалъ его передъ казначействомъ цѣной той же барщины. Сколько промаховъ и грубыхъ недосмотровъ допущено было при введеніи крестьянской реформы, доказываетъ, напр., слѣдующій случай. Разъ автора осадилъ возбужденная и взволнованная толпа крестьянъ, просившая разобрать ихъ дѣло. Оказалось, выкупные договоры лишили крестьянъ 300 слишкомъ десятинъ фруктовыхъ садовъ, между тѣмъ, эти

сады составляли ихъ главное богатство и значились за ними и въ инвентаряхъ, и въ уставныхъ грамотахъ, притомъ выкупъ былъ заключенъ по добровольному соглашенію. Въ другой разъ много хлопотъ вызвало неожиданное открытіе, что въ одномъ участкѣ крестьяне получили земли больше, чѣмъ за ними было показано въ уставной грамотѣ, на основаніи которой и были исчислены платежи. Длинныя перипетіи и споры вызвалъ возбужденный по этому поводу вопросъ, слѣдуетъ ли исправить ошибку и увеличить сумму платежей. Характеренъ также случай отношенія къ крестьянскимъ выборнымъ властямъ. Однажды послѣ разговора о дѣлахъ въ волости, авторъ замѣтилъ, что сельскій староста и сборщикъ какъ будто что-то хотятъ сказать, да не рѣшаются. На вопросъ автора, староста робко проговорилъ: «А какъ же съ тѣмъ будетъ, что исправникъ насъ наказалъ? Помѣщикъ на насъ нажаловался, а исправникъ приказалъ принести розогъ, и насъ обоихъ наказали». Объ этомъ невѣроятномъ беззаконіи—наказаніи сельскаго старосты, по закону освобожденнаго отъ тѣлеснаго наказанія, авторъ сообщилъ губернатору, прося его дать дѣлу законный ходъ. Но губернаторъ отнесся къ этой жалобѣ, какъ къ затѣвѣ безпокойнаго челоуѣка: «Вотъ нашла, о чемъ писать! — выразился онъ. — Велика важность, что исправникъ старосту высѣкъ!» Подобныхъ бытовыхъ чертъ, личныхъ характеристикъ и интересныхъ сообщеній о ходѣ работъ по крестьянскому дѣлу мы не мало находимъ въ содержательномъ очеркѣ г. Воропонова.

Борьба со старостью. Г. С. *Метальниковъ* («Русское Богатство») знакомитъ съ новѣйшими открытіями и опытами Мечникова и его учениковъ. Эти работы проливаютъ совершенно новый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи старости, о причинахъ старческой атрофіи. Извѣстно, что старость сопровождается уменьшеніемъ вѣса, одряхлѣніемъ и увяданіемъ тканей, кѣтки многихъ органовъ становятся меньше, а иногда совсѣмъ исчезаютъ. Это исчезновеніе чаще всего происходитъ вслѣдствіе того, что кѣтки атрофирующагося органа поѣдаются бѣлыми кровяными шариками, такъ называемыми лейкоцитами или фагоцитами. Роль лейкоцитовъ въ жизни организма очень важна: они поѣдаютъ микробовъ, попавшихъ въ кровь животнаго, и тѣмъ предохраняютъ его отъ заболѣванія; они уничтожаютъ также органы, которые должны исчезнуть, напр., при превращеніи насѣкомыхъ они поглощаютъ ткани и органы личинки или сѣдаютъ хвостъ головастика при формированіи изъ него лягушки; наконецъ, они же работаютъ при восстановленіи женскихъ органовъ послѣ родовъ. Въ этой спеціальной истребительной способности лейкоцитовъ легко убѣдиться, вспыснувъ, напр., въ кровь животнаго нѣкоторое количество бактерій или красящаго вещества: черезъ нѣсколько часовъ всѣ бактеріи или красящій порошокъ окажутся внутри лейкоцитовъ; они овладѣваютъ всѣми посторонними и ненужными организму веществами и перевариваютъ, растворяютъ ихъ. Но на ряду съ полезной дѣятельностью, лейкоциты приносятъ и много вреда. Это обнаруживается особенно при старческомъ одряхлѣніи, когда лейкоциты начинаютъ поѣдать кѣтки безусловно полезныя и необходимыя для организма; вслѣдствіе общаго старческаго ослабленія, кѣтки представляютъ меньше сопротивленія и лейкоциты въдряются въ нихъ, размельчаютъ и уничтожаютъ. Кромѣ поѣданія лейкоцитами многихъ кѣтокъ организма, въ старости замѣчается другое явленіе—сильное разрастаніе соединительной ткани; въ то время, какъ всѣ ткани и кѣтки подъ старость начинаютъ сокращаться и атрофироваться, соединительная ткань, наоборотъ, усиленно развивается и мало-по-малу замѣняетъ погибающія кѣтки. Такимъ образомъ, по словамъ Мечникова, «старческая атрофія является слѣдствіемъ внутреннихъ кѣточныхъ процессовъ, своего рода борьбой между элементами ткани, все болѣе и болѣе усиливающейся съ возрастомъ». Почему же подъ старость это равноуѣсіе кѣточныхъ силъ нарушается и побѣдителями въ борьбѣ являются фагоциты и соединительная ткань?

На это новая теорія Мечникова даетъ ясный отвѣтъ. Всякій организмъ, по мѣрѣ того, какъ онъ живетъ, подвергается вліянію различныхъ вредныхъ условій, которыя неодинаково губительно дѣйствуютъ на разнаго рода кѣтки. Наибольшую чувствительностью отличаются айцевыя кѣточки органа, затѣмъ слѣдуютъ кѣточки нервной системы; наиболѣе стойкими по отношенію къ ядамъ оказываются кѣтки соединительной ткани и фагоциты. Отсюда понятно, что кѣточки, болѣе поддающіяся разрушительнымъ вліяніямъ, ослабѣваютъ, ослабѣваютъ раньше, другія, болѣе выносливыя, дольше сохраняютъ свою жизнеспособность и начинаютъ развиваться на счетъ обезсилѣвшихъ. Эта теорія старости, какъ нарушенія гармоніи между кѣтками организма, представляетъ превосходный эвристическій принципъ для дальнѣйшихъ работъ и опытовъ, общающихся дать богатые практическіе результаты. Изъ этой теоріи естественно вытекаетъ слѣдующая цѣль вопросовъ и задачъ. Чтобы парализовать этотъ процессъ старческаго одряхлѣнія, необходимо, слѣдовательно, возстановить нарушенную гармонію между кѣтками организма. Это возможно сдѣлать или путемъ ослабленія наиболѣе сильныхъ кѣткокъ, т.-е. фагоцитовъ и соединительной ткани, или путемъ усиленія ослабѣвшихъ. Ослабить кѣточки можно постепеннымъ отравленіемъ ихъ какою-нибудь ядомъ, но ядомъ специфическимъ, который дѣйствовалъ бы исключительно на извѣстныя кѣточки, оставаясь совершенно безвреднымъ для другихъ. Приготовить такой специфическій ядъ оказалось вполне возможнымъ послѣ замѣчательныхъ работъ, произведенныхъ Мечниковымъ и его ассистентомъ Борде. Если впрыснуть свинкѣ кровь кролика, то сыворотка, приготовленная изъ крови этой инъецированной свинки, обладаетъ свойствомъ растворять красныя кровяныя шарики кролика; если ввести даже небольшое количество такой сыворотки въ кровь кролика, онъ моментально умираетъ: очевидно, кровяныя шарики кролика разрушаются, и при вскрытіи, дѣйствительно, въ сосудахъ кролика находимъ прозрачную кровь, безъ всякаго присутствія кровяныхъ шариковъ; для всѣхъ другихъ животныхъ сыворотка эта совершенно безвредна. Для борьбы со старостью очень важно было бы найти ядъ, убивающій лейкоциты. Такая сыворотка и была приготовлена Мечниковымъ: для этой цѣли онъ приготовлялъ растворъ изъ лимфатическихъ железъ одного животного и впрыскивалъ другому; полученная такимъ путемъ жидкость обладала свойствомъ уничтожать лейкоциты только одного вида животныхъ. Для разработки и примѣненія этого средства необходимы дальнѣйшія изслѣдованія. Въ послѣднее время аналогичнымъ способомъ были получены ядовитыя сыворотки для рѣснитчатого эпителия, для почекъ и для нервныхъ кѣткокъ. Какъ же дѣйствуютъ подобныя сыворотки, если вводить ихъ въ организмъ животного? Въ этомъ случаѣ замѣчается поразительное явленіе: сыворотка, разрушающая красныя кровяныя шарики кролика, убиваетъ его моментально, если употребить сильную дозу; при меньшихъ дозахъ красныя шарики быстро убавляются въ числѣ и только недѣль черезъ шесть постепенно возстановляются до нормы. Если же впрыскивать животному минимальныя количества, то получается совсѣмъ обратный результатъ: число кровяныхъ шариковъ не только не уменьшается, но быстро возрастаетъ. Такимъ образомъ, одно и то же средство является и разрушительнымъ, и цѣлебнымъ. Подобные же опыты были произведены надъ сывороткой противъ лейкоцитовъ ассистентомъ Мечникова Безрѣдкой, и получены были подобныя же результаты: сильныя дозы убивали животное, слабыя порождали новыя массы лейкоцитовъ. Особенно любопытны наблюденія надъ введеніемъ среднихъ дозъ, которыя не настолько сильны, чтобы умертвить животное, и не настолько слабы, чтобы вызвать увеличеніе количества лейкоцитовъ: въ такихъ случаяхъ въ брюшную полость, по всей вѣроятности изъ кишечника, проникаетъ масса микробовъ, вслѣдъ за ними приливаютъ и полчища лейкоцитовъ; между тѣми

и другими возникает настоящая война. Но такъ какъ лейкоциты ослаблены сывороткой, то микробы скоро одерживаютъ перевѣсъ, начинаютъ безпрепятственно размножаться и животное умираетъ отъ общаго зараженія. Понятно, какое сильное орудіе въ рукахъ экспериментатора представляетъ это средство произвольно увеличивать и уменьшать количество красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ. Когда всѣ эти факты были твердо установлены и пробѣрены надъ многими животными, Мечниковъ рѣшился предпринять опыты надъ человекомъ. Съ помощью инъекціи человѣческой крови козѣ, онъ получилъ сыворотку, которая оказалась очень ядовитой для красныхъ кровяныхъ шариковъ человека. Эту сыворотку въ слабыхъ дозахъ онъ сталъ впрыскивать прокаженнымъ; въ результатѣ, количество кровяныхъ шариковъ замѣтно увеличивалось. Эти опыты очень хорошо переносились больными, и въ то же время больные стали чувствовать значительное облегченіе невралгическихъ болей. Можно съ увѣренностью рассчитывать, что кромѣ переименованныхъ сыворотокъ, будутъ найдены и другія—для другихъ тканей, и, такимъ образомъ, съ ихъ помощью можно будетъ возбуждать жизнедѣятельность различныхъ клѣтокъ организма при соответствующихъ болѣзняхъ: при малокровіи, болѣзняхъ почекъ, печени, легкихъ, мозга и т. д. Можетъ быть, также онъ поможетъ человечеству въ борьбѣ съ процессами, сопровождающими старость: мы видѣли, что, регулируя дозы инъекціи, можно усиливать одни и ослаблять другія клѣтки.

Ө. М. Рѣшетниковъ. *Г. А. Скабичевскій* вспоминаетъ о *Ө. М. Рѣшетниковѣ* («Русская Мысль», июнь) по случаю исполнившагося тридцатилѣтія со дня его кончины. По мнѣнію Скабичевского, не только теперь, но и при жизни Рѣшетниковъ не былъ оцененъ по достоинству; по крайней мѣрѣ, авторъ съ горечью вспоминаетъ его жалкія, убогія похороны. «Въ тепленькій, но пасмурный мартовскій день тянулись по Лиговѣ къ Волкову простенькія дроги, на которыхъ возятъ обыкновенно бѣднѣйшихъ ремесленниковъ или канцелярскихъ писцовъ. Угрюмый вояка съ печатью нетрезваго поведенія на лицѣ, въ черномъ плащѣ съ короткимъ капюшономъ и въ помятомъ цилиндрѣ, управлялъ парюю жалкихъ оловъ, покрытыхъ грязными и измызганными черными попонами. На дорогахъ возвышался ординарный гробъ, изъ самыхъ дешевенькихъ. Вслѣдъ за гробомъ шла вдова въ глубокомъ траурѣ и вся въ слезахъ, и двое маленькихъ дѣтишекъ съ дѣтскою безпечною весело провожали папашу, чтобы никогда болѣе его не увидѣть. Далѣе шли въ расыпаную человѣкъ десять-пятнадцать братьевъ-писателей и близкихъ знакомыхъ. Ни депутаціи съ вѣнками за гробомъ, ни прочувствованныхъ рѣчей на могилѣ: отвезли на кладбище, отпѣли, безмолвно опустили въ могилу, засыпали землею и молча разошлись въ разные стороны»... А, между тѣмъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ изобразителей народнаго быта и писалъ въ пору наибольшаго увлеченія народолюбіемъ. Это невниманіе къ Рѣшетникову авторъ совершенно невѣрно объясняетъ особымъ настроеніемъ толпы 70-хъ и 80-хъ годовъ, въ которой, по его мнѣнію, черезчуръ преобладали эстетическіе вкусы. Эстетика, дѣйствительно, была совершенно чужда этому «дикарю, попавшему въ столичный омутъ прямо изъ дремучихъ лѣсовъ своей далекой родины»,—была чужда всей его невзрачной фигурѣ: «Невысокаго роста, съ лицомъ широкимъ, какъ лопата, круглымъ и дугообразнымъ и съ узенькими подслѣповатыми глазами, онъ выглядѣлъ типическимъ инородцемъ монгольской расы». Знавшій его хорошо Гл. Ив. Успенскій такъ его характеризуетъ: «Онъ былъ угрюмъ, неразговорчивъ, необщителенъ, порою грубъ... Отъ всѣхъ онъ сторонился, смотрѣлъ волкомъ, ко всему и всѣмъ былъ подозрителенъ; рѣдко-рѣдко добродушная улыбка освѣжитъ это угрюмое лицо... Никакихъ блестящихъ фразъ онъ не говорилъ, а если и принимался разсказывать что-нибудь, то рѣчь его касалась всегда предметовъ нанюбиден-

нѣйшихъ, была длинна, расплывалась въ мелочахъ и утомляла тѣмъ болѣе, что Рѣшетниковъ говорилъ монотонно, «себѣ подъ носъ», не выпуская изъ губъ коротенькой трубочки, отчего каждое слово отдѣлялось паузой. Наблюдатель уходилъ ни съ чѣмъ, чтобы потомъ при появленіи новаго произведенія Ѳ. М. удивляться попрежнему смѣшенію въ этомъ «совершенно обыкновенномъ» чело-вѣкѣ «великаго и малаго»... Эстетика была чужда и его безыскусственному разсказу, не художественно-литературныя цѣли преслѣдовалъ онъ, а то, чтобы «сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ», какъ онъ выразился въ письмѣ къ Некрасову. «Вы не повѣрите,—продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ,—я даже плакалъ, когда передо мной очерчивался образъ Пилы во время его мученій»...

Но если эстетика и была чужда Рѣшетникову, такъ это въ глазахъ большаго круга его современниковъ и составляло какъ разъ его сильную сторону.

Трудно найти другого чело-вѣка, который бы такъ много выстрадалъ въ своей жизни, какъ Рѣшетниковъ: сколько вынесъ онъ нужды, горя и всякихъ униженій сколько побоевъ и истязаній сыпалось на него отъ колыбели и до могилы! Били его жестоко, беспощадно и родные, и сосѣди, и въ семинаріи; била его и петербургская полиція, когда онъ былъ уже наверху своей литературной славы, такъ какъ ему не разъ приходилось ночевать въ участіи. Приведемъ въ заключеніе одинъ характерный анекдотъ.

Разъ на одномъ многолюдномъ редакціонномъ собраніи «Отечественныхъ Записокъ» зашла рѣчь о томъ, что въ прежнія времена беллетристы были несравненно образованнѣе и начитаннѣе нынѣшнихъ.

— Нынѣшніе только и знаютъ, что пишутъ, а сами ничего не читаютъ,—говорилъ Салтыковъ,—вотъ, напр., хотя бы Рѣшетниковъ...

Салтыковъ былъ въ полной увѣренности, что Рѣшетникова тутъ не было, между тѣмъ, какъ разъ въ эту самую минуту Рѣшетниковъ вошелъ и стоялъ сзади Салтыкова, такъ что тотъ его не видѣлъ. И представьте себѣ смущеніе Салтыкова, когда вдругъ сзади него раздался голосъ Рѣшетникова:

— Пятисотъ томовъ собралъ,—всѣ, подлецы, растащили!

Раздался, конечно, общій хохотъ.

З а г р а н и ц е й.

Годовщина націи. Въ іюль мѣсяцѣ этого года австралійская федерація отпраздновала первую годовщину своего возникновенія. Последнимъ актомъ королевы Викторіи въ прошломъ году была ратификація новой австралійской конституціи, и австралійская республика (Commonwealth) вступила въ первый годъ своего существованія. Какъ и слѣдовало ожидать, между первымъ министромъ австралійской федераціи Вартономъ и британскимъ министромъ колоній Чамберленомъ произошелъ по этому поводу обмѣнъ любезностей. Насколько искренни были поздравленія Чамберлена—объ этомъ предоставляю судить читателю, который можетъ вспомнить, что Чамберленъ всѣми силами старался увеличить зависимость австралійской федераціи отъ метрополіи и уступилъ только передъ силой и единодушіемъ австралійскихъ представителей, не допуская никакихъ компромиссовъ въ составленномъ ими проектѣ новаго закона, посредствомъ котораго Австралія должна была превратиться въ самостоятельную и независимую націю.

Въ Австраліи годовщина этого важнаго событія, которое можно было бы назвать «рожденіемъ націи», отпразднована была съ большимъ торжествомъ и блескомъ. Австралійцы съ гордостью обращали свои взоры къ прошлому своей

родины, которая сто лѣтъ тому назадъ едва начала свое существованіе, выдѣляясь изъ мрака неизвѣстности, окутывавшаго ее своимъ таинственнымъ покровомъ. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ Европа вступила въ непосредственныя сношенія со своими антиподами и приобщила къ современному прогрессу австралійскій континентъ, являющійся какъ бы пережиткомъ самыхъ отдаленныхъ геологическихъ періодовъ,—такъ какъ не только фауна Австраліи, но и ея первобытные обитатели носятъ на себѣ слѣды отдаленнѣйшихъ эпохъ,—на этомъ континентѣ произошли великія перемѣны. Тамъ, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ была пустыня и лишь на узкой береговой полосѣ, омываемой океаномъ, видѣлись небольшія европейскія поселенія, служившія для Англіи мѣстомъ сбыта ея преступниковъ, теперь находятся цвѣтущіе города, Сидней, Мельбурнъ и др., благосостоянію и благоустройству которыхъ могли бы позавидовать многіе европейскіе города. Можно смѣло сказать, что здѣсь, на этихъ пустынныхъ берегахъ у антиподовъ возникла новая Европа. Пять большихъ государствъ, населеніе которыхъ вычисляется въ сотни милліоновъ, раздѣлили между собою австралійскій континентъ, гдѣ нѣкогда господствовали негритосы и кенгуру, бывшіе полновластными властелинами австралійскихъ дебрей и пустынь. Къ этимъ пяти государствамъ присоединилась еще шестая община—Тасманія и вмѣстѣ они образовали федерацію, которой принадлежитъ великое будущее. Только одна Новая Зеландія, гордая своею независимостью и автономіей и слишкомъ увѣренная въ себѣ и своей будущности, не пожелала слиться съ «Commonwealth» и остается въ изолированномъ положеніи, представляя одно изъ самыхъ прогрессивныхъ обществъ современнаго міра, на опыты котораго въ области спеціального законодательства съ интересомъ взвѣраетъ вся Европа.

Австралія пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе правъ на вниманіе Европы. Всего лишь 75 лѣтъ тому назадъ въ Австраліи насчитывалось до 200.000 жителей, преимущественно преступниковъ, отбывающихъ свое наказаніе. Это были отбросы общества, отъ которыхъ отказалась родная страна, теперь же Австралія насчитываетъ четыре милліона жителей, способныхъ и энергичныхъ и отличающихся всѣми тѣми качествами, которыя характеризуютъ англосаксонскую расу и дѣлаютъ изъ нея главныхъ піонеровъ земного шара. Всѣ рѣчи, произнесенныя на торжественномъ открытіи нерваго федеральнаго парламента, были проникнуты этимъ гордымъ сознаніемъ своей силы и вѣры въ будущее страны, населеніе которой совершенно однороднаго происхожденія, имѣетъ общій языкъ, общую религію и общія историческія традиціи.

Къ сожалѣнію, и тутъ есть оборотная сторона медали. Молодая австралійская нація, гордая своими успѣхами и тѣмъ контрастомъ, который представляетъ величественное зданіе федераціи въ данную минуту съ ея болѣе чѣмъ скромнымъ прошлымъ, оказалась очень воспримчивой къ идеѣ империализма и ни въ одной изъ англійскихъ колоній эта идея не привилась такъ хорошо, какъ въ Австраліи. Эта страна, обладающая драгоцѣннѣйшимъ въ мірѣ преимуществомъ—свободой отъ бремени вооруженій, не знающая расходовъ на нужды національной обороны, не имѣющая ни враговъ, ни сосѣдей и поэтому не нуждающаяся въ постоянной арміи—эта страна, повидимому, также не можетъ устоять противъ гипнотизирующаго вліянія милитаризма и военныхъ учрежденій. Она уступаетъ дѣйствию всеобщей заразы, также какъ и Соединенные штаты, только въ Австраліи болѣзнь принимаетъ, повидимому, болѣе острый характеръ. Австралійцы, во всемъ далеко опередившіе метрополию, и тутъ не остаются позади, и въ новый парламентъ уже внесенъ законопроектъ, предлагающій конскрипцію и всеобщую воинскую повинность. Разумѣется, тутъ сдѣлана оговорка, что правила эти вступаютъ въ силу лишь въ случаѣ войны, такъ что конскрипція оказывается условной, но тѣмъ не менше самый фактъ внесенія этого законопроекта въ «первый» союзный парламентъ является ха-

рактернымъ симптомомъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть знаменія времени въ томъ, что именно демократія беретъ на себя инициативу подобнаго проекта, хотя и со всевозможными оговорками, тогда какъ въ Англии идея эта встрѣчается самое стойкое сопротивленіе. Англійская печать, конечно, не замедлила воспользоваться этимъ фактомъ; «Times» и др. газеты указываютъ на него метрополию, совѣтуя ей взять примѣръ съ Австраліи, такъ что послѣдней будетъ принадлежать честь милитаризаціи англосаксонскаго міра.

Сенсаціонный докладъ. Громадное впечатлѣніе въ англійскомъ обществѣ и печати произвелъ докладъ миссъ Гобгоузъ, только что вернувшейся изъ южной Африки, куда она была послана комитетомъ помощи южноафриканскимъ женщинамъ и дѣтямъ. Миссъ Гобгоузъ посѣтила лагеря, устроенные ея соотечественниками для семействъ буровъ, сражающихся противъ англичанъ. Эти семейства, изгнанныя изъ своихъ фермъ, представляютъ нѣчто вродѣ заложниковъ, размѣщенныхъ въ различныхъ, особо приспособленныхъ для этой цѣли лагеряхъ.

Англійская публика, повидимому, не отдавала себѣ отчета, что представляютъ въ сущности эти лагеря, и къ чести англійскаго общества надо сказать, что въ лучшей его части докладъ миссъ Гобгоузъ вызвалъ взрывъ негодованія, хотя въ парламентѣ 253 изъ 387 представителей англійской націи высказались въ пользу лагерной системы, несмотря на то, что было указано на ужасающія цифры смертности среди женщинъ и дѣтей, заключенныхъ въ эти лагеря. «Гуманность имѣетъ свои границы», объявилъ Бродрикъ въ парламентѣ и спокойно прибавилъ, что англійское правительство, устроивъ эти лагеря, выказало даже особенную заботливость о семьяхъ буровъ, проживавшихъ на отдаленныхъ фермахъ и лишенныхъ своихъ защитниковъ, вслѣдствіе чего имъ угрожала опасность нападенія кафровъ и т. д., и т. д. Недоставало только, чтобы Бродрикъ при этомъ пропѣлъ хвалебный гимнъ отеческимъ попеченіямъ британскихъ властей.

Однако, докладъ миссъ Гобгоузъ, ярко обрисовывающій положеніе несчастныхъ бурскихъ семействъ, лучше всего иллюстрируетъ эти добрыя попеченія и, несмотря на сердитый отпоръ, полученный ею со стороны правительства, миссъ Гобгоузъ встрѣтила сочувствіе въ англійскомъ обществѣ, выразившееся въ огромныхъ митингахъ, устроенныхъ въ ея честь въ Оксфордѣ и Лондонѣ. На обоихъ митингахъ ей сдѣланы были восторженные оваціи. Избѣгая касаться политики, она сказала, что хочетъ только безпристрастно изложить факты, для того, чтобы какъ тѣ, кто противъ войны, такъ и тѣ, кто за нее, могли бы выяснитъ себѣ положеніе вещей и поступить такъ, какъ имъ велитъ ихъ честь и совѣсть. Она отправилась въ южную Африку съ цѣлью удостовѣриться въ справедливости получаемыхъ отъ времени до времени оттуда извѣстій о бѣдственномъ положеніи женщинъ и дѣтей, и оказать имъ посильную помощь. Запасшись разрѣшеніемъ лорда Китченера и Мильнера, она прослѣдовала дальше на сѣверъ, къ Блѣмфонтейну, гдѣ произошло ея первое знакомство съ лагеремъ женщинъ и дѣтей буровъ. Въ Англии, по ея словамъ, господствуетъ совершенно ложное представленіе объ этихъ лагеряхъ. Въ англійскомъ обществѣ, въ печати и даже въ палатѣ общинъ не разъ заявлялось, что семьи буровъ «добровольно» отправляются въ лагеря, гдѣ они пользуются покровительствомъ и защитой, и что они свободны оставить лагерь въ любое время. Ничего подобнаго не существуетъ. Женщинъ и дѣтей насильственно увозятъ въ эти лагеря при помощи вооруженной силы. Ни одна изъ женщинъ, увезенныхъ въ лагерь, не нуждалась въ покровительствѣ британскихъ властей и не просила о немъ. Вотъ какъ описываетъ миссъ Гобгоузъ одинъ изъ этихъ лагерей:

«Лагерь удаленъ отъ Блѣмфонтейна на двѣ англійскія мили и расположенъ на южномъ склонѣ холма, среди голой равнины, гдѣ не видно и слѣ-

ловъ какого-нибудь деревца и нигдѣ нѣтъ ни малѣйшей тѣни. Было четыре часа пополудни, когда я вступила въ лагерь, и палящій зной давалъ себя чувствовать. Въ этомъ городѣ, состоящемъ исключительно изъ палатокъ, гдѣ нѣтъ ни названій улицъ, ни нумеровъ, найти кого-нибудь довольно-таки трудно. Въ этомъ одномъ лагерѣ помѣщается около 20.000 человекъ; мужчинъ очень мало, но дѣтей около 9.000. Впрочемъ, цифры эти потомъ почти удвоились. Можно себѣ представить какой воздухъ и какая температура существуютъ въ палаткахъ при такой ужасной жарѣ! Мы сидѣли въ палаткѣ г-жи Б. на свернутыхъ одѣялахъ. Солнечные лучи пронизывали палатку насквозь и спрятаться отъ нихъ было некуда. Въ этой палаткѣ, въ которой г-жа Б. жила со своими пятью дѣтьми и маленькой служанкой изъ кафровъ, не было ни стола, ни стула и даже не было мѣста для какой бы то ни было мебели. Другія палатки населены еще больше. Въ сырые ночи стѣны палатки промокаютъ и вода стекаетъ внизъ, смачивая одѣяла, на которыхъ спятъ обитатели палатокъ, лежа прямо на голой землѣ. Г-жа Б., однако, не теряетъ мужества и хладнокровія, у нея шестеро дѣтей, въ возрастѣ отъ двухъ до пятнадцати лѣтъ, но только пятеро съ нею; гдѣ находится шестой—она не знаетъ. Ее прямо оторвали отъ нея и увели. Мужъ ея находится гдѣ-то въ тюрьмѣ, въ Блѣмфонтейнѣ, но видѣться съ нею онъ не можетъ. Между тѣмъ, она ждетъ родовъ недѣли черезъ три и при этомъ должна спать на голой землѣ... Для сидѣнія у нея также нѣтъ ничего кромѣ свернутого одѣяла, и такую жизнь она ведетъ уже почти два мѣсяца»...

Но всего больше страдаютъ дѣти. Они мрутъ, какъ мухи, въ этотъ палящій зной и вслѣдствіе недостаточнаго питанія. Условія существованія въ этихъ лагеряхъ поистинѣ ужасны, и миссъ Гобгоузъ говоритъ, что одно воспоминаніе объ этомъ вызываетъ у нея содроганіе. Послѣ Блѣмфонтейна она посѣтила лагерь въ Кимберлей, который, пожалуй, еще ужаснѣе. Это самый маленькій лагерь изъ всѣхъ, такъ какъ онъ занимаетъ небольшое отгороженное высокою, непроницаемою колючею, изгородью пространство, въ которомъ палатки помѣщаются одна возлѣ другой, безъ всякаго промежутка. У входа въ лагерь находятся часовые и патруль постоянно обходитъ лагерь. Внутри грязь и зловошіе. Пустая безъ всякой мебели палатка служитъ лазаретомъ. Больныхъ множество, но нѣтъ ни одной сидѣлки. Въ лагерь безпрепятственно свирѣпствуютъ всевозможныя дѣтскія болѣзни, тѣмъ болѣе, что одинъ военный врачъ для всѣхъ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ, да и мало свѣдущъ въ дѣтской медицинѣ. Топлива почти нѣтъ. Въ этомъ ужасномъ лагерѣ миссъ Гобгоузъ видѣла супругу одного бурскаго командира съ шестью дѣтьми. Англійскій генералъ явился къ ней на ферму и выгналъ ее. Ея младшему ребенку было всего 17 дней отъ рожденія, когда явились войска, и она сама была еще очень слаба. Она рассказала свою грустную исторію миссъ Гобгоузъ, смерть своихъ двухъ дѣтей отъ лишений и т. д. И эта печальная исторія представляется далеко не единичный случай. «Трудно даже вообразить себѣ, что приходится выносить несчастнымъ матерямъ, которыхъ держатъ заложницами!»—восклицаетъ миссъ Гобгоузъ.

Въ короткій срокъ, который миссъ Гобгоузъ пробыла въ лагерѣ, умерло нѣсколько дѣтей. Вообще, не проходило дня безъ смертнаго случая и въ одномъ изъ лагерей, въ Спрингфонтейнѣ, не хватило гробовъ для похоронъ, такъ что пришлось похоронить одну женщину прямо въ мѣши!

Конечно, такой безыскусственный рассказъ англичанки о томъ, что выносить жены и матери сражающихся за свою родину воиновъ, не могъ не подействовать на слушателей. Условія, существующія въ южной Африкѣ, слыхкомъ мало извѣстны англійской публикѣ, и миссъ Гобгоузъ въ особенности убѣдилась въ этомъ, вернувшись въ Англію, послѣ того, какъ прожила нѣсколько

мѣсяцевъ среди населенія обѣихъ республикъ. Страшное бѣдствіе грозитъ странѣ послѣ опустошительной войны, это бѣдствіе—голодъ! Англійскія военныя власти не въ состояніи добыть достаточно провизіи, чтобы прокормить ту массу народа, которую они держатъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, и дальше будетъ еще труднѣе. Къ голоду присоединяются и другія лишенія, отсутствіе топлива, сырость и холодъ или нестерпимый зной и пыль. Всѣ эти несчастныя какъ будто осуждены на вымирание. Но миссъ Гобгоузъ, нарисовавъ эти мрачныя картины, высказала при этомъ увѣренность, что еслибъ въ Англіи знали положеніе живущихъ въ лагеряхъ, то всѣ бы развязали свои кошельки, чтобы спасти отъ голодной смерти невинныхъ дѣтей.

Слова эти вызвали взрывъ сочувствія среди публики, собравшейся слушать миссъ Гобгоузъ, которая закончила свою рѣчь слѣдующимъ заявленіемъ:

«Эти лагеря оставить неизгладимый слѣдъ въ сердцахъ народа. Мѣсто, гдѣ они находились, будетъ отмѣчено и изъ поколѣнія въ поколѣніе будетъ передаваться рассказъ о томъ, что вытерпѣлъ здѣсь народъ. Это не забудется никогда! Мы старались утомить непріятеля, лишить мужества и охоты къ сопротивленію и мы ошиблись! Это оказалось труднѣе, чѣмъ мы думали. Мы хотѣли дѣйствовать на женщинъ, сломить ихъ энергію и въ этомъ также ошиблись, такъ какъ лишенія, которыя они терпятъ въ лагеряхъ, нисколько не ослабили ихъ мужества. Къ сожалѣнію, современные англичане такъ погрязли въ своемъ матеріализмѣ, что рѣшительно потеряли способность понимать идеальныя чувства, воодушевляющія населеніе обѣихъ республикъ. Бурскія женщины отправили посланіе къ англійскому народу и онъ не разъ обращался ко мнѣ со слѣдующими словами: «Побѣжайте домой и расскажите все англійскому народу. Мы увѣрены, что онъ не знаетъ, что здѣсь творится. Мы увѣрены, что еслибъ онъ зналъ, то не одобрилъ бы такихъ поступковъ. Такъ идите же къ своему народу и скажите ему это. Пусть англійскія женщины узнаютъ, что намъ приходится выносить и какъ мы должны страдать, видя какъ погибаютъ наши дѣти! Отъ того, какъ они поступятъ, узнавъ объ этомъ, будетъ зависѣть наше мнѣніе о нихъ!»

Собраніе не только выслушало съ большимъ вниманіемъ докладъ миссъ Гобгоузъ, но также съ замѣчательнымъ единодушіемъ вотировало резолюцію, выражающую ей благодарность. Извлеченіе изъ доклада миссъ Гобгоузъ и отчетъ о митингахъ въ Оксфордѣ и Лондонѣ былъ напечатанъ во многихъ англійскихъ газетахъ. Одновременно съ этимъ въ нѣкоторыхъ газетахъ, не зараженныхъ имперіализмомъ, появились рассказы очевидцевъ, солдатъ, возвратившихся изъ южной Африки, наввно, словно не вѣдая, что они дѣлали, описывающихъ, какъ они жгли фермы и уничтожали имущество буровъ. Все это, вмѣстѣ съ утомленіемъ войной, несомнѣнно, оказываетъ свое дѣйствіе. Въ Англіи начинается движеніе въ пользу прекращенія войны. Постоянно устраиваются митинги, какъ «за», такъ и «противъ войны». Нѣкоторые изъ митинговъ кончились даже рукопашными схватками на улицахъ и, пожалуй, можно сказать, что въ настоящее время англійское общество раздѣлилось на двѣ половины, одна стоитъ за продолженіе войны во чтобы то ни стало, другая—за ея прекращеніе. Тѣ, которые стоятъ за продолженіе войны, упрекаютъ другихъ въ недостаткѣ патриотизма. Англія должна восторжествовать, должна сломить врага, заставить его молить о пощадѣ! говорятъ они. Но врагъ, повидимому, не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія склонить голову подъ ударами англійскаго оружія. Напротивъ, на каждомъ шагѣ онъ даетъ чувствовать англичанамъ, что праздновать побѣду еще рано. И это вызываетъ реакцію въ англійскомъ обществѣ, въ которомъ растутъ симпатіи къ бурямъ, что и заставило недавно лорда Салисбери открыто обвинить всѣхъ лицъ, симпатизирующихъ бурямъ въ томъ, что война затягивается, такъ какъ они своимъ сочувствіемъ

только поощряютъ буровъ къ дальнѣйшему бесполезному сопротивленію и слѣдовательно они виноваты въ томъ, что кровь продолжаетъ литься! Но въ Англии далеко не всѣ раздѣляютъ мнѣніе перваго министра и поэтому-то южно-африканская война вызвала глубокой расколъ въ англійскомъ обществѣ, послѣдствіи котораго теперь еще трудно оцѣнить вполнѣ.

Какъ относится извѣстная часть англійской печати къ этой войнѣ, доказываетъ, между прочимъ, статья одной лондонской газеты, напоминающей англичанамъ, что такая партизанская война, какая ведется теперь въ южной Африкѣ, можетъ длиться безконечно и, слѣдовательно, говорить объ ея окончаніи и строить на этомъ какіе-либо ближайшіе расчеты по меньшей мѣрѣ бесполезно. Въ доказательство газета приводитъ примѣръ Суматры, гдѣ въ 1873 году началась партизанская война и продолжается до сихъ поръ. Голландскія колоніальныя войска непрерывно сражаются съ 1873 г. и военныя операціи стоили голландцамъ милліоны и погубили тысячи жизней, а, между тѣмъ, народъ, съ которымъ сражаются голландцы, продолжаетъ свое сопротивление и до сихъ поръ не обнаружилъ ни малѣйшаго признака покорности. До 1873 года въ сѣверо-западной части Суматры существовало независимое малайское государство Ачинъ, во главѣ котораго находился султанъ. Столицей этого султаната былъ Ачинъ съ 36.000 жителей. Въ 1824 г. британское и голландское правительства заключили договоръ, который давалъ имъ сюзернитетъ, и воспрещалъ султану Ачина, какъ вооружать своихъ подданныхъ, такъ и вступать въ какія-либо сношенія съ какими-либо другими иностранными державами. Подданныхъ у султана два милліона и всѣ они превосходные моряки, притомъ обнаруживающіе особенную склонность къ занятію морскимъ разбойничествомъ, но кромѣ того они искусно выдѣлывали шелковыя и бумажныя ткани и обрабатывали серебро и золото, котораго очень много въ странѣ. До начала войны султанъ Ачина жилъ окруженный восточною роскошью; у него было 1.000 ручныхъ слоновъ и флотъ изъ 200 кораблей. Ничего этого теперь нѣтъ. Въ 1870 г. въ Ачинѣ царствовалъ султанъ, не желавшій признавать сюзернитета голландцевъ. Онъ началъ втайнѣ готовиться къ войнѣ, дѣлалъ запасы оружія и аммуниціи и искалъ у другихъ державъ поддержки. По крайней мѣрѣ на это указывали голландцы, какъ на причину того, что они объявили войну Ачину. Голландцы отправили десять военныхъ судовъ и высадили 4.000 человекъ и одну батарею на берегъ. Началась война. Сначала голландцамъ удалось взять одинъ городъ, но затѣмъ они потерпѣли серьезное пораженіе и генералъ ихъ былъ убитъ. Наступало дождливое время года и пришлось приостановить военныя операціи. Голландцы отправили подкрѣпленія и подъ командою новаго генерала находилось 12 000 человекъ. Имъ удалось завладѣть крѣпостью ачинцевъ, но они понесли большія потери. Ачинцы превосходные стрѣлки и всегда мѣтили въ офицеровъ, такъ что въ концѣ концовъ офицеры должны были снять свои мундиры и нарядиться въ одинаковую съ солдатами форму, чтобы не слишкомъ отличаться отъ нихъ. То же самое вѣдь было и въ южной Африкѣ. Со взятіемъ крѣпости кончилась регулярная война и началась партизанская. Приходилось воевать съ невидимымъ врагомъ, который внезапно появлялся въ разныхъ мѣстахъ, часто гдѣ его ожидали меньше всего. Возникла перестрѣлка, но врага не было видно, и въ результатъ оказывалось нѣсколько человекъ убитыхъ и раненыхъ. Обыкновенно нападенія происходили ночью, а къ утру не было видно и слѣда непріятеля. Мѣстность благоприятствовала партизанской войнѣ и притомъ непріятель имѣлъ то преимущество, что ему былъ извѣстенъ каждый клочокъ земли, каждый кустикъ, горка и т. п. Въ непроходимыхъ лѣсахъ онъ зналъ каждую тропинку и безошибочно находилъ дорогу тамъ, гдѣ голландцы плутали, ища какого-нибудь прикрытія. Холмы, покрытые густымъ лѣсомъ, джунгли—все это служило превосходнымъ убѣжищемъ для подвижныхъ

отрядовъ ачинцевъ и представляло непреодолимыя препятствія движеніямъ голландцевъ. И такимъ образомъ голландцы не смотря даже на отдѣльныя побѣды, на взятіе городовъ и крѣпости ничего не могутъ добиться до сихъ поръ. Партизанская война продолжается и кровь льется по-прежнему, не говоря уже о громадныхъ издержкахъ, которые несутъ на своихъ плечахъ голландцы. Англійская газета рассказываетъ эту поучительную исторію англійской публикѣ, проводя аналогію съ южно-африканскою войной, которая также можетъ длиться нескончаемо. Заманчивая перспектива!

Изъ французской жизни. Въ настоящее время, въ Парижѣ общество начало особенно живо интересоваться помѣщеніемъ рабочихъ. Еще Жюль Симонъ сказалъ, что «дурныя жилища служатъ главными поставщиками кліентовъ для кабаковъ», и ближайшее разслѣдованіе этого вопроса вполне подтвердило его мнѣніе. Дѣйствительно, рабочій, помѣщающійся въ какой нибудь отвратительной норѣ, стремится въ кабакъ, гдѣ все-таки онъ будетъ находиться въ лучшей обстановкѣ, для одинокихъ же рабочихъ жизнь въ этихъ углахъ имѣетъ еще и другія отвратительныя стороны и чаще всего она является главною побудительною причиною разврата. Въ виду этого, въ Лионѣ и Парижѣ образовались общества, выстроившія дома для рабочихъ, гдѣ они могутъ получить квартиру за умѣренную плату, и эти дома теперь даютъ кровъ тысячамъ семействъ рабочихъ, которые чрезвычайно аккуратно вносятъ плату за помѣщеніе. Филантропическое общество въ Парижѣ выстроило два года тому назадъ новый домъ, стоимостью въ 300.000 фр., на деньги, исключительно собранныя съ квартирантовъ рабочихъ, такъ что теперь уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ успѣхъ подобныхъ предпріятій. Конечно, Парижъ и Лионъ еще очень отстаютъ отъ Лондона, истратившаго на это дѣло 180 милліоновъ, но, во всякомъ случаѣ, и во Франціи теперь начинаютъ понимать важность вопроса о жилищахъ рабочихъ. Но для молодыхъ рабочихъ до сихъ поръ было сдѣлано очень мало. Община сестеръ Сень-Венсанъ-де-Поль отвела для нихъ помѣщеніе въ своихъ учрежденіяхъ, т.-е. молодыя работницы получаютъ тамъ ночлегъ, но въ обществѣ это очень мало, такъ какъ община отдаетъ въ распоряженіе рабочихъ не болѣе двадцати кроватей. Счастливицы, попавшія туда, получаютъ утромъ завтракъ и уносятъ съ собою въ корзиночкѣ свой обѣдъ, а затѣмъ возвращаются съ работы къ ужину между шестью и девятью часами, самое поздневее. Другая женская община «Marie-Auxiliatrice» также даетъ ночлегъ работницамъ, но, во всякомъ случаѣ, не болѣе 700 рабочихъ могутъ найти такой—болѣе или менѣе сносный пріютъ въ Парижѣ, такъ что огромное большинство молодыхъ рабочихъ вынуждено искать для себя ночлега порою въ весьма подозрительныхъ притонахъ и у хозяекъ, промышляющихъ отдаваніемъ въ наймы угловъ для ночлега. На это обстоятельство обратилъ вниманіе международный женскій союзъ «Amies de la jeune fille», поставившій своею цѣлью покровительство молодымъ дѣвушкамъ въ большихъ городахъ. По почину этого союза въ Парижѣ были открыты различныя общешія для молодыхъ дѣвушекъ. Иголочный синдикатъ (Syndicat de l'Aiguille) открылъ два общешія въ сорокъ комнатъ для незамужнихъ рабочихъ, нѣкоторыя изъ большихъ магазиновъ присоединились къ этому движенію. Лувръ, напр., отвелъ въ улицѣ Рампъ помѣщеніе въ 80 комнатъ для незамужнихъ рабочихъ. По примѣру международного протестантскаго общества покровительства молодой дѣвушкѣ, образовалось такое же католическое общество, развѣтвленія котораго распространялось на всю Европу.

Несмотря на всѣ эти старанія, въ обществѣ не болѣе все-таки 1.200 постелей находятся въ распоряженіи молодыхъ дѣвушекъ, ищущихъ ночлега, между тѣмъ какъ, по словамъ «Journal de Débats», на одно вакантное мѣсто

является всегда не менѣе 20 кандидатокъ. Очень понятно, что многіе французскіе дѣятели находятъ вопросъ о помѣщеніи работницъ жгучимъ современнымъ социальнымъ вопросомъ, настоятельно требующимъ своего разрѣшенія. Въ виду этого, филантропическое общество въ Парижѣ, существующее уже 115 лѣтъ, рѣшило заняться этимъ вопросомъ и въ настоящее время это общество воздвигаетъ уже большой меблированный домъ, между Батиньолемъ и Монмартромъ, гдѣ будутъ отведены помѣщенія какъ замужнимъ женщинамъ, такъ и молодымъ дѣвушкамъ, живущимъ своимъ трудомъ. Мужчины не будутъ допускаться въ качествѣ жильцовъ. Цѣна за комнату будетъ находиться въ зависимости отъ ея величины, но, во всякомъ случаѣ, эта цѣна будетъ не высокая. Всѣхъ комнатъ будетъ шестьдесятъ, и хотя этого недостаточно, чтобы удовлетворить существующія потребности въ хорошемъ и дешевомъ помѣщеніи для работницъ, но все-таки это первый шагъ, который поведетъ за собою и послѣдующіе, а инициатива въ подобныхъ случаяхъ часто имѣетъ громадное значеніе.

Годичный банкетъ студенческой ассоціаціи (Association Générale des étudiants de Paris) далеко не былъ такъ блестящъ въ этомъ году, какъ въ прошломъ, когда банкетъ этотъ пришелся какъ разъ на время выставки. Въ этомъ году особенное впечатлѣніе произвела рѣчь Шарля Рише. «Студенты имѣютъ общіе интересы, — сказалъ Рише, — которые они не могутъ защищать, если будутъ дѣйствовать изолированно. Надо, чтобы они всѣ соединились вмѣстѣ и чтобы ихъ ассоціація представляла изъ себя одну изъ величайшихъ національныхъ силъ, самую главную, потому что въ ней заключаются надежды и будущее нашего дорогого отечества. Но для того, чтобы союзомъ студентовъ, онъ долженъ быть только исключительно союзомъ студентовъ, онъ долженъ соединить также и профессоровъ со студентами. Въ сожалѣнію, до сихъ поръ профессоры и студенты представляли какъ бы двѣ различныя человѣческія расы или различныя зоологическія группы. И тѣ и другіе одинаково терпѣли отъ этого ущерба. Профессоръ, никогда не разговаривающій со своими учениками, въ концѣ концовъ совершенно замыкается въ своемъ собственномъ мірѣ, устарѣломъ и архаическомъ, онъ теряетъ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, вдохновляется только прошлымъ и студенты 1901 года представляются его устарѣвшимъ глазамъ студентами 1860 или 1875 годовъ, со всеми присущими имъ качествами и недостатками. Между тѣмъ, вѣдь міръ идетъ впередъ и одно поколѣніе студентовъ быстро сближается другимъ. По мнѣнію вашего президента Лавасса, черезъ каждые два-три года происходитъ перемѣна въ состояніи студенческой души и съ каждымъ поволеніемъ студентовъ надо прибѣгать къ новымъ демонстраціямъ и совершенно въ новомъ родѣ, для того, чтобы произвести на нихъ желаемое впечатлѣніе. Профессоры не должны отставать отъ молодежи, ихъ окружающей».

Рише заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Важнѣйшее качество чловѣка это— мужество, т.-е. твердость и сила, съ которою онъ защищаетъ свои убѣжденія своими дѣйствіями и словами».

Въ Германіи. Въ политическомъ отношеніи въ Германіи наступилъ теперь мертвый сезонъ, такъ что берлинская печать, за отсутствіемъ вѣнскихъ событий, занимается преимущественно внутренними дѣлами и дѣлшками и разнаго рода событиями дня. Такимъ событіемъ было наприимѣръ, открытіе памятника Бисмарку и сказанная по этому случаю рѣчь канцлера Булова, которая, какъ говорятъ, далеко не такъ понравилась императору, какъ германскому обществу, которое, повидному, не раздѣляетъ въ данномъ случаѣ взглядовъ императора Вильгельма II, считающаго Бисмарка простымъ орудіемъ въ рукахъ своего дѣда и не болѣе, какъ «великимъ слугою Вильгельма I». Графъ Буловъ,

сдѣдовательно, своими восхваленіями желѣзнаго канцлера какъ творца имперіи не угодилъ Вильгельму II, и тотъ не замедлилъ, конечно, дать ему понять это и недовольный уѣхалъ въ свою обычную экскурсію въ сѣверное море. Но графъ Бюловъ, тѣмъ не менѣе, укрѣпилъ свое положеніе, обнаруживъ извѣстную независимость сужденій, что весьма цѣнятся пруссаки въ государственномъ дѣятелѣ, несмотря на всю свою лойальную преданность монархической идеѣ.

Другой инцидентъ, который, подобно рѣчи Бюлова, пробудилъ также много споровъ и разговоровъ въ германской печати, вызванъ опять-таки императоромъ Вильгельмомъ II, который отказался утвердить въ должности одного изъ бургомистровъ города Берлина Кауфмана, избраннаго муниципальнымъ совѣтомъ. Но отказъ Вильгельма II утвердить Кауфмана мотивированъ вовсе не какими либо обвиненіями, взводимыми на новаго бургомистра. Наоборотъ, репутація Кауфмана очень хороша и въ Берлинѣ онъ пользуется извѣстностью, какъ лучшій адвокатъ, такъ что въ его дѣятельности, прошлой и настоящей, нельзя найти ничего такого, что могло бы помѣшать его избранію. Единственною причиною является то, что 20 лѣтъ тому назадъ онъ выступилъ энергичнымъ противникомъ неудачнаго проекта князя Бисмарка табачной монополіи. Онъ былъ тогда президентомъ прогрессивской ассоціаціи «Waldeck» и велъ въ качествѣ президента очень сильную агитацію противъ этого проекта, за что и былъ привлеченъ къ суду чести въ качествѣ поручика 1-го полка гвардейскаго ландвера, по обвиненію въ незаконной агитаціи противъ правительственнаго проекта. Судъ чести приговорилъ его къ увольненію изъ этого полка, но приговоръ былъ отмѣненъ Вильгельмомъ I, такъ что Кауфманъ вернулся къ гражданской службѣ, сохранивъ свое офицерское званіе. Въ свое время дѣло Кауфмана (это было въ 1883 г.) надѣлало много шума. Берлинская печать особенно горячо обсуждала оборотъ, который принялъ это дѣло. Оставаясь числиться въ Ландверѣ, берлинскій адвокатъ Кауфманъ долженъ былъ подчиняться извѣстнымъ правиламъ, и берлинская либеральная печать указывала на неудобства такого положенія вещей. Въ будущемъ ни одинъ резервный офицеръ не будетъ имѣть права высказывать независимо политическіе взгляды и дѣйствовать сообразно съ этими взглядами, не рискуя навлечь на себя весьма большія неприятели. «Такъ какъ очень мало найдется людей, готовыхъ пострадать за свои политическія убѣжденія, — говорили газеты, — то большинство офицеровъ резерва будетъ держаться въ сторонѣ отъ общественной жизни или же будетъ тщательно скрывать свои взгляды. И то, и другое, несомнѣнно, вредно и обществу и страна нисколько не выиграютъ отъ такого вынужденнаго политическаго индиферентизма».

Теперь имя адвоката Кауфмана снова выступаетъ на сцену и вызываетъ такую же жаркую полемику, какъ нѣкогда вызвала его агитація противъ бисмарковскаго проекта табачной монополіи. На этотъ разъ берлинская либеральная буржуазія считаетъ себя обиженной поступкомъ Вильгельма II, въ рядкахъ же социаль-демократіи этотъ инцидентъ вызвалъ удовольствіе, такъ какъ тамъ привѣтствуютъ всякій малѣйшій признакъ недоразумѣній между германскими либералами и императоромъ. Вообще дѣло Кауфмана соединило въ общемъ чувствѣ неудовольствія самыя противоположныя партіи. Вотъ что, на примѣръ, говоритъ по этому поводу клерикальная газета «Köln. Volkszeitung»: «Если муниципальные вопросы будутъ разрѣшаться съ военной точки зрѣнія, то въ результатѣ явится глубокая и широкая пропасть между гражданами и военными и военный элементъ получитъ преобладаніе, очень нежелательное въ интересахъ мирной коопераціи обоихъ классовъ. Конечно, мы убѣждены въ томъ, что императоръ Вильгельмъ всегда имѣетъ въ виду благо своего народа, но то были странные совѣтники, люди, изобразившіе ему военное дѣло молодого поручика Кауфмана въ такомъ яркомъ освѣщеніи, что оно совершенно

затмило солидныя гражданскія качества Кауфмана, муниципальнаго совѣтника, карьера котораго, такимъ образомъ, потерпѣла ущербъ вслѣдствіе того только, что онъ въ молодости не скрывалъ своихъ убѣжденій»...

Въ послѣднее время замѣчается въ германскомъ обществѣ нѣкоторая реакція противъ увлеченія милитаризмомъ. Этому не мало способствовали различныя событія и факты, вродѣ недавняго случая въ Саксоніи, гдѣ одинъ юный офицеръ въ пьяномъ видѣ ударилъ своего товарища, и опомнившись на другой день, принесъ ему самыя сердечныя извиненія. Товарищъ его, понимавшій, что онъ не хотѣлъ нанести ему оскорбленія, принялъ его извиненія, но тѣмъ не менѣе дѣло разгласилось, созванъ былъ военный судъ чести и офицеръ, принявшій извиненія, былъ уволенъ въ отставку. Командиръ полка, объявляя своимъ офицерамъ это рѣшеніе, былъ очень взволнованъ и сказалъ: «Я могу только одно посовѣтовать вамъ господа: во всѣхъ такихъ случаяхъ, всегда посылать вызовъ на дуэль». Мнѣнія печата, однако, раздѣлились на этотъ счетъ. Большинство высказывается противъ дуелей и находить, что такое преувеличенное понятіе о военной чести можетъ быть часто источникомъ весьма большихъ недоразумѣній и слишкомъ часто будетъ вызывать кровопролитіе.

Другимъ фактомъ, значительно повліявшимъ на охлажденіе германскаго общества къ милитаризму, является процессъ Крозига, въ Гумбикненѣ. Этотъ процессъ раскрылъ весьма некрасивыя стороны жизни въ арміи, злоупотребленія дисциплинарною властью, которыя часто дозволяетъ себѣ извѣстная категорія офицеровъ.

Въ числѣ офицеровъ гарнизона въ Гумбикненѣ находился капитанъ Крозигъ, сынъ извѣстнаго прусскаго кавалерійскаго генерала. Онъ пользовался репутаціей необыкновенно строгаго начальника, доводящаго эту строгость до жестокости и сдѣлавшаго изъ дисциплины орудіе пытки для своихъ служащихъ.

Въ числѣ жертвъ, постоянно подвергавшихся его преслѣдованіямъ, находился старый сержантъ Мартенъ, ветеранъ, отличившійся въ нѣсколькихъ великихъ войнахъ. Чтобы избавить бѣднягу отъ мучительствъ Крозига, Мартена перевели въ другой гарнизонъ, но у Крозига остались подъ начальствомъ сынъ Мартена и его зять и обомъ сильно доставалось отъ жестокаго капитана. Въ январѣ Крозигъ былъ убитъ, въ то время, когда разговоривалъ въ манежѣ съ однимъ изъ товарищей. Въ него выстрѣлили изъ коридора, гдѣ найдено у отверстія, сдѣланнаго пулей въ перегородкѣ, ружье, неизвѣстно кому принадлежащее. Произведены были аресты. Изъ Берлина приглашены были искусные сыщики и началось строжайшее разслѣдованіе, которое, однако, ничего не открыло. Арестованы были Мартенъ и Гивкель, зять Мартена; противъ нихъ не только не было никакихъ уликъ, но даже не было намека на какіе-либо улики, кромѣ подозрѣнія, основаннаго на томъ, что они оба имѣли особенныя причины ненавидѣть Крозига. Этого было достаточно, однако, чтобы ихъ обвинили въ убійствѣ и письма, которыя они писали своимъ роднымъ и друзьямъ, ясно указываютъ, какой нравственной пыткѣ они подвергались. Мартенъ, въ концѣ концовъ, не выдержалъ этой пытки и бѣжалъ, а бѣгство его, конечно, явилось главнымъ противъ него свидѣтельствомъ. Однако, передъ началомъ судебного разбирательства, онъ вернулся и отдался въ руки властей безъ всякаго сопротивленія.

Начался процессъ. Публика съ большимъ интересомъ ожидала судебного разбирательства, не столько интересуясь самымъ фактомъ преступленія, сколько раскрытыми злоупотребленіями и превышеніями власти, а также различными подробностями военной жизни, которыя обнаружались на слѣдствіи. Все это придавало сенсаціонный характеръ гумбикненскому процессу, такъ что личности подсудимыхъ совершенно отступали на второй планъ. Адвокаты доказали всю несостоятельность обвиненій, и подсудимые были оправданы. Печать и обще-

ство могли быть довольны такимъ исходомъ, но тѣмъ не менѣе судебная процедура вызвала въ печати весьма горячіе споры. Дѣло въ томъ, что новый военный уголовный кодексъ, въ которомъ сдѣлано много уступокъ современному духу, тѣмъ не менѣе предоставляетъ право императору, какъ военному начальнику, давать общія инструкціи, которымъ должны подчиняться военные суды. На основаніи этихъ-то инструкцій, военный совѣтъ въ Гумбикенѣ каждый разъ объявлялъ двери закрытыми, какъ только на допросъ свидѣтелей, или же во время премій, дѣло касалось превышеній и злоупотребленій властью, которыя позволялъ себѣ капитанъ Кривигъ. Это стремленіе окружить тайной все, что касается дѣйствій военныхъ, очень не нравится огромной части германской печати, хотя консервативныя газеты, какъ, на примѣръ, «Kreuzzeitung», ж одобряютъ такой образъ дѣйствій, говоря, что и такъ борьба противъ милитаризма дѣлаетъ слишкомъ большіе успѣхи въ германскомъ обществѣ, подобнаго же рода разоблаченія доставятъ ей только новое оружіе. Другія же газеты возражаютъ на это, что то, что было возможно въ прежнія времена съ наемными войсками, теперь немислимо, при существованіи національной арміи и всеобщей воинской повинности. Благодаря именно тому, что военный міръ всячески стараются обособить отъ гражданскаго, масса злоупотребленій остается сокрытой и не попадаетъ на общественный судъ, вслѣдствіе чего и возможны такіе факты, какъ дѣло Кривига, и бездна между гражданами и военными углубляется.

Турецкая медицина. Несмотря на прогрессъ, достигнутый Турціей во многихъ отношеніяхъ, въ области медицины, какъ въ турецкихъ провинціяхъ, такъ и въ столицѣ, продолжаютъ процвѣтать самыя грубыя суевѣрія. Народъ предпочитаетъ знахарей и знахарокъ врагамъ и цирульниковъ хирургамъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ журналистовъ, сотрудникъ кельнской газеты, постоянно живущій на Балканахъ, говоритъ, что не только мусульманское, но и христіанское населеніе Балканскаго полуострова обнаруживаетъ поразительное невѣжество и неразвитость, благодаря которымъ ловкіе обманщики и обманщицы могутъ легко морочить народъ и творить чуть не чудеса, приобрѣтая славу и деньги. Въ Турціи есть образованные доктора, но они остаются въ городахъ, такъ какъ въ деревнѣ они не могли бы имѣть никакой практики и имъ пришлось бы погибнуть съ голоду, такъ какъ никто изъ сельскаго населенія не станетъ къ нимъ обращаться. Такъ стоитъ дѣло и по сіе время. Въ Турціи существуютъ спеціальныя народные врачи, въ которыхъ народъ вѣритъ и къ которымъ онъ обращается въ случаѣ болѣзни, но къ настоящему врачу никто не идетъ. Эти народные врачи, словно древне-греческіе астрологи, составляютъ нѣчто вродѣ гороскопа своихъ пациентовъ. Они спрашиваютъ больного: «Какъ тебя зовутъ? Какъ зовутъ твоего отца? Изъ какого племени ты происходишь?» и т. п. Написавъ эти имена, они подъ буквы подставляютъ цифры, потомъ продѣлываютъ съ этими цифрами разнаго рода дѣйствія и, наконецъ, послѣ разныхъ манипуляцій отыскиваютъ благоприятныя для больного созвѣздія и рѣшаютъ на основаніи этого какъ лѣчить больного и когда ему принимать лѣкарство.

Нѣмецкій журналистъ говоритъ, что такимъ народнымъ врачомъ можетъ быть каждый, кто захочетъ и почувствуетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы морочить народъ. Однажды ему самому пришлось наблюдать слѣдующее превращеніе; онъ зналъ одного турка, по имени Хаджи Мустафа, который въ теченіе уже многихъ лѣтъ продавалъ дыни и овощи на базарѣ. Всѣ привыкли видѣть его каждое утро возлѣ горъ зелени и ароматныхъ дынь, зазывающимъ покупателямъ и расхваливающимъ свой товаръ. Каково же было изумленіе народа, когда въ одинъ прекрасный день, вмѣсто дынь и овощей, въ лавочкѣ

*

Мустафы появились на прилавкѣ дѣлше ряды какихъ-то стеклянокъ, порошковъ, сушеныхъ корней и т. п. А самъ Мустафа сидѣлъ съ важнымъ видомъ позади прилавка и читалъ какой-то огромный толстый фоліантъ. Пораженный, въ свою очередь этимъ необычнымъ зрѣлищемъ, нѣмецкій журналистъ вошелъ въ лавочку Мустафы и, поздоровавшись съ нимъ, спросилъ его, что означаетъ такая перемена? Мустафа поднялся и съ серьезнымъ видомъ отвѣчалъ ему: «Аллахъ великъ! Магометъ явился ко мнѣ ночью и объявилъ мнѣ: ты назначенъ Богомъ облегчать страданія людей?» Народъ, собравшійся у лавочки Мустафы и слышавшій эти слова, началъ ему низко кланяться, приговаривая: «Аллахъ великъ! Да будетъ воля его!» Такой сонъ, какой приснился Мустафѣ, имѣеть въ глазахъ народа гораздо больше значенія, нежели всѣ докторскія свидѣтельства и дѣйствительно у Мустафы сразу возникла такая практика, которой бы могъ позавидовать любой докторъ медицины, тѣмъ болѣе, что доктора всегда обвиняютъ, если онъ не поможетъ больному, Мустафу же никто и не подумалъ бы обвинить въ этомъ. Если онъ не могъ помочь больному, значить, такова была воля Аллаха и противиться ей никто не можетъ!

Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ профессія врача передается отъ отца къ сыну, какъ ремесло столяра или слесаря. Впрочемъ, и это такое же ремесло и не требуетъ отъ человѣка никакихъ особенныхъ знаній. Обыкновенно такой врачъ покупаетъ оставшееся отъ умершаго или уѣхавшаго европейскаго врача запасы лѣкарствъ и начинаетъ давать ихъ своимъ больнымъ безъ всякаго разбора. При такомъ способѣ лѣченія часто бывають ошибки и отравленія, но это не ставится въ вину врачу, то воля Аллаха! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ жилъ въ Константинополѣ такой врачъ, получившій откровеніе во снѣ. Къ нему стекались толпы народа, но онъ не бралъ ни съ кого болше одного піастра (около 10 коп.) за визитъ и тѣмъ не менѣе въ короткое время онъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ, такъ какъ съ утра до поздней ночи народъ толкался у его дверей, добываясь впуска къ нему, и не было ни одного человѣка даже въ высшемъ, такъ называемомъ образованномъ обществѣ Стамбула, который бы не лѣчился у него, хотя бы втихомолку.

Огромную практику имѣють турецкіе священники, муллы и имамы. Къ нимъ обращаются преимущественно съ разнаго рода нервными и психическими болѣзнями не только мусульмане, но и христіане, вѣрящіе въ то, что они обладаютъ чудеснымъ даромъ излѣчивать эти болѣзни. Въ Албаніи почти вся народная медицина находится въ рукахъ женщинъ, но и въ Константинополѣ очень много женщинъ занимаются врачеваніемъ, не взирая на всякія запрещенія. Особенно большимъ вліяніемъ пользуются повивальныя бабки, которыя въ гаремѣ играютъ большую роль. Къ нимъ прибѣгаютъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ и онѣ часто злоупотребляють этимъ, тѣмъ болѣе, что мужчины-врачи, а въ особенности иностранцы, не имѣють доступа въ гаремъ.

Въ послѣднее время вслѣдствіе появленія чумныхъ заболѣваній въ Константинополѣ, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ остальною Европой, положеніе медицины въ Турціи обратило на себя всеобщее вниманіе. Можно быть увѣреннымъ, что огромное число заболѣвшихъ ускользаетъ отъ взоровъ настоящихъ врачей и такимъ образомъ опасность распространенія заразы возрастаетъ въ сильнѣйшей степени.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Нѣмецкое происхожденіе «Марсельезы» — Мнѣніе японскаго писателя о разныхъ европейскихъ націяхъ. — Крестовый походъ противъ пьянства. — Нужны ли литературныя псевдонимы.

Барль Блиндъ дѣлаетъ любопытное открытіе: знаменитый французскій національный гимнъ «Марсельеза» имѣетъ нѣмецкое происхожденіе! Блиндъ описываетъ въ «Nineteenth Century» многочисленныя превратности, которымъ подверглась эта пѣсня, происхожденіе которой до сихъ поръ скрывается во мракѣ. Согласно распространенному возрѣнію, гимнъ этотъ былъ написанъ Руже де-Лиллемъ однажды вечеромъ, когда онъ находился въ гостяхъ у страсбургскаго бургомистра Дитриха. Дитрихъ просилъ его сочинить военную пѣсню для волонтеровъ, которые должны были выступить на другой день въ походъ. Руже де-Лилль согласился и въ ту же ночь написалъ текстъ и музыку, что было дѣйствительно выдающимся подвигомъ, принимая во вниманіе длину текста «Марсельезы». Тѣмъ не менѣе и среди французовъ находятся люди, отрицающіе авторство Руже де-Лилля. Такъ, наприимѣръ, знаменитый французскій музыкальный критикъ Бастиль Блазъ утверждаетъ въ своей книгѣ «Molière Musicien», появившейся въ 1852 г., что Руже де-Лилль не былъ «отцомъ» «Марсельезы». По словамъ этого критика, «Марсельеза» — ничто иное, какъ нѣмецкій церковный гимнъ, завезенный во Францію въ 1782 г. Въ дѣйствительности же дѣло было такъ: въ Сентъ-Омерѣ, въ департаментѣ Па-де-Кале, жилъ одинъ старый капельмейстеръ, который занимался сочиненіемъ гимновъ и пѣсенъ и, кромѣ того, еще писалъ ораторію. Съ 1775 г. по 1787 онъ былъ капельмейстеромъ собора и продолжалъ заниматься композиціей музыкальных пьесъ. Выйдя въ отставку за два года до ваятія Бастиліи, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ своихъ музыкальныхъ сочиненій, сдѣлавъ имъ надлежащій списокъ, положилъ ихъ на храненіе въ городской архивъ. Такимъ образомъ и удалось потомъ найти въ его интродукціи къ ораторіи тотъ самый мотивъ, на который Руже де-Лилль написалъ слова черезъ пять лѣтъ послѣ этого. Разумѣется, Руже измѣнилъ также первоначальный темпъ, который былъ бы слишкомъ медленнымъ для воинственной пѣсни и, въ концѣ концовъ, церковная пѣсня превратилась въ военный гимнъ. Но откуда же все-таки она была завезена во Францію? На этотъ вопросъ французскій критикъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: «Иоганнъ Шерръ рассказываетъ въ своей книгѣ «Бюхеръ, его жизнь и его время», что онъ, будучи мальчикомъ, пѣлъ въ церковномъ хорѣ въ одной деревенской католической церкви рождественскую кантату и когда кончилъ и вышелъ изъ церкви, то одинъ старый наполеонскій солдатъ сказалъ ему: «Знаете ли вы, что вы такое пѣли? Вѣдь, это «Марсельеза»! Шерръ рассказалъ объ этомъ своему отцу, деревенскому органисту и тотъ воскликнулъ съ удивленіемъ: «Что ты такое говоришь? Съ чего ты это взялъ? Музыка, которую я ввелъ въ рождественскую кантату, взята мною изъ одной старинной мессы».

Месса, о которой онъ упоминалъ, была написана Гольтманомъ, капельмейстеромъ курфюрста Пфальцскаго, изъ Пфальца она попала въ Эльзасъ и оттуда уже легко могла проникнуть во Францію. Превращеніе церковной мелодіи въ воинственную пѣсню не представляетъ, однако, ничего необычайнаго, въ особенности если вспомнить Лютера, который часто заимствовалъ для церковной музыки нѣкоторыя свѣтскія мелодіи. Братъ знаменитаго профессора Кусмауля, принимавшій участіе въ войнѣ между Мексикой и Соединенными Штатами, часто любилъ забавляться тѣмъ, что игралъ въ церкви въ замедленномъ темпѣ различныя шансонетки и никто не замѣчалъ этого, принимая его музыку за

церковную. Пѣснь Руже де-Лилла была первоначально названа «Боевою пѣснью рейнской арміи» и только послѣ того, когда такъ называемые союзники занесли ее изъ Марсели въ Парижъ въ 1792 г., бывшая церковная пѣснь превратилась въ извѣстный всѣмъ французскій гимнъ—«Марсельезу».

Въ томъ же журналѣ приводится нѣсколько не лишенихъ интереса цитатъ изъ одного японскаго журнала. Авторъ статьи, изъ которой приводятся эти выдержки, одинъ извѣстный японскій писатель Имада Ямиро находитъ, что японцы должны непременно избрать себѣ, какъ образецъ, какую-нибудь идеальную европейскую націю и постараться перенять ея культуру и всѣ ея стремленія. И вотъ, послѣ долгихъ разсужденій и исслѣдованій характера различныхъ европейскихъ націй, японскій писатель приходитъ къ заключенію, что къ его понятію объ идеальной націи больше всего подходитъ англичане.

«Я знаю четыре великія страны,—говоритъ онъ,—общественная и внутренняя жизнь которыхъ заслуживаетъ съ нашей стороны вниманія и подражанія во многихъ отношеніяхъ, это—Англія, Россія и, Франція и Германія. Русскіе отличаются сдержанностью: они хорошіе дипломаты и прекрасно умѣютъ скрывать свои истинныя мысли и стремленія. Пока не будешь имѣть съ ними дѣла, до тѣхъ поръ не узнаешь, что они такое на самомъ дѣлѣ и что можно ожидать отъ нихъ... Все это разумѣется прекрасныя качества для военнаго времени, но въ мирныя времена и въ сношеніяхъ съ другими націями такія свойства оказываются весьма неприятыми и препятствуютъ взаимному довѣрію.

«Нѣмцы ловки и умны. Если они хотятъ чего-нибудь достигнуть, то дѣлаютъ это очень искусно. Но они никогда не принимаютъ въ расчетъ чужихъ плановъ и чужой хитрости, а думаютъ только о себѣ, поэтому, то они такъ часто подвергаютъ себя неприятымъ сюрпризамъ.

«Французы—рыцарская нація; имъ нравится играть роль защитниковъ и спасителей угнетенныхъ и они иногда заходятъ въ этомъ стремленіи такъ далеко, что даже готовы изъ-за какой-нибудь благородной идеи поставить на карту свою жизнь. Но за то они необыкновенно легкомысленны, впечатлительны и непостоянны и поэтому совершенно невозможно брать ихъ за образецъ, достойный подражанія.

«Что же касается англичанъ, то они въ одно и то же время очень практичны, честны, энергичны и сдержанны. Они принимаютъ во вниманіе только факты и считаются съ ними, мужество ихъ не такъ велико, какъ мужество французовъ, но оно достойнѣе и постояннѣе. Они переносятъ удары съ полнымъ хладнокровіемъ и всюду, гдѣ только можно, безстрашно сражаются ради господства своего народа».

Эта стойкость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, хладнокровіе и непоколебимое сознаніе своего превосходства, характеризующія британскую націю, восхищаютъ японца, и онъ находитъ, что англичане именно и представляютъ ту идеальную націю, которую японцы должны избрать своимъ образцомъ.

«Review of Review» говоритъ, что крестовый походъ противъ пьянства нигдѣ не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ особенности въ Канзасѣ, гдѣ дѣйствуетъ гроза всѣхъ кабаковъ, миссисъ Корри Нашенъ. Въ Канзасѣ, по настоянію и вслѣдствіе пропаганды женскаго христіанскаго союза трезвости, были вотированы законы, воспреещающіе продажу спиртныхъ напитковъ, но въ дѣйствіе эти законы не были приведены и во многихъ городахъ и мѣстечкахъ кабаки торговали открыто, не смотря ни на какіе запретительные законы. Торговля спиртными напитками процвѣтала и это даже послужило поводомъ одному изъ сенаторовъ сказать, что «обѣ стороны должны быть довольны. Женщины получили законъ, котораго онѣ такъ добивались, а муж-

чны имѣютъ виски, безъ котораго не могутъ жить и, слѣдовательно, всѣ счастливы». Нѣкоторое время, дѣйствительно, какъ будто оправдывались слова сенатора и все было спокойно, но явилась миссисъ Керри и безпечальному существованію кабатчиковъ пришелъ конецъ.

Первый мужъ этой храброй амазонки трезвости умеръ отъ пьянства и съ тѣхъ поръ она объявила непримиримую войну всѣмъ кабакамъ. Такъ какъ она пользуется въ своемъ городѣ большимъ вліяніемъ, какъ выдающійся членъ женскаго христіанскаго общества трезвости, то ей удалось добиться выполненія закона и закрытія кабаковъ. Но въ другихъ городахъ она потерпѣла въ этомъ отношеніи пораженіе, кабаки не были закрыты и она рѣшила распорядиться съ нимъ по своему, т.-е. во главѣ отряда такихъ же безстрашныхъ амазонокъ, какъ она сама, она отправилась въ кабаки и произвела тамъ всевозможныя опустошенія. Кабатчики принесли жалобу въ судъ, но она не уgomонилась и отправившись въ другое мѣсто произвела тамъ то же самое. Въ концѣ концовъ она была арестована и просидѣла около трехъ недѣль въ тюрьмѣ, но тѣмъ не менѣе кабатчикамъ было отказано въ искѣ, такъ какъ по закону они дѣйствительно не имѣли права торговать спиртными напитками.

Выпущенная изъ тюрьмы, неистовая американка снова принялась за то же самое и въ сопровожденіи своихъ послѣдовательницъ продолжала разрушать кабаки, появляясь словно грозный мститель съ топоромъ въ рукѣ, невозможно было умѣрять ея рвеніе и она прибрѣтала все больше и больше послѣдовательницъ, становясь настоящимъ бичомъ содержателей пивныхъ лавочекъ и т. п. заведеній. Въ то же время миссисъ Керри Нешенъ старалась дѣйствовать и своимъ краснорѣчіемъ; она всюду читала лекціи о вредѣ пьянства и прибрѣтала прозелитовъ.

Ея примѣръ нашель подражателей, или вѣрнѣе подражательницъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ была также объявлена война кабакамъ, но къ сожалѣнію, при этомъ дѣло не обошлось безъ кровопролитія и одна женщина была убита во время нападенія на кабаки. Наступило настоящее царство террора; обѣ стороны взялись за оружіе и между поствѣтелями кабаковъ и приверженцами трезвости происходили правильныя стычки.

Канзаскіе судьи оказываются на сторонѣ идей трезвости и ихъ яростныхъ представительницъ, такъ что кабатчикамъ постоянно отказывается въ искѣ, хотя они, въ свою очередь, приводятъ законъ, воспреещающій подобное «безцеремонное» обращеніе съ чужою собственностью, какое позволяетъ себѣ миссисъ Керри, разбивающая топоромъ мебель и зеркала, также какъ она, съ своей стороны, оправдываетъ свои поступки, опираясь на законъ, воспреещающій продажу спиртныхъ напитковъ. Такимъ образомъ, война продолжается. Открытіе кабака въ Канзасѣ становится уже настоящимъ актомъ мужества и все населеніе раздѣлилось на два лагеря. Въ церквахъ и на площадяхъ устраиваются митинги и число сторонницъ миссисъ Керри, которыхъ она воодушевляеть своимъ примѣромъ и своимъ безстрашіемъ, растетъ не по днямъ, по часамъ.

Молодой французскій писатель Эрнестъ Шарль посвящаетъ въ «Revue Bleue» статью литературнымъ псевдонимамъ. Онъ старается разрѣшить вопросъ, нужны ли такіе псевдонимы? Они существуютъ уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ литература, и когда вмѣстѣ съ этимъ возникла потребность, — быть можетъ, и необходимость — скрывать свое настоящее имя. Въ самомъ началѣ псевдонимы, дѣйствительно, служилъ для того, чтобы избавить себя отъ нескромнаго любопытства, которое было всегда стѣснительнымъ, а подчасъ, можетъ быть, даже опаснымъ. Не такъ давно еще нельзя было безопасно писать о многихъ вещахъ и тѣмъ болѣе признавать себя открыто авторомъ нѣкоторыхъ статей, касающихся какой-нибудь злобы дня или болѣе или менѣе жгу-

чихъ современныхъ вопросовъ. О многомъ удобнѣе было писать, прикрываясь псевдонимомъ, въ особенности лицамъ, принадлежащимъ къ такъ называемому высшему обществу. «Вѣдь сравнительно недавно, — говоритъ Эрнестъ Шарль — литература заняла настолько почетное мѣсто, что званіемъ литератора стали гордиться. Прежде многимъ казалось и неудобнымъ, и унижательнымъ писать въ газетахъ и журналахъ и если они это дѣлали, то скрывали свое авторство. Даже маркизъ Бондорсе, не имѣвшій недостатка въ мужествѣ, не рѣшился бороться съ этимъ предрасудкомъ, и поэтому никогда не выставлялъ своего имени подъ своими статьями. Но хотя эти времена и не очень отдаленны, о нихъ сохранилось только одно воспоминаніе. Намъ трудно представить себѣ то состояніе ума и развитія, которое заставляло смотрѣть на литературную дѣятельность, какъ на занятіе не вполне достойное. Все это прошло и кануло въ вѣчность, и если писатели и теперь еще прибѣгаютъ къ псевдонимамъ, то дѣлаютъ они это больше ради традиціи или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, но никакъ не ради личной безопасности или потому, что считаютъ не совмѣстнымъ съ достоинствомъ своего имени подписывать его подъ какою-нибудь газетною или журнальною статьею.

По мнѣнію Эрнеста Шарля, псевдонимы давно уже отжили свое время. Такъ почему же этотъ обычай продолжаетъ существовать въ литературѣ? Молодой французскій писатель объясняетъ это отчасти скромностью нѣкоторыхъ авторовъ, отчасти же тѣмъ, что многія фамиліи писателей недостаточно красивы и звучны и это заставляеть ихъ прибѣгать къ псевдонимамъ, затѣмъ псевдонимъ представляетъ то удобство, что онъ даетъ возможность писателю сотрудничать въ нѣсколькихъ органахъ печати заразъ, не боясь показаться читателямъ слишкомъ ужъ плодовитымъ? Эрнестъ Шарль замѣчаетъ по этому поводу, что нѣкоторые изъ журналистовъ, прибѣгающіе по такой причинѣ къ псевдонимамъ, усваиваютъ себѣ въ то же время и совершенно различную манеру писать, и мѣняя подписи, мѣняютъ какъ будто свою литературную физиогномію. Но не всё, конечно, способны такъ быстро мѣнять свою личность и настоящій литературный талантъ всегда сохраняетъ свои типическія черты и свою индивидуальность.

Но во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Эрнеста Шарля, псевдонимъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вводитъ въ заблужденіе публику и поэтому онъ все больше и больше теряетъ свой «*raison d'être*». Современный читатель притомъ болѣе интересуется содержаніемъ статьи, нежели именемъ, которымъ она подписана, за исключеніемъ тѣхъ именъ, которыя служатъ для него извѣстнымъ девизомъ, воплощаютъ извѣстное міросозерпаніе или же стяжали славу первокласснаго таланта. Во всѣхъ другихъ случаяхъ читатель даже не запоминаеть имени, которымъ подписана статья или книга, которую онъ только что прочелъ. Къ чему же тогда эта тайна? И Эрнестъ Шарль совѣтуетъ всѣмъ писателямъ отказаться отъ этого пережитка старины и храбро подписывать свое имя подъ всѣми своими произведеніями. Существованіе псевдонимовъ, по его мнѣнію, все-таки нѣсколько унижаетъ литературу.

СЕРАНТОНСКАЯ ШКОЛА.

(Письмо изъ Калифорніи).

Вопросъ о широкомъ распространеніи техническаго и общаго образованія въ наименѣ культурныхъ слояхъ населенія получилъ въ Соединенныхъ Штатахъ замѣчательно удачное разрѣшеніе, въ видѣ такъ называемыхъ «*Соггеспрон-*

«*distance Schools*», т.-е. такихъ школъ, въ которыхъ все преподаваніе ведется исключительно корреспондентіей. Такая форма преподаванія не является исключительной принадлежностью Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ она съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ подверглась испытанію, или практикуется, и во многихъ другихъ странахъ (между прочимъ, и въ Россіи), но нигдѣ она не получила такого широкаго развитія, какъ въ Америкѣ.

Въ послѣднее время, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, въ Европѣ чрезвычайно много говорилось о «народныхъ университетахъ», къ числу которыхъ принято относить цѣлый рядъ школъ довольно разнообразнаго характера, по программѣ своей охватывающихъ элементарное и отчасти среднее образование и посвященныхъ, главнымъ образомъ, для взрослыхъ. Такого рода образовательнымъ учрежденіямъ, по различнымъ соображеніямъ, сочувствуютъ, повидимому, всё слои населенія, безъ различія состоянія и образа мыслей: и рабочіе, стремящіеся къ расширенію своего кругозора и къ приобрѣтенію теоретическихъ познаній въ своей профессіи; и фабриканты, и заводчики, которые, въ виду усложненія механизма, предпочитаютъ имѣть развитыхъ (въ техническомъ, конечно, отношеніи) рабочихъ; и правые, которые видятъ въ этихъ школахъ средство отвлечь вниманіе массъ отъ болѣе жгучихъ вопросовъ и заботъ; и лѣвые, которые надѣются, что онѣ приведутъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Сообразно съ этими различными точками зрѣнія на дѣло, само движеніе выливается въ чрезвычайно различныя, иногда просто противоположныя по своимъ задачамъ формы; а такъ какъ наиболѣе дѣятельные работники движенія руководятся широкими общечеловѣческими принципами, то само движеніе направляется болѣе въ сторону общаго, чѣмъ чисто техническаго образованія.

И въ Америкѣ это движеніе носило исключительно такой характеръ, но въ силу обстоятельствъ оно развивалось весьма слабо, пока имъ не занялись чуткіе и дальновидные капиталисты. Эти послѣдніе сразу поняли, что дѣло расширенія образованія среди малообразованной части американскаго населенія можетъ оказаться прекраснымъ помѣщеніемъ для ихъ капиталовъ, если только придать ему соотвѣтствующій характеръ; поэтому, рѣшивъ пустить въ ходъ свои капиталы и хорошо зная, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, они обратились къ американскому рабочему съ вопросомъ: «хочешь зарабатывать больше денегъ?» и сами же на него отвѣтили: «учись», и талантливо развивъ этотъ отвѣтъ въ милліонахъ брошюръ, афишъ и объявленій, они добились того, что рабочіе повалили къ нимъ толпами и не были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ.

Американскіе, «народные университеты», поставленные на капиталистическую ногу, снабженные прекрасными учебными пособиями и хорошимъ составомъ преподавателей, даютъ почти высшее техническое, т.-е. чисто практическое, образованіе сотнямъ тысячъ рабочихъ, мелкихъ служащихъ, приказчиковъ и т. п., которые, благодаря этому образованію, дѣйствительно, получаютъ возможность значительно улучшить свое матеріальное положеніе. Американскіе «народные университеты» держатся на прочныхъ основаніяхъ и, въ противоположность подобнымъ имъ учрежденіямъ въ Европѣ, они не только не нуждаются для поддержанія своего существованія въ какихъ бы то ни было пожертвованіяхъ или субсидіяхъ со стороны, но, наоборотъ, сами приносятъ хорошіе дивиденды своимъ акціонерамъ.

Самымъ замѣчательнымъ, во многихъ отношеніяхъ, изъ этихъ учебныхъ заведеній, является *International Correspondence Schools*, мѣстопробываніе котораго находится въ г. Скрантонѣ, въ штатѣ Пенсильванія; замѣчательно оно и по своему быстрому и разностороннему росту, и по богатству, и по значенію, такъ какъ оно послужило прототипомъ для множества подобныхъ школъ, возникшихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ по всему Союзу.

Скрантонская школа основана сравнительно недавно—въ 1891 г. Начало ея было очень скромно. Городъ Скрантонъ находится въ центрѣ пенсильванскаго каменноугольнаго бассейна, самаго значительнаго въ Союзѣ. Въ промышленныхъ учрежденіяхъ Соединенныхъ Штатовъ разные десятскіе, надсмотрщики, приказчики и т. п. набираются, главнымъ образомъ, изъ среды обыкновенныхъ рабочихъ, причеиъ иногда, особенно въ горной промышленности, для того, чтобы имѣть право попасть въ ряды мелкой администраціи и быть въ состояніи нести связанную съ этимъ положеніемъ отвѣтственность, кандидатъ долженъ сперва съ успѣхомъ выдержать экзаменъ по законамъ установленной программы. Для того, чтобы помочь рудокопамъ приобрести нужныя для этого экзамена техническія познанія, въ Скрантонѣ издавался популярный журналъ «The Colliery Engineer», посвященный соотвѣствующимъ вопросамъ горной промышленности, главнымъ же образомъ вопросамъ о вентиляціи и содержаніи рудника. По примѣру большинства американскихъ профессиональныхъ журналовъ, въ «The Colliery Engineer» посвящалось много мѣста отвѣтамъ на разные техническіе вопросы, за разрѣшеніемъ которыхъ читатели обращались къ издателямъ. Отдѣлъ этотъ мало-по-малу принялъ чрезвычайно большое значеніе, благодаря тому, что кандидаты стали широко пользоваться имъ для разрѣшенія встрѣчавшихся имъ въ учебникахъ затрудненій и это обстоятельство натолкнуло редактора журнала г. Томаса Фостера на мысль воспользоваться имъ для вполнѣ систематической подготовки кандидатовъ къ экзамену; такая задача, однако, значительно переросла объемъ журнала, поэтому отдѣлъ «Корреспонденція съ читателями» былъ изъятъ изъ этого послѣдняго и продолжалъ свое дальнѣйшее развитіе совершенно самостоятельно.

Для осуществленія своей задачи г. Фостеръ въ 1891 г. организовалъ акціонерное товарищество съ капиталомъ въ полтора милліона долларовъ, въ вѣдѣніе котораго перешелъ и журналъ. Вскорѣ, подъ руководствомъ опытнаго инициатора, были составлены и отпечатаны первыя лекціи и 16-го октября того же года школа начала функционировать. Лекціи, выходя въ свѣтъ которыхъ съ нетерпѣніемъ ожидался многими заинтересованными рабочими, имѣли большой успѣхъ и съ тѣхъ поръ усиленный притокъ учениковъ въ школу не прекращается.

Со времени открытія школы, составленный г. Фостеромъ общій планъ преподаванія не подвергся никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. По этому плану предполагается, что всѣ познанія ученика до поступленія въ школу ограничиваются умѣніемъ читать и писать; поэтому новозаписавшемуся ученику прежде всего доставляются по почтѣ 2 тетради съ лекціями по ариметикѣ, вмѣстѣ съ особымъ руководствомъ, подробно объясняющимъ, какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться ими и что дѣлать, въ случаѣ могущихъ встрѣтиться затрудненій. Лекціи написаны чрезвычайно простымъ языкомъ и обнимаютъ собою только дѣйствительно необходимыя, примѣняемыя на практикѣ свѣдѣнія; примѣры и задачи подобраны, главнымъ образомъ, изъ практики руднаго дѣла. Изучая первыя лекціи, ученикъ можетъ натолкнуться на какое-нибудь затрудненіе, которое не въ состояніи преодолѣть безъ посторонней помощи; тогда онъ немедленно обращается въ школу съ просьбой о разъясненіяхъ (на этотъ случай у него имѣются особые бланки и конверты съ печатнымъ адресомъ школы, что освобождаетъ его отъ часто непосильной для него задачи составленія складнаго письма), которыя онъ и получаетъ съ слѣдующей же обратной почтой; за подобными разъясненіями онъ долженъ обращаться въ школу опять и опять, до тѣхъ поръ, пока вся первая тетрадь не станетъ для него вполнѣ понятной. Изъ школы, вмѣстѣ съ разъясненіями, ему возвращается также и его письмо, въ которомъ исправлены всѣ грамматическія и стилистическія ошибки, съ пригла-

шеніемъ обратить на нихъ вниманіе и, благодаря этому совѣту, въ немъ постепенно вырабатывается также умѣніе писать дѣловито и правильно. Для того, чтобы приучить ученика къ строго-систематическому ученію и вмѣстѣ съ тѣмъ провѣрять время отъ времени его познанія, каждая тетрадь съ лекціями сопровождается особымъ вопросникомъ; покончивъ съ тетрадью, ученикъ долженъ заполнить отвѣтами вопросникъ и отослать его въ школу; пройденная тетрадь съ лекціями представляетъ собою прекрасный практичскій учебникъ и остается во владѣніи ученика, который отославъ первый вопросникъ, чтобы не терять времени, принимается за слѣдующую тетрадь; вскорѣ изъ школы ему сообщаютъ, вѣрны ли были его отвѣты на вопросникъ, или нѣтъ и въ послѣднемъ случаѣ его приглашаютъ вернуться еще разъ къ первой тетради; если же его отвѣты были вѣрны, то ему, пока онъ занятъ второю тетрадью, доставляется третья и т. д. Такимъ образомъ, за ариѣметикой слѣдуетъ начальная алгебра и геометрія, за ними геометрическое и техническое черченіе и т. д., пока ученикъ не пройдетъ весь курсъ углепромышленности. Лекціи составлены очень добросовѣстно и строго-систематично—каждая изъ нихъ предполагаетъ въ ученикѣ знаніе только того, что вошло въ предыдущія и ничего больше, и, какъ я уже сказалъ, лекціи написаны чрезвычайно простымъ, всѣмъ понятнымъ языкомъ и щедро усаѣны чертежами и рисунками. Въ свое время, ученикъ за небольшую плату получаетъ готовальню, доску и проч. чертежныя принадлежности вмѣстѣ съ подробными указаніями о томъ, какъ ими пользоваться; чертежи посылаются ученикомъ въ школу, гдѣ они провѣряются и исправляются такъ же внимательно, какъ и письменныя работы; а для того, чтобы предупредить возможность недобросовѣстной копировки, его чертежи должны быть по размѣрамъ нѣсколько больше, чѣмъ получаемые имъ изъ школы образцы. Пройдя съ успѣхомъ весь курсъ ученія (что видно изъ письменныхъ работъ и чертежей), ученикъ получаетъ соответствующій дипломъ.

Такова въ общихъ чертахъ система обученія въ скрантонской школѣ; несмотря на всѣ ея неизбѣжные недостатки (отсутствіе непосредственныхъ, словесныхъ объясненій преподавателя, которыя не могутъ быть съ полнымъ успѣхомъ замѣнены перепиской; отсутствіе демонстраціи и опытовъ и т. д.), она, тѣмъ не менѣе, обладаетъ весьма важными достоинствами: она, напр., не требуетъ присутствія ученика въ школѣ въ опредѣленные часы, устраняетъ вредныя послѣдствія пропуска уроковъ со стороны рабочаго, задерживаемаго иногда на работѣ на нѣсколько лишнихъ часовъ, или принужденнаго иногда работать и по воскресеньямъ, въ особенности въ горячую пору года; ученикъ, принужденный прервать на нѣкоторое время свое ученіе, можетъ во всякое время возобновить его съ того самаго мѣста, гдѣ оно было прервано; ученикъ, принужденный по роду своихъ занятій переѣзжать съ мѣста на мѣсто, можетъ это дѣлать безъ всякаго ущерба для своего ученія; тетради съ лекціями состоятъ изъ 10—100 страницъ и удобно помѣщаются въ карманъ, такъ что, имѣя ихъ съ собою, ученикъ можетъ пользоваться ими во всякую свободную минуту — на конкѣ, на пароходѣ, во время обѣденнаго и всякаго другого перерыва въ работѣ; хотя сношенія между преподавателемъ и ученикомъ имѣютъ мѣсто только письменно, за то они неизбѣжны, ибо если ученикъ, не понимая чего-нибудь въ своихъ лекціяхъ, не снесется со своимъ преподавателемъ, то онъ не будетъ въ состояніи вѣрно отвѣтить на вопросникъ и тогда это послѣднее обстоятельство вызоветъ переписку между нимъ и преподавателемъ, а это чрезвычайно важно въ виду того, что въ обыкновенныхъ школахъ самолюбивый ученикъ (а учащійся рабочій всегда принадлежитъ къ этой категоріи) не любитъ назойливо обращаться за разъясненіями и часто просто проходитъ мимо непонятныхъ для него вопросовъ.

Система г. Фостера имѣла необычайный успѣхъ, и ученики буквально пова-

лили въ его школу толпами. Школа, какъ было уже сказано, была открыта 16 октября 1891 г.; къ январю 1892 г. число ея учениковъ равнялось уже 115; къ январю 1893 г. — 1.231; къ январю 1894 г. — 3.092; къ январю 1895 г. — 5.657; къ январю 1896 г. — 10.105; къ январю 1897 г. — 16.635; къ январю 1898 г. — 30.252; къ январю 1899 г. — 68.824; къ январю 1900 г. — 136.055, а въ настоящее время въ ней учится 280.000 человекъ, т.-е. она представляетъ собою самое грандіозное по количеству учениковъ учебное заведеніе въ мірѣ; понятно, что значеніе такого учрежденія въ учебной жизни страны будетъ огромно. Надо, однако, замѣтить, что кругъ дѣятельности школы не ограничивается территоріей Союза, такъ какъ ея учениковъ можно встрѣтить по всему свѣту, не исключая самыхъ дикихъ колоній въ Африкѣ, ни самыхъ заброшенныхъ острововъ Полинезій; въ Россіи (съ Сибирью) въ настоящемъ году имѣется болѣе 20 учениковъ скрантонской школы, въ Канадѣ и въ Австраліи ихъ имѣется много тысячъ.

По мѣрѣ того, какъ росло значеніе школы, расширялась также и ея программа; первоначально школа была посвящена теоретической подготовкѣ рабочихъ къ занятію высшихъ должностей въ администраціи угольныхъ рудняковъ, но вскорѣ въ ея программу вошли и всѣ остальные отрасли горной промышленности; затѣмъ оказалось возможнымъ завести отдѣльное преподаваніе механики, — возникла школа механики, распадаящаяся на многочисленныя спеціальныя отдѣленія, посвященныя желѣзнодорожнымъ, фабричнымъ, сельско-хозяйственнымъ механикамъ, изученію газовыхъ машинъ, машинъ-холодильниковъ и т. д. Затѣмъ, мало-по-малу, возникли школы электро-техническая, архитектурная, гражданско-инженерная, химическая, коммерческая, общеобразовательная, математическая, педагогическая, даже электротерапевтическая. Всѣ эти школы относятся между собою, какъ отдѣльные факультеты въ университетахъ. Каждая школа распадается на нѣсколько отдѣленій: напр., гражданско инженерная состоитъ изъ пяти отдѣльных: желѣзнодорожнаго, муниципальнаго, гидравлическаго инженерства, постройки мостовъ, топографіи; ученикъ имѣетъ право записаться на одинъ изъ этихъ спеціальныхъ курсовъ, или на всѣ (на полный курсъ гражданского инженерства). Каждая школа даетъ полное систематическое образованіе по своему предмету, поскольку это возможно безъ знанія высшей математики; напр., въ программу желѣзно-дорожнаго отдѣленія школы гражданского инженерства входятъ: арифметика, начальная алгебра, геометрическое и техническое черченіе; геометрія и тригонометрія; элементарная механика, гидромеханика; алгебра и логарифмы; пневматика, матеріалы; нивелировка, топографія, постройка пути, содержаніе линій; постройка станціи, мастерскихъ и проч. желѣзнодорожныхъ зданій. Каждый курсъ предполагаетъ дать возможность рабочему приобрести теоретическія познанія, необходимыя для его повышенія по должности, но для менѣе честолюбивыхъ рабочихъ при школѣ имѣются болѣе краткіе курсы по разнымъ спеціальностямъ.

Первоначально скрантонская школа была посвящена исключительно рабочимъ, но благодаря полнотѣ, систематичности и строгой практичности ея курсовъ, въ число ея учениковъ вступаютъ не мало людей, приобрѣвшихъ уже извѣстное положеніе въ той или другой области промышленности, но чувствующихъ, что имъ недостаетъ знаній для того, чтобы удержаться на высотѣ своего положенія въ виду современнаго быстрого развитія машинизма. Школа идетъ навстрѣчу потребностямъ этой высшей категоріи работниковъ, на что указываетъ, между прочимъ, основаніе особаго курса математики; мало того, школа не боится браться также за дополненіе практическихъ познаній лицъ, даже съ высшимъ образованіемъ: всего нѣсколько недѣль тому назадъ открытъ курсъ электротерапіи, имѣвшій съ самаго начала большой успѣхъ и предназначающійся для врачей, зубныхъ врачей, фельдшеровъ, медицинскихъ студентовъ

и т. п. Несомѣнно, что и въ числѣ учениковъ другихъ отдѣленій школы, рядомъ съ простыми рабочими, имѣется не мало лицъ съ высшимъ образованіемъ; большинство учениковъ, однако, состоитъ изъ рабочихъ особенно мастеровыхъ: машинистовъ, кочегаровъ, плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ, каменщиковъ, а также изъ низшихъ служащихъ—телеграфистовъ, конторщиковъ, приказчиковъ, кондукторовъ и т. д.

Средній возрастъ учениковъ равняется 25 годамъ, среди нихъ есть и 15-лѣтніе мальчики, и 60-ти-лѣтніе старики; понятно, что при поступленіи въ школу возрастъ, полъ, раса и религія не имѣютъ никакого значенія.

Мѣстопробываніе школы находится въ г. Скрантонѣ, гдѣ она владѣетъ цѣлымъ кварталомъ зданій. Главное зданіе представляетъ собою величественную, каменную пятиэтажную постройку, позади которой находятся болѣе мелкія постройки для складовъ, типографіи и мастерскихъ. Въ этомъ дѣятельномъ центрѣ обширной организаціи съ утра до вечера работаетъ около 1 200 человекъ мужчинъ и женщинъ; въ справочномъ бюро, гдѣ получается обширная корреспонденція школы и откуда посылаются по всему Союзу, даже по всему свѣту, программы, рекламныя афиши и листки и т. п., работаетъ не менѣе 25 чел. конторщиковъ и секретарей; отсюда письменныя работы учениковъ поступаютъ въ обширную залу для первоначальной провѣрки, которая производится особымъ штатомъ женщинъ, набираемыхъ исключительно изъ среды школьныхъ учительницъ; въ ихъ распоряженіи имѣется богатая библіотека справочныхъ книгъ и по одному опытному специалисту по каждому изъ преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ. Окончательная провѣрка работъ производится специалистами-инструкторами, которые затѣмъ, при участіи своихъ помощниковъ обращаются къ ученикамъ съ соотвѣствующими совѣтами, разъясненіями и замѣчаніями.

Тутъ же въ богатыхъ библіотекахъ и кабинетахъ школы составляются учебники, чертежи и рисунки. Всѣ книги, брошюры, программы печатаются въ собственной типографіи школы, занимающей отдѣльное зданіе, въ которомъ работаетъ до 130 типографшиковъ. Въ этой типографіи печатается также издаваемый школой журналъ, программа его успѣла уже значительно расшириться и въ настоящее время, подъ названіемъ «Mines and Minerals», онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ горнопромышленныхъ журналовъ Союза. Въ особыхъ мастерскихъ школы приготавливаются и упаковываются различныя учебныя пособия, которыя продаются ученикамъ по сравнительно невысокимъ цѣнамъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ успѣхъ всякаго предпріятія, въ значительной степени, зависитъ отъ рекламы, пренебреженіе къ которой не спасетъ отъ смерти, или, въ лучшемъ случаѣ, отъ прозябанія даже самое полезное и нужное дѣло. Администраторы скрантонской школы знаютъ цѣну рекламѣ; врядъ ли есть такое мѣсто въ промышленныхъ штатахъ Союза, гдѣ бы вы не увидѣли на видномъ мѣстѣ въ кабакѣ, въ табачной лавкѣ, или у дирюльника какой нибудь раскрашенной афиши школы, гдѣ бы вы не могли достать ея общей программы или программы какого-нибудь изъ ея отдѣльныхъ курсовъ. Афиши эти бываютъ подчасъ очень наивны: изображается, напр., фигура изнуреннаго трудомъ рабочаго въ рваномъ платьѣ—это невѣжда; рядомъ съ нимъ побѣдоносно взираетъ на васъ великолѣпный господинъ въ франтовскомъ одѣяніи, съ золотой цѣпочкой и перстнемъ; надпись подъ нимъ гласитъ: «а и училися въ International Correspondence Schools». Для болѣе недовѣрчивой публики школа издаетъ миллионъ рекламныхъ брошюръ подъ заманчивыми заглавіями, вродѣ: «Средство для улучшенія собственнаго положенія», «Самый вѣрный способъ выдвинуться», «Какъ добиться повышенія по должности», и т. д., и т. д. Кромѣ того, агенты школы постоянно объѣзжаютъ всѣ промышленныя пункты Союза—это все отличныя говоруны и они стараются склонять къ поступленію въ школу тѣхъ, на которыхъ печатная реклама не произвела достаточно сильнаго впечатлѣнія.

Что касается дипломовъ, выдаваемыхъ школой, то они, понятно, особеннаго значенія не могутъ имѣть, такъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ даже дипломы высшихъ учебныхъ заведеній имѣютъ меньше значенія, чѣмъ гдѣ бы то ни было; однако, при выборѣ между двумя рабочими, изъ которыхъ одинъ имѣетъ дипломъ школы, наниматель всегда отдастъ предпочтеніе этому послѣднему. Помимо дипломовъ объ окончаніи курса, школа, по желанію ученика, периодически посылаетъ его принципалу особые свидѣтельства, извѣщающія объ успѣхахъ ученика въ наукахъ...

Стоимость обученія въ школахъ сравнительно высока; отдѣльные курсы (напр., курсъ по электрическому освѣщенію) стоятъ 15—30 долл., полные же курсы (напр., полный курсъ электричества)—60—120 долл. (1 долл.=2 руб.). Плата за ученіе можетъ быть уплачиваема мѣсячными взносами въ 2—5 долл., но въ такомъ случаѣ она значительно повышается. Продолжительность ученія неопредѣлена и зависитъ отъ успѣховъ ученика; обыкновенно она равняется 2—3 годамъ.

Успѣхъ этой, во многихъ отношеніяхъ, образцовой школы, вызвалъ многочисленныхъ подражателей. *Correspondence Schools*, организованныхъ по типу скрантонской, имѣется въ настоящее время въ Союзѣ свыше 100, но въ то время, какъ скрантонская имѣетъ болѣе 50 отдѣльныхъ курсовъ, новѣйшая *Correspondence Schools* обыкновенно посвящаютъ себя одной какой-нибудь специальности. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ также пользуются большою извѣстностью—такъ, напр., нью-іорская школа электричества (*Electrical Engineer Institute*), особенно рекомендуемая Т. Эдисономъ; бостонская школа (*American Correspondence School*), которая представляетъ собою по своей программѣ воспроизведеніе скрантонской; въ Нью-Йоркѣ и въ Индианаполисѣ находится двѣ наиболѣе значительныя школы рисованія и иллюстраціи описываемаго типа; въ Индианаполисѣ же имѣется рядъ школъ съ чисто университетской программой (*National Correspondence Schools of Pharmacy Law, Medical*); механическія и коммерческія (*Business Correspondence Schools*) имѣются во всѣхъ крупныхъ торгово-промышленныхъ центрахъ; въ заключеніе упомяну о трехъ школахъ, которыя всякому, не живавшему въ Америкѣ, покажутся курьезными,—это школа составленія объявленій (*Corresp. School of Advertising*) въ Чикаго, школа журнализма въ г. Детройтѣ, въ штатѣ Мичиганъ (объявленіе объ этой школѣ начинается такъ: «полный, научный курсъ, приспособляемый къ индивидуальнымъ надобностямъ студента... опытные инструкторы школы состоятъ редакторами пяти популярныхъ газетъ», популярная газета означаетъ въ переводѣ—желтая), и школа корректурнаго искусства въ Филадельфіи. Я упомянулъ только о наиболѣе значительныхъ *Correspondence Schools* Союза, представляющихъ собою только небольшую часть общаго числа школъ этого типа, которыя въ настоящее время вырастаютъ, положительно, какъ грибы послѣ дождя.

Широкое движеніе распространенія техническаго образованія, вылившееся въ Соединенныхъ Штатахъ, преимущественно, въ формѣ *Correspondence Schools*, совершенно затерло собою первоначальное движеніе, изъ котораго оно вышло,—движенія, поддерживаемаго, какъ въ Европѣ, наиболѣе гуманной и безкорыстной частью интеллигенціи и клонящагося, главнымъ образомъ, къ непосредственному воспитанію рабочихъ массъ въ духѣ высшихъ социальныхъ идеаловъ и къ подготовкѣ этихъ массъ къ болѣе сознательной личной и общественной жизни въ будущемъ. Это послѣднее движеніе не исчезло, ибо оно исчезнуть не можетъ, и имѣетъ мѣсто въ самыхъ разнообразныхъ, нѣрѣдко весьма оригинальныхъ формахъ; но развивается оно чрезвычайно медленно, да и то только въ немногихъ крупныхъ центрахъ торгово-промышленной и умственной жизни страны, ибо на его знамени нѣтъ магическаго и всемогущаго слова—долларъ.

I. Маевскій.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Роль насѣкомыхъ въ распространеніи заразы *).

До сихъ поръ микроорганизмы, наши невидимые враги, поглощали все вниманіе ученыхъ. Открытіе различныхъ болѣзнетворныхъ зародышей слѣдовало одно за другимъ. Тщательно изучались ихъ свойства, условія, благоприятствующія ихъ размноженію, различныя вещества, на которыхъ они могутъ хорошо развиваться. О всемъ этомъ создавалась богатая научная литература.

Вопросъ о способахъ распространенія болѣзнетворныхъ зародышей, о путяхъ, при помощи которыхъ она попадаетъ въ человѣческое тѣло, также пользуется большимъ вниманіемъ ученыхъ. Нахожденіе микроорганизмовъ въ воздухѣ, въ водѣ, на поверхности различныхъ предметовъ даетъ право думать, что все это служить источникомъ распространенія заразы. Исслѣдованіе пищевыхъ продуктовъ показало присутствіе нашихъ невидимыхъ враговъ въ молокѣ, маслѣ, мясѣ и проч. Потому ихъ также причислили къ распространителямъ заразныхъ болѣзней. Наши комнатныя животныя, кошки, собаки считаются способными разносить болѣзнетворныя зародыши.

Для того, чтобы предупредить распространеніе заразы, начали примѣнять дезинфекцію въ различныхъ видахъ, которая имѣла въ виду, главнымъ образомъ, лишеніе жизни нашихъ невидимыхъ враговъ. Какихъ только дезинфицирующихъ средствъ не предлагалось и не предлагается для уничтоженія заразы въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Сѣра, сулема, горячій паръ и проч.—все это употребляется для уничтоженія микроорганизмовъ. Если опытъ показываетъ, что какое-либо вещество можетъ прекратить жизнь микробовъ, то его начинаютъ примѣнять для дезинфекціи. Въ началѣ оно обыкновенно подаетъ большія надежды, а потомъ часто оказывается не достигающимъ цѣли. Многолѣтній опытъ показалъ, что нѣтъ ни одного дезинфицирующаго средства, послѣ котораго заразная болѣзнь не могла бы повториться въ томъ же самомъ помѣщеніи въ скоромъ времени.

Послѣднее обстоятельство обыкновенно приписывается тому, что различные предметы: платье, постельныя принадлежности и проч., припрятываются, остаются непродезинфицированными и сохраняютъ заразу. Это, конечно, вѣрно. Но въ подобныхъ случаяхъ не одними только неодушевленными предметами можно объяснить повторное появленіе заразы. По всей вѣроятности, дѣятельное участіе тутъ принимаютъ насѣкомыя.

Уже одинъ тотъ фактъ, что насѣкомыя переносятъ оплодотворяющую пыль съ мужского цвѣтка на женскій, даетъ намъ право думать, что болѣзнетворныя микроорганизмы также могутъ распространяться при ихъ помощи. Кому не извѣстно, что иногда укусъ мухи вызываетъ опуханіе, напр., губы. Въ

*) См. ст. «Роль насѣкомыхъ въ экономіи природы и въ жизни человѣка», помещенную въ I-мъ отдѣлѣ настоящаго №-ра.

такихъ случаяхъ обыкновенно говорятъ, что укусила какая-то особенная ядовитая муха. Но тутъ гораздо правдоподобнѣе объясненіе, что муха просто занесла микроорганизмы, которые вызываютъ воспалительное состояніе подкожной кѣтчатки.

Вопросъ о распространеніи заразы насѣкомыми давно уже началъ обращать вниманіе врачей, но это дѣлалось въ большинствѣ случаевъ мимоходомъ. Еще въ 1824 году Деррей пишетъ, что въ тулонскомъ военномъ лазаретѣ было двѣнадцать больныхъ *сибирской язвой*. Это было въ маѣ, когда послѣ проливныхъ дождей наступила сильная жара. Всѣ больные объясняли свое заболѣваніе тѣмъ, что они сидѣли на молодой травѣ и ихъ укусило какое-то насѣкомое. Швабе (1838 г.) рассказываетъ, что у многихъ заболѣвающихъ *сибирской язвой*, чувствовавшихъ себя до этого совершенно здоровыми, вдругъ появлялось ощущеніе, какъ будто ихъ кто-нибудь укусила. Затѣмъ на этомъ мѣстѣ развивалось воспаленіе. Укусъ чувствовался обыкновенно на такихъ частяхъ тѣла, которыя не были прикрыты платьемъ.

Основываясь на подобныхъ фактахъ, ученые первой половины девятнадцатаго столѣтія думали, что мухи могутъ распространять сибирскую язву.

Давенъ (1870 г.) говоритъ, что переносъ мухами сибирской язвы съ животныхъ на людей извѣстенъ давно. Онъ считаетъ это вѣроятнымъ по аналогіи со слѣдующимъ наблюденіемъ. Онъ производилъ опыты надъ гніеніемъ растительныхъ веществъ и имѣлъ случай наблюдать, какъ мухи переносили зародыши плѣсени на фрукты, изъ которыхъ онѣ высасывали сокъ. Давенъ утверждаетъ, что сибирская язва обыкновенно сильно свирѣпствуетъ въ жаркое время года, лѣтомъ. Если у животныхъ она появляется и зимой, то это обыкновенно бываетъ въ теплыхъ хлѣвахъ, а не на открытомъ мѣстѣ. Въ первыхъ бываютъ мухи и въ холодное время года, потому онѣ и тогда могутъ способствовать распространенію заразы. Ему не приходилось наблюдать сибирской язвы въ парижскихъ хлѣвахъ. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что въ Парижѣ отсутствуютъ мухи, кусающія животныхъ. По его мнѣнію, мухи могутъ переносить заразу на извѣстное разстояніе.

Вообще существуетъ довольно много наблюденій надъ распространеніемъ сибирской язвы при помощи насѣкомыхъ. Между прочимъ, жители русскихъ степей убѣждены, что въ жаркое время года мухи способствуютъ распространенію данной болѣзни между животными. Тотъ фактъ, что укусъ мухи далеко не всегда влечетъ за собой заболѣваніе, объясняютъ такимъ образомъ. Извѣстно, что если комара убить въ то время, когда онъ пьетъ кровь, то получаютъ болѣе сильныя воспалительныя явленія, нежели тогда, когда ему даютъ возможность спокойно улетѣть. Точно также, если убить муху, зараженную сибирской язвой въ то время, когда она кусаетъ, то зараза дѣйствуетъ съ большей силой, такъ какъ въ такомъ случаѣ на кожѣ остается большее количество болѣзнетворныхъ зародышей. Если же муха, укусивъ, улетитъ, то зараза дѣйствуетъ менѣе энергично и заболѣванія можетъ не послѣдовать. *Зидереръ* упоминаетъ такой случай. Одинъ человекъ работалъ на кирпичномъ заводѣ. Въ полдень онъ легъ отдохнуть. Когда онъ заснулъ, то его въ щеку укусила муха. Съ просонья онъ сильно ударилъ ее рукой и убилъ. Черезъ нѣкоторое время у него на щекѣ образовалась пустула, характерная для сибирской язвы. Изъ разспросовъ выяснилось, что недалеко отъ мѣста его сна находилась павшая овца, которую терзали птицы. Тотъ же авторъ упоминаетъ объ одной женщинѣ, которая также убила муху на лицѣ, послѣ чего у нея появилась сибирская язва. Вблизи того мѣста, гдѣ это произошло, валялся трупъ сибирязявленной овцы. *Эстрадеръ* рассказываетъ про одного крестьянина, убившаго и раздавившаго муху, укусившую его въ лицо. Онъ мылъ укушенное мѣсто холодной водой, теръ его, но это не уменьшало боли и вскорѣ онъ заболѣлъ

сибирской язвой. Упомянемъ еще объ одномъ случаѣ, о которомъ говоритъ *Гриффинъ*. Одинъ молодой человекъ обѣдалъ въ ресторани. Тамъ его укусила въ щеку обыкновенная зеленая муха, изъ породы тѣхъ, какія питаются мясомъ. Ее убилъ одинъ изъ его товарищей, сидѣвшій напротивъ. Изъ ранки вытекло немного крови. Затѣмъ, на этомъ же мѣстѣ образовалась сибирезвенная пустула. Потомъ выяснилось, что ресторанныя прислуга, вопреки запрещенію санитарныхъ властей, выбрасывала различные остатки: мясо, хлѣбъ и проч. на дворъ, гдѣ поэтому постоянно водилось много мухъ, которыя массами залезали въ окна ресторана, садились на пищу и на посѣтителей.

Такимъ образомъ, существуетъ много наблюденій, которыя указываютъ на возможность переноса сибирской язвы на людей при помощи мухъ. Но для большаго подтвержденія даннаго факта не доставало только опытовъ, которые давали бы болѣе твердую точку опоры. Подобнаго рода изслѣдованія впервые были произведены *Реймертомъ* въ концѣ шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія. Онъ бралъ домашнихъ и мясныхъ мухъ и сажалъ ихъ подъ стеклянный колпакъ. Тамъ находился сосудъ, въ который была налита вода съ примѣсью высушенныхъ бациллъ сибирской язвы. Мухи забирались въ сосудъ, пили изъ него жидкость и загрязняли послѣдней свои члены. Спустя два часа можно было констатировать нахожденіе палочекъ сибирской язвы въ хоботкѣ мухъ, а нѣсколько поздне и въ ихъ экскрементахъ. Затѣмъ, Реймертъ вязалъ хоботокъ, ножки и крылья мясныхъ мухъ и сдѣлалъ подкожное впрыскиваніе морской свинкѣ. Последняя умерла отъ сибирской язвы. Изъ этого опыта экспериментаторъ вывелъ заключеніе, что мухи, которыя приходятъ въ соприкосновеніе съ животными, павшими отъ сибирской язвы, могутъ служить переносчиками заразы. Подобнаго рода опыты Реймертъ производилъ и надъ кусающимися мухами. Но такъ какъ послѣднія не хотѣли пить предлагаемую имъ жидкость, то Реймертъ заключилъ, что онѣ не могутъ заражать при помощи укуса. Но за послѣднее время *Раильэ* высказываетъ по этому поводу болѣе вѣроятное соображеніе. Онъ думаетъ, что кусающіяся мухи могутъ своимъ хоботкомъ привить заразу, если онѣ предварительно захватили ее на мертвомъ или больномъ животномъ. Хотя муха, вонзая хоботъ въ кожу, затѣмъ втягиваетъ въ себя кровь, а не выдѣляетъ жидкость въ рану, все-таки туда могутъ попасть болѣзнетворные зародыши. Само собою понятно, что если насѣкомое, содержащее въ своемъ тѣлѣ заразу, будетъ убито, когда оно кусаетъ, то въ данномъ мѣстѣ останется большее количество зародышей и зараженіе совершается легче.

Въ 1898 году *Нюталъ* произвелъ опыты надъ другими насѣкомыми: клопами, блохами. Онъ сажалъ ихъ на животное, умершее отъ сибирской язвы, затѣмъ пересаживалъ на здоровое. Для этой цѣли онъ бралъ преимущественно мышей, которыя отличаются болѣе чувствительностью къ данной болѣзни. Всего было взято восемь здоровыхъ животныхъ, на которыхъ посадили 124 зараженныхъ клопа. Результатъ получился отрицательный. Мыши всѣ остались живы и здоровы. Потомъ было доказано, что сибирезвенныя бациллы быстро умираютъ въ тѣлѣ клопа, особенно при сравнительно близкой температурѣ, 37° С. Возможность зараженія при помощи клоповъ вѣроятно только въ томъ случаѣ, если на расчесанномъ мѣстѣ кожи раздавить зараженнаго клопа.

Блохи также едва ли играютъ большую роль при распространеніи сибирской язвы. Опыты показали, что въ ихъ организмѣ сибирезвенныя бациллы быстро умираютъ. Животныя, искусанныя зараженными блохами, оставались живы.

Чума также можетъ распространяться при помощи насѣкомыхъ. Еще въ давнія времена замѣчали, что появленіе чумы сопровождалось обиліемъ мухъ. *Варвичъ* говоритъ, что въ 1576 году въ Англіи свирѣпствовала сильная чума, гдѣ было чрезвычайно жаркое и народилась масса мухъ. *Димерброкъ*, описавшій эпидемію чумы, свирѣпствующую въ 1646 году въ Норвегіи в Гол-

ландіи, говорить, что дѣто характеризовалось метеорами, сильнымъ жаромъ и множествомъ насѣкомыхъ.

Изъ болѣе позднихъ наблюденій заслуживаютъ вниманія слѣдующія. *Гезеръ* говоритъ, что въ концѣ пятидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія въ Триполи, въ городѣ Бенгази была сильная чумная эпидемія. Въ городѣ насчитывалось около десяти тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ погибло двѣ трети. Бенгази былъ очень грязенъ и тамъ было такое обиліе насѣкомыхъ, что турки назвали его царствомъ мухъ.

Герсинъ былъ первый, который нашелъ зародыши чумы въ тѣлѣ мухъ. Въ 1894 году, въ Гонконгѣ свирѣпствовала чума. Герсинъ замѣтилъ что въ его лабораторіи, гдѣ онъ производилъ различные опыты, валяется множество мертвыхъ мухъ. Въ этомъ же помѣщеніи онъ изслѣдовалъ тѣла животныхъ, умершихъ отъ чумы. Онъ ваялъ мертвую муху, отрѣзалъ у нея лапки и крылья, а тѣло растеръ и развелъ въ бульонѣ. Изслѣдованіе жидкости показало, что въ ней содержится много бактерий, которыя считаются причиной чумнаго заболѣванія. Полученную смѣсь Герсинъ вприснулъ морскимъ свинкамъ. Черезъ сорокъ восемь часовъ послѣднія погибли отъ чумы. Основываясь на этомъ опытѣ, онъ сдѣлалъ заключеніе, что чумная зараза пагубна для мухъ и что онѣ могутъ служить средствомъ для ея распространенія.

За послѣдніе годы *Нюталь* произвелъ опыты надъ мухами съ цѣлью рѣшить вопросъ, насколько онѣ дѣйствительно могутъ распространять чумную заразу. Онъ бралъ для этой цѣли обыкновенныхъ комнатныхъ мухъ, помѣщалъ ихъ въ особый аппаратъ, гдѣ находились размельченные органы животныхъ, умершихъ отъ чумы. Для контроля онъ устроилъ другой аппаратъ, въ которомъ были также размельченные органы животныхъ, но только здоровыхъ. руда онъ также посадилъ мухъ. Черезъ восемь дней онъ замѣтилъ, что въ первомъ аппаратѣ мухи всѣ умерли, тогда какъ во второмъ только двѣ изъ десяти, очевидно болѣе слабыя. Подобные опыты *Нюталь* производилъ нѣсколько разъ и получилъ такіе же результаты. Онъ замѣтилъ, что при болѣе высокой температурѣ мухи гибнутъ скорѣе, нежели при низкой. При 23—28° С онѣ умирали большею частью черезъ три дня.

Такъ какъ мухи, зараженные чумой, могли жить нѣсколько дней, то *Нюталь* думаетъ, что онѣ могутъ способствовать распространенію заразы въ довольно значительной степени. Насытившись тѣломъ чумнаго животного, муха начинаетъ всюду летать. Она садится на людей, на животныхъ, на пищу, — на различные предметы и всюду оставляетъ свои экскременты, въ которыхъ могутъ находиться жизнеспособныя бактерии. Такимъ образомъ зараза разносится всюду. Поэтому во время эпидеміи очень важно, какъ можно скорѣе уничтожать трупы животныхъ, погибшихъ отъ чумы, или поливать ихъ какой-нибудь дезинфицирующей жидкостью, которая не только убивала бы заразу, но и отгоняла бы прочь мухъ. То же самое, конечно, слѣдуетъ дѣлать и съ различными выделениями какъ людей, такъ и животныхъ, больныхъ чумою. Очень важно также во время эпидеміи оберегать пищевыя вещества отъ нашествія мухъ.

Нѣкоторые ученые замѣтили, что, кромѣ мухъ, и другія насѣкомыя могутъ распространять заразу чумы. *Ганкинъ* бралъ экскременты муравьевъ, которые питались тѣлами крысъ, погибшихъ отъ данной болѣзни, и дѣлалъ изъ нихъ вспрыскиваніе крысамъ и мышамъ. Такимъ образомъ онъ заражалъ ихъ чумой и онѣ умирали. Авторъ думаетъ, что такіе зараженные муравьи могутъ распространять чуму даже среди людей, когда, разыскивая воду, они заберутся въ ванную комнату и оставятъ тамъ свои экскременты. Онъ пришелъ къ заключенію, что сами муравьи отъ чумы не умираютъ и сохраняютъ зародыши послѣднихъ въ своемъ тѣлѣ только короткое время. Однажды онъ нашелъ зараженнаго муравья въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ трупъ чумной крысы. Но тамъ,

гдѣ лежали только трупы людей, погибшихъ отъ данной заразы, онъ находилъ исключительно незараженныхъ муравьевъ. Въ Индіи мертвыя крысы очень быстро съѣдаются этими насѣкомыми, потому Ганкинъ склоненъ думать, что они играютъ немаловажную роль въ распространеніи заразы среди людей.

Огата находилъ также чумныхъ зародышей въ тѣлѣ блохъ, которыхъ онъ собиралъ на трупахъ крысъ, погибшихъ отъ чумы. Онъ думаетъ, что и блохи могутъ способствовать распространенію заразы при помощи укуса. То же предположеніе дѣлается и относительно москитовъ и клоповъ. Нѣмецкая чумная коммиссія (1897 г.) считаетъ это мало вѣроятнымъ. Но она думаетъ, что упомянутыя насѣкомыя *косвеннымъ* образомъ могутъ способствовать распространенію заразы. Ихъ укусы вызываютъ раздраженіе кожи. Укушенное мѣсто чешется и на немъ образуются ссадины, черезъ которыя зараза можетъ проникать внутрь организма. Потому среди простаго народа, гдѣ господствуетъ обиліе всяческихъ насѣкомыхъ, чума находитъ благодарную почву. Прививка заразы, взятой изъ тѣла блохъ, морскимъ свинкамъ дала положительные результаты. Послѣднія вскорѣ погибали отъ чумы. Потому весьма возможно, что *Огата* правъ и укусы блохъ могутъ способствовать зараженію.

Блопы также, повидимому, играютъ здѣсь извѣстную роль. *Яшанна* упоминаетъ про одинъ случай, наблюдаемый имъ. Его пациента укусила блоха. Осталась маленькая ранка и больной заразился чумой. Авторъ думаетъ, что въ данномъ случаѣ зараза была занесена не клопомъ, но рана послужила только отверстіемъ, черезъ которое она проникла.

Для того, чтобы выяснитъ вопросъ о роли клоповъ при распространеніи заразы, *Нюталь* произвелъ опыты. Онъ бралъ клоповъ и сажалъ ихъ на чумныхъ крысъ и мышей. Затѣмъ онъ переносилъ ихъ на здоровыхъ мышей. Исслѣдованіе показало, что въ тѣлѣ клопа могутъ находиться чумные зародыши. Они тамъ остаются въ живыхъ дней пять. Несмотря на это, животныя, укушенные зараженными клопами, всё остались въ живыхъ. Изъ этого *Нюталь* выводитъ заключеніе, что укусы клоповъ могутъ заразить только въ исключительныхъ случаяхъ. Но онъ признаетъ весьма вѣроятнымъ, что если клопъ укуситъ и мы раздавимъ его и затѣмъ расчешемъ укушенное мѣсто, то чума можетъ проникнуть въ наше тѣло и мы заболѣваемъ. Конечно, это можетъ случиться только тогда, если чумные зародыши въ тѣлѣ клопа еще не умерли.

Въ Индіи во время послѣдней чумной эпидеміи *Симондъ* сдѣлалъ наблюденіе, что очень часто люди, которые касались труповъ чумныхъ крысъ, заражались. Онъ думаетъ, что въ данномъ случаѣ блохи играли немаловажную роль. Онъ замѣтилъ, что чаще всего зараза передавалась людямъ въ томъ случаѣ, если они касались труповъ крысъ вскорѣ послѣ ея смерти. Если же они лежали въ некоторое время, то зараза не передавалась. Обыкновенно та крыса, которая умерла въ ночь, утромъ была опасна при прикосновеніи. Въ его практикѣ не было ни одного случая, чтобы человекъ заболѣлъ чумой, придя въ соприкосновеніе съ трупомъ крысы, пролежавшей сутки.

Симондъ, произвелъ опыты съ цѣлью выяснитъ, какими путями зараза чумы проникаетъ въ животное. Онъ примѣшивалъ чумныхъ зародышей къ пищѣ, которою кормилъ послѣднее. Обыкновенно получался отрицательный результатъ. Но впрыскиваніе заразы подъ кожу давало положительный результатъ. Потому *Симондъ* думаетъ, что чума обыкновенно проникаетъ черезъ кожу, цѣлостъ которой нарушена. У животныхъ онъ не могъ прослѣдить, насколько вѣрно его предположеніе, но люди дали положительныя указанія. Въ одной двадцатой всѣхъ случаевъ, когда у него были чумные больные, онъ находилъ на ихъ тѣлѣ маленькія ранки и ссадины, которыя при дотрагиваніи были болѣзненны. Онъ обыкновенно появлялись ранѣе общаго заболѣванія, сохранялись до смерти и содержали въ себѣ чумные зародыши. Подобныя ранки и ссадины встрѣчаются

*

обыкновенно на тонкихъ мѣстахъ кожи, вблизи чумныхъ бубоновъ. По этому поводу Симондъ разсказываетъ, что двое японскихъ врачей при вскрытіи труповъ умершихъ отъ чумы слегка порѣзали себѣ руки и заразились. Проявленіе болѣзни у нихъ было подобно только что описаннымъ.

Симондъ при помощи опытовъ доказалъ, что крысинныя блохи могутъ переходить на другихъ животныхъ. Онъ находилъ въ тѣлѣ блохъ, взятыхъ съ трупа чумной крысы, болѣзнетворныхъ зародышей. Онъ смѣшивалъ воду съ растертыми тѣлами блохъ и дѣлалъ впрыскиваніе тремъ мышамъ. Одна умерла отъ чумы черезъ 80 часовъ. Симондъ дѣлалъ и такой опытъ. Бралъ блохъ съ кошки и сажалъ ихъ на трупъ чумной крысы. Въ одномъ ящикѣ съ послѣдней находилась и здоровая крысы. Послѣдняя умерла отъ чумы. Опытъ съ мышами далъ подобный же результатъ. Два опыта съ крысами были отрицательные. Симондъ думаетъ, что въ такихъ случаяхъ крысы выловили блохъ и съѣли. Онъ вообще приписываетъ блохамъ очень большую роль въ распространеніи чумной заразы среди крысъ и мышей. Онъ думаетъ, что безъ первыхъ послѣднія не могутъ заражать другъ друга. Въ доказательство Симондъ приводитъ слѣдующій опытъ. Онъ взялъ семь здоровыхъ крысъ и посадилъ ихъ вмѣстѣ съ чумной въ одну клетку. Блохи у всѣхъ были выловлены. Здоровыя и больная оставались вмѣстѣ цѣлыя сутки и зараза не передавалась.

Симондъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ передачу чумы блохами. Когда онъ кусаетъ животное или человѣка, то возлѣ ранки и даже на ея поверхности остаются экскременты, содержащія заразу, которая проникаетъ въ тѣло черезъ укушенное мѣсто. Онъ думаетъ, что различныя формы чумы у человѣка и животныхъ появляются, главнымъ образомъ, благодаря посредничеству паразитовъ, преимущественно блохъ. Потому чума особенно свирѣпствуетъ въ грязныхъ жилищахъ. Зараза при помощи блохъ должна передаваться гораздо рѣже отъ человѣка къ человѣку, нежели съ крысъ людямъ. Потому во время эпидеміи не слѣдуетъ касаться крысинныхъ труповъ или очень близко подходить къ нимъ до тѣхъ поръ, пока на нихъ блохи не будутъ убиты. Послѣднее лучше всего дѣлать при помощи кипятка.

Симондъ не приводитъ фактовъ, доказывающихъ, что крысинныя блохи могутъ переселяться на человѣка и кусать его. Но судя по наблюденіямъ, которыя показываютъ, что блохи съ другихъ животныхъ — съ птицъ, собакъ, кошекъ, могутъ переходить на человѣка и жалить его, надо думать, что и крысинныя блохи способны къ тому же. Это особенно возможно во время эпидеміи, когда крысы мрутъ массами. Въ такомъ случаѣ въ поискахъ за пищей блохи перескакиваютъ съ труповъ на лошадей.

Ужасающія цифры жертвъ, уносимыхъ *холерными* эпидеміями заставляли ученыхъ заняться вопросомъ объ участіи, какое принимаютъ наѣкомыя въ распространеніи заразы. Какъ и чума, холера свирѣпствуетъ преимущественно въ грязныхъ городахъ и въ грязныхъ скученныхъ жилищахъ бѣднаго населенія, которыя изобилуютъ всякими паразитами. Поэтому вопросъ, насколько послѣднія участвуютъ въ распространеніи холерныхъ зародышей, имѣетъ немаловажное значеніе.

Въ 1849 году *Николасъ* наблюдалъ холеру въ Мальтѣ. Онъ высказываетъ предположеніе, что мухи принимаютъ участіе въ распространеніи заразы. Въ огромномъ числѣ онъ летали туда и сюда, садились на экскременты, затѣмъ на людей, на пищу, всюду оставляя свои испражненія. *Николасъ* разсказываетъ такой случай.

Одинъ англійскій корабль находился впродолженіи шести мѣсяцевъ въ плаваніи по Средиземному морю. За это время на немъ было нѣсколько холерныхъ заболѣваній. При отплытіи на борту корабля сидѣло множество мухъ. Постепенно онѣ исчезли. Съ ними прекратилась и холера. Когда корабль воз-

вратился въ Мальту, то произошло опять нашествіе мухъ. Холера начала снова свирѣпствовать на немъ, хотя не было никакого сообщенія съ берегомъ. Послѣ новаго отплытія корабля мухи исчезли, холера тоже прекратилась.

Флюге, извѣстный нѣмецкій ученый, думаетъ, что насѣкомыя въ холерное время заражаютъ пищу и тѣмъ способствуютъ распространенію болѣзни. Ихъ число сильно колеблется въ различныхъ мѣстахъ и въ разное время. Потому тамъ, гдѣ ихъ много, они могутъ играть важную роль. Флюгге замѣчаетъ, что въ тѣ мѣсяцы, когда особенно свирѣпствуетъ холера, всегда бываетъ много мухъ.

Маддоксъ былъ первый, кто открылъ присутствіе живыхъ холерныхъ спиралль въ экскрементахъ мухъ. Русскій ученый *Савченко* кормилъ мухъ холерными зародышами, разведенными въ бульонѣ, и затѣмъ изслѣдовалъ ихъ испраженія. Уже спустя два часа онъ могъ находить въ послѣднихъ холерную бациллу. Сначала она встрѣчалась вмѣстѣ съ другими зародышами. Но потомъ, когда мухамъ пришлось питаться исключительно вышеупомянутымъ бульономъ, то послѣдніе постепенно исчезли и остались только холерныя спирали. Савченко высказываетъ мнѣніе, будто бы онѣ могутъ размножаться въ организмѣ мухъ. При помощи прививокъ животнымъ онъ пришелъ къ заключенію, что холерная зараза не теряетъ своей силы, побывавъ въ организмѣ даннаго насѣкомаго. Во время послѣдней холерной эпидеміи въ Гамбургѣ *Симондсъ* работалъ въ одной старой больницѣ. Тамъ было помѣщеніе для вскрытій, гдѣ лежало много труповъ умершихъ отъ холеры и ихъ кишки. Въ комнатѣ постоянно присутствовало множество мухъ. Симондсъ изслѣдовалъ тѣло нѣкоторыхъ изъ нихъ и нашелъ холерныхъ спиралль. Чтобы предупредить распространеніе холеры при ихъ помощи, трупы немедленно послѣ вскрытія зашивались и обмывались. Вся грязь быстро убиралась. Послѣ этого онъ не находилъ холерныхъ зародышей въ тѣлѣ мухъ, бывшихъ въ помѣщеніи для вскрытій.

Чтобы выяснитъ вопросъ, какъ долго холерныя спирали могутъ жить на тѣлѣ мухъ, Симондсъ произвелъ слѣдующіе опыты. Девять мухъ было посажено на кишку умершаго отъ холеры. Потомъ ихъ перенесли въ большую козубу, въ которой онѣ могли свободно летать и двигаться. Изслѣдованіе показало, что на ихъ поверхности зародыши сохраняли свою жизнеспособность 4—45 минутъ, и даже 1½ часа. Изъ этого Симондсъ вывелъ заключеніе, что во время холерной эпидеміи мухи могутъ играть важную роль. Поэтому надо подвергать тщательной дезинфекціи испраженія холерныхъ больныхъ и оберегать пищу отъ мухъ.

О томъ, какое громадное количество болѣзнетворныхъ зародышей могутъ переносить на своемъ тѣлѣ мухи, показываютъ опыты *Уффельмана*. Онъ бралъ мухъ, кормилъ ихъ разводкой холерныхъ бациллъ и затѣмъ производилъ изслѣдованіе сначала надъ обезжележенной желатиной. Отъ одной мухи получилось 10.500 зародышей, отъ другой 25. Подобные же опыты, произведенныя надъ стерильнымъ молокомъ, которое зараженныя мухи пили, показали 100 зародышей холеры въ одной каплѣ молока. Мясо дало также соотвѣтственные результаты.

Основываясь на опытахъ Савченко и Уффельмана, Флюгге замѣчаетъ: «Въ маленькихъ жилищахъ, гдѣ нѣтъ никакой перегородки между кухней и больными, позднимъ лѣтомъ и осенью, когда появляется множество мухъ, ихъ посредничество при переносѣ заразы на пищу должно обращать на себя особенное вниманіе. Различныя пищевыя вещества, особенно во влажномъ состояніи, могутъ долго сохранять на себѣ холерныхъ бациллъ, оставленныхъ на нихъ мухами».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Масгас вмѣстѣ съ *Хавкингамъ* и *Симпсономъ* произвелъ изслѣдованіе въ Индіи во время холерной эпидеміи. Наблюденіе было сдѣлано надъ тюрьмой. Въ ней появилась холера и что всего страннѣе, только въ мужскомъ отдѣленіи. Женское было отгорожено отъ послѣдняго вы-

сокой стѣной, которая была большимъ препятствіемъ для переселенія мухъ изъ одного отдѣленія въ другое. Въ мужскомъ въ разныхъ мѣстахъ были разставлены пробы молока. На нихъ садилось множество мухъ. Онѣ оставляли холерныхъ бациллъ, что было доказано разводками. Даже въ коровьихъ хлѣвахъ пробы оказывались зараженными. Мухи стаями садились на холерныя испражненія, а потомъ переселялись на молоко и рисъ. Основываясь на подобномъ наблюденіи Масгас думаетъ, что мухи представляютъ въ высшей степени важнымъ агентомъ при распространеніи данной болѣзни.

Бухманъ сдѣлалъ подобное же наблюденіе въ Burduan'ѣ надъ заключенными въ тюрьмѣ. Была эпидемія холеры и появилось множество мухъ. Возлѣ тюрьмы было нѣсколько хижинъ, среди обитателей которыхъ свирѣпствовала болѣзнь. Сильный вѣтеръ занесъ оттуда большое количество мухъ въ тюрьму. Онѣ напали на пищу заключенныхъ. Среди послѣднихъ появилась холера.

Существуютъ наблюденія, которыя указываютъ на возможность распространенія другихъ заразныхъ болѣзней при помощи насѣкомыхъ. *Алесси* находилъ тифозныхъ бациллъ въ экскрементахъ и тѣлѣ мухъ. *А Ведеръ*, указывая на возможность распространенія заразы при помощи послѣднихъ, рассказываетъ слѣдующее. Въ одномъ домѣ онъ видѣлъ, какъ въ сосудѣ, только что опорожненный отъ испражненій тифознаго больного и дезинфицированный, забрались мухи, а потомъ отсюда могли легко переселиться въ крынку молока, которую только что принесли изъ коровника и поставили почти рядомъ съ первымъ, и заразить его. «Можно ли удивляться послѣ этого, если въ этомъ домѣ и въ сосѣднемъ свирѣпствуетъ брюшной тифъ?» спрашиваетъ Ведеръ. Въ одномъ лагерѣ, гдѣ была тифозная эпидемія, онъ также производилъ наблюденія надъ дѣятельностью мухъ. Тамъ съ экскрементами больныхъ обходились очень небрежно. Безчисленное число мухъ ползало по нимъ, а потомъ онѣ отправлялись въ кухню и столовую и нападали на провизію. Авторъ видѣлъ, какъ онѣ носились цѣлыми стаями взадъ и впередъ.

Туберкулезъ въ настоящее время представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ ужасныхъ бичей, которые свирѣпствуютъ среди населенія. Аккуратно, изъ года въ годъ онъ уноситъ большое число жертвъ, преимущественно въ цвѣтущемъ возрастѣ, когда человѣкъ могъ бы быть полезенъ обществу своимъ производительнымъ трудомъ. Потому совершенно естественно, что ученые обратили вниманіе на то значеніе, которое имѣютъ насѣкомыя въ данномъ случаѣ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ *Шильманнъ* и *Гаусальтеръ* произвели опыты, доказывающіе возможность распространенія коховскихъ бациллъ при помощи мухъ. Они брали мухъ и ихъ экскременты со стѣнъ одной больничной палаты и изслѣдовали ихъ на туберкулезные зародыши. Въ томъ и въ другомъ оказалось много послѣднихъ. То же самое нашелъ и *Госманъ*, который производилъ опыты надъ мухами и ихъ испражненіями въ комнатѣ, гдѣ короткое время оставался одинъ чахоточный больной, умершій очень скоро. Сами мухи, повидимому, могутъ также гибнуть отъ туберкулеза. Кормленіе мокротой, содержащей коховскія бациллы, убивало ихъ въ 24 часа. Прививка содержаго въ кишкахъ мухъ служила причиной развитія туберкулеза у морскихъ свинокъ.

Девеверъ произвелъ опыты съ клопами, которыхъ онъ бралъ съ постели одного туберкулезнаго больного. Комната послѣдняго отличалась замѣчательной нечистоплотностью. Мокрота выплевывалась прямо на полъ, который не мылся цѣлые мѣсяцы. Девеверъ дѣлалъ морскимъ свинкамъ вспрыскиваніе изъ собранныхъ тамъ клоповъ и онѣ погибали отъ туберкулеза. Клопы давали также разводки коховскихъ бациллъ. Микроскопическое изслѣдованіе и разводки показали, что 60% всѣхъ клоповъ содержали въ себѣ заразу. Авторъ думаетъ,

что туберкулезные зародыши могутъ жить и размножаться въ тѣлѣ клопа и что послѣдній служитъ для распространенія заразы.

Въ Египтѣ давно уже замѣчали, что такъ называемая *египетская офтальмія* разносится мухами. *Даверманъ* говоритъ, что данная болѣзнь постоянно появляется тамъ въ жаркое время года. Онъ сплошь и рядомъ наблюдалъ, что глаза новорожденныхъ бывали покрыты массой мухъ, которыя ползали по нимъ взадъ и впередъ и переносили на своемъ тѣлѣ заразу съ больныхъ глазъ на здоровые.

Шварцъ во Флоридѣ наблюдалъ одну муху, которая отличается особенной склонностью усаживаться на глазахъ людей и животныхъ, а также и на раны. Онъ думаетъ, что эти насекомыя могутъ способствовать переносу заразы. *Губбартъ* придерживается того же мнѣнія. Онъ говоритъ, что во Флоридѣ время отъ времени появляется въ видѣ эпидеміи серьезное заболѣваніе глазъ. Онъ думаетъ, что въ школахъ и въ различныхъ другихъ мѣстахъ скопленія народа зараза можетъ переноситься мухами.

Девееръ при помощи опытовъ доказалъ возможность переноса *impetigo* при помощи вшей. Онъ бралъ послѣднихъ съ головы больныхъ дѣтей и сажалъ ихъ на голову здоровыхъ. Черезъ нѣсколько дней у послѣднихъ появлялось то же заболѣваніе. Подобные опыты повторялись много разъ съ одинаковыми результатами. Производились также и слѣдующіе опыты. Онъ бралъ вшей съ головы здороваго ребенка и сажалъ на голову больного, затѣмъ черезъ двадцать минутъ переносилъ ихъ опять на перваго, зараза и тутъ передавалась.

По поводу этого мимоходомъ замѣтимъ слѣдующее. Вѣсѣмъ извѣстно, что если чесаться общимъ гребнемъ, которымъ пользуются многіе, то такимъ образомъ можно занести себѣ какую-нибудь болѣзнь волосъ. Весьма возможно, что въ данномъ случаѣ играютъ извѣстную роль не только невидимые микроорганизмы, но и видимые паразиты, которыхъ мы заносимъ себѣ вмѣстѣ съ гребнемъ и которые дарятъ насъ заразой. Потому для сохраненія себя отъ послѣдней лучше всего всегда пользоваться только своимъ собственнымъ гребнемъ.

Существуютъ наблюденія, что и нѣкоторыя другія болѣзни также могутъ передаваться при помощи насекомыхъ. Изъ нихъ мы упомянемъ про септицемию, пиемію, рожу, желтую и перемежающуюся лихорадку, проказу. Кто знаетъ, можетъ быть, при распространеніи дифтерита, скарлатины, кори, насекомыхъ также принимаютъ дѣятельное участіе. Данный вопросъ настолько заинтересовалъ бактериологовъ и врачей, что надо ожидать многочисленныхъ опытовъ и наблюденій. Можетъ быть, посредничествомъ насекомыхъ объясняются тѣ случаи, когда нельзя доискаться причины заболѣванія. До сихъ поръ наши невидимые враги настойчиво разыскивались въ воздухѣ, водѣ, почвѣ. Теперь пришелъ чередъ насекомыхъ и разныхъ человѣческихъ паразитовъ, съ которыми мы находимся въ такомъ тѣсномъ общеніи. Кто знаетъ, если бы, напр., задумали прослѣдить насекомыхъ, вѣдущихъ на повздахъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходахъ во время холерной эпидеміи, то убѣдились бы, что они не мало способствуютъ распространенію заразы по путямъ сообщенія. Можетъ быть, тогда объяснились бы и тѣ случаи, когда холера какъ бы перескакиваетъ черезъ одни города и деревни и останавливается въ другихъ. А переходъ заразы изъ одной квартиры въ другую и повторное появленіе заразы въ одномъ и томъ же помѣщеніи развѣ не можетъ объясняться при помощи мухъ, блохъ клоповъ, таракановъ. Вообще опыты надъ насекомыми могутъ доставить много выводовъ важныхъ для народнаго здравія.

Все вышесказанное легко можетъ привести многихъ въ уныніе. Какъ уберечься отъ заразы, если шальная муха, клопъ, блоха, тараканъ награждаютъ насъ болѣзнетворными зародышами? Выходить, отъ заразы какъ будто нѣтъ и спасенія. Но мы съ своей стороны въ этомъ видимъ новое доказательство

общности интересовъ, всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, живущихъ въ извѣстной мѣстности и необходимости радикальныхъ мѣръ для улучшенія ея положенія въ санитарномъ отношеніи.

Говоря о роли насѣкомыхъ въ распространеніи заразныхъ болѣзней, ученые не одинъ разъ указываютъ на особенно благоприятныя для этого условія, которыми существуютъ въ грязныхъ городахъ и грязныхъ жилищахъ. Въ послѣднихъ мухи, тараканы и разные человѣческіе паразиты находятъ обильную пищу для своего питанія и размножаются въ огромномъ числѣ. Города, которые не думаютъ о водвореніи у себя санитаріи, жилища бѣднаго населенія, въ которыхъ господствуетъ тѣснота и грязь, всегда изобилуютъ всякаго рода насѣкомыми. Неряшливые обитатели какой-либо мѣстности спокойно выбрасываютъ остатки пищи около своего жилища и тѣмъ гостеприимно приглашаютъ къ себѣ мириады мухъ. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ пріѣхали на возу или въ вагонѣ изъ холерной мѣстности. Сначала онѣ дарятъ заразу одному-двумъ, а потомъ появляется эпидемія. Въ этомъ, конечно, виноваты сами обитатели, которые не позаботились водворить чистоту возлѣ своего жилища.

Посѣщая жилища петербургскихъ рабочихъ, я всегда поражалась обиліемъ мухъ, которыя тамъ находились, и равнодушіемъ, проявляемымъ къ нимъ хозяевами. Мнѣ постоянно приходилось видѣть остатки пищи на столахъ, на которыхъ ползали мириады мухъ. Маленькія дѣти по отношенію къ послѣднимъ оказывались въ самомъ беспомощномъ положеніи. Ребенокъ, обыкновенно спеленатый, самъ былъ лишенъ возможности защищаться отъ мухъ, которыя безнаказанно ползали по его лицу. Матери некогда гоняться за ними, а нянька, какая-нибудь восьмилѣтняя дѣвочка, объ этомъ и не подумаетъ. Здѣсь же около ребенка валяется его соска или рожокъ, на которые мухи садятся безпрепятственно. Тутъ же рядомъ стоитъ чашка или бутылка съ молокомъ, ничѣмъ не покрытая. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что городская бѣднота ютится цѣлыми семьями въ одной и той же квартирѣ и имѣетъ одну общую кухню, намъ станетъ понятно, какъ легко могутъ передавать мухи заразу, напр., при помощи пищи, не только дѣтямъ, но и взрослымъ. Каждое дѣто среди маленькихъ дѣтей свирѣпствуетъ дѣтская холера и острый желудочно-кишечный катарръ, уносящіе огромное число жертвъ особенно въ іюлѣ и августѣ, когда появляется много мухъ. Весьма возможно, что послѣднія играютъ здѣсь немаловажную роль.

Мнѣ вспоминаются семьи, имѣющія нѣсколько человекъ дѣтей, помѣщающихся на одной кровати, въ которой всегда масса блохъ и клоповъ. Заболѣваетъ одинъ корью или скарлатиной. Онъ продолжаетъ спать на той же постели вмѣстѣ съ другими. Послѣднія, пока здоровы, бѣгаютъ на дворъ съ сосѣдними дѣтьми, заходятъ къ нимъ въ квартиры и награждаютъ ихъ зараженными насѣкомыми. Эпидемія начинаетъ переходить изъ одной семьи въ другую, захватывая все большій и большій районъ.

Приходилось мнѣ бывать и въ артельныхъ квартирахъ, гдѣ вмѣсто кроватей употребляются нары. На послѣднихъ спитъ десять, двѣнадцать, двадцать и больше человекъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Грязь, тѣснота — такая благодарная почва для развитія всякаго рода насѣкомыхъ! Когда передъ холерой въ Петербургѣ производились осмотры квартиръ бѣднаго населенія, то пытались водворить тамъ нѣкоторую чистоту. Для этой цѣли разбирались нары, изъ которыхъ сыпалась такая масса разныхъ насѣкомыхъ, что они буквально покрывали весь полъ. Что же удивительнаго, если сыпной и возвратный тифъ бываютъ частыми гостями въ артельныхъ квартирахъ? Какое значеніе будетъ имѣть здѣсь дезинфекція помѣщенія, если рабочій носитъ на своемъ тѣлѣ и своемъ платкѣ зараженныхъ паразитовъ; если послѣднія могутъ попрыгаться

отъ дезинфицирующихъ средствъ въ щели, подъ полъ, переключать въ соседнюю комнату и даже въ соседнюю квартиру?

Вообще, чѣмъ больше стараются выяснитъ пути, при помощи которыхъ распространяется зараза, тѣмъ больше приходятъ къ убѣжденію, что одно спасеніе отъ послѣдней предупреждающія мѣры. Поддерживать чистоту почвы при помощи канализаціи и своевременнаго удаленія домашнихъ отбросовъ и нечистотъ необходимо не только потому, что въ ней можетъ быть зараза, но и потому, что на грязной почвѣ размножается множество насѣкомыхъ. Обильное количество чистой воды нужно населенію не только для того, чтобы съ ней въ его желудокъ не попали зародыши брюшнаго тифа и холеры, но и для водворенія среди него большей чистоты. Въ жилищахъ бѣднаго населенія надо уменьшить тѣсноту не только потому, что выдѣленія человеческого организма портятъ воздухъ, и дѣлаютъ его ядовитымъ для людей и что въ немъ накапливается масса болѣзнетворныхъ зародышей, но и для водворенія въ нихъ большей чистоты, для уничтоженія массы насѣкомыхъ, которыя тамъ господствуютъ. Все это до того ясно и очевидно, что можно только пожалѣть, что такъ туго прививается нашему обществу идея о необходимости различныхъ радикальныхъ санитарныхъ мѣръ. Только послѣднія могутъ дѣйствительно охранять народное здравіе, предупреждать эпидеміи.

Женщина-врачъ М. И. Покровская.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Астрономія. *Полное солнечное затменіе 18 Мая.* 18 мая (нов. ст.) около 5 часовъ утра во всемъ азиатскомъ архипелагѣ (на о-вахъ Суматрѣ, Борнео, Маврикія, Целебесѣ, Новой Гвинее и др.) въ теченіе приблизительно 6 минутъ наблюдалось полное солнечное затменіе; на юго-востокѣ Африки оно было только частнымъ. Всѣ культурныя страны снарядили для наблюденій этого затменія особыя экспедиціи, американцы и англичане не удовольствовались одной и выслали—первыя 4, а вторыя 2 экспедиціи. Насколько можно судить по краткимъ предварительнымъ сообщеніямъ, результаты наблюденій, несмотря на облачную погоду въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ общемъ удовлетворительны. Такъ, американцы получили хорошія фотографіи солнечныхъ протуберанцевъ, сфотографировали ультра-фіолетовая часть спектра хромосферы и произвели много другихъ спектроскопическихъ изслѣдованій. Прекрасныя фотографіи спектровъ получилъ также и англичанинъ Newall, а гринвичскому астроному Duzon удалось сдѣлать хорошіе снимки солнечной короны, которая очень похожа на корону прошлаго года. Русскіе астрономы сняли 6 фотографій черезъ облака *cirtus* и, конечно, получили не очень ясныя изображенія. При помощи особыхъ, приборовъ была констатирована довольно значительная поляризація блестящихъ частей короны. Кажется, особенно удачными были наблюденія французскихъ астрономовъ. Такъ, астрономъ De la Vuille-Pluvinel, наблюдавшему затменіе на о-вѣ Суматрѣ, при весьма благоприятныхъ атмосферныхъ условіяхъ, удалось выполнить всю намѣченную имъ программу. Онъ сообщаетъ, между прочимъ, что вращенія короны не замѣчено, и что столь рѣзкія во время затменія 1871 и 1883 г. фраунгоферовы линіи въ спектрахъ короны нынѣ не наблюдались. Болѣе подробно съ результатами наблюденій

этого затмения мы познакоимъ читателя, когда появятся отчеты астрономическихъ экспедицій.

Геологія и палеонтологія. Геологами давно уже было замѣчено, что почти всѣ горныя породы тропическихъ пустынь покрыты особой корою желтаго, коричневаго или чернаго цвѣта и также, что въ породѣ образованіе подобной коры начинается обыкновенно во вдавленныхъ мѣстахъ, напр., на кремнѣ черная кора появляется сначала въ тонкихъ зановистыхъ бороздахъ, характерныхъ для плоскостей излома этого минерала, и уже оттуда распространяется по поверхности всего камня.

Г. Линкъ считаетъ эту кору минеральнымъ новообразованіемъ, значительно отличающимся по своему химическому составу отъ самой породы. Новообразованія эти состоятъ, главнымъ образомъ, изъ окисей марганца и желѣза, затѣмъ кремнистой кислоты, глинозема, фосфорной кислоты и, конечно, произошли путемъ вывѣтриванія породы. Главнымъ разрушающимъ дѣятелемъ при этомъ является роса, благодаря большому содержанию въ ней углекислоты. Образовавшіяся углекислыя соли подъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ азотнокислаго аммонія и хлористаго натрія, а также высокой тропической температуры окисляются и переходятъ въ безводные окислы. Такимъ образомъ, темная кора горныхъ породъ тропическихъ пустынь является продуктомъ химическаго вывѣтриванія этихъ породъ при благоприятныхъ для сего условіяхъ климата тропическихъ пустынь, — именно сухости и отсутствія дождей. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ авторъ объясняетъ, напр., тотъ фактъ, что подобныхъ коръ не встрѣчается на породахъ тропическихъ же саваннъ; здѣсь тропическіе ливни смываютъ образовавшіеся продукты разрушенія горной породы и препятствуютъ образованію коры. Вообще нужно замѣтить, что такая кора образуется крайне медленно напр., несмотря на историческую древность пирамидъ, на нихъ нѣтъ и слѣда такихъ образованій.

Новый видъ копытнаго — Helladotherium Johnstoni. Еще Стенли въ описаніи своего послѣдняго путешествія въ Африку упоминалъ, что карлики, обитавшіе въ первобытныхъ лѣсахъ Землики, рассказывали, что тамъ водится животное, похожее больше всего на лошадь, но полосатое, какъ зебра, и нѣкоторыми признаками напоминающее жирафу. Гарри Джонстону бельгійскіе офицеры рассказывали, что на границѣ государства Конго дѣйствительно водится такое животное, за которымъ туземцы охотятся изъ-за его мяса и пестрой шкуры, но ни одному европейцу не удалось видѣть этого копытнаго, называемаго туземцами Окапи. Судя по описанію, Окапи — жвачное, съ раздвоенными копытами, строеніе передней части черепа его напоминаетъ тапира, задней — лошадь, длинныя уши съ тонковолосистой бахромой — ослы, задняя часть тѣла покрыта полосами, какъ у зебры, и украшена хвостомъ жирафы. До сего времени въ Англии имѣлись только куски шкуры Окапи, но все-же, на основаніи приведеннаго выше описанія зоологи отнесли это животное къ роду *Helladotherium*, принадлежащему къ семейству первобытныхъ жирафовъ, и вымершему въ Европѣ еще въ третичный періодъ. Недавно отправлены въ Англию два черепа и цѣлая шкура Окапи и родство его съ ископаемыми формами будетъ, конечно, установлено болѣе точнымъ образомъ, — но и теперь Окапи не избѣгъ общей участи всѣхъ новыхъ видовъ и получалъ латинское имя — *Helladotherium Johnstoni*.

Биологія и медицина. *Искусственное образованіе новыхъ видовъ бабочекъ подъ вліяніемъ температуры.* Лѣтъ 30 тому назадъ Вейсманъ показалъ, что въ зависимости отъ температуры окружающей среды куколки производятъ бабочекъ той или другой окраски, при этомъ Вейсману удалось искусственно произвести явленія такъ называемаго сезоннаго диморфизма, наблюдаемаго у нѣкоторыхъ видовъ бабочекъ. Подобнаго рода изслѣдованія снова воспроизведены

цюрихскимъ зоологомъ *Штандбуссомъ*. Интересные опыты этого ученаго показали, что подъ вліяніемъ температурныхъ измѣненій изъ куколокъ образуются бабочки другихъ видовъ, имѣющихъ распространеніе въ мѣстностяхъ весьма удаленныхъ отъ Цюриха.

Такъ куколки *Vanessa urtica*—бабочки, весьма распространенной въ Швейцаріи, сохранявшіяся при температурѣ отъ 4 до 6° Цельсія, дали бабочекъ вида *Vanessa polaris*, живущаго въ Лапландіи и другихъ сѣверныхъ странахъ. Если же куколки того же вида—*V. urtica* были подвергнуты дѣйствию температуры отъ 37 до 39° Цельсія, то получался видъ *V. ichnussa*, встрѣчающійся только въ Корсики и въ Сардиніи. Наконецъ, нѣкоторыя куколки этого же вида *V. urtica* подвергались три или четыре дня подрядъ дѣйствию температуры отъ 42 до 45° въ теченіи 2-хъ часовъ ежедневно. При этихъ условіяхъ получилась разновидность *V. ichnusoïdes*—разновидность, появляющаяся иногда въ жаркія лѣта въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ. Куколки *Machaon*, вида весьма распространеннаго въ умѣренныхъ странахъ, подвергнутыя дѣйствию относительно высокой температуры, давали разновидность, встрѣчающуюся въ іюлѣ и въ августѣ въ Сириі. Многія куколки другихъ видовъ дали при этихъ условіяхъ бабочекъ до сего времени неизвѣстныхъ. Вообще эти изслѣдованія показываютъ, что подъ вліяніемъ низкой температуры изъ куколокъ—получается разновидности холодныхъ странъ, подъ вліяніемъ высокихъ температуръ—разновидности тропическія или, во всякомъ случаѣ, присущія теплomu климату.

Вопросъ объ искусствѣнномъ полученіи, подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ условій, различныхъ видовъ или разновидностей—животнаго и растительнаго царствъ, въ связи съ вопросомъ о естественномъ диморфизмѣ видовъ, имѣетъ громадный научный интересъ, и мы надѣемся въ одномъ изъ ближайшихъ №№ нашего журнала дать болѣе или менѣе полный обзоръ относящихся сюда явленій.

Борьба съ комарами. Изъ статей г-жи Покровской и г. Торскаго, напечатанныхъ въ этомъ № нашего журнала, читатели могутъ видѣть, какое громадное значеніе имѣютъ насѣкомыя вообще въ дѣлѣ распространенія заразы и въ частности комары—въ распространеніи болотной лихорадки. Поэтому не удивительно, что въ настоящее время высказываютъ всевозможные способы, чтобы удерживать на почтительномъ разстояніи этихъ опасныхъ и надоедливыхъ враговъ. Г. *Онимусъ*, хорошо изучившій нравы комаровъ, утверждаетъ, что по отношенію къ этимъ насѣкомымъ поставленная задача крайне трудна, такъ какъ комары быстро привыкаютъ почти ко всѣмъ средствамъ, которыя изобрѣтаются для борьбы съ ними. Наиблужшими химическими средствами оказываются—для личинокъ—*керосинъ*, для летающаго насѣкомаго—комара *пиретръ*, все равно въ видѣ ли порошка или въ видѣ настойки. Достаточно сжечь въ особой лампочкѣ или просто на платиновой пластинкѣ небольшое количество этого послѣдняго вещества, чтобы удалить изъ комнаты комаровъ, къ какимъ бы видамъ они не принадлежали. Другія вещества не оказываютъ такого общаго дѣйствія, и являясь, напримѣръ, прекраснымъ средствомъ для борьбы съ комарами въ Парижѣ, не оказываютъ никакого дѣйствія на комаровъ юга Франціи или Италіи и наоборотъ. Какъ извѣстно, комары не выносятъ вѣтра,—ихъ нѣтъ надъ рѣкой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теченіе настолько сильно, что приводитъ въ сильное движеніе и воздухъ, нѣтъ и на тѣхъ морскихъ берегахъ, гдѣ часты вѣтры. На этой боязни комаровъ сильнаго воздушнаго теченія основано и всѣмъ извѣстное средство для изгнанія комаровъ изъ спальни комнаты—сквознякъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ,—на этомъ же основанъ и вентиляторъ-вѣеръ, изобрѣтенный г. *Онимусомъ* противъ того же врага.

Новое мѣненіе туберкулеза. Извѣстный физиологъ *Шарль Ринье* въ лекціи о туберкулезѣ, читанной въ «Обществѣ друзей Парижскаго университета»,

говорить о новыхъ способахъ лѣченія этой страшной болѣзни, смертность отъ которой равна $\frac{1}{5}$ всего числа умирающихъ. Уже въ XVIII столѣтіи анатомо-патологами было произнесено слово «туберкулезъ», но яснаго представленія объ этой болѣзни никто изъ нихъ еще не имѣлъ. Только въ 1819 г. *Ламнек* впервые указалъ, что специфическій продуктъ этой болѣзни «туберкулъ» можетъ встрѣчаться во всѣхъ органахъ, въ легкомъ, мозгу, печени, селезенкѣ и пр. Въ 1865 г. *Вильменъ*, впрыснувшій нѣсколькимъ кроликамъ мокроту чахоточныхъ, умершихъ затѣмъ отъ туберкулеза, доказалъ заразительность чахотки. Въ 1868 г. *Шово* была установлена заразительность ея и черезъ резъ поглощеніе туберкулезныхъ продуктовъ, которые онъ заставлялъ съѣдать различныхъ животныхъ. Всѣ животныя подвергшіяся этому опыту, не смотря на противодѣйствіе пищеварительныхъ соковъ, погибли отъ туберкулеза черезъ болѣе или менѣе короткій промежутокъ времени. Наконецъ въ 1882 году *Робертъ Кохъ* показалъ, что туберкулезные органы характеризуются присутствіемъ особаго специфическаго микроба и что заразительность туберкулеза обусловливается этимъ микробомъ. Теперь всѣми учеными признаны 5 основныхъ законовъ, касающихся туберкулеза. *1-й законъ.* Всѣ животныя безъ исключенія воспримчивы къ туберкулезу: левъ, собака, кошка, жирафа, мышь, крыса, курица, фазанъ, попугай, лягушка, рыбы, дождевые черви, мухи и т. д., съ тою только разницею, что одни болѣе устойчивы, чѣмъ другія. Такъ, обезьяна отъ прививки очень маленькой дозы туберкулезной культуры умираетъ черезъ 15, 20, самое большое 30 дней. Наоборотъ, лошадь, осель гораздо болѣе устойчивы, но все же въ случаяхъ, когда казалось, что они вполне не воспримчивы, вскрытіе показало, что всѣ ихъ органы поражены туберкулезомъ. *2-й законъ.* Всѣ органы безъ исключенія могутъ быть поражены туберкулезомъ. Туберкулезныя бациллы располагаются въ соединительной ткани, окружающей кровеносные сосуды этихъ органовъ, чаще всего въ легкихъ. *3-й законъ.* Бактеріальная бацилла противостоитъ теплотѣ, свѣту, высушиванію (конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ) и сохраняетъ при этомъ свою заразительность. Отсюда выводъ—мокрота чахоточнаго больного является главнымъ агентомъ распространенія заразы. *4-й законъ.* Итальянскіе ученые открыли, что туберкулезъ у птицъ отличается отъ туберкулеза у млекопитающихъ, причемъ животныя, которыя очень чувствительны къ птичьему туберкулезу, къ туберкулезу млекопитающихъ гораздо менѣе чувствительны; эти два туберкулеза являются какъ бы антагонистами по отношенію другъ другу. Поэтому можно надѣяться, что найдутъ способъ ослабленія ядовитости токсина туберкулезныхъ бациллъ или же ядовитости этихъ послѣднихъ и такимъ образомъ возможно будетъ дѣлать прививки противъ туберкулеза.

Перехода затѣмъ къ своимъ собственнымъ опытамъ лѣченія туберкулеза Рипе указываетъ, что онъ дѣлалъ прививки нѣсколькимъ животнымъ сразу въ одинъ и тотъ же день и часъ, въ одной и той же дозѣ и вирулентности, животнымъ одного роста, лѣтъ и питавшимся одной и той же пищей. Всѣ животныя, которымъ прививали туберкулезъ, умирали, и только одна собака, которую кормили сырымъ мясомъ, выжила, между тѣмъ какъ остальные, которыхъ кормили варенымъ — погибли. Сначала не обратили никакого вниманія на связь между кормленіемъ собаки сырымъ мясомъ и ея выздоровленіемъ. Затѣмъ же, когда напали на слѣдъ, то опыты, поставленные вполне точно и тщательно, показали, что собаки, которымъ былъ привитъ туберкулезъ и которыхъ кормили сырымъ мясомъ *никогда* не умираютъ, тогда какъ собаки, которыхъ кормятъ иною пищею всегда умираютъ отъ туберкулеза. Судить о томъ, какъ прогрессируетъ болѣзнь, можно по увеличенію, или уменьшенію вѣса животнаго. Если собака погибаетъ, то она худѣетъ, если же вѣсъ ея увеличивается, то слѣдовательно болѣзнь будетъ побѣждена. У туберкулезныхъ

собакамъ всѣхъ ихъ со дня прививки постепенно уменьшается, такъ что черезъ 45 дней (средняя продолжительность болѣзни у собакъподвергшихся опыту) животное теряетъ 30% своего вѣса. Туберкулезная собака, которую кормятъ *варенымъ мясомъ* черезъ 20 дней со дня прививки, страшно худѣетъ, ослабѣваетъ, всѣ ребра ясно вырисовываются, мышцы атрофируются, жиръ совершенно исчезаетъ. Былъ поставленъ слѣдующій опытъ. Изъ 8 собакъ *1-й серіи*—4 были оставлены для контроля; имъ давалось, главнымъ образомъ, вареное мясо и другая пища, но ни куска сырого мяса; три изъ нихъ умерли очень скоро и только четвертая прожила 145 дней; тогда какъ остальные 4 собаки, которыхъ кормили сырымъ мясомъ, и на *стопятидесятый* день были совершенно здоровы. На 120 день вѣсъ ихъ увеличился въ среднемъ на 40%. Затѣмъ вѣсъ ихъ сталъ немного уменьшаться, такъ какъ съ 121 дня ихъ перестали кормить сырымъ мясомъ. *2-я серія* опытовъ надъ 4 собаками. Послѣ прививки туберкулеза всѣмъ 4 давалась обыкновенная пища въ теченіе 20 дней, всѣ 4 за это время похудѣли и имѣли болѣзненный видъ. Черезъ 20 дней на удачу выбрали 2 изъ нихъ, которыхъ кормили варенымъ мясомъ, а 2 сырымъ. На 48 день первая *погибла*, вторая же увеличилась въ вѣсѣ на 30%. Опытъ этотъ былъ поставленъ 6 февраля 1900 г.; черезъ годъ 6 февраля 1901 г. обѣ собаки, которыхъ кормили сырымъ мясомъ были вполне здоровы, и вѣсъ ихъ противъ первоначальнаго вѣса увеличился на 40%. Одну изъ этихъ собакъ умертвили, сдѣлали вскрытіе и не нашли туберкулеза, только въ некоторыхъ мѣстахъ образовалась рубцовая ткань—слѣдъ излѣченнаго туберкулеза.

3-я серія опытовъ была поставлена 26-го декабря 1899 г. Особенно интересны результаты опыта надъ одной изъ собакъ. Собака эта въ моментъ прививки вѣсила 12 кило. На 25 й день послѣ прививки она почти умирала и 26-го января 1900 г. вѣсила всего 9 кило. Тогда ее начали кормить сырымъ мясомъ; результатъ получился поразительный, такъ какъ 24-го апрѣля она снова вѣсила 19 кило и здоровье ея было цвѣтущее. 6-го февраля 1901 г., т.-е. черезъ годъ и 2 мѣсяца послѣ прививки ее умертвили. Ея легкія изслѣдованныя другимъ врачомъ, не имѣли никакихъ слѣдовъ туберкулеза.

Наконецъ *4-я серія* состояла изъ 14 собакъ, изъ которыхъ 10 оставлены для контроля, а 4-хъ кормили сырымъ мясомъ. Первые десять умерли на 100 день послѣ прививки, а остальные, которыхъ кормили мяснымъ сокомъ и сырымъ мясомъ,—вполнѣ здоровы.

Всѣ опыты могутъ быть легко провѣрены всякимъ физиологомъ. Такъ, *Шантелесъ* сомнѣвался въ результатахъ, полученныхъ Рише, и ему захотѣлось самому проконтролировать ихъ. Съ этой цѣлью Шантелесъ привилъ туберкулезъ двумъ собакамъ одинаковаго вѣса, но одну изъ нихъ кормилъ варенымъ, а другую сырымъ мясомъ. Первая, какъ и въ опытахъ Рише, погибла, вторая же—вполнѣ здорова. Послѣ опубликованія этихъ опытовъ и Рише дѣлала много возраженій. Одни говорили, что собака—животное плотоядное; давая ей сырое мясо, тѣмъ самымъ ставятъ ея питаніе въ естественныя, нормальныя условія, къ чело-вѣку же—животному всеядному нельзя приложить того, что приложимо къ плотоядной собакѣ. На это проф. *Бушаръ* отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ задача сведется къ тому, чтобы чело-вѣка изъ всеяднаго превратить въ плотоядное, а для этого нужно только кормить его сырымъ мясомъ. Другіе утверждали, что въ опытахъ Рише все сводится къ перекармливанію. Въ сущности это, конечно, не возраженіе противъ метода, а только объясненіе фактовъ. Но, вромѣ того, Рише не думаетъ, чтобы описанные выше факты выздоровленія отъ туберкулеза можно было объяснить однимъ перекармливаніемъ. И вотъ почему. Рише давалъ собакамъ такое количество сырой говядины, которое со-отвѣтствовало бы минимуму, необходимому для существованія собаки,—и все же собаки противостояли туберкулезу. Если собакамъ, зараженнымъ туберкуле-

зомъ, однимъ давать даже незначительныя количества сырого мяса, то все же эти полуголодные животныя выглядят и сопротивляются болѣзни гораздо лучше, чѣмъ тѣ, которыхъ перекармливаютъ, но только *варенымъ* мясомъ или вообще какой-либо другой пищей.

Принять способъ лѣченія туберкулеза сырымъ мясомъ къ человѣку довольно затруднительно, — нельзя надѣяться чтобы больной человѣкъ съѣдалъ бы необходимое количество сырого мяса.

Количество сырого мяса, которое нужно давать собакамъ, чтобы предохранить ихъ отъ туберкулеза весьма значительно. Если собакъ давать менѣе 10 граммовъ на килограммъ ея вѣса, то собака умираетъ; для хорошаго положительнаго результата необходимо отъ 12—15 граммовъ на кило вѣса.

При такомъ отношеніи, человѣку нужно давать ежедневно не менѣе 750 граммовъ сырого мяса. Трудно предположить чтобы больные могли каждый день съѣдать такое количество.

Къ счастью, легко обойти это затрудненіе. Мясо, какъ извѣстно, состоитъ изъ 2 частей; одна, которая добывается изъ него при помощи сильнаго давленія, — жидкая, ее можно назвать мышечной сывороткой, другая, остающаяся послѣ выдавливанія — мышечныя фибры. Мышечная сыворотка, въ общепринятой называемая *мяснымъ сокомъ*, содержитъ, по мнѣнію Рише, всѣ активныя, лѣчебныя элементы для борьбы съ туберкулезомъ. Если однихъ животныхъ кормить только мышечными волокнами, а другихъ только мяснымъ сокомъ, то вторые выживаютъ, а первые умираютъ отъ туберкулеза. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы ѣсть сырое мясо, можно пить мясной сокъ; его даже больной человѣкъ можетъ выпить большія количества. Многочисленныя пробы показали, что для полученія 750 грам. мясного сока необходимо 2 кило мяса, и что этого количества мясного сока, выпиваемаго ежедневно достаточно для лѣченія взрослого человѣка.

Предлагаемое проф. Рише лѣченіе туберкулеза требуетъ довольно значительныхъ затратъ. Но онъ надѣется, что когда полезность открытаго имъ метода будетъ признана всѣми, то на помощь придетъ индустрія и цѣна мясного сока значительно понизится.

В. Агафеновъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Августъ

1901 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Сборники.—Исторія литературы и критики.—Исторія русская и всеобщая.—Политическая экономія.—Біологія.—Географія.—Путешествія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. М. Жемчужниковъ. «Стихотворенія». Т. I и II.—*Эдваръ Поэ.* «Полное собраніе сочиненій».—*Лесажъ.* «Хромой Вѣсъ», «Жиль Блазъ».—*Джонатанъ Свифтъ.* «Путешествіе Гулливера».

А. М. Жемчужниковъ. Стихотворенія въ двухъ томахъ съ портретомъ автора и автобиографическимъ очеркомъ. Третье изд. Спб. 1901 г. Ц. за 2 т. 3 р. Лучшая и вѣрнѣйшая характеристика поэзіи А. М. Жемчужникова заключается въ двухъ словахъ—гражданская лирика. Въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «Памятникъ Пушкину» Жемчужниковъ, обращаясь къ «цѣнителямъ искусства для искусства», предлагаетъ имъ высказаться:

Вотъ ты хоть, напримѣръ, отборныхъ полный чувствъ,
Въ комъ тонкій вкусъ развитъ, кому такъ Пушкинъ дорогъ,
Ты, въ комъ рождають пылъ возвышенной мечты
Стихи и музыка, статуя и картина,—
Но до сѣдыхъ волосъ лишь въ чести гражданина
Не усмотрѣвшій красоты.

Въ противоположность этимъ большимъ и малымъ цѣнителямъ всяческой красоты, Жемчужниковъ воспѣваетъ преимущественно красоту гражданской чести, которая вызываетъ въ немъ то ѣдкіе, острые до боли нападки на лжецовъ и лицеѣровъ, считающихъ любовь къ родинѣ и народу, стремленіе къ національной славѣ и развитіе истиннаго патриотизма своей исключительной монополіей, то глубокую, хватающую за сердце скорбь, при видѣ слабости друзей добра и прогресса и злобнаго торжества «гасителей духа». Честь гражданина, понимая въ самомъ чистомъ и высокомъ значеніи этого слова, составляетъ сущность поэзіи Жемчужникова, что придаетъ его стихотвореніямъ не преходящее значеніе и вѣсь.

Его пѣсня не умолкала за послѣднія 30 лѣтъ, и наканунѣ своего пятидесятилѣтняго юбилея, отпразднованнаго въ прошломъ году, онъ выпустилъ нѣбольшой сборникъ «Послѣднихъ пѣсенъ», въ которыхъ слышится прежняя неутомимая вражда къ поборникамъ мрака.

Пусть васъ народная преслѣдуетъ вражда,
Вражда безъ устали до гроба!—

Такъ пѣлъ онъ въ 80-мъ году, и тотъ же мотивъ неизмѣнно сохранился и въ мощныхъ строфахъ «Послѣднихъ пѣсенъ». Ни личная скорбь, такъ прекрасно выраженная имъ въ пѣломъ рядѣ стихотвореній перваго тома (см., напр., «Кончено. Нѣтъ ея. Время тревожное, время безсонныхъ ночей», «Если бы ты видѣть могла мое горе», и другія того же цикла), ни старость не ослаб-

ляютъ въ немъ силы чувства, разъ дѣло коснется святыхъ для поэта понятій—
родина, честь, долгъ гражданина. Подавленный личнымъ горемъ, поэтъ все же
находитъ въ себѣ великое мужество, чтобы дать «совѣтъ самому себѣ»:

Ужь будетъ о себѣ
Да о своемъ несчастѣ!
Въ общественной судьбѣ
Пора принять участіе.
Вгляни—со всѣхъ сторонъ
Какъ тучи повисли!..
Отчины добрый сынъ
Не станетъ спать подъ тучей!..

И какъ истинный сынъ отчины, онъ не спалъ въ самое темное время,
когда, казалось, нависшія тучи покрыли столь дорогую ему родину навсегда.
Сквозь этотъ мракъ онъ проводитъ лучшее время и находитъ слова утѣшенія
для ослабѣвшихъ въ борьбѣ и желѣзное слово упрека для тѣхъ, кого въ вели-
колѣпномъ стихотвореніи «На родинѣ» онъ мѣтко окрестилъ «поваленные
гробы».

Настоящее третье изданіе также изящно, какъ и «Послѣднія пѣсни», о
которыхъ мы говорили въ прошломъ году. Стихотворенія расположены хроно-
логически, что придаетъ имъ особую цѣну, облегчая пониманіе и поясняя время,
когда и чѣмъ было вызвано данное настроеніе поэта. Въ первомъ томѣ собраны
лирическія произведенія, наиболѣе извѣстныя и лучшія. Во второмъ помѣщены
двѣ драматическія пьесы въ стихахъ «Странная ночь» и «Сумасшедшій», очень
остроумно написанныя, и нѣсколько сатирическихъ поэмъ, въ общемъ болѣе
слабыхъ, чѣмъ лирическія стихотворенія, но и въ нихъ мѣстами попадаются
настоящія «крылатые слова».

Собраніе сочиненій Эдгара Поэ. Поэмы и сказки. Полное собр. въ пе-
реводѣ Н. Бальмонта. Т. I. Москва. 1901 г. Изд. «Скорпионъ». Ц. 1 р. 50 к.
Многочисленные переводы произведеній Поэ на русскій языкъ и многія изданія
ихъ, которыя то и дѣло выходятъ, показываютъ, насколько американскій поэтъ
сталъ близокъ русскимъ читателямъ. Однихъ онъ привлекаетъ увлекатель-
ностью своихъ чудесныхъ фантастическихъ рассказовъ, другихъ необычайностью
своего настроенія, удивительнымъ талантомъ—раскрывать передъ изумленнымъ
читателемъ такія глубины мысли, чувствъ и жизни, которыя не грезились ему
и во снѣ. Въ небольшомъ очеркѣ предшествующемъ переводамъ, г. Бальмонтъ
вѣрно, хотя и вычурно по обыкновенію, опредѣляетъ причину того неотразимаго
вліянія, какое оказываетъ Поэ на душу читателя, подчиняя ее и заставляя
трепетать отъ ужаса и страннаго жгучаго наслажденія. Читая его, испыты-
ваешь нѣчто похожее на то ощущеніе головокруженія и страстнаго желанія,
какое овладѣваетъ нами на краю пропасти, когда надо сдѣлать огромное усиліе
воли, чтобы не поддаться искушенію и не ринуться съ высоты въ бездну.
«Есть удивительное напряженное состояніе ума,—говоритъ г. Бальмонтъ,—когда
человѣкъ сильнѣе, умнѣе, красивѣе самого себя. Это состояніе можно назвать
враздвикомъ умственной жизни. Мысль воспринимаетъ тогда все въ необычныхъ
очертаніяхъ, открываются неожиданныя перспективы, возникаютъ поразитель-
ныя сочетанія, обостренные чувства во всемъ улавливаютъ новизну... Такія
состоянія... бываютъ у каждого... Но однихъ они посѣщаютъ, быть можетъ,
только разъ въ жизни, надъ другими то сильнѣе, то слабѣе они простираютъ
почти непрерывное вліяніе, и есть избранныки, которымъ дано въ каждую по-
ночь видѣть привидѣнія и съ каждымъ разсвѣтомъ слышать біеніе новыхъ жиз-
ней. Къ числу такихъ немногихъ избранныхъ принадлежитъ величайшій изъ
поэтовъ-символистовъ Эдгаръ Поэ. Это—сама напряженность, это воплощенный
экстазъ... Эдгаръ Поэ былъ изъ расы причудливыхъ изобрѣтателей новаго.

Идя по дорогѣ, которую мы какъ будто уже давно знаемъ, онъ вдругъ заставляетъ насъ обратиться къ какимъ-то неожиданнымъ поворотамъ, и открываетъ не только уголки, но и огромныя равнины, которыхъ раньше не касался нашъ взглядъ, заставляетъ насъ дышать запахомъ травъ, до тѣхъ поръ никогда нами невиданныхъ и однако же странно напоминающихъ нашей душѣ о чемъ-то бывшемъ очень давно, случившемся съ нами гдѣ-то не здѣсь. И слѣдъ отъ такого чувства остается въ душѣ надолго, пробуждая или пересоздавая въ ней какія-то скрытыя способности, такъ что послѣ прочтенія той или другой необыкновенной страницы, написанной безумнымъ Эдгаромъ, мы смотримъ на самыя повседневныя предметы инымъ проникновеннымъ взглядомъ. Событія, которыя онъ описываетъ, всѣ проходятъ въ замкнутой душѣ самого поэта; страшно похожія на жизни, они совершаются гдѣ-то внѣ жизни, внѣ времени,—внѣ пространства, ихъ видишь сквозь какое-то окно и, лихорадочно слѣдя за ними, дрожишь, оттого что не можешь съ ними соединиться».

Въ первый томъ вошли поэмы, переведенныя стихами (въ томъ числѣ знаменитая поэма «Воронъ»), и значительная часть рассказовъ, изъ которыхъ много разъ уже переведены—«Тѣнь», «Маска Красной Смерти», «Мальстремъ», «Молчание» и др. Переводъ г. Бальмонта близокъ къ подлиннику, хотя мѣстами тяжеловатъ, что зависитъ отъ вычурности и изысканности слога. Переводчикъ мѣстами разжижаетъ сжатый стиль Поэ повтореніями и вставками, можетъ быть, и красивыми сами по себѣ, но лишующими Поэ его чрезвычайной сдержанности выраженія, столь характерной для его необузданной фантазіи. Особенно страдаетъ этимъ недостаткомъ переводъ поэмы «Воронъ», вообще переданной очень музыкально, но растянуто.

А. Б.

Лесаажъ. «Хромой бѣсъ». Съ биографіей автора. Новая бібліотека Суворина. Спб. 1901 г. Алэнъ-Ренэ Лесаажъ. «Жиль Блазъ». Съ иллюстраціями въ текстѣ Жуо, Стаала, Леру и Дидье, съ тремя портретами Лесаажа и критическимъ очеркомъ. Иллюстрированное бесплатное приложение къ апрѣльской книгѣ «Вѣстника Иностранной Литературы». Спб. 1901 г. Дѣятельность Лесаажа занимаетъ своеобразную страницу въ исторіи французской литературы. Такъ называемый «великій вѣкъ» Людовика XIV въ литературномъ отношеніи давно уже сказалъ свое послѣднее слово. Классическая драма уже не привлекала талантовъ, пока ее не воскресилъ опять въ обновленномъ видѣ Вольтеръ. За скуднѣйшемъ «высокихъ родовъ» тѣмъ ярче выступило на свѣтъ Божій, такъ сказать, нижнее теченіе литературы, которое въ лицѣ Лесаажа получило наиболѣе талантливаго представителя. Менѣе изысканная по формѣ, болѣе демократическая по содержанію, доступная по своимъ мотивамъ гораздо болѣе широкимъ кругамъ читателей, литература эта существовала и раньше. Питаясь, съ одной стороны, чисто народными элементами, жившими въ ярмарочномъ театрѣ, а съ другой стороны—могучимъ вліяніемъ, шедшимъ изъ Испаніи, струя эта явственно выступаетъ уже у Мольера въ его «Донъ-Жуанъ», въ типахъ его Сганарелей, Скапеновъ и Маскарилей. Блестящая испанская литература первой половины XVII вѣка демократизировалась и распространилась на сѣверъ отъ Пиренеевъ особенно благодаря неисчерпаемому богатству новеллистическаго матеріала. Романы приключеній, спеціально воровскіе романы переводились и передѣлывались на французскій языкъ далеко раньше Лесаажа, но онъ первый въ «Хромомъ бѣсѣ» и особенно въ «Жиль Блазѣ» сообщилъ этимъ передѣлкамъ черты, сдѣлавшія ихъ оригинальными и замѣчательными произведеніями французской прозы. Тотъ и другой романъ представляютъ почти механическое соединеніе безконечнаго ряда повѣстей. Въ «Хромомъ бѣсѣ» (1707) эти рассказы еще не всегда развиты, сюжетъ иногда только названъ въ двухъ-трехъ строчкахъ, и единственная связь между ними та, что ихъ рассказываетъ Асмодей, желающій познакомиться своего друга дона Клеофаса со всѣмъ,

что происходитъ въ Мадридѣ. Въ «Жиль Блазъ» (1715—1735) связь отдѣльныхъ эпизодовъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, нѣсколько тѣснѣе: это автобіографія авантюриста, который проходитъ всѣ сферы жизни, переживаетъ неисчислимый рядъ превращеній, сталкивается съ людьми всѣхъ слоевъ и званій, изъ которыхъ каждый рассказываетъ и свою исторію. Изъ объемистой книги Лесажа можно было бы сдѣлать сотни *gouaps gouapesques*, о которыхъ теперь вновь мечтаютъ во Франціи, тогда какъ Лесажъ только намѣчаетъ положенія, рассказываетъ фабулу и предоставляетъ читателю наполнить ее психологическимъ содержаніемъ. Это изобиліе романической фантазіи, несомнѣнно, было одной изъ главныхъ причинъ популярности романовъ Лесажа. Другою причиною былъ сатирическій элементъ. Ни для кого не было тайною, что испанскія имена, испанскіе сюжеты, эпизоды испанской исторіи прикрывали только картину французскаго общества, которое представлялось автору далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Въ характерѣ своей сатиры Лесажъ именно и отличается отъ своихъ испанскихъ образцовъ: тогда какъ испанскіе писатели со своею страстностью стремятся довести всякую отрицательную черту до ея трагическихъ послѣдствій. Лесажъ со своимъ *esprit gaulois* во всемъ видитъ только предлогъ посмѣяться; десятки убійствъ совершаются у него при самомъ водевильномъ настроеніи участниковъ. Нѣтъ такого слоя современнаго автору общества, который бы не имѣлъ здѣсь своего представителя, всегда мѣтко и юмористически характеризованнаго: чванное дворянство, крупное и мелкое; духовенство со своимъ невѣжественнымъ ханжествомъ и со страшною инквизиціей, которой боится даже Асмодей (во времена Лесажа и много позже Франція была хорошо знакома съ вострами); глуповатое мѣшавство; судьи-грабители и врачи-шурлатаны; разбойники на большихъ дорогахъ; плутоватые лакеи; распутныя актрисы; придворные, преданные душой и тѣломъ интригѣ; наконецъ, безхарактерный Филиппъ IV и веселый его любимецъ графъ Оливарезъ, столь живо знакомые намъ не своими историческими дѣяніями, а потому, что имѣли счастье жить одновременно съ величайшимъ въ мѣрѣ портретистомъ—Веласкесомъ,—всѣ эги лица, сословія и профессіи проходятъ передъ читателемъ въ легкихъ, но ясныхъ силуэтахъ.

Если въ лицѣ Мольера и Сервантеса Лесажъ имѣлъ великихъ предшественниковъ, то въ литературное потомство его дѣлаетъ ему не мало чести. Правда, чувствительный романъ Руссо, Бернарденъ де-Сентъ-Пьера и аббата Эрве ничѣмъ не обязанъ Лесажу, но «Кандидъ», какъ романъ приключеній, весьма напоминаетъ его; Бомарше не только заимствовалъ изъ «Хромого о́бса» сюжетъ своей «Евгеніи», но и неподражаемая фигура севильскаго цирюльника, несомнѣнно, находится въ родствѣ съ Жиль Блазомъ. Испанскій воровской романъ, конечно, не непосредственно, а черезъ Лесажа далъ много матеріала для романтическаго разбойничьяго романа, который часто имѣлъ ареной Испанію и закончился драмой знаменитаго испанскаго бандита и гранда—Эрнани. Богатая фантазія старшаго Дюма опять воскресила романъ приключеній, а столь славный въ свое время «Рокамболь» Понсонъ-дю-Терайля есть ни болѣе, ни менѣе, какъ возрожденный «Жиль Блазъ». Въ Россіи Лесажъ всегда пользовался большою популярностью: начиная съ XVIII столѣтія, почти каждое поколѣніе переводитъ заново его главнѣйшія произведенія. Наконецъ, по нашему убѣжденію, Лесажъ служилъ источникомъ одного изъ величайшихъ произведеній русской поэзіи: мимическаго Честона, которому Пушкинъ приписалъ своего «Скупого рыцаря», вѣроятно, никогда не найдуть, тогда какъ фабула этого шекспировскаго стрывка почти въ томъ же видѣ имѣется въ «Жиль Блазъ» (кн. IX, гл. 11).

Лежащіе передъ нами переводы двухъ крупнѣйшихъ романовъ Лесажа весьма посредственны; они, правда, написаны довольно гладкимъ языкомъ, но это та гладкость, которая достигается безцеремоннымъ отношеніемъ къ подлиннику. Переводчикъ «Жиль Блаза» то и дѣло вставляетъ русскія поговорки съ приба-

кой «какъ говорится». «Биографія», предпосланная «Хромому бѣсу», есть изложеніе давно устарѣвшей статьи Сентъ-Бѣва, на котораго, впрочемъ, сдѣлана ссылка, а «критическій очеркъ», приложенный къ «Жиль Блазу», хотя и указываетъ нѣсколько «пособій», составленъ вполне ремесленно, изобилуетъ общими мѣстами, банальными метафорами и гиперболами и даетъ слабое представление о значеніи превозносімаго автора.

Е. Деженъ.

Джонатанъ Свифтъ. Путешествія Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго и В. Яковенко. Съ портретомъ автора и рисунками. Москва, 1901 г. Изъ всей англійской литературы XVIII вѣка два авторскихъ имени, двѣ книги выдержали испытаніе времени на ряду съ величайшими произведеніями человѣческой фантазіи: Де-Фо и Свифтъ, «Робинзонъ Крузо» и «Гулливеръ». Правда, потомство не постѣснилось сдѣлать изъ этихъ глубокомысленныхъ книгъ дѣтскія сказки, также какъ изъ еще болѣе гениальнаго романа Сервантеса, за то во всей Европѣ, вѣроятно, нѣтъ ни одного школяра, которому не были бы близки фигуры Гулливера, Робинзона и Донъ-Кихота. Болѣе всѣхъ отъ этого превращенія пострадалъ, безъ сомнѣнія, Гулливеръ: похождения ламаанчскаго рыцаря сохраняютъ свой художественный юморъ, несмотря на урѣзки, поэзія самодѣятельности на лонѣ природы, столь привлекающая дѣтское воображеніе при чтеніи «Робинзона», также не могла быть уничтожена никакими передѣлками и искаженіями, тогда какъ похождения Гулливера по странамъ, населеннымъ карликами или великанами, безъ общественно-сатирической подкладки, составляющей главную ихъ соль, имѣютъ лишь интересъ неправдоподобности. Гулливеръ самъ по себѣ, какъ типъ, не имѣетъ никакого значенія; гениальная изобрѣтательность Свифта въ этомъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ его сочиненіяхъ, не имѣетъ характера художественной фантазіи. Не неожиданные новороты фабулы привлекаютъ здѣсь читателя, а ѣдкое остроуміе, холодный и вѣстѣ съ тѣмъ убійственный сарказмъ, съ которымъ авторъ хладнокровно развѣнчиваетъ все, что принято считать возвышеннымъ и красивымъ. Въ формѣ безыскусственнаго дѣловаго и точнаго корабельнаго журнала авторъ даетъ не только политическій памфлетъ, ярую партійную карикатуру, но сатиру на всю человѣческую натуру, самую безпощадую и пессимистическую, быть можетъ, какаѣ когда-либо была написана. Сатира Свифта захватываетъ читателя не только, какъ картина общественныхъ несовершенствъ, но и какъ человѣческій документъ. Вѣстѣ съ тонкимъ и проницательнымъ умомъ, отъ котораго никакія традиціонныя, всѣми почитаемыя ширмы не могутъ скрыть ужества дѣйствительнаго содержанія жизни, мы наблюдаемъ здѣсь и глубоко несчастную душу самого автора: онъ презираетъ людей и надѣвается надъ ними съ тѣмъ болѣе ядовитою горечью, что чувствуетъ въ себѣ зародыши тѣхъ же общихъ недуговъ, тѣхъ же дурныхъ пополюновеній. Въ этомъ заключается трагизмъ всей печальной жизни Свифта. Онъ видѣлъ жалкую подкладку всѣхъ величій и велъ непрестанную, непримиримую борьбу съ антиобщественными силами, но при этомъ онъ самъ страстно жаждалъ стоять въ первыхъ рядахъ этого испорченнаго общества, чувствуя себя головою выше всѣхъ этихъ власть имущихъ любимцевъ судьбы, и озабоченъ еще болѣе, убѣждаясь, что глупость и низость — лучшія орудія въ борьбѣ за существованіе, нежели умъ и гениальность. Если въ дѣйствительной жизни онъ терпѣлъ пораженія, то своими сочиненіями онъ съ лихвой отомстилъ своимъ врагамъ и всѣмъ ихъ нисходящимъ поколѣніямъ: сатира Свифта стала національнымъ достояніемъ Англій, его острооты, опредѣленія, карикатурные портреты до сихъ поръ примѣняются въ общественной и партійной борьбѣ, когда нужно особенно больно уколоть противника. Тѣмъ удачно сопоставляетъ Свифта съ Вольтеромъ въ ихъ способѣ пронизывать и насмѣхаться: французъ «въ одинъ моментъ, изъ потребности дѣйстви-

*

вать, наноситъ ударъ, ласкаетъ, сто разъ перемѣняетъ тонъ, выраженіе лица, съ рѣзкими движеніями, внезапными скачками; онъ иногда ребенокъ, онъ всегда свѣтскій человекъ, обладающій вкусомъ и владѣющій разговоромъ». Англичанинъ, какъ умъ положительный, «слишкомъ солиденъ и слишкомъ сухъ, чтобы быть пріятнымъ и веселымъ. Когда онъ встрѣчаетъ смѣшную черту, ему не доставляетъ удовольствія слегка коснуться ея, онъ изучаетъ ее; онъ выкапываетъ въ нее серьезно, онъ основательно овладѣваетъ ею, онъ знаетъ всѣ ея подраздѣленія и всѣ доказательства противъ нея». Здѣсь сказывается разница между человекомъ, привыкшимъ вести остроумные споры въ философскомъ обществѣ салоновъ, и политическимъ бойцомъ, дрессированнымъ въ атмосферѣ борьбы на живомъ и на смерти.

«Путешествіе Гулливера» въ разсматриваемомъ здѣсь изданіи представляетъ единственный полный переводъ этого замѣчательнаго произведенія на русскій языкъ (г. Канчаловскому принадлежитъ также единственный полный переводъ «Робинзона Крузо») и исполненъ прекрасно со стороны языка. Можно указать только нѣкоторые, не частые, впрочемъ, провинциализмы, напр., «блужающій» (стр. 309), «нанимать» въ смыслѣ отдавать внаймы (стр. 272) и т. п. Переводъ этотъ появляется уже вторымъ изданіемъ, — первое вышло въ 1889 г. Онъ въ достаточной мѣрѣ снабженъ примѣчаніями, часто облегчающими полное пониманіе сатиры Свифта. Къ сожалѣнію, вступительный критико-біографическій очеркъ, переведенный съ англійскаго, имѣетъ черезчуръ морализующій характеръ и мало соответствуетъ потребностямъ и вкусу русскаго читателя.

Е. Деженъ.

СБОРНИКИ.

«Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая».

Литературно-художественный сборникъ «Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая». Спб. 2902 г. Ц. 3 р. 50 к. Неурожай, постигшій въ прошломъ году нѣкоторыя мѣстности на югѣ, захватилъ и значительную часть еврейскаго населенія врасплохъ. Мелкій рабочій людъ южныхъ мѣстечекъ, большею частью состоящій изъ еврей-мастеровыхъ, колонисты-евреи и еврей-арендаторы, въ огромной массѣ, оказались въ крайней нуждѣ. И при обычныхъ условіяхъ, жизнь еврейской массы представляетъ одну вопіющую о помощи нужду, а неурожай подорвалъ въ самомъ корнѣ существованіе этой массы, лишивъ ее и того несчастнаго заработка, какой она имѣла въ видѣ всякой случайной работы на мѣстѣ, такъ какъ неурожай сократилъ въ значительной части всякіе мѣстные заработки. Въ виду этого явилась мысль у нѣсколькихъ русскихъ писателей издать настоящій сборникъ въ пользу еврейскаго населенія этихъ мѣстностей.

Сборникъ составленъ не только интересно, но и изданъ превосходно. Огромный томъ въ 500 страницъ in folio, съ великолѣпными, оригинальными иллюстраціями художниковъ—Пастернака, Сѣрова, Архипова, Переплетчикова, Иванова, Полѣнова, Левитина, Рѣпина, съ автографами Зола, Тургенева, Герцена, содержитъ какъ беллетристскія произведенія, такъ и научныя и публицистическія статьи извѣстныхъ русскихъ писателей и ученыхъ. Открывается сборникъ чудеснымъ стихотвореніемъ въ прозѣ Вл. Короленки «Огоньки», которое превосходно иллюстрируетъ основную, братскую идею сборника.

«Какъ-то давно, темнымъ осеннимъ вечеромъ, случилось мнѣ плыть по угрюмой сибирской рѣкѣ. Вдругъ, на поворотѣ рѣки, впереди, подъ темными горами мелькнулъ огонекъ.

«Мелькнулъ ярко, сильно, совсѣмъ близко...

«—Ну, слава Богу!—сказалъ я съ радостью,—деревня, близко ночлеги!

«Гребецъ-сибирякъ повернулся, посмотрѣлъ черезъ плечо на огонь и опять апатично налегъ на весла.

«—Далече!

«Я не повѣрилъ: огонекъ такъ и стоялъ, выступая впередъ изъ неопредѣленной тьмы. Но гребецъ былъ правъ: оказалось, дѣйствительно, далеко.

«Свойство этихъ ночныхъ огней — приближаться, побѣждая тьму, и сверкать, и обѣщать, и манить своею близостью. Кажется, вотъ-вотъ еще два-три удара весломъ,—и путь конченъ... А между тѣмъ далеко!..

«И долго еще мы плыли по угрюмой и мрачной, какъ чернила, рѣкѣ. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теряясь, казалось, въ безконечной дали, а огонекъ все стоялъ впереди, переливаясь и маня,—все такъ же близко, и все такъ же далеко...

«Мнѣ часто вспоминается теперь и эта темная рѣка, затѣненная скалистыми горами, и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше, и послѣ манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

«Но все-таки... все-таки впереди огни!..»

Пусть же и настоящій починъ дружной семьи русскихъ литераторовъ, художниковъ и ученыхъ будетъ тѣмъ «огонькомъ», который, мелькнувъ во мракѣ ночи, служитъ отрадной надеждой для усталыхъ путниковъ, что «близокъ ночлеги», гдѣ не будетъ «ни еврея ни эллина», а всѣ—братья. Если такіа произведенія, какъ пресловутые «Сыны Израиля» гг. Литвина и Брылова, въ своемъ позорномъ шествіи по Россіи, возбуждаютъ всюду племенную вражду, рознь и ненависть, то иное чувство и иное настроеніе возбудитъ настоящій сборникъ, въ которомъ читатели найдутъ имена любимыхъ писателей и уважаемыхъ ученыхъ. Изъ беллетристовъ приняла участіе гг. Короленко, Гаринъ, М. Горькій («Старый еврей», «Погромъ»), Мельшинъ («Ферганскій орленокъ»), Семенъ Юшкевичъ («Невинные»), Вересаевъ («Изъ Гезіода»), П. Я. («Сонъ на чужбинѣ», «Именемъ любви») и др. Необычайно сильное впечатлѣніе производитъ разсказъ М. Горькаго «Погромъ», рисующій картину одного изъ тѣхъ еврейскихъ погромовъ, которыми была ознаменована первая половина 80-хъ годовъ. Описанный имъ погромъ былъ въ Нижнемъ въ 84-омъ году, и отъ всѣхъ другихъ того времени отличался страшной свирѣпостью толпы, растерзавшей девять человѣкъ, въ томъ числѣ одного старика, молодую дѣвушку и двоихъ дѣтей. Г. Вересаевъ далъ прекрасный переводъ изъ Гезіода («Труды и дни»):

... Поадіѣ

Родиться или раньше умереть

Хотѣлъ бы я. Теперь мнѣ страшно жить:

Нашъ вѣкъ—желѣзный вѣкъ; и днемъ, и ночью

Земля дрожитъ отъ стоновъ человѣка;

Въ тоскѣ тяжелой все вокругъ примодкло,

И недалеко ужъ часъ, когда отличіе

Добра отъ зла исчезнетъ для людей.

Другъ перестанетъ друга понимать,

Отецъ—дѣтей своихъ, хозяинъ—гостя...

И честность, и любовь, и честь, и правда

Растопчутся божь страха; предъ злодѣемъ,

Обрызганнымъ кровавыми слезами,

Склонится всѣ въ нѣмомъ благоговѣннѣ;

Кулакъ смѣнитъ права; довѣрье къ людямъ

Встрѣчаться будетъ хохотомъ; борьба,

Ворьба слѣпая встанетъ средь людей,

Отъ злобы оавѣрѣвшихъ...

И тогда,

Закрывъ лицо одеждою бѣлоснѣжной,
 Съ земли широкой отлетать на небо
 И Стыдъ, и Совѣсть. Въ безпросвѣтномъ мракѣ
 Застонуть всѣ. Предѣла злу не будетъ.

Еще богаче отдѣлъ научный и публицистическій. Такія имена, какъ проф. Чупрова, Чичерина, Тимирязева, Сѣченова, Кизеветтера, Герье, Стороженко, М. Ковалевскаго, Мищенко, ученыхъ и публицистовъ—П. Струве, С. Булгакова, Обнинскаго, Туганъ-Барановскаго, Вл. Соловьева и др.—достаточно опредѣляютъ научно-публицистическое содержаніе этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго сборника. Изъ всѣхъ изданій такого рода онъ напоминаетъ намъ извѣстный сборникъ «Въ помощь голодающимъ», изданный редакціей «Рус. Вѣдомостей» въ 1891 г., имѣвшій такой блестящій успѣхъ. Отъ души желаемъ, чтобы и сборникъ «Помощь евреямъ» разошелся также быстро и далъ такой же прекрасный результатъ. Со стороны редакціи и ея сотрудниковъ сдѣлано все, чтобы удовлетворить самый строгій вкусъ, а симпатичная, глубоко гуманная цѣль сборника должна привлечь къ нему живѣйшее сочувствіе всѣхъ, въ комъ дѣло братской любви способно вызвать откликъ и возбудить благородный порывъ.

А. Б.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ.

Г. Брандесъ. «Шекспиръ, его жизнь и произведенія». Т. I и II.—Ю. Озаровскій. «Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ».

Георгъ Брандесъ. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Переводъ В. М. Спасской и В. М. Фриче, подъ редакціей Н. И. Стороженна, съ предисловіемъ и примѣчаніями редактора. Изданіе К. Т. Солдатеннова. Томъ I. Москва 1899. Томъ II. Москва. 1901 г. Основная задача психологическаго метода, которому, какъ извѣстно, слѣдуетъ Брандесъ, заключается въ томъ, чтобы найти въ произведеніи литературы черты психологіи его автора, а психологію эту, въ свою очередь, привести въ связь съ условиями данной среды и даннаго историческаго момента. Въ послѣднемъ отношеніи методъ Брандеса соприкасается съ такъ называемой научной критикой Тэна, идеямъ котораго датскій критикъ, несомнѣнно, весьма многими обязанъ. Разница между обоими исследователями сводится къ тому, что Брандесъ центромъ своихъ разсужденій дѣлаетъ картину духовной жизни художника и интересуется его произведеніями лишь какъ наиболѣе яркимъ и полнымъ отраженіемъ души автора, и историческимъ фономъ, какъ комментариемъ къ ея уразумѣнію, тогда какъ у Тэна творческая личность отодвигается на задній планъ и произведенія искусства разсматриваются исключительно, какъ результатъ взаимодействія безличныхъ силъ, природныхъ, расовыхъ и историческихъ факторовъ.

Когда дѣло идетъ о писателѣ болѣе или менѣе новаго времени, біографію котораго мы можемъ изучить со всею подробностью, то приложеніе психологическаго метода не представляетъ въ большинствѣ случаевъ особенной трудности. На основаніи писемъ, указаній современниковъ, а часто и прямыхъ признаній авторовъ, можно довольно вѣрно судить о тѣхъ чувствахъ и настроеніяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ создано то или иное произведеніе. Изученіе безспорныхъ случаевъ показываетъ, что нѣтъ такой объективной литературной формы, въ которой бы такъ или иначе, сознательно или безсознательно не выразилось душевное состояніе писателя. Достаточно вспомнить, сколько лично пережитого и продуманнаго заключается въ романахъ Толстого или въ драмахъ Ибсена. Послѣдній высказалъ по этому поводу весьма знаменательныя слова, которыя,

конечно, относятся не къ нему одному. «Я влагалъ въ свое творчество,—говоритъ онъ,—то, что стояло, такъ сказать, выше моего обыденнаго я, и прибѣгалъ въ этому за тѣмъ, чтобы оно лучше сохранилось внѣ меня и во мнѣ самомъ. Но я вкладывалъ въ свои произведенія и какъ разъ противоположное,—то, что, при углубленіи въ самого себя кажется намъ отбросами и подонками собственной души. Въ этомъ случаѣ я смотрѣлъ на творчество, какъ на оме-веніе, послѣ котораго я чувствовалъ себя чище, здоровѣе и свободнѣе... Нельзя въ художественной формѣ изобразить что-либо такое, что до извѣстной степени или по крайней мѣрѣ въ извѣстное время не имѣетъ первообраза въ насъ самихъ».

И эту связь между творчествомъ и индивидуальностью автора въ дав-ныхъ случаяхъ не трудно бываетъ прослѣдить. Но представимъ себѣ, что че-резъ нѣсколько сотъ лѣтъ наши потомки не имѣли бы другихъ биографи-ческихъ данныхъ, напр., о Толстомъ, кромѣ того, что онъ провель очень раз-сѣянную юность, чуждую какихъ либо общественныхъ настроеній, затѣмъ поступилъ въ военную службу, сражался въ Севастополѣ, жилъ на Кавказѣ, за-тѣмъ вышелъ въ отставку, занимался сельскимъ хозяйствомъ, женился, имѣлъ много дѣтей, состоялъ въ пріятельствѣ съ Фетомъ и во враждѣ съ Тургене-вымъ, написалъ комплиментъ «Сѣверному Вѣстнику» и отдалъ одинъ изъ ве-личайшихъ своихъ романовъ для напечатанія въ «Ниву». Какую массу остро-умныхъ и все-таки нелѣпыхъ догадокъ могли бы сдѣлать историки литературы для объясненія произведеній Толстого! Конечно, многіе пришли бы къ заключе-нію, что между жизнью и творчествомъ его нѣтъ никакой связи, что Шеръ Безухой, Андрей Болконскій, Левинъ и Нехлюдовъ представляютъ чисто объек-тивные типы, созданные гениальнымъ наблюдателемъ, а кто-нибудь, быть мо-жетъ, построилъ бы смѣлую гипотезу, что гр. Л. Н. Толстой не могъ быть авторомъ «Войны и Мира», что онъ просто прикрылъ своимъ именемъ автор-ство своего родственника гр. Дм. А. Толстого, которому неудобно было высту-пать въ качествѣ литератора.

Почти въ такомъ положеніи находится современная намъ критика п отношенію къ Шекспиру. Все, что извѣстно объ его жизни, весьма мало ва-жется съ его драмами; отсюда столько усилій безчисленныхъ изслѣдователей построить теорію, по которой гениальный художникъ можетъ создавать образы не умирающаго значенія, оставаясь самъ ничтожѣйшимъ «изъ дѣтей ни-чтожныхъ міра»: отсюда и нелѣпая гипотеза о томъ, что авторомъ «Гам-лета» и «Лира» былъ не Вильямъ Шекспиръ, посредственный актеръ и кутила, впослѣдствіи разбогатѣвшій сомнительными средствами, а ученый философъ и государственннй дѣятель Френсисъ Беконъ. Всѣ эти построенія и домыслы не могутъ быть опровергнуты безспорными фактическими данными, поэтому парадоксальные и эксцентрическіе умы будутъ, вѣроятно, еще долго возвращаться къ этимъ воздушнымъ замкамъ, и только логическимъ путемъ, при помощи аналогіи и вѣроятности, можно вывести нѣкоторыя болѣе или менѣе правдоподобныя заключенія.

Для психологическаго метода Брандеса предстояла въ данномъ случаѣ трудная, но и заманчивая задача конструировать психологію гениа на осно-ваніи его произведеній и общихъ данныхъ объ исторической эпохѣ, при-томъ такъ, чтобы оставить мѣсто для несомнѣнныхъ фактовъ его біогра-фіи, которые, правда, весьма немногочисленны, но тѣмъ не менѣе доставляютъ изслѣдователю почти непреодолимыя трудности. Отъ надежды добыть безспорную истину надо было а priori отказаться. Если бы паче чаянія былъ открытъ какой-нибудь достовѣрный документъ о жизни Шекспира, кто знаетъ, сколько предположеній Брандеса оказались бы неосновательными и какъ неожиданно и просто объяснились бы многія подробности, которыя теперь вызываютъ одно недоумѣніе! Для примѣра неустойчивости всевозможныхъ

остроумныхъ дѣмысловъ передъ лаконическими, но неотразимыми фактами укажемъ на гипотезу Брандеса о томъ, кто служилъ оригиналомъ для жестокой «смуглой леди» Шекспировскихъ сонетовъ. Эта «смуглая леди» стоила уже невозможныхъ умственныхъ усилій всѣмъ шекспирологамъ, и до сихъ поръ ничего приближающагося къ истинѣ добыть никому не удалось. Брандесъ, вслѣдъ за нѣкоторыми другими наследователями, видитъ образецъ этой «леди», какъ и многихъ изъ женскихъ типовъ шекспировскихъ драмъ, въ личности фрейлины королевы Елизаветы Мэри Фиттонъ. Все построеніе, по крайней мѣрѣ по отношенію къ сонетамъ, кажется вполне естественнымъ и приемлемымъ. Но вотъ, какъ указываетъ проф. Н. И. Стороженко, найдены два хорошо сохранившіеся портрета этой леди, «на которыхъ она изображена блондинкой съ бѣлыми дѣвствомъ лица и сѣрыми глазами»,—и весь трудъ Брандеса и его предшественниковъ пропалъ даромъ.

Однако, при всѣхъ возможныхъ частныхъ ошибкахъ, основная мысль Брандеса правильна: произведенія Шекспира, какъ и всякаго другого художника, *должны* отражать исторію его души въ ея послѣдовательномъ развитіи, и найти слѣды его личности въ характерахъ, поступкахъ и рѣчахъ его героевъ — одна изъ крупнѣйшихъ проблемъ исторіи литературы. Въ предисловіи къ русскому переводу книги Брандеса проф. Н. И. Стороженко, такой знатокъ шекспировской литературы и самъ столь осторожный исследователь, вовсе не склонный преувеличивать достоинства критическихъ работъ Брандеса, указывая на нѣкоторыя сужденія датскаго писателя, которыхъ онъ считаетъ устарѣвшими или неточными,—въ общемъ отзываясь съ большою похвалою о данной работѣ; она отличается, по компетентному мнѣнію московскаго профессора, «тонкостью психологическаго анализа, умѣньемъ читать между строками, мѣткостью характеристикъ, острымъ чутьемъ всего поэтическаго и замѣчательнымъ мастерствомъ изложенія. Она читается какъ самый интересный культурно-историческій романъ, который всякій начавшій читать непременно прочтетъ до конца и вынесетъ изъ нея, помимо убѣжденія въ тѣсной связи жизни Шекспира съ его произведеніями, ту же любовь къ Шекспиру, какъ человѣку, и то же благоговѣніе къ его гению, которая водила перомъ ея даровитаго автора». Чтобы наслаждаться природою, нужно умѣть смотреть на нее; чтобы находить удовольствіе въ произведеніяхъ художественной литературы, особенно давно минувшихъ временъ, необходимо умѣть ихъ читать; по мнѣнію Брандеса, для этого нужно приступать къ нимъ «съ чуткимъ сердцемъ, здравымъ умомъ и съ непосредственнымъ пониманіемъ всего гениальнаго»; онъ забылъ еще прибавить—съ достаточною историческою подготовкою, которая служитъ лучшимъ условіемъ для развитія вышеуказанныхъ цѣнныхъ качествъ. Въ наше время (да и не только въ наше) нѣрѣдко встрѣтить со стороны такъ называемыхъ читателей отношеніе къ Шекспиру, какъ къ почетному имену, славу котораго почему-то принято возносить до недостижимой высоты, но въ сущности всѣ эти классики довольно-таки скучны. Дайте обыкновенному читателю въ руки не только «Бурю» или «Цимбелина», но «Лира», «Гамлета», «Ромео и Юлію», если только эти образы не стали ему близки въ изображеніи Росси или Томазо Сальвини, и пусть онъ изложитъ вамъ, что онъ вынесъ изъ этого чтенія; мы убѣждены, что въ большинствѣ случаевъ такой читатель ограничится нѣсколькими банальными фразами, которыхъ онъ припомнитъ изъ ораторскихъ попытокъ своего учителя словесности. Кто смутитъ наивность, часто непослѣдовательность фабулы; онъ посмѣется надъ историческими анахронизмами; онъ найдетъ въ монологахъ много напыщенности, а въ діалогахъ излишнее словопреніе; герои покажутся ему холодными, шуты прѣсными, женщины слащавыми; многое будетъ ему совсѣмъ непонятно; многія интереснѣйшія черты онъ пропуститъ безъ вниманія. Но пусть тотъ же читатель, если онъ дѣйстви-

тельно способенъ воспринимать прекрасное, приступить къ Шекспиру подъ руководствомъ Брандеса: мы не сомнѣваемся, что внимательное чтеніе одной этой книги будетъ достаточно, чтобы величіе Шекспира и его образовъ стало понятно профану.

Брандесъ даетъ прежде всего всё необходимыя историческія и историко-литературныя данныя, раскрывающія передъ читателямъ тотъ дѣйствительный и идейный міръ, на фонѣ котораго развился самъ авторъ и возникли его произведенія. Въ этой области, конечно, Брандесу едва ли удалось открыть что-нибудь существенно-новое, что бы десятки разъ не было сообщено англійскими и нѣмецкими комментаторами Шекспира, но благодаря изобразительному таланту Брандеса всё эти факты не остаются отвлеченными свѣдѣніями, но сливаются въ яркія картины. Съ необыкновеннымъ мастерствомъ устанавливаетъ онъ нѣсколькими остроумными соображеніями критику текста, которою нѣмецкіе изслѣдователи обыкновенно такъ изнуряютъ даже специально подготовленнаго читателя. Отдѣливъ то, что принадлежитъ источникамъ Шекспира, опредѣливъ вѣроятную дату данной драмы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣсто ея въ психологической біографіи автора, указавъ тѣ черты, въ которыхъ отразились историческія лица и событія, критикъ приступаетъ къ главной своей задачѣ—къ разъясненію смысла драмы и характеровъ дѣйствующихъ лицъ съ точки зрѣнія психологіи автора. Все творчество Шекспира становится какъ бы однимъ художественнымъ произведеніемъ, герой котораго самъ авторъ. Предъ нами проходитъ драма великаго человѣка во всѣхъ фазисахъ: юношеская полнота силъ и жизнерадостность, безавѣтная вѣра въ людей, разочарованіе въ тѣхъ именно людяхъ, которые казались особенно достойными любви и довѣрія, тяжелый опытъ авторской и артистической жизни, горькія наблюденія надъ событиями общественнаго характера; прежняя довѣрчивость и веселая уравновѣшенность смѣняются скептицизмомъ и угнетеннымъ настроеніемъ; скептицизмъ усиливается до пессимизма, а затѣмъ вызываетъ могучій взрывъ ненависти и презрѣнія къ людямъ; наконецъ, опять умиротвореніе, возвращеніе къ поэзіи и къ вѣрѣ въ свѣтлыя стороны человѣческой души. На вопросъ, какіе факты, какія коллизіи создавали эту эволюцію душевныхъ состояній, безъ исключенія во всѣхъ случаяхъ приходится отвѣчать полнымъ невѣдѣніемъ. Нашему наблюденію доступно только отраженіе этихъ психологическихъ фазисовъ въ произведеніяхъ Шекспира. Ясно, что при этихъ условіяхъ остается большой просторъ для субъективныхъ взглядовъ каждаго изслѣдователя, не столько въ констатированіи даннаго настроенія, сколько въ обоснованіи его. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и Брандесъ оставляетъ читателя далеко неудовлетвореннымъ. Наиболѣе слабымъ намъ кажется психологическій анализъ Брандеса тамъ, гдѣ онъ старается объяснить антидемократическія чувства Шекспира. Начиная съ «Короля Іоанна», затѣмъ всё усиливаясь въ «Юліѣ Цезарѣ», въ «Троилѣ и Крессидѣ», въ «Тимонѣ», а особенно въ «Коріоланѣ» встрѣчается дѣйствительно много выходокъ противъ низшихъ народныхъ слоевъ, какъ противъ толпы, невѣжественной, глупой, корыстной, неблагодарной, совершенно не понимающей даже собственную пользу. Но, во-первыхъ, Брандесъ напрасно ищетъ отрицательныхъ чертъ черни, гдѣ Шекспиръ, повидимому, объ этомъ не думалъ. Такъ, критикъ считаетъ Калибана («Буря») выразителемъ взгляда автора на демократію, указывая, что Ренану въ своей извѣстной философской драмѣ легко было сдѣлать изъ этой фигуры сборище всѣхъ дурныхъ сторонъ ненавистныхъ ему народныхъ массъ. Нельзя навязывать Шекспиру отвѣтственность за мировоззрѣніе французскихъ *intellectuels* конца XIX вѣка. Конечно, рисуя Калибана полузвѣремъ, который гораздо легче поддается культурному воздѣйствію пьяныхъ матросовъ, чѣмъ благороднымъ усиліямъ мудраго Просперо, Шекспиръ имѣлъ въ виду только туземцевъ Америки, которые такъ занимали воображеніе современ-

ныхъ ему англичанъ; и въ своемъ взглядѣ на темнокожихъ геніальный писатель, надо признаться, не стоялъ выше своихъ современниковъ, но отсюда еще все-таки далеко до отождествленія англійскаго демоса съ хищнымъ и грубымъ животнымъ. Во-вторыхъ, Брандесъ не противопоставляетъ антидемократическимъ выходкамъ Шекспира тѣхъ мѣстъ изъ его драмъ, гдѣ высказывается болѣе человѣчное отношеніе къ нижней братіи, какъ, напр., прекрасныя слова короля Лира (III, 4) о «бездомной голытьбѣ» (Брандесъ цитируетъ эти стихи съ иномъ цѣлью). Но всего недостаточнѣе кажутся намъ соображенія Брандеса объ основаніяхъ враждебнаго отношенія Шекспира къ толпѣ. Критикъ указываетъ двѣ причины: весьма обильными цитатами онъ доказываетъ, что Шекспиръ имѣлъ физическое отвращеніе къ внѣшности престопадной толпы, что его отталкивалъ въ буквальномъ смыслѣ ея дурной запахъ. Въ этомъ Брандесъ видитъ тонкую артистическую организацію Шекспира. Странно съ этимъ соединяется симпатія Шекспира къ своему родному городку Стратфордъ, нечистоплотность котораго поражала даже современниковъ и засвидѣтельствована неопровержимыми документами. Второй мотивъ болѣе вѣскій, но все-таки, по нашему мнѣнію, недостаточный. Въ наиболѣе близкое соприкосновеніе съ толпой Шекспиръ приходилъ въ театрѣ въ качествѣ автора и актера. Здѣсь партеръ велъ себя грубо, оскорблялъ артистовъ и драматурговъ, обнаруживалъ дурной вкусъ, короткую память къ заслугамъ и т. д. Все это, несомнѣнно, справедливо, но развѣ геніальный умъ, какимъ всюду Брандесъ изображаетъ Шекспира, можетъ строить свое міровоззрѣніе на такихъ узкихъ основаніяхъ? Развѣ грубость вкуса и поведенія лишаютъ народъ или человѣка (все равно) законныхъ правъ на гуманное къ нему отношеніе? Одно изъ двухъ, или антидемократическія вспышки Шекспира слишкомъ обобщены Брандесомъ, или вражда къ народу должна была имѣть болѣе глубокія философскія и болѣе вѣскія фактическія основанія. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ, намъ кажется, требуетъ еще болѣе тщательнаго пересмотра.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя согласиться съ выводами Брандеса, его указанія будятъ мысль и заставляютъ читателя самостоятельно рѣшать многіе вопросы, которые иначе, быть можетъ, и не возникли бы при чтеніи Шекспира. Нельзя не привѣтствовать появленія этой въ высокой степени интересной книги на русскоиъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что она издана въ столь рѣдкомъ у насъ вполнѣ литературномъ переводѣ. *Е. Девенъ.*

Ю. Э. Озаровскій. Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. Пособіе для режиссеровъ, театральныхъ дирекцій, драматическихъ артистовъ, драматическихъ школъ, любителей драматическаго искусства. Изданіе Д. М. Мусиной. Выпускъ I. «Недоросль» Фонвизина. Умѣлая постановка на сценѣ серьезныхъ драматическихъ произведеній требуетъ отъ режиссера, съ одной стороны, обширныхъ свѣдѣній историческихъ, литературныхъ, бытовыхъ и т. п., а съ другой—художественной фантазіи, съ помощью которой только и можно превратить текстъ пьесы, самъ по себѣ безжизненный, въ живую, цѣльную и яркую картину, гдѣ каждое отдѣльное лицо и положеніе являлось бы въ органической связи съ цѣлымъ. Въ настоящее время взглядъ на сценическую постановку какъ руководителей театральнаго дѣла, такъ и публики, въ значительной степени и весьма существенно отличается отъ тѣхъ воззрѣній, какія были въ ходу дѣтъ 20—30 тому назадъ: требованія стали несравненно шире, строже, опредѣленнѣе, да и театральная техника сдѣлала огромные успѣхи. Основной принципъ современнаго театра: «Сцена есть жизнь»: соответственно этому теперь признается правильною только такое изображеніе жизни на театральныхъ подмосткахъ, въ которомъ допускается какъ можно меньше отступленій отъ дѣйствительности, исторической или современной, смотря по содержанію пьесы, какъ можно меньше того, что принято называть

сценическом условностию. Такъ, напримѣръ, декорация комнаты на сценѣ должна изображать такую комнату, въ которой въ самомъ дѣлѣ можно жить; мебель, вся обстановка, расположеніе отдѣльных частей помѣщенія, костюмы, гримировка и всѣ малѣйшіе аксессуары дѣйствующихъ лицъ должны быть строго сообразны съ дѣйствительностью и ни въ чемъ не нарушать общаго характера данной въ пьесѣ эпохи и бытовыхъ особенностей того круга людей который въ пьесѣ изображается. Все это теперь считается уже азбучной истиной и почти не вызываетъ возраженій; но на практикѣ дѣло «обстоитъ» далеко не такъ благополучно, особенно въ театрахъ, не располагающихъ крупными матеріальными средствами для затратъ на сложныя постановки, или тамъ, гдѣ лица, этихъ дѣломъ руководящія, не обладаютъ необходимымъ запасомъ свѣдѣній и умѣнья. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ и пускаются къ ходъ равные оправдательные софизмы, вродѣ, напр., того, что тщательная постановка пьесы отвлекаетъ вниманіе зрителей отъ главнаго, т.-е. отъ исполненія, на разныя мелочи, — движеніе облаковъ, шумъ вѣтра, живые цвѣты, настоящіе бутерброды и т. п.; но большая часть этихъ насмѣшекъ надъ «мейннигентствомъ», обличающихъ только собственное безсиліе смѣющихся, попадаетъ мимо цѣли или, какъ говаривалъ покойный Островскій, «мимо смысла»: вѣдь облака и прочіе аксессуары, если они вѣрны дѣйствительности, нисколько не оскорбляютъ художественнаго вкуса зрителей, а лишь помогаютъ цѣльности получаемаго отъ пьесы впечатлѣнія, полнотѣ сценической иллюзии; наоборотъ, появленіе въ царскихъ покояхъ XVI-го столѣтія изящнаго позолоченнаго канделябра съ двуглавымъ орломъ самаго новѣйшаго образца, или «своя» шевелюра, выстриженная «ежикомъ», у боярина того же XVI-го вѣка грубо и безъ всякой надобности эту иллюзію нарушаютъ; а вѣдь подобные промахи мы видѣли, и не дальше, какъ два года тому назадъ, на сценѣ одного изъ лучшихъ нашихъ театровъ!

Нельзя, поэтому, не привѣтствовать интересную и полезную попытку артиста Императорскихъ театровъ г. Озаровскаго дать режиссерамъ подробное пособіе или руководство къ постановкѣ наиболѣе выдающихся, «классическихъ» пьесъ русскаго репертуара, собравъ воедино и расположивъ систематически весь относящійся къ данной пьесѣ матеріалъ, для режиссера необходимый, — литературный, историческій, бытовой, художественный и т. д.

Первый выпускъ этого изданія, только что вышедшій большой томъ въ 4-ку, посвященъ «Недорослю». Здѣсь мы находимъ, во-первыхъ, текстъ комедіи, въ полномъ его видѣ, причемъ на поляхъ особыми знаками отмѣчены тѣ «кушюры», которыя дѣлаются при постановкѣ ея на Императорской сценѣ и, по нашему мнѣнію, въ виду литературнаго и историческаго значенія пьесы, не должны бы допускаться... Но, къ сожалѣнію, вѣрная передача пьесы въ томъ видѣ, какъ ее написалъ авторъ, не въ нашихъ театральныхъ нравахъ: у насъ не принято «церемониться» ни съ Фонвизинимъ, ни даже съ самимъ Шекспиромъ, не говоря уже о какомъ-то Островскомъ, изъ котораго безъ всякаго стѣсненія «херятъ» цѣлые акты («Послѣдняя жертва»), а не только отдѣльныя фразы. Редакторъ изданія, видимо, и самъ находитъ этотъ порядокъ нормальнымъ, потому что нигдѣ ни словомъ не обмолвился противъ него. Текстъ «Недоросля» напечатанъ, въ общемъ, исправно; мы замѣтили, однако, при бѣгломъ просмотрѣ, два три искаженія. Такъ, на стр. 4 Простакова говоритъ: «Какоевъ кафтанецъ? Тришка спитъ изволялъ» Здѣсь вопросительный знакъ долженъ быть переставленъ послѣ слова: «изволилъ». На стр. 7, въ текстѣ и въ примѣчаніи, извѣстные пироги называются подовыми, между тѣмъ какъ вездѣ въ Россіи ихъ зовутъ подовыми; точно также нельзя говорить: «шелепами», какъ рекомендуется на стр. 58, а надо говорить: «шелепáми». Къ тексту сдѣлано нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній, содержаніе которыхъ показываетъ, что составитель ихъ имѣлъ въ виду читателей очень... «просто-

душныхъ»: такъ, напр., онъ нашелъ необходимымъ пояснить, что «первое, второе» значить: «во-первыхъ, во-вторыхъ»; «возьмутся мѣры» значить: «найдутся» (вѣрнѣе было бы сказать: «будутъ приняты»); «зады»—«ранѣе изученное»; «на земли»—на землѣ, «наприкладъ»—напримѣръ, и т. п. Должно быть, подобныя поясненія обязаны своимъ происхожденіемъ извѣстному заявленію о ненужности наукъ для актера, сдѣланному на театральномъ съѣздѣ; но вѣдь смѣло можно сказать, что сочувствующіе этому заявленію и въ руки не возьмутъ книги г. Озаровскаго!

За текстомъ «Недоросля» слѣдуетъ небольшая біографія Фонвизина, характеристика его литературной дѣятельности, замѣтки объ исторіи «Недоросля» на сценѣ и объ изображенной въ комедіи эпохѣ. Очеркъ этотъ составленъ г. Вэрнеке и иллюстрированъ портретами какъ самого Фонвизина, такъ и главнѣйшихъ исполнителей «Недоросля» въ старое и новѣйшее время.

Далѣе слѣдуетъ третій отдѣлъ книги—художественно-режиссерскій. Здѣсь, прежде всего, подъ названіемъ «матеріаловъ для характеристики» лицъ комедіи, собрано все то, что о каждомъ изъ нихъ говорится въ текстѣ пьесы; затѣмъ даны «мотивы» грима, причесокъ и костюмовъ всѣхъ лицъ, мотивы декораций, обстановки и мебели,—въ рядѣ рисунковъ гг. Воскресенскаго, Пономарева, бар. Клодта и Янова. Авторы этихъ рисунковъ оговариваются, что они вовсе не претендуютъ на какую-либо художественно-законченную иллюстрацію типовъ безсмертной комедіи,—что ихъ рисунки не больше, какъ *мамки*. На нашъ взглядъ, большинство этихъ рисунковъ очень хороши и типичны; неудачнымъ вышелъ только Простаковъ, лицу котораго придано очень интеллигентное выраженіе,—словно это какой то энциклопедистъ!—а для «комизма» пришиты къ нему толстѣйшія губы; неудаченъ также и Вральманъ, потому что изображаетъ покойнаго исполнителя этой роли Трофимова, съ его характернымъ носомъ, изъ-за котораго артистъ съ кѣмъ-то даже печатно ссорился...

Едва ли не самую интересную часть книги представляетъ скомпонованная г. Озаровскимъ «примѣрная mise en scène» комедіи. Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ намъ подробно остановиться на разборѣ этой наиболѣе самостоятельной части труда г. Озаровскаго; общее наше впечатлѣніе таково, что при всемъ стараніи разработать возможно лучше постановку пьесы, у г. Озаровскаго не достало изобрѣтательности: дѣйствующія лица у него «толкуются» на сценѣ, дѣлая иногда совсѣмъ неудобные переходы, напр., между столомъ и скамьей,—а «движенія» въ истинномъ смыслѣ этого слова, видно мало. Впрочемъ, надо оговориться, что режиссеръ многое предоставляетъ собственной изобрѣтательности исполнителей, давая только общую схему дѣйствія. Насколько такой приемъ правиленъ по существу, объ этомъ, конечно, можно спорить.

Не совсѣмъ согласны мы также и съ проектируемой для «Недоросля» декорацией и обстановкой. Стѣны въ гостиной Простаковыхъ едва ли могли быть обтянуты «бѣлымъ крашеннымъ полотномъ, кое-гдѣ прорвавшимся и обнаруживающимъ деревянный срубъ зданія». Вѣрнѣе предположить ихъ оштукатуренными, а если обтянутыми, то, во всякомъ случаѣ, не полотномъ, а холстомъ, выкрашеннымъ не въ бѣлый, а въ «дикій» цвѣтъ. Простыя скамейки вдоль стѣнъ этой же гостиной, рядомъ съ софой и обитыми креслами, кажутся неумѣстными, точно такъ же, какъ и полки съ посудой на стѣнахъ, когда тутъ же стоятъ для посуды шкафы. Вѣдь Простаковы если и не важные господа, то, все же, не какіе-нибудь захудалые однодворцы; въ ихъ домашней обстановкѣ должно сказываться извѣстное стремленіе быть «не хуже другихъ». Напр., на стѣнахъ непременно должно повѣсить хоть одинъ масляными красками писанный портретъ родственника или какой-нибудь «особы». А проектированная режиссеромъ полка «съ книгами и учебными пособиями Митрофана»—совсѣмъ лишняя: какія у него могутъ быть книги, да еще и учебныя пособия? ужъ

не глобусъ ли? Кутейкинъ носить съ собой Часословъ, Цыфиркинъ ходить съ лоской и грифелемъ,—вотъ и весь реквизитъ митрофановой премудрости!

Впрочемъ, все это—мелкіе недочеты, отнюдь не уменьшающіе несомнѣнныхъ достоинствъ оригинально задуманнаго и старательно выполненнаго изданія, которому нельзя не пожелать возможно болѣе полнаго успѣха, въ интересахъ нашего театральнаго дѣла.

Въ слѣдующемъ выпускѣ обѣщано «Горе отъ ума», постановкѣ котораго недавно посвятилъ статью П. П. Гнѣдичъ, въ «Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ».

П. М.—въ.

ИСТОРИЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

В. О. Ключевскій. «Краткое пособие по русской исторіи». — *Большонъ Книжъ*. «Исторія объединенія Италіи».

Проф. В. О. Ключевскій. Краткое пособие по русской исторіи. Частное изданіе только для слушателей автора. 2-е изданіе, съ дополненіями. М. 1901 г. in 8-vo, Стр. 2 нен.—166. Ц. 60 коп. «Пособіе» г. Ключевского издано съ разрѣшенія университетской цензуры, представляетъ изъ себя передѣлку общаго курса русской исторіи, много дѣтъ читаемаго авторомъ въ московскомъ университетѣ; на обложкѣ «пособія» значится, что оно предназначено *только для слушателей втораго*, а въ текстѣ рядъ ссылокъ на «Учебную книгу русской исторіи» С. М. Соловьева, имѣющихъ цѣлью изобразить изъ «пособія» какъ бы комментарий къ отдѣльнымъ главамъ сочиненія Соловьева, а не самостоятельную работу. «Краткое пособие» издано, между тѣмъ, въ количествѣ 6.100 экземпляровъ, на обложкѣ обозначена не только цѣна, но указанъ и складъ изданія въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, продается пособие обычнымъ путемъ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Такимъ образомъ, указанные выше университетская цензура, слушатели автора и самъ его учитель Соловьевъ потревожены рада обстановки, представляющей результатъ обычнаго оригинальничанья почтеннаго московскаго профессора. Второе изданіе весьма быстро послѣдовало вслѣдъ за первымъ—знакъ, что книжка была выпущена во время и сразу же напала на опредѣленную публику; несмотря на нѣкоторыя существенныя неудобства, книжка г. Ключевского нашла доступъ въ среднюю школу, которой черезчуръ успѣли надоесть архаическіе учебники гг. Иловайскихъ и Елпатьевскихъ. Книжка г. Ключевского, хотя бы искусственно пристегнутая къ фактическому разсказу Соловьева, пригодна и для цѣлей самообразованія, тогда какъ самъ авторъ, повидимому, не предназначалъ ее первоначально ни для публики вообще, ни для средней школы, ни для цѣлей самообразованія, а просто для лицъ, имѣющихъ по окончаніи университетскаго курса, держать экзаменъ въ государственныхъ комиссіяхъ, и при *второмъ* изданіи не устранилъ ее изъ неподходящей къ ней и указанной выше обстановки. Такимъ образомъ, благодаря отсутствію опредѣленныхъ указаній со стороны самого г. Ключевского, критика поставлена въ очень затруднительное положеніе и вынуждена начинать съ неблагоприятнаго указанія на *неопредѣленность цѣли*, какую преслѣдовалъ въ книжкѣ авторъ.

Но какъ бы ни понималъ г. Ключевскій свою задачу, какъ бы ни старался упрекнуть критику въ томъ, что она навязываетъ ему цѣли, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ въ виду и даже сознательно не хотѣлъ преслѣдовать, все-таки останется въ силѣ замѣчаніе относительно далеко *неравномерной разработки главной темы*. Книжку г. Ключевского было бы правильнѣе наименовать «краткимъ пособиемъ по древней русской исторіи», а не по русской

исторіи вообще. Собственно текста въ книжкѣ 163 страницы, изъ которыхъ на древнюю исторію приходится 123 стр., а на новую, т. е. на XVIII и XIX вѣка, только 40 стр. Такое распредѣленіе историческаго матеріала не можетъ найти ни научнаго, ни педагогическаго (педагогическаго *еще менѣе*) оправданія. Оставляя въ сторонѣ запросы ученаго характера, надо признать, что книжка г. Ключевского должна быть рассчитана на публику всякаго рода, и прежде всего на публику школьную и публику, зараженную нелюбезнымъ многимъ пристрастіемъ къ самообразованію. Очень старый и очень пошлый принципъ изучать исторію *ab ovo* долженъ быть брошенъ: старина—не цѣль изученія, а лишь простое средство познанія настоящаго, текущей дѣйствительности. Не походы Александра Македонскаго, не подвиги военныхъ героевъ, не дѣянія знаменитостей, зачастую дутыхъ, приходится изучать нынѣ въ школахъ, а цѣлые историческіе процессы: какъ и какимъ путемъ пришло человѣчество къ тому, что оно есть. Все вниманіе учащагося должно быть устремлено на изученіе *современнаго общества*; прошлое этого послѣдняго изучается лишь какъ введеніе, а слѣдовательно, наввозможно сжато. Г. Ключевскій стоитъ на высотѣ современнаго историка въ смыслѣ пониманія того, какой матеріалъ подлежитъ разработкѣ въ современномъ историческомъ руководствѣ, но надлежащее распредѣленіе этого матеріала у него отсутствуетъ, и его читатели получаютъ болѣе ясное представленіе о далекихъ временахъ Русской Правды и Уложенія, чѣмъ объ эпохѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 года. Г. Ключевскій, ни съ того, ни съ сего, любезно сообщаетъ своимъ читателямъ о взглядахъ Карамзина, Погодина и Соловьева на личность царя Ивана Грознаго, а о реформахъ Александра II упоминаетъ вскользь. Надо искренно пожалѣть, что книжка московскаго профессора, обладающая многими крупными достоинствами, переноситъ центр тяжести въ Русь древнюю, а не новую. Какъ разъ ни въ школахъ, ни дома нѣтъ нужды большую часть времени проводить за изученіемъ старья, и въ концѣ-концовъ не получить никакого опредѣленнаго представленія о настоящемъ. Неопредѣленная по своей основной цѣли книжка г. Ключевского оставляетъ очень неопредѣленное впечатлѣніе въ области русской исторіи XVIII и XIX вѣковъ. Современное историческое руководство главное вниманіе какъ разъ и должно обратить на два послѣдніе вѣка. Если они будутъ оставаться въ тѣни или на заднемъ планѣ, тогда лучше совсѣмъ упразднить преподаваніе исторіи въ средней школѣ. Г. Ключевскій до нѣкоторой степени оцѣнилъ этотъ существенный пробѣлъ въ его книжкѣ и во второмъ изданіи выдвинулъ совершенно отсутствующія въ первомъ статьи: 1) «ходъ и связь реформъ» Петра Перваго (стр. 123—126), 2) «военная реформа» (стр. 126—127), 3) «финансы» (стр. 133—134), 4) «судебные уставы 1864 года» (стр. 158—162) и наконецъ, 5) «уставъ 1874 г. о воинской повинности» (стр. 162—163). Пошлость старой школы, между тѣмъ, въ томъ именно и заключалась, что она учила по преимуществу тому, что ни на что не годно и что не представляло никакого развивающаго элемента; окончившій среднюю школу являлся въ полномъ смыслѣ слова общественной тушцей... Тѣмъ печальнѣе встрѣтить нынѣ игнорированіе новаго времени въ историческомъ руководствѣ новаго сталя, принадлежащемъ перу писателя, который имѣлъ случай замѣтить слѣдующее: «Чтобы знать, куда и какъ идти, нужно знать, откуда и какъ мы пришли. Опредѣляя задачи и направленіе своей дѣятельности, каждый изъ насъ долженъ быть, хоть немного, историкомъ, чтобы стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ (1884—1885, стр. 13).

Вслѣдъ за неравномѣрной разработкой главной темы критикѣ приходится отмѣтить *невыдержанность общаго плана*. До времени реформъ Петра Перваго въ книжкѣ предлагается изложеніе русской исторіи по довольно опредѣ-

ленному плану, въ основаніе котораго положено дѣленіе древней русской исторіи по территориально-политическимъ признакамъ. Вслѣдъ за введеніемъ (стр. 1—19), посвященномъ природѣ восточно-европейской равнины (стр. 1—6), древнѣйшимъ извѣстіямъ о народахъ восточной Европы (стр. 7—10), вопросамъ о расселеніи (стр. 11—14) и бытѣ (стр. 14—19) восточныхъ славянъ, слѣдуетъ очеркъ исторіи Руси днѣпровской, городской, торговой, въ которой установленъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія (стр. 20—50). Второй очеркъ охватываетъ исторію Руси верхне волжской, удѣльно княжеской, вольно-земледѣльческой (стр. 51—69); къ этому же очерку весьма естественно приурочена глава о новгородской землѣ (стр. 69—82). Очеркъ третій—исторія московскаго государства, исторія Руси Великой, Московской, монархическо-боярской, военно-земледѣльческой (стр. 83—123). Здѣсь заканчивается основной текстъ руководства, и новая русская исторія является какъ бы извнѣ пристегнутой въ формѣ двухъ главъ: «реформы Петра Великаго» (стр. 123—134) и «обзоръ главнѣйшихъ явленій со смерти Петра Великаго» (стр. 134—163), самые заголовки изложенія показываютъ, что здѣсь авторъ умышленно отклоняется отъ опредѣленнаго плана и говоритъ какъ бы изъ снисхожденія къ неразумной толпѣ, которая грубо требуетъ знакомства съ новорусскою исторіей.

Главное вниманіе Ключевскаго сосредоточено на процессѣ *политическомъ*; процессъ духовный по весьма понятнымъ причинамъ и совершенно правильно игнорируется вовсе; процессовъ общественнаго, юридическаго и экономическаго авторъ касается слегка и лишь настолько, насколько это, по его мнѣнію, необходимо для уясненія политическаго строя древней Руси. *Государство* съ его исторіей выдвинуто на первый планъ. Не останавливаясь на правильности такой постановки темы въ настоящее время, позволимъ себѣ отмѣтить лишь *неполноту изложенія* даже съ той точки зрѣнія, на которой оставался въ свѣтѣ «краткомъ пособіи» г. Ключевскій. Роль западно-европейскаго вліянія, значеніе церкви въ московской Руси, происхожденіе раскола старообрядства—все это обойдено совершенно, и на это умолчаніе авторъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. На ряду съ неполнотою изложенія критика считаетъ себя въ правѣ отмѣтить отсутствіе указаній на основныя учебныя пособія по крупнымъ историческимъ вопросамъ, изученнымъ въ «краткомъ пособіи». Въ немъ имѣется всего только одно указаніе на «Учебную книгу русской исторіи» Соловьева; это указаніе имѣеть цѣлью рекомендовать лучшее руководство для ознакомленія съ основными *фактами* русской исторіи. Книга Соловьева написана крайне сухо, но несмотря на эту сухость, а равно на устарѣлость изложенія, рекомендовать больше нечего, особливо въ данномъ случаѣ, такъ какъ курсы г. Ключевскаго вообще представляютъ изъ себя лишь своеобразную переработку Соловьевскихъ матеріаловъ. Но рѣчь идетъ не о фактахъ, а о явленіяхъ, о капитальныхъ вопросахъ русской исторіи, требующихъ основательнаго изученія, возбуждающихъ справедливый интересъ въ той части общества, которая путемъ домашняго самообразовательнаго чтенія желаетъ добыть себѣ хоть какое-нибудь образованіе. Весьма любопытно, что это ограниченіе исторической премудрости учебной книгой Соловьева, это отсутствіе литературныхъ указаній сопровождается у г. Ключевскаго нѣскольکو устарѣлымъ изложеніемъ отдѣльныхъ частей пособія, какъ, напр., отдѣла объ опричнинѣ, главы о Смутномъ времени... *) Раздѣлъ о «писцовыхъ книгахъ» (стр. 107—108) тѣльнымъ, разъ имѣть ссылки на пособіе, изъ котораго можно было бы уразумѣть хоть сколько-нибудь вопросъ о нихъ. Устарѣлость изложенія, сказавшись попалъ не на мѣсто и для обычнаго читателя представляется мало вразуми-

*) Особенно старо и странно трактуется вопросъ на второй половинѣ стр. 104-й.

вается также во введении, где привлечены не без искусства данные геологов, но зато совершенно отсутствуют результаты работ археологических послѣдняго времени. Почему отсутствуют — это секретъ нашего автора, который старо и поверхностно говорит о мнѳологиче славянъ, игнорируя превосходныя статьи г. Милюкова о славянахъ въ первомъ выпускѣ «Бюлетя для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ» г. Виноградова; подготовка петровскихъ реформъ могла бы быть изложена г. Ключевскимъ болѣе рельефно и основательно, равнымъ образомъ было бы вполне въ характерѣ «пособія», если бы было сдѣлано сжатое резюме всего изложенія, отсутствіе котораго досадно чувствуется. Наконецъ, цѣлый рядъ любопытныхъ замѣчаній можно было бы сдѣлать, если бы мы взяли отвѣтить на вопросъ, насколько удачно г. Ключевскій свой университетскій курсъ по русской исторіи сжалъ въ лежащее передъ нами «краткое пособіе». Отказываясь за недостаткомъ мѣста отъ этой интересной работы, мы отъ души советуемъ автору возможно скорѣе издать этотъ курсъ цѣлкомъ. Въдѣ публикѣ нечего читать по русской исторіи, а его курсъ — прекрасная книга для чтенія большой публикѣ...

Послѣ изложенныхъ выше замѣчаній, намъ остается сдѣлать вполне опредѣленное указаніе на то, что «Краткое пособіе» г. Ключевского въ общемъ очень цѣнное руководство въ современной литературѣ главнымъ образомъ для элементарнаго ознакомленія съ общимъ ходомъ русской исторіи. Серьезное, умное, элементарное изложеніе даетъ возможность рекомендовать книжку и для школы, и для домашняго чтенія, разумеется, при условіи просмотра указаннаго выше сочиненія Соловьева. Мы принуждены будемъ пользоваться ею для самыхъ разнообразныхъ цѣлей, хотя по существу должны признать, что вполне она не удовлетворяетъ ни одной цѣли; мы убѣждены, что, при добромъ желаніи талантливаго автора, книжка, будучи переработанной, можетъ стать прекраснымъ матеріаломъ для домашняго самообразовательнаго чтенія. И въ настоящемъ видѣ мы не можемъ не рекомендовать ее вниманію преподавателей исторіи. Въ старшихъ классахъ съ нею можно работать въ школѣ при условіи напряженной работы самого преподавателя. При домашнемъ же самообразовательномъ чтеніи, книжка г. Ключевского превосходный переходъ отъ фактическаго учебника къ блестящимъ очеркамъ по исторіи русской культуры г. Милюкова. *Василій Строржевъ.*

Болтонъ Кингъ. Исторія объединенія Италіи. Переводъ съ англійскаго Н. Кончевской съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Томъ I. Цѣна 1 руб. 50 коп. Изд. С. Смирнунта. Исторія объединенія Италіи одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи Европы XIX вѣка. Интересна она и по ходу событій, явившихъ странное на первый взглядъ зрѣлище собранія страны вокругъ небольшого и повидимому ничѣмъ не благопріятнаго государства; интересна и по взаимодѣйствію самыхъ разнообразныхъ политическихъ принциповъ, въ которомъ прогрессивное начало одержало верхъ и надъ теократической реакціей, и надъ монархической реакціей; интересна и по непрерывному появленію новыхъ сочетаній, въ которыхъ революціонные элементы не разъ находили поддержку со стороны реакціонныхъ и наоборотъ; интересна и по тому драматизму, который сообщали событіямъ столкновенія пробудившагося къ свободѣ итальянскаго народнаго генія съ тупымъ упорствомъ Бурбоновъ и съ разсчетливымъ гнетомъ Австріи; интересна наконецъ по той плеядѣ замѣчательныхъ людей, которымъ суждено было стать орудіемъ историческаго процесса.

Нѣтъ, поэтому, ничего страннаго въ томъ, что у историка, занявшагося вопросомъ объ объединеніи Италіи, на ряду съ научнымъ увлеченіемъ появляется увлеченіе совершенно другого рода, увлеченіе художественное. И читатель, привыкшій искать въ исторіи только объективнаго изложенія фактовъ, вполне понимаетъ, если и не можетъ его оправдать, тотъ тонъ, который усвоилъ себѣ англійскій историкъ. Тонъ этотъ чуть не сплошь дидактической и авторъ не

разъ подчеркиваетъ свое отношеніе къ изображаемымъ событіямъ. Эпиграфъ книги взятъ изъ ап. Павла: «Все это случилось, чтобы служить примѣромъ, а описано въ наставленіе намъ».

Естественно, что при такомъ взглядѣ на первый планъ выступаетъ прагматическое изложеніе и отводится много мѣста отдѣльнымъ характеристикамъ. Портреты Мадзини, д'Азеліо, Джоберти, Піа IX, Кавура удались Книгу довольно хорошо. Своего отношенія къ событіямъ онъ нисколько не скрываетъ. Его симпатіи всецѣло принадлежать борцамъ за объединеніе.

Но было бы ошибкой предполагать, что субъективизмъ автора лишаетъ книгу всякаго научнаго интереса. Болтонъ Кангъ обращаетъ большое вниманіе на социальныя условія Италіи, и посвящаетъ описанію ихъ цѣлыя три главы настоящаго тома. Эти главы представляютъ наибольшій интересъ для русскаго читателя, хотя въ нихъ есть и существенныя пробѣлы. Экономическое положеніе страны за разсматриваемый періодъ изображено гораздо менѣе полно, чѣмъ была возможность сдѣлать это, даже руководствуясь существующими обработками.

Все изложеніе объединено одной идеей, проходящей чрезъ всю книгу; авторъ все время внимательно слѣдитъ за ростомъ сознанія единства Италіи въ отдѣльныхъ ея частяхъ.

Вообще говоря, книга англійскаго историка является очень хорошимъ руководствомъ для ознакомленія съ исторіей Италіи въ XIX в. Даже въ европейской литературѣ мы затруднились бы указать другое сочиненіе, которое такъ удачно соединяло бы съ небольшимъ объемомъ удачно подобранный и совершенно достаточный для не спеціалиста матеріалъ. Хорошіе труды Рейхлина, Тиварони, Ниско чрезчуръ громоздки, а среди остальной литературы едва ли есть возможность остановиться на чемъ нибудь вполне удовлетворительномъ. Что касается русскаго литературѣ, то единственная книга по исторіи Италіи XIX в. — Сочиненіе Эли Сорела, — слишкомъ поверхностно и не даетъ понятія порою объ очень крупныхъ фактахъ и явленіяхъ. Словомъ появленіе труда Книга можно только привѣтствовать.

Первый томъ занятъ событіями, начиная отъ вѣнскаго конгресса до неудачнаго окончанія революціи 1848 года. Русскій переводъ удовлетворителенъ; крупныя погрѣшности мы не замѣтили. Только напрасно переводчикъ говоритъ «отъ Марховъ»; это не «мархъ» (!), а просто «марка», какъ это ни покажется неожиданно г-жѣ Кончевой. Въ переводу приложено предисловіе, написанное авторомъ специально для русскаго изданія. Въ немъ авторъ опять говоритъ о дидактическихъ цѣляхъ своей книги. *А. Дживеллеговъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

С. Франкъ. «Теорія цѣнности».

С. Л. Франкъ. Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Критическій этюдъ. С.-Петербургъ 1900. Изданіе М. И. Водовозовой. Стр. VI + 370. Книга С. Л. Франка представляетъ выдающееся явленіе въ нашей научной литературѣ по политической экономіи. Это не болѣе или менѣе придичная обязательная «отписка» по дѣлу о полученіи ученой степени магистра или доктора, а серьезный научный трудъ, написанный внѣ всякаго отношенія къ внѣшнимъ, такъ называемымъ «академическимъ», требованіямъ. Авторъ, съ одной стороны, задается критическимъ разборомъ марксовой теоріи цѣнности, съ другой стороны тѣмъ, что, по нѣмецкому выраженію, можно было бы назвать *Bettung* — «спасеніемъ» этой теоріи отъ ея болѣе рѣшительныхъ критиковъ.

Скажемъ прямо, что критика остроумнаго и вдумчиваго автора намъ кажется гораздо болѣе удачною, чѣмъ его попытка спасти «трудовую цѣнность», какъ «субъективную цѣнность общественнаго дохода». Франкъ въ своемъ предисловіи говоритъ о томъ «невыносимомъ состояніи, въ которомъ еще до сихъ поръ находится экономическая наука». «Мы имѣемъ, въ сущности, не одну, а двѣ экономическія науки—науку «марксистскую» и науку «буржуазную», изъ которыхъ каждая говоритъ на совершенно особомъ языкѣ, не прислушиваясь къ мнѣнію другой и считая это мнѣніе въ большей или меньшей степени завѣдомою ложью. Если оставить въ сторонѣ ущербъ, наносимый этимъ состояніемъ той единой наукѣ, которая не знаетъ дѣленія на лагеря и занята только одной задачей—безпристрастнымъ исканіемъ истины, то нужно будетъ признать что невыгоды такого дѣленія на двѣ непримиримыя научныя партіи отражаются болѣе всего на партіи марксистской; тогда какъ такъ называемая «буржуазная» или «оффиціальная» политическая экономія быстрыми шагами двигалась впередъ и съ каждымъ днемъ завоевывала новые горизонты, наука «марксистская», несмотря на глубину и плодотворность ея основныхъ мыслей и талантность ея представителей, упорно топталась на одномъ мѣстѣ, занимаясь догматическимъ толкованіемъ старыхъ, превратившихся почти въ ходячія фразы, положеній даже тамъ, гдѣ дѣйствительность или научная мысль давнымъ давно ихъ опередила. Къ счастью, плачевное зрѣлище борьбы за верховную научную гегемонію двухъ ненавидящихъ и презирающихъ другъ друга научныхъ партій отходитъ уже въ область прошлаго: мы присутствуемъ при процессѣ ихъ взаимнаго сближенія, и уже недалеко то время, когда разногласіе социальнo-политическихъ міросозерцаній не будетъ выражаться въ обособленномъ существованіи двухъ самостоятельныхъ наукъ» (стр. I—II).

Здѣсь дана правильная характеристика дѣйствительнаго положенія вещей, и въ немъ, главнымъ образомъ, повинно то, что мы въ другомъ мѣстѣ назвали «основнымъ разсужденіемъ» марксистской ортодоксіи. Задача критическаго направленія, поэтому, и состоитъ въ томъ, чтобы показать всю психологическую условность этого основнаго разсужденія и избавить науку отъ его неблагоприятствующихъ отысканію истины вторженій.

Авторъ разбираемаго критическаго этюда, по нашему мнѣнію, совершенно правильно развиваетъ, что теорія трудовой цѣнности не можетъ быть поддерживаема, какъ теорія *мнвовой* цѣнности. Онъ даже идетъ слишкомъ далеко, утверждая, что «такъ называемыя рыночныя цѣны отъ сравнительной затраты труда не находятся ни въ какой (!) зависимости». Это уже прямо непонятное критическое увлеченіе, которое, намъ кажется, автору придется взять назадъ.

Говоря, что «трудовой теоріи мнвовой цѣнности противорѣчатъ разноцѣнность продуктовъ различнаго рода труда» авторъ, на нашъ взглядъ, правъ, и мы находимъ только, что этотъ пунктъ заслуживалъ бы болѣе полнаго развитія, чѣмъ онъ нашелъ у Франка, и притомъ именно съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ самъ Франкъ и которая характеризуется въ особенности рѣшительнымъ подчеркиваніемъ *соціальныхъ* моментовъ, опредѣляющихъ мнвovou цѣнность всѣхъ объектовъ товарнаго обращенія.

Отвергая попытки толкованія теоріи цѣнности Маркса, даваемыя другими авторами (Штаммлеромъ, Зомбартомъ, Бугаковымъ, Конрадомъ Шмидтомъ) Франкъ самъ не удержался отъ соблазна тоже «истолковать» трудовую цѣнность.

Для него трудовая цѣнность не есть мнвное отношеніе между товарами, не есть вовсе непосредственный матеріальный фактъ хозяйственной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не есть также и «простая регулятивная гипотеза», какъ для вышеуказанныхъ авторовъ. Что же она такое для Франка?

«Трудовая цѣнность,—отвѣчаетъ онъ,—есть общественная субъективная цѣнность дохода въ общественномъ хозяйствѣ». Это опредѣленіе поясняется

слѣдующими словами автора: «Если представить себѣ общество въ видѣ одного хозяйствующаго (хозяйствующій? *II. C.*) субъекта, другими словами, если исходить изъ представленія объ его интересахъ и потребностяхъ, то всѣ блага входящія въ доходъ, оцѣняются, какъ продуктъ его труда. Какова бы ни была мѣровая цѣнность этихъ благъ для общества, какъ такового, онѣ являются результатомъ его производительной дѣятельности, а потому ихъ цѣнность опредѣляется количествомъ затраченнаго на ихъ производство общественнаго труда». Такимъ образомъ трудовая цѣнность есть субъективная цѣнность хозяйственныхъ благъ съ точки зрѣнія планомерно хозяйствующаго общества. «Общественный характеръ цѣнности,—говоритъ нашъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—состоитъ не въ томъ, что объективная мѣровая цѣнность отражаетъ на себѣ реальный учетъ общественнаго труда, затраченнаго на нихъ; онъ заключается въ томъ, что помимо индивидуальной субъективной оцѣнки возможна *общественная* оцѣнка продуктовъ, т. е. оцѣнка ихъ съ точки зрѣнія интересовъ всего общества: эта оцѣнка столь же мало есть матеріальный фактъ внѣшняго міра, какъ и оцѣнка индивидуальная; она не оказываетъ сама по себѣ никакого вліянія на реальный ходъ хозяйственныхъ явленій, не опредѣляетъ ни процесса общественнаго производства ни процесса распределенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не есть фикція: она есть *реальный психологическій фактъ*, который при извѣстныхъ условіяхъ, именно, когда обществу дана возможность сознательно воздѣйствовать на хозяйственные отношенія его членовъ, приобретаетъ и практическое значеніе. Становясь на точку зрѣнія общества, мы должны иначе оцѣнивать продукты, чѣмъ съ точки зрѣнія индивидуальной. И эта общественная субъективная цѣнность, какъ мы видѣли есть необходимо *трудова* цѣнность» (стр. 263 — 264). Удивительно, какъ острый критическій взоръ автора не видитъ очевидной странности своего разсужденія. Трудовая цѣнность есть «реальный психологическій фактъ», но наличность этого «реальнаго факта» опредѣляется условіями, въ экономической дѣйствительности не существующими! На самомъ дѣлѣ авторъ обходился путемъ пришелъ къ тому же, что такъ давно высказалъ Родбертусъ, а именно, что «трудова цѣнность» есть не народно хозяйственный фактъ, а народно-хозяйственная идея. Иначе и точнѣе это можно формулировать такъ: такъ называемая *трудова цѣнность* выражаетъ собой *этический постулатъ*, согласно которому должно быть построено общественное хозяйство, удовлетворяющее принципамъ справедливости. Но если это такъ, то вся выдвигаемая Франкъ конструкція трудовой цѣнности имѣетъ гораздо меньше теоретическаго значенія, чѣмъ ему кажется. Задавшись цѣлью спасти «трудова цѣнность», приурочивъ ее ко всему обществу, какъ хозяйствующему субъекту, авторъ, мнѣ кажется, предпринялъ совершенно невужный трудъ и внесъ новую неясность въ вопросъ. Защищаемая имъ идея или начало «трудова цѣнности» ни въ какомъ теоретическомъ спасеніи не нуждалась и, въ сущности, не имѣетъ ничего общаго съ реальной экономической проблемой цѣнности. Въ то же время Франкъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на значеніе труда, какъ реальнаго «фактора» производства, и соответственно этому умалывалъ роль труда, какъ фактора субъективной цѣнности и цѣны въ реально существующемъ обществѣ, основанномъ на обмѣнѣ. Такъ, онъ совершенно прошелъ мимо важнаго значенія затраты труда какъ фактора, опредѣляющаго количество благъ, т. е. объективный моментъ, имѣющій огромное значеніе для субъективной цѣнности. Между тѣмъ эта сторона дѣла уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ была высленена Туганъ-Барановскимъ въ его первой научной работѣ, напечатанной въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1890 г. и хорошо извѣстной Франку.

Мнѣ кажется, что въ теоріи цѣнности вполне возможенъ цѣльный синтезъ эмпиризма Рикардо (того Рикардо, котораго мы теперь знаемъ гораздо лучше,

*

чѣмъ наши предшественники, благодаря опубликованію трехъ коллекцій его писемъ) съ австрійской школой, и что этотъ синтезъ благополучно и безповоротно покончить съ фантомомъ прежней «объективной» цѣнности, установивъ такой реальный рядъ: субъективная цѣнность—цѣна—мѣновая цѣнность... Самый терминъ «трудоваѣ цѣнность» надлежало бы устранить, такъ какъ онъ даетъ поводъ ко множеству недоразумѣній. Трудъ есть чрезвычайно важный факторъ созданія благъ, а потому онъ является весьма важнымъ факторомъ и субъективной цѣнности, которая лежитъ въ основѣ цѣны и мѣновой цѣнности. Только съ этической и социальнo-политической точки зрѣнія трудъ—есть единственный факторъ созданія благъ, но къ этой этической точкѣ зрѣнія общественной справедливости чисто экономическая проблема цѣнности не имѣетъ никакого отношенія. И если Франкъ, вмѣстѣ съ Дюрингомъ и Штольцманномъ, настаиваетъ на значеніи социальныхъ факторовъ *мѣновой* цѣнности, то, по существу, это—точка зрѣнія (я съ нею согласенъ), прямо противоположная классическому построенію Маркса: Марксъ изъ «закона» цѣнности, лежащаго въ основѣ образованія цѣны и доходовъ, выводилъ распредѣленіе общественнаго продукта, названные же авторы и Франкъ изъ даннаго распредѣленія выводятъ образованіе цѣны и доходовъ. По моему глубокому убѣжденію, теорія цѣнности Маркса можетъ быть правильно истолкована только такимъ образомъ: эта теорія несостоятельна какъ теорія цѣнности, и прежде всего потому, что *она не есть вовсе теорія цѣнности*.

Едва ли не самые удачныя отдѣлы книги представляютъ превосходныя, а мѣстами прямо блестящія главы VII (Схема распредѣленія дохода у Маркса) и VIII (Техническій и социальный факторъ мѣновой цѣнности). Авторъ чрезвычайно сильно и ярко проводитъ ту совершенно справедливую мысль, что субъективная цѣнность, а слѣдовательно, цѣна не можетъ не находиться въ значительной зависимости отъ распредѣленія социальной силы или могущества вступающихъ въ обмѣнъ субъектовъ. Къ сожалѣнію, здѣсь, какъ и въ предшествующихъ главахъ разсужденія автора неясны и невѣрны, поскольку онъ не отличаетъ *хозяйственнаго* строя общества отъ его *социальнаго* строя (о смыслѣ и необходимости такого различенія см. мои статьи «Къ критикѣ нѣкоторыхъ проблемъ и положеній политической экономіи», «Жизнь» 1900 г.).

Позволю себѣ еще сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній. Неудачнымъ представляется мнѣ наименованіе «субъективной цѣнности» *абсолютною* въ отличіе отъ относительной мѣновой. Это словоупотребленіе, логически несостоятельное, тѣмъ болѣе странно, что именно никто такъ сильно не настаиваетъ на относительности цѣнности, какъ теоретики «субъективной цѣнности». Напомнимъ хотя бы о томъ, съ какимъ удареніемъ еще въ 1854 г. Гессенъ говорилъ о «das Relative des Wertes». Психологи, разработывавшіе общую проблему цѣнности, также настаиваютъ на *относительности* той цѣнности, которую Франкъ предлагаетъ называть абсолютною.

Указаніе Франка, что «психологическая школа» не обратила вниманія на разъясненіе общаго понятія цѣнности (стр. 196) невѣрно, или, по крайней мѣрѣ, неточно: извѣстныя общепсихологическія изслѣдованія о цѣнности Мейнонга (A. Meinong, Psychologisch-ethische Untersuchungen zur Werttheorie, Graz. 1894) и Эренфельса (Chr. v. Ehrenfels, System der Werttheorie 2 тома Leipzig. 1897 и сл.), которыхъ Франкъ, повидимому, не знаетъ, но которыя разъясняютъ общее понятіе цѣнности даже съ утомительной обстоятельностью, съ одной стороны, извѣстны экономистамъ психологической школы и ими цитируются, съ другой стороны, написаны отчасти подъ вліяніемъ экономической литературы о цѣнности, которая въ нихъ цитируется. Характернымъ образомъ, авторы обѣихъ этихъ работъ—*австрійцы* и профессора австрійскихъ университетовъ (Мейнонгъ—грацкаго, Эренфельсъ—пражскаго), и безъ всякой натяжки они

могутъ быть объединены вмѣстѣ съ Менгеромъ, Бемъ-Баверкомъ, Визеромъ и др. въ одну австрійскую школу теоретиковъ цѣнности.

Напрасно Франкъ пренебрежительно отзывается (стр. 353) о работахъ Лексиса, въ которыхъ затрагивается значеніе соціального фактора въ образованіи цѣны и доходовъ. Въ сущности та основная мысль, которую, вслѣдъ за Штольцманномъ, проводитъ Франкъ, съ меньшей ясностью, хотя и въ общей формѣ, высказывалась и Лексисомъ (укажу, между прочимъ на его превосходную статью о III томѣ «Капитала» въ «Quarterly Journal of Economics» и на его статью «Wert» въ маленькомъ словарѣ Элстера).

Въ заключеніе считаю нужнымъ подчеркнуть, что богатая мыслями и самостоятельная работа Франка должна быть прочтена всѣми, серьезно интересующимися теоріей политической экономіи.

Петръ Струве.

БИОЛОГІЯ, ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Гарнеръ. «Языкъ обезьянъ». — *Щетинскій*. Практическое руководство къ собранію и составленію естественно-исторической коллекціи — «Америка». — *Дмячковъ*. «Въ горахъ Большого и Малаго Карачая». — *В. Семеновъ*. «На Дальнемъ Востоѣ».

Р. Л. Гарнеръ. Языкъ обезьянъ. Переводъ съ англійскаго С. Л. Халютина подъ редакціей В. В. Битнера. Изд. Сойкина. Петербургъ. 84 стр. цѣна 50 коп. «Что же въ этомъ чудснаго, если обезьяны говорятъ? Онѣ видятъ, онѣ слышатъ, онѣ любятъ, онѣ ненавидятъ, онѣ дѣйствуютъ такими же средствами и съ такими же цѣлями какъ и человѣкъ. Онѣ чувствуютъ радость и страданіе и это побуждаетъ ихъ смѣяться или кричать, также какъ и насъ. Если звуки, издаваемые ими лишены значенія, то почему же онѣ не нѣмы? Если же онѣ ими что нибудь выражаютъ, то почему же имъ не быть въ состояніи опредѣлить, что именно онѣ выражаютъ?»—Этими словами, нѣсколько напоминающими защитительную рѣчь Шейлока, авторъ формулируетъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что обезьяны обладаютъ языкомъ, т. е. способностью связывать опредѣленные понятія съ опредѣленными звуками и пользоваться послѣдними для выраженія первыхъ.

Убѣжденіе это авторъ—американскій зоологъ Гарнеръ—вынесъ изъ многолѣтнихъ наблюденій надъ жизнью обезьянъ и особенно надъ ихъ психикой. Что касается спеціально языка, то авторъ открылъ совершенно новые пути для изслѣдованія и это то придаетъ его книгѣ особенную оригинальность и высокій интересъ. Наиболѣе важно въ этомъ отношеніи сдѣланное авторомъ примѣненіе фонографа къ изученію и анализу звуковъ, издаваемыхъ различными животными. Получая отпечатки звуковъ на цилиндрѣ фонографа и анализируя ихъ во всѣхъ деталяхъ, автору удалось открыть цѣлый рядъ звуковъ, имѣющихъ, повидимому, вполне опредѣленное значеніе, такъ какъ обезьяны издавали ихъ всегда лишь при вполне опредѣленныхъ условіяхъ. Заучивая эти звуки и воспроизводя ихъ потомъ въ присутствіи обезьянъ того же вида въ другихъ мѣстахъ, или, какъ онъ говоритъ, «обращаясь къ обезьянамъ на ихъ собственномъ языкѣ», авторъ наблюдалъ производимое этими звуками впечатлѣніе, прислушивался къ отвѣту и фиксировалъ его въ фонографѣ. Такимъ образомъ онъ пришелъ къ выводу, что у изслѣдованныхъ имъ видовъ обезьянъ (особенно подробно изслѣдованъ «Пауцингъ» *sebus sarciopus*) имѣются опредѣленные «слова» для понятій «пища», «питье или жажда», «погода», «обезьяна» и нѣкоторые другія.

Авторъ не думаетъ, что онъ пришелъ уже къ окончательнымъ результатамъ, онъ продолжаетъ свои изслѣдованія и надѣется достигнуть гораздо большаго. Попутно Гарнеръ дѣлаетъ много интересныхъ наблюденій надъ другими сторонами психики обезьянъ, напримѣръ, надъ ихъ умѣніемъ считать, предпочтеніемъ тѣхъ или иныхъ цвѣтовъ и т. д. Со многими изъ высказываемыхъ авторомъ общихъ взглядовъ нельзя согласиться (напр., съ его своеобразными понятіями объ акустикѣ), многое представляется слишкомъ поспѣшнымъ обобщеніемъ—такъ, напримѣръ, строгая пропорціональность между развитіемъ голосовыхъ органовъ и умственными способностями, якобы наблюдаемая во всемъ ряду млекопитающихъ. Но опыты автора и достигнутые при этомъ результаты сами по себѣ столь интересны, что книга эта могла бы быть смѣло рекомендована каждому интересующемуся общими біологическими вопросами, еслибъ переводъ ея не былъ такъ ужасенъ.

Приведемъ нѣсколько перловъ. «Свѣтъ научнаго изслѣдованія, насколько позволяетъ состояніе нашихъ теперешнихъ знаній, признаетъ, что начальной точкой соприкосновенія между элементарной матеріей и жизнью является протоплазма. Какія тайны біологіи, въ предѣлахъ области жизни, останутся еще неизвѣстными, могутъ узнать лишь тѣ, кому предстоитъ жить въ будущемъ. Въ настоящее время въ первичномъ состояніи животворенной матеріи находятъ очевидность самостоятельности». (стр. 59). «Мнѣ представляется, что звукъ ихъ не представляетъ прямого выраженія сообщеній, появляется косвеннымъ результатомъ дѣйствія, имѣющаго цѣлью передачу мысли, даже при неслышимости звука» (стр. 75). «Въ свѣтѣ современнаго пользованія и значенія языка, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ, заключаются всѣ виды и средства сообщенія между умами» (стр. 61), «...она не сравнима съ дѣтскою любовью или страхомъ къ родителямъ, имѣющими естественное происхожденіе подъ вліяніемъ наследственной передачи, вслѣдствіе кровнаго родства между ними» (стр. 37). Мы могли бы заполнить много страницъ подобными выписками,—выраженія вродѣ: «бодрствовать до позднихъ часовъ», «открыть жестъ отрицанія между обезьянами», «сознавать серьезную нить», «является въ смыслѣ чего-то въ родѣ привѣтствія», «съ граціей минуэта», «дѣлать видъ нападенія на дѣвочку» встрѣчаются на каждомъ шагу и дѣлаютъ чтеніе этой книги занятіемъ крайне неприятнымъ. Русская публика привыкла къ сквернымъ переводамъ, но ...est modus in rebus,—надо и честь знать.

Бѣдный г. Гарнеръ! Даже редакція г. Битнера и предисловіе г. Кулагина не спасли его «Языкъ обезьянъ» отъ такого «обезьяняго» языка. Ч.

Практическое руководство къ собиранію и составленію естественно-историческихъ коллекцій. Сост. А. Щетинскій. 124+II стр. съ 76 рисунками. Изд. I—ва «Трудъ и Знаніе». Псковъ. Ц. I р. 50 к. Книжку г. Щетинскаго можно рекомендовать, какъ прекрасное руководство всякому собирателю естественно-историческихъ коллекцій, особенно начинающему, котораго, главнымъ образомъ, и имѣлъ въ виду составитель. Трудъ автора не коминлятивный, а является результатомъ многолѣтней практики, по всему видно, что «техническая часть набивки чучель, а также изложеніе способовъ собиранія и составленія разныхъ коллекцій, описаны, какъ результатъ личнаго опыта и тщательнаго изученія всѣхъ приемовъ, какіе наиболѣе удобны при подобныхъ работахъ». Также нѣтъ преувеличенія и въ слѣдующихъ словахъ автора: «Въ описаніи различныхъ способовъ и приемовъ приготоовленія естественно-историческихъ предметовъ, я по возможности старался не упустить изъ вида ни малѣйшей подробности, зная по опыту, что только детальное описаніе можетъ принести существенную пользу начинающему натуралисту». Планъ книги слѣдующій. Сначала г. Щетинскій подробно описываетъ инструменты, необходимыя для препарированія, матеріалы для набивки чучель и предохранительные со-

ставы, затѣмъ переходить уже къ самому процессу снятія шкуроекъ, набивки ихъ и постановки. Каждый классъ животныхъ авторъ разсматриваетъ отдѣльно: первыми идутъ млекопитающія крупныя и мелкія, затѣмъ птицы, рыбы, земноводныя и пресмыкающія, ракообразныя мягкотѣлыя, черви, насѣкомыя, которымъ посвящено цѣлыхъ 33 страницы (разсматриваются по отрядамъ, паукообразныя и многоножки. Нѣсколько страницъ удѣлено описанію приготовления скелетовъ, искусственныхъ глазъ, искусственныхъ скалъ, а также и постановкѣ группъ, изображающихъ сцены изъ жизни животныхъ.

Къ этой основной части книжки, посвященной коллектированію животныхъ, приданы уже болѣе слабыя главы: собраніе растений и составленіе гербарія и собраніе и составленіе минералогическихъ коллекцій. Въ ботанической части, несмотря на ея краткость (18 страницъ), начинающій коллекторъ найдетъ еще много полезныхъ совѣтовъ и указаній, но 6 страничекъ, удѣленныхъ собранію минераловъ и почвъ, опредѣленію твердости и удѣльному вѣсу первыхъ и количественному анализу послѣднихъ, врядъ ли представятъ какой-либо интересъ даже и для начинающаго—настолько они элементарны (составленъ по Герду); да вѣдь автору и самому не совсѣмъ ясны научныя различія между минераломъ, горной породой и почвой.

Этотъ недостатокъ или лучше сказать излишество все же не мѣшаетъ пожелать книжкѣ г. Щетинскаго самаго широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что хотя и издана она въ Псковѣ, а не въ столицѣ, но издана весьма опротно.

В. Алафоновъ.

Америка. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барновымъ, в С. Чифрановымъ. Москва. Изд. В. Линда и Д. Байкова. 640 стр. Ц. 2 р. 25 к. Наконецъ то даже учителя географіи поняли, что эта наука—одна изъ увлекательнѣйшихъ областей человѣческаго знанія, что безсовѣстно превращать ее въ зубристку искаженныхъ географическихъ названій, позорно преподавать ее по какому-нибудь Смирнову. Видимо, наши педагогическіе горизонты начали проявляться даже нѣсколько раньше, чѣмъ появились циркуляры съ соответственными предписаніями.

«Предлагаемый сборникъ, пишутъ гг. составители, составляетъ вторую часть задуманной нами серіи географическихъ сборниковъ по всѣмъ частямъ свѣта. Цѣли, которыми руководились мы при составленіи настоящей книги, остались тѣ же, что и при изданіи перваго сборника «Азія». Мы стремились дать подходящій матеріалъ для иллюстраціи курса Америки путемъ класснаго и внѣ-класснаго чтенія... Особенное вниманіе было обращено на то, чтобы всѣ наиболѣе характерныя черты природы и жизни населенія были представлены съ возможной полнотою, хотя, конечно, мы далеки отъ мысли, что достигли въ этомъ отношеніи желаемаго».

Дѣйствительно, составители затратили массу труда, чтобы выбрать 83 статьи, содержащіяся въ этомъ сборникѣ. Здѣсь вы встрѣтите и русскихъ авторовъ—Іонина, Альбова, Тверского, Святловскаго, Владимірова, Витковскаго, Алексѣева, Корочевскаго, А. Краснова; помѣщены также и длинныя отрывки изъ прекраснаго разсказа В. Короленки «Безъ языка». Изъ иностранныхъ авторовъ встрѣчаются и беллетристы и ученые:—рядомъ съ Дарвиномъ, Бэтсомъ, Штюбелемъ и Бреггеромъ—Кипплингъ и Сенкевичъ. Выборъ статей сдѣланъ умѣло и съ большой любовью къ дѣлу, но все же составители далеко не исчерпали всей поставленной ими себѣ задачи. Все разнообразіе природы Америки—отъ береговъ Огненной Земли до Гренландіи представлено въ сборникѣ съ достаточной полнотою, и мы рады за нашихъ дѣтей, которые могутъ ознакомиться съ дивными картинами этой природы по прекраснымъ пейзажамъ Сенкевича, Іонина и др., или, хотя и по менѣе красочнымъ, но мастерскимъ, точно кованнымъ,

описаніямъ Дарвина. Много статей посвящено картинамъ жизни вымирающихъ туземныхъ племенъ и наши гимназисты извлекаютъ изъ сборника болѣе правильное и полное представленіе о столь заманчивой для юношеской фантазіи жизни индѣйцевъ, чѣмъ изъ патентованныхъ учебниковъ географіи и изъ романовъ Эмара. Панорамамъ большихъ городовъ и уличной жизни ихъ отведено въ разбираемой книгѣ также достаточно мѣста, но за то на политическую и социальную жизнь различныхъ государствъ Америки не обращено никакого вниманія. Особенно это рѣжетъ глазъ по отношенію къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Составители какъ будто проглядѣли существованіе этой удивительной націи. Изъ сборника «Америка» читатель ничего не узнаетъ о томъ, какъ живетъ, какъ работаетъ, къ чему стремится и чему молится «янки»; ничего не узнаетъ о трестахъ, о рабочихъ партіяхъ, о парламентѣ, о политической борьбѣ, о самоуправленіи отдѣльныхъ штатовъ, о высокомъ уровнѣ образованія массъ, объ истинной «любви къ отечеству и народной гордости» янки, ничего о той свободѣ совѣсти и личности, которыя царятъ въ этой странѣ и которыя сдѣлали ее столь богатой, могучей, культурной и относительно счастливой.

Это громадный пробѣлъ, и намъ думается, не случайный, а къ сожалѣнію сознательный, и никакія соображенія не оправдываютъ составителей въ этомъ прегрѣшеніи передъ юными читателями. Передъ нимъ отходить на задній планъ даже и такіе недочеты, какъ, напр., отсутствіе указаній, къ какимъ годамъ относится каждая статья сборника, что, конечно, важно, такъ какъ 30-ти лѣтняя давность нѣкоторыхъ статей врядъ ли желательна при описаніи столь быстро эволюционирующей страны, какъ Америка.

Жаль, что составители такъ сильно и незащуженно наказали и себя самихъ, и своихъ читателей, вытравивъ изъ книги душу и нервъ американской жизни; но все же, даже въ такомъ некалѣбномъ видѣ мы приветствуемъ появленіе этого сборника и желаемъ ему успѣха. Поневоѣ только задаешь вопросъ, неужели и «Европа» появится въ такомъ же педагогически-ампутированномъ видѣ? Вѣдь у насъ же теперь въ педагогіи время реформъ и диктатуры сердца! Издана «Америка» прекрасно и снабжена большимъ количествомъ (72) хорошихъ рисунковъ.

В. Азафоновъ.

А. Н. Дьячновъ-Тарасовъ. Въ горахъ Большого и Малаго Карачая. Путешествіе 26-ти учениковъ Екатеринодарской гимназіи. Тифлисъ. 1900. Ц. 80 к. Какой-нибудь десятокъ лѣтъ тому назадъ никто и не помышлялъ ни о какихъ путешествіяхъ учениковъ гимназій. Въ послѣдніе годы, однако, является все больше и больше попытокъ дать ученикамъ интересное, пріятное и полезное занятіе во время каникулъ: все чаще и чаще устраиваются школьныя экскурсіи, школьныя поѣздки, близкія и далекія, по Россіи и даже за границей. Разсматриваемая книжка г. Дьячкова-Тарасова содержитъ описаніе экскурсіи, предпринятой лѣтомъ 1898 г. учениками Екатеринодарской гимназіи въ горахъ Большого и Малаго Карачая, по мало доступнымъ мѣстностямъ близъ истоковъ р. Кубани, на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта. Эта экскурсія не является первымъ шагомъ Екатеринодарской гимназіи: уже годомъ раньше, въ 1897 г. была предпринята поѣздка съ 15 учениками, чрезъ мѣстечко Горячій Ключъ, на Майкопо-Туапсинское шоссе, далѣе на мѣстечко Туапсе, пароходомъ въ Сухумъ, затѣмъ пѣшкомъ въ Новый Афонъ, пароходомъ въ Новоросійскъ и по желѣзной дорогѣ въ Екатеринодаръ. Подробное описаніе первой экскурсіи издано въ мало доступныхъ «Циркулярахъ» по управленію кавказскимъ учебнымъ округомъ.

Вторая поѣздка, 1898 г., была совершена по иному маршруту. Изъ Екатеринодара направилсь въ Баталпаминскъ, далѣе чрезъ Хумару, Сенты, гдѣ на развалинахъ какого-то древняго монастыря основалась женская обитель, далѣе

къ Илухорскому перевалу, гдѣ такимъ образомъ путники стали лицомъ къ лицу съ главнымъ хребтомъ. Отъ Илухорскаго перевала экскурсанты направились въ Большой Карачай, гдѣ у подножія Эльбруса могли ознакомиться съ печальнымъ состояніемъ серебро-свинцовыхъ рудниковъ русскаго общества «Эльбрусъ». Черезъ Каджуртъ вышли, наконецъ, они къ Кисловодску, причемъ эта послѣдняя часть пути была совершена верхомъ. Въ Кисловодскѣ и Пятигорскѣ, были осмотрѣны всѣ ихъ достопримѣчательности, галлерей, гротъ Лермонтова, источники—но уже путешествіе было почти закончено и на слѣдующій день всѣ были въ Екатеринодарѣ. Къ безхитростному разсказу о путешествіи г. Дячкова-Тарасова прибавилъ нѣсколько рисунковъ.

Въ приложеніи даны метеорологическія наблюденія и журналъ экскурсіи, описаніе минералогической коллекціи и минеральныхъ источниковъ, составленныя преподавателемъ физики С. И. Борчевскимъ, также принимавшимъ участіе въ экскурсіи, затѣмъ списокъ жуковъ и бабочекъ, собранныхъ Вл. Телѣгою (уч. VII кл.) и списокъ растений, собранныхъ Р. Шиллингомъ (уч. V кл.), наконецъ фрески Севтинскаго храма. Очень пріятно видѣть въ печати труды молодыхъ натуралистовъ, позволимъ только выразить нѣкоторые свои пожеланія. Растенія собраны, очевидно, случайно, безъ какой бы то ни было системы, значительная часть ихъ осталась безъ опредѣленій, наконецъ, самый списокъ ихъ (44 №№) напечатанъ съ опечатками и въ какомъ-то непонятномъ безпорядкѣ. Всему этому, конечно, легко помочь, стоитъ лишь обратиться за содѣйствіемъ къ одному изъ нашихъ специалистовъ-ботаниковъ, интересующихъ флорой Кавказа.

Б. Федченко.

«На дальнемъ Востокѣ». Очерки и разсказы Вл. Семенова. Цѣна 1 руб. Книжкѣ этой, заключающей десять небольшихъ разсказовъ, самъ авторъ придаетъ значеніе какого-то «протеста» противъ популярныхъ «Морскихъ разсказовъ» и тому подобныхъ произведеній. Его предисловіе поясняетъ намъ, что въ своихъ описаніяхъ онъ избѣгалъ шаржа и выводовъ, на которые столь падки вообще путешественники, добившіеся нынѣ лишь того, что «въ морской средѣ по отношенію къ правдивости изложенія фактовъ слово *путешественникъ* получило то же значеніе, какъ на берегу слово *охотникъ*». Какъ видно изъ нѣкоторыхъ ссылокъ, г. Семеновъ относитъ къ числу такихъ путешественниковъ и знаменитаго французскаго географа Эд. Реклю. Ужъ одинъ этотъ фактъ побуждаетъ читателя благодарить г. Семенова за отсутствіе въ его книжкѣ какихъ-либо выводовъ. Да къ тому же, какіе выводы можно, напримѣръ, сдѣлать изъ описанія елки на суднѣ или суматохи, поднятой тамъ же паденіемъ за бортъ собаки?

Разсказы, помѣщенные въ этой книжкѣ, печатались г. Семеновымъ уже раньше въ повременныхъ изданіяхъ; надѣтъ же ихъ отдѣльной книжкой авторъ рѣшился потому, что въ нихъ онъ усмотрѣлъ намекъ на то, что уже 10—12 лѣтъ тому назадъ среди китайцевъ наблюдалось настроеніе, приведшее ихъ къ волненіямъ минувшаго лѣта. Сверхъ того, такъ какъ изъ случайно имъ наблюдавшихся и записанныхъ эпизодовъ явнѣ обнаруживается «всегда существовавшая рѣзкая разница въ отношеніяхъ къ туземцамъ со стороны западноевропейцевъ и со стороны нашихъ офицеровъ и матросовъ», то г. Семеновъ надѣется, что его «слабые штрихи окажутся полезными читателю для выясненія себѣ причинъ тѣхъ особенностей, которыми характеризуется положеніе, занятое нами нынѣ въ китайскомъ вопросѣ».

Такая претензія автора, однако, совершенно не оправдывается содержаніемъ книжки, которая къ тому же наполовину заполнена разсказами, не имѣющими никакого отношенія къ дальнему Востоку вообще и Китаю въ частности. Обращаясь же къ тому, что мы узнаемъ изъ книжки Семенова объ этой послѣдней странѣ, мы прежде всего должны отмѣтить, что самъ г. Семеновъ почти не

коснулся Китая, побывавъ только въ двухъ-трехъ открытыхъ для европейской торговли портахъ, и хотя онъ и озаглавилъ одинъ изъ своихъ очерковъ (кстати сказать наиболѣе содержательный) «Въ глуши Китая», но едва ли правильно, потому что въ немъ онъ описываетъ лишь устье р. Ву-цзяна (у автора—У-киангъ) и городъ Вэнь-чжоу-фу (у автора—Вак-чи-фу), открытый для иностранной торговли еще въ 1876 г. по Чжифуской конвенціи, причемъ совершенно непонятное увѣреніе автора, что отъ сотворенія міра городъ этотъ не видѣлъ парового катера, конечно, не дѣлаетъ его «глуше»; а такъ какъ въ то же время г. Семеновъ не потрудился познакомиться съ Китаемъ и по литературѣ, то отъ описаній его, естественно, мы не можемъ ожидать ничего новаго. Впрочемъ, описанія эти довольно живы и читаются легко; но въ этомъ и единственное ихъ достоинство.

Внѣшность книжки—приличная, цѣна—умѣренная.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го іюня по 15-ое іюля 1901 г.).

- Н. П. Дружининъ. Волостныя правленія. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.
- Его же. Общепонятное законовѣдѣніе. Спб. Ц. 1 р.
- М. Герасимовъ. Учительскій календарь. Спб. 1901 г. Ц. 80 к.
- Г. М. Тумановъ. Земельные вопросы. Спб. 1901 г. Ц. 60 к.
- Рибо. Опытъ послѣдованія творч. воображенія. Спб. Изд. Пантелѣева 1901 г. Ц. 80 к.
- В. А. Дюковъ. Курсъ двойной ит. бухгалтеріи. Мск. 1901 г. Ц. 75 к.
- М. Чайковскій. Живъи П. И. Чайковскаго. Вып. VIII. Ц. 40 к. Мск. Юргенсонъ.
- С. Грузенбергъ. Нравств. философія Шопенгауера. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.
- С. Адамовичъ. Разложеніе алгебраич. выраженій на множители. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.
- Н. Тезяковъ. Весѣды по гигиенѣ. Изд. Ворон. губ. земства. Ц. 50 к.
- В. И. М. Чехія и чехи. Популярно-научная бібліотека А. Ю. Маноцковой. Мск. Ц. 40 к.
- Д-ръ Л. Штейнъ. Къ аграрному вопросу. Изд. то же. Ц. 75 к.
- Фр. Іодль. Давидъ Юмъ. Изд. то же. Ц. 1 р. 20 к.
- В. А. Катковъ. Наука и философія права. Берл. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Арч. Гейки. О преподаваніи географіи. Мск. 1900 г. Ц. 80 к.
- В. Рахмановъ. Физич. способы лѣченія. Мск. 1901 г. Ц. 75 к.
- Нусбаумъ. Основы біологіи. Мск. 1901 г. Ц. 80 к.
- А. Богдановъ. Повнаніе съ историч. точки зрѣнія. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.
- Соловьевъ-Несмѣловъ. Съ позволѣнъ. Изд. «Дѣтск. Чтенія». Мск. Ц. 60 к.
- В. И. Немировичъ-Данченко. Соколиныя гнѣзда. Изд. то же. Ц. 50 к.
- Гиляровскій. Портной Ерощка. Изд. то же. Ц. 5 к.
- Тихоміровъ и Богдановъ. Обезьяны, слоны и поуган. Изд. «Дѣтскаго Чтенія». Ц. 30 к.
- Е. Свѣшниковъ. Ледяной домъ. По ром. Лажечникова. Изд. То же. Ц. 30 к.
- Ив. Ивановъ. Рыцарь слова и жизни. Изд. то же. Ц. 50 к.
- А. Е. Заринъ. Увлеченія А. С. Пушкина женщинами. Спб. 1901 г. Ц. 30 к.
- А. Н. Емельяновъ-Кохановскій. Обнаженные нервы. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.
- Е. И. Игнатьевъ. Стихотворенія. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.
- В. Минто. Дедуктивн. и индуктивн. логика. Изд. Библіотеки для самообраз. Мск. 1901 г. Ц. 1 р. 75 к.
- И. А. Бороздинъ. Уральскіе казаки и ихъ рыболовство. Спб. 1901 г. «Вѣстн. Кавказскихъ Войскъ».
- Проф. Хлопкинъ. Загрязненіе прѣточн. воды. Спб. 1901 г.
- М. Кулишеръ. Мнѣе о ритуальномъ убійствѣ у евреевъ. Мск. 1901 г.
- Н. Барановъ. Стихотворенія. Спб. 1901 г. Ц. 30 к.
- Отчетъ о дѣятельн. Нижег. санит. комм. за 1898 г.
- А. И. Шингаревъ. Ясли-пріюты. Воронежъ. 1901 г. Ц. 5 к.
- Отчетъ Нижег. общ. бібліот. за 1900 г.
- Отчетъ Комит. по Упр. Нижегород. худож.-историч. музею за 1900 г.
- Путеводитель по окрестностямъ Петербурга. Въ шести выпуск. Н. Ф. Ареньева, съ карт. Ц. вып. 50 к.
- Сельско-хоз. обзоръ Нижег. губ. за 1899 г.
- Отчетъ о дѣятельности пермск. бібліотеки Общества имени Смышляева за 1899—1900 г.
- Отчетъ Общества для распротр. просвѣщ. между евреями въ Россіи за 1900 г.
- Сборникъ семейно-педагогич. кружка въ г. Казани. 1901 г.
- Статист. сборникъ по Яросл. губ. Вып. 8.
- О народномъ просвѣщеніи и объ органахъ его въ Россіи. Харьковъ. 1901 г.
- Кедровъ. Гигиенич. и эконо. знач. нѣм. законодат. о страхов. рабочихъ. Докл. въ засѣданіи Моск. гигиен. Общества.
- Менстровъ. Въ защиту треввости. Сборникъ поученій и статей.
- Отчетъ Иваново-Вознес. Обществ. бібліотеки за 1900 г.
- М. Н. Волюнскій. Всесословная волость, какъ судебно-административн. и земская единица. Спб. 1901 г. Ц. 75 к.
- Жуковскій. Собраніе сочиненій. Спб. Изд. Глазунова. 1901 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Отчетъ о дѣятельн. комиссіи по устройству народн. чтеній въ Екатеринбургѣ за 1900 г. Екатеринбургъ. 1901 г.
- Больтонъ Кингъ. Исторія объединенія Италіи. Т. I. Перев. съ англ. Н. Кончевской. М. Изд. Скирмунта. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Magie and Religion*» by Andrew Lang (Longmans and Co). (*Магія и религія*). Въ этой книгѣ заключается критическій разборъ новѣйшихъ теорій о первобытной религіи, а также изложеніе результатовъ новѣйшихъ антропологическихъ изысканій въ области религіи и магіи.

(Athaeneum).

«*Les «premières Années» de M. Jules Simon» par Gustave et Charles Simon.* (*Первые годы Жюль Симона*). Воспоминанія о Жюль Симонѣ, написанныя его сыновьями, представляютъ не только исторію человека, но и его времени, такъ какъ хотя событія и не выступаютъ на первомъ планѣ въ этомъ разсказѣ, но все же они занимаютъ въ немъ достаточно мѣста и увеличиваютъ интересъ и значеніе воспоминаній, такъ какъ въ нихъ можно видѣть отраженіе бурныхъ событій 1848 г.

(Temps).

«*La Civilisation païenne et la morale chrétienne» par M. Reynaud* (Perris et Co). (*Языческая цивилизація и христіанская мораль*). Авторъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать языческую цивилизацію и тѣ причины, которыя способствовали ея паденію и торжеству христіанской морали. Недостатки и слабыя стороны язычества авторъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія индивидуальной нравственности.

(Journal des Débats).

«*La Civilisation païenne et la famille» par M. Reynaud.* (*Языческая цивилизація и семья*). Въ этомъ своемъ трудѣ, какъ и въ предшествующемъ, авторъ говоритъ о несовершенствѣ языческой цивилизація и ея неправильныхъ взглядахъ на семью и воспитаніе. По мнѣнію автора, только христіанство спасло языческую семью отъ окончательнаго разложенія и поэтому для сохранения семьи нужно остерегаться касаться ея основъ, иначе все зданіе можетъ рухнуть.

(Journal des Débats).

«*La Rage» par le docteur Auguste Marie,* directeur de l'institut antirabique de Constantinople (Masson et Co). (*Бешенство*).

Небольшая брошюра, издаваемая въ скашотской популярной формѣ открытія и изслѣдованія, касающіяся этой страшной болѣзни. Авторъ этой брошюры знакомитъ читателя съ симптомами этой болѣзни у животныхъ и у человека и описываетъ современные методы лѣченія. Брошюра снабжена предисловіемъ Ру, директора Пастеровскаго института въ Парижѣ.

(Journal des Débats).

«*The Romance of the Heavens» by prof. A. W. Biccerton.* Author of «*Romance of the Earth*» (Swan Lonnesebein). (*Романъ небесъ*). Популярная астрономія, доступная широкому кругу читателей. Особенно интересны главы: о происхожденіи солнечной системы, метеорныхъ феноменахъ, видимой вселенной, безсмертномъ космосѣ и т. д.

(Athaeneum).

«*The Nineteenth Century» (Putnam's Sons).* (*Десятинадцатый вѣкъ*). Въ этой книгѣ заключается обзоръ прогресса, достигнутаго въ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности за послѣднее столѣтіе. Каждой отрасли человѣческой дѣятельности посвящается отдѣльная статья. Въ составленіи этого сборника приняли участіе Эндры Карнеджи, Эндры Лангъ, Эдмундъ Госсъ, Лесси Спиферъ и др.

(Daily News).

«*Literary Friends and Acquaintance» by William Dean Howells.* Illustrated (Harper and Brothers). (*Литературные друзья и знакомые*). Книга носитъ автобиографическій характеръ, но это нисколько не умаляетъ ея интереса. Почти всѣ великіе писатели Америки, слава которыхъ распространилась далеко за океанъ, были знакомы съ авторомъ и онъ посвящаетъ имъ интересныя страницы въ своихъ воспоминаніяхъ. Повидимому, онъ чувствуетъ наибольшее расположеніе къ Лоузлю, Лонгфелло и Гольмсу и сообщаетъ о нихъ много любопытныхъ чертъ. Вообще эти литературныя воспоминанія написаны очень живо и въ нихъ отражается цѣлая литературная эпоха.

(Athaeneum).

«*La France: Essai sur l'histoire et le fonctionnement des Institutions politiques françaises*» par I. E. C. Bodley. Paris (Guillaumin et Co). (Исторія и дѣятельность французскихъ политическихъ учреждений). Французское изданіе книги Бодлея «Франція» не представляетъ перевода, а скорѣе переработку прежняго изданія, съ добавлением новыхъ главъ о свободѣ и социальстахъ. Выводы автора очень интересны. Разбирая исторію и дѣятельность французскихъ политическихъ учреждений, авторъ указываетъ на тѣ характерныя черты, которыя дѣлаютъ эти учреждения антилиберальными, какова бы ни была номинальная форма правительства во Франціи. (Athenaeum).

«*Mein Recht auf Leben*» von prof. Heinrich Spitta (Tiebingen, Mohr). (Мое право на жизнь). Авторъ этой книги, профессоръ Тюбингискаго университета, психологъ, известный своими изслѣдованіями о снѣ и сновидѣніяхъ въ связи съ умственными равноростомъ и своимъ введеніемъ въ психологію, какъ науку, въ новомъ своемъ трудѣ изслѣдуетъ отношенія между природой и умомъ разсматриваетъ ихъ, какъ факторы нравственнаго и религіознаго міровоззрѣнія. Его въ особенности интересуетъ происхожденіе и развитіе нашихъ главныхъ и руководящихъ вѣрованій. Онъ говоритъ, что въ душѣ каждаго человѣка заложено сознаніе своего права на жизнь, одновременно съ сознаніемъ известной задачи или долга, который онъ долженъ выполнить. Въ этомъ именно сознаніи и заключается право на жизнь. Далѣе авторъ говоритъ о христіанской религіи, какъ о религіи альтруизма и проводитъ параллель между собственною философійю и буддизмомъ.

(Frankfurt. Zeitung).

«*The Social problem: Work and Life*» by I. A. Hobson (Nisbet and Co). (Соціальная проблема, работа и жизнь). Съ этою книгой слѣдуетъ познакомиться всѣмъ экономистамъ и социологамъ и, главнымъ образомъ, социальнымъ реформаторамъ, такъ какъ она касается наиболѣе жгучихъ вопросовъ современной соціальной жизни.

(Manchester Guardian).

«*Portraits Intimes*» par Adolphe Brisson (Armand Colin). (Портреты) Это пятый выпускъ «портретовъ», авторъ которыхъ развертываетъ передъ читателемъ цѣлую картинную галерею, сопровождая ее характеристикой лицъ, которыхъ онъ изображаетъ въ своихъ очеркахъ. Въ этомъ новомъ томѣ заключается между прочимъ, interview съ Крюгеромъ и его характеристика.

(Journal des Débats).

«*Die Karikatur der europäischen Völker vom Alterthum bis zur Neuzeit*. Von Eduard Fucho und Hans Kraemer (Hof-

mann und Co). (Каррикатура европейскихъ народовъ; съ древнихъ временъ до современной эпохи). Каррикатура играетъ большую роль въ исторіи культуры всѣхъ европейскихъ народовъ. Оба автора задалась цѣлью прослѣдить ея постоянное развитіе и значеніе и выяснить, насколько въ ней отражались жизнь и тенденція данной эпохи. Это интересное изслѣдованіе снабжено въ изобиліи иллюстраціями и представляетъ вполне законченную исторію каррикатуры у европейскихъ народовъ.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Die Traumdeutung von Siegmund Freud, Leipzig und Wien (Deutsche)*. (Значеніе сновидѣній). Жизнь во снѣ давно уже служитъ предметомъ научныхъ изслѣдованій. Еще Аристотель интересовался этимъ явленіемъ и многія его воззрѣнія до сихъ поръ раздѣляются современными учеными. Авторъ вышеназванной книги обращаетъ вниманіе преимущественно на физиологическій характеръ сновидѣній и старательно избѣгаетъ пускаться въ дебри различныхъ гипотезъ, что составляетъ въ одно и то же время и сильную, и слабую сторону его изслѣдованія. Обладая прекрасной эрудиціей, авторъ приводитъ въ началѣ книгѣ библиографію занимающаго его вопроса и только послѣднія главы книги онъ посвящаетъ психологіи сна. Несмотря на это, книга все-таки представляетъ огромный интересъ даже для обыкновенныхъ читателей, не посвященныхъ въ тонкости психологической и физиологической науки. Авторъ умѣючи распорядился, имѣющимся у него огромнымъ матеріаломъ наблюденій и изслѣдованій.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Insucht und Vermischung. Die Immunisierung der Familien*» von A. Reibmayr (Deutsche). Leipzig. (Иммунизация народовъ). Народы такіе же организмы и также имѣютъ свою собственную гигиену и патологию. Въ лабораторіи природы идетъ постоянная работа и приготавливаются новыя формы этихъ организмовъ путемъ приспособленія и наследственности. Авторъ дѣлаетъ попытку въ своемъ изслѣдованіи освѣтить эту таинственную работу природы и указать ея значенія въ жизни народовъ. Главнымъ образомъ авторъ старается доказать неосновательность преувеличеннаго страха передъ наследственною передачей болѣзней, такъ какъ въ самомъ организмѣ чловѣка имѣются средства для борьбы съ вредными началами наследственности. Авторъ говоритъ о постепенной самопроизвольной иммунизации народовъ, въ силу которой исчезаетъ восприимчивость къ известнымъ заразнымъ болѣзнямъ и эпидеміи, нѣкогда опустошавшія цѣлыя страны, теряютъ свою интензивность и даже со-всѣмъ прекращаются.

(Frankfurt. Zeitung).

«*The Evolution of Geography*» by John Keane. With 19 Maps and several Illustrations. (*Эволюція географіи*). Въ этой книгѣ заключается очеркъ возникновенія и развитія географической науки, начиная отъ древнѣйшихъ временъ до перваго кругосвѣтнаго плаванія. Читается съ большимъ интересомъ; карты и иллюстраціи заданы прекрасно.

(Athaeneum).

«*Les protestants d'autrefois*» par Henry Lehr. (*Fischbacher*). (*Протестанты въ прежнія времена*). Книга эта служитъ дополненіемъ вышедшаго раньше изслѣдованія подъ заглавіемъ «*Vie intérieure des Eglises*» и «*Moeurs et usages*», изданнаго пасторомъ Поммъ де-Фелись. Въ этомъ новомъ трудѣ разсматривается происхожденіе военныхъ учреждений у гугенотовъ, которые перенесли свою религіозную организацію въ военную область.

(Journal des Débats).

«*Le livre de la femme*» par M-me Camille Pert (*Ollendorf*). (*Книга женщины*). Авторъ этой книги довольно удачно справился со своею задачею и составилъ практическое руководство для женщинъ всѣхъ классовъ, какъ одинокихъ, такъ и замужнихъ. Каждая женщина найдетъ въ этой книгѣ указанія, которыя могутъ быть ей полезны, какъ относительно выбора профессіи, такъ и относительно хозяйства; а также во многихъ другихъ случаяхъ своей жизни.

(Journal des Débats).

«*Le Village aérien*» par Jules Verne (*Hetzel*) 3 fr. *Illustrations de George Roux*. (*Воздушная деревня*). Неистощимый писатель Жюль Вернъ прибавилъ еще новый томъ къ своей серіи необыкновенныхъ путешествій. Мѣсто дѣйствія его новаго разсказа, какъ всегда, очень занимательнаго и изобилующаго научными свѣдѣніями, находится въ Африкѣ, въ центральной части, въ громадномъ лѣсу, непроницаемомъ для солнечныхъ лучей, гдѣ господствуетъ самая необыкновенная растительность и обитаютъ никому неясныя доселѣ существа.

(Journal des Débats).

«*Amphibians and Reptiles*» by Hans Gadow. *The Cambridge Natural History* (*Macmillan and Co*). London. (*Амфибии и пресмыкающіеся*). Прекрасное научное изслѣдованіе, основанное на продолжительномъ и серьезномъ наблюденіи надъ природой. Несмотря на свой строго научный характеръ, книга эта доступна для всѣхъ, имѣющихъ нѣкоторыя свѣдѣнія по зоологій и не требуетъ никакихъ специальныхъ познаній.

(Daily News).

«*India in the Nineteenth Century*» by M-r D. C. Boulger (*Horace Marshall and Son*). (*Индія въ девятнадцатомъ столѣтіи*). Авторъ описываетъ Индію въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, и указываетъ на необходимыя удовлетворенія законныхъ требованій ея населенія, стремящагося къ непосредственному управленію своею страной. Ростъ населенія Индіи требуетъ соответствующаго развитія всѣхъ ресурсовъ страны, въ промышленномъ, торговомъ и сельскохозяйственномъ отношеніи, а для этого необходимо прежде всего произвести реформу административной системы.

(Daily News).

«*Educational Foundations of Trade and Industry*» by Fabian Ware. (*Harper and Brothers*). (*Воспитательныя основы торговли и промышленности*). Книга эта представляетъ сравнительное изслѣдованіе воспитанія людей, занимающихся торговлей или промышленностью въ различныхъ странахъ. Цѣль автора—показать, какую роль играетъ подготовительное воспитаніе въ развитіи торговли и промышленности и какое употребленіе изъ этихъ школъ дѣлается въ Германіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, такъ успешно конкурирующихъ съ Англіей въ торговую и промышленную борьбу за существованіе. Авторъ, видимо, восхищается Германіей и расхваливаетъ ея систему національнаго воспитанія, благодаря которой она опережаетъ всѣхъ своихъ соперницъ въ промышленномъ составаніи.

(Daily News).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Всѣ же трупы, которые подлежатъ сожженію или должны быть скормлены птицамъ и собакамъ, сохраняются хорошо посоленными впредь до этого «погребенія»—въ ивовыхъ корзинахъ. Иногда послѣ сожженія какого-нибудь богатаго мірянина пепель собирается въ ящики и надъ могилой воздвигается «до-бонъ», но большею частью, пепель просто оставляютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ происходило сожженіе. Когда же тѣло предназначается въ пищу собакамъ или хищнымъ птицамъ, то его обыкновенно просто кладутъ совершенно обнаженнымъ на землѣ, привязавъ лишь веревкой къ вбитому въ землю колу, чтобы его нельзя было оттащить прочь. Но есть и другой, болѣе изысканный и «любимый» способъ похоронъ, къ которому, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ прибѣгли въ Лиганѣ, чтобы предать погребенію тѣло одного перерожденца. Его вынесли изъ монастыря на носилкахъ, за которыми шелъ настоятель со своими 3.500 монахами. У многихъ изъ этихъ монаховъ (вѣроятно, у «ри-тру-ба», т.-е. схимниковъ) были подвязаны къ лѣвой рукѣ человѣческія челюсти, а у пояса висѣли чаши, сдѣланныя изъ череповъ. Процессія эта медленно подвигалась на вершину холма, лежащую за городомъ. Тамъ трупъ положили на землѣ, а возлѣ на камнѣ сѣлъ настоятель. Тогда нѣсколько ламъ принялись срывать полосы мяса съ трупа, начиная съ рукъ, и передавать эти куски настоятелю, который поднималъ ихъ кверху и держалъ такъ до тѣхъ поръ, пока коршуны, которые въ ожиданіи пира уже носились въ воздухѣ, не налетали сверху и не выхватывали ихъ у него изъ рукъ. Такимъ образомъ, трупъ обнажили до костей; затѣмъ, послѣднія стали толочь въ мискѣ, и когда и эта операція была, наконецъ, исполнена, то настоятель въ своей собственной чашкѣ, служащей ему для ѣды, смѣшалъ толченныя кости съ дзямбой, скаталъ изъ этого мѣсива шарики, и скормилъ ихъ также птицамъ, оставивъ для себя лично лишь послѣдній шарикъ этого ужаснаго блюда¹⁾. На этомъ и закончилась торжественная церемонія. Эта форма погребенія, извѣстная подъ именемъ «небесныхъ похоронъ», считается болѣе почетной²⁾.

¹⁾ Интересно отмѣтить, что у корейскихъ буддистовъ, во многихъ отношеніяхъ напоминающихъ буддистовъ Тибета, существуетъ аналогичный обрядъ: пепель, остающаяся послѣ сожженія тѣла буддистскихъ монаховъ, тамъ смѣшиваютъ также съ рисовой мукой и затѣмъ мѣсиво это скормиваютъ птицамъ.

²⁾ Этотъ и другіе похоронные обряды вполне естественно возникли у этого полу-пустыякаго народа, живущаго въ холодной каменной странѣ, гдѣ погребеніе умершихъ было бы нѣрѣдко сопряжено съ большими трудностями. Предпочтеніе же, отдаваемое «небеснымъ похоронамъ», основано, вѣроятно, на ламайскомъ ученіи о «промежуточномъ состояніи» (баръ-до), т.-е. состояніи между смертью и возрожденіемъ, которое, конечно, желательно сократить, насколько возможно. Продолжительность же его зависитъ отъ времени, необходимого для полнаго разложенія тѣла, а въ данномъ случаѣ отъ времени, въ которое совершается пищевареніе у птицъ, собакъ или рыбъ. Поэтому-то, когда тѣло скормиваютъ птицамъ, у которыхъ пищевареніе совершается всего скорѣе, періодъ баръ-до сокращается до минимума. Слѣдующее мѣсто въ ряду этихъ «профессиональныхъ воскресителей» занимаютъ собаки, а послѣднее мѣсто принадлежитъ рыбамъ, которыя медленно клюютъ пищу, и притомъ маленькими кусочками. Когда умираетъ какой-нибудь изъ вышнихъ ламъ, какъ, напримѣръ, далай-лама или банъ-ченъ-римбоче, то тѣло мумифицируютъ на сухомъ воздухѣ, характерномъ для этой страны, заворачиваютъ въ шелкъ и атласъ и кладутъ въ саркофагъ. Въ домахъ умершихъ ламъ совершаютъ заупокойныя моленія, чтобы умилостивить князя ада (шинъ-жэ жябо), который ввѣшиваетъ на своихъ вѣсахъ хорошія и дурныя дѣла покойника. Продолжительность этихъ моленій находится, конечно, въ полной зависимости отъ количества родственниковъ покойника, и у самыхъ богатыхъ достигаетъ ста дней, у бѣдняковъ же ограничивается однимъ днемъ.

Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, которые я задалъ епископу Бізъ, относился къ таинственному индійскому путешественнику, который въ 1882 году прибылъ въ Да-цзянь-лу, пройдя сюда изъ Цайдама по той же дорогѣ, по которой довелось проѣхать и мнѣ, и составилъ прекрасное описаніе всей страны. Для всего міра онъ извѣстенъ только подъ именемъ пундита А—К или Кришны, а между тѣмъ результаты его четырехлѣтняго путешествія по Тибету поистинѣ удивительны! Къ сожалѣнію, индійское правительство, какъ и всегда, когда дѣло идетъ о трудахъ какого-либо изслѣдователя-туземца, не воздало ему должнаго и сдѣлало все, чтобы оставить его имя въ совершенной неизвѣстности. Если бы какой-нибудь изслѣдователь англичанинъ сдѣлалъ хотя одну треть того, что совершилъ Найнъ-Сингъ, лама Уржіэнъ Жіапо, Саратъ Чандра, Дасъ или Кишенъ Сингъ (alias А—К), то на него, безъ сомнѣнія, посыпались бы всякія медали и ордена, выданыя мѣста, быстрое движеніе по службѣ, патенты на званіе почетнаго гражданина различныхъ городовъ, словомъ, такой изслѣдователь достигъ бы и славы, и матеріальнаго благополучія. Все же, что можетъ ожидать изслѣдователя-туземца, это — ничтожная денежная награда и затѣмъ — полная неизвѣстность.

Пундита А—К добрался до Да-цзянь-лу 9-го февраля 1882 г. безъ гроша денегъ, пройдя весь путь отъ г. Са-чжоу въ качествѣ погонщика муловъ у какого-то тибетскаго купца. Нѣсколько дней бродилъ онъ у дверей монсиньора Бізъ, боясь, чтобы тибетцы какъ-нибудь не открыли его инкогнито. Наконецъ, ему удалось увидѣться съ епископомъ и онъ рассказалъ ему свою исторію. Онъ очень хотѣлъ вернуться въ Индію черезъ Китай, но монсиньоръ Бізъ отсовѣтовалъ ему это, убѣдилъ его попытаться дойти до Ассама черезъ Заюль и снабдилъ его деньгами. Это былъ очень умный молодой человекъ, родомъ изъ британскаго Тибета, изъ мѣстности Кумаонъ. Почти во все время своего путешествія онъ выдавалъ себя за мелкаго торговца и свой секстантъ, анероидъ и т. д. сохранялъ завороченными въ сверткѣ пуло. Его изслѣдованія, насколько я могъ ихъ провѣрить, поражаютъ своею точностью. Къ сожалѣнію, транскрипція всѣхъ названій на составленной имъ картѣ настолько неправильна, что ни одинъ изъ мѣстныхъ жителей не могъ понять ни одного изъ нихъ. Но по всѣмъ вѣроятіямъ, вина въ этомъ случаѣ падаетъ не на Кишенъ-Синга, для котораго тибетскій языкъ былъ роднымъ, а на тѣхъ, кому былъ порученъ переводъ и транскрипція его замѣтокъ.

Въ предыдущей главѣ я пытался дать читателю понятіе о политическомъ и общественномъ строѣ въ Камдо, т.-е. въ восточномъ Тибетѣ, теперь же я хочу сказать нѣсколько словъ о формѣ правленія въ Лхасскомъ государствѣ.

Послѣ того, какъ китайская армія въ 1751 г. усмирила возстаніе, зачинщикомъ и вдохновителемъ котораго былъ тибетскій король Жіуръ-мэ намъ-жіяль, императоръ отнѣнилъ въ Тибетѣ королевскую власть и передалъ управленіе страной въ руки совѣта министровъ (га-лѣнъ). Предсѣдателя этого совѣта и до сей поры народъ величаетъ королевемъ. Эта должность выборная, и кандидата избираютъ по очереди изъ числа ламъ трехъ большихъ монастырей: Дрѣбунъ, Гадэнъ и Сѣра. Для того же, чтобы обезпечить непрерывность проявленія, выбираютъ одновременно двухъ ламъ: одинъ править, какъ вице-король при далай-ламѣ, другой-же живетъ въ монастырѣ (рѣчу-гомба), окруженный всѣмъ блескомъ царской обстановки, и выжидаетъ смерти

первоизбраннаго ламы, чтобы занять его мѣсто. До этого же времени онъ совершенно отрѣзанъ отъ внѣшняго міра. Этотъ способъ избранія Беу-ги жябо, т.-е. «короля Тибета», сохранился и до нашего времени, и меня увѣряли, что эти выборы постоянно служатъ причиной ужасныхъ интригъ и волненій среди заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ ламъ, и что они не разъ уже кончались смертью претендентовъ. Обыкновенно посредникомъ въ этихъ спорахъ является китайскій амбань, который прекращаетъ ихъ, выдавая инвеституру (подлежащую, впрочемъ, еще окончательной санкціи императора) кандидату той партіи, которая больше другихъ заплатила ему за это ¹⁾.

Беу-ги жябо подчинены четыре министра («га-лѣнь» или иначе «пабэ»), составляющіе вмѣстѣ съ нимъ «совѣтъ министровъ» и избираемые изъ самыхъ вліятельныхъ и богатыхъ мірянъ. Въ своемъ званіи они также утверждаются императорскою властью ²⁾. Для того-же, чтобы какая-нибудь могущественная фамилія, которая могла бы оказаться впоследствии враждебной Китаю, не овладѣла монопольнымъ правомъ поставлѣть изъ своей среды далай-ламъ и другихъ перерожденцевъ, императоръ Цянь-лунъ создалъ такъ называемыя «правила золотой вазы» (сэръ-ги бум-ба). Изъ этой вазы всѣ кандидаты на такое званіе вынимаются жребіемъ. Имя вытянувшаго жребій доводится до свѣдѣнія императора, который уже и даетъ свою инвеституру.

Только съ 1793 года китайскій амбань сталъ принимать болѣе активное, чѣмъ прежде, участіе въ управленіи страной. Главный надзоръ за тибетскими дѣлами находится нынѣ въ вѣдѣніи департамента колоній въ Пекинѣ (ли-фань-юань), но не этотъ департаментъ, а сычуаньскій генералъ-губернаторъ является непосредственнымъ начальникомъ помянутаго амбана. Послѣдній докладываетъ ему о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и посылаетъ копи со всѣхъ бумагъ, непосредственно отправляемыхъ имъ въ Пекинъ, отъ него же получаетъ и всѣ необходимыя инструкціи. Въ постановленіяхъ колоніальнаго департамента (ли-фань-юань-цзэ-ли) содержатся слѣдующія правила, которыхъ амбань долженъ держаться при сношеніи съ туземными властями:

«Онъ долженъ совѣщаться, какъ равный съ равными,—съ далай-ламой и бань-чэнь-римбочэ о всѣхъ мѣстныхъ вопросахъ. Всѣ чиновники, начиная съ галѣновъ и слѣдуя внизъ по всѣмъ ступенямъ іерархической лѣстницы, а также всѣ духовныя лица, занимающія какія-либо должности, должны представлять на его разрѣшеніе всѣ дѣла, какого бы рода они не были. Онъ долженъ наблюдать за состояніемъ пограничныхъ укрѣпленій и гарнизоновъ, контролировать финансы страны и направлять сношенія Тибета съ народами, живущими внѣ его предѣловъ. Когда должность галѣна или государственнаго казначея (ша-дзо-ба) становится вакантною, онъ долженъ, по соглашенію съ далай-ламой, избрать подходящихъ людей для замѣщенія вакансій. На эти должности не дозволяется, однако, назначать родственниковъ далай-ламы.

«Суммы тибетскаго государственнаго казначейства, предназначен-

¹⁾ «Король Тибета» въ китайскихъ документахъ обыкновенно именуется «цаидрунь-хутухта» (ли-блонъ, т.-е. министромъ иностранныхъ дѣлъ), но къ этому титулу прибавляется иногда и другой—«президентъ казначейства». Тибетцы называютъ его еще жяца (ргяль-цабъ), т.-е. вице-королемъ.

²⁾ Учрежденіе совѣта министровъ существуетъ лишь съ 1792 г. См. «си-юй-жао-гу-лу», а также W. W. Rockill—«Tibet, a geographical, ethnographical and historical sketch», въ «Journal Roy. Asiatic. Soc.». 1891.

ныя по смѣтѣ для уплаты жалованья туземнымъ войскамъ, должны расходоваться исключительно на этотъ предметъ по инструкціямъ, издаваемымъ амбаномъ. И даже въ сношеніяхъ съ иностранными государствами далай-лама не можетъ ничего предпринять безъ санкціи амбана. Сношенія горковъ Непала съ тибетскимъ правительствомъ находятся подъ специальнымъ наблюденіемъ амбана. Когда посольства этого, а также другихъ народовъ (не исключая и англичанъ), привосятъ продукты своей страны въ подарокъ далай-ламе и бавъ-чэн-римбочэ, то ихъ слѣдуетъ отдарить, и на обязанности амбана лежитъ указать, какими именно подарками это слѣдуетъ сдѣлать».

Далѣе мы читаемъ въ томъ же цзэ-ли: «Хотя галёны и являются, по существу дѣла, государственными министрами, однако они не вправѣ входить въ непосредственныя сношенія въ народами, живущими внѣ предѣловъ Тибета. Если эти народы обратятся съ письмами къ галёнамъ, то эти послѣдніе должны направить ихъ къ амбану, когорый уже, по соглашенію далай-ламой, и изготовляетъ соответствующій отвѣтъ. Если же окажется, что галёкъ ведетъ тайкомъ отъ амбана переписку съ племенами, живущими за границей страны, то амбанъ долженъ немедленно смѣстить виновнаго съ должности».

Тотъ же вполне авторитетный источникъ даетъ намъ интересныя свѣдѣнія и о приходахъ и расходахъ лхасскаго правительства: «Тибетскій народъ, — говорится въ цзэ-ли, — долженъ ежегодно вносить своему правительству подушную подать натурой; эта подать вносится зерномъ, кусками шерстяныхъ матерій, курительными свѣчами, солью, мыломъ, сыромъ, заготовленной впрокъ бараниной и проч., или привозными товарами — чаемъ, хлопчатобумажными тканями и проч. Въ виду же разбросанности населенія, дальности разстояній и трудностей, съ которыми сопряжена перевозка товаровъ, имъ разрѣшается уплачивать эту подушную подать деньгами по стоимости ея. Каждая семья, имѣющая рогатый скотъ или овецъ, должна платить подать въ размѣрѣ одной серебряной монеты (транка) въ годъ за двѣ штуки рогатаго скота или за десять штукъ овецъ. Сверхъ того, населенію разрѣшается во всякое время приносить госуларству въ даръ деньги или вещи, въ томъ размѣрѣ, какой будетъ ему по средствамъ».

«Кромѣ этихъ податей, платимыхъ натурой, ежегодно поступаетъ въ казну деньгами около 127.000 ланъ серебра. Всѣ подати, уплачиваемыя деньгами и продуктами, поступаютъ въ казначейство, въ Жо-канъ (въ Лхассѣ), и находятся тамъ подъ контролемъ трехъ ша-дзо-ба (казначеевъ). Что же касается шерстяныхъ матерій, курительныхъ свѣчъ и денегъ, вносимыхъ въ качествѣ штрафовъ и пеней, а также различныхъ даровъ и той половины движимаго и недвижимаго имущества, которая поступаетъ въ казну послѣ умершихъ, то всѣ эти суммы и предметы препровождаются въ главное казначейство, которыми завѣдуютъ два другихъ ша-дзо-ба. Изъ той и изъ другой казны далай-лама черпаетъ средства, необходимыя для правительственныхъ и всякихъ другихъ расходовъ».

«Ежегодные расходы лхасскаго правительства опредѣляются слѣдующимъ образомъ. Въ первый мѣсяцъ года ламы изъ Бодалы и изъ всѣхъ другихъ кумиренъ и монастырей Лхассы, равно какъ и со всего верхняго и нижняго Тибета, число которыхъ доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ ¹⁾, собираются въ Жо-канъ, гдѣ проис-

¹⁾ Въ одной Лхассѣ насчитывается болѣе 32.000 ламъ.

ходить чтеніе священныхъ книгъ, продолжающееся двадцать дней. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ имѣетъ мѣсто второе такое же собраніе съ тою же цѣлью, продолжающееся восемь дней¹⁾. На эти два торжества, на раздачу собравшимся ламамъ денегъ, хадаковъ, масла, чая, дзамбы и проч. расходуется до 70.900 ланъ серебра. Кромѣ того, отправленіе ежедневнаго богослуженія въ Лхассѣ обходится въ теченіе года, приблизительно, въ 39.200 ланъ серебра, которыя уходятъ на снабженіе ламъ, исполняющихъ службу въ храмахъ, масломъ, чаемъ и на выдачу имъ различныхъ подарковъ. Наконецъ, 24.400 ланъ расходуются на снабженіе ламъ Бодалы пищей и другими необходимыми предметами, а также на покупку вещей для подарковъ, которыми отдариваютъ всѣхъ тѣхъ, кто дѣлаетъ какія-либо приношенія далай-ламѣ.

Изъ этого явствуетъ, что расходы превышаютъ приходъ. Сверхъ того надобно расходовать крупныя суммы на субсидіи большимъ монастырямъ Сэра, Гадэнъ, Дрэбуяъ и другихъ.

Въ урожайные годы отъ населенія поступаетъ въ правительственную казну очень много добровольныхъ пожертвованій, такъ что образуется излишекъ. Въ главномъ казначействѣ находится еще «малая или специальная касса», подвѣдомственная особому ша-дзо-ба, и въ тѣ годы, когда главное казначейство заключаетъ свою годовую отчетность съ остаткомъ, всѣ излишнія суммы поступаютъ въ эту кассу. Государственный казначей, который имѣетъ общій надзоръ за всѣми поступленіями и расходами, докладываетъ, совмѣстно съ подлежащимъ галѣномъ, амбаню о состояніи казначейства.

Что же касается денегъ, необходимыхъ на правительственные расходы, которые черпаются изъ главнаго казначейства, то амбань, сообщая съ цзидрунъ хутухтой (т.е. съ королемъ Тибета), долженъ тщательно ихъ контролировать, причемъ, въ случаѣ какихъ-либо замѣченныхъ неправильностей, наряжать подробное слѣдствіе и виновныхъ подвергать соответственному наказанію.

Населеніе верхняго Тибета должно вносить въ главное казначейство подати зерномъ и деньгами, но большая часть ихъ вносится натурой. Принимая въ расчетъ поступления деньгами и натурой, мы найдемъ, что приходъ казны опредѣляется приблизительно въ 70.000 ланъ серебра въ годъ. Ранѣе добровольныя пожертвованія поступали въ столь значительномъ количествѣ, что ежегодно оставался излишекъ свободныхъ суммъ, но послѣ войны съ Непаломъ въ 1794 году регулярныя поступления вмѣстѣ съ добровольными пожертвованіями еле-еле покрываютъ расходы. Амбань, сообщая съ цзидрунъ-хутухтой, долженъ внимательно разсматривать бюджетъ верхняго Тибета, стараясь, чтобы расходъ всегда былъ сбалансированъ съ приходомъ».

Власть этого представителя императора распространяется также на назначеніе духовныхъ лицъ. По этому поводу мы тамъ же читаемъ: «Когда освобождается постъ какого-нибудь камбо-ламы, или настоятеля въ одномъ изъ большихъ монастырей, далай-лама доводитъ о семъ до свѣдѣнія амбана, и они, по совѣщаніи съ хутухтой, избираютъ новаго кандидата; послѣ этого послѣднему вручается должностная печать и инвеститура и онъ отправляется на мѣсто назначенія.

«Когда же открываются вакансіи камбо въ менѣе значительныхъ монастыряхъ, далай-лама замѣщаетъ ихъ по своему усмотрѣнію».

Я не могу войти здѣсь въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ источни-

¹⁾ Это празднество называется сунъ-цю.

ковъ, изъ которыхъ мы черпаемъ наши свѣдѣнія о числѣ населенія средняго и верхняго Тибета. Новѣйшіе писатели опредѣляютъ общую его численность цифрой отъ четырехъ до шести милліоновъ человѣкъ, но цифры эти несомнѣнно основаны лишь на догадкѣ. Последняя всеобщая перепись населенія, какъ кажется, произведена была китайцами еще въ 1737 году. Нѣкоторыя частныя переписи, правда, имѣли мѣсто съ тѣхъ поръ, но, насколько я могъ сравнить ихъ цифровыя данныя съ цифрами, сообщаемыми новѣйшими изслѣдователями, они всегда значительно ихъ превосходятъ. По переписи 1737 г. въ Лхасскомъ королевствѣ, т.-е. въ верхнемъ и нижнемъ Тибетѣ значится 852.162 мирянъ и 316.200 ламъ. Весьма вѣроятно, что въ эту цифру не были включены кочевники, но это составитъ разницу не болѣе, чѣмъ въ 50.000 человѣкъ. Слѣдовательно, въ серединѣ прошлаго столѣтія все населеніе средняго Тибета не превышало полутора милліона человѣкъ¹⁾. Теперь остается только опредѣлить величину прироста населенія за эти послѣднія 150 лѣтъ. Постоянное увеличеніе числа ламъ, полиандрическіе и смѣшанные браки, огромное число жертвъ, уносимыхъ часто повторяющимися эпидеміями оспы, рабское состояніе значительной части населенія въ самыхъ плодородныхъ областяхъ и другія причины, все это въ совокупности заставляетъ насъ думать, что приростъ населенія за этотъ періодъ времени не могъ быть значительнымъ; съ другой стороны, съ несомнѣнною достоверностью констатирована во многихъ мѣстахъ значительная убыль населенія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я полагаю, что даже цифра 4.000.000, приводимая Desgodins, значительно превосходитъ дѣйствительную, и что населеніе всего Тибета (включая сюда даже Ладакъ, Сиккимъ и т. д.), Куку-нора и провинціи Камъ (за исключеніемъ не тибетскихъ племенъ, живущихъ въ южной части страны, въ Цзаронѣ, Заюлѣ, Боюлѣ и др.), немногимъ больше 3¹/₂ мил. душъ, изъ которыхъ около 2 мил. приходится на Лхасское королевство.

Я пробылъ въ Да-цзянь-лу до 10-го іюля, поджидая прибытія моихъ людей, которые остались въ Жіэкундо. Но не получивъ отъ нихъ до этого дня никакихъ извѣстій, я рѣшилъ, наконецъ, тронуться далѣе, въ Я-чжоу-фу. Они прибыли въ Да-цзянь-лу нѣсколько дней спустя, но имъ не удалось догнать меня, такъ что я вернулся на родину, даже не повидавшись съ ними. Изъ письма, которое я получилъ отъ нихъ по моемъ возвращеніи въ Соединенные Штаты, я узналъ кое-что объ ихъ приключеніяхъ и убѣдился еще разъ, какой хорошій совѣтъ подали мнѣ мои друзья-китайцы въ Жіэкундо, уговоривъ меня немедленно двинуться далѣе. Читатели помнятъ, вѣроятно, что вскорѣ послѣ моего прибытія въ помянутый городъ, правитель страны отправился въ Тендо посоветоваться съ другими старшинами о томъ, какъ лучше всего поступитъ со мной. Когда же онъ вернулся и увидѣлъ, что я уже уѣхалъ, то онъ распорядился послать за мной въ погоню, приказавъ привести меня живымъ или мертвымъ; моихъ же людей схватили, заковали въ цѣпи и посадили въ темницу. Такъ они просидѣли двѣнадцать дней, но, къ счастью, мой другъ Футунъ-ши прибылъ въ это время въ городъ. Ему удалось, хотя и съ трудомъ, освободить ихъ изъ тюрьмы, послѣ чего онъ далъ имъ проводника и отправилъ въ догонку за мной.

Для два или три спустя послѣ отъѣзда ихъ изъ Жіэкундо, ламы какого-то монастыря, мимо котораго они проѣзжали, схватили ихъ, за-

¹⁾ Гари-ка-сумъ или сѣверо-западный Тибетъ населенъ по преимуществу кочевниками, такъ что общее число его жителей несомнѣнно не велико.

ставили бросить лошадей и багажъ, отвели ихъ въ монастырь и посадили въ темницу. На этотъ разъ они купили себѣ свободу, уплативъ довольно большую сумму за это; когда же они пришли къ мѣсту стоянки, то оказалось, что двѣ изъ ихъ лошадей были съѣдены волками. Они все-таки двинулись дальше и послѣ различныхъ другихъ злоключеній добрались, наконецъ, до Ганзэ, гдѣ встрѣтили самый сердечный приемъ со стороны Лу. Тамъ они отдохнули нѣсколько дней, а затѣмъ Лу отправилъ ихъ въ Да-цзянь-лу. Судя по тому, что пришлось перенести отъ ламъ этимъ людямъ, китайцамъ, легко себѣ представить, что сдѣлали бы они со мной, если бы я попалъ имъ въ лапы. Да, правду сказалъ старшій камба въ Маръ-жіа-гу: «Если вы хотите непременно пробраться черезъ Камдо, вамъ слѣдуетъ идти впередъ и впередъ, не теряя нигдѣ ни минуты».

VII.

Да-цзянь-лу. — Я-чжоу. — Чунъ-цинъ. — И-чагъ. — Шанхай.

10-го іюля я выступилъ изъ Да-цзянь-лу, удобно усѣвшись въ просторномъ паланкинѣ, который несли четверо кули. Въ первый день мы прошли до Ва-сы-коу, который расположенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Да-цзянь-лу (До-чу) впадаетъ въ Тунъ¹⁾. Путь нашъ пролегалъ по узкому скалистому ущелью, между высокими горами, которыя почти отвѣсно поднимаются по обѣимъ сторонамъ дороги на высоту нѣсколькихъ тысячъ футовъ. Огромныя каменные глыбы, оторвавшись отъ утесовъ и скатившись внизъ, въ рѣку, образовали въ ней цѣлый рядъ пороговъ, у которыхъ вода вздымается пѣнящейся массой и затѣмъ, перекатившись черезъ нихъ, низвергается огромными волнами. Дорога перебрасывается черезъ этотъ потокъ безпрестанно, такъ что трудно подсчитать число находящихся здѣсь мостовъ. Эти мосты очень своеобразной конструкціи. Они устраиваются слѣдующимъ образомъ. Крѣпкій бамбуковый канатъ перекидывается черезъ рѣку и закрѣпляется на обоихъ берегахъ огромными тяжелыми камнями. Кусокъ бамбука, приблизительно въ восемнадцать дюймовъ длиною, перекинутый черезъ этотъ канатъ, подвязанный къ нему веревочная петля, вмѣсто сидѣнья, и веревка, цѣпляясь за которую руками, надо самому перетащить себя на другой берегъ,—вотъ и все сооруженіе, именуемое здѣсь мостомъ. Такіе веревочные мосты встрѣчаются часто въ восточномъ Тибетѣ, но, конечно, ими въ состояніи пользоваться только пѣшеходы и притомъ люди, привыкшіе къ такого рода головокружительнымъ переправамъ. Нечего и говорить, что эти мосты были не для насъ, и намъ приходилось карабкаться по карнизамъ, которые въ своей совокупности извѣстны подъ именемъ «прѣзжей дороги». Ею дѣйствительно можно передвигаться на мулахъ, но даже и эти животныя, извѣстныя твердостью своей поступи, не могутъ здѣсь быстро подвигаться впередъ. Я встрѣтилъ на своемъ пути лишь нѣсколько муловъ, а мою лошадь мнѣ удалось провести по этой дорогѣ лишь съ большимъ трудомъ.

Между Да-цзянь-лу и Ва-сы-коу дорога имѣетъ очень крутое паденіе: Ва-сы-коу лежитъ ниже Да-цзянь-лу свыше чѣмъ на 3.000 фут., а между тѣмъ разстояніе между этими пунктами едва равняется 27 верстамъ. Почва обработана повсюду, гдѣ только возможно, причѣмъ поля засѣяны главнымъ образомъ кукурузой. Южная часть долины поросла

¹⁾ Эта рѣка называется также Да-ду-хо или Мо-шуй.

прекрасными экземплярами волошской орѣшины, тополями и ивами. Въ безчисленныхъ чайныхъ домикахъ и гостинницахъ, которыя на каждомъ шагу попадаютъ вдоль этой дороги, отдыхали носильщики, прислонивъ свою тяжелую ношу къ длиннымъ низкимъ скамейкамъ, вытянутымъ вдоль стѣнъ. Большинство изъ нихъ несли чай изъ Я-чжоу и другихъ сосѣднихъ городовъ въ Да-цзянь-лу. Расстояніе между этими двумя пунктами, составляющее около 225 верстъ, они проходятъ въ семнадцать-восемнадцать дней. Между этими носильщиками я видѣлъ людей всѣхъ возрастовъ и, къ моему большому удивленію, не только мужчинъ, но и женщинъ.

Ноша, которую поднимаетъ средній носильщикъ, состоитъ изъ десяти бао чая, т.-е. вѣситъ 5—5½ пудовъ; но я видѣлъ и такихъ носильщиковъ, и ихъ было не мало, которые подымали до семнадцати бао, т.-е. свыше 7½ пудовъ и, удивительное дѣло, они вовсе не казались мускулистѣе другихъ. Какъ мнѣ говорили, все искусство состоитъ въ томъ, чтобы расположить ношу такъ, чтобы тяжесть равномерно давила на каждую отдѣльную часть спины. Всѣ носильщики имѣютъ при себѣ короткую крѣпкую деревянную палку, на которую они опираются, подымаясь на крутыя горы, и которую они подставляютъ подъ свою ношу, когда хотятъ передохнуть, не снимая вьюка со спины. Эти носильщики обладаютъ силой и ловкостью, которыя кажутся просто невѣроятными. Одинъ такой носильщикъ притащилъ, напрямѣръ, въ Да-цзянь-лу для епископа Біа несгораемый шкафъ, вѣсившій болѣе 11 пудовъ! Правда, черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ умеръ.

Женщины часто подымаютъ отъ семи до восьми бао чая, и я видѣлъ шести и семилѣтнихъ дѣтей, которые съ пакетикомъ или полупакетикомъ за плечами плелись по дорогѣ за своими родителями. Обыкновенная плата, которую получаетъ носильщикъ чая,—два маса (около 25 коп.) за бао за все расстояніе, причеиъ вѣсъ бао не принимается въ расчетъ. Питаются они дорогой маисовыми лепешками и овощами, лишь изрѣдка позволяя себѣ полакомиться кусочкомъ свинины. Большая часть изъ нихъ курить опиумъ, но это, повидимому, не отражается дурно на ихъ здоровьѣ. По моимъ наблюденіямъ, только весьма немногіе носильщики страдаютъ расширеніемъ венъ; и, вообще, лишь на весьма немногихъ изъ нихъ было замѣтно, что тяжелый трудъ вредно повліялъ на ихъ организмъ. Это, впрочемъ, носильщики не по профессіи. Въ большинствѣ случаевъ это земледѣльцы, которые прибѣгаютъ къ такому способу заработка лишь въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

Нѣкоторое представленіе о томъ, сколько лицъ занято переноской тяжестей по пути изъ Я-чжоу въ Да-цзянь-лу, можно составить себѣ хотя бы изъ того факта, что на пути между Ва-сы-коу и Лу-динъ-ця, т.-е. на протяженіи не болѣе 22 верстъ, я насчиталъ 480 такихъ носильщиковъ, несшихъ чай, и, кромѣ того, отъ сорока до пятидесяти другихъ, несшихъ прочіе товары—муку, вино и т. д. И по всей дорогѣ ихъ было почти такъ же много. На мой же вопросъ, всегда ли здѣсь такое движеніе, мнѣ отвѣчали въ утвердительномъ смыслѣ.

Ва-сы-коу очень красиво раскинулся среди рисовыхъ и маисовыхъ полей. Со всѣхъ сторонъ его окружаютъ развѣсистыя волошскія орѣшины. А въ нѣсколькихъ верстахъ далѣе я видѣлъ массу персиковыхъ деревьевъ, покрытыхъ прекрасными, крупными плодами.

Рѣка Тунъ, текущая съ сѣвера, служитъ резервуаромъ для всѣхъ водъ страны Гинь-чуань, о которой я упоминалъ уже выше. Съ этой

жѣстностью связана блестящая страница китайской исторіи: здѣсь именно велась весьма трудная, закончившаяся полной побѣдой китайцевъ, кампанія, которую императоръ Цянь-лунъ предпринялъ противъ живущихъ здѣсь тибетскихъ горцевъ.

Возлѣ Ва-сы-коу рѣка Тунъ имѣетъ около 30 сажень ширины и небольшую глубину, но теченіе ея здѣсь довольно быстро и она несетъ весьма мутную воду. Я не замѣтилъ никакихъ признаковъ на ея берегахъ, которые указывали бы на то, что вода въ ней иногда подымается до значительной высоты. Да и вообще мнѣ кажется совершенно ошибочнымъ довольно распространенное мнѣніе, будто большія и внезапныя разлитія рѣкъ, случающіяся въ западномъ Китаѣ, происходятъ вслѣдствіе таянія снѣговъ въ горахъ восточнаго Тибета или большихъ дождей, выпадающихъ въ этой странѣ. На самомъ же дѣлѣ причиной этихъ наводненій являются проливные дожди, которые идутъ въ продолженіе всей позднеи весны и всего лѣта въ горныхъ областяхъ, лежащихъ на востокъ отъ Тибета, т.-е. въ сѣверной и западной Сы-чуани. Начиная отъ Ва-сы-коу, дорога наша шла по правому берегу рѣки Тунъ, по склону крутыхъ горъ, подымаясь мѣстами на 600—800 футовъ надъ ложемъ рѣки и мѣстами до такой степени суживаясь, что два носильщика съ ношей не могли бы разойтись между собой. Вымощена эта дорога неровными плитами, но въ общемъ ее можно назвать очень сносною, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ идти по ней довольно опасно, такъ какъ со склоновъ утесовъ, по обѣимъ ея сторонамъ, безпрестанно скатываются и мелкіе, и крупныя камни; а послѣ сильнаго дождя здѣсь зачастую случаются даже обвалы. Такъ, въ деревушкѣ, лежащей въ трехъ верстахъ за Лу-динъ-цяо я увидѣлъ въ домахъ слой глины и грязи въ три или четыре фута толщиной, нанесенный короткимъ, но очень сильнымъ ливнемъ, разразившимся наканунѣ. Все это происходитъ благодаря тому, что населеніе непредусмотрительно повыврубило весь лѣсъ и всѣ кустарники, которые когда-то росли по склонамъ этихъ горъ.

Лу-динъ-цяо—одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ висячихъ мостовъ въ Китаѣ, построенный еще въ 1701 году. Въ длину онъ имѣетъ 370 футовъ, въ ширину 10. Это единственный мостъ, перекинутый черезъ рѣку Тунъ, которая здѣсь извѣстна также подъ именемъ Лу-шуй. Мостъ этотъ состоитъ изъ девяти цѣпей, звенья коихъ имѣютъ по пяти дюймовъ въ длину и по одному въ толщину. На каждой сторонѣ притянуты двѣ другія цѣпи, прикрѣпленные къ нижнимъ легкими желѣзными прутьями, образуя такимъ образомъ довольно несовершенныя перила. На нижнихъ цѣпяхъ положены узкія доски, которыя даже не привязаны къ нимъ; и по этому-то шаткому мосту безпрестанно движутся люди и животныя! На каждомъ концѣ моста выстроенъ сводъ, въ которомъ сдѣланы двери, а рядомъ помѣщается небольшая сторожевая будка. Цѣпи, составляющія мостъ, прикрѣплены съ обѣихъ сторонъ къ большому вороту, устроенному подъ сводомъ, такъ что, когда бываетъ нужно, ихъ подтягиваютъ, и благодаря этому мостъ сохраняетъ почти горизонтальное положеніе. Во время переправы черезъ мостъ, онъ очень сильно качается, и я думаю, что у тѣхъ, кому приходится проходить здѣсь, когда въ ущельѣ дуетъ сильный вѣтеръ, не особенно-то легко на душѣ. Вѣроятнѣе, впрочемъ, что при сильномъ вѣтрѣ, ворота на концахъ моста запираютъ, такъ какъ тогда мостъ черезчуръ уже сильно раскачивается. Врядъ ли можно цѣликомъ принять рассказъ Купера о томъ, что мостъ закрытъ для путниковъ ежедневно отъ полудня до

четыре часовъ вечера, по причинѣ урагана, который яко бы ежедневно въ это время дня проносится по ущелью ¹⁾). Также невѣрно его утвержденіе, что въ селеніяхъ, расположенныхъ у обоихъ концовъ этого моста, живетъ до восьми тысячъ человѣкъ. А можетъ быть, такъ и было въ его время, но съ тѣхъ поръ обстоятельства совершенно измѣнились, и нынѣ въ помянутыхъ селеніяхъ живетъ не болѣе тысячи человѣкъ, включая въ это число и солдатъ.

Верстахъ въ трехъ отъ моста, на правомъ берегу рѣки, находится небольшая христіанская община Ша-ба. Я оставилъ мой паланкинъ и слугъ въ Лу-динъ-цяо, а самъ пошелъ туда пѣшкомъ, чтобы навѣстить отца Мюссо. Вокругъ дома священника разбитъ былъ прекрасный фруктовый садъ, въ которомъ я замѣтилъ, между прочимъ, лимонныя деревья, усыпанныя плодами, но мнѣ сказали, что они никогда не дозрѣваютъ.

Выйдя изъ Лу-динъ-цяо, мы пошли далѣе по лѣвому берегу Туна. Дорога наша попрежнему пролегла по склону горъ, на высотѣ въ нѣсколько сотъ футовъ надъ русломъ рѣки. Верстахъ въ 22 отъ моста лежитъ Ленъ-чи—очень грязный, но очень оживленный торговый городокъ. Миновавъ его и пройдя еще версты двѣ по долинѣ Туна, мы свернули въ другую долину, которая веда на востокъ, къ деревушкѣ Хуа-линь-пинъ. Въ концѣ этой долины расположена маленькая деревушка Тусы, которая, какъ кажется, служитъ резиденціей туземному старшинѣ (ту-сы) Линъ-бянь ²⁾. За Лу-диномъ мы видѣли очень много тутовыхъ деревьевъ, поля были засѣяны кукурузой и просомъ, а въ промежуткахъ росли бобы; подлѣ Хуа-линь-пина я видѣлъ большое поле конопли. Верста пять или шесть не доходя до этого послѣдняго мѣста, дорога, вообще, довольно сносная, стала очень круто подыматься въ гору; а чайныхъ домиковъ вдоль нея попадалось такъ много, что, при желаніи, можно было отдыхать хоть каждую минуту. Повсюду были выставлены на продажу великолѣпные персики и абрикосы; въ гостинницахъ мнѣ подавали отличную изготовленную вермишель (гуа-мянь), такъ что я все время прекрасно ѣлъ. Персики, которые я ѣлъ въ Лу-динъ-цяо, были лучше всѣхъ тѣхъ, какіе я встрѣчалъ гдѣ-либо въ Китаѣ, да и съ нашими они смѣло могли бы выдержать сравненіе.

Пройдя отъ селенія Хуа-линь-пинъ нѣсколько верстъ, мы по очень крутому подъему, а вѣрнѣе—по длинному ряду неправильныхъ ступеней, добрались до вершины горы Фэй-юе-линь. Здѣсь дорога проходитъ черезъ двое воротъ, между которыми находятся сторожевая будка ³⁾.

Гору эту часто называютъ другимъ именемъ—Ця-цзы-шань, а Gill называетъ ее Ву-яй-линь. Въ то время, какъ мы медленно подымались на гору, на встрѣчу намъ спускался хо-шанъ ⁴⁾. Въ рукахъ онъ несъ маленькую скамеечку, на которой были укрѣплены двѣ металлическія вазочки, а въ нихъ были вставлены горящія свѣчи. Сдѣлавъ два шага, онъ ставилъ этотъ свой «алтарь» на землю и падалъ ницъ предъ нимъ во всю длину своего тѣла, все время стараясь оставаться лицомъ къ

¹⁾ К. С. Соорер «Travels of a Pioneer of Commerce», p. 197.

²⁾ Туземцевъ линъ-бянь и шень-бянь въ настоящее время уже совершенно невозможно отличить отъ китайцевъ. Въ прошломъ столѣтіи ихъ страна входила въ составъ княжества Минъ-чжэнъ или Чжала. Возможно, что племя шень-бянь происходитъ не отъ одного корня съ тибетцами; но относительно линъ-бянь китайскіе писатели положительно утверждаютъ, что они принадлежать къ тибетской народности.

³⁾ Вавер опредѣляетъ высоту этой горы въ 9.410 футовъ, а Gill въ 9.022 фута.

⁴⁾ Такъ называются китайскіе жрецы.

Прим. Гр.-Гр.

западу. Онъ направлялся въ Лхассу и намѣревался такимъ образомъ, дѣлая каждые два шага свои «земные поклоны», покрыть своимъ тѣломъ всю дорогу до святаго города. Онъ шелъ изъ Шу-до-шань (мѣстности востѣ Нинъ-бо, въ Чжусанскомъ архипелагѣ) и находился въ пути уже семь лѣтъ, но, несмотря на это, былъ очень доволенъ и надеялся еще черезъ два-три года дойти до Лхассы. У него были съ собой письма настоятелей тѣхъ монастырей, въ которыхъ онъ останавливался, чтобы дать отдохнуть своимъ утомленнымъ членамъ; въ письмахъ этихъ святые отцы подтверждали достовѣрность его исторіи и поручали его состраданію путешественниковъ. Это былъ добродушный, живой человѣкъ; трудности такого путешествія, очевидно, насколько не отразились на его здоровьѣ, такъ какъ онъ оставался полнымъ и румянымъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ мнѣ жалокъ ¹⁾).

Восточный склонъ горы Фэй-юе-линъ былъ и круче, и длиннѣе западнаго, такъ что спускъ оказался утомительнѣе подъема. Дорога была здѣсь выложена крупными кусками гранита; то и дѣло приходилось прыгать съ одного камня на другой, а такая гимнастика, конечно, не дѣлаетъ дорогу особенно легкой. Склоны горы, покрытые густой порослью кустарниковъ, папоротниковъ и различныхъ травъ въ полномъ цвѣтѣ, красивымъ ковромъ лежали подъ яркими лучами солнца. Съ вершины перевала видъ былъ особенно привлекателенъ, а горизонтъ— обширенъ; я видѣлъ даже городокъ Ни-тоу, лежавшій внизу, въ долинѣ, верстахъ въ двадцати двухъ отсюда. Хотя переваль Фэй-юе-линъ, дѣйствительно, высокъ и крутъ, но во всякомъ случаѣ онъ далеко не такъ ужасенъ, какимъ рисуютъ его китайскіе путеводители. Въ одномъ изъ нихъ мы находимъ слѣдующее описаніе этой горы: «Это въ высшей степени крутая гора; на каждомъ шагу встрѣчаются здѣсь огромные скалы и утесы, которые поражаютъ путника своими размѣрами. Круглый годъ покрыта она льдомъ и снѣгомъ, и облака постоянно висятъ надъ ней. Когда смотришь на дорогу снизу, кажется, что она ведетъ чрезъ облака, нагроможденныя одно на другое». Это недурное сравненіе для дороги, ведущей чрезъ описанныя глыбы гранита ²⁾).

Всѣ склоны холмовъ вокругъ Фу-лунъ-сы, небольшой деревушки, лежащей въ 4½ верстахъ отъ вершины перевала, обработаны и между прочими растеніями я замѣтилъ здѣсь и гречиху.

13 іюля, послѣ обѣда, мы дошли до Ни-тоу, который оказался хорошо расположеннымъ, оживленнымъ городкомъ съ прекрасными гостинницами и богатыми магазинами. Вскорѣ послѣ моего приѣзда ко мнѣ явился хозяинъ гостинницы, и мы разболтались. Между прочимъ, онъ рассказалъ мнѣ, что только что самая красивая дѣвушка во всемъ городѣ была продана одному человѣку въ наложницы за очень дороую цѣну, а именно 50 ланъ. Двадцать ланъ считается здѣсь уже очень хорошей цѣной, и, дѣйствительно, въ Ши-цзя-цзяо, близъ Я-чжоу, я встрѣтилъ одного купца изъ Да-цзянь-лу, который увозилъ съ собою домой очень миленькую дѣвушку, купленную имъ за эту именно цѣну.

Жители Сы-чуани очень охотно продаютъ своихъ дочерей, если онѣ не нужны имъ по хозяйству. Множество ихъ «вывозится» ежегодно изъ Чунъ-цзя въ города, расположенные ниже по рѣкѣ Янъ-цзы, напри- мѣръ, въ Ханькоу, Шанхай и другіе большіе города. На моемъ пути

¹⁾ Смотри рисунокъ въ январской книгѣ.

²⁾ Впрочемъ, не одни китайцы даютъ фантастическія описанія этой горы; ср. Соорег, цит. соч., стр. 178.

изъ Ханькоу въ Шанхай, на одномъ пароходѣ я видѣлъ челоуѣка, который везъ съ собою одиннадцать дѣвочекъ, купленныхъ имъ въ Чунъ-цинѣ,—причемъ цѣна каждой варьировала отъ семи до одиннадцати лановъ. Этихъ рабынь обыкновенно покупаютъ очень молодыми, отъ восьми до десяти лѣтъ, причемъ покупатели очень о нихъ заботятся, обращаются съ ними такъ же, какъ со своими собственными дѣтьми и, вообще, даютъ имъ хорошее воспитаніе. Когда же онѣ приобретутъ всѣ познанія, необходимыя для благовоспитанныхъ дѣвицъ, ихъ продаютъ въ качествѣ вторыхъ женъ (цѣ) тѣмъ людямъ, которые въ состояніи заплатить за нихъ подходящую цѣну. Въ этой торговлѣ нѣтъ ничего жестокаго или безчеловѣчнаго. Дѣвушки вырастаютъ въ условіяхъ гораздо большаго комфорта, чѣмъ тѣ, которыя ожидали ихъ дома, и вся ихъ послѣдующая жизнь проходитъ настолько счастливо, насколько счастлива можетъ быть жизнь женщины въ Китаѣ.

Близъ Ни-тоу мы вышли изъ долины, по которой шли отъ самой вершины Фэй-юе-лина и продолжали напѣ путь, все въ томъ же направленіи—къ востоку, черезъ рядъ горъ, изъ коихъ самой высокой была Сэнъ-ней-гуань. Какъ разъ, когда мы подходили къ Цинъ-ци-сянь, полагъ проливной дождь. Хотя городокъ этотъ и небольшой, но гостиницы въ немъ прекрасныя, и я совсѣмъ не опечалился, когда, проснувшись на слѣдующее утро, увидѣлъ, что все еще дождь льетъ, какъ изъ ведра и продолжать путь невозможно. Цинъ-ци извѣстенъ тѣмъ, что въ немъ дуютъ вѣтры и чаще, и сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ остальной Сы-чуани (западной). «Въ Цинъ-ци—вѣтеръ, въ Юнь-цзинѣ—засуха, въ Я-чжоу—дождь», говоритъ мѣстная поговорка, указывающая на особенности климата трехъ смежныхъ мѣстностей.

Между Ни-тоу и Цинъ-ци я видѣлъ очень много буйволовъ, которые далѣе къ западу совсѣмъ не встрѣчаются. Обыкновенный домашній скотъ тамъ небольшихъ размѣровъ, но отличается поразительно красивымъ строеніемъ тѣла: быки и коровы очень наряднаго, темно-краснаго цвѣта, переходящаго вокругъ глазъ, возлѣ ноздрей и на ногахъ въ черныя, съ прекрасной, мягкой шерстью, небольшими ушами и тонкими хвостами. Къ своему большому удивленію, я видѣлъ въ западной Сы-чуани вообще очень много рогатаго скота, хотя извѣстно, что китайцы не употребляютъ его ни въ качествѣ вьючныхъ животныхъ, ни въ упряжи, да едва ли идетъ онъ имъ и на столъ. Обычная пища жителей Сы-чуани состоитъ изъ кукурузнаго хлѣба, бобовой похлебки (тоу-фу), риса, овощей и, изрѣдка, вареной свинины.

Отъ Цинъ-ци-сяня опять начался крутой подъемъ; дорога зигзагами подымалась все выше и выше, и только уже черезъ три часа мы дошли до вершины Сянъ-линъ-шаня. Видъ отсюда долженъ быть великолѣпнымъ, но, къ сожалѣнію, по всѣмъ долинамъ и склонамъ горъ ползли облака, которыя совершенно скрывали отъ насъ обширный ландшафтъ. Мои носильщики увѣрили меня, что намъ все-таки повезло, такъ какъ, вообще, здѣсь въ девяти случаяхъ изъ десяти или идетъ дождь, или собирается такой густой туманъ, что буквально вельзя найти дорогу. Западный склонъ горы былъ почти лишенъ растительности: кое-гдѣ лишь торчалъ какой-то низкій кустарникъ. По очень крутому восточному склону вела внизъ очень дурная тропинка, покрытая булыжникомъ и, благодаря дождямъ, которые за послѣднее время шли почти непрерывно,—неимоვნю скользкая. Прорубленная въ крутомъ склонѣ горы, тропинка эта мѣстами становилась до того узкой, что мой паланкинъ едва-едва подвигался впередъ. Встрѣчались

также нерѣдко рытвины, черезъ которыя намъ приходилось переходить по перекинутымъ черезъ нихъ полусгнившимъ доскамъ; въ такихъ мѣстахъ намъ было не мало возни съ нашей лошадей, которая боялась вступить на такой ненадежный мостъ и, конечно, упрямылась. А дальше, внизу, надо было по такимъ же примитивнымъ мостикамъ переходить нѣсколько разъ черезъ горный ручей, который протекалъ по огромнымъ камнямъ, нагроможденнымъ въ ущельѣ, такъ что мы совершенно измучились, когда, наконецъ, дотацились съ нашей лошадей до Хуанъ-ни-пу. По мѣрѣ того, какъ мы спускались, все богаче и разнообразнѣе становилась растительность, а близъ названнаго селенія она поразила меня своимъ полутропическимъ характеромъ. Въ Хуанъ-ни-пу я впервые увидѣлъ чайный кустарникъ и баваны. Въ этомъ ущельѣ, обыкновенно называемомъ Му-гунъ-най (произносится нэ), находится истокъ рѣки Да-хо или Юнъ-цзинъ, впадающей близъ Я-чжоу-фу въ р. Я-хо. Дорога эта буквально кишѣла путниками; между ними всего больше было носильщиковъ, непомерно нагруженныхъ такъ называемымъ «дикимъ» шолкомъ и шедшихъ изъ окрестностей Юе-си, гдѣ, равно какъ и въ Хоу-дао, Тянь-вани, Цзы-да-да и др. селеніяхъ его добываютъ особенно много.

Въ теченіе этого дня мы перешли черезъ нѣсколько небольшихъ желѣзныхъ, висячихъ, цѣпныхъ мостовъ, а немного не доходя до Хуанъ-ни-пу мы встрѣтили прекрасный мостъ, сдѣланный уже изъ четырехъ круглыхъ желѣзныхъ балокъ, дюйма полтора въ диаметръ каждая. Онъ имѣлъ около ста пятидесяти футовъ въ длину и былъ поразительно хорошо сработанъ. Я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ доставили сюда эти балки!

Верстахъ въ восьми отъ Хуанъ-ни-пу долина значительно расширилась; всѣ низменныя въ ней мѣста были подъ рисовыми полями, а богѣ возвышенныя засѣяны кукурузой и бобами или заняты чайными плантаціями.

Юнъ-цзинъ-сянь, послѣ Цинъ-ци, самый маленькій уѣздный городъ изъ посѣщенныхъ мною въ Китаѣ; тѣмъ не менѣе это довольно оживленное мѣстечко, а въ чайной торговлѣ страны онъ играетъ даже довольно важную роль: здѣсь находятся большіе склады чая, и по величинѣ оборотовъ онъ, пожалуй, не уступаетъ даже Я-чжоу. Во всѣхъ попутныхъ хуторахъ листья и вѣтки чайнаго дерева были сложены въ огромныя кучи или разложены на солнцѣ для просушки, и видъ ихъ при этомъ всего менѣе напоминалъ то, что мы обыкновенно называемъ чаемъ.

Вослѣ Юнъ-цзина мы переправились черезъ рѣку на паромѣ, а затѣмъ, пройдя нѣсколько верстъ по лѣвому ея берегу, вновь переправились на правый берегъ рѣки и отсюда уже шли этимъ берегомъ вплоть до Ши-цзя-цяо. Здѣсь мы остановились въ прекрасной гостиницѣ, принадлежавшей одному изъ членовъ фамиліи Ши. Господинъ Ши, хозяинъ, рассказалъ мнѣ, между прочимъ, что въ его семьѣ есть обычай, въ силу котораго всѣ мужчины держатъ экзаменъ на званіе кандидата словесныхъ наукъ; сынъ его, который на чердакѣ зубрилъ вслухъ свои книжки, приготовлялся теперь къ экзамену на званіе студента. И это—въ маленькой деревушкѣ, затерянной въ горахъ западнаго Сы-чуаня!

Въ Ши-цзя-цяо мы вышли изъ долины р. Да-хо и стали подыматься по небольшому боковому ущелью на вершину Фэй-лунъ-гуань, которой и достигли, пройдя нѣсколько верстъ. Затѣмъ мы снова спустились

внизъ, долина опять расширилась, и я увидалъ предъ собою стѣны областного города Я-чжоу-фу. Немного не доходя до города, мы прошли подъ очень красивымъ пай-лоу изъ краснаго песчаника, поставленнымъ противъ храма, посвященнаго Ву-хоу; этотъ пай-лоу былъ почти столь же красивъ, какъ тѣ, которые мнѣ случилось равнѣ видѣть въ Шань си.

Западная часть города Я-чжоу построена на небольшой отлогости, спускающейся къ рѣкѣ Я-хо, но большая его часть лежитъ на равнинѣ.

При входѣ въ него я увидѣлъ вереницу носильщиковъ, несшихъ багажъ непальскаго посольства, съ которымъ я повстрѣчался еще въ прошломъ декабрѣ въ Тунъ-гуанѣ. Посольство это выѣзжало теперь въ Да-цзянь-лу и должно было прибыть туда черезъ мѣсяцъ. Тамъ они тоже должны были хорошенько отдохнуть, прежде чѣмъ выѣхать въ Лхасу. Очевидно, они прекрасно усвоили себѣ великолѣпное тибетское правило: «галѣ пѣть»—«иди медленно», и вполне слѣдовали пословицѣ: «тише ѣдешь, дальше будешь».

Я-чжоу-фу — небольшой, но очень привлекательный городокъ; особенно же пріятное впечатлѣніе производитъ онъ своими широкими, чистыми и хорошо вымощенными улицами и своимъ добродушнымъ, дѣятельнымъ населеніемъ. Портитъ нѣсколько это впечатлѣніе лишь дождь, который льетъ здѣсь безпрестанно. За нѣсколько дней до моего пріѣзда сюда разразился даже такой ужасный ливень, что мѣстные власти рѣшили пустить въ ходъ самыя энергичныя средства, какія только находились въ ихъ распоряженіи, чтобы только положить конецъ потоку: они заперли сѣверныя городскія ворота. Меня увѣрили, что это—безусловно вѣрное средство! Стоитъ только закрыть эти ворота и дождь прекратится! И обратно, отъ засухи спасало городъ закрытіе его южныхъ воротъ.

На слѣдующій день послѣ моего пріѣзда въ Я-чжоу я нанялъ плотъ, который за 2.500 кешей долженъ былъ доставить меня внизъ по рѣкѣ до Цзя-динъ-фу—города, расположеннаго при слияніи рѣкъ Фу и Туа.

Мой плотъ имѣлъ около тридцати футовъ въ длину и около шести футовъ въ ширину; сдѣланъ онъ былъ изъ сложенныхъ въ два ряда бамбуковыхъ жердей, которыя впереди были загнуты кверху. На носу такого плота стоятъ обыкновенно двое или трое гребцовъ, которые длинными веслами и подвигаютъ плотъ впередъ; вмѣсто же руля имъ служить длинное весло, утвержденное на кормѣ. На средней части плота укрѣпляется обыкновенно навѣсъ, сдѣланный изъ циновокъ. Въ общемъ это вполне безопасное, довольно быстрое, но ужасно «мокрое» суденышко. На немъ нельзя ничего варить, невозможно даже спать, такъ что я не рекомендовалъ бы его для путешествія вверхъ по рѣкѣ.

Быстрое теченіе несло насъ внизъ, и по обѣимъ сторонамъ рѣки чередовались живописнѣйшіе ландшафты. На обоихъ берегахъ низкіе холмы изъ краснаго песчаника тамъ и сямъ контрастно выступали изъ яркой зелени роскошной растительности, покрывавшей здѣсь землю, а на второмъ планѣ поднимались темныя, закутанныя облаками, горныя громады, черезъ которыя мы только что перевалили на нашемъ пути изъ Да-цзянь-лу въ Я-чжоу. Вдоль рѣки вся низина была покрыта рисовыми полями, возлѣ каждаго хуторка подымалась группа бамбуковъ съ ихъ длинными, изящными, перистыми листьями, развѣвающимися по вѣтру. По безчисленнымъ ущельямъ неслись покрытые бѣлою пѣною горные ручейки и, добѣжавъ до рѣки, ниспадали въ нее съ красивыхъ прибрежныхъ утесовъ; а длиннолистые бананы и бѣлыя «воско-

выя деревья» со своей ярко-окрашенной листвою еще болѣе увеличивали красоту и безъ того красивыхъ пейзажей, развертывавшихся предъ нами.

Въ 23-хъ верстахъ отъ Я-чжоу мы проѣхали по длинному (не менѣе трехъ верстъ) ущелью, прорытому рѣкою въ красномъ песчаникѣ. Оно было до того красиво, что даже мой флегматичный Сянь-шэнь пришелъ въ восторгъ. Изъ всѣхъ трещинъ въ красивыхъ утесахъ выгѣзали здѣсь великолѣпныя ползучія и висячія растенія, а два горныхъ потока, ниспадая сверху, разсыпались въ блестящій туманъ мельчайшихъ брызгъ, игравшихъ въ солнечныхъ лучахъ всѣми цвѣтами радуги.

За этимъ ущельемъ пейзажъ утратилъ свою фееричную красоту, хотя все еще оставался очень красивымъ. На этомъ участкѣ рѣка была покрыта плотами, на которыхъ только и можно здѣсь плавать, благодаря безчисленнымъ подводнымъ камнямъ и водворотамъ. Хотя такіе плоты и не могутъ перевернуться и несчастья здѣсь рѣдки, но все-таки каждый разъ, какъ плотъ подходитъ къ водвороту или подводному камню, а они здѣсь на каждомъ шагу преграждаютъ теченіе, и его начинаетъ крутить и встряхивать, невольно приходишь въ нервное состояніе, такъ что я уже былъ радъ, когда мы добрались, наконецъ, до Му-цинъ-кая, и я могъ растянуться въ гостианицѣ на твердой землѣ.

На слѣдующій день, часамъ къ десяти утра, передъ нами вырисовались вдали грубыя очертанія знаменитой священной горы О-ми, а ближе, верстахъ въ трехъ ниже, на лѣвомъ берегу показались стѣны Цзя-тина.

Этотъ городъ расположенъ при слияніи рѣкъ Фу, Туна и Я-хо и, подобно Суй-фу и Чунъ-цину, построенъ на довольно высокой грядѣ краснаго песчаника. Городскія стѣны, сложенныя изъ того же песчаника и обросшія длинными ползучими растеніями, дѣлаютъ его похожимъ на развалины древняго англійскаго замка, а пригородныя тростниковыя домики, окруженныя бамбуковыми и банановыми рощицами, придаютъ еще болѣе красоты этому живописному мѣсту. Самъ по себѣ городъ не очень великъ, но онъ имѣетъ довольно большое значеніе, являясь немаловажнымъ центромъ производства шелка и москательныхъ товаровъ. Какъ мнѣ передавали, шелковое производство пострадало здѣсь въ послѣднее время очень сильно, благодаря учрежденію новыхъ ли-цинъныхъ заставъ въ окрестностяхъ города, такъ что теперь число ткацкихъ станковъ, занятыхъ этимъ производствомъ, уменьшилось, по крайней мѣрѣ, на половину.

Здѣсь я нанялъ ву-банъ, маленькое суденышко (футовъ въ тридцать длину), экипажъ котораго состоялъ изъ трехъ человѣкъ, и поплылъ дальше въ Чунъ-цинъ. Я заплатилъ за все разстояніе, за провозъ и содержаніе (намъ должны были доставлять рисъ, топливо и проч.), 11.000 кешей, причемъ эта плата была еще обусловлена требованіемъ доставить меня не позже трехъ дней къ мѣсту назначенія.

Какъ разъ противъ города, съ восточной его стороны, подымается высокая скала, на которой стоятъ красный буддійскій храмъ. На лицевой сторонѣ этой скалы высѣчены безчисленныя барельефы, изображающіе Будду; одной ея части, имѣющей почти цилиндрическую форму, придано даже грубое подобіе головы. Храмъ именуется Да-фо-сы, т.-е. «большимъ храмомъ Будды».

Мы быстро неслись по вздувшейся рѣкѣ Минъ, минуя многочисленныя правительственныя джонки съ солью и другія суда. Страна по

обоимъ берегамъ казалась очень густо населенной, причеиъ самыми большими и оживленными торговыми пунктами являлись не административные центры, а города и селенія, въ коихъ имѣлись ярмарки. Поля оказывались здѣсь засѣянными уже другими растеніями, чѣмъ тѣ, которыя привыкли мы видѣть въ западной Сы-чуани; такъ, кукуруза совершенно исчезла, а мѣсто ея заняли плантаціи сахарнаго тростника, поля сорго, рисъ и бобы. Еще до солнечнаго заката добрались мы до селенія Чжу-ци, расположеннаго на правомъ берегу рѣки, верстъ 38 не доѣзжая до Суй-фу.

На слѣдующее утро мы миновали этотъ городъ и вошли въ Янъ-цзы-цзянъ или, какъ его здѣсь называютъ, въ Да-гуанъ-хэ. Начиная отсюда до Чунъ-цина, по этой рѣкѣ не разъ уже проѣзжали европейскіе путешественники, и капитанъ Блэкстонъ далъ такое подробное описаніе этой части Сы-чуани, что я не могу прибавить ничего мало-мальски интереснаго къ тому, что уже сказано было до меня. За Суй-фу мы миновали пѣлый рядъ большихъ городовъ, но такъ какъ ни въ одномъ изъ нихъ мы не останавливались, то я и не могъ составить себѣ представленія объ ихъ относительномъ значеніи.

Утромъ 25-го іюля мы остановились, наконецъ, у Тай-пинскихъ воротъ Чунъ-цина, пройдя такимъ образомъ огромное разстояніе въ 675 верстъ менѣе чѣмъ въ двое сутокъ (40 часовъ), пользуясь притомъ исключительно силой теченія рѣкъ Минъ и Янъ-цзы.

Въ Чунъ-цинѣ я встрѣтилъ самый любезный пріемъ со стороны великобританскаго вице-консула мистера Генри Кокбёрна. Въ его хорошей загородной дачѣ я провелъ самыми приятнымъ образомъ десять дней, и если бы вода въ Янъ-цзы продолжала стоять на высокомъ уровнѣ, то я съ наслажденіемъ остался бы у него и дольше. Но, къ счастью для Кокбёрна, вода въ рѣкѣ упала настолько, что я могъ отправиться даѣе, и послѣ обѣда 4-го августа я выѣхалъ въ И-чанъ на такомъ же ву-банѣ, какой доставилъ меня сюда изъ Цзя-тина.

Поѣздка по вздувшейся еще рѣкѣ была въ высшей степени пріятна, а нѣкоторая, небольшая, правда, опасность придавала ей особую прелесть. Большую часть времени мы отдавали наше суденышко въ полное распоряженіе быстрому теченію, такъ что нашими матросамъ приходилось работать только тогда, когда мы подходили къ порогамъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ слѣдовали почти безъ перерыва другъ за другомъ.

По обѣимъ сторонамъ рѣки горы круто подымались вверхъ; повсюду виднѣлись рисовыя поля, сахарныя плантаціи и утопавшія въ зелени садовъ безчисленныя селенія и хутора. Изрѣдка намъ попадалась на встрѣчу тяжело нагруженная джонка, которую тащили вверхъ по теченію сотня, а то и болѣе здоровыхъ бурлаковъ, медленно, шагъ за шагомъ, переступавшихъ по берегу и въ тактъ пѣсни размахивавшихъ руками. Впрочемъ, на рѣкѣ было сравнительно мало движенія, такъ какъ навигація въ это время года для грузовыхъ судовъ сопряжена съ немалой опасностью.

На третій день мы прибыли въ Гуй-чжоу-фу ¹⁾, пограничный городъ Сы-чуани, находящійся приблизительно въ 435 верстахъ отъ Чунъ-цина и, миновавъ этотъ городъ, вступили въ ущелье Ву-шанъ. Рѣка прорыла здѣсь глубокую выемку въ скалахъ, которыя высатся надъ ней болѣе чѣмъ на тысячу футовъ, почти отвѣсной стѣной, произво-

¹⁾ Вѣриѣ—Куй-чжоу-фу.

Прим. Гр.-Гр.

дящей мѣстами такое впечатлѣніе, точно она наклонилась надъ русломъ потока. Въ этомъ самомъ узкомъ мѣстѣ величественной Янгъ-цамъ тропа для пѣшеходовъ выбита въ скалахъ; не будь этого, имѣ, конечно, пришлось бы дѣлать длинный обходъ, да и подвѣять джонки едва ли представилось бы тогда возможнымъ. Нашъ рулевой выказалъ здѣсь поистинѣ поразительное искусство, съ необыкновенной увѣренностью поворачивая наше углое суденышко изъ стороны въ сторону, для того, чтобы обойти стремнины или подводные камни, которые буквально на каждомъ шагѣ высовывали свои острия вершущи изъ грязной, мутной воды. Въ одномъ мѣстѣ мы-таки попали въ водоворотъ, и насъ при этомъ закрутило съ такой быстротой, что у всѣхъ у насъ потемнѣло въ глазахъ. Мы бросились на дно лодки и оставались тамъ безъ движенія до тѣхъ поръ, пока не увидѣли, что насъ вынесло къ краю водоворота. Тогда гребцы съ радостнымъ крикомъ схватили свои весла, налегли на нихъ, и вскорѣ мы были уже внѣ опасности. По счастью, лодка наша коснулась лишь края водоворота, а попади она только въ середину его, намъ, навѣрное, не сдобровать бы. При этомъ я не преминулъ посмѣяться надъ страхомъ моихъ матросовъ. «Я тоже смѣялся,—сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ,—когда это случилось со мной въ первый разъ; но теперь, послѣ того, какъ я уже много лѣтъ работаю на рѣкѣ, я лучше вижу опасность и обыкновенно не безъ страха берусь за проводы судна черезъ ущелье Ву-шень, да и то потому только, что это мой единственный заработокъ».

Несмотря на страшную стремительность рѣки, мы, какъ я выше замѣтилъ, повстрѣчались здѣсь съ джонками, которыя тяжело тащились противъ теченія, побѣждая, казалось, непреодолимыя трудности. Бурлаки то напрягали всѣ свои силы, то, наоборотъ, почти переставали тянуть, смотря по тому, быстро или медленно билъ въ барабанъ сидѣвшій на носу судна китаецъ. Каждую минуту другой китаецъ, специально для сего и назначенный или прыгалъ въ рѣку, или взбирался на крутую скалу, чтобы высвободить запутавшуюся бичеву. Такимъ-то образомъ джонки совершали свой долгій и утомительный путь вверхъ по рѣкѣ, проходя разстояніе отъ И-чана до Чунъ-цина въ мѣсяцъ, а то и того болѣе. У каждой стремнины расположена здѣсь спасательная станція такъ называемыхъ «красныхъ лодокъ», содержащая на частныя средства. Число услугъ, которыя онѣ оказываютъ проѣзжающимъ, и число жизней, которыя онѣ ежегодно спасаютъ, по отзывамъ мѣстныхъ жителей, не поддается подсчету. Такимъ-то образомъ мы быстро неслись внизъ по теченію, останавливаясь только на ночь въ какой-нибудь попутной деревушкѣ или городкѣ для того, чтобы запастьсь провизіей, а также немного и отдохнуть. Въ ущельѣ (мы проѣхали много маленькихъ и пять большихъ ущелій) всегда развѣтывались особенно красивые ландшафты. Иногда на рѣку выходила боковая долинка, и тогда предъ нами открывалась въ видѣ панорамы новая картина; далеко въ даль уходилъ длинный рядъ холмовъ, поросшихъ до-верху соснами, а у ихъ подножій повсюду, гдѣ только имѣлся кусочекъ ровной поверхности, стояли селенія, почти совсѣмъ спрятанныя въ густой зелени садовъ. Нерѣдко попадались намъ и такія селенія, которыя лѣпились по крутому склону утесовъ, нависшихъ надъ самой рѣкой. Приходилось также видѣть намъ и барки разбившіяся о камни, а также выброшенныя на берегъ, экипажъ коихъ возился вокругъ нихъ, занятый разгрузкой товара или починкой разбитаго корпуса. Наконецъ, на пятыя сутки я прибылъ въ И-чанъ-

Хотя въ пути я и пробылъ 96 часовъ, но изъ этого времени на плаваніе собственно ушло не болѣе 57 часовъ, въ теченіе коихъ и было пройдено около 625 верстъ, такъ что въ среднемъ мы плыли съ быстротой, равнявшейся 11 верстамъ въ часъ, быстрота слишкомъ значительная для того, чтобы когда-нибудь могъ съ ней справиться небольшой пароходъ. Въ И-чанѣ, куда я прибылъ 8-го августа, собственно и закончилось мое путешествіе по Китаю, такъ какъ отсюда я уже ѣхалъ въ обществѣ европейцевъ. Въ И-чанѣ я задержался на недѣлю, послѣ чего выѣхалъ въ Ханькоу. А еще черезъ нѣсколько дней я уже снова очутился въ Шанхаѣ, среди моихъ старыхъ друзей, въ обществѣ коихъ скоро забылось все непріятное, что мнѣ пришлось пережить въ этомъ путешествіи, и только осталось, и кажется навсегда, въ памяти воспоминаніе о дзамбѣ, о чаѣ съ масломъ и солью и другихъ прелестяхъ, которыми я наслаждался въ «странѣ ламъ».

К О Н Е Ц Ъ .

— Да, да... но все-таки можно бы иногда и уступить... впрочемъ, не въ этомъ дѣло.

— Въ чемъ же?

— Пока вы фактически не возьмете администраціи въ свои руки, прошу васъ, Карлъ, не затрагивать щекотливыхъ вопросовъ, избѣгайте ихъ... Займитесь пока технической, торговой стороною дѣла; вы доставите мнѣ и Эльзѣ большой удовольствіе и мы избѣжимъ постоянныхъ споровъ. Ну, согласны?

— Если это пріятно вамъ и фрейлейнъ Эльзѣ,—отвѣчалъ тотъ медленно, съ удареніемъ, пожимая протянутую ему руку,—то я согласенъ ограничиться этимъ до принятія въ свои руки администраціи.

Уловивъ въ произнесенныхъ словахъ какой-то отбѣнокъ торжественности, совѣтникъ съ удивленіемъ взглянулъ на собесѣдника.

— Я зашелъ къ вамъ,—продолжалъ смущаясь панъ Новакъ,—не по дѣлу завода, а...—онъ поколебался и замолчалъ, явно подыскивая выраженія.

— Ну, ну,—ободрялъ его добродушно совѣтникъ.

— Я прошу у васъ руки вашей дочери, которую люблю, если... если, конечно, ничего не имѣете противъ меня,—онъ окончательно смутился и поблѣднѣлъ.

Совѣтникъ улыбнулся съ довольнымъ видомъ, крѣпко пожалъ его руку и отвѣчалъ, глядя ему пронизательно въ глаза:

— Противъ васъ, Карлъ, я ничего не имѣю и не могу имѣть, тѣмъ болѣе, что я самъ васъ воспиталъ; вашъ возрастъ и состояніе вполне соответствуютъ, но этого еще мало, не я же буду вашей женой, а Эльза,—онъ разсмѣялся, нажалъ пуговку звонка и приказалъ явившемуся лакею:—попроси сюда фрейлейнъ Эльзу.

— Разъ вы, г-нъ совѣтникъ, согласны, то я не сомнѣваюсь, что фрейлейнъ Эльза послѣдуетъ совѣту отца.

— Гмъ... не знаю... посмотримъ... на всякій случай я ставлю условіемъ, что брачный договоръ напишемъ послѣ... Она, вы знаете, единственная дочь у меня и послѣ моей смерти наследуетъ все мое имущество, но я противъ прижизненнаго

раздѣла и предоставляю себѣ пожизненное владѣніе.

— Я охотно соглашусь, я ищу не приданого, а жену.

— Конечно, конечно, пока это такъ говорится... но послѣ свадьбы, проходитъ медовое время, и человѣкъ начинаетъ заглядывать и впередъ и назадъ... тѣмъ лучше, если тогда все обрѣтается въ надлежащемъ порядкѣ.

— Вы совершенно правы: вѣрный счетъ создаетъ вѣрныхъ друзей, честность и правда не боятся солнца.

Появилась фрейлейнъ Эльза, догадывавшаяся о причинѣ приглашенія. Взволнованная, заалѣвшаяся, она старалась притвориться ничего не подозревающей.

— Дитя мое, садись на кушетку.... Карлъ только что просилъ у меня твоей руки, я согласился, но предоставилъ окончательное рѣшеніе тебѣ.

— Я поступлю согласно просьбѣ г-на Карла и вашему желанію, папа, но... говорилъ ли онъ вамъ о моемъ условіи?

— Какимъ?—спросилъ отецъ, переводя взглядъ то на одного, то на другую.

— Онъ долженъ постараться попасть въ депутаты рейхстага.

— Я обязался на столько, на сколько буду въ состояніи,—объяснилъ панъ Новакъ.

— Разумѣется, но все зависить въ сущности отъ васъ, отъ вашей настойчивости и умѣнья приноровиться къ требованіямъ большинства.

— Я понимаю.

— И хорошо сдѣлаете, если будете держать себя подальше отъ рабочихъ; депутатъ долженъ соблюдать нейтралитетъ.

— Въ этомъ обѣщаніи вашемъ, г-нъ Карлъ,—сказала она глядя на него съ выраженіемъ признательности,—я вижу доказательство вашего искренняго желанія выполнить поставленныя мною условія.

— Итакъ, вы согласны на мое предложеніе?..

— Ну, Эльза,—проговорилъ отецъ,—не будь капризной... Скажи, Эльза, ясно, можетъ ли Карлъ рассчитывать на твое согласіе?

— Можеть, — прошептала она тихо, покрасѣвши.

Панъ Новакъ просіялъ и съ увлеченіемъ поцѣловалъ ея бѣлую ручку.

— Я счастливъ, дѣти мои, вашимъ счастьемъ, — говорилъ растроганный отецъ, — уполномочиваю васъ, Карлъ, поцѣловать свою невѣсту.

— О, нѣтъ! — воскликнула она отстраняясь. — Я терпѣть не могу официальныхъ поцѣлуевъ.

— Ого! Какіе же ты любишь? — смѣялся отецъ.

— Поцѣлуй долженъ являться символомъ единенія нашихъ душъ.

Подъ окнами послышался стукъ подъѣзжающаго экипажа, совѣтникъ выглянулъ въ окно и обрадовался:

— Какъ разъ во время ѣдетъ Бергеръ, превосходно, закажемъ маленькую пирушку!

— Папа, я не желаю официальной помолвки, — заявила Эльза нахмурившись.

— Зачѣмъ эта тайна?

— Я не желаю профанировать свои чувства.

— Ахъ, ты все съ своей повѣей!.. Ну, ладно, ладно, но ему я все-таки свяжу. ему одному, это мой лучший другъ.

— Но только ему!

— Разумѣется.

Въ передней послышались шаги и голосъ гостя.

— Ты, Эльза, какъ хозяйка дома, займись угощеніемъ, а я выберу вина.

Она вышла изъ кабинета черезъ боковую дверь, въ то самое время, какъ туда входилъ г-нъ Бергеръ, администраторъ угольныхъ копей, пятидесятилѣтній вдовецъ, съ коротко остриженной бородой съ просѣдью.

Поздоровались. Г-нъ Бергеръ усѣлся и закурилъ поданную ему сигару; сначала они говорили о дѣлахъ, такъ какъ совѣтникъ бралъ у него потребный ему уголь, а тотъ нужны ему жегѣзо и сталь изъ завода своего друга. Покончивъ съ финансовыми дѣлами, г-нъ Бергеръ спросилъ:

— Знаете ли, господа, о чемъ ведется теперь агитация въ нашемъ уѣздѣ.

— Я не слыхалъ.

— Я случайно узналъ (они это держатъ въ секретѣ), что сilesцы желаютъ подать архіепископу петицію, чтобы ихъ дѣти учились закону Божию на сilesскомъ языкѣ.

— Они съ ума сошли, что ли? — воскликнулъ возмущенный совѣтникъ. — Они опять нытаются провести въ школу свой языкъ!.. Кто же это ихъ подбиваетъ?

— Гмъ... Кто?.. Вѣроятно, ихъ дурацкія газеты. Знаешь ли, Отто, они теперь собираются, совѣщаются и подписываютъ...

— Это, конечно, пустяки; никакого толку изъ ихъ петиція не выйдетъ, архіепископъ ее положитъ подъ сукно и баста!

— И я такъ думаю, такъ какъ это совершенно противорѣчило бы волѣ императора Вильгельма. Оба взглянули на гостя вопросительно.

— Вы читали, конечно, императорскій рескриптъ о воспитаніи молодежи?

— Я читалъ, — отвѣтилъ панъ Новакъ.

— Я видно проглядѣлъ, — сконфузился совѣтникъ, — у меня столько въ головѣ.

— Императоръ Вильгельмъ требуетъ, чтобы въ основаніе школьной науки во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ былъ положенъ нашъ родной языкъ, а не латинскій или греческій.

— Весьма разумно.

— Онъ смѣется надъ учителями, которые выбиваются изъ силъ, чтобы у ихъ учениковъ были отличные баллы по латинскимъ экстемпоралиямъ, и удовлетворяются средними отиѣтками за нѣмецкія сочиненія.

— Это очень важно, жаль, что я проглядѣлъ эту статью въ газетахъ.

— Говорю тебѣ, Отто — воодушевлялся г-нъ Бергеръ, — что это положительно гениальные взгляды и идеи!

— Въ сожалѣнію, не всѣ, — произнесъ панъ Новакъ. Г-нъ Бергеръ смѣрилъ его насмѣшливымъ взглядомъ:

— Что же не понравилось г-ну Новаку?

— Два послѣднихъ требованія относительно школы въ императорскомъ рескриптѣ.

— А именно? — допрашивал иронически г-нъ Бергеръ.

— Первое, что школа должна прежде всего воспитывать солдатъ, и второе, что всѣ учебныя заведенія должны быть организованы на манеръ военныхъ училищъ. Такіе взгляды, по мнѣ, совершенно ложны.

— Ну, ну, Карлъ, осторожнѣй со словами, когда рѣчь идетъ объ императорѣ, — предупредилъ его совѣтникъ.

— Я вижу, молодой человѣкъ, что вы очень любите критиковать, — началъ съ ѣдкой ироніей г-нъ Бергеръ, покручивая бороду, — но на этотъ разъ совершенно неосновательно; солдатъ всегда и вездѣ найдетъ себѣ дѣло, а этого именно желаетъ отъ воспитанія императоръ.

— Да, если онъ во-время получить инструкцію и приказаніе отъ офицера, — разсмѣялся тотъ, — но не на всякомъ мѣстѣ можетъ найтись подъ рукою офицеръ, да и тотъ не всегда пойметъ, въ чемъ дѣло.

— Но чего вы хотите? — спросилъ съ раздраженіемъ г-нъ Бергеръ.

— Самостоятельности молодежи.

— Вы, г-нъ Новакъ, не можете пенять на отсутствие самостоятельности.

— Дѣло вовсе не во мнѣ, а въ характерѣ воспитанія вообще. Мнѣ кажется, его главная задача должна состоять въ томъ, чтобы выработать способныхъ къ всесторонней самостоятельности людей; солдатское же воспитаніе можетъ только дѣлать изъ человѣка послушную машину, не способную къ самостоятельному мышленію, излѣдованію и дѣятельности.

— Прекратимъ лучше этотъ споръ, — вмѣшался совѣтникъ — хорошо еще, Карлъ, что ваши критическія замѣчанія слышалъ только, помимо меня, мой другъ, который, конечно, объ этомъ никому не скажетъ.

— Если ты этого просишь, то, разумѣется, я никому не скажусь, — сказалъ г-нъ Бергеръ, пожимая протянутую ему руку.

Панъ Новакъ съ изумленіемъ взглянулъ на обоихъ и пожалъ плечами.

— Искренне совѣтую вамъ, Карлъ, быть болѣе осторожнымъ въ выраже-

ніяхъ, когда говорите о высокихъ и высокопоставленныхъ особахъ.

— Излишняя тревога, — проворчалъ тотъ.

— Совѣтникъ правъ, — подтвердилъ г-нъ Бергеръ, бросая докурившую сигару.

— Такъ какъ этимъ вы возстановите противъ себя сильныхъ міра сего, — дополнилъ совѣтникъ свою прежнюю мысль, — и не достигнете цѣли, о которой говорила только что Эльза.

Г-нъ Бергеръ перевелъ взглядъ съ одного на другого, улыбнулся, подмигнулъ и шутливо спросилъ:

— Вотъ какъ! Вы уже отравенничаєте съ фрейлейнъ Эльзой!

— Я не разъ бесѣдовалъ съ ней, — отвѣтилъ спокойно панъ Новакъ.

Ливрейный лакей доложилъ:

— Чай поданъ.

Всѣ перешли въ столовую, освѣщенную электрической люстрой.

На продолговатомъ столѣ красовался букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, роскошный фарфоровый сервизъ отражалъ лучи электрическаго свѣта, ярко блестѣли хрустальныя вазы, серебряныя приборы.

Высокій съ изящной рѣзьбой буфетъ, мягкіе кожаные стулья, кипящій на мраморномъ столикѣ самоваръ, идилическія картины въ золоченыхъ рамкахъ довершали обстановку залы.

Каждый уголокъ этой комнаты, каждая малѣйшая подробность ея убранства свидѣтельствовали о сравнительно недавно разросшемся богатствѣ промышленника, который, явно подражая видѣннымъ образцамъ у другихъ, старался привить у себя роскошь обстановки; не смотря, однако, на такое отсутствіе индивидуальности и традиціи, столовая производила впечатлѣніе до нѣкоторой степени изящества и спокойствія.

Усадивъ гостей, совѣтникъ подозвалъ лакея и шепнулъ ему относительно вина.

За обѣдомъ разговоръ возобновился.

— Знаешь, Отто, послѣднюю новость? — спросилъ г-нъ Бергеръ.

— Какую?

— Она должна интересоваться и дамъ... Старшая фрейлейнъ Мальстегъ выходитъ замужъ.

*

— Какъ, Эмилія?—изумилась фрейлейнъ Эльза.

— Да, именно она.

— Бому же она отдаетъ свою прекраснѣйшую руку?—спросилъ насмѣшливо совѣтникъ.

— Ну, кто можетъ жениться на красивой съ большимъ приданымъ барышнѣ? Ясное дѣло, что какой-нибудь г-нъ фонъ-Габеннигтъ.

— О, вы слишкомъ язвительны,— улыбнулась фрейлейнъ Эльза.

— Кто онъ все-таки?

— Кирасирскій офицеръ, промоталъ все свое состояніе, а теперь ему суждено ошастливить дочку фабриканта.

— И Мальстегъ согласился?

— Да тамъ, какъ передаютъ, всё внѣ себя отъ радости и страшно гордятся гербомъ будущаго зятя.

— Странно, вѣдь онъ очень разсудителенъ.

— Да, въ дѣлахъ онъ таковъ, но вообще его всегда тянуло къ дворянамъ и графамъ. Да, да, мой Отто, мы трудимся, копили, созидаемъ богатства, а придетъ какой-нибудь офицерикъ, не знающій, что съ собой дѣлать, ни къ чему, кромѣ кутежей, неспособный и пойдетъ прахомъ нашъ трудъ, наши деньги.

— Не всё дворяне таковы,— возмутилась фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ.

— Я имѣю въ виду не тѣхъ дворянъ, которые трудятся, но гулякъ и мотовъ, а таковыми главнымъ, образомъ, являются кавалерійскіе офицеры.

— Да, да, полковая жизнь дорого, слишкомъ дорого стоятъ, состоянія у нихъ поразительно быстро таютъ.

— Лошади и азартная игра...—всталъ панъ Новакъ.

— Я, однако, люблю кавалерійскихъ офицеровъ,— сказала не смущаясь фрейлейнъ Эльза,— они мнѣ напоминаютъ средневѣковыхъ рыцарей, а потому я не удивляюсь, что Эмилія сдѣлала такой выборъ.

— Вамъ, можетъ быть, покажется удивительнымъ, если узнаете, что женихъ фрейлейнъ Мальстегъ былъ раньше кирасирскимъ офицеромъ, а теперь онъ въ отставкѣ.

— Что же онъ будетъ дѣлать?— удивился совѣтникъ.

— Небось, занятіе какое-нибудь найдетъ себѣ, на то онъ солдатъ,— не безъ ехидства отозвался панъ Новакъ.

— А развѣ не такъ?— засмѣялся г-нъ Бергеръ.— Кму достается большое приданое, такъ какъ фрейлейнъ некрасива и безъ герба, отецъ имъ купить имѣніе, и они заживутъ себѣ припеваючи. Вы думаете, что Мальстегъ сталъ бы выдавать за него свою дочь, если бы онъ не былъ офицеромъ.

— Прибавьте офицеромъ и дворянствомъ, но вѣдь не всякій солдатъ встрѣтитъ богатую фрейлейнъ Мальстегъ.

— Не издѣвайтесь надъ фрейлейнъ Мальстегъ, г-нъ Карлъ!—произнесла съ угрозой въ голосѣ фрейлейнъ Эльза.

— Вы должны постараться отучить его отъ этой критики всего и всѣхъ,— улыбнулся г-нъ Бергеръ.

— Бросьте спорить,— вмѣшался совѣтникъ,— ты давно видѣлъ Фрейдорфа?

— Я встрѣтилъ его на станціи въ Гливицахъ, онъ поѣхалъ въ Берлинъ.

Разговоръ переходилъ съ одного знакомаго на другого. Наконецъ, когда бокалы были наполнены шампанскимъ, совѣтникъ поднялся и началъ:

— Одной изъ самыхъ тяжелыхъ заботъ родителей является, безъ сомнѣнія, будущность ихъ дѣтей. Ты, мой другъ, какъ отецъ, отлично поймешь меня, когда я напомию, сколько приходится отцу испытать тревоженій сколько провести безсонныхъ ночей, прежде чѣмъ ему удастся обезпечить судьбу дѣтей, особенно дочери. Изъ ухаживателей одинъ глупъ, другой кутила, третій...

— Какъ этотъ офицеръ Мальстеговъ,— улыбнулся г-нъ Бергеръ.

— Подходящаго приходится искать со свѣчей, и какъ часто не находишь!— онъ улыбнулся зарумянившейся дочери, кивнулъ ей головой и продолжалъ:— тебѣ, какъ самому лучшему другу своему, я сообщу сейчасъ радостную для меня новость, только подъ условіемъ соблюдать до извѣстнаго времени тайну: моя дочь выходитъ замужъ за Карла Новака; передъ тобой сидятъ чета помолвленныхъ.

Да благословить васъ Богъ, дѣти мои! Пью за ваше здоровье и счастье!

Фрейлейнъ Элиза и панъ Новакъ обняли старика и приняли поздравленія отъ фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ и г-на Бергера. Когда всѣ снова усѣлись и новое вино было налито въ бокалы, г-нъ Бергеръ поднялся и покручивая сѣдоватую бороду, началъ задушевнымъ дружескимъ тономъ:

— Я вполнѣ раздѣляю твои чувства, Отто, я не меньше тебя опасался бы довѣрить первому попавшемуся такой кладъ, какъ твоя дочь. Позвольте ужъ, фрейлейнъ, сказать мнѣ старику, что вы прекрасны и неотразимы, и будь я помоложе, я влюбился бы самъ въ васъ по уши, но, къ сожалѣнью, возрастъ беретъ свое, и я долженъ славословить передъ боже молодымъ.

Взрывъ смѣха и веселыхъ восклицаній послужилъ наградою оратору.

— Въ тому же большое приданое манитъ много людей, и не одинъ кавалерійскій офицеръ мечтаетъ о васъ, но теперь ужъ напрасно точать свои зубы на такой лакомый кусокъ, они ничего не получаютъ... Вы составляете вмѣстѣ прекрасную парочку. Вы, фрейлейнъ, золотисто-кудрявы, онъ,—брюнетъ; вы прекрасны, какъ греза; онъ—высокобразованный молодой человѣкъ съ твердымъ характеромъ, къ тому же еще специалистъ. У васъ всѣ шансы быть счастливыми; жота я уже сѣлъ, но я не видѣлъ ни одной пары, которая вступала бы въ жизнь столь глубоко одаренною, какъ вы оба. Вы должны быть счастливы и будете. Не забывайте въ упоеніи счастья и любви о вашемъ старомъ, вѣрномъ другѣ! Ура! Да здравствуетъ юная чета!

Послѣдовали новыя поздравленія, новыя выраженія благодарности, затѣмъ всѣ снова усѣлись и принялись за истребленіе роскошныхъ фруктовъ.

Во время наступившаго молчанія изъ передней, сквозь полуотворенную дверь, дослышался рѣзкій, повелительный окрикъ лакея:

— Теперь нельзя!... Постѣ!... Уйдите!...

Чей-то незнакомый голосъ покорно возражалъ:

— Я ужъ такъ долго жду, будьте добры, доложите!

— Иоаннъ, кто тамъ?—спросилъ совѣтникъ лакея, входившаго въ столовую.

— Какой-то человѣкъ пришелъ съ письмомъ къ г-ну Новаку.

— Возьми у него и принеси!

— Онъ говоритъ, что самъ долженъ вручить.

— Кто онъ такой?

— Не здѣшній, изъ окрестностей.

— Позвольте, фрейлейнъ, мнѣ подняться и взять письмо?—спросилъ панъ Новакъ.

— Идите, но возвращайтесь скорѣе,— отвѣтила та шопотомъ.

— Вы не догадываетесь, Карлъ, кто бы могъ писать вамъ?—спросилъ его совѣтникъ.

— Не знаю.

За стеклянной дверью въ переднюю виднѣлась фигурка низкаго, сгорбленнаго человѣка. Панъ Новакъ открылъ дверь, говоря:

— Пойдите сюда... ближе.

Вошелъ старый крестьянинъ.

— Не вы ли будете панъ Новакъ?

— Да, это я.

— Да будетъ прославлено имя Иисуса Христа!

— На вѣки вѣковъ,—отвѣтилъ тотъ по-силезски,—что вамъ угодно?

— Меня послали къ вамъ съ письмомъ.

— Съ письмомъ? Отъ кого? Откуда вы?

Крестьянинъ не торопясь вынулъ изъ кармана тщательно завернутое письмо.

— Я самъ живу за Гливицами, теперь возвращаюсь изъ святыхъ мѣстъ,—отвѣчалъ тотъ, подавая письмо,—я зашелъ сюда нарочно, чтобы передать письмо, такъ какъ я возвращаюсь домой.

Панъ Новакъ узналъ почеркъ отца и поблѣднѣлъ:

— Откуда?

— Изъ Ченстохова.

ГЛАВА XV.

Онъ держалъ въ рукахъ письмо въ сѣромъ, грязномъ конвертѣ и не могъ оторвать глазъ отъ неровныхъ буквъ адреса. Какая-то необъяснимая тревога,

предчувствіе недобраго овладѣли имъ, чувство спокойствія и душевнаго равновѣсія исчезли, гнетущая тяжесть опустилась на его сердце и съ каждой минутой давила все больше и больше.

Онъ забылъ о посланцѣ, который, пробормотавъ прощальное привѣтствіе, торопливо ушелъ; онъ машинально глядѣлъ на это письмо, точно желая прочесть сквозь конвертъ написанныя строки.

Изъ столовой доносились къ нему сквозь полуприотворенную дверь веселый говоръ, смѣхъ, звонъ рюмокъ; долетали отдѣльныя слова. Онъ подошелъ было къ лампѣ, но рука, готовая уже разорвать конвертъ, дрогнула. Онъ взглянулъ на шмыгавшую взадъ и впередъ по передней прислугу и направился въ кабинетъ совѣтника. Онъ сѣлъ у письменнаго стола и долго разсматривалъ конвертъ. При яркомъ свѣтѣ лампы онъ показался ему еще болѣе сѣрымъ, помятымъ, грязнымъ, а неровныя буквы адреса, написаннаго водянистыми блѣдными чернилами, словно говорили о страданіи, горѣ, нищетѣ. Карлъ взялъ красивый серебряный ножъ, осторожно разрѣзалъ край конверта и медленно, словно вытаскивая непосильную тяжесть, высвободилъ листы почтовой бумаги. Съ сильно бьющимся сердцемъ онъ прочелъ:

«Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ!

Милѣйшій сынъ мой!

«Не довѣряя почтѣ, пишу тебѣ черезъ нарочнаго паломника, котораго я попросилъ вручить тебѣ это письмо. Чувствую я, что ужъ недолго мнѣ жить и что скоро предстану предъ Всевышнимъ Судьей. Однако, я не умру спокойно, пока не увижу тебя сынъ мой, ибо грѣхи мои велики, и самая тяжкая эпитимія будетъ мнѣ легче, чѣмъ тяжесть, гнетущая мою душу. Прїѣзжай въ Ченстохово, на Ясную Гору, гдѣ предъ Ликомъ Чудотворной Иконы я предаюсь покаянiю за грѣхи.

«Жду тебя, сынъ мой, спѣша, дни мои сочтены; поручаю тебя Богу и Пресвятой Дѣвѣ Маріи Ченстоховской. По прїѣздѣ сюда, спроси костельнаго служку

Яна Новака».

Онъ разглядилъ пальцами скомканный листокъ бумаги и всматривался въ сло-

ва, писанныя съ усиленіемъ, дрожащей рукой; вѣяло отъ нихъ тоской, болью, печалью, угрызениями совѣсти; чувствовался за ними какой то тайный тяжкій проступокъ, можетъ быть преступленіе. Дрожь пробѣжала по его тѣлу при этой мысли, онъ пришелъ въ ужасъ, что въ душу его могло закрасться такое предположеніе и онъ мысленно горячо просилъ прощенія у отца за подобное подозрѣніе. Его отецъ, котораго онъ такъ искренне, глубоко любилъ, который, въ свою очередь, платилъ ему безграничной любовью, уважаемый, цѣнимый всѣми, не могъ сдѣлать ничего такого, что боялось бы истины и глазъ людскихъ.

Онъ снова перечелъ письмо и почувствовалъ, какъ сразу поблѣднѣли и показались микроскопическими, ничтожными его радости и удовольствія, жалкими и мелкими его тревоги и горести передъ силой смертельной тоски, печали и отчаянія его отца, кающагося въ одеждѣ костельнаго служки за мнимые грѣхи, продиктованныя чуткой до болѣзненности взыскательной совѣстью и чрезмѣрной религіозной щепетильностью.

Онъ вскочилъ, подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на темную, осеннюю ночь. И показалось ему, что изъ обширной равнины, усѣянной красными трубами копей и фабрикъ, сквозь туманъ и дымъ плыветъ къ нему мрачное, черное чудовище—Злосчастье, лѣнливо, медленно помахиывая крыльями нетопыря, скаля сквозь разверстыя челюсти бѣлые, острые зубы и гипнотизируя его ѣдкимъ, торжествующимъ взглядомъ. Вотъ, вотъ оно приближается, увлекая за собой цѣлый рой призраковъ: мрачное Отчаянье, блѣдный Ужасъ и окровавленное Страданье. Черная туча все гуще и мрачнѣе охватываетъ его, закрываетъ ему весь міръ, залипаютъ ему глаза, пробирается въ мозгъ, въ сердце, перепалзываетъ по немъ, словно черви по трупу, слышатся онъ стоны, рыданія, плачь... Онъ очнулся, призраки исчезли, лишь шумѣлъ осенній вѣтеръ, сбрасывая съ шестомъ увядшіе листья съ деревьевъ.

Новый образъ съ поразительной отчетливостью выступилъ передъ его глазами: лицо возлюбленнаго отца, его милый,

кроткій взглядъ, его добрая полная любви улыбка. И вотъ теперь лежитъ онъ больной, терзаемый безпокойствомъ, болѣзнию и тоской по сынѣ, одинъ безъ присмотра, безъ помощи, полный угрызений совѣсти, съ душевной болью, съ тревогой передъ смертью и загробной жизнью.

Невыразимая жалость охватила его, рыданія подступали къ горлу, слезы жгли его глаза. Ему хотѣлось бы превратиться въ птицу, чтобы сегодня же, сейчасъ же полетѣть къ этому покинутому всѣми, терзаемому болѣзною старикомъ. Онъ вернулся къ письменному столу, снова взглянулъ на письмо и показалось ему, что это слезы измѣнили черныи цвѣтъ чернилъ въ блѣдный, что сквозь строки и слова смотреть на него выплывшїе отъ слезъ, печальные, грустные глаза его отца.

Вошелъ лакей.

— Васъ просить г-нъ совѣтникъ.

Онъ тщательно сложилъ письмо и спряталъ въ боковой карманъ.

Ему крайне не хотѣлось вернуться теперь въ такомъ настроенїи къ веселому обществу, расположившемуся въ столовой; но въ виду особенности сегодняшняго торжества онъ, долженъ былъ возвратиться туда. Онъ постарался, на сколько могъ, принять прежнїи непринужденный, жизнерадостный видъ, хотя онъ не могъ ни на минуту отрѣшиться отъ тревоги за жизнь отца.

— Мы ожидали васъ, — замѣтилъ ему совѣтникъ съ легкимъ упрекомъ.

— Извините, ради Бога; я былъ занятъ.

Онъ усѣлся рядомъ съ своей невѣстой, личико которой было надуто и нахмурено. Комната, которая еще недавно казалась ему уютной, изящной, прїятной, теперь поражала его бьющимъ въ глаза богатствомъ, притязательнымъ лоскомъ, кричащей роскошью: въ его душѣ еще мелькала картина вѣщенской комнатки отца, костельнаго служки, тяжелые вериги, отсутствїе какихъ бы то ни было удобствъ и попеченїя. Вотъ въ какой обстановкѣ кончается дни свои блѣдный старикъ, а онъ, сынъ его, утопаетъ здѣсь въ роскоши на средства, добытыя трудами и старанїями отца.

Его лицо такъ ясно отражало обуревавшїа его горькіа мысли и образы, что фрейлейнъ Эльза забыла досаду и среди шума общаго разговора сказала въ полголоса:

— Я хотѣла было сердиться на васъ, но замѣтила въ васъ рѣзкую переимѣну; вы самъ не свой. Не причиной ли тому письмо?

— Да, фрейлейнъ.

— Вы получили непрїятное извѣстїе?

— Печальное, ужасное. — отвѣтилъ онъ дрожащимъ противъ желанїа голосомъ.

— Можно мнѣ знать отъ кого это письмо?

— Отъ отца.

— Письмо отъ отца?! — воскликнула она громко.

Всѣ остолбенѣли отъ изумленїа и не могли проговорить ни слова. Первымъ очнулся г-нъ Рейнеръ.

— Отецъ вашъ прїѣзжаетъ?

— Нѣтъ, онъ боленъ.

— Гдѣ?

— Въ Ченстоховѣ.

Совѣтникъ и г-нъ Бергеръ переглянулись, первый снисходительно улыбнулся, услышавъ названїе мѣстности, извѣстной обильнымъ стеченїемъ паломниковъ.

— Не печальтесь, Карлъ, отецъ вашъ выздоровѣетъ, это крѣпкій человекъ, — утѣшалъ совѣтникъ.

— Такъ выпьемъ же за здоровье и скорое возвращенїе къ намъ стараго г-на Новака, — воскликнулъ г-нъ Бергеръ, желая развеселить общество.

Но слова эти не нашили отклика въ присутствующихъ. На всѣхъ нахлынула волна тревоги и мрачнаго предчувствїа, лица стали серьезны и задумчивы. Наступило довольно продолжительное молчанїе. Прервалъ его опять совѣтникъ.

— Когда же вы побѣдете, Карлъ?

— Я бы и сегодня поѣхалъ, если бы могъ получить паспортъ; придется отложить на-завтра.

Опять водворилось молчанїе.

И эта комната, и все общество становились пану Новаку съ каждой минутой все болѣе непрїятными.

Впечатлительный и любящїи сынъ

чувствовалъ, что тутъ въ сущности никто не сочувствуетъ его горю и опасеніямъ, что всё ему чужды, равнодушны, холодны, не исключая даже фрейлейнъ Эльзы, такъ какъ съ ними не связываетъ его болѣе глубокая симпатія, а лишь обыкновенная дружба и дѣловыя отношенія; для его отца, они не находятъ ничего другого, кромѣ стереотипныхъ фразъ и вздоховъ соболѣзнованія.

Дальнѣйшее пребываніе здѣсь причинило ему прямо физическую боль. Онъ рѣшительно всталъ и обратился къ фрейлейнъ Эльзѣ:

— Простите, фрейлейнъ, что я удаюсь къ себѣ, я долженъ приготовиться къ завтрашнему путешествію.

Она почувствовала въ его взглядѣ и словахъ извѣстнаго рода равнодушіе, почти нерасположеніе, взглянула на стѣнные часы и сказала съ легкой язвительностью:

— Времени для приготовленія къ путешествію у васъ, положимъ, болѣе чѣмъ достаточно, но я не стану васъ задерживать, такъ какъ одиночество успокаиваетъ тревоги и приводитъ человѣка къ душевному равновѣсію.

— И мнѣ пора, — поднялся г-нъ Бергеръ.

— Пока подадутъ лошадей, зайдѣ ко мнѣ въ кабинетъ выкурить сигару, — предложилъ совѣтникъ.

— Съ удовольствіемъ, — онъ подошелъ къ дамамъ и галантно прощаясь съ фрейлейнъ Эльзой, промолвилъ наставительно: — снисходительность и терпѣніе — достоинства женщины.

Она взглянула на стоявшаго рядомъ пана Новака и сказала по его адресу:

— Прежде, но не теперь...

Глава XVI.

Не смотря на то, что панъ Новакъ ѣхалъ въ Ченстохово курьерскимъ, ему казалось, что никогда еще поѣздъ не двигался такъ медленно. Опасеніе не заставъ отца въ живыхъ доводило его нетерпѣніе до величайшихъ предѣловъ. Минуты казались ему часами, часы тянулись безконечно. Онъ не могъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, безпрерывно всаки-

валъ, ходилъ по вагону или глядѣлъ въ окошко. Ночь была темна, луна еще не взошла, глазу нечѣмъ было развлечься; онъ снова усѣлся на свое мѣсто, и изъ устъ его то и дѣло вырывались неслестныя замѣчанія по адресу машиниста и желѣзнодорожнаго управленія за медленность ѣзды.

— Эхъ, молодость, молодость! — съ добродушно-укоризненнымъ видомъ замѣтилъ сѣдовласый сосѣдъ его, который давно уже молча наблюдалъ за паномъ Новакомъ — Ишь какъ вы ерзаете отъ нетерпѣнія, а чего, спрашивается? Рано или поздно мы всё достигнемъ цѣли путешествія.

— Какой цѣли? — отозвался тотъ не совсемъ вѣжливымъ тономъ.

— Самой вѣрной и достигимой: страданія и смерти, — улыбнулся печально спутникъ.

Панъ Новакъ взглянулъ на него съ удивленіемъ и съ невольнымъ ощущеніемъ суевѣрнаго страха, но тотъ глядѣлъ на него серьезно; впалые глаза его были грустны, лицо носило явные отпечатки горя.

— Вашъ pessimismъ, быть можетъ, подходитъ къ настоящему случаю, но разумѣется, какъ исключеніе, — проговорилъ задумчиво панъ Новакъ.

— Да, да, исключеніе... эта вѣра въ исключенія и даетъ намъ жить, радоваться, наслаждаться...

— По вашему, выходитъ, что человѣкъ всегда несчастливъ?

Спутникъ бросилъ на него внимательный взглядъ и подумавъ, отвѣтилъ:

— Человѣкъ лишь тогда можетъ быть счастливъ, когда онъ удовлетворяется самимъ собой, или если живетъ какою либо идеею, общественной ли, художественной и т. п., но коль скоро онъ раздѣлитъ свои чувства съ какою-либо личностью, въ результатъ всегда будетъ страданіе.

— Но почему? — спросилъ заинтересованный панъ Новакъ.

— При столкновеніи двухъ эгоизмовъ, одинъ, разумѣется, сильнѣйшій всегда побѣждаетъ, и вотъ источникъ неудовлетворенности, разочарованія, страданій...

Пану Новаку невольно припомнились его отношенія къ фрейлейнъ Эльзѣ, ея требовательность, условія, которыя она ему навязывала; ея лучезарный образъ успѣлъ уже немного поблѣднѣть за эти нѣсколько часовъ ѣзды.

— Быть можетъ, вы и правы, — замѣтилъ онъ со вздохомъ, — но хотѣлось бы не вѣрять этому.

— Да, да, — говорилъ съ задумчивой улыбкой старикъ, — пока громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится... когда обожжемся въ огнѣ, тогда лишь начнемъ его избѣгать...

— Скажите, въ какомъ это университетѣ вы изучали философію?

Собесѣдникъ разсмѣялся.

— Я кончаю курсъ въ величайшемъ, лучшемъ университетѣ: а заканчиваю школу живяи.

Водворилось довольно продолжительное молчаніе, наконецъ панъ Новакъ очнулся и спросилъ:

— Далеко ли еще до Ченстохова?

— Уже подѣзжаемъ...

Панъ Новакъ нервно вскочилъ и кинулся къ окну. Луна уже взошла, но свѣтъ ея еле-еле пробивался сквозь разстилавшійся надъ равниной туманъ.

Паровозъ протяжно свистнулъ. Панъ Новакъ поспѣшно схватилъ свою дорожную сумку, наскоро простился со старикомъ и устремился къ дверямъ вагона.

Когда поѣздъ остановился, онъ выпрыгнулъ однимъ изъ первыхъ и, не зная ни мѣстности, ни гостинницъ, обратился къ станціонному швейцару:

— Какая гостинница ближайшая къ монастырю?

— Бракковская.

— Сносная?

— Хорошая.

Не обращая вниманія на назойливыя приставанія комиссіонеровъ всевозможныхъ гостинницъ, онъ пробрался къ извозчику и велѣлъ ѣхать въ Бракковскую гостинницу.

Улица, по которой они ѣхали, была широкая, по срединѣ шла каштановая аллея. Въ этотъ поздній часъ въ городѣ были уже потушены всѣ огни, нигдѣ не видно было ни души: дома и при лунномъ свѣтѣ казались грязными и

задушенными. На него, привыкшаго къ щепетильной чистотѣ и образцовому порядку нѣмецкихъ городовъ, эта часть Ченстохова произвела далеко непріятное впечатлѣніе. Ему стало еще болѣе жаль отца, добровольно выбравшаго себѣ для житья этотъ неопрытнѣй городъ.

Въ гостинницѣ отвели ему комнату во второмъ этажѣ; оба окна ея выходили на широкую площадь, прилегающую къ монастырю. Выглянувъ, прежде чѣмъ ложиться спать, въ окно, онъ былъ пораженъ величественнымъ видомъ костела. Серебристо-бѣлый, въ лунномъ освѣщеніи, съ высокой стройной башней, съ башенками и земляными насыпями, онъ напоминалъ гигантскій средневѣковый замокъ, богатую, крѣпкую королевскую резиденцію. Это немного утѣшило его, такъ какъ служеніе его отца въ такомъ костелѣ не должно было быть ни слишкомъ тяжелымъ, ни оскорбительнымъ. Онъ уснулъ, утомленный впечатлѣніями этого дня и дорогой.

Его разбудилъ звонъ колоколовъ. Осенній день былъ ясный и тихій, вся площадь передъ костеломъ была загромождена множествомъ разнообразныхъ экипажей, бричекъ, повозокъ, а по дорогѣ, ведущей въ храмъ, медленно двигалась сплошная живая толпа вѣрующихъ. День былъ праздничный.

На блѣдномъ фонѣ неба отчетливо вырисовывалась стройная костельная башня.

Онъ быстро одѣлся и вмѣстѣ съ толпой устремился къ воротамъ монастыря. Но у входа онъ долженъ былъ значительно поубавить шагъ, такъ какъ здѣсь была страшная давка и толкотня. Въ паломникамъ, тѣснившимся двумя рядами сквозь ворота, присоединялось еще множество женщинъ, продававшихъ молитвенники, картинки, напечники и наполнявшихъ воздухъ крикливыми приглашеніями купить что-нибудь.

Дальше, на столикахъ, украшенныхъ изображеніями чудотворной иконы, были разложены восковыя фигурки ногъ, рукъ, глазъ, сердецъ, спеленатыхъ младенцевъ, дѣтей постарше съ отсохшими руками или кривыми ножками.

Сѣдобородый торговецъ слѣдилъ за

слѣшившимъ людомъ и при видѣ како-го-нибудь болѣзненнаго лица или увѣчнаго челоуѣка выкрикивалъ:

— Купите жертву!.. Пресвятая Дѣва Марія исцѣлитъ васъ и утѣшитъ.

Кое-кто, въ особенности женщины, останавливался у столика и покупалъ соотвѣтствующую восковую фигуру; особенно большой спросъ былъ на изображенія сердца, символа горя и страданія.

На круглой площадкѣ за первыми воротами вытянулся рядъ нищихъ-калѣкъ; одинъ обнажилъ высохшую, атрофированную руку, другой сидѣлъ безъ ногъ; слѣпые протягивали къ прохожимъ деревянные чашечки; ихъ однообразные выпрашивающіе голоса царили надъ шумомъ шаговъ и тихимъ говоромъ богомольцевъ. Миновавъ и третьи ворота, онъ добрался до дверей храма и, подавъ щедрую милостыню ближайшему нищему, спросилъ, гдѣ можно найти пріора монастыря.

Нищій взглянулъ на большіе башенные часы, показывавшіе 7, и отвѣтилъ:

— Теперь преосвященнѣйшій ксендзъ пріоръ служитъ обѣдню... Черезъ полчаса-часъ онъ будетъ въ ризницѣ, — онъ указалъ рукой на открытый костель.

Панъ Новакъ вошелъ съ толпой въ храмъ.

Главный и оба боковые отдѣлы его были уже переполнены молящимися, а посрединѣ подвигалась еще впередъ колеблющаяся толпа людей. Онъ присоединился къ этому потоку и отдался его теченію.

Вкругомъ слышался шепотъ молитвъ, набожные вздохи, но, несмотря на давку, господствовалъ порядокъ. Лица и глаза толпы были устремлены впередъ, выражали напряженное ожиданіе, блестѣли отъ возбужденія, радостной тревоги, неопредѣленной надежды увидѣть что-то необыкновенное и вмѣстѣ съ тѣмъ давно желанное.

Онъ достигъ темнаго преддверія главнаго алтаря. Шепотъ молитвъ къ тому времени усилился, глубокіе вздохи участились, давка стала сильнѣе, напоръ заднихъ рядовъ стремительнѣе; еще нѣсколько шаговъ — и онъ очутился передъ

железной рѣшеткой, отдѣляющей молящихся отъ алтаря. Онъ поднялъ глаза. На богломѣ фонѣ онъ увидѣлъ столь прославленный чудотворный образъ пресвятой Маріи съ Младенцемъ на рукахъ, смотрящей съ невыразимой добротой и лаской на толпы паломниковъ. Этотъ алтарь, отлывающій золотомъ и драгоценными камнями, въ которыхъ тысячекратно отражались и преломлялись многочисленные огни горящихъ лампъ и свѣчей, утопавшій въ легкихъ клубкахъ кадильницъ, съ ксендзомъ, служившимъ обѣдню при звукахъ органа и прекраснаго хора — походилъ на престолъ всемогущей королевы, ласковой, милостивой, глядящей съ безконечнымъ сочувствіемъ и жалостью на смиренную толпу.

Моленія оглашали обширную часовню, лица богомольцевъ выражали релігиозный экстазъ, непоколебимую увѣренность обрѣсти благодать, утѣшеніе, исцѣленіе.

Время отъ времени среди молитвеннаго шепота слышался тихій стонъ, горячій вздохъ; на блѣдныхъ сосредоточенныхъ лицахъ блестѣли расширенные отъ воодушевленія глаза; струились тихія слезы, біенія въ грудь становились энергичнѣе, ниже склонялись къ каменному полу головы.

Вмѣстѣ съ благовоніемъ еніиѣма возносились къ иконѣ просьбы, жаркія молитвы о состраданіи, помощи, выздоровленіи. Каждый уголокъ храма былъ переполненъ горечью нищеты, страданіями душевными и физическими вмѣстѣ съ глубочайшей вѣрой.

Вотъ рядомъ съ нимъ тихо плакала, еле шевеля дрожащими губами, бѣдная, изстрадавшаяся мать, прижимая къ груди больное дитя; около нея лежалъ пластомъ калѣка, держа въ рукахъ костыль, а слѣва горячо молился слѣпой съ неподвижными тусклыми глазами, ожидая чуда; у всѣхъ были свои горести, свои муки, свои страданія, и всѣ ожидали спасенія отъ Защитницы, Печительницы, Утѣшительницы, Царицы неба и земли, престолъ которой, опирающійся на четырехъ колоннахъ изъ чернаго дерева, сверкалъ отъ серебряныхъ изваяній ангеловъ и приношеній,

являвшихся вѣчной вещественной памятью о снизошедшей благодати, объ оказанномъ милосердіи и свершившемся чудѣ.

Во время служенія мессы, когда наступилъ моментъ поднятія Даровъ, при звонѣ колокольчика, вся часовня наполнилась стономъ, плачемъ, вздохами раскаянія, тоски и покорности: колѣни гиблись, головы наклонялись внизъ, молитвенный востазъ достигъ величайшей степени напряженія.

Все это производило такое сильное впечатлѣніе, что даже панъ Новакъ, иностранецъ, воспитанный въ чуждой атмосферѣ, державшійся противоположныхъ убѣжденій, почувствовалъ себя окваченнымъ настроеніемъ молящихся; онъ согнулъ колѣни и вмѣстѣ съ набожными богомольцами предался ожиданію чуда, сверхестественнаго исцѣленія, необыкновеннаго проявленія могущества.

У алтаря ксендзъ началъ суппликацію *): «Святой Боже, Святыи Могучій, святой Безсмертныи!..» Весь народъ сталъ подтягивать съ такимъ жаромъ, съ такимъ увлеченіемъ, что казалось весь храмъ былъ наполенъ воплемъ о состраданіи и милосердіи. Въ особености послѣднія слова: «Матерь испроси, Матерь умилостиви, о Матерь, Матерь, Матерь, заступись за насъ!», производили потрясающее впечатлѣніе.

Ксендзъ благословилъ народъ и сошелъ со ступеней алтаря; молящіеся, такъ какъ месса была кончена, начали одинъ за другимъ покидать часовню; пошелъ за нимъ и панъ Новакъ, направляясь въ ризницу. Онъ вошелъ въ просторную, продолговатую, сводчатую залу съ алтаремъ св. Вацлава. Въ глубинѣ ея онъ увидѣлъ монаха въ бѣлой рясѣ, дававшего какія-то порученія костельнымъ прислужникамъ. Узнавъ, что этотъ монахъ самъ пріоръ, онъ подошелъ ближе, желая сперва по лицу его разгадать характеръ.

Черты лица его были серьезны, величаво-спокойны и напоминали непоколебимость изваянія, но ихъ строгость

умѣрилась ласковою и снисходительною улыбкой, да и каріе глаза его смотрѣли мягко, пріятливо, благосклонно.

— Осмѣливаюсь попросить васъ, панъ ксендзъ пріоръ, сообщить мнѣ кое-что о Янѣ Новакѣ,—проговорилъ онъ нерѣшительнымъ тономъ и, замѣтивъ вопросительный взглядъ пріора, добавилъ:— онъ здѣсь костельнымъ служителемъ.

— Знаю,—отвѣтилъ тотъ довольно бодрымъ для своего возраста голосомъ— бѣдный старецъ лежитъ больной уже продолжительное время.

— Гдѣ? Можно мнѣ его видѣть?

— Онъ въ своей кельѣ. Ангельмъ,—обратился онъ къ мимо идущему служителю,—сведи пана къ Яну Новаку.

Поблагодаривъ пріора, онъ пошелъ вслѣдъ за своимъ провожатымъ черезъ галерею храма, черезъ рыцарскую залу; по каменной лѣстницѣ, которая мѣстами уже полопалась, съ ясными слѣдами многовѣковой древности, онъ спустился въ скудно освѣщенный корридоръ. Съ дрожью безпокойства и волненія онъ молча шелъ за служителемъ; когда же тотъ указалъ ему на почернѣвшую дверь, на которой былъ начертанъ большой крестъ, сердце его такъ сильно забилось, что онъ долженъ былъ на минуту пріостановиться, словно собираясь съ духомъ.

Медленно, осторожно, открылъ онъ дверь кельи; на него пахнуло душнымъ, жаркимъ воздухомъ, пропитаннымъ стѣнной сыростью и другими испареніями. Свѣтъ, исходящій изъ большого рѣшетчатаго окна ослѣпилъ его на мгновеніе. Онъ отвернулъ глаза вправо и увидѣлъ въ углу кельи нары, покрытыя жесткимъ тюфякомъ, а поверхъ байковымъ одѣяломъ, подъ которымъ покоилось на маленькой подушкѣ сморщенное, желтое, обросшее сѣдою бородой лицо. Больной съ усиліемъ приподнял голову, обратилъ на него свои выпѣтшіе глаза и воскликнулъ:

— Сынъ мой, я ожидалъ тебя!

— Отецъ!—онъ упалъ на колѣни, обсыпанная горячими поцѣлудами исхудалую руку; а неудержимыя слезы градомъ покатались изъ его глазъ, онъ тщетно старался заглушить рыданія, разрывав-

*) Гимнъ, который поютъ послѣ мессы, называемой вотивкою. *Прим. переводчи.*

шія ему грудь. Изъ его усть вырвалось только одно и то же слово:

— Отецъ!.. Отецъ!..

Больной безпомощно опустилъ голову на подушку; блѣдный отъ волненія, онъ всматривался въ сына и тихо шепталъ:

— Хорошо, что ты успѣшилъ пріѣхать, мнѣ уже недолго жить, и нужно окончить покаяніе.

— Отецъ мой! ты будешь жить, ты долженъ жить! Я окружу тебя такою любовью, такими заботами и удобствами, что ты забудешь прежніе страдальческіе годы и вознаградить меня за столь продолжительную разлуку.

— Спасибо тебѣ, дитя мое, за твою любовь, но чувствую я, приходитъ мнѣ конецъ.

— Не можетъ этого быть,—простоналъ сынъ, цѣлуя его руки,—развѣ говорилъ это докторъ? Ходилъ ли онъ сюда? Лѣчилъ онъ тебя?

— Былъ у меня и докторъ, но никакой въ мірѣ врачъ не поможетъ мнѣ; страдаетъ не тѣло мое, а душа.

— Отецъ мой, ты слишкомъ добръ и благороденъ, это лишь чрезмѣрная нервная чувствительность, болѣзненная раздражимость.

Больной печально улыбнулся и взглянулъ на сына съ невыразимой нѣжностью и жалостью.

— Ты лучший отецъ въ мірѣ, всѣ говорятъ о тебѣ съ величайшимъ уваженіемъ и признательностью.

— О дитя мое, это уваженіе исчезнетъ, какъ дымъ, и это огорчаетъ меня больше всего, но иначе поступить невозможно...

— Не мучь себя, ради Бога, не мучь,—умолялъ его сынъ, замѣтивъ усиливающея возбужденіе отца.

— О, немало я перенесъ уже мученій, но теперь наступаетъ самая тяжелая минута. Сынъ мой, молись за меня, чтобы у меня хватило силы; боюсь я, что дрогнетъ у меня въ послѣдній моментъ языкъ и страшно мнѣ станетъ потерять твою любовь и уваженіе.

— Батюшка, ты преувеличиваешь, въ тебѣ говорить только болѣзненно-чувствительная совѣсть.

— Таше, тише, дитя мое,—говорилъ

шепотомъ больной,—мнѣ теперь очень хорошо, я не вижу въ твоихъ глазахъ осужденія, ты смотришь на меня такъ нѣжно, такъ любовно, славно... гляди на меня такъ еще, еще...—рыданіе сдвинуло ему горло и помѣшало ему продолжать.

— Успокойся, отецъ, я никогда, никогда не перестану тебя любить и уважать.

— Ты даешь свое обѣщаніе необдуманно—говорилъ больной печально,—да все равно ты его не сдержишь... наступитъ для тебя время страданія.

Онъ съ минуту промолчалъ, оперся головой на руку и тихо сказалъ:

— Встань... подожди здѣсь минуту, меня эта встрѣча измучила.

Сынъ поднялся и медленно, взволнованно отошелъ въ сторону.

Келья была довольно высокая, съ недавно выбѣленными стѣнами. Подъ рѣшетчатымъ окномъ стоялъ въ черной цвѣтъ покрашенный столъ, на которомъ были въ безпорядкѣ уставлены стеклянки съ лѣкарствами, глиняный кувшинъ съ водою, пара грязныхъ стакановъ и нѣсколько фаянсовыхъ тарелокъ съ ничтожными вилокъ и ножомъ. Нары, на которыхъ лежалъ больной, находились справа отъ стола. Надъ ними висѣло весьма неискусно сдѣланное Распятіе въ рамкѣ, выложенной раковинами. Тутъ же были подвѣшены четки съ золотымъ крестикомъ, а въ головахъ изображеніе Ченстоховской Божіей Матери въ черной рамѣ.

Съ другой стороны помѣщалась довольно широкая простая сосновая скамейка и плетеный стулъ, немного подалѣе стоялъ раскрытый стѣнной шкапъ, изъ котораго выглядывала голубая ряса костельнаго служителя. Отъ всей этой кельи вѣяло убожествомъ, самоотреченіемъ, ограниченіемъ потребностей до возможнаго минимума.

Глубокая жалость овладѣла сыномъ, когда, при бѣгломъ взглядѣ, онъ рѣзко взглянулъ эту нищенскую обстановку, совершенно не соответствовавшую имущественному положенію хозяина и представлявшую такой поражающей контрастъ съ обиталищемъ его компаньона,

этой роскошной виллой, устроенной такъ хорошо, удобно, изящно, тогда какъ здѣсь даже видъ сквозь рѣшетчатое окно на сѣрую каменную монастырскую стѣну подавлялъ своей унылостью.

Замѣтивъ на подоконникѣ нѣсколько книгъ, онъ осторожно подошелъ, чтобы по-смотрѣть, какого онѣ содержанія. Это оказались исключительно церковныя книги. Онъ сталъ ихъ перелистывать. Глубокая тишина господствовала въ кельѣ, лишь иногда перерываемая неясными отдаленными отголосками костельныхъ богослуженій, болѣе громкими звуками гимновъ или колокольчика.

Больной, лежавшій все время съ закрытыми глазами, словно погруженный въ дремоту, вдругъ раскрылъ ихъ и съ глубокой нѣжностью взглянувъ на сына, позвалъ его:

— Говори что-нибудь, мнѣ хочется слышать твой голосъ, взять съ собой въ тотъ мѣръ отголоски его... Что слышно у васъ на заводѣ? Говори!

— Согласно твоему распоряженію, я вступилъ во владѣніе твоей долею. Я тщательно пересмотрѣлъ книги и нашелъ все въ порядкѣ.

— Я не сомнѣвался въ этомъ, — про-бормotalъ старикъ.

— Заводъ хорошо работаетъ, развивается свои операціи и, можно надѣяться, станетъ однимъ изъ перворазрядныхъ.

Костельный служитель въ голубой рясѣ принесъ обѣдъ.

— Спасибо, Себастьянъ, я сегодня не буду ѣсть. Не отдать ли бѣднымъ?

— Надо, же однако, ѣсть, Янъ! У тебя не станетъ совершенно силъ переносить свои страданія.

— Господь пожелаетъ, такъ дастъ мнѣ силъ и здоровья.

Сынъ посмотрѣлъ на горшечекъ съ крупой, и у него не хватило смѣлости уговаривать отца поѣсть.

Себастьянъ постоялъ было съ минутку въ нерѣшимости, затѣмъ взявъ обратно обѣдъ и попрощавшись ушелъ, а старикъ продолжалъ:

— Не интересуютъ меня теперь дѣла міра сего... Что мнѣ фабрики, заводы?.. Разказывай про себя.

— Я пріѣхалъ весной этого года и,

не зная, гдѣ ты, что дѣлаешь, не имѣя ни малѣйшаго предчувствія о столь плачевной дѣйствительности, занялся заводомъ...

— Ну, довольно объ этомъ... Скажи мнѣ лучше, Карлъ, каковъ ты характеромъ? справедливъ, честенъ? не обижаешь ты людей? не сдѣлалъ никому чего-нибудь плохого?..

— Самъ ты, батюшка, — отвѣчалъ тотъ искренно, — развилъ во мнѣ любовь къ правдѣ и справедливости; я остался вѣренъ твоимъ принципамъ и хочу слѣдовать твоему примѣру.

Больной безпокойно заворочался, оперся головою на руку и съ живостью возразилъ:

— О нѣтъ, Карлъ, не слѣдуй моему примѣру.

— Почему?

— Вотъ придетъ скоро часъ и услышишь ты отъ меня всю правду. Горькая она прегорькая, — добавилъ онъ съ мрачнымъ отчаяніемъ.

— Да къ чему это, батюшка? развѣ нельзя этого избѣгнуть?

— Нельзя! — голова его упала безсильно на подушку, и онъ тяжело и часто дышалъ.

Послѣ болѣе продолжительнаго молчанія онъ продолжалъ:

— Думалъ я, что болѣе крѣпокъ, и вотъ Богъ наказалъ меня за мою гордость: вмѣсто того, чтобы ощущать радость и счастье, что наступилъ наконецъ, часъ покаянія, я теперь самъ не свой, боюсь, трепещу, хотѣлъ бы какъ будто отодвинуть эту минуту... Но молитва укрѣпить меня и мои слабыя силы, — онъ съ трудомъ отвернулся къ стѣнѣ и, не спуская глазъ съ Распятія, сталъ читать шепотомъ молитвы.

Когда онъ кончилъ, сынъ спросилъ:

— Давно ты, отецъ, здѣсь?

— Пять лѣтъ уже!.. Я побывалъ въ Святой Землѣ, вотъ память объ этомъ странствіи, — онъ указалъ глазами на Распятіе — оно вырѣзано изъ куска оливковаго дерева, росшаго въ Геосиманскомъ саду, а эти раковинки я самъ собиралъ на берегу Генезаретскаго озера, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Господь нашъ поучалъ народъ. Возьми его себѣ, дитя мое, на память.

— Спасибо, батюшка; впрочемъ, мы будемъ вмѣстѣ наслаждаться этимъ воспоминаніемъ.

— Не обманывайся, дитя мое; жизнь мнѣ была въ тягость, и я оставляю ее безъ сожалѣнія.

— Батюшка,—заговорилъ снова сынъ послѣ продолжительнаго молчанія,—мнѣ совѣтникъ говорилъ, что, уѣзжая, ты взялъ съ собою крупныя деньги; какъ же это живешь ты здѣсь такъ убого, нищенскаго? и отчего ты не требовалъ послать тебѣ еще денегъ, если тѣ у тебя вышли?

— Да, это правда, что я взялъ съ собою порядочную сумму, но я ее пожертвовалъ Богу, чтобы хоть отчасти искупить свой грѣхъ... А тутъ я живу подаяніями набожныхъ...

— Къ чему это все? развѣ недостаточно было паломничества въ Св. Землю?

— Нѣтъ, дитя мое! Я побывалъ въ Римѣ, затѣмъ въ Св. Землѣ и напрасно искалъ облегченія своимъ страданіямъ. Только здѣсь, предъ ликомъ чудотворной иконы, когда я рѣшилъ сдѣлаться костельнымъ служителемъ—я избавился по крайней мѣрѣ днемъ, отъ ѣдкихъ и неотступныхъ угрызений совѣсти за мои... преступленія.

Они опять замолчали. Тщетно сынъ напрягалъ свой мозгъ, искалъ подходящихъ словъ, чтобы его успокоить и ободрить; онъ чувствовалъ себя безсильнымъ, а безпрестанное возвращеніе къ какимъ-то старымъ грѣхамъ и нежеланіе хоть на короткое время отъ нихъ отвлечься, приводило его въ отчаяніе.

Въ выпѣвшихъ глазахъ старика отражалось все возрастающее умиленіе, все чаще и чаще заволакивалъ ихъ туманъ набѣгавшихъ слезъ: крупныя слезинки покатались по его иссохшему, пожелтѣлому, какъ пергаментъ, морщинистому лицу; онъ обтеръ ихъ кулакомъ и тихо заговорилъ:

— Какъ я, однако, ослабѣлъ!.. Пока я тебя не видаю, я думалъ, что никакая мысль о земномъ ужъ не сможетъ смутить моего спокойствія; а вотъ теперь опять встаетъ передъ моими глазами старое прошлое: вижу я нашу милую Силезію, слышу шумъ машинъ; какъ будто сызнова начинаю жить!

— Да, да, отецъ! Мы начнемъ новую жизнь—воскликнулъ сынъ съ оживленіемъ,—мы поѣдемъ теперь въ Силезію, ты выздоровѣешь, поправишься...

Старикъ грустно улыбнулся.

— Я и не стремлюсь къ этому, Богъ смилостивится надо мною и освободитъ мою душу.

— Ахъ, отецъ мой, какъ ты меня мучишь этимъ отчаяньемъ, этой безнадежностью!.. Откуда взялось это у тебя?—закричалъ Бартъ со слезами на глазахъ.

— Не плачь... ступай, дитя мое, въ ризницу, попроси, чтобы завтра исповѣдалъ меня всендѣ Станиславъ, это меня укрѣпитъ, поддержитъ мои силы.—Замѣтивъ его колебаніе, онъ повторилъ настойчивѣе:—иди же, дитя мое, иди!..

Глава XVII.

Въ рыцарской залѣ панъ Новакъ нашелъ пріора монастыря разговаривающимъ съ нѣсколькими лицами.

Въ ожиданіи момента, когда пріоръ освободится и ему возможно будетъ по бесѣдовать съ нимъ, онъ занялся разсматриваніемъ развѣшанныхъ по стѣнамъ картинъ. Онъ оказался довольно низкопробнаго качества. Въ замыслѣ художниковъ очевидно входило не столько соблюденіе художественности, сколько изображеніе на полотнѣ, не мудрствуя лукаво, историческихъ моментовъ, нѣвшихъ связь съ чудотворной иконой.

Почти на каждой картинѣ изображался тотъ или другой король или князь въ пурпурной мантіи, въ рыцарскомъ вооруженіи, съ короной на головѣ, совершающій моленіе на Ясной Горѣ, возносящій благодарность за одержанныя побѣды или получающій благословеніе. На одной изъ картинъ дикіе гусситы, представленные преднамѣренно въ отвратительныхъ краскахъ, издѣвались надъ монахами, на другой изображался триумфъ Ясной Горы во время осады шведовъ.

Панъ Новакъ былъ слишкомъ поглощенъ мыслями объ отцѣ, чтобы спокойно отдаться созерцанію этихъ картинъ изъ исторіи Ченстохова; уловивъ минуту, онъ подошелъ къ монаху.

— Отецъ мой, Новакъ, просить, чтобы его исповѣдовалъ завтра всендѣ Станиславъ.

— Хорошо... скажу... Ну, какъ здоровье его?

— Я нашелъ отца до крайности слабымъ; я вѣстатъ хотѣлъ просить послать къ нему монастырскаго врача.

— Въ данную минуту онъ у больного клерика... Да вотъ онъ самъ.

По лѣстницѣ съ верхняго этажа спускался немолодой человѣкъ, низкаго роста, съ сѣдовой бородой.

Панъ Новакъ отрекомендовался, поздоровался и обратился къ нему.

— Я бы попросилъ васъ, панъ докторъ, навѣстить моего отца Новака.

— Кого именно?

— Костельнаго служителя, онъ уже нѣсколько дней боленъ, — пояснилъ пріоръ.

Докторъ взглянулъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на этого молодого человѣка съ столь изящными манерами и платьемъ; обратилъ онъ вниманіе также и на чуждый акцентъ однако кивнулъ головой въ знакъ согласія.

Когда они спустились въ нижній корридоръ, панъ Новакъ спросилъ:

— Вы уже лѣчили моего отца?

— Я видѣлъ его нѣсколько разъ.

— Что же вы скажете?

— Мнѣ кажется, что я не въ правѣ утаивать отъ васъ правды.

— Конечно, конечно, высказывайтесь пожалуйста откровенно.

— Отецъ вашъ дѣлалъ все, что могъ, для истощенія своего организма и... достигъ этого.

— И нѣтъ спасенія?

— Я, по крайней мѣрѣ, не вижу, его ткани атрофированы, и онъ угасаетъ, какъ лампада безъ масла.

— Спасите его, докторъ, спасите... не жалѣйте издержекъ.

— Поздно, ничего нельзя сдѣлать — вздохнулъ докторъ.

— А если бы созвать консиліумъ?

— Если вы настаиваете, то для вашего спокойствія могу завтра попросить коллегъ.

— Умоляю васъ... въ которомъ часу?

— Въ десять часовъ утра.

Они вошли въ комнату больного. Докторъ посмотрѣлъ пульсъ, предложилъ нѣсколько обыкновенныхъ вопросовъ, велѣлъ продолжать прежнее лѣкарство и собрался уходить.

— Прошу васъ, панъ докторъ, — проговорилъ больной — прописать мнѣ какое-нибудь сильное укрѣпляющее, чтобы я могъ въ нѣвѣстный моментъ, когда придетъ необходимость, ощутить въ себѣ силы и энергію.

Докторъ колебался и вопросительно взглянулъ на сына.

— Прошу тебя, Карлъ, уговори доктора.

— Если вы можете это сдѣлать, панъ докторъ... — обратился къ нему робко сынъ.

— Сдѣлать я, конечно, могу, но это окончательно истощитъ силы больного и безъ того небольшія.

— Но я прошу, требую этого, — воскликнулъ больной.

— Пропишите — подтвердилъ сынъ.

Докторъ пожалъ плечами, досталъ бумагу и письменный приборъ и написалъ рецептъ. Подавая его молодому Новаку, онъ пояснилъ:

— Въ случаѣ обморока или упадка силъ, можете дать прописанное количество лѣкарства.

На порогѣ сынъ шепнулъ доктору:

— Ожидая васъ, завтра въ десять часовъ.

— Будемъ.

— О чемъ ты шептался съ докторомъ? — спросилъ больной по его уходѣ. — Быть можетъ, вы меня обманываете, не будетъ ли это лѣкарство простой подкрашенной водой?

— Нѣтъ, нѣтъ, я просилъ доктора, чтобы онъ завтра васъ навѣстилъ.

— И зачѣмъ это? Онъ мнѣ совсѣмъ не нуженъ.

— Но вы, отецъ, согласитесь на этотъ визитъ ради меня.

— Пусть будетъ по твоему, — онъ вздохнулъ, — ну что, Карлъ, ты просилъ ксендва Станислава?

— Я заявилъ пріору, онъ обѣщалъ.

— Вотъ и хорошо... а теперь, Карлъ, сходи въ аптеку и принеси мнѣ лѣкарство, я хочу имѣть его при себѣ.

Когда сынъ вернулся изъ аптеки, больной бережно запряталъ подъ подушку бутылочку и сказалъ:

— А теперь ступай себѣ въ свою гостиницу и отдохни...

Сынъ съ упрекомъ взглянулъ на отца:

— Какъ, отецъ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, я наконецъ увидѣлъ васъ и долженъ васъ оставить? Позвольте мнѣ остаться съ вами, умоляю васъ...

— Нѣтъ, дитя мое, это неудобно... Завтра я приступаю къ святой исповѣди, и я долженъ къ ней приготовиться надлежащимъ образомъ.

— А вы не можете развѣ дѣлать этого въ моемъ присутствіи, я буду сидѣть тихо, спокойно...

— Нѣтъ, нѣтъ... всякій разъ, какъ я взглядываю на тебя, моя мысль возвращается къ земнымъ дѣламъ, я не могу тогда сосредоточиться и вспомнить свои грѣхи... ступай, ступай, Карлъ и не беспокойся, до завтрашняго дня я еще доживу.

Сынъ съ сожалѣніемъ простился съ отцомъ и ушелъ. На дворѣ онъ выслушалъ совмѣстно съ набожными богомольцами вечернюю молитву, которую пѣлъ хоръ, размѣстившійся въ монастырской башнѣ противъ часовни.

Духовная пѣснь разносилась торжественно и въ то же время мягко, какъ колыбельная пѣсня; особенно нѣжны были послѣднія строфы:

Покойной ночи, благовонная лилія,
Непорочная Марія!

Покойной ночи!

Музыка подѣйствовала на него успокоительно, онъ вмѣстѣ съ другими направился къ воротамъ.

Онъ услышалъ вскорѣ плачь ребенка, и обернувшись, увидѣлъ маленькую, не болѣе четырехъ лѣтъ, блѣдную исхудавшую дѣвочку, на рукахъ крестьянки, которая съ нѣжностью успокаивала ее, со словами:

— Тихе, моя Бася, тихе... чего плачешь?

— Вѣтъ хочу, — проговорила съ восторгомъ слезы дѣвочка.

— О, голубка моя дорогая! такъ ты у меня здорова будешь, — воскликнула крестьянка и заплакала, прижимая къ груди ребенка, — это Пресвятая Дѣва свершила чудо.

Стоявшіе поближе богомольцы взглянули на нее съ удивленіемъ, а та, не обращая на нихъ вниманія, кричала все громче:

— Отецъ, слышишь? Отецъ!

Шедшій впереди нѣсколько сгорбленный мужикъ обернулся и спросилъ:

— Что?

— Наша Баська выздоровѣла!

Онъ остановился и съ нимъ остановились сосѣди, всѣ окружили женщину, разспрашивая о подробностяхъ.

— Вотъ ужъ четыре недѣли, добрые люди, — рассказывала мать — какъ больна эта бѣдняжка; что я ни дѣлала, а вѣтъ она не хочетъ. Я дала обѣтъ сходить къ чудотворной иконѣ и видите, милые мои, сейчасъ послѣ вечера этотъ ребеночекъ кричитъ: вѣтъ. Дамъ тебѣ, Басечка, дамъ — успокаивала она дѣвочку. — Тутъ ясно, какъ день, что благодать пресвятой Дѣвы Маріи осѣнила ее, — она прижала дочку къ груди, шепча благодарственную молитву.

Общее настроеніе было таково, что это объясненіе было принято на вѣру безъ всякой критики. Всѣ съ почтеніемъ разступались передъ ней и указывали пальцами другимъ, передавали шепотомъ этотъ случай, набожно вздыхая.

Съ непокрытой головой шли благочестивые паломники, бормоча молитвы и перебирая четки. Сермяги, свитки, бѣлки разнаго покроя и цѣтвовъ тянулись однѣ за другими сквозъ ворота; тѣ, что собирались уже оставить Ченстохово, оборачивались къ костелу и съ сожалѣніемъ прощались мысленно со святыми мѣстами.

Въ гостиницѣ, подымаясь въ свой номеръ, панъ Новакъ нагналъ двухъ женщинъ; одна изъ нихъ еле двигалась, опираясь на палку.

— Не помочь ли тебѣ, Польця, на лѣстницѣ? — спрашивала съ озабоченнымъ видомъ другая постарше:

— Нѣтъ, мама, благодарю, мнѣ значительно лучше.

— О, дорогая моя, я такъ горячо молилась и Пресвятая Марія такъ смилостивилась надъ нами,—воскликнула громко растроганная мать.

Прислуга гостиницы и прїѣзжіе съ невольнымъ вниманіемъ слѣдили за больной дѣвушкой, которая подымалась по лѣстницѣ довольно увѣренно, опираясь лишь на палку; мать слѣдовала за ней, плача отъ радости.

Входя въ свою комнату, панъ Новакъ почувствовалъ сильный запахъ іодоформа.

— Это, должно быть, изъ сосѣдняго номера,—объяснилъ лакей на его вопросъ,—за ваше отсутствіе прїѣхала какая-то больная барыня съ мужемъ... тотъ уже въ костелѣ и заказалъ обѣдню.

— Часто у васъ останавливаются такіе больные?

— О да! Наша гостиница ближайшая къ монастырю и у насъ всегда останавливаются болѣе слабые изъ тѣхъ, что ищутъ облегченія у чудотворной иконы.

— И помогаетъ имъ это?

— Почти всегда... Можетъ быть, и вы, вельможный панъ, прїѣхали сюда съ горемъ?

— Кто же теперь безъ горя?

— Пусть васъ утѣшитъ Пресвятая Дѣва Марія,—вдохнулъ тотъ набожно.

— Благодарю тебя.

Вечеромъ онъ сошелъ внизъ, въ ресторанъ гостиницы и сѣлъ за общимъ столомъ. Противъ него ужидало двое молодыхъ мужчинъ, и онъ невольно подслушалъ ихъ разговоръ.

— Ты, Владекъ, однако, здорово посѣдѣлъ...

— Тутъ нечего удивляться, мой милый: всякъ на моемъ мѣстѣ посѣдѣтъ; горе не краситъ человѣка.

— Да, знаю, у тебя много хлопотъ съ дочерью. Что у нея, собственно?

— Ты помнишь ее цѣлущей и здоровой, теперь ты бы не узналъ моей Цеси, до того она похудѣла и осунулась... Повѣришь ли, по цѣлымъ днямъ лежитъ безъ движенія... Встанетъ съ постели—одѣться не можетъ, сядетъ и сидитъ. Мать ей говоритъ: возьми же

башмаки... застегни лифъ... а та со слезами отвѣчаетъ: не могу, мама! Съ каждымъ днемъ все хуже...

— Нужно было посоветоваться съ докторомъ.

— Сколько уже ихъ у насъ перебывало!.. Одинъ говоритъ: общая слабость, другой называетъ малокровіемъ, третій анеміей мозга... Лѣкарствъ сколько угодно: она пьетъ микстуры, глотаетъ порошки и пилюли... а толку никакого... положеніе все то же... даже хуже...

— Несмотря на лѣкарства?—спросилъ недоувѣрчиво собесѣдникъ.

— Въ послѣднее время она, бывало, те гложетъ на нѣсколько дней, то вдругъ видитъ плохо... Спрашиваемъ ее, что съ ней, отвѣчаетъ, что слушать и глядѣть ей больно... Ну, что съ ней подѣлаешь? говоритъ: «больно!» и конецъ.

— Она тоже съ тобой прїѣхала?

— Да, она здѣсь въ гостиницѣ... Жена мнѣ уши прожужжала Ясною Горой. Сначала она сама побывала здѣсь—не помогло. Теперь она настояла, чтобы взять съ собою Цесю. Докторъ намъ говорилъ, что повредить не можетъ. Вотъ мы всѣ сюда и прїѣхали.

— Ну, быть можетъ, и выздоровѣетъ здѣсь,—утѣшалъ тотъ огорченного отца.

— Ты думаешь?

— Я самъ видѣлъ женщину, которая десять лѣтъ лежала больная въ постели, дала обѣтъ прїѣхать къ чудотворной иконѣ и, представъ себѣ, выздоровѣла!

— Бываютъ же чудеса... быть можетъ, и надъ нами смилуется Господь Богъ.

— Дай Богъ!

Они кончили свой ужинъ и покинули ресторанъ въ то время, какъ за боковымъ столикомъ занимали мѣста трое новыхъ посѣтителей. Нѣсколько минутъ продолжали они начатый разговоръ о мастерскихъ, машинахъ, затѣмъ одинъ изъ нихъ спросилъ сосѣда:

— А какъ теперь здоровье твоей Зоси?

— Помираетъ она... Докторъ говоритъ, что ей жить не больше недѣли.

— Бѣдная! Дастъ Богъ, она очутится среди ангеловъ.

— Бого же стала бы Матерь Божія

братъ къ себѣ въ ангелы, если не это невинное дитя?!—возмущился отецъ.

— Конечно, конечно...—подтвердил третій.

И опять разговоръ свернулъ на торговныя дѣла.

Панъ Новакъ провелъ ночь безпокойно и тоскливо. Всю ночь мерещились ему во снѣ безконечныя, ряды увѣчныхъ, слѣбныхъ, раненныхъ, больныхъ и невозможныхъ. Они тянулись куда-то длинной процессіей со стонами, плачемъ, криками и ропотомъ. Внезапно лучезарное свѣтло возсіяло надъ ними... Онъ проснулся и сквозь окно увидѣлъ толпы людей, спѣшавшихъ къ Ясной Горѣ.

ГЛАВА XVIII.

Старый Новакъ съ жаромъ молился въ своей кельѣ, когда вошелъ туда сынъ и, не желая мѣшать молитвѣ, сталъ въ сторонкѣ.

— Хорошо, что ты пришелъ, сынъ мой,—сказалъ ему отецъ, окончивъ молитву,—сегодня предъ послѣдней исповѣдью я бы хотѣлъ послушать чтеніе благочестивыхъ размышленій о мукахъ и смерти нашего Спасителя.

— Съ большимъ удовольствіемъ! Откуда же читать?—спросилъ сынъ и посмотрѣлъ въ сторону книжекъ, лежавшихъ на окнѣ.

— Возьми вонъ ту... третью и разыщи «Размышленія на Великій Пятокъ»... Мои глаза совсѣмъ слабы стали и я съ трудомъ читаю.

Размышленія эти начинались евангельскими словами: «Отче отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творять». Когда же онъ читалъ повторяющіяся періодически слова Иисуса Христа: «Господи, помилуй меня, Господи помилуй!», то больной, глядя съ мольбой на висѣвшее надъ головой Распятіе, повторялъ ихъ про себя съ увлеченіемъ, ударяя себя въ грудь.

По окончаніи чтенія упражненій и благочестивыхъ размышленій на Великій Пятокъ, больной произнесъ:

— Что значать мои страданія по сравненіи съ муками нашего Спасителя?.. Я обязанъ переносить ихъ безъ ропота,

такъ какъ виноватъ я самъ. Былъ ли ты, Карлъ, въ часовнѣ?

— Былъ.

— А за отдѣляющей алтарь рѣшеткой тоже?

— Нѣтъ..

— Пойди туда непременно, сынъ мой, и просмотри приношенія... Слѣва вверху есть одно приношеніе... Всякій разъ, какъ я посмотрю туда, я содрогаюсь отъ страха и ужаса... но затѣмъ чувствую успокоеніе, ибо, если пресвятая Матерь освободила меня отъ узъ земныхъ, то можетъ быть, пожелаетъ также освободить меня и отъ тяжкихъ цѣпей, гнетущихъ мою душу...

— Отецъ мой, если ты и былъ грѣшнѣе, то навѣрное очистился уже отъ грѣховъ.

— Сегодня я исполню самое тягостное покаяніе — пробормоталъ больной, и глаза его наполнились слезами.

— Зачѣмъ ты себя мучишь, отецъ?—проговорилъ сынъ съ глубокимъ сочувствіемъ.

— Это ли мученіе? Адъ несравненно ужаснѣе. Патеръ, который исповѣдовалъ меня въ Святой Землѣ, приказалъ мнѣ публично покаяться... я исполняю это...

Въ дверь кельи слегка постучались.

Вошелъ докторъ въ сопровожденіи двухъ приглашенныхъ коллегъ.

Изслѣдовавъ больного и пересмотрѣвъ средства, прописанныя монастырскимъ врачомъ, оба консультанта, въ сопровожденіи послѣдняго, а также пана Новака, вышли въ корридоръ и тамъ безъ долгихъ разговоровъ объявили, что положеніе больного безнадежно, что развязка можетъ наступить очень скоро, развѣ только свершится чудо.

— Ну, что они тебѣ сказали?—спросилъ больной.

— Вполнѣ одобрили способъ лѣченія твоего доктора, папа,—проговорилъ тотъ, съ трудомъ удерживая подступающія къ глазамъ слезы.

— Я не сомнѣвался въ этомъ, да вообще это не важно; нечего теперь думать о болѣзни тѣла: я долженъ примириться съ Богомъ, дабы возможно мнѣ было предстать предъ Всевышнимъ Судіей.

— Почитать тебѣ, быть можетъ, что нибудь?

— Нѣтъ, благодарю тебя, Карлъ, но я не могу сохранить должное настроеніе при твоёмъ чтеніи: голосъ твой такъ пріятенъ, мнѣ, добръ, что вся моя душа рвется къ тебѣ и вмѣсто того, чтобы сосредоточиваться на таинствѣ покаянія, мысль моя то и дѣло сбивается и возвращается къ картинамъ твоего дѣтства. Вспоминается мнѣ, какъ покойница мать твоя ублаживала тебя, напѣвала колыбельныя пѣсни, затѣмъ сама учила тебя молиться, читать, писать... да, хорошія то были времена, славныя, невозвратныя,—тяжелый вздохъ вырвался у него изъ груди, и слезы навернулись на глазахъ.

— Иногда и я вижу во снѣ свою мать,—прошепталъ тронутый сынъ.

— Да, это была хорошая, святая женщина! Она умерла, то былъ первый громъ приближающейся Божьей бури за мои грѣхи.

— Ея смерть была результатомъ болѣзни.

— Да! конечно, для міра, для всѣхъ людей, для тебя ея, смерть была лишь слѣдствіемъ тяжелой опасной болѣзни, но для меня, о, для меня это было первое возмездіе... тогда лишь я впервые очнулся и осмыслилъ свое преступленіе.

— Зачѣмъ тебѣ, папа, эти тяжелыя воспоминанія? Прошлаго намъ не вернуть, умершихъ не воскресить, поговоримъ лучше о настоящемъ.

Больной нетерпѣливо завозился на своемъ ложѣ и сказалъ съ непривычной горячностью:

— Ты молодъ и не понимаешь еще хорошо, что говоришь... не дай Богъ дожить до такого момента, чтобы прошлое, съ которымъ, казалось, порвалъ навсегда, вдругъ всплыло въ настоящемъ, чтобы мертвые воскресали изъ гробовъ... но я не хочу тебя слушать, не хочу тебя видѣть... уходи ужъ... уходи! Сегодня къ шести часамъ вечера возвратись.

— А раньше не могу?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я хочу достойнымъ образомъ приготовиться къ исповѣди и къ покаянію... Ступай... молись за меня!..

Павъ Новакъ вышелъ изъ кельи и повернулъ влѣво по темноватому сводчатому, выложенному растрескавшимися плитамя корридолу, онъ спустился по ступенькамъ въ рыцарскую залу, а оттуда черезъ галерею достигъ часовни съ чудотворной иконой; ему захотѣлось посмотрѣть сложенные тамъ приношенія. Часовня въ это время была пуста, икона завѣшена. Кое-гдѣ лишь можно было замѣтить одинокія фигуры молящихся; нѣкоторыя стояли на колѣняхъ, другія лежали пластомъ.

Севозъ открытую дверцу въ желѣзной рѣшеткѣ онъ подошелъ къ главному алтарю. Эта часть часовни, обитая шелковой красной матеріей съ золотыми цвѣточками, освѣщенная свѣтомъ изъ высоко расположеннаго окна, пропитанная душистымъ запахомъ ладана и восковыхъ свѣчей, украшенная портретами могущественныхъ жертвователей, великихъ міра сего производила впечатлѣніе обиталища какого-то таинственнаго, благодѣтельнаго неземнаго существа.

Онъ заглянулъ вверхъ, ища упомянутого отцомъ приношенія. Надъ алтаремъ онъ увидалъ богатыя булавы и буздыганы, картину осады монастыря шведами, а надъ нею фреску, изображающую Марію съ Младенцемъ Іисусомъ на рукахъ, парящую въ облакахъ, словно богиня неба.

Онъ посмотрѣлъ влѣво и съ ужасомъ увидѣлъ тяжелыя желѣзныя цѣпи, подвѣшенныя на палкѣ. Онъ невольно вздрогнулъ, вспомнивъ вдругъ слова отца... эти цѣпи, не символъ ли совершеннаго преступленія? Онъ не могъ оторвать отъ нихъ глазъ; онъ казался ему страшными своей тяжестью и клеймомъ преступника.

Впрочемъ, онъ скоро успокоился. Эти цѣпи, конечно, не оковы преступника, ибо какъ бы они очутились въ священномъ мѣстѣ? Скорѣе это символъ пребыванія въ плѣну у язычниковъ, чудеснаго избавленія отъ страданій за вѣру, чѣмъ знакъ милости, оказанной преступнику. Отецъ его, когда вспоминалъ объ этихъ цѣпяхъ, разумѣлъ въ нихъ символъ нравственнаго гнета.

Онъ вернулся обратно за рѣшетку и

*

направился къ главному корпусу костела. У бокового алтаря часовни стояла кучка людей, слушавшихъ поясненія, которыя давалъ имъ, въ качествѣ чичероне, костельный служитель. Онъ присоединился къ нимъ и сталъ слушать.

— Это изображеніе распятаго Христа, — рассказывалъ служитель, — вѣсло когда-то въ монастырской трапезной. Наѣхали какъ-то одновременно въ монастырь знатные паны и стали пать въ трапезной, да, должно быть, хватили черезъ край и начали вести непотребные разговоры; какъ вдругъ этотъ самый Христосъ распятый крикнулъ громко со стѣны: «Довольно этого!..» Пали тутъ паны на колѣни, били себя въ грудь и плакали горючими слезами, что сдѣлали смертный грѣхъ да еще на Ясной Горѣ, въ священномъ мѣстѣ, назначенномъ для воздаванія чести и хвалы Его Матери. А изображеніе сіе перенесли сюда, въ часовню, а тамъ повѣсили другое.

Посѣтители благоговѣнно слушали рассказъ, потомъ вся компанія послѣдовала дальше. Панъ Новакъ остался одинъ у алтаря.

На большомъ черномъ крестѣ былъ распятъ Христосъ съ поникшей головой, съ тройнымъ терновымъ вѣнцомъ, препоясанный на бедрахъ серебряной пластинкой, на которой была начертана исторія Страстей Господнихъ. У алтаря были развѣшаны многочисленныя приношенія вѣрующихъ.

Онъ покинулъ костель и черезъ открытую калитку поднялся на окопы, которые окружали кольцомъ весь монастырь, представлявшій когда-то крѣпость. Передъ нимъ далеко далеко, вплоть до свѣющей на самомъ небосклонѣ каймы лѣсовъ, разстлался населенный край съ разбросанными тамъ и сямъ деревушками; его прорѣзывала Варта, отъ которой подымался легкій туманъ, стелющийся по зеленѣющимъ озимямъ и вспаханымъ полямъ. Съ противоположной стороны расположился полукругомъ у подножія Ясной Горы Ченстохово со своими многочисленными фабриками и заводами.

Прочитывая надписи на памятникѣ

Августина Бордецкого *), онъ услышалъ дрожащее старческое пѣніе, и заинтересовавшись, подвинулся къ краю окопа.

Обширная площадка передъ веротами была полна народу, подводъ и ларей съ товарами на продажу; у стѣны сидѣлъ слѣпой дѣдъ съ однострунной лирой и передъ многочисленными слушателями пѣлъ:

И дикій татаринъ, и турокъ свирѣпый
Гурьбою несутся на насъ черезъ море,
И наглый язычникъ корабль снаря-
жаетъ,
Чтобъ славы лишить нашу Ясную
Гору...

Панъ Новакъ усмѣхнулся, слушая объ этомъ грозномъ походѣ, но при видѣ серьезныхъ, сосредоточенныхъ лицъ слушателей и лирника, улыбка сбѣжала съ его лица; невольное уваженіе внушала ему эта безграничная вѣра, двигающая горы, разверзающая пропасти, воздвигающая престолы, оживляющая весь міръ, дабы онъ приносилъ должную дань.

Время тянулось медленно; чтобы какъ-нибудь его убить, онъ вошелъ въ толпу странниковъ и ловилъ обрывки разговоровъ, которые все вертѣлись вокругъ да около чудотворной иконы. Всѣ ждали отъ нея милости, облегченія, утѣшенія...

ГЛАВА XIX.

Ровно въ шесть часовъ вечера вошелъ онъ въ келью отца, котораго нашелъ сидящимъ на постели въ голубой рясѣ, съ короткой пелериной, какъ обыкновенно носятъ костельные служители. Старикъ повернулъ къ сыну свое блѣдное морщинистое лицо и улыбнулся ему печально.

— Зачѣмъ ты, папа, поднялся съ постели? — спросилъ сынъ съ укоромъ и безпокойствомъ въ голосѣ.

— Такъ нужно, дитя мое... Лѣкарство придало мнѣ силы, я смогу самъ одѣться и вотъ я ожидаю...

— Лучше бы ты все-таки легъ...

— Нельзя, дитя мое. Наступаетъ са-

*) Пріоръ, спасшій монастырь отъ шведовъ въ царствованіе короля Яна Казимира.

мый важный, самый тяжкій моментъ: часть суда и наказанія.

Раздался легкій стукъ въ дверь и первымъ вошелъ пріоръ, привѣтливо здороваясь съ обоими Новаками; за нимъ слѣдовалъ другой монахъ, худой, длинный, какъ шесть, съ впалымъ лицомъ, на которомъ яркимъ пламенемъ горѣли блестящіе черные глаза и лежало выраженіе непреклонной желѣзной анергіи; ваконецъ третій съ апатичнымъ лицомъ, съ ничего не говорящей и не общающей улыбкой на губахъ.

Оба монаха сѣли на скамьи, а рядомъ съ ними на единственномъ стулѣ помѣстился пріоръ; лучи заходящаго солнца ясно совѣщали различное выраженіе въхъ серьезныхъ лицъ, казавшихся бронзовыми на бѣломъ фонѣ ихъ расъ о.о. Паулиновъ.

— Что угодно тебѣ, братъ мой? — ласково спросилъ пріоръ.

— Сейчасъ скажу, преосвященнѣйшій отецъ... Карлъ, подай мнѣ лѣкарство.

Сынъ отсчиталъ ему предписанное число капель и отступилъ въ уголь кельи, съ тревогой смотря на отца и монаховъ. Отецъ выпилъ и дрожащимъ голосомъ началъ:

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, исповѣдуясь въ Св. Землѣ, я получилъ отъ духовнаго отца совѣтъ, чтобы я, когда приблизится мой конецъ, покаялся въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ передъ тремя свидѣтелями и сыномъ.

— Обдумай хорошенько, братъ мой, — перебилъ его пріоръ, — святая церковь этого не требуетъ; достаточно исполнѣнъ исповѣди и отпущенія грѣховъ.

— Я обязался такъ покаяться и долженъ исполнить обѣщаніе... я умоляю объ этомъ, какъ о милости.

— Такъ говори, — вздохнулъ пріоръ.

— Въ молодости я былъ сначала штейгеромъ въ копахъ «Augusten Grube», вывѣ ужъ не дѣйствующихъ; затѣмъ меня произвели въ завѣдущіе угольными магазинами этихъ копей... Я женился и былъ счастливъ со своей покойницей женою, которую я страстно любилъ наравнѣ съ своимъ единственнымъ сыномъ. У меня былъ пріятель, тоже завѣдую-

щій, Тропфъ, и... мы вдвоемъ составили компанію, чтобы сбывать уголь въ свой карманъ... Каждый изъ насъ сколотилъ такимъ образомъ нѣсколько десятковъ тысячъ марокъ... Къ несчастью, мы разъ крупно поссорились... Слово за словомъ, дѣло дошло до угрозъ... онъ рѣшилъ обо всемъ донести. Богъ свидѣтель, я не боялся за себя, за свою жизнь, но я терялъ голову, сходилъ съ ума при мысли, что я навѣки лишусь любви и уваженія своей молодой жены, я ужасался за будущность своего сына, которому я оставлю въ наслѣдство запятнанное имя. Я просилъ, умолялъ Тропфа, но онъ стоялъ на своемъ... Тогда... самъ дьяволъ навелъ меня на страшную мысль объ убійствѣ.

Онъ тяжело вздохнулъ, вытеръ вспотѣвшее лицо и пошатнулся; при видѣ блѣднаго, испуганнаго лица сына, на его желтомъ лицѣ выступили кирпично-красныя пятна, дрожь прошла по его тѣлу. Онъ смахнулъ слезы съ глазъ и продолжалъ болѣе твердымъ голосомъ:

— Я, какъ бывшій штейгеръ, въ совершенствѣ зналъ планъ и расположеніе копей; и вотъ я однажды улучилъ моментъ, когда Тропфъ спустился внизъ и углубился въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ ходовъ, я подложилъ динамитный пистонъ, произвелъ взрывъ и... онъ погибъ.

— Отецъ, отецъ мой! — простоналъ сынъ.

Тотъ и не посмотрѣлъ въ сторону сына; уставившись глазами въ монаховъ, онъ продолжалъ:

— Но не только его кровь лежитъ на моей совѣсти тяжкимъ преступленіемъ: вмѣстѣ съ нимъ погибло восемь человѣкъ и ихъ кровь пала на мою голову. Я бросилъ копи, не позаботившись о вдовахъ и сиротахъ. На отцовской землѣ я основалъ сталелитейный заводъ. Мнѣ страшно повезло, состояніе мое росло не по днямъ, а по часамъ. Я былъ вѣвъ какого бы то ни было подозрѣнія, я былъ окруженъ почетомъ и уваженіемъ. Я очнулся лишь тогда, когда Богъ послалъ на меня кару: въ цвѣтѣ лѣтъ умерла моя жена. Тогда начались угрызенія совѣсти; тогда впервые охватилъ

меня ужасъ за совершенное мною и глубокое раскаяніе овладѣло моею душою. Я исповѣдывался, но не получилъ отпущенія грѣховъ и пошелъ по пути очищенія и исправленія. Первымъ дѣломъ слѣдовало хотѣ отчасти возмѣстити сдѣланное мною зло. Тропѣ не имѣлъ ни жены, ни дѣтей, но у восьми погибшихъ силезцевъ остались вдовы, дѣти, близкіе родные. Я разыскалъ ихъ и обезпечилъ... Всѣ пріобрѣтенныя хищеніемъ на копейхъ деньги я роздалъ, но созваться въ преступленіи, хотя совѣсть громко требовала этого, я не могъ: это было выше силъ моихъ, слишкомъ ужъ я любилъ своего сына...

Онъ тяжело дышалъ, на его морщинистомъ лицѣ выступили капли пота.

— Отдохни, — сказалъ пріоръ.

Старикъ ваялъ со стола дрожащей рукой ложку, налилъ дѣварства и продолжалъ болѣе медленнымъ голосомъ:

— Гдѣ я ни побывалъ, сколько страдалъ въ исканіи успокоенія души и совѣсти!.. Я былъ и въ Святой Землѣ, гдѣ жилъ и страдалъ Христосъ, и въ Римѣ у св. отца... Но нигдѣ я не нашелъ такого облегченія, какъ у ногъ Пресвятой Божіей Матери, на Ясной Горѣ. По совѣту моего духовника я наложилъ на себя суровую, тяжкую эпитимію: отказался видѣться и встрѣчаться со своимъ единственнымъ сыномъ, писать ему и справляться о немъ. Кто не былъ отцомъ, тотъ не пойметъ, сколько мукъ, страданій, безпокойства и тревоги терзало мою душу, мое сердце; думалъ уже я, что и не придется никогда увидѣть его, услышать его голосъ, но Богъ пожелалъ, чтобы я кончилъ свою эпитимію и искупилъ свое преступленіе. Раньше я опасался суда человѣческаго, а теперь я стою передъ вами, преподобные отцы, и передъ тобою, сынъ мой, сознаю въ своемъ преступленіи и открываю чистосердечно и правдиво всю жизнь свою.

Онъ пошатнулся и, казалось, падалъ, но удержался и, преклонивъ колѣни передъ распятіемъ, привезеннымъ имъ изъ Палестины, съ рыданіемъ громко молился:

— О Иисусе Христе, принявшій столько мукъ! Ради пяти ранъ Твоихъ, ради той

горечи, которою болии Тебя, сжался надо мною грѣшнымъ. Усталъ я отъ житейской борьбы и, преклоненный передъ Тобою, смиренно молю о спасеніи. О Пресвятая Матерь, ради скорби, съ которою Ты взырала на страданія и смерть Твоего Сына, воззри на меня, будь моимъ Ходатаемъ передъ Страшнымъ Судіей!

Рыданія разрывали ему грудь, слезы текли по блѣдному, изможденному лицу: оставаясь на колѣняхъ, онъ обратился къ монахамъ:

— Вотъ я выполнилъ всю эпитимію, обнаружилъ всю тяжесть души своей, но все-таки не могу снять ее со своего сердца. Что мнѣ дѣлать, духовные отцы?

Пріоръ поднялся со стула и сказалъ:

— Если прощено тебѣ здѣсь на землѣ въ исповѣдальнѣ, то и Богъ проститъ тебѣ на небѣ за грѣхи твои

— Аминь! — прибавили монахи, вставая со скамьи.

Старикъ подыалъ на пріора глаза, полные тоски и тревоги и дрожащимъ голосомъ спросилъ:

— Преосвященный отецъ, а мой сынъ? Будетъ ли онъ страдать за грѣхи своего отца?

Пріоръ стоялъ въ нерѣшительности, поглядывая то на колѣнопреклоненнаго старика, то на блѣднаго сына. Тогда выступилъ впередъ высокій монахъ. На исхудаломъ лицѣ его блестяги глаза, онъ поднялъ вверхъ вдохновенное чело и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Ты публично покаялся, публично же я тебѣ и отвѣчу. Ты вознаградишь вдовъ и сиротъ, ты далъ имъ денегъ, но кто возвратитъ имъ отцовскую опеку? Кто вернетъ странѣ работниковъ и живыхъ сыновей ея? Тамъ въ Силезіи народъ бѣденъ, добръ, набоженъ... ты лишилъ опоры нѣсколько семействъ, ея обитателей... кто вознаградитъ эту потерю? Молись и проси Бога и пресвятую Дѣву помиловать тебя и научить, что тебѣ дѣлать!

Старикъ заплакалъ, поникъ головою, и лицо его искривилось безнадѣжностью и отчаяніемъ.

Въ эту минуту среди мрачной тишины и рыданій выступилъ изъ темнаго угла Карлъ. Онъ былъ блѣденъ, глаза его

лихорадочно блестяи, онъ взглянулъ съ безконечнымъ сочувствіемъ и жалостью на колѣнопреклоненнаго отца и воскликнулъ твердымъ и сильнымъ голосомъ:

— Отъ имени отца своего объщамъ исправить все сдѣланное, насколько у меня хватить силъ!

— Аминь, — проговорили въ одинъ голосъ монахи, направляясь къ выходу.

Старикъ закрылъ лицо исхудалыми пальцами и тихо простоналъ:

— О мой сынъ! мой бѣдный сынъ!

Г л а в а XX.

Когда Пріоръ уходилъ изъ кельи, сынъ попросилъ у него разрѣшенія остаться въ монастырской кельѣ, чтобы ухаживать за отцомъ. Тотъ охотно согласился. Возвратившись въ келью Карлъ нашель отца въ прежней позѣ, на колѣняхъ передъ распятіемъ. Онъ прождалъ нѣкоторое время, но старикъ углубленный въ молитву, не замѣчалъ его; наконецъ, когда онъ съ большимъ сокрушеніемъ сталъ бить себя въ грудь, сынъ рѣшилъ его потревожить и подошелъ.

— Отецъ, позволь мнѣ раздѣть тебя и уложить въ постель, — попросилъ онъ его ласково.

Тотъ молча далъ себя раздѣть; подъ верхнимъ платьемъ сынъ почувствовалъ рукой власяницу. Жалость сжала ему сердце; мало онъ истощилъ себя, еще нужно было одѣть власяницу!

— Отецъ, ты слишкомъ слабъ, я сниму ее...

— Нѣтъ, дитя мое, я далъ обѣтъ, что въ день публичнаго покаянія я не сниму власяницы съ своего грѣшнаго тѣла.

Сынъ покорился, не сталъ больше перечить и уложилъ больного на постель.

Старикъ тяжело вздыхалъ и то и дѣло поглядывалъ украдкой въ лицо сына; глаза его выражали нѣжность, смѣшанную съ беспокойствомъ и страхомъ.

— Подай мнѣ лѣкарства, — прошепталъ онъ.

Тотъ молча подалъ. Больной выпилъ, и, видимо собравшись съ духомъ, не твердымъ, робкимъ голосомъ спросилъ:

— Карлъ, ты не отречаешься отъ

меня? Ты не презираешь меня? Не проклинаешь минуту своего рожденія?..

Сынъ взглянулъ на него съ ласковой укоризной; въ эту минуту онъ забылъ о его признаніи, о совершенномъ преступленіи, онъ видѣлъ въ немъ лишь истощеннаго, больного отца, безмѣрно страдающаго.

— Нѣтъ, папа, я не отрекся отъ тебя ни на мгновеніе. Каяться въ своихъ грѣхахъ такъ тяжело, что я, какъ сынъ, искренне тебѣ сочувствую и не перестану горячо любить тебя.

— Правду ты говоришь?

— Истинную.

— Теперь мнѣ легче, — заговорилъ спустя минуту больной, — у меня совѣсть покойнѣе, когда я исполнилъ самую тяжкую часть покаянія... быть можетъ милосердый Боже посмотреть болѣе милостиво на меня грѣшнаго.

— Надѣйся, отецъ, на милосердіе Божіе, вѣдь самъ пріоръ обнадежилъ тебя.

— Ахъ, мой Карлъ? — воскликнулъ растроганнымъ голосомъ отецъ, — я равнодушенъ теперь ко всему земному, ко всему міру, кромѣ тебя, ты одинъ остался у меня... и именно тебя пришлось мнѣ такъ больно поразить въ самое сердце, омрачить твою жизнь, наложить кровавое пятно на твоей сыновней любви, но, — Богъ свидѣтель, — я долженъ былъ, я обязанъ былъ это сдѣлать ибо иначе тамъ за гробомъ меня ожидало бы вѣчное проклятіе.

— Ты хорошо сдѣлалъ, папа; истина, — наилучшая руководительница... спасибо тебѣ, что ты открылъ мнѣ глаза; я былъ гордъ, беззапелационно всехъ осуждалъ; теперь я сталъ смиреннѣе и снисходительнѣе.

Осенніе сумерки надвигались все больше, въ кельѣ стало довольно темно; сынъ зажегъ лампу и поставилъ ее въ сторонѣ, чтобы свѣтъ не беспокоилъ больного.

Вошелъ костельный служитель и принесъ на тарелкѣ ужинъ, состоявшій изъ котлетъ, рыбы и салата.

— Пресвященнѣйшій ксендзъ пріоръ посылаетъ это монастырскому гостю, — сказалъ онъ, стоя у порога.

— Спасибо тебѣ, братъ Ансельмъ, по-

благодари преосвященнѣйшаго, — воскликнулъ тронутый больной.

— Онъ приказалъ также принести въ келью постель для молодого гостя.

— Благодарю васъ. — отоввался Новакъ, вынимая кошелекъ и подавая служителю монету. Тотъ однако попятился назадъ и смиренно замѣтилъ:

— Дай, пань, на востель во славу Пресвятой Дѣвы; я только слуга Ея слугъ.

Онъ вышелъ и скоро вернулся, неся постельныя принадлежности.

— Я самъ ужъ постелю... а вотъ если бы воды можно было достать...

Костельный служитель взялъ глиняный кувшинъ и грязный стаканъ, принесъ свѣжей воды, поставилъ на столъ и, попрощавшись именемъ Божьимъ, ушелъ изъ кельи.

— Кушай, дитя мое, это отъ ксендза пріора, — убѣждалъ его отецъ.

Хотя онъ не чувствовалъ никакого аппетита, но чтобы доставить отцу удовольствіе, онъ сталъ ѣсть.

Когда онъ кончилъ, отецъ продолжалъ:

— Теперь постели себѣ и постарайся уснуть; здѣсь подъ покровительствомъ пресвятой дѣвы Маріи Ченстоховской тебѣ будетъ спать спокойно.

— Хорошо, папа, — онъ положилъ на широкой скамьѣ матрацъ, накрылъ его простыней и примостилъ подушку.

— Потуши лампу, — попросилъ спустя минуту больной — и зажги лампаду передъ св. Распятіемъ.

— А не будетъ ли она тебѣ мѣшать спать?

— Жажгають ее для славы Божіей, а что значу я передъ величіемъ Христа?

Карлъ послушно потушилъ лампу, затеплилъ лампаду и одѣтый расположился на скамьѣ.

Въ кельѣ водворилась тишина, время отъ времени раздавались лишь сонныя глубокіе вздохи больного. Въ оконныя стекла забарабанилъ осенній дождь, завывъ и засвистѣлъ вѣтеръ и закрутился въ трубѣ, въ печкѣ, въ корридорахъ и галлерейхъ, то утихая, то начиная бушевать съ новой силой. Монастырь стоялъ на высокой скалѣ и вѣтру было гдѣ разгуляться.

Около полуночи старикъ вскочилъ съ постели, обвелъ блуждающимъ взглядомъ вокругъ себя и размахивая руками, какъ будто кого то отталкивая отъ себя, кричалъ задыхающимся голосомъ:

— Призраки чистилища, чего хотите вы отъ меня?

Сынъ проснулся, всталъ съ своего ложа и подойдя къ отцу, ласково успокоивалъ его:

— Отецъ, это я, твой Карлъ.

Онъ вздрогнулъ, уставился на сына глазами полными страха и ужаса; наконецъ онъ пришелъ въ себя и вздохнувши произнесъ:

— Хорошо, что ты возлѣ меня, Карлъ... гляди туда, въ тотъ темный уголокъ... видишь?.. тамъ стоитъ Тропфъ съ разбитымъ черепомъ... бѣднется мозъ... онъ смотритъ на меня злобно, грозитъ, манить къ себѣ... о Боже!.. — онъ съ отчаяньемъ закрылъ глаза.

— Отецъ, это разыгралось твое больное воображеніе, никакихъ тутъ призраковъ и слѣда нѣтъ, — успокаивалъ сына.

— Послушай, какъ онъ стонетъ, — продолжалъ опять старикъ, глядя на него безумными глазами, — онъ теперь въ корридорѣ и плачетъ, такъ какъ умеръ безъ исповѣди со смертнымъ грѣхомъ на совѣсти... а тамъ... за окномъ... слышишь стоны и жалобы?.. Они всѣ такъ внезапно, неподготовленные погибли, я, а ихъ убилъ!

Онъ зарылся въ одѣяніе, словно желая отъ нихъ спрятаться, но скоро отбросилъ его и сталъ громко отчитывать, бѣя себя въ грудь:

— Господи, смилуйся надо мною грѣшнымъ и надъ моею душой!

Успокоившись на мгновеніе, онъ шепталъ таинственно сыну:

— Они навѣщаютъ меня каждую ночь, стоять предъ мною, стонуть, жалуются, грозятся, исчезаютъ лишь съ первымъ ударомъ колокола къ заутрени... Вотъ они опять идутъ, слышишь? Они ужъ совсѣмъ близко! Защити меня, спаси меня отъ нихъ, сынъ мой!

Слезы катились по лицу Карла: онъ обнялъ отца руками, вѣрно прижималъ къ себѣ его сѣдую, старую, измученную голову.

Больной подаялъ на него глаза и спросилъ:

— Послушай, Карлъ, скажи мнѣ что тамъ?

— Гдѣ, папа?

— Тамъ за гробомъ?

— Не знаю.

Онъ разсмѣялся безумнымъ смѣхомъ и воскликнулъ, отстраняя сына:

— А я знаю, что тамъ. Я иногда вижу адъ, меня тамъ передаютъ убитымъ мною, и они придумываютъ для меня муки... рвутъ меня раскаленными щипцами, куютъ гигантскимъ молотомъ, сдираютъ съ меня кожу ремнями, вьдаютъ въ огненные котлы, а вокругъ раздается дьявольскій хохотъ, злобный смѣхъ... э... послушай... послушай...

— Да это вѣтеръ стонетъ и завываетъ въ трубу,—отвѣтилъ тотъ спокойно.

— По твоему, это только вѣтеръ,—смѣялся тотъ безумно,—но послушай, развѣ ты не различаешь дьявольскаго хохота?.. Это они стерегутъ мою душу, чтобы она отъ нихъ не ускользнула, чтобы расправиться съ ней, какъ со своей собственностью... Пойди, загляни за дверь, если ты не боишься и увидишь тогда ихъ огненные глаза и злыя лица.

— Это тебѣ мерещится, папа, я сейчасъ пойду и покажу тебѣ, что тамъ никого нѣтъ.

Онъ сдѣлалъ было нѣсколько шаговъ по направленію къ дверямъ, но голосъ отца его удержалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, сынъ мой, не иди, остановись! Тамъ такія ужасныя вещи, что можно ума лишиться; кто разъ ихъ увидитъ, тотъ перестанетъ улыбаться на всю жизнь.

Больной бессильно опустилъ голову на подушку, сынъ сѣлъ у его ногъ, грустно на него поглядывая.

Мерцающее невѣрное пламя лампы слабо освѣщало выпуклыя части распятія, колѣни и ликъ Христа, а также тускло озаряло голову старика, все остальное тонуло во мракѣ.

На минуту вѣтеръ стихъ, но скоро забушевалъ съ новой силой; все зданіе наполнилось дикою музыкой; вѣтеръ то стоналъ, то какъ будто плакалъ, то завывалъ, гудѣлъ, шумѣлъ, потрясалъ

оконными рамами, стучалъ гдѣ-то за дверьми, подхватывалъ и металъ листья, ломалъ вѣтви деревьевъ на окнахъ.

Въ этой кельѣ, при такой обстановкѣ, и на молодого Новака напалъ какой-то неизъяснимый страхъ. Онъ поднялся, чтобы зажечь лампу, но едва онъ тронулся съ мѣста, больной сѣлъ и зашепталъ.

— Ццъ... тише, не шевелись... слышишь лязгъ цѣпей? Это Тропфъ... онъ осужденъ на вѣчное заключеніе и, прикованный къ тачкамъ, нагруженнымъ до верха вопіющими грѣхами, гремѣтъ цѣпями. А укладываютъ эти грѣхи одинъ надъ другимъ бѣсы, блѣдные, испуганные, потные, липкіе отъ слезъ человѣческихъ и грязи. Тропфъ везетъ ихъ къ черному престолу Люцифера... Мнѣ это рассказывалъ въ Св. Землѣ одинъ пустынный, святой, божій человѣкъ...

— Отецъ, не раздражай себя призраками, вѣрь въ безконечную доброту Бога.

— Богъ добръ къ добрымъ, а я великій грѣшникъ, я убилъ невинныхъ, братьевъ своихъ... Скажи мнѣ чистую правду, Карлъ, тамъ, у насъ на роднѣхъ они не проклинаютъ меня?

— Наоборотъ, папа, они сохранили о тебѣ самыя лучшія воспоминанія, жалѣютъ, что тебя нѣтъ съ ними.

— Знаешь, Карлъ, я былъ бы мягче, снисходительнѣе къ нимъ, если бы не Рейнеръ; я ему уступалъ во всемъ; я чувствовалъ, что у насъ совершаются несправедливости, но не было у меня силы и мужества, чтобы противодѣйствовать; я притворялся, что не понимаю, не слышу, не вижу. О, я великій тяжкій грѣшникъ!.. Молитесь, надо молиться...— онъ зашепталъ молитву, но ослабѣлъ и упалъ на подушку.

Сынъ зажегъ лампу и вернулся на прежнее мѣсто у ногъ отца и смотрѣлъ съ невыразимой жалостью на бѣднаго, измученнаго старика, который, казалось, уснулъ.

Но черезъ минуты двѣ онъ опять открылъ глаза и заговорилъ шепотомъ:

— А, я все еще живъ!.. Мнѣ казалось, что духъ мой отдѣлился отъ плоти и стремительно падаетъ въ ка-

кую-то бездонную, глубочайшую, ужасную пропасть... Я летѣлъ стремглавъ, ударяясь о выступающіе камни, пни, сучья... Я чувствовалъ, что гдѣ-то тамъ внизу ждутъ моего прибытія разверстыя врата ада... О, научи меня, дай мнѣ совѣтъ, способъ, будь моимъ спасителемъ...— умолялъ онъ, и слезы катились по его выпѣвшимъ, полнымъ мистическаго ужаса глазамъ.

— Отецъ, вѣдь самъ пріоръ увѣрялъ, что Господь проститъ твои грѣхи.

— Это онъ говорилъ, чтобы меня утѣшить, но чувствуетъ мое сердце, что нѣтъ мнѣ спасенія.

— Ну, будемъ молиться, папа,— предложилъ сынъ, чувствуя себя совершенно безпомощнымъ передъ этимъ безграничнымъ отчаяніемъ.

Онъ ваялъ молитвенникъ и сталъ тихо, монотоннымъ голосомъ читать молитвы.

Старикъ заснулъ. Разбудилъ его колокольный звонъ, призывающій вѣрующихъ къ заутренѣ. Было 5 часовъ утра.

— Ну, слава Богу! — проговорилъ успокоеннымъ голосомъ больной.— Окончились ночныя мученія мои, нечистая сила ужъ не посмѣетъ теперь ко мнѣ подступиться.

Онъ хотѣлъ было подняться съ своего лежа, но отъ слабости снова упалъ на подушку.

— Что тебѣ, папа?

— Подай мнѣ лѣкарство.

Сынъ подалъ.

Больной безпокойно задвигался и дѣлалъ тщетныя усилія встать.

— Одѣнь меня, Барль.

— Тебѣ, папа, лучше бы лежать въ постели.

— Я бы хотѣлъ сходить, быть можетъ, въ послѣдній разъ, въ часовню и помолиться предъ чудотворной иконой.

— Не хватить у тебя силъ идти такъ далеко, послѣ такой безпокойной, почти безсонной ночи...

— О, я привыкъ къ такимъ ночамъ; эта ночь была сравнительно еще хороша, благодаря твоему присутствію. Но я хочу все-таки сходить въ часовню.

Сынъ послушно сталъ его одѣвать. Сначала старику удавалось еще съ боль-

шими усиліями сохранить вертикальное положеніе, но очень скоро силы оставили его, и онъ упалъ бы, если бы его не поддержалъ сынъ.

— Не могу, — простоналъ съ отчаяніемъ отецъ.

— Ступай ты одинъ, Барль, и помолись за меня; молитва невиннаго будетъ даже угоднѣе Господу Богу...

— Хорошо, папа, только будь спокоенъ.

— Буду, буду; иди, иди и принеси мнѣ сюда чудотворное дыханіе часовни.

Барль взялъ свѣчу, зажегъ ее и вышелъ въ темный корридоръ.

Вѣтеръ утихъ; лишь время отъ времени шумѣли порывы его въ узкихъ закоулкахъ между монастырскими постройками.

На дворѣ только что начиналъ брезжить разсвѣтъ; сѣрѣло; въ нижнемъ же корридорѣ было еще совсѣмъ темно.

Онъ шелъ медленно, чувствуя, какъ въ немъ не улеглись еще тяжелыя слѣды миновавшей ночи. Дойдя до лѣстницы, ведущей въ рыцарскую залу, и тихо ступая, чтобы никого не побеспокоить, онъ услыхалъ гдѣ-то надъ собою легкій скрипъ дверей; онъ остановился, и въ эту минуту порывъ сѣвознаго вѣтра загасилъ свѣчу.

Оставаясь на ступенькахъ, ведущихъ въ рыцарскую залу, онъ сталъ шарить по карманамъ, ища свѣчекъ.

Боковыя двери тихо раскрылись и со свѣчей въ рукѣ, бормоча молитву, вышелъ монахъ въ бѣлой рясѣ, за нимъ другіе; каждый со свѣчей въ рукахъ и съ молитвой на устахъ спѣшилъ въ каноническій хоръ.

Свѣчекъ у него не оказалось, и желая попасть въ часовню, какъ обѣщалъ отцу, онъ рѣшилъ прождать нѣсколько, пока станетъ свѣтлѣе.

Сѣроватый свѣтъ вливался сѣвось многочисленныя сѣверныя окна, постепенно все больше разгоняя ночной мракъ. Сначала обрисовались контуры развѣшанныхъ картинъ, и изъ темнаго фона выступили яркіе тоны: пурпурные плащи Владислава IV, Яна Казимира и Михаила Корибута, золотыя короны, скистры и

ЭДУАРДЪ ДРЮ

(адъюнктъ-профессоръ исторіи въ Орлеанскомъ лицее).

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

ВЪ КОНЦѢ XIX ВѢКА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

К. И. Диксона.

Эльзась-Лотарингія.—Италія: папа, король, народъ. — Австро-Венгрія.—Османская имперія.—Египеть и Абиссинія.—Африканскія колоніи.—Европа и Азія. — Китайскій вопросъ. — Европа и Америка. — Тройственный союзъ. — Франко-русскій союзъ. — Великія державы и раздѣленіе міра.—Столкновенія интересовъ и идея всеобщаго мира.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1901.

ГЛАВА I.

Эльзась-Лотарингія.

Необходимо начать наше бѣглое обзорѣніе съ вопроса объ Эльзасѣ. Я навлекаю такимъ образомъ на себя, съ самаго начала, упрекъ въ томъ, что смотрю на вещи исключительно съ точки зрѣнія француза, — но на самомъ дѣлѣ никто изъ читателей не встрѣтитъ здѣсь доказательствъ односторонности взгляда, которая оправдала бы ихъ недовѣріе. Я принимаю упрекъ; я охотно соглашаюсь, что эта книга съ самыхъ первыхъ страницъ носитъ чисто французскій отпечатокъ, но я въ тоже время думаю, что изъ Франціи, какъ центра, можно взглянуть на міръ и съ точки зрѣнія достаточно безпристрастной. Кромѣ того, никто не будетъ оспаривать, что во многихъ отношеніяхъ современное мировое положеніе есть результатъ событій 1870 года. Съ этого времени возникли всѣ тѣ вопросы, которыми занимаются въ настоящее время и политическіе дѣятели, и историки. Съ этого момента Пруссія такъ ужасно искалѣчила Францію и Франція стала вооружаться, чтобы отомстить за свое пораженіе, а Германія для того, чтобы сохраниться за собой то, что она завоевала. Съ этого момента стала вооружаться и вся Европа съ цѣлью обезпечить равновѣсіе военныхъ силъ великихъ державъ. и весь міръ принялъ участіе въ этомъ состязаніи. Поэтому, несомнѣнно, назовутъ эту послѣднюю треть вѣка «эрой вооруженнаго мира», главнѣйшимъ, если даже не единственнымъ, поводомъ къ появленію котораго и былъ эльзась лотарингскій вопросъ. Мнѣ кажется, что даже и не французы начали бы первую главу настоящей книги непремѣнно съ этого вопроса. Правда, временами другіе вопросы привлекаютъ къ себѣ болѣе живое вниманіе; изъ-за восточнаго вопроса, на примѣръ, вотъ уже тридцать лѣтъ проливается гораздо больше чернилъ и крови, а вопросы колониальные въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ служатъ главной темой для разговоровъ о политикѣ. Но эльзаскій вопросъ тѣмъ не менѣе лежитъ въ основаніи всѣхъ дипломатическихъ комбинацій; онъ возбуждаетъ всегда надежды у однихъ, безпокойство у другихъ и, наконецъ, интересъ рѣшительно у всѣхъ. Это вопросъ, о которомъ никто не говоритъ, но который всякій подразумеваетъ. Онъ представляетъ для всей Европы плохой секретъ, новое доказательство того, что къ страданіямъ Франціи не можетъ относиться безучастно весь свѣтъ.

Какъ Эльзась-Лотарингія сдѣлалась французской.

Эльзась и Лотарингія присоединились къ Франціи мирнымъ и естественнымъ путемъ. Онѣ составляли часть прежней Галліи, и Рейнь во всѣ времена являлся здѣсь необходимой границей французской страны.

Но не слѣдуетъ долго останавливаться на географическомъ положеніи, ибо историческіе факты не всегда зависятъ отъ географическихъ данныхъ; безспорнымъ же матеріаломъ для истории могутъ служить одни только факты и поэтому только факты могутъ быть обсуждаемы въ этомъ всегда открытомъ вопросѣ.

Въ 1551 году во Франціи былъ королемъ Генрихъ II, въ Германіи царствовалъ императоръ Карлъ V. Послѣдній воспользовался смертью Франциска I-го, чтобы разрѣшить наконецъ свой споръ съ защитниками реформации, навязать имъ свою вѣру и укрѣпить затѣмъ повсюду свою власть. Такимъ образомъ всѣмъ политическимъ и религіознымъ вольностямъ Германіи угрожала серьезная опасность. Императорская армія съ триумфомъ прослѣдовала по всей странѣ, оттѣснила войска протестантовъ, взяла въ плѣнъ главныхъ предводителей и окружила остатокъ ихъ войска въ Магдебургѣ. Императоръ сталъ полнымъ господиномъ положенія. Тогда нѣмецкіе государи послали чрезвычайное посольство къ французскому королю просить у него заступничества. Послы были приняты въ Фонтенебло и просили короля ихъ выслушать. Король оказался мало расположеннымъ къ той роли, какая ему предназначалась; онъ предпочиталъ, какъ и его отецъ, блестящія итальянскія войны. Необходимо было все пылкое краснорѣчіе повелителя «вѣчнаго города», чтобы побудить его принять германское посольство и переговорить съ нимъ. Онъ согласился, наконецъ, помочь имъ и принялъ титулъ «защитника германскихъ вольностей»; онъ обѣщалъ послать войска на Рейнъ, и чтобы обезпечить большую выгоду союзникамъ, нашли «справедливымъ», чтобы онъ занялъ своими гарнизонами нѣкоторые изъ городовъ на восточной границѣ Франціи, именно: Гамбръ, Туль, Мецъ и Верданъ. Первыми изъ этихъ нѣмецкихъ государей, вступившихъ въ переговоры съ французскимъ королемъ, были два князя изъ дома Гогенцоллерновъ, Юганнъ и Адальбертъ Бранденбургскіе. Въ слѣдующемъ 1552 году Генрихъ II безъ боя овладѣлъ тремя епископствами въ Лотарингіи. Онъ увеличилъ въ Эльзасѣ свои границы вплоть до Рейна, пробылъ нѣкоторое время въ Страсбургѣ, Виссембургѣ и торжественно проѣхалъ черезъ всю, какъ тогда называли, «Австразію», впервые окинувъ взглядомъ тѣ страны за рѣкой, политическія и религіозныя вольности которыхъ французскіе короли должны были защищать въ теченіе двухъ вѣковъ. Эльзасъ былъ свободной страной, только отчасти подчиненной австрійскимъ Габсбургамъ, которые были здѣсь мало извѣстны и которыхъ ненавидѣли за ихъ финансовыя посягательства. Тридцатилѣтняя война была причиной величайшихъ несчастій для всей Германіи; при помощи желѣза, въ крови и пожарахъ основывались новыя государства, въ то время какъ другія съ трескомъ рушились. Судьба всѣхъ держалась на мечѣ. Это былъ золотой вѣкъ авантюристовъ и грабителей. Бернардъ Саксенъ-Веймарскій, лучший нѣмецкій офицеръ Густава-Адольфа, поступилъ на службу Франціи, по приглашенію Ришелье, завоевалъ со своими нѣмцами Эльзасъ и, жестоко разграбивъ его, умеръ. Его армія и завоеванная имъ земля переходятъ къ французскимъ начальникамъ. Эльзасъ по Вестфальскому договору остается французскимъ и никто не протестуетъ противъ совершившагося факта. Тѣмъ же договоромъ, подъ сильнымъ давленіемъ Франціи, были гарантированы политическія и религіозныя вольности Германіи и положенъ былъ предѣлъ властолюбивымъ посягательствамъ австрійскаго дома. Чѣмъ ближе подвигалась Франція къ Рейну, тѣмъ болѣе Германія становилась свободной. Французскій Эльзасъ является

такимъ образомъ какъ бы символомъ германской свободы. Страсбургъ сдался добровольно. Кельскій мостъ былъ необходимъ для безопасности новой границы Франціи и для той роли, какую французскіе короли должны были играть по ту сторону Рейна. Три французскихъ отряда приблизились къ нему въ сентябрѣ 1681 года. Тотчасъ же были начаты переговоры съ властями республики. Пока эти переговоры шли, во избѣжаніе какихъ-либо случайностей, позаботились увезти весь порохъ и ядра, которые нашлись на валахъ. 30-го сентября французы вошли въ городъ, окруженные рядами любопытныхъ жителей, державшихъ себя «удивительно спокойно». Только одна старая женщина приходила на слѣдующій день жаловаться, что ея мужъ всю ночь пьянствовалъ съ солдатами и послѣ этого буянить дома. Два дня спустя Лувуа провелъ ночь въ Страсбургѣ; это было признакомъ того, что больше нечего имъ опасаться.

Нужно ли говорить еще о присоединеніи Лотарингіи? Оно произошло само собой безъ всякихъ усилий и даже къ удовольствію герцогскаго дома во время правленія Станислава Лещинскаго, тестя Людовика XV. Лотарингія была счастлива тридцать лѣтъ подъ его управленіемъ, о которомъ сохранила пріятное воспоминаніе, и послѣ смерти Станислава Лещинскаго вошла естественнымъ путемъ въ лоно Франціи. Ни одинъ нѣмецъ не протестовалъ противъ присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи къ Франціи; нѣмецкіе государи сами просили французскихъ королей занять Лотарингію, они были рады видѣть Францію въ Эльзасѣ, видя въ этомъ гарантію ихъ независимости отъ австрійскаго дома. И кромѣ того, если эти провинціи съ самаго начала сохранили муниципальную и таможенную свободу, а также своеобразное политическое и административное устройство рядомъ съ другими провинціями королевства, то революція 1789 года окончательно завершила ихъ присоединеніе къ великой націи, слила ихъ судьбы воедино и сдѣлала ихъ нераздѣльной частью Франціи.

Какъ Эльзасъ-Лотарингія сдѣлалась нѣмецкой.

Нельзя сказать, чтобы Эльзасъ, а тѣмъ болѣе Лотарингія, имѣли какія-либо особыя симпатіи къ Германіи. Эльзасъ не чувствовалъ себя плѣнникомъ ненавистнаго ему государства и вовсе не стремился вернуться въ великую германскую семью. Последняя въ теченіе цѣлаго вѣка не успѣла замѣтить, что ей не достаетъ Эльзасъ-Лотарингіи. Идея о созданіи мнимаго германскаго единства явилась совершенно новой. Это было искусное изобрѣтеніе Пруссіи, орудіе для созданія ея гегемоніи въ Германіи. Положеніе Франціи на Рейнѣ было достаточно опредѣлено, чтобы оказывать дѣйствительное вліяніе на Германію и поддерживать равновѣсіе между австрійскими Габсбургами и прусскими Гогенцоллернами. Эти три великія державы, въ силу ихъ положенія и постояннаго соревнованія, помимо ихъ воли являлись уже гарантіей германскихъ вольностей. Чтобы устранить Австрію, достаточно было Пруссіи напомнить нѣмцамъ о долгомъ ея господствѣ и постоянно повторяемыхъ ею попыткахъ къ религиозному главенству. Для устраненія Франціи нужно было убѣдить нѣмцевъ, что она на Рейнѣ представляетъ серьезную опасность для ихъ независимости, постоянно замышляя противъ нихъ ужасныя козни. Сначала нѣмцы не особенно вѣрили всему этому. Они очень долго были съ Франціей въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и много разъ рядомъ съ французскими солдатами сражались противъ австрійскихъ и прусскихъ

войскъ. Наибогѣе умные изъ нѣмецкихъ писателей относились къ Франціи тоже весьма сочувственно. Еще въ 1806 году Гѣте разсматривалъ сраженіе подъ Іеною, какъ пораженіе Пруссіи, а не Германіи и не отказался, несмотря на весь свой патріотизмъ, отъ разговора съ Наполеономъ. Изъ года въ годъ наблюдалось даже болѣе тѣсное сляніе этихъ двухъ сосѣднихъ народовъ; лучшіе умы ожидали серьезныхъ результатовъ отъ этого сближенія и не сомнѣвались, что общая цивилизація должна отъ этого только выиграть. Эта совмѣстная культурная работа, которая на самомъ дѣлѣ не могла оставаться безплодной,—была вдругъ прервана; традиціи не могли ее возстановить, ибо событія XIX-го вѣка доставили Пруссіи противъ Франціи обширный запасъ аргументовъ. Прежде для Пруссіи было трудно поднять нѣмецкій патріотизмъ, такъ какъ еще свѣжи были въ памяти кампаніи противъ Австріи, благопріятныя интересамъ германскихъ государей. Но когда войска первой республики опредѣлили для Франціи «естественныя границы»,—Прирейнская Франція явилась серьезной помѣхой въ судьбахъ Германіи. Съ Рейна она оказывала давленіе на всѣхъ государей праваго берега. Наполеонъ хотѣлъ «офранцузить» Германію и этимъ раздражилъ только національное чувство и пробудилъ стремленіе къ независимости. Франція стала врагомъ. Нарушеніе европейскаго равновѣсія Наполеономъ вызвало неизбежную реакцію, которой и воспользовалась Пруссія, такъ какъ ея положеніе изъ всей Германіи было наибогѣе тяжкое. Она придала этой реакціи всю энергію, на какую только была способна, и вырвала рейнскія провинціи у побѣжденной Франціи, послѣ чего тяжелый салогъ прусскаго гренадера истощалъ всю нѣмецкую землю. И до сихъ поръ Пруссія называетъ Эльзась-Лотарингію когѣномъ, которымъ Франція душила всю Германію. Послѣ Садовой южная Германія все-таки отказывалась подчиниться Пруссіи. Наполеонъ III и его министры, чтобы замаскировать свои потери, придумали теорію «трехъ вѣтвей» и, быть можетъ, они были правы, ибо въ Германіи существуютъ три вѣтви: прусская, австрійская и германская, которымъ пока еще не удалось освободиться другъ отъ друга. Вѣть германская до сихъ поръ является только игрушкой въ рукахъ болѣе сильныхъ сосѣдей. Но французское правительство имѣло несчастье откровенно радоваться слабости раздѣленной Германіи и Бисмаркъ превосходно воспользовался этой неловкостью. По мановенію его жезла вся Германія бросилась на Рейнъ и на Парижъ. Германія отдалась Пруссіи, чтобы избѣгнуть химерической опасности отъ французовъ. Эльзась-Лотарингія не сдавалась и надо было ее взять, употребивъ самое жестокое насиліе. Я напомишу только бомбардировку Страсбурга и протестъ депутатовъ присоединенныхъ провинцій при обсужденіи мира на собраніи въ городѣ Бордо. «Мы заявляемъ,—говорится въ этомъ протестѣ,—передъ лицомъ нашихъ французскихъ согражданъ, передъ правительствами и народами всего свѣта, что мы не пойдемъ на уступки и будемъ признавать недѣйствительными тѣ акты и договоры, которыми будетъ рѣшено передать иностранцамъ всю или какую-либо часть нашихъ провинцій Эльзаса и Лотарингіи». Предлагаю припомнить здѣсь для сравненія договоръ, заключенный Генрихомъ II и депутатами германскихъ государей. Когда Франція въ 1860 г. присоединила къ себѣ Савойю и Ницу, то она принимала во вниманіе желаніе населенія. Точно также, когда образовалась Италія соединеніемъ отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ, король Викторъ-Эммануилъ исполнилъ желаніе населенія. Но

король прусскій, императоръ германскій врядъ ли рискнулъ бы прибѣгнуть къ опросу населенія Эльзасъ-Лотарингіи даже теперь, тридцать лѣтъ спустя послѣ войны.

Эльзасъ-Лотарингія до сихъ поръ посылаетъ въ берлинскій рейхстагъ депутатовъ, большинство которыхъ протестуетъ противъ современнаго положенія вещей. Какія бы угрожающія, историческія или метафизическія, доказательства не приводили бы намъ германскіе ученые, факты остаются таковы: Эльзасъ и Лотарингія сдѣлались французскими по собственному желанію, германскими же они стали и продолжаютъ быть помимо ихъ воли, и Германія остается въ глазахъ цивилизованнаго міра запятанной безчеловѣчнымъ преступленіемъ. Обыкновенно преступники извлекаютъ пользу изъ своего преступленія, но въ Германіи и этого нѣтъ. Пользу извлекаетъ въ данномъ случаѣ одна только Пруссія. Такимъ образомъ, благодаря слѣпотѣ Германіи и дьявольской политикѣ Бисмарка, было заковано желѣзное кольцо, которымъ Пруссія охватила, наконецъ, шею Германіи, и я прибавлю, что Эльзасъ-Лотарингія нѣмецкая есть символъ рабства Германіи.

Эльзасъ-Лотарингскій вопросъ во Франціи и Германіи.

Нѣмцы не теряютъ надежды уничтожить тѣ симпатіи, которые соединяютъ жителей Эльзасъ-Лотарингіи съ Франціей. При этомъ они употребляютъ самыя разнообразныя мѣры,—то жестокія, то очень кроткія,—но пока всѣ ихъ усилія не увѣнчались ни малѣйшимъ успѣхомъ. Даже, напротивъ того, своей настойчивостью они добились совершенно противоположныхъ результатовъ. Они испытали и военную диктатуру, и диктатуру гражданскую въ лицѣ одного президента; они изобрѣли затѣмъ родъ конституціоннаго режима и пригнали отъ Эльзасъ-Лотарингіи депутатовъ въ рейхстагъ. Въ 1879 году Мантейфелю было поручено держаться до нѣкоторой степени либеральной политики. Но это ему не удалось. Въ 1887 г. опять вернулись къ крутымъ мѣрамъ: изобрѣли систему паспортовъ и воздвигли такимъ образомъ между Франціей и Германіей непреодолимый барьеръ для торговыхъ сношеній и путешественниковъ,—но, конечно, не для обоюдныхъ симпатій,—и, въ концѣ концовъ, «германизация» и здѣсь должна была уступить. Тогда систему паспортовъ отиѣнили, и Вильгельмъ II сталъ обращаться съ своими эльзасскими подданными съ гораздо большей ловкостью и осторожностью. Онъ постоянно превозноситъ ихъ вѣрность, можетъ быть, думая этимъ покорить ихъ сердца. Но, несомнѣнно, онъ болѣе рассчитываетъ на новыя поколѣнія, которыя не были свидѣтелями тяжелой судьбы. Но это, повидимому, оказалось иллюзіей. Историческія воспоминанія не забываются съ теченіемъ времени и протестъ за попранныя права передается изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Когда преступникъ умираетъ, то дѣти его жертвъ могутъ забыть о мщениі. Преступленіе же не умираетъ и воспоминаніе о немъ всегда остается позорнымъ пятномъ, которое можетъ быть уничтожено только полнымъ удовлетвореніемъ. Время для завоеваній силою уже прошло. Нѣкогда оружіе было необходимо для укрѣпленія народовъ; ихъ разрозненные, относящіеся безсознательно къ своему родству, элементы должны были быть соединены грубой силой. Но народъ вполне сформировавшійся уже не можетъ быть уничтоженъ. Отечество, въ особенности отечество французовъ, есть наиболѣе твердо сплоченное націо-

нальное единство, это союзъ сердець, воспоминаній, традицій, чувствъ, неуловимыхъ соотношеній, которыя не могутъ быть разъединены безъ того, чтобы жизнь цѣлаго не пострадала. Невозможно представить себѣ Италію безъ Пьемонта или Венеціи, Германію безъ Пфальца или Ахена. Точно также нельзя Францію представить себѣ безъ Эльзасъ-Лотаринги. Вотъ почему всѣ усилія Германіи «онѣмечить» отнятыя ею провинціи остаются тщетными и обезсильваютъ только ту же Германію. Окончательное завершеніе созидающейся, еще молодой, германской націи сильно затрудняется этимъ иностраннымъ элементомъ, точно также какъ развитіе французской народности безъ того же необходимого ей элемента совершенно аномально. Будетъ ли человѣкъ сильнѣе отъ того, что приклеитъ къ своему тѣлу третью руку, отнятую имъ у сосѣда? Поэтому франкфуртскій трактатъ «былъ настолько же неполитиченъ, насколько и несправедливъ» *).

Онъ оказался пагубнымъ и для обѣихъ заинтересованныхъ націй, и для всей остальной Европы,—вызвавъ чрезмѣрные вооруженія, совершенно разоряющія болѣе богатые народы континента. Онъ отвлекъ громадныя денежные средства, а также и умственные силы отъ мирной культурной работы и замедлилъ такимъ образомъ прогрессъ цивилизаціи. Въ то же самое время Америка все возвышается и грозитъ уже отнять у Европы міровые рынки. Франкфуртскій трактатъ былъ, несомнѣнно, пагубенъ для Франціи, онъ даже принесъ ей гораздо болѣе вреда, чѣмъ Германіи. Франція, обезображенная неисцѣлимымъ увѣчьемъ, остается навсегда разбитой. Ея международный престижъ пораженъ жестоко и ея вліянію повсюду угрожаетъ гегемонія германскихъ расъ. Всегда обращенная къ Вогезскому проходу, она сохраняетъ надежду на отомщеніе и напрягаетъ для этого всѣ свои силы; она воспитываетъ свое юношество на идеѣ «обратнаго завоеванія» и дѣлаетъ все, чтобы французская армія не забыла объ этомъ пораженіи и надѣялась, въ концѣ концовъ, одержать побѣду; она рисковала пожертвовать милитаризму, такъ легко переходящему въ цезаризмъ, всѣми своими вольностями, купленными такой дорогой цѣною. Но она закалила, по крайней мѣрѣ, въ этой тяжелой тридцатилѣтней работѣ свои силы, разслабленныя безнравственнымъ и унижительнымъ режимомъ. Она могла показать міру изумительное зрѣлище трудолюбивой и предприимчивой республики. Какъ интермедія къ европейскимъ осложненіямъ, какъ результатъ упражненія своихъ вновь обрѣтенныхъ силъ,—явилась громадная колониальная имперія, завоеванная Франціей менѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ. Такимъ образомъ, она терпѣливо переноситъ поражение и не падаетъ духомъ.

Побѣда 1870 года была гибельна для Германіи. Чтобы сохранить свою добычу, черный прусскій орелъ тридцать лѣтъ оттачиваетъ свои когти и не сводитъ глазъ съ врага, котораго онъ стережетъ на западѣ. Германія истощила свои силы тяжкими финансовыми и военными повинностями и съ большимъ трудомъ поддерживаетъ свои, еще молодой, промышленность и торговлю. Ужасная бѣдность царитъ среди низшихъ классовъ населенія и социальная революція является здѣсь болѣе угрожающей, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Громадная армія, на содержаніе которой уходятъ лучшіе плоды народнаго труда,—представляетъ страшное орудіе въ рукахъ того, кто ею управляетъ. Германія напрягаетъ всѣ свои силы для скрѣпленія тѣхъ самыхъ цѣ-

*) G. Monod. «Preface de ma Question d'Orient». Paris. F. Alcan.

пей, при помощи которыхъ держитъ ее въ рабствѣ прусскій деспотизмъ. Она сражалась и побѣдила, чтобы сдѣлаться работъ,—теперь она истощаетъ свои силы, чтобы остаться тѣмъ же работъ. За послѣдніе года она посвятила вооруженіямъ для сохраненія Эльзаса всѣ свои заботы и денежные средства, необходимыя для развитія колониальной политики. Она вступила на этотъ путь слишкомъ поздно, такъ что даже Франція ее значительно въ этомъ отношеніи опередила. Она пожертвовала минувшему, которое ее захватило всецѣло, будущимъ, полнымъ всяческихъ обѣщаній для трудящагося населенія. Если бы мы предположили, что война 1870 года окончилась на другой день послѣ Седана и миръ былъ подписанъ безъ изуродованія французской границы, и если бы мы подсчитали затѣмъ всю ту громадную работу, которая была бы произведена въ эти 30 лѣтъ мирнымъ соврѣнованіемъ двухъ сосѣднихъ державъ, то врядъ ли можно было бы вывести заключеніе, что князь Бисмаркъ поступилъ въ 1870 году такъ, какъ поступилъ бы дѣйствительно великій государственный дѣятель.

Иногда казалось, что императоръ Вильгельмъ II хорошо это чувствовалъ и что онъ желалъ бы направить силы народовъ своей имперіи на культурную работу. Онъ проявлялъ въ теченіе десяти лѣтъ живой, безпокойный умъ, «плодовитый на сюрпризы» и даже способный на строго обдуманые планы и предпріятія далекаго будущаго. Одной изъ его наиболѣе постоянныхъ политическихъ идей, казалось, была идея о примиреніи съ Франціей. Съ самаго момента своего вступленія на престолъ онъ изыскивалъ всевозможные случаи, чтобы установить болѣе сердечныя отношенія съ французскимъ правительствомъ. Онъ пробуетъ привлечь вниманіе и даже симпатію со стороны французовъ. Если это происходитъ въ силу благороднаго рыцарскаго чувства и честнаго уваженія къ врагу, возстановленіе котораго возлагается на побѣдителя, то, конечно, Франція не можетъ оставаться къ этому безучастной, ибо всякая дань уваженія драгоцѣнна. Но, что можно сказать, если это есть результатъ убѣжденія, что время залѣживаеъ все, что рана, нанесенная Франціи уже зарубцовывается и что побѣжденные уже покорились своей участи (какое предположеніе болѣе вѣроятно, потому что удваивая вѣжливость по отношенію къ Франціи, императоръ въ то же самое время при всякомъ удобномъ случаѣ повторяетъ, что онъ сохранить завоеваніе его дѣда),—то конечно императоръ германскій совершенно не узналъ чувствъ французскаго народа и, высказывая свое уваженіе къ Франціи, онъ въ то же время оскорбляетъ ее, ибо для Франціи, несомнѣнно, оскорбительно предположеніе, что она забыла войну 1870 г., что она отказалась отъ своихъ дорогихъ надеждъ и покорилась своей участи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ германскій императоръ поразительно не ошибся въ своихъ предположеніяхъ относительно всего того, что было бы выгодно для обѣихъ націй, а также необходимо для міроваго равновѣсія и улучшенія франко-германскихъ отношеній послѣднихъ вѣковъ. Послѣ войны 1870 г. обѣ страны, несомнѣнно лучше узнали другъ друга и многому научились; при ихъ различныхъ достоинствахъ онѣ могли бы, болѣе тѣсно связанныя, представить примѣръ крайне интереснаго научнаго сотрудничества; съ каждымъ днемъ они все болѣе и болѣе чувствуютъ необходимость къ болѣе тѣсному сближенію. Вотъ почему кажется возможнымъ приписать Вильгельму II мечту, которая вѣкогда внушила Эрнесту Лависсу вѣру въ чувство великодушія императора Фридриха III. Знаменитый историкъ мечталъ, что по слову императора нѣмецкій гарнизонъ

покинетъ Страсбургъ и среди восторженныхъ криковъ эльзасскаго населенія продефилируетъ по направленію къ Кельскому мосту.

Прекрасная мечта, объ исполненіи которой пріятно думать, даже не принимая во вниманіе всѣхъ тѣхъ счастливыхъ послѣдствій, къ которымъ привело бы подобное событіе. Каждый можетъ создавать въ своемъ воображеніи самыя разнообразныя комбинаціи для разрѣшенія этой проблемы, невозможно только предположить, чтобы германскій императоръ возвратилъ Эльзасъ Франціи. Онъ принужденъ считаться съ чувствами своего народа, а германскій народъ не понялъ бы подобнаго самоотверженія, полагая, что оно не могло зародиться даже и въ мысляхъ государя, который до сихъ поръ не проявилъ ничѣмъ своей гуманности. Но да позволятъ мнѣ предложить другой планъ. Императоръ не можетъ возвратити намъ Эльзасъ и нанести этимъ обиду героямъ 1870 года. Но онъ можетъ его намъ подарить. Мы охотно дадимъ за него самую дорогую цѣну. Франція могла бы въ обмѣнъ уступить Германіи одну изъ своихъ богатыхъ колоній, въ чемъ Германія постоянно нуждается для расширенія своей промышленности и торговли. Напримѣръ, французскій Индо-Китай. Пусть не говорятъ намъ о важности этой имперіи, насчитывающей 20 милліоновъ жителей, тогда какъ Эльзасъ-Лотарингія имѣетъ всего только полтора милліона. Эльзасъ-Лотарингію нельзя оцѣнивать только съ точки зрѣнія числа жителей и занимаемаго ею пространства въ квадратныхъ километрахъ, она имѣетъ, кромѣ того, не поддающуюся оцѣнкѣ, моральную стоимость и, несомнѣнно, многіе изъ французовъ съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись бы къ подобному обмѣну. Или, быть можетъ, при наступленіи неизбежнаго раздѣла Австріи, Франція допустила бы завершеніе «Великой Германіи» присоединеніемъ Австріи и Вѣны, — но въ обмѣнъ на это распространеніе Германіи къ востоку, она взяла бы назадъ Эльзасъ-Лотарингію. Допустимъ, наконецъ, что Эльзасъ, сдѣлавшись, какимъ бы то ни было образомъ, снова французскимъ, будетъ нейтрализованъ, что всѣ укрѣпленія въ немъ будутъ уничтожены и всякое передвиженіе войскъ въ его предѣлахъ запрещено. Полагаю, что онъ не будетъ на это сѣтовать. Западная же Германія будетъ гарантирована также какъ и въ настоящее время, даже скорѣе больше, отъ всякаго французскаго вторженія. Но это все мечты, и притомъ далекаго будущаго. Онѣ основаны на слишкомъ неопредѣленныхъ предположеніяхъ, чтобы заслуживать серьезнаго обсужденія. Къ тому же, въ данный моментъ, германскій императоръ строитъ новые форты вокругъ Меца, и очень мало вѣроятія, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать этотъ подарокъ Франціи.

П р у с с к а я Г е р м а н і я .

Обращаясь къ реальнымъ фактамъ, можно допустить, что присоединеніе Эльзаса и съ германской точки зрѣнія было ошибкой, если только не преступленіемъ со стороны князя Бисмарка. Поэтому необходимо, чтобы историки пока воздержались бы отъ окончательнаго сужденія объ этой личности. Онъ не желалъ, чтобы Германія добровольно закончила свое объединеніе, и въ 1849 онъ вмѣстѣ съ княземъ Вильгельмомъ, будущимъ императоромъ, совѣтовалъ королю Фридриху-Вильгельму IV отказаться отъ императорской короны, которую ему предлагалъ франкфуртскій парламентъ. Этотъ король, слабохарактерный, но съ живымъ воображеніемъ, имѣлъ достаточно поводовъ медлить съ

отказомъ; принявъ эту «корону изъ крови и грязи», онъ, быть можетъ, оказался бы болѣе дальновиднымъ, чѣмъ «железные люди», которые наслѣдовали его власть. Бисмаркъ и Вильгельмъ I хотѣли, чтобы объединеніе Германіи было совершенно Пруссіей и въ пользу Пруссіи. Они задумали произвести это объединеніе путемъ насилія, а не добровольнаго соглашенія. Они, конечно, были плохіе германцы, несмотря на всю славу, которая окружаетъ ореоломъ ихъ имена. Они были чужими для своего времени, это ошибка, въ которой можно ихъ уже упрекнуть; въ угоду народнымъ желаніямъ они топтали ногами національныя традиціи. Они присоединили провинціи, нарушили право и грубо объявили превосходство несправедливой силы. Они вели себя, какъ предводители варваровъ въ средніе вѣка. Не можетъ быть, чтобы ихъ твореніе не получило бы возмездія. Въмѣсто солидарности только призракъ ея—это, можетъ быть, и есть справедливое возмездіе. Эльзась-Лотарингія остается живымъ символомъ и карой за то политическое распутство, въ которомъ окончательно завязла Германія. Современная Германія не есть нѣмецкая Германія, свободная и миролюбивая, которую великіе нѣмецкіе патриоты 1848 гѣда, уважающіе прошлое, имѣли почти законченной. Они желали Германію единую и сильную, но вмѣстѣ съ тѣмъ они хотѣли сохранить для нея свои старинныя муниципальныя и провинціальныя вольности, свои свободные торговые города, свой особенный столь живой и разнообразный строй жизни, свой свободный и свободомыслящій Виртембергъ, свою мечтательную католическую Баварію, свою трудолюбивую Саксонію, ученыхъ и артистовъ, наконецъ, свою промышленную Вестфалію, свои прирейнскія гѣса и земли. До нѣкоторой степени всѣ эти особенности существуютъ и въ настоящее время, но уже значительно ослабленныя и сглаженныя единообразіемъ гражданскаго и военнаго управленія, для котораго Германія не была создана. Если бы представители германскаго народа имѣли въ 1848 г. успѣхъ, то Германія не имѣла бы Эльзаса, но зато она сохранила бы всѣ свои основныя черты исторической эволюціи безъ Пруссіи и дружеское отношеніе къ Франціи, которая всегда содѣйствовала ея свободному развитію. Германія 1848 года,—на самомъ дѣлѣ болѣе германская, чѣмъ германская имперія 1871 года,—осталась бы, безъ сомнѣнія, другомъ Франціи и тогда карта Европы была бы измѣнена. Несмотря на это, Германія сдѣлалась прусскою. Германская Имперія, объявленная въ Версалѣ въ январѣ 1871 года, была произведеніемъ прусскаго оружія, посвященнымъ нѣмецкимъ князьямъ, но отнюдь не добровольнымъ дѣломъ германскаго народа. Прусскій король Вильгельмъ I былъ даже на столько мало германцемъ, что долго колебался принять эту новую корону, болѣе довѣряя старой королевской коронѣ, которую онъ получилъ отъ своихъ предковъ и блескъ которой боялся омрачить.

Нужна была вся настойчивость его канцлера, чтобы побѣдить его сопротивленіе. Германія согласилась на рабство. Всѣ германцы облеклись въ прусскій военный мундиръ и старая германская свобода не могла уже существовать при новомъ режимѣ. Ослабленная военной славой, Германія позабыла свои старинныя вольности подобно тому, какъ Франція была ослаблена въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ побѣдами Наполеона.

Но никто не въ силахъ вырвать съ корнемъ безсмертныя сѣмена германской свободы. Она вырастетъ снова, хотя бы весь свѣтъ противодействовалъ этому, и она разрушитъ разноплеменное строеніе прусскаго государства. Конституція, которую Бисмаркъ далъ Германіи.

такъ же безразсудна и никуда не годится, какъ тѣ территоріальныя границы, которыя были даны имъ имперіи. Въ управленіи Германіей, какъ и Эльзасомъ, его участіе отмѣчено тѣми же чертами реакціонной жестокости и полнаго незнакомства съ потребностями данной эпохи. Бисмарковская конституція, повторяемъ, очень плоха. Германская имперія, согласно этой конституціи, не представляетъ ни абсолютной монархіи, ни демократической. Скорѣе она монархическая и ея демократическіе признаки существуютъ только для того, чтобы обманывать германцевъ и заставлять ихъ вѣрить, что они обязаны Пруссіи такъ же свободой, какъ и объединеніемъ. Но можетъ ли долго продолжаться этотъ обманъ? Полагаясь на силу, князь Бисмаркъ призналъ только право оружія. Для него, однако, было невозможнымъ отрицать вліяніе демократіи, созданное французской революціей. Онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, дисциплинировать демократію, подчинить своей волѣ и своимъ принципамъ. Онъ предполагалъ ее навсегда обезсилить и, повидимому, вѣрилъ въ успѣхъ своего намѣренія. Онъ учредилъ германскій рейхстагъ, избираемый всеобщей подачей голосовъ и представляющій такимъ образомъ національную волю. Онъ ограничилъ его обязанности и организовалъ контроль надъ его дѣйствіями при помощи Бундесрата, составленнаго изъ представителей германскихъ государей и такимъ образомъ являющагося представителемъ ихъ желаній, причемъ воля короля прусскаго уравниваетъ голоса всѣхъ остальныхъ членовъ этого союза. Наконецъ, надъ волей націи и волей государей была поставлена воля императора и его канцлера, самодержавная, сильная, по двойному праву: отъ Бога и побѣдоноснаго оружія. Она превосходить во всемъ національную волю, которая никогда бы не смогла создать единство имперіи и которая должна выражаться только въ мудрости и силѣ короля. Въ Германіи народъ всегда на положеніи малолѣтняго. Ныдолго еще, быть можетъ, политика Бисмарка и побѣды маршала Мольтке замедлили расцвѣтъ германскихъ вольностей. Такимъ образомъ то же оружіе, которое нанесло смертоносное пораженіе Франціи и лишило ее Эльзасъ-Лотарингіи, удерживаетъ свободный полетъ германскаго народа. Эльзасъ и свободная Германія были поражены въ одно и то же время. Ударъ, разбившій французскую границу, отозвался и на Германіи, что эта послѣдняя сознала слишкомъ поздно. Современная германская конституція есть такимъ образомъ анахронизмъ, который долженъ быть исправленъ. Это исправленіе не можетъ быть сдѣлано Гогенцоллернами. Они упустили въ 1849 году случай превратиться въ конституціонныхъ королей и сдѣлаться такимъ образомъ народными вождями современной Германіи. По волѣ Бисмарка они остались суверенами въ силу божественнаго права; заключенные имъ въ тюрьму прошлаго, они останутся тѣми же, иначе они не будутъ существовать вовсе. Ихъ историческая роль, впрочемъ, уже окончена. Они имѣли историческую миссію выковать силою своего оружія тѣло германскаго народа. За это имена ихъ будутъ покрыты славой въ глазахъ потомства. Однородную задачу преслѣдовали во Франціи Капетинги, которые стремились образовать союзъ изъ опредѣленныхъ провинцій. Но чтобы завершить образованіе французскаго народа, чтобы заставить при помощи свободы биться сердце въ этомъ устроенномъ уже тѣлѣ,—нужна была революція. Будетъ нужна революція, чтобы закончить и образованіе Германіи; мирнымъ или насильственнымъ путемъ совершится эта революція, но Германія ее не избѣжитъ, ибо она должна слѣдовать общимъ законамъ историческаго развитія.

Население Саксонии, Баварии, Виртемберга и Вестфалии будет опять продолжать свой путь къ прогрессу, прерванный великими войнами XIX вѣка. И когда Германия опять сдѣлается истинно германской, когда она перестанетъ быть гигантской прусской казармой, когда въ германскомъ тѣлѣ, созданномъ Гогенполлернами, будетъ свободно трепетать германская душа, когда побѣдоносная свобода разобьетъ прусскій милитаризмъ,—свободный Эльзасъ снова сдѣлается французскимъ. Ибо всякое нарушеніе права не можетъ быть вѣчно, и народы болѣе справедливы, чѣмъ короли. Даже болѣе,—и это можетъ быть высшимъ удѣломъ Эльзасъ-Лотаринги: народы-мученики иногда бываютъ народами избранными, такъ и Эльзасъ-Лотарингія съ французской душою и нѣмецкимъ языкомъ, въ одно и то же время французская и германская, будетъ представлять образецъ союза двухъ націй, соглашеніе и социальное развитіе которыхъ и въ настоящее время необходимы всему міру. (Современная же ихъ взаимная ненависть есть гнусное изобрѣтеніе Бисмарка въ интересахъ Пруссіи). Тогда будутъ уничтожены наиболѣе «колючія» границы, какія только существуютъ въ Европѣ. Но все это только мечты отдаленнаго будущаго. А пока что, потребуется много войнъ и даже революцій.

Г л а в а II.

Италія.—Папа.—Король.—Народъ.

Объединеніе Италіи могло быть совершено папою, королемъ или народомъ. Оно было сдѣлано королемъ и въ свою пользу,—поэтому народъ и папа не признали такого объединенія. Для нихъ итальянскій вопросъ еще не рѣшенъ и три врага всегда стоятъ другъ противъ друга. Извѣстны слова по этому поводу Пія IX, когда Викторъ-Эммануиль и Гарибальди водворились въ Римѣ. «Говорятъ,—сказалъ онъ,—что здѣсь не было мѣста для двухъ, а мы вотъ помѣщаемся трое». Этотъ намекъ обозначалъ три стороны политической проблемы въ Италиі: Папство казалось сначала достаточно хорошо поставленнымъ, чтобы увлекать и направлять итальянскій народъ на путь къ объединенію. Оно имѣло на этотъ счетъ хорошо задуманный планъ. Особенно искусно предпринялъ изгнаніе «варваровъ» въ началѣ XVI вѣка Юлій II. Но управленіе дѣлами католической церкви отдалило папъ отъ внутреннихъ дѣлъ полуострова и они создали только причину его слабости и посѣяли на немъ раздоры и рабство. Между тѣмъ, преслѣдованія, направленныя Наполеономъ противъ папства, возвратили ему нѣкоторый престижъ. Это случается часто. Пруссія, на примѣръ, сильно побитая французскими войсками, сосредоточила на себѣ всѣ надежды германскихъ патріотовъ и получила, наконецъ, вознагражденіе. Когда Пій IX былъ избранъ въ 1846 году на папскій престолъ, онъ сдѣлался на нѣкоторое время центромъ всѣхъ надеждъ итальянскихъ патріотовъ. На первыхъ порахъ дѣйствительно казалось, что онъ расположенъ къ политикѣ болѣе либеральной. Уповали на то, что онъ примиритъ папство со свободой, папскій престолъ съ нѣкомъ и загладитъ вскорѣ воспоминаніе о папской тираниі Григорія XVI. Онъ уволилъ 4000 швейцарцевъ изъ маленькой папской арміи, не желая имѣть охрану изъ иностранцевъ, отворилъ тюрьмы, наполненныя его предшественникомъ и обѣщалъ населенію необходимыя реформы. Онъ назначилъ

комиссію, отчасти составленную изъ свѣтскихъ лицъ, для пересмотра гражданскаго кодекса римскихъ государствъ. Онъ занялся улучшеніемъ народнаго образованія, довѣрилъ управленіе болѣе либеральнымъ изъ своихъ приближенныхъ кардиналовъ и выказалъ сочувствіе къ парламентскому режиму. «Лучъ свѣта былъ открытъ». Добровольныя и шумныя торжества слѣдовали одно за другимъ въ честь папы-освободителя и надежды расцвѣли по всей Итали. Все это породило безпокойство и опасенія у соперниковъ папы. Республиканская партія, вожди *Молодой Итали*, мадзинисты и гарибальдійцы сильно опасались за будущее либеральныхъ идей при этой неожиданной популярности папы. Тѣ, кто предугадывалъ событія, которые на самомъ дѣлѣ не заставили себя долго ждать, и кто явился такимъ образомъ предвѣстникомъ политическаго положенія, точно опредѣлившася въ концѣ вѣка, тѣ, конечно, не вѣрили въ искренность либеральныхъ обѣщаній папы и въ возможность примирить папство и свободу, церковь и новыя теченія вѣка. Они боялись, что свобода погибнетъ въ этомъ безсознательномъ энтузіазмѣ, который повергнулъ итальянскихъ патриотовъ къ подложію папскаго престола.

Опасенія иного характера явились и у короля Пьемонта Карла-Альберта. Онъ собирался привлечь къ себѣ всѣ революціонныя силы Итали. Наблюдая за республиканцами, онъ постоянно подогрѣвалъ ихъ надежды и старался овладѣть ихъ вождями, желая быть поборникомъ національной независимости. Онъ былъ сильно смущенъ внезапной конкуренціей со стороны Піа IX и удвоилъ свой либерализмъ. Мадзини и Карлъ-Альбертъ не долго опасались революціонныхъ предпріятій Піа IX. Какъ только революція слѣдилась серьезной въ концѣ 1847 года и въ началѣ 1848, папа испугался за свое собственное существованіе и отвергъ всѣ реформы, которыя требовалъ римскій народъ. Убіиство его министра Росси окончательно порвало его связь съ національными партіями. Онъ удался въ Гаэту. Этотъ разрывъ былъ неизбѣженъ. Папа еще менѣе короля оказался способнымъ руководить революціей. Король можетъ, надѣвъ либеральную маску, обмануть на время народы, — но не папа. Онъ является абсолютнымъ противорѣчіемъ между вѣрой и наукой, между свободой мысли и безусловнымъ повиновеніемъ церковнымъ постановленіямъ и, наконецъ, между господствомъ народа и по существу божественнымъ господствомъ папы. Всѣ эти понятія непримиримы и папа возвратился къ настоящей своей роли, когда объявилъ, что онъ не можетъ примирить церковь съ современными запросами духа. Онъ предоставилъ республиканской партіи и королю Пьемонта руководство въ борьбѣ за независимость Итали. Онъ отказался служить итальянскому дѣлу и привлекъ даже противъ него иностранца. Этими поступками онъ уничтожалъ въ сердцахъ многихъ итальянцевъ привязанность къ папскому престолу, которую они такъ горячо выказывали ему въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ сошелъ со сцены одинъ изъ актеровъ въ драмѣ итальянской революціи. Онъ снова появился гораздо уже позднѣе. Король и республиканцы, завидя другъ другу, не соединились противъ общаго врага Австріи. Они были каждый въ отдѣльности разбиты. Президентъ французской республики, Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ докончилъ разрушеніе римской республики и восстановленіе свѣтской власти папы. Король и республиканцы возобновили борьбу противъ чужеземца. Республиканцы, въ отчаяніи послѣ своего пораженія въ 1848 году, предоставили себя въ полное распоряженіе короля.

Кавуръ оказался болѣе искуснымъ, чѣмъ Мадзини. Онъ поддерживалъ въ мечтательной душѣ императора Наполеона III воспоминанія стараго карбонарія и страхъ передъ покушеніями и такимъ образомъ тѣсно привязалъ его къ дѣлу объединенія Италіи. Конечно, не было въ интересахъ французскаго правительства, особенно рѣшившаго отнестись съ уваженіемъ къ римскому папѣ, ускорять образованіе на границѣ съ Альпами могущественной державы. И Тьеръ, конечно, имѣлъ поводъ упрекать его за это. Но онъ не находилъ нужнымъ осыпать бесполезными обвиненіями Наполеона III, такъ какъ объединенія Италіи безъ Наполеона и помимо его воли совершенно быть не могло. Это объединеніе явилось однимъ изъ тѣхъ неизбѣжныхъ событій, которыя всегда встрѣчаютъ въ нужный моментъ необходимаго человѣка.

Кавуру понадобилось много труда, чтобы дисциплинировать революціонную партію и Гарибальди. Онъ допустилъ ихъ поднять восстаніе въ Сициліи и взять Неаполь. Затѣмъ, подъ предлогомъ помощи онъ выслалъ регулярныя войска, которыя и заняли страну. Преданные въ сраженіи при Волтурно войскамъ неаполитанскаго короля, — гарибальдійцы были помѣщены въ резервъ. «Вы уже достаточно бились, — теперь насталъ нашъ чередъ», сказалъ имъ при этомъ Викторъ-Эммануилъ. Гарибальди удалился на Капри. Какъ онъ, такъ и республиканская партія ступевалась, не желая компрометировать дѣло итальянской независимости. Гарибальди призналъ королемъ Виктор-Эммануила, личные качества котораго привлекли къ нему громадное число гарибальдійцевъ. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни Кавуръ понялъ опасность, какая могла бы явиться въ одинъ прекрасный день для новаго королевства со стороны папскаго престола, и пожелалъ передъ смертью заключить съ нимъ окончательный договоръ (конкордаты). Онъ хотѣлъ сдѣлать Римъ столицей Италіи и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣревался обезпечить папѣ абсолютное духовное господство въ дѣлахъ итальянской церкви, совершенно независимой отъ государства. «Свободная церковь въ свободномъ государствѣ», такова была его, можетъ быть, опасная формула, — но она предполагала полный отказъ, безъ возврата и сожалѣнія, со стороны папства отъ принадлежавшей ему свѣтской власти. Таковы были мечты Кавура. Онъ умеръ въ 1871 г., не дождавшись рѣшенія этого крайне важнаго вопроса. Франція явилась послѣднимъ поборникомъ свѣтской власти папы. Императоръ предпочиталъ пустить въ дѣло ружья Шасспо, повредить результатамъ войны противъ Германіи, чѣмъ допустить итальянцевъ войти въ Римъ. Это внушила ему императрица. Онъ могъ вмѣстѣ съ тѣмъ считать себя защитникомъ французской одиннадцативѣковой традиціи, — ибо папство приписывало окончательное освященіе своей свѣтской власти Пыпину Короткому и Карлу Великому. Ненависть къ Франціи послѣ этого у итальянцевъ только усилилась. Они объяснили себѣ вступленіе французовъ въ Италію желаніемъ императора присоединить Савойю и Ницу, а не сочувствіемъ ихъ дѣлу. Конечно, демократическая Франція не придерживалась въ этомъ отношеніи той же политики, что и Наполеонъ III, который, безъ сомнѣнія, имѣлъ поводъ въ ней раскаяться.

Демократическая Франція боялась римскихъ экспедицій, такъ какъ хорошо помнила, что клерикальная политика президента Людовика-Наполеона Бонапарта повлекла за собой цѣлый рядъ репрессивныхъ законовъ. Прямо не вѣрится, чтобы французская республика вѣжкогда трудилась надъ восстановленіемъ папскаго трона. Однако, итальянцы

не совсѣмъ избавились отъ страха въ этомъ отношеніи. Нужна была реставрація монархіи во Франціи, чтобы они постигли возможность существованія такой, напр., клерикальной республики, какъ республика 1849 года. И правду говоря, никто не имѣеть права упрекать ихъ за подобныя идеи: въ прошломъ они получили уже за это серьезный урокъ. Несмотря на сочувствіе Наполеона III, папа все-таки потерялъ въ 1870 году Римъ и всякую свѣтскую власть. Предвидя это неизбѣжное событіе, онъ позаботился заблаговременно значительно укрѣпить свою духовную власть во всей католической церкви. За два мѣсяца до взятія Рима итальянцами, одновременно съ объявленіемъ франко-германской войны, вселенскій соборъ Ватикана торжественно объявилъ догматъ о непогрѣшимости папы. Это было завершеніе традиціи тридентскаго собора, разрушеніе національныхъ церквей, триумфъ ультрамонтанизма и, наконецъ, вѣнецъ произведенія иезуитовъ. Послѣдніе подъ покровительствомъ новой догмы болѣе энергично, чѣмъ прежде, стремятся къ покоренію человѣческой совѣсти, стараясь повсюду завладѣть вліяніемъ на общество и вновь забрать въ свои руки, хотя и другимъ способомъ, управленіе вселенной. Въ лицѣ ихъ молодое итальянское королевство имѣеть страшныхъ враговъ.

Царствованіе Гумберта I.

Если бы царствованіе короля Гумберта I окончилось такъ же, какъ оно началось, оно не было бы отмѣчено блестящей страницей въ исторіи. Сравненіе его съ его отцомъ Викторомъ-Эммануиломъ не могло быть для него выгодно. Этотъ былъ знаменитъ до самаго конца и пользовался всеобщей любовью, такъ что древніе сказали бы про него, что онъ любимъ и богами. Даже папа, который напутствовалъ его въ послѣднія минуты его жизни, сказалъ, что въ немъ скончались христіанинъ, король и хорошій человѣкъ. Мѣняе, чѣмъ черезъ мѣсяць послѣ его смерти скончался и Пій IX. Два новыхъ римскихъ государя, Гумбертъ I и Левъ XIII, царствовали вмѣстѣ. Но взаимное положеніе папы и короля сильно измѣнилось за 22 года. Несомнѣнно, что Италія во время управленія Гумберта I была несчастна и, конечно, не видѣла исполненія тѣхъ обѣщаній, которыя дѣлались въ предшествующее царствованіе. Несомнѣнно также, что власть папы во время Льва XIII значительно увеличилась. Такимъ образомъ, римскій вопросъ, который казался на видъ рѣшеннымъ, снова возродился, чтобы еще больше скомпрометировать дѣло Кавура и Виктора-Эммануила. Это было примѣромъ одной изъ удивительныхъ превратностей судьбы въ исторіи человѣка и народовъ. Молодое итальянское королевство было принижено, казалось, для того, чтобы пожелать очень скоро опять подняться. Будучи честолюбивымъ не по своимъ средствамъ, оно было жертвой своего славнаго прошлаго и ради приближенія къ нему погибло въ химерахъ, создавъ само для себя сильныхъ враговъ. Избалованная судьбою, распространившаяся въ нѣсколько лѣтъ отъ Альпъ до Ионическаго моря, Италія не могла допустить, чтобы итальянскія земли были еще внѣ ея границъ. Ея задоръ, который остался у ней отъ гарибальдиана, волновалъ весь Триэстъ. Необходимо было изворачиваться передъ угрозами Австріи, которую съ этого времени поддерживала Германія, благодаря союзу трехъ императоровъ. Италія обратилась тогда въ другую сторону. Ей необходимо было все время увеличиваться, опасаясь иначе увидѣть себя

недостойной независимости, которую она такъ мужественно завоевала. Она рѣшила, что ей необходимо все Средиземное море, которое жители городовъ Рима называли «*Mare nostrum*». Но времена перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ Римъ былъ императорскимъ, и другія державы захватили части изъ его наслѣдства. Франція не представляетъ уже древней римской провинціи. Она занимаетъ на сѣверѣ и югѣ Средиземнаго моря позиціи, которыя она скорѣе рѣшила бы укрѣпить, чѣмъ уступить. Она навлекла на себя зависть Италіи, которая поддерживалась къ тому же въ другомъ мѣстѣ другими обидами. Когда Франція овладѣла Тунисомъ, который былъ некогда двѣтущею провинціей императорскаго Рима, это вызвало во всей Италіи взрывъ негодованія. Итальянцы потеряли все свое хладнокровіе. Они считали себя уже прежними римлянами и захотѣли сдѣлать изъ этого дѣла національное оскорбленіе; они спали и видѣли во снѣ только мщеніе. Они безразсудно бросились въ тройственный союзъ и захотѣли сравняться въ грандіозныхъ вооруженіяхъ; они мечтали только о ссорахъ и Бисмаркъ много разъ долженъ былъ унимать воинственный пылъ Криспи.

Все это было на руку Германіи, особенно въ моментъ, когда Россія вышла изъ союза трехъ императоровъ. Для Германіи было крайне полезно, чтобы Италія сдѣлалась врагомъ Франціи. Такимъ образомъ, Франція была принуждена послать войска на альпійскую границу, освободивъ отъ нихъ границу на востокѣ. Для Германіи было выгодно, чтобы Италія не покупала болѣе ни французскихъ машинъ, ни французскихъ шелковыхъ матерій, такъ какъ Германія продавала ей, и съ большей выгодой, какъ шелковыя ткани своего издѣлія, такъ и машины собственнаго производства. Тройственный союзъ былъ однимъ изъ шедевровъ князя Бисмарка. Италія совершенно разорилась, направляя всѣ свои усилія на увеличеніе арміи и флота, чтобы показать себя достойной столь блестящей дружбы. Германія выиграла отъ этого союза гарантію болѣе безопасности для своей новой западной границы, Австро-Венгрія неожиданно усилилась, благодаря ему, на Балканахъ Босніей и Герцоговиной, и только Италія не выиграла ничего и повредила, если не своему будущему, то, по крайней мѣрѣ, своей династіи. Она не имѣла даже удовлетворенія оплатить славой тѣ вооруженія, которыя стоили ей такъ дорого; они были для нея только поводомъ къ ужаснымъ кровопролитіямъ. Но за то она имѣла государственнаго дѣятеля съ грандіозными и смѣлыми замыслами. Лавры Сципіона Африканскаго и Жюль Ферри мѣшали спать Криспи. Онъ захотѣлъ подарить своей родинѣ колониальную имперію и это желаніе оказалось новой формой, какую приняла итальянская манія величія. Никто, конечно, не станетъ осуждать подобное честолюбіе и созерцать съ удовольствіемъ несчастіе Италіи. Эти великіе замыслы есть только доказательство присутствія жизненной энергіи въ молодой Италіи.

Посмотримъ теперь, какое сдѣлала она употребленіе изъ этихъ данныхъ. Она не стала счастливой, и судьба постоянно ее преслѣдуетъ. Она совершенно неожиданно встрѣтила врага, усиленію котораго сама помогла и который ей затѣмъ измѣнилъ. Она думала воспользоваться Менеликомъ, чтобы создать великую имперію въ восточной Африкѣ, — Менеликъ же воспользовался ею, чтобы побѣдить своихъ противниковъ, затѣмъ обратился противъ нея самой и разбилъ ея армію при Адуѣ, въ мартѣ 1896 года. Адуя нанесла итальянцамъ

крайне тяжелый ударъ. Политическая карьера Криспи была испорчена и онъ унесъ съ собой всѣ красивыя мечты короля Гумберта.

Старый министръ оканчиваетъ свои дни забытый, съ тѣмъ ему такъ трудно мириться. Царствованіе короля Гумберта тянется черезъ цѣпь министерскихъ кризисовъ и революціонныхъ затрудненій. Онъ оставилъ свои надежды на будущее и вернулся, не безъ грусти, къ скромнымъ желаніямъ: загладить, насколько будетъ возможно, зло, причиненное Италіи въ прошломъ, и обуздать демократическую партію, усилившуюся вслѣдствіе ошибокъ королевскаго правительства. Быть вынужденнымъ съ трудомъ защищать тронъ въ то самое время, когда онъ состоитъ другомъ и союзникомъ германскаго императора—это крайне тяжелое испытаніе. Италія снова возвратилась къ Франціи и возобновила съ ней свои прерванные коммерческія сношенія. Соглашеніе было подписано въ 1898 году. Французскій флотъ прибылъ въ 1899 году въ воды Киліари, чтобы привѣтствовать италіянскаго короля. Гумбертъ I, отрекшійся отъ слишкомъ тяжелыхъ воспоминаній императорскаго Рима, снова почувствовалъ привязанность къ скромной колыбели династіи, къ бѣдной и лояльной Сардиніи. Онъ исправилъ свою попорченную популярность у гробницы Гарибальди на пустынномъ островѣ Капрера, куда онъ не погнушался отправиться для того, чтобы обдумать прошедшіе уже 22 года его царствованія, полные гордыхъ проектовъ и не давшіе никакихъ положительныхъ результатовъ. Быть болѣе италіянцемъ и менѣе римляниномъ—вотъ въ чемъ, можетъ быть, заключалось спасеніе его династіи. Это благоразуміе оказалось слишкомъ молодымъ для того, чтобы успѣть принести плоды. Зло, причиненное въ прошломъ, слишкомъ серьезно, и потребуетъ много времени, чтобы его залѣчить. Италія навсегда пришта къ тройственному союзу и ей крайне трудно разорвать его, а тѣмъ болѣе отказаться играть извѣстную роль между великими державами. Бремя, налагаемое этимъ союзомъ, крайне тяжело и средства страны ему не соответствуютъ. Народъ же продолжаетъ страдать, придавленный налогами и совершенно неспособный, при настоящихъ условіяхъ, улучшить свою судьбу. Онъ усталъ страдать и готовъ обвинять за все, что онъ претерпѣлъ, королевскую власть. Онъ отказывается платить налоги, оказываетъ сопротивленіе сборщикамъ и грабитъ дома богатыхъ. Онъ организуется въ тайныя общества и въ мрачныя шайки и возвращается къ разбойничеству. Народъ волнуется и много разъ уже города Италіи обогрѣлись кровью въ гражданскомъ междоусобіи, такъ что явилась даже необходимость объявить на всемъ громадномъ протяженіи королевства осадное положеніе. Но созрѣлъ ли на самомъ дѣлѣ этотъ народъ для свободы? Оправдалъ ли онъ тѣ надежды, которыя возлагали на него республиканцы 1848 года? Во многихъ провинціяхъ крайняя физическая нищета влечетъ за собой нищету моральную. Народъ влачитъ существованіе во мракѣ невѣжества; опутанный самыми невѣроятными суевѣрїями, онъ тратитъ свои средства и совершенно разоряется на покупку билетовъ позорной лотереи, учрежденной оффиціально и даже не пытается какъ-нибудь измѣнить свое положеніе. Что же дала Савойская династія этому народу, который, обладая такими удивительными качествами, какъ терпѣніе и энергія, служилъ ей вѣрой и правдой? Она истощила его и разрушила всѣ его наиболѣе благородныя мечтанія и, кромѣ того, она обезсилила его и довела до полной нищеты и упадка. Она лишилась его привязанности. Объ-

единеніе не принесло славы. Итальянскій народъ возвращается къ федерализму и провинциализму. Умственной децентрализацией, возвращеніемъ къ традиціямъ четырнадцатаго и пятнадцатаго вѣка онъ надѣется снова обрѣсти свободу и благосостояніе городовъ эпохи возрожденія. Сивилліи надѣли вѣчныя страданія, и трудолюбивый и богатый Миланъ совершенно уже проникся республиканскимъ духомъ.

Революція, которая отдала столько силъ, служа Виктору-Эммануилу и Кавуру, кажется снова принимается за то дѣло, въ которомъ потерѣло банкротство королевское правительство. Очень можетъ быть, что историческая роль итальянскаго королевства уже окончена. Оно было орудіемъ итальянской независимости, но не сдѣлалось орудіемъ матеріальнаго и моральнаго благосостоянія итальянскаго народа. Ему угрожаетъ полное банкротство. Какъ только Римъ сдѣлался снова столицей Италіи, то всѣ думали, что онъ тотчасъ же достигнетъ необыкновеннаго развитія, достойнаго его новаго назначенія, и что населеніе устремится въ городъ громадными массами. Богатыя компаніи и смѣлые предприниматели создали гигантскіе новые кварталы, широкія улицы и высокіе дома, отвѣчающіе современному комфорту. Они торопились съ постройкой, опасаясь наводненія отъ вторженія новыхъ жителей.— которые появились на самомъ дѣлѣ въ очень небольшомъ числѣ. Капиталы, вложенные въ эти постройки, не принесли ровно ничего, и многія компаніи и предприниматели понесли громадные убытки. Многіе изъ домовъ на широкихъ новыхъ бульварахъ не могли быть закончены постройкой и остаются безъ оконъ и дверей, служа ночнымъ убѣжищемъ для нищихъ. Будучи въ забросѣ въ теченіе двадцати лѣтъ, фасадъ одного дома, богато отдѣланный скульптурными украшеніями, весь почернѣлъ и обвалился, а самый домъ угрожаетъ каждую минуту рухнуть. Онъ служитъ какъ бы изображеніемъ исторіи Савойскаго дома за послѣднія двадцать лѣтъ.

Папа Левъ XIII.

Зданіе папской власти, напротивъ, производитъ болѣе величественное впечатлѣніе, чѣмъ когда-либо. Укрѣпившись въ Ватиканѣ, папство реставрировало въ немъ свой престижъ. Оно продолжаетъ воздерживаться отъ всякихъ отношеній къ королю и совершенно замкнулось въ упорной непримиримости. Такимъ образомъ, римскій вопросъ опять грозитъ тяжелыми осложненіями для Савойской династіи и даже для всей Италіи. Это снова вызываетъ опасенія на полуостровѣ. Нѣкоторые умы боятся увидѣть опять воспрянувшимъ всегда угрожающаго «ядовитаго змѣя, котораго Италія вскормила собственной грудью и ядовитое дыханіе котораго душитъ всякое проявленіе національнаго итальянскаго духа».

Подобнаго положенія не предвидѣли въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ. Когда идея національнаго государства увлекла все въ своемъ потокѣ и даже Римъ послѣ Венеціи и Неаполя, — то всѣ думали, что молодая Италія отвывъ устремится на путь либеральной демократіи и что ей не придется опасаться вліяній прошлаго. Полагали, что власти папы въ Ватиканѣ можно не придавать серьезнаго значенія. Къ ней стносились съ уваженіемъ и всѣ встали при папѣ Піѣ IX, противъ его желанія, безвѣдительно участвіе папы въ свѣтскомъ управленіи, чтобы имѣть въ этомъ нѣкоторую защиту отъ его духовной власти. Папу оставили въ Римѣ, о чемъ многіе сожалѣли, полагая, что только

*

внѣ Рима папство не могло бы себя проявить и что тогда никакая католическая власть не могла бы объявить за него крестовый походъ.

Викторъ-Эммануилъ II пожелалъ, по крайней мѣрѣ, устанавить съ нимъ *modus vivendi* удобный для обѣихъ сторонъ. Онъ полагалъ, что оно откажется отъ своихъ послѣднихъ территоріальныхъ обломковъ и предоставитъ Римъ Италіи, чтобы подняться такимъ образомъ выше всѣхъ земныхъ престоловъ и всѣхъ народовъ въ неоспоримую область, гдѣ управляетъ совѣсть. Думая такъ, онъ дѣлалъ громадную ошибку. 2-го мая 1871 года онъ принялъ законъ о гарантіяхъ, которыми объявлялась неприкосновенность личности папы. Этотъ же законъ передалъ папѣ Ватиканъ и Латеранъ и установилъ ежегодную ему выдачу въ 3.225.000 ливровъ. Папа отказался признать этотъ законъ, явившійся по волѣ итальянскаго народа, которую онъ также не признавалъ. Онъ допустилъ бы только обоюдный конкордатъ, но и относительно его онъ отказался отъ всякихъ переговоровъ до тѣхъ поръ, пока Римъ не будетъ ему возвращенъ. Король не рѣшился взять Ватиканъ такимъ же образомъ, какъ онъ взялъ Римъ. Король и папа остаются оба, каковое положеніе представляетъ только новую форму старой борьбы между имперіей и папскимъ престоломъ, воспоминаніе о которой временами должно было волновать воображеніе Виктора Эммануила и его наследника. Папа называетъ себя узникомъ въ Ватиканѣ. Но онъ узникъ добровольный, такъ какъ пользуется абсолютной свободой передвиженія. Онъ можетъ отправиться куда пожелаетъ, выѣхать изъ Рима, отправиться въ путешествіе по Италіи и даже по всему свѣту. Но онъ желаетъ доказать, что его верховная власть не уважается даже внутри Ватикана. Никогда, однако, управленіе католической церкви не встрѣчало въ исполненіи своихъ постановленій, какихъ-либо препятствій, и король смотритъ крайне снисходительно на всѣ манифестаціи Ватикана. Несомненно, что свѣтская власть и власть папы соприкасаются своими границами. Въ 1882 году напр., папа Левъ XIII имѣлъ дѣло со своимъ архитекторомъ Мартинуччи по поводу нѣкоторыхъ передѣлокъ въ Ватиканѣ. Дѣло было передано духовному трибуналу, который засѣдаетъ въ папскомъ дворцѣ. Архитекторъ былъ осужденъ. Онъ подалъ апелляцію въ римскую судебную палату и папа дождался затѣмъ рѣшенія, принятаго по этому поводу правительствомъ. Сначала правительство колебалось, но затѣмъ допустило судъ, считая свои суды выше судовъ папскихъ и отрицая въ то же время верховенство папы. Мартинуччи, тѣмъ не менѣе, былъ осужденъ. Но папа все-таки этимъ не удовлетворился и отправилъ свой протестъ во всѣ европейскія канцеляріи, гдѣ его, конечно, тщательно записали. На самомъ дѣлѣ, невозможно, чтобы въ Римѣ было два свѣтскихъ государя, иначе трудно будетъ избѣжать всякаго рода конфликтовъ. Несмотря на это, король принялъ на себя отвѣтственность за безопасность папы, и его жандармы способствуютъ къ поддержанію порядка во время большихъ паломничествъ или торжественныхъ праздниковъ въ честь св. Петра. Всѣ эти предосторожности оставляютъ папу также непримиримымъ. Онъ придерживается въ этомъ отношеніи формулы Пія IX: «Римъ не осязаетъ».

Значительная часть престижа и моральнаго воздѣйствія католической религіи обязаны символизму. Католичество не можетъ существовать болѣе безъ Рима. Глава католической церкви можетъ быть только въ Римѣ. Это внѣ всякаго сомнѣнія. Но столица Италіи также можетъ быть только въ Римѣ. Этотъ конфликтъ можетъ быть рѣшенъ только

изгнаіемъ короля или папы, что одинаково трудно. Въ то же время папа не призналъ еще новаго итальянскаго королевства. Онъ терпѣливо ждетъ и имѣетъ для этого цѣлую вѣчность, хотя для того, чтобы увидѣть конецъ Савойской династіи, особой нужды въ цѣлой вѣчности и не предвидится. Онъ даетъ инструкціи вѣрнымъ католикамъ воздерживаться отъ всякой манифестаціи, въ которой было бы признаніе, хотя и не ясно выраженное, новаго положенія вещей. Онъ запрещаетъ имъ пользоваться своими избирательными правами и они не принимаютъ участіе ни въ законодательныхъ выборахъ, ни въ какихъ-либо другихъ, такъ что палата депутатовъ не является представителемъ всего народа. Объединеніе такимъ образомъ оказывается неоконченнымъ.

Папство надѣется, можетъ быть, что въ тотъ день, когда оно броситъ въ избирательныя урны бюллетени своихъ вѣрныхъ католиковъ, оно вырветъ у парламента и короля, если король еще будетъ существовать, формальное признаніе верховенства папскаго престола въ Римѣ и заставитъ королевскую власть уступить ему свое мѣсто. Но, можетъ быть, оно надѣется и на что нибудь другое. Время кажется его союзникомъ, что видно по тѣмъ успѣхамъ, какихъ папство достигло за послѣднія тридцать лѣтъ. На самомъ дѣлѣ они обязаны способностямъ Льва XIII и тому, что онъ очень старъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду говорить о новомъ характерѣ, какой приняло папство за эти послѣдніе годы, ибо это явленіе имѣетъ общее значеніе и интересъ, далеко перепагнувшій за стѣны Рима или даже границы Італіи. Здѣсь же я хочу остановиться на томъ, чѣмъ стало папство.

Папство ничѣмъ не ослабило строгость католической догмы, оно скорѣе только болѣе точно ее опредѣлило и завершило вторичнымъ утвержденіемъ доктрины о непогрѣшимости. Эта внушающая уваженіе неизмѣняемость съ теченіемъ вѣковъ придала римской церкви удивительную силу. Догма всегда представляетъ непоколебимую скалу, на которой основана вѣра,—безразлично—отвѣчаетъ ли она требованіямъ человѣческаго разума, или нѣтъ. Папа, отказываясь въ этой области отъ всякой уступки, является непогрѣшимымъ стражемъ церкви, такъ какъ, по словамъ Христа, онъ есть камень, на которомъ она построена и съ нимъ врата ада не одолѣютъ ее. Относительно обрядности папа гораздо менѣе требователенъ и допускаетъ нѣкоторыя отступленія въ церковныхъ церемоніяхъ, а также нѣкоторые обычаи у народовъ, издавна считаеваемыхъ схизматиками, при условіи, что это нѣсколько иное символическое изображеніе будетъ только другой формой того же самаго апостольскаго вѣроученія. Исходя изъ этого положенія, Левъ XIII сдѣлалъ нѣсколько достаточно счастливыхъ попытокъ, чтобы снова приблизить къ католической церкви нѣкоторыя изъ отпавшихъ отъ нея восточныхъ церквей. Онъ окончательно не отчаявается въ томъ, что когда-нибудь можно будетъ снова уничтожить раздѣленіе церквей, что англиканскіе и лютеранскіе протестанты будутъ снова исторгнуты изъ ихъ ереси: великія перемѣны, на которыя надѣется папство, должны привести, по мнѣнію Льва XIII, къ этому объединенію. Освобожденный, такимъ образомъ, болѣе, чѣмъ Пій IX отъ непосредственныхъ заботъ объ итальянской политикѣ, Левъ XIII окинулъ взоромъ весь міръ и включилъ его въ сферу своего попеченія и своихъ притязаній. Онъ интересуется не только всѣми церквами, но и всѣми классами общества и даже населеніемъ всего земного шара. Его папство имѣетъ на самомъ дѣлѣ тотъ универсальный характеръ, который заключаетъ

въ себѣ слово—католическій. Энциклика *Regim Novagim* въ 1891 году сразу повернула церковь къ социальнымъ вопросамъ: она потребовала отъ правительства освобожденія несчастныхъ рабочихъ изъ рукъ тѣхъ спекуляторовъ, которые не дѣлаютъ различія между человѣкомъ и машиной; она заявила протестъ противъ чрезмѣрной продолжительности труда, которая, притупляя всѣ душевныя способности, совершенно истощаетъ силы человѣка и разрушаетъ его организмъ. Эта энциклика подготовила союзъ церкви и рабочихъ массъ и совершенно отдѣлила дѣло церкви отъ дѣла правящихъ классовъ и капиталистическихъ правительствъ, напуганныхъ революціей, которой папству нечего уже бояться, такъ какъ она у него ничего не отниметъ и ничего ему и не дастъ.

Такимъ образомъ Ватиканъ, весьма искусно реставрированный Львомъ XIII и постоянно поддерживаемый крайней гибкостью и неутомимымъ рвеніемъ ордена иезуитовъ, являясь, вслѣдствіе разрушенія національныхъ церквей и триумфа ультрамонтанства, главной святыней для всей католической церкви, желаетъ быть надежнымъ убѣжищемъ, гдѣ всѣ народы, по дорогѣ къ общему равенству, могли бы найти матеріальную помощь и обрѣсти спокойствіе для своей совѣсти.

Итальянская демократія.

Опасность, которую представляло папство для Савойской династии, была очень велика и она все болѣе и болѣе увеличивается.

Папство точно подстерегаетъ паденіе королевства и готовится эксплуатировать въ свою пользу революціонное положеніе, которое явится какъ результатъ этого паденія. По мѣрѣ того, какъ итальянскій народъ теряетъ привязанность къ монархическому режиму, папство все болѣе и болѣе сближается съ народомъ и старается играть передъ нимъ роль Провидѣнія. Когда въ 1898 году въ Миланѣ и въ другихъ мѣстахъ вспыхнули серьезныя волненія, которыя вызвали почти во всей Италіи осадное положеніе, правительство усмотрѣло въ этомъ содѣйствіе духовенства, по крайней мѣрѣ оно доказало, что духовенство не оставалось абсолютно нейтральнымъ. Но это не справедливо. Искусно вдохновляемое папой духовенство, несомнѣнно, сохранить скрупулезную осторожность и не ускорить неизбежныхъ событій. Самое большое, что оно можетъ сдѣлать это, ловко обнаружить какимъ-нибудь путемъ свои симпатіи къ трудящимся классамъ въ надеждѣ, что при случаѣ эти послѣдніе бросятся въ его широко раскрытыя объятія. Окажется ли справедливымъ, хотя бы отчасти, этотъ тонкій расчетъ? Въ настоящее время трудно предположить, чтобы Савойскій домъ избѣжалъ банкротства, которому онъ самъ же содѣйствуетъ. Онъ совершенно истощилъ страну, а главное совершенно потерялъ среди населенія популярность. Народъ слишкомъ великодушно далъ ему въ кредитъ глубокую привязанность, а республиканцы по собственной волѣ отказались отъ своей политической задачи и поддерживали королевство, какъ орудіе единенія и свободы. Королевская власть не сдѣлала ничего, чтобы сохранить для себя какую-нибудь выгоду отъ подобной лояльности.

Созданная революціей она могла бы скорѣе, чѣмъ любое изъ европейскихъ правительствъ, существовать очень долго, примѣнивъ къ управленію страной политикѣ либерализма и социально-экономическихъ преобразованій. Она имѣла бы своими союзниками республиканцевъ противъ клерикаловъ. А теперь она имѣетъ противъ себя и республи-

канцевъ, и клерикаловъ, дѣлающихъ уже первые шаги къ сближенію между собою. Благодаря политикѣ Льва XIII, папство для нѣкоторыхъ уже перестало быть врагомъ, который вызвалъ когда-то сильный гнѣвъ Гарибальди. На кого же опереться можетъ для своего спасенія Савойская династія? Конечно, не на капиталистическую буржуазію, которая до сихъ поръ благодаря запутаннымъ и неустойчивымъ министерскимъ комбинаціямъ, находится на сторонѣ парламентскаго большинства. Точно также нельзя надѣяться и на союзъ съ Германіей, который сначала обѣщавъ итальянскому народу какія-то заманчивыя перспективы по дорогѣ къ славѣ и ничего не далъ до сихъ поръ, кромѣ фантасматическаго миража. Власть короля Гумберта I уже является для Италіи почти властью иностранца. Нужно ли, при такихъ обстоятельствахъ, предсказывать итальянскую республику, единую или федеральную, на судьбы которой папа оказывалъ бы свое авторитетное вліяніе, направляя своихъ вѣрныхъ католиковъ къ избирательнымъ урнамъ, республику теократическую, которая возвратила бы папѣ Римъ и исходатайствовала бы у него особый родъ покровительства божественнаго порядка, т.-е. другими словами особое социаль-христіанское государство, въ которомъ папа раздавалъ бы по праву земныхъ блага и успокаивалъ бы мятущіяся души обѣщаніями благъ небесныхъ. Окажется ли подобная республика идеальнымъ государствомъ для развитія въ матеріальномъ и моральномъ отношеніи человѣческой жизни и будетъ ли новая Италія ядромъ этой всеобщей христіанской демократіи, которая возникнетъ, какъ мечтаютъ нѣкоторые, въ ближайшемъ будущемъ, на развалинахъ современныхъ государствъ—все это покажетъ будущее. Если же это окажется возможнымъ, если Савойская династія должна будетъ погибнуть и если революція будетъ направлена и использована въ свою пользу папскимъ престоломъ, то опасность, которой подвергается Италія, является опасностью и для всѣхъ демократій, и для всѣхъ современныхъ политическихъ обществъ.

Эта опасность проявится, быть можетъ, въ полномъ подавленіи на долгое время либеральныхъ идей въ Италіи и въ созданіи серьезныхъ затрудненій въ другихъ мѣстахъ. Это будетъ возвращеніе къ папству временъ Григорія VII или Иннокентія III. Поэтому лучше пожелаемъ Италіи остаться прежнимъ королевствомъ съ грубымъ режимомъ, чѣмъ превратиться въ папское демократическое государство. Достаточно ей заглянуть въ исторію прошлаго, чтобы снова вспомнить тѣ бѣдствія, которыя она перенесла отъ папства, политическіе раздѣлы, которые предали ее иностранцу, тотъ обскурантизмъ, въ который былъ погруженъ ея умъ въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, матеріальныя и моральныя страданія и, наконецъ, тѣ оскорбленія, которыя она такъ долго подвергалась. Необходимо вырвать ее не только изъ тисковъ бѣдности, но также и изъ мрака невежества и грубыхъ суевѣрій и, наконецъ, вывести ея умъ изъ того неподвижнаго состоянія, которое есть результатъ испанскаго и папскаго гнета. «Италія, какъ тѣло націи, уже сдѣлана, необходимо теперь сдѣлать итальянцевъ»,—сказалъ тридцать лѣтъ тому назадъ Массимо д'Азеглио. Это и составляетъ громадную задачу для настоящаго времени. Рѣшеніе этой задачи крайне необходимо и болѣе настоятельно, чѣмъ достиженіе великихъ цѣлей въ иностранной политикѣ. Всѣ свѣтлые умы хорошо это понимаютъ и отдають свои силы воспитанію народа. Они надѣются на удачу и гордятся своимъ трудомъ, который долженъ привести, по ихъ мнѣнію, къ спасенію.

Глава III.

Австро-Венгрія. — Революція 1848 года.

Австрійскій или лучше австро-венгерскій вопросъ, столь жгучій въ настоящее время, возникъ въ 1848 году, если только не надо искать его происхожденія гораздо ранѣе. На самомъ дѣлѣ онъ заключается въ самой природѣ австро-венгерскаго государства и такъ же старъ, какъ и сама Австрія. Опредѣленіе его самое простое: Австро-Венгріи угрожаетъ разложеніе, потому что она была составлена изъ элементовъ, слишкомъ различныхъ для того, чтобы быть соединенными. Но только въ 1848 году этотъ вопросъ внезапно всплылъ на поверхность и съ тѣхъ поръ онъ сильно волнуетъ весь политическій міръ. 1848 годъ вообще имѣлъ для большей части Европы серьезныя послѣдствія, хотя онъ и не проявился повсюду одинаковымъ образомъ. Этотъ годъ показалъ, что Германія и Италия, обезсиленные раздѣломъ, стремятся къ объединенію и независимости и вообще къ политической жизни. Онъ показалъ также, что Австрія, утомленная своимъ искусственнымъ объединеніемъ и стремящаяся къ свободѣ провинцій, носитъ въ себѣ зародыши разложенія и обречена на неизбѣжную гибель. Неожиданность подобнаго зрѣлища явилась повсюду большимъ сюрпризомъ. Австрія Меттерниха казалась наиболѣе устроеннымъ государствомъ въ цѣлой Европѣ. Она одна только пользовалась самымъ совершеннымъ порядкомъ, который она навязывала и другимъ и который при помощи грубыхъ полицейскихъ мѣръ только вызывалъ беспорядокъ и анархію. Австрія Меттерниха была политическимъ учрежденіемъ, которое, конечно, пользовалось уваженіемъ. Прочность его казалась способной продержаться нѣсколько вѣковъ. 29 февраля 1848 года пришли въ Вѣну первыя извѣстія о революціи 24 февраля въ Парижѣ и вызвали небольшія волненія, которыя правительствомъ были подавлены безъ особыхъ затрудненій. Но 13 марта, въ день присоединенія государствъ Нижней-Австріи, народъ, окруживъ депутатовъ, поднялъ возстаніе. Войска, тѣснимыя толпой и бомбардируемыя изъ оконъ верхнихъ этажей, стали стрѣлять. Это и послужило, какъ и на бульварѣ Капуциновъ, сигналомъ къ революціи. Въ тотъ же день Меттернихъ, совершенно такъ же, какъ и Гизо въ Парижѣ, подалъ въ отставку. Онъ долженъ былъ скорѣе оставить Вѣну, переодѣтый, чтобы не быть замѣченнымъ. Императоръ вынужденъ былъ общать вѣнцамъ созвать собраніе депутатовъ для выработки конституціи. Послѣ того, какъ Меттернихъ былъ ниспровергнутъ, а центральная власть принуждена была вступить въ переговоры съ революціонерами, сразу стали очевидными всѣ тѣ проблемы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ бьется и въ настоящее время австро-венгерское правительство. Произошло это потому, что центральная власть была единственнымъ орудіемъ политическаго единства, единственнымъ связующимъ звеномъ для столь различныхъ между собою провинцій. Она прикрывала наружнымъ административнымъ единствомъ провинціальныя или, скорѣе, національныя различія и, насколько могла, давила ихъ. Съ устраненіемъ ея, всѣ эти различія стали очевидными.

До сихъ поръ всѣ народности принуждены были молчать, но какъ только онѣ добились возможности говорить, получила ужасная какофонія отъ Эльбы до Желѣзныхъ воротъ: въ Вѣнѣ заговорили по нѣмецки, въ Богеміи по-чешски, на востокъ по-галиційски и по-русси-

НОВАЯ КНИГА

П. МИЛЮКОВЪ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Часть III (Национализмъ и общественное мнѣніе). Вып. 1, изд. ред. журн. «Миръ Божій». Цѣна 75 к. Складъ изданія: Контора журн. «Миръ Божій», Вассеская, 35.

Проектъ.

РУССКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА

общественныхъ наукъ

16, Rue de la Sorbonne, 16.

ПАРИЖЪ.

Занятія начнутся 1-го ноября 1901 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ УСТАВА ШКОЛЫ.

Цѣль учрежденія Школы.

§ 1. Согласно 2-му пункту 2-го § Устава *Русской Группы Международнаго Союза* для развитія наукъ, искусствъ и образованія *), въ Парижѣ учреждается **ВЫСШАЯ ШКОЛА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.**

§ 2. Преподаваніе въ Школѣ ведется преимущественно на русскомъ языкѣ.

§ 3. Преподаваніе состоитъ: а) изъ систематическихъ курсовъ по различнымъ отраслямъ общественнаго дѣянія; б) изъ отдѣльныхъ лекцій и рефератовъ; в) изъ практическихъ занятій, экскурсій, осмотровъ и пр.

§ 4. Профессора Р. В. Ш. О. Н. и лица, читающія при ней отдѣльныя лекціи, пользуются полной свободой преподаванія подъ своей личной отвѣтственностью и въ предѣлахъ дѣйствующаго во Франціи законодательства.

§ 5. Постояннымъ слушателямъ Р. В. Ш. О. Н. выдаются свидѣтельства объ ихъ успѣшныхъ занятіяхъ. Для полученія такого свидѣтельства требуется: а) удостовѣреніе трехъ профессоровъ Школы объ успѣшномъ ходѣ работъ кандидата; б) представленіе послѣднимъ письменной работы (по возможности напечатанной), одобренной и допущенной совѣтомъ профессоровъ къ публичной защитѣ; в) публичная защита представленной работы.

Завѣдываніе дѣлами Школы.

§ 6. Завѣдываніе дѣлами Школы принадлежит *Совету профессоровъ*, который на первое время состоитъ изъ членовъ Комитета Русской Группы Международнаго Союза, а потомъ пополняется избраніемъ.

§ 7. Советъ избираетъ изъ своей среды *Исполнительную Комиссію*, состоящую изъ пяти членовъ: предсѣдателя, двухъ товарищей его и двухъ секретарей (на одного изъ членовъ Комиссіи возлагаются и обязанности казначея). Комиссія приглашаетъ профессоровъ и лекторовъ и, сверхъ того, завѣдуетъ хозяйственной частью.

Условія пріема въ Школу.

§ 8. Школа открыта для всѣхъ и преподаваніе въ ней ведется безплатное.

§ 9. Лица, желающія считаться постоянными слушателями, для полученія свидѣтельства, указаннаго въ § 5, вносятъ свои имена въ особые списки и платятъ 10 франковъ въ годъ (или 5 франковъ въ полугодіе) за право слушанія всѣхъ курсовъ и участія во всѣхъ занятіяхъ, организуемыхъ Школой. Совету профессоровъ предоставлено освобождать отъ платы и эту категорію слушателей.

*) «Русская Группа международного союза для развитія наукъ, искусствъ и образованія ставитъ себѣ главнымъ образомъ способствованіе: а) учрежденію международныхъ школъ высшихъ научныхъ знаній и народныхъ университетовъ; б) образованію постоянныхъ центровъ для научныхъ справокъ и личныхъ сношеній между русскими и иностранными учеными, литераторами и художниками!»

Предполагаемая программа постоянных курсовъ.

- I. Философія и методологія математическихъ, физико-химическихъ и биологическихъ наукъ. *Н. Н.*
- II. Философія и методологія общественныхъ наукъ. Общая социологія. *Е. В. де РОБЕРТИ, проф. Нов. Брюссел. Унив.*
- III. Всеобщая исторія.

{	<i>М. М. КОВАЛЕВСКІЙ, быв. проф. Моск. Унив.</i>
	<i>И. В. ЛУЧИЦКІЙ, проф. Киевск. Унив.</i>
	<i>Н. И. КАРЬЕВЪ, быв. проф. Петерб. Унив.</i>
	<i>М. И. ТАМАШЕВЪ, канд. праг.</i>
- IV. Статистика и географія. *Н. Н.*
- V. Антропология и этнографія. *И. ВОЛКОВЪ, проф. Париж. Антропол. Шк.*
- VI. Сравнительное языковѣдѣніе. *Н. Н.*
- VII. Исторія религій. *И. И. ЩУКИНЪ, проф. Нов. Брюсс. Ун.*
- VIII. Исторія экономическихъ отношеній и ученій. *А. А. ИСАЕВЪ, быв. проф. Петерб. Унив.*
- IX. Исторія политическихъ ученій и учреждений. *М. М. КОВАЛЕВСКІЙ, быв. проф. Моск. Ун.*
- X. Исторія идей и учреждений гражданскаго права. *Ю. С. ГАМБАРОВЪ, быв. проф. Моск. Ун.*
(семья, собственность, наследованіе и т. д.)
- XI. Соціальная криминологія. *Н. Н.*
- XII. Исторія метафизическихъ и нравственныхъ ученій. *Е. В. де РОБЕРТИ, проф. Нов. Брюсс. Ун.*
- XIII. Исторія литературы и искусствъ. *Е. В. АНИЧКОВЪ, быв. проф. Киев. Ун.*

ПРИМЪЧАНІЕ 1. О лекціяхъ и рефератахъ по отдѣльнымъ вопросамъ, равно какъ и о практическихъ занятіяхъ, осмотрахъ, экскурсіяхъ и т. п. будутъ сдѣланы своевременныя объявленія.

ПРИМЪЧАНІЕ 2. Сверхъ поименованныхъ лекторовъ, Р. Г. М. С. рассчитываетъ на участіе въ устраиваемыхъ ею курсахъ и отдѣльныхъ лекціяхъ, *И. И. МЕЧНИКОВА, проф. въ Инстит. Пастера, А. И. ЧУПРОВА, проф. Моск. Ун., Н. А. КАРЫШЕВА, проф. Моск. Землед. Инст., В. И. СЕМЕВСКАГО, быв. прив.-доц. Петерб. Ун. М. И. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКАГО, М. М. ВИНАВЕРА, прис. пов., т. ВЕНГЕРОВА, быв. прив.-доц. Петерб. Ун. П. Б. СТРУВЕ, и т. д.*

Советъ профессоровъ на 1901/2 учебный годъ.

Почетный членъ Р. Г. М. С. Графъ Д. Н. ТОЛСТОЙ.
Предсѣдатель Р. Г. М. С. проф. И. И. МЕЧНИКОВЪ.
Товарищи предсѣдателя . . проф. М. М. КОВАЛЕВСКІЙ и Е. В. де РОБЕРТИ.
Секретари: проф. Ю. С. ГАМБАРОВЪ и писательница ИВАНЪ СТРАННИКЪ.

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА: проф. А. И. Чупровъ, А. С. Посниковъ, А. Н. Коротневъ, Н. А. Карышевъ, Д. И. Овсяннико-Куликовскій, А. Васильевъ, Н. И. Карѣевъ, И. В. Лучицкій, Е. В. Аничковъ, П. Н. Жилоковъ, В. Н. Ивановскій, Н. В. Сперанскій, Н. Н. Щукинъ, С. А. Котляревскій, И. Х. Озеровъ, И. Волковъ, д-ръ мед. Елпатьевскій, художн. Боткинъ, д-ръ мед. И. И. Башеновъ, канд. правъ М. И. Тамашевъ.

Исполнительная Коммиссія на 1901/2 уч. годъ.

Выборы въ исполнительную коммиссію отсрочены до октября текущаго года, но обязанности этой коммиссіи возложены до производства выборовъ на дѣйствующее нынѣ бюро Русской Группы Международнаго Союза для развитія наукъ, искусствъ и образованія.

Почетительный Советъ.

Сверхъ совета профессоровъ и исполнительнаго коммиссіи, при Р. В. Шк. предложено организовать еще особый почетительный советъ, въ который войдутъ русскіе и иностранныя ученые и писатели, избранные советомъ профессоровъ.

ПРИМЪЧАНІЕ. Сообщеніе всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній и объясненій по дѣламъ Р. В. Шк. беретъ на себя Евг. Вас. АНИЧКОВЪ, 11 bis, rue Faraday, Paris. На этотъ адресъ или на адресъ генер. секр. Р. Г. М. С. проф. ГАМБАРОВА, 226, Bd Raspail, должны быть обращаемы и всѣ письменныя заявленія, касающіяся Высшей Школы.

И УРСОВЪ

ГЕСКИТЪ И БОИ

М СОЦИОЛОГІА I

В. Моск. Ун.
Унн.
серб. Унн.
з.

м. Дмитров. I

АЕВЪ, бис. м

АЛЕВСКІИ, з

МБАРОВА, б

де РОБЕРТ

проф. Кис. I
просам, риз
укуръ стам

С. рачис
дѣлѣ, И I
В. Моск. Ун.
КАГО, м
ИНАВЕР
ВЕ, м м I

ГЪ.
ГОЛСТОІ
НИКОІ
ОБЕРТ
АННИ

А. Коп
нѣ, Е. В
гъ, С. А
Ботани

Г. ГИ
стѣ
звукъ

Шк.
кон-
исъ.
ГЪ-
ис.
б.
и

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

~~NOV 5 - 62 H~~

